АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИК
Е.В. ТАРЛЕ

СОЧИНЕНИЯ

X

Евг. Тарле

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИК
ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ

ТАРЛЕ

СОЧИНЕНИЯ
В
ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

АКАДЕМИК
Евгений Викторович
ТАРЛЕ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ
X

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

Е. В. ТАРЛЕ

ОТ РЕДАКТОРОВ

В настоящий том Сочинений Е. В. Тарле входят его труды, посвященные героическому прошлому русского военно-морского флота конца XVIII и начала XIX в.: «Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769—1774)» [1]; «Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798—1800)» [2]; «Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805—1807)» [3]. В том включено также последнее крупное исследование Е. В. Тарле — «Северная война и шведское нашествие на Россию» [4].

* * *

Труды Е. В. Тарле по истории русского военно-морского флота написаны на основе тщательного изучения большого количества источников, в том числе неизданных документов Центрального государственного архива Военно-Морского флота, Архива внешней политики России, Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, Центрального государственного архива древних актов. Автор изучил также шканечные журналы, фонд адмирала Спиридова, документы канцелярии адмирала Ф. Ф. Ушакова по командованию эскадрой на Средиземном море и многие другие архивные материалы. Он широко, и притом критически, использовал как мемуары участников событий, так и последующую историографию вопроса. В частности, Е. В. Тарле показал, что русская дореволюционная дворянская и буржуазная историография, без всякой критики воспроизводя свидетельства русских и иноземных аристократов и сановных карьеристов при царском дворе,

[1] Впервые опубликовано в 1945 г.
[2] Впервые опубликовано в 1945—1946 гг.
[3] Впервые опубликовано в 1948 г.
[4] Впервые опубликовано в 1958 г.

претендовавших на роль сподвижников выдающихся русских флотоводцев, во многих случаях искажала историческую правду. Так, Е. В. Тарле подверг убедительной критике «Записки» князя Ю. В. Долгорукова, пытавшегося присвоить себе заслуги боевых офицеров флота. Автор показал, что истинными творцами выдающихся побед военно-морского флота России были простые люди — матросы и офицеры,— отличавшиеся мужеством в бою и скромностью в описании своих подвигов. Он показал, что западноевропейская реакционная историография, следуя за Тьером, нарочито умаляет выдающуюся роль, которую сыграл русский флот в борьбе против вооруженных сил наполеоновской Франции на Средиземном море.

Нельзя, однако, не отметить, что отдельные положения этих работ Е. В. Тарле вызывают справедливые упреки со стороны советских историков. В частности, Е. В. Тарле недостаточно четко осветил вопрос об агрессивной сущности внешней политики и дипломатии царского самодержавия. Нельзя также признать правильным стремление автора доказать, что Ушаков превосходил Нельсона как флотоводец: оба они были выдающимися стратегами, но каждый из них был представителем своей школы, своего направления. Не всегда прав Е. В. Тарле и в оценке деятельности императрицы Екатерины II; в некоторых случаях он не доводит до конца анализ классовой сущности ее внешней политики и дипломатии.

В целом труды Е. В. Тарле — большой вклад в изучение военно-морского прошлого России.

М. И. Михайлов

* * *

«Северная война и шведское нашествие на Россию» является последним крупным исследованием Е. В. Тарле.

Вскоре же после Великой Отечественной войны Евгений Викторович задумал написать трилогию, посвященную истории борьбы русского народа против трех наиболее крупных агрессий, которым подвергалась наша Родина в XVIII—XX вв.: шведского вторжения в годы Северной войны, нашествия Наполеона во время Отечественной войны 1812 г. и немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Эту трилогию должна была объединять общая идея — показать героические усилия народных масс в борьбе за свою национальную независимость и крах попыток агрессоров поработить народы нашей страны.

Публикуемая монография — первая часть трилогии — была написана Е. В. Тарле еще в 1949 г. Однако Евгений Викторович не считал работу законченной и в течение ряда последую-

щих лет, несмотря на частое недомогание, продолжал работать над рукописью. В частности, автор имел в виду более подробно осветить вопрос о развитии промышленности, создавшей материальные предпосылки Полтавской победы, и углубить анализ положения народных масс и крупнейших антифеодальных выступлений в России, происходивших накануне Полтавской битвы,— восстаний в Астрахани и на Дону.

Смерть Е. В. Тарле прервала работу над монографией, и план создания трилогии остался неосуществленным.

Монография Е. В. Тарле «Северная война и шведское нашествие на Россию», опубликованная посмертно, является обобщающим трудом. В ней освещены действия русских войск в первый период Северной войны, а также деятельность русской дипломатии. Много места в монографии отведено освещению участия народных масс в борьбе со шведским вторжением. В центре исследования Е. В. Тарле находится наиболее важный период Северной войны — вторжение шведов в пределы России в 1708 г. и гибель шведской армии летом 1709 г. в результате разгрома ее под Полтавой. Все, что выходит за хронологические рамки этих событий, освещено менее подробно и выполняет вспомогательную роль. Это относится, например, к первой главе, излагающей события до начала вторжения, и к последней, заключительной главе, рассказывающей о последних этапах войны вплоть до Ништадтского мира.

Предшествующая историческая литература не знала исследований, в которых все три стороны войны — ход военных действий, дипломатия, участие народных масс — нашли бы достаточно полное освещение. Автор не ограничил свою задачу изложением уже известных событий и пересказом фактов, освещенных предшественниками, а предпринял упорные поиски новых документов. Среди обследованных им архивных фондов первостепенное значение имеют фонды Кабинета Петра I, Малороссийские дела, Шведские дела, Письма разных лиц на русском языке, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов, фонд Походной канцелярии А. Д. Меншикова — в архиве Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР. Привлечение новых источников позволило Е. В. Тарле осветить ряд событий с большей точностью и подробностью, чем это удавалось его предшественникам.

Несомненным достоинством монографии Е. В. Тарле является широкое использование также западноевропейских источников и литературы, в том числе источников и литературы на шведском языке. Е. В. Тарле произвел тщательную проверку фактов, сообщаемых восторженными поклонниками шведского короля, и отметил многочисленные извращения, что придало

исследованию свежесть и острую полемическую направленность.

Полтавская победа до последнего времени наиболее полно изучалась специалистами по военной истории. В настоящей работе к ее освещению приступил ученый исключительной эрудиции в различных отраслях как истории Западной Европы, так и истории России. Великие события в России излагаются Е. В. Тарле в тесной связи с тем, что происходило в Швеции, Польше и других странах. Автор нарисовал картину внутреннего положения Швеции, разорявшейся непрерывными поборами и наборами, показал состояние ее военных сил, дал яркую характеристику Карла XII как полководца и государственного деятеля. Е. В. Тарле показал также, каково было отношение к России во время похода Карла со стороны правительств других стран, особенно Англии. На этом фоне автор рисует упорную, настойчивую и осторожную политику русского правительства, создавшего новую армию и флот и постепенно переходившего от одного успеха к другому. Е. В. Тарле ярко показал также деятельность Петра, возглавлявшего эту борьбу.

В целом Е. В. Тарле удалось создать ценную работу по истории Северной войны и показать извращения и ошибочность в оценке событий, которые проявляли не только иностранные историки, враждебно относившиеся к русским победам, но подчас и такие крупные буржуазные русские историки, как В. О. Ключевский, считавший, будто Полтава явилась результатом не столько героизма русской армии, сколько ошибок Карла XII.

Агрессорам, нападавшим на Россию, казалось, что их предшественник погиб только вследствие некоторых своих досадных ошибок и неблагоприятных случайностей. Так говорил Наполеон о Карле XII, так писали о Наполеоне немецко-фашистские публицисты, так в настоящее время отзываются о «роковых ошибках» Гитлера идеологи третьей мировой войны. Е. В. Тарле показал, что бесславный конец шведской агрессии, как и других вторжений, есть прежде всего результат героизма русского народа, отстаивавшего свою независимость.

При подготовке настоящего издания текст монографии вновь сверен — при участии А. В. Паевской — по рукописям автора и источникам.

Б. Б. Кафенгауз
Н. И. Павленко

Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769-1774)

1

Прежде всего следует заметить, что к 1769 г. международная обстановка для России сложилась благоприятно, и Екатерина сумела извлечь из этой дипломатической обстановки максимальную выгоду.

Некоторые современники говорили о русской императрице, что секрет ее вечных успехов — уменье «разыгрывать» одну державу против другой. В данном случае ей удалось «разыграть» и выиграть свою сложную игру на вражде между Англией и Францией.

Угрожающим врагом была Франция, и именно поэтому главную роль в защите русского флота на его опасном пути взяла на себя Англия.

Французское правительство, руководимое Шуазелем, носилось в 1769 и 1770 гг. с мыслью выслать большой флот в восточную часть Средиземного моря и потопить эскадру Алексея Орлова. Испания согласна была в этом предприятии всецело помогать своей союзнице Франции.

Но Англия решительно этому воспротивилась. Из двух зол британский кабинет предпочел меньшее. Франция с ее реваншистскими намерениями относительно отвоевания Канады, с ее тенденциями воскресить в Индии агрессивную антибританскую политику Дюплэ казалась англичанам в этот момент опаснее, чем Россия. Да и левантийская торговля была гораздо больше в руках французов, чем в руках англичан. При этом русские вовсе не были торговыми конкурентами Англии ни в Турции, ни в Европе, и нигде вообще, а, напротив, очень выгодными для англичан поставщиками превосходного корабельного леса, пеньки, льняной пряжи, смолы и других видов сырья. Французы же, в частности марсельцы, сбывали в Турцию и во все подвластные ей страны при помощи своего громадного торгового флота многие из тех именно товаров, которые хотела бы туда сбывать Англия. Здесь совершенно необходимо

напомнить, что Екатерина уже задолго до экспедиции в Архипелаг имела все основания рассчитывать на Англию.

Нечего удивляться тому, что к неприятнейшей для себя неожиданности граф Шуазель получил довольно решительное предупреждение от британского кабинета, что Англия не потерпит франко-испанского нападения на русскую эскадру. Могучую поддержку этой «русофильской» политике оказывал всегда Вильям Питт Старший (граф Чэтем).

Он очень долго держался плана образования крепко сплоченного союза из России, Пруссии и Англии, направленного против франко-испанского соглашения. Совершенно ошибочное представление укрепилось с легкой руки С. М. Соловьева в русской историографии и даже в учебной литературе, вроде университетских курсов, будто «северная система» родилась в голове русского посланника в Копенгагене барона Корфа, а затем эта система понравилась Панину и он «усыновил себе» ее по смерти Корфа [1]. Словом, выходит так, что Россия выдвинула проект такого союза. Это повторяет, с прямой ссылкой на Соловьева, и Н. Д. Чечулин в своей диссертации [2]. Правда, Чечулин оговаривается: «Мысль о необходимости обезопасить себя союзами ввиду возможности агрессивных предприятий трех католических держав, связанных между собой договорами... вовсе не есть увлечение или фантазия, какой поддался только Панин; эта же мысль возникала и в Англии, и в Пруссии». Но эта оговорка Чечулина именно и доказывает, что он стоит все же на ложном пути в анализе вопроса о «северной системе». Вопрос об этом союзе Англии, России и Пруссии не только не был «увлечением или фантазией Панина», но вовсе не Панин был тут и инициатором. Эта мысль впервые появилась только в Англии и возникла еще до того, как окончилась Семилетняя война и как только Шуазель стал усиленно работать над привлечением Австрии к соглашению обоих Бурбонских домов — Франции и Испании.

Граф Чэтем пропагандировал эту мысль еще задолго до воцарения Екатерины, и его огромное влияние не только в Англии, но и во всей Европе было направлено именно на создание северного союза, который мог бы подорвать значение версальского двора. При этом Дания непременно должна была рано или поздно примкнуть к этому союзу трех великих держав: при своем положении на континенте, и особенно при обладании береговой полосой у Скагеррака и Каттегата, Дания должна была играть существеннейшую роль прямой морской связи между Англией, Пруссией и Россией при всяком предприятии этого будущего союза против Швеции, где влияние Франции было так сильно. Что же мудреного, если именно в Дании агитация графа Чэтема и сторонников его программы должна

была сказываться особенно сильно и иметь много приверженцев. Союз с Англией, Пруссией и Россией, если бы они приняли в свою среду Данию, мог бы принести маленькой державе очень значительные выгоды, обеспечивая ее от всегда почти враждебных ей ганзейских городов и от Швеции. Немудрено, что эта английская мысль так быстро привилась в Копенгагене и там же проникла в не очень мудрящую голову барона Корфа, который и переправил эту идею в Петербург в качестве собственного открытия: «...нельзя ли на севере составить знатный и сильный союз держав против Бурбонского союза?» и т. д. Мы видим, что даже и формулировка у него не русская, а английская: «бурбонский союз». Панин действительно ухватился за эту комбинацию. Но полной реализации этой мысли об англо-русском общем соглашении не произошло именно потому, что в России ухватился за нее больше всего только Никита Иванович, а императрица разглядела в этом «знатном союзе» одновременно с Англией и с Пруссией нечто такое, что сулило России в будущем весьма «знатные» неприятности и опасности.

В самом деле, чего желали граф Чэтем и его парламентские друзья и в 1763, и в 1764, и в 1765, и наконец, в 1766 г., когда они развили особенную энергию в работе по реализации этой «северной системы»? О чем хлопотал находившийся под влиянием Чэтема кабинет, особенно лорд Сэндвич, статс-секретарь иностранных дел? Чего домогался лорд Бокингэм, английский посол в Петербурге? И в эти первые годы царствования Екатерины и дальше, в течение всей первой турецкой войны 1768—1774 гг., руководители английской политики, как бы они ни назывались, стремились к одной главной цели, сравнительно с которой все прочие их домогательства являлись второстепенными. Им нужно было втравить поскорее Россию в войну с Францией. За это они даже готовы были подарить России остров Минорку с захваченным ими Порт-Магоном, чтобы дать русскому флоту нужную стоянку на Средиземном море, заманить в это море на постоянное пребывание русский флот и вообще обеспечить прочно и надолго дипломатическую и военную помощь англичанам со стороны Екатерины уже не только против Франции, с которой Екатерина ссорилась из-за польских и турецких дел, но и против Испании, с которой Россия никогда не ссорилась и не имела ни малейших мотивов к ссоре.

Эта установка британской дипломатии сразу же стала ясна императрице,— и посол Бокингэм очень скоро учуял, что «величавая, любезная, умная светская дама» (как ее именовали англичане в дипломатической переписке, когда не хотели называть по имени) поворачивает, куда нужно, важного, сановитого, принципиального, тугого графа Панина без всякого труда и притом с такой быстротой, что нельзя угнаться и вовремя

обернуться; и уже преемник Бокингэма, новый посол Джордж Макартни, представивший свои аккредитивные грамоты Екатерине в октябре 1764 г., нашел, к полному своему неудовольствию, что эта «светская дама» более «умна», чем «любезна», когда разговаривает о политических делах.

Но все-таки вплоть до конца турецкой войны (1768—1774 гг.) Екатерина держала себя так, чтобы не лишать британский кабинет надежд на будущее использование «северной системы» в английских, а не только в русских интересах. Слишком для нее драгоценна была в эти критические годы английская помощь.

Здесь не место говорить о тех общих причинах, которые в течение всего XVIII столетия вызывали упорную и активную борьбу французской дипломатии против русской экспансии. Заметим лишь, что, в частности, французские купцы и промышленники смотрели на русское продвижение к Черному морю и на всякие угрозы турецким владениям, как на прямую и серьезную опасность для экономических интересов Франции.

Если взять «нормальный», мирный год между двумя русско-турецкими войнами (1783), то, как считало французское правительство, в среднем все европейские державы ведут с Турцией торговлю (как импортную, так и экспортную) на общую сумму в 110 миллионов ливров в год; из них на долю французской торговли приходится 60 миллионов ливров, а на все остальные страны, вместе взятые, 50 миллионов.

Не только в полной гибели Турции, но даже в утрате ею тех или иных земель французы во второй половине XVIII века видели огромный для себя экономический вред и подрыв своего политического престижа.

Как давно уже выяснено во французской историографии, внешнюю политику королевства вели две параллельно действующие силы: официальный министр герцог Шуазель и лично король Людовик XV, действовавший через своего постоянного верного клеврета графа де Бройля.

Эта тайная дипломатия («le secret du roi» — «королевский секрет») иногда действовала в унисон с официальной, а иногда ей перечила и очень путала все расчеты Шуазеля [3]. Но в одном пункте они никогда не расходились: в упорном стремлении на всех путях становиться поперек дороги и всячески мешать Екатерине и в Швеции, и в Польше, и в Турции. Большие экономические интересы связывали французскую торговлю и промышленность с рынками турецкого Леванта, то есть со всеми странами, омываемыми Черным морем; интересы политические, борьба за влияние на севере и в центре Европы — все это заставляло Францию старого режима энергично бороться против

России в Стокгольме и в Варшаве. Но борьба эта велась неумело, растерянно, часто очень необдуманно и бездарно.

Герцог де Бройль, глава «секретной» королевской дипломатии, заставил министра иностранных дел герцога Шуазеля назначить еще в 1762 г. резидентом в Варшаву ловкого и пронырливого агента Эннена (Hennin); в Константинополе сидел другой агент «секретной политики», граф де Верженн, в Швецию был отправлен граф де Бретейль, в Гаагу — д'Аврепкур, в Петербурге действовал на скромных с внешней стороны ролях консул Россиньоль. Все они дружно и долго интриговали против политики Екатерины, организуя, снабжая деньгами и оружием польских конфедератов в Баре, подкупая направо и налево турецких сановников, подстрекая шведского короля к враждебным выступлениям против России.

Начиная примерно с 1767 г. министр иностранных дел герцог Шуазель (и до тех пор вполне согласно в этом вопросе действовавший с графом де Бройлем) выступил уже совершенно открыто в качестве инициатора коалиционного нападения на Россию. Он послал генерала Дюмурье с целым штатом офицеров и с оружием на помощь барской конфедерации и очень усилил нажим на Турцию.

Прежде всего «важно было иметь возможность бросить на тылы России не только Порту, но вместе с тем и прибрежные государства по Дунаю и Черному морю, в то время как скандинавские государства будут удерживать русских на севере». Так формулирует общую цель французской политики в конце 60-х годов XVIII века панегирист этой политики Анри Дониоль [4].

Французские агенты всегда гордились тем, как им ловко удалось подстрекнуть турок начать агрессивную войну против России в 1768 г. Вот как Эннен, агент, действовавший в Польше, восторгается Верженном, интриговавшим против России в Константинополе: «Доверие дивана не изменилось, и Верженн, когда ему было дано разрешение ввести турок в игру (mettre les turcs en jeu), в войну, для которой подали повод польские дела,— выполнил полученные им приказы, не компрометируя себя, не беря на себя ручательства за события, которые оказались такими, как он их предвидел» [5].

Другими словами, французская дипломатия толкала турок на войну против России, предвидя с самого начала, что из этого ничего для Турции хорошего не выйдет; важно было лишь помочь каким угодно способом Польше. Но и это тоже не удалось. Итак, турки были «введены в игру».

Не только сама Екатерина, но даже враждебные России государства признавали, что, бесспорно, в 1768 г. Турция мало того, что формально первая объявила войну и напала на Россию, но и на самом деле всячески провоцировала эту войну и реши-

тельно стремилась к открытию военных действий. А французский министр герцог Шуазель, не стесняясь, хвалился тем, что так ловко подстрекнул турок к началу военных действий. Французы действовали совершенно открыто, так же как польские конфедераты, ведшие в тот момент войну против России. А Пруссия и Австрия, также содействуя по мере сил скорейшему нападению турок на Россию, придерживались гораздо более прикровенного образа действий. Словом, турок обнадеживали со всех сторон. Субсидий на войну турки, впрочем, в сколько-нибудь стоящем упоминания размере не получили, но зато великий визирь и рейс-эффенди (министр иностранных дел) были осыпаны подарками со стороны версальского двора. Даже и от польских конфедератов им перепадало, хотя шедшие оттуда деньги, к живому прискорбию константинопольских сановников, в значительном проценте застревали по дороге в карманах передатчиков.

25 ноября 1768 г. русского посла Алексея Михайловича Обрезкова с главным персоналом посольства (11 человек) позвали к великому визирю, и тут Обрезкову был объявлен ультиматум: Россия должна, во-первых, немедленно вывести свои войска из Польши и обязаться не вмешиваться в польские дела, то есть в борьбу за уравнение прав православных с католиками. Мотивировалось это требование тем, что русско-польская война, происходящая на границах Турецкой империи, привела к разграблению казаками пограничных турецких городов: Балты и Дубоссар. Обрезков отказался наотрез. Тогда он со всеми товарищами был немедленно арестован и заключен в Едикуле (Семибашенный замок). Все это было подстроено, чтобы сразу же сделать невозможным мирный исход.

Началась война, которой, однако, суждено было окончиться совсем не так, как надеялись Оттоманская Порта и ее друзья.

Екатерина уже очень скоро после начала военных действий ухватилась за мысль, поданную первоначально, по-видимому, Алексеем Орловым и поддержанную Григорием Григорьевичем, его братом. Эта мысль заключалась в том, чтобы напасть на Турцию с моря и с суши — на юге Оттоманской империи — и этим создать диверсию, которая облегчила бы операции П. А. Румянцева на севере, то есть в Молдавии и Валахии.

Наметился и план ближайших действий: возбуждение восстания среди христианских народов на Балканском полуострове, в первую очередь среди греков (в Морее) и среди черногорцев, и посылка для поддержки этого восстания и для действий против турецкого флота русских военных эскадр в Архипелаг.

Перед посылкой экспедиции в Архипелаг отношения между Шуазелем и Екатериной обострились до неслыханной степени.

Князь Дмитрий Алексеевич Голицын, русский посол при версальском дворе, узнав, что французское правительство воспретило к ввозу во Францию «Наказ» Екатерины, писал вице-канцлеру князю А. М. Голицыну 2 ноября 1769 г.: «Как бы ни был я этим возмущен, я, однако, не удивляюсь. Чего-то не доставало бы этому произведению, если бы оно получило одобрение французского министра, уже давно занявшего позицию человека, порицающего, осуждающего и воспрещающего к вводу во Францию всего, что хорошо, благородно и полезно человечеству. Могла ли бы такая мелочность занимать душу министра разумного? Неужели он (Шуазель — *Е. Т.*) не может взять в толк и сказать себе, что все, исходящее от него, нисколько нас не задевает. Однако ничто не может быть яснее этого, и императрица много раз это доказывала» [6].

Воспрещение написанного Екатериной «Наказа» (признанного слишком «революционным» для Франции) было естественным добавлением к таким актам Шуазеля, как открытая военная помощь барским конфедератам в Польше.

После этих проявлений нескрываемой вражды можно было опасаться внезапных нападений со стороны французского и испанского флотов на эскадры Спиридова, Эльфинстона и Арфа, последовательно выходивших из Кронштадта и направлявшихся в Архипелаг.

Французы знали от своего деятельного и очень осведомленного агента в Турции барона Тотта (о котором так язвительно писала Вольтеру ненавидевшая барона Екатерина), что турецкие корабли во многом хороши, но что у них есть такой тяжелый изъян, как неуклюжий и медлительный руль, как неповоротливость, как плохая, устарелая артиллерия, как неустойчивость из-за слишком высоких бортов. Но во всех этих бедах французы (и прежде всего сам же барон Тотт и постоянно приезжавшие в Турцию французские офицеры и инженеры) пытались еще по мере сил помочь и помогали. Однако изменить безобразные порядки, царившие в турецком флоте, французы не могли. Впоследствии некоторые из них признавались, что им не удались в борьбе против России два дела: научить поляков военной дисциплине и убедить турок, что на военных кораблях должен командовать не тот, кто больше уплатит капитану-паше и его клевретам за получение этой должности, а тот, кто более достоин ее.

Изо всех сил стремясь воспрепятствовать русскому флоту пройти из Балтийского моря в Средиземное и имея на то материальную возможность, Шуазель не имел политической возможности это сделать: во-первых, мешали ему англичане; во-вторых, затевать новую большую войну не позволяли финансы.

Екатерина это учла и решилась организовать эту труднейшую и опаснейшую экспедицию. Когда уже все было кончено и турецкий флот покоился на дне Чесменской бухты, между русским послом в Париже Хотинским и новым французским министром иностранных дел герцогом д'Эгильоном произошел (в апреле 1772 г.) необыкновенно интересный разговор: «В самом деле, господин герцог, вам бы следовало оказать услугу туркам, как и всему человечеству, убедив Порту быть более склонной к примирению»,— сказал Хотинский. В ответ на это герцог д'Эгильон разоткровенничался совсем не по-дипломатически: «Как вы хотите, чтобы подали (Турции — *Е. Т.*) такой совет, когда ведь мы сами подтолкнули турок начать войну? Впрочем, наш кредит не очень большой. Мы сделали глупость, допустив проход вашего флота» [7]. Спустя некоторое время герцог д'Эгильон уже совсем откровенно и точно объяснил, почему Франция и впредь будет бороться против России на востоке: «Европейское равновесие легко могло бы быть нарушено, если бы вам (русским — *Е. Т.*) удалось предписать (prescrire) туркам мир на следующих трех условиях: свободное плаванье по Черному морю, порт на Черном море и независимость татар. Обеспечив за собой такие преимущества, вы скоро очутитесь в Константинополе, и кто мог бы вас оттуда удалить (déloger)?» [8]

II

Позиция английского правительства в этот критический для планов Екатерины момент имела поистине первостепенное значение. Даже если бы Англия осталась просто в позиции враждебного нейтралитета, императрица и Алексей Орлов должны были бы признать полную неисполнимость экспедиции в Архипелаг, потому что союзники турок французы ни за что не пропустили бы русский флот.

Но в том-то и дело, что помимо общих соображений, связанных с постоянным антагонизмом между Англией и Францией, у британского кабинета явилось в тот момент еще одно особое основание, по которому крайне желательно было появление русской эскадры на востоке Средиземного моря.

Англичане стремились всегда, и особенно во второй половине XVIII века, создать себе, кроме морского пути в Индию мимо мыса Доброй Надежды, еще и комбинированный сухопутно-морской путь по Средиземному морю, Нилу, затем сухим путем от Каира к Суэцу и от Суэца морем в Индию. А между тем именно о том, чтобы устроить для французской торговли этот самый путь, сильно думали и французы. Овладение Египтом, номинально принадлежавшим Турции,— вот к чему уже тогда стремилась французская дипломатия. У французов даже создa-

лась оригинальная теория: в благодарность за то, что Франция всячески мешает русским завоеваниям за счет Турции, турки должны уступить французам Египет. «Разве было бы удивительно, если бы Порта согласилась, в знак признательности, уступить нам страну, уже отделенную от (Оттоманской — *Е. Т.*) империи или, по крайней мере, дать нам право свободного плавания по Красному морю?» — писал анонимный автор «Considérations politiques» в 1783 г. [9]

Но принялись об этом мечтать французы уже после 1763 г., когда они окончательно должны были уступить англичанам Канаду. «В глазах версальского кабинета Египет был новым полем битвы против Англии; в случае занятия его нашими моряками или при организации прохождения через него наших караванов Египет должен был компенсировать потерю Канады или, по крайней мере, открыть прямой путь в сорок восемь дней из Марселя в Бомбей»,— говорит Пэнго, биограф Шуазеля — Гуфье [10].

Если мы примем все это во внимание, то поймем без всякого труда, почему Англия была прямо заинтересована в том, чтобы русский флот, явившись в восточной части Средиземного моря, отвлек и французов и турок от Египта к Морее, от интересов в Египте — к заботам о сохранении Архипелага и Балканского полуострова за Портой.

Екатерина все это учитывала и повела беспроигрышную дипломатическую игру.

Как совершенно правильно говорит один новейший английский историк, касаясь этого периода, «Англия, страна коммерсантов, нуждалась в мире, чтобы хорошо шли торговые дела». Не только в 1791 г., но и гораздо раньше дипломатических разногласий, тогда возникших, «нация ясно показала, что верные и непосредственные выгоды торговли брали верх над отдаленными надеждами на политические преимущества. Торговля с Россией была гораздо важнее для английской нации, чем равновесие европейских держав» [11].

Подавно это было так в 1769—1774 гг.

Английское правительство прибегло не только к известным демонстративным передвижениям своего флота на путях следования русского флота, но и заявило как в Париже, так и в Мадриде, что «отказ в разрешении русским войти в Средиземное море будет рассматриваться как враждебный акт, направленный против Англии» [12].

Известный историк, автор неоднократно издававшейся и у нас классической книги «Влияние морской силы на французскую революцию и империю» Мэхен сначала приводит такие факты, как починка некоторых кораблей русского флота, шедшего в Архипелаг, в английских портах Спитхеде и Портсмуте,

потом в Порт-Магоне (тогда принадлежавшем Англии) и т. п., а потом прибавляет, что эти явления «кажутся похожими на сон» позднейшим английским поколениям, помнящим Крымскую войну 1854—1855 гг. или русско-турецкую войну 1877—1878 гг., до такой степени позднейшая англо-русская вражда непохожа на вполне дружественные отношения, царившие между обеими странами в 1770 г., когда русские эскадры благодаря этому проходили из Балтийского моря в Средиземное, игнорируя французские и испанские угрозы.

Но русский флот готовил Европе в Архипелаге еще более поразительные «сны»...

III

Не очень спокойно было на душе у Екатерины при последовательной посылке эскадр Спиридова, Эльфинстона и Арфа в Архипелаг. Не говоря уже о враждебности французов, но и на английское благорасположение императрица не вполне твердо рассчитывала. Ревность, «жалузия» (la jalousie) англичан ее тревожила. «По известной всех англичан без изъятия жалузии ко всяким морским предприятиям других держав, нельзя, правда, ручаться, чтобы они внутренно и на нашу экспедицию без зависти взирать стали, тем больше, что противу ее будет их еще поощрять и некоторое опасение относительно к левантской их торговле...» Так велено было Н. И. Панину отписать русскому послу в Лондон, чтобы тот успокоил всячески британское правительство [13].

Предприятие было такое сложное, хлопотливое, такое рискованное, сопряжено с такой массой непредвиденных дипломатических случайностей и военных затруднений и препятствий, что ни адмиралам, ни морякам Спиридову, Грейгу, Эльфинстону, какими бы дельными людьми в своей области они ни были, нельзя было поручить верховное руководство им.

Екатерина знала, к кому ей следует обратиться.

Из всех людей, которые помогли ей в свое время совершить государственный переворот, Алексей Орлов не только сыграл наиболее решающую, капитальную роль, но и показал себя человеком, абсолютно ни перед чем не останавливающимся. Ни моральные, ни физические, ни политические препятствия для него не существовали, и он даже не мог взять в толк, почему они существуют для других.

Вот Петр III, которого он с Екатериной низвергли с престола, уже целую неделю сидит в запертой комнате в ропшинском дворце, и императрица не знает, что же с этим опаснейшим для нее арестантом дальше делать. То есть она-то знает, но стесняется сказать. И наперед уверена, что Алексей Орлов один только поймет ее и без слов... Он едет в Ропшу — и за обедом

бросается на низвергнутого императора и душит его заблаговременно припасенным ремнем. Проходит тридцать шесть лет, царствует уже третий год Павел,— и граф Орлов в разговоре с Натальей Кирилловной Загряжской все удивляется, как «такого урода» терпят.— «А что же прикажешь с ним делать? Не задушить же его, батюшка?» — с укором замечает Загряжская. «А почему же нет, матушка?» — с искренним удивлением отвечает Алексей Григорьевич. Он был цареубийцей в душе; это было у него вроде дурной привычки,— говорила впоследствии хорошо его знавшая Загряжская (c'était chez lui comme une mauvaise habitude). Он был гораздо умнее, храбрее, одареннее своего брата Григория Григорьевича, которого несколько лет подряд любила Екатерина и за которого она собиралась даже, по слухам, выйти замуж. Алексея она уважала гораздо больше, чем Григория, и не столько любила, сколько восхищалась его всегдашней и разносторонней оперативностью,— и боялась его. Эту боязнь заметил не только французский посол при русском дворе Сабатье де Кабр, который писал об этом в своем официальном докладе королю Людовику XV, но о том же говорят и другие свидетельства. Чего же могла страшиться всемогущая государыня, бывшая при этом женщиной очень неробкой? Трудно в точности ответить на этот вопрос. Но когда этот огромного роста атлет, этот русский былинный молодец Василий Буслаевич, Лихач Кудрявич входил в дворцовые чертоги, то Екатерина делалась другой, чем до его появления. Она его боялась, по-видимому, потому, что знала, до какой степени сам-то он абсолютно ничего не боится и ни перед чем не останавливается. Ненавидевшая его лично княгиня Дашкова в разговоре с гостившим у Екатерины энциклопедистом Дидро назвала Алексея Орлова «одним из величайших злодеев на земле». Это слишком сильно сказано. Неукротимые буйные силы жили в этом необычайном человеке, но далеко не всегда шли они на дурное. Отблеск чесменской славы озаряет его историческое имя. Он был одарен также и физической неестественной силой. До старости, уже живя на покое в Москве отставным вельможей в своем великолепном дворце, он любил при случае принимать участие в кулачных боях и нередко «ссаживал» при этом молодых бойцов, которым годился даже и не в отцы, а в дедушки. Страшный рубец, пересекавший и обезобразивший все его лицо, был им получен от сабельного удара при одном отчаянном, затеянном им побоище. Его при дворе так и называли по этому признаку «balafré» — непереводимым по-русски словом, происходящим от «la balafre», что означает «рубец». Но не красотой пробил он себе дорогу к высшим почестям, к неслыханному богатству, и не физической необъятной силой заслужил он такое положение, что в самых трудных случаях не он искал, а его искали, не он просил, а его просили,

и просительницей оказывалась иногда самодержавная владычица Российской империи.

И на этот раз, при снаряжении экспедиции из Балтики на восток Средиземного моря, Екатерине понадобились ум, хитрость, пронырливость, изобретательность Алексея Орлова, соединенные со способностью, где нужно — рискнуть, где нужно — поостеречься.

Затеваемая экспедиция уже потому не могла обойтись без Алексея Орлова, что именно Алексей Орлов с самого начала дал понять Екатерине, до какой степени может быть полезна в борьбе с Турцией помощь греков и на суше и на море.

Головоломная авантюра прибавлялась к трудному и без того предприятию! Но Екатерина, которой, вообще говоря, авантюризм был вовсе не так свойствен, как тому же Алексею Орлову, имела все основания думать, что на этот раз можно, в самом деле, попытаться выяснить, нельзя ли найти в этих далеких краях, на берегах Архипелага, неожиданных союзников.

В чем же, в сущности, был риск, даже в случае неудачи? Восставшим грекам пришлось бы худо, но положение русского флота в Архипелаге не стало бы хуже, даже если бы никакого восстания нигде и не начиналось.

Алексей Орлов и непосредственно и через брата своего Григория, тогдашнего фаворита императрицы, не переставал в своих письмах из Италии, где он находился, рисовать заманчивые картины восстания христианских подданных Порты. Екатерина решилась. Уже в 1768 г., сейчас же после объявления Турцией войны России, были приняты меры к организации постоянных сношений с греческим и славянским населением Турецкой империи. В Молдавию и Валахию был отправлен для агитации Назар Каразин, болгарин по происхождению, в Албанию — «венецианский грек» Иван Петушин, уже возивший Екатерине письма от Мавромихали из греческой области Майна (в Морее). Что это за «венецианский грек» с такими чисто русскими именем и фамилией,— в рескрипте Екатерины к графу Орлову не объясняется. В Черногорию были отправлены Эвдемирович и Белич. Все эти эмиссары оказались во многом дельными людьми. Каразину удалось поднять против турок три тысячи арнаутов и 18 октября 1769 г. даже занять Бухарест. Но в январе 1769 г., называя Орлову Каразина, Екатерина, конечно, не могла предвидеть такого быстрого успеха со стороны своего эмиссара.

Рескрипт Орлову был подписан императрицей в Петербурге 29 января 1769 г. Он является как бы ответом на письма Алексея Орлова о возможной помощи русскому делу со стороны греков и славян. Екатерина не только сообщает Орлову о принятых уже ею мерах по рассылке эмиссаров к славянам и грекам, но

и подчеркивает, что именно его, Алексея Орлова, она считает наиболее пригодным человеком для верховного руководства всем этим делом. «Мы сами уже, по предложению брата вашего генерал-фельдцейхмейстера, помышляли о учинении неприятелю чувствительной диверсии со стороны Греции как на твердой ее земле, так и на островах Архипелага, а теперь, получа от вас ближайшие известия о действительной тамошних народов склонности к восстанию против Порты, и паче еще утверждаемся в сем мнении; а потому, будучи совершенно надежны в вашей к нам верности, в способности вашей и в горячем искании быть отечеству полезным сыном и гражданином, охотно соизволяем мы по собственному вашему желанию поручить и вверить вам приготовление, распоряжение и руководство сего подвига». Так писала императрица Алексею Орлову, еще пока не назначая его верховным начальником морской экспедиции, а только поручая ему руководство агитацией среди христианских подданных Оттоманской Порты [14].

Хорошо зная, кому она пишет, Екатерина настаивает, чтобы дело повелось «тихостью», чтобы не торопиться совершать на турок нападения «малыми и рассыпанными каждого народа кучами», а подготовить общее и одновременное, по возможности, восстание всех этих балканских народов. Екатерина с ударением напоминает Алексею Орлову, что «восстание каждого народа порознь» не может быть полезно для нас, «ибо ни который из них сам по себе столько не силен, чтобы иное что произвесть мог, кроме одного набега и, так сказать, мимоходного на оном опустошении частицы ближней земли». Она уже наперед боялась того, что, как увидим, потом и случилось в Морее, где так называемые «майноты» спустились со своих гор, разграбили селения в равнинной части Мореи и скрылись затем в свои недоступные ущелья.

Екатерина предлагает Орлову войти в соответствующие сношения с Венецианской республикой, которой в награду за помощь можно посулить возвращение Мореи, некогда принадлежавшей венецианцам. Но плохо надеется Екатерина на Венецию, которая слишком боится турок и поэтому слишком уж много хитрит и «по обыкновенной ее *перетонченной политике*» всего и всех опасается [15].

Алексей Орлов просил, чтобы Екатерина прислала ему несколько государственных грамот за печатью и собственноручной подписью, в которых императрица обещала бы «включить» все восставшие против Порты народы «в будущее замирение наше с Портой».

Екатерина тотчас же выслала Орлову требуемые документы. Одновременно императрица перевела двести тысяч рублей в распоряжение Орлова на первые расходы.

Греки волновались, слухи о скором их освобождении от турок приводили их в восторг. Алексей Орлов совершенно убежден был, что как только русская эскадра появится у берегов Мореи, тотчас же весь этот полуостров будет объят пламенем восстания. Грейг видел, что медленность в плавании эскадры может сыграть в данном случае роковую роль: «Если бы можно было русскому флоту прийти несколькими месяцами ранее, пока это всеобщее воодушевление народа еще было в полной силе, турки же малочисленны и рассеяны, то весьма вероятно, что вся Морея в короткое время была бы очищена от турок и осталась в полной власти греков» [16].

Екатерина с обычной своей трезвостью мышления не очень полагалась на помощь «православных народов, подвластных Турции», о которых с таким чувством писала в рескриптах. «Признаться же должно, что в то самое время множество греков, сербин и прочие единоверные авантурьеры зачали соваться ко многим с планами, с проектами, с переговорами...» Так без всякого энтузиазма изъяснялась она в личных письмах к Алексею Орлову. И, кстати, прибавляет («мимоходом дам Вам приметить»), что один из единоверных, Степан Малый, «в канцелярии опекунства здесь дело имел и, обманув здесь, выманя алмазы у греческого купца и заложа оные, деньги взял и сам ускакал».

Но все это — дело второстепенное. Русская армия и русский флот — вот на что должна прежде всего рассчитывать и опираться Россия, когда она вынуждена вооруженной рукой отстаивать свои интересы. Греки, «сербины», черногорцы — все это, если бы пришло в движение, сильно подорвало бы возможные планы и предприятия Оттоманской Порты на севере Турецкой империи, то есть в Крыму, на Кубани и на Дунае, Буге, Днестре и на границах Польши. Но диверсия на юге Турции возможна лишь путем посылки сильного русского флота в Архипелаг. И Екатерина отваживается на это дело и снаряжает экспедицию Алексея Орлова. Она знает, что Панин, которому и вся-то турецкая война не нравится, никак не может одобрить этого далекого и отважного, многие даже думали — отчаянного предприятия. Но императрица просто игнорирует в этом случае Панина, как она его игнорировала и в других очень важных случаях. Никита Иванович узнает об экспедиции, когда уже все решено и даже некоторые важные приготовления сделаны.

Екатерина понимала, что, отправляя эскадры Алексея Орлова и адмирала Спиридова из Балтики через Скагеррак и Каттегат, Северное море, Атлантический океан, Гибралтар, Средиземное море — к берегам Мореи и островам Архипелага, она идет на очень большой риск, и что плыть придется мимо Англии и мимо берегов Франции. «Новость и важность предприятия на-

шего противу неприятеля обратят, конечно, на себя особливое внимание всей Европы, тем более, что тут общая всех полуденных держав левантская коммерция много интересована будет»,— так писала императрица в рескрипте на имя Орлова от 11 августа 1769 г. [17] Она хорошо знала, кого посылает. Умный, дерзостный, храбрый, любящий риск и ищущий риска, но вместе с тем расчетливый, не боящийся ни пули, ни ответственности, Алексей Орлов, как уже сказано, был как раз подходящим человеком для подобного головоломного задания. Но Екатерина очень хорошо знала натуру этого отважнейшего и опаснейшего из своих фаворитов, в котором сидел не только генерал, но и кондотьер, не только кавалер орденов Российской империи, но и былой новгородский ушкуйник Василий Буслаевич. Она опасалась, что он не воздержится от злоупотребления корсарством, которое так легко сбивается на морской разбой. И она настойчиво уже наперед запрещает Орлову выдавать грамоты на корсарство («арматорство»), если эти «арматоры» намерены будут нападать на торговые суда европейских держав или же народов христианских вероисповеданий, живущих под властью турок и числящихся турецкими подданными. Мотивы этого ограничения весьма понятны. В XVIII в. вопрос о праве воюющих правительств выдавать частным лицам (капитанам, судовым дельцам «арматорам») лицензии для узаконения нападения на торговые суда противника был одним из самых острых и горячо дебатировавшихся вопросов международного права. Екатерина не желала, чтобы Алексей Орлов, слишком щедро рассылая корсарские суда, возбуждал против России не только Англию и Францию, но и торговые круги Греции и всего Леванта. Она, напротив, стремилась всячески выступать в качестве покровительницы утесняемых турками христиан, а из всех этих христиан именно богатые греческие и левантийские купцы могли стать непосредственно наиболее полезными союзниками. Еще 4 марта 1769 г. императрица особым рескриптом дала Алексею Орлову обширнейшие полномочия и средства, которые ему, по мнению государыни, могут понадобиться для «скорого от вас на месте приласкания таких людей, кои между благочестивыми греческими и славянскими народами отличный кредит иметь могут» [18].

Хлопот было много. Эти «благочестивые» левантийцы и греки вели себя нередко весьма сомнительно, несмотря на все «приласкания» их, а Франция и даже «дружественная» Англия интриговали очень усиленно. Правда, их усилия порой взаимно нейтрализовались тем, что друг к другу они в тот момент относились еще враждебнее, чем к России. Да и серьезной базы в Средиземном море русским добиться было не так легко, и Екатерина собственноручным письмом (от 6 мая 1769 г.)

предупреждала Алексея Орлова, чтобы он не очень полагался на Неаполь: «Дам вам приметить, что король неаполитанский бурбонского дома и по французской дудке со своим министерством пляшет, а сия дудка с российским голосом не ладит»[19].

IV

Алексей Орлов находился в Италии, в Ливорно. Поэтому командиров для эскадр, которые одна за другой были отправлены из Балтийского моря в Архипелаг, пришлось выискивать и назначать уже без главнокомандующего всем предприятием. Но, войдя в Средиземное море, все они должны были немедленно стать под его верховное командование.

Выбор командиров эскадр в общем был удачен, в особенности нужно сказать это о командире первой эскадры Спиридове и находившемся при нем Грейге.

Григорию Андреевичу Спиридову, происходившему из старинного, но обедневшего дворянского рода, было уже пятьдесят шесть лет, когда в 1768 г. императрица решила поручить ему первую эскадру из тех, которые должны были пойти в Архипелаг.

Он был с 1764 г. вице-адмиралом и командовал кронштадтской эскадрой. Этот почетный и относительно спокойный пост достался ему после долгой, терпкой, трудной лямки, которую он тянул с пятнадцатилетнего возраста, когда стал гардемарином, а еще точнее — с десятилетнего возраста, когда записался в морские «волонтеры». Перебрасывали его то на Каспийское море, то на Азовское, то на Белое, то, наконец, в такой глубоко континентальный город, как Казань, для надзора за рубкой и доставкой корабельного леса для нужд адмиралтейства.

В Семилетнюю войну Спиридов отличился, приняв активное участие в военных действиях, предпринятых в 1760—1761 гг против прусской морской крепости Кольберга.

Спиридов был здоровья очень хрупкого, к старости болезни становились чаще и злее. Но в поход все же пошел, покинув свое место командира кронштадтской эскадры. 4 июня 1769 г. его произвели в полные адмиралы. Это была как бы наперед выданная награда.

Своей флотилией назначенный в поход Спиридов не имел оснований быть очень довольным. Из 15 судов побольше — ровно одна треть не дошла даже до Англии, а у Порт-Магона (на о. Минорке в Средиземном море) из своей эскадры Спиридов увидел лишь четыре линейных корабля и четыре фрегата. Сам адмирал на своем флагманском «Евстафии» пришел 18 ноября 1769 г. первым, а потом в течение нескольких месяцев приходилось поджидать отставшие и чинившиеся суда. Екатерину

раздражало то, что больше полугода пошло на путешествие из Кронштадта в Средиземное море. Но суда были плохи, не выдерживали больших штормов, ломались в важных частях, требовали очень долгой починки в Англии и других местах, где по пути их должен был оставлять Спиридов.

Старый морской служака не мог быть очень уверен также и в том экипаже, который посадили на его суда. Правда, в его храбрости, в его уменьи, например, вести победоносный рукопашный бой, в его способности научиться владеть морской артиллерией Спиридов не имел никаких поводов усомниться. Но много было матросов из глубины русского материка, никогда до поступления на службу не видевших моря. Они болели, многие умирали в тяжком, долгом морском походе. За первые же два месяца плавания (и притом сравнительно теплые месяцы — от конца июля до конца сентября) Спиридов потерял сто человек умершими и около 500 тяжело больными. За одну только остановку в Гулльском порту, то есть за три недели с небольшим, умерло еще 83 человека. «До сего числа еще ни один час не прошел, когда бы я без прискорбности пробыл»,— писал Спиридов, сам больной, графу Орлову в Ливорно, извещая его о своем медленном плавании.

Русская дипломатия имела основание ждать опаснейших интриг и «подвохов» со стороны французского флота,— например, специально подстроенной с провокационными целями посылки нарочито «подозрительных» купеческих судов навстречу русским эскадрам. Умысел состоял в том, чтобы при остановке или аресте этих судов русскими военными кораблями затеять ссору и нападение и задержать поход: «... для того самого, может быть, и подсылать еще будут навстречу кораблям нашим такие французские суда, кои бы свойством груза своего могли произвести сумнение и задержание в плавании их. От ненавиствующего нам Шоазеля можно по черноте характера его не только такой ожидать ухватки, но, конечно, и всякого беззакония, которое нам во вред быть может...»[20] Так писал Никита Панин русскому послу в Лондоне графу Мусину-Пушкину 29 мая 1770 г. И Спиридов, и Эльфинстон, и Арф, и Чичагов, и Грейг — все они получали в свое время эти предостерегающие напутствия, и все эти вожди пяти эскадр, посланных в 1770—1773 гг. в Архипелаг, счастливо избежали французских ловушек и козней. За Спиридовым пошла вторая эскадра, которую императрица вверила Эльфинстону.

Английский капитан Джон Эльфинстон был принят на русскую службу 30 мая 1769 г., а уже 29 июня высочайшим приказом произведен в контр-адмиралы «сверх комплекта». Ровно через две недели после этого последовал «секретный высочайший указ» адмиралу Мордвинову (от 14 июля 1769 г.), повеле-

вавший снабжать эскадру, порученную Эльфинстону, «без дальних канцелярских переписок, всем тем, чего он требовать будет» [21].

В качестве командира линейного корабля «Не тронь меня» и имея общее командование над небольшой эскадрой (из трех линейных кораблей, двух фрегатов и трех вооруженных транспортов), Эльфинстон явился в Архипелаг, куда Екатерина послала его в помощь уже пребывавшим в турецких водах Спиридову и Грейгу. Эльфинстон должен был также тотчас же по прибытии стать под верховную команду графа Алексея Орлова.

Не повезло Эльфинстону, замечу кстати, на русской службе. 16—17 мая 1770 г. он встретился с турецкой эскадрой, но турки не приняли боя и укрылись в бухте Наполи-ди-Романья. Эльфинстон сначала было попробовал блокировать в этой бухте турецкий флот, но потом раздумал и отошел ввиду подавляющего превосходства турецких сил. Уйдя, он соединился со Спиридовым, и они вместе, по настоянию Спиридова, вернулись в Наполи-ди-Романья, однако турок уже не застали: Гасан-бей со своим флотом бежал по направлению к Хиосу. Спиридов негодовал на Эльфинстона, упустившего турок, и оба адмирала очень крупно поссорились.

Спиридов с тех пор не терпел англичанина, команда его плохо понимала и не очень любила, Алексей Орлов тоже не взлюбил его. Но служебная катастрофа постигла его, как увидим, лишь после Чесмы.

Однако свое главное дело, руководство переходом порученной ему эскадры из Финского залива в Архипелаг Эльфинстон выполнил хорошо.

В начале июня 1770 г. была окончательно снаряжена и отправлена из Кронштадта в Архипелаг, в подкрепление уже раньше посланных соединений, еще третья небольшая эскадра контр-адмирала Арфа, датчанина, принятого на русскую службу.

Тут же напомним, что и этому Арфу тоже не повезло, и карьеры в России он не сделал. Но об этом — в своем месте, а пока заметим, что Арф в 1770 г., начиная свою короткую службу, все же сравнительно благополучно привел свою эскадру в Архипелаг.

Именно потому, что Арф был иностранец, Екатерина, отправляя его, сочла нужным снабдить этого контр-адмирала обстоятельной инструкцией, в которой дала краткую характеристику дипломатических отношений России со всеми морскими державами, мимо которых будет плыть эскадра на своем долгом пути из Кронштадта в Архипелаг. Этот документ в высокой степени ценен с общеисторической точки зрения.

Первой встретится контр-адмиралу Арфу Дания: «Относительно к сей короне можете вы на нее совершенно надежны

быть и входить в ее гавани», отношения самые дружественные. Дальше — Голландия, с ней тоже «доброе согласие и дружба». Нет опасности и от Англии: враг у Англии и у России общий — французы. «Об Англии справедливо можем мы сказать, что она нам прямо доброжелательная и одна из дружественнейших наших держав, потому что политические наши виды и интересы весьма тесно между собой связаны и одним путем к одинаковой цели идут». А кроме того, «имеем мы с Великобританской короной трактат дружбы и коммерции».

Мало того, уже при посылке первых двух эскадр — Спиридова и Эльфинстона — «изъяснялися мы откровенно через посла нашего с королем великобританским и получили уверение, что военные корабли наши приняты будут в пристанях его владения за дружественные». Желательно стараться избегать всяких трений с английскими морскими властями по вопросу о церемониальных салютах и т. п.

Совсем другого рода отношения у России с «бурбонскими дворами». Под «бурбонскими дворами» понимались тогда Франция, Испания и королевство Обеих Сицилий (Неаполитанское), три державы, где царствовали три линии династии Бурбонов: французская, испанская и неаполитанская. Эти три державы состояли между собой в союзе, направленном против Англии, а не против России, но так как главный член союза — Франция была решительным врагом русской политики и на Востоке, и в Польше, и в Швеции, то русский флот, вступая в Средиземное море, имел основание с сугубой осторожностью относиться к близости не только французских, но и испанских и южноитальянских берегов. «Со всеми сими бурбонскими дворами имеем мы только наружное согласие и можем, конечно, без ошибки полагать, что они нам и оружию нашему добра не желают». Однако Екатерина знает очень хорошо, что при демонстративно дружественном отношении Англии к присутствию судов русских в Средиземном море «нельзя ожидать и того, что они шествию вашему (т. е. контр-адмирала Арфа — *Е. Т.*) явно и вооруженной рукой сопротивляться стали». Но следует всячески подальше «обегать» указанные негостеприимные и подозрительные берега. Что касается Португалии, враждебной Испании и Франции, а также королевства Сардинского, то они будут скорее рады появлению российского флага. Тоскана (со своим портом Ливорно) и республика Генуэзская не делают и не будут чинить в будущем особых препятствий. А Венеция даже «желает нам внутренно добра, потому что она враждебна туркам, и только из боязни открыто не дерзает поднять против них оружие. В Венеции сидит русский поверенный в делах маркиз Маруцци, с которым и надлежит сноситься». «Если успехи наши будут важны и поспешны», то можно будет

надеяться на благоприятные известия от маркиза Маруцци. Екатерина ждала особых провокаций со стороны врагов: «Весьма легко статься может, что французы, по обыкновенному своему коварству, пошлют на встречу нашим кораблям суда свои собственные или гишпанские или неаполитанские, кои свойством паспортов и груза своего могут навести подозрение». Так вот, пусть Арф не поддается на эту провокацию![22]

Но эскадра Арфа уже не поспела, конечно, к Чесменскому бою. Она пригодилась потом при блокаде Дарданелл.

Цель экспедиции в Архипелаг была точно сформулирована в «собственном журнале» (дневнике) адмирала Грейга: «Е. И. В., желая, по возможности, усилить военные действия против турок, для скорейшего окончания войны, вознамерилась послать военный флот в Архипелаг и Левант. Цель экспедиции заключалась в том, чтоб произвесть диверсию в этих местах и беспокоить турок в той части их владений, где они менее всего могли опасаться нападения, по причине затруднений, с какими должно быть сопряжено отправление вооруженной силы от самых крайних пределов Балтики в моря, столь отдаленные». Грейг и главный начальник отправляемой в Архипелаг первой эскадры адмирал Спиридов хорошо знали, что из европейских держав «некоторые благоприятствовали этому предприятию, а другие смотрели на него с завистью»[23]. Спиридову было дано семь линейных кораблей, один фрегат, одно бомбардирское судно, четыре пинка (транспорты), два пакетбота и три галиота. Число орудий на эскадре было равно 640, команда — 5582 человека.

17 июля Екатерина посетила на кронштадтском рейде эскадру, а на другой день, 18 июля 1769 г., Спиридов вышел в море.

Шканечный журнал флагманского корабля экспедиции начинается словами: «1769 года июля 17 дня, при помощи божией начат сей журнал корабля „Трех иерархов“ под командою господина бригадира флота капитана Самойлы Карловича Грейга в пути от Кронштадта (sic! — *Е. Т.*) со флотом, который состоит в семи линейных кораблях, одного бомбардирского, одного фрегата, четырех пинов (sic! — *Е. Т.*), двух пакетботов и трех гальетов. Под главною командою господина адмирала и разных орденов кавалера Григория Андреевича Спиридова, имеющего свой флаг на корабле 66-пушечном „Св. Евстафии“»[24].

Плавание шло с замедлениями, останавливались для починки повреждений и ликвидации разных неисправностей. 12 августа к Спиридову близ острова Остергала присоединились еще четыре линейных корабля под начальством контр-адмирала Елманова. 6 сентября русский флот был уже в Копен-

гагене, где ему было оказано всяческое содействие: Дания вполне зависела в тот момент от Екатерины, ограждавшей ее независимость против всяких покушений со стороны Швеции и Пруссии. 8 сентября Спиридов покинул Копенгаген и пошел через Каттегат. Тут один из транспортов сел на мель и разбился, остальные суда прибыли в Гулль. Грейг задержался несколько у английских берегов для исправления повреждений на некоторых судах, а Спиридов прошел в Атлантический океан и лишь 12 ноября прибыл в Гибралтар, где у него, как он пишет, «был назначен рандеву» с Грейгом. Но Спиридов известил через английское купеческое судно, что он миновал Гибралтар и уже находится в Порт-Магоне. «Налившись водой» и получив все нужные припасы в Гибралтаре, Грейг немедленно вышел на соединение с адмиралом. С 4 по 12 декабря русские суда, отставшие от Спиридова, постепенно подходили к Порт-Магону.

В общем, там собралось годных к дальнейшему походу всего девять судов: пять линейных кораблей («Евстафий», «Три иерарха», «Три святителя», «Св. Януарий», «Надежда благополучия»), два шлюпа и два военных транспорта.

Здесь адмирал Спиридов получил известие о новых предначертаниях Екатерины. Во-первых, императрица назначила главнокомандующим всеми русскими морскими и сухопутными силами на Средиземном море Алексея Орлова. Во-вторых, Спиридову, поступавшему под начальство Орлова, было дано знать, что «ее величество, еще до отправления настоящей экспедиции, тайным образом повелела генералу графу Алексею Григорьевичу Орлову, находившемуся в Италии при начале войны с братом своим графом Федором Григорьевичем, стараться через посланных туда доверенных людей, узнать настоящее расположение греков в Морее и также предложить славянам и албанцам, обитающим на берегах Адриатического моря, присоединиться к восстанию, так как естественное расположение этих поколений к грабежу и военным набегам легко могло склонить их к тому» [25].

Место, где должно было начаться восстание против турок, было выбрано Екатериной и Орловым совершенно правильно: в Морее греков жило несравненно больше, чем турок, и тамошние турки, «давно отвыкшие от войны, утопали в неге и разврате». Но тут с русской стороны была совершена ошибка: агитация в Морее была поставлена Орловым еще задолго до появления эскадры Спиридова в турецких водах, и турки поэтому не были захвачены врасплох. Они уже учуяли опасность, начали готовиться, стягивали постепенно силы к полуострову Морее. Элемент внезапности, на что раньше рассчитывала императрица, был поэтому утрачен для русской игры.

V

Пока русский флот с понятной медленностью, подчиняясь необходимости, подвигался по морям к своему далекому назначению,— на Леванте, и прежде всего на Балканском полуострове и островах Архипелага, происходили свои события.

Алексей Орлов, спозаранку начавший свою антитурецкую агитацию среди славян и греков, не рассчитал правильно времени прихода русских эскадр. А вместо нужных Спиридова и Грейга к нему явилось совсем другое и абсолютно для него в тот момент бесполезное лицо — князь Юрий Владимирович Долгоруков.

Этот человек не лишен был энергии, храбрости, некоторого ума (размеры и глубину коего он склонен был, впрочем, крайне переоценивать). За свою очень долгую жизнь (сподобился же он прожить на свете девяносто лет) Юрий Владимирович сделал крупную военную и военно-административную карьеру, что при его настоящей знатности, огромных придворных связях и богатстве было не очень трудно. Но была в нем одна черта, принесшая положительный вред русскому делу именно в тот момент, когда граф Орлов готовил общее восстание против Порты, которое должно было вспыхнуть при появлении русских эскадр в Архипелаге. Эту черту князя Долгорукова можно определить как смесь поразительного легкомыслия с невероятным самомнением, заносчивостью и склонностью «соваться в воду, не спросясь броду», и браться за дела не по силам.

Прежде всего: как он очутился у Алексея Орлова? Достаточно привести то «объяснение», которое дает сам Долгоруков, чтобы сразу понять, с кем мы имеем дело: «В сие время граф Алексей Григорьевич Орлов, находясь для лечения болезни в Италии... разговаривая с славянами, венецианскими подданными, с нами единоверными, уверился, что они недовольны своим правлением (правительством — *Е. Т.*), также и их соседи черногорцы, турецкие подданные, и даже греки в Архипелаге преданы двору российскому; посему граф Орлов писал ко двору, дабы на сии народы и обстоятельства делать свои внимания (sic! — *Е. Т.*), и он представляет свои услуги, если прислан будет флот и войско, *но что он начальства не примет, если меня к нему на помощь не пришлют*»[26]. Значит, Орлову даже ни войско, ни флот не нужны, ибо если ему откажут в присылке Юрия Владимировича, то уже ничто его не утешит в отсутствии этой решающей «помощи»!

Кому приписываются эти чувства и эти слова?

Алексею Орлову, опасному, грозному, честолюбивому, на все способному, на все решающемуся человеку, связавшему уже свое имя с этой затеянной им, его братом и императрицей диверсией на юге Оттоманской империи? И почему же Орлов

готов отказаться от командования? Потому что он, ничего и никого не боящийся, боится, что ему не пришлют Юрия Владимировича Долгорукова «на помощь»! А Долгоруков был в это время лишь одним из дюжинных генерал-майоров, несмотря на одушевленный панегирик, который он пишет себе самому в своих «Записках» и который, к слову замечу, без малейшей критики перенесен был благополучно, например, в статью о нем М. Российского в «Русском биографическом словаре». Одним словом, Долгоруков напросился на эту интересную командировку. Даже при отъезде из Петербурга он успел еще налгать нечто совсем уже невероятное: ему, якобы, поднесли Анненскую ленту, «объявя, что воля императрицы, чтоб я ее надел, когда заблагорассужу (!), и при том двадцать тысяч рублей; я то и другое отказал, не успев еще заслужить никакой награды» [27].

Такими же сказаниями, сбивающими иногда на модные в XVIII столетии мемуары разных искателей приключений, а иногда на пленительные повествования Шехеразады, полны и те страницы «Записок» Долгорукова, где он сообщает о своей миссии к черногорцам. Орлов отправил его туда, дав ему немного боеприпасов.

В Черногории обстоятельства были, в самом деле, очень запутанные, и, вероятно, если бы у нас была даже серьезная, сколько-нибудь достоверная документация, то все-таки было бы нелегко разобраться в положении вещей. А у нас об этом моменте — появлении Долгорукова в Черногории — решительно ничего нет, кроме записок того же Юрия Владимировича Долгорукова, который сам себя невольно отрекомендовал читателю человеком, склада ума крайне беллетристического, так сказать. Положение в Черногории он застал весьма сложное и затейливое. Уже с 1769 г. Черногорией правил неизвестно откуда (говорили, из Австрии) явившийся авантюрист Стефан, или, как он себя с затейливым вывертом величал: «Стефан — с малыми малый, с добрыми добрый, со злыми злой». Этот Стефан, или, в просторечии, «Степан Малый», хотя и объявил себя русским царем Петром III, все-таки продолжал подписываться «Стефаном Малым».

В Петербурге знали об этом проходимце, но опасным его не считали, тем более что Степан Малый, захватив власть в Черногории, совсем стал равнодушен к престолу всероссийскому и начал жить да поживать в Цетинье, по-видимому, совсем забыв, за множеством других дел, что он, между прочим, еще и император Петр III.

Долгоруков, приехав в Цетинье, пишет о себе, будто бы он прочел на скупщине (народном собрании) письмо Екатерины, призывающее восстать против турок, будто уличил Степана

в самозванстве, будто Степана он низверг и запер в тюрьму, а потом якобы сам же его снова восстановил на черногорском правлении, ибо убедился, что Степан при всех своих пороках умнее своих подданных, так как понимает его, князя Долгорукова, а прочие черногорцы даже ничего не смыслят в русском языке и т. д. и т. д.

Все эти несуразные и нескладные выдумки Долгорукова увенчиваются окончательной бессмыслицей: Долгоруков, будто бы, восстановив Степана Малого и вернув ему бразды правления, взял с него торжественную клятву, что он будет верой и правдой отныне служить императрице Екатерине, и за это обещание уже авансом дал Степану чин русского офицера. Сам же Юрий Владимирович удостоверился, что Порта Оттоманская пообещала пять тысяч червонцев тому, кто его, Долгорукова, убьет. А посему Долгоруков, не теряя золотого времени, отбыл из Черногории навсегда.

Одним словом, абсолютно ничего из его миссии не вышло, если не считать награды, которую он получил из Петербурга на основании, очевидно, его же собственного бесстыдного лганья. Мы дальше еще увидим, что он лгал и хвастал также и своей мнимой ролью перед Чесменским боем.

Итак, черногорское дело графа Орлова провалилось. Но оставалась еще надежда на греков — как балканских (больше всего на юге в Морее), так и островных. Здесь шансы казались более благоприятными, потому что могли помочь русские десанты.

Больше всего надежд Орлов возлагал на так называемых «майнотов» — греческое племя, населяющее горы Южной Мореи. Эти воинственные горные кланы, с которыми трехсотлетнее владычество турок ничего не могло поделать, часто совершали набеги, облагали иной раз данью города и села равнинной Мореи и укрывались в своих горных недоступных ущельях.

Русский флот, по приказу Орлова, выйдя из Порт-Магона, прибыл 18 февраля 1770 г. в порт Витуло (в шканечном журнале Спиридова этот порт именуется Виттуло), расположенный как раз в местности, населенной этими воинственными майнотами.

Началась высадка русских войск и постройка галер. Восстание против турок местного населения началось почти немедленно, хотя сначала и сосредоточивалось больше всего около порта. Заложены были батареи на берегу; флот частично крейсировал и приводил захваченные купеческие корабли, везшие грузы в Турцию. К флоту присоединялись добровольно коекакие греческие суда.

Между тем высадившиеся русские отряды углубились в страну. К ним присоединилось немало греков (майнотов), оказавшихся очень хорошими воинами. Капитан Барков, командуя таким сводным отрядом из 600 русских и 500 майнотов, обратил

в бегство три тысячи турок и занял главный город Майны — Миситрию (на месте древней Спарты), а вскоре сдалась ему и крепость, где турки отсиживались всего девять дней.

При сдаче крепости русские вели себя вполне гуманно, но греки учинили страшную резню. Майноты, не знавшие законов войны, свято соблюдаемых между образованными народами, и ослепленные успехом, предались остервенению и с совершенным бесчеловечием начали резать и убивать беззащитных турок, мужчин, женщин и детей. Капитан Барков с русскими солдатами «с величайшим самоотвержением старался прикрыть и защитить турок, но без успеха: греки перебили их более тысячи человек»,— пишет в своем дневнике Грейг. Барков спас все же много турок, но «остервенение майнотов было до того велико, что они начали стрелять из ружей по русским часовым». Город был дочиста разграблен майнотами.

Отряд Баркова быстро увеличился после взятия Миситрии и дошел до восьми тысяч человек. Майноты, присоединившиеся к русским, оказались очень мало способными к русской дисциплине. Продолжая поход, Барков подошел к городу Триполице, но здесь турецкий гарнизон, узнав о страшной участи турок в Миситрии, решил сражаться до последней капли крови. Произошла битва, в которой майноты были разбиты наголову и бросились наутек, оставив русских без всякой помощи. Русские после тяжких потерь пробились в небольшом количестве к Миситрии, которую удержали в своих руках. Так же, в общем, безрезультатными были и поиски другого маленького русского отряда князя Долгорукова, вернувшегося уже из Черногории.

Не успел Долгоруков как следует начать свои поиски, как ему велено было идти к крепости Наварино. Дело в том, что адмирал Спиридов решил овладеть этим удобным портом, чтобы здесь расположить надолго русский флот. Он решил осадить Наварино с суши и с моря. 24 марта 1770 г. бригадиру артиллерии Ганнибалу было велено с двумя кораблями («Св. Януарий», «Три святителя») и одним фрегатом («Св. Николай») идти в Наварино.

Войдя в залив, Ганнибал открыл артиллерийский обстрел крепости, и турецкий губернатор сдал город и крепость на капитуляцию. 10 апреля русские войска заняли Наварино.

Так *впервые* Наваринский порт вошел в летописи русских военно-морских побед, задолго до знаменитой битвы 1827 г. Как известно, Пушкин очень гордился подвигом своего деда, и, говоря об арапе Петра Великого Абраме, великий поэт писал:

И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь чесменских пучин
Громада кораблей вспылала,
И пал впервые Наварин.

Наваринский порт стал временно базой русского флота. Но осаду с других укреплений (в Короне, в Модоне) пришлось снять, так как турки прислали на помощь гарнизонам многотысячные подкрепления.

14 апреля 1770 г. из Ливорно в Корону (порт был в русских руках, а крепость — в турецких) прибыл Алексей Григорьевич Орлов, приведший с собой один линейный корабль («Три иерарха»), один фрегат («Надежда»), один пакетбот и несколько более мелких судов. Орлов решил немедленно свезти с берега на корабли артиллерию «и все тяжести», и 18 апреля весь русский флот был уже в Наварино, куда вскоре подтянулись и сухопутные войска, пошедшие берегом.

Порт Наварино сделался центром, где сосредоточились все русские силы. Попытка Орлова овладеть Модоной не удалась: сухопутных сил у нас было слишком мало, а константинопольское правительство в панике снимало лучшие войска с других фронтов и посылало их в Морею против русского десанта и против восставших майнотов. С этой точки зрения действия русских десантов в Морее, при видимой своей безрезультатности на этом фронте, принесли существенную военную пользу, облегчив положение войск Румянцева в северных владениях Турции. Но о занятии морейского побережья думать уже не приходилось.

Положение русских в Наварино становилось довольно критическим. Новые и новые турецкие войска прибывали в Морею и сосредоточивались в Модоне, совсем недалеко от Наваринской бухты.

С начала мая положение значительно ухудшилось. Совсем отрезав Наварино и русский флот в бухте от всякой возможности получить провиант с суши, турки вдобавок испортили водопровод, снабжавший город водой. Умножились признаки постепенного приближения большой турецкой армии. В город явился один грек, принесший известие, что большой турецкий флот из 12 линейных кораблей, нескольких фрегатов и более мелких судов собирается напасть на русскую эскадру.

Орлов, Спиридов и Грейг решили, взорвав Наваринскую крепость, выйти в море и дать генеральный бой турецким судам.

Но еще раньше, чем они привели свое решение в исполнение, греческий лазутчик принес новую, на этот раз радостную весть: русский контр-адмирал Эльфинстон прибыл в Колокинфскую бухту (с восточной стороны мыса Матапан, в Морее) с тремя линейными кораблями (80, 66 и 66 пушек), двумя фрегатами (32 и 32 пушки) и несколькими транспортами, на которых находились сухопутные войска.

VI

Эльфинстон решил уже на другой день после своего прихода в Колокинфский залив пойти разыскивать турецкий флот, о котором он узнал от греков, едва только причалил. 12 мая он снялся с якоря и направился в залив Наполи-ди-Романья, где находился весь турецкий флот, собиравшийся выйти из залива Наполи-ди-Романья. Эльфинстон не устрашился немедленно атаковать турок, хотя для первого удара у него было в распоряжении всего 3 линейных корабля и 2 фрегата, а у турок, которыми командовал высший начальник флота капитан-паша, было 10 линейных кораблей, 6 фрегатов и каравелл и несколько гребных галер и судов. Русские открыли стрельбу, но турки не приняли боя и поспешили укрыться в Наполи-ди-Романья под прикрытие береговых батарей.

Им это удалось потому, что внезапно наступил штиль, и русские корабли оказались совершенно иммобилизованными, а турецкие суда были отбуксированы гребными судами в глубину залива, к берегу. У русских в тот момент гребных судов не оказалось.

Всю ночь с 16 на 17 мая и утром 17-го продолжалось это бегство турецкого флота от противника, в четыре раза менее сильного. Но этим дело не кончилось. С 5 часов дня 17 мая задул слабый ветерок, и русская эскадра все-таки вошла в залив и снова атаковала неприятеля. Подтянулись к передовым двум кораблям еще и остальные суда, и перестрелка возобновилась.

Но Эльфинстон полагал, что при его слабых силах ничего существенного предпринять нельзя против турецкого флота, защищаемого береговой артиллерией.

Он велел своей эскадре отойти к выходу из залива и здесь как бы блокировать турок, стоявших в глубине залива. Тотчас же Эльфинстон послал одно из мелких судов, бывших в его распоряжении, в Наварино к Орлову с сообщением и стал ждать подхода всего русского флота.

Орлов из этого сообщения узнал не только о положении вещей перед Наполи-ди-Романья, но и о той ошибке, которую допустил Эльфинстон, едва только прибыв в Колокинфскую бухту. Правда, намерения Эльфинстона были самые похвальные: он поспешил послать тогда сухим путем отряд привезенных им войск в Наварино, на помощь Орлову. Но, во-первых, Орлов вовсе не так уж нуждался в этой выручке, а во-вторых, по условиям местности войска и не могли никак дойти благополучно. Орлов поэтому прежде всего послал Спиридова с транспортными кораблями в Рапилу (где Эльфинстон высадил отряд) с приказом немедленно взять этот отряд на суда. А затем

Спиридову было приказано идти на соединение с Эльфинстоном, сторожившим турок у выхода из залива Наполи-ди-Романья. Полный штиль страшно мешал и задерживал. Только 22 мая Спиридов соединился с Эльфинстоном.

24 мая оба адмирала решили открыть погоню по выходившему из залива турецкому флоту. Но турки уходили быстро и, кроме довольно безрезультатной перестрелки двух передовых русских кораблей с пятью отставшими турецкими, ничего из этой погони не получилось.

Спиридов был очень раздражен. Он обвинял Эльфинстона в нерешительном образе действий и утверждал, что можно и должно было атаковать турок еще тогда, когда они стояли в глубине залива.

С этого времени, то есть с 25 мая, почти месяц длится эта погоня русских за убегающим флотом капитана-паши. Любопытно отметить, что турецкие суда ничуть не уступали русским ни по достоинствам своей постройки, ни по силе артиллерии.

Но не могло быть и речи о сравнении личных качеств человеческого материала. Турецкие матросы были терпеливы и храбры, однако, как матросы, в большинстве случаев никуда не годились. Греческие матросы в турецком флоте понимали морское дело и морскую службу, но умирать во славу Аллаха и пророка его Магомета не испытывали ни малейшего желания и не отличались стойкостью. Албанцы, далматинцы, западные славяне были, как матросы, не хуже греков, отличались даже большей выносливостью, но, как и греки, не очень охотно сражались против русских, пришедших, как они полагали, воевать против их исконных угнетателей. Если плох и обыкновенно сомнительно настроен был личный состав команды, то с верховным руководством дело обстояло совсем неутешительно. Турецкие капитаны не очень много смыслили в своем деле и больше были склонны к морскому разбою. Правда, в свободное от этого занятия время они пытались проводить ученье матросов, но мало что из этого выходило.

Французы пробовали (уже с начала, а особенно со средины XVIII в.) посылать инструкторов в турецкий флот. Но министр Людовика XV Шуазель мог убедиться, что эта посылка инструкторов приносит турецкому флоту еще меньше пользы, чем посылка Дюмурье и французских офицеров на помощь войскам польских конфедератов.

Бились, бились эти инструкторы, но ничего поделать не могли. Турецкий командир склонен был считать свой корабль, так сказать, замкнутым хозяйством, самостоятельной экономической единицей, вроде феодального поместья, где капитан — феодал, матросы — его крепостные, доставляющие ему доход

как из утаиваемых сумм, отпускаемых на их содержание, так и своим деятельным участием в корсарстве или даже в прямых пиратских нападениях на торговые суда всех наций — и дружественных, и враждебных, и нейтральных. Совсем не похожими на общую массу турецких матросов оказались русские моряки, вписавшие в русские летописи славное имя Чесмы.

Боевой дух среди моряков, который держался там по традиции со времен Петра I, сразу же воскрес, едва только разнеслись слухи о желании государыни непременно воссоздать большой военный флот, едва только начались многочисленные командировки морской молодежи в Англию для обучения. «На сих днях,— писал Дубровский С. Воронцову 14 января 1763 г.,— прибыли сюда (в Лондон — *Е. Т.*) офицеры из Морского Кадетского Корпуса, присланные для обучения навигации и Аглинского языка числом до 10, а другие 10 еще в дороге; все имеют быть разосланы на разных кораблях в разные земли. Однако они все желают ехать в такую, где бы можно было драться, и все единогласно охоту к тому объявили. Но как им сказано было, что мир заключен между англичанами, французами и гишпанцами, и трудно найти случаи к драке, они весьма опечалились и сожалели, что больше не дерутся»[28].

Когда такой «случай» подвернулся, то отбоя не было от офицеров, просивших о назначении на эскадры, отправлявшиеся под общим командованием Алексея Орлова в Архипелаг. И, придя в Архипелаг, они покрыли русский флаг славой.

Эскадры Спиридова и Эльфинстона стояли в Рафти, ждали известий о том, куда направится главнокомандующий граф Орлов из Наварина, а пока жестоко между собой ссорились. Спиридов выражал свое неудовольствие по поводу недостаточно энергичных действий Эльфинстона, а тот полагал, что он Спиридову не подчинен и что Спиридов не имеет права делать выговоры.

Виновата была отчасти Екатерина: отпуская флотоводцев в далекое, трудное и опасное плавание, она склонна была давать им слишком широкие полномочия и лестные напутствия и инструкции, и это кружило им головы и сбивало иногда с толку. Так было с Эльфинстоном, так было впоследствии и с датчанином Арфом. Иностранцы склонны были слишком всерьез принимать любезности, которыми Екатерина Алексеевна осыпала их при проводах.

Во всяком случае, когда Алексей Орлов покинул 26 мая Наварино и после двухнедельных поисков встретился, наконец, 11 июня с эскадрами Спиридова и Эльфинстона, то он мигом навел полный порядок. Орлов заявил, что рассматривать пререкания обоих адмиралов не желает, а берет общую команду над

всем соединившимся флотом на себя и поднимает на корабле «Три иерарха» свой флаг.

Соединенный флот пошел к острову Паросу, где Орлов узнал, что три дня назад здесь побывал турецкий флот и ушел в неизвестном направлении.

Началась погоня. У Орлова в этот момент было 9 линейных кораблей, 3 фрегата, 1 бомбардирский корабль, 1 пакетбот, 3 пинка и еще 13 более мелких судов [29].

Федор Орлов писал 26 мая Екатерине, что «он со Спиридовым в подкрепление Эльфинстону гоняется за турецким флотом, который после двух сшибок бежит сломя голову от них, но они его добудут, хотя бы то было в Цареграде» [30].

Турецким флотом командовал Ибрагим Хосамеддин, назначенный на пост капитана-паши (капудан-паша, как произносили турки) за два месяца до той поры, 26 апреля 1770 г. Это был совершенно ничтожный человек, ничего не смысливший в морском деле и притом превеликий трус. Фактическим вождем флота при нем стал Гассан по прозвищу Джесайрлы из Алжира, человек очень способный, храбрый, хороший моряк. Вообще лучшими моряками турецкого флота были либо далматинцы, либо берберийцы, под каковым термином тогда понимались не только марокканцы, но и алжирцы и тунисцы.

Когда преследуемый русской эскадрой турецкий флот остановился в проливе между островом Хиосом и малоазийским берегом, то Гассан решил принять бой в этом месте. Капитан-паша, вследствие напавшего на него непобедимого страха, решил, что он на своем адмиральском корабле во время предстоящего боя не останется, и съехал на берег, заявив, что должен инспектировать береговые батареи. Командование эскадрой перешло поэтому к Гассану.

Турецкий флот был значительно сильнее русского как по количеству судов, так и по их артиллерийской мощи. Корабль капитана-паши был стопушечным, кроме него один корабль имел 96 пушек, четыре — по 84 пушки, два — по 74 пушки, семь — по 60 пушек, два — по 50 пушек, два — по 40 пушек. Кроме этих крупных судов, было несколько более мелких.

Передовая линия турок состояла из десяти крупнейших кораблей. Вторая линия состояла из семи линейных кораблей, двух 50-пушечных каравелл и двух 40-пушечных фрегатов, говорит Грейг, утверждающий, что «турецкая линия баталии была превосходно устроена, расстояние между кораблями было немного более длины двух кораблей».

Но турецкое высшее морское командование умело расставить свои суда к бою, однако оно решительно неспособно было руководить ими в бою. Начать с того, что капитан-паша почел

благоразумным перед боем съехать на берег и оттуда уже не показывался, пока шла битва.

Вместо него командовал храбрый моряк Гассан-паша. Но и он, по-видимому, не очень надеялся на свои маневренные способности, а в простоте главной целью своей ставил истребление русского флота ценою хотя бы потери соответствующего числа турецких судов, после чего, по всей силе арифметики, у более многочисленного турецкого флота все же кое-что останется. Вот и все! «Флот вашего величества многочисленнее Русского флота,— сказал Гассан-паша султану еще при отъезде из Константинополя,— чтобы истребить Русские корабли, мы должны с ними сцепиться и взлететь на воздух, тогда большая часть вашего флота останется и возвратится к вам с победою»[31].

Склонный к хвастовству князь Юрий Владимирович Долгоруков рассказывает, будто именно он тоже сыграл решающую роль в совете, где нужно было убеждать Орлова «искать турецкого флота и его атаковать». «Мы с Грейгом решительно сказали», что нужно атаковать. Это «мы с Грейгом» — любимая формула князя Долгорукова. И еще любит он так выражаться: «Тут опять Грейг со мной посоветовался, как турецкий флот истребить» и т. п. Но, к счастью, у нас есть подробное описание всего похода, принадлежащее правдивому перу самого Грейга, и там мы не находим ничего такого, что могло бы подтвердить слова Долгорукова — ни о влиянии Долгорукова на решение Орлова, ни о советах, которые якобы испрашивал Грейг у князя Юрия Владимировича.

Замечу, что, рассказывая свои небылицы, князь Юрий Владимирович иногда чувствует, что он слишком уже увлекается, и тогда пробует смягчить возможное неудовольствие читателя и предупредить зарождение нежелательного скептицизма. Долгоруков пишет: «Накануне атаки Грейг ко мне подошел и просил, чтобы я взял команду над кораблем „Ростиславом“». Написав это, князь, совершенно очевидно, спохватился, что ведь еще живы некоторые участники событий (хотя повествовал он в 1817 г., то есть спустя уже 47 лет после боя), эти участники могут сказать, что не только этого предложения со стороны Грейга не было, но и быть не могло. Статочное ли дело, чтобы Грейг ни с того, ни с сего сменил превосходного опытного, храброго моряка, сжившегося со своей командой, капитана корабля «Ростислав» Лупандина и назначил бы на его место, да еще в такой смертельно опасный момент, Долгорукова, никогда даже шлюпкой не командовавшего, да и на сухом пути не очень-то нужного? И вот Долгоруков идет на уступки читателю: «Я сперва засмеялся, что он находит меня способным к морской части, но он зачал меня убеждать, и я переехал». Долгоруков не знал, что будут в свое время опубликованы

собственные записки Грейга и что там ни единого звука не будет об этом фантастическом «назначении». Да и вообще при рассказе о морских действиях Грейг даже и имени Долгорукова ни разу не произносит. Все это мы считаем нужным тут отметить, чтобы доказать, что решительно ошибаются те, кто придает запискам Долгорукова значение «источника» в тех случаях, когда нет материалов, чтобы его проверить. Ведь не всегда же возможно обнаружить его фантазерство так убедительно, как в данном случае. Он сам «засмеялся» над хвастливой своей ложью; остается это сделать и читателю. Кстати, напомним, что Лупандин, доблестный командир «Ростислава», не только остался и до, и во время, и после боев 24 и 26 июня полновластным начальником своего линейного корабля, но и особенно отличился во время боя и наравне с Хметевским, командиром «Трех святителей», наравне с Крузом, командиром «Евстафия», был награжден за особые заслуги в эти дни офицерским «Георгием».

В «Русской старине» (сентябрь 1889) напечатаны якобы «полностью» записки Ю. В. Долгорукова, раньше уже опубликованные в «Сказаниях о роде Долгоруковых». Редакция «Русской старины» без всяких оговорок и оснований позволила себе делать сокращения и, например, *совсем* пропустила цитату, приводимую тут нами и помещенную и в «Сказаниях» и в 1849 г. в VII части «Записок Гидрографического департамента» (о том, как сам Ю. В. Долгоруков «засмеялся» и т. п.). В тексте «Русской старины» вследствие этого произвольного пропуска целой фразы получилась полная бессмыслица: «Накануне атаки Грейг ко мне подошел и просит, чтобы я взял команду над кораблем Ростиславом, но он зачал меня очень убеждать, и я переехал на Ростислав». Здесь это «но» лишено всякого смысла именно потому, что пропущена указанная фраза. Не довольствуясь этими искажениями текста, редакция «Русской старины» еще почтительно рекомендует Ю. Долгорукова как «одного из достойнейших сподвижников Екатерины» (стр. 481).

Мы остановились тут на этих записках князя Ю. В. Долгорукова, чтобы предостеречь читателя от доверия к ним. В том-то и был один из вреднейших пороков русской дореволюционной историографии, что ею без тени критики часто принимались свидетельства именитых карьеристов, лгавших напропалую, и без всяких затруднений эти преуспевавшие аристократы возводились в ранг «сподвижников» при рассказе о великих исторических событиях вроде Чесменского боя. А когда хвастливое лганье этих знатных мемуаристов уже превосходило всякую меру, тогда благосклонные и благожелательные историки порой просто фальсифицировали тексты, стыдливо опуская (без всяких оговорок и объяснений) наиболее неудобные места, слиш-

ком уж обличающие автора в фантазерстве. Князь Долгоруков захотел похитить славу одного из *настоящих* чесменских героев, худородного капитана «Ростислава» Лупандина, а типичный средний представитель старой историографии редактор «Русской старины» Михаил Семевский совершенно напрасно ему в этом деле решил помочь.

На этом с Ю. В. Долгоруковым мы и покончим.

В своем донесении Екатерине о Чесме граф Орлов пишет, что, увидев 24 июля перед собой 16 турецких линейных кораблей, 6 фрегатов, несколько шебек, бригантин и «множество полугалер, фелук и других малых судов», он «ужаснулся», но в конце концов «решился».

Это Алексей Григорьевич явно порисовался, желая внушить Екатерине, до какой степени грозно было положение, из которого, однако, удалось столь победоносно выйти.

Но, конечно, требовалась и от командиров и от экипажа русской эскадры в самом деле большая отвага, чтобы атаковать неприятеля, далеко превосходившего своей материальной частью русский флот.

Своим боевым духом русские моряки превзошли врагов и победили. «Англичане, французы, венециане и мальтийцы, живые свидетели всем действиям, признавалися, что они никогда не представляли себе, чтоб можно было атаковать неприятеля с таким терпением и неустрашимостью» [32]. Еще 23 июня, накануне боя, Алексей Орлов подписал приказ, из которого видно, что он определенно не считал возможным снабдить свою эскадру наперед диспозицией: «По неизвестным же распоряжениям неприятельского флота, каким образом оной атаковать, диспозиция не предписывается, а по усмотрению впредь дана быть имеет».

В «линии баталии» выстроились девять линейных кораблей (восемь по 66 пушек, один — «Святослав» — 84 пушки) и семь фрегатов.

В «авангарде» было три корабля и один фрегат; командование авангардом было поручено адмиралу Спиридову (на корабле «Евстафий»); в среднем ряду «кордебаталии» — три корабля и три фрегата, командир «кордебаталии» Грейг, на корабле «Три иерарха»; на том же корабле верховный командир эскадры граф Алексей Орлов; в «арьергарде» — три корабля и три фрегата, командир арьергарда контр-адмирал Эльфинстон, на корабле «Святослав» [33].

Кроме этих трех командиров, командовавших тремя частями флота и подчинявшихся непосредственно графу Орлову, было еще особое и тоже непосредственно Орлову подчиненное лицо — начальник всей артиллерии эскадры цейхмейстер Ганнибал.

VII

С корабля «Не тронь меня», по-видимому, прежде всех увидели более или менее отчетливо стоящий вдали в бухте и перед бухтой неприятельский флот и насчитали 18 судов. Если считать лишь линейные суда, то ошиблись: их было не 18, а 16; если же брать и фрегаты, и корветы, и т. д., то турецкий флот был гораздо многочисленнее, а с более мелкими судами насчитывал от 60 до 67 вымпелов.

На корабле «Три иерарха» Грейг поднял сигнал «Гнать за неприятелем».

В восьмом часу утра «Три иерарха», «Не тронь меня» и «Святослав» взяли курс на неприятеля, а в начале 10-го часа утра последовал приказ «Януарию», «Ростиславу», бомбардирскому судну «Гром» идти по тому же курсу. Затем тронулись «Три святителя»; корабль «Европа» не вступал в линию и шел впереди. К полудню почти весь русский флот уже очень сильно приблизился к туркам.

В 11 часов утра 24 июня граф Орлов дал сигнал: всему флоту атаковать неприятеля.

Через полчаса после сигнала началась сильная канонада турок по нашему приближающемуся к ним флоту. Шедший в авангарде адмирал Спиридов атаковал первым, за ним вступила в бой «кордебаталия». Что касается арьергарда, которым командовал Эльфинстон, то он оставался некоторое время вдали. Первыми напали на турецкий линейный корабль «Реал-Мустафа» (где находился сам капитан-паша) русские линейные суда «Европа» и «Евстафий». «Реал-Мустафа» вскоре загорелся от русского артиллерийского огня. Команда в панике бросилась в море, чтобы вплавь добраться до берега. Но тут русских постигла большая неудача: «Евстафия» течением нанесло прямо на горящего ярким пламенем «Реал-Мустафу», и никакими усилиями нельзя было удержать его от этого гибельного сближения. Когда «Евстафия» прибило окончательно к «Реал-Мустафе», русские матросы и армейский отряд бросились на абордаж и перебили турок, еще находившихся на борту пылающего судна. Но тут горящая грот-мачта турецкого корабля вдруг рухнула прямо на «Евстафия», и так как крюйт-камера была открыта (для пополнения артиллерии порохом и снарядами во время боя), то горящие головешки попали в нее. Раздался оглушительный взрыв, и «Евстафий» взлетел на воздух. Спустя несколько минут был взорван и «Реал-Мустафа».

Сражение продолжалось с большим упорством со стороны русских. Турецкий огонь направлялся не очень умело, но совсем худо обстояло у турок с маневрированием. Громадный стопушечный корабль капитана-паши (так и называвшийся «Капитан-

паша») был атакован «Св. Януарием» и «Тремя иерархами» и беспощадно обстреливался ими, и турки решили увести его прочь. Начали поспешно обрубать канаты, но это делалось в такой панике и растерянности, что забыли перерубить шпринг. По показанию Грейга, «корабль (турок — *Е. Т.*) поворотился кормой к „Трем иерархам“ и оставался в таком положении около четверти часа». Это позволило «Трем иерархам» в упор продольными выстрелами нанести «Капитан-паше» страшнейшие повреждения «без малейшего для себя вреда» [34].

После этого на турецких судах стали самым спешным образом обрубать якоря, и турецкий флот обратился в бегство, осыпаемый русскими ядрами и брандскугелями. Турки бежали в беспорядке, сбиваясь в кучу, устремляясь к каменистому берегу Чесменской бухты («Сисмы», как русские тогда еще ее называли). Алексей Орлов до самого конца боя не знал, жив ли его брат Федор, находившийся на погибшем «Евстафии». Только по окончании боя он узнал, что Федор находится в числе немногих спасшихся. На «Евстафии» погибло, по первоначальным подсчетам, 34 офицера и 473 солдата и матроса, спаслось 58 человек. Всего же русские в этот день потеряли убитыми 523 человека [35]. Таким образом, если не считать погибших при взрыве «Евстафия», потери были равны всего 16 чел. убитыми. Малое число убитых русские командиры объясняли неумелой расстановкой турецких орудий, которые «были наведены слишком высоко и стреляли только по рангоуту, повреждали мачты, реи и перебивали снасти». Таким образом, например, на корабле «Три иерарха», который стоял на якоре совсем близко («менее одного кабельтова») от неприятельского флота, был только один раненый а в каждую из нижних мачт попало по два ядра, перебиты были почти все ванты как у грот-мачты, так и у фок-мачты. На других кораблях наблюдалось то же самое: ничтожные потери в людях и довольно большие материальные повреждения.

Весь этот бой 24 июня продолжался лишь около двух часов. Точнее было бы сказать полтора часа, потому что в последние полчаса не было уже сражения в точном смысле слова, а шла лишь погоня за поспешно убегавшими турками, на всех парусах спасавшимися в Чесменскую гавань.

Вот что написали немедленно в своем лаконичном шканечном журнале наблюдатели, смотревшие с флагманского корабля «Три иерарха» на гибель «Евстафия». Любопытно, что в самой записи «местечко» еще именуется «Сезмит», а в заметках на полях, сделанных почти в то же время, уже «Чесмой». Сохраняем орфографию и пунктуацию (точнее — отсутствие пунктуации):

Посланы со всех наших кораблей шлюпки для спасения людей с корабля Евстафия.

Подшед мы близ к неприятельскому флоту начали палить из пушек с ядрами, поворотили мы оверштаг привезен к нам с корабля Евстафия капитан Крюйз и протчие.

Подошли мы к неприятельскому у местечка Чесмы флоту лежащему на якорях легли севернее его на якоре.

У местечка Чесмы против турецкого флота, пеленг с якоря Чесменского.

«В начале первого часа адмиральский корабль «Евстафий» сошелся борт с бортом с неприятельским адмиральским кораблем после чего в море неприятельской адмиральской корабль загорелся причем видно что с оного турки бросались в воду тогда у нас был сигнал чтоб прислать от всего нашего флота вооруженные шлюпки которые и посланы были и с нашим к нашему адмиральскому кораблю Евстафию для спасения людей потом и наш адмиральский корабль Евстафий загорелся так жестоко, что после вдруг взорвало все на нем и на неприятельском корабле в тож время подходя мы близ неприятельского флота стали палить из пушек ядрами, что происходило и с протчих нашего всего флоту кораблей, в 2 часа поворотили мы овер штаг на левой галс в тож время привезено к нам на корабль с сожженного корабля Евстафия на нашей шлюпке господин капитан Крюйз и протчих офицеров 4 человека и закрепили у нас грот марсели и крюсель, в 1/4 4-го часа подошед мы вблизость стоящих на якорях неприятельских кораблей в местечке Сезми от оных к N в недальнем расстоянии закрепил фок марсель легли на якорь Дагликс на глубине 27 сажень грунт песок канату отдано от 50 сажень притом пеленги мыз Калаберия протекающаяся к N оконечность NO 25°00′ местечко Сезме где неприятельской флот стоит на якоре ZO 50°00′ от него к W оконечность ZW 43°00′ к оной мыз Блишник через остров Пазарву ZW 60°00′ острова Спалчей Гора середина NO 3°00′ поставленная веха от местечка Сезми к WZW 3°00′, в тож время приехал к нам на корабль его сиятельство граф Федор Григорьевич Орлов и его высокопревосходительство господин адмирал и кавалер Григорий Андреевич Спиридов, цейхмейстер Ганибал стоящий на якоре корабль Европа и контр-адмиральский корабль прошед нас к ZW фрегат Африка бомбардирской Гром легли на якорь»[36].

Командовал на «Евстафии» капитан 1 ранга Александр Иванович Круз. Это был опытный храбрый и ученый моряк. Еще мичманом, 18 лет, он был отправлен в Англию, где в течение восьми лет теоретически и практически изучал службу и плавание в военном флоте. Он участвовал в Семилетней войне и был ранен под Кольбергом. В 1769 г. он получил в командование линейный корабль «Евстафий», и именно на «Евстафии» поднял свой флаг адмирал Спиридов. В разгаре боя 24 июня в Хиосском проливе капитан Круз напал на корабль самого капитана-паши.

Артиллерийский обстрел турецкого судна сначала ядрами, а потом брандскугелями привел к тому, что турецкий корабль загорелся. И тут, к несчастью, вдруг наступил полный штиль, и течением, довольно сильным в этом проливе, «Евстафия» прямо понесло на горящий корабль «Капитан-паша». Русские гребные суда, окружившие «Евстафия», делали все, что в силах человеческих, чтобы отбуксовать «Евстафия» от горящего корабля и этим спасти его. Но ничего не выходило: «Евстафия» упорно несло на турок. С адмиральского корабля «Три иерарха» были посланы еще и еще гребные суда, но они ничего не могли поделать. Когда «Евстафий» борт о борт сблизился с турецким кораблем, то турецкие матросы и солдаты, при первом же взгляде на начавших вскакивать к ним русских, в полной панике стали бросаться в воду. Наблюдая с палубы «Трех иерархов» за тем, что происходит, Алексей Орлов, который сначала хотел идти на помощь «Евстафию», приказал остановиться: он уверился, что турецкий корабль уже взят. В сущности он и не ошибся: оставшиеся на корабле турки прекратили сопротивление и сдались.

Но другой, непреодолимый враг погубил «Евстафия» в самый момент торжества. Огонь вырывался отовсюду на турецком корабле, и тушить его стало немыслимо. Капитан Круз перед лицом грозной беды велел немедленно заливать крюйт-камеру на «Евстафии», и нужно было несколько минут, чтобы исполнить это приказание. Но судьба не дала этих нескольких минут: не успели матросы броситься к крюйт-камере, как вдруг огромная пылающая грот-мачта турецкого корабля рухнула и, перевалив через свой борт и через борт «Евстафия», упала на палубу русского корабля. Искры и головешки попали в крюйт-камеру... Раздался страшный взрыв, и вся верхняя часть «Евстафия» взлетела на воздух. Корабль в несколько минут исчез под водой.

Капитана Круза силой взрыва швырнуло в воздух и бросило затем в море. Он был изранен и сильно обожжен, но у него хватило силы доплыть до обрубка мачты, и это спасло его. Круза подобрало русское гребное судно [37]. Он был из числа очень немногих, случайно спасшихся; почти все, кто не оставил «Евстафия» до взрыва, погибли.

Чесменская победа, между прочим, дала также русскому флоту возможность немедленно восполнить потерю «Евстафия» в предшествовавшем Чесме бою 24 июня: приказом графа Алексея Орлова от 29 июня в состав флота был включен взятый при Чесме (единственно не сгоревший) турецкий шестидесятипушечный корабль «Родос», и его командиром назначен спасшийся с «Евстафия» капитан 1 ранга Круз.

После гибели взорвавшегося почти немедленно после «Евстафия» (и уже давно горевшего) корабля «Реал-Мустафа» турки стали уходить к востоку. Ветра было очень мало, и поэтому турки старались отбуксовать свои корабли при помощи гребных галер. Русские шли за ними. «На корабле „Трех иерархов" учинен сигнал, чтобы гнать за неприятелем, пальбу производя беспрерывно, а неприятельские корабли, по тихости ветра, стали буксоваться имеющими при них шебеками и галерами... В половине 2-го часа видно нам — неприятельские корабли, приходя в бухту под местечко Чесму, легли на якоря»,— читаем в шканечном журнале корабля «Не тронь меня» об этом конечном моменте морского боя 24 июня в Хиосском проливе [38].

С того момента, когда русские во второй половине дня 24 июня увидели повальное, беспорядочное бегство неприятеля по направлению к Чесменской бухте, Орлов, Спиридов, Грейг и Эльфинстон решили, что они турецкие суда из бухты уже не выпустят и что первый удар будет нанесен брандером. Цейхмейстеру бригадиру Ганнибалу было поручено изготовить к действию четыре брандера и выбрать нужных людей для руководства ими. Риск для находящихся на брандере был огромен, но Ганнибалу не пришлось долго выбирать: капитан-лейтенант Дугдэль, лейтенант Ильин, мичман князь Гагарин и лейтенант Мекензи вызвались по собственному почину на это дело.

Англичанин Томас Мекензи поступил с чином капитан-лейтенанта на русскую службу на несколько месяцев позднее Эльфинстона, в 1769 г., и за Чесму произведен в капитаны 2 ранга на другой же день после боя (26 июня 1770 г.). Его доблестная карьера продолжалась уже в адмиральском чине в Севастополе, где он строил военный порт. Одна из высот, окружающих Севастополь, называется до сих пор его именем — Мекензиевой горой.

Весь день 25 июня ушел на приготовления. Все четыре брандера были поставлены Орловым под общую команду Грейга. Кроме брандеров, Грейгу были даны для предстоящей решающей атаки еще 4 корабля: «Ростислав», «Европа», «Не тронь меня» и «Саратов», и два фрегата: «Надежда благополучия» и «Африка». Сверх того, Грейг получил в свое распоряжение еще бомбардирский корабль; брандеры должны были начать дело, а корабельная артиллерия — докончить его. Под брандеры были

назначены четыре греческих торговых судна. Целый день шли приготовления. Снаряжались брандеры, отбиралась команда для гребных судов, которые должны были подвести брандеры к неприятельским кораблям. Ведь люди и для этих гребных судов требовались такие же отборные, как и для брандеров. Минуты им предстояли жуткие.

Брейд-вымпел начальника отряда Грейга был поднят на «Ростиславе». Грейг приказал четырем брандерам уже с вечера 25 числа быть под парусами и ждать от него сигнала к нападению. Был дан приказ подвести брандеры к четырем турецким кораблям, зажечь эти брандеры, сцепивши их предварительно с неприятельскими судами, а затем прыгать с брандеров в гребные шлюпки. В отряде, порученном Грейгу, роль, ничуть не меньшую, чем самому Грейгу, суждено было сыграть Спиридову, человеку еще большей опытности, смелости, инициативы, чем был сам Грейг. Да и авторитет среди людей экипажа у него был больше, чем у Грейга. Спиридов еще задолго до Чесмы снискал себе во флоте громкую репутацию.

Наступила навеки памятная ночь с 25 на 26 июня 1770 г. Море было залито лунным светом. С русских судов вполне отчетливо было видно, что делает турецкий флот в бухте, куда накануне он бежал под прикрытием береговых батарей. У нас тогда не знали точного названия этой бухты, называли ее Эфес, по-древнему. По голландской карте разглядели, что этот пункт называется по-голландски «Сисьма».

Русские видели в свои подзорные трубы, что турецкий флот «стоит в тесном и непорядочном стоянии»: одни носами на NW (северо-запад), другие — на NO (северо-восток), «а к нам боками, несколько ж их в тесноте стоят за своими к берегу, так, как в куче». Попытались издали сосчитать турецкие суда. Выходило: четырнадцать линейных судов, два фрегата, шесть шебек.

Неприятель оказывался сильнее. Алексей Орлов не был моряком и не мог поставить себя в ряд со Спиридовым или Грейгом. Однако он знал, что только он может взять на себя страшную ответственность за возможное поражение русской эскадры, которой негде будет, может быть, даже и отдохнуть и чиниться в случае беды. Прочной-то базы ведь не было вовсе... Не считать же было порт Аузу на острове Парос серьезной базой для большого флота.

Не впервые было Алексею Григорьевичу ставить на карту и свою жизнь, и честь, и судьбы России. До сих пор выводили энергия, вера в себя, счастье. Он решился.

«Наше ж дело должно быть решительное, чтоб оной флот победить и разорить, не продолжая времени, без чего здесь,

в Архипелаге, не можем мы и к дальным победам иметь свободные руки; и для того, по общему совету, положено и определяется: к наступающей ныне ночи приуготовиться...»

Приготовления заключались в следующем. Были выделены корабли «Европа», «Ростислав», «Не тронь меня», «Саратов», фрегаты «Надежда» и «Африка», четыре брандера и бомбардирский корабль «Гром», причем вся эта эскадра была поставлена под непосредственную команду «бригадира и флота капитана Грейга».

Как основная задача имелось в виду сожжение неприятельского флота посредством направления на него брандеров. Каждый брандер должен был подводиться к намеченному неприятельскому кораблю десятивесельной шлюпкой. Брандер должен был сцепиться с неприятельским кораблем, после чего артиллерист, командированный на этот брандер цейхмейстером Ганнибалом, поджигает брандер, а сам вместе с командой десятивесельной шлюпки отходит к своим. Конечно, приказывалось при этом, пока брандеры не загорятся, воздержаться от артиллерийской пальбы с русской эскадры, чтобы не помешать делу. Но когда брандеры загорятся и шлюпки отойдут, тогда открыть «жестокую пальбу» по тем кораблям неприятеля, которые не подвергнутся нападению четырех брандеров. Вот, собственно, и вся незамысловатая диспозиция [39].

Все зависело от способности противника к артиллерийскому отпору русским брандерам, когда они начнут приближаться к намеченным ими турецким кораблям, и к эффективной турецкой ответной стрельбе, когда брандеры уже сделают свое дело и русские начнут обстреливать весь турецкий флот из своих орудий.

VIII

В 11 часов ночи с 25 на 26 июня на флагманском корабле Грейга «Ростислав» появился на поднятом на мачте гафеле один фонарь. Это был вопрос: готовы ли к снятию с якоря? Тотчас же на всех кораблях появилось по фонарю на флагштоке. Это был ответ: готовы. После этого на «Ростиславе» подняты были три фонаря — идти на неприятеля.

Было около $11^1/_2$ часов, когда Спиридов отдал в рупор приказ капитану Клокачеву, командиру «Европы», выступить первым (вместо «Надежды», которая назначена была по диспозиции Грейга). Ни Грейг, ни Спиридов и вообще никто не дает удовлетворительного объяснения этой перемене. Что «Надежда» как-то замешкалась — это не объяснение, а суррогат объяснения. Может быть, роль тут сыграло то, что Спиридов вполне полагался на испытанного превосходного командира «Европы» Клокачева.

Кораблем «Три святителя» командовал Хметевский, кораблем «Евстафий» — капитан Круз, а флагманом на нем был адмирал Спиридов. Вместе с кораблем «Европа» эти корабли и составляли тот авангард, которым распоряжался Спиридов. Но все-таки Спиридов, в сущности, не имел никакого права, вопреки приказу и диспозиции Грейга, прокричать со своего корабля в половине двенадцатого часа ночи Клокачеву, чтобы он немедленно, в одиночку шел прямо к турецкому флоту и начал бой, не дожидаясь общего наступления всей эскадры или хотя бы только ее авангарда. Но Спиридов был старше и чином и возрастом и сильнее авторитетом, чем Грейг, и мог себе позволить то, что для другого было делом рискованным.

Клокачев повиновался, конечно. Очевидно, он не хотел снова нарваться на яростный окрик Спиридова: «Поздравляю вас матросом!» Этот окрик в разгаре боя 24 июня, совсем незаслуженный Клокачевым, вероятно, еще звенел в ушах капитана «Европы» ночью 25 июня. Разжалование в матросы, которым пригрозил ему Спиридов, конечно, едва ли бы его постигло, потому что он повернул свой корабль тогда исключительно затем, чтобы не наскочить на камень (согласно предупреждению своего лоцмана-грека, отлично знавшего дно). Во всяком случае, теперь, в ночь с 25 на 26 июня, перед Чесменской бухтой Клокачев блестяще доказал свое мужество.

«Европа» в первом часу ночи приблизилась к турецкому флоту и начала артиллерийскую перестрелку. «Европа» должна была отвечать и флоту и береговой батарее, что она и делала некоторое время с полным успехом одна, но уже в течение приблизительно получаса к ней на подмогу подошли «Ростислав», затем «Не тронь меня» и два фрегата. Эти четыре судна окончательно заперли выход из бухты и вместе с тем в огромной степени усилили огонь «Европы» по флоту и по берегу. А во втором часу ночи постепенно к месту артиллерийского боя подтянулся и весь русский линейный флот. Во втором часу ночи, в разгар сражения, русский бомбардирский корабль очень удачно поджег турецкий корабль, на котором обрушилась его собственная пылающая грот-стеньга. И в этот момент Грейг дал приказ брандерам выступить.

Начало действий отряда брандеров было неудачно. Капитан-лейтенант Дугдэль на всех парусах шел к турецкому линейному кораблю, с которым хотел сцепиться и поджечь его, но ему не пришлось добраться до цели: две турецкие галеры встретили его по пути и напали на него. Дугдэль поджег немедленно свой брандер, а сам выбросился вместе с командой за борт, и они вплавь достигли русской шлюпки. Горящий брандер затонул. Вторым после брандера Дугдэля шел брандер Мекензи. Этому брандеру удалось, правда, дойти до цели, но его действия были

бесполезны, потому что корабль, с которым он сцепился, уже горел, зажженный искрами и горящими головешками с соседнего пылающего турецкого корабля. Третьим брандером командовал блестящий моряк, храбрец, лейтенант Ильин.

Когда русские брандеры стали приближаться к турецкому флоту, то, по признанию самого Гассана-паши (рассказавшего это барону Тотту), турки убеждены были сначала, что это русские перебежчики, идущие добровольно сдаваться. И турки «молились о благополучном прибытии (русских судов — *Е. Т.*), в то же время твердо решив заковать в кандалы (русский—*Е. Т.*) экипаж и уже предвкушая удовольствие повести их с триумфом в Константинополь» [40].

Эта курьезная, нелепая ошибка помогла командирам двух брандеров, Ильину и Мекензи, превосходно выполнить свое дело.

Ильин подошел к турецкому кораблю, еще совершенно целому, приткнулся к нему бортом и зажег его.

Четвертому брандеру (князя Гагарина) тоже не нашлось уже работы (как и брандеру Мекензи); турецкий флот пылал уже почти весь, подожженный русскими снарядами с судов.

Пожар в течение последнего часа боя, то есть после двух часов ночи, быстро пожирал один турецкий корабль за другим. Гассану не удалось вывести свои суда подальше от бушующего огня. К несчастью для турок, наступил вдруг полный штиль, и паруса бессильно повисли на реях. Флот турок погиб без остатка.

Попытка Грейга взять в плен два уцелевших было корабля увенчалась лишь частичным успехом: один из этих кораблей, когда его уже вели на буксире к русской эскадре, загорелся от попавших в него горящих головешек; другой корабль, «Родос», благополучно был доставлен и вошел в состав русского флота.

После 3 часов ночи русские уже не стреляли, а только издали наблюдали бушующую огненную стихию и слушали последующие оглушительные взрывы, когда неприятельские суда (или точнее, их палубы) одно за другим взлетали на воздух, а затем погружались в пучину. Несколько мелких турецких судов, спасшихся от огня, были забраны русскими. Русские моряки обратили внимание в эти последние часы, что турецкие суда горели обыкновенно «часа по два и более, прежде нежели огонь достигал до крюйт-камер их; некоторые же сгорали по самую ватерлинию и только тогда взлетали на воздух». Так пишет Грейг в своем «Журнале». Но он должен был бы прибавить, что турецкие суда горели еще гораздо дольше, чем «часа по два и более»; они горели, очевидно, даже по шести часов, потому что сам же он сообщает, что «загоревшиеся последними взлетели не ранее 9 часов утра». А русские прекратили огонь уже вско-

ре после 3 часов ночи. Некоторые турецкие суда были прекрасно построены, и крюйт-камеры запирались превосходно.

Утром Алексей Орлов, брат его Федор, князь Долгоруков и Грейг прошли на парусном катере по месту ночного побоища «для осмотра обгорелых остатков неприятельского флота, представлявших печальное зрелище по множеству мертвых тел, растерзанных и в разных положениях плававших между обломками». Алексей Орлов приказал подобрать в море раненых турок и «перевезти на корабль для перевязывания ран и подания возможной помощи». Нужно отметить, что в традиции русского флота уже тогда было особенно предупредительное и гуманное отношение к пленным. Это отмечают, как нечто удивительное, и турки, отнюдь не имевшие основания хвалиться тем же. Спасенных таким образом турок было «множество», и, когда здоровье их поправлялось, «большому числу из них от высочайшего имени ее императорского величества дана была свобода». Так доносил граф Орлов в Петербург.

Ничто не дает такого впечатления реальности, как сухие, совсем краткие записи о Чесменской битве, вносившиеся час за часом в эту историческую ночь на 26 июня в «Шканечные (корабельные) журналы» русских судов — и прежде всего в шканечные записи флагманского корабля «Три иерарха», где находился сам Алексей Орлов. Приводим некоторые записи, начиная с начала первого часа 26 июня 1770 г. и кончая 10 часами дня того же числа. Сохраняем орфографию рукописи:

1 час. «Пополуночи: Ветр посредственный, небо малооблачное, светлая луна и блистание звезд, в начале часа корабль Европа стал подходя к турецким кораблям и начали с неприятельской батареи по нем палить, також и с неприятельских кораблей по нем палить, тако к 1/2 часа видимо нам корабль Европа стал на якорь и стал палить против неприятеля. В исходе часа отдали у нас марсели, трисели, после чего и протчие корабли проходя в..... неприятельских кораблей и стали производить пальбу.

2 час. В начале часа от наших кораблей брошенных брандскугилей загорелся неприятельский корабль и стал распространяться огонь, в 1/2 часа нашими приуготовленными от нас брандерами из трех греческих филег зажжен еще к N неприятельский корабль. В исходе часа взорвало неприятельских два корабля, потом и протчих турецкого флоту корабли загорелись и другие мелкие суда загорелись.

3 час. В начале часа еще стоящие на N неприятельские корабли два загорели и привезли к нам капитана лейтенанта Дугдала, которого на брандере во время зажигания об-

шибло в воду пламенем и повредило обе ноги, в ½ часа взорвало еще турецкий корабль 3 чей (sic! — *Е. Т.*) и огонь распространился по всему флоту, после того еще взорвало неприятельских два корабля и привезли к нам канонира Нестерова, которого на брандере опалило, матроза корабля 3-х Святителей Егора Соколова да бомбардира раненого одного. В 3 часа загорелся еще к берегу неприятельский корабль и увидели мы идущим от N под парусами 3 судна, а какие для осведомления посланы от нас, вооруженные две шлюпки, да еще стоящие ближе к крепости загорелся корабль.

4 час. В начале часа взорвало еще 6-й неприятельский корабль в ½ часа приехал к нам его превосходительство господин контр-адмирал, в исходе часа корабль Европа отдав марсели пошел под парусами возвратно от местечка Чесма.

5 час. Ветр тихий, небо мало облачно, в ½ часа взорвало седьмой и восьмой турецкий корабль, после чего вскоре еще взорвался 9-й и в 5 часов взорвало 10-й корабль. Между тем, взят нашим флотом один пятидесятной турецкой корабль, на котором и подняли наш Российский военный флаг, гюйс и вымпел, да 5 галер, которые все приведены к нашему флоту и наши корабли и фрегаты, которые были посланы для атаки турецкого флота пришли ко флоту и стали на якорь, между тем проходя мимо нас взятого корабля и 5 галер, також из протчих кричали по три раза, а от нас ответствовано тож число, с корабля Ростислава салютовано из 21, а от нас ответствовано из 25 пушек, после чего приехал на корабль наш господин командующий.

6 час. В исходе часа взорвало 11-й турецкий корабль.

7 час. В начале 7 часа при выстреле у нас из пушки учинен сигнал для съезду со всего флоту лейтенантов и учинен у нас сигнал для призыву командующих кораблей Аннуарии, и фрегата Надежда и Африка, в тож время взорвало 2 корабля турецкие, 12-й и 13-й, один за другим, вскоре после чего при выстреле у нас из пушки учинен сигнал кораблю Саратову гнать меж ZW для идущего там под парусами судно, после чего усмотрено что то судно нашего флота фрегат Паникутьев и для того оной сигнал о погоне уничтожен, в тож время взорвало 14-й корабль.

8 час. В начале часа взорвало турецкой 15-й корабль, в тож время взорвало в гавани небольшое судно посланы от нас на 2-х галерах на неприятельский берег, где была неприятельская батарея, подполковник 1, майоров 2, гренадер и мушкетеров 50 человек и все вооружены для атаки той крепости...

10 час. ...в $^1/_2$ часа видно нам еще неприятельский большой корабль да небольшое судно взорвали»[41].

Кончилась короткая южная летняя ночь, а пожар, охвативший бурным пламенем весь турецкий флот, свирепствовал все больше и больше. Вот что читаем в «Собственноручном журнале» Грейга: «Пожар турецкого флота сделался общим к трем часам утра. Легче вообразить, чем описать, ужас, остолбенение и замешательство, овладевшие неприятелем. Турки прекратили всякое сопротивление, даже на тех судах, которые еще не загорелись; большая часть гребных судов или затонули или опрокинулись от множества людей, бросавшихся в них. Целые команды в страхе и отчаянии кидались в воду; поверхность бухты была покрыта бесчисленным множеством несчастных, спасавшихся и топивших один другого. Немногие достигли берега, цели (sic! — *Е. Т.*) отчаянных усилий. Командор снова приказал прекратить пальбу с намерением дать спастись по крайней мере тем из них, у кого было довольно силы, чтобы доплыть до берега. Страх турок был до того велик, что они не только оставляли суда, еще не загоревшиеся, и прибрежные батареи, но даже бежали из замка и города Чесьмы, оставленных уже гарнизоном и жителями»[42].

Из 15 тысяч человек, которые составляли экипаж турецкого флота, истребленного при Чесме, спаслось не более четырех тысяч, из которых много было раненых. Очутившись на берегу, они, поскольку вообще были в состоянии двигаться, ударились в паническое бегство, увлекая за собой насмерть перепуганное население города. Бежали они в Смирну, куда и принесли страшное известие.

В Смирне тотчас же произошел кровавый антихристианский погром, направленный прежде всего против греков, хотя среди христиан города Смирны были также сирийцы и армяне. Ярость турецкого населения вызывалась распространенным тогда на Востоке убеждением, будто именно греки просили Екатерину о присылке в Архипелаг русского военного флота.

Русские высадили десант в городе Чесме. В этом городе оказались промышленные и текстильные предприятия, и русские моряки нашли в совершенно покинутых жителями складах большие трофеи; особенно много было драгоценных шелковых тканей.

Победа русского флота была полная. Ликующий Орлов велел не довольствоваться перевозкой на русские суда всей береговой артиллерии (19 медных пушек), но, «дабы флот имел себе более славы»,— забрать также медную артиллерию «с погоревших неприятельских днищ», потому что, кроме этих «днищ», ровно ничего от турецкого флота не осталось[43].

Героями Чесмы были из военных начальников Грейг и Спиридов, из капитанов — Хметевский, Клокачев, Лупандин, из подчиненных младших офицеров — лейтенант Ильин. На эскадре с восхищением передавали, как Ильин «подошед к турецкому кораблю с полным экипажем находящемуся; в глазах их положил брандкугель в корабль, и зажегши брандер возвратился без всякой торопливости с присутствием духа, как и прочие, назад» [44].

Матросы вели себя с тем же мужеством, умом, находчивостью и проявляли ту же физическую ловкость и сноровку, как и в течение всей этой долгой и нелегкой экспедиции и до и после Чесмы. И чем больше распространялись по свету слухи об изумительном истреблении большого линейного флота, тем громче звучала слава русских моряков.

Со времен Петра I прошло много лет. Поколение, пережившее Гангут, уже давно сошло со сцены; Чесма заставила всю Европу вздрогнуть и принять в соображение, что мечта Петра как будто вполне сбылась и что у русского «Потентата» налицо обе руки — не только армия, но и флот.

IX

Беглецы из-под Чесмы принесли в Константинополь потрясающую новость об истреблении всего турецкого флота.

Вот как рассказывает турецкий официальный летописец о Чесменском бое: «После сего флот Оттоманский вошел в порт Чесменский, куда прибыли также корабли неприятельские и снова сражение началось. От ударов пушек поверхность моря запылала. Корабли неприятельские, в продолжение всего морского сражения, находились под парусами, дабы оградить себя от опасности и гибели в сем порте. Вступление „Капитана-паши" в порт Чесменский, судя по очевидности дела, предпринято было во власти судьбы.

Между тем, „Капитан-паша" употреблял все усилия, чтобы отразить неприятелей, сии последние отправили несколько брандеров, наполненных нефтью и другими горючими веществами, против нашего флота. Некоторые из наших кораблей им *удалось зажечь, а другие, поспешая к ним на помощь и соединяясь* с ними, тоже объяты были пламенем и сгорели....

Войска, находившиеся на других кораблях, рассеялись без сражения по берегам Смирны и другим местам. Капитан-паша и Джезайрлю-Хасан-Бей были ранены. Али, правитель корабля и другие офицеры, желая спасти себя вплавь, погибли в волнах моря...

Сие происшествие, служащее полезным примером, весьма опечалило всех мусульман, особенно его высочество, наш

государь был весьма расстроен и поражен чрезвычайным горем» [45].

Послушаем, как повествует о русской экспедиции в Архипелаг современник событий турецкий министр Ресми-эфенди в своем «рассказе», переведенном с рукописи известным ориенталистом Сенковским: «Наконец из Путурбурка, лежащего на краю моря, называемого Балтык, через Гибралтарский пролив послал (москвитянин — *Е. Т.*) на воды Мореи и в Архипелаг несколько мелких военных судов вертеться между островами; в Англии и других землях нанял несколько кораблей, в Архипелаге нахватал барок вроде саколев (sic! — *Е. Т.*) и дрововозок и, одни нагрузив войском, другие съестными припасами, в четыре или пять месяцев составил себе значительный флот из старого хлама. Когда этот флот появился, опытные знатоки моря предсказывали, что первая порядочная буря эту странную ладью опрометчивого гуяра, не знающего здешних вод, непременно истолчет в щепки и размечет по морю». Однако приводившее многих турок прямо в суеверный страх вечное счастье Екатерины, «этого бича мусульман», не изменило ей и на этот раз: «Но по закону успехов, предопределенных бичу мусульман, судьба и ветры постоянно благоприятствовали его ничтожному флоту, и, с первого нападения, уничтожил он наш прекрасный флот, столкнувшись с ним в Чешме, месте лежащем насупротив острова Хиос». Помогло «гяурам» и то, что в Сирии и Египте как раз вспыхнули бунты. «Но примечательнее всего,— продолжает удивляться Ресми-эфенди,— следующее обстоятельство. Для порядочного флота весьма трудно провести даже одну зиму в Архипелаге. Между тем, при особом покровительстве судьбы, неприятель три года сряду, зимой и летом шатался по этим опасным водам без малейшего вреда, и даже нашел средства запереть Дарданеллы своей (дрянной) эскадрой, так что ни один наш корабль не мог выйти из пролива. Все это одна из тех редкостей, которые у историков называются ходисе-и-кюбра, великим событием, потому что они выходят из порядку натуры судьбы и в три столетия раз случаются» [46].

В этой войне русские «нечестивые гяуры» употребляли всевозможные военные «хитрости», которые и разоблачает Ресми-эфенди. Интересны первая и восьмая «хитрости»: «Первая их хитрость — нисколько не нарушая существующего мира, беспрерывно приготовляться к войне, но так, чтобы этого никто не мог приметить». Дальше следует пересчет «хитростей» тактического и стратегического характера, и, наконец, восьмая и последняя «хитрость»: «с пленными мусульманами не употреблять ни жестокостей, ни побоев. Гяур позволяет им жить по своему обычаю и не говорит ничего обидного для их веры, многим даже дает свободу, чтобы они его бесполезно не обременяли...

полагается главным правилом не стеснять ничьего вероисповедания» [47].

О силе и славе «царицы» («чарычи») Ресми-эфенди говорил следующее: «Племя франков, или как у них говорится, европейцев, чрезвычайно подобострастно к своему женскому полу. От того-то они так удивительно покорны, послушны и преданы этой чарыче: они почти считают ее святой, около нее толпятся отличнейшие своими способностями и знаменитейшие люди не только московской земли, но и разных других народов, и, полные восторга к чарыче, они все мечутся рвением положить за нее душу свою. Надо сказать и то, что она также претонкая женщина. Чтобы привязать к себе этих людей, она, оказывая являющимся к ней государственным мужам и воеводам более радушия, чем кто-либо им оказывал, осыпая их милостями, отвечая вежливостями, образовала себе множество таких полководцев, как Орлуф (Орлов — *Е. Т.*) или как маршал Румянчуф (Румянцев — *Е. Т.*) тот, что заключил мир с нами. При усердном содействии всех этих людей счастье ее развернулось, и она свободно поплыла по морю успехов до того, что сделалась как бы обновительницей русского царства. В 1177 (1763 — *Е. Т.*) году, по случаю смерти короля ляхов, вмешалась она в дела этого народа, которые на несколько лет заняли ее внимание по причине необходимых сделок с соседями, а в 1182 (1768 — *Е. Т.*) году по воле предопределения начала войну с нами».

X

Известие о блистательной русской победе под Чесмой с необычайной по тому времени быстротой распространилось по всему турецкому Леванту. На всех почти островах Архипелага вспыхнуло возмущение против турок. Двадцать семь больших и малых островов и островков прислали депутацию к Алексею Орлову, объявляя о своем желании подчиниться скипетру Екатерины. Турки были представлены на своих островных владениях совсем ничтожными гарнизонами, да и оказались слишком деморализованными вестями о Чесме.

Орлов подумывал, как будто, сейчас же после Чесменского боя форсировать Дарданеллы. Он направил контр-адмирала Эльфинстона к острову Тенедосу, где греческое население с ликованием встретило русских. А другая русская эскадра, под командой Спиридова, подошла к Лемносу, овладела без сопротивления островом, но целых два месяца осаждала Лемносскую крепость, где заперся турецкий гарнизон. Турки сдались лишь после долгой (более чем двухмесячной) осады. Но удержаться на Лемносе не удалось, потому что из Константинополя прибыл и сумел проскользнуть мимо русских судов большой (около

$3^1/_2$ тысяч) турецкий десант; пришлось взять русский отряд на борт и отплыть от Лемноса. Паника в Константинополе была страшная, хотя ясно было, что Эльфинстону без помощи эскадры Спиридова форсировать Дарданеллы не удастся. А Спиридов, задержанный так долго у Лемноса, где русские предполагали создать плацдарм, до поздней осени не мог полностью помочь в этом трудном предприятии. Обстрел дарданелльских укреплений не дал никаких результатов.

О том, что творилось в Константинополе после Чесмы, хорошо рассказал очевидец, уже цитированный нами барон де Тотт. Этот барон де Тотт, очень активный агент версальского двора в Турции и в Крыму, написал и издал в Амстердаме в 1784 г. свои воспоминания, которые через несколько лет после опубликования на французском языке были переведены на польский язык и вышли в свет в Варшаве: I том — в 1789, II и III томы — в 1791 г., то есть как раз тогда, когда в Польше возлагали большие надежды на происходившую «вторую» войну с турками (1787—1791 гг.) [48].

Барон Тотт изображает состояние турецкой обороны в самом неутешительном виде: артиллерия плоха, суда плохи, форсировать Дарданеллы после Чесмы было легко и т. д. Он явно и с умыслом преувеличивает. Это французскому агенту нужно, чтобы читатели оценили его личную распорядительность и умелость: султан велел, «чтобы все делалось по моим указаниям». И он, барон Тотт, принялся турецкую беду руками разводить. Больше всего внушал беспокойство этому испытанному другу Оттоманской Порты упадок духа у турок. Главным неприятелем турок была их мораль,— пишет барон Тотт.

Польский переводчик с явной тенденцией и поучительными намерениями усиливает эту мысль: барон Тотт должен был показать полякам, как велики опасности, грозящие от упадка духа народу, борющемуся против «москалей». В самом деле, свидетельство Тотта все же в высшей степени любопытно. Не только султан Мустафа, ограниченный, дюжинный деспот, и окружавшие его воры и ничтожество дивана, но и французские покровители Оттоманской Порты были накануне Ларги, Кагула и Чесмы убеждены в близком и полном торжестве правоверных. Граф Сен-При, французский посол, решил воспользоваться «надменной надеждой на великие успехи» и устроить большой бал в Константинополе под предлогом чествования бракосочетания французского наследника престола. Этот бал должен был сопровождаться иллюминациями и фейерверками по всему городу. Сен-При поручил устройство празднества барону Тотту: «Уж бальная зала, которую нужно было выстроить, была закончена, фейерверк заготовлен, нам осталось только расположить декорации, как вдруг известие о разгроме обеих

армий — и на суше и на море — подорвало наши приготовления. Уже невозможно было думать о празднествах. Падишах в живейшей тревоге, министры удручены, народ в отчаянии, столица в страхе перед голодом и нашествием. Таково настоящее положение империи, которая за один месяц перед тем считала себя столь грозной» [49].

Голод грозил Константинополю вот по какой причине. При безобразнейших порядках, царивших во всем государственном хозяйстве Турции и становившихся еще нелепее во время войны, было постановлено, что турецкая армия снабжается всеми теми продуктами (начиная с хлеба), которые можно достать с берегов Черного моря и из северных частей Балканского полуострова, а столицу должны преимущественно кормить Архипелаг и Сирия. Но в Сирии шло долгое перемежающееся восстание, да и Смирна, через которую сирийские провенансы направлялись морским транспортом в Константинополь была отрезана русским флотом. Архипелаг тоже оказывался после Чесмы не только отрезанным, но в значительной части и захваченным русскими. При этих условиях блокада Дарданелл в самом деле грозила столице самым настоящим голодом, потому что на скудные доставки сухим путем из близкой Малой Азии надежды были плохи.

Началась блокада Дарданелл с неудачи. Адмирал Эльфинстон, флагман большого линейного корабля «Святослав» без всякого приказа со стороны графа Орлова и без всякого вызова со стороны адмирала Спиридова вдруг покинул блокирующую Дарданеллы русскую эскадру и отошел к острову Лемносу.

Впоследствии императрица Екатерина приравняла этот поступок Эльфинстона к разряду действий «людей сумашедших». Хуже всего было то, что именно при этом бесполезном путешествии «Святослав» уже перед самым Лемносом наткнулся 5 сентября 1770 г. на риф и в самом катастрофическом положении сел на мель. Пришлось экстренно вызывать несколько судов из-под Дарданелл, чтобы как-нибудь спасти «Святослава», но ничего из этого не вышло. 27 сентября «Святослав» разбился и погиб. Орлов был возмущен страшно. Как только в Константинополе узнали о том, что часть блокирующих русских судов отозвана к Лемносу для спасения «Святослава», тотчас же, воспользовавшись этим, турецкие транспорты проскользнули через Дарданеллы, прошли к острову Лемносу, высадили там войска, и русским пришлось снять осаду с готовой было уже сдаться крепости Пелари и покинуть Лемнос.

Орлов спустя некоторое время отправил Эльфинстона в Кронштадт и послал такой материал о нем, что адмирала отдали под суд, обвиняя в служебной небрежности, которая погубила «Святослава». Суд формально не обвинил Эльфинстона, од-

нако служить ему дальше в русском флоте уже не пришось — 19 июля 1771 г. он был уволен в чистую отставку и навсегда покинул Россию.

Английские историки, касаясь Чесмы и всей русской эпопеи в Архипелаге, норовят, без излишней скромности, приписать Джону Эльфинстону чуть ли не центральную роль в событиях, но, как видим, это с их стороны лишь патриотическая иллюзия...

Замечу тут же, что собственно крушение карьеры Эльфинстона можно приурочить к концу сентября 1770 г., когда сейчас же после гибели «Святослава» его эскадру у него отобрали и соединили с эскадрой Спиридова. Приказ, отданный Алексеем Орловым на корабле «Три иерарха» 29 сентября 1770 г., когда корабль находился в порту Мудрос, на острове Лемнос, гласил: «Необходимые нужды для пользы службы ее императорского величества принудили меня отделенную эскадру господина контр-адмирала Эльфинстона соединить с эскадрой под моим ведением находящуюся и препоручить обе в точную команду его высокопревосходительства господина адмирала и кавалера Григория Андреевича Спиридова, о чем господа начальники судов да будут известны» [50].

В октябре 1770 г. пришел в Порт-Магон (на о. Минорка) и адмирал Арф.

Он привел вверенную ему эскадру довольно благополучно, принимая во внимание неутешительное состояние, в котором его корабли были уже при отплытии из Кронштадта. Но тут сразу же начались большие недоразумения. Датчанин Арф очень плохо ориентировался, очевидно, и в русских придворных порядках, и в положении Алексея Орлова в русском флоте в водах Леванта. Ему вскружило голову то, что Екатерина, отпуская, дала ему очень доверительную инструкцию с характеристикой внешнеполитических отношений России (о чем я уже выше упоминал) и вообще милостиво с ним обошлась, поэтому он вообразил, что ни от кого, кроме государыни, он не зависит.

Когда контр-адмирал Елманов, заступивший место временно отбывшего Спиридова, написал Арфу о приказе Алексея Орлова немедленно идти на соединение с русским флотом и когда при этом Елманов не скрыл своего недоумения по поводу медлительности Арфа, то Арф ответил 26 октября 1770 г. письмом, в котором очень надменно признавал себя подчиненным только самой императрице непосредственно. Из этого письма ясно, что Никита Иванович Панин тоже подбивал датчанина к борьбе против ненавистного Панину Алексея Орлова.

Вот характерная выдержка из этого документа:

«Что же касается до требуемых вашим превосходительством изъяснений, каких ради причин я здесь медлю и намерен ли я

с ускорением идти ко флоту или здесь остаюсь и для чего, то позвольте мне без обиновения (без обиняков — *Е. Т.*) вашему превосходительству сказать, что имея повеления и наставления от ее императорского величества всемилостивейшей нашей государыни, я не премину верно, рабски, с подобострастью о всем ее величеству донести при первом удобном к тому случае, о чем также уведомляю, как его сиятельство графа Алексея Григорьевича, так и его превосходительство господина адмирала Спиридова...» [51]

Не довольствуясь этой язвительной выходкой, Арф поспешил еще ввернуть в это письмо наиболее ненавистное братьям Орловым имя: «Все, что ваше превосходительство упоминает о надобности, которую его сиятельство граф Алексей Григорьевич имеет в моей эскадре и в людях, довольно уже мне изъяснено от ее императорского величества и от министра ее, его сиятельства графа Никиты Ивановича Панина, и я по сию пору не преминул во всех случаях потому поступать... а между тем имею честь вас предупредить, что и при первом случае не премину предложить ее величеству как копию с памятного мне письма, так и с сего моего ответа». Дальше шли (тоже в язвительном тоне) некоторые жалобы и претензии Арфа к Елманову по вопросу о ремонте судов и т. д.

Если бы Арф хоть немного знал графа Орлова, то он понял бы, что подобные «предерзости», посылаемые Алексею Григорьевичу через голову Елманова, а в особенности упоминания о Никите Ивановиче Панине, вконец губят его карьеру во флоте, по крайней мере на данном ее этапе.

Для нас эта переписка очень интересна потому, что в ней, «как солнце в малой капле воды», отражается подспудная и упорная, хотя и безуспешная, борьба Н. И. Панина против обоих братьев Орловых и против затеянной, как он считал, ими и предпринятой государыней экспедиции.

Оскорбленный высокомерием младшего по должности Арфа, контр-адмирал Елманов понимал, конечно, что Арф, полагаясь на Н. И. Панина и на предполагаемое благоволение императрицы, только делает вид, будто ждет повелений от Орлова,— и ответил датчанину чрезвычайно внушительно. Он напомнил Арфу, что имеет полное право требовать от него объяснений; что Орлов все-таки требует немедленного прибытия к нему вновь явившейся эскадры; что его, Елманова, ничуть не пугает угроза Арфа довести обо всем до сведения государыни: «...я имел право требовать от вашего превосходительства изъяснения, однакож и по сие время о намерениях ваших я неизвестен, вы же можете усматривать, что требование мое было в пользу службы ее императорского величества и соблюдении высочайших интересов.

А что я вашему превосходительству напомнил о нужде, которую его сиятельство граф Алексей Григорьевич имеет в вашей эскадре и в людях, то я через сие изъяснял действительное его сиятельства графа Алексея Григорьевича повеление, в котором точно объявляет, что в эскадре вашей и в людях великую имеет надобность, о чем и теперь тож напоминаю, сверх того ваше превосходительство пишете, что вы во первом случае не преминете ее величеству как копию с моего письма, так и с сего вашего ко мне ответа предложить, о чем и с моей стороны куда надлежит письменно ж предложено будет» [52].

Ясно было, что после подобной переписки «не жилец» был уже Арф в российском флоте...

С эскадрой Арфа прибыло 2167 человек пехоты и 523 гвардейца на купленных у англичан транспортных судах. Уже это придавало большое значение подошедшей эскадре. Но еще большее значение имел (по крайней мере в глазах самого Арфа) привезенный им рескрипт Екатерины на имя Алексея Орлова от 19 июля 1770 г. Императрица приказала, чтобы эскадра Арфа оставалась под его непосредственным начальством даже и по приходе в Архипелаг, «когда он сам, по соединении с флотом адмирала Спиридова вступит под главное его начальство». Это свое распоряжение Екатерина объяснила так: «Резолюция наша в сем случае происходит от внутреннего составления Арфовой эскадры. На всех ее кораблях будут при наших и датские еще вместе с сим контр-адмиралом в нашу службу призванные офицеры из тех, кои в собственном своем отечестве бесспорно между лучшими почитаемы были, а с ними и некоторое число датских же матросов» [53].

На это-то и уповал контр-адмирал Арф, осмеливаясь дерзить самому Алексею Григорьевичу. Он не знал, что от Петергофа до Архипелага и от июля месяца до октября — очень большая дистанция и в пространстве и во времени...

Результат этого заблуждения не заставил себя ждать: Орлов стал всячески придираться и притеснять Арфа, велел не выдавать ему столовых денег, вел расследование о причинах его опоздания и т. д. Арф подал просьбу о том, чтоб Орлов отпустил его в Петербург; Орлов не только мигом выполнил эту просьбу, но просил Екатерину ему больше иностранцев не присылать.

«Арф отпущен в удовольствие своего желания, и тем больше, что не предвидится впредь той крайней нужды, которая необходимо требовала бы продолжения в здешних морях его службы. Если вашему императорскому величеству благоугодно будет повелеть направить сюда из России новую эскадру... Приемлю смелость всеподданнейше просить от вашего величества ту высочайшую милость, дабы таковая эскадра состояла из российских матросов и офицеров, и не иностранцам, но российским

была поручена командирам; ибо от своих единоземцев не только с лучшею надеждою всего того ожидать можно, чего от них долг усердия и любви к отечеству требует, но еще и в понесении трудов, беспокойств и военных трудностей, довольно уж усмотрено между российскими людьми и иностранцами великое различие, а притом и неразумение иностранного языка делает невинное (невольное — *Е. Т.*) несогласие и затруднение».

В этой хвале русским морякам Алексей Орлов был совершенно прав. По выносливости, бесконечному терпению, ревности к службе и к русской морской славе, по неукротимой храбрости и стойкости буквально никакие иностранные матросы не могли сравниться с русскими.

Арф уехал; его эскадра присоединилась к флоту, блокировавшему Дарданеллы; привезенные им войска вошли в состав русских гарнизонов, овладевших островами Архипелага.

Русские овладели почти всеми островами Архипелага, и греческое население охотно покорилось им и избивало турок даже тогда, когда те уж не думали сопротивляться.

Но, разумеется, руководители экспедиции, и прежде всего Спиридов, заместивший Алексея Орлова после отъезда его 13 ноября 1770 г. в Ливорно, не считали это приобретение сколько-нибудь прочным. Без большой сухопутной армии и постоянного пребывания в Средиземном море большого русского флота утвердиться навсегда в Архипелаге было мудрено. Важно было хоть до конца войны удержать за собой эти острова.

Вот что писал Алексею Орлову в январе 1771 г. о выгодах и невыгодах овладения Архипелагом адмирал Спиридов, являвшийся после отъезда Орлова в Ливорно главным и бесконтрольным начальником островов Архипелага: «От нынешнего подданства греков нам кажется пользы никакой нет, а состоят еще и убытки в прокормлении бедных... Но польза выден (sic! — *Е. Т.*) сия, и ежели мы острова за собою до миру удержим за нынешний год получим мы от них добровольно десятую часть всех их продуктов в натуре или за оны деньгами». Но, как все мыслящие моряки, Спиридов понимает возможное в будущем огромное для России значение проникновения и укрепления за собой опорных пунктов восточной части Средиземного моря: «Имении оных на 20-ти островах греков до миру в подданстве одержать за главную надобность признаваю во первых во славу нашей великой государыни, что она великая наша государыня владеет в Архипелаге греческом от Негропонта (sic! — *Е. Т.*) до Анатолии Архипелагским великим княжеством, а во вторых ежели при мире останутся у ней великой государыни или доставится вольность, то сие также увеличит славу ее величества; в третьих же, когда оные до миру острова за нами

останутся, то поблизости к Негропонту и Мореи и к Малой Азии затворяют чрез наших крейсеров от Кандии и Египта к Смирне, Салонике (sic! — *Е. Т.*) и Константинополю, также и от оных мест в Средиземном море вход и выход неприятельских военных и с их турецкими грузами судов, так как бы между обеими частями света в воротах... А четвертое, мы имеем теперь надежное военное сборное у себя место — остров Парос и порт Аузу... и весьма сие место нужно чтоб до миру его отнюдь не оставить, а укрепиться елико возможно».

Спиридов очень хорошо понимает, что решительные враги России — французы, и, по-видимому, даже думает, что и потенциальные союзники, англичане, много дали бы, чтобы выжить отсюда русский флот: «Ежели б англичанам или французам сей остров с портом Аузой и Анти-Паросом продать, то б хотя и имеют они у себя в Медитерании (Средиземном море — *Е. Т.*) свои порты, не один миллион червонных с радостью дали»[54].

XI

Не только Франция, но и принужденный по целому ряду обстоятельств носить дружественную маску король прусский Фридрих II очень не желал, чтобы Архипелаг остался за Россией. Правда, в своем мемориале от 1 декабря 1770 г., когда готовились (сорванные впоследствии) мирные переговоры между Россией и Турцией, Фридрих силится подчеркнуть, будто вовсе не он, а сами турки и австрийцы не желают, чтобы Россия овладела Крымом, Валахией, Молдавией и «одним из островов» Архипелага, но лицемерие прусского короля совершенно очевидно.

Характерно, что в то самое время, когда русские уже овладели двадцатью островами Архипелага, Фридрих пишет лишь об «одном» острове. Он предлагает императрице получить Азов, Большую и Малую Кабарду и «свободное плавание на Черном море». Король льстит себя надеждой, что государыня, выслушав эти благие советы, признает в нем «прямого и искреннего друга»...

Екатерина отвергла эти «дружеские» советы. Война продолжалась. Алексей Орлов, получив доклад Спиридова, повез его в Петербург, куда и прибыл 4 марта 1771 г.

Екатерина совершенно согласилась с непосредственными предложениями Спиридова о необходимости, во всяком случае, до заключения мира удерживать за собой Архипелаг и с мыслью Орлова о пользе установления эффективной и длительной блокады Дарданелл. На помощь со стороны греков в Морее или где бы то ни было на Балканах ни Орлов, ни Екатерина уже не рассчитывали: «... нельзя более считать на диверсию и содействование в праведной нашей войне греческих туркам подвластных

народов по причине свойственной им или, лучше сказать, врожденной уже склонности к рабству и совершенного в характере их легкомыслия» [55].

Но для владычества на островах достаточно было наличия русского флота близ Дарданелл: устраивать большие высадки для освобождения островов Архипелага турки не могли, а греческое население, на которое не очень приходилось рассчитывать при столкновении с регулярными турецкими силами, вполне (и с большой охотой) подчинялось русскому начальству, пока турок не было.

Западная Европа оценила огромное значение блистательного успеха русского флота, но все-таки дипломатия Франции, Пруссии, Англии, Австрии старалась по мере сил преуменьшить роль личных качеств русских начальников экипажа.

Замечу, что эту тенденцию, благополучно перебравшуюся из деловых бумаг и из публицистики XVIII в. в ученые книги XIX в., мы находим не у всех, но у многих историков, пишущих о Чесме и вообще об экспедиции в Архипелаг. Достаточно вспомнить, в каком кривом зеркале живописует эти события хотя бы известный автор семитомной истории Греции Джордж Финлей [56]. В особенности следует сказать это относительно изображения событий, следовавших за Чесмой, в частности относительно боевых действий у Лемноса. Алексей Орлов даже нашел нужным написать в Париж (отсюда именно шла клеветническая кампания против русского флота, поощряемая версальским двором) особое письмо на имя советника нашего посольства Хотинского. В этом письме Орлов пишет: «Недоброхоты наши будучи чувствительно тронуты благополучными российского оружия как на сухом пути, так и на море успехами, единственно по зависти только стараются злостные в народах рассеивать вести...» Алексей Орлов излагает вкратце лемносские события так, как они, судя по другим источникам, происходили: крепость Лемнос была взята русскими, но русский флот забрал свой десант на корабли и, ничуть не тревожимый высадившимися на острове турками, вышел в море и под начальством Спиридова принял участие в блокировании Дарданелл [57].

Екатерина, как и Алексей Орлов, как и Спиридов, твердо решила оставить флот в Архипелаге хотя бы на целые годы, пока не будет заключен мир с Турцией. Она знала, что уже нельзя ждать новых блистательных побед вроде Чесмы по той простой причине, что турецкие лучшие суда уже покоятся на дне морском, а новых турки не успели выстроить. Но хотя бы ничего внешне эффектного («ничего *казистого*», как выражается императрица) русский флот в Архипелаге уже не предпринимал, но он, в целях диверсии, крайне полезен: «Флот наш разделяет неприятельские силы и знатно уменьшает их главную армию.

Порта, так сказать, принуждена, не знав куда намерение наше клонится, усыпать военными людьми все свои приморские места, как в Азии, так и в Европе находящиеся, теряет все выгоды от Архипелага и от своей торговли прежде получаемые, принуждена остальные свои морские силы разделить между Дарданеллами и Черным морем и следовательно препятствие причиняется ей действовать как на Черном море, так и на самых Крымских берегах с надежностью, не упоминая и о том, что многие турецкие города, да и сам Царь град не без трепета видит флот наш в таком близком от них расстоянии»,— писала Екатерина в рескрипте Алексею Орлову от 18 декабря 1772 г.[58] И еще после этого больше двух лет русские суда оставались в Архипелаге.

XII

В Англии озаботились прежде всего получением обстоятельных и более или менее точных данных о действиях победоносного русского флота.

Лорды адмиралтейства с большим вниманием следили за длительным путешествием русских эскадр из Петербурга в Морею. Только к началу сентября они получили обстоятельные сведения об изумившей всю Европу и прогремевшей еще летом русской морской победе под Чесмой. Многое им было доложено с места действия их осведомителем, собравшим всю нужную информацию тотчас после боя. Эта информация относилась не только к Чесме, но и ко всей весенней и летней кампании 1770 г. ...Эта информация дает некоторые уточнения и характерные детали, кое в чем дополняющие данные русских документов.

Первым (так доложили лордам адмиралтейства) прибыл в Морею еще в начале марта 1770 г. адмирал Спиридов с четырьмя линейными кораблями, четырьмя фрегатами и несколькими транспортами. Он высадился в Порто-Вителло, и сейчас же там вспыхнуло греческое восстание против турок, которые заперлись в Наварино и трех других крепостях Мореи. Наваринская крепость была взята русскими, другие укрепленные пункты блокированы. 18 апреля в Наварино прибыл граф Орлов на линейном корабле. Но когда семь тысяч турок было двинуто на обратное завоевание Мореи, то положение русских оказалось трудным. Их было в тот момент всего семьсот человек, и только их и должно принимать в расчет, так как шесть тысяч восставших греков малодушно разбежались, «ни разу ни из одного мушкета не выстрелив». Орлов отплыл с русским флотом из Мореи, взорвав наваринские укрепления.

25 мая прибыла новая русская эскадра под начальством состоявшего на русской службе англичанина адмирала Эльфинстона и 5 июня соединилась с главными силами графа Орлова.

Русский флот с тех пор целый месяц гонялся за капитаном-пашей Ибрагимом и его эскадрой. У Ибрагима было в распоряжении: шесть линейных судов с командой по 800 человек и с 80 орудиями на каждом, десять каравелл с 800 (приблизительно) человек и с 60—70 орудиями на каждой, два фрегата (по 40 орудий), шесть шебек (от 6 до 22 орудий) и с десяток более мелких судов.

У Орлова девять линейных кораблей (на каждом 500 человек и 66 орудий). Кроме того, у Орлова было шесть фрегатов (от 20 до 34 орудий на каждом) и несколько мелких судов.

Хотя турецкий флот был гораздо сильнее русского, но Ибрагим метался по Архипелагу, всячески стремясь уклониться от боевой встречи. Дело в том, что командиры у него были уж очень плохи, дисциплина на судах хромала, артиллерийская выучка была не на должной высоте.

Орлов гонялся за турками довольно долго. 4 июля (нов. ст.), выйдя из Смирнской бухты и направляясь к острову Сцио (Scio — Хиос), он увидел турок. Ибрагим стоял со своим флотом между островком и маленьким береговым анатолийским портом Чесмой. 5 июля в 11 часов утра Орлов и оба подчиненные ему адмирала Спиридов и Эльфинстон напали на турок. Спиридову удалось поджечь турецкий корабль, но загорелся при этом и его собственный. Однако турецким флотом овладела при этом такая паника, что они перерезали якорные канаты и бросились спасаться в Чесменский порт. Русские погнались за ними и блокировали гавань. На другой день Орлов послал командира линейного корабля «Три иерарха» капитана Грейга, дав ему четыре линейных корабля, два фрегата и два брандера, непосредственно к турецкому флоту, сбившемуся в кучу к берегу, в глубине бухты. Битва окончилась полнейшим, непоправимым разгромом турок: русские сожгли весь турецкий флот, кроме одного шестидесяти-пушечного корабля в исправном состоянии и пяти галер, которые были взяты в плен. В общем у турок погибло пятнадцать линейных кораблей, два фрегата, пять полугалер («half-gallies», по определению английского осведомителя), много мелких судов, три французских судна с припасами для флота. Перебито было очень много турок, а русские потери были совсем незначительны. Англичанин подводит итоги своему докладу: одним ударом уничтожена вся морская сила Оттоманской державы, кроме четырех каравелл, которые вышли из Константинополя и, к своему счастью, не успели еще присоединиться к флоту Ибрагима [59].

Впечатление в Лондоне, а особенно во Франции было огромное. Если бы Екатерина, ликовавшая при получении реляции о великой Чесменской победе, могла знать кое-какие детали, доложенные лордам адмиралтейства их агентом, то ее радость еще

более бы усилилась. Оказывается, что последствия Чесмы немедленно и наиболее катастрофически сказались именно на французах и на их обширнейшей торговле в турецких владениях. «Торговля совершенно приостановилась (is entirely at a stop) на Леванте, французы очень сильно пострадали, турки сильно разъярены против них за то, что французы втравили их в эту войну. Турки их грабят и крайне дурно с ними обходятся: на Мистре и в Морее у французов была очень выгодная торговля, но теперь она разорена, ни одного французского корабля не видно теперь на Леванте». Англичанин, злорадствуя по этому поводу, не забывает беспристрастно прибавить: «Турки также очень разъярены и против англичан, полагая, что не только французы являются причиной русского появления в турецких морях, но что большинство офицеров и солдат на борту русских судов — англичане. Эти сведения, как я слышал, усердно распространяются французами».

Лорды адмиралтейства и с ними британский кабинет могли усмотреть, таким образом, в Чесменском событии две стороны: отрицательную и положительную. Плохо было то, что Екатерине так невероятно блестяще удалось это головоломнейшее предприятие — перебросить из Балтийского моря в Архипелаг большой флот и уничтожить дотла весь прекрасно вооруженный и крупный количественно флот Турецкой империи, нехорошо было и то, что появление Орлова сопровождалось смутами и восстаниями в Морее и других местах, населенных христианскими подданными Порты. Но зато очень хорошо было то, что Орлову, Спиридову и Грейгу удалось 5 и 6 июля (нов. ст.) 1770 г. под Чесмой одним ударом совершить в высшей степени важное для англичан дело, хотя, конечно, они меньше всего об английских интересах думали, сжигая весь флот капитана-паши. Русские этим ударом разорили французскую торговлю, создали почву уже не только для антигреческих, но и для антифранцузских погромов, прочно поссорили турок с французами и очень облегчили англичанам их дальнейшую неустанную политическую и экономическую борьбу с ненавистными французскими конкурентами на всем Леванте. Что турки на первых порах были раздражены и против англичан — это было полбеды. Англичане знали, что они несравненно менее скомпрометированы перед турками, чем французы, в этой несчастной для Порты войне и что турецкий диван это хорошо знает. Эти последствия Чесменской победы ничуть не подрывались опасениями, что русские победители заменят собой французов: русские не были для Англии, переживавшей свой гигантский блистательный промышленный переворот, сколько-нибудь серьезными соперниками на торговом поприще. Особенно это относилось именно к Морее, к Малой Азии, к морям, омывающим южные владения

Турции, где и действовал Орлов со своей эскадрой. Если бы Орлов угрожал Константинополю, если бы речь шла о непосредственном уничтожении Турции, как самостоятельного государства, тогда, конечно, положение изменилось бы. Но этого еще не было и в помине, и, таким образом, для Англии указанные положительные и отрицательные стороны Чесменской победы более или менее уравновешивались. И английский посол лорд Кэткарт даже с некоторым сочувствием писал из Петербурга своему начальнику статс-секретарю иностранных дел графу Рочфорду, донося ему о настроениях при русском дворе 3—14 сентября 1770 г.: «Храбрость, образ действий, решительность, обнаруженные русским адмиралом и его офицерами и моряками в таком новом для них случае, очень усиливают чувство удовольствия, которое императрица испытывает по поводу полного успеха всех частей этой операции». В этой несколько неуклюжей, но многозначительной английской фразе (the complete success of every part of the operation) лорд Кэткарт хочет явно выразить мысль, что русская победа не только в том, что Ибрагима-пашу пустили ко дну со всем турецким флотом, но и в том, как русским удалось создать, вооружить, пустить в очень далекое, опасное плаванье большой военный флот, как удалось подготовить дееспособных командиров, моряков, артиллеристов, наконец, как удалось возжечь пожар восстания на юге Балканского полуострова.

Уже очень скоро после получения лордами адмиралтейства в Лондоне известий о Чесме британский кабинет обратился непосредственно через лорда Кэткарта к Екатерине с предложением заключить союз между Россией и Англией. Кэткарт, зная, что граф Панин больше официальная, показная фигура, а совещается Екатерина вовсе не с ним, но с Григорием Орловым, передал официально это предложение Панину, а на другой же день сделал визит Григорию Орлову. И Панин и, что было для Кэткарта, как симптом, еще важнее, Григорий Орлов, отнеслись к английскому проекту очень хорошо. И императрица была довольна, это также очень скоро узнал посол. Передано было это предложение 14(25) сентября 1770 г. Англия в этот момент изо всех сил боролась против всех французских начинаний и в Турции, и в Польше, и против «французских интриг», направленных к скорейшему заключению мира между Турцией и Россией. Англичане боялись, что успех французов в этом деле отдаст надолго Турцию в их руки.

Очень кстати для русского флота в 1771—1773 гг. турок постигла некоторая дипломатическая неудача. Управлявший двенадцать лет подряд внешней политикой Франции герцог Шуазель, неглупый человек, но довольно посредственный дипломат, причинивший много вреда Франции именно своей озлобленно-

враждебной и, главное, неискусной политикой относительно России, был внезапно уволен в отставку и сослан в свое поместье 24 декабря 1770 г. Держался он больше всего милостями любовницы короля Людовика XV маркизы Помпадур, а прогнали его совершенно экспромтом, вследствие того, что он впал в немилость у новой любовницы Людовика г-жи Дюбарри.

Обильные неизданные документы, отчасти напечатанные, отчасти использованные в двух больших томах Гастона Легра: «Le duc et la duchesse de Choiseul» (Paris, 1902) и «La disgrâce de Choiseul» (Paris, 1903),— поражают ничтожностью своего содержания. Ровно ничего интересного с точки зрения характеристики политики Шуазеля мы тут не находим. Любопытно в них, может быть, именно окончательное доказательство, что отставка Шуазеля нисколько не знаменовала провала его дипломатических принципов и установок.

Но все же некоторые последствия эта отставка имела. Шуазель вел себя не только враждебно, но и нагло-вызывающе относительно России. Он гордился тем, что провоцировал турок на объявление войны России в 1768 г., но предупредить Чесму оказался не в состоянии. Теперь сменивший его на посту министра иностранных дел герцог д'Эгильон подавно мало мог бы сделать для турок, если бы даже хотел того. А он не особенно и хотел. Он долго осматривался, разбирался в делах — и был очень затруднен сам непрочностью своего положения.

Турки и польские конфедераты остались на ближайшее время без французской поддержки. Временно французская дипломатия как бы выбыла из строя и в Польше и на турецком Леванте. Русский флот в Архипелаге мог более спокойно и уверенно поддерживать блокаду Дарданелл, утверждать русское владычество на островах Архипелага и захватывать торговые суда, пытавшиеся пробираться из Средиземного моря в Эгейское.

XIII

Справедливость требует заметить, что между жителями островов Архипелага, занятых русскими моряками и солдатами, и русской властью установились и прочно держались вполне удовлетворительные и даже дружелюбные отношения. Русские, в общем, не только не обижали греческое (да и турецкое) мирное население, но, напротив, считали своим долгом кормить этих хронически голодавших островных «мужиков», и еще в половине XIX столетия местные предания хорошо поминали русскую оккупацию. В виде характерной иллюстрации может быть приведена интересная рукопись, найденная мной в неисчерпаемой сокровищнице нашего Ленинградского Военно-Морского архива. Это — письмо графа Войновича адмиралу Спиридову, его

прямому и непосредственному начальнику. Войнович оставался временным заместителем Спиридова, отбывшего с островов в отпуск для лечения. Письмо (точнее, служебный доклад) относится к зимнему, хронически голодному из-за войны времени для многих из этих островов, которым даже и летом приходилось тогда не очень легко вследствие полной разобщенности с внешним миром.

Вот что докладывал Войнович Спиридову 16 января 1771 г. Вследствие необычайной скудости каких бы то ни было данных подобного рода считаю уместным привести тут полностью этот драгоценный документ, который так характерен для русского ведения войны, для русского отношения к бедствиям мирного населения на оккупированной вражеской территории:

«Ваше высокопревосходительство милостивый государь Григорий Андреевич. Жители архипелагских островов как они покорены под оружие ее императорского величества и по приказу его графского сиятельства Алексея Григорьевича Орлова и вашего высокопревосходительства теперь управляемы мною, то по недостатку у них в хлебе, ежедневно просят меня, чтобы исходатайствовать от вашего высокопревосходительства споможения им пшеницею и ячменем; дабы не умерли от голоду, понеже они по нынешним военным обстоятельствам ничего того, что за их потребно доставать не могут, а то, что они прежде доставали, на привозимых к им баркам от двух островов Идры и Ипсара, кои еще находятся для покупки из неприятельских мест свободны, а ныне и то все или большая часть оного привозится для нашего флота; почему они говорят, как они наши то надобно нам стараться об них так как сами о себе. Здравой разум и естественной закон во всем сходствует с их словами, и я с ними согласен для двух резонов, первое что я определен для управления над ими, второй для удаления от какого-нибудь злоключения. Потому что ежели мужики какого острова претерпевать будут голод, то принуждены будут разграбливать собственную нашу пшеницу, а я уже уведомлен через письмо епископа острова Сифно, что мужики в оном острове готовы оное сделать, а смотря на сих и в прочих островах могут поступить таким же образом, и через сии худые обстоятельства, которые могут провести такое их предприятие сделают они нам недостаток в хлебе, а себе великое разорение, и все то что последует впредь уверяет нас, что мы не избежим от сего, но еще подвергнем себя и другому чему. По причине той (как мне от некоторых островских приматов сказано), что от них требовано было письменно дабы покорились они в подданство ее императорского величества нашей всемилостивейшей государыни вооружая себя против общего неприятеля когда к тому будет нужда и учинить присягу, чтоб с ним никаких коммуникаций, ни публичных, ни приватных, не иметь

как словесно так и письменно, а от этого они или лучше сказать мы будем иметь недостаток во всякой провизии, а после может случиться и то, чтоб от здешних мест отойти, а их большая часть от голоду, а другие от турецких саблей погибнут. Потому что ежели сие будет известно в турецких землях, то в то время турки без всякого сомнения из своих мест с острова Идра и Ипсара отпущать пшеницу запрегят.

И так ежели сии два острова другим островам и нам спомоществовать пшеницею не будут, то мы как выше сказано пшеницею и другими надобностями можем быть недостаточны, а голод понудит мужиков и самую траву есть. Сверх всего сего еще как многие островские жители имеют большую часть своего капитала в руках турецких, которой они надеются получить, а после исполнения подданства должны оное потерять. Также родственники их и земляки кои для купечества, а некоторые для взятия своих долгов, а другие для своей работы находятся в Константинополе и в Смирне в рассуждении сего будут подвергнуты великой опасности дабы не погибли от турецких саблей. Я в рассуждении островских нужд и службы к интересам ее величества тронут к сохранению всех народов обретающихся в здешних островах о всем том, что может с ими случиться, по моей должности покорно представить к вашему высокопревосходительству с изъяснением сие мое малое мнение ежели оное мне дозволяется, чтоб сию публикацию оставить до другого времени для лучшей пользы обоих сторон и чтоб не было от нас им запрещено обходиться с неприятелем, обманывая его, так как они знают для сохранения их самих, а для нас довольно и того, чтоб они были к нам с искренним сердцем как наши верноподданные чего я от них и надеюсь, а теперь можем получать от тех островов равным образом все то, что и после приведения в подданство надеялись получать да еще и больше, для того что никакого недостатка иметь не будем, а ежели оная публикация объявится, то все конечно оного не минуем.

Я уповаю, что вашему высокопревосходительству сие мое малое предложение не будет противно и причтете мне ревность к службе как в интересах ее величества, так и ко всему обществу. Впрочем препоручаю себя в милостивое вашего высокопревосходительства содержание с глубочайшим почтением и покорностью есмь во всю мою жизнь.

Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга Граф Иван Войнович. Генваря 16 дня 1771 году» [60].

Прибавим к этому, что у нас есть также ряд свидетельств о самом гуманном поведении русских относительно военнопленных. Все иностранные консулы, бывшие в Смирне в дни антихристианского погрома в городе (после Чесменского боя), в коллективном послании благодарили графа Орлова за его велико-

душное решение относительно турецких пленников, которых, как правило, он всегда выпускал на свободу: «Великодушие, с каким ваше сиятельство поступили с великим числом турецких пленников, находящихся в вашей власти, возвратя им столь щедро их свободу, привлекло как с нашей стороны, так и от неприятеля удивление и почитание, каковое подобные поступки исторгают от самих варваров»[61]. Так писали иностранные консулы, которые именно благородному поведению русских относительно пленных приписывали старание турецких властей в Смирне поскорее прекратить всеми мерами погром христиан в городе.

Как увидим дальше, благородное отношение к пленным туркам со стороны русских признают и турецкие источники.

Что известный риск для России в отправлении трех эскадр так далеко действительно был,— в этом мало кто сомневался в Европе. Двадцатидвухлетний датский король Христиан VII, двадцатипятилетний шведский король Густав III не только своей молодостью и предприимчивостью внушали кое-кому опасения. Аббат Галиани, друг энциклопедистов и корреспондент графа И. И. Шувалова, писал ему 1 октября 1771 г. из Неаполя серьезное по сути, хоть и шутливое по форме, письмо, укоряя русский флот в неисполнении его (аббата Галиани) желаний. «Я хотел отозвать бо́льшую часть кораблей, предпочитая, чтобы они вернулись в Балтийское море до морозов; в Архипелаге я оставил бы два корабля, четыре фрегата и несколько мелких судов. Тратиться на них мне бы не пришлось, так как они жили бы контрибуциями и захватом неприятельских судов, а в то же время они блокировали бы и беспокоили бы с этой стороны всю Оттоманскую империю. Я очень значительно сократил бы таким образом издержки, а к следующему году у меня в Балтийском море был бы почтенных размеров флот и до намерений шведов и датчан мне было бы мало дела. Дивлюсь я тому спокойствию, с каким Россия относится к этим двум молодым королям. Вы скажете, что, несмотря на отбытие трех флотов и неоднократные пожары, Кронштадт все же в силах спустить на воду еще целый флот. Может быть и так. Но я по собственному опыту знаю, что не следует выпивать бутылку до дна»[62].

Галиани, как и многие энциклопедисты «энциклопедии скептический причет», к которому Пушкин относил и Галиани, симпатизировал Екатерине, восторгался ею и был ослеплен ее успехами. Но беспокойство его было напрасно. Екатерина послала три эскадры (Спиридова, Эльфинстона и Арфа) и имела средства в 1772 г. послать еще и четвертую (Чичагова — Коняева), а в 1773 г. — даже и пятую (адмирала Грейга), но «молодые короли» все-таки не считали Петербург, Кронштадт, Ревель — беззащитными и не выступили.

Русская императрица знала, что Дания смотрит на Россию как на защиту от Швеции, а Густав III никогда в точности не знал, кто больший ему враг — Дания или Россия. Время для нападения на Россию еще не пришло для Густава III. А для Христиана VII оно и вовсе никогда не пришло.

Только в 1772 г. турки осмелели настолько, что проявили поползновение удалить из Архипелага русский флот, шаривший берега Сирии, входивший в сношения с восставшими против Порты друзьями, перехватывавший купеческие суда, пробиравшиеся в Константинополь.

Но, к счастью, русский флот получил вовремя большую подмогу.

XIV

8 мая 1772 г. из Ревеля вышла для подкрепления русских сил в Архипелаге новая эскадра под начальством контр-адмирала Чичагова. 16 июля она прибыла в Порт-Магон на о. Минорка, где оставалась до 9 августа. Эта задержка была вызвана исправлением повреждений снастей и «умножившимся числом больных».

15 августа эскадра прибыла в Ливорно, откуда Чичагов отправился обратно в Петербург, сдав командование эскадрой капитану Коняеву.

Капитан 1 ранга корабля «Граф Орлов» Михаил Тимофеевич Коняев прибыл в Средиземное море в составе эскадры контр-адмирала Чичагова и в Ливорно принял начальство над всей эскадрой Чичагова [63].

Он вышел из Ливорно в Архипелаг с тремя кораблями, окрещенными уже после Чесмы: «Победа», «Граф Орлов» и «Чесма».

Под начальствомКоняева был поставлен и еще небольшой отряд судов, где начальствовал майор граф Войнович.

Коняев крейсировал со своими судами между Кандией (Критом) и берегом Люфет, недалеко от острова Цериго,— когда неожиданно ему пришлось выдержать опаснейшее испытание.

Ведь кроме лучшей и наиболее могущественной турецкой линейной эскадры, истребленной без остатка перед Чесменской бухтой, у Оттоманской Порты оставались еще суда (преимущественно фрегаты и шебеки) в Адриатическом море, в Мраморном море, в Босфоре, у берегов вассального Туниса.

Дело в том, что перед самым концом осужденных уже давно на неудачу мирных переговоров, происходивших в Бухаресте, турецкое правительство вознамерилось, соединив почти все имевшиеся в его распоряжении эскадры, внезапно ударить на русский флот в Архипелаге и истребить его. Удобнее всего было это сделать, обманув Орлова ложными известиями о будто бы продолжающихся мирных переговорах.

Капитан-паша и пробовал это сделать, но не ему было тягаться в зоркости, хитрости, проницательности и энергии с Алексеем Григорьевичем. Орлов на своем веку и не таких противников видывал, и не наивному восточному лукавцу и примитивному обманщику было провести графа, никогда ни одному турецкому слову не верившего, даже и тогда, когда турки говорили сущую правду.

Удвоив наблюдение, Орлов вполне точно узнал, что ласковый и миролюбивый капитан-паша усердно собирает в один кулак: 1) дульциниотскую эскадру, состоявшую из 47 фрегатов и шебек с артиллерией от 16 до 30 пушек, с транспортами, на которых сидит восемь тысяч солдат, причем эта эскадра, выйдя из албанского порта Дульциньо (сербское Ульчин) на Адриатике, должна еще взять в морейских приморских крепостях Модоне, Короне и Наполи-ди-Романья до четырех тысяч албанцев; 2) тунисскую («барбарейскую») эскадру из 6 военных тридцатипушечных фрегатов и 6 шебек, с тремя тысячами солдат; 3) весь флот, стоящий в Мраморном море и Босфоре, в состав которого входила особая «алжирская» эскадра (число судов не уточнено).

Все эти силы должны были нагрянуть «нечаянным нападением» на русский флот и сжечь его.

«Такие коварные с неприятельской стороны предприятия, производимые уже в действие, принудили меня принять оборонительное оружие», захватить нужные проходы и «отправить в разные места эскадры, а особливо против дульциниотов, морских разбойников, дабы не допустить оных к соединению с тунисцами»,— доносил Орлов Екатерине 7 ноября 1772 г.[64] Когда он это писал, он не знал еще о блестящем подвиге Коняева и его команды, уже совершившемся.

Получив тревожные известия от Орлова, капитан Коняев проявил немедленно замечательную инициативу и энергию. Узнав, что капитан-паша со своим флотом из девяти тридцатипушечных фрегатов и шестнадцати шебек стоит у Патраса и поджидает из Корфу еще 12 судов с десантом, Коняев принял важное решение: немедленно атаковать капитана-пашу. 25 октября, в час дня, подходя к цели, Коняев увидел турецкий флот. Но погода не позволила немедленно начать атаку. Отложили до следующего утра. Турецкий флот был в подавляюще превосходящих силах, но с первого же дня боев у Патраса, то есть с 26 октября, обнаружилось, что небольшая русская эскадра и управляется несравненно искуснее и сражается гораздо храбрее. Русские «отсекли» от турецкого флота две шебеки и фрегат и жестоко их обстреляли своей артиллерией. На второй день (27 октября) пришлось ограничиться лавированием и наблюдением вследствие очень сильного ветра. Неприятель был усмотрен у самого берега под защитой двух крепостей. Сосчитаны

были: 8 фрегатов и 14 шебек. Настал третий день — 28 октября 1772 г.

Коняев собрал военный совет, на котором было решено, несмотря на жестокую пальбу береговых батарей и всего неприятельского флота, идти прямо на сближение и завязать генеральный бой, «надеясь на помощь всевышнего бога», многозначительно добавляет в своей сухой краткой (служебной) реляции капитан Коняев.

Положение было, в самом деле, более чем серьезное. Коняев, не колеблясь, напал на турок.

В момент подхода к Патрасу в распоряжении Коняева были два корабля («Граф Орлов» — 64 пушки, «Чесма» — 74 пушки), два фрегата («Св. Николай» — 26 пушек, «Слава» — 16 пушек), две «поляки» («Модон» и «Ауза» — по 12 пушек) и одна шебека («Забияка» — 18 пушек). Но у неприятеля было 8 фрегатов (по 30 пушек) и 14 шебек (на одних — по 30, на других — по 20 пушек). Русская атака при таких условиях являлась делом не только рискованным, но прямо опасным.

В сражении с русской стороны участвовали все вышеперечисленные суда, а с турецкой стороны — в общей сложности 22 судна, из которых 6 было уничтожено, а остальные спаслись бегством под защиту береговых батарей. Граф Орлов получил донесение о Патрасской победе от капитана Коняева 14 ноября 1772 г., то есть через 16 дней после события.

В дополнение к сказанному приведем записи шканечного журнала корабля «Граф Орлов», начиная с момента приготовления к генеральному бою Коняевской эскадры против турок, то есть с половины восьмого утра 28 октября. Вот кое-что из того, что записывал час за часом в этот день ведший шканечный журнал штурман Савва Мокеев:

10 час. «В начале 10 часа с обоих крепостей и с неприятельского флота начали производить по нас пальбу, но мы несмотря на страсть оной, надеялись на свое мужество и на помощь всевышнего бога чем себя охотно побуждали дать баталию и мы с эскадрою усиливали притти к неприятелю в ближнее расстояние дабы наши пушки удобнее их вредить могли.

11 час. В исходе 11 часа и выстрелом от нас из пушки сигналом велено лечь на якорь и вступить в бой с неприятелем. Вся эскадра лавировалась и поворачивали каждый особо как им было способно, стараясь только о том чтоб притти на ближнее расстояние к неприятелю. Глубина по лоту 35—30—25 сажень, грунт — ил.

12 час. В $^1/_2$ 12 часа приблизившись мы к неприятельскому флоту от ближнего к нам неприятельского фрегата 2 кабель-

това более не было хотя „Чесме“ и определено стать к крепости первой но присмотря наш командующий что на оной сделалось помешательство в управлении также и в парусах и начала спускаться под ветр и надежды не предвидел от нея сделать успеха но на место оной приказано от командующего заступить самим и на глубине 20 сажень ил грунт убрав паруса положили якорь... и начата от нас по неприятельскому флоту, лежащему к крепости и в крепость куда только было удобно действовать сильно жестокая пальба с левого борта с обоих деков ядрами книпелями и картечью брандскугелями, а с „Чесмы“ и фрегата „Николая“ также сильно, а фрегат „Слава“ и шебека „Забияка“, находясь под ветром под парусами ближе к эскадре имели баталию с неприятелем куда их было можно с таким же успехом, что лучше ото всех желать не можно, а „Мадон“ и „Ауза“ будучи тогда вдали от нас под ветром не имели случая биться, в исходе часа увидели мы от нашей с эскадрою сильной пальбы с неприятельских судов люди бросалися в воду и с великой торопливостью, иные съезжали на берег и по ним еще более от нас пальба происходила и сшибли в 6-х стоящего фрегата безань мачту и зажжен от наших брандскугелей... А в неприятельском флоте на многих уже шебеках и фрегатах на ближних к нам спущены флаги и вымпелы, в которых мы палили и оных оказалось, что те неприятельские суда от нашей эскадры побежденные сделались» [65].

Бежавший турецкий флот пробовал укрыться под защитой береговых батарей.

Развязка боя, по существу уже решенного в пользу русских 26 октября, наступила 29-го. Эскадра Коняева в этот день систематически громила артиллерией и поджигала брандскугелями сбившийся у берега, разбитый и совсем уже беспомощный турецкий флот.

К 4 часам дня все было кончено. У русских потерь почти вовсе не было.

Приводим детали из шканечного журнала корабля «Граф Орлов» (флагманского) за 29 октября [66].

1 час. «В неприятельском флоте 8 фрегатов из коих 1 горит да 12 шебек. В $^1/_2$ часа поворотили мы овер-штаг на левый галс, и посланы от нас на шлюпках вооруженных с каркасами для зажжения неприятельских побежденных нами судов констапель Сукин под защищением шабеки Забияка, а после лейтенант Макензи и при нем небольшая егерская команда и велено ему Макензи из неприятель-

ских судов стараться привести к эскадре ежели можно, в 1 час поворотили мы овер-штаг на правый галс, тогда по нас с обоих крепостей и со стоящих при южной крепости флагманского турецкого фрегата, из шабек происходила пальба из пушек и от нас противу их столь сильно и скоро, что напоследок принудили неприятельские суда бой оставить, потом мы пошли к NW для отдаления от крепостей потому что примечено имеющимся течением в Лепанский залив нас сильно дрейфует.

2 час. В начале часа шабека Забияка пришедши близко побежденных неприятельских судов и для очищения берега чтоб шлюпкам безопаснее было зажигать суда, палила на берег и по судам из пушек, сие сделать от командующего нашего приказано было и зажжено видно от Патраса стоящие во 2-х шабек 1 шабек из 4-х и 5-х фрегатов 2. в $^{1}/_{2}$ 2-го часа отдали мы рифы и распустили брамсели, в 2 часа фрегат Слава подходил к неприятельским побежденным судам-же и для очищения берега дабы шлюпкам можно безопасно исправить дело палил из пушек и видно было лейтенант Макензи приставал в 7-х к стоящему от Патраса фрегату и отданы были нашими людьми на оном марсели, потом съехав со оного Макензи и в 9-х к стоящему фрегату им зажжен а в 8-х стоящей шабеке сам загорелся, а в 11-х стоящий фрегат, который еще прежде шел под парусами почитали мы брандером сам загорелся и свалившись в 10-х стоящею шабекой и опая от фрегата загорелась-же, тогда-ж с фрегата Николай посланный барказ видно было приставал в 7-х к стоящему фрегату, а отъехав от оного к 2-й стоящей шабеки которая от их загорелась, а в 1-х стоящий фрегат с шабеки Забияки видно посланным барказом зажжен».

В этот (последний) день боя 29 октября 1772 г. Коняевская эскадра, как видим, просто сжигала одно за другим турецкие суда и сожгла все те, которые не успели ускользнуть накануне и ночью.

В общем же, 28 и 29 октября русская эскадра сожгла семь фрегатов и восемь шебек. Один фрегат успел втянуться в Лепантский залив, но был уже так поврежден, что на другой день затонул. Шесть шебек успели спастись бегством.

Все русские корабли вполне уцелели. В русских экипажах потери были совсем ничтожны: убит лейтенант Козмин, ранены — лейтенант Лопухин и пять матросов. Все семь жертв — на корабле «Чесма».

Таков был, по этим окончательным подсчетам, победоносный бой у Патраса 26, 28 и 29 октября 1772 г. [67]

XV

Угроза русским позициям в Архипелаге с севера, из Патраса, была ликвидирована, и известия об этом событии граф Орлов получил значительно раньше, чем еще одну отрадную новость о том, что и другая турецкая угроза, шедшая с юга, от египетских берегов, тоже ликвидирована.

Нужно заметить, однако, что лейтенант Алексиано, герой этой победы на юге, выступил даже еще за несколько дней до Коняева, как только до него дошло предупреждение о готовящейся коварной атаке турок на русский флот.

Зоркость Алексея Орлова и ловкость его осведомителей позволила ему выследить турецкие приготовления не только на севере от Архипелага — в Дульчинье (Дульциньо), на берегу Адриатики, но и на юге, в Александрии и Дамиетте («Дамиатте»), потому что турки собирались ударить на русский флот одновременно с двух сторон, а пока тщетно пытались «ласкательствами» и обманными вестями о продолжении перемирия и о близком мире усыпить внимание русского главнокомандующего. Но их надежды оказались тщетными.

Орлов вовремя разгадал эти замыслы и, как мы видели, предупредив, с одной стороны, капитана Коняева, который тотчас же и отправился со своей небольшой эскадрой в Лепантский залив, чтобы там напасть на неприятеля, уже стоявшего с «дульциниотскими» и рагузинскими судами и ждавшего новых подкреплений из Дульциньо, с другой стороны, вовремя известил о турецких замыслах и лейтенанта Алексиано, крейсировавшего близ острова Кипра.

Оба русские моряки и их экипажи оказались на высоте положения и проявили перед лицом гораздо более сильного неприятеля в самом деле изумительную, доходящую до отчаянной дерзости отвагу.

Первым выступил Алексиано, у которого в распоряжении, в сущности, были лишь один фрегат и одна фелука. Узнав, что под стенами крепости Дамиатты (так называли Дамиетту) стоят два больших вооруженных судна, каждое о 20 пушках, с экипажем до 700 человек и еще несколько более мелких судов, он немедленно помчался туда.

Предоставим дальше слово Алексею Орлову, который доносил Екатерине о сражении 21 октября 1772 г. под Дамиеттой (Дамиаттой) и о полной победе настоящего героя Алексиано и его матросов следующее (это было уже второе, более подробное донесение Екатерине): «Получа такие известия помянутый лейтенант Алексиано пошел того же дня с одною фелукою прямо к Дамиате, куда прибыв 21 числа (октября — *Е. Т.*), по утру, нашел неприятеля в таком точно состоянии, как об нем сказано

было, но как скоро начал он подходить ближе и поднял на фрегате и фелуке российский флаг, то неприятель, будучи сим потревожен, произвел из судов и крепостных стен пушечную пальбу, однако и тем не мог защитить одного небольшого своего судна, которым вооруженная фелука легко овладела, а лейтенант Алексиано пользуясь сим смятением решился атаковать неприятеля в порте; почему не взирая на производимый с трех сторон огонь, пошел он прямо в средину двух больших судов, где бросив якорь, тотчас вступил в бой, который сперва продолжался с великою с обоих сторон жестокостью и отчаянием через 2 часа, а потом, увидя неприятель не малое число убитых и раненых из своего экипажа, а притом разбитие судов и появившуюся течь, начал бросаться в море для спасения жизни и на шлюпках, барказах и вплавь пробираться к берегам, чему и из других судов последовали экипажи, и сим решилось наконец сражение. Лейтенант Алексиано, по потоплении двух разбитых судов и по взятии фелукою несколько других мелких, удалился от крепостных пушечных выстрелов, стал на якорь на рейде и простоял тамо до другого утра в ожидании прибытия Селима-Бея и других судов из Александрийского порта. 22 числа пред полуднем, увидя в море под турецким флагом идущее прямо к Дамиатскому порту судно и считая что на оном помянутый бей находился, изготовился к новому сражению и как скоро оное подошло ближе к фрегату, то Алексиано, подняв российский флаг, сделал несколько по нем выстрелов, а сия нечаянность бывшего на судне неприятеля столь сильно устрашила, что он без всякого сопротивления опустя флаг отдался военнопленным и перевезен фелукою на фрегат и другие взятые в порте суда; в числе пленных был помянутый Селим-Бей с тремя главнейшими агами, разными другими офицерами и служителями, коих всех осталось 120 человек турков, на судне же найдено: магометов штандарт, 7 знамен, 4 серебряные перья, значащие отличное турецких офицеров достоинство и заслуги, за которые жалует султан сими знаками, булав 4, топорков 3, щитов 3, большие литавры, 2 флага и 8 пушек с множеством разного оружия.

О разбитии и сожжении турецких судов при стенах крепости Дамиата и о взятии Селима-Бея в полон дошедшее до Александрии известие произвело тамо великое смятение, так что городской комендант, опасаясь приближения туда российской эскадры, тотчас приказал разрушить суда и снять все войска для защищения крепости и порта, а сие уже и доставило лейтенанту Алексиано безопасность к свободным при египетских берегах разъездам и к пресечению неприятельской торговли удержанием разных за счет турков провозимых товаров и учинением диверсии и тревоги во всем Египте и Сирии, куда он соединяясь

с полякою офицера Паламиды и удалился средних чисел ноября для продолжения и при сирийских берегах над неприятелем поисков» [68].

Огромно было значение Патрасской победы эскадры Коняева и Дамиеттской победы Алексиано. После этого нового разгрома турки уже ни разу вплоть до конца войны не осмелились потревожить русский флот в Архипелаге прямым, сколько-нибудь значительным нападением. А ведь между Патрасским боем 28 октября 1772 г. и заключением Кучук-Кайнарджийского победоносного мира 10 июля 1774 г. прошел год и восемь месяцев, и у турок, конечно, еще оставались боеспособные суда, потому что Коняев истребил только флот, стоявший у входа в Лепантский залив, но суда, которые этот флот поджидал и с севера, из Дульциньо («дульциниотские»), и с юга, от берберийских берегов (от Туниса) — оставались еще в распоряжении Порты. Однако страх, наведенный на Константинополь истреблением фрегатов у Патраса и у Дамиетты в конце октября 1772 г., оказался настолько сильным и длительным, что напомнил до некоторой степени о впечатлении, произведенном истреблением линейного флота под Чесмой в конце июня 1770 г.

Вскоре стало совсем ясно, что русские останутся владыками занятых ими островов Архипелага ровно столько времени, сколько найдут нужным там оставаться.

Екатерина была восхищена полным провалом турецкой попытки внезапным нападением уничтожить русский флот в Архипелаге в нарушение условий перемирия. Ее больше всего возмущало, что эта попытка совершена была во время перемирия, заключенного Спиридовым с турками (в соответствии с общими мирными русско-турецкими переговорами 1772 г.).

Лишь в феврале 1773 г. узнала императрица об этих октябрьских победах капитана Коняева при Патрасе и Алексиано — под Дамиеттой.

«Граф Алексей Григорьевич,— писала Екатерина Орлову в собственноручном письме от 21 февраля 1773 г.,— с великим удовольствием усмотрела из ваших последних реляций о новых, вами полученных по истечении второго перемирия победах над вероломным неприятелем...» Получив новые подробности, Екатерина удостоверилась, что нападение турок было совершено во время перемирия, в расчете на то, что русские, доверяя честности турок, не успеют подготовить должный отпор внезапной, коварной атаке. «...К особливому нашему удовольствию,— писала она Орлову спустя четыре дня после первого письма,— усмотрели мы с какой рачительной прозорливостью предуспели вы опровергнуть вероломного неприятеля нашего против вас умысел и тем самым нанесли ему, конечно, великий удар» [69].

Мирные переговоры, начатые было в Бухаресте в марте 1773 г., оборвались, не приведя ни к какому результату, и «завиствующие нам дворы», то есть прежде всего Франция — открыто, а Пруссия и Австрия — тайно ведшие все время подкоп под эти мирные переговоры и подстрекавшие Оттоманскую Порту к продолжению войны, могли быть довольны.

Однако герцог Верженн так же, как его непосредственный предшественник герцог д'Эгильон, не решился на то, на что, безусловно, готов был решиться, но смутился только из-за противодействия Англии, павший в 1770 г. Шуазель. Прямой помощи туркам в Архипелаге Франция не оказала.

Следует тут снова вспомнить, что благожелательные предостережения и опасения Галиани были совершенно напрасны. Как и все почти иностранцы, он не знал, что русские к концу войны бывают, обыкновенно, еще сильнее, чем вначале. Петербургское адмиралтейство оказалось вполне в силах после посылки трех эскадр (Спиридова, Эльфинстона и Арфа) в 1770 г., после посылки четвертой эскадры (Чичагова — Коняева) в 1772 г., отправить в Архипелаг еще и пятую, в конце октября 1773 г. Эту пятую эскадру повел в Архипелаг герой Чесмы, теперь уже контр-адмирал Грейг, вызванный в свое время в Петербург и там некоторое время пребывавший.

В эскадре Грейга, вышедшей из Кронштадта 21 октября 1773 г., было четыре корабля (один с 74 орудиями и три — по 66 орудий), два фрегата, шесть транспортов, нанятых у англичан.

Вооруженных чинов во всей эскадре было 2469 человек.

Но этой эскадре, явившейся в Средиземное море к самому концу войны, уже не пришлось принять участие ни в блокаде Дарданелл, для усиления которой ее и выписывал Алексей Орлов, ни в других военных действиях, так как в случае продолжения войны Орлов намечал нападение на два наиболее торговых города Оттоманской империи — на Смирну в Сирии и на Салоники. Это уже не состоялось. Тем не менее, приход этой пятой эскадры в самый момент Кучук-Кайнарджийских переговоров явился очень полезной демонстрацией полнейшей готовности России продолжать, если понадобится, войну со всей энергией.

Отправляя Грейга с этой пятой эскадрой в Архипелаг, Екатерина снабдила его инструкцией, в общем сходной с теми указаниями, которые давались командирам предшествующих эскадр: по-прежнему — зорко и осторожно держать себя относительно враждебных («Бурбонских») государств — Франции и Испании и по-прежнему (и даже более прежнего) твердо верить в помощь Англии:

«Об Англии справедливо можем мы сказать, что она нам прямо доброжелательна, и одна из дружественнейших наших держав, потому что политические наши вкусы и интересы весьма тесно между собой связаны и одним путем к одинаковой цели идут. Кроме того, имеем мы с Великобританскою короной трактат дружбы и коммерции...» Таким образом, «изъяснилися мы откровенно с королем Великобританским и получили уверение, что военные корабли наши приняты будут в пристанях его владения за дружественные, и нами таковые снабжаемы всякою, по востребованию обстоятельств, нужною помощью»[70].

Однако должно тут же заметить, что уже не все английские дипломаты после Чесмы одинаково искренно проводили «русофильскую» политику своего кабинета. Английский представитель в Константинополе Мэррей принадлежал к тем, кого русские победы на море уже начали приводить в большое беспокойство. Он начинал бояться за английские позиции на морях Леванта и поэтому тайно поощрял турок к продолжению войны в 1772 г., когда в Константинополе решили было идти на перемирие. Но поведение Мэррея вызвало суровый отпор и окрик со стороны его прямого начальства, министра лорда Рочфорда, который написал ему 24 июля 1772 г.: «Его величество и его министры не могли считать иначе, как необычайным непониманием с вашей стороны вашего долга, тот совет, который вы решились подать Порте на основании ваших собственных соображений... Совет, прямо направленный против заключения мира (между Портой и Россией), тогда как постоянным желанием его величества было ускорить насколько возможно заключение этого мира (pacification)». Этого сурового выговора было, конечно, вполне достаточно, Мэррей смирился.

Так, до конца Архипелагской экспедиции и, шире, до конца русско-турецкой войны 1768—1774 гг. дипломатическая обстановка в Европе продолжала складываться самым благоприятным для России образом. Десятилетие, следовавшее за окончанием Семилетней войны, то есть 1763—1773 гг., можно в самом деле назвать «декадой французской прострации», как выражается автор новейшей (и наилучшей) истории дипломатии Соединенных Штатов Сэмюэль Бемис[71]. А в 1774—1783 гг. Франция была поглощена подготовкой к войне против Англии на стороне восставших североамериканских колоний и затем самой этой войной. Таким образом, победоносные русские эскадры успели не только пройти в Архипелаг и властвовать там больше четырех лет, но и вполне благополучно оттуда вернуться. Обе великие морские державы — Франция и Англия — подстерегали, сдерживали, обессиливали друг друга все эти долгие годы, и одна из них поэтому при всем своем желании не могла, а другая и не находила для себя выгодным мешать русским победам.

В 1773 г. в Архипелаге русский флот состоял из 13 линейных кораблей, 18 фрегатов, 3 бомбардирских судов, 3 пинков и 1 пакетбота. В 1774 г. этот флот еще усилился приходом пятой эскадры (Самуила Грейга).

Таковы были силы, твердо державшие в руках владычество на море и на 20 островах Архипелага. Укрепиться на материке не удавалось ни в Сирии, ни на Морее, ни на имевшем крепость и большой турецкий гарнизон острове Станкио (или Станко), куда ходила специально выделенная небольшая эскадра капитана Хметевского, высадившая 31 июля и в первые дни августа 1773 г. десант, состоявший в подавляющем большинстве из «албанцев и славонцев» [72]. Десанты приходилось после эфемерных успехов принимать обратно на корабли: слишком мало было налицо русских регулярных сил.

Зато на море русский флот не встречал уже никакого сопротивления.

Русские суда «шарили берега». В 1772 г. капитан Марк Войнович уничтожил под Лагосом шесть судов и взял в плен три; ходили русские суда и под Бейрут и под Сидон, с успехом помогая восставшим против Порты сирийцам и египтянам.

Вообще же все эти долгие годы русский флот был хозяином на северо-востоке Средиземного моря.

Тот же бесхитростный и правдивый дневник капитана «Трех святителей» Степана Петровича Хметевского говорит нам об очень эффективной блокаде на Архипелаге, установленной русским флотом, взявшим множество торговых судов с товаром, причем суда причислены были к русскому флоту, а товар конфискован. Брали и фрегаты, когда те осмеливались показываться.

Орлов обыкновенно отпускал на волю турок, которых брали в плен албанцы, действовавшие в помощь русским. Однажды турецкий паша в «возблагодарение» прислал Орлову лошадь в нарядной упряжи, а адмиралу Спиридову кинжал. Паша при этом спрашивал: приказано ли ему будет жить поблизости или удалиться? и прибавил, что «он русских не опасается, а боится албанцев». Дело было на Масконийских островах. Орлов ответил, чтобы паша «жил безопасно», и тоже послал ему подарок. А русский флот запасся там водой [73]. Словом, даже в тех местах, где турки были в большом количестве и русские не могли овладеть территорией,— турки не противились «мирному» пребыванию русской эскадры у берега.

Вплоть до своего ухода русский флот совершенно самовластно царил в Архипелаге. То, что у турок к концу войны осталось или было выстроено или куплено после разгрома у Чесмы в 1770 году и после русских побед у Патраса и у Дамиетты в 1772 г., пряталось в Мраморном море и в Босфоре, не смея

показаться оттуда, хотя блокада поддерживалась русскими в последние год-полтора перед заключением мира при помощи небольших эскадр, так как значительных сил для этого вовсе и не требовалось.

Вот общая картина, рисуемая в донесении Орлова, посланном Екатерине 5 марта 1773 г.: «Что же принадлежит до производимых ныне со стороны Оттоманской Порты вооружений, то оная старается во всех местах строгими фирманами набирать сухопутные войска, для усиления армии, хотя по дошедшим ко мне известиям народная подлость и неохотно на то соглашается; во всех приморских, купеческих городах удерживаются насильно матросы и отправляются сухим путем в Константинополь, где ныне находится весь турецкий флот, линейные корабли и мелкие суда для починки тамо, и вооружения нужным снарядом и экипажем. По общему слуху считается ныне 9 линейных кораблей всех, старых и вновь построенных, как в разных портах Черного моря, так и в Константинополе с множеством тартан, шебек, галер и других мелких судов, с коими капитан-паша намерен выйти из канала в Архипелаг, чего однако и ожидать ненадежно, за недостатком нужного числа матросов. Равномерно ж и остатки дульцинпотских судов с поспешностью вооружаются при своих берегах, не показываясь в открытом море.

Для удержания неприятельских покушений эскадра от флота в. и. в., состоящая из 5 линейных кораблей и несколько фрегатов, под командой контр-адмирала Грейга, разъезжает при устье Дарданельского канала, корабли же „Чесма“ и „Ростислав“ находятся в Наксийском канале...» [74]

Так турки и оставались закупоренными у Константинополя до конца войны.

Только после окончательной ратификации победоносного Кайнарджийского мирного договора Алексей Орлов выпустил турецкий флот из этого тесного заточения.

XVI

В дипломатических кругах всей Европы русские победы в эту войну на море и на суше, вообще говоря, произвели ошеломляющее впечатление. Недаром, когда турки, наконец, признали себя побежденными и подписали 10 июля 1774 г. мирный договор в Кучук-Кайнарджи, Екатерина с таким веселым любопытством наблюдала физиономии послов, аккредитованных при ее особе. «Я видела в Ораниенбауме весь Дипломатический корпус, и заметила искреннюю радость в одном Английском и Датском министре; в Австрийском и Прусском менее,— писала она Штакельбергу, своему послу в Варшаве,— Ваш друг Браницкий смотрел Сентябрем, Гишпания ужасалась, Франция печальная,

безмолвная, ходила одна, сложив руки, Швеция не может ни спать, ни есть. Впрочем мы были скромны в рассуждении их и не сказали им почти ни слова о мире да и какая нужда говорить об нем? Он сам за себя говорит»[75].

Екатерина знала, какую роль сыграла, в частности, Чесма и вся Архипелагская морская экспедиция в общем счастливом завершении войны, и поспешила о том же приеме дипломатического корпуса написать и Алексею Орлову 28 июля 1774 г.: «Вчерашний день здесь у меня ужинал весь дипломатический корпус, и любо было смотреть, какие были рожи на друзей и недрузей (sic! — *Е. Т.*); а прямо рады были только датский да английский».

Немудрено, что Дания и Англия были в тот момент очень довольны: датчане были прямо заинтересованы в предстоящем возвращении русского флота и русских армий, ввиду вечной угрозы, испытываемой Данией со стороны Швеции и Пруссии, а британский кабинет был очень доволен полным провалом всех французских усилий и расчетов в Константинополе. Франция могла легко вмешаться в явно назревавшую (и частично уже начавшуюся) войну североамериканских колоний против Англии (что в конце концов, как известно, и произошло), и русское торжество на Леванте неминуемо должно было на некоторое время связать французам руки и отвлечь их внимание от Атлантики к Черноморью. Австрии и особенно Пруссии радоваться было нечему: чем более крепчала мощь России, тем, конечно, затруднительнее становилось их положение. Это-то Фридрих II понимал особенно хорошо. Наконец, нечего и говорить о том, что Франция и связанная с ней Испания ощущали поражение Турции как свое собственное.

Русский флот не уходил из Архипелага несколько лет, и турки не только не смели против него что-либо предпринять, но русские суда, свободно крейсируя в водах Леванта, время от времени успевали останавливать и уничтожать турецкие корабли, которым не удавалось вовремя скрыться от преследования.

Длительного, прочного военного результата «навсегда» это долгое пребывание русского флота в Архипелаге дать не могло. Русские не располагали там сколько-нибудь серьезными воинскими силами. Победоносный флот не мог никак заменить отсутствующую армию. Но, безусловно, пребывание нашего флота в Архипелаге сыграло очень положительную роль в чисто дипломатическом отношении при переговорах, кончившихся Кучук-Кайнарджийским миром.

Русская армия в эти же годы одерживала одну за другой замечательные победы под Ларгой, под Кагулом, под Рябой Могилой. Но и Чесма стояла все время грозной тенью перед турецкими уполномоченными.

Согласно условиям победоносного для России Кучук-Кайнарджийского мира 10 (21) июля 1774 г., русские, взамен обширных приобретений в других местах и огромных, ценнейших для России уступок со стороны Турции, вернули Порте Архипелаг, и наши суда потянулись к западу, чтобы через Гибралтар и океан вернуться домой.

Русский флот в момент своего ухода из турецких вод состоял из 15 линейных кораблей, 21 фрегата, 9 галер и приблизительно 50 мелких судов. Ему предстоял долгий и трудный путь по Средиземному морю, через Гибралтар, по Атлантическому океану, через Скагеррак, Каттегат, по Балтийскому морю... Он шел с большими задержками, испытывая бури, страдая от аварий, и даже через год после заключения мира прославившие русский морской флот эскадры стояли в Ревеле и Кронштадте на рейде далеко еще не в полном составе.

Но враждебных нападений от испанцев и французов на этот раз, в 1774—1775 гг., русский флот мог опасаться еще менее, чем в 1769—1770 гг., когда он только еще шел завоевывать свои чесменские лавры: Англия уже явно была накануне войны со своими восставшими североамериканскими колониями и имела все основания подозревать Испанию и Францию в самых враждебных намерениях. Позволить им истребить русский флот англичане ни в каком случае не желали. И флот вернулся домой никем не тревожимый.

В заключение приведем подсчеты, сделанные на основании архивных данных Гидрографического департамента и опубликованных в VII томе «Записок» этого департамента А. Соколовым. Подсчеты относятся ко всем пяти годам (1769—1774 гг.), пока продолжалась экспедиция в Архипелаг.

Вот каковы издержки на это длительное военно-морское предприятие:

«Стоимость кампании».

«Всего, в течении пяти лет, было *послано* из наших портов в Архипелаг: 20 кораблей, 5 фрегатов, 1 бомбардирское судно и 8 мелких; *куплено:* 11 фрегатов и 2 бомбардирских судна; *взято в приз*, не считая поляк, шебек, галер и т. п., 1 корабль, 10 фрегатов. Из этих судов *разломано* за ветхостью: 4 корабля (Северный Орел в 1770 году, Ианнуарий, Трех Святителей и Не тронь меня в 1775 году), 6 фрегатов (Надежда благополучия 1773 г., Зея, Мило и Андро 1772 г., Миконо и Делос 1773 г.), 1 бомбардирское судно (Гром) и 2 мелких (пинки Св. Павел 1772 г. и Соломбала 1773 г.); *погибло:* 4 корабля (Евстафий в 1770 г. разбился, Родос — пленный — в 1770 г. сожжен, Азия в 1773 г. без вести пропал) [76], 2 фрегата (Феодор и Санторин, 1771 г.) и 3 мелких судна (пинк Лапоминк, судно Чичагов, пакетбот

Летучий). Затем возвратилось к своим портам: 13 кораблей, 16 фрегатов, 2 бомбардирских судна и 3 мелких. Всех команд, в эти 5 лет, было отправлено (по счету коллегии) 12 200 человек; не возвратилось 4516. О суммах, употребленных на содержание флота, сведения наши не полны: снаряжение первых трех эскадр (1769—1771) обошлось в 1 576 749 рубл.; содержание четырех эскадр в 1772—73 г. обходилось в 508 725 рубл., содержание 5 эскадр в 1775 г. стоило 565 142 рубля, следовательно, во все 6 лет издержано на снаряжение и содержание эскадр — 3 149 341 рубл.: вновь, сверх штата, для настоящей войны собственно построенные суда стоили 1 285 598; всего 4 434 939 рубл. Но сюда не вошли суммы, ассигнованные непосредственно из Государственного Казначейства: Графу Орлову, при самом начале кампании, на чрезвычайные расходы 300 000 рубл., Адмиралу Спиридову 480 000, Эльфинстону и Арфу по 200 000; суммы посылавшиеся графу Орлову в последствии; подати, собираемые с островских жителей; призовые части, поступавшие в казну, и проч. и проч.»[77] Пояснение к этим подсчетам гласит, что тут 2 р. 60 коп. принимаются равными одному червонцу.

XVII

Чесма и вся экспедиция в Архипелаг — плод блестящих боевых качеств русского флота и оперативности русской дипломатии.

Русские эскадры входят в Средиземное море, обогнув все побережье Западной Европы. Они входят туда под прямой угрозой нападения со стороны французского флота, который в несколько раз сильнее русских эскадр. Русские не имеют никаких собственных морских баз, никакой точки опоры, в полной изоляции от России и лицом к лицу с Тулоном, где уже лихорадочно готовятся военные суда, предназначенные Шуазелем для того, чтобы напасть и пустить на дно русские эскадры. Но русские самым спокойным образом пристают к Гибралтару, потом к порту Магон на Минорке, отдыхают, чинят свои суда после долгого и трудного плавания, идут оттуда никем не тревожимые в Архипелаг, топят при Чесме турецкий флот, больше четырех лет властвуют на Архипелаге и, тем же порядком, возвращаются в Средиземное море, а оттуда — в Балтийское. Но за это время из Лондона отправляются в Париж не официальные, но вразумительные предостережения: на мобилизацию французского флота в Тулоне, если она не прекратится, будет немедленно отвечено мобилизацией английского флота в Портсмуте, Плимуте, Лондоне. На вооруженное нападение французов и союзных с ними испанцев против русских будет немедленно отвечено

нападением английского флота на французов. И французы смирились.

Все это было достигнуто русской дипломатией без малейших жертв, уступок, обещаний в пользу англичан. Екатерина просто правильно учла всю расстановку сил на дипломатической шахматной доске и сделала должные выводы. Не могут англичане допустить победы двух бурбонских дворов на Средиземном море, потому что после истребления русских эскадр это море и огромная левантийская на нем торговля окажутся в прочном владении Франции, Испании и турок, союзников Франции. И не может Шуазель пойти на безумный риск полной гибели французского средиземного флота от руки англичан из-за одного только дела спасения турецкого флота в Архипелаге.

Все это было, вопреки советам и продостережениям, шедшим из Европы, обдумано, обсуждено и осуществлено обоими Орловыми, Алексеем и Григорием, русской морской коллегией, адмиралтейством и решено окончательно «Петербургским кабинетом», который, по словам князя де Линя, помещался в пространстве от лба до затылка Екатерины Алексеевны. Все эти расчеты блестяще оправдались. Русская дипломатия расчистила и облегчила путь адмиралам и доблестным балтийским морякам, и русский флот при Чесме получил возможность вписать одну из самых ярких страниц в летописи русской славы. Сказочный русский морской поход, который, по предсказаниям чуть ли не всей Европы, мог кончиться страшной катастрофой, завершился блистательной победой.

Екатерина отдавала себе полный отчет в громадном впечатлении, произведенном победоносными действиями русских эскадр в этих далеких южноевропейских водах. «Посылку флота моего в Архипелаг, преславное его там бытие и счастливое возвращение за благополучное происшествие государствования моего почитаю»,— так заявила императрица президенту морской коллегии графу Ивану Чернышеву в 1775 г., когда ей доложили, что вице-адмирал Елманов благополучно привел в Кронштадт последние корабли из Архипелага.

Награды щедро посыпались на участников экспедиции. Алексей Орлов получил Георгия 1-й степени и наименование Чесменского. Георгиевскими крестами и другими орденами и отличиями и большими денежными наградами были почтены Спиридов, который получил звезду Андрея Первозванного. Грейг — Георгия 2-й степени; награждены были капитан «Европы» Клокачев, командир «Евстафия» Круз, командир «Трех Святителей» Хметевский, командир «Ростислава» Лупандин, командир «Не тронь меня» Бешенцов, молодые герои брандеров Ильин, Мекензи, Дугдаль, герой Патрасского боя Коняев, герой Дамиетты Алексиано. Особенно отличившиеся матросы не полу-

чили тех наград, которых они были достойны за свою храбрость, выносливость, стойкость. По крайней мере, источники об этом не распространяются.

Блеск русской славы сиял над Чесмой, над Ларгой, над Кагулом. Зависть, недоумение, порой невольное восхищение и прежде всего беспокойство, овладевшее многими европейскими кабинетами впервые после Чесмы, сказывались в правящих кругах Европы все более и более.

Фридрих II, например, был прямо удручен русскими успехами и на море и на суше. Ему ли, у которого русские отняли Пруссию и который еле унес от них ноги с Кунердорфского кровавого поля, где легла вся его армия, ему ли так угодливо и так бесстыдно льстившему всю жизнь Екатерине, было не бояться новых, неслыханных русских побед, ему ли было не завидовать кучук-кайнарджийским достижениям России, дававшим ей Черноморье, сулившим ей в ближайшем будущем Крым, Кавказ?

Фридрих был теперь готов даже примириться с главным тогдашним недругом Пруссии австрийским императором (которого он ненавидел и который платил ему полной взаимностью): он стал делать попытки войти с ним в дружбу, лишь бы настроить его против России. «Со временем ни вы, ни я, мы не можем сдержать этих людей (русских — *Е. Т.*), но для этого понадобится вся Европа, турки перед ними — ничто» [78],— сказал прусский король Иосифу II, встретившись с ним на берегах реки Нейссе в городе Нейссе.

Он, хваставший своим даром исторического предвидения, не предугадал только, что и «всей Европы» может не хватить, чтобы «сдержать этих людей», и что при войне против России, затеянной в XX в. его подражателями, окажется трудным урвать что-нибудь у русского народа, но зато легко будет потерять и всю Пруссию, и хотя бы, например, город Нейссе и вот эту самую реку Нейссе, на берегах которой Фридрих II подстрекал австрийского императора и вел антирусскую пропаганду.

Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798-1800)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Давно отмеченный Грибоедовым недуг части русской общественности в XVIII—XIX вв.— доходившее иногда до подобострастия преклонение перед Западом, перед иностранцами главным образом потому, что они — иностранцы,— сказался и на посмертной участи Ушакова. Только в наши дни его имя получило достойное всенародное признание.

Так же, как, например, в истории паровых двигателей забыли имя Ивана Ползунова, опередившего почти на два десятилетия Уатта, а в лучах славы Лавуазье потонуло и забылось все, что успел наметить и высказать Ломоносов за много лет до французского химика, так же, как при жизни Яблочкова даже не было сделано серьезной попытки отстоять первенство России перед Америкой в истории электрического освещения, так же как и в истории радиовещания Маркони получил сполна все то, что по праву принадлежало имени Александра Степановича Попова,— так же точно ближайшие к Ушакову поколения беспрекословно признали в искусстве ведения морских операций первенство и превосходство Нельсона над Ушаковым, даже не желая считаться с тем хронологически точным фактом, что Ушаков в своих флотоводческих приемах, в своей тактике морского боя явился новатором в полном смысле слова. Упустили из вида, что Нельсон выступил в самостоятельной роли и мог проявить свой талант лишь во второй половине девяностых годов XVIII столетия, когда уже давно успели прогреметь почти все главные морские победы Ушакова, так что никаких «уроков» у Нельсона русский флотоводец уже никак брать не мог.

В России хоть и поздно, лишь в наше время, все же оценили Ушакова и высоко вознесли его имя. Что же касается Западной Европы и Америки, то его и теперь продолжают там почти вовсе игнорировать.

Но победы Ушакова на Черном море, давшие ему почетное прозвище «морского Суворова», не входят в хронологические рамки предлагаемой работы, специально посвященной лишь последнему по времени подвигу славного адмирала — его Средиземноморской экспедиции 1798—1800 гг., и немногие страницы первой главы имеют целью лишь в нескольких словах напомнить о том, как создавалась репутация Ушакова среди черноморских моряков перед тем, как он вывел русские корабли на просторы Средиземного моря.

Исторический интерес, который представляет Средиземноморская экспедиция Ушакова, конечно, еще гораздо значительнее, чем интерес чисто биографический. В высшей степени важную роль сыграло это второе (после Чесмы) появление русских военно-морских сил на Средиземном море, причем действовал на этот раз уже не Балтийский, а совсем юный Черноморский флот, при самом зарождении которого принимал такое деятельное участие Ушаков. Политические последствия экспедиции были очень велики. Завоеватель Италии Бонапарт утверждал в 1797 г., что захват Ионических островов французами он расценивает выше, чем покорение всей Северной Италии. Он имел в виду громадное стратегическое значение Ионического архипелага как опорного пункта, как первоклассной средиземноморской позиции при всяком дальнейшем агрессивном предприятии, куда бы таковое ни направлялось: против Египта, против Бокка-ди-Каттаро, против Константинополя, против русских черноморских владений. Ушаков ликвидировал в 1798—1799 гг. этот захват и изгнал французов с Ионических островов. Это обстоятельство в корне изменило всю ситуацию на Средиземном море и подготовило почву для действий Сенявина в 1805—1807 гг., сыгравших в свою очередь важную роль в истории третьей европейской коалиции против Наполеона.

Основными материалами для предлагаемой характеристики военной и дипломатической деятельности адмирала Ф. Ф. Ушакова за время славной Ионической кампании 1798—1800 гг. являются документы Центрального государственного архива военно-морского флота в Ленинграде, Центрального государственного архива древних актов и Центрального государственного военно-исторического архива в Москве, а также Ленинградского исторического архива и Рукописного отделения Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, в большей своей части собранные и подготовляемые к печати Главным архивным управлением Министерства внутренних дел СССР совместно с Институтом истории Академии наук СССР для сборников документов «Адмирал Ушаков».

Некоторая часть документов была напечатана ранее в приложении к вышедшей в 1856 г. книге Р. Скаловского «Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова» и в «Материалах для истории русского флота», ч. XV и XVI, изд. Морского министра, СПб., 1895—1900 гг.

Из непосредственных документальных публикаций я использовал служебную и личную переписку адмирала Нельсона (The dispatches and letters of vice-admiral lord viscount Nelson) и другие издания, на которые имеются ссылки в тексте.

Кроме всех этих источников, есть одно произведение мемуарной литературы первостепенного значения, которым я пользовался. Это «Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метакса», посвященные описанию боевых «подвигов российской эскадры, покорившей под начальством адмирала Ф. Ф. Ушакова Ионические острова... в 1798 и 1799 гг.»

Записки эти, впервые в полном виде изданные В. Ильинским в 1915 г., прошли тогда как-то почти незамеченными. Между тем по своему значению для истории этой экспедиции и биографии Ф. Ф. Ушакова книга Е. П. Метакса решительно незаменима. Она чуть ли не изо дня в день фиксирует события, очевидцем и деятельным участником которых был этот молодой грек, поступивший на службу в русский флот еще в 1785 г. и пользовавшийся доверием Ушакова в течение всей средиземноморской кампании.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ИОНИЧЕСКИХ ОСТРОВОВ

1. ПЕРЕД ЭКСПЕДИЦИЕЙ В СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Подобно Суворову, Кутузову, Сенявину, Нахимову, Федор Федорович Ушаков родился в небогатой дворянской семье и вступил в жизнь без денег и без покровителей.

Когда шестнадцатилетним юношей Ушаков поступил в 1761 г. кадетом в морской корпус в Петербурге, русский флот был в упадке. Но уже готовилось его возрождение. Очень скоро после вступления на престол Екатерина II взялась энергично за дело. Для нее вопрос о флоте связывался прежде всего с вопросом борьбы за Азовское и Черное моря. Врагом на этих морях являлась Турция, располагавшая значительными морскими силами. Ослабленная на море в борьбе с Англией, Франция своего флота посылать сюда не собиралась. Дипломатические же отношения с Англией в первые полтора десятка лет царствования Екатерины были более чем удовлетворительны. Политика Вильяма Питта Старшего торжествовала еще очень долго после ухода его от непосредственного участия в правительстве. Использовать Россию в упорной борьбе против Франции — вот что являлось тогда движущей силой британской внешней политики. Могла быть (и стала в конце концов) довольно опасной Швеция, но еще не приспело время для авантюр Густава III.

Для успешной борьбы с Турцией прежде всего необходимо было подумать о создании флота на Азовском и Черном морях. Строительство этого флота на старых петровских воронежских и донских верфях было поручено вице-адмиралу Алексею Наумовичу Сенявину. Под его энергичным руководством с ранней весны 1769 г. было приступлено к созданию военно-морской базы в Таганроге, постройке на Дону первых боевых кораблей

и формированию для них экипажей из моряков, которые довольно крупными партиями прибывали сюда из Балтийского флота.

В числе офицеров, командированных в распоряжение А. Н. Сенявина, прибыл на Дон и мичман Ф. Ф. Ушаков, который уже 30 июля 1769 г. был произведен в лейтенанты. Свои способности, знания и усердие к службе Ушаков вполне доказал в годы русско-турецкой войны, но развернуться его дарованиям за это время было совершенно невозможно. Как ни энергично создавался флот на Дону, однако в первые годы войны его сил едва хватало для защиты Азовского моря и его берегов от покушений турецкого флота, более сильного и располагавшего базами в Еникале, Кери, Анапе и Суджук-кале.

Все же к весне 1773 г. молодой флот, обеспечив владение Азовским морем, перенес свои действия в воды Черного моря, успешно прикрывая берега Крыма от неприятельских десантов, и, нанеся противнику ряд чувствительных ударов на море, в значительной степени облегчил положение русской армии в Крыму.

Однако в ходе борьбы А. Н. Сенявину и его соратникам приходилось считаться с недостаточностью морских сил России на Черном море и частенько, по выражению П. А. Румянцева, возмещать нехватку материальных ресурсов силой духа и «иногда отвагою награждать свою слабость» [1].

На четвертом году войны Ушаков получил в командование посыльный бот «Курьер», а затем и более крупное судно — 16-пушечный корабль «Модон». К концу войны мы видим Ушакова в Балаклаве участником обороны этой первой русской базы на побережье Крыма.

В 1775 г. Ушаков был переведен в Балтийский флот.

Одним из пунктов Кучук-Кайнарджийского мира было признание Турцией права свободного плавания русских торговых судов из Черного моря в Средиземное и обратно. Основываясь на этом, Екатерина II в целях усиления флота на Черном море предприняла попытку провести в него под видом торговых судов несколько фрегатов из состава Балтийского флота. Корабли эти, нагруженные разными товарами, под торговым флагом и с убранными в трюм пушками, должны были после некоторого пребывания в Средиземном море проследовать в Константинополь в расчете, что турки пропустят этот «коммерческий» караван через проливы. Экспедиция эта была отправлена в 1776 г., и Ушакову, уже в чине капитан-лейтенанта, пришлось участвовать в ней в качестве командира фрегата «Св. Павел». Почти три года эта небольшая эскадра плавала по Средиземному морю, но в Черное море не попала, потому что Турция, недовольная Кучук-Кайнарджийским миром, под

влиянием прежде всего Франции уже начинала готовиться к новой войне против России и подозревала русское коварство в посылке многочисленных «торговых» судов.

С 1783 г. Ушаков служил в новых портах Черноморья: сначала в Херсоне (1783—1785 гг.), а потом (с 28 августа 1785 г.) — в Севастополе.

Эти населенные пункты громко именовались городами, хотя Херсону, когда Ушаков прибыл в этот поселок, было от роду пять лет, а Севастополю еще и того не было. В Херсоне служба была тяжелая. Ушаков много потрудился по борьбе с чумой, которая разразилась там как раз в первый же год его службы. К этому времени уже успела выявиться яркая черта Ушакова, сближающая его с позднейшими нашими замечательными флотоводцами: Лазаревым, Нахимовым, Макаровым. Мы имеем в виду заботу о матросе, о его здоровье, о гигиене на корабле, об общем благосостоянии команды, его неустанную борьбу против разворовывания казенных денег, ассигнуемых на пищу и одежду личного состава флота.

Ушаков выселил всех своих моряков далеко за город на все время, пока не утихла эпидемия. Все работы на несколько месяцев были прерваны.

Когда началась русско-турецкая война 1787—1791 гг., Ушаков еще на подчиненных ролях проявил себя талантливым боевым руководителем. Борьба предстояла нелегкая. Ведь эта война ничуть не походила на русско-турецкую войну 1768—1774 гг., которая тоже была трудна. Турки начали готовиться к реваншу тотчас же после Кучук-Кайнарджийского мира. Султан только тем успокоил свое духовенство (улемов), возбуждавшее недовольство в народе, что мир с русскими — это не мир, а лишь перемирие, передышка; и когда после нескольких лет мира Россия в 1783 г. присоединила Крым, то улемы уже совсем открыто и без препятствий со стороны властей предвещали войну с проклятыми гяурами и несомненное торжество правоверных. Усиленно строили корабли, укрепляли изо всех сил Измаил и другие крепости, набирали и обучали матросов. Да и внешняя дипломатическая обстановка складывалась для Оттоманской Порты благоприятно: к старому другу — Франции — прибавились новые друзья Полумесяца — Англия, Пруссия, Швеция, так что хотя австрийский император Иосиф II и стал на сторону Екатерины, но все-таки настроение в Константинополе было самое воинственное. А на море, где Австрия ни малейшей помощи русским оказать не могла, и подавно позволительным казалось рассчитывать на полный успех турецкого флота над еще только что созданным слабым русским флотом.

Не сразу засияла над Черным морем звезда Ушакова. Первый выход Ушакова в море в августе 1787 г. в эскадре графа

Марка Войновича, где он, командуя в чине бригадира кораблем «Св. Павел», был начальником авангарда, окончился неудачей. В поисках турецкого флота эскадра была застигнута у румелийских берегов страшным продолжительным штормом. Один корабль погиб, другой без мачт в полузатонувшем состоянии был занесен в Босфор и здесь захвачен турками: остальные в сильно потрепанном виде вернулись в Севастополь и требовали продолжительного ремонта. В борьбе со стихией Ушаков проявил себя смелым и знающим моряком и, занесенный к кавказским берегам, все же благополучно довел свой корабль до базы.

3 июля 1788 г. на Черном море произошла первая «генеральная баталия» между обоими флотами, где Ушаков в той же должности начальника авангарда блестяще проявил свое тактическое искусство. Встреча противников произошла у острова Фидониси. Против семнадцати линейных кораблей (в том числе пять 80-пушечных) и восьми фрегатов турецкого капудана-паши Эски-Гасана русский флот имел два линейных корабля (оба 66-пушечные) и десять фрегатов. По силе артиллерии и количеству выбрасываемого в залпе металла турки были сильнее почти в три раза.

Но после ожесточенного трехчасового боя противник во избежание совершенного поражения вынужден был отступить и скрыться в беспорядке.

Искусные действия авангарда под руководством Ушакова не дали противнику осуществить его план окружения слабейшего русского флота и использовать свое превосходство в силах. Разгадав намерения врага, Ушаков блестяще отразил нападение его авангарда, связал боем самого Эски-Гасана и тем лишил последнего возможности руководить задуманной атакой.

В стремлении приписать победу своему руководству завистливый и малоспособный Войнович в донесениях о бое затушевал роль Ушакова и подвиги его кораблей. Ушакову пришлось отстаивать себя и заслуги своих храбрых подчиненных, и происшедший на этой почве конфликт с Войновичем неизбежно должен был рано или поздно привести к устранению Ушакова с боевого поприща. Однако вмешательство Потемкина, по заслугам оценившего Ушакова и увидевшего в нем многообещающего флагмана, в корне изменило обстановку. Войнович, проявивший себя и в дальнейшем бесталанным и трусливым начальником, был сменен, а на его место весной 1790 г. был назначен Ушаков.

Не прошло и четырех месяцев, как разгром турецкого флота в Керченском проливе позволил Потемкину с удовлетворением написать своему избраннику: «отдавая полное уважение победе, одержанной вами над флотом неприятельским... приписую оную благоразумию вашего превосходительства и неустрашимой

храбрости вверенных вам сил...»[2], а полтора месяца спустя Ушаков и флот ответили новой победой под Хаджибеем.

«Знаменитая победа, одержанная черноморскими силами, под предводительством контр-адмирала Ушакова... над флотом турецким, который совершенно разбит и рассыпан с потерей главного своего адмиральского корабля... служит к особливой чести и славе флота черноморского. Да впишется сие достопамятное происшествие... ко всегдашнему воспоминанию храбрых флота черноморского подвигов»,— отмечал в приказе Потемкин[3].

Годы боевого руководства Черноморским флотом под начальством Потемкина, может быть, были счастливейшими или, во всяком случае, спокойнейшими с точки зрения личной удовлетворенности в жизни Ушакова.

Потемкин был как раз таким начальником, который, нуждаясь в активном помощнике в деле строительства флота, его подготовки и боевого руководства операциями, видел в Ушакове человека, ясно понимающего роль и значение флота в текущей войне, владевшего искусством побеждать на море и способного организатора. И Потемкин, который, нуждаясь в боевом руководителе для флота, вынужден был в течение войны последовательно избавляться от бездеятельного бюрократа Мордвинова, неспособного и трусоватого Войновича, без колебаний остановил свой выбор на Ушакове.

Вызвав к себе в Яссы Ушакова, Потемкин, хорошо разбиравшийся в людях, увидел в нем человека, которому можно доверить судьбу флота и борьбы на море. Ушаков жаждал активной деятельности на море, он не любил берега и связанной с ним канцелярщины. Вернувшись как-то после трехнедельного поиска у неприятельских берегов, Ушаков выразил это в одном из служебных писем: «просил я позволения... вторично идти с флотом в поход... я только весело время проводил в походе, а возвратясь сюда, принужден опять заняться за скучные письменные дела»[4].

Потемкин понял его и освободил от этих «дел». Уведомляя Ушакова о назначении его командующим флотом, Потемкин писал: «Не обременяя вас правлением адмиралтейства, препоручаю вам начальство флота по военному употреблению»[5].

У Потемкина к Ушакову было и полное доверие, и теплое чувство, которого никогда у него не было и в помине относительно Суворова. Не любил Григорий Александрович, чтоб его очень уж затмевали и отодвигали на второй план, а оставаться на первом плане, на той самой арене, на которой развертываются блистательные подвиги легендарного героя Суворова, было мудрено. Да и характер у Александра Васильевича был вовсе не такой, чтобы при личных сношениях и служебных столкновениях стирать углы и смягчать обиды. Конечно, Потемкин знал твер-

до, что без Суворова не обойтись, что, например, если Суворов не возьмет Измаила, то и никто этой крепости не возьмет. Это-то князь Григорий Александрович знал очень хорошо, но и сам Суворов знал это тоже вполне отчетливо и давал чувствовать... С Ушаковым было совсем другое. Потемкин никогда во флотоводцы себя не прочил, так же, как Екатерина II его не прочила, и тут с каждой морской победой Ушакова росла не только слава Ушакова, но и слава Потемкина — создателя Черноморского флота, начальника, сумевшего оценить и возвысить Ушакова.

Пока был жив Потемкин, Ушаков мог твердо рассчитывать на поддержку могущественного человека, верховного и бесконтрольного главы всех вооруженных сил на юге России и на Черном море.

Военные действия на море возобновились в 1790 г. В апреле 1790 г. Потемкин вызвал адмирала Ушакова к себе в Яссы, чтобы дать ему инструкции на предстоящие летние месяцы. Положение было нелегкое для России: враги вставали со всех сторон. Можно было ждать появления англичан в проливах и дальше проливов... Уже в мае Ушаков с эскадрой начал кампанию нападением на Анатолийское побережье, где его крейсерство привело к нескольким частным успехам. Побывал он уже в самом конце мая и близ Анапы, где бомбардировал суда и крепость.

Этот поход Ушакова имел предупредительный, «превентивный» характер: бомбардировка Синопа 22 мая, сожжение нескольких турецких судов в Синопской бухте (где суждено было 18 ноября 1853 г. Нахимову нанести сокрушительный удар туркам), бомбардировка Анапы, полная растерянность турецких военачальников, убегавших при приближении русских,— все это говорило о том, что, несмотря на количественное и материальное превосходство турецкого флота на Черном море, ему не выдержать решительной встречи с Ушаковым.

Активное действие Ушакова у анатолийских берегов, помимо военного ущерба, привело к полному прекращению подвоза снабжения в Константинополь. Легкие крейсерские суда ушаковской эскадры, рассредоточившись вдоль побережья, топили и захватывали застигнутые в море суда, шедшие в столицу с грузами продовольствия и снабжения. Обеспокоенное турецкое правительство спешно готовило флот к выходу, усиливая его новыми кораблями. Новому капудану-паше Гуссейну было приказано разбить русский флот и высадить десант в Крым. Порта рассчитывала на восстание татар и лелеяла мысль о захвате и уничтожении Севастополя.

Результатом всех этих приготовлений было появление в конце июня в крымских водах турецкого флота из десяти линей-

ных кораблей, шести фрегатов и трех с половиной десятков более мелких военных судов. Русская эскадра встретилась с неприятелем 8 июля 1790 г. «против устья Еникальского пролива и реки Кубани», как обозначает Ушаков место разыгравшегося тут морского боя. Пять часов длился бой, кончившийся бегством неприятеля, которому, однако, удалось увести с собой свои поврежденные суда. У русских кораблей тоже были повреждения, но все они очень быстро были исправлены.

Победа в «Еникальском» проливе ликвидировала угрозу высадки турок в Крыму и нападения с моря и с суши на Севастополь.

Турецкий флот, отойдя к своим берегам, спешно приводил себя после боя в порядок. Не осмеливаясь вернуться в Константинополь без сообщения о том, что дерзкий «Ушак-паша» наказан за свои набеги на Синоп и Анапу, в то же время не решаясь на новую встречу с русским флотом, Гуссейн решил занять выжидательное положение. Его наступательный порыв прошел, но тот факт, что в недавнем бою турецкий флот не был количественно ослаблен и продолжал значительно превосходить русский, подал мысль вновь попытать счастья.

Турки знали, что в Херсоне достраивается несколько кораблей, предназначенных для усиления севастопольской эскадры. В расчете перехватить эти корабли после их выхода из Лимана Гуссейн решил перейти в район Очакова и здесь у Хаджибея выждать их выхода. Возможно, были намерения уничтожить и гребной флот, базировавшийся на Лиман и имевший задание в ближайшее время перейти на Дунай для совместных действий с армией.

Во всяком случае, Гуссейн не уходил из Черного моря после первой, неудачной для него, но все-таки нерешающей, несмотря на серьезные потери в людях, боевой встречи с Ушаковым. Турецкий флот уже стоял близ Хаджибея, когда Ушаков 25 августа вышел искать его.

Сражение, разыгравшееся между Хаджибеем и Тендрой, не было непрерывным боем, продолжавшимся два дня, как об этом писали в Европе. Это был ряд столкновений, происходивших с промежутками 28 и 29 августа 1790 г. Турки были разбиты и, понеся тяжкие потери, обратились в беспорядочное бегство. У адмирала Ушакова в этих боях было десять линейных кораблей, шесть фрегатов, два бамбардирских судна, семнадцать легких судов (крейсерских). У турок — четырнадцать линейных кораблей, восемь фрегатов и двадцать три мелких судна. Флот у турок был больше и лучше русского, и то, что Ушаков говорит о турецких более мелких судах, что они были «хорошей постройки», можно было бы, судя по отзывам иностранных наблюдателей, применить и к большим турецким кораблям и фре-

гатам. Но русских моряков у них не было, не было у них и Ушакова.

При первом же появлении русской эскадры на горизонте турки стали спешно сниматься с якорей и в беспорядке вступать под паруса. Не перестраивая своей эскадры из походного порядка (она шла тремя колоннами) в боевой, Ушаков устремился на арьергард турецкого флота, стремясь отрезать его от главных сил.

Это заставило капудана-пашу, выстроив передние корабли в боевую линию, повернуть на обратный курс, чтобы прикрыть отставшую часть своего флота. Сражение сделалось общим и продолжалось до темноты, причем к вечеру турецкая линия была сбита и противник обратился в беспорядочное бегство. Особенно пострадали корабли турецких флагманов. С наступлением темноты погоня была прекращена, и Ушаков, ввиду признаков наступления штормовой погоды, приказал стать на ночь на якорь.

Как и в предыдущем сражении, тактика Ушакова сводилась к бою на самой ближней дистанции (чтобы иметь возможность ввести в дело всю артиллерию, до самого мелкого калибра) и нанесению сосредоточенного удара по турецким флагманам с целью лишить их возможности руководить боем. Для этого Ушаков выделял из нескольких быстроходных судов особый резерв, который в решительный момент по сигналу адмирала устремлялся или для поддержки той или иной части своего флота, или для усиления атаки на флагманов. С рассветом 29 августа турецкий флот оказался также стоящим на якоре в беспорядке вблизи русских кораблей, и Ушаков приказал возобновить бой. Обрубая канаты, турецкие корабли в панике стремились оторваться от противника. Во время погони был застигнут, зажжен и вынужден к сдаче адмиральский корабль «Капитание». Едва с него были сняты адмирал со штабом и часть матросов, как объятый пламенем корабль взлетел на воздух. В дальнейшем русские захватили еще один линейный корабль «Мелекибахри» и три мелких судна. Разбитый противник в беспорядке бежал в Константинополь, потеряв в пути потонувшими от боевых повреждений один линейный корабль и несколько мелких.

Победа была полная. Море было полностью очищено от противника.

Наградой за победу Ушакову была георгиевская звезда, то есть орден Георгия 2-й степени, который в свое время был дан С. К. Грейгу за уничтожение турецкого флота при Чесме.

В еще большей мере проявилось флотоводческое искусство Ушакова в сражении у мыса Калиакрия 31 июля 1791 г. Обнаружив стоящий у берега под прикрытием батарей

турецкий флот в составе восемнадцати линейных кораблей, семнадцати фрегатов и сорока трех мелких судов, Ушаков с целью выиграть ветер (он дул с берега) прошел с флотом между берегом и противником и обрушился на не ожидавших подобного маневра турок всеми силами.

Был праздник рамазана, и часть турецких экипажей беспечно веселилась на берегу. Атакованный противник, рубя канаты, в беспорядке и панике стремился вступить под паруса и выйти из-под удара в море.

Сталкиваясь друг с другом, ломая себе реи и бугшприты, турецкие корабли беспорядочно бежали в море. Все попытки капудана-паши построить флот в боевой порядок были безрезультатны. Подняв сигнал «нести все возможные паруса», Ушаков гнал турецкий флот, сосредоточив атаку на флагманских кораблях неприятеля. К темноте противник был совершенно разбит и думал только о спасении. Ночь прекратила преследование, и более легкие на ходу турецкие суда устремились к Босфору [6].

Некоторые корабли, с трудом добравшись до пролива, в полузатонувшем состоянии от пробоин, требовали для спасения помощи с берега и всем своим видом с полной очевидностью свидетельствовали о результатах новой встречи с флотом «Ушак-паши».

Турецкий флот, разбитый у Калиакрии, был последней ставкой оттоманского правительства на море. В его состав входили не только основные морские силы Турции, но и эскадры ее вассалов — алжирская и тунисская. Вторым после капудана-паши флагманом являлся алжирский паша Саид-Али, славившийся своим боевым опытом и храбростью. Он уже наперед похвалялся, что разгромит русский флот и привезет «Ушак-пашу» в Константинополь в железной клетке. Но действительность ниспровергла эти мечтания: Ушаков разгромил турок так страшно, что Саид-Али едва унес ноги, а боевая ценность турецкого флота со всеми входившими в его состав алжирскими и тунисскими эскадрами оказалась после встречи у Калиакрии равной нулю.

Стратегическое и политическое значение этой победы было огромно. Хотя к концу лета 1791 г. уже выяснилось, что бряцавшая оружием Англия не выступит против России, и поражение Вильяма Питта Младшего в парламенте по вопросу о войне с нею было уже совершившимся фактом, но эта победа Ушакова делала всякие разговоры об английском выступлении совершенно праздными.

Турецкое правительство, уже перед тем начавшее переговоры о перемирии, но тянувшее их в расчете на английскую помощь, теперь спешно послало курьера в ставку визиря с прика-

зом султана немедленно заключить перемирие; второй курьер вручил Потемкину просьбу о прекращении военных действий на море. Население Константинополя было в паническом настроении, и султанское правительство ждало прямого нападения Ушакова на Босфор и столицу.

Потемкин был в восторге. «Одержанная победа,— писал он Ушакову,— служит к особливой славе вашей», а Екатерина II, посылая контр-адмиралу орден Александра Невского вместе с благодарностью Черноморскому флоту за его боевые подвиги, указывала в грамоте, что эта «знаменитая победа... служит новым доказательством особливого мужества и искусства вашего» [7].

Таким образом, победа у Калиакрии окончательно сломила волю Порты к затягиванию войны. Были возобновлены прерванные было переговоры, длительные, но уже более не прерывавшиеся. Война фактически закончилась. Оправиться от Измаила и Калиакрии турки не могли.

После заключения в декабре 1791 г. Ясского мира Ушаков продолжал командовать корабельным Черноморским флотом и состоять главным начальником Севастопольского порта. Но еще до заключения мира, в октябре 1791 г., его постигла беда: скончался Потемкин, высокоодаренный человек, умевший понимать и ценить чужой талант. Он неизменно поддерживал Ушакова во всех его начинаниях, давал простор его инициативе. Порывы, капризы и некоторая взбалмошность князя Григория Александровича не вредили и не подрывали ряда полезных для флота дел, задуманных и осуществлявшихся неутомимым адмиралом.

Потемкин видел стремления недоброжелателей Ушакова унизить и очернить достоинства его как боевого руководителя. Это особенно ярко проявлялось у старших морских начальников, какими были Мордвинов и Войнович, которые, видя в Ушакове опасного соперника, не могли простить Ушакову ни расположения к нему Потемкина, ни его военных дарований, ни вводимых им новшеств в деле боевой подготовки флота и в тактике, ни, наконец, его боевых успехов. Примеру старших подражали и некоторые более молодые, даже из числа непосредственно подчиненных Ушакову офицеров, и это временами создавало для него весьма тягостную обстановку.

Не раз приходилось Ушакову обращаться за помощью к Потемкину, который немедленно шел навстречу. «Из письма вашего,— писал по одному из таких случаев Потемкин,— примечаю я вашу заботу в рассуждении недоброхотов ваших. Вы беспокоитесь о сем напрасно... Никто у меня, конечно, ни белого очернить, ни черного обелить не в состоянии, и приобретение всякого от меня добра и уважения зависит единственно от

прямых заслуг. Служите с усердием и ревностью и будьте в прочем спокойны» [8].

Но со смертью Потемкина обстановка резко изменилась. Удаленные Потемкиным от управления и боевого руководства флотом, Мордвинов, Войнович [9] и их сторонники снова принялись за сведение счетов. К тому же убранный из Черного моря Мордвинов, теперь произведенный в вице-адмиралы, в качестве ставленника Платона Зубова снова вернулся на пост главного начальника Черноморского флота.

Человек поверхностного ума, бездеятельный и формалист. Мордвинов, обладая фактическим всевластием по должности первого члена Черноморского адмиралтейского правления, причинил немало вреда флоту в первые годы войны до своего вынужденного ухода. Потемкин скоро расценил Мордвинова как законченного бюрократа и высказывал ему это. Вот что писал он в октябре 1788 г., выведенный из терпения бюрократизмом Мордвинова: «Я вам откровенно скажу, что во всех деяниях правления больше формы, нежели дела... Есть два образа производить дела: один, где все возможное обращается в пользу и придумываются разные способы к поправлению недостатков... другой, где метода (т. е. шаблонная, бюрократическая форма — *Е. Т.*) наблюдается больше пользы — она везде бременит и усердию ставит препоны».

Было у Потемкина столкновение с Мордвиновым и из-за Ушакова, который был вызван князем в Херсон для деловых переговоров, но ввиду того, что свидание задержалось, был отправлен Мордвиновым обратно в Севастополь. По-видимому, Потемкин намечал назначить Ушакова руководить боевыми действиями флота в Лимане, чего Мордвинов не желал. За самовольную отправку Ушакова в Севастополь Мордвинов получил от Потемкина строгий выговор и, конечно, помнил это.

Став снова непосредственным начальником Ушакова, Мордвинов, явно завидовавший громкой его славе, мелочными придирками теснил Федора Федоровича, раздражая его и по мере сил мешая ему. Мордвинов подчеркнуто не признавал ни его боевого опыта, ни служебного и морского авторитета. И хотя в сентябре 1793 г. Ушаков, наконец, «по линии» был произведен в вице-адмиралы, Мордвинов не упускал случая для сведения старых счетов.

Особенно обострилась ссора именно в 1798 г., за несколько месяцев до того, как началась Средиземноморская экспедиция Ушакова. Мордвинов посылал Ушакову приказы о вооружении двенадцати кораблей, а Федор Федорович не мог уловить в путаных бумагах начальства точный смысл: «Я все предписания вашего высокопревосходительства желательно и усердно стараюсь выполнять и во всей точности, разве что определено не-

решительно или в неполном и двойном смысле, чего собою без спросу вновь исполнить невозможно или сумневаюсь»,— ядовито писал Ушаков Н. С. Мордвинову 22 марта 1798 г.[10]

Отношения между ними еще более ухудшились, когда во время «пробы» двух вновь выстроенных на херсонских верфях кораблей (в мае 1798 г.) Мордвинов нашел, что эти суда, строившиеся под его личным наблюдением, вполне мореходны, остойчивы и пр., а Ушаков публично, в присутствии многих капитанов, находившихся в Севастополе, высказался, что испытания эти проведены искусственно, нарочно организованы при тихой погоде и корабли не имели должной нагрузки,— словом, что эта «проба» фальшива и поэтому никуда не годится. Раздраженный Мордвинов грубо оскорбил Ушакова. Вне себя от гнева, Ушаков тотчас вслед за этой сценой обратился с письменным протестом не только к самому Мордвинову, но и непосредственно к императору Павлу. Он описал императору, что предпочитает смерть, если не обратят внимание на его жалобу. Он просил разрешения прибыть лично в Петербург, чтобы обстоятельно рассказать царю о сомнительной проделке Мордвинова с «пробой» этих кораблей. Павел велел Адмиралтейств-коллегии рассмотреть жалобу и доложить ему.

Жалоба Ушакова написана была в самых сильных выражениях. Адмирал жаловался на злобные и оскорбительные придирки Мордвинова и приписывал «тяжкий гнев главнокомандующего» именно отрицательной экспертизе Федора Федоровича относительно осмотренных судов: «...при самом отправлении моем со флотом на море вместо благословения и доброго желания претерпел я бесподобную жестокость и напрасные наичувствительнейшие нарекания и несправедливость, каковую беспрерывно замечаю в единственное меня утеснение. При таковой крайности не слезы, но кровь из глаз моих стремится. Смерть предпочитаю я легчайшею несоответственному поведению и служению моему бесчестью»[11].

Но за результат жалобы Ушакова Мордвинов мог быть спокоен. В глазах Павла I Ушаков являлся креатурой ненавистного ему Потемкина, Мордвинов же был лицом, в свое время пострадавшим от своевластного «фаворита» Екатерины. Можно было ожидать, что Адмиралтейств-коллегия учтет это и не встанет на защиту Ушакова. Так оно и случилось. Коллегия нашла, что имеющихся в ее распоряжении материалов для вынесения решения недостаточно, затребовала от обеих сторон дополнительные объяснения... Словом, началась обычная канцелярская волокита. Но все же было признано, что Ушаков был прав, указывая на неясность приказов Мордвинова.

У нас есть еще ряд документов, относящихся к этой жесточайшей ссоре двух адмиралов: а) донесение вице-адмирала

Г. Г. Кушелева в Адмиралтейств-коллегию о повелении императора дать единое заключение о годности кораблей 19 июня 1798 г.; б) от того же числа всеподданнейший доклад конторы Черноморских флотов Адмиралтейств-коллегии; в) всеподданнейший доклад конторы главного правления Черноморских флотов о самовольных действиях Ф. Ф. Ушакова 21 июня 1798 г.; г) выписка из протокола Адмиралтейств-коллегии о взаимоотношениях между вице-адмиралом Ф. Ф. Ушаковым и адмиралом Н. С. Мордвиновым 15 июля 1798 г.; д) рапорт Ушакова Адмиралтейств-коллегии 5 августа 1798 г.; е) «Из журналов Адмиралтейств-коллегии о жалобе Ф. Ф. Ушакова на Н. С. Мордвинова», 25 августа 1798 г. [12]

Эта документация не относится непосредственно к точной теме настоящей работы, но она интересна для характеристики прямой, честной натуры Ушакова, его принципиальной стойкой готовности бороться против интриг и клеветы злобных, завистливых и могущественных врагов. Интересны эти документы для изучающих Черноморский флот как характеристика порядков в морском ведомстве в частности.

Но вот в разгар конфликта двух адмиралов внезапно и круто все изменилось: снова наступил исторический момент, когда России понадобилась не серая бездарность, вроде Мордвинова, а боевой руководитель и славный своими подвигами на море Ушаков.

2. НАЧАЛО ЭКСПЕДИЦИИ В СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Еще в самом начале 1798 г. русскому правительству стало известно, что во французских портах Средиземного моря идет спешная подготовка к какой-то крупной морской операции. В Тулоне, Марселе и ряде других портов велось усиленное вооружение боевых кораблей, оборудование большого числа транспортов и сосредоточение значительного количества войск. Это шли приготовления к задуманной Бонапартом и принятой Директорией Египетской экспедиции. Но для отвлечения внимания от истинной цели экспедиции распространялись ложные слухи о намечаемом вторжении в Англию, десанте на Балканский полуостров, вероятном союзе между Директорией и Оттоманской Портой и вторжении французского флота через открытые Турцией проливы в Черное море.

Обеспокоенный полученными сведениями, Павел I уже в начале февраля приказал Черноморскому флоту под начальством Ушакова спешно готовиться к началу кампании, а до его готовности организовать с помощью крейсеров наблюдение у берегов Крыма, в районе Керченского пролива и от Аккермана до Тендры.

В указах Павла Мордвинову и Ушакову высказывалось опасение о возможности вовлечения Турции в союз с Францией и предлагалось, усилив бдительность на море, надежно прикрыть берега от покушений противника. Ушаков деятельно готовил флот в составе 12 линейных кораблей и больших фрегатов, выслав легкие крейсера в море для действий между Севастополем и Одессой.

Распространяемые агентами Бонапарта слухи сеяли тревогу и вызывали усиление военных мероприятий. В начале апреля были получены сведения, что французы уже вводят свой флот в Мраморном море, и Ушакову было приказано выйти в море для отражения покушений противника. 23 апреля последовал новый рескрипт Павла I на имя Ушакова:

«Вследствие данного уже от нас вам повеления о выходе с эскадрою линейного флота в море и занятии позиции между Севастополем и Одессой, старайтесь наблюдать все движения как со стороны Порты, так и французов, буде бы они покусились войти в Черное море или наклонить Порту к каковому-либо покушению».

Таким образом, еще весной 1798 г. в Петербуге не знали, с кем придется воевать Черноморскому флоту: с французами или с турками? или с теми и другими?

И чем более распространялись слухи о загадочных военных приготовлениях в Тулоне, тем более в Петербурге крепла мысль, что удар вернее всего будет направлен против русских черноморских берегов.

13 мая 1798 г. последовал новый рескрипт Павла:

«Господин вице-адмирал Ушаков.

Коль скоро получите известия, что французская военная эскадра покусится войти в Черное море, то, немедленно сыскав оную, дать решительное сражение, и мы надеемся на Ваше мужество, храбрость и искусство, что честь нашего флота соблюдена будет, разве бы оная (эскадра) была гораздо превосходнее нашей, в таком случае делать Вам все то, чего требует долг и обязанность, дабы всеми случаями мы могли воспользоваться к нанесению вреда неприятелям нашим» [13].

Таким образом, одним из толчков, предопределивших в дальнейшем выступление Павла против Франции, был взволновавший всю Европу выход из Тулона флота с 36-тысячной экспедиционной армией под начальством Бонапарта. Как мы видели, когда сначала готовилась, а затем отправилась в свой загадочный путь эта экспедиция, в Петербурге уже было решено принять немедленно меры предосторожности. Куда направляется Бонапарт? В Ирландию (как сам он нарочно распускал слухи)? В Константинополь? В Египет?

Что Бонапарт высадился в конце июля 1798 года в Александрии и что не успевший помешать этому Нельсон все же разгромил французский флот 1 августа при Абукире, в России узнали очень нескоро. Но одновременно с известиями об этом пришло сообщение и о захвате французами Мальты. Считая себя великим магистром Мальтийского ордена, Павел принял это как вызов. И хотя высадка французов в Египте рассеивала пока опасения за Черное море, но опасность дальнейшей агрессии на Ближнем Востоке побудила Павла предложить Турции союз для совместных действий «против зловредных намерений Франции».

Беспокойство в России внушало именно последнее. Дипломаты, генералы и адмиралы, выросшие в традициях и воззрениях екатерининских времен, знали, что при старом французском режиме неизменным принципом французской политики была всемерная поддержка Турции и в ее борьбе против России и что упорное стремление упрочить свои торговые интересы на востоке Средиземного моря, а если повезет счастье, то и на Черном и Азовском морях долгими десятилетиями руководило всей дипломатической деятельностью версальского двора. Революция в этом отношении мало что изменила, и, например, марсельская буржуазия с таким же искренним сочувствием приветствовала политику Директории в Леванте, с каким встречала, всегда враждебная России, планы и действия на Востоке министра Людовика XV — герцога Шуазеля или министра Людовика XVI — графа Верженна. Но гремевшая уже по всему свету слава молодого завоевателя Италии Бонапарта придавала всем слухам и предположениям о новом его предприятии особенно тревожный характер. Было ясно, что если Бонапарт направится на Константинополь, то, добровольно или по принуждению, Турция непременно вступит с ним в союз, и соединенная франко-турецкая эскадра и десантный флот войдут в Черное море.

Султан Селим III и его диван боялись французов именно потому, что на этот раз «союз» с Францией крайне легко мог превратиться в завоевание французами части турецких владений. При этих условиях предложение Россией союза для совместной борьбы против грозящего нашествия было встречено Портой вполне сочувственно, тем более, что, кроме России, в этом общем антифранцузском наступлении должны были принять участие Австрия и Англия.

Еще до того, как этот внезапный «союз» с Турцией был заключен, последовал высочайший указ адмиралу Ушакову от 25 июля 1798 г. Ему приказывалось «немедленно отправиться в крейсерство около Дарданеллей, послав предварительно авизу из легких судов» к русскому посланнику в Константинополе Томаре. Дальше Ушакову предлагалось ждать извещения от

Томары о том, что Порта просит русской помощи против французов, и как «буде Порта потребует помощи», Ушаков должен был войти в Босфор и действовать совместно «с турецким флотом противу французов, хотя бы и далее Константинополя случилось»[14].

Удивляться, что обратились именно к Ушакову, не приходится. Герой, одержавший несколько замечательных морских побед на Черном море, знаменитый на всем Востоке непобедимый «Ушак-паша» не имел в тот момент соперников между русскими адмиралами. Ушаков получил высочайший указ 4 августа 1798 г. в Севастополе. Немедленно он начал сборы — и уже 13 августа вышел в море с эскадрой в составе шести линейных кораблей, семи фрегатов и трех посыльных судов. Общее число артиллерийских орудий было 794, общее число морской пехоты и команды («служителей») — 7411 человек[15]. По утверждению летописца и участника похода лейтенанта Е. П. Метаксы, корабли были будто бы лучшие в Черноморском флоте, командный состав и матросы — отборные. Среди капитанов — в большинстве ученики и соратники Ушакова по войне 1787—1791 гг.: Д. Н. Сенявин (командир корабля «Св. Петр»), И. А. Шостак, И. А. Селивачев, Г. Г. Белли (в документах называемый иногда Белле), А. П. Алексиано, Е. Сарандинаки, И. О. Салтанов и другие, уже имевшие во флоте весьма почетную репутацию.

В Константинополе уже велись переговоры о заключении союза с Россией, и когда 23 августа Ушаков с эскадрой прибыл к Босфору, или, как его тогда курьезно называли, к «Дарданеллам Константинопольского пролива», в отличие от «просто» Дарданелл, соединяющих Мраморное море с Эгейским, он тотчас послал в Константинополь уведомление о том русскому посланнику В. С. Томаре и уже 24 августа получил ответ, приглашавший его немедленно войти в Босфор.

3. УШАКОВ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

24 августа Ушаков со своей эскадрой вошел в пролив, а 25 августа утром русская эскадра расположилась перед Буюкдере. На следующий день султан прислал к Ушакову драгомана адмиралтейства с разными «многими учтивостями» и бриллиантовой табакеркой. А 28 августа состоялась первая конференция Ушакова с представителями Порты.

Турция согласилась выделить под верховное командование Ушакова четыре линейных корабля, десять фрегатов и корветов и «до тридцати малых судов». Маршрут для Ушакова намечался такой: Архипелаг к берегам Мореи, «к Корону, Модону и Наварину (sic!)», а оттуда прямо к Ионическим островам.

Здесь и должна была произойти боевая встреча Ушакова с французскими оккупационными силами.

«По всем ведомостям Блистательная Порта и весь народ Константинополя,— доносил Ушаков 29 августа,— прибытием вспомогательной эскадры бесподобно обрадованы: учтивость, ласковость и доброжелательство во всех случаях совершенны» [16].

Согласно директиве, полученной из Петербурга, пределы действий эскадры ограничивались районом Египта, Кандии (Крита), Мореи и Венецианского залива, «смотря по нужде и обстоятельствам». В зависимости от последних предлагалось также оказывать содействие находящейся в Средиземном море английской эскадре.

Переговоры с Портой, в которых принял участие и Ушаков, закончились соглашением, по которому соединенные русская и турецкая эскадры под общим начальством Ушакова должны были следовать в Средиземное море для освобождения от французов захваченных ими Ионических островов.

В биографии Ушакова и в боевой истории России открылась новая славная страница.

Почему именно ему поручили огромной важности военную и дипломатическую функцию,— это, принимая во внимание уже заслуженную им репутацию, понятно само собой.

А почему такое большое политическое предприятие было начато, как оно протекало, как оно окончилось и как Ушаков увенчал себя новыми лаврами уже не только российской, но и всеевропейской славы,— об этом нам говорят те документы, к анализу и изложению которых мы теперь и обратимся.

Вторая половина XVIII в. была временем, когда сплошь и рядом военному вождю приходилось обращаться в дипломата и принимать на месте, не дожидаясь указаний из далекого Петербурга, крайне ответственные решения. Петербургская «обратная почта» приносила ответы Коллегии иностранных дел на запросы иногда через месяц, иногда через полтора после отправления этих запросов с берегов Черного моря или Дуная, а иногда и через три месяца, если запрос отправлялся, например, с Ионических островов. Обстановка вынуждала действовать самостоятельно, случались промахи... И не все полководцы чувствовали в себе призвание к дипломатическим переговорам. Суворов терпеть их не мог и прямо раздражался, когда ему обстоятельства навязывали диломатические функции.

В противоположность Суворову, Румянцев и Кутузов (в особенности Кутузов) обнаружили замечательные дипломатические способности. Первый навсегда связал свое имя не только с Ларгой и Кагулом, но и с Кучук-Кайнарджийским

миром, а второй прославился не только Бородинским боем, но и Бухарестским трактатом, по которому, к полному изумлению всей Европы, Россия получила Бессарабию.

Ушаков в этом отношении должен быть причислен к военным вождям типа Румянцева и Кутузова, хотя по своей стратегии и тактике он уже давно заслужил прозвище «морского Суворова».

Его проницательность, тонкость ума, понимание окружающих, искусно скрытая, но несомненная недоверчивость не только к врагам, но и к «союзникам», и даже главным образом к союзникам,— все это позволило ему совершенно, по существу, самостоятельно вести русскую политику и делать большое русское дело на Средиземном море в течение двух тревожных и критических лет европейской политики одновременно с Суворовым. Многие дипломатические трудности, с которыми они оба сталкивались, происходили от аналогичных причин. Замечу кстати, что Суворов необыкновенно высоко ставил всегда Ушакова.

Суворов терпеть не мог осторожных и увертливых карьеристов-немцев, любивших, на всякий случай, прибавлять чуть ли не к каждому своему высказыванию, что они не знают «наверное» — «nicht bestimmt». И именно поэтому великий полководец ценил твердость и точность Ушакова. Вот что читаем у Бантыш-Каменского: «Суворов, не любивший рассыпать похвалы там, где не следовало, особенно уважал Федора Федоровича и любил отдавать справедливость его заслугам. В бытность Суворова на севере Италии к нему приехал от Ушакова офицер с бумагами, немец по происхождению. „А что, здоров ли мой друг, Федор Федорович?" — спросил Суворов. Посланный отвечал: „А, господин адмирал фон-Ушаков?" — „Убирайся ты с твоим фон! — воскликнул Суворов.— Этот титул ты можешь придавать такому-то и такому-то, потому что они нихт-бештимтзагеры, немогузнайки, а человек, которого я уважаю, который своими победами сделался грозой для турков, потряс Константинополь и Дарданеллы и который, наконец, начал теперь великое дело освобождения Италии, отняв у французов крепость Корфу, еще никогда не уступавшую открытой силе, этого человека называй всегда просто Федор Федорович!"» [17]

Ушаков проявил себя как умнейший, тонкий и осторожный дипломат и вместе с тем как человек широкого государственного кругозора.

Случилось, что уже к концу его блестящей деятельности обстоятельства поставили его во главе соединенных морских сил России и Турции сперва для изгнания французов с Ионических островов, чрезвычайно важных в стратегическом отно-

шении для всего хода борьбы на Средиземноморском театре, а затем для операций у берега Италии с целью содействия Суворову в деле очищения последней от войск французской Директории.

Обстановка на Средиземноморском театре создалась чрезвычайно сложная. Генерал Бонапарт, отправившись в мае из Тулона на завоевание Египта, как уже было сказано, захватил по пути остров Мальту и затем, сбив с толку гонявшегося за ним по всему морю Нельсона, благополучно высадил свою армию в Александрии и победоносно двинулся вперед к Каиру, сокрушая сопротивление противника на суше. Но опоздавший Нельсон все же нашел сопровождавший экспедицию Бонапарта французский флот и одержал большую морскую победу при Абукире 21 июля (1 августа) 1798 г.

Вторжение французов в Египет затрагивало не только английские и турецкие интересы, но и русские, хотя, конечно, в меньшей степени. Укрепление французов на Средиземном море в восточной его части грозило полным превращением Турции во французского вассала, появлением французского флота на Черном море, то есть уничтожением всего того, что было достигнуто Россией в результате как Кучук-Кайнарджийского мира 1774 г., так и Ясского мира 1791 г. Египетская экспедиция с этой точки зрения являлась прямым продолжением и как бы дополнением предшествующих событий: захвата Бонапартом Венеции в 1797 г., занятия числившихся за Венецией, хоть и не всегда реально ей подвластных, Ионических островов, утверждения французов в Адриатическом море. Нечего и говорить, что завоевание Бонапартом почти всего Аппенинского полуострова и утверждение французов в Неаполе и в королевстве Обеих Сицилий делали более осуществимыми все дальнейшие планы и предначертания Директории, связанные со странами Леванта.

Но не только эти причины толкали Павла к войне против Франции. Для него Директория была той же ненавистной революционной «гидрой», как и Конвент, и он считал своей священной обязанностью бороться против этой «гидры». Как и во всем, он решил не следовать примеру матери. Екатерина II, может быть, громче всех в Европе кричала о необходимости сокрушить силой «парижских чудовищ», которых она, конечно, и в самом деле яростно ненавидела и опасалась,— но за все свое царствование не послала против Франции ни одного русского солдата, предпочитая, чтобы другие взяли на себя эту нелегкую борьбу. А Павел именно и желал явиться паладином монархического принципа, спасителем «тронов и алтарей» и т. д. Он и оказался фактически еще до начала XIX столетия царем, установившим мрачной памяти традицию «европейско-

го жандарма», роль которого так долго играл после Павла русский царизм при Александре I и при Николае I.

Когда все эти разнообразные мотивы обусловили участие России во второй коалиции, оказалось, что два других главнейших партнера в затевавшейся тяжелой борьбе — Австрия и Англия — не только относятся неискренне, но уже наперед держат против нее камень за пазухой. Австрийский император Франц и его министр граф Тугут умоляли Павла прислать на помощь Австрии в Северную Италию Суворова с русской армией. Английский кабинет во главе с Вильямом Питтом Младшим, конечно, жаждал, чтобы на помощь англичанам как можно скорее пришли русские эскадры в Средиземное и Северное моря. Но и австрийцы и англичане боялись русских, не доверяли им, завидовали их успехам, хотя по существу эти успехи шли на пользу общему делу. А главное — эти союзники мечтали уже наперед не только о победе над французами при помощи русских, но и о том, чтобы сами-то русские не очень задерживались на тех местах, где эти победы произойдут. Это почувствовал на севере Италии и в Швейцарии Суворов. Сразу это понял и действовавший на Ионических островах и на юге Италии Федор Федорович Ушаков, и он вовремя сумел приготовиться к скрытым ударам и парировать их.

В Петербурге еще долгое время не очень ясно и в некоторых отношениях совсем неправильно представляли себе, как обстоят дела на Средиземном море, куда шла эскадра Ушакова. В столице царил совсем неосновательный оптимизм: «Вы знаете, что экспедиция Бонапарта исчезла, как дым»,— с удовольствием сообщает канцлер князь Безбородко С. Р. Воронцову 6 октября 1798 г., то есть именно тогда, когда Бонапарт победоносно шел с армией по Египту, сметая прочь всякое сопротивление турок и мамелюков.

Из-за ложной информации канцлер Безбородко делал совершенно неправильные выводы о предстоящих задачах Ушакова в Средиземном море. Выходило, что о Египте беспокоиться уже незачем. Нельсон будет «блокировать Тулон и прочее», а Ушаков сможет «овладеть островами венецианскими (т. е. Ионическими)», согласовав свои действия с действиями Нельсона и «охраняя берега итальянские, способствовать блокаде Мальты»[18]. Захват Мальты особенно раздражал «гроссмейстера» Павла.

А на самом деле Нельсону пришлось блокировать не Тулон и берега Италии, а прежде всего египетские порты и Мальту, и Ушакову необходимо было считаться с требованиями Нельсона о помощи.

По данным Коллегии иностранных дел, как явствует из того же письма Безбородко С. Р. Воронцову, Ушаков имел под

своей командой к моменту выхода из Дарданелл 9 линейных кораблей, 5 больших фрегатов и несколько мелких судов. А у турецкого вице-адмирала, шедшего вместе с Ушаковым к Ионическим островам, было 6 линейных кораблей, 10 фрегатов и 30 легких судов. Эти сведения были слишком преувеличены. Русская эскадра имела в этот момент всего 6 кораблей, 5 фрегатов и 3 малых судна с 7 400 человек экипажа (из них солдат 1700). Турецкая же эскадра состояла из 4 кораблей, 8 фрегатов и корветов и 4 малых судов.

Старые екатерининские вельможи просто не могли опомниться и поверить ушам и глазам своим: русские в союзе с турками. Но чего не сделает французская революция! «Надобно же вырасти таким уродам, как французы, чтобы произвести вещь, какой я не только на своем министерстве, но и на веку своем видеть не чаял, то есть: союз наш с Портою и переход флота нашего через канал. Последнему я рад, считая, что наша эскадра пособит общему делу в Средиземном море и сильное даст Англии облегчение управиться с Бонапарте и его причетом»,— писал Александр Андреевич Безбородко русскому послу в Англии С. Р. Воронцову [19], сообщая некоторые подробности об экспедиции Ушакова.

Настойчиво указывалось Ушакову на необходимость всячески оказывать полное внимание и почтение туркам, чтобы искоренить их застарелое недоверие. «Впрочем, поручаю вам стараться избегать и не требовать лишнего от Порты и не терять из виду, что, помогая ей, не должны мы становиться в крайнюю тягость. Я полагаюсь относительно сего на ваше благоразумие, быв уверен, что вы будете пещись о выгодах ваших подчиненных, притом и о сохранении наилучшего от нас впечатления как в самом султане и министерстве его, так и в простом народе»,— писал Павел в рескрипте на имя Ушакова 25 сентября 1798 г.[20]

4. ПЕРЕГОВОРЫ С ТУРКАМИ

Начав переговоры о совместных действиях, Турция тем самым вступала во вторую коалицию — если не формально, то фактически. Встреченный в Константинополе самым ласковым образом султаном Селимом III, Ушаков принял деятельное участие в разработке ближайших планов военных действий. Турецкому правительству уже было известно и о высадке Бонапарта в Александрии и о его походе из Александрии к югу, в глубь страны (хотя ничего более точного обо всем этом не знали), и об истреблении французской эскадры Нельсоном при Абукире. Но опасность для Турции и, поскольку с ней связана была Россия, *также и для русских интересов не миновала.*

Французы еще в 1797 г., согласно условиям мира в Кампоформио, захватили Ионические острова и часть Балканского западного побережья в Эпире и Албании. Таким образом, не только Египет, но и западная часть Балканского полуострова отхватывалась французами уже непосредственно от владений Порты. Ионические острова являлись самой важной французской стратегической базой на востоке и в центральной части Средиземного моря.

В ряде совещаний, кроме русских (Ушакова и Томары) и турок (великого визиря, рейс-эффенди и др.), принял участие также английский представитель Спенсер Смит. Ушаков, судя по всему, ставил себе в этих совещаниях две цели: во-первых, получить в возможно лучшем виде вспомогательную турецкую эскадру; во-вторых, все же не брать на себя точных обязательств, в случае успешного изгнания французов присоединить Ионические острова к владениям султана, которому они вовсе не принадлежали, но который очень хотел их получить. И то и другое Ушакову удалось. Он получил под верховное свое командование турецкую эскадру, а насчет Ионических островов ничем определенным не обязался. Турция получала лишь совместный с Россией протекторат над островами, да и то временный.

Чтобы покончить с вопросом о дипломатической стороне совокупных русско-турецких действий, прибавим, что когда Ушакова уже давно не было в Константинополе, турецкие дипломаты и русский посланник Томара продолжали совещаться,— и 13 (24) ноября, зная уже о сдаче французами Ионических островов (кроме Корфу) Ушакову, Томара счел необходимым поставить Ушакова в курс вырабатываемых решений. Крайне любопытное письмо Ушакову «о целях и задачах» внешней политики России по отношению к Турции направил посланник Томара из Константинополя 13 (24) ноября 1798 г. «секретно» [21]. Подчеркивание секретности весьма понятно...

Оказывается, что «высочайший двор» очень мало полагается на своих турецких импровизированных «союзников», которые в течение ста лет были союзниками Франции против России. А посему нужно очень прочно, надолго рассорить турок с французами. Прежде всего пусть Ушаков, соблюдая корректно все требования международного права, принятые между цивилизованными нациями, не мешает Кадыр-паше и туркам делать на Ионических островах с французами все, что им заблагорассудится, даже нарушать подписанные французами условия капитуляции: «...намерение высочайшего двора есть стараться чем можно более раздражить взаимно Порту и Францию, следственно, соблюдая с вашей стороны в рассуждении французов правила войны вообще принятые, не должно

понуждать к наблюдению (соблюдению — *Е. Т.*) их турков. Пущай они, что хотят делают с французами, и турецкий начальник, хотя в самом деле вам подчинен, но в наружности товарищ, может поступать с ними как хочет,— нарушение же капитуляции вам приписано быть не может», тем более, что французы попадут в руки турок (якобы для увоза их в Константинополь), «а вам обременяться пленными не следует и невозможно». Как увидим, Ушаков и тут оказался человеком несравненно более высоких понятий о гуманности и о русской национальной чести и достоинстве, чем Павел I, которого лживая монархическая легенда и историография так упорно старались всегда представить в образе благородного рыцаря и великодушного Дон-Кихота. Его «донкихотство» не имело ровно ничего общего с великодушием. Как увидим, Ушаков и не подумал даже пытаться осуществить эти жестокие макиавеллистические инструкции. Не довольствуясь этими планами, Томара советует Ушакову еще высадить именно турецкий десант в Северной Италии, в Анконе, близ границ Цизальпинской республики. Чем больше турки будут там безобразничать и грабить, тем более непримиримо рассорятся Турция и Франция и тем больше «охоты» получат турки к войне, потому что во имя одной лишь «отвлеченной» борьбы против революции турки воевать долго не станут. Вот если дать им пограбить, это дело иное: «Возвращаясь к сказанному в начале сего письма касательно заведения чем можно большей вражды меж Директорией и Портой, не заблагорассудите ли, ваше превосходительство, убедить Кадыр-бея и Али-пашу к сделанию десанта близь Анконы в границах Цизальпинской республики?» Так как русские не могут и не должны грабить частных жителей, а «турки одни могут воспользоваться добычей» пленного населения, то пусть турки и десант одни делают, «разве только под прикрытием нашим». А этот турецкий грабеж «превеликий ропот и волнение произведет во всей Цизальпине и нацию турецкую заохотит к войне, чего, по несчастию, искать должно, ибо на действие в черни турецкой нынешних отвлеченных войны причин долго полагаться не можно». Ничего не поделаешь! «Возвышение», «отвлеченные причины», «спасение тронов и алтарей» —все это на «турецкую чернь» действует меньше, чем перспектива вволю пограбить. Но и этим предложением Ушаков не подумал воспользоваться и сурово и бдительно воспрещал туркам даже малейшие попытки к грабежу.

Довольно знакомства с этим официальным письмом Томары к Ушакову, чтобы понять, до какой степени все гуманные, благородные поступки Ушакова и его офицеров и на Ионических островах, и в Италии обусловливались тем, что Ушаков действовал диаметрально противоположно тому, что ему ре-

комендовалось Павлом I и его непосредственными дипломатическими представителями. Ушаков своим стойким неповиновением спасал честь России, которую царь без колебаний своими преступными и гнусными «предначертаниями» пытался втоптать в грязь.

Конечно, уже самое изгнание французов с этих островов создавало безопасность и для Архипелага и для проливов. Но Селиму III приятнее было бы видеть Ионические острова в своей власти, а не во власти своих неожиданных, совсем для Турции новых, русских друзей. Вопрос об островах уточнен не был.

Ушаков добился не только предоставления ему турецкой эскадры, но и обязательства турок снабжать русский флот продовольствием и в случае надобности материалами (натурой, а не деньгами) для ремонта судов. Затем Ушаков со своими офицерами осмотрел турецкие корабли. С чисто технической стороны эти суда произвели превосходное впечатление: «все корабли обшиты медью, и отделка их едва ли уступает нашим в легкости... Артиллерия вся медная и в изрядной исправности», но «ни соразмерности, ни чистоты» в вооружении и в оснастке русские не нашли: «паруса бумажные к мореплаванию весьма неспособные. Экипаж турецкий был очень плох, набирались люди из невольников и просто с улицы, часто насильственным путем и по окончании похода снова выгонялись на улицу. Дезертирством спасалось от службы около половины команды в течение каждого похода. Нет ни малейшей выучки у офицеров, нет карт, нет приборов, даже компас бывает лишь на одном адмиральском корабле. Медицинского обслуживания нет вовсе: какой-то беглый солдат Кондратий сделался из коновала главным штаб-лекарем на турецком флоте» [22].

Появление Ушакова возбуждало в течение его пребывания в турецкой столице живейшее любопытство всюду, где он появлялся, отношение к нему было самое предупредительное, и сам он вел себя с большим тактом, сознавая, конечно, что его «союзнические» и дружественные отношения с турками кажутся константинопольскому населению, не искушенному в тонкостях и превратностях дипломатии, несколько парадоксальными. Он спешил начать действия, но турки проявили обычную медлительность.

На «конференции в Бебеке», на которой присутствовали турецкий министр иностранных дел (рейс-эффенди) Измет-бей, английский посланник Сидней Смит, русский посланник Томара и адмирал Ушаков, было решено отделить от соединенных эскадр русской и турецкой четыре фрегата (по два от каждой) и десять канонерских лодок к острову Родосу. Затем отправить один посыльный корабль в Александрию, чтобы

там осведомиться у английского командора, блокирующего александрийский порт, нужны ли ему эти десять канонерских лодок. Если он скажет, что нужны, то идти от Родоса в Александрию, сопровождая эти десять канонерок помянутыми четырьмя фрегатами. Вместе с тем английский представитель Сидней Смит и непосредственно адмирал Ушаков снесутся с адмиралом Нельсоном и узнают о его пожеланиях.

Только 11 сентября Ушаков, уже пришедший в Галлиполи, принял Кадир-бея (в документах иногда «Кадыр-бей») и знакомился со вспомогательной турецкой эскадрой. Кадир-паша, ставший в подчинение по отношению к Ушакову, имел под своим начальством шесть линейных кораблей, восемь фрегатов и четырнадцать канонерских лодок. Таким образом, численностью турецкая эскадра превосходила русскую, по боеспособностью неизмеримо уступала ей. Не все корабли турецкой эскадры пошли непосредственно вместе с Ушаковым, а только четыре двухдечных корабля, шесть фрегатов и четыре корвета, а остальные пока остались в Дарданеллах для охраны пролива.

5. ИОНИЧЕСКИЕ ОСТРОВА ПОД ВЛАДЫЧЕСТВОМ ФРАНЦУЗОВ

Группа Ионических островов называлась также с давних пор «Семь островов». Под этим названием понимались острова: Корфу, Кефалония, Св. Мавра, Итака, Занте, Цериго, Паксо. Ряд других островов, тоже входящих в этот архипелаг (Фано, Каламо, Меганисси, Касперо, Цериготто, Антипаксо, группа мелких островков Строфады или Стривали), примыкает к перечисленным семи островам и очень редко упоминается в документах. Климат островов мягкий, как в средней Италии, но летом большие жары. Почва для земледелия, садоводства, виноградарства и огородничества очень благоприятная. Маслины произрастают в изобилии. Есть соляные варницы; всегда существовала обильная охота за дичью, и охотничий промысел с давних пор был очень развит, так же как и рыболовство. Кое-где (на о. Корфу, на о. Занте, на о. Кефалония) существовала в те времена уже довольно развитая ремесленная деятельность (ткачество, ювелирное и кожевенное дело, прядение шелка и др.).

В самом конце XVIII в. на Ионических островах существовала немногочисленная аристократия, которая, однако, уже не пользовалась былыми феодальными правами над личностью земледельца, а мелкое крестьянское землевладение было очень развито, и крестьяне, жившие недалеко от городов, старались без участия торговых посредников сами сбывать в города сельскохозяйственные продукты. Более крупные земле-

владельцы сдавали нередко свои земли в аренду. При этом крупные поместья принадлежали не только дворянам-аристократам, но часто и лицам недворянского происхождения. При младенческом состоянии тогдашней статистики в этих местах авторы, писавшие об Ионических островах, избегали давать какие-либо точные указания о классовом составе населения всех этих островов. Есть французское, но лишь общее, показание, по которому все население Ионических островов составляло в 1799 г. 242 543 человека. Казалось бы, что если «аристократы» могли не любить французов, приносивших лозунги первых лет революции о равенстве и свободе, то уже крестьяне-то во всяком случае должны были быть на их стороне. Но французский офицер, капитан *Беллэр*, наблюдатель и участник событий на Ионических островах, передает, что именно крестьяне сразу же стали на сторону русских, как только Ушаков подошел к Ионическим островам. Вот, например, что случилось (еще до высадки русских) на о. Занте: «более восьми тысяч вооруженных крестьян, сбежавшихся со всех концов острова ночью, собрались вблизи города под русским знаменем. Эти бунтовщики решили помешать французам препятствовать высадке неприятеля (русских — *Е. Т.*)» [23].

Наконец, казалось бы, что среди городского населения можно было бы ждать проявления сочувствия французам, «сыновьям великой революции», по тогдашнему ходячему выражению. Но и здесь не было сколько-нибудь прочной симпатии к французским завоевателям. Одной только агитацией дворян нельзя, конечно, объяснить ни массовых антифранцузских выступлений крестьян, ни такого сильного брожения среди буржуазии («les bourgeois de Corfou»), что французскому командованию пришлось и разоружать горожан, и усмирять артиллерией мятежников, и приказать сжечь целое предместье, и все это еще до прибытия русской эскадры [24]. Явно недоумевая сам по поводу такого «всесословного» отрицательного отношения к французам, капитан Беллэр предлагает читателю явно неудовлетворительное идеалистическое объяснение: греки и русские одной и той же православной церкви.

Мы дальше еще увидим, что есть и другое, гораздо более реальное объяснение: французы очень мало церемонились с собственностью и крестьян и горожан.

У нас есть одно очень ценное показание беспристрастного свидетеля, посетившего Ионические острова в 1806 г. Описывая царившие там условия, он утверждает, что французы, захватив в 1797 г. острова, не только не стали на сторону крестьян-арендаторов, но, напротив, своей политикой помогали помещикам угнетать крестьян, стараясь тем самым утвердить свое господство: «Дворянство отдает земли свои на откуп и

беспрестанно ропщет на леность и нерадение мужиков, будучи не в силах принудить их к трудолюбию, ибо мужики до срока условий остаются полными хозяевами и не платят своих повинностей; посему помещики издавна почитаются у них врагами. Французы, обнадежив дворянство привесть в послушание народ, были приняты (дворянами) в Корфу с радостью, но ничего не сделали, кроме того, что некоторым, кои более им помогали, дали лучшие земли, отнимая оные по праву завоевателя у тех, которые им не казались (не нравились)»[25]. Мудрено ли, что крестьянство ненавидело французских захватчиков?

Таким образом, обстоятельства складывались для Ушакова благоприятно. Мог ли рассчитывать на какую-нибудь поддержку со стороны греческого населения французский главнокомандующий генерал Шабо, о котором рассказывает Беллэр, всецело ему сочувствующий, его подчиненный и очевидец усмирения взбунтовавшихся горожан Корфу, которые укрепились в Мандухио — предместье города Корфу? «Генерал, видя упорное сопротивление греков и желая щадить свои войска, велел бомбардировать Мандухио артиллерией с Нового форта, с двух полугалер и бомбардирского судна „Фример“. Огонь этой артиллерии принудил бунтовщиков покинуть дома, которые они занимали. Чтобы отнять у них надежду на возвращение туда и чтобы особенно наказать жителей, генерал приказал сжечь предместье. Вследствие этого гренадеры 79-й полубригады вошли туда. Одни из них сражались с греками, тогда как другие, снабженные факелами и горючими веществами, рассеялись по домам и поджигали их... После семи часов сражения бунтовщики были вытеснены из их позиций и большинство домов в Мандухио было сожжено»[26].

После этих предварительных замечаний о том, что творили французские захватчики на островах еще до прибытия Ушакова, для нас многое станет понятным в его успехах, к последовательному рассказу о которых и переходим.

6. ОСВОБОЖДЕНИЕ ОСТРОВОВ ЦЕРИГО И ЗАНТЕ

28 сентября (9 октября) 1798 г. Ушаков подошел к о. Цериго (Чериго). В тот же день с фрегатов «Григорий Великия Армении» и «Счастливый» на остров был высажен десант, который занял крепость Св. Николая. Французы укрылись в крепости Капсала. 1 (12) октября эта крепость подверглась комбинированной атаке со стороны десанта, трех русских фрегатов и одного авизо. Французы сопротивлялись упорно, но не очень долго. Подавленный мощью, артиллерийского огня

и стремительностью атаки, французский гарнизон уже через несколько часов принужден был вывесить белые флаги. Ушаков поставил мягкие условия: французов отпускали «на честное слово» (не сражаться в эту войну против России), и им позволено было выехать в Анкону, занятую тогда французским гарнизоном, или в Марсель.

Здесь Ушаков впервые начал осуществлять план, который он, по-видимому, наметил еще до открытия военных действий. Население (греки по преимуществу) встретило русских с необычайным радушием, и Ушаков своим первым же распоряжением еще усилил эти благожелательные чувства: он объявил, что поручает управление о. Цериго, попавшим в его власть, лицам «из выборных обществом дворян и из лучших обывателей и граждан, общими голосами признанных способными к управлению народом»[27]. Острову давалось местное самоуправление, причем выборы на первых порах ограничивались двумя классами: дворян и торгового люда (купцов, судовладельцев, домовладельцев). Конечно, это самоуправление было подчинено верховной власти адмирала Ушакова, но, по обстоятельствам времени и места, самоуправление с правом поддерживать порядок своими силами, с правом иметь собственную полицию, с охраной личности и собственности от возможного в военную пору произвола привело в восхищение островитян.

Чтобы вполне объяснить восторженный прием, которым так обрадован был адмирал Ушаков, нужно вспомнить историческую обстановку, в которой совершалось освобождение Ионических островов от французов русскими моряками.

В самой Франции это были годы крутой крупнобуржуазной реакции, время жестокого гонения на якобинцев. К 1798—1799 гг. уже миновало то время, когда французов с надеждой встречала как освободителей часть (и значительная часть) населения стран, куда они входили победителями. Крутая эволюция, превратившая «войны освобождения» первых светлых времен революции в войны завоевания и ограбления,— эволюция, уже очень заметная в 1796 г., при первом вторжении Бонапарта в Италию, продолжалась все ускоряющимся темпом в течение 1797—1799 гг. Греки и славяне Ионических островов, итальянское крестьянство Обеих Сицилий и Церковной области, египетские феллахи на берегах Нила жестоко чувствовали суровый военный деспотизм победителей, полнейшее свое бесправие перед французами и ощущали французское завоевание как грабительский захват, потому что в большей или меньшей степени грабеж населения в этих южных странах, занятых французами, практиковался невозбранно. Пресловутый лозунг, брошенный генералом Бонапартом,— «война должна кормить себя сама»,—

приносил свои плоды [28]. Даже та часть населения, которая в других местах больше всего поддерживала французов, то есть буржуазия, здесь, на Ионических островах, не оказала им ни малейшей помощи: ведь эти «Венецианские», как их называли, острова, так долго состоявшие в тесной связи с Венецией — богатой торговой республикой, почти никогда не знали угнетения буржуазного класса феодальным дворянством, а от военных постоев, от произвола и грабежа французов именно торговцы в городах страдали в первую очередь. В Калабрии, Апулии, Неаполе положение было иное: если часть крестьянства и городской неимущий класс остались в общем врагами французов, то часть буржуазии («образованный класс») стала на сторону Французской республики. Но несмотря на кратковременность пребывания французов в королевстве Обеих Сицилий, к концу этого пребывания даже и в среде буржуазии успели обнаружиться симптомы недовольства: стали замечать, что французское завоевание имеет в виду интересы не столько итальянской, сколько французской крупной буржуазии. Все это было уже задолго до установления военной диктатуры и полного самодержавия Бонапарта 18 брюмера 1799 г.

Такова была та солидная почва, которая подготовила благоприятное для русских настроение среди части населения сначала на Ионических островах, а потом в Южной Италии. Если же на Ионических островах это благожелательное настроение населения выразилось в столь бурновосторженных формах, то не следует забывать, под каким террором жило христианское (греческое по преимуществу) население островов. Ведь Ушаков явился тогда, когда могущество Али-паши Янинского на западе Балкан находилось в зените. А о том, что между французами и Али-пашой уже велись переговоры, на островах были осведомлены.

Наибольшую ненависть населения Ионических островов французские захватчики возбудили к себе именно своей временной дружбой с Али-пашой, который, почувствовав эту поддержку и опираясь на нее, подверг страшному опустошению ряд селений, истреблял там (в Нивице-Бубе, в селе св. Василия, в городе Превезе, в других местах) христианское (греческое и славянское) население. Около шести тысяч человек было перерезано. Вешали для забавы семьями по четырнадцать человек на одном дереве, сжигали живьем, подвергали перед убийством страшнейшим пыткам. Изверг Юсуф, командующий войсками Али-паши, предавался всем этим зверствам именно в последние месяцы перед появлением Ушакова. «Можно представить себе без труда, какое впечатление эта мрачная драма произвела на Ионических островах. Популярность французов не могла противостоять подобным испытаниям»,— пишет гречанка Дора д'Истрия, не же-

лающая показать из любезности к своим французским читателям, что, помимо гибельной для греков политики «дружбы» французов с Али-пашой, французская популярность была подорвана уже очень скоро после 27 июня 1797 г., когда генерал Бонапарт, уничтожив самостоятельность Венецианской республики, послал одного из своих генералов (Жантильи) занять Ионические острова [29]. Грабежи и поборы всякого рода и полное уничтожение даже того очень скромного самоуправления, которым пользовалось население при венецианском владычестве, водворение полнейшей военной диктатуры — все это еще до разбойничьих подвигов Али-паши на албанском берегу сделало французских захватчиков ненавистными большинству обитателей Ионических островов, особенно крестьянам. Это сильно облегчило Ушакову освобождение Ионического архипелага.

13 (24) октября 1798 г. Ушаков от о. Цериго перешел со своим флотом к о. Занте. Положение он застал здесь такое. Французский гарнизон засел в крепости на крутой горе и, кроме того, выстроил несколько батарей на берегу. Ушаков приказал капитан-лейтенанту Шостаку разгромить батареи и высадить десант. Для этой операции были выделены два фрегата и гребные суда. После оживленной перестрелки Шостак сбил батареи и начал высадку десанта. Жители острова толпами стали сбегаться к берегу, восторженно приветствуя русские войска. Произошло, правда, некоторое замешательство, когда вместе с русскими стали высаживаться и турки, потому что греки ненавидели и боялись турок еще больше, чем французов. Но уже очень скоро они сообразили, что главой предприятия является Ушаков, и успокоились.

Наступал вечер, а оставалось еще самое трудное дело — взять крепость. Орудия, палившие с русских кораблей по крепости, ничего поделать не могли, так как ядра не долетали. Капитан-лейтенант Шостак послал в крепость к французскому коменданту полковнику Люкасу парламентера с требованием немедленной сдачи. Люкас отказал. Тогда Ушаков приказал десанту штурмовать высоту, на которой располагалась крепость. Солдаты и моряки, окруженные толпами жителей, освещавших путь фонариками, двинулись к крепости под предводительством капитан-лейтенанта Шостака. Но тут из крепости вышел комендант Люкас, изъявивший желание договориться с русским командованием о сдаче. Боясь, что население растерзает его, если он появится во французском мундире, Люкас явился переодетым в штатское.

Шел уже одиннадцатый час ночи, когда Люкас встретился с Шостаком в доме одного из старшин города, грека Макри. Шостак обещал в 8 часов утра выпустить из крепости с воинскими почестями французский гарнизон, который сдастся в плен

и сдаст все свое оружие. Имущество у французов было обещано не отнимать, но они должны были возвратить все награбленное у населения. Русские обязались не преследовать тех, кто стал в свое время на сторону французов.

14 (25) октября состоялась сдача гарнизона, и над крепостью был поднят русский флаг. Комендант, 444 солдата и 46 офицеров с очень большим трудом были отправлены к Ушакову на корабли,— разъяренный народ хотел отбить их и растерзать. Нужно сказать, что, помимо ограбления жителей и произвола военных властей, греки островов (особенно Занте, Кефалонии и Корфу) страдали еще от полного прекращения с появлением у них французов какой бы то ни было морской торговли. Англичане еще до появления ушаковской эскадры пресекли всякое сообщение между Ионическими островами, Мореей и Италией. Обнищание населения быстро прогрессировало именно на тех островах, где торговля прежде кормила большую массу жителей.

На русских кораблях с пленными французами обращались прекрасно; тем же из них, кто попал на суда Кадыр-бея, довелось вынести все муки галерных невольников. В конце концов пленные были отправлены в Константинополь, а восемнадцати семейным офицерам Ушаков разрешил выехать с семьями в Анкону, занятую тогда французами.

15 (26) октября Ушаков при звоне церковных колоколов, встреченный криками и приветствиями громадной толпы, высадился на берег. Во время шествия русских им из окон бросали цветы. Солдат и моряков угощали вином и сладостями, на домах вывешены были ковры, шелковые материи, флаги. «Матери, имея слезы радости, выносили детей своих и заставляли целовать руки наших офицеров и герб российский на солдатских сумках. Из деревень скопилось до 5000 вооруженных поселян: они толпами ходили по городу, нося на шестах белый флаг с Андреевским крестом». Все это ликование совсем не нравилось туркам, которые «неохотно взирали на сию чистосердечную и взаимную привязанность двух единоверных народов»,— пишет очевидец Метакса [30]. Но дальше чувства населения Занте выразились еще боле недвусмысленно.

Ушаков собрал немедленно «главнейших граждан» к себе на совещание и сразу же заявил, что предлагает приступить «к учреждению временного правления, по примеру острова Церигo». Во время этого совещания громадная толпа народа собралась на большой площади, ожидая результатов. «Но когда зантиоты услышали, что они остаются независимыми под управлением избранных между собой граждан, то все взволновались и начали громогласно кричать, что они не хотят быть ни вольными, ни под управлением островских начальников, а упорно требовали быть взятыми в вечное подданство России, и чтобы определен был

начальником или губернатором острова их российский чиновник, без чего они ни на что согласия своего не дадут» [31].

Дело было совершенно ясно для всех: островитяне смертельно боялись и ненавидели турок и были убеждены, что какое бы самоуправление Ушаков им ни дал, турки, как только он со своей эскадрой уйдет, под каким-либо предлогом (или вовсе без всякого предлога (завладеют островом, что будет еще безмерно хуже, чем французское управление. Единственно, чему они верили, было покровительство России. Ушаков смутился. «Такое неожиданное сопротивление, сколь ни доказывало народную приверженность к России, крайне было оскорбительно для наших союзников и поставляло адмирала Ушакова в весьма затруднительное положение» [32]. Ему пришлось объясняться с народом, и это объяснение, записанное в отчете Метаксы (не русского, а грека по происхождению) вплетает новый лавр в исторический венец славы Ушакова. «Он (адмирал Ушаков — *Е. Т.*) с ласкою доказывал им (народу — *Е. Т.*) пользу вольного, независимого правления и объяснял, что великодушные намерения российского императора могли бы быть худо истолкованы, ежели бы, отторгнув греков от ига французов, войска его вступать стали в Ионические острова не яко освободители, но яко завоеватели, что русские пришли не владычествовать, но охранять, что греки найдут в них токмо защитников, друзей и братьев, а не повелителей, что преданность их к русскому престолу, конечно, приятна будет императору, но что он для оной договоров своих с союзниками и с прочими европейскими державами порушать никогда не согласится». Жители долго спорили и не соглашались, и «много стоило труда адмиралу Ушакову отклонить сие общее великодушное усердие зантиотов» [33].

На первых порах Ушаков назначил «трех первейших архонтов», а уж те должны были кооптировать других членов совета. Полицию («городскую стражу») должны были избрать сами граждане.

За дарованием самоуправления последовала судебная реформа, заменившая военные суды времени французской оккупации.

Уже через четыре дня, 19 (30) октября 1798 г., Ушаков предоставил «дворянам и мещанам» острова Занте и других Ионических островов «избрать по равному числу судей, сколько заблагорассудится, для рассмотрения дел политических и гражданских, сходно обыкновенным правилам и заповедям божиим. Буде ваши судьи в рассматривании дел преступят путь правосудия и добродетели, имеете право на их место избрать других. Вы можете также общим советом давать паспорты вашим единоземцам за печатью вашего острова» [34].

Очень характерно для Ушакова изданное им в первые же дни освобождения Ионических островов распоряжение: выпла-

тить жителям островов те долги, которые остались за французами. Погашать эти долги предлагалось с таким расчетом, чтобы всем хоть частично хватило: «которые бедные люди и французы им должны, следовательно, заплату (sic! — *Е. Т.*) должно делать всякому не полным числом, сколько они показывают, а частию должно оттого уменьшить, чтоб и другие не были обидны» [35].

Это было нечто совсем уже неслыханное ни в те, ни в другие времена. Конечно, немудрено, что молва о том, с какой внимательностью и участием русский адмирал относится к населению, широко распространялась по островам восточной части Средиземного моря и на о. Мальта.

Оставив на Занте небольшой гарнизон, Ушаков отправился дальше к о. Корфу.

Но еще до ухода от берегов Занте адмирал получил известие, что отправленный им для овладения о. Кефалония капитан 2 ранга И. С. Поскочин успешно выполнил 17 (28) октября 1798 г. свое поручение.

7. ОСВОБОЖДЕНИЕ ОСТРОВОВ КЕФАЛОНИЯ И ИТАКА

Любопытно отметить, что еще до прибытия Поскочина к о. Кефалония жители этого острова восстали против французов, и те, очистив берега, бросили батареи и бежали в крепость. Но им не удалось укрыться. Посланный Поскочиным отряд перехватил французов и взял их в плен. Нужно сказать, что здесь, на Кефалонии, по-видимому, все же были кое-какие приверженцы французов — если не среди крестьян, то среди городского населения. По крайней мере на нечто подобное намекают следующие строки записок Метаксы: «Народ наполнял воздух радостными восклицаниями и клялся истребить всех французов и приверженцев их... Чернь, устремясь на один дом, начала оный грабить, называя хозяина якобинцем», но русский мичман «бросился в толпу, захватил зачинщиков и растолковал им, что дело это не касается до них, что должно оное оставить на рассмотрение самого адмирала...» Что этот случай не был единичным, доказывают следующие слова того же Метаксы: «Все благонамеренные граждане изъявили страх свой и подтвердили, что оба города (Ликсури и Аргостоли — *Е. Т.*) окружены множеством вооруженных деревенских жителей, которые намереваются ворваться в оные и их ограбить под предлогом злобы своей противу якобинцев» [36]. Поскочин немедленно принял меры, выставив заряженные пушки перед пикетами. А Ушаков приказал трем фрегатам приблизиться на картечный выстрел к обоим городам Кефалонии и в случае грабежей и буйств и невозможности остановить народ «лаской» стрелять сперва холостыми за-

рядами, а затем картечью. Таким образом, русская картечь чуть-чуть не была пущена в ход, но только не против «якобинцев», а в защиту «якобинцев»! Но толпа присмирела, и никто не пострадал.

23 октября (3 ноября) о. Кефалония посетил Ушаков. Население встретило адмирала с таким же ликованием, как и на других островах. К нему привели взятого в плен вместе со всем гарнизоном французского коменданта Кефалонии Ройе. Француз «изъявил главнокомандующему чувствительнейшую свою благодарность за вежливое и человеколюбивое обхождение капитана Поскочина, которого он назвал избавителем, защитившим как его самого, так и всех французов от мщения цефалониотов (кефалонитов — *Е. Т.*)». Ройе утверждал, что греки грубо с ним обошлись еще до прибытия эскадры: «Ежели бы не усилия великодушного сего офицера (Поскочина — *Е. Т.*), подвергнулись бы мы, конечно, неминуемой и поносной смерти...» Ушаков отвечал: «Вы все называете себя образованными людьми, но деяния ваши не таковы... Вы сами виновники ваших бед...» Ушаков намекал на постоянные грабежи и безобразные насилия французских оккупантов над жителями островов, возбудившие такую ненависть к французам. Очень характерно, что Ушаков укорял Ройе не за то, что тот служит «безбожной республике», а за то, что он очень плохо ей служит. «Я вел себя, как следует исправному французскому офицеру»,— сказал Ройе. «А я вам докажу, что нет,— возразил Ушаков.— Вы поздно взялись укреплять вверенный вам остров, вы не сделали нам никакого сопротивления, не выстрелили ни из одного орудия, не заклепали ни одной пушки» [37].

Невольно приходит на память слепая, беспощадная ярость Нельсона по отношению к пленным «бунтовщикам», откровенно им признаваемая ненависть к французам «за то, что они французы», его безобразное поведение в Неаполе летом 1799 г., гнусная казнь пленного республиканского адмирала Караччиоло. Благородная укоризна Ушакова французскому офицеру за то, что тот плохо исполнил свой долг перед Французской республикой, необычайно характерна для русского флотоводца.

Общее настроение Ушакова выяснилось вполне после его прибытия в Кефалонию. Организовав сразу и здесь нечто вроде самоуправления, то есть немедленно избрав несколько постоянных жителей острова (причем адмирал привлекал также и крестьян), которым поручалось на первых порах поддерживать порядок и подготовить организацию выборов в местный совет, Ушаков незамедлительно должен был разрешить очень важный вопрос. На Кефалонии и на Итаке французская оккупация оставила больше следов, чем на островах Цериго и Занте. Дворянство здесь было полно жажды мести против тех горожан, которых

подозревали или даже очень доказательно уличали в сочувствии «якобинцам». Разъяренные враги этих оказавшихся в совсем отчаянном положении местных «якобинцев» жаждали немедленной расправы, жаждали крови. «Именитое» купечество острова, раздраженное прекращением морской торговли во время французской оккупации, этих несчастных «якобинцев» не только не защищало, напротив, старалось расправиться с ними. Кто были эти «якобинцы»? Трудно сказать в точности,-- по-видимому, представители довольно немногочисленной кефалонийской интеллигенции [38], может быть, также представители мелкой буржуазии, как это было в соседней Морее. Так или иначе, Ушакову на другой же день после его появления на Кефалонии были представлены все нужные документы для ареста и осуждения ряда лиц, заседавших в устроенном французами «муниципалитете» (вроде того «муниципалитета», который французы устроили в 1812 г. в Москве) или подписавших прокламации во французском духе и т. д. Доносители имели все основания ждать, что Ушаков поступит так, как в подобных случаях поступали все без исключения австрийские и английские военачальники, то есть предаст обвиняемых «якобинцев» аресту, следствию, суду, казни. Но русский адмирал поступил иначе: «Адмирал Ушаков, входя в положение сих несчастных граждан, покорствовавших силе и действовавших, вероятно, более от страха, нежели из вредных намерений, не обратил никакого внимания на донос сей и избавил мудрым сим поведением обвиненных не токмо от неминуемых гонений, но и от бесполезных нареканий» [39].

Благородная натура Ушакова больше всего сказалась при освобождении Ионических островов именно в настойчивом стремлении оградить «якобинцев», то есть жителей островов, которые были дружественно настроены по отношению к французам, от всяких обид и притеснений со стороны их соотечественников. «Как мы всех бывших в погрешностях по таковым делам (в сочувствии к французам — *Е. Т.*) простили и всех островских жителей между собою примирили, потому и имения от них или от родственников их отбирать не надлежит»,— читаем в повелении Ушакова от 26 ноября 1798 г. Если же кто провинился «в весьма тяжких преступлениях», то его надлежит судить судом выборных от населения судей «обще с комиссией нашей», назначенной от адмирала. А вот и инструкция этому суду, даже над «весьма важными» преступниками: «Но за всем тем полагаю лучше все, что можно, простить, нежели наказать, а особо, чтобы в числе виновных безвинные родственники их не страдали». И еще и еще настаивает Ушаков: «обо всех таковых решение делать справедливое и всевозможно стараться

избегать напрасной обиды и притеснений, о чем наистрожайше делать рассмотрение, дабы какой-либо несправедливостью не подвергнуть себя суду всевышнего» [40]. Нужно припомнить все зверства дворянско-феодальной и клерикальной реакции всюду, где она в эти годы торжествовала, чтобы оценить всю исключительность поведения Ушакова на Ионических островах.

Даровав, как и во всех прочих местах, попадавших в его власть, политическую амнистию «якобинцам», Ушаков 28 октября (8 ноября) покинул Кефалонию.

8. ОСВОБОЖДЕНИЕ ОСТРОВА СВЯТОЙ МАВРЫ

Перед отбытием Ушаков «по общему желанию здешних обывателей», как он считает нужным прибавить, оставил на о. Кефалония небольшой отряд. Он сделал распоряжение о подавлении силой беспорядков, если таковые произойдут, но прибавил: «Однако по доброму ко мне расположению и благоприятству всех здешних жителей таковового неприятного дела случиться и не ожидаю. Уверен, что всякий, восчувствовав наши благодеяния, приятство и истинное желание всем жителям совершенных благ и спокоя, будут стараться исполнять все то, что сим предложением моим назначено» [41]. Никаких «ослушаний» на Кефалонии не произошло.

Да и вообще, судя по всем данным, случаев «ослушания» на островах произошло очень мало. Когда в самом конце декабря 1798 г. Ушаков получил донесение от жителей о. Цериго об одиннадцати гражданах, которые «не слушают никого», «самовольствуют» и «пригласили себе сообщников», то Ушаков и тут ограничился лишь распоряжением отрешить этих людей от всех должностей. А если окажутся люди, ведущие политику в пользу французов, то «таковых предписываем прислать к нам на эскадру или по крайней мере из острова Цериго выгнать». Однако и тут дело должно быть в руках местных судей: «офицеры от нас оставленные, по постановлению судей островских жителей, в судебные общественные дела мешаться не должны». Но в делах высшей политики, «где долг и польза» союзных держав (России и Турции) этого требуют, конечно, органы местного суда и самоуправления должны повиноваться распоряжениям оккупационных властей. Больше ничего об «ослушниках» на о. Цериго документы не упоминают.

Отойдя от Кефалонии, Ушаков направился к о. Корфу, но уже в пути получил известие, которое заставило его внезапно изменить маршрут и двинуться не к Корфу, а к о. Св. Мавры, как его называют русские источники (итальянцы, греки и англичане называют этот остров Санта-Маура). Известие пришло

от капитана 1 ранга Дмитрия Николаевича Сенявина, которого Ушаков отправил к о. Св. Мавры, еще находясь на о. Занте. Сенявину было поручено овладеть островом, но теперь Сенявин извещал адмирала о встретившихся серьезных трудностях. Отрядив часть своих сил к о. Корфу для подкрепления блокады острова (уже начатой), Ушаков с четырьмя русскими судами (2 линейных корабля и 2 фрегата) и тремя турецкими (2 линейных корабля и фрегат) пошел к о. Св. Мавры.

Сенявин немедленно ввел его в курс дела. Во-первых, оказалось, что французский гарнизон намерен серьезно сопротивляться, имеет сильную артиллерию и засел в крепости, очень хорошо защищенной со всех сторон большими водными преградами. Во-вторых, внезапно возникло очень неприятное осложнение: Али-паша Янинский — юридически представитель и чиновник Порты, а фактически самостоятельный властитель части Эпира и части Албании — вошел в тайные сношения с французским комендантом о. Св. Мавры, полковником Миолеттом, обещая последнему за сдачу 30 000 червонцев и немедленное отправление всего французского гарнизона в Анкону или любой другой порт, находящийся во власти Франции. Одновременно Али-паша подослал лазутчиков к влиятельным жителям острова, обещая им полную безопасность и всякие блага.

Конечно, Али-паша хотел захватить остров (отделенный совсем узеньким проливом — в «пятьсот шагов» ширины — от албанского берега, принадлежавшего уже Янинскому паше) лично для себя. Но поскольку этот паша «числился» все-таки на турецкой службе и в подчинении у султана, он делал вид, будто старается *в пользу союзников*, которые поэтому должны ему помогать, а не мешать.

Ушаков решил во что бы то ни стало как можно скорее овладеть о. Св. Мавры. Еще до прибытия Ушакова Сенявин энергично обстреливал крепость с ближайшей горы и с албанского берега, где он устроил батарею. Следует заметить, что узкий пролив, отделяющий о. Св. Мавры от албанского берега, очень мелок, и местами его можно было переходить вброд.

Все это заставляло Ушакова очень серьезно обдумать обстановку, создавшуюся в связи с происками Али-паши.

Положение французского гарнизона, поскольку выручки ниоткуда не предвиделось, становилось безвыходным. Оно было таким, собственно, с первого момента появления Ушакова в этих водах; если до высадки Сенявина еще возможно было рассчитывать уйти с острова на судах, которые обещал дать Али-паша, то теперь, когда русские уже высадились и бомбардировали крепость, о реальной помощи со стороны Янинского паши нечего было и думать.

Французы дали знать, что они согласны сдаться, если Уша-

ков их отправит в Анкону на своих судах. Но адмирал категорически отказал. Осада продолжалась. К Сенявину явились «старшины» острова, заявившие, что они собрали 8000 вооруженных добровольцев и просят позволения принять участие в готовящемся штурме крепости. Однако до штурма дело не дошло. 1(12) ноября над французской цитаделью был поднят белый флаг. Все условия русского командования были приняты. Гарнизон в составе 46 офицеров и 466 солдат был объявлен военнопленным. В крепости было взято 2 знамени, 59 пушек, много боевых запасов и на месяц провизии.

Но раньше, чем продолжать свое победоносное продвижение, Ушакову необходимо было принять к серьезному соображению подозрительные махинации и прямые угрозы безопасности Ионических островов, исходившие с западного побережья Балканского полуострова от самого могучего из тамошних турецких сатрапов — Али-паши Янинского.

9. АЛИ-ПАША ЯНИНСКИЙ

Али-паша принадлежал к тому типу свирепых восточных атаманов, игрою случая попавших в положение почти самостоятельных государей, наиболее ярким представителем которых является, например, современный ему персидский изверг Ага-Магомет-хан, опустошивший Грузию в 1795 г. Сфера действий у Али-паши была, конечно, несравненно более узкая, сил было гораздо меньше, но психологически они похожи друг на друга, как родные братья. Располагая хорошо вооруженной группой подчинившихся ему феодальных властителей, Али-паша, во-первых, держал в рабском повиновении население той части Албании, которой ему удалось овладеть, а во-вторых, с давних пор приучил это подвластное население смотреть на постоянные набеги и вторжения в земли соседей, как на главную, если не единственно доходную и надежную статью бюджета государства и частных лиц.

В какой зависимости находился Али-паша от султана Селима III? С чисто юридической стороны никаких сомнений быть не может: он числился верноподданным рабом повелителя правоверных, калифа константинопольского. Но ведь и египетский хедив и властители Туниса и Алжира тоже числились в таком сане,— от этого константинопольскому султану было не легче. Али-паша иногда посылал дань султану или бакшиши сановникам Дивана (в особенности, если перед этим удавалось удачно ограбить турецких купцов), порой же ровно ничего не посылал и, напротив, обирал до нитки владения султана. Али-паша держал в страхе в особенности подчиненные туркам балканские народы западного побережья полуострова — греков, сербов. Только

черногорцы мало боялись отрядов Али-паши и иногда внезапным налетом облегчали возвращавшихся из лихой экспедиции янинцев от обременявшей их добычи. Неимоверная жестокость Али-паши Янинского особенно близко роднила его с персидским Ага-Магомет-ханом. Али -паша часто предавал пленников перед казнью самым утонченным жестоким пыткам, он гордился сложенными в горы отрубленными головами, украшавшими его сады и дворец.

Что зависимость Али-паши от Константинополя фиктивна, это Ушаков понял вполне. «Оной господин Али-паша весьма сумнителен в верности Порте Оттоманской»,— писал адмирал 18 декабря 1798 г. Томаре и прибавлял, что Али-паша боится только русских: «опасается только бытности моей здесь с российской эскадрою и сил наших соединенных. Под ласковым видом старается мне льстить и обманывать» [42].

Али-паша Янинский владел не только Яниной. В большей или меньшей степени власть его, то расширяясь, то суживаясь территориально, распространялась и на Эпир, и на некоторые области Фессалии, и на Албанию, и иногда на запад Македонии. Писалось в фирманах, что Али-паша — турецкий подданный и как бы наместник султана. Это до такой степени считалось бесспорным государственно правовым фактом, что султаны неоднократно, но тщетно обнаруживали желание срубить ему голову. «Палачи в одежде придворных чиновников, имевшие повеление отрубить ему (Али-паше — *Е. Т.*) голову, лишались обыкновенно собственной своей, как скоро вступали только в его владения» [43].

Умный, ловкий, зоркий, очень решительный предводитель, зверски жестокий по нраву и проявлявший жестокость даже тогда, когда она не вызывалась никакой необходимостью, Али-паша начал свою карьеру очень скромно: рядовым разбойником в шайке своего отца Вели, грабившего путешественников на юге Албании, но кончившего жизнь в качестве провинциального турецкого сановника в сане «аги» (правителя) города Тепеленги.

Умертвив после смерти отца всех своих братьев и прочих претендентов на наследство, Али быстро возвысился внезапными нападениями на соседей и постоянными удачными походами на больших феодалов Фессалии, Македонии, Эпира, кончавшимися нередко аннексией их владений. Турецкий султан боялся его. «Порта, видя все покушения свои противу его жизни тщетными и опасаясь сильного перевеса на всем восточном берегу Адриатического моря, ежели Али-паша объявит себя явно независимым, прибегала... к разным робким и бессильным мерам, страхом ей внушаемым. Видя твердость, решимость и силу Али, султан принужденным нашелся, наконец, не оспаривать у него обладания отторгнутых у него лучших европейских

его провинций». Так говорит Метакса, которому пришлось лично побывать у Али-паши после прибытия эскадры Ушакова в Средиземное море.

Таков был могущественный фактический властитель нескольких пашалыков Адриатического побережья Балканского полуострова. Ушакову пришлось иметь дело с этим опаснейшим человеком. Али-паша именно в это время внезапно напал на город Превезу (на юге Эпира), перебил часть французского гарнизона, вырезал значительное число жителей и дочиста ограбил город.

Но как только Али-паша узнал о появлении Ушакова, он снова поспешил вступить в сношения с французами. Через посланных в гор. Корфу и другие места эмиссаров Али-паша предложил французскому командованию союз и дружбу против русских. От Превезы Али-паша направился к городу Парга. Паргиоты решили города не сдавать и защищаться до последней капли крови. Они немедленно послали к Ушакову на эскадру, стоявшую у о. Занте, депутацию, умоляя о помощи и принятии их в русское подданство. Ушаков ответил, что «он ни мало не уполномочен приобретать для России новые земли или подданных, почему, к сожалению своему, требование жителей Парги удовлетворить не может и не в праве». Выслушав это, депутаты пришли в «величайшее отчаяние; они пали к ногам адмирала Ушакова», рыдали и заявили, что если Ушаков не позволит им поднять русский флаг и откажет в покровительстве, то они перережут всех своих жен и детей и пойдут с кинжалами на Али-пашу... «Пусть же истребится весь несчастный род наш»,— кричали депутаты. Взволнованные русские офицеры «стояли в безмолвном исступлении». Ушаков просто не знал, что ему делать. Он «прошел раза два по каюте и, подумав несколько, объявил депутатам, что уважая горестное положение паргиотов и желая положить пределы дерзости Али-паши.., соглашается принять их под защиту соединенных эскадр на таковом же основании, как и освобожденные уже русскими Ионические острова, что, впрочем, зная великодушие своего государя, он ответственность всякую берет охотно на себя» [44].

Неописуемый восторг овладел депутатами Парги, они целовали руки и ноги русского адмирала.

Смелым был поступок Ушакова. Прежде всего адмирала мог постигнуть гнев Павла, потому что Константинополю вовсе не нравилось такое самочинное покровительство русских городу, числившемуся турецким владением. Затем приходилось раздроблять и без того малые русские силы между материком и островами, между Али-пашой и французами. Хлопот было много.

Ушаков решил сделать попытку, спасая Паргу, в то же время обеспечить мирные отношения с Али-пашой. И тут он проявил

себя замечательным дипломатом. Письмо Ушакова к Али-паше — в своем роде образчик дипломатического искусства. Приходилось объяснять такие недвусмысленные поступки, как посылку отряда с офицерами, с несколькими орудиями, с военным кораблем на помощь паргиотам. Ушаков в этом письме делает вид, будто паргиоты — отныне друзья и союзники не только Ушакова, но также Али-паши и султана турецкого, словом, всех, кто борется против французов, и что город Парга вполне дружествен и даже покорен Али-паше (заметим, что войти туда Али-паше и его войскам так и не пришлось). Это письмо, помеченное 25 октября (5 ноября) 1798 г., в дружелюбных тонах уведомляло Али-пашу, как истинного «союзника», об успехах русской эскадры на островах Цериго, Занте, Кефалонии, а «между прочим», и «о новых союзниках» — паргиотах. И выдерживая эту роль союзника, Ушаков даже поздравляет Янинского пашу «с знаменитой победой» (над городом Превезой), о чем Али-паша ему сообщил. Вот выдержки из этого любопытного документа, написанного Ушаковым в изысканно любезном стиле:

«Высокородный и превосходительный паша и губернатор провинции Янины, командующий турецкими войсками.

Милостивый государь мой!

Почтеннейшее письмо ваше чрез нарочно присланного с наиприятнейшим удовольствием я имел честь получить. За благоприятство и дружбу, мне оказанные, и за уведомление о знаменитой победе вашей покорнейше благодарю и вас с тем дружелюбно и с почтением моим поздравляю; притом, имею честь уверить о совершеннейшей дружбе и тесном союзе наших государей-императоров, которых повеления мы с глубочайшим благоговением и дружелюбно выполняем. Рекомендую себя в дружбу и благоприятство вашего превосходительства и уверяю честным словом, что всегда стараться буду вспомоществовать вам во всех действиях, к общей пользе против наших неприятелей французов. Об острове же Св. Мавры уведомляю, что я во все острова, прежде бывшие Венецианские, весьма благовременно общие приветствия наши и приглашения с командующим турецкою эскадрою Кадыр-беем послал. Острова Цериго, Занте, и Цефалонию от французов мы освободили и, взяв их (французов — *Е. Т.*) пленными, отослали на матерой берег полуострова Мореи, а некоторых отпустили на договоры. Из острова Св. Мавры двоекратно ко мне присланы прошения островских жителей; весь народ оного острова с покорностью отдается в общее наше покровительство и просит, чтобы мы приняли их на тех же правах, на каких устанавливаем обще с Кадыр-беем все прочие острова, оставляя их свободными до высочайшей конфирмации обеих дружественных держав наших. А за сим два дни прежде вашего письма получил я также от жителей острова

Св. Мавры уведомление, что они, отдавшись совсем в нашу волю и покровительство, и флаг на оном подняли российский.

Я вас, милостивый государь, поздравляю с тем, что мы на крепостях всегда поднимаем обще два флага: Российский и Турецкий. Послал я от себя два корабля к острову Св. Мавры, также и от турецкой эскадры два же корабля посланы, и приказал я командующему отдельной от меня эскадрою, флота капитана 1 ранга и кавалеру Сенявину, сей остров, крепость и обывателей принять в общее наше покровительство и учреждение; флаги поднять на крепости оба вместе, Российский и Турецкий, которые означают совершенную между нациями нашими дружбу. Надеюсь, что ваше превосходительство с таковыми благоприятными нашими распоряжениями также согласны. Военные наши действия и распоряжения производим мы по настоящим обстоятельствам политическими правилами сходно с обнародованными от Блистательной Порты Оттоманской извещениями; со всеми островскими и береговыми жителями обращаемся весьма дружелюбно, привлекая их ласковостию и добрыми нашими с ними поступками, покоряем даже сердце и чувствования их в нашу волю и распоряжения. Обсылками моими во все острова, прежде бывшие Венецианские, успел я дотоль приятной цели достигнуть, что и из Корфы неоднократно уже получаю уведомления, что жители оного острова нетерпеливо ожидают нашего прибытия и с сердечным признанием своей покорности, с распростертыми руками нас примут и общими силами стараться будут с нами вместе истреблять французов. Город, крепость и весь народ отдаются в наше покровительство и распоряжение на тех же правах, какие мы утверждаем.

При таковых благоприятных обстоятельствах надеюсь и вашему превосходительству можем мы делать помоществование и всех береговых жителей, против которых войска ваши находятся, покорить без кровопролития, об чем из многих уже мест ко мне писали и просят, и особливо из Парги, чтобы мы приняли их в нашу волю и распоряжение, и что они ожидают только наших повелений и во всем покорны.

Я и Кадыр-бей дали им письма, и я в письме своем советовал им, чтобы они явились к вашему превосходительству, объявили бы оное и на таковых условиях вам отдались с покорностью. Чрез таковые благоприятные наши с ними поступки весь этот край даже сам себя защищать может против общих наших неприятелей, а жители островские и береговые будут нам вернейшие и искренние друзья и надежнейшие исполнители воли нашей во всех наших предприятиях. Вся важность будет состоять во взятии крепостей острова Корфы, но и тут, я надеюсь, что таковыми поступками нашими и благоприятством к жителям мы можем взять крепости в непродолжительном времени.

Если благоугодно вашему превосходительству береговых жителей принять в таковое же покровительство ваше и оказать им ваше благоприятство, то они будут ободрены и во всех случаях станут делать нам всякие вспоможения. В случае же надобности, в рассуждении острова Корфу, если потребуется ваше нам воспомоществование, буду писать и просить о том ваше превосходительство и надеюсь, что вы к тому готовы»[45].

10. ОСЛОЖНЕНИЯ В ОТНОШЕНИЯХ УШАКОВА С АЛИ-ПАШОЙ

Это письмо вполне ясно по основному мотиву. Ушаков вовсе не имел в виду отдавать под разбойничью власть Али-паши освобождаемые острова. Он решил оставить их в своем распоряжении. Поэтому он усвоил себе по отношению к янинскому властителю особую тактику. Он делал вид, будто всерьез считает Али-пашу верноподданным и послушным чиновником турецкого султана, а поэтому может требовать с его стороны всяческой помощи в осуществлении предначертанной в Константинополе цели. С другой стороны, Ушаков после первых же серьезных успехов и занятия четырех островов дал понять Али-паше, что островов-то он ему не даст ни в коем случае и что острова будут «свободны», пока их участь не будет решена союзными правительствами. Но «береговые жители», против которых Али-паша воюет, не входят в сферу влияния Ушакова, и с ними Али-паша может ведаться, конечно, не рассчитывая на русскую помощь. Это звучало тонкой насмешкой. Янинскому паше удалось, правда, взять Превезу, но город Парга отбил все атаки войск Али-паши и продолжал сопротивление.

Письмо Ушакова от 25 октября (5 ноября) 1798 г. было переслано Али-паше с тем же нарочным, который привез Ушакову письмо от Али-паши. Но не успел Ушаков отправить это послание, как он узнал о новом наглом насилии со стороны Али-паши, который схватил русского консула в Превезе Ламброса, заковал его в кандалы и отправил на галеру. Колебаться не приходилось. Ушаков немедленно написал 29 октября (9 ноября) новое письмо янинскому деспоту, но уже совсем в ином тоне. Приводимый ниже текст этого письма мы находим в «Записках» Метаксы, которого Ушаков отправил к Али-паше.

«Жители города Парги прислали ко мне своих депутатов, прося от союзных эскадр помощи и защиты противу покушений ваших их поработить. Ваше превосходительство угрожает им теми же бедствиями, которые нанесли войска ваши несчастным жителям Превезы.

Я обязанным себя нахожу защищать их, потому что они, подняв на стенах своих флаги соединенных эскадр, объявили

себя тем под защитою Союзных Империй. Я, с общего согласия турецкого адмирала Кадыр-бея, товарища моего, посылаю к ним отряд морских солдат с частью турецких войск, несколько орудий и военное судно.

Узнал я также, к крайнему моему негодованию, что, при штурмовании войсками вашего превосходительства города Превезы, вы заполонили пребывавшего там российского консула майора Ламброса, которого содержите на галере вашей скованного в железах. Я требую от вас настоятельно, чтобы вы чиновника сего освободили немедленно и передали его посылаемому от меня к вашему превосходительству лейтенанту Метаксе, в противном же случае я отправлю нарочного курьера в Константинополь и извещу его султанское величество о неприязненных ваших поступках и доведу оные также до сведения его императорского величества всемилостивейшего моего государя» [46].

Прибыв в Превезу, Метакса почти тотчас был принят Али-пашой. Идя на эту аудиенцию, русский офицер по дороге едва не упал в обморок от нестерпимого смрада: по обе стороны большой лестницы резиденции Янинского паши «поставлены были пирамидально, наподобие ядер пред арсеналами, человеческие головы, служившие трофеями жестокому победителю злополучной Превезы» [47].

Ознакомившись с письмами Ушакова, Али-паша заявил Метаксе:

«Адмирал ваш худо знает Али-пашу и вмешивается не в свои дела. Я имею фирман от Порты, коим предписывается мне завладеть Превезою, Паргою, Воницою и Бутринтом. Земли сии составляют часть матерого берега, мне подвластного. Он адмирал, и ему предоставлено завоевание одних островов... Какое ему дело до матерого берега? Я сам визирь султана Селима и владею несколькими его областями... Я мог, да и хотел было, занять остров Св. Мавры, отстоящий от меня на ружейный выстрел, но, увидя приближения союзных флотов, я отступил,— а ваш адмирал не допускает меня овладеть Паргою!.. Что он думает» [48]

Консула Ламброса Али-паша, однако, в конце концов согласился освободить. От взятия Парги он отказался, примирившись с пребыванием там посланного Ушаковым русского гарнизона.

Метакса вернулся благополучно, с полным, так сказать, «личным успехом». А ведь почти одновременно произошел случай, о котором сам Али-паша с восхищением вспоминал, как о ловкой военной хитрости. Притворившись другом и союзником французов, высадившихся на берег Эпира, Али-паша получил от Директории осыпанный драгоценными каменьями кинжал в знак нерушимого союза и дружбы Янинского паши с Францией. И сейчас же после этого, выторговав у султана кое-какие уступки, Али-паша заманил к себе под предлогом чествования своего

нового друга и союзника французского генерала Роза, задержал его, заковал в кандалы и после пыток отправил в Константинополь, где султан Селим III заключил генерала в Семибашенный замок. Оттуда Роз уже не вышел.

По другой версии, расходящейся с показанием Али-паши, генерал Роз женился на дочери одного из янинских вассалов Али-паши в Парге и был просто взят в плен при занятии и разграблении Парги войсками Али-паши. Он был отправлен в качестве пленника в Константинополь, где и умер. Вместе с ним Али-паша послал султану в знак верноподданнической любезности 296 отрубленных голов французов, взятых в Парге и других местах. Необычайно характерно, что, не зная уже как выбранить Али-пашу за это варварство, француз де Бютэ, бывший в Константинополе в 1797—1799 гг., пишет в своих воспоминаниях об этой посылке 296 отрубленных голов: «...этот трофей... достойный Робеспьера...» Для француза-реакционера времен Директории, да еще француза дворянского происхождения, эта выходка очень характерна [49].

Метакса был спасен страхом Али-паши перед Ушаковым. Али-паша осведомился у Метаксы, не тот ли это Ушаков, который разбил «славного мореходца Саид-Али» (Саид-Али был разбит при Калиакрии в 1791 г.). Импонировала янинскому варвару не только громкая на всем Леванте слава «Ушак-паши» и его эскадры, но и его успехи в борьбе против французов. Али-паша не посмел ни отказать Ушакову, ни задержать Метаксу.

Ушаков совсем не ждал столь полного успеха своей политики. Уже не только население острова, но и народы западной части Балканского полуострова («матерый берег») волновались и громко требовали «остаться под Россией». Это ставило Ушакова в щекотливое положение: ведь тут уже затрагивались не интересы Али-паши, а права и суверенная власть Оттоманской Порты. Вот что писал Ушаков вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу Кушелеву 10 (21) ноября 1798 г., еще до овладения о. Корфу:

«Благодарение всевышнему богу, мы с соединенными эскадрами, кроме Корфы, все прежде бывшие венецианские острова от рук зловредных французов освободили. Греческие жители островов и матерого берега, бывшего венецианского же владения, столь великую приверженность имеют к государю императору нашему, что никак не можно описать оную. Едва я только успокаиваю их; не хотят ничего общего иметь с турками: все вообще в присутствии турок кричат, что никакого правления и правителей не хотят, кроме русских, и беспрестанно восклицают: „Государь наш император Павел Петрович!“ Политические обстоятельства понудили меня уговаривать их всячески, что государи наши императоры послали нас единственно

освободить их от зловредных французов и сделать вольными на прежних правах, до воспоследования высочайшей конфирмации. Сим успокаиваются они только потому, что надеются на будущее время непременно остаться под Россиею. Хотя я знаю, что политические обстоятельства сего не дозволят, но как эти бедные люди после останутся и на каких правах, неизвестно: мы узаконяем их теперь и доставляем спокойствие»[50].

В самом деле, с первого же момента появления своего у Ионических островов Ушаков, его моряки и солдаты вели себя по отношению к местному (греческому, по преимуществу, а также славянскому) населению так благожелательно, с таким непритворным русским добродушием и до такой степени водворили атмосферу спокойствия и полной личной безопасности, что местные жители, привыкшие к совсем другому обхождению со стороны французских оккупантов, просто не могли в себя прийти от удивления и восхищения. А тут еще был и близкий материал для сравнения. Али-паша именно в это время напал на торговый город Превезу. Взяв Превезу, он, как уже сказано, варварски перерезал значительную часть мужского населения, угнал женщин, захватил все имущество горожан. Немногие спасшиеся бежали на занятые Ушаковым острова, моля о защите.

Все это и произвело вполне естественный эффект. Можно смело сказать, что не было у России в 1798—1800 гг. более преданных друзей, чем население Ионических островов, которое трепетало от ужаса при одной мысли об уходе русской эскадры. Нельзя без чувства законной гордости за русского моряка читать сохранившуюся в нашем Военно-морском архиве рукопись донесения Ушакова Павлу, в котором дано простое, но тем более волнующее описание создавшейся после первых побед Ушакова обстановки. Читатель увидит, что Ушаков жалеет об отсутствии «историографа» при его эскадре. Но он сам оказался прекрасным историографом деяний своих воинов и в то же время гнусных злодейств Али-паши. Донесение Ушакова помечено 10 (21) ноября 1798 г. В нем Ушаков как бы резюмирует свои достижения на Ионических островах. Этот документ так важен и так ничем не заменим, что его должно привести тут полностью. Всякое изложение может лишь ослабить впечатление от него. Вот что адмирал писал Павлу:

«Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу: прежде бывшие венецианские острова, большие и малые, все нашими соединенными эскадрами от французов освобождены, кроме острова Корфу, который содержится эскадрами нашими в блокаде. Берега от полуострова Мореи, простирающиеся к венецианскому заливу, также от французов освобождены, обыватели всех оных мест столь привержены и преданы вашему императорскому величеству, я не в состоянии описать той великой

приверженности, какая действительно от душевного рвения их явственна, а особо когда пришли мы с эскадрами к острову Занте, встречены жителями оного острова так, как во всеподданнейшем рапорте моем от 26 минувшего октября (ст. ст.— *Е. Т.*) объяснено, редкое гребное судно и лодка показали, на которых не было бы российского белого флага с Андреевым крестом, когда по надобности я сходил на берег и был в монастырях и в церквах, от стеснившегося народа по улицам и от устраняющегося на обе стороны нельзя было пройтись от чрезвычайного крику, беспрестанно возглашающего имя вашего императорского величества „виват Павел Петрович, виват государь наш, Павел Петрович!“ Генерально почти во всех домах и из окошек оных выставлены висящие флаги первого адмирала, несколько тысяч таковых было видно по всем улицам на белых платках и на холстине нарисованные Андреевым крестом, также из окошек развешано было множество одеял, платков и разных бумажных и шелковых материев. Женщины из окошек, а особо старые, простирая руки, многие крестясь плачут, показывая видимость душевных действиев, какие в них от удовольствия происходят, малолетних детей выносят, заставляют целовать руки у офицеров, даже и у служителей наших, словом, во всех островах замечено мною в рассуждении обывателей чрезвычайная приверженность к вашему императорскому величеству, таковой вид наносит товарищам моим (туркам — *Е. Т.*) неприятность, но я всеми способами — учтивостью и ласкою стараюсь их успокоить всех, знатных первейших жителей, приходящих ко мне, всегда посылаю к Кадыр-бею, командующему турецкою эскадрою, для оказания таковое к ему почтения, и с просьбами, с какими ко мне приходят, к нему также посылаю, и все дела касающиеся решаем вместе общим нашим согласием».

Ушаков явно хочет возбудить в Павле сочувствие и желание помочь населению «матерого берега», страдающего от разбойничьих подвигов Али-паши: «Одно только сумнительство со мною встретилось, когда Али-паша, командующий на берегу турецкими войсками, разбил в Превезе французов и покусившихся быть вместе с французами несколько жителей, по побеждении их в Превезе, перерезаны все, кто только ни попали в руки, старые и малые и многие женщины, а достальных, которые взяты женщины и ребята продаются торгом подобно скотине и отдаются в подарки, прочие же разбежались в разные острова и наполнили оные стоном и плачем, которые же после осмелились возвратиться в Превезу и с теми же поступлено жестоко и многие лишились жизни, достальные не смеют возвратиться. По убедительным просьбам от таковых людей писали и я и Кадыр-бей учтивые наши письма к Али-паше и для успокоения жителей просили его всех оставшихся жителей города

Превезы, равно и взятых пленными жителей же из разных островов великодушно простить и освободить, но незаметно, подействуют ли наши просьбы.

Все прочих мест береговые жители, прежде бывшие в венецианском владении, видя чрезвычайные жестокости, пришли в отчаянность и озлобление, а особо обыватели города Парга, хотя неоднократно пашою принуждаемы были несколькие люди подписать договоры, какие он им приказал сделать, но все общество не принимает их и слышать не хочет; в город и крепость его и войска, от него посылаемые, не впущают, подняли сами собою российский флаг на крепости и из рук его не выпускают, неотступно просят от эскадр наших покровительства. Я писал об них Али-паше и к ним писал, чтобы они явились к Али-паше и просили бы его принять их в защиту и покровительство на тех же правилах, какие учреждаем мы на островах. Депутаты явились к нему с покорностью, но насильным жестоким образом принуждены написать от себя такие договоры, какие он желал, и когда они возвратились с ними, то общество и слышать не хотело, к нашему флагу на крепости подняли еще турецкий флаг и явились ко мне, обливаясь слезами, от ног моих не отходят, чтобы мы соединенными эскадрами приняли их в защиту, покровительство и распоряжение союзных держав сходно на тех же правилах, как острова от нас учреждены».

Но Ушаков предвидит, что царь усомнится, можно ли, не нарушая «священных» монархических прав султана, помочь несчастным жителям Парги: «Я послал их, чтоб просили о том сотоварища моего Кадыр-бея, он весьма довольно их со своей стороны уговаривал, чтобы отдались Али-паше, но в отчаянности их напоследок лично Кадыр-бею, командующему эскадрою, при моем офицере и при драгомане от Порты, ко мне определенным, решительно отозвались, что буде мы не примем их в наше покровительство и защиту, которого они от нас просят в крайней своей отчаянности, последнее употребят средство — порежут всех своих жен и детей. Против Али-паши и войск его, когда будут они их атаковать, в городе их и крепости станут драться до того, пока умрут все до одного человека, российского и турецкого флагов, которые они имеют, сами собою добровольно никак не оставят.

При таковых крайностях имели мы между собою в общем собрании в присутствии моем, Кадыр-бея, присланного от Порты к нему министра Махмут ефендия, драгомана от Порты, при мне находящегося, и присланного секретаря от Али-паши советовалися и полагали, чтобы Паргу оставить на время под нашим покровительством на основании островских жителей до высочайшей только конфирмации, как об ней повелено будет. Примет ли Али-паша сей наш совет или нет, остаюсь я теперь еще в безыз-

вестности, но жители Парги не отходят и не освобождают меня никакими отговорами, неотступно настоят и просят слезно, чтобы непременно приняли мы их в наше покровительство и чтобы я дал им хотя одного офицера с тремя или четырьмя солдатами и позволил бы иметь флаг наш на крепости, инако они решаются лучше умереть, нежели отдаться Али-паше».

Адмирал хочет соблазнить Павла перспективой укрепления русского влияния на этом берегу: «Всемилостивейший государь, таковые чувствительные обстоятельства повергают меня в великое сумнение, я замечаю, Блистательная Порта, конечно, старается и намерена весь тот берег удержать в своем подданстве, потому опасаюсь я, чтобы сей случай не нанес какого-либо безвинного на меня подозрения и негодования, тем паче предосторожность в рассуждении моей опасности понуждает меня сумневаться, что никакого предписания о установлении островов и всего прежде бывшего венецианского владения, как они должны остаться, я не имею кроме того, что, в конференции будучи, полагалось со всеми обывателями сих мест поступать со всякой благосклонностью, приятством и дружеством, и по совету с нашим министром и по публикациям, какие выданы от Порты манифестами от патриарха, сходно с оными поступаем мы и острова узаканиьаем, на таковом точно основании, делая их вольными и на прежних правах до высочайшей конфирмации. Но Паргу, на матером берегу состоящую, по означенным обстоятельствам не смеем мы сами собою с Кадыр-беем приступить и узаконить и чтобы дать им от нас для охранения их офицеров и служителей, и теперь в таком я еще состоянии, ежели Али-паша не последует нашему совету, дать ли нам от себя в Паргу сколько-нибудь людей на том основании или оставить ее вольною Али-паше. Жители оного места от меня не отходят и не решаются ни на что другое, кроме просимого ими удовлетворения. Откровенно осмеливаюсь всеподданнейше донесть вашему императорскому величеству генерально все жители здешнего края, прежде бывшие в венецианском владении, бесподобную приверженность имеют к России и к вашему императорскому величеству; сими только средствами мы малым числом десантных наших войск побеждаем и берем крепости, которых великими турецкими войсками и без наших, по мнению моему, никак бы взять было невозможно, ибо жители островские все бы противу их вооружились и были бы преданы французам и с ними вместе дрались бы до последней крайности, словом, по сие время действия наши простираются по учтивым и благоприятным нашим обращениям с островскими жителями, которых стараюсь я привлечь и уговорить с ними действовать обще против французов. Жестокие поступки Али-паши на берегу поколебали было сумлением и всех островских жителей, но как беспрерывно стараюсь я их

успокаивать, то они с великой доверенностью ко мне идут вооружаться и действуют со мной. Теперь прибыл я с эскадрою в Корфу, и жители с восхищением и с распростертыми руками нас принимают».

Ушаков не смеет просить прямо о присылке небольшого подкрепления, но намек вполне ясен: «Всемилостивейший государь, если бы я имел с собою один только полк российского сухопутного войска для десанта, непременно надеялся бы я Корфу взять совокупно вместе с жителями, которые одной только милости просят, чтобы ничьих других войск, кроме наших, к тому не употреблять, жители будут служить нам по всей возможности и всеми силами, обстоятельства только мои не допускают увериться, могу ли без десантных войск с людьми одними, в эскадре нашей имеющимися, ее взять, тем паче провиант на эскадре почти весь в расходе, остается на малое количество только дней, дров также почти нет, от Кадыр-бея посланы суда в Морею за провиантом и за дровами, которой мы ожидаем, но таковое доставление провианта будет весьма медлительно и не может составить количества столько, чтобы путь наш был далеко от Корфу. Министр вашего императорского величества, в Константинополе находящийся, писал ко мне и установил, как должно будет провиант заготовлять и доставлять ко мне, но это будет для будущего времени, за всем тем, блокируя Корфу, стараться буду надзирать, чтобы французы в здешнем крае нигде десант не высадили, действия наши буду располагать по известиям, какие от стороны Анконы и из других мест получать буду. Всеподданнейше осмеливаюсь просить вашего императорского величества при столь важных и многотрудных делах, какие случаются по всем сим обстоятельствам, не имею я хороших с достаточными сведениями письмоводцев, историографа, также нет живописца, которые могли бы все то описывать и делать, что по уставу вашего императорского величества полагается, дела же многие, какие случаются, весьма нужно бы вести исторически подробнее, нежели я, будучи занят множеством разных дел, то исправлять могу, и необходимо надобны к сему отлично способные люди, о которых всеподданнейше прошу, есть-ли возможно откудова, надлежит всемилостивейше повелеть ко мне доставить. Потому можно бы иметь лучших переводчиков иностранных языков, при мне хотя и есть офицеры, знающие иностранные языки, но в письме и в перéводе недостаточны, сколько бы желалось и надобно. В острове Корфу, по осведомлениям моим, состоят в крепостях и на острове Видо французского гарнизона с присовокуплением к ним разных людей до 3-х тысяч человек, на кораблях, под крепостью находящихся, на французском корабле 84-пушечном при весьма отличной сильной своей артиллерии экипажу людей считая до осьми сот человек, на взятом от англичан в плен

60-пушечном считают не полной комплект, на одном фрегате, на двух бомбардирских и на нескольких еще судах, сказывают, людей недостаточно, а сколько числом, еще неизвестно. Я сего числа с эскадрою подхожу в близость к крепости к острову Видо, намерен его атаковать и стараться десантом соединенных эскадр овладеть, а после действовать по обстоятельствам, что как способнее окажется»[51].

11. НАЧАЛО БЛОКАДЫ ОСТРОВА КОРФУ

9 (20) ноября 1798 г. эскадра Ушакова прибыла к о. Корфу и стала на якорь в бухте Мисанги.

Предстояло самое трудное дело. Город Корфу был расположен между двумя крепостями: старой — венецианской — на крайней оконечности узкого гористого мыса, далеко вдающегося в море, и новой — чрезвычайно укрепленной силами французов земляными валами, искусственными водными преградами и стенами. Эта новая крепость состояла из трех отдельных мощных укреплений, соединенных подземными переходами с заложенными минами. Перед о. Корфу находится небольшой остров Видо, горные возвышенности которого господствуют над городом и крепостью Корфу. Ушаков, окинув глазами местоположение и указывая на Видо, сказал: «Вот ключ Корфы».

Ушаков установил тесную блокаду Корфу. Русская и турецкая эскадры расположились полукругом по внешнюю сторону о. Видо, причем русские корабли заняли фланги этой линии и находились против старой и новой крепостей. Но что было делать дальше? Сил для штурма могучих укреплений у Ушакова было совершенно недостаточно. Правда, в Константинополе его заверили, что всем пашам и правителям Мореи, Албании, Эпира посланы строгие приказы оказывать Ушакову всякую помощь и военными силами и продовольствием, какую только он потребует. Ушаков требовал, но ровно ничего не получал. Провиант присылали часто негодный, а людей долго и вовсе не присылали.

Ушаков отрядил часть эскадры к порту Гуино (или Гуви), находившемуся в нескольких километрах от крепости, и здесь произвел первую высадку на о. Корфу. Французы уже старались от крепости не удаляться, и высадка совершилась благополучно. В городе Гуино и в окрестностях местное население приняло русских не менее радушно, чем на Цериго, Занте, о. Св. Мавры и Кефалонии. Самый город был разрушен французами довольно основательно перед их уходом оттуда в крепость, но все же русские моряки проводили здесь в течение своей долгой стоянки время довольно хорошо. Греки и итальянцы быстро сошлись с русскими.

«...Пустыня с развалинами преобразилась в веселое обиталище; все оживотворилось... и никто не помышлял о недостат-

ках, им претерпеваемых. Надобно признаться, что одним только русским предоставлено творить подобные чудеса: щедрость их, гибкость в обхождении, расположение к удовольствиям всякого рода и легкость, с коею научаются они чужестранным языкам, сближают их весьма скоро со всеми народами» [52].

Дело сильно затягивалось. Правда, флот Ушакова значительно пополнился за время невольного зимнего бездействия. 9 (20) декабря к Ушакову явился от берегов Египта капитан 2 ранга Сорокин с двумя фрегатами. Он был отправлен Ушаковым к Александрии в свое время еще из Дарданелл и после трехмесячного стояния там, не получая ни от турок, ни от англичан никакого провианта для своей команды, отбыл к о. Корфу. Сорокин за время своего участия в блокаде Александрии перехватил несколько судов, на которых французы пытались проскользнуть. У 18 французских офицеров, захваченных таким образом, оказалось в наличности 30 тысяч червонцев. Ушаков немедленно отпустил французов на честное слово во Францию, причем их деньги полностью были им возвращены после простого их заявления, что эти червонцы принадлежат лично им, а не французской казне.

«Собственность обезоруженных неприятелей была свято уважаема... (что крайне изумило французов — *Е. Т.*) в сию добычами преисполненную войну». А 30 декабря 1798 г. (10 января 1799 г.), после трудного плавания и задержек из-за противных ветров, к Ушакову явился и контр-адмирал Павел Васильевич Пустошкин, дельный и храбрый моряк, учившийся с Ушаковым еще в Морском корпусе и отличившийся в 1791 г. в битве при Калиакрии. Теперь ему снова предстояло воевать под начальством своего прославленного школьного товарища. Пустошкин привел с собою два 70-пушечных корабля.

Подкрепление эскадры Ушакова кораблями Сорокина и Пустошкина было тем более необходимо, что на турецких «союзников» надежда была плоха. Французскому кораблю «Le Généreux» (именуемому в наших документах иногда «Женере», а иногда «Женероз») удалось после нескольких неудачных попыток в темную ночь проскользнуть мимо турецких судов, стороживших французские корабли, и уйти в море. Когда Ушаков забил тревогу и послал своего офицера к турецкому контр-адмиралу, то оказалось, что контр-адмирал Фетих-бей был погружен в глубокий сон. Но даже в бодрственном виде турок оказался совершенно бесполезен. В момент, когда каждая секунда была дорога для организации погони, Фетих-бей вдруг открыл дискуссию: он заявил, что не надеется «уговорить свою команду» выйти в море, что его команда жалованья давно не получает, провианта тоже не получает, скучает по своим семействам и вообще стала такой сердитой, что нужно даже скрыть

от нее требование Ушакова. А если француз и убежал, так, дескать, тем лучше, меньше их тут останется. В заключение турок заявил: «Француз бежит... чем гнаться за ним, дуйте ему лучше в паруса...»

По-видимому, эта неудача так раздражила и взволновала Ушакова, что он решился на шаг, который прямо диктовался сложившейся обстановкой. Приходилось опасаться, что решительно никто из пашей западного берега Балканского полуострова и не хочет и не может подать достаточную помощь войсками и провиантом, несмотря ни на какие фирманы, и главное — сделать это в срок. Феодалы — «паши» и не думали повиноваться приказам Порты и никакой подмоги Ушакову не прислали. Адмирал волновался и раздражался.

«Я многократно просил ваше превосходительство и обнадежен был вашими требованиями от пашей с Румелийской стороны присылки войск к облажению крепкой осадою Корфу. Вы имеете от Блистательной Порты Оттоманской повеление, от кого именно требовать вам войск для таковых надобностей, потому и повторяю письменно просьбу мою вашему превосходительству, чтобы вы ни малейше не медля потребовали от пашей войска... долгое время пропущено понапрасну и в великий вред, в сие время французы беспрестанно разоряют деревни, грабят и обирают из их крепости провизию и всякие богатства, и крепости укрепляют бесподобно. Ежели еще несколько времени будет пропущено, то очевидная опасность настоит, что крепости Корфу взять будет невозможно»,— писал Ушаков горемычному «союзнику» Кадыр-бею [53]. Но все настояния были тщетны. Единственным властителем, который мог, если бы захотел, оказать реальную поддержку, был Али-паша.

Ушаков решил обратиться к Али-паше.

Ускорить взятие Корфу представлялось неотложным еще и потому, что неприятельский гарнизон очень осмелел.

В момент прибытия русских к о. Корфу французских вооруженных сил на острове числилось около 3000 человек. Вооружение у французов было достаточное, провианта же было запасено на продолжительный срок. Командовавший французским гарнизоном генерал Шабо был человеком храбрым и решительным. Его офицеры и солдаты сражались на Корфу мужественно.

Учитывая все это, Ушаков не предпринимал рискованных попыток случайным налетом овладеть французскими укреплениями, а решил ждать обещанных подкреплений с берегов Мореи и Албании. Но жители Корфу, которым не терпелось покончить с французами, решили рискнуть. Инженер Маркати (грек) сформировал добровольческий отряд численностью 1500 человек, и Ушаков помог этому отряду, дав ему три орудия и прислав некоторое количество солдат. Первые действия отряда были до-

вольно удачны; орудия причинили известный ущерб той части крепости, где французы не ожидали появления новой батареи. Однако спустя несколько дней французы произвели очень крупную вылазку, и местный отряд ударился в бегство. Русские не бежали, но были окружены и все погибли, кроме 17 человек, попавших в плен. Был взят в плен и Маркати, которого французы немедленно расстреляли так же, как и нескольких жителей Корфу, попавших с ним в плен. Русские же пленные были обменены на соответствующее число французов. Произошло все это 20 ноября (1 декабря) 1798 г. После этого успеха французы осмелели, их вылазки участились.

Ушаков принял меры к тому, чтобы сделать осаду более тесной, и это привело к прекращению вылазок, предпринимавшихся французами. Одновременно он усилил и строгость морской блокады острова.

До нас дошел суровый окрик и выговор Ушакова капитану 2 ранга Селивачеву, который писал, что «не надеется» эффективно защищать проходы южного пролива Корфу «по малости с ним судов». Федор Федорович послал грозный ответ: «С вами находится большой российский фрегат, два турецких корабля и (турецкий — *Е. Т.*) фрегат же. Как при таком количестве судов можете вы писать неприличное, чтобы вы не могли защищать и не пропускать судов? Я рекомендую вашему высокоблагородию иметь старание и бдительное смотрение французских кораблей и никаких судов не пропускать, а ловить их, бить, топить или брать в плен и во всем прочем поступать по силе закона». Ушаков ни за что не хотел допустить повторения случая бегства корабля блокированной при Корфу французской эскадры. «Из кораблей французских, здесь стоящих, приготовляются отсель бежать, будьте осторожны, должны вы быть больше под парусами, а не на якорях, крейсируйте ближе к крепости, чтобы лучше вы могли осмотреться, ежели покусятся они бежать» [54].

Ушаков опасался не только бегства блокированных французских кораблей, но и прорыва подкреплений, которые могла послать Директория для спасения осажденных в Корфу французов.

Селивачев должен был охранять южный пролив, а адмирал Пустошкин — крейсировать в Венецианском заливе (в Адриатическом море), чтобы не допустить французскую подмогу с севера. Все это поясняет Ушаков в письме к русскому полномочному министру в Неаполе Мусину-Пушкину 11 января 1799 г. [55]

Это были напряженные, трудные дни для Ушакова. «Десантных войск со мной нет, а одних морских служителей к штурмованию крепости недостаточно, да и остров Видо, весьма укрепленный и снабженный достаточным числом французских войск, нами еще не штурмован...»

О том, чтобы заставить Ушакова снять осаду, французы, конечно, и думать не могли, но осада крепости затягивалась, так как для штурма ее не хватало десантных войск. Поэтому-то Ушакову и пришлось пойти на трудный и неприятный шаг — обратиться за помощью к Али-паше.

Трудность заключалась вовсе не в том, что янинский владыка мог отказать. Ушаков прекрасно понимал, что паша с величайшей готовностью выполнит просьбу. Деликатность предприятия состояла в том, чтобы, получив эту помощь от Али-паши, не отяготить себя никакими обязательствами перед ним, а самое главное — не дать ему ни одного вершка территории Ионических островов.

Федор Федорович призвал снова Метаксу и, снабдив его точными инструкциями, отправил к Али-паше с письмом и с богатейшим подарком — осыпанной бриллиантами и изумрудами табакеркой, оцененной в две тысячи золотых червонцев.

Начались переговоры. Положение русского импровизированного «дипломата» было нелегкое. Ведь чем, собственно, Метакса мог заинтересовать Али-пашу, кроме драгоценной табакерки? Ровно ничем, по крайней мере из того, о чем мечтал Али-паша.

Сначала переговоры шли, по-видимому, не очень гладко. Али-паша, отчаявшись в возможности утвердиться на каком-либо из Ионических островов, требовал, чтобы Ушаков после взятия Корфу выдал ему в награду за помощь половину французской артиллерии и все мелкие французские суда, стоявшие на рейде (крупных там не было).

«Много стоило мне труда дать ему уразуметь,— пишет Метакса,— что такового обещания не в силах дать ни сам султан Селим, потому что союзники почитают все Ионические острова не покоренною добычею, но землями, исторгнутыми токмо от владений французов, и в коих все до последней пушки должно оставаться неприкосновенным. Я Али-паше представил, что бескорыстное содействие даст ему случай обезоружить врагов своих при Порте Оттоманской, а особенно Низед-пашу, бывшего тогда верховным визирем, и утвердить самого султана в хорошем об нем мнении, чем влияние его по всему матерому берегу еще более увеличится, что и высочайший российский двор не оставит, конечно, при случае оказать ему своего благоволения и наградит его щедрыми подарками» [56].

Долго не соглашался Али-паша «променять» пушки и галеры, в которых ему отказывали, на довольно неопределенные обещания будущих турецких и российских милостей. Помогло делу то, что очень уж к тому времени испортились отношения между этим опасным и сомнительным «губернатором» Эпира и константинопольским правительством.

«Он (Али-паша — *Е. Т.*),— пишет Метакса,— казался мне весьма озлобленным на Порту, может быть и притворно». «Я здесь силен,— говорил Али-паша Метаксе.— Скорее султан будет меня бояться в Стамбуле, нежели я его в Янине. Алчность к моим сокровищам заставит его, может быть, воевать со мною, но все они в заблуждении: я не так богат, как они думают».

Все-таки Али-паша как раз в то время стал сильно побаиваться султана. Он даже пожаловался Метаксе, что алчные константинопольские министры берут у него большие взятки, а никакого толку от этого нет,— так уж часто этим министрам рубят головы в столице. «Едва сделаешь себе подпору и приятеля, он уже без головы, а ты без денег»,— так горько жаловался Али-паша, очевидно считая подобный непорядок прямо издевательством над своей личностью.

Али-паша в конце концов согласился оказать помощь Ушакову, сообразив, что это согласие, может быть, в самом деле рассеет темную тучу, собиравшуюся против него в Константинополе. Но на одном условии Али-паша настаивал. «Скажи мне свое мнение откровенно,— внезапно спросил он Метаксу,— думаешь ли ты, что независимость, которую ваш адмирал провозглашает здесь, будет распространена и на греков матерого берега?» «Конечно, нет,— отвечал Метакса, у которого был готов ответ на этот неизбежный вопрос,— прочие греки не под игом французов, как ионийцы, а подданные султана» [57]. Тем самым Превеза оставалась в руках Али-паши, и он избавлялся от дальнейших беспокойств в своих владениях «на матером берегу».

Но неудобный это был «союзник» для Ушакова, принужденного к нему обратиться. Греки жестоко обеспокоились и боялись, что Али-паша, раз допущенный на остров Корфу, уже не уйдет оттуда.

Быстрые успехи Ушакова на островах Занте, Цериго, Кефалония, Св. Мавры были учтены французским командованием на о. Корфу довольно правильно. Французы поняли, что если греческое население островов всячески помогает русским и их поддерживает, то это происходит прежде всего от очень бесцеремонной завоевательно-грабительской практики французского поведения на всех этих островах, царившей вплоть до прихода русской эскадры. Поэтому в этом оставшемся еще и наиболее сильном оплоте французской власти, то есть на о. Корфу, французское командование решило повести усиленную агитацию, рассылало воззвания и обращалось к населению как к «союзникам» в общей борьбе. «Французы.., укрепясь в крепостях и на острове, бесподобно употребляют теперь все пронырливости обратить островских жителей к себе и уверяют их о их заблуждении, объясняют, что мы их совсем обманули, всеми возможностями стараются уверить их, что они обмануты, каковые об оном

выдают и рассылают по всему острову в великом количестве печатные листы и публикации»,— сообщает Ушаков посланнику Томаре.

12. АТАКА И ВЗЯТИЕ ОСТРОВА ВИДО, КАПИТУЛЯЦИЯ ОСТРОВА КОРФУ

Адмирал в самом деле был в трудном положении. Он хорошо понимал, что если среди населения острова Корфу стали проявляться «замешательство и развраты», то происходит это не столько от красноречия французских «печатных листов», сколько потому, что греки смущены и раздражены участием Али-паши и его головорезов в готовящемся штурме обеих крепостей острова Корфу. «Необходимость одна понудила нас противу упорного желания здешних островских обывателей взять малое количество войск от Али-паши, и сие привело жителей в такую расстройку, что бесподобно (беспримерно — *Е. Т.*). Я стараюсь всеми возможностями успокаивать и уверять их, что все таковые войска находятся под собственным моим начальством, что я стараться буду не допускать их ни до чего, что бы могло жителей обеспокоивать, но единственно с ними общими силами вместе блокировать и взять крепости, а что потом обыватели островские останутся на таковых же правах, как и прочие острова,— хотя таковое старание мое и оказываемые всегдашние благоприятства успокаивают их несколько, но за всем тем многие колеблются и большей частью от нас уже отстают...» [58]

Али-паша обещал прислать в помощь Ушакову 3000 албанцев и отпустил Метаксу с подарками. Спустя несколько дней. 2 (13) февраля, Али-паша, в богатейшей одежде и окруженный великолепной свитой, явился с визитом к Ушакову на адмиральский корабль. А начиная с вечера 10 (21) февраля на судах стали прибывать выделенные Али-пашой войска. Всего прибыло около 2500 албанцев вместо 3000 обещанных. Не обмануть гяура хоть немножко Али-паша никак не мог.

11 (22) февраля посланный им отряд высадился в порту Гуино на о. Корфу. Как увидим дальше, особого толку от этого запоздавшего подкрепления не получилось, и албанцы (во всяком случае — отдельные части их) вызвали своим поведением такой гнев и такое презрение со стороны Ушакова, что он воспретил даже пускать их в город Корфу после окончательной своей победы.

Нужно снова напомнить, что войска Али-паши называются тут, как назывались и тогда, «албанцами» лишь для краткости: настоящих албанских жителей там было меньше, чем турок.

Неожиданно двое других пашей прислали Ушакову еще 1750 человек, так что в общем этих «албанцев» оказалось

4250 человек. Но и такая подмога была мизерна сравнительно с теми силами, какие были обещаны султаном (12 000 чел.).

Много хлопот было с отрядом Али-паши, а польза оказалась совсем ничтожная. Не желая сражаться, турки, однако, во время своего пребывания на Корфу обнаруживали большую энергию в грабежах, буйствах, нападениях на церкви с целью их ограбления и т. д. Штурм неприступных укреплений Корфу был произведен русскими. Все сделали русские и только русские, помощи они фактически ни от кого не получили.

Ни от хитрого, ничем не стеснявшегося Али-паши, ни от «регулярных» турецких сил Кадыр-бея Ушаков реальной подмоги не имел. «...дела сколько здесь не счесть, вся блокада и во всех рассылках и во всех местах, и все успехи производимые деланы все одними моими только судами, а из турецкой эскадры кого ни посылаю, пройдет только час-другой — и тотчас назад идет. Когда велю где крейсировать и не приходить назад к нам, то отошед остановятся и дремлют все время без осмотрительностей... Я измучил уже бессменно всех моих людей в разных местах... Прилежнейшие наши служители (матросы), от ревности и рвения своего желая на батареях в работу и во всех бдительностях в дождь, в мокроту и в слякость, обмаранных в грязи, все терпеливо сносили»,— так описывал Ушаков положение вещей во время борьбы за Корфу [59]. При этом эскадра была очень плохо снабжена боезапасом: «Недостатки (скудость) наши, бывшие при осаде Корфу, во всем были беспредельны, даже выстрелы пушечные, а особо наших корабельных единорогов необходимо должно было беречь на сильнейшие и на генеральные всего производства (всей операции — *Е. Т.*) дела. Со мной комплект только снарядов к орудиям, тотчас можно было бы их расстрелять и расстреляли бы мы их понапрасну, весьма с малым вредом неприятелю...» Поэтому Ушаков медлил со штурмом, пока не подошли все его суда и не стало возможным укрепиться на более выгодных позициях.

С прибытием присланного Али-пашой албанского отряда, а также небольших отрядов других пашей, Ушаков ускорил приготовления к штурму. Усилилась бомбардировка крепостных укреплений. Адмирал решил начать действия против о. Видо, в то же время не прекращая и обстрела обеих крепостей о. Корфу.

Совершенно внезапно большинство албанского отряда отказалось участвовать в готовившемся общем штурме. Началось с того, что отряд Али-паши не пожелал участвовать в штурме Видо. Только ли тут действовало отсутствие дисциплины, свойственное воинству Али-паши и проявлявшееся особенно часто в тех случаях, когда сам предводитель отсутствовал, или же коварный Янинский паша дал понять командному составу послан-

ного им отряда, что незачем особенно усердствовать, но результат оказался плачевным. «Для убеждения их адмирал (Ушаков — *Е. Т.*) ездил сам на берег и обнадеживал их в успехе, видя же, что ничто не помогло албанцев убедить соединиться с нашими войсками, он хотел было понудить их строгостью к повиновению, но тогда они почти все разбежались, оставя начальников своих одних». Но эти начальники оказались вполне достойными своих подчиненных. «Адмирал, услыша от сих последних, что он предпринимает дело невозможное, усмехнулся и сказал им: „ступайте же и соберитесь все на гору при северной нашей батарее, и оттуда, сложа руки, смотрите, как я в глазах ваших возьму остров Видо и все его грозные батареи"» [60]. Только немногие из отряда Али-паши пошли за Ушаковым.

Действия против о. Видо были предприняты 18 февраля (1 марта) в семь часов. Атака была начата кораблями флота, быстро занявшими по сигналу адмирала свои места по диспозиции. Против каждой из пяти батарей противника действовала заранее определенная группа кораблей, которые должны были сломить сопротивление батарей и тем обеспечить высадку десанта. Французы энергично и упорно сопротивлялись. Пользуясь близостью русских кораблей, подошедших к берегу на дистанцию картечного выстрела (2—2,5 кабельтова), противник попытался стрелять калеными ядрами, с целью вызывать на них пожары, однако мгновенно засыпанные картечью и ядрами батареи вынуждены были отказаться от этого сравнительно медленного способа стрельбы и перейти на обыкновенные ядра и картечь [61].

Адмирал флота И. С. Исаков в своем труде «Приморские крепости» [62], высоко оценивая план атаки о. Видо, указывает: «Артиллерийский огонь фрегатов, а затем и линейных кораблей благодаря исключительно высокой выучке русских комендоров, хорошему маневрированию капитанов и решительной дистанции, выбранной для боя (дистанция картечного выстрела), уже через четыре часа непрерывного действия сломил боеспособность батарей и гарнизона... Правильно оценив критический момент боя, Ушаков в 11 часов утра приказал начать высадку, не прекращая огня кораблей».

Руководя атакой на наиболее ответственном участке, Ушаков на флагманском корабле «Св. Павел», показывая пример бесстрашия, сперва направился к батарее № 1 и на ходу обрушил на нее несколько залпов всем бортом. Затем, пройдя близко вдоль берега к батарее № 2 и засыпав ее ядрами и картечью, подошел к батарее № 3 и встал здесь на шпринг на ближнем картечном выстреле так, чтобы обоими бортами громить обе батареи.

Занятая адмиралом позиция позволяла ему видеть резуль-

таты артиллерийской атаки и своевременно определить момент своза десанта на предназначенные планом береговые участки.

В этот самый решительный момент войска, присланные Али-пашой, просто-напросто отказались участвовать в бою: «...турки и албанцы за работу ни один человек никогда не принялись, даже и орудия все втащены на гору и поставлены на места нашими служителями». Что касается турок, то в документах, где Ушаков мог быть вполне искренен, он оценивал турецкую «помощь» весьма невысоко. А там, где нужно было вести тонкую политику, Федор Федорович лукавил и похваливал: «...словом, вообще, взятие крепостей Корфу целый свет может отдать справедливость вверенной мне эскадре и нашему действию; но, чтобы утвердить более и более дружбу нашу с Блистательной Портой Оттоманскою, в реляции пишу я все вообще и их похваляю, и отношу им признательность». Правда, турки, поскольку зависело от их прямого начальства, «помогают по их возможности». Но беда в том, что их «возможности» были слишком уж скромны: «кораблей турецких в атаке острова не поставил я с нашими», причем Ушаков руководился целью убрать подальше турецкие корабли «в их собственное сбережение», ибо «они не могут скоро лечь шпрингом, как скорость надобности требует, и в это время были бы они против батарей кормами, их с батарей могли бы расстрелять, а они могли бы нам помешать недеятельностью...»

Решительно все сделала русская эскадра, и Ушаков со справедливой гордостью пишет посланнику Томаре: в эскадре к моменту боя было восемь кораблей и семь линейных фрегатов всего-навсего, а «действие мое против крепостей кораблями российскими, которые деятельностью своею, когда они к тому употребляются, стоят больше, нежели тридцать или пятьдесят тысяч сухопутного войска» [63].

«Беспрерывная, страшная стрельба и гром больших орудий,— писал очевидец и участник дела Метакса,— приводили в трепет все окрестности... Видо, можно сказать, был весь взорван картечами и не только окопы... не осталось дерева, которое бы не было повреждено сим ужасным железным градом... В одиннадцать часов пушки с батарей французских были сбиты: все люди, их защищавшие, погибли, прочие же, приведенные в страх, кидались из куста в куст, не зная, куда укрыться...» [64]

По новому сигналу начать высадку назначенные в десант части поспешно бросились на приготовленные у борта кораблей баркасы, катера, лодки и мгновенно устремились к трем намеченным для высадки небольшим бухточкам и «с невероятной скоростью вышли на берег».

Всего было высажено 2159 человек. Выбивая противника из складок местности, десантные части пробились к центральному

редуту и здесь, после трехчасового боя, окончательно сломили сопротивление гарнизона.

Потрясенные боем французы, видя безнадежность дальнейшего сопротивления, стали сдаваться, но бывшие в составе десанта турки, не слушая криков о пощаде, стали безжалостно резать неприятеля. Стараясь спасти пленных, русские моряки и солдаты окружили их стеной; было приказано стрелять по туркам, если они будут пытаться уничтожать сдающихся французов. «Сия решительная мера спасла жизнь всех, может быть, французов,— турки не пощадили бы, конечно, ни одного»[65]. Пленных во главе с комендантом о. Видо генералом Пивроном благополучно доставили к Ушакову, пытавшиеся же уйти с Видо на лодках были потоплены выстрелами с русских кораблей.

В 2 часа дня на Видо замолкли последние выстрелы и взвились союзные флаги.

В этот момент никого, кроме русских, около крепости не было: Ушаков не подпустил ни албанцев, ни турок, очень надеявшихся на добычу.

На позднейшие жалобы Али-паши по тому поводу, что его отряд не был подпущен к взятым уже обеим крепостям о. Корфу и к городу, Ушаков отвечал: «Ежели бы албанские войска и турецкие вместе с нашими вошли в город и крепости, то и основания оных не могло бы остаться: все было бы истреблено, кровопролитие, плач (sic! — *Е. Т.*) и вопль последовали бы, междоусобия и войны были бы с островскими жителями. Я предвидел все это и крепости Корфу принял одними нашими войсками, высадя их со стороны моря на шпинаду (эспланаду — *Е. Т.*)»[66].

Около половины французского гарнизона, оборонявшего остров, погибло. По данным Метаксы, из 800 рядовых французского гарнизона было взято в плен 422 человека, остальные пали в бою: из 21 офицера в плен попало 15. Русские потери были значительно меньше (около 125 человек убитыми и ранеными). Турок было убито и ранено 78 человек, албанцев убито 23, ранено 82 человека.

Оставалось решить очень серьезную задачу — овладеть еще двумя крепостями на самом острове Корфу — Старой и Новой — с их мощными долговременными укреплениями.

Высаженные заблаговременно сухопутные войска уже были готовы к штурму укреплений Новой крепости — Св. Авраама, Св. Рока и Св. Сальвадора. В штурме должны были принять участие и отряды местных жителей, но, сомневаясь в успехе, они совсем не явились. Корфиоты полагали, что выделенных войск недостаточно для захвата столь сильных укреплений, и считали штурм обреченным на неудачу. Албанцы же, кроме незначительного числа охотников, вообще отказались участвовать в штурме.

Но это не изменило хода событий. В назначенное время русские войска, усиленные десантом с кораблей, решительно атаковали укрепление Св. Рока и, преодолев рвы, при помощи штурмовых лестниц ворвались внутрь. Увидя невозможность противодействовать стремительной атаке, французы, заклепав пушки и взорвав погреба, отступили в укрепление Св. Сальвадора, где намеревались организовать упорную защиту. Однако ворвавшиеся на их плечах солдаты и матросы быстро сломили сопротивление, и через полчаса в результате ожесточенной рукопашной схватки французы в беспорядке бежали и отсюда. Та же участь постигла и укрепление Св. Авраама. Через полтора часа после начала штурма все передовые укрепления Новой крепости были в руках русских.

Падение о. Видо и передовых укреплений Новой крепости резко снизило моральное состояние французского гарнизона. С занятием острова русская артиллерия получила полную возможность беспрепятственно и почти безопасно для себя обстреливать Старую крепость о. Корфу, а быстрое занятие внешних укреплений Новой крепости показало французам, что развязка наступит гораздо раньше, чем они рассчитывали.

Главный комиссар Директории Дюбуа и дивизионный генерал Шабо, комендант о. Корфу, прислали 19 февраля (2 марта) к Ушакову трех офицеров с предложением принять их сдачу и начать переговоры. Ушаков ответил, что он прекращает на 24 часа военные действия.

В своем письме Дюбуа и дивизионный генерал Шабо сообщали Ушакову:

«Господин адмирал!

Мы думаем, что бесполезно жертвовать жизнию многих храбрых воинов российских, турецких и французских для овладения Корфою. Вследствие сего мы предлагаем вам перемирие на сколько времени вы рассудите для постановления условий о сдаче сей крепости. Мы приглашаем вас к сообщению нам по сему намерений ваших для прекращения кровопролития. Если вы сего желаете, то мы составим намереваемые нами предложения, буде вы не предпочтете сами сообщить нам о предложениях ваших». Письмо было доставлено 19 февраля Ушакову.

Ответное письмо Ф. Ф. Ушакова 19 февраля 1799 г. Дюбуа и генералу гласило[67]:

«По почтеннейшему письму вашему о договорах, до сдачи крепостей Корфу касающих, сей же час переговоря с командующим турецкою эскадрою, и за сим же ответ доставлю, дабы не проливать напрасно кровь людей, я всегда на приятные договоры согласен и между тем пошлю во все места, чтобы от сего времени на 24 часа военные действия прекратить. Впрочем с почтением имею честь быть» и пр.

Характерные детали сдачи Корфу русской эскадре зафиксированы в корабельном журнале корабля «Захарий и Елизавета», команда которого принимала участие в приеме пленных французов и военного имущества (даты в документе по старому стилю).

«*Февраля 19.* 19 числа приезжал на корабль „Павел" из крепости Корфу на французской лодке под нашим и французским флагами адъютант французского генерала, командовавшего в крепости гарнизоном, и с ним два офицера армейских, привезя письмо к главнокомандующему от оного генерала Шабо и генерал-комиссара Дюбуа, в коем просили остановить военные действия и пролитие крови храбрых войск с обеих сторон и положить сроку о договорах до сдачи крепостей Корфу касающихся. Главнокомандующий, согласясь с командующим турецкой эскадрой, спустя малое время отправил одного адъютанта в крепость с ответом, дав сроку учинить договоры в 24 часа, приказывая на такое время прекратить военные действия во всех местах; в 5 часов пополудни главнокомандующий отправил в крепость Корфу флота лейтенанта Балабина, отправляющего должность при нем адъютанта, с договорами, по коим главнокомандующий обеих эскадр требовал сдачи крепостей, которой в 9 часа пополудни возвратился обратно на эскадру».

«*Февраля 20.* 20 числа приехали на корабль „Павел" под нашим и французским военными флагами из крепости Корфу на лодке французские комиссары для утверждения и размены договоров; тогда приехал на оной же корабль командующий турецкой эскадры адмирал Кадыр-бей и с ним определенный от Дивана во флот министр Махмуд Ефендий, которые заседали обще с адмиралом Ушаковым и французскими чиновниками при заключении капитуляции о сдаче Корфу. По заключении оной отправил обратно в крепость с майором нашей эскадры Боаселем для подписания сих договоров начальствующим в крепости генералитетом, и оной майор Боасель с подписанной капитуляцией вскорости возвратился, в которой заключалось: крепости Корфу с артиллерией, амуничными запасами, съестными припасами, материалами и всеми казенными вещьми, которые ныне состоят в арсенале и магазинах, также все вещи казенные как состоящие в городском ведомстве, так и принадлежащие гарнизону, в том числе корабль „Леандр" („Leander" — *Е. Т.*), фрегат „Бруна" („La Brune" — *Е. Т.*) и все другие суда республики французской, сданы быть имеют во всей целости по описи определенным от российской и турецкой эскадр комиссарам; гарнизон французский через один день от подписания капитуляции при военных почестях выйдет из всех крепостей и ворот, которые он ныне занимает, и, будучи поставлен в строй, положит оружие и знамена свои, исключая генералов

и всех офицеров и прочих чиновников, которые останутся при своем оружии.

После сего оный гарнизон с собственным его экипажем перевезен будет в Тулон на судах наймом и содержанием российской и турецкой эскадр под прикрытием военных судов, и дивизионному генералу Шабо со всем его штатом, разными чиновниками позволено отправиться в Тулон, или в Анкону, из оных мест, куда он пожелает коштом договаривающихся держав; генералитет и весь французский гарнизон обязывается честным словом в течение 18 месяцев отнюдь не принять оружие против Империи всероссийской и Порты Оттоманской и их союзников.

Французы, попавшиеся в плен во время осады Корфу, на тех же правах отправлены будут вместе с французским гарнизоном в Тулон с обязательством на честное слово не принимать оружие противу помянутых империй и союзников их во все течение настоящей войны, пока размена их с обоими империями российскою и турецкою учинена не будет. Больные ж, остающиеся здесь из французского гарнизона по невозможности следовать за оным, будут содержаны наравне с больными российскими и турецкими на коште договаривающихся держав, а по излечении отправлены будут в Тулон...»

«*Февраля 22*. 22 числа по возвещении утренней зори сигналом велено обеим эскадрам сняться с якоря и идти между крепостями Корфу и острова Видо, куда подошли и стали линиею по всему рейду на якоря, окружая все крепости оною, и легли на шпринг противу оных крепостей для предосторожности...

Пополудни того же числа французский гарнизон, выходя из крепости в надлежащем устройстве, положил пред фрунтом наших войск свои ружья и знамя сходно с капитуляциею. Войска наши, приняв оные и всю амуницию, немедленно заняли все укрепленные места нашим караулом, в сие же время французские флаги с крепостей спущены и подняты на оных наши; то ж на корабле „Леандре", фрегате „Бруна" и прочих судах флаги союзных держав, и со оных крепостей салютовано адмиральскому флагу из 7 пушек, которым ответствовано равным числом; в то ж время главнокомандующему привезены на корабле „Св. Павел" французские флаги с крепостей и с судов, знамя гарнизона, то ж и ключи от всех крепостей, ворот и от магазин, которой обще с генералитетом и протчими командующими отправились в Корфу в церковь св. чудотворца Спиридона для принесения господу богу благодарственного молебствия. По сходе на берег встречены были множеством народа и первейшими жителями обще с духовенством с величайшею почестью и восклицаниями, возглашая благодарность всемилостивейшему государю императору Павлу Петровичу за избав-

ление их от ига неприятельского, производя беспрерывный колокольный звон и ружейную пальбу во всех домах, из окон вывешены были шелковые материи и флаги первого адмирала, которые также многие из жителей, держа в руках, теснились, желая видеть своих избавителей, а по выслушании благодарственного молебствия главнокомандующие эскадрами и протчими возвратились на корабли.

В крепостях острова Корфу при приеме по осмотру определенных оказалось мортир медных разных калибров 92, чугунных 9-ти пудовых каменнострельных 13, голубиц (гаубиц — *Е. Т.*) медных 21, пушек медных разных калибров 323, чугунных разного калибра 187, ружей годных 5495, бомб разного калибра чиненных 545, нечиненных 36 849, гранат чиненных 2116, нечиненных 209, древгаглов 1482, ядер чугунных разных калибров 137 тысяч, кнепелей (sic! — *Е. Т.*) 12 708, пуль свинцовых ружейных 132 тысячи, пороху разных сортов 3060 пудов, пшеницы немолотой в разных магазинах до 2500 четвертей и... морского и сухопутного провианта по числу французского гарнизона месяца на полтора, также оказалось во многих магазинах по разным должностям припасов и материалов немалое количество. Судов при Корфу находящихся: корабль 54-пушечной, обшитый медью „Леандр", фрегат 32-пушечной „Бруна", поляка „Экспедицион" о 8 пушках медных, одно бомбардирское судно, галер 2, полугалер годных 4, негодных 3, бригантин негодных 4 и 3 купеческие судна, и оные купеческие судна надлежит казне или хозяевам; велено комиссии об них сделать рассмотрение; в порте Гуви один 66-пушечный корабль ветхой, также один корабль, 2 фрегата ветхие, затопшие; при крепости же Корфу и в порте Гуви нашлось не малое количество дубовых и сосновых лесов, годных ко исправлению кораблей и в перемену рангоута...»

«*Февраля 23.* 23 числа послано на корабль „Леандр" пристойное число жителей для его исправления, а на фрегат „Бруна" посланы служители с турецкой эскадры, которой по согласию главнокомандующих соединенными эскадрами взят турками, а корабль „Леандр" достался российской эскадре» [68].

Текст капитуляции кончается так: «На российском адмиральском корабле „Св. Павел", февраля 20 дня 1799 года, вантоза 13 дня 7 года республики французской, подписали: Грувель, Дюфур, Карез, Брит, Кадыр-бей, вице-адмирал Ушаков. Вышеписанная капитуляция ратифицирована и принята именем французского правления нижеподписавшимися: Генеральный комиссар Исполнительной Директории французской республики Дюбуа и дивизионный генерал Шабо. Печати приложены: Кадыр-бея, вице-адмирала Ушакова, Дюбуа и Шабо» [69].

Итак, произошла сдача на капитуляцию сильнейшей по тому времени крепости с большим и храбрым гарнизоном, со значительными запасами вооружения и провианта. В общем французов сдалось на Корфу 2931 человек, во главе с генеральным комиссаром Французской республики и тремя генералами. Из указанного числа сдавшихся пехоты было 2030 человек, артиллеристов 387, моряков 379, инженерного корпуса 56, гражданских чиновников 52.

Документальные данные о сдаче Корфу следует дополнить рассказом летописца и участника экспедиции Метаксы.

Торжественное шествие Ушакова по улицам города было встречено неописуемым энтузиазмом населения, богато украсившего свои дома.

«Радость греков была неописанна и непритворна. Русские зашли как будто в свою родину. Все казались братьями, многие дети, влекомые матерями навстречу войск наших, целовали руки наших солдат, как бы отцовские. Сии, не зная греческого языка, довольствовались кланяться на все стороны и повторяли: „Здравствуйте, православные!“, на что греки отвечали громкими „ура“» [70].

Русские захватили 54-пушечный корабль «Leander» и фрегат «La Brune» (называвшийся в наших источниках «Бруна», «Брюно», «Ла Брюнь») [71] и, сверх того, несколько мелких судов. Трофеи, найденные в крепости, как мы видели, были очень значительны.

Взятие Корфу завершало полную победу Ушакова — овладение русскими всей группой Ионических островов. В Европе не могли прийти в себя от удивления: флот взял сильнейшую крепость!

Едва ли не лучшей оценкой действий Ушакова и его моряков были облетевшие весь флот слова поздравления, посланного Суворовым Ушакову:

«Великий Петр наш жив. Что он, по разбитии в 1714 году шведского флота при Аландских островах, произнес, а именно: природа произвела Россию только одну: она соперницы не имеет, то и теперь мы видим. Ура! Русскому флоту!.. Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу, хотя мичманом!» [72]

13. ОРГАНИЗАЦИЯ УШАКОВЫМ САМОУПРАВЛЕНИЯ ИОНИЧЕСКИХ ОСТРОВОВ

Пленные французские генералы, стойко выдержавшие осаду и конечный штурм,— Шабо, Дюбуа, Ливрон и Верьер — прибыли к Ушакову на корабль.

«Французские генералы, выхваляя благоразумные распоряжения адмирала и храбрость русских войск, признавались, что

никогда не воображали себе, чтобы мы с одними кораблями могли приступить к страшным батареям Корфы и острова Видо, что таковая смелость едва ли была когда-нибудь видана... Они еще были более поражены великодушием и человеколюбием русских воинов, что им одним обязаны сотни французов сохранением своей жизни, исторгнутой силою от рук мусульман» [73].

Дополним этот рассказ о свидании французов с Ушаковым показанием, идущим от французского пленника:

«Русский адмирал принял нас в кают-компании (на корабле „Св. Павел"). Он оказал очень ласковый прием всем нашим начальникам... После обычных приветствий вице-адмирал Ушаков велел подать нам кофе... Ушакову около пятидесяти лет. Он кажется суровым и сдержанным. Он говорит только по-русски...», — пишет капитан Беллэр, который был очень тронут воинскими почестями, оказанными с русской стороны убитому французскому офицеру Тиссо, и вообще любезным отношением к французам со стороны победителей. Беллэр дает в своих записках несколько наблюдений над русскими и их эскадрой: «Адмиральский корабль „Св. Павел" хорошо построен и вооружен бронзовыми пушками так же, как и прочие суда... Это судно содержится очень чисто и в хорошем порядке». Русская морская артиллерия очень хороша. «Лучший порох на свете — это русский... Мы имели случай убедиться в превосходстве этого пороха над всеми известными сортами во время осады Корфу, когда русские бросали на значительное расстояние бомбы в 25 килограммов веса». «Русская пехота одна из лучших в Европе», русский солдат «не боится смерти». Он скорее даст себя убить, чем сдастся. Но он «неспособен что-либо сделать без специального приказа своего офицера» [74]. Это было напечатано в Париже в 1805 г. Через семь лет русские солдаты (и партизаны) доказали Беллэру, что он несколько поспешил со своими выводами.

Горячую симпатию греческого народа к русским отмечает и другой французский наблюдатель, храбрый офицер анконского гарнизона Мангури. Он подчеркивает, что в данном случае действовали и недавние исторические воспоминания о Чесме, «об Орлове, о бессмертной Екатерине». И он тоже говорил о корректном и культурном поведении русских офицеров, о дисциплинированности и хорошем поведении (la tenue) их солдат. Очевидно, уж не зная, как лучше похвалить русских за их поведение, Мангури великодушно сулит им в будущем самую высокую честь и самую сладостную награду: «Русские офицеры большей частью подражали нашим манерам и гордились знанием нашего языка. Они могли бы со временем, пожалуй, называться французами Балтийского моря и Архипелага» [75]. Это так неподражаемо забавно, что невольно вспоминается класси-

ческий разговор француза капитана Рамбаля с Пьером Безуховым, которого Рамбаль хочет в награду за спасение своей жизни непременно произвести во французы.

Всюду, где французы встречались с отрядами из эскадры Ушакова, они настойчиво подчеркивали варварское поведение турок и благородство русских. «Московский флаг на корабле начальника напоминал о враге, которого должно опасаться, но который знает законы войны. Не то было с флагом оттоманским»,— говорит Мангури, вспоминая о позднейшем событии, о котором у нас будет речь дальше, о прибытии флотилии Войновича к Анконе[76].

Награды, ордена, богатые дары, лестные грамоты посыпались на Ушакова, но не столько от Павла, сколько от султана Селима III. Депутации от населения не только о. Корфу, но и от ранее освобожденных Ушаковым островов Цериго, Занте, Св. Мавры и Кефалония, одна за другой выражали свою горячую благодарность и восторженные поздравления. Они подчеркивали, что русский адмирал даровал им самоуправление, свободу, водворил спокойствие и тишину, «утвердил между всеми сословиями дружбу и согласие». Это был явный намек на то, что Ушаков не позволил обижать и притеснять решительно никого из лиц, подозреваемых в «якобинстве» и в приверженности к французам. Ушаков разработал основы временной «конституции». Он создал на островах орган, избранный не только от дворян, купцов и вообще зажиточного населения (по-видимому, владельцев домов, виноградников, усадеб), но и от крестьян. В качестве верховного органа намечался «Сенат семи соединенных островов» из делегатов от органов самоуправления, собирающийся на о. Корфу и решающий дела, затрагивающие общие интересы островов. Этим органам самоуправления поручалась организация администрации и суда. У нас нет точных данных о том, как именно в это время происходили выборы, как функционировали органы самоуправления, каковы фактически были действия сената на Корфу и т. п. Да и слишком короток был срок существования этого самоуправления[77]. Однако очень показательно, что население Ионических островов смотрело с величайшей радостью на то упорядоченное, безопасное, спокойное существование, которое дали им и поддерживали у них в течение всего своего пребывания Ушаков и его моряки. Когда летом 1800 г. Ушаков окончательно покидал Средиземное море, сенат Ионических островов, снова и снова благодаря Ушакова за «стольские благодеяния», объявил торжественно, что народ Ионических островов «единогласно возглашает Ушакова отцом своим».

Подобные же горячие приветствия и изъявления бесконечной благодарности получены были русским адмиралом от

каждого из освобожденных им островов. Население о. Корфу поднесло Ушакову великолепно украшенный алмазами меч, остров Занте — серебряный щит и золотой меч, остров Кефалония — золотую медаль, на которой были выбиты портрет адмирала и надпись «За спасение Ионического острова Кефалонии» и т. д.

Обозленный тем, что Ушаков совершенно отстранил его и ждавшие удобного случая грабежа его войска от участия в дележе добычи, Али-паша поспешил, предупредив официальное донесение русского адмирала Томаре, известить турецкое правительство в Константинополе о своей горькой обиде: он со своими героями взял обе крепости Видо и Сан-Сальватор на о. Корфу, а его не подпустили к городу и к добыче, и русский адмирал все забрал себе! Все эти дрязги и жалобы разочарованного в своих упованиях янинского бандита очень раздражали Ушакова, неоднократно вынужденного разъяснять Томаре истинную историю взятия Корфу и всю неосновательность и наглость претензий Али-паши. В конце концов Ушаков даже написал опровержение всех этих жалоб Али-паши уже непосредственно верховному визирю Оттоманской Порты Юсуф-Зыю-паше.

«Войска его (Али-паши), в весьма малом количестве здесь находившиеся,— не только брать остров Видо, но и помогать нам отказались и с нами не пошли»,— писал между прочим Ушаков [78].

В сущности Ушаков создал впредь до окончательного решения союзных правительств почти совсем самостоятельную республику под временным протекторатом России и Турции. Фактически никаких вмешательств русской военной власти во внутренние дела Ионических островов не было.

Очень характерно, что данное Ушаковым государственное устройство показалось кое-кому из заправил среди населения Ионических островов слишком уж «демократическим» и либеральным. Когда он отправился из Корфу в Сицилию, какие-то самозванные делегаты с о. Корфу съездили в Константинополь и «упросили министерство Порты и русского посланника Томару изменить конституцию и одному дворянству предоставить всю власть», тогда как Ушаков устроил «Сенат островов» именно так, что «Сенат и все присутствия составлены были из депутатов той и другой стороны поровну» с целью «примирения двух партий на островах, сильно враждовавших: дворян и поселян» [79]. Конечно, дворянам удалось у посланника Павла I и у султана Селима III добиться всего, чего они хотели: ушаковская конституция была «исправлена». В 1800 г. Ушаков короткое время побывал на о. Корфу и энергично отстаивал дело

справедливости, «предвидя пагубные последствия и междоусобную войну» от этих дворянских происков. Но затем он уже навсегда покинул острова. Ушаков имел тогда случай убедиться, что дворян поддерживают тайно и англичане и австрийцы. В особенности Австрия была недовольна «нравственным влиянием на островах этих», которое внес Ушаков своими славными победами и своим слишком, на австрийский взгляд, демократическим законодательством.

Тут будет кстати упомянуть об одном эпизоде, относящемся к весне 1799 г.

У Ф. Ф. Ушакова имелось повеление царя «избрать из находящихся под его (Ушакова — *Е. Т.*) командой штаб-офицера и отправить на Черную гору к тамошнему митрополиту для изъявления ему и всему народу черногорскому о мирном его императорского величества к ним расположении и благоволении».Ушаков командировал с этим поручением в Черногорию капитан-лейтенанта Клопакиса 2 марта 1799 г.[80] Клопакис это поручение выполнил, причем по пути испытал немало затруднений со стороны австрийских властей. Оказалось, не к весьма, конечно, приятному «удивлению» Клопакиса, что австрийцам давным-давно было известно о его путешествии. На Черную гору его не пустили (под предлогом карантина, вследствие «заразы», якобы там свирепствующей), но все-таки дали знать митрополиту. Он приехал и виделся с русским капитан-лейтенантом в монастыре, назначенном «политичным образом» для этого свидания. «Вообще же,— пишет Клопакис о командовавшем в Рагузе командире,— генерал принял меня ласково, ни дать, ни взять как русская пословица говорит: мягко стлать, а жестко спать». При свидании Клопакиса с митрополитом были соглядатаи, которые «политично (его — *Е. Т.*) караулили», но был момент, когда удалось побыть с глазу на глаз[81]. Впрочем, никакой миссии, кроме указанного довольно невинного поручения, Клопакис и не имел к черногорскому владыке. Но тут характерна подозрительность австрийских властей ко всякой попытке сношений России с балканским славянством.

Высоко вознес Ушаков честь русского знамени в этом краю. Слава его военных успехов и лестные, даже часто восторженные слухи о его великодушии разносились среди греческого и славянского населения южнобалканских и островных владений Турции.

Конечно, трудно было бы ожидать, чтобы с момента освобождения русскими Ионических островов там воцарилась безмятежная идиллия, и, вероятно, случаев нарушения добрых отношений между эскадрой и населением островов, а особенно дрязг и несогласий между отдельными классами населения было достаточно. Но документов об этих случаях почти вовсе

не сохранилось. Есть очень скудные свидетельства о жалобах и кляузах личного характера, восходивших до Ушакова. Однако есть единичные указания и на нечто, гораздо более серьезное. Например, мы нашли коротенькое и очень грозное (вовсе не в его обычном стиле) письмо Ушакова. «Правлению» острова Кефалония в ответ на какую-то не дошедшую до нас жалобу жителей острова на свое выборное правление: «Если просьба сия справедлива, что вы и товарищи ваши ослушны исполнять наши повеления, знайте, что я по получении от вас ответа, если вы не оправдаетесь в вашей ослушности, тот же час пошлю в Кефалонию эскадру или сам с эскадрою буду, и всех ослушающихся нашему повелению без изъятия и первейшие от вас особы арестовав, пошлю в Константинополь пленными или еще гораздо далече, откуда и ворон костей ваших не занесет. Мы одолели крепкую крепость Корфу, а Кефалония против войск наших не может стоять долго... Довольно уж вашей ослушности, когда повеление наше по сие время не исполнено, и приказывалось вам всех тех, которые противятся нашим повелениям, от должности отрешить или арестовать и прислать ко мне» [82].

В чем было дело — неясно ни из этого документа, ни из двух других, сюда относящихся. Ясно одно: на о. Кефалония возникло движение, направленное против состава правления и апеллировавшее к Ушакову. Ясно и то, что враждующие группы старались очернить друг друга в глазах Ушакова и обвинить в крамольных замыслах против русской эскадры и ее начальника. Но Ушаков разобрался, очевидно, в неосновательности подобного рода обвинений. Никого он не арестовал на Кефалонии и никого не засылал туда, где «ворон» и «костей» сосланных не соберет. А волнения народа, направленные попрежнему против правления, продолжались, и еще 20 апреля 1799 г. Ушаков писал на беспокойный остров: «Известно мне, что правление в острове Кефалонии и по сие время еще не учреждено. Народ негодует на депутации и просит скорейшего учреждения, а между тем чернь дошла до дерзости и ослушания, сбираются во множестве людей и почти бунт заводят». Ушаков убеждает «соблюдать тишину и порядок и ожидать окончательного решения терпеливо». А «окончательное решение» Ушаков обещает вскоре: «Послали мы повеление во все острова прислать в Корфу к соединенным эскадрам депутатов для составления правления наилучшим образом, как должно быть республике. Мы начали уже учреждение сие приводить в порядки. Ожидаем только скорейшей присылки депутатов и вместе со всеми ими тотчас оное правление и весь порядок установим единообразно на всех островах, каковое учреждение и на остров Кефалонию немедленно прислано будет; я всевоз-

можно стараться буду скорее оное установить. Желаю от всей искренности моей доставить всем островам совершенное спокойствие и предписываю всем обывателям острова Кефалонии восстановить между собой приятство и дружелюбие». Ушаков тут же извещает беспокойных кефалонийцев об успехах союзников в Италии и о ложности слухов, «передаваемых от французов»[83]. А временно, до выработки общего положения, он приказывает выбрать баллотировкой, или, как он выражается, «балантирацией», новое правление «из первейших особ из дворянства и прочих граждан и обывателей»[84]. Больше о волнениях на острове Кефалония в документах, которыми мы располагаем, нет упоминаний.

Другой случай если не волнений (их и в Кефалонии в точном смысле не было), то брожения умов был на о. Занте. 24 марта 1799 г. Ушакову была представлена петиция за подписью 259 жителей города Занте. После восторженных поздравлений адмирала с победой на о. Корфу и с окончательным освобождением Ионических островов петиционеры просили расширения права выбирать судей не только «от одного первой степени» «состояния», то есть не только из «бывших дворян», которых на острове всего триста семейств, но также из «лекарей, стряпчих, законоистолкователей (sic!— *Е. Т.*), нотариусов, купцов, а также промышленников, заводчиков, мастеровых, художников», а всех этих людей «считается несколько тысяч в городе Занте». Речь идет о распространении избирательных прав на «купцов и разночинцев». И необычайно характерно, что, поскольку можно понять из безобразнейшего, безграмотного, местами лишенного грамматического смысла перевода на русский язык этой греческой бумаги (подлинника в делах нет), петиционеры настаивают, чтобы Ушаков вернул новым предписанием те права населению, которые он дал острову, как только прибыл, и которые узурпировали с тех пор дворяне: «преимуществами, дарованными вам богом, поставляли и поучали вы нас в первый день вашего прибытия на остров Занте, тот же дух да благоволите превратить настоящее правление в островах имянным вашим подписанием»[85].

Резолюция Ушакова неизвестна. Но, судя по другому документу, имеющемуся в делах, брожение в городе Занте продолжалось еще некоторое время, и в начале мая ходили «слухи по городу неприятные», а именно, что если выбирать депутатов (в сенат всех островов, созываемый в Корфу) будут дворяне, «то хотят броситься на дворянские дома, зажечь и разграбить». Мутят (по словам донесения) и тайные приверженцы французов, «которые от вас (Ушакова — *Е. Т.*) прощены милосердно»[86]. Но и в городе Занте в конце концов все обошлось

без взрыва. А обнародованная вскоре ушаковская «конституция» произвела успокаивающее действие.

12 апреля 1799 г. Ушаков предложил избрать делегатов от всех Ионических островов и прислать их в город Корфу. Здесь эти делегаты вместе с делегатами от Корфу и составили ядро «сената», который и начал выработку проекта государственного устройства островов под русским и (фиктивным) турецким объединенным владычеством.

К концу мая 1799 г. был уже готов и утвержден Ушаковым «План о учреждении правления на освобожденных от французов бывших венецианских островах и о установлении в оных порядка».

«План» отдавал высшую административную власть в руки выборного сената, собирающегося в Корфу и состоящего из делегатов от островов, причем эти делегаты выбираются как от дворян, так и от жителей, имеющих определенный годовой доход (фиксированный особо для каждого острова). Сенат имеет верховный надзор как за судом, так и за органами местного самоуправления (так называемыми «малыми советами», или «конклавами»). Самоуправлению дана большая компетенция, обеспечивающая фактическую власть за дворянством и зажиточным торгово-ремесленным классом. Конечно, верховные права сюзерена и покровителя, то есть фактически представителя России, остаются не ограниченными ни сенатом, ни местными учреждениями. Но вместе с тем нигде не говорится о том, в чем именно заключается вмешательство верховной власти в обыденное течение дел в суде и администрации [87].

Когда в середине июня 1799 г. в Константинополь и Петербург отправлялись депутации, избранные населением Ионических островов и имевшие целью испросить конфирмацию нового государственного устройства Ионических («Эгейских») островов,— то тяготение к России продолжало оставаться *очень сильным* и именно в простолюдинах, в «нижнем народе», хотя Ушаков уже категорически заявил о нежелании Павла принять острова в русское государственное подданство: «...особо все вообще искать будут вашей протекции, они и все общество всех островов одно только счастье почитают, ежели не лишатся протекции России, а нижний весь народ слышать не хотят иного ничего, как только желают быть в совершенном подданстве России. Не безызвестно мне, что этого быть не может и что государь император не пожелает и не предпримет, дабы Порта не почувствовала, а пожелает всегда сохранить дружбу, но народ здешних островов и по сие время в уповании о том же...» Силу этих стремлений Ушаков, вообще чуждый преувеличений в слоге, выражает так: «Как видно, дойдут до всякого бешенства, теперь они только дышат тою надеждою, что протекции России

не лишатся, это только мнение оживляет их надежду, впрочем все депутаты надежду имеют на вашу только протекцию и покровительство, и искать будут оных и во всем будут вам послушны, так как и мне неограничено».

Так писал 14 июня 1799 г. Ушаков В. С. Томаре в Константинополь об отправляющихся в Петербург депутатах [88].

Итак, вслед за полным овладением Ионическим архипелагом воспоследовало дарование населению своего рода «хартии» самоуправления, которая при всей своей неясности, половинчатости, при всем дворянско-цензитарном характере постановлений о выборах (очень притом путано сформулированных) казалась тогда на востоке Средиземного моря весьма либеральной. Таковой ее, по крайней мере, находили австрийцы.

На островах при русских обеспечивались благосостояние населения и права личности больше, чем при турках или французских оккупантах.

Слава Ушакова гремела во всей Европе.

Но среди триумфов адмирал Ушаков не переставал помнить, что его миссия еще далеко не кончена и что большая тягота предстоит в ближайшем будущем. Он мог предвидеть, что начинается новая страница его средиземноморской эпопеи и что опять ему придется считаться не только с неприятелем, но и с «союзниками», происки и тайные интриги которых представят бо́льшую трудность, чем борьба с примитивными восточными хитростями умного и удачливого хищника и счастливого военного предводителя Али-паши Янинского или противодействие обманным махинациям повелителя правоверных Селима III, да «сюрпризам» со стороны турецких адмиралов вроде Фетих-бея, отказавшегося идти в погоню за бежавшим неприятельским кораблем на том основании, что команда может «рассердиться», если ей предложить выйти в море.

Раздражало и беспокоило Ушакова также очень плохое снабжение его эскадры продовольствием и всем необходимым.

Снабжение эскадры Ушакова зависело от двух ведомств снабжения: русского и турецкого. Можно себе без труда представить, как худо кормили ушаковских моряков турки. Но и из России все запаздывало.

Вот что писал, например, Ушаков «верховному визирю Юсуф-Зыю-паше» 30 марта (10 апреля) 1799 г.:

«Непременным долгом поставляю донести вашей светлости, что для продовольствия служителей вверенной мне эскадры морской провиант из Константинополя и из Мореи привозят на судах совсем негодный; сухари из нечистого разного хлеба, смешанного с мякиною и кострикой, весьма худы и притом много гнилых; вместо гороху, бобы совсем негодные, и доставляют

не суп, а одну черную воду, почему служители есть их не могут; вместо гречневых и ячневых круп, худой нечистый булгур, смешанный с ячменем и овсом, и в которых множество целых зерен ячменных и овсяных, так что сколько его ни разваривают, зерна сии и мякину проглотить весьма трудно; вино красное привозят сборное из разных мест Мореи, малыми количествами, огорклое, с гарпиусом, окислое и к употреблению негодное; мяса соленого в привозе к нам и по сие время еще нет; малыми количествами и весьма дорогою ценою покупаю я его здесь, но и денег на покупку теперь у меня в наличии не имеется. От худой провизии служители, мне вверенные, начали во многом числе заболевать и умирать, и старший доктор с медицинскими чинами, освидетельствовавший нашу провизию, нашли, что люди больными делаются единственно от нее и представляют, чтобы такую худую провизию в пищу людям не производить. Посему всепокорнейше прошу вашу светлость повелеть как наискорее к нам провизию доставить лучшего качества, а худую повелеть выбросить в море или сложить куда-нибудь в магазины» [89].

Но визирь сам воровал гораздо больше всех тех, на кого Ушаков мог приносить непосредственную жалобу. У кого же просить помощи? Ушаков и к русским властям обращался, но толку также не получалось. Отпускаемые казной деньги застревали по дороге.

Организация снабжения была поставлена и в русском и в турецком адмиралтействах из рук вон плохо. Одни суда с провиантом, отправленные из Константинополя, «в зимнее время разбились», другие пришли с опозданием на четыре месяца.

Таким образом, поддержки «тыла» Ушаков в эту многотрудную весну 1799 г. почти никакой не имел, и это его угнетало и раздражало. «Из всей древней истории не знаю и не нахожу я примеров,— писал Ушаков 31 марта (11 апреля) 1799 г. русскому посланнику в Константинополе Томаре,— чтобы когда какой флот мог находиться в отдаленности без всяких снабжений, и в такой крайности, в какой мы теперь находимся. Мы не желаем никакого награждения, лишь бы только по крайней мере довольствовали нас провиантом, порционами и жалованьем, как следует, и служители наши, столь верно и ревностно служащие, не были бы больны и не умирали с голоду, и чтобы притом корабли наши было чем исправить и мы не могли бы иметь уныния от напрасной стоянки и невозможности действовать» [90].

Кстати заметим, что и с наградами не очень расщедрились при дворе Павла Петровича. Павел наградил Ушакова бриллиантовыми знаками к имевшемуся у него ордену Александра Невского. Кроме того, за взятие Корфу Ушакова произвели в

адмиралы. Прав был адмирал, когда писал впоследствии 14(25) августа 1799 г. русскому посланнику в Константинополе Томаре: «За все мои старания и столь многие неусыпные труды из Петербурга не замечаю соответствия. Вижу, что, конечно, я кем-нибудь или какими-нибудь облыжностями расстроен; но могу чистосердечно уверить, что другой на моем месте может быть и третьей части не исполнил того, что я делаю. Душою и всем моим состоянием предан службе, и ни о чем более не думаю, как об одной пользе государевой. Зависть, быть может, против меня действует за Корфу; я и слова благоприятного никакого не получил» [91]. Впрочем, сам Томара был невиновен в интригах против Ушакова. Вскоре после того, как Томара узнал о взятии Корфу, он писал Павлу, что «многие из *министров турецких в последнее время открыто говорили*, что крепость без надлежащей осады и обыкновенно употребляемых при атаке средств взята быть не может» [92].

Вчитываясь в письма Ушакова с о. Корфу, мы чувствуем, что, кроме безобразно организованного снабжения его эскадры, кроме вечной лжи со стороны турок и продажного турецкого правительства, кроме предательских козней Али-паши, адмирала раздражало еще нечто, о чем он почти вовсе не упоминает, если не считать редких, как бы невольно прорывающихся слов. Ушакова заливали лестью, восторженными приветствиями, осыпали восточными дифирамбами за взятие Корфу, завершившее так блестяще всю Ионическую эпопею русского флота, ему рукоплескали в Константинополе, его венчали лаврами освобожденные им греческие островитяне, но «иглы тайные сурово язвили славное чело...»

Раздражали и беспокоили Ушакова вежливые, но настойчивые требования Нельсона, давно уже звавшего его прочь от Ионических островов, ждавшего его там, где у России не было никаких интересов, но где англичанам нужна была русская помощь.

31 декабря 1798 г. (11 января 1799 г.) русский посол Томара послал из Константинополя Ушакову важное извещение: к союзному договору России с Турцией примкнула Великобритания.

«Приятным долгом поставляю сообщить вашему превосходительству копию союзного оборонительного трактата высочайшего договора с Портою Оттоманскою и секретных артикулов, на которой государственные ратификации 27 декабря разменены были мною у Порты с верховным визирем. Английской оборонительной трактат, в виде приступления к нашему, был подписан 25, сего же течения, с уполномоченными Порты, коммодором Сидней Смитом и братом его, резидующим здесь министром

английским, уполномоченным к тому от его величества короля великобританского. Коммодор Сидней Смит командует в водах Порты морскими силами своей нации. Он прибыл сюда на 80-пушечном корабле „Тигре“, на котором вскоре отправляется в Александрию, и объявлял мне желание учредить с эскадрою вашего превосходительства сообщение морем и план свой о том перед отъездом отсюда поручить мне имеет для доставления вам» [93].

Но вместе с тем вдогонку за этим извещением о союзе с Великобританией посланник Томара посылает Ушакову и другое письмо (в тот же день), очевидно, убедившись из разговора с Сиднеем Смитом, что тот теперь поспешит потребовать от русского союзника действий очень трудных, очень опасных и абсолютно ненужных России, а нужных только Англии. Он решительно советует Ушакову не поддаваться советам Сиднея Смита и Нельсона и, «в удовлетворение требования лорда Нельсона отправя к Анконе по расчислению вашему (Ушакова — *Е. Т.*) довольно сильный отряд, самого вам главного пункта предприятий ваших, покорения крепости в острове Корфу, из виду терять не следует». Это Ушаков и без советов Томары знал. Разница между ними была лишь та, что Томара считал возможным в самый критический момент осады Корфу отделить «довольно сильный отряд» в Италию, а Ушаков твердо решил, что пока он не овладел Корфу, ничего и никуда он отделять от своих сил не станет, сколько бы и с какой бы настойчивостью английский адмирал этого ни требовал.

ДЕЙСТВИЯ ЭСКАДРЫ УШАКОВА У БЕРЕГОВ ИТАЛИИ

1. УШАКОВ И НЕЛЬСОН

Настала теперь пора коснуться вопроса об отношениях Ушакова с Нельсоном. Эта тема является вполне естественным и необходимым заключением первой части эпопеи ушаковского флота в Средиземном море и как бы прямым предисловием ко второй части: от действий русской эскадры на Ионических островах — к действиям у южноитальянских берегов, в Калабрии, Апулии, Неаполе, Риме.

Непохож был великий русский флотоводец Ушаков на английского адмирала Нельсона. Ушаков, идя абсолютно самостоятельным путем, явился творцом новой наступательной тактики. Он не только поломал все догмы застывшей линейной тактики, господствовавшей в западноевропейских флотах того времени, но разработал и практически осуществил новые маневренные формы боя. Нельсон же, особенно сначала, был счастливым последователем и продолжателем своего соотечественника Клерка, талантливым реализатором его идей. Ушаков проявил себя как блестящий новатор морского боя и одержал замечательные морские победы, еще не имея никакого понятия о Нельсоне, задолго до того, как Нельсон получил сколько-нибудь самостоятельное положение в британском флоте, что случилось лишь в 1797 г., когда он отличился в сражении близ мыса Св. Винцента.

Западноевропейская историография отчасти по неведению, отчасти умышленно замалчивала Ушакова. В то же время она обстоятельно изучала и превозносила Нельсона. Да и у нас в России потомство долго было к Ушакову так же неблагодарно и несправедливо, как Александр I и тогдашние вельможи из русского морского ведомства.

В силу всего этого посмертная слава Нельсона оказалась быстро утвердившейся, в то время как заслуги Ушакова не

были достаточно оценены и высокий талант его не получил вплоть до нашего времени справедливого и своевременного признания.

Но главное и основное несходство между двумя флотоводцами было в свойствах морального порядка. «Дурной памятник дурному человеку»,— так выразился о колонне Нельсона на Трафальгарской площади в Лондоне Герцен, любивший и уважавший Англию и английский народный характер и ставивший английскую честность в частной жизни, английское чувство независимости, свободолюбие очень высоко.

Приговор Герцена звучит сурово, но заслуженно. Нельсон был, правда, храбрым военачальником, преданным родине патриотом. Человек, потерявший в боях руку, глаз и, наконец, в завершающий момент своей последней победы, не колеблясь, подставивший под неприятельский огонь в опасном месте свое давно искалеченное тело, прославлялся в английской литературе на все лады. Но если сравнивать моральные качества Ушакова и Нельсона, то становится очевидным, что последнему было совершенно незнакомо великодушие к поверженному врагу, рыцарское отношение к противнику, уважение к ценности человеческой жизни, которые так ярко проявлялись в Ушакове. Наш герой в этом смысле был — не колеблясь говорим — бесконечно выше Нельсона. В тот период, о котором у нас идет речь, Нельсон показал себя, в самом деле, бессердечным человеком. Объяснять чудовищные злодеяния, без малейшего протеста допущенные Нельсоном в Неаполе и других местах, тем, что он очень уже ненавидел «якобинцев», извинять позорное, коварное нарушение подписанной капитуляции и повешение капитулировавших (например, адмирала Караччиоло), оправдывать эти отвратительные поступки прискорбным влиянием «порочной сирены» (a wicked siren) — любовницы адмирала, жестокой садистки Эммы Гамильтон — трудно, и все такие ухищрения некоторых биографов Нельсона, конечно, не могут заставить забыть об этих черных делах его. Ушаков тоже не был «якобинцем», но он, посылая, согласно заданию, своих моряков и солдат изгонять французов из Неаполитанского королевства, боролся только с вооруженным врагом и не позволял бросать в огонь, жарить на кострах, пытать мужчин и женщин за то, что они считались республиканцами. Наоборот, моряки и солдаты Ушакова спасали несчастных людей, которых монархические банды королевы Каролины и кардинала Руффо, ничуть не сдерживавшиеся всемогущим в тот момент в Неаполе адмиралом Нельсоном, гнали, как диких зверей, предавали неслыханным истязаниям. «Evviva il ammirale!» («Да здравствует адмирал Нельсон!») восторженно вопили озверелые «защитники трона и алтаря», заливая кровью без-

защитных жертв улицы Неаполя. И было счастьем, если этим жертвам удавалось вовремя укрыться под защиту высаженных ушаковской эскадрой русских моряков.

Еще до упомянутых кровавых происшествий Ушакову пришлось считаться с тайным недоброжелательством Нельсона. Проявляя внешнюю любезность, он терпеть не мог русских и их начальника. Нельсон опасался успехов русских в Средиземном море, в то же время нуждаясь в их помощи.

2. РАЗНОГЛАСИЯ МЕЖДУ УШАКОВЫМ И НЕЛЬСОНОМ

Жизненные пути двух замечательных флотоводцев в 1798—1799 гг. скрестились. «Официально» они явились со своими эскадрами в Средиземное море делать одно и то же дело: изгнать французов с Ионических островов, с Мальты, из Южной Италии и прочно блокировать французскую армию в Египте. А «неофициально» Нельсон с подозрительностью, с тревогой и ревностью и, может быть, даже с еще более сильными чувствами следил за каждым движением Ушакова. «Я ненавижу русских» (I hate the Russians), не скрывая от окружающих, говорил он.

В течение всей второй половины XVIII в. в британской внешней политике боролись две тенденции, русофильская и русофобская. Самым ярким представителем первой был Вильям Питт Старший (лорд Чэтем), самым решительным представителем второй был впоследствии, уже в самом конце XVIII в., сын его Вильям Питт Младший. Питт Старший был убежден, как и подавляющее большинство руководящих английских политиков его поколения (середины XVIII столетия), что главным, поистине смертельным врагом Англии была, есть и останется на веки веков Франция — гегемон могучего союза «Бурбонских дворов» (Франции, Испании и королевства Обеих Сицилий) — и что с этой точки зрения следует всецело идти по той линии, по которой и без того ведут Англию ее серьезные экономические интересы, т. е. по прямому пути к заключению союза с Россией. Открыто враждебная по отношению к России политика руководителя французской дипломатии герцога Шуазеля была на руку Вильяму Питту Старшему и дальнейшим последователям его политики, потому что, по мнению англичан, это могло втянуть Екатерину в вооруженную борьбу против Франции. Это настроение англичан дало русским возможность при решительной поддержке Англии, игнорируя все угрозы Шуазеля, прийти в 1770 г. в Архипелаг, потопить при Чесме турецкий флот, четыре года владеть почти всеми островами Архипелага и спокойно вернуться на родину. Но еще при

жизни лорда Чэтема (уже давно не бывшего у власти) международное положение стало сильно меняться. Кучук-Кайнарджийский мир, присоединение Крыма к России, новая русско-турецкая война, взятие Очакова, казавшийся прочным союз России с Австрией — все это стало сильно менять настроение новых английских кабинетов. Провозглашение Екатериной «вооруженного нейтралитета» разрушило окончательно мечты о союзе Англии с Россией, и английский посол Гаррис (впоследствии лорд Мемсбери) был отозван из Петербурга, так и не сумев разгадать все «лукавства» Екатерины II, которую он раздражительно сравнивал с петербургской летней ночью: сколько ни смотришь, никак не поймешь — светло или темно.

Бразды правления в Англии с декабря 1783 г. попали фактически в руки (тогда 24-летнего) Вильяма Питта Младшего. Сообразно с изменившимися условиями, особенно с 1789 г., когда Франция, главный враг Англии, временно выбыла из строя, Питт Младший повел решительную борьбу против России, и в 1790—1791 гг. обстановка неоднократно казалась близкой к объявлению войны. Начавшееся постепенное превращение оборонительной войны французов в экспансионистскую и поразительные военные успехи последних, гнетущая необходимость русской помощи — все это вынудило Питта Младшего снова обратиться к русскому союзу, о котором так долго и тщетно мечтал его отец, граф Чэтем.

Теперь, при Павле, английские дела, казалось бы, должны были пойти на лад. Питт Младший уже не боялся нареканий, что русские только дурачат его обещаниями оказать военную помощь против французов. Павел заключил союз с Австрией, с Англией, с королевством Обеих Сицилий, послал войска, послал корабли. Суворов оказался в Северной Италии, Ушаков действовал в Средиземном море. Но как Вильям Питт Младший не верил Павлу, так и Нельсон не верил Ушакову. Правда, Ушаков тоже нисколько не верил «союзникам» и гораздо быстрее, чем царь в Петербурге, проник во все извилины их политики, насколько это было возможно при сравнительно ограниченной сфере его непосредственных наблюдений и действий.

Дело обстояло так. Человек поколения Вильяма Питта Младшего, Нельсон с первого момента появления Ушакова в Средиземном море не доверял русским планам и старался их парировать, насколько это было возможно при внешне «союзнических» отношениях. Он вырос, приобрел политические воззрения, симпатии и антипатии именно в те годы, когда Питт Младший круто повернул против России руль британской политики. И не мог Нельсон никак перемениться в столь короткий срок, как несколько месяцев, предшествовавших созданию второй коалиции, хотя Питт Младший и принужден был

обстоятельствами вдруг разыгрывать роль «друга» России. Камень за пазухой, который Нельсон всегда держал против русских, был явственным — Ушаков его сейчас же заметил. Нельсон был очень хорошим адмиралом, но посредственным дипломатом, и в этом отношении тягаться с Федором Федоровичем ему было нелегко.

Адмиралы прежде всего не могли не столкнуться на решении вопроса о направлении ближайших ударов по их общему врагу. Англичанин желал, чтобы Ушаков взял на себя большой труд по блокаде Александрии и вообще египетских берегов, чтобы не выпустить большую французскую армию, с помощью которой генерал Бонапарт завоевал Египет. Потом русские должны были помочь своими морскими и сухопутными силами освобождению Южной Италии от французов. Вот и все. А затем — лучше всего, чтобы русские убрались без особых промедлений туда, откуда пришли, то есть в Черное море. Главное — воспрепятствовать русским обосноваться самим в качестве освободителей от французского завоевания на Ионических островах и на Мальте, если они возьмут Мальту.

Опасность с точки зрения английских интересов Нельсон усматривал двойную. Для Ионических островов (и прежде всего для Корфу) вследствие того, что если русские выбьют оттуда французов, то уж их-то самих никто и никак не изгонит и, следовательно, колоссальной важности средиземноморская позиция попадет в прочное обладание России. Между тем как же воспрепятствовать русским отвоевывать Ионические острова у французов, когда именно за этим русско-турецкая эскадра и прибыла? Опасность для Мальты казалась Нельсону еще более очевидной: русский император являлся гроссмейстером ордена Мальтийских рыцарей, и если русские утвердятся на Мальте, перебив или забрав в плен французов, то уже подавно ни за что оттуда не уйдут, а заявят, что с помощью божьей вернули русскому царю, мальтийскому гроссмейстеру, его достояние.

Таковы были цели и таковы были опасения Нельсона в первое время после появления Ушакова в Средиземном море.

Что касается Ушакова, то его пути были предначертаны не только официальной инструкцией, но и ясным пониманием русских интересов, поскольку их возможно было учесть и оградить в той сложной внешней и дипломатической обстановке, в которой адмирал оказался.

Постараемся восстановить документальную картину отношений Ушакова с Нельсоном с самого начала экспедиции.

Прибыв в Константинополь, Ушаков 31 августа (11 сентября) 1798 г. написал Нельсону о том, что у него есть 6 кораблей, 6 фрегатов, один «репетичный» фрегат и 3 авизо. Он

поздравил Нельсона с победой при Абукире («при реке Ниле») и заявил, что заочно рекомендует себя «в благоприятство и дружбу». Ушаков сообщил, что Порта обещает ему выделить в помощь эскадру из 6 кораблей, 10 фрегатов и 30 мелких судов, причем дает задания охранить берега Турецкой империи, Архипелаг, Морею и изгнать, «если возможно», французов с Ионических («Венецианских») островов. «А оттоль, ежели окажется в них надобность», отрядить суда для осады Александрии.

«Важность сего плана для Порты ясно доказывается положением этих островов и вернейшими известиями о намерении французов, сильно в них укрепясь, напасть на империю Оттоманскую со стороны Албании и Мореи, но и засим, ежели бы потребно наше подкрепление в случае важной сей надобности, то к вспомоществованию мы готовы, в соответствии сего прошу ваше превосходительство сообщить мне известия, какие вы имеете о действиях и намерениях неприятеля, также и о расположениях ваших против оного; и в состоянии ли вы после славной победы вашей продолжать блокаду Александрии, закрывать сторону Средиземного моря меж Сицилии и Африки...» [1]

Вообще из этого письма видно, что Ушаков хотел бы предоставить Нельсону действовать у берегов Египта и в центральной части Средиземного моря по возможности без русской помощи. Все же он обещал, если окажется надобность, дать Нельсону из своей и турецкой эскадр для блокады Александрии 4 фрегата и 10 канонерских лодок. Не получая ответа, Ушаков вторично написал о том же Нельсону 12 (23) сентября [2]. Ушаков обратился через него к начальнику английского отряда судов, блокирующих Александрию, с просьбой уведомить, нужна ли тому русско-турецкая помощь. Ответ он просил направить командующему эскадрой из 4 фрегатов и 10 канонерских лодок, которая посылается им к о. Родосу и будет там ждать уведомления. Только 6 (17) ноября 1798 г. Нельсон впервые написал Ушакову письмо, содержащее приветствие, но ни одним словом не касавшееся вопросов Ушакова. Ушаков также отозвался коротеньким любезным приветствием, где упомянул о писанных ранее Нельсону письмах, но не повторил уже своих вопросов [3]. Это весьма понятно. Ушаков обязан был предложить помощь, но желать ослабления своей эскадры, желать траты людей и судов под Александрией он не мог. Настаивать на посылке русских судов ему не приходилось.

Ушаков знал, что Ионические острова — ключ к Адриатике и к Архипелагу, и он твердо решил не уходить оттуда, пока этот ключ не окажется полностью в руках России.

1 (12) декабря Нельсон написал Ушакову из Неаполя: «Сэр, я был польщен любезным и лестным письмом ва-

шим... и я буду горд вашей добротой и ценной дружбой... Я еще не слышал о соединении перед Александрией турецкой и русской эскадр с моим уважаемым другом капитаном Гудом, которого я оставил начальствовать блокадой». Дальше Нельсон с ударением пишет, что надеется скоро овладеть Мальтой, «где развевается неаполитанский флаг, под сенью которого сражаются храбрые мальтийцы».

Не довольствуясь этим, спустя два дня, уже 3 (14) декабря, Нельсон еще приписывает в постскриптуме следующий упрек Ушакову:

«Только что прибыл из Александрии английский фрегат, и я вижу с истинным сожалением, что еще 26 ноября (нов. ст.— *Е. Т.*) не прибыла никакая эскадра, чтобы помочь капитану Гуду, который давно нуждался в продовольствии и подкреплении. Прибыли всего лишь один или два фрегата и десять канонерок, тогда как, конечно, должно было послать не меньше, чем три линейных корабля и четыре фрегата с канонерками и мортирными судами. Египет — первая цель, Корфу — второстепенная» [4].

Другими словами: русские должны знать, что Мальты им ни в коем случае не видать, а будет она отдана его сицилийскому величеству, тупоумному, трусливому и жестокому неаполитанскому тирану Фердинанду. Это — во-первых. А во-вторых, русским надлежит проливать свою кровь у берегов Египта, чтобы дать Египет англичанам. Такова, поучает Нельсон Ушакова, должна быть первая цель русских (Egypt is the first object). Во имя столь заманчивой для русских цели они должны поменьше заботиться о своем утверждении на Ионических островах, и в частности на Корфу, то есть там, где у России в самом деле был шанс укрепиться и где, как Нельсон знал, население всецело сочувствовало русским.

Но Ушаков, по-видимому, с самого начала сношений с Нельсоном хорошо понял, чего хочется англичанину, и самым ласковым образом отклонял все эти добрые советы и неуклонно вел свою линию.

Со своей стороны, зная, что Ушаков ни за что не бросит Корфу и другие Ионические острова, Нельсон принялся за обходные дипломатические маневры. 6 (17) декабря он написал Кадыр-бею — турецкому адмиралу, стоявшему рядом с Ушаковым перед Корфу: «Я надеялся, сэр, что часть соединений турецкой и русской эскадр пойдет к Египту, первой цели войны для оттоманов (the first object of Ottoman arms), а Корфу — это второстепенное соображение».

Мы видим, что здесь он внушает турку, будто не только для англичан, но и для турок Египет гораздо важнее Иониче-

ских островов. Нельсон обращает внимание Кадыр-бея на то, что англичане имеют право рассчитывать на помощь. «Я блокирую Тулон и Мальту, кроме того, защищаю итальянский берег,— и я был уверен, что о всех странах, лежащих к востоку от острова Кандии, позаботится соединенная эскадра оттоманов и русских» [5].

Но плохая была надежда на Кадыр-бея, который все свое спасение (и личное и своей эскадры) чаял только в поддержке и руководстве «Ушак-паши». Поэтому Нельсон, воспользовавшись прибытием к нему в Неаполь уполномоченного великого визиря Келим-эффенди, попытался возбудить подозрительность турок против Ушакова и вообще против русских планов и намерений. «Я имел долгую и дружную беседу с Келим-эффенди о поведении, которого, по-видимому (likely), придерживается русский двор по отношению к ничего, я боюсь, не подозревающим и прямодушным (upright) туркам»,— писал он 6 (17) декабря английскому резиденту в Константинополе Спенсеру Смиту. А вот доказательство, которым рассчитывал Нельсон убедить «прямодушного» турка: «Нужно было бы послать к Египту сильную эскадру, чтобы помочь моему дорогому другу капитану Гуду, но России показалось более подходящим Корфу». Сообщая обо всем этом Спенсеру Смиту, Нельсон тут же откровенно излагает причину своих поступков: «Конечно, дорогой сэр, я был вправе ждать, что соединенные флоты турок и русских возьмут на себя заботу о делах восточнее Кандии. Я никогда не желал видеть русских к западу от Кандии. Все эти острова уже давно были бы нашими (All those islands would have been ours long ago)» [6].

Вот исчерпывающе ясное, точное и правдивое, вполне искренне на этот раз высказанное объяснение тревоги и досады Нельсона: Ушаков перехватил у него Ионические острова! И самое раздражающее Нельсона обстоятельство заключается именно в том, что, опоздай Ушаков хоть немного,— все пошло бы на лад и острова остались бы за Англией. Но Ушаков не опоздал. «Капитан Траубридж был уже совсем готов к отплытию (absolutely under sail), когда я с горестью услышал, что русские уже находятся там»,— жалуется Нельсон на свою неудачу Спенсеру Смиту.

Но вот Нельсону доносят, что Ушаков завоевал уже Ионические острова, собирается покончить с крепостями Видо и Сан-Сальватор на Корфу, устраивает там какие-то новые, либеральные порядки, дарует грекам самоуправление, а главное — вовсе не собирается отдавать острова туркам, что было бы, правда, не так идеально хорошо, как если бы отдать их англичанам, но все-таки гораздо приемлемее, чем если острова останутся в русских руках. Не нравится все это, сильно не нра-

вится лорду Нельсону! «Поведение русских не лучше, чем я всегда ожидал, и я считаю возможным, что они своим поведением принудят турок заключить мир с французами, вследствие еще большего страха перед русскими»,— писал Нельсон 27 декабря 1798 г. (7 января 1799 г.) Спенсеру Смиту [7].

Время шло, и нетерпение англичанина возрастало. Чем яснее Нельсон видел, что русский адмирал вовсе не намерен следовать его «дружеским приглашениям», а ведет свою собственную линию, тем больше разгоралась его вражда к Ушакову. Он уже там, где мог (т. е. за глаза), совсем перестал стесняться в выражениях. «Нам тут донесли, что русский корабль нанес вам визит, привезя прокламации, обращенные к острову (Мальте — *Е. Т.*),— пишет Нельсон 10 (21) января 1799 г. капитану Боллу, блокировавшему Мальту.— Я ненавижу русских, и если этот корабль пришел от их адмирала с о. Корфу, то адмирал — негодяй (he is blackguard)» [8].

Почему же так сердито? Исключительно потому, что Ушаков, опираясь на мальтийское гроссмейстерство Павла, а главное — обещая мальтийскому населению полное самоуправление, может, пожалуй, соблазнить местных жителей и отвратить их от уготованной им Нельсоном участи стать верноподданными его британского величества. А ведь Нельсон уже знал, что Ушакову, даровавшему самоуправление Ионическому Архипелагу, есть чем похвастать в своих воззваниях к жителям других средиземноморских островов, освобождаемых русским флотом от захватчиков или ожидающих такого освобождения. Вот это-то и могло показаться адмиралу Нельсону особенно нежелательным и опасным!

Тревога Нельсона все усиливалась. Он уже не столько боялся французов, владевших пока Мальтой, сколько русских союзников, которые собираются помогать в блокаде острова, но которые (как он опасался) пожелают поднять на Мальте русский флаг. Он уже наперед боялся создания русской «партии» на острове. Нельсон усиленно выдвигал в этот момент в качестве «законного» владельца Мальты (то есть, точнее, в качестве английской марионетки) неаполитанского короля Фердинанда, не имевшего и тени каких-либо прав на остров, так как с 1530 г. и вплоть до завоевания Бонапартом в 1798 году Мальтой владел орден иоаннитов («мальтийские рыцари»). Беспокоясь по поводу возможных в будущем успехов Ушакова и русских воззваний среди населения Мальты, Нельсон пустился на такое ухищрение: пусть блокирующий Мальту английский капитан Болл даст знать мальтийцам, что «неаполитанский король — их законный государь» и что поэтому должен развеваться над островом неаполитанский флаг, а британская эскадра будет его «поддерживать». «Если же какая-

нибудь партия водрузит русский флаг или какой-либо иной, то я не разрешу вывоза хлеба с о. Сицилии или откуда бы то ни было»,— говорил Нельсон в письме Боллу 24 января (4 февраля) 1799 г., зная, что осажденная Мальта голодает и что жители умоляют прислать им из Сицилии хлеба. Мало того, Нельсон решил немедленно повести контрпропаганду против России. «С вашим обычным тактом вы передадите депутатам (от населения Мальты — *Е. Т.*) мое мнение о поведении русских. И если какие-нибудь русские корабли или их адмирал прибудут на Мальту, вы убедите адмирала в очень некрасивой манере обращения (the very unhandsome manner of treating) с законным государем Мальты, если бы они захотели водрузить русский флаг на Мальте, и поведения относительно меня, командующего вооруженными силами державы, находящейся в таком тесном союзе с русским императором» [9]. Нельсон подчеркивает свои особые права: он блокирует и атакует Мальту уже почти шесть месяцев.

Английский адмирал теперь хотел уже, чтобы русские поскорее шли в Италию, но ни в коем случае не к Мальте.

4 (15) февраля 1799 г. Нельсон написал Ушакову письмо с настоятельной просьбой «во имя общего дела» отправить к Мессине как можно больше кораблей и войск. Мотивировал он эту просьбу тем, что ряд его крупных судов блокирует египетские гавани и Мальту [10].

Томара со своей стороны в эти горячие дни докучал Ушакову ненужными письмами и нелепейшими советами. Например, он предлагал Ушакову из албанцев Али-паши составить... морской отряд корсаров для «произведения поисков на берегах Италии, принадлежащих французам» и сообщал разные вздорные фантазии. Коммодор Смит, побуждаемый Нельсоном, старался через Томару заставить Ушакова «отделить в Египет два корабля и два фрегата российских и столько же от турецкой эскадры». Томара не понимал всей абсурдности такого требования с точки зрения русской выгоды: Ушаков нуждался во всех своих силах в эти критические дни подготовки штурма обеих крепостей о. Корфу (письмо Томары писано 29 января (9 февраля) 1799 г.) [11].

Ушаков отлично проник в игру Нельсона и стойко парировал и обезвреживал все ухищрения своего неискреннего, лукавого «союзника». Приводим весьма интересный документ — письмо Ушакова русскому посланнику при Оттоманской Порте В. С. Томаре из Корфу 5 марта 1799 г., то есть через две недели после сдачи этой крепости:

«Милостивый государь Василий Степанович!

Требования английских начальников морскими силами в напрасные развлечения нашей эскадры я почитаю за не иное,

что как они малую дружбу к нам показывают, желая нас от всех настоящих дел отщетить (то есть отстранить — *Е. Т.*), и, просто сказать, заставить ловить мух, а чтобы они вместо того вступили на те места, от которых нас отделить стараются.

Корфу всегда им была приятна; себя они к ней прочили, а нас разными и напрасными видами без нужд хотели отделить или разделением нас привесть в несостояние.

Однако и бог, помоществуя нам, все делает по-своему — и Корфу нами взята, и теперь помощь наша крайнэ нужна Италии и берегам Блистательной Порты в защиту от французов, усиливающихся в Неапольском владении.

Прошу уведомить меня, какая эскадра есть и приуготовляется в Тулоне. Англичане разными описаниями друг против друга себе противоречат и пишут разное и разные требования.

В Тулоне или один или два большие корабля есть да разве еще два или три фрегата — и то сумнительно: теперь вся сила их (французов — *Е. Т.*), сколько есть, большею частию в Анконе, да и та ничего не значит. Сир (sic! — *Е. Т.*) Сидней Смит без нашей эскадры силен довольно с английским отрядом при Александрии. Не имея и не знав нигде себе неприятеля, требования делают напрасные и сами по себе намерение их противу нас обличают. После взятия Корфу зависть их к нам еще умножится, потому и должно предоставить все деятельности мне производить самому по открывающимся случаям и надобностям. К господину Сир Сиднею Смиту я писал, что теперь не имею на эскадре провианта и многие суда требуют починки и исправления, да и встретившиеся теперь обстоятельства и необходимые надобности к выполнению эскадрами отделить теперь корабли и фрегаты от меня никак не дозволяют; также объясняю, что в Тулоне эскадры французской нет или не более вышеозначенного количества, да и те, уповаю, блокированы будут господином Нельсоном.

Ежели осмелюсь сказать — в учениках Сир Сиднея Смита я не буду, а ему от меня что-либо занять не стыдно. Ежели я узнаю, что будет надобно, и того я не упущу» [12].

Но ни распылять своих сил, ни быть «в учениках» у англичан Ушаков не собирался. Смит писал Ушакову 4 марта 1799 г.:

«Господин вице-адмирал!

За долг почитаю вас уведомить о весьма неприятном известии, которое я получил из Сант-Ельмы д'Акра. Французы вошли в Сирию и завладели Газом. Войска Дзезар-паши не оборонялись более, как неаполитанцы в Италии. Паша просил послать к нему помощь, чего я и сделал; сие оставляет Александрию при менее защиты и до прибытия вашей части, которую

я вас прошу споспешествовать, чтоб защитить сию сторону с той области нашего общего союзника.

Имею честь быть господин вице-адмирал вашего высокопревосходительства покорный слуга.

Подписано Шмит (Смит — *Е. Т.*)»[13].

Ушаков отвечал на подобные письма Смита так:

«Письмо ваше по новому штилю от 4 марта я получил с отправленного от меня к вашему высокородию от 5 числа сего месяца письма моего через Константинополь при сем прилагаю точную копию, в котором все обстоятельства нашей эскадры и здешняго края, требование его величества короля Неаполитанского и господина контр-адмирала Нельсона от нас вспоможения Италии и бытностей нашей в Мессину объяснены, из чего усмотреть соизволите, что теперь кораблей отделить из эскадры нашей никак невозможно, да и провизии, с чем бы было можно выйти, совсем не имеем, а притом, как из письма вашего видно, вам потребны войска для высадки на берег, но со мною войск, кроме комплектных корабельных солдат и матросов, нисколько излишних нету, а уповаю, что они должны быть присланы ко мне или в другие места, куда они назначаются За сим свидетельствую истинное мое почтение и преданность, с каковыми навсегда имею честь быть»[14].

12 (23) марта 1799 г. Нельсон обратился с письмом к Ушакову: «Сэр! Самым сердечным образом я поздравляю ваше превосходительство со взятием Корфу и могу вас уверить, что слава оружия верного союзника одинаково дорога мне, как слава оружия моего государя. У меня есть величайшая надежда, что Мальта скоро сдастся... Флаг его сицилийского величества вместе с великобританским флагом развевается на всех частях острова, кроме города Валетта, жители которого с согласия его сицилийского величества поставили себя под покровительство Великобритании. Эскадра завтра выходит для блокады Неаполя, которая будет продолжаться с величайшей силой, вплоть до прибытия вашего превосходительства с войсками вашего царственного повелителя, которые, я не сомневаюсь, восстановят его сицилийское величество на его троне»[15].

Степень «сердечности» этого поздравления нам вполне ясна. На Мальту русским незачем идти, там уже развеваются два флага — неаполитанский и английский, а вот нужно поскорее успокоить «его сицилийское величество», люто трусившее в этот момент и молившее о русской помощи.

Письмо лорда Нельсона Ф. Ф. Ушакову о просьбе сицилийского короля прислать часть флота Ф. Ф. Ушакова в Мессину для защиты его государства тоже очень характерно.

Это было уже второе письмо о Мессине. Первое Нельсон направил Ушакову 5 марта 1799 г.:

«Его сицилийское величество посылает к вам письма и доверенную особу, дабы говорить лично с в. п. и турецким адмиралом о нынешнем состоянии дел сей области, и с прошением, чтобы вы назначили часть вашего флота в Мессину для защиты сего государства, не допустя оное пасть в руки французов, и как в. п. получите письмо о сем вашем предмете от вашего министра, то я осмеливаюсь только объявить в. п., сколь великую услугу вы окажете общей пользе и особо его сицилианскому велич., отправя сколько можно кораблей и войска в Мессину. В Египте ныне находятся следующие корабли, именно: „Кулодени“ 74, „Зилос“ 74, „Лайон“ 64, „Тайгер“ 80, „Тезеус“ 74, „Свивтшюр“ 74, „Си-Горс“ 38, „Етна“ и „Везувиус“ — бомбардирские; Мальту блокируют и 4 линейные корабля, 4 фрегата и корвет, и надеюсь в краткое время видеть его сицилийского величества флаг поднятым в городе Лавалета»[16].

Вот уже май наступил, а все еще ничего в Неаполе поделать с французами не могли, и все еще приходилось глядеть на восток и ждать, не покажутся ли, наконец, паруса Ушакова. «Мы не слышим вестей о движении русских войск от Зары. Если бы они (русские — *Е. Т.*) прибыли, то дело с Неаполем было бы окончено в несколько часов»,— писал Нельсон адмиралу лорду Джервису (графу Сент-Винценту) 28 апреля (9 мая) 1799 г.[17]

Но тревога Нельсона скоро улеглась. Наступило лето 1799 г., и корабли Ушакова показались у берегов Италии. В средиземноморской эпопее ушаковской эскадры начиналась новая страница.

3. ДЕЙСТВИЯ ОТРЯДА СОРОКИНА У АДРИАТИЧЕСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ЮЖНОЙ ИТАЛИИ

Освобождением Ионических островов закончился первый этап операций Ушакова на Средиземном море. И немедленно должен был начаться другой: действия против французов на юге и на севере Апеннинского полуострова. На юге речь шла об изгнании французов из королевства Обеих Сицилий и из Рима, на севере — о всемерной помощи с моря действиям Суворова в Ломбардии и Пьемонте, т. е. у Анконы и у Генуи.

Рассмотрим операции русского флота в хронологической последовательности: сначала на юге Италии, потом на севере.

Для того чтобы обрисовать положение, в какое попали русские вооруженные силы летом и осенью 1799 г., необходимо напомнить обстановку, сложившуюся в королевстве Обеих Сицилий к весне 1799 г., когда Нельсон стал так настойчиво вызывать к итальянским берегам адмирала Ушакова с его флотом.

Со времени захвата французами папского Рима в феврале 1798 г. и Мальты в июне того же года королевство Обеих Сицилий чувствовало себя в прямой опасности. Но когда Бонапарт со своей отборной армией углубился в пустыни Египта и Сирии, а Нельсон 21 июля (1 августа) 1789 г. истребил у Абукира французский флот, неаполитанское правительство сильно приободрилось. А вскоре прибыли и достоверные известия о том, что против Франции образовалась могущественная коалиция, возглавляемая Англией, Австрией и Россией, и что турки порвали свои дружественные отношения с французами, заключив союз с Россией. Проход русского флота через Босфор и Дарданеллы и появление Ушакова в Средиземном море явились решительным подтверждением этих слухов.

Фактическая правительница Неаполя и всего королевства Обеих Сицилий королева Каролина воспрянула духом. Бешено ненавидя французов, «неаполитанская фурия», как ее тогда называли, считала себя призванной мстить за свою родную сестру — французскую королеву Марию-Антуанетту, гильотинированную в 1793 г. Они считала, кроме того, делом личного спасения и безопасности своей династии скорейшее изгнание французских войск из Южной Италии, где те уже начали захватывать пограничные местности.

Что касается короля Фердинанда, то этот человек, не очень уступая в жестокости своей супруге, был от природы необычайно труслив. Когда однажды (уже во время волнений в Неаполе в 1820 г.) английский представитель, пробуя успокоить перепуганного короля, сказал ему: «Чего же вы боитесь, ваше величество? Ведь ваши неаполитанцы — трусы», Фердинанд со слезами ответил: «Но ведь я тоже неаполитанец и тоже трус!» Таким он был и смолоду, и в среднем возрасте, и в старости,— каков в колыбельку, таков и в могилку.

Если бы это от Фердинанда зависело, он, конечно, ни за что не взял бы на себя инициативу войны против французов. Но от короля зависело очень мало. Решающую роль здесь (как и во всех прочих вопросах, возникавших в Неаполе) сыграла королева Каролина, у которой оказалась могущественная поддержка в лице адмирала Нельсона.

11 (22) *сентября* 1798 г. *Нельсон* с частью своего флота впервые подошел к неаполитанским берегам. Победителя в Абукирском бою Неаполь встретил такими овациями, каких он до той поры нигде еще не удостаивался. И тут-то, при триумфальном появлении Нельсона в Неаполе, произошла первая встреча адмирала с женщиной, сыгравшей столь роковую для него роль в ближайшие месяцы. Первая встреча сразу решила все в отношениях между Нельсоном и женой британского посла в Неаполе, леди Эммой Гамильтон. Их отношения интересуют нас здесь,

конечно, лишь постольку, поскольку леди Гамильтон взяла на себя посредническую роль между Нельсоном и королевой Каролиной, интимнейшей подругой которой сделалась пронырливая английская авантюристка. С этой-то поры в правительственных кругах Англии и начались высказывавшиеся по адресу Нельсона сначала намеками, а потом и более откровенно обвинения в том, что он подчиняет интересы британской политики на Средиземном море заботам о благе неаполитанской королевской семьи и безопасности Неаполя. Впоследствии говорили, например, что под влиянием королевы Каролины и леди Гамильтон он без нужды ускорил начало войны Неаполя с Францией. Следует заметить, что сам Нельсон, яро ненавидя французов и будучи полон самоуверенности после абукирской победы, нисколько не нуждался ни в чьих влияниях, чтобы торопить наступление войны. Если влияние Эммы Гамильтон и королевы Каролины сказалось, то несколько позднее (не в 1798, а в 1799 г.), и выразилось оно в позорящем память знаменитого английского адмирала попустительстве свирепому белому террору и даже в некотором прямом участии в безобразных эксцессах того времени.

Во всяком случае, если Фердинанд из трусости некоторое время еще противился жене, то прибытие адмирала Нельсона решило дело. Нельсон прямо заявил Фердинанду. что ему, королю, остается «либо идти вперед, доверившись богу и божьему благословению правого дела, и умереть со шпагой в руке, либо быть вышвырнутым (kicked out) из своих владений».

Началось наступление 30-тысячной неаполитанской армии против примерно 15 тысяч французов, имевшихся налицо в Риме и между Римом и неаполитанской границей. При первых же встречах с французами неаполитанцы ударились в позорнейшее, беспорядочное бегство в разные стороны. Через пять недель от этой «армии» ровно ничего не осталось. Возглавлял бегство король Фердинанд, далеко опередивший своих солдат в смысле быстроты движения и величины покрытой дистанции. Король ни за что не желал оставаться со своей семьей в Неаполе и был перевезен Нельсоном в декабре 1798 г. на Сицилию, в Палермо. Спустя месяц, в январе 1799 г., французы, занявшие Неаполь, провозгласили образование «Партенопейской республики».

Нельсон оказался в крайне незавидном положении. О том, что именно он подбивал Фердинанда к войне, знали все. Это создавало еще более благоприятную почву для разговоров о зловредном влиянии на Нельсона его любовницы леди Гамильтон и о чрезмерной заботе адмирала об интересах семьи неаполитанских Бурбонов.

Неладно для Нельсона было и то, что осада Мальты, длившаяся уже много месяцев, не приводила решительно ни к каким

результатам. Это обстоятельство бросало невыгодный свет на боеспособность британского флота, особенно при сопоставлении безрезультатности осады Мальты с блестящими успехами Ушакова на Ионических островах. Почему Ушаков преодолел все укрепления на Ионических островах, почему он взял сильную крепость Корфу с большим французским гарнизоном, а знаменитый Нельсон ничего не может поделать с французским гарнизоном, высаженным Бонапартом на Мальте в июне 1798 г. и продолжавшим благополучно там оставаться? И почему сам Нельсон не руководит непосредственно действиями под Мальтой, а предпочитает общество «двух развратных женщин» в Палермо? Так непочтительно выражались в Европе о королеве Каролине и ее (а в то же время и адмирала Нельсона) интимнейшей подруге Эмме Гамильтон.

Между тем французы заняли не только столицу, но и все другие важные центры в бывшем королевстве Обеих Сицилий. Нельсону необходимо было поскорее найти какой-нибудь выход. А выход был один: обратиться за помощью к Ушакову, так как без русских на суше ровно ничего путного как-то не выходило.

Неприятно обращаться к русскому адмиралу, которого только что обзывал за глаза бранным словом, стыдно признаваться, что зависишь от русских, которых «ненавидишь», но... сила солому ломит. Если Ушаков пришлет своих моряков и солдат, можно будет выбить французов, а если не пришлет, то и будут они сидеть в Неаполе столь же упорно, как сидят на Мальте.

И Нельсон пишет в Петербург английскому послу Уитворту: «Мы ждем с нетерпением прибытия русских войск. Если девять или десять тысяч к нам прибудут, то Неаполь спустя одну неделю будет отвоеван, и его императорское величество будет иметь славу восстановления доброго короля и благостной королевы на их троне». Так почтительно и с таким чувством Нельсон именовал тупого и трусливого злодея Фердинанда и его «неистовую фурию», восседавших на престоле королевства Обеих Сицилий.

К Ушакову отправляются письма Нельсона. К Ушакову на о. Корфу едет с мольбой о помощи специальный уполномоченный от короля Фердинанда министр Мишеру.

4. ВЫСАДКА ДЕСАНТА БЕЛЛИ В МАНФРЕДОНИИ

Ввиду таких просьб и настояний Ушаков решил, еще не уводя всю свою эскадру от Ионических островов, выслать к южным берегам королевства Обеих Сицилий небольшой отряд из

4 фрегатов с десантом под командованием капитана 2 ранга А. А. Сорокина.

22 апреля (3 мая) отряд Сорокина неожиданно появился у крепости Бриндизи. Французский гарнизон во главе с комендантом крепости в панике бежал. Вот что писал Ф. Ф. Ушаков русскому посланнику в Константинополе В. С. Томаре о взятии Бриндизи («Бриндичи»):

«Милостивый государь Василий Степанович! С удовольствием имею честь уведомить ваше превосходительство, что неаполитанского владения город Бриндичи и крепость при оном отрядами нашими от французов освобожден. С всеподданейшего рапорта его императорскому величеству и с письма губернатора города Летчи, к неаполитанскому консулу писанного, прилагаю копии, из которых усмотреть изволите, в какой робости находятся теперь французы. Коль скоро увидели они приближающуюся нашу эскадру к Бриндичи, из-за обеда без памяти бежали на суда и ушли; оставили даже весь прибор свой на столе, собранные в контрибуцию деньги и серебро, ничего из оного взять не успели. С таковым добрым предзнаменованием ваше превосходительство поздравить честь имею» [18].

От Бриндизи отряд Сорокина пошел вдоль берега Италии до города Манфредония, где 9 (20) мая был высажен десант в составе около 600 человек. Десант возглавил командир фрегата «Счастливый» капитан 2 ранга Белли.

Григорий Григорьевич Белли был в числе лучших офицеров ушаковской эскадры. В сражениях при Фидониси 3 (14) июля 1788 г., в Керченском проливе 8 (19) июля 1790 г., у Тендры 28—29 августа (8—9 сентября) 1790 г., у Калиакрии 31 июля (11 августа) 1791 г. он показал себя первоклассным морским офицером. В Средиземном море Белли отличился и при Цериго (Чериго), и при Занте, и под Корфу.

Высадившись в Манфредонии, Белли начал свой победоносный поход к Неаполю. С чисто военной стороны поход был настолько блестящим для русского оружия, что Павел, давая за него Белли очень высокую награду — орден Анны I степени, воскликнул: «Белли думал меня удивить; так и я удивлю его». В течение примерно трех недель небольшой русский отряд не только взял Неаполь, но и освободил от французов две трети Неаполитанского королевства.

Неаполитанский министр Мишеру, сопровождавший отряд Белли, писал Ушакову 13 (24) июня из Неаполя: «Я написал вашему превосходительству несколько писем, чтобы уведомить вас о наших успехах. Они были чудесными и быстрыми до такой степени, что в промежуток 20 дней небольшой русский отряд возвратил моему государю две трети королевства. Это еще не все, войска (русские — *Е. Т.*) заставили все население

обожать их. Не было ни одного солдата, а тем более ни одного офицера, который оказался бы виновным в малейшем насилии или инсубординации или грабеже. Вы могли бы их видеть осыпаемыми ласками и благословениями посреди тысяч жителей, которые называли их своими благодетелями и братьями. До сих пор они показали себя самыми дисциплинированными солдатами: а в Портичи они обнаружили всю свою доблесть. Колонна в тысячу патриотов (французов и неаполитанских республиканцев — *Е. Т.*) приближалась к Портичи от Торре дель-Аннунциата; против них было выслано лишь 120 русских солдат, и русские бросились в штыки на превосходившего их в десять раз неприятеля. Триста французов было перебито, 60 взято в плен, остальные разбежались и были истреблены окрестными крестьянами. Русские забрали при этом пять пушек и два знамени. Я не могу не заметить, до какой степени это дело покрыло ваших русских славой. С этого момента весь народ (неаполитанский — *Е. Т.*) возложил все свои надежды и упования на присутствие таких храбрых людей». Мишеру выражает надежду вскоре увидеть в Неаполе самого Ушакова и передать ему «маленькую русскую армию, которой мы (неаполитанцы — *Е. Т.*) обязаны спасением королевства» [19].

Выживший из ума старик посол Гамильтон, в руках которого побывала копия этого письма Мишеру Ушакову, снабдил письмо злобными и тупыми замечаниями — клеветническими выпадами против русских, имевшими целью смягчить болезненное для самолюбия Нельсона впечатление от восторженных похвал неаполитанского министра по адресу русских матросов и солдат. Ясно, что и другие чужие письма перехватывались британским посольством и уже оттуда направлялись к Нельсону.

Письмо Мишеру вполне согласуется с рядом других аналогичных свидетельств, показывающих, что русские, и только русские, оказались способными справиться с французскими оккупантами, далеко превосходившими их своей численностью.

При этом заметим, что в другом документе, исходящем от Мишеру, он подтверждает драгоценные для нас показания о благородной защите «якобинцев» русскими моряками. Вот что читаем в письме Мишеру неаполитанскому посланнику в С.-Петербурге, дюку де Серра-Каприола. Письмо это сохранилось в нашем архиве не в подлиннике, а в русском переводе. Оно относится к русской победе под Портичи.

«...но 14-го числа (мая — *Е. Т.*) войска российские увенчались беспримерною славою: узнав, что около тысячи мятежников напали при Портичи на малый отряд наших войск, послали мы туда 125 человек всегда победоносного войска с двумя полевыми орудиями, кои прибыли на место сражения в самое то время, когда превосходство сил злодеев принудило было

войска королевские к отступлению. После нескольких пушечных выстрелов герои ударили в штыки и в одно мгновение одержали победу; бунтовщики потеряли 300 человек убитыми и 60 пленными, 5 пушек, 25 лошадей и одно знамя; остатки их рассеяны совершенно. У нас убито только три человека и несколько раненых, которые, однако, теперь уже все здоровы.

Вам должно быть известно, что несколько дней у нас продолжалось беспокойство в народе: над якобинцами истинными и мнимыми жестокие производились истязания, грабежи и неистовства, как от народа, так и от легких войск; но русские во все сие время занимались лишь укрощением предававшихся ярости и восстановлением тишины; целые восемь дней ими лишь одними хранилось общее спокойствие, и они единодушно всеми жителями провозглашены спасителями города. При осаде Сант Яго отправляли они должности пионеров, артиллеристов и простых солдат и много способствовали к завоеванию сего города...» [20]. Русские спасли город от грабежа монархических шаек и разбойничьих подвигов «руффианцев».

Кроме традиционной храбрости русских моряков и солдат, нужно отметить, как одну из причин их молниеносных успехов, еще одно обстоятельство — враждебное отношение населения королевства Обеих Сицилий к французам, как к захватчикам.

Не углубляясь в подробный анализ социально-политической обстановки в королевстве Обеих Сицилий и не повторяя того, что сказано о причинах непопулярности французов среди населения Ионических островов, укажем лишь, что приход французов в Южную Италию не был воспринят большинством крестьянского населения как освобождение от феодальных уз. Во-первых, французы, следуя по сельским местностям Апулии и Калабрии, вели себя не как освободители, а как завоеватели, требуя провианта и отбирая перевозочные средства сплошь и рядом путем грабежа и насилий. Во-вторых, добравшись до Неаполя и провозгласив там «Партенопейскую республику», французское командование фактически не провело никаких социальных реформ, которые могли бы вызвать в самом деле симпатии к французам населения королевства или многочисленной в Неаполе городской бедноты. Даже та часть образованного общества, которая приняла французов с сочувствием, очень в них разочаровалась.

«Партенопейская республика» с первого момента своего существования оказалась фактически просто эксплуатируемой колонией новой, послереволюционной крупной французской буржуазии. Диктатура французских завоевателей в Неаполе с января 1799 г., когда в столице была установлена «Партенопейская республика», до середины июня того же года, когда она

погибла, держалась почти исключительно на штыках. Но с весны количество этих штыков стало быстро убывать. Директория должна была спешно перебрасывать свои войска с юга Италии на север, в Ломбардию, где суворовские победы грозили смести с лица земли французское владычество.

Если все-таки Фердинанд так долго ничего не мог поделать с французами, то это объясняется позорной трусостью как самого короля, так и его армии, спасовавшей перед организованными и храбро сражавшимися французскими войсками, а также отсутствием серьезного военного руководства, хаотичностью всей государственной организации королевства, бесхозяйственностью и многоначалием.

Таковы были обстоятельства, при которых действовал русский десант, высаженный кораблями отряда Сорокина в заливе Манфредония. Прибытие русских все изменило. Отряд Белли пошел в авангарде. Нестройные, недисциплинированные, но очень многочисленные толпы крестьян и отчасти горожан, собравшихся под командой кардинала Руффо, следовали за русскими.

Следует принять во внимание еще одно существенное обстоятельство. Французы знали, что при сдаче в плен непосредственно русским их жизнь будет в полной безопасности. Вести о том, как благородно относительно пленных ушаковские моряки вели себя при завоевании Ионических островов (а подобный образ действий был тогда явлением невиданным), успели широко распространиться в Южной Италии, и это отчасти смягчало прежнюю ярость сопротивления французов.

5. ПОХОД БЕЛЛИ НА НЕАПОЛЬ И ЕГО ВЗЯТИЕ, ВАРВАРСТВО НЕАПОЛИТАНСКОЙ ДИНАСТИИ И ПОДДЕРЖКА ЗВЕРСТВ РЕАКЦИИ НЕЛЬСОНОМ. ОТНОШЕНИЕ К ЭТОМУ УШАКОВА И РУССКИХ МОРЯКОВ

Русский отряд, при котором находился кардинал Руффо со своими вооруженными силами, шел к Неаполю, ломая сопротивление неприятеля. Считалось, что командует Руффо, стоявший во главе «королевской армии», как пышно назывались вооруженные и недисциплинированные толпы, которые около него собрались. Но все делали, конечно, русские, а вовсе не кардинал Руффо. Русские разбили французов под Портичи, взяли форт Виллему, они же взяли Мадалену и Мадаленский мост. Русские военные достижения сознательно замалчивались англичанами. Капитан Фут, весьма старавшийся принизить роль русских, в своем официальном донесении Нельсону принужден был сделать это в такой курьезнейшей форме: «Вечером 13 июня

(нов. ст.— *Е. Т.*) кардинал, или, скорее, русские, взял форт Виллему и Мадаленский мост»[21]. Это «или, скорее, русские (or rather Russians)» прямо бесценно в своей наивной откровенности: не упомянуть о главных виновниках победы нельзя было никак.

Руководящая роль русских обязывала кардинала Руффо очень и очень считаться с волей их начальника — капитана 2 ранга Белли.

Здесь мы подходим к тому моменту, когда русская воинская честь была поддержана не только на поле брани и когда русские воины, которых зигзаги тогдашней внешней политики царского правительства привели к борьбе на юге, как и на севере Апеннинского полуострова за чуждое и ненужное России вредное дело, показали, что они, являясь беспрекословно повинующимися и храбро выполняющими боевой приказ солдатами, быть палачами побежденных ни в коем случае не желают.

Изучая документы эпохи, можно часто встретиться с многочисленными замечаниями и упоминаниями, указывающими на то, что русские, высадившиеся летом 1799 г. на юге Италии, стремились как можно скорее покончить с кровопролитием и способствовать заключению такого перемирия, которое позволило бы французам и ставшим на их сторону неаполитанским «якобинцам» с безопасностью для жизни покинуть пределы королевства Обеих Сицилий и отправиться в Тулон, ближайший французский порт.

В этой обстановке, *по настоянию* русских, кардинал Руффо принужден был заключить то знаменитое перемирие, вопиющее нарушение которого англичанами вызвало кровавые последствия и легло навсегда таким черным пятном на историческое имя Нельсона.

Сначала капитулировала крепость Кастелламаре, потом два замка — Кастель д'Уово и Кастель Нуово (del'Uovo e Nuovo), где находились французы и наиболее скомпрометированные республиканцы Неаполя. По условиям этих «капитуляций» кардинал Руффо обязывался разрешить французским гарнизонам укреплений выйти из замков с военными почестями, с оружием и военным имуществом, с развернутыми знаменами, с двумя заряженными пушками. Все итальянские республиканцы, укрывшиеся в замках, как мужчины, так и женщины, точно так же получали гарантию личной безопасности, и им предоставлялся свободный выбор: либо вместе с французским войском перейти на корабли, которые их доставят в Тулон, либо остаться в Неаполе, причем им гарантировалось, что ни они, ни их семьи не подвергнутся никакому утеснению (sans être inquiétés ni eux, ni leurs familles). Этот документ был подписан французами 10 (21) июня, кардиналом Руффо и представителями

Ушакова и Кадыр-бея 11 (22) июня 1799 г., а 12 (23) июня он был подписан представителем Нельсона — капитаном Футом.

Узнав об этой капитуляции, проведенной русскими моряками и спасавшей побежденных, Нельсон, жаждавший уничтожения французов и республиканцев, впал в состояние, если можно так выразиться, холодного и длительного бешенства. Он считал, что условия капитуляции слишком почетны для французов и для ненавистных ему неаполитанских «якобинцев» и что именно это лишает его, Нельсона, лавров победы. И зачем Фут согласился подписать документ о капитуляции? Почему кардинал Руффо, беспощадный истребитель «якобинцев», вдруг стал таким мягкосердечным, что тоже согласился выпустить из рук врага, которому ни малейшего спасения ни откуда невозможно было ждать? Нельсон с бешенством задавал эти вопросы.

Нельсон немедленно послал суровейший выговор своему представителю капитану Футу, и вот какое объяснение он получил от своего подчиненного.

Фут доложил, что «русские провели договор» и что кардинал Руффо, «который очень нуждался в помощи русских, не хотел дать им никакого повода к жалобам» [22]. Мало того, оказывается, уже 8 (19) июня был готов и подписан «русским начальником» и кардиналом Руффо проект этих условий капитуляции, а 11 (22) июня капитану Футу была представлена и сама капитуляция, формально подписанная русскими и кардиналом Руффо.

В данном случае снова было проявлено то благородство со стороны ушаковских моряков по отношению к «якобинцам», которое мы констатировали, говоря о действиях Ушакова на Ионических островах. Но здесь заслуга русских была несравненно большей, потому что безмерно сильнее были препятствия. «Неаполитанская фурия» Каролина и леди Гамильтон, фактически управлявшие королевством и руководившие действиями Нельсона, ненасытно жаждавшие пыток, истязаний и публичных казней, знавшие, что во всех этих варварских неистовствах им обеспечена полнейшая поддержка неаполитанской черни, духовенства и грабительских орд, шедших за Руффо, ни за что не хотели мириться с тем, что русские вырвали из их когтей побежденных «якобинцев». И они немедленно предприняли свои меры.

Теперь мы должны перейти к тому событию, которое по честному признанию английской правдивой наблюдательницы мисс Эллен Уильямс, вызвало такой отклик всех любящих и уважающих Англию и честь Англии людей: «Мы были бы менее удивлены, если бы услышали, что янычары рассуждают о правах человека и правах народов в представительных собраниях

в Константинополе, чем мы были удивлены, видя, как английские офицеры сделались исполнителями произвольных и кровожадных приказов итальянского государя, направленных против свободных людей, нарушив договор, подписанный офицером английской нации вместе с представителями других держав» [23].

13 (24) июня 1799 г. Нельсон прибыл в Неаполь со своей эскадрой. С ним была, конечно, леди Гамильтон. Королевская семья пока оставалась в Палермо, потому что король Фердинанд продолжал бояться, хотя Неаполь уже был в руках кардинала Руффо, а укрепленные замки капитулировали.

Немедленно Нельсон объявил, что он не признает подписанной русскими и его же представителем Футом капитуляции. Даже кардинал Руффо, сам жесточайший усмиритель, был возмущен этим актом и объявил, что ни он, ни его войско не будут участвовать во враждебных действиях против французов.

Понадеявшиеся на честное выполнение условий капитуляции французы и несчастные республиканцы вышли из укрепленных замков. Кое-кто из них успел даже пересесть на транспорты, которые отходили в Тулон. Но транспорты были остановлены по приказу Нельсона, и все были арестованы. Часть французов и республиканцев была посажена на особые суда, где арестованных настолько сбили в кучу, что они не могли ни сесть, ни лечь; другую часть перевезли в неаполитанские тюрьмы.

И современные Нельсону и писавшие о нем впоследствии критики его действий немало положили сил, чтобы отчасти иезуитскими, отчасти юридически-сутяжническими «логическими» доводами оправдать поступки Нельсона, возмутившие даже кардинала Руффо. Сам же английский флотоводец крайне мало заботился о своих оправданиях. Он без малейшего смущения объяснял дело так: капитуляция была подписана, когда еще британский флот не подошел к Неаполю, а вот теперь он подошел, поэтому никакая капитуляция признана быть не может. Впоследствии супруги Гамильтон подсказали Нельсону, что нужно больше всего напирать на то, будто Руффо не имел права без согласия короля подписывать капитуляцию, а также на то, что Нельсон имел от короля Фердинанда неограниченные полномочия.

В последовавшей гнусной оргии неаполитанская чернь рвала на части несчастных людей, сжигала их на площадях, а учрежденные королевским правительством судилища соперничали в неистовой жестокости приговоров. Пытки и всякого рода казни производились долгие дни и недели подряд.

Нельсон и непосредственный его помощник капитан Траубридж также лично проявили полную беспощадность и

бессовестность в расправе с капитулировавшими республиканцами Неаполя.

Нельсон решил повесить адмирала Караччиоло, командовавшего флотом республиканцев. Он наскоро организовал военный суд и, побуждаемый своей любовницей леди Гамильтон, которая, собираясь уезжать, хотела обязательно присутствовать при повешении, приказал немедленно же исполнить приговор. Караччиоло был повешен в самый день суда 18 (29) июня 1799 г. на борту линейного корабля «Minerva». Тело Караччиоло весь день продолжало висеть на корабле. «Необходим пример»,— пояснял английский посол Гамильтон, вполне стоивший своей супруги [24].

Черным пятном легла эта эпопея коварства и зверства на память Нельсона. Королю Фердинанду, королеве Каролине, супругам Гамильтон в смысле репутации терять было нечего. Но живший до этого момента и после него, как храбрец, и умерший, как храбрец, британский флотоводец Нельсон не пощадил в 1799 г. своего имени.

Зато честь и репутация русских моряков остались совершенно незапятнанными. По единодушным показаниям современников, русские спасали несчастных республиканцев, за которыми охотилась, как за дикими зверями, роялистская чернь.

Следует еще отметить, что начальник русского отряда капитан 2 ранга Белли, вопреки вероломству Нельсона, старался твердо выполнять условия капитуляции. Согласно показанию Риччарди, одного из неаполитанских республиканцев, вышедших из замков Кастель д'Уово и Кастель Нуово, русские войска «выпустили со всеми военными почестями всех людей гарнизона со стороны морского арсенала, где этот гарнизон сложил оружие и был посажен на суда, чтобы быть отвезенным в Тулон» [25]. Сели на суда и неаполитанские «якобинцы», уже считавшие себя спасенными. Но суда, как было сказано, англичане остановили в море и возвратили в Неаполь. Жертвам, которых русские пытались спасти, не удалось, таким образом, уйти от палачей.

Павел, ничего не знавший о действиях Белли относительно «якобинцев» и его истинном отношении к ним, и в частности о том, что Белли выпустил всех из замков и, желая спасти им жизнь, позволил поскорее сесть на транспорт, писал Суворову: «Сделанное Белли в Неаполе доказывает, что русские на войне всех прочих бить будут, да и тех, кто с ними, тому же научат». Царь имел в виду лишь победу русских над французами. Не поздоровилось бы, вероятно, Белли, если бы Павел знал все подробности... Неаполитанский дипломат Мишеру писал о военных действиях ушаковских моряков и солдат: «Конечно, не было другого примера подобного события: *одни лишь русские*

войска могли совершить такое чудо. Какая храбрость! Какая дисциплина! Какие кроткие, любезные нравы! Здесь боготворят их, и память о русских останется в нашем отечестве на вечные времена».

6. БЛОКАДА ОТРЯДОМ ПУСТОШКИНА АНКОНЫ

Другой из двух главных «союзников» и «сотоварищей» России во второй коалиции — австрийский двор — был, по существу, еще более недоброжелательно настроен по отношению к России, чем британский кабинет. Австрийцы еще больше опасались русских войск и их внедрения в итальянские владения Габсбургов, чем Нельсон боялся упрочения русского владычества на Ионических островах. Много тяжелых минут доставила эта зложелательная, тайно интригующая и подкапывающаяся политика венского правительства великому Суворову. Его в ярость приводили «подлые невежества» председателя придворного военного совета австрийского министра Тугута, «председателя гофкригсрата», фактически заправлявшего всеми делами. Суворов жаловался, что «беспрестанные от интриг неудовольствия отчаяли» его, и Александр Васильевич, называвший Тугута не иначе, как «совой», ставил (даже в официальной переписке) такой альтернативный вопрос, недоумевая, какой из двух ответов дать о Тугуте: «Сия сова не с ума ли сошла? Или никогда его не имела?»

Тугут вредил в это же самое время не только Суворову, но и Ушакову, подрывая по мере сил успехи русских своих «союзников» и на суше, и на море. Однако дипломатический стиль Ушакова был совсем не такой, как у Суворова, да и положение его было иное.

Столкнуться с австрийским «ножом за пазухой» Ушакову пришлось в трудное время, осенью 1799 г., когда уже русская помощь была не так нужна австрийскому правительству и когда, следовательно, можно было разрешить себе усиление наглости по отношению к русским.

В то время как моряки под командованием капитана 2 ранга Белли отличились на суше, кораблям флота пришлось действовать под Анконой. Австрийское правительство через русского посла в Вене Разумовского очень просило Ушакова отрядить часть своих кораблей в Адриатическое море, чтобы, во-первых, помочь взять Анкону, где засел двухтысячный французский гарнизон, и, во-вторых, оградить крайне важные для Австрии торговые перевозки в Адриатике. Сам Суворов был вынужден торопить Ушакова и предлагать ему помочь австрийцам взять

Анкону. Вот что писал, еще находясь в Вене, великий фельдмаршал Ушакову 5 мая 1799 г.

«Милостивый государь мой Федор Федорович.

Здешний чрезвычайный и полномочный посол пишет ко мне письмо, из которого ваше превосходительство изволите ясно усмотреть необходимость крейсирования отряда флота команды вашей на высоте Анконы; как сие для общего блага, то о сем ваше превосходительство извещаю, отдаю вашему суждению по собранию правил, вам данных, и пребуду с совершенным почтением.

Милостивый государь вашего превосходительства покорнейшей слуга гр. А. Суворов Рымникский».

1 (12) мая 1799 г. Ушаков отправил два русских корабля и два фрегата, а также турецкие корабль, два фрегата и корвет и во главе этой эскадры поставил контр-адмирала Павла Васильевича Пустошкина (произведенного 9 (20) мая того же года в вице-адмиралы).

7 (18) мая 1799 г. Пустошкин появился под Анконой. Войск у Пустошкина почти вовсе не было, но за короткое время ему удалось сделать очень много.

Эскадра Пустошкина уничтожила или изгнала с моря итальянских и французских корсаров, невозбранно грабивших торговые суда любой национальности. Русские моряки освободили от французских захватчиков Сенигалью и ряд других населенных пунктов северо-восточного итальянского побережья. Австрийцы в этом труднейшем деле никакой помощи русским морякам не оказали. Очистив море, Пустошкин успешно начал подготовку к взятию Анконы. Но тут Ушаков, по настоянию Нельсона, вынужден был внезапно отозвать эскадру Пустошкина к Корфу, так как распространились тревожные слухи о вступлении в Средиземное море сильного франко-испанского флота. Одновременно к Корфу был отозван и отряд капитана 2 ранга Сорокина.

Ушаков принял меры на случай встречи с вражеским флотом. Он собрал в Корфу всю свою эскадру, снабдил ее провиантом и 25 июля (5 августа) отправился к берегам Сицилии на соединение с адмиралом Нельсоном, просившим Ушакова выступить совместно с английским флотом. 3 (14) августа эскадра Ушакова пришла в Мессину.

К этому времени выяснилось, что опасность со стороны франко-испанского флота преувеличена. По просьбе Суворова, готовившегося начать наступление к берегу Генуэзского залива, Ушаков 19 (30) августа отправил к Генуе под командованием вице-адмирала Пустошкина три корабля и два малых судна, чтобы пресечь подвоз морем запасов неприятельским войскам. В тот же день к Неаполю в помощь отряду Белли был

послан капитан 2 ранга Сорокин с тремя фрегатами и одной шхуной. Сам же Ушаков с остальными кораблями пошел в Палермо, чтобы, «условясь в подробностях с желанием его неаполитанского величества и с лордом Нельсоном», пройти к Неаполю, а оттуда в Генную «или в те места, где польза и надобность больше требовать будут»[26]. Еще до прихода Ушакова в Палермо, 3 (14) августа 1799 г. туда прибыл из Англии вице-адмирал Карцов с тремя линейными кораблями и фрегатом. Карцов поступил немедленно под команду Ушакова. Экипаж у Карцова оказался страдающим «цынготной болезнью», и Ушаков с целью излечения цынготных направил всю эскадру Карцова к Неаполю. Нас не должно удивлять, что экипаж русской эскадры, прошедшей от Англии до Южной Италии и крейсировавшей по Средиземному морю, так страдал от цынги, как если бы эскадра стояла, затертая льдами, где-нибудь за Полярным кругом: ни англичане, ни турки, ни неаполитанцы не были озабочены доставлением доброкачественной провизии русским союзникам.

Когда Ушаков 22 августа (2 сентября) пришел со своими кораблями в Палермо, то оказалось, что и Нельсон и король Фердинанд непременно желают оставить русскую эскадру у неаполитанских берегов. Нельсон желал этого для того, чтобы не пускать русских к Мальте, король же — из непреодолимого страха перед французами и вследствие полной уверенности, что без русских порядок в его столице еще не скоро будет установлен. Вот что мы читаем в «Выписке из исторического журнала о совместных совещаниях адмирала Ф. Ф. Ушакова с лордом Нельсоном».

«Между тем адмирал с господином вице-адмиралом Карцовым и командующим турецкой эскадры неоднократно еще виделись с лордом Нельсоном и с первым его сицилийского королевского величества министром Актоном имели между собой военный совет о общих действиях.

Главнокомандующий желал иметь действия общими силами противу Мальты, дабы как наивозможно скорее принудить ее к сдаче, но господин лорд Нельсон остался в прежнем положении о своей эскадре, что она должна иттить непременно частию в порт Магон, а прочие в Гибралтар, также и объявлено, что и португальская эскадра непременно пойдет в Португалию.

При оных же обстоятельствах главнокомандующий получил вторичное письмо от его королевского величества, в котором объяснено формальное требование в рассуждении союза и верной дружбы его королевского величества с государем императором всероссийским, чтобы адмирал с обеими союзными эскадрами отправился в Неаполь для восстановления и утвер-

ждения в оном спокойствия, тишины и порядка и прочих обстоятельств, в письме его величества объясненных...»[27]

Когда военные действия против французов в Неаполе и всем королевстве окончились, эскадра Ушакова все же не могла пойти к Мальте — не только потому, что Нельсон не хотел того допустить, но и по другим причинам. Во-первых, турецкая эскадра самовольно ушла к себе домой, в Константинополь, и ушаковский флот тем самым уменьшился в своем составе весьма значительно. Во-вторых, Рим, захваченный в свое время войсками Бонапарта, оставался во власти французов, грабивших город.

7. ПОХОД РУССКОГО ДЕСАНТА НА РИМ И ЕГО ЗАНЯТИЕ

Следует сказать, что в Риме среди самых широких слоев народа французы снискали себе еще большую ненависть, чем в Неаполе. Но и тут без русской помощи «союзники», т. е. англичане, неаполитанцы и австрийцы, долго ничего поделать не могли.

Ушаков сделал все от него зависящее, чтобы, не отвлекаясь римскими делами, идти, наконец, к Мальте. Но что было делать с турками? Матросы Кадыр-бея взбунтовались и грозили выбросить за борт всех своих офицеров и самого Кадыр-бея. Они заявляли, что им падоело воевать так долго и так далеко от Турции. А тут еще прибавились события, очень ускорившие уход турецкой эскадры.

Жаловавшиеся на «скуку» турецкие матросы время от времени пробовали с ней бороться, грабя при случае жителей Палермо. Но тут коса нашла на камень: сицилийцы оказались весьма оперативными в самозащите; произошло большое побоище на берегу, причем турки были жесточайше поколочены: четырнадцать человек у них было убито, пятьдесят три ранено и сорок человек пропало без вести[28].

Это происшествие произвело на поколоченных турецких матросов настолько отрицательное впечатление, что они определенно заявили своему начальству о своем непреложном решении отправиться поскорее домой.

Перепуганный насмерть Кадыр-бей явился в Палермо к Ушакову и умолял его восстановить дисциплину. Ушаков отправился на турецкую эскадру и восстановил порядок, но длительных результатов добиться не мог. Дело в том, что и турецкие морские офицеры, не весьма далеко ушедшие от своих подчиненных в понимании дисциплины и воинского долга, тоже «соскучились» воевать под верховным командованием русского адмирала. Ни ограбить богатые Ионические острова Ушаков им не дал, ни перехватывать на море зазевавшихся «купцов»

под нейтральным флагом не позволял, ни насильничать в Палермо не разрешал; никакой радости для них от этой экспедиции не было и впредь не предвиделось. А в Константинополе тоже сообразили, что если даже от освобождения Ионических островов никакой реальной пользы Турция не получила, то уж подавно ничего не получит от действий в Италии. Поэтому едва ли взбунтовавшиеся турецкие матросы могли очень бояться гнева своего правительства. Турецкая эскадра ушла «самовольно» к себе домой. Ушаков должен был, по настоятельной просьбе короля Фердинанда, идти с оставшимися у него кораблями из Палермо в Неаполь, где слишком уж бушевала (с самого конца июня) и грабила чернь, которая, разохотившись, нападала уже не только на «якобинцев», а на всех, у кого можно было чем-либо поживиться.

Вот что доносил русский представитель при неаполитанском дворе Италинский А. В. Суворову 1 (12) сентября 1799 г.:

«Сиятельнейший граф, милостивый государь.

Господин адмирал Ушаков, по прибытии своем сюда (в Палермо — *Е. Т.*) с российскою и оттоманскою эскадрою... имел намерение итти в Мальту, стараться принудить неприятеля к сдаче тамошней крепости. Опасное положение, в котором находится Неаполь по причине не утвердившегося еще в народе повиновения законам, заставило господина адмирала, исполняя волю и желание его неапольского (sic! — *Е. Т.*) величества, следовать к оному столичному городу. Завтра вся эскадра российская, состоящая в 7 линейных кораблях, снимается с якоря, турецкая сего дня поутру пошла к Дарданеллам. Служащие на ней матросы давно ропщут, что их задержали в экспедиции гораздо более того, сколько они обыкновенно бывают в море; наконец, будучи здесь, совершенно взбунтовались, отрешили от команды адмиралов и прочих начальников и, презирая все уведомления, поплыли в отечество. Господин адмирал Ушаков, по восстановлении спокойствия в Неаполе, желает предпринять выгнать французов из Рима и надеется иметь в том благополучный успех» [29].

8 (19) сентября 1799 г. Ушаков со своей эскадрой пришел в Неаполь. Здесь все еще продолжались зверства монархических банд. Ушаков сделал попытку облегчить участь неаполитанских республиканцев, непосредственно обратившись к министру неаполитанского правительства Актону, который все беспокоился, достаточно ли бдительно сторожат пленников. Ушаков писал Актону 7 (18) октября 1799 г.:

«Во оном столичном городе спокойно, замечается только сие, что казнь виновных сначала пароду весьма желательна, но беспрерывное продолжение оной начало приводить многих в содрогательство и в сожаление, которое час от часу умно-

жается. Более, по всей видимости, худых последствий теперь ожидать ни от кого нельзя, кроме разве от родственников тех, которые содержатся в тюрьмах и ожидают таковой же злощастной участи, и, конечно, ежели бы не прилежное смотрение караулами, могло бы от отважных людей случиться что-либо для освобождения родственников своих и приятелей... Но, ваше высокопревосходительство. почитаю к отвращению таковых могущих быть дерзких замыслов должно взять надежнейшие меры и самые лучшие могли бы быть высочайшим милосердием его королевского величества и общим прощением впадших в погрешности (кроме только самоважнейших преступников, о которых должно сделать рассмотрение). Не благоугодно ли будет употребить об оном ходатайство ваше его величеству, яко любящему отцу свое отечество и своих подданных, таковое благодеяние восстановит усердие, ревность и повиновение законам и наилучшему исполнению повелениев...»[30]

Благодаря вмешательству Ушакова было спасено много неаполитанских «якобинцев».

Каролина и ее супруг не смели отказывать Ушакову, ибо на очереди стоял вопрос о походе на Рим, где еще находился французский гарнизон в 2 500 человек. Без русских справиться было очень мудрено. Неаполитанские властители были крайне храбры по отношению к безоружным и беззащитным, но очень скромны там, где приходилось иметь дело с вооруженным и боеспособным неприятелем.

Рим был занят французами в связи с общим завоеванием Северной и Средней Италии Бонапартом в 1796—1797 гг. Как и в Неаполе, в Риме была налицо не очень многочисленная республиканская партия, стоявшая на стороне французов, но народная масса либо была совсем равнодушна, либо определенно враждебно относилась к завоевателям и смотрела на них, как на жадных захватчиков.

Когда Неаполь вернулся в конце июня 1799 г. под власть Фердинанда, то одним из первых предприятий, затеянных им под прямым давлением англичан, и был поход против французского гарнизона в Риме. Дело казалось вполне верным, так как с севера, из Тосканы, на Рим шел австрийский отряд генерала Фрелиха, который уже приблизился к Чивита-Кастеллано.

Начальство над французским гарнизоном принадлежало генералу Гарнье, человеку очень энергичному. Он вышел из Рима и бросился навстречу неаполитанцам, отбросил их и разбил. Сейчас же после этого Гарнье круто повернул по направлению к Чивита-Кастеллано против австрийцев, уже совсем подошедших к городу. 1 (12) сентября произошло сражение, в котором австрийцы были разбиты наголову и отступили или, точнее, отбежали на несколько миль.

Так обстояли дела перед тем, как Ушаков прибыл в Неаполь и высадил 800 человек морской пехоты и матросов под командой полковника Скипора и лейтенанта Петра Ивановича Балабина для похода на Рим. Прослышав о приближении к Риму отряда Скипора и Балабина, Гарнье, несмотря на свои победы как над неаполитанцами, так и над австрийцами, согласился начать переговоры о капитуляции гарнизона. 16 (27) сентября капитуляция была подписана командующим неаполитанской армией маршалом Буркардом и капитаном Траубриджем — командиром британского линейного корабля, пришедшего в Чивита-Веккию. Австрийский генерал Фрелих не согласился с условиями капитуляции, но когда Гарнье снова на него напал и снова разбил его наголову, то Фрелих счел себя удовлетворенным и согласился.

По условиям капитуляции французы получали право свободно выйти из города не только с оружием, но и со всеми награбленными ими вещами и богатствами. Ушаков узнал, что Буркард, действуя явно с согласия кардинала Руффо, просто решил выпустить французов с оружием и обязался даже переправить их, куда они захотят. Это давало французам полную возможность немедленно отправиться в Северную Италию воевать против суворовской армии. Самим же неаполитанцам ничего не нужно было, кроме возможности войти в Рим и в усиленных темпах продолжать (но уже в свою пользу) производившееся так долго французами систематическое ограбление римского населения.

Уже 15 (26) сентября 1799 г., накануне формально подписанной капитуляции Рима, Ушаков с возмущением укорял Траубриджа за дозволение французам спокойно, со всем вооружением уйти из Рима, Чивита-Веккии, из Гаэты, и, не зная еще *о совершившихся фактах, Ушаков требовал, чтобы Траубридж* продолжал с моря блокировать Чивита-Веккию, потому что иначе освобожденные французы — «сикурс (помощь — *Е. Т.*) непосредственный и немаловажный» для французской армии, сражающейся на севере против Суворова [31].

Но этот протест не помог. В руки Ушакова попал документ, показавший ему, что еще за пять дней до его укоризненного письма Траубридж уже уведомил неаполитанского главнокомандующего генерала Буркарда о «великодушных договорах» и «кондициях», которые он своей властью решил предоставить французскому генералу Гарнье. Конечно, Гарнье поспешил принять «великодушные» предложения Траубриджа [32]. Англичанин очень подчеркивает свое «великодушие», избавившее его от дальнейших хлопот и проволочек. Во что его «великодушие» обойдется суворовским солдатам, которые вскоре

увидят перед собой новые французские подкрепления, это Траубриджа интересовало меньше всего на свете.

Буркард и кардинал Руффо, конечно, очень рады были, что предводимая ими банда грабительской монархической голытьбы, военная ценность которой была равна нулю, не должна будет дальше сражаться с французами, и Буркард с своей стороны вполне одобрил решение Траубриджа[33].

Ушаков написал 24 сентября (5 октября) гневное письмо кардиналу Руффо, причем указывал на «самовольно и неприлично» проявленную Буркардом инициативу. На самом деле Буркард явился лишь козлом отпущения: он действовал с согласия Руффо, и русский адмирал явно дал почувствовать кардиналу Руффо, что вполне понимает его ложь и увертки.

«Ответствую: по всем общественным законам никто не имеет права брать на себя освобождать общих неприятелей из мест блокированных, не производя противу их никаких военных действий и не взяв их пленными»,— писал Ушаков кардиналу Руффо: «...господин маршал Буркгард не должен приступить к капитуляции и освобождать французов из Рима, тем паче со всяким оружием и со всеми награбленными ими вещами и богатствами».

Но все было напрасно. Англичане не только освободили французские войска, но и стали с полной готовностью перевозить их на Корсику, откуда уже рукой подать было до суворовских позиций в Северной Италии...[34] Случилось, следовательно, именно то, чего опасался и па что негодовал Ушаков.

Скипор и Балабин получили от Ушакова приказ возвратиться в Неаполь, не продолжая похода к Риму. Кардинал Руффо немедленно написал адмиралу Ушакову письмо, умоляя его не возвращать русский отряд в Неаполь, во-первых потому, что французы согласились уйти только под влиянием известий о приближении русских, а во-вторых, потому, что если русские не войдут в Рим, то «невозможно будет спасти Рим от грабежа и установить в нем добрый порядок». Мало того, кардинал Руффо решил уж пойти на полную откровенность и признался, что «без российских войск королевские (неаполитанские — *Е. Т.*) подвержены будут великой опасности и возможно отступят назад».

Вот что читаем в переведенном на русский язык с итальянского в канцелярии Ушакова письме кардинала Руффо от 1 октября 1799 г. к адмиралу (подлинника в делах нет):

«Естли французский генерал Гарниер подписал капитуляцию о здаче (sic! — *Е. Т.*) Рима и крепости Сант-Анжела, то конечно не решился он к тому по единому явлению маршала Буркарди в 1000 человек неапольских войск в окрестностях (sic! — *Е. Т.*) онаго столичного города, но что он узнал о при-

бытии российской эскадры в сию гавань; да и не сомневался о высажении десантных войск, опасаясь, что те войска вместе с королевскими употреблены быть могут противу Рима, опасаясь также и приближения австрийцов; все сии резоны заставили его предпочесть капитуляцию, нежели подвергнуть себя опасностям, его угрожающим; ежели российские войски (sic! — *Е. Т.*) продолжать не будут марш свой к Риму, то ваше превосходительство увидите, что маршал Буркарди не может принять и проводить неприятеля к Чивита-Веки, да и вступление его в Рим не может быть в безопасности. Известно, что число состоящих там французов простирается более 1500 человек и может быть больше число приумножится римлянами, которые, подражая своим приятелям, хотят следовать во Францию. Занятие Рима будет опасно, ибо, как известно, начальники многочисленной республиканской толпы думают: дабы по выступлении оттуда французов занять город и крепость и оных защищать. По таковым обстоятельствам нужно будет иметь доведение в. прев., чтобы войска эскадры вашей продолжали марш свой и потому, что иначе невозможно будет спасти Рим от грабежа и установить во оном доброй порядок. Без российских войск королевские подвержены будут великой опасности, и может быть, что оные отступят назад, оставляя Рим гораздо в худшем состоянии, нежели оно было прежде заключения капитуляции. Так как Анкона не может быть оставлена при немногих российских войсках, ее блакирующих (sic! — *Е. Т.*), то эти новые войски (sic! — *Е. Т.*) могут итти вперед для других предприятий. Господин Италинский, министр его в. им. всероссийского, в. прев. словесно сообщит другие резоны, которых не могу я показать на бумаге»[35].

Ушаков снова приказал Скипору и Балабину идти в Рим. 30 сентября (11 октября) 1799 г. в первый раз за историю Рима русские войска вступили в «вечный город». Вот что доносил об этом событии лейтенант Балабин адмиралу Ушакову:

«Вчерашнего числа с малым нашим корпусом вошли мы в город Рим. Восторг, с каким нас встретили жители, делает величайшую честь и славу россиянам. От самых ворот св. Иоанна до солдатских квартир обе стороны улиц были усеяны обывателями обоего пола. Даже с трудом могли проходить наши войска. „Виват Павло примо! Виват московито!“ — было провозглашаемо повсюду с рукоплесканиями. „Вот,— говорили жители,— вот те, кои бьют французов и коих они боятся! Вот наши избавители! Не даром французы спешили отсюда удалиться!“ Вообразите себе, ваше высокопревосходительство, какое мнение имеет о нас большая и самая важная часть римлян, и сколь много радости произвела в них столь малая наша

команда! Я приметил, что на всех лицах было написано искреннее удовольствие» [36].

Этого донесения Балабина, цитируемого Висковатовым в 1828 г., нет в документах, бывших в моих руках. Но есть у меня донесение Скипора, почти буквально повторяющее слова Балабина: «...спешил я походом с войсками, мне вверенными, к Риму для освобождения его и Чивита-Веккии от неприятелей. Худость дороги препятствовала скорости, а особо провозу тяжелой артиллерии и вчерашний день прибыл к оному благополучно, служители (матросы — *Е. Т.*) здоровы. По приходе в Рим застал я его уже освобожденным по капитуляции, предложенной командором Трубричем (sic! — *Е. Т.*) и подписанной маршалом Буркардом... Был я встречаем премножеством собравшегося народа под стенами римскими и, вступая в город с музыкою неаполитанскою, во всех улицах восклицали с радостью: вива императоре Павло примо, вива Московити!» [37]

Ликование римского населения объясняется весьма простой причиной: в городе уже начали хозяйничать монархистско-бандитские шайки кардинала Руффо, снискавшие себе такую специфическую славу, что именно с этой поры в английский язык вошло новое слово «руффианец», the ruffian, для обозначения грабителя и громилы. Приход безукоризненно державших себя, дисциплинированных русских войск спас Рим от грозивших ему ужасов. «В Риме сил никаких важных не остается, кроме неодетых и нерегулярных войск... а только составляют важность наши войска под командой моей, состоящие в Риме»,— доносил Скипор Ушакову.

В Риме могло повториться в меньших размерах то, что произошло в Неаполе: неаполитанский сброд, очень трусливый в бою, был неукротим в насилиях и грабежах. Но здесь все эти эксцессы монархической неаполитанской черни были прекращены с самого начала, и пока русский отряд был в городе, римские республиканцы и все вообще подозреваемые в «якобинстве» могли быть спокойны.

Отряд Скипора и Балабина, пробыв некоторое время в Риме, вернулся к эскадре Ушакова в Неаполь.

Так закончились военные действия Ушакова и его моряков в неаполитанских водах и на суше. Но политическое действие трактата о помощи России королевству Обеих Сицилий продолжалось. Этот договор был подписан еще 29 ноября (10 декабря) 1798 г. в Петербурге. Со стороны короля неаполитанского договор подписал посол маркиз де Серра-Каприола, со стороны Павла I — Безбородко, Кочубей и Растопчин. Ссылаясь на этот договор, Фердинанд выпросил у Ушакова в самом конце 1799 г. при уходе русской эскадры, чтобы тот еще на некоторое время оставил в Неаполе Белли с его отрядом.

8. ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ДЕЙСТВИЙ РУССКИХ ПОД АНКОНОЙ И КОНФЛИКТ УШАКОВА С АВСТРИЙЦАМИ

Частям эскадры Ушакова было суждено еще принять боевое участие в действиях против неприятеля в тех северных рукавах Средиземного моря, которые носят названия моря Адриатического и моря Лигурийского, другими словами — воевать под Анконой и под Генуей.

В нерадостной общей политической обстановке приходилось действовать теперь Ушакову. Австрийский император и двор, взывавшие ранее к Павлу о спасении и пресмыкавшиеся перед Суворовым, когда он появился с русскими войсками по мольбе австрийцев, осенью 1799 г. круто изменили фронт и переменили тон. Теперь, после того, как Суворов, одержав ряд блестящих побед, изгнал французов из Северной Италии и, совершив героический переход через Альпы, ушел в Швейцарию, можно было от тайных интриг перейти к довольно откровенной неприязни. Правда, русские еще нужны были, чтобы завершить дело Суворова и отнять у французов два порта, оставшиеся в стороне от стремительного победоносного движения Суворова: Анкону на Адриатическом море и Геную — в глубине Генуэзского залива. Но австрийцы надеялись, что Павел так или иначе из коалиции не выйдет, а поэтому ни с кем из русских начальников и представителей особенно церемониться не считали уже нужным. Страшный Бонапарт, отнявший у австрийцев Италию, пропадает где-то далеко в египетских песках, а Суворов, освободивший от французов Северную Италию, ушел. Словом, все обстояло как будто благополучно. Не могли же в Вене предвидеть, что Бонапарт неожиданно вернется из Египта, вторично разгромит австрийцев под Маренго 14 июня 1800 г. и снова завоюет Италию. Не могли австрийцы предвидеть и того, что слишком уж большая бесцеремонность австрийских генералов и английских адмиралов по отношению к России может способствовать такому совсем неожиданному крутому дипломатическому перевороту, как решительное сближение между Павлом и Бонапартом.

Попутно укажем, что адмирал Ушаков уже весной 1799 г. имел вполне надежную документацию по вопросу о степени искренности и сердечности австрийских чувств касательно России вообще и его самого, в частности. В мае 1799 г. Ушакову доставили письмо, писанное австрийским комендантом («губернатором») района Боко-ди-Каттаро (Bocca di Cattara) Брадесом и адресованное австрийскому консулу на о. Занте. В этом письме, заблудившемся по дороге, перехваченном и попавшем в руки Ушакова, австриец интриговал против введенной Ушаковым «конституции», слишком «демократичной»,

очевидно, с австрийской точки зрения. Ушаков в точности узнал об австрийских попытках внести «развратность и помешательство в наших учреждениях островов» и о том, что австрийцы стараются склонить жителей Ионических островов «на сторону австрийской нации».

То, что произошло сначала под Анконой, а потом под Генуей, оправдало самые пессимистические предчувствия Ушакова, которые могли у него возникнуть при чтении этого перехваченного письма.

По настоятельной просьбе Австрии Ушакову еще в июне 1799 г. пришлось отделить от своего и находившегося в его распоряжении турецкого флота особую эскадру под командованием капитана 2 ранга графа Войновича и послать ее к Анконе.

Началась блокада Анконы.

Вот что писал Войнович в письме полковнику Скипору 5 октября 1799 г.:

«Батареи наши со всех сторон построены на картечных выстрелах, канонада производится непрестанно со всех сторон, и с моря отчасти фрегатами и по большей части вооруженными мной требакулами и лодками, на которых поставлены большого калибра пушки. Неприятель неоднократно покушался делать великие вылазки, но прогоняем был с немалым уроном».

Блокада Анконы, установленная Войновичем, была очень реальна. В Анконе начался голод, усиливалось дезертирство из полуторатысячного французского гарнизона, запертого в городе и крепости [38].

Так обстояло дело, когда в сентябре под Анкону прибыл австрийский отряд генерала Фрелиха.

Между Фрелихом, недружелюбно и в высшей степени нагло относившимся к русским, и графом Войновичем произошла ссора. Неприятности начались почти непосредственно после прибытия восьмитысячного австрийского корпуса под Анкону. Войнович полагал, что австрийцы желают под Анконой поправить свою военную репутацию, сильно пострадавшую в Риме, который они никак не могли взять без русских: «Австрийцы, сожалея, что не могли иметь чести в Риме, всеми мерами и происками стараются получить верх при взятии Анконы»,— зло иронизирует Войнович в донесении Ушакову от 17 октября 1799 г. Русский командир явно усмотрел в этих происках австрийцев вполне реальную цель: «Они крайне стараются и желают отдалить нас от сей экспедиции и захватить все себе. Я известился партикулярно под Триестом, что они хотят, если удастся, заключить капитуляцию тайно. Но я уверен, что в сем им успеть не удастся».

Стремление Фрелиха было заставить русских убрать свой десант с берега и вообще уйти от Анконы. А Войнович, не желая отказываться от чести победы, предлагал Фрелиху покончить дело штурмом [39]. Но Фрелих, конечно, отказался.

Проведав о том, что Фрелих завел с французами переговоры о капитуляции, Войнович немедленно дал знать об этом Ушакову, который командировал в качестве русских представителей двух офицеров. Фрелих их не принял. Тогда Войнович написал австрийцу резко протестующее письмо: «Я не могу быть равнодушным к сей новой обиде... и я должен еще раз учинить представление против такого поступка, столь противного честности, долженствующей существовать между начальниками союзных войск, и которые разрушают взаимное согласие» [40].

Протест не возымел действия. Фрелих выпустил неприятеля из Анконы, и Войнович решил довести обо всем происходящем до сведения Ушакова: «Австрийский господин генерал Фрелих тайным образом, не уведомя меня, учинил с французским генералом Монье о сдаче Анконы сего ноября 2 дня капитуляцию и через 24 часа 4 ноября (sic! — *Е. Т.*) выпустили французский гарнизон из крепости.

...я в то же время ему объявил, что на такую капитуляцию не согласен, но он, введя тайно в крепость в числе 3000 чел. гарнизон, писал мне, что нашим и турецким войскам назначает квартиру в Фано и Сенигалии». Французы, уходя, обобрали жителей Анконы, «оставив их без ничего», как выражается неискушенный в стиле капитан Войнович [41].

Ссора жестоко обострилась, и Войнович резко объяснялся с австрийцем.

Фрелих пожаловался Ушакову и немедленно получил от русского адмирала ответ, представляющий собой интереснейший документ, который совсем по-новому и очень ярко освещает все дело.

Прежде всего Ушаков настаивал на том, что капитан 2 ранга Войнович имеет полное право на начальствование в освобожденных русскими силами местах.

Что именно успели сделать русские,— об этом Ушаков напоминает австрийцу весьма внушительно.

Во-первых, русская эскадра очистила Адриатическое море «от множества корсаров французских», бравших в плен «всякие суда», вследствие чего «коммерция австрийских судов и прочих союзных держав в бедственном состоянии находилась». Все это русскими судами прекращено, «и коммерция открыта безопасная».

Во-вторых, на берегах Италии высадившиеся русские войска истребили и частью изгнали неприятеля «боем» из Фано,

из Сенигальи и других мест. Ушаков напомнил забывчивому австрийскому генералу, что от русского флота был отделен и послан к Анконе отряд судов под командованием Пустошкина с прямым приказом отнять у французов Анкону, «и была уже верная надежда» добиться этого успеха, когда появление в Средиземном море французского и испанского флотов заставило Ушакова отозвать Пустошкина для соединения русских сил с английскими, требовавшими этой помощи. Но вскоре же после отозвания Пустошкина Ушаков послал к Анконе капитана 2 ранга графа Войновича. Что же застал Войнович, прибыв на место? Оказалось, что с уходом отряда Пустошкина австрийцы не смогли удержать ни Сенигалью, ни Фано; французы их выгнали оттуда и снова водворились в этих местах, которые, таким образом, находились «вторично в бедственном состоянии от французов». Мало того, французы укрепились там еще лучше прежнего. Пришлось снова спасать австрийцев. «Граф Войнович употребил наиприлежное старание неприятеля десантными войсками в разных местах разбить, а в Фано неприятельский гарнизон сверх убитых 653 человек взят им военнопленным». Все это Войновичу удалось также с помощью присоединившейся тотчас к русским части населения — «нерегулярных войск из обывателей к нему присоединившихся». Укрепившись на суше, Войнович «обложил сильною осадою Анкону, устроил около ее батареи к ближней дистанции даже на картечный выстрел, поставя на них большие корабельные орудия». Держа Анкону в течение двух месяцев в «тесной осаде» и с суши и с моря и бомбардируя ее из больших орудий, Войнович привел неприятеля «в немалое ослабление». Было все это, иронически напоминает Ушаков генералу Фрелиху, еще «прежде прибытия вашего превосходительства с войсками». Когда Фрелих прибыл, то дело казалось выигранным: «Войнович уповал, что вы по существующей дружбе императорских дворов... согласитесь с ним общими силами в самой скорости и нимало не медля настоящими действиями принудить Анкону к сдаче». Но ничего подобного не случилось. «С крайним сожалением узнал я, что ваше превосходительство по приходе к Анконе не сделали императорским (русским — *Е. Т.*) войскам, столь долго осаждающим оную, ни малейшего уважения и требовали одни, сами собой, от французов сдачи Анконы на капитуляцию». Не довольствуясь этим, Фрелих стал распоряжаться в тех городах на берегу, которые были дважды, как уже сказано, завоеваны русскими (после того как французы выгнали австрийцев). Фрелих «показал виды и желание отдалить войска наши с сухого пути». С этой целью австриец пустился на все. «Вы употребили некоторые предлоги под видом разных жалоб обывателей и делаете заметное промедление в надежде, когда

настанут крепкие ветры и бурливая погода, тогда десантные войска наши неминуемо должны будут возвратиться на суда, о чем и господин граф Войнович упоминает». Ушаков напрямик показал Фрелиху, что понимает все его хитрости. «Я крайне о таковых происшествиях сожалею, они совершенно противны общей пользе союзных держав» [42].

Но курс, взятый Фрелихом, как и всеми другими австрийскими генералами, диктовался из Вены, и курс этот был твердый. Русские освободили своей кровью от французских захватчиков Северную Италию, и Суворов уже стал не нужен. Русские очистили Адриатическое море, могущественно способствовали падению Анконы, и Ушаков со своими моряками тоже оказался не нужен. Значит можно было распоясаться окончательно и уже никак и ничем себя не стеснять.

Фрелих, не потрудившись даже уведомить Войновича, принял сдачу Анконы и отказался допустить русских в гавань после сдачи. «Я предвижу,— доносил Войнович Ушакову,— что они (австрийцы — *Е. Т.*) хотят всем завладеть сами, но сие никаким образом допустить не могу, чтобы дать обесчестить флаг его императорского величества, разве что возможно он по своей многочисленности учинит то силой» [43].

Ушаков всецело одобрил образ действия Войновича. Русский адмирал был возмущен тем, что Фрелих, не уведомляя Войновича, приступил к переговорам с французами о капитуляции Анконы. «Таковой поступок,— писал Ушаков Войновичу 7 (18) ноября 1799 г.,— противен есть общественным правам законов, ибо всегда тот начальствовать должен, кто имеет крепость в осаде, а не тот, который пришел уже после» [44].

7 (18) ноября 1799 г. Ушаков написал Фрелиху решительное письмо, в котором категорически требовал, чтобы капитуляция Анконы была принята и австрийцами и русскими сообща. С письмом в Анкону был послан лейтенант Балабин, которому поручалось на месте «обо всем осведомиться». Извещая об этом Фрелиха, Ушаков угрожал австрийцу в случае «неприятных происшествий» довести дело до императора Павла.

«Между прочим,— писал Ушаков Фрелиху, —в письме вашего превосходительства упомянуто о графе Войновиче весьма оскорбительно. Я столь верного службе его императорского величества и исправного офицера отнюдь ни в чем не подозреваю и посылаю с сим и с прочими к вам письмами нарочно правящего при мне должность адъютанта флота лейтенанта Балабина и приказал ему обо всем осведомиться. Долгом поставляю еще напомянуть вашему превосходительству, ежели на письма мои в рассуждении капитуляции и всех принадлежностей не получу удовлетворение, непременно обо всем со всякой подробностью всеподданнейше донесу его императорскому

величеству, но надеюсь, что по существующей между дворами совершенной друбже таковых неприятных происшествий до разбирательства высочайших дворов вы не допустите...»[45]

На другой день, 8 (19) ноября 1799 г., Ушаков получил точное извещение о сдаче Анконы, состоявшейся 2 (13) ноября. Ушаков немедленно написал обо всем Павлу I:

«После всеподданнейшего донесения моего вашему императорскому величеству сего ноября 7-го дня о переписке австрийского генерал-лейтенанта Фрелиха и флота капитана и кавалера графа Войновича, осаждающих с войсками Анкону, 8-го числа получил я рапорт и письма графа Войновича и приложенную при оных капитуляцию о сдаче Анконы, присланную к нему от генерал-лейтенанта Фрелиха. Граф Войнович в письме своем объясняет, что господин Фрелих тайным образом, не уведомя его, учинил с французским генералом Монье о сдаче Анконы сего ноября 2 дня капитуляцию и чрез 24 часа французский гарнизон выступил из крепости. Сия капитуляция прислана к Войновичу для одного только сведения, и войска вашего императорского величества вместе с войсками Блистательной Порты Оттоманской, с давнего времени осаждающие Анкону и приведшие оную до последней уже крайности, при всех надлежащих законных правах победителем от капитуляции и от договоров с французами отдалены, даже о правах, им надлежащих, в капитуляции не помянуто, кроме что в прелиминарном пункте, опробованном генерал-лейтенантом Фрелихом, сказано: французы для того с командующим союзных войск не хотят сделать капитуляцию, будто бы не выполнена им капитуляция, сделанная о сдаче Фано, но ясно заметно, что сие учинено несправедливо и для единственной пользы французов и генерал-лейтенанта Фрелиха: первые не имели надежды по данному от меня предписанию графу Войновичу получить от него столь величайшие выгоды, каковы даны им оною капитуляциею, а генерал-лейтенант Фрелих воспользовался отдалением войск союзных от всех почестей, им надлежащих. Вошед в Анкону с войсками, старается все взятое в плен и в призы завладеть и удержать за собою, даже в письме к графу Войновичу объяснил назначение квартир союзным войскам в Фано и Сенигалии. По таковых последствиях граф Войнович послал флотилию в Анконскую гавань и приказал поднять флаг вашего императорского величества на моле и на всех пленных кораблях и прочих судах, которые после ночного времени при рассвете и подняты (прежде нежели были какие другие) по праву блокирования эскадрою оную гавань и удержания их от вывода из оной, также приказал командующему десантными войсками войти в крепость и поднять флаг вашего императорского величества вместе с флагами австрий-

скими, а сие также исполнено. Вторым письмом граф Войнович доносит, что дал он повеление флота капитану Мессеру и лейтенанту и кавалеру Ратманову с назначенными к ним офицерами сего ноября 4-го дня описать все состоящие в Анконе суда и гавань, но генерал-лейтенант Фрелих к тому оных не допускает; флаги российские на всех судах и в гавани подняты и караулы поставлены, но он требовал, чтобы везде спустить поднятые везде флаги, и уведомляет, что послал к своему двору эстафет и до получения на оной ответа ни к чему допустить не намерен. О чем с глубочайшим благоговением вашему императорскому величеству донося, рапорт флота капитана графа Войновича и приложенную капитуляцию, тож два письма означенных последствиях, ко мне доставленное в оригинале, всеподданнейше доношу и ожидаю об Анконе, о пленных в оной кораблях и прочих судах, о магазинах и о разных припасах и материалах, принадлежащих французам, высочайшей конфирмации вашего императорского величества, а затем, когда посланный от меня флота лейтенант Балабин из Анконы возвратится и какие еще обстоятельные сведения мною получены будут, старание иметь буду за сим же всеподданнейше представить» [46].

Павел одобрил действия Ушакова и приказал Коллегии иностранных дел обратиться с протестом к австрийскому двору. В Вене, очевидно, нашли, что Фрелих слишком уж торопится и что русские еще, пожалуй, могут понадобиться. Ретивый генерал был смещен и даже отдан под суд, ничем дурным для него, впрочем, не окончившийся.

9. РУССКИЕ ПОД ГЕНУЕЙ

Как уже было сказано, Ушакову пришлось послать часть своих сил к Генуе в помощь австрийцам, долго и совершенно безуспешно ее осаждавшим.

Австрийский гофкригсрат так же точно не хотел пускать Суворова к Генуе, как на юге Нельсон не хотел пускать Ушакова к Мальте. И так же, как англичане бесконечно долго осаждали Мальту, так и австрийцы бесконечно долго осаждали Геную. Но поддержка со стороны русских эскадрой и небольшим десантом могла казаться гофкригсрату, с одной стороны, очень желательной, а с другой — вполне, так сказать, безопасной в смысле возможности захвата русским союзником этого богатого и крайне важного пункта.

Генуя захвачена была французами еще при первом завоевании Северной Италии генералом Бонапартом. Взять Геную можно было не с моря и не флотом, а с суши силами пехоты. На суше же австрийцы не имели русской помощи, и поэтому

ничего путного у них не выходило. Шел месяц за месяцем, а Генуя держалась.

Руководил осадой (к моменту прибытия Пустошкина) австрийский генерал Кленау — один из множества австрийских военачальников, которых, по известному выражению Суворова, относившемуся к австрийцам, отличала «привычка битыми быть». Генерал Кленау тоже никак не мог избавиться от этой вредной привычки.

Прибыв под Геную со своей эскадрой, вице-адмирал Пустошкин «был обнадежен, что Генуя в скорости взята будет». На самом же деле Генуя была занята только 24 мая (4 июня) 1800 г., когда у генерала Массена, оборонявшего город, истощились все припасы, причем уже через полторы недели после этого Бонапарт разгромил австрийцев при Маренго и Генуя тотчас же была возвращена французам. До всех этих событий было еще очень далеко летом и осенью 1799 г., когда генерал Кленау убеждал Пустошкина в близости австрийской победы. Кленау просил о высадке русского десанта в помощь австрийской сухопутной армии. Пустошкин войск не имел и мог высадить лишь батальон в 200 человек. У австрийцев было несколько тысяч человек. Предпринятый штурм французы отбили. Австрийцы были жестоко разбиты, они потеряли, как донес Ушаков царю, «до трех тысяч человек, в том числе более взятых в плен, чем убитых» [47]. Очень характерна одна деталь: разбежавшаяся австрийская армия бросила маленький русский отряд на произвол судьбы. У русских оказалось выбывшими из строя 75 человек, в том числе убитыми 38, ранеными 18 и взятыми в плен 19. Пустошкин донес, что русский отряд «оказал отличное мужество и храбрость». Весьма показательно, что при позорнейшем поведении австрийцев весь русский отряд не был перебит или взят в плен.

Сражались русские превосходно. «При местечке Сестрин (sic! — *Е. Т.*) я на гребных судах наш десант перевез на корабль и еще цесарцев вышеписанных 48 человек не без трудности и могу доложить по справедливости в сем случае весьма доволен исправностью и усердием к службе его величества» своих моряков, благополучно спасавших заодно также и разбитых австрийцев («цесарцев»): «сие случилося в ночное и мрачное с мокротою время, а притом со стороны открытого моря», добавляет Пустошкин в своем рапорте Ушакову [48].

Пустошкин вернулся со своей эскадрой в Мессинский пролив лишь весной 1800 г., когда Павел вышел из второй коалиции и, к большому, вероятно, удовольствию Пустошкина, повелел «впредь никакого содействия с австрийскими войсками не иметь» [49]. В связи с этим Пустошкин отбыл к Ушакову, уже снова стоявшему со своей эскадрой у Ионических островов.

Донесения Ушакова об из ряда вон выходящем по наглости поведения австрийцев под Анконой и об их позорной трусости под Генуей поступили в царский кабинет как раз тогда, когда стала выявляться истинная суть предательских действий Австрии относительно русских в течение всего похода Суворова вообще, а в частности после великой его победы под Нови. Все это складывалось в довольно законченную общую картину. Выход России из второй коалиции постепенно назревал. Психологически и политически он становился неизбежным еще до того, как в Петербург пришли известия о внезапном возвращении Бонапарта из Египта, о последовавшем спустя три недели после этого события низвержении Директории (переворот 18 брюмера 1799 г.) и об установлении во Франции суровой военной диктатуры первого консула. Все эти новые впечатления вскоре заставили Павла и его советчика Ф. В. Ростопчина думать о новой ориентации русской внешней политики. До «дружбы» между парижским и петербургским самодержцами было пока еще далеко, но разрыв союза с Австрией, а спустя некоторое время и с Англией, был предрешен, как было предрешено и отозвание в Россию Суворова и Ушакова.

Впрочем, Ушаков не сразу получил приказ о возвращении в Черное море. Адмиралу велено было сначала покинуть Италию и возвратиться к Ионическим островам, где с ним Пустошкин и соединился.

Любопытно отметить разительное сходство поведения англичан касательно русских в отношении Мальты с поведением австрийцев при действиях под Генуей. Австрийцы не хотели, чтобы Суворов шел под Геную, и старались его «спустить с гор» в Швейцарию; вместе с тем они взывали все время к тем же русским о помощи. Так же точно поступали и англичане. Мы видели, как Нельсон противился походу эскадры Ушакова к о. Мальта. Но когда наступила уже поздняя осень 1799 г., когда Ушаков к концу декабря ушел совсем из Италии к Ионическим островам, а Мальта все не сдавалась, Нельсон круто переменил фронт и стал просить русских о помощи.

«Дорогой мой сэр! Мальта — всегда в моих мыслях и во сне и на яву!» — скорбел он перед русским представителем в Палермо Италинским. Нельсон напоминал русскому представителю, «как дорога Мальта и ее орден русскому государю». Русская помощь была так нужна, что Нельсон пустился на явную хитрость: лишь бы русские пришли и взяли Мальту, а ведь потом можно, признав «дорогой сердцу русского царя» Мальтийский орден под царским гроссмейстерством, фактически Мальту прибрать к британским рукам[50]. Прося помощи от начальника сухопутных сил на Минорке, Нельсон писал

генералу Эрскину: «Дорогой сэр Джемс! Я в отчаянии относительно Мальты... Двух полков в течение двух месяцев при русской помощи будет достаточно, чтобы дать нам Мальту, освободить нас от врага, стоящего у наших дверей, удовлетворить русского императора, защитить нашу торговлю на Леванте...»[51] Не зная, как лучше подольститься к Павлу, Нельсон послал царю, «как гроссмейстеру Мальтийского ордена», детальный рапорт об осаде Мальты и в самых льстивых, смиренных тонах просил царя пожаловать за великие заслуги орденские отличия капитану Боллу (руководителю осады Мальты) и... Эмме Гамильтон!

Но все эти ухищрения не помогли. Нельсону следовало спохватиться раньше. Раздраженный Павел уже отвернулся от союзников.

10. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ИОНИЧЕСКИЕ ОСТРОВА. КОНЕЦ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ АДМИРАЛА УШАКОВА

7 (19) января 1800 г. Ушаков, покинув Италию, пришел со своей эскадрой к о. Корфу. Военные действия русского флота в Средиземном море окончились.

Нелегко было на душе у адмирала. Он увидел, что заслуги его моряков и его собственные не оценены по достоинству. Не только в недостаточности наград, в небрежности и скупости правительства было дело. Изменчивая политика неуравновешенного, действовавшего порывами Павла I направлялась в 1800 г. уже по совсем иному руслу. Вчерашние друзья и союзники становились противниками, вчерашний враг понемногу превращался в союзника, и подвиги Суворова на суше и успехи Ушакова на Средиземном море постепенно утрачивали свое значение в глазах двора и правительственных сановников.

Если Павел оказался крайне скуп на награды для Ушакова, то он обнаружил большую щедрость по отношению к кардиналу Руффо, который со своей шайкой монархических бандитов, преданных святой единоспасающей католической церкви и династии Бурбонов, прославился неслыханными гнусностями, жестокостью и грабежом по отношению ко всем бывшим республиканцам. По-видимому, царь учуял что-то неладное в письме Ушакова, где в осторожных выражениях все-таки рекомендовалось прекратить, наконец, белый террор в Неаполе и где адмирал окольными путями давал почувствовать, что хорошо бы самому Павлу Петровичу написать об этом Фердинанду. А уж зато кардинал Руффо был в глазах царя выше всяких подозрений в мирволении к бунтовщикам. Поэтому, как бы в укор и в назидание Ушакову, царь пожаловал кар-

диналу Руффо и восторженный «всемилостивейший» рескрипт, восхвалявший его «подвиги», и орден Александра Невского, и звезду Андрея Первозванного, награду, выше которой не знала Российская империя. Вот только Нельсон, не постеснявшийся письменно выпрашивать у Павла высокой русской награды для Эммы Гамильтон, несколько опоздал со своим домогательством, так как царь очень уж стал сердиться на англичан. Иначе и Эмма тоже оказалась бы награжденной выше Ушакова за свои капитальные заслуги перед Российской империей, которые за ней, несомненно, открыли бы без малейшего труда, по первому мановению свыше, окружавшие царя Кутайсовы. То ли еще случалось при дворе Павла Петровича!..

Ушаков видел, что он и его экспедиция уже мало кого интересуют в Петербурге, и это его явно волновало и обижало.

Раздражали Федора Федоровича и турки своей вороватостью, полной бессовестностью в служебных отношениях, своими поползновениями приписать себе несуществующие заслуги. Возмущением и гневом проникнуто следующее письмо его к В. С. Томаре, откуда приводим характерные выдержки:

«...турки ни в каких работах нам не помогали, а на всех батареях, сколько их ни было в самое жестокое, худое, дождливое и грязное время, все работы проводили одни наши служители, великим числом находясь при оных беспрерывно. Они всякой день переделывали и починивали станки, леса доставали весьма в отдаленных местах, рубили и переносили их на себе, словом сказать, служители наши замучены были в беспрерывных работах, а турки были только зрителями: ни один из них ни за топор, ни за кирку, ни за лопатку не принялся. Служители мои все были ободраны: обувь и платье, все, так сказать, на них исчезло, на часть полученных денег купил я им капоты и обувь и тем сохранил их в здоровьи и они через то удержали батареи. Не низость ли начальников турецких вступаться и злословить нас таковыми неприличностями?

Кто взял Корфу кроме меня? Я честь им только делал и делаю для сохранения дружбы! Я с моим кораблем, не говоря уже о прочих, при взятии острова Видо подошел к оному вплоть к самому берегу и стал фертоинг против двух самых важных батарей, имеющих в печках множество приготовленных каленых ядер, на малый картечный выстрел от оных, и с помощью моих же нескольких фрегатов, около меня ставших, оныя сбил; защитил фрегат их, который один только и был близко батарей, и, не успев лечь фертоинг, оборотился кормою к батареям; прочие корабли мои фрегаты збили другие батареи, турецкие же корабли и фрегаты все были позади нас и не близко к острову; ежели они и стреляли на оный, то чрез нас и два ядра в бок моего корабля посадили с противной стороны

острова. Я не описал этого в реляции для чести Блистательной Порты, для сохранения и утверждения более и более между нами дружбы. Ежели Капитан-паша или другой турецкий начальник таким образом возьмут боем подобную крепость, как Корфу, что бы они с нее не взяли? Ежели бы они не интересовались и тогда ничего я бы им не оказал, кроме похвальбы их дела, и более еще имел бы с ними дружбы, но вместо этих денег, которые я употребил на покупку людям капотов и обуви. В острове Корфу на берегу, близко деревни Апотомо, у пристани соленых озер, были два превеликие бунта соли, покрытые черепицею, и одна магазина (sic! — *Е. Т.*) полнонасыпанная; турки расположились около их, сделали торг по приказанию начальников и всю соль распродали, я оставил им все это на их волю, в замену вышеозначенных денег; сия продажа соли более стоит, нежели те деньги, какие мне доставлены; словом, я не интересовался нигде ни одной полушкою и не имел надобности. Всемилостивейший государь мой император и его султанское величество снабдили меня достаточно на малые мои издержки. Я не живу роскошно, потому и не имею ни в чем нужды с моей стороны, и еще уделяю на расходы бедным и к приветствию разных людей, которые помогают нам усердием своим в военных делах; не имею этой низости,— как злословит меня Капитан-паша, потворствуя, можно сказать, человеку, действительно по справедливости долженствующему быть наказану наижесточайше».

Матросов и солдат Ушакова даже кормить сколько-нибудь сносно забывали. Еще перепадало кое-что тем его кораблям, которые были с ним с самого начала в экспедиции, вновь же пришедшие эскадры — Карцова и Пустошкина — не принимались во внимание. Ни припасов не присылали, ни денег, которые были необходимы для закупки провианта. «Союзники» тоже либо не выполняли в этом отношении своих обязательств, либо всячески норовили сократить поставки. Жизненный правдой дышит тот рапорт-жалоба, с которым Ушаков обратился к императору Павлу 27 апреля (9 мая) 1800 г. Никакие повествования не дадут читателю такой яркой и ясной картины, как этот документ. Вчитавшись в него, мы понимаем, почему Ушаков решился на такой шаг, который по тогдашним обстоятельствам таил в себе немало опасностей.

«Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. В рассуждении провианта надеялся я, что Блистательная Порта все эскадры будет довольствовать своим провиантом; но полученные мною ныне письмом из Константинополя полномочный министр кавалер Томара уведомляет, что Порта одну только эскадру, которая под моим начальством прошла через Константинопольский пролив, довольствует, а эскадры

вице-адмиралов Пустошкина и Карцова, полагает, должно быть, продовольствием не на ее содержании и отпуску ко мне провианта на них не полагается. По сие время же находящиеся в отдалении от меня эскадры довольствовались провиантом, состоявшим на них при отправлении из Корфу, а затем, по недоставлении к ним, покупали на эскадры: вице-адмирала Пустошкина в Ливорно, на фрегаты, при Анконе находящиеся, в Триесте, на фрегаты же, при Неаполе состоящие, получают из Неаполя да и я в бытность мою с эскадрами в Мессинии и в Неаполе, как и прежде всеподданнейшим рапортом от меня донесено, небольшое количество провианта получил от неаполитанского правительства и на их ли счет оной или должны будем мы заплатить, как положено будет, мне неизвестно. Ныне же провиантом довольствуются эскадры, от меня снабжаемы, тем только, которой я получаю от Блистательной Порты обще с тем, который в прошлом году прислан был из черноморских портов. Сего весьма было бы не достаточно, но как от Порты неполное число ко мне провианта доставлялось и долго привозу его не было, потому оставалось некоторое количество в заслуге служителям и на деньщиков штаб- и обер-офицерам, ибо они натурою провианта не получают; сие количество частью и способствовало к продовольствию других эскадр, но чрез то служителей заслуженной ими провиант и офицеров за деньщиков по окончании кампании должно будет удовольствовать деньгами по расчету сколько им следовать будет».

Хуже всего было то, что эскадру оставили буквально на произвол судьбы, то есть расхитили отпущенные на нее средства и истребили, заметая следы воровства, всякие документы, по которым можно было бы доискаться до истины: «Ныне же, ежели эскадры возвращением к своим портам замедлятся и долго пробудут в здешнем краю, провиант на них к продовольствию откудова получать предписание не имею, равно и три гренадерские батальона, под командою князя Волконского третьего состоящие, довольствуются провиантом выдачею им сухарей и крупы от меня же из получаемого от Порты, и об них на продовольствие провиант откудова получать повеления не имею и впредь чем довольствовать провианта у меня будет недостаточно, также и деньги на покупку оного в отпуск ко мне не положено; деньги на покупку провиантов и на исправление кораблей задерживаются из сумм, какие у меня случаются по кредитивам из Константинополя, переводимые из получаемых полномочным министром Томарою от Блистательной Порты и частью из переводимых же на жалованье служителям, через что, не имея потребного количества наличных денег, выдачи служителям жалованья за многое уже время не было.

Надлежащих же верных отчетов по отдаленности от меня эскадр до соединения их со мною по разным обстоятельствам сделать невозможно и все счеты о издержках сделаны будут по соединении со мною.

А между тем денег в немалом количестве на разные потребности будет весьма недостаточно. Заимствуюсь я из разных мест по тем же кредитивам, но и по оным из отдаленных мест получать средств не имею. Осмеливаюсь всеподданнейше просить ваше императорское величество о высочайшем повелении, откудова провиант получать должно на эскадры вице-адмиралов Пустошкина и Карцова и на батальоны гренадерские, под командою князя Волконского третьего состоящие, и о денежной казне на экстраординарную сумму на исправление и снабжение эскадр многими потребностями, которые по необходимости в разных местах частию покупаются. Такелаж и прочие припасы и материалы ожидаются в доставление из черноморских портов»[52].

Таково было снабжение ушаковских моряков в их долгом боевом походе...

Если бы не островитяне Корфу, Занте, Церигo, Кефалонии, восторженно встретившие вернувшуюся к ним из Италии русскую эскадру, то продовольственное положение русских моряков и солдат было бы критическим.

С 7(19) января до 6(18) июля 1800 г. Ушаков пробыл на Корфу. Эти месяцы были периодом сплошного триумфа. «Спасителю всех Ионийских островов» — значилось на медали с портретом Ушакова, которую выбили на о. Кефалония. В многочисленных грамотах (от о. Занте и других) восхвалялись дела русского флотоводца, выражалась ему благодарность за великодушие и за избавление населения от иноземных завоевателей.

Таким же триумфальным было возвращение Ушакова через Константинополь в Черное море. Султан лично благодарил Ушакова. Английский представитель и другие посланники явились к адмиралу на корабль с визитом.

Довольно долго пробыв в Константинополе, Ушаков в конце октября 1800 г., т. е. через четыре с половиной месяца после выхода с о. Корфу, привел эскадру в Севастополь.

11. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СЛУЖБЫ, ОТСТАВКА И СМЕРТЬ АДМИРАЛА УШАКОВА

На этом и окончился в сущности славный боевой путь Ушакова.

Хотя Мордвинов уже не был во главе Черноморского флота к моменту возвращения Ушакова из Средиземноморской экспе-

диции, но от этого ни Черноморскому флоту, ни Ушакову легче не стало.

Главным командиром Черноморского флота (или, как тогда говорили, «Черноморских флотов» — корабельного и гребного) вместо Мордвинова был назначен адмирал Виллим Фондезин. Этих Фондезинов было двое, и известны они были во всем флоте по крылатому слову хорошо разбиравшейся в людях Екатерины II: «тот виноват перед отечеством, кто обоих Фондезинов в адмиралы ввел»[53]. Фондезин ненавидел Ушакова почти так же, как Мордвинов, и по той же причине: по обычной вражде завистливой бездарности к таланту.

С прибытием в Черное море Ушаков по существу оказался не у дел. Мы уже не видим его ни командующим флотом, ни старшим членом Черноморского адмиралтейского правления. Единственным его занятием является сдача хозяйственных и денежных отчетов и дел по экспедиции и тягостные канцелярские сношения с тыловыми органами флота. На этой работе его застает смерть Павла.

С началом нового царствования во главе морского управления снова оказались враги Ушакова. Мордвинов, назначенный в 1802 г. сперва вице-президентом Адмиралтейств-коллегии, а затем и морским министром, поспешил выжить Ушакова с Черноморского флота. В том же году Ушаков был переведен на береговой, не имевший военного значения пост главного командира гребного флота и начальника флотских команд в Петербурге.

Талантливые деятели стали не нужны, высшие посты в руководстве и управлении флотом оказались в руках Мордвиновых, Фондезинов, Траверсе и им подобных бюрократов и царедворцев.

Но хуже всего было то, что как раз в это время, в первые годы царствования Александра, в русских правящих сферах одерживает верх мнение о малой полезности флота для России вообще. Традиция заветов Петра Великого, поддержанных с таким блеском во второй половине XVIII столетия Спиридовым, Грейгом, героями Чесменской экспедиции, блестящими подвигами Ушакова сначала в Черном море, а потом в Средиземном,— эта традиция, на которую не посягал даже взбалмошный, неуравновешенный Павел, начинает при Александре тускнеть и забываться. Многое этому способствовало. Из развертывавшихся в Европе грандиозных событий в Петербурге делались такие скороспелые выводы: у Англии первоклассный флот, а что она сделала? Ничего она не может поделать против Бонапарта, у которого флот плох, но зато сухопутная армия превосходна. Россия — не морская держава,— и не флот, а армия спасет ее от опасности и т. д.

Император Александр, которго льстецы считали компетентным в руководстве и организации сухопутной армии единственно по той причине, что он абсолютно ничего не понимал в морском деле, создал в 1802 г. Особый Комитет по образованию флота, и уже в самом названии этого учреждения и в наказе ему заключалась вопиющая, несправедливая, презрительная мысль, якобы флота у России вовсе нет: наказ повелевал Комитету принять меры «к извлечению флота из настоящего *мнимого* его существования к приведению оного в *подлинное бытие»*. Председатель Комитета, дилетант в морском деле, Александр Романович Воронцов полагал, что России вовсе не нужно быть сильной морской державой: «в том ни надобности, ни пользы не предвидится». Тот же Воронцов весьма авторитетно заявлял Александру: «Посылка наших эскадр в Средиземное море и другие дальние экспедиции стоили государству много, делали несколько блеску и пользу никакой».

Опровергнуть эту явную ложь Ушакову ничего бы не стоило. Освобождением и управлением Ионических островов (вплоть до 1807 г., когда в Тильзите Александр I уступил Наполеону эти острова) Россия приобрела опорный пункт на Средиземном море, очень повысила свой престиж среди всех прибрежных держав, а также среди греков и славян Балканского полуострова, и снискала себе не *«несколько блеску»*, а большую славу, которая держалась долго и была тем *«невесомым»*, но реальным приобретением, теми моральными «imponderabilia», «невесомостями», которыми самые трезвые, самые реальные дипломаты вроде Наполеона I, вроде Бисмарка, вроде А. М. Горчакова всегда очень и очень дорожили. Ложью было и утверждение о том, что экспедиция в Средиземном море «дорого стоила»: Ушаков мог бы ответить Комитету, что он не потерял во время этой эспедиции ни одного корабля, ни от врагов, ни от бурь, а еще добыл трофеи: шестнадцать судов и галер противника (среди которых были один линейный корабль и один фрегат). Людские потери, считая с ранеными (составлявшими подавляющее большинство), были равны 400 чел. За это время на Ионических островах и в Южной Италии, а также близ Анконы — двенадцать крупных и мелких укреплений, считая тут и первоклассную крепость (точнее две крепости) на о. Корфу, были взяты штурмом и осадой. Если Александр Павлович пожалел, повинуясь своему чувствительному сердцу, 400 человек, выбывших из строя у адмирала Ушакова, то почему же он ни в малейшей степени не пожалел, например, двадцати тысяч русских солдат, убитых и раненых в один только день 8 февраля 1807 г. на кровавом поле побоища под Прейсиш-Эйлау во время долгой войны, затеянной во имя спасения прусского короля Фридриха-Вильгельма III, который, спустя пять

лет, в качестве верного союзника Наполеона посылал своих пруссаков грабить Россию?

Но ни в 1802 г., ни в 1807 г., ни позже Ушаков этих вопросов не задал и не мог задать царю по той простой причине, что в высшие сферы он не был вхож, и, например, в Комитет А. Р. Воронцова приглашен вовсе не был. Но зато в этот Комитет были приглашены Мордвинов, и Виллим Фондезин, и тому подобные лица. Еще получше других из членов этого Комитета, пожалуй, был П. В. Чичагов, позднейший злополучный (и в самом деле приводивший много аргументов в свое оправдание) виновник или один из виновников удачи Березинской переправы Наполеона, герой знаменитой крыловской басни «Щука и кот».

Все эти члены Комитета, которым уже никак не привелось самим снискать для России «несколько блеску», не сочли нужным пригласить в свою среду знаменитого адмирала, овеянного славой многих блестящих подвигов.

Нужно ли удивляться, что, как только Н. С. Мордвинов стал министром «морских сил», карьера Ушакова немедленно окончилась. Его выжили сейчас же: он, великий флотоводец, морской Суворов, создатель новой тактики *корабельного* флота, был назначен начальствовать *гребным* флотом, уже заканчивавшим свое существование, и береговыми командами в Петербурге, а на принадлежавшее ему по праву место командующего Черноморским флотом был назначен французский эмигрант, один из тех ничтожных трусов, попрошаек и авантюристов, которых прикармливал русский двор с первых же лет французской революции,— маркиз де Траверсе. Именно этот тип и был впоследствии многократно изображен Салтыковым-Щедриным в образе французского эмигранта маркиза Сакрекокэн-соломенные ножки и т. п.

Сначала этот пошлый и абсолютно бездарный проходимец, бивший по щекам старых инвалидов, разорял Черноморский («ушаковский») флот, а впоследствии Александр I, на которого почему-то маркиз де Траверсе производил самое отрадное впечатление, дал ему возможность, в качестве министра, разорять уже и весь русский флот в полном составе.

Глубоко обиженный и болезненно затронутый пренебрежением к флоту вообще и явным забвением его заслуг в частности, Ушаков еще четыре года оставался на службе.

На глазах Ушакова шел процесс разложения и упадка флота, обреченного на бездействие. Началось все возрастающее в ущерб морской службы увлечение солдатской строевой муштрой, плавания почти прекратились, постройка новых кораблей замерла. С материальным упадком флота началось и его моральное разложение.

Бессильный помешать этому, Ушаков в конце 1806 г. подал в отставку, написав в своем прошении о ней не только о «телесной», но и «душевной» болезни.

Документация, касающаяся отставки Ушакова, так по-своему интересна, что мы считаем уместным познакомить с ней читателя.

19(31) декабря 1806 г. Ушаков подал в отставку, и спустя две недели, 2(14) января 1807 г., Александру был представлен следующий доклад товарища морского министра П. В. Чичагова:

«Балтийского флота адмирал Ушаков в поданной на высочайшее вашего императорского величества имя просьбе объясняет, что, находясь в службе 44 года, продолжал оную беспорочно, сделал на море более 40 кампаний, две войны командовал Черноморским линейным флотом против неприятеля и был во многих сражениях с пользою; ныне же при старости лет своих отягощен душевной и телесной болезнию и опасается по слабости здоровья быть в тягость службе, посему и просит увольнения от оной, присовокупляя к тому, что он не просит награды, знатных имений, высокославными предками вашими за службу ему обещанных, но останется доволен тем, что от высочайшей милости и щедроты определено будет на кратковременную его жизнь к пропитанию. В службе состоит оной Ушаков с 1763 года, в нынешнем чине с 1799 года, жалованья получает в год по 3600 рублей и постольку же столовых» [54].

Александр не то смутился, не то просто заинтересовался этим прошением знаменитого флотоводца, проникнутым такой горечью и явной обидой, и велел морскому начальству узнать у Ушакова, как сообщил последнему Чичагов, «в чем заключается душевная его болезнь, дабы его величество мог сделать что-либо к его облегчению» [55].

Ушаков 12 (24) января ответил Чичагову: «Вследствие милостивого благоволения его императорского величества, в письме вашего превосходительства мне объявленном, о узнании подробнее о душевной болезни моей, во всеподданнейшем прошении о увольнении меня при старости лет за болезнию моею от службы упомянутой, всеподданнейшее свое донесение его императорскому величеству при сем представить честь имею, всепокорнейше прошу ваше превосходительство представить его всемилостивейшему государю императору и не оставить вашим благоприятством по моему прошению, от 19 декабря (ст. ст.— *Е. Т.*) минувшего 1806 года писанному, в каковой надежде, имею честь быть с совершенным почтением и преданностью» [56].

При этом препроводительном письме Ушаков направил императору Александру следующий ответ: «Всемилостивейший государь! В письме товарища министра морских дел объявлено

мне: вашему императорскому величеству в знак милостивого благоволения благоугодно узнать подробнее о душевной болезни моей, во всеподданнейшем прошении о увольнении меня при старости лет за болезнью моею от службы упомянутой.

Всеподданнейше доношу, долговременную службу мою продолжал я от юных лет моих всегда беспрерывно с ревностью, усердием и отличной и неусыпной бдительностью. Справедливость сего свидетельствуют многократно получаемые мною знаки отличий, ныне же по окончании знаменитой кампании, бывшей на Средиземном море, частию прославившей флот ваш, замечаю в сравнении противу прочих лишенным себя высокомонарших милостей и милостивого воззрения. Душевные чувства и скорбь моя, истощившие крепость сил, здоровья, богу известны — да будет воля его святая. Все случившееся со мною приемлю с глубочайшим благоговением. Молю о милосердии и щедроте, повторяя всеподданнейшее прошение свое от 19 декабря минувшего 1806 г.» [57]

Александр этим удовольствовался, и 17 (29) января 1807 г. последовало «высочайшее повеление» императора Александра I «об увольнении от службы адмирала Ф. Ф. Ушакова»:

«Балтийского флота адмирал Ушаков по прошению за болезнью увольняется от службы с ношением мундира и с полным жалованием» [58].

Так окончилась долгая и многотрудная служба родине знаменитого русского адмирала. У императора Александра Павловича проявилось в данном случае в идеальной полноте то качество, которое впоследствии поэт Гейне приписывал монархам вообще, иронически называя его «истинно царственной неблагодарностью». Позднее так же безобразно обошелся царь и с Д. Н. Сенявиным.

Ушакову суждено было прожить еще десять лет после отставки. Доживал он свой славный век в тиши деревенского уединения, забытый двором и великосветским обществом. Только на флоте еще вспоминали о человеке, который, возвеличив русский морской флаг, где-то там, в глубине России, никнет «в тишине главою лавровой», как говорил о подобных ему героях Пушкин. Смерть пришла в 1817 г.

Своими подвигами на Черном море Ушаков закрепил преобладание там юного русского флота. Ему же суждено было провести русский флот через Дарданеллы и Босфор и спустя 28 лет после Чесмы проникнуть в Средиземное море, покрыв и здесь славой русский морской флаг. Это второе появление русского флота в Средиземном море было с чисто военной точки зрения не менее славным, чем первое.

Боевые подвиги Ушакова, его моряков и солдат, освободивших Ионические острова от французских захватчиков, принесли населению этих островов совсем неслыханное для тех времен самоуправление. В Южной Италии Ушаков и его подчиненные вели себя далеко не так, как это было бы по нраву императору Павлу, имевшему уже в 1798—1799 гг. все типичные черты «жандарма Европы». Ушаков и его моряки и солдаты воевали с блестящим успехом против французских военных захватчиков, которые смотрели и на Ионические острова, и на Италию исключительно как на богатую колонию для французской крупной торгово-промышленной буржуазии, потому что во внешней политике Директории на Апеннинском полуострове к тому времени уже ничего революционного не оставалось: эра захватнических войн Бонапарта началась в 1796—1797 гг., а в 1799 г. Наполеон уже стал полным диктатором Франции и продолжал в грандиозных масштабах свои агрессии. Южноитальянское крестьянство смотрело на французов не как на освободителей, но как на грабителей. Это не значит, конечно, что правление неаполитанских Бурбонов не было еще гораздо хуже и реакционнее, чем верховенство французской Директории и ее военных агентов.

Воевать с неаполитанскими либералами, помогать палачам Фердинанда, королевы Каролины и Эммы Гамильтон, вешать неаполитанских «якобинцев» ни Ушаков, ни его подчиненные, в полную противоположность обнаружившему такую жестокость Нельсону, не пожелали. Наоборот, они делали, что только было в их силах, чтобы спасти этих несчастных, как это было ими гораздо более успешно проделано уже раньше в отношении греческих «якобинцев» на Ионических островах. Но была огромная разница в положении: на Ионических островах хозяином был Ушаков, а в Неаполе — Нельсон...

В морской истории России обе экспедиции — и первая (1769—1774 гг.), окончившаяся славными победами в Архипелаге, и вторая, ушаковская (1798—1800 гг.), ознаменованная столь большими военными успехами на Ионических островах,— имеют огромное значение.

Моряки внушительно продемонстрировали перед лицом всего мира, что русский народ ничуть не считает Средиземное море ни французским, ни неаполитанским, ни испанским, ни турецким, ни английским озером.

Ушакова, несмотря на его вспыльчивый нрав, несмотря на требовательность в делах службы и строгую дисциплину, очень любили и офицеры и матросы. Он зорко охранял интересы матросов от высших, средних и малых «комиссионеров», заведовавших доставлением продовольствия, и вообще от разнообразных хищников, наживавшихся на матросских пайках.

Ушаков очень заботился также о морских госпиталях и о подаче медицинской помощи экипажам. Его моряки знали хорошо, как он за них воюет с сильными мира сего, какие бумаги он им пишет, как он ни перед какой грозящей неприятностью, ни перед каким риском порчи важных отношений не останавливается, если дело идет о том, чтобы его матросы не болели на Средиземном море полярной цингой только потому, что кто-то в Севастополе или Константинополе крадет деньги, отпущенные на продовольствие. Сквозь маску сдержанного, хотя изредка и вспыльчивого, требовательного к себе и к другим начальника и матросы и офицеры сумели разглядеть благородного, справедливого и прежде всего великодушного человека, умеющего взыскивать, но умеющего и прощать. Свои великие таланты и заслуги перед родиной он скорее недооценивал, чем преувеличивал, но его болезненно оскорбляло то «презренных душ презрение к заслугам», от которого ему приходилось так долго страдать в обстановке морской бюрократии того времени.

Ушакова оценили в России по достоинству только в нынешнее, советское время, когда его именем назван один из высших орденов страны. Его боевые подвиги, его флотоводческое искусство, в котором он опередил Нельсона, его заслуги перед родиной занимают одно из виднейших мест в военной истории нашего государства, которую мы бережно храним и тщательно изучаем.

Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805-1807)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Покрывшая новой славой русский флаг экспедиция Д. Н. Сенявина в Средиземном море была прежде всего вызвана очень обдуманным и правильным стремлением России обеспечить надежную оборону черноморских берегов от явно угрожающего им в более или менее близком будущем нападения французских военно-морских сил. Руководимая Наполеоном внешняя политика французской крупной буржуазии устремлялась к установлению французского экономического и политического верховенства в Константинополе и к постепенному захвату турецких левантийских владений. После того как под давлением англичан Наполеону пришлось отказаться от упрочения своей власти в почти уже завоеванном им Египте, французская империя рассматривала занятые ею Ионические острова и южноитальянские владения как главную базу будущих военных предприятий против Турции, которую предполагалось заставить войти в союз, т. е. в полное подчинение Франции, и тем самым открыть Наполеону доступ в Черное море и южную Россию.

Таким образом, Д. Н. Сенявину в 1806 г. поручалась высокая и крайне важная миссия, имевшая по существу чисто обо ропительную цель.

Д. Н. Сенявин достиг этой цели. Турки потерпели ряд поражений на море, французы потерпели в свою очередь поражения на западном берегу Балканского полуострова, причем русские победы показали славянам, действовавшим в союзе с русскими, что они и в будущем могут рассчитывать на дружбу и помощь России. Но извлечь всю пользу из подвигов Сенявина, его моряков и солдат не удалось, потому что в это самое время на севере совершенно независимо от войны на Средиземном море велась ожесточенная война русских войск против главных сил Наполеона, и кровопролитные бои — при Пултуске, при Прейсиш-Эйлау, при Гейльсберге, при Фрид-

ланде — следовали один за другим. Александр I принужден был заключить Тильзитский мирный договор, по которому все, что удалось сделать Сенявину и его доблестному воинству, пришлось уступить французам.

О том, что творится в Пруссии, и о самом подписании Тильзитского мира Сенявин узнал лишь после того, как все было окончено. А после Тильзитского мира ему предписывалось уже смотреть на французов как на союзников, а на англичан как на врагов.

На основании неизданных и даже никем не использованных документов нашего советского архива Внешней политики России мы в конце своего исследования рассказываем, как Сенявину, оказавшемуся не только замечательным флотоводцем, но и недюжинным дипломатом, удалось спасти свою эскадру от потопления ее англичанами.

Как и Ушаков, Сенявин тоже не дождался полного признания своих великих патриотических заслуг от царского правительства. Но в советские времена память обоих знаменитых адмиралов высоко чтится нашим народом, впервые приобщившимся к основательному знакомству с русской историей.

Для советских моряков имена этих русских морских героев являются особенно почитаемыми и любимыми.

Экспедиция Д. Н. Сенявина — третье победоносное появление русских вооруженных сил в Средиземном море. Поход Орлова — Спиридова, окончившийся уничтожением турецкого флота под Чесмой и четырехлетним господством русского флага на Архипелаге, не менее победоносный поход Ушакова, освободившего Ионические острова и прославившего русский флот штурмом и взятием Корфу, наконец, поход Сенявина с его сухопутными и морскими победами — все эти исторические деяния, которые старались сначала извратить, а потом просто замолчать английская, французская, итальянская, германская историография,— имели своим результатом зарождение и укрепление дружеских чувств не только среди балканских славян, но и среди греков к далекому от них географически, но близкому им по их симпатиям русскому народу. Кроме того, эти экспедиции успели создать в военно-морских и дипломатических кругах определенную традицию, пробудили в России интерес к экономическим и культурным связям со странами Леванта.

Все три экспедиции имеют большое значение и для морской, и для дипломатической истории России. Д. Н. Сенявин участвовал и во второй, и в третьей. В качестве главнокомандующего он выступил на историческое поприще в самостоятельной роли в третьей экспедиции, истории которой специально и посвящена эта работа.

Совершенно неправильно было бы, конечно, думать, будто у Сенявина на Средиземном и Адриатическом морях была какая-то своя политика, отличная от политики Александра. Цель основная была одна: противиться установлению наполеоновского засилья на турецком Леванте, уже фактически укрепившемуся влиянию Франции в Константинополе, захватнической политике наполеоновской империи (маршал Мармон) и уже всецело порабощенной Наполеоном Италии (вице-король Италии Евгений Богарне); противиться установлению французского господства на Адриатическом море и на западном берегу Балканского полуострова — в Боко-ди-Каттаро, в Рагузе (Дубровнике), в Черногории,— помогая славянам отстаивать свою независимость от французского завоевателя и усиливая, таким образом, русское влияние среди балканских народов.

Но в ходе борьбы за эту основную цель были моменты, когда в общей политике русской дипломатии, ведшей трудную и опасную борьбу с Наполеоном, обнаруживались (и не могли не обнаруживаться) колебания, нерешительность,— и тогда Сенявин, ведший борьбу против французов и турок на далеком от главной арены войны участке, борьбу, в которой он имел блестящие успехи и на море и на суше, старался по мере своих сил и возможностей отдалять те шаги русской дипломатии, которые, по его мнению, и предпринимались слишком поспешно, и влекли за собой последствия слишком уж тяжелые для внешнеполитической позиции России.

Так, когда, еще не изжив последствий аустерлицкого сражения, Александр, видя летом 1806 г. лукавую, тайно враждебную России, виляющую политику Австрии, очень нехотя согласился отправить во Францию своего представителя Убри и тот заключил с Талейраном (в виде предварительного проекта) мирные условия, по которым сводились к нулю все успехи русского флота и русского отряда, а Наполеон фактически оказывался владыкой Адриатического моря и западной части Балканского полуострова,— Сенявин имел достаточно проницательности, чтобы усомниться в том, захочет ли Александр, несмотря на свои опасения и упадок духа, ратифицировать подобный договор; вместе с тем русский адмирал имел и достаточно мужества всячески задерживать исполнение казавшихся ему вредными условий (именно с точки зрения основной цели, о которой сказано выше). И ему был сужден блестящий успех: Александр действительно отказался ратифицировать договор Убри и начал новую войну с Наполеоном, на этот раз в союзе с Пруссией.

Второй случай. В возобновившейся войне после страшных побоищ при Прейсиш-Эйлау и Фридланде 25 июня (7 июля

нов. ст.) 1807 г. Александр вынужден был заключить невыгодный Тильзитский мир. Одним из условий этого мира являлась уступка Наполеону всех Ионических островов и всего, что он требовал на Адриатическом море и на Балканах. Наполеон становится союзником царя, и Александр требует, чтобы Сенявин выполнял отныне все приказы французского императора. Сенявин должен, конечно, повиноваться, но при этом он находит возможность избежать напрасного пролития русской крови и не дать англичанам случай пустить ко дну русскую эскадру. Конечно, Наполеон недоволен Сенявиным, но и Сенявин и его офицеры прекрасно понимали, что русскому-то царю сердиться особенно нечего за неповиновение Наполеону. Таков был характер мнимого «конфликта» между царем и Сенявиным. Никакого «конфликта» в сущности тут не было.

Чем руководился Сенявин в своих поступках еще до получения известий об отказе Александра ратифицировать договор Убри? Да тем самым чувством, в котором в это самое время откровенно признался и русский посол в Лондоне граф Строганов: «*Я боюсь выйти из границ, для меня обязательных, но я не могу удержать моего негодования, когда, чувствуя в моих жилах настоящую русскую кровь, я нахожусь вынужденным разделять стыд, падающий на каждого соотечественника.* Ведь вы знаете, барон (письмо направлено Будбергу, в министерство иностранных дел 17 (29) июля 1806 г. — *Е. Т.*), что у нас, что бы ни говорили несведущие иностранцы, существует общественное мнение, и мы очень щепетильны во всем, что касается национальной чести».

Строганов признавался, что ему *отвратительно* заниматься делами, после того, как он узнал о «договоре Убри»[1]. То же оскорбленное чувство русского патриота руководило и Сенявиным в его поведении относительно выполнения договора Убри. Но ведь и сам царь не пожелал ратифицировать договор, уже подписанный Убри.

Чтобы еще лучше разобраться в «конфликте» между Сенявиным и царем, необходимо поглубже вдуматься в общую политическую обстановку, в которой развивались описываемые события. Война Наполеона с Россией отнюдь не окончилась после Аустерлица и немедленно последовавшего за этой катастрофой крушения третьей коалиции. Россия продолжала трудную борьбу. Единственной великой державой, не принимавшей пока участия в военных действиях против Наполеона и имевшей нетронутую сухопутную армию, оказывалась Пруссия. И когда наступило лето 1806 г., русской дипломатии пришлось считаться с угрозой полной изоляции. С одной стороны, Наполеон всеми способами стремился принудить Пруссию к союзу с Францией, маня ее обманными посулами и обещаниями от-

дать ей Ганновер, с другой стороны, британское правительство уполномочило лорда Ярмута вести, пока еще неофициально, переговоры с Наполеоном об условиях, на которых можно было бы надеяться заключить мир.

Если бы все эти французские планы удались, перед Россией была перспектива продолжать войну в несравненно худших условиях, чем в 1805 г. Таковы были обстоятельства, заставившие Александра предпринять попытку заключения мира.

Оттягивая выполнение невыгодных для русской политики условий этого мирного договора, Сенявин делал именно то, что если не формально, то реально соответствовало желаниям царя, отказавшегося в конце концов ратифицировать договор, заключенный Убри.

Приведем теперь и другой пример того, как надо понимать поведение Сенявина после заключения Тильзитского договора. Нам хорошо известно, какой взгляд на Тильзитский договор установился в России непосредственно после его опубликования и в широких кругах дворянства, и в купечестве, ведшем экспортную торговлю, и среди офицерства русской армии. Тильзитский мир считался не только невыгодным и разорительным по своим последствиям, но и постыдным. Считалось, что Наполеон насильем принудил Александра к подписанию или, как выразился Пушкин, Наполеон «с миром и с позором перед юношей царем в Тильзите предстоял». Как мог славный флотоводец, прямой продолжатель великого Ушакова, отнестись к тем статьям Тильзитского договора, которые отдавал Наполеону все Ионические острова и сводили к нулю все плоды русских побед на Средиземном море и Адриатическом побережье? Конечно, приходилось подчиняться и уходить. Но когда вдобавок еще оказывалось, что, согласно царскому повелению, Сенявин со своей эскадрой отныне обязан будет беспрекословно повиноваться повелениям императора Наполеона, который *внезапно стал* другом и союзником русского царя, то вполне естественно, что Сенявин сделал все от него зависящее, чтобы, насколько возможно, уклониться от выполнения этого возложенного на него тяжкого обязательства.

Разумеется, если бы Сенявин сколько-нибудь явственно, сколько-нибудь демонстративно осмелился обнаружить свое нежелание подчиняться требованиям Тильзитского трактата, то он этим не только поставил бы Александра в очень трудное и прямо опасное положение перед лицом французского императора, но и лично рисковал бы за такое дерзкое беззаконное неповиновение «монаршей воле» пойти под военный суд. Но тут-то в труднейших условиях Сенявин и проявил всю тонкость своего ума. На бумаге он заявил о полной своей готовности согласно приказу царя подчиняться всем повелениям

Наполеона. Этим он избавлял Александра от опасных нареканий и претензий «союзника». А на деле он повел себя так, что спас от гибели и экипаж и эскадру, взяв всю ответственность на себя и, таким образом, не поссорив обоих императоров.

Таковы необходимые предварительные общие замечания, объясняющие истинную природу видимых «разногласий» между Александром и Сенявиным.

Материалами для настоящей работы послужили: документы Центрального государственного архива Военно-Морского Флота в Ленинграде (ЦГАВМФ) и Архива внешней политики России в Москве (АВПР), воспоминания и письма непосредственных участников экспедиции, прежде всего записки близко стоявшего к адмиралу Броневского, затем Панафидина и Свиньина.

Записки В. Броневского занимают совсем особое место: Сенявин давал ему возможность читать и использовать ряд документов, которые либо не были отданы в адмиралтейство по той или иной причине, либо затерялись. Броневский описывает военные действия не только с согласия, но и с одобрения адмирала. Он уверенно говорит о планах и соображениях адмирала, которые Сенявин не хотел почему-либо изложить в официальных рапортах. Записки Броневского восполняют некоторые не дошедшие до нас официальные документы.

Иностранные материалы ничтожны и количественно и качественно. Конечно, Correspondance Наполеона, воспоминания и письма маршала Мармона (герцога Рагузского) не могли быть обойдены, но читатель в своем месте удостоверится, как мало можно доверять, например, пристрастным и просто лживым, сознательно извращающим очевидные факты показаниям хотя бы того же Мармона.

Что касается русской литературы, то она дает общий очерк жизни и деятельности Сенявина, а экспедиции 1805—1807 гг. посвящена лишь небольшая часть работ. Все работы, как общие, так и (очень немногие) посвященные специально Средиземноморской экспедиции, излагают прежде всего военно-морскую сторону дела.

Автора же предлагаемой работы интересовал не только Сенявин-адмирал, но также и Сенявин-дипломат. Мы видим его не только в вооруженной борьбе с турками и французами, но и в борьбе дипломатической с турками, французами, австрийцами, англичанами. А наблюдавшие его подчиненные справедливо утверждали, что обстоятельства этой борьбы были неслыханно трудными и сложными, такими, при которых даже профессиональный дипломат мог растеряться и запутаться. Эта сторона деятельности Сенявина очень недостаточно освещена в небольшой имеющейся о нем русской литературе.

Что же касается иностранной литературы о сенявинском походе, то там, где о русском адмирале мельком заходит речь, мы встречаемся либо с абсолютным невежеством, либо с самой бесцеремонной ложью. В дальнейшем мы приводим, в качестве типичного образчика, относящееся к Сенявину курьезное по лживости место из двадцатитомной тьеровской «Истории Консульства и Империи».

Но Тьер, враждебный Сенявину и извращающий его образ, говорит все-таки о нем. Другие французские и английские историки игнорируют даже его имя и всю эту Одиссею подвигов сенявинских моряков и солдат. Тут, безусловно, играет роль не одно только невежество, но и сознательное замалчивание, та самая характерная черта западноевропейской историографии, которую мы уже имели случай отметить в другом месте, в работе, посвященной действиям *Ушакова в 1798—1800 гг.*

Наряду со свидетельствами официальных архивных документов мы даем много места русской мемуарной неизданной, а также и изданной документации. Французская, английская, немецкая документации игнорируют действия Сенявина. Приведем хотя бы один новейший пример. Курьезная, типично фальсификаторская, истинно дилетантская статейка Л. де Войнович в журнале «La Révolution française» (1937, № 11) претенциозно названа: «Французская революция, рассматриваемая с Адриатического моря». В ней периоду 1797—1808 гг. отведено ровно две страницы, на коих *даже не упоминается* имя Сенявина, и ни единого звука вообще нет о русской экспедиции 1805—1807 гг. Но зато «оказывается», что и Рагуза и Далмация стали свободны и тогда, и всегда, и в 1808 г. только благодаря французам и Франции... Больше на литературе, подобной этому образчику, не стоит и останавливаться.

На советской историографии лежит долг попытаться восполнить этот пробел и ознакомить читателя с замечательной страницей в истории русских вооруженных сил, действовавших на Средиземном море, и с личностью высокоталантливого моряка, достойного представителя героической плеяды, начинающейся с соратников Петра I, продолжающейся Спиридовым и Ушаковым и далее Корниловым, Нахимовым и Макаровым.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЖИЗНИ И СЛУЖБЫ

Дмитрий Николаевич Сенявин происходит из старой русской морской семьи. Морская служба Сенявиных начинается почти одновременно с появлением русского регулярного военного флота. Уже в 1697 г. Петр I сообщает князю Ромадановскому, что на голландском корабле ходит русский человек Иван Акимович Сенявин. При Петре он служил в чине боцмана, а к концу жизни стал контр-адмиралом. С честью служил тогда же во флоте, создаваемом Петром, и брат его, капитан Наум Акимович. Командуя отрядом кораблей, он 24 мая 1719 г. разбил шведскую флотилию близ острова Эзель, причем взял в плен один линейный корабль (52 пушки), один фрегат (34 пушки) и одну бригантину (12 пушек) с экипажем в 376 нижних чинов и 11 офицеров. Кончил он жизнь вице-адмиралом. С большим блеском и постоянными успехами служил и сын его Алексей Наумович, ставший к концу жизни полным адмиралом.

Дмитрий Николаевич родился в 1763 г., и, конечно, никаких не могло быть сомнений относительно его будущей карьеры. Как это Сенявин будет не во флоте?

Едва исполнилось Дмитрию десять лет, как случилось, по его словам, следующее: «Батюшка сам,— пишет он,— отвез меня в Морской корпус, прямо к майору Г-ву; они скоро познакомились и скоро подгуляли. Тогда было время такое, без хмельного ничего не делалось. Распрощавшись меж собою, батюшка сел в сани, я поцеловал его руку; он перекрестил меня и сказал: „Прости, Митюха! Спущен корабль на воду, отдан богу на руки: Пошел!“ — и вмиг с глаз скрылся».

Сначала мальчик учился плохо, шалил, ровно ничего не делал, подвергался жестоким наказаниям, очень мало на него действовавшим. Но вот его дядя, капитан 1 ранга Сенявин, узнал о его «подвигах» и, как выражается Дмитрий Николаевич, при-

нял в нем участие: пригласил к себе, «кликнул людей с розгами, положил меня на скамейку и высек препорядочно, прямо как родной, право, и теперь-то помню, вечная ему память и вечная ему благодарность». Но после этого он разъяснил мальчику, какое поприще пред ним откроется, если он с успехом окончит курс в Морском корпусе, «обласкал» его, но и пригрозил дальнейшим своим «участием». А тут еще скоро прибыл из похода старший брат и стал «часто рассказывать красоты корабля и все прелести морской службы». Все это вместе повлияло на Дмитрия, он стал усерднее учиться и уже в 1777 г., четырнадцати лет, сдал экзамены и был выпущен гардемарином, а в мае 1780 г. после двух кампаний и блестяще выдержанного экзамена на офицерский чин, был произведен в мичманы. Вскоре Сенявин был назначен в далекое плавание — в Лиссабон, куда Екатерина II отправила в 1780—1781 гг. несколько кораблей для поддержки своего «вооруженного нейтралитета», иными словами, для борьбы против английских корсаров, нападавших на русские суда.

Необычайно интересны те тридцать три с половиной страницы собственноручных записок Сенявина, которые были опубликованы в № 7 «Морского сборника» за 1913 г. (стр. 5—39) и переизданы в приложении к книге В. Гончарова «Адмирал Сенявин» (Военмориздат, 1945). К сожалению, рукопись обрывается на событиях 1788 г. и, следовательно, не дает ничего для истории экспедиции 1805—1807 гг. Зато она необыкновенно живо рисует обстановку, в которой протекали молодость и первые годы службы Сенявина.

По окончании корпуса он дважды плавал гардемарином по Балтийскому морю и вел обычную жизнь моряков в те времена: нелегкая морская служба, а в свободное время — веселье, молодечество, товарищеские затеи и шалости. Выносливость у Сенявина была большая, и самые рискованные штуки сходили ему с рук без вреда для здоровья. Даже в баню ходили «не столько мыться, сколько резвиться»; «...несколько человек выбежим из бани, ляжем в снег, и кто долее всех пробудет в снегу, тот выиграл с каждого по бутылке... Я был крепкого здоровья и часто, иногда с горем пополам, оставался победителем товарищей...»,— вспоминал Сенявин.

Сенявин всем сердцем привязался к флоту и гордился его силой. «Можно сказать, флот был тогда славный. Шведы и турки везде и всегда были побеждены и истреблены, кажется, и сами англичане не осмеливались сгрубить ее величеству и, стиснувши зубы, старались больше угодить»,— это он вспоминает о «вооруженном нейтралитете» России 1780 г., так встревожившем англичан, о славных победах Ушакова в 1788—1791 гг. на Черном море...

Моряк той поры, когда еще аракчеевщина не сделалась руководящим принципом службы ни в армии, ни, подавно, во флоте, Сенявин склонен, явно очень сильно идеализируя, с большой теплотой вспоминать первую половину своей морской карьеры и считать, что матросам жилось якобы не так худо. «...люди жили и жили, как говорится, припеваючи. Больных было весьма мало, а о повальных болезнях никогда и слышно не было. Не теснота делает болезни, а угнетение человека в духе».

Сравнивая эти доаракчеевские времена с позднейшими, Сенявин, конечно, приукрашивая, пишет: «В то время люди были веселы, румяны, и пахло от них свежестью и здоровьем,— нонче же посмотрите прилежно на фрунт,— что увидите — бледность, желчь, унылость на глазах и один шаг до госпиталя и на кладбище. Без духа ни пища, ни чистота, ни опрятство не делают человеку здоровья. Ему надобно дух, дух и дух».

Смолоду Сенявин готовил себя к боевой деятельности, а не к парадам и «высочайшим» смотрам: «Пока будут делать все для глаза, пока будут обманывать людей, разумеется, вместе с тем и себя, до тех пор не ожидай в существе ни добра, ничего хорошего и полезного».

В 1782 г. Дмитрий Николаевич был назначен в Азовский флот, на корвет «Хотин», стоявший в Керчи.

Служба Сенявина пошла очень успешно. Это был человек быстро схватывающего ума, очень толковый, зря вперед не совавшийся, но и от самых трудных поручений никогда не отказывавшийся.

В 1783 г. к России был присоединен Крым. 15 августа того же года Екатерина назначила князя Григория Потемкина генерал-губернатором Новороссийского края и главным начальником Херсонского адмиралтейства. Началось большое государственное дело — создание Черноморского флота.

Сенявин был ближайшим помощником контр-адмирала Мекензи в те годы, когда пустынный Ахтиар превратился в Севастополь — военно-морскую базу России на Черном море и когда шла постройка судов Черноморского флота. Потемкин, имевший бесспорный дар распознавать людей в тех случаях, когда бывал сильно заинтересован какой-либо поставленной перед собой целью, чуть ли не с первого знакомства понял, по-видимому, как полезен будет Сенявин в деле создания военного порта и флота.

Много лет Сенявин прослужил на Азовском и Черном морях, плавал между Таганрогом, Феодосией, Херсоном, Севастополем, проходя службу под начальством адмиралов Мекензи, Войновича, а потом Ушакова. Он сблизился с матросами, которых любил и которые его любили и даже позволяли себе при нем безобидные шутки, зная, что Сенявин не взыщет, потому что дорожит

бодрым настроением команды. Вот характерное место из его записок: «В наше время, или, можно сказать, в старину в командах бывали один-два и более, назывались весельчаки, которые в свободное от работ время забавляли людей разными сказками, прибаутками, песенками и проч. Вот и у нас на корабле был такого рода забавник — слесарь корабельный; мастерски играл на дудке с припевами, плясал чудесно, шутил забавно, а иногда очень умно. Люди звали его „кот-бахарь"». И вот сцена с натуры, происшедшая во время страшного трехдневного шторма 9—11 сентября 1787 г., в самом начале войны с турками. Все мачты сенявинского корабля были сломаны, смерть грозила неминучая. «Когда течь под конец шторма прибавлялась чрезвычайно и угрожала гибелью, я сошел со шканец на палубу, чтобы покуражить людей, которые из сил почти выбивались от беспрестанной трехдневной работы, и вижу, слесарь сидит покойно на пушке, обрезает кость солонины и кушает равнодушно. Я закричал на него: „Скотина, то ли теперь время наедаться? Брось все и работай!" Мой бахарь соскочил с пушки, вытянулся и говорит: „Я думал, ваше высокоблагородие, теперь то и поесть солененького! Может, доведется пить много будем!"» Это он острил насчет того, что корабль сейчас пойдет ко дну. Сенявину эта острота очень понравилась, и он замечает: «Теперь, как вы думаете, что сталося от людей, которые слышали ответ слесаря? Все захохотали, крикнули: ура, бахарь, ура! Все оживились, и работа сделалась в два раза успешнее».

Сенявин с обычной для него скромностью забыл рассказать о собственном своем поведении во время шторма. Об этом поведал спустя шесть лет после смерти адмирала Д. Бантыш-Каменский со слов П. Свиньина. В самый разгар шторма, когда корабль «Крым», шедший вместе с «Преображением», на котором находился Сенявин, уже потонул со всем экипажем, матросы «ждали конца и неизбежной смерти», махнули рукой на все и «не хотели ничего делать». Они уже надевали белые рубахи, готовясь к близкому и неизбежному концу. «Сенявин, видя, что его уже не слушают, сам взял топор, влез наверх и обрубил ванты, которые держали упавшие мачты и этим увеличивали опасность гибели корабля. Пример его неустрашимости сильно подействовал на других, луч надежды блеснул в сердцах, все принялись за работу. Тогда Сенявин спустился в трюм, который был наполнен водой, и хотя насосы не могли действовать и отливать воду, он умолял, однако же, матросов не унывать и надеяться на помощь божию, собрал вместе с ними кадки, ушаты и всякого рода посуду, которой можно было черпать; трудился неутомимо три часа; исправил несколько насосов и привел воду в такое положение, что она начала убавляться: корабль был спасен» [1].

Сенявин показал себя и отважным моряком, и прекрасным командиром и воспитателем команды. Потемкин очень скоро заметил его и стал отличать. Как и Суворов, Потемкин не очень полагался на иностранцев и норовил по мере возможности замещать командные посты в армии и во флоте природными русскими людьми.

СЕНЯВИН И УШАКОВ

Настала новая турецкая война, и мы видим Сенявина под начальством контр-адмирала графа Войновича. Войновичу велено было напасть на большой турецкий флот, крейсировавший близ Очакова в Днепровском лимане. Подойдя к острову Тендра, Войнович убедился в очень большом, определенно опасном для русской эскадры численном превосходстве турок. Да и турецкий капитан-паша вполне был в этом факте уверен, так что он и начал бой первым.

Первостепенную роль в разыгравшемся 3 июля 1788 г. сражении у острова Фидониси сыграл капитан бригадирского ранга Ф. Ф. Ушаков. Капитан-лейтенант Д. Н. Сенявин показал себя тогда неустрашимым и расторопным офицером.

Победа осталась за русской эскадрой, но турецкий флот не был уничтожен и уже спустя месяц, оправившись и усилившись, вновь появился под Очаковом. Это было очень трудное время сильно затянувшейся осады Очакова. Потемкин, уже знавший о действиях Сенявина, решил поручить ему крайне опасное и ответственное дело: идти с небольшой эскадрой прямо к берегам Анатолии и здесь беспокоить турок, чтобы не дать им возможности и дальше усиливать свой флот, стоящий в Днепровском лимане и мешающий осаде Очакова. Сенявин вышел в море из Севастополя 16 сентября (1788 г.) всего с пятью судами. Экспедиция длилась три недели и была очень успешна: Сенявин навел такой страх на турок, понятия не имевших о слабых силах, участвовавших в этом русском крейсерском набеге, что Потемкин в самых лестных выражениях донес о нем императрице: Сенявин «исполнил с успехом возложенное на него дело — разнести страх по берегам анатолийским, сделав довольное поражение неприятелю, истребив многие суда его и возвратясь с пленными и богатой добычей».

Щедро наградив Сенявина, Потемкин дал ему ряд ответственных поручений, быстро упрочивших почетную репутацию Дмитрия Николаевича.

С 1790 г. назначенный командиром одного из лучших кораблей Черноморского флота — «Навархии», Сенявин поступает под начальство Ушакова, и 31 июля 1791 г. мы видим его участником самой замечательной морской битвы всей этой войны —

битвы под Калиакрией, где Ушаков совершенно разгромил большой военный флот турок.

В битве под Очаковом, у Фидониси, в крейсировании у берегов Анатолии Сенявин обратил на себя всеобщее внимание во флоте своими умелыми и отважными действиями. Потемкин всячески выдвигал и отмечал его, и после внезапной смерти Мекензи, при новом начальнике Войновиче, Сенявин сделался фактически главным распорядителем дел в Севастополе. Блестящее исполнение ряда боевых заданий во время войны доставило Сенявину очень почетное положение и в Петербурге, куда он был отправлен Потемкиным к Екатерине с донесением о победе, одержанной над турками в июле 1788 г. у Фидониси. В 1791 г. он отличился в сражении при Калиакрии, кончившемся новой победой Ушакова.

Но именно после Калиакрии произошли первые недоразумения. В приказе от 7 апреля 1791 г. Ушаков, ставший уже командующим корабельной эскадрой, укорял Сенявина в невыполнении им его приказания об откомандировании на вновь построенные корабли в Херсон и Таганрог вполне здоровых матросов. Сенявин вместо этого настойчиво стремился «сбыть» с своего корабля больных матросов. Произошла резкая ссора между знаменитым адмиралом и Сенявиным. Неприятности назревали уже давно. У обоих характер был вспыльчивый. Но благородство, доброта, бескорыстный патриотизм, львиная храбрость были свойственны им обоим, и ссора между ними не могла быть (и не была) сколько-нибудь серьезной.

В данном случае формально кругом был виноват резкий на язык Дмитрий Николаевич. Он наговорил дерзостей Ушакову, а тот в сильнейшем раздражении повел дело официальным путем, подав жалобу князю Потемкину. Потемкин любил и жаловал их обоих. Но он понимал, что совершенно непозволительное поведение Сенявина, если сколько-нибудь ему мирволить, может нанести тяжкий удар дисциплине. Сенявин страшно распалился гневом на незаслуженное, по его мнению, порицание его действий в приказе от 7 апреля и, в свою очередь, жаловался, будто из приказа Ушакова явствует, что Ушаков считает его «ослушником, неисполнителем и упрямым и причиняющим прискорбие неохотным повиновением».

Ссора между двумя благороднейшими людьми, высокоталантливыми и геройски храбрыми военачальниками не могла быть продолжительной. Сенявин извинился перед Ушаковым, и наступило полное примирение. «Ушаков, строгий, взыскательный, до крайности вспыльчивый, но столько же добрый и незлопамятный, приветливо встретил Сенявина, со слезами на глазах обнял, поцеловал его и от чистого сердца простил ему все прошедшее» [1].

Внезапная смерть пятидесятидвухлетнего Потемкина явилась большим ударом не только для Ушакова, но и для Сенявина. Мелкая душа и бюрократический, совсем неспособный к широким взглядам ум Н. С. Мордвинова, который командовал Черноморским флотом после Потемкина, не мирились с явным, подавляющим превосходством Ушакова. Мордвинов явно завидовал герою Калиакрии, его громкой славе в Черноморском флоте. Сенявин был совсем в другом положении, он еще находился в слишком скромном служебном ранге, и не так громка еще была его репутация, чтобы Мордвинов мог видеть в нем конкурента. Его непосредственным начальником оставался в эти годы вице-адмирал Ушаков, который все более и более высоко ценил ум, энергию, оперативность своего подчиненного. «...он отличный офицер и во всех обстоятельствах может с честию быть моим преемником в предводительствовании флотом»,— говорил о Сенявине Ушаков [2].

Когда в 1798 г. Ушаков был назначен командующим эскадрой, отряженной в Средиземное море для действий против французов, то он не преминул включить в состав ее и Сенявина, тогда уже капитана 1 ранга, причем тот в течение всей экспедиции оставался командиром семидесятичетырехпушечного корабля «Св. Петр», незадолго до того спущенного на воду. Сенявин, кстати, принимал в свое время прямое участие в постройке этого корабля.

Подойдя к Ионическим островам и обстоятельно ознакомившись с условиями предстоящей борьбы, Ушаков нашел, что, если не считать о. Корфу, завоевание которого должно было быть финалом, самым трудным делом являлось занятие острова Св. Мавры [3]. Именно поэтому он приказал Сенявину, на которого полагался больше, чем на кого-либо другого, взять под свою команду, кроме линейного корабля «Св. Петр», еще русский фрегат «Навархия» и два турецких судна (один линейный корабль и один фрегат). 18 октября 1798 г. Сенявин произвел высадку на остров Св. Мавры. Русские начали обстрел крепости, продолжавшийся с перерывами около двух недель. 1 ноября крепость капитулировала. В плен был взят французский гарнизон численностью в 512 человек со всей артиллерией (4 большие мортиры, 55 пушек) и боеприпасами. Ушаков, прибывший к острову как раз в день его сдачи, был очень доволен действиями Сенявина. В донесении императору Ушаков писал: «Во всех случаях, принуждая боем оную (крепость) к сдаче, употребил он все возможные способы и распоряжения, как надлежит усердному, расторопному и исправному офицеру, с отличным искусством и неустрашимой храбростью».

До конца экспедиции Ушакова Сенявин выполнял самые ответственные поручения. В конце декабря 1799 г. он, перевозя

войско из Корфу в Мессину, чуть не погиб во время шторма. В часы смертельной опасности он проявил изумительную распорядительность, искусство и силу духа при совсем, казалось бы, безнадежном положении.

Экспедиция Ушакова закончилась в 1800 г. Отличившийся Сенявин был назначен начальником Херсонского порта. Состоя в этой должности, Сенявин получил (в 1803 г.) чин контр-адмирала и 27 сентября 1804 г. был назначен начальником флота в Ревеле.

НАЧАЛО СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Цели русской восточной политики, как они определились к концу XVIII и к началу XIX столетий, диктовались такими условиями, которые не тогда начались и не тогда окончились. Основная экономическая и политико-стратегическая цель после всех побед над турками достигнута не была: русская внешняя торговля на юге оставалась в полной зависимости от намерений и расчетов Порты, в державном обладании которой находились Босфор и Дарданеллы. Безопасность русского Причерноморья находилась под постоянной угрозой и в прямой зависимости от всех колебаний политики Турции и ее возможных союзников — Англии и Франции.

Материальные интересы русских помещиков и купцов-экспортеров были затронуты в первую очередь.

Таким образом, прямое требование охраны этой южной границы, хуже всего защищенной из всех русских границ, диктовало политику особой зоркости по отношению к Турции. К этому следует еще прибавить и то, что турецкие правители весьма мало скрывали свои «реваншистские» устремления. Мусульманское духовенство воспитывало целые поколения в ненависти к «наследственному врагу», под которым понималась Россия. «Высокая Порта» и ее дипломаты неоднократно, если не официальными путями, то все же достаточно недвусмысленно, давали понять — и в Париже, и в Лондоне, и в Вене,— что они вовсе не отказываются от надежды вернуть Крым, Очаков, былые владения на Кавказе, изгнать русский флот с Черного моря. У русского правительства, таким образом, было более чем достаточно серьезных мотивов постоянно возвращаться мыслью к вопросу об охране своих экономических и политических интересов на Черном море, и русская дипломатия долгие годы не могла забыть внезапной турецкой агрессии 1787 г. и затеянной тогда турками долгой и жестокой войны.

С 1798 г. традиционная расстановка сил вокруг того, что уже тогда стало называться «восточным вопросом», начала сильно меняться. Уже в 1797 г. разгромив Италию, Бонапарт поспешил

захватить Ионические острова, которые он считал более драгоценным и важным приобретением, чем всю завоеванную часть Италии. Последовавший затем поход Бонапарта в Египет и приготовления к покорению Сирии и Палестины показали Турции, что дело этим не ограничится и что речь идет о возможном в будущем уже прямом нападении на Константинополь и о конце Оттоманской державы. Войны революционные окончательно отошли в прошлое еще при Директории. Наступала эра захватнических войн Наполеона в интересах крупной французской буржуазии, которой он служил.

Роль главного, непосредственно опасного врага Турции неожиданно выпадала на долю Франции, а «защитницей» Турции оказывалась Англия. Место России в предстоящей борьбе предуказывалось ее прямыми интересами: дозволить французам утвердиться в Константинополе, захватить господство над проливами, ввести свой флот в Черное море значило свести к нулю все, что было достигнуто условиями победоносного Кучук-Кайнарджийского мира, а также Ясскими соглашениями 1791 г.

Взаимный интерес привел к союзу России с Турцией, к которому примкнули Англия и Неаполитанское королевство.

Великий русский флотоводец Ушаков отобрал у французов Ионические острова и освободил их греческое население, несмотря на коварное и даже не особенно искусно скрываемое противодействие англичан.

Эта война «второй коалиции» против Бонапарта, успевшего уже в ноябре 1799 г. захватить верховную власть над Францией, окончилась распадением коалиции после выхода из нее России в 1800 г.

Мир между Францией и Россией был заключен еще за несколько месяцев до смерти Павла и подтвержден в 1801 г. его преемником. Но восточные дела продолжали беспокоить русскую дипломатию. А вскоре еще больше тревоги стала внушать неслыханная агрессивность и необузданная захватническая политика французского победителя. Каждая новая агрессия Наполеона в Италии и германских странах в эти годы (1801—1805) увеличивала опасность для России. Вместе с тем непрерывные успехи захватнической политики первого консула (а с 1804 г. императора французов) в южной и центральной Европе грозили превратить устрашенную Турцию в покорного вассала и в форпост французской империи в случае прямого нападения Наполеона на Россию.

В 1804 г. последовал давно уже готовившийся поворот русской политики в отношении Наполеона. В 1801—1803 гг. эта политика носила выжидательный характер. Конечно, о союзе с Францией, о чем так усердно говорили в последние месяцы жизни Павла, не могло быть и речи, но не усматривалось до поры

до времени и причин к обострению отношений. Однако и в те времена государствам было очень нелегко долго оставаться нейтральными. Нужно было выбирать между основными группировками воюющих стран. Иногда та или иная группировка при случае прибегала даже к угрозам, чтобы привлечь на свою сторону новых союзников. Австрия после тяжких поражений принуждена была просить у Наполеона мира, Пруссия временно спасалась полной покорностью французам; итальянские государства в большинстве своем тоже покорялись воле Бонапарта; германские государства обнаруживали полную покорность, и французский властелин распоряжался в Германии, как у себя дома. Такое резкое нарушение политического равновесия казалось русскому двору определенно опасным. Вильям Питт Младший, направлявший внешнюю политику Англии, сулил России помощь и флотом и щедрыми субсидиями, если она выступит против Франции.

Арест французскими жандармами члена династии Бурбонов герцога Энгиенского на баденской территории, увоз его в Париж и казнь по приговору военно-полевого суда — все это создавало при европейских монархических дворах настроение, ускорившее создание давно ими замышленной третьей коалиции. Но, еще формально не вступая в коалицию, русская дипломатия решила готовиться к борьбе против планов Наполеона, стремясь побудить Турцию отойти от союза с Францией и войти в союзные отношения с Россией, предоставив ей возможность укрепиться в восточной части Средиземного моря. Прежде всего решено было использовать Ионические острова, находившиеся в фактическом обладании России в результате победоносной экспедиции Ушакова в 1798 — 1800 гг. Александр I в инструкции генералу Анрепу, которого он решил отправить на Ионические острова со вспомогательным корпусом, объясняет свои намерения весьма обстоятельно и (что характерно для того момента) начинает с указания на «заслуги» Бонапарта в подавлении революции во Франции.

«Бонапарте предуспел прекратить все междоусобные раздоры, кровопролития и безначалие, что и побудило европейские державы восстановить дружественные сношения с Франциею, в надеянии, что правитель ее, движим будучи собственною своею пользою для лучшего и прочного укоренения могущества и власти своей и для блага вообще всех жителей, не отойдет от принятых им правил умеренности, но с недавнего времени поведение его внутри и вне республики день от дня обнаруживать стало властолюбивые его замыслы, и, наконец, последнее происшествие, когда по повелению его отряд французских войск, вступив во владения курфирства Баденского, вооруженною рукою похитил Дюка д'Ангиена, равномерно возрастающая более и более

кичливость его начинает заставлять думать, что трудно сохранить дружеское сношение с Франциею, коей правление преступает все права народные и ничего священным не признает. А как притом знатные приуготовления, чинимые в разных пунктах Италии, и готовность флота Тулонского к отплытию с немалым корпусом десантных войск утверждают доходящие до нас сведения о видах первого консула на Ионические острова и области турецкие со стороны Адриатического и Белого моря и поелику в политической системе Россиею признано необходимым препятствовать всеми силами разрушению Оттоманской империи по многим соображениям, а наипаче по бессилию, в коем ныне оная находится, и которое соделывает ее соседом, для России безопасным, а потому наилучшим, то и принята здесь решимость тому соответственная, вследствие коей назначены к отправлению на Ионические острова в подкрепление находящегося там малого корпуса войск наших для внутреннего токмо устройства и охранения, еще двенадцать батальонов инфантерии и две роты артиллерийские...» [1]

Кроме сухопутных войск, русское правительство решило отправить в Средиземное море эскадру боевых кораблей. Сенявин, произведенный 16 августа 1805 г. в вице-адмиралы, был назначен главнокомандующим морскими и сухопутными силами, находившимися на Средиземном море.

31 августа 1805 г. последовал секретный рескрипт царя на имя Сенявина, начинавшийся так:

«Секретно. Господину вице-адмиралу Сенявину.

Приняв Республику семи соединенных островов под особенное покровительство мое и желая изъявить новый опыт моего к ней благопризрения, почел и за нужное при настоящем положении дел Европы усугубить средства к обеспечению ее пределов. Поелику же республика сия по приморскому местоположению своему не может надежнее ограждаема быть как единственно, так сказать, под щитом морских сил и военных действий оных, то по сему уважению повелел я отправить туда дивизию, состоящую из пяти кораблей и одного фрегата, и тем усилить ныне там пребывающее морское ополчение наше. Вверяя все сии военные, как морские, так и сухопутные силы вашему главному начальству для руководства вашего, признал я за нужное снабдить вас следующими предписаниями:

Снявшись с якоря и следуя по пути, вам предлежащему, употребите все меры, морским искусством преподаваемые и от благоразумной и опытной предусмотрительности зависящие, к безопасности плавания вашего и к поспешному достижению в Корфу» [2].

10 сентября Сенявин вышел в плавание. У него были один 84-пушечный корабль «Уриил», три 74-пушечных («Ярослав»,

«Св. Петр» и «Москва») и один 32-пушечный фрегат «Кильдюин». На эскадре находилось 3007 рядовых, 259 нестроевых, 22 штаб-офицера, 97 обер-офицеров и 50 гардемарин. Плавание шло благополучно, но довольно медленно. Только 5 октября эскадра вступила в Северное море, а 9-го корабли бросили якорь на Спитхэдском рейде в Портсмуте.

16 ноября эскадра Сенявина вышла при попутном ветре из Портсмута. Счастливо ускользнув от встречи со специально посланной против Сенявина французской эскадрой, русские корабли 14 декабря благополучно достигли Гибралтара и 19 числа того же месяца подошли к британскому флоту, которым командовал в этот момент лорд Коллингвуд.

Побывав в Кальяри, а затем в Мессине, Сенявин привел свою эскадру 18 января 1806 г. к острову Корфу.

Плавание было нелегкое. Прежде всего выбор якорных стоянок на этом долгом пути вокруг всей Европы был ограничен. Достаточно прочесть тот же рескрипт Сенявину от 31 августа, чтобы понять, до какой степени трепетали прибрежные державы перед Наполеоном, который мог разгневаться на гостеприимство, оказанное русским судам. В Швецию не заходить: «Швеция пребывает в дружбе с нами, но уповательно, что вы не встретите надобности заходить в порты ее». В Пруссию не заходить: «С Пруссией мы до сих пор в дружбе, но порты ее, будучи неудобны для вмещения кораблей, не могут и входить в число тех, в которые зайти представилась бы вам надобность». В Гамбурге «для некоторого исправления, необходимо нужного, укрыться могли бы», но все-таки «и сего избегать можно всеми возможными способами по удаленности его от пути вашего и неудобствам для укрытия больших судов». О Голландии нечего и думать, она «состоит ныне под полным влиянием французского правительства». Словом, только Англия и Дания могут дать пристанище в случае нужды [3].

Русские войска генерала Анрепа, давно ждавшие Сенявина, поступили в полное его распоряжение.

Вот что говорит очевидец и соучастник о силах, которыми в момент прибытия на остров Корфу располагал Сенявин:

«На восходе солнца гром пушек возвестил пришествие нового главнокомандующего. Эскадры Грейга и Сорокина отдали паруса, а старший командорский корабль „Ретвизан“ приветствовал вице-адмирала 9 выстрелами, республиканская крепость салютировала ему 15, а разных наций купеческие суда 3, 5 и 7 выстрелами. Все военные суда в знак вступления под начальство Сенявина спустили белый и подняли красный флаг. Между тем, как к. „Ярослав“ отвечал на сии поздравления, генерал-майор Анреп с генералитетом, командор Грейг с капитанами на

шлюпках под флагами плыли со всех сторон к адмиральскому кораблю, на котором, как во время прибытия, так и по отшествии сих посетителей, играла музыка, сопровождаемая громом литавр и барабанов. Число сухопутных войск, поступивших под команду вице-адмирала Сенявина, простиралось до 13 тысяч, состоящих из следующих полков: мушкатерских *Куринского, Козловского, Колыванского и Витебского;* из 13 и 14 егерских полков и легкопехотного *Албанского легиона,* сформированного из эпиротов. Сибирский гренадерский полк, с генерал-аншефом Ласси, прежним главнокомандующим, и генерал майором Анрепом, вскоре отправился в Россию. Морскую силу, кроме 5 кораблей, фрегата и 2-х бригов, пришедших из Кронштадта, составляли следующие корабли:

1. „Ретвизан" о 64 пушках, капитан командор Грейг. 2. „Елена" о 74, капитан Иван Быченский. 3. „Параскевия" о 74, командор Сорокин и капитан Салтанов. 4. „Азия" о 74, капитан Белли. 5. „Михаил" без пушек для перевозу войск, капитан Лелли. Фрегаты: 1. „Венус" о 50 пушках, капитан Развозов. 2. „Михаил" о 44, капитан Снаксарев. 3. „Автроиль" о 32, капитан Бакман. 4. „Армений" под госпиталем. Корветы: 1. „Диомид" о 24, капитан Палеолого. 2. „Херсон" о 24, капитан Чаплин. 3. „Алциное" о 18, лейтенант Титов. 4. „Днепр" о 18, лейтенант Бальзам. 5. „Григорий" большого размера военный транспорт о 24. 6. „Павел" о 18 пуш. Бриги: „Орел", „Александр", „Бонапарте", „Летун", „Богоявленск", шкуна „Экспедицион", каждый о 16 пушках. Весь флот состоял из 10 линейных кораблей, 5 фрегатов, 6 корвет, 6 бригов и 12 канонерских лодок. На всех сих судах 7908 матрозов, морских солдат и артиллеристов и 1154 пушки. Сверх оных, взято от французов: шебеки „Азард" и „Забияка" о 16 пушках, да из призовых судов переделаны корветы: „Дерзкой" о 28 пушках, капитан Салти, „Версона" о 22, лейтен. Кричевский» [4].

В Корфу Сенявина, через некоторое время после его прибытия, ждал неожиданный сюрприз, не первый и далеко не последний из тех, какие ему суждено было пережить в эту долгую экспедицию. Пока он скитался по океану и трем морям между Кронштадтом, откуда он снялся с рейда 10 сентября 1805 г., и островом Корфу, где он бросил якорь 18 января 1806 г., в Европе произошли грандиозные события, которых никто не мог предвидеть. Началась и окончилась война третьей коалиции против Наполеона, разразилась страшная Аустерлицкая битва 2 декабря 1805 г., австрийский император Франц сразу же после поражения явился в палатку к Наполеону просить мира, а император Александр, не желая признать волю победителя, ушел, не мирясь, вместе с войсками в Россию. По-видимому, в первый момент царю казалось все до такой степени потерянным в этой не-

счастной войне, что он уже 14 декабря 1805 г. отправил Сенявину следующее повеление:

«По переменившимся ныне обстоятельствам пребывание на Средиземном море состоящей под начальством вашим эскадры соделалось ненужным, и для того соизволяю, чтобы вы при первом удобном случае отправились к черноморским портам нашим со всеми военными и транспортными судами, отделенными как от Балтийского так и Черноморского флота, и по прибытии к оным, явясь к главному там командиру адмиралу маркизу де-Траверсе, состояли под его начальством...» [5]

Это повеление весьма характерно отражает настроение царя после Аустерлица.

14 декабря 1805 г. по условиям Пресбургского мира Австрия уступила французам в числе прочих отошедших от нее в пользу Наполеона земель также и Далмацию, которую тот же Наполеон, уничтожая Венецианскую республику в 1797 г., отдал австрийцам. Немедленно после ратификации Пресбургского мира дивизионный генерал Лористон по повелению императора занял Дубровник («Рагузскую республику») и потребовал от австрийцев сдачи города Боко-ди-Каттаро. Но тут французы сразу же натолкнулись на упорное противодействие со стороны славянского городского населения, которое решило ни в коем случае не впускать французов. Однако у Лористона силы были значительные: семь тысяч человек с 16 орудиями. Не могло быть и речи о том, чтобы городское население предприняло борьбу без посторонней поддержки.

Помчались гонцы в Цетинье. Экономические и политические интересы, культурные связи и симпатии давно связывали черногорцев со славянством побережья и с великолепной торговой Каттарской бухтой.

В Цетинье немедленно решено было начать действовать. Верховный правитель и глава церкви Черногории Петр Негош уже 27 февраля 1806 г. созвал скупщину. На этом собрании черногорцы решили отправить Петра с отрядом в виде тысячи человек в помощь Боко-ди-Каттаро. Русский комиссар в Цетинье Санковский объявил населению, что он безотлагательно даст знать адмиралу Сенявину, стоящему с русской эскадрой в Корфу, обо всем, что происходит.

Сенявин не терял ни минуты времени, и уже 28 февраля капитан Белли высадил на берег вблизи Боко-ди-Каттаро отряд русской морской пехоты [6]. Владыка Петр явился туда со своим двухтысячным воинством. Торжественное соединение русского и черногорского отрядов произошло под самыми стенами города. Черногорский вождь произнес при этом следующую речь: «Самые горячие пожелания исполнились! Наши русские братья соединяются с нами в братской общности. Пусть никогда эта

великая минута не исчезнет из вашей памяти! Раньше, чем я освящу эти знамена, клянитесь защищать их до последней капли крови!» [7]

Австрийцы, еще бывшие в городе, сдали его немедленно, даже и для вида не подумав сопротивляться. Петр и Белли тут же заняли все форты.

Этот владыка, Петр Негош, играл в то время роль как главы церкви, так и верховного вождя и правителя своего небольшого, но необычайно воинственного народа. Очень хитрый, тонкий политик и храбрый воин, Петр поставил своей твердой целью сохранение полной самостоятельности своего народа. Он вовсе не желал отдачи Черногории в чье-либо подданство, но был вполне убежден, что опасность в этом отношении грозит Черногории от Турции, от Австрии, от Наполеона, а Россия может явиться прежде всего как желанная союзница в борьбе против всех этих врагов. Русская дипломатия, со своей стороны, всегда смотрела на Черногорию как на дружественную силу, на которую можно и должно опереться на далеких берегах Адриатики.

Еще 1 мая 1798 г. Павел пожаловал митрополиту Петру Негошу орден Александра Невского, а в разгар военных действий Ф. Ф. Ушакова на Ионических островах рескриптом от 11 января 1799 г. царь повелел выдавать Петру Негошу из русской казны по тысяче червонцев в год начиная с 1 января 1799 г. При этом обещана была Черногории и помощь от ушаковского флота: «Впрочем, тем менее можете вы теперь подвержены быть какой-либо опасности и потому еще, что флот наш, обретающийся ныне в Средиземном море для действия против народа, покушающегося везде истреблять законные правления и, что еще больше, идущего вредить вере христианской, не оставит в нужде всякую дать вам помощь» [8].

Положение было таково. Французы занимали часть Далмации и готовились занять город Рагузу (Дубровник). Сенявин сосредоточил свои усилия на том, чтобы овладеть важнейшим торговым портом далматинского побережья — Боко-ди-Каттаро. Этот порт был тесно связан и в политическом и в экономическом отношении с Черногорией. Заняв этот город и всю Бокезскую область и опираясь на море на Ионические острова и на суше на Черногорию, Сенявин мог рассчитывать, что французам очень нелегко будет его оттуда выбить, несмотря на их превосходство в силах.

Коснемся теперь некоторых деталей описанных событий. Необычайно интересно и исторически важно подробное описание тех настроений населения Боко-ди-Каттаро, с которыми сразу же столкнулись высадившиеся на берег русские. Помимо симпатий, вызывавшихся общностью принадлежности к славянам и к одному и тому же вероисповеданию, действовали также суще-

ственнейшие соображения непосредственно политического характера. Переходя из рук в руки, бокезцы, надолго подчинившись Венецианской республике, фактически пользовались широкой автономией. Уничтожив в 1797 г. самостоятельность Венеции и отдав ее Австрии (в обмен на громадные уступки Австрии в пользу французов), Бонапарт тем самым отдал австрийцам также Боко-ди-Каттаро. В декабре 1805 г., по условиям Пресбургского мира, и Венеция, и, следовательно, Боко-ди-Каттаро отходили к Наполеону. А если бокезским славянам ненавистно было и кратковременное (1797—1805 гг.) австрийское владычество, то, пожалуй, еще более пугал их новый владыка, «король Италии», он же император французов, Наполеон I. Тут уж ни о каких правах и муниципальных вольностях не могло быть и речи, а, кроме того, становясь подданными Наполеона, бокезские купцы, судовладельцы, да и вся (огромная) часть населения, кормившаяся от работы в порту и на море, начиная от негоциантов и капитанов и кончая лоцманами и грузчиками, должны были готовиться к суровым испытаниям, к разорению, нужде и вечной опасности от англичан. Англия становилась врагом, который круто оборвал бы все морские связи Боко-ди-Каттаро с остальным миром.

«Когда в Корфе подтвердился слух, что император Римский заключил в Пресбурге мир с Бонапарте и уступил Франции Венецию и Далмацию; когда известно стало, что французское правительство имеет сношения с Али-пашою, дабы сего непокорного подданного султана преклонить к принятию его войска, то достоверность сего известия привела вице-адмирала в затруднительное положение, и оно же подало ему щастливую мысль воспользоваться следующим обстоятельством: в прежнее служение свое на Средиземном море ему известна была преданность славянских народов, особенно катарцев и черногорцев, из коих последние находились под покровительством России; и потому, приняв главное начальство, хотя не имел никаких наставлений и уведомлений, в каком отношении, по возвращении наших войск из Австрии в свои границы, находились мы с французским правительством, основываясь на неприязненных поступках, которые со стороны оного продолжались, решился занятием Катаро утвердить за собой господствование на Адриатическом море, сим отклонить близкое соседство французов от Корфы и воспрепятствовать им склонить на свою сторону греков, всегда с жадностью ищущих случая сложить с себя турецкое иго». Здесь в рассказе о том, как Сенявин старался исправить промахи царского правительства, свидетельство Броневского решительно ничем не заменимо: «Главнокомандующий, утвердившись на сей мере, дабы не потерять удобного случая и не упустить время, положил приступить

к немедленному исполнению, но встретил новое важнейшее препятствие. Бывший главноначальствующий генерал-аншеф Ласси имел повеление оставить для защиты Ионической республики только нужные гарнизоны в крепостях, а с остальными войсками возвратиться в порты Черного моря. Сенявин отнесся к нему с просьбою, старался убедить его, сколь полезно и важно для отечества не допустить французов утвердиться в Далмации и Албании, и сколь затруднительно будет тогда удержать Ионическую республику противу превосходных сил, а более от коварств предприимчивого завоевателя; и по сему случаю имел с ним продолжительную переписку. Наконец, по настоятельному домогательству, Ласси согласился оставить большую часть войск и отправился в Россию с одним Сибирским гренадерским полком.

9 февраля капитан 1 ранга Белли с кораблем, 2 фрегатами и шхуной получил повеление показаться на высоте Катарского залива, снестись с г. Санковским, доверенною особою при Черногории, подать катарцам надежду в нашем покровительстве и пособии, потом, учредя блокаду в канале Каламоша и между островами Меледо и Агастою, не допускать французов в Катаро; за сим ожидать следствий, и если народ пожелает освободиться от неприятеля, то принять деятельные меры для занятия их области. Капитан Белли заслуживал такое важное поручение прежним своим служением» [9].

Крейсирование Белли с данной ему частью сенявинской эскадры в середине февраля 1806 г. окончилось занятием Боко-ди-Каттаро. Вот как описывает это событие Броневский:

«20 февраля, когда ветер стих, курьер Козен на присланной от консула лодке уехал в Рагузу; через четыре часа Козен возвратился, и капитан, распечатав пакет, приказал поставить все паруса и идти на юг. Слабый ветер не соответствовал нашему нетерпению. Неверная карта и незнающий лоцман, вместо Катаро, привели нас к Антивари; почему принуждены будучи возвратиться к северу, уже к вечеру увидели мы покрытые сумрачными облаками высокие горы, закрывавшие от нас залив Боко-ди-Катаро. Несмотря на противный, с порывами дувший ветер, во всю ночь в глубокой темноте под рифленными марселями лавировали мы в устье залива между крутых скал, мелких островов и подводных камней при входе рассыпанных. 21 февраля, еще до рассвету, в густом тумане, при утихшем ветре, положили на якорь на рейде Кастель-Нуово. Тут нашли мы корабль „Азию", фрегат „Михаил", шхуну „Экспедицион" и шебеку „Азард." Последняя взята от французов следующим образом. 16 февраля капитан Белли, прибыв в Катаро, нашел свою шебеку стоящею под крепостью. Несмотря на покровительство австрийцев, народ принудил ее удалиться от крепости. Лейтенант

Сытин с пятью гребными судами, под прикрытием шхуны „Экспедицион“, почью во время проливного дождя взял ее абордажем и столь нечаянно, что французы не успели сделать и одного выстрела. Она была вооружена 16 пушками разного калибра и имела 60 человек экипажа.

...Тайна нашего прихода сюда открылась, и мы с радостью узнали, что предприятие адмирала увенчалось щастливейшим успехом. Для лучшего объяснения происшествий сего дня надобно обратить внимание на связь политических событий»[10].

Приход русских круто изменил всю ситуацию: бокезцы избавлялись не только от австрийцев, но и от несравненно более грозной и, казалось, уже совсем неминучей опасности — от французских захватчиков, водворение которых грозило городу неисчислимыми экономическими бедами и полным разорением. Вступление в город русских моряков сопровождалось яркими, трогательными сценами.

«Бокезцы, узнав, что ныне... они уступлены Франции, которой владычество лишает их торговли, свободы и благосостояния, погружены были в мрачное уныние. Австрийское правительство, по одному сомнению в приверженности к России, притесняло знатнейших граждан. Один из них решился возвысить голос и в воскресный день сказал народу: „Пробудитесь от бездействия, уныние не прилично вам, братия мои! Мы стоим на краю гибели; бездна под ногами нашими! Отечество в опасности, одна стезя остается нам к свободе, меч и храбрость ваша покажут вам ее“. Все бывшие в церкви, с отчаянием в сердце, с чувством жаркой любви к отчизне, поклялись умереть или избавиться от власти французов. Клики: „Кто есть витязь! К оружию, братия!“ мгновенно ободрили упадший дух. В несколько часов, подобно быстротекущему пламени, все вооружились, даже в самой крепости Катаро в присутствии австрийского губернатора ударили в набат и объявили ему, что весь народ единодушно готов защищать вольность свою до последней капли крови. Не одна преданность к России, но польза общая и частная были причиною сего удивительного единодушия; нужно было только показаться российскому флагу, и весь народ вооружился, не было ни одного, который бы остался покойным или был противного мнения, и никто не сомневался в покровительстве российского императора. Многие бокезцы, служившие в нашей службе, более других желали сей перемены. Начальники же коммунитатов Ризанского и Кастель-Нуовского граф Савва Ивелич и граф Георгий Воинович наиболее оказали усердия и готовности к освобождению своего отечества. Отставной генерал-лейтенант граф Марко Ивелич, уроженец Ризанский, живший в доме своем как частный человек, по прежним поручениям в звании доверенной особы при Черногории, имея уважение и не действуя

лично, вероятно, мог также принимать участие в столь смелом предприятии своих сограждан»[11].

Таким образом, энтузиазм населения при высадке сенявинских моряков был бесспорен.

Казалось бы, все обстоит очень хорошо. Мало того. Прибытие эскадры к далматинскому побережью благотворно подействовало и на турок, даже на неукротимого Али-пашу: «Известный вам визирь Али-паша, который даже своего государя мало уважает, гордость свою весьма понизил», и вообще «соседственные турецкие начальники тотчас переменили со мной обхождение»[12].

И вдруг, как гром среди ясного неба, падает удар: вернувшись из Боко-ди Каттаро на остров Корфу, Сенявин получает там 27 марта повеление Александра бросить все и уходить со всеми военными и транспортными судами в Россию, к черноморским портам!

Повеление Александра подписано было еще 14 декабря 1805 г., а до Сенявина добралось через три с половиной месяца, 27 марта 1806 г.! В наш век телеграфа и радио необходимо уже некоторое усилие воображения, чтобы представить себе тогдашние темпы. Подписал это повеление царь несколько дней спустя после Аустерлица, удрученный и обеспокоенный поражением, когда им временно владела лишь одна мысль: поскорее подтянуть поближе к России все сухопутные и морские силы, находившиеся вдали от родины. А получил это повеление Сенявин уже тогда, когда на театре военных действий, в Адриатике, шансы русских намного увеличились и сводить на нет ни с того ни с сего свои успехи не имело никакого смысла.

К счастью, от Адама Чарторыйского, бывшего тогда министром иностранных дел, прибыло более позднее распоряжение (от 8 февраля), которое дало повод несколько замедлить дело, и Сенявин решил не уходить вообще, пока не получит вторичного повеления о возвращении эскадры в Черное море. Другими словами, Дмитрий Николаевич положил «высочайшее» повеление под сукно. Это с ним бывало не в первый и не в последний раз. Он даже никому и не сказал ничего, «дабы не встревожить напрасно жителей здешних островов, особливо же провинции Боко-ди-Каттаро».

Вот как объяснял Сенявин русскому послу в Вене графу Разумовскому положение вещей, вызвавшее в нем сначала глубокое разочарование, а потом решимость свести к нулю и оставить без выполнения царскую волю:

«В продолжение письма моего от 3 (15) марта относительно провинции Боко-ди-Каттаро имею честь сообщить вашему сиятельству, что на прошедших днях я сам был тамо и лично удостоверился о искренней приверженности тех народов к России, и что оная провинция как по сей причине, так и по самому по-

ложению ее может в случае нужды служить для содержания турок с той стороны в страхе и для обороны противу них, и я обо всем том ныне доношу высочайшему двору. Залив Боко-ди-Каттаро есть наилучший в свете, граница, окружающая провинцию, почти неприступна, так что при помощи черногорцев и малого числа наших войск безопасна от нападения многочисленнейшего неприятельского войска. Жители той провинции имеют до четырехсот судов, которые почти все сильно вооружены артиллерией и тем обеспечены от всякого нападения корсаров, и до пяти тысяч славных матросов. Оруженосцев же в одной провинции Боко-ди-Каттаро имеется до 12 000, и храбрость их довольно известна. Приверженность всех жителей вообще к государю императору нашему столь велика, что готовы жертвовать не токмо собственностью, но и жизнью, и верить им можно в том несомненно. Я счел обязанностью для безопасного мореплавания преусердного сего к России народа учредить конвой как по Адриатике, так и по Черному морю. Положение и прочие выгоды сей провинции возбудили внимание также и других правительств, и желание оную приобресть и склонить черногорцев на свою сторону. Мне известно, что на сей конец была в Рагузе доверенная от английского правления особа. Употреблено было много труда, а еще более золота, и, может быть, успели бы англичане, если бы не воспрепятствовал им в том пребывающий в Каттаро агент наш господин Санковский, который, я могу уверить ваше сиятельство, есть человек предостойный и преусердный к службе государя императора.

Узнав о приверженности к нам Далмации, где находится до 6000 французского войска, я намеревался и тот народ освободить от ига французского, и положил уже тому начальное основание, приказав капитану Белли с тремя кораблями, двумя фрегатами и четырьмя бригами отправиться к островам, лежащим против Далмации, на коих, мне известно, находится по нескольку французских войск, и овладеть ими. Между тем сам отправился сюда, чтобы взять 2 или 3 батальона егерей и, соединившись с капитаном Белли, следовать к Далмации; потом же, снесясь с жителями, приступить к делу. Для высадки тамо я намерен был употребить еще и до 300 черногорцев и надеялся верно с своими силами, совокупно с далматами, выгнать тех 6000 французов.

По возвращении же моем 27 числа марта в Корфу получил я в тот же день имянное его императорского величества повеление от 14 минувшего декабря; чтобы со всеми военными и транспортными судами, состоящими под моим начальством, при первом удобном случае отправиться к черноморским портам нашим. Ваше сиятельство легко вообразить себе можете, с каким прискорбием я должен был видеть, что все мои вновь предполо-

жения, о возможном и успешном приведении коих в действо почти нельзя было сомневаться, вдруг соделались тщетными...»[13]

Сенявин успел (еще до всей этой передряги с внезапным приказом царя о возвращении) сделать много для того, чтобы привязать к русским население города, кормившееся морской торговлей. Он уже собирался сделать окончательно Боко-ди-Каттаро своей новой базой для дальнейшей борьбы с французами в Далмации и приступил даже к подготовительным действиям для борьбы за Рагузу, но путаница, порожденная поздним получением устаревшего по существу приказа Александра, сильно помешала осуществлению мероприятий адмирала. Только новые бумаги, полученные на острове Корфу, и особенно перемена в настроениях царя, убедившегося в чисто захватнических намерениях Наполеона и вице-короля Италии Евгения относительно Далмации, позволили Дмитрию Николаевичу подумать, уже опираясь на прямо выраженное ему «благоволение» Александра за взятие Боко-ди-Каттаро, о более энергичных действиях в Далмации.

Вот как переживались все эти превратности дипломатических судеб на эскадре Сенявина и среди горожан Боко-ди-Каттаро:

«Адмирал, лично удостоверясь в искренней преданности жителей, освободил их от всякой повинности, обеспечил сообщение с Герцеговиною, а для покровительства торговли учредил конвой до Триеста и Константинополя. К таковым милостям и попечениям бокезцы не остались неблагодарными. Старейшины от лица народа поднесли адмиралу благодарственный лист и предложили жизнь и имущество в полное его распоряжение. В несколько дней снаряжено на собственной щет (местных) жителей и вышло в море для поисков 30 судов, вооруженных от 8 до 20 пушек, что, по малоимению малых военных судов при флоте, было великою помощию. Распоряжение сие принесло более пользы, нежели могли бы доставить налоги. Милосердие и кротость нашего правления были в совершенной противоположности с правлением соседа нашего Наполеона».

И снова мы узнаем от Броневского то, что стараются скрыть официальные документы: упорную и ловкую борьбу Сенявина, исправляющего ошибки, и опрометчивые решения царя.

«Адмирал, узнав о приверженности к нам жителей Далмации, занятой 6000 французских войск, предпринял и сей народ освободить от угнетавшего их ига. Капитан Белли, с 3 кораблями, 2 фрегатами и 4 бригами, получил повеление овладеть островами, противу Далмации лежащими. Митрополит вместо просимой тысячи обещал собрать 6000 воинов, и вызвался сам ими предводительствовать, почему адмирал 25 марта отпра-

вился в Корфу, дабы и там сделать нужные распоряжения на случай замыслов неприятеля, взять с собой 3 батальона егерей и, соединившись с Белли, совокупно с далматами, выгнать французов; но, прибыв в Корфу, получил именное повеление от 14 декабря прошедшего 1805 г. со всеми морскими и сухопутными силами возвратиться в Черное море, отчего предприятие сие, в успехе которого нельзя было сомневаться, соделалось тщетным. Главнокомандующий начал делать приуготовление к отплытию, а повеление скрыл в тайне, дабы преждевременным объявлением не встревожить напрасно жителей. Когда граф Моцениго уведомил его, что по его депешам генерал Ласси командовать должен морскими и сухопутными силами, то адмирал, чтоб развязать свое недоумение, решился вскрыть бумаги, на имя генерала Ласси надписанные, где к удовольствию своему нашел, что все силы должны остаться в Средиземном море. Адмирал послал бриг возвратить войска с генералом Ласси, но его уже не застали в Константинополе, а сам 19 апреля с 2 кораблями и фрегатом, посадив на оные 6 рот егерей, прибыл в Катаро, где узнал, что число французских войск в Далмации уже гораздо умножилось, а как к тому же не получено никаких повелений от государя, то и решился поступать токмо оборонительно и защитить Боко-ди-Катаро и взятой остров Курцало. Наконец от 15 маия государь император изъявил монаршее благоволение адмиралу за все новые распоряжения по занятии Катаро, равно и за решимость открыть предписания на имя генерала Ласси, с таковым повелением, что он утверждается во власти главнокомандующего, и может действовать по своему благоусмотрению, соображаясь с прежними наставлениями столько, сколько положение дел и настоящие обстоятельства дозволят» [14]. Александр благодарил Сенявина за невыполнение царского указа об уходе в Черное море.

ОСВОБОЖДЕНИЕ РУССКИМИ БОКО-ДИ-КАТТАРО И ДАЛМАТИНСКИХ СЛАВЯН ОТ ФРАНЦУЗСКОГО ИГА

Обстоятельства сложились так, что к началу лета 1806 г. и Наполеон и Александр стали смотреть на восточную часть Средиземного моря и на Адриатику и адриатическое побережье как на арену серьезной борьбы.

Наполеон, сокрушив третью коалицию под Аустерлицем, добился по Пресбургскому миру от Австрии уступки всех земель по западному побережью Балканского полуострова и, заняв Триест, потребовал от австрийцев немедленной передачи в его руки как Боко-ди-Каттаро, так и Рагузы. Черногорией он рассчитывал так или иначе завладеть либо прямым

военным нападением, либо дипломатическими переговорами с владыкой Петром Негошем, митрополитом и главой черногорского народа. В планах Наполеона утверждение французского владычества на Балканском полуострове, начавшись на западе, постепенно должно было сказаться и в Албании, и в Морее и привести к той комбинации, о которой он мечтал, когда в 1798 г. отправлялся завоевывать Египет: к фактическому отнятию у турок их владений при сохранении в то же время «дружбы» и «союза» с Портой. Приманкой для султана должна была служить надежда на помощь Франции в случае угрозы Турции со стороны России. Тогда эта комбинация не удалась: пока он воевал в Египте, состоялось военное соглашение между Россией и Турцией, и Ушаков завоевал Ионические острова, изгнав оттуда французов. Теперь, весной 1806 г., для французского императора явилась, благодаря победе над Австрией, возможность прочно утвердиться на западе Балканского полуострова и обещать Турции, в случае ее войны с Россией, оказать непосредственную военную помощь, пройдя к Дунаю. Но для этого необходимо было поскорее фактически заполучить от австрийцев приобретенные от них по Пресбургскому миру владения, и, прежде всего, Боко-ди-Каттаро и Рагузу (Дубровник).

Что касается русской дипломатии, то ее образ действий, естественно, диктовался необходимостью противиться всеми силами этим наполеоновским замыслам. Вот почему царь, поняв, хоть и с опозданием, свою грубую и опасную ошибку, спохватился и не только взял назад свой приказ Сенявину (от 14 декабря 1805 г.) об уходе с Адриатического моря и о возвращении в Россию, но вполне одобрил поведение адмирала, занявшего Боко-ди-Каттаро. Но тут было одно дипломатическое осложнение, которое ни Александр, ни прямой начальник Сенявина, товарищ министра морских сил Чичагов, ни Адам Чарторыйский, управляющий тогда министерством иностранных дел, разрешить не могли и не хотели, а предоставили это очень затруднительное дело решать Сенявину. В самом деле: у Австрии с Наполеоном — мир, нарушить который только что разгромленные австрийцы страшатся; Наполеон требует отдачи ему Боко-ди-Каттаро, и австрийцы заявляют о своем полном повиновении. Но тут оказывается, что город и вся «бокезская республика» заняты моряками и солдатами Сенявина, и русский адмирал не желает уходить. Австрийцы делают представление в Петербург о том, что они в невозможном положении перед Наполеоном, и царь вовсе не хочет, чтобы Наполеон снова нагрянул на Австрию и прикончил ее, когда Россия не может еще подать ей прямой и большой помощи. Значит, должно уступить и приказать Сенявину уйти? Нет, царь этого тоже не

хочет. В результате составляется «высочайший» рескрипт Сенявину, написанный так хитро и осторожно, что ему предоставляется уйти из Боко-ди-Каттаро или не уходить оттуда, начинать военные действия против французов или не начинать,— и вообще делать, что ему самому покажется наиболее целесообразным, беря на себя лично при этом всю ответственность.

Этот документ так характерен и для переживавшейся исторической минуты, и для выяснения намерений русской дипломатии накануне грозившего разрыва с Портой, и для отношений России с Австрией, что его необходимо тут привести;

«Господину вице-адмиралу Сенявину.

Из донесений ваших под № 1-м и до 7-го я с удовольствием усмотрел принятые вами меры к воспрепятствованию, поколику возможно, распространению французов в краях, от Австрии им уступленных. Вследствие сего, равно и во уважение других соображений, о коих подробно сообщит вам товарищ министра морских сил вице-адмирал Чичагов, я побуждаюсь отменить повеление мое от 14 декабря минувшего года о возвращении вашем со вверенными управлению вашему судами к Черноморским портам, предписывая сим остаться в Средиземном море и в Адриатике. Корабли „Азию“ и „Параскевию“, кои по усмотрению вашему найдены не в состоянии долее оставаться при эскадре, вам вверенной, можете, буде удобное для прохода в Черное море время еще не ушло, отправить к оным. Вместо сих убылых у вас кораблей повелел я отправить из Балтики другие.

Главный предмет, который поручен особой попечительности вашей, есть обеспечение Ионической республики, Мореи и всей Греции от всякого неприятельского нападения. Для достижения каковой цели вы руководствоваться должны данными как генерал-майору Анрепу, так и вам инструкциями, коим вы имеете следовать и на случай, есть ли бы каковые-либо неприязненные виды Порты, обнаружившись, довели нас и до разрыва с оною, равномерно есть ли бы французы вступили в какую-либо область Турецкой империи или делали каковые покушения высадки на берега их или острова, к ним прилежащие: морские силы, вам вверенные, конечно, достаточны на очищение всего Ионического и Адриатического моря от всех могущих оказываться на оных французских вооруженных судов; и потому я надеюсь, что вы употребите все меры как для сего важного предмета, так и вообще для всего того, что касается до исполнения прочих видов наших в тех странах, обращая, однако, все внимание ваше главнейше на охранение и обезопасение Республики Семи соединенных островов.

Относительно произшедшего в Бока-ди-Каттаро, как из доставленных ко мне донесений ваших видно, что занятие оного места нашими войсками последовало до прибытия французов от австрийцев и до капитуляции, что и подало повод к сильным жалобам французского правительства у Венского двора, который, страшась последствий оных, неотступно меня просит о позволении возвратить Каттаро. Желая отвратить новые опасности, могущие сделаться весьма бедственными для Австрии, которая в настоящем положении уже отнюдь не в силах противуборствовать Франции, я поручил послу нашему Разумовскому вступить по сему предмету в непосредственное сношение с французским послом, в Вене пребывающим. Смотря по расположениям, каковые обнаружит Франция, быть может, что возвращение Бока-ди-Каттаро признано будет необходимым. В таком случае граф Разумовский отнесется уже к вам прямо, и вам надлежать будет совершенно сообразовать дальнейшие действия ваши с его сообщениями. До получения же оных поручаю вам употребить достаточную часть вверенных вам сил наших как морских, так и сухопутных на удержание Бока-ди-Каттаро и на воспрепятствование французам овладеть сим постом.

Буде бы обстоятельства приняли вид, по коему удержание за нами Бока-ди-Каттаро сделалось более вероятным, нежели отступление от оного, в таком случае вы можете обратить внимание ваше на те местные способы, кои к успеху действий ваших представиться могут. Один из главнейших был бы тогда употребление на службу тамошних мореходцев на судах вооруженных, коих число по донесению вашему до 400 простираться может и кои как для стеснения торговли, прибрежного крейсирования, так для сообщения и для достижения других, содержащихся в данных вам наставлениях намерений наших, весьма много способствовать вам могли бы. Требуемые для них патенты будут здесь к своему времени изготовлены, до получения же оных в приведенном в начале сего пункта случае дозволяю вам давать за подписием вашим и печатью виды, кои бы достаточны были для беспрепятственного плавания их при встречах с нашими и английскими вооруженными судами.

Суммы, которые вы на содержание морских и сухопутных войск испрашиваете, отправлены для доставления к вам и адмиралу маркизу де Траверзе, которые есть ли еще не получили, то уповательно вскоре получить должны будете.

Нужным нахожу приметить, что все донесения ваши ко мне и отношения по делам части, управлению вашему вверенной, должны вы были и впредь должны будете доставлять к товарищу министра морских военных сил, как непосредственному начальнику вашему. По причине отдаленности и затруд-

нения в сообщении я, обращая вас к данным при отправлении вашем наставлениям, ограничиваю теперь означенных важнейших токмо предметов, коих приведение в действо ныне вам поручается. Впрочем, предоставляя все подробные и по обстоятельствам могущие востребоваться распоряжения опытности и усердию вашему к службе, я уверен, что вы не оставите принять приличнейшие меры для наилучшего исполнения моих намерений. Александр» [1].

Этот рескрипт совершенно развязывал руки Сенявину, хотя другому командующему он, напротив, мог бы скорее связать руки. Ответственность всецело возлагалась на Сенявина. Еще раньше, чем на Корфу, был получен рескрипт (он был получен 11 июля), 23 мая в Петербурге последовало распоряжение министра иностранных дел князя Адама Чарторыйского, подтверждавшее, что царь «с особливым благоволением» узнал 5 мая о занятии Боко-ди-Каттаро, но при этом министр уведомлял Сенявина, чтобы впредь во всех действиях он «руководствовался в полной мере наставлениями посла нашего в Вене, которому даны препоручения трактовать с австрийским министерством и с находящимися в Вене французскими агентами обо всем относительно занятия войсками нашими Боко-ди-Каттаро» [2].

Таким образом, Сенявину навязывался новый начальник, русский посол Разумовский, сидевший в Вене и имевший инструкции не перечить австрийскому правительству ни в чем во имя исполнения Австрией своих обязательств перед Наполеоном. А Наполеон, разумеется, в первую очередь должен был потребовать, чтобы Австрия заставила русских уйти из Бока-ди-Каттаро и удалиться из Триеста, куда невозбранно заходила эскадра Сенявина при своих операциях на Адриатическом море.

Таким образом, Александр не только предоставлял Сенявину выпутываться из сложнейшего положения, как знает, но и создавал еще особое «средостение» между собой и адмиралом, подчиняя Сенявина Разумовскому и уж совсем умывая руки.

Последствия не заставили себя ждать. Началось с Триеста. Часть эскадры Сенявина с самим флагманом находилась в Триесте, когда в середине мая 1806 г. военный комендант Триеста австрийский фельдмаршал Цах прислал Сенявину повеление австрийского императора о закрытии австрийских портов для русских и английских судов. Это повеление состоялось под прямой угрозой Наполеона. Во исполнение этого приказа Цах предлагал сенявинской эскадре немедленно покинуть Триест. Сенявин «утром 21 мая отвечал на оное в сих кратких словах: „Объявление ваше получил и оставлю порт как только исправлю некоторые повреждения моих кораблей“» [3].

Фельдмаршал Цах этим не удовлетворился. Он опять послал к Сенявину сказать, что французы категорически требуют от Австрии немедленного удаления Сенявина, угрожая в противном случае занять город своими войсками. «Положение ваше затруднительно...— отвечал Сенявин,— а мое не оставляет мне ни малейшего повода колебаться в выборе. Поступок ваш, мне как генералу, а не политику, кажется, не соответствует дружеству и союзу, в которых вы меня уверяете. С долгом моим и с силою, какую вы здесь видите, не сообразно допустить вас унижать флаг, за что ответственность моя слишком велика, ибо сие касается чести и должного уважения к моему Отечеству». Во время этих очень неприятных переговоров на рейд экстренно прибыл фрегат русской эскадры с известием, что французы заняли Рагузу и собираются напасть на Боко-ди-Каттаро. Сенявин решил идти к угрожаемому месту. Но так как под давлением французов комендант Триеста Цах задержал некоторые суда русской эскадры (желая этим напугать Сенявина и ускорить его уход из порта), то русский адмирал категорически потребовал прежде всего их освобождения. «Теперь нет времени продолжать бесполезные переговоры. Вам должно избрать одно из двух: или действовать по внушению французских генералов, или держаться точного смысла прав нейтралитета. Мой выбор сделан, и вот последнее мое требование: если час спустя не возвращены будут суда, вами задержанные, то силою возьму не только свои, но и все ваши сколько их есть в гавани и в море. Уверяю вас, что 20 000 французов не защитят Триеста. Надеюсь, однакож, что через час мы будем друзьями, я только и прошу, чтобы не было ни малейшего вида, к оскорблению чести российского флага клонящегося, и, собственно, для вашей же пользы, чтобы не осталось и следов неудовольствия. Скажите генералу Цаху, что теперь от него зависит сохранить дружбу августейших наших монархов, которая столько раз была вам полезна, и впредь пригодиться может. Уверьте его, что через час я начну военные действия»,— заявил Сенявин офицерам, посланным от Цаха. Австрийский комендант немедленно освободил русские суда, тем более, что эскадра Сенявина уже начала строиться к бою. Русская эскадра 27 мая (1806 г.) покинула Триест и пошла к Боко-ди-Каттаро.

Сенявин имел все причины спешить из Триеста к восточному берегу Адриатического моря: известие о Рагузе, которое он получил в Триесте как раз во время пререканий с Цахом, было очень серьезно.

Рагузская республика (славянский Дубровник) номинально числилась в тот момент «под покровительством Оттоманской Порты», но Наполеон твердо решил занять эту террито-

рию, зная, что фактически эта славянская республика, «права» на которую были уступлены французам их «союзниками» турками, пользовалась с давних пор почти полной независимостью, а теперь, после появления Сенявина в Боко-ди-Каттаро, готова отдаться под русское владычество. Как и бокезцы, очень многие жители Рагузы, купцы и все, кто кормился около морской торговли, боялись больше всего перехода во французское подданство: Англия блокировала все порты на Средиземном, Адриатическом и других морях, едва только попадали, хотя бы временно, под власть Наполеона.

Во главе Рагузской республики стоял сенат, являвшийся прежде всего представительством крупного купечества. Едва только в Рагузе узнали о том, что Сенявин занял Боко-ди-Каттаро, сенат немедленно послал сенатора Владислава Сорго просить русского адмирала о покровительстве. Овладение русскими островом Курцало очень подняло в Рагузе и без того большой авторитет Сенявина, и когда 6 мая (1806 г.), уже возвращаясь с Курцало в Боко-ди-Каттаро, адмирал по приглашению сената посетил город Рагузу, его приняли «с великими почестями и торжеством». Адмирал распоряжался в Рагузе несколько дней (в первой половине мая), и его эскадра, войдя в порт, взяла в плен или истребила несколько французских корсарских судов. Но по ряду признаков становилось ясно, что французы непременно нападут на Рагузу в самом недалеком будущем. Сенявин вступил тогда в военное соглашение с сенатом Рагузы. Решено было, что при первой же вести о приближении французов рагузанцы впустят русские войска в крепость и город и горожане, вооружившись, будут помогать русским в борьбе против общего неприятеля. Но французская атака последовала несколько раньше, чем ожидали: Сенявин 13 мая отправился с эскадрой в Триест, а 14-го французский генерал Лористон двинулся на Новую Рагузу и 15 мая занял ее без сопротивления.

Броневский приписывает этот поворот событий измене и проискам некоторых членов сената Рагузы.

Лористон, заняв город и крепость, объявил, что Рагуза отныне вошла в состав владений французского императора.

Это внезапное известие Сенявин получил, когда покидал триестинский рейд.

Сенявин поставил перед собой две задачи: во-первых, не допустить французов в Боко-ди-Каттаро и, во-вторых, выбить их из Рагузы. Сенявин установил тесную блокаду Новой Рагузы.

В завязавшейся борьбе, когда у русского адмирала не было прочной уверенности в соответствии его действий намерениям петербургского двора, Сенявина могло выручить только быстрое и успешное ведение военных действий.

Против него были французы, располагавшие гораздо большими силами; на его стороне были, во-первых, население Боко-ди-Каттаро («бокезцы») и, во-вторых, черногорцы. На всех этих славян Сенявин рассчитывал с самого начала, и они не обманули его ожиданий. Замечу, что экономические причины, заставлявшие население этого побережья Адриатики решительно помогать русским в борьбе против французов, влияли не только на славян, но и на итальянскую часть населения всего побережья. Сошлемся на документ, подтверждающий этот факт.

Община Кастельнуово, население которой было больше итальянским, чем славянским, подало на итальянском языке русскому представителю Санковскому протест против передачи этого места австрийцам или французам, что было одно и то же, так как община знала, что по условиям Пресбургского мирного договора австрийцы обязаны были передать его Франции. Община желала, чтобы временная русская оккупация оказалась постоянной. Жители Кастельнуово объявили, что во всяком ином случае «будут защищать свою свободу с оружием в руках» [4].

УСТАНОВЛЕНИЕ БОЕВОГО СОДРУЖЕСТВА РУССКИХ И ЧЕРНОГОРЦЕВ

В самом начале блокады Рагузы русскими командир французского отряда генерал Лористон прислал Сенявину письмо, в котором жаловался на «жестокость» русских солдат, а также предлагал ему, чтобы он приказал черногорцам и «приморцам» удалиться в свои границы. Сенявин ответил на это письмом, которое (как и некоторые другие, столь же интересные) мы нашли не в архиве, а в записках Броневского. По поводу упрека в жестокости русский адмирал пишет, давая разом и заслуженную отповедь и разоблачая французского начальника: «Вы так ошибаетесь, г. генерал, что я почитаю совершенно излишним опровергать сказанное вами, а сделаю одно только замечание, как содержатся у нас и у вас пленные. Ваши офицеры и солдаты могут засвидетельствовать, с каким человеколюбием обходимся мы с ними; напротив того, у наших, которые иногда по несчастию делаются вашими пленными, отнимают платье, даже сапоги». Сенявин правильно догадывается, что жалоба Лористона относится не к русским, а к черногорцам, и он поясняет Лористону: «О черногорцах и приморцах считаю нужным дать вам некоторое понятие. Сии воинственные народы очень мало еще просвещены; однако же никогда не нападают на дружественные и неутральные земли, особенно бессильные. Но когда увидели они, что неприятель приближал-

ся к их границам с намерением внесть огонь и меч в их доселе мирные хижины, то их справедливое негодование, их ожесточение простерлось до такой степени, что ни моя власть, ни внушения самого митрополита не в состоянии были удержать их от азиатского обычая: не просить и не давать пощады, резать головы взятым ими пленникам. По их воинским правилам оставляют они жизнь только тем, кои, не вступая в бой, отдаются добровольно в плен, что многие из ваших солдат, взятых ими, могут засвидетельствовать. Впрочем и рагузцы, служащие под вашими знаменами, поступают точно так же, как и черногорцы.

Признаюсь, г. генерал, я не вижу конца несчастиям, которые нанесли вы области Рагузской, и тем еще более, что вы, принуждая жителей сражаться противу нас, подвергаете их двойному бедствию... одно средство прекратить сии несчастия — оставьте крепость, освободите народ, который до вашего прибытия пользовался неутралитетом и наслаждался спокойствием, и тогда только можете вы предложить, чтобы черногорцы возвратились в домы» [1].

Заметим, кстати, что аналогичный (в главном) ответ о причинах ожесточения против французов русских крестьян тот же Лористон получил от Кутузова в Тарутине в октябре 1812 г. В обоих случаях ожесточенность народа объяснялась законным возмущением против агрессора.

Броневский, записки которого так же ценны и незаменимы для истории экспедиции Сенявина, как записки Метаксы для истории экспедиции Ушакова, был настолько близок к адмиралу и пользовался таким его доверием, что ему сообщались некоторые документы, которые потом по разным причинам не попали в архив. Большое расположение, истинно дружеские чувства Сенявина к славянам вполне разделялись Броневским. Стратегические соображения Сенявина явно отражаются в записках Броневского полнее и откровеннее, чем в исходящих от адмирала официальных заявлениях. Вот как характеризует Броневский положение, сложившееся летом 1806 г.:

«Катарская область вместе с Черногорией, будучи сопредельна с славянскими народами, преданными России, отделяясь от Далмации независимою Рагузинскою республикою и чрез Герцеговину примыкая к Сербии, составляла для войск наших превосходную военную позицию и, по тогдашним политическим отношениям, учинилась важным приобретением...

...Сенявин, умножив силу свою 12 000 храбрых приморских и черногорских оруженосцев, перенес театр войны от Корфы к Далмации, тесною блокадою отрезал сообщение ее морем с Италиею и принудил доставлять войска и съестные припасы чрез австрийские владения, по непроходимым горам, где нет

дорог, что при недоброжелательстве жителей поставило французских генералов в затруднительное положение, и Наполеон, поспешивший объявить притязания свои на некоторые города Албании [2], принадлежащие Венецианской республике, увидел замыслы свои, устремленные на Грецию, особенно на Корфу, уничтоженными при самом начале. Честолюбивый и вместе корыстолюбивый Али-паша, узнав о занятии Катаро и о мерах, принятых для удержания его в пределах неутралитета, после некоторых опытов нерасположения своего к нам, сам стал искать знакомства Сенявина, а, узнав его, скоро сделался добрым соседом и приятелем, чем Бонапарте лишился последней надежды испровергнуть Турецкую империю... По сим причинам занятие Катаро наделало много шуму. Сближение Франции с Портою Оттоманскою отклонено, привлечение на свою сторону греков и славян уничтожено, и сей первый подвиг, первый шаг начальствования Сенявина оправдал мудрый выбор монарха. Все меры и распоряжения, служащие к наивящему защищению провинции, были одобрены, и адмирал удостоился монаршего благоволения, изъявленного ему в лестном рескрипте» [3]. Что «мудрый монарх» своими противоречивыми и уклончивыми повелениями мог только сбить Сенявина с толку и повредить успеху русского дела в этих славянских землях, Броневский говорить в своих, предназначенных к печати записках, конечно, не мог, если бы и хотел.

Сенявин командировал Броневского в Черногорию. Этот маленький народ, столетиями отстаивавший (и отстоявший!) себя от могущественной Турецкой империи, «*народ воинов*», пленил Броневского с первого же знакомства. Как и его начальник, Броневский проникнут был убеждением, что в *западных славянах вообще*, а в черногорцах особенно, Россия имеет преданных надежных друзей. Некоторые впечатления его от визита на Черную Гору кажутся порой преувеличенными.

Другой офицер сенявинской эскадры, Павел Свиньин, дополняет показания Броневского некоторыми интересными замечаниями. По его наблюдениям, черногорцы были неукротимо храбрым народом, но нуждались в некотором повышении таких качеств, которые облегчили бы общие, согласованные их действия с регулярной русской армией. «Сенявин занялся введением исподволь порядка и воинского устройства между черногорцами, что, судя по их чрезвычайно вольному и необузданному нраву, могло считаться большим предприятием и для начатия коего и успеха надобно было иметь столь великое влияние, какое имел Сенявин на сии народы, пользоваться подобно ему неограниченной доверенностью и любовью»,— пишет наблюдавший все это Свиньин [4].

Храбрый воин и хитрый дипломат, Петр Негош всецело стал на сторону Сенявина против французов, явно поставивших себе целью полное покорение Черногории. Петр Негош навсегда остался другом России, и ни разу ни он, ни его народ не покорились французскому завоевателю.

Несколько приукрашенная впоследствии беседа митрополита Петра с генералом Мармоном, правителем Далмации, после ухода русских в 1807 г. все-таки отражает, хотя и в приукрашенном и риторическом стиле, настроение черногорцев в это трудное для них время между Тильзитом и 1812 г., когда они остались лицом к лицу с грозным соседом, с наместником всемогущего в тот момент французского императора. «Какое дело вам до русских, этого непросвещенного и грубого народа, который и *вам — неприятель и желает привести вас всех в* рабство?» — вопросил Мармон. А владыка Петр ответил на это так: «Прошу, генерал, не трогайте моей святыни и знаменитой славы величайшего народа, которого и я тоже верный сын: русские не враги наши, но единоверные и единоплеменные нам братья, которые имеют к нам такую же горячую любовь, как и мы к ним. Из одного только малодушия вы ненавидите и черните русских, а другие славянские племена ласкаете для того, чтобы ваш император мог легче и лучше достичь своей цели, но мы, славяне, полагаем нашу надежду и славу только на единоплеменных братьев — русских, ибо падут без них и все остальные славяне, а кто против русских, тот также против всех славян». Таких суждений держались в Черногории в то время очень многие.

Итак, опираясь на бокезцев, на черногорцев и на славянское население Рагузы, разбросанное по берегу («приморцев»), Сенявин решил открыть военные действия и по возможности оттеснить французов к Рагузе от тех мест, которые они уже начали постепенно занимать, двигаясь от рагузских укреплений.

5 июня 1806 г. произошло сражение, ход и результат которого нам известны из двух документов: из описания, сделанного участником битвы Броневским, и из донесения Сенявина царю. Оба эти свидетельства, ничем не заменимые, остались вовсе вне поля зрения исторической литературы. Приводим их в наиболее существенных частях.

В своих ценнейших записках Владимир Броневский оставил *нам очень живой* рассказ об этом памятном первом сражении против французов:

«Неприятель расположился на неприступных каменистых высотах Рагузских, устроил там батареи на выгоднейших местах и готов был к принятию атаки. Он занимал линию от моря до турецкой границы, не весьма пространную, и тем оная была крепче. Природа и искусство обеспечивали его совершенно.

Правое крыло его прикрыто было морем и крутым берегом; левое турецкою границею, где не надлежало быть сражению. Пред фронтом его отвесные высокие скалы; занимаемые им четыре важнейших пункта были один за другим сомкнуты и соединены так, что каждый из них мог защищать один другого. Число неприятеля простиралось до 3000 регулярных и 4000 рагузцев, исправных и хорошо вооруженных стрелков. Наших регулярных войск было 1200 человек, да черногорцев и приморцев до 3500. С таким числом весьма трудно было атаковать неприятельский фронт, ибо известно, как французы умеют укреплять места и как искусно выбирают выгодное положение для батарей; несмотря на все сии с нашей стороны невыгоды, главнокомандующий положил сделать нападение... Черногорцы бросились храбро, и перед самым важным пунктом, на самокрутейшей горе, тотчас взяли один передовой пост и, ободрясь сею удачею, напали на другой с запальчивостию. Князь Вяземский, заметив, что неприятель предпринимает заманить черногорцев, отрядил для подкрепления их три роты егерей под командою капитана Бабичева, который с чрезвычайною поспешностию взошел на гору, сколь ни препятствовала ему крутизна ее. Неприятель, усилясь, прогнал, было, черногорцев, но прибытие Бабичева удержало его стремление...

В сие время князь Вяземский, имея в виду повеление главнокомандующего непременно овладеть высотами, обще с митрополитом приступил к исполнению оного. И тем более поспешил начать атаку, что в ту минуту турецкий паша уведомил, что неприятельское подкрепление приближается. Митрополит с нерегулярными войсками тотчас взошел на занятую высоту. Изумленный неприятель, не ожидая атаки с сей стороны и считая сие невозможностию, весьма отчаянно защищал сию позицию, и, усилившись, устремился на отряд капитана Бабичева; но три его роты и черногорцы, ободренные личным присутствием митрополита, не уступили ни шагу отчаянному неприятелю. Между тем как митрополит сражался на краю пропасти противу превосходных сил, на него устремленных, князь Вяземский, разделив малый отряд свой на две колонны и выслав пред оными охотников под командою храбрых офицеров Красовского, Клички, Ренненкампфа и Мишо, пошел на неприступную высоту, укрепленную батареями, с решительностию, свойственною герою и возможною только для русского воина. Лористон, заметив общее движение, всею силою теснил охотников наших и ударил на митрополита, которого особа была в крайней опасности; колонны восходили на крутизну и были уже близ вершины. В сем положении отступление было уже невозможно: шаг назад, и все потеряно. Мы, смотря с кораблей, с которых место сражения было видно, не смели спустить глаз и в мучи-

тельном беспокойстве ожидали, чем кончится. Наконец, на вершине горы показались наши знамена, эхо повторило громкое ура! и войско наше, подвинувшись вперед, скрылось в ущелиях.

Неприятель, будучи вытеснен из-за каменьев, остановился между своих батарей. Обе наши колонны, соединившись с митрополитскими войсками, после малой перестрелки, пошли на штыки; французы защищались упорно, но принуждены были отступить. Митрополит и князь Вяземский, не давая опомниться неприятелю, теснили его беспрестанными нападениями. Офицеры наши, будучи всегда впереди, оказали себя достойными сподвижниками Суворова» [5]. Необычайно интересен рассказ Броневского о конце сражения:

«Черногорцы соревновали нашим солдатам и с таким жаром бросились штурмовать первое укрепление, что редут с 10 пушками был немедленно взят открытою силою. Таким образом, преоборя укрепления, природою устроенные, и несмотря на картечи, коими искусственно хотели отразить хитрые храбрых, французы уступали одну за другою три свои линии и батареи, оные защищавшие; тут генералы их старались показать свое искусство, обходили наши фланги; но ничто им не помогло, они везде были предупреждены. Русский штык и дерзость черногорцев повсюду торжествовали... Одержана достославная победа над неприятелем превосходным, предводимым искусным генералом Лористоном, и укрепленная неприступная гора Баргат над Рагузою занята» [6].

В своем официальном донесении в Петербург Сенявин вполне подтверждает показания Броневского:

«По прибытии моем к старой Рагузе французы находились на горах, кои они почитали неприступными, и сильно на них укрепились. Но сражение, бывшее 5-го числа июня, о котором я в донесении моем вашему императорскому величеству, с сим же курьером посылаемом, в подробности доношу, доказало французам, с коими противу нас сражались и рагузинцы, что для храбрых войск вашего императорского величества нет мест неприступных, ибо они везде разбили неприятеля и, отняв у него бывшие на батареях на горе 13 штук пушек, прогнали его вовсе в новую Рагузу, где он должен был запереться. Урон неприятельский, сколько известно, состоял почти из 450 человек убитых и раненых, в числе первых один из генералов, именем Дельгог...»

Главные усилия в достижении этой победы пали на долю неустрашимых русских войск.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА СЕНЯВИНА С ФРАНЦУЗАМИ И АВСТРИЙЦАМИ ИЗ-ЗА БОКО-ДИ-КАТТАРО

Военная победа, одержанная Сенявиным 5 июня 1806 г. над французами, оказалась на первых порах лишенной какой бы то ни было дипломатической поддержки. В июне и начале июля 1806 г. в Вене, Петербурге, Париже и Лондоне происходили события, о которых Сенявин не имел (и не мог иметь) ни малейшего представления, пока на него не обрушился неожиданный удар.

Дело в том, что угрозы Наполеона, направленные против Австрии, приобрели, наконец, почти ультимативный характер. Императору Францу оставалось либо самым категорическим образом требовать от Александра удаления русских войск из Боко-ди-Каттаро и отдачи этого города австрийцам для немедленной дальнейшей передачи его французам, либо быть готовым к новой, совершенно безнадежной войне с Наполеоном. Русский посол в Вене Разумовский подвергался сильному нажиму со стороны австрийского правительства. Александр не хотел допустить нового разгрома Австрии, на которую он, несмотря на Аустерлиц и Пресбургский мир, все же рассчитывал как на некоторую опору в будущей борьбе против Наполеона. *Вместе с тем из Лондона приходили тревожные слухи о том,* что министерство после смерти Вильяма Питта желает круто повернуть руль британской политики и идти на мир с Наполеоном, для чего и послало в Париж лорда Ярмута, который уже и вступил в переговоры с французским министром иностранных дел князем Талейраном. Пруссия еще не освоилась с мыслью, что Наполеон ее кругом обманул и что не видать ей обещанного Ганновера. Фридрих-Вильгельм III еще льстил себя надеждой на поживу от навязанного ему насильно «союза» с Францией. Прусского министра Гаугвица считали всецело преданным Наполеону. В такой сложной обстановке царь решился на то, чего не пожелал сделать после Аустерлица: тоже вступить в переговоры с Наполеоном, который больше всего домогался заключения мира с Россией. Советнику посольства Убри было дано звание русского уполномоченного по ведению этих переговоров, и он был командирован в Париж. 8 июля 1806 г. в Париже русский уполномоченный Убри и французский уполномоченный генерал Кларк подписали мирный договор между Францией и Россией.

Совершилось то, что еще накануне считалось немыслимым. Незадолго до этого Сенявину еще писали из морского министерства, инструктируя его о русской политике: «Берлинский кабинет, который находится ныне под управлением графа Гаугвица, министра, совершенно преданного Франции, не подает ни ма-

лейшей надежды, чтобы в настоящих обстоятельствах можно было обратить решимость оного на всеобщую Европы пользу. Почему и остается нам только тщательнейше наблюдать за поведением Пруссии, дабы она по связям своим с Францией не обнаружила со временем излишнюю на внушения сей державы податливость, которая могла бы для России соделаться вредною». Казалось бы, ясно, почему «его величество готов объясниться о средствах восстановить всеобщий мир, если Франция с своей стороны обнаружит приличную к тому податливость». Но тут же было прибавлено нечто такое, что давало Сенявину надежду, хотя еще очень неясную и смутную: «На случай, однако же, если Бонапарте под каким бы то ни было предлогом восхотел обратить оружие свое противу Пруссии, то государь император, движим будучи единственно желанием спасти Европу от неизбежной уже гибели, не откажется поспешить ей на помощь всеми силами, в его распоряжении находящимися».

В пересланной Сенявину для сведения, руководства и исполнения выписке из документа, подписанного 8 июля 1806 г. русским уполномоченным Убри и французским генералом Кларком, значилось, что русские должны отдать Наполеону Боко-ди-Каттаро так же, как области Рагузу, Черногорию и Далмацию, причем Наполеон обещает республике Рагузинской «независимость ее, дабы она пользовалась оною, как и прежде под поручительством Порты Оттоманской». При этом Наполеон обещает, что французы эвакуируют «турецкую область Черногорию, если по обстоятельствам войны они туда вступили» [1]. А они туда вовсе не вступали!

Сенявин получил этот документ лишь в августе, когда обстоятельства сложились так, что адмирал мог его не исполнить.

Но еще до того, как он получил эту выписку из трактата Убри — Кларка, Сенявину пришлось выдержать большой натиск со стороны австрийцев, которым вовсе не нужно было ждать подписания договора Убри, чтобы, опираясь на прямое приказание Александра, потребовать от Сенявина ухода из Боко-ди-Каттаро. Но Сенявин медлил и вел свою линию. Ведь он и сражение 5 июня начал, уже зная, что царь велел ему передать Боко-ди-Каттаро австрийцам, то есть фактически — через австрийцев — французам. Мы знаем из документов, что уже 4 июня, значит накануне боя, статский советник Санковский известил адмирала о решении царя. Получив это извещение от Санковского, Сенявин решил скрыть его от населения и продолжал военные действия. «... до того времени, пока можно было сие обстоятельство содержать в тайне, войска черногорские и приморские весьма дружно и храбро содействовали с нашими регулярными противу французов, что

весьма много способствовало и одержанной над неприятелем июня 5-го славной победе»,— доносил впоследствии Сенявин. Но долго нельзя было, конечно, делать политику, решительно несогласную с волею царя: «...когда господин Санковский начал приготовлять народ к принятию с повиновением решения вашего императорского величества, то оное уже тогда не могло быть тайной, и с тех пор войска черногорские и приморские, пребывая в совершенном унынии, не оказали уже толикой храбрости. Воображение, что они принуждены сделаться австрийскими подданными, а потом к вящему своему несчастью порабощены будут и французами, крайне угнетало их дух, и они от сего потеряли всю свою бодрость против французов»,— доносил впоследствии Сенявин царю [2].

От Адама Чарторыйского и возглавляемого им министерства иностранных дел Сенявин в эти критические июньские дни 1806 г. отделался уже испытанным им простым способом: царь велел ему запрашивать обо всем, в чем он будет иметь необходимость, министерство иностранных дел через русского посла в Вене Разумовского, а Сенявин ни к Разумовскому, ни к его начальнику Адаму Чарторыйскому ни за какими инструкциями не обращался. И когда пришла 8 июня привезенная поручиком Феншем бумага от Чарторыйского, то Сенявин вместо какой-либо просьбы об инструкциях известил Чарторыйского в самой почтительной и ласковой форме, что он не совсем понимает, чего, собственно, князь Адам Адамович от него хочет. «Благоволите, милостивый государь, также принять нелицеприятную мою благодарность за лестный ваш обо мне отзыв и доброжелательство и при сем же случае позвольте мне испросить вашего наставления, в каких именно случаях и по каким предметам имею относиться к вашему сиятельству, ибо, находясь в недоумении касательно *нового распоряжения* (подчеркнуто Сенявиным — *Е. Т.*), о коем вы изволите упоминать в депеше вашей, я опасаюсь, с одной стороны, сделать какое упущение или же, с другой, утруждать ваше сиятельство неуместными донесениями и письмами» [3]. Этот вопрос о недоумении по поводу запросов месяца на $2^1/_2$—3 избавлял Сенявина от забот и докуки со стороны Адама Адамовича и министерства иностранных дел. Но что было делать со статским советником Санковским, бывшим тут же, в Боко-ди-Каттаро? Он определенно желал приступить к выполнению царского приказа. Смятение в Боко-ди-Каттаро воцарилось неописуемое. Сенявин на своем флагманском «Селафаиле» пошел в Боко-ди-Каттаро.

Едва 25 июня «Селафаил» стал на якорь в Кастельнуово, как к нему явилась депутация от восьми коммунитатов города и бокезской области и вручила следующее, напечатанное Владимиром Броневским в русском переводе прошение:

«Ваше высокопревосходительство!

Наш препочтенный начальник и покровитель!

Услыша, что государю императору угодно область нашу отдать французам, мы именем всего народа объявляем: не желая противиться воле монарха нашего, единодушно согласились, предав все огню, оставить отечество и следовать повсюду за твоим флотом. Пусть одна пустыня, покрытая пеплом, насытит жадность Бонапарте, пусть он узнает, что храброму славянину легче не иметь отечества и скитаться по свету, нежели быть его рабом. Тебе вестна любовь и преданность наша к монарху нашему, ты видел, что мы не щадили ни жизни, ни имущества для славы России; к тебе же, благодушный великий амирант наш (так обыкновенно называли адмирала), именем старцев, жен и чад наших прибегаем и просим, предстательствуй у престола монарха милосердого и сердобольного, склони его к молениям нашим, да не отринет он народа, ему верного, народа, жертвующего достоянием и отечеством, любезным каждому гражданину, для малого уголка земли в обширной его империи. Там под его державою в мирном и безопасном убежище уверены, что святотатственная рука грабителей Европы не коснется праха костей наших, и там, посвятив себя службе нового, но родного нам отечества, мы утешимся, позабудем потери наши и вовеки благословлять будем имя его. Если же, противно ожиданию и надежде, мы должны повиноваться злейшим нашим врагам, врагам веры и человечества, если ты не можешь позволить нам следовать за тобою, то останься спокойным зрителем нашей погибели. Мы решились с оружием в руках защищать свою независимость и готовы все до единого положить головы свои за отечество. Обороняя его, пусть кровь наша течет рекою, пусть могильные кресты свидетельствуют позднейшему потомству, что мы славную смерть предпочли постыдному рабству и не хотели другого подданства, кроме российского» [4].

Сенявин, выслушав все это, принял решение: несмотря на повеление царя, Боко-ди-Каттаро австрийцам не отдавать и военных действий против Рагузы не прекращать. Статский советник Санковский отступил перед этой решимостью. Славянское население сразу же воспрянуло духом после смелого решения Сенявина.

«Все дороги впереди наших постов заняли отборные отряды приморцев и черногорцев, партии их снова появились под стенами Рагузы. Благодарность и усердие бокезцев были беспримерны: вся область представляла военный лагерь и везде раздавалось: да здравствует Сенявин! Где бы он ни показался, многочисленные толпы с почтением сопровождали его.

...Дмитрий Николаевич, в душе кроткий, уклонялся от почестей и от всех изъявлений любви и благодарности к нему народной. Подчиненные его, на опыте познав личное его мужество, беспристрастную справедливость, не могли удивляться благородной его решимости, и, смею сказать, сия эпоха в жизни адмирала представляла истинное торжество гражданских и военных его добродетелей» [5].

Но дело этим, разумеется, не могло окончиться. Логика военного положения требовала от Сенявина, чтобы он, отказываясь сдать Боко-ди-Каттаро, предпринял те или иные шаги против генерала Лористона, с французским отрядом засевшего в Рагузе. Однако штурмовать укрепленную Рагузу, защищаемую многочисленным и прекрасно вооруженным французским гарнизоном, Сенявин не решился, тем более, что вносимая шаткостью и неопределенностью царской политики смута в умах продолжалась, и бокезцы уже не так помогали, как прежде, а в Рагузе жители, не зная своего ближайшего будущего, боясь, что завтра же русские уйдут, начали переходить на сторону французов. Сенявину верили, но в намерениях царя разобраться не могли. Итак, для такого трудного и рискованного дела, как штурм Рагузы, адмирал мог рассчитывать только на свои регулярные войска, бывшие под рукой, т. е. на 2300 человек. Пришлось приступить к осаде или, точнее, к блокаде Рагузы, причем необходимо было охранять очень растянутую линию. Флот Сенявина оказывал большую услугу военным действиям на суше. Он хватал французских корсаров, не допускал подвоза провианта с моря. Четыре роты «морских полков», свезенные с кораблей, подавали пехоте пример выносливости и неустрашимости. «Здесь надобно отдать справедливость неутомимым войскам в. и. в., которые, быв всегда на открытом воздухе, ибо палаток иметь ни место, ни обстоятельства не позволяли, могли держаться столько времени в совершенном бдении»,— доносил впоследствии Сенявин царю. Могли бы помочь черногорцы, но их нельзя было в тот момент полностью использовать, так как черногорцы сторожили, наблюдая, как бы турки не пропустили французов через Албанию. «Черногорцы, сей храбрый народ, но не привыкший к повиновению, за всеми мерами, употребляемыми митрополитом их, по склонности своей занимался более добычами, чем вспомоществовал в подкреплениях. За всем тем осталось только одно опасение, чтобы турки не пропустили неприятеля через свои земли, откуда можно поставить войска наши между двух огней. Но они уверяли, что без кровопролития никак не пропустят» [6],— писал Сенявин царю.

С тем же курьером адмирал отправил царю и новое донесение о вторичной присылке депутатов Боко-ди-Каттаро, умоля-

ющих русского главнокомандующего не отдавать город австрийцам. Сенявин рассчитывал этим смягчить возможное царское неудовольствие, вызванное прямым ослушанием адмирала. Вот что сообщал Сенявин Александру:

«Жители Бокки-ди-Каттаро, будучи от г. статского советника Санковского извещены о решении вашего императорского величества отдать их провинцию императору римскому, присылали ко мне на сих днях депутатов с просьбами и протестами их. Депутаты сии, заливаясь слезами и рыдая, еще изустно меня просили быть заступником их пред вами, всемилостивейший государь. Имев многократные опыты неограниченного и беспримерного их усердия и приверженности к вашему императорскому величеству, дерзаю и я всеподданнейше поднести к подножию престола вашего благоговейное мое прошение о всемилостивейшем покровительствовании вернейшей сей провинции...» [7]

Но вот 2 (14) июля [8] к Сенявину в качестве неожиданных гостей явились австрийский генерал граф Беллегард и с ним полковник граф Лепин, полномочные австрийские комиссары, и передали адмиралу непосредственное повеление Александра: «во уважение дружбы к австрийскому императору» царь повелевал Сенявину «сдать Катаро» австрийцам для передачи французам. Сенявин, по-прежнему решивший Боко-ди-Каттаро не отдавать, заявил австрийским полномочным комиссарам: «Пока Рагуза не оставлена будет французскими войсками и независимость республики не будет обеспечена верным поручительством, до тех пор Катаро не будет сдан австрийцам».

Натолкнувшись на такое сопротивление, граф Лепин отправился в Рагузу и стал убеждать генерала Лористона оставить Рагузу. Ничего из этого не вышло. 19 июля (31 июля) австрийцы снова явились к Сенявину. Граф Лепин на этот раз указал на то, что Наполеон угрожает Австрии не только дальнейшим удержанием крепости Браунау в своих руках, но и занятием других австрийских городов — Триеста и Фиуме, если австрийцы не добьются от Сенявина ухода русских войск из Боко-ди-Каттаро. Лепин предложил такой выход: австрийцы займут Новую Рагузу и, таким образом, отделят французов, стоящих в Старой Рагузе, от русских и этим дадут возможность русским войскам спокойно покинуть Боко-ди-Каттаро. Очевидно, австрийский полковник хотел этим успокоить русского адмирала. Но так как Сенявин и не думал беспокоиться, то он решил отвергнуть эту комбинацию, хотя, «дабы выиграть время и зная, что и оное предложение не могло быть исполнено, согласился для одного вида». Ведь он всякое свое решение обусловливал получением согласия от царя, то есть обеспечивал себе проволочку в 2—3 месяца.

И вдруг, в разгаре этих труднейших переговоров с австрийцами, на русского адмирала обрушился новый удар: из Анконы прибыл к Сенявину французский капитан Техтерман, привезший официальное письмо от русского представителя в Париже, статского советника Убри. Последний уведомлял Сенявина о том, что 8 июля он от имени Российской империи подписал мирный договор с Французской империей. К этому письму была приложена приведенная выше выписка из мирного трактата, в которой говорилось о согласии России отдать Наполеону как Рагузу, так и Боко-ди-Каттаро и очистить Далмацию. Казалось бы, тут уж ровно ничего не поделаешь...

Но Сенявин нашел способ и на этот раз оттянуть время и все-таки не уходить из Боко-ди-Каттаро. Он воспользовался следующими обстоятельствами. Во-первых, кто такой капитан Техтерман, привезший письмо от Убри? Почему у него нет специального паспорта («вида») от Убри? [9] Французского паспорта и письма от Убри адмиралу показалось мало для удостоверения личности Техтермана. Во-вторых, почему Техтерман «необыкновенным образом спешил возвратиться в Анкону, а бывши отпущен и воспользовавшись штилем, на своей требаке вошел в Рагузу».

Это поведение капитана Техтермана уничтожало, в глазах Сенявина, значение привезенной им выписки из мирного трактата: «Сей поступок внушил адмиралу подозрение касательно достоверности бумаг, им привезенных, и понудил ответствовать графу Лепину, что до получения новых повелений государя Катаро не может быть сдана». Австрийцы, понимая, конечно, что Сенявин только прикидывается, будто он считает Техтермана самозванцем, очень раздражились и прямо заявили, что считают новое промедление эвакуации Боко-ди-Каттаро «умышленным», выразили неудовольствие, что их корабль как бы взят под надзор, «огорчались, что наши гребные суда ходят дозором около австрийского брига, и перешли уже к прямым угрозам». Они прислали со своего брига Сенявину формальную «ноту», в которой заявляли, что «имеют повеление силою взять Каттаро...» и заключили свою ноту тем, что «не вступят ни в какие дальнейшие рассуждения».

Но Сенявин, которого не пугали и наполеоновские генералы, был решительно не способен испугаться двух австрийских графов с их бригом и несколькими судами, с которыми они пришли из Триеста. Дмитрий Николаевич принадлежал к тому поколению русских людей, молодость и зрелый возраст которых были овеяны впечатлениями и воспоминаниями суворовских, румянцевских, ушаковских побед на море и на суше. Ему была хорошо известна, та «привычка битым быть», в приверженности к которой Суворов так язвительно упрекал австрий-

цев. А ведь после смерти Суворова сколько раз еще Сенявин имел случай убедиться, насколько закоренелой является эта «привычка»: Маренго, Гогенлинден, Ульм...

Во всяком случае, «по причине сих угроз» Сенявин приказал капитану Белли воспрепятствовать вооруженной силой австрийцам, если они попробуют высадиться на берегу, и отныне установить за австрийскими судами наблюдение, как за неприятельскими. Кроме того, Сенявин решил потребовать у Беллегарда возвращения нескольких судов, принадлежавших жителям Боко-ди-Каттаро, на которых австрийцы привезли свой отряд. Словом, «генерал Беллегард совершенно лишен был способов приступить к насилию» [10].

На этом дело остановиться не могло. 27 июля на эскадру Сенявина прибыл из Франции русский штабс-капитан Магденко; он привез документы, вполне, конечно, подтверждавшие доставленные Техтерманом известия. На этот раз Убри прислал Сенявину полный дубликат мирного договора России с Францией. С Магденко приехал и французский капитан, который передал адмиралу письмо от принца Евгения Богарне, пасынка Наполеона и вице-короля Италии. Магденко передал Сенявину также «изустное подтверждение от Убри поспешить сдачей Каттаро». По-видимому, французы уже сообразили, что Сенявин будет чинить всякого рода препятствия и придирки, лишь бы не отдавать Боко-ди-Каттаро, потому что на другой день после Магденко к адмиралу прибыл от вице-короля Евгения Богарне новый курьер — полковник Сорбье, который привез Сенявину новое письмо от Евгения и «третью депешу г. Убри, подтверждающую мир».

Но если Наполеон и вице-король, а также австрийские полномочные комиссары думали, что уж на этот раз Сенявину придется подчиниться, то они жестоко ошиблись. Он объявил, что согласен прекратить военные действия, если французы сделают то же самое, но что, хотя он уже более не сомневается в подлинности документов, присланных ему от Убри, Боко-ди-Каттаро он все-таки не отдаст ни австрийцам, ни французам. Австрийцам он не отдаст города, ибо «оная сдача по сему миру остановлена» (в самом деле, в мирном договоре ничего об австрийцах не говорится, и речь идет о сдаче Боко-ди-Каттаро французам). А французам он тоже не отдаст города потому, что хотя он, Сенявин, уже не сомневается в подлинности договора, подписанного Убри, но, «не зная полномочий, какие были даны сему министру», еще подождет, как этот договор будет принят царем.

В подлинном донесении Сенявина, посланном царю значительно позже (18 августа 1806 г.), есть одна подробность, которой мы не находим в детальном изложении Броневского. Оказывается, в ночь с 30 на 31 июля Беллегард и Лепин «торже-

ственно протестовали противу непосредственной сдачи Бокки-ди-Каттаро французам, а затем Сенявин поехал к Лористону и заявил, что, по его мнению, австрийцы имеют, несомненно, право протестовать» [11].

Другими словами, Сенявин очень искусно противопоставлял австрийцев французам, твердо решив не отдавать города ни тем, ни другим. С австрийцами же он вообще не пожелал больше разговаривать: когда они, «...встревоженные сим, требовали объяснений», Сенявин «поручил отвечать» Санковскому, «но г. Санковский сказался больным и не хотел вступать ни в какие переговоры». Санковскому, впрочем, ничего и не оставалось делать, как только заболеть: ведь Сенявин еще в самом начале этих споров с австрийскими комиссарами прямо заявил им, что он «не счел нужным сообщить ноту Беллегарда Санковскому, пока французы не очистят Рагузу» [12].

Французы были раздражены неожиданным для них образом действий Сенявина. «Несмотря на мир с русскими, подписанный г. Убри 20 июля, они не предпринимали никаких мер для передачи нам Каттаро. Адмирал Сенявин отвечал на мои сообщения неясным и уклончивым образом. Кроме того, он должен был ожидать приказов своего двора, чтобы выполнить договор, который еще не был ратифицирован»,— пишет в своих «Воспоминаниях» маршал Мармон. Он чуял недоброе: «Между тем распространился слух о том, что война продолжается, русский адмирал получал ежедневно подкрепления, сухопутные войска прибывали с о. Корфу под начальством генерала Попандопуло. Эти распоряжения вовсе не казались миролюбивыми... стали подозревать намерения адмирала Сенявина. У него предполагали вражду против нас, боялись, чтобы он не выдал Каттаро англичанам, подобно тому как австрийцы выдали этот город ему самому. С минуты на минуту англичане могли прибыть и войти в форты; все представлялось неверным и темным» [13].

30 июля к Сенявину явился из Рагузы генерал Лористон от имени нового французского главнокомандующего генерала Мармона. Сенявин, как уже сказано, заявил, что он не отказывается выполнить договор Убри — Кларка, а только ждет утверждения его государем. Поэтому Лористон просил его заблаговременно успокоить бокезский народ и «верить, что Наполеон обещает забыть все прошедшее». «Лучший способ успокоить жителей был бы тот,— отвечал Сенявин,— чтобы торжественно обнадежить их, что они не будут обременены налогами, контрибуциями, деланием дорог...» На вопрос, когда же он сдаст Боко-ди-Каттаро, Сенявин отвечал: 15 августа. Австрийцы настаивали все-таки, чтобы город был уступлен сначала им. Они были на сей раз очень любезны и ласковы, «прежние угрозы сменили на ласковые убеждения» и признались откро-

венно, что причина их прежней настойчивости заключалась в том, что Мармон и Лористон их уверили, будто Сенявин хочет сдать Боко-ди-Каттаро англичанам. Для общей политической ситуации эти сведения необычайно характерны. Ясно, что, во-первых, Мармон, зная о близившихся уже к положительному для французов результату переговорах Убри с Кларком, не верил ни Александру, ни — еще меньше — Сенявину и считал, что адмирал может на прощанье удружить им сдачей Боко-ди-Каттаро англичанам. А, во-вторых, интересно и то, что, даже предполагая такую серьезную опасность, генерал Мармон, впоследствии маршал и герцог Рагузский, один из способнейших генералов Наполеона, месяцами не решался идти на открытый бой и штурм Боко-ди-Каттаро, чтобы вырвать город из рук Сенявина.

Нажим со стороны французов усиливался с каждым днем, и Сенявин хватался за первый попавшийся предлог, чтобы все-таки не отдавать Боко-ди-Каттаро. Вот что писал генерал Лористон Мармону 11 августа: «Я только что говорил с адмиралом Сенявиным, мой дорогой Мармон, и я с ним условился о том, каким образом произойдет передача города и фортов Боко-ди-Каттаро. Я не мог назначить день, потому что г. адмирал не может ничего решить без статского советника Санковского, которому поручена вся гражданская часть. Г. Санковский нездоров и находится в Каттаро. Я дал понять адмиралу, что эта болезнь не должна нисколько задержать выполнение мирного договора...» [14]

Очень уж торопился Лористон! Он не знал, что Сенявин вовсе не зависел от Санковского и что Санковский находился в полном здравии, а «болезнь» его понадобилась Сенявину лишь как предлог для проволочки.

Бесплодные переговоры продолжались, и в конце концов Сенявин объявил Лористону, что он «и не думает» приступать к эвакуации занятой им территории. Об этом «и не думано». И вот почему не думано: «еще нет примеров в истории, чтобы выполнение мирных статей когда-либо могло иметь место прежде размена ратификаций».

Тут уж открывались для французов перспективы похуже всех прежних проволочек и откладываний. Они понимали, что значит ждать ратификации договора обоими императорами, а потом ждать, чтобы Сенявину прислали копию ратифицированного текста, а потом еще может случиться, что адмиралу опять покажется не в полном порядке паспорт курьера и т. д. По показанию Броневского, «Лористон, удивленный такой переменой, прекратил переговоры и, свидетельствуя личное свое уважение адмиралу, сожалея о потерянном времени и прощаясь по обычаю французских дипломатиков, сказал: „что он от сей остановки опасается весьма бедственных для Европы след-

ствий и что адмирал сим отлагательством навлечет государю своему и отечеству большие неприятности». Это уж была прямая угроза Сенявину. Лористон отбыл к себе в Рагузу. Но появились снова австрийцы. Они решили сделать, так сказать, радостное лицо и истолковать конец переговоров Сенявина с французами в том смысле, что адмирал проявил к ним, австрийцам, «участие в их трудном положении» и, наконец, решил сдать Боко-ди-Каттаро им, а не французам. Они даже поспешили «поблагодарить» адмирала за это «участие». А тут еще кстати для них прибыл 13 августа курьер от венского посла Разумовского. Граф переслал Сенявину депешу министра морских сил, «в коей содержалось подтверждение воли государя относительно сдачи Боко-ди-Каттаро австрийцам». И все-таки ровно ничего хорошего для австрийцев не вышло. Сенявин отвечал, что он желает подождать еще и новых повелений императора Александра, «и прежде получения оных Катаро не будет сдана ни французам, ни австрийцам». Австрийцы снова обозлились до крайности. «По отъезде Лористона австрийские уполномоченные снова подали несколько нот, просили, убеждали, настоятельно требовали, снова потеряли границы умеренности и позволили себе неприличные выражения; адмирал нашел благоразумным не входить с ними ни в какие дальнейшие пояснения». А с австрийскими нотами поступил так же, как с фрацузскими.

На что надеялся Сенявин, совершая свои, с формальной, служебной точки зрения, неслыханные, поистине рискованные поступки, совершенно открыто и упорно нарушая категорически, в служебном порядке, через прямое начальство объявленную ему волю императора Александра и возобновляя своим поведением войну России с Наполеоном, только что прекращенную мирным договором 8 (20) июля 1806 г.?

Но фактически он нарушал «волю» не царя, а неудачного дипломата Убри, кругом обманутого Талейраном.

Сказать, что он надеялся на чудо,— нельзя. Дмитрий Николаевич никогда склонности к особому мистицизму не проявлял. Спасло его от почти неминуемого военного суда, от ответственности за эти действия не чудо, а очередное крутое изменение дипломатической позиции Российской империи в конце лета 1806 г. И Александр тотчас же признал вполне разумными действия «непослушного» адмирала.

Явно разорительные и для русского дворянства, и для купечества, и для устойчивости русской валюты последствия мирного договора с французами сказались уже в 1806 г., до Тильзита, потому что одни только слухи о мире Александра с Наполеоном сделали для русских торговых судов опасными встречи на море с англичанами.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ СЕНЯВИНЫМ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ ФРАНЦУЗОВ

Александр, вопреки ожиданиям многих дипломатов Европы и прежде всего вопреки ожиданиям Наполеона, отказался ратифицировать договор, заключенный Убри, и велел своему представителю прекратить дальнейшие действия впредь до нового распоряжения. Александр очень благодарил Сенявина.

Дело в том, что на далекой от Сенявина центральной европейской политической арене быстро развертывались исторические события громадного значения, и обстановка менялась так часто, что, и близко стоя ко всему происходившему, за ней трудно было уследить.

В начале июля 1806 г., когда Убри подписывал свой договор, было одно, а 31 июля, когда Александру представлен был этот документ для ратификации,— наступило совсем другое.

Во-первых, окончательно обнаружилось, что Англия на мир с Наполеоном не пойдет, что надежды, возлагавшиеся в Париже на переход власти к Фоксу после смерти Питта, тщетны и что из переговоров лорда Ярмута ничего не выйдет. Во-вторых, в Пруссии с каждым днем возрастали страх, вражда и жестокое раздражение против Наполеона, создавшего Рейнский союз летом 1806 г., подчинившего себе половину германских государств и не давшего Пруссии обещанного Ганновера. Отношения двора Фридриха-Вильгельма с Наполеоном становились все более напряженными, и серьезно поговаривали об очень близкой войне.

В России и царские сановники, и аристократия, и широкие дворянские круги не только не сочувствовали Наполеону, но желали ему поражения и не прощали Аустерлица. Поэтому представлялось необходимым поддержать Пруссию против страшного неприятеля: победа Наполеона могла лишь приблизить его к русской западной границе. Всех этих обстоятельств и соображений было вполне достаточно для царя, чтобы воздерживаться от ратификации мира, подписанного Убри, даже если отвлечься от слишком иногда преувеличиваемых некоторыми историками чисто персональных мотивов: аустерлицкая травма еще оказывала болезнетворное действие, а все уступки, на которые пошел Убри, представлялись именно как последствия Аустерлица, потому что этот договор являлся формальным окончанием (очень запоздалым) проигранной в предшествующем году кампании на моравских полях. Вырисовывался неожиданный случай снова выступить на поле брани и загладить Аустерлиц.

Все это вместе заставило царя отказаться в августе от ратификации договора, подписанного 8 июля 1806 г.

26 августа (ст. ст.) Сенявин узнал о своем неожиданном и полном торжестве; на эскадру прибыл русский фельдъегерь, привезший повеление Александра от 31 июля (ст. ст.), решительно отменявшее все прежние распоряжения, которые посылались, пока царь еще не остановился на решении отказать в ратификации договора Убри.

Итак, война России против Наполеона, прерванная переговорами Убри, возобновилась. На главном театре военных действий, то есть в Восточной Пруссии, она началась фактически лишь в ноябре (1806 г.), а Сенявин начал ее уже очень скоро после получения радостного для него известия в сентябре 1806 г.

Его дерзкое неповиновение царской воле было вполне оправдано; русские военные позиции не были уступлены, и генералам Мармону и Лористону предстояла нелегкая и очень долгая борьба.

Мармон узнал раньше, чем Сенявин, что Александр не пожелал ратифицировать русско-французский проект мирного договора, подписанный Убри 8 июля 1806 г., и он всячески торопился вынудить Сенявина к сдаче Боко-ди-Каттаро. Но 7 (19) сентября Сенявин получил уже и официальный документ: повеление Александра от 12 (24) августа о возобновлении военных действий против французов. Уже 14 (26) сентября черногорцы под предводительством владыки Петра Негоша подошли к французскому лагерю и, поддержанные вылазкой из Боко-ди-Каттаро и русским флотом, обстрелявшим с моря Пунта д'Остро, обратили французов в бегство, остановить которое Мармону не удалось. Мало того, на другой день, 15 (27) сентября, наступление возобновилось, и Мармон был еще дальше отогнан от города.

Трудная была эта затянувшаяся борьба с крупным отрядом, находившимся в распоряжении Мармона. И все-таки очень долго французы ровно ничего не могли поделать. Черногорцы с момента прихода сенявинской эскадры сражались с утроенной энергией и уверенностью. Наполеон раздражался и рекомендовал своему маршалу покончить с «разбойниками» и «варварами» черногорцами. Но, сидя в Париже, легко было давать эти советы. Мармон, при всей своей самоуверенности, так часто переходившей у него в необузданное хвастовство, все же стал в конце концов понимать, что справиться с «разбойничьим гнездом» на Черной Горе — дело необычайно трудное.

Вообще широкие планы Наполеона, клонившиеся к завоеванию Далмации и Черногории, были сведены русским сопротивлением в 1806 г. к нулю. Завоевателю пришлось ждать середины 1807 г., когда он получил по договору в Тильзите то, что ему не захотел отдать и не отдал Сенявин. А программа

относительно Черногории у Наполеона была вполне определенная.

Вице-король Италии принц Евгений сообщил генералу Мармону еще 2 августа 1806 г. приказ Наполеона, в котором говорилось следующее: «После того как пройдут большие (летние) жары, пусть генерал Мармон соберет все свои силы и, имея двенадцать тысяч человек, нагрянет на черногорцев, чтобы отплатить им за все содеянные ими варварские поступки. Пока эти разбойники не получат хороший урок, они всегда будут готовы выступить против нас». Но Наполеон рекомендует осторожность в войне против черногорцев. Он приказывает Мармону «хитрить (dissimuler) с черногорским епископом, а около 15 или 20 сентября, когда наступит прохлада и он примет все предосторожности и усыпит своих врагов, он соберет двенадцать или пятнадцать тысяч человек, способных воевать в горах, с несколькими пушками и раздавит черногорцев» [1].

Мармон укрепился в Рагузе и старался создать себе там прочную базу ввиду предстоящей борьбы с Сенявиным, которую он стал считать неизбежной. «Я бесконечно много раз требовал от адмирала, чтобы он выдал мне Боко-ди-Каттаро, но его ответы, всегда рассчитанные на откладывание, показывали его недобросовестность, и я должен был не доверять и наперед готовить средства, чтобы бороться с этим»,— писал он. Придвигаясь все ближе к Боко-ди-Каттаро, Мармон занял в двух милях от этого города небольшой порт Молонту и высадил артиллерию на мыс Пунта д'Остро — к западу от залива, в глубине которого находится Боко-ди-Каттаро. Русские начали обстреливать французов, строивших батарею в этом пункте. «Адмирал не переменил своего тона и, напротив, объявил, что у него есть приказ охранять Боко-ди-Каттаро: это означало продолжение войны»,— пишет Мармон. Он недолго оставался в недоумении: «Эти мои операции были в разгаре, когда я получил одновременно известие, что русский император отказался ратифицировать договор, подписанный Убри, и приказ войти в Далмацию и занять наблюдательную позицию перед австрийцами, озаботившись предварительно защитой Рагузы». А так как Сенявин продолжал обстреливать Пунта д'Остро, то даже убрать оттуда только что выстроенную французами батарею было трудно. «Я не мог убрать мою материальную часть иначе, как только с согласия адмирала»,— признается маршал Мармон. «Я послал на его корабль заявление, что батарея была предназначена исключительно для защиты устьев (Каттаро), на передачу которых я имел основание рассчитывать, но так как обстоятельства изменились, то я соглашаюсь увезти мою артиллерию с Пунта д'Остро при условии, что он не будет чинить никаких препятствий; он обязался — и (мы) взялись за работу». Тут

Мармон «стилизует» рассказ. Ничего Сенявин не «обязался» делать, а просто маршал хочет скрыть полный провал своего предприятия на Пунта д'Остро, свалив все на мнимое вероломство русского адмирала: «Когда батареи были уже оголены и пушки погружены на барки, Сенявин переменил свое мнение... Я приказал тогда бросить пушки в море, а порох, ядра и все то, что можно было унести легко,— перенесть сухим путем, остальное было уничтожено. Это начало кампании никуда не годилось»,— справедливо замечает Мармон [2]. Но он надеялся взять реванш в будущем.

Раздражали и беспокоили французов и отважные действия сенявинской эскадры на Адриатическом море, где русский флот буквально установил полное господство.

В течение всей осени 1806 г. Сенявин посылал свои корабли перехватывать на Адриатическом море французские и итальянские торговые суда и наносил большой урон неприятельской торговле и снабжению портов, находившихся во власти Наполеона. «...Сенявин употребил все свое внимание на деятельнейшее нанесение вреда неприятелю помощию флота, недопущением никаких пособий к нему через море и истреблением его торговли. Наши корабли ежегодно приводили призы. К концу октября осуждено было оных трибуналом кастельновским более чем на два миллиона рублей. В плену у нас находились 1 генерал, 2 полковника, 150 штаб- и обер-офицеров и до 3000 солдат. Но важнейшее приобретение состояло в перехвачении 370 инженерных офицеров с ротой саперов, коих Наполеон, заключив мир с Россией, послал в Боснию и в Константинополь для делания укреплений по снабженным от него же планам, кои также достались нам в руки» [3]. С каждым месяцем эти действия флота становились все более значительными.

Сенявинский флот вредил прежде всего итальянской торговле, и немудрено, что вице-король с тревогой следил за действиями русского адмирала на суше и на море.

8 сентября 1806 г. принц Евгений, вице-король Италии, получив известие, что царь отказался ратифицировать мирный договор с Францией, спешит уведомить об этом Мармона. Тогда же он сообщил Мармону и слух, будто бы Россия объявила войну Турции. Но слух этот был преждевременным. А пока Евгений не скрывает своего беспокойства. Что делать? Сенявин оказался и хитрее и сильнее, чем французы думали, и с этим приходилось считаться. «Так как я предполагаю, господин генерал Мармон, что вы еще не могли овладеть Каттаро, то я спешу вас предупредить, что теперь уже прошло время это сделать»,— пишет принц Евгений Мармону 24 сентября 1806 г. Предвидится выступление Пруссии против Наполеона, а «враг усилится и подкрепится всеми способами». Следует, укрепив

Рагузу и оставив там генерала Лористона с отрядом, самому Мармону уйти в город Зару (в Далмации) и там с большею частью войск укрепиться. Вице-король полагает, что «в этой области война должна уже стать только оборонительной» [4]. Вообще же Мармону рекомендуется «потихоньку» (tout doucement) отступать к Далмации, то есть подальше от Сенявина с его бокезцами и черногорцами.

А между тем, как надеялся вице-король еще в июле и августе, что Сенявин сдаст свои позиции! «Напрасно наемные журналисты старались всех уверить, что Катаро взята, о чем в Венеции в театре и барабанном бое объявили, напротив того, скоро везде узнали, что Сенявин, не дав обмануть себя переговорами, разбил славных генералов и остался спокойным обладателем провинции Катарской»,— пишет В. Броневский [5].

Военные действия Сенявин возобновил немедленно. Французы, как уже сказано, стояли на мысе Пунта д'Остро, который находится у входа в Бокезский залив из Адриатического моря. Сюда Мармон имел неосторожность привезти несколько орудий большого калибра. Когда получено было известие об отказе Александра ратифицировать договор Убри, Сенявин «на другой же день посадил на гребные суда отряд из 1000 человек», напал на Пунта д'Остро, отрезав французам пути отступления к Рагузе, и «почти без сопротивления взял их батареи и отряд французов, на них бывший» [6].

Начиная военные действия против французов, Сенявин отдавал себе полный отчет в их важности и трудности. 14 сентября он изложил свои соображения по этому поводу в докладе Павлу Васильевичу Чичагову, управлявшему тогда морским ведомством.

Необходимость занятия русскими Боко-ди-Каттаро Сенявин прежде всего объяснял с политико-стратегической точки зрения, имея в виду борьбу с Турцией и Наполеоном.

Хотя бокезцы всецело желали упрочения России в их городе и области, русским нельзя было положиться только на помощь этих славянских народов, храбрых в бою, но не привыкших к регулярной войне и неохотно отдалявшихся от своих домов и семейств. Поэтому без серьезных русских регулярных воинских сил не обойтись, если придется длительно отстаивать эту землю от такого сильного врага, как французы.

Ввиду этого Сенявин настойчиво указывал Чичагову (очевидно, для непосредственного доклада царю), что необходимо значительно увеличить отряд, находившийся в его распоряжении, а для того, чтобы успешно бороться с французами, нужно эту значительную армию регулярно снабжать всем необходимым. Сделать же это было возможно, пока сохранялся мир

с турками, через Босфор и Дарданеллы: Херсон, Одесса и Николаев явились бы в таком случае базами снабжения для русской армии, воюющей в Далмации и борющейся за Боко-ди-Каттаро и Рагузу. Но «если запрут нам Константинопольский пролив,— писал Сенявин,— то войска и эскадра останутся здесь в самом затруднительном и бедственном положении».

Другое условие успешной борьбы с французами заключалось в том, чтобы французские силы были заняты войной на севере. Иначе они, владея Италией и находясь в Далмации, могут подвезти очень большие силы, переведя их сюда также из армии, которая находилась у них в германских землях, а также «из самой Франции». Для обороны у русских пока «способов» мало, всего около трех тысяч регулярных войск. Но если французы «принуждены будут обратить главную свою силу в другую сторону и невозможным им сделается посылать сикурсы, то мы, получив некоторое подкрепление сухопутных войск, вместе со здешними народами можем не только побудить французов к оставлению рагузинской области, но и в состоянии будем далее распространить наши подвиги, и до самой Истрии».

Другими словами, Сенявин очень надеялся на предстоявшую войну Наполеона против Пруссии, что позволило бы удержать Боко-ди-Каттаро в русских руках. Иначе «мы можем лишиться всего нашего влияния у бокезов, черногорцев и других славянских народов» [7].

Одно желание Сенявина исполнилось. Наполеон оказался надолго занят «на севере» войной сначала против Пруссии (с конца сентября 1806 г.), а потом (с ноября 1806 г. до середины июня 1807 г.) против Пруссии и России и послать большую армию на далматинское побережье не счел возможным. Но второе условие, требовавшееся, по мнению Сенявина, для прочности русской позиции на Адриатическом море, не осуществилось: между Турцией и Россией, как увидим дальше, вспыхнула война, закрывшая для русских судов Босфор и Дарданеллы.

УСПЕШНЫЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ РУССКИХ И ЧЕРНОГОРЦЕВ ПРОТИВ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙСК И ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ СЕНЯВИНА В БОКО-ДИ-КАТТАРО

В конце сентября 1806 г. между силами Сенявина, которому помогали бокезцы и черногорцы, и войсками Мармона произошло несколько боевых столкновений. Об этих столкновениях у нас есть три непосредственных свидетельства: во-первых, донесение Сенявина царю [1], во-вторых, описание дела у Бро-

невского[2] и, в-третьих, показание генерала (впоследствии маршала) Мармона[3].

Действия происходили близ Кастельнуово и Спаньоло и начались по инициативе Сенявина. Командовавший первым выступившим русским отрядом генерал-майор Попандопуло принудил французов к отступлению и 14 сентября захватил брошенную неприятелем артиллерию. 15 сентября митрополит черногорский Петр Негош занял так называемый Дебелый брег[4]. Французы вернулись в Старую Рагузу, но было ясно, что дело едва только начинается. Сенявин после совещания с Негошем и графом Невличем, который командовал «приморцами» (т. е. славянами как бокезской, так и пограничной части рагузинской области, жившими в селениях по морскому побережью), решил атаковать неприятеля 19 или 20 сентября с двух сторон: 1) с суши, где у адмирала было в общей сложности более 2000 регулярных войск и столько же иррегулярных, и 2) с моря, где были наготове три корабля и один фрегат. А до той поры черногорцы тревожили неприятеля у самого французского лагеря. 18 сентября генерал Попандопуло с целью ближней разведки подошел к французским позициям. Французы отогнали в этот день черногорцев, а затем вышли из своего расположения сильной колонной и принудили генерала Попандопуло, опасавшегося обхода, отступить с Дебелого брега к границе бокезской области. Тут на его новую позицию прибыло вызванное Сенявиным с о. Корфу подкрепление: два батальона и четыре роты. 19 сентября 1806 г. французы пошли в общую атаку с нескольких пунктов. Несмотря на помощь, немедленно оказанную генералом Попандопуло, черногорцы и бокезцы были сбиты атакой и отброшены в горы к селению Мокрино, где и удерживали неприятеля. В это время сражение разгорелось по всей линии. К французам непрерывно подходили новые и новые подкрепления, и вскоре у неприятеля оказалось до 12 тысяч регулярных войск, до 3 тысяч рагузинцев, завербованных Мармоном после занятия Рагузы, и еще так называемый «восточный легион» из греков и разных горных народов» (как пишет Сенявин в донесении царю).

Генерал Попандопуло под давлением сил, далеко превосходящих его собственные, стал медленно отступать, оказывая самое упорное сопротивление.

Русские войска дошли до берега и здесь получили существенную поддержку с моря: канонерские лодки своей артиллерией остановили неприятеля. Таким образом, три тысячи человек, которые в течение семи часов вели бой против неприятеля, «превосходящего их почти в четыре раза», обнаружили «удивительную храбрость, неустрашимость и рвение». Русские

потеряли в этот день 245 человек, черногорцы и приморцы — 22 человека убитыми и 26 ранеными.

На другой день, 20 сентября, французы двинулись в атаку двумя отрядами. Их целью было нападение на укрепления, вынесенные перед крепостью. Отбросив первый отряд неприятеля, русские, приблизившись к линии, занятой черногорцами, перешли в контратаку. После пятичасового ожесточенного сражения французы начали отходить к своему главному лагерю.

Наступило 21 сентября (3 октября) 1806 г. И тут только обнаружилось, что и французы также считают дело, бывшее накануне, проигранным: генерал Мармон приказал своим силам отступить и возвратиться в Старую Рагузу. Петр Негош со своими черногорцами яростно преследовал отступавшего неприятеля. Мстя за сожжение своих домов, черногорцы выжгли рагузинские селения, принявшие французское подданство и подчинившиеся Мармону.

Немедленно восстановилось положение, бывшее до начала этих трехдневных боевых столкновений. Русские и черногорцы опять оказались на рагузинской территории, а со стороны моря рагузинскую республику защищали, приблизившись к самому берегу, три корабля, два брига и один фрегат сенявинской эскадры.

Сражение показало, что если у русских нет достаточных сил, чтобы взять Рагузу, то и у Мармона нет достаточных сил (хотя его армия была вчетверо больше русской), чтобы взять Боко-ди-Каттаро. А господство на море французы тут даже и думать не смели оспаривать у Сенявина.

Подробное донесение Сенявина Александру подтверждается во всех существенных частях показанием Броневского. Но он считает, что в итоге трехдневных боев (19, 20 и 21 сентября) русские потеряли до 800 человек, а неприятель 1300 рядовых и 47 штаб- и обер-офицеров только пленными, а в общей сложности убитыми и пленными до 3000 человек и 50 пушек. Эти сведения были собраны позднее.

Кровопролитие не окончилось 21 сентября. Броневский сообщает, что 22 и 23 сентября (4 и 5 октября) «большие партии черногорцев, пройдя мимо крепостей, вокруг Старой и даже Новой Рагузы, предали все огню и мечу и с добычей, без малейшего помешательства от французов, возвратились в дома».

После отступления французов 21 сентября обнаружилось, что они побросали все снаряжение и семь пушек,— так поспешно возвращались они в Рагузу. Сенявин был восхищен храбростью своих победоносных войск, велел в знак победы устроить всей армии хороший обед с выдачей вина, а особенно отличившихся наградил.

Сенявин непременно хотел придать этому устроенному им банкету характер чествования простого русского солдата, одержавшего победу в таких труднейших условиях. Так это и поняли присутствовавшие:

«Здоровье егеря Ефимова объявлено из первых, причем сделано было пять выстрелов, а товарищи его при восклицаниях: ура! качали его на руках. Таким образом все приглашенные удостоены были особенной почести питья за их здоровье. Участники сего празднества не могли без умиления об оном рассказывать; все солдаты столь живо чувствовали сию необыкновенную честь, что усердные, искренние приветствия: *Дай боже здравствовать отцу нашему начальнику!* произносились с восторгом беспрерывно. По окончании уже стола игумен монастыря Савино, восьмидесятилетний старец, вошел в палатку, приветствовал адмирала истинным, верным изображением всеобщих к нему чувствований любви и признательности. Последние слова его речи были: *Да здравствует Сенявин!* и слова сии повторились войском и собравшимся во множестве народом сильнее грома пушек. Адмирал отклонил от себя все особенные ему предложенные почести. Знать совершенно цену добрым начальникам и уметь быть к ним благодарным за все их попечения и внимание всегда было и будет коренною добродетелью Русского солдата.

Вот средства и причины, которыми Сенявин приобрел неограниченную доверенность от всех вообще своих подчиненных, как офицеров, так и солдат. Каждый уверен был в его внимании и с радостию искал опасностей в сражении. Сенявин, скромный и кроткий нравом, строгий и взыскательный по службе, был любим как отец, уважаем как справедливый и праводушный начальник. Он знал совершенно важное искусство приобретать к себе любовь и употреблять оную единственно для общей пользы. После сего удивительно ли, что в продолжение его начальства солдаты и матросы не бегали и не случалось таких преступлений, которые заслуживали бы особенное наказание. Комиссия военного суда не имела почти дела; в госпиталях скоро выздоравливали» [5]. Сенявин, который так близко принимал к сердцу успехи боевого содружества западных славян с русскими, 24 сентября обратился с следующим воззванием к черногорцам и бокезцам: «В продолжение военных действий я имел удовольствие видеть опыты усердия народа, оказанные в содействии с войском, мне порученным...» — так начиналось это воззвание. «Дерзость врага, осмелившегося ступить на землю вашу, наказана. Неприятель удивлен вашей твердостью и столько потерял людей, что нескоро может собрать новую силу и опять выступить. Поздравляя вас с победой, благодарю за хорошее обхождение с плен-

ными и всячески желаю, чтобы человечество и впредь не было оскорбляемо».

Имея документальные данные о ходе этого сражения, курьезно читать сознательно лживое изложение дела в мемуарах маршала Мармона, изображающего свое тяжкое поражение как победу, которую не удалось довершить лишь потому, что 18-й полк опоздал на десять минут. Вообще же «я достиг своей цели и показал этим варварским народам мое превосходство над русскими». И если бравый маршал все-таки после всех этих неимоверных «подвигов» отступил, то отступил с достоинством, днем, а не ночью. «Я отступил 3-го (октября), среди бела дня, на виду у неприятеля. Когда я возвратился в Старую Рагузу, то мои войска снова заняли тот лагерь, который они покинули пять дней тому назад». Французы совершенно основательно в своем лагере серьезно опасались, что на них немедленно нападут черногорцы, местные крестьяне и русские, только что прогнавшие их обратно в Рагузу. Они были радешеньки, что их оставили в покое. Мармон излагает это так: «Страх неприятеля был так велик, что ни один крестьянин не осмелился меня преследовать» [6].

Словом, битва под Кастельнуово описана маршалом Мармоном в той классической, традиционной манере, в какой французы частенько описывают и свои удачи, а еще гораздо изящнее свои неудачи. Вспомним ныне еще здравствующего Луи Мадлена, горько укоряющего Кутузова за то, что тот «имел бесстыдство» не признать своего поражения под Бородином; вспомним и лаконичную, в своем роде бессмертную строку в одном из первых изданий малого энциклопедического словаря Ларуса: «Александр Суворов (1730—1800). Русский генерал, разбитый генералом Массена». И точка. Так что удивляться живописанию маршала Мармона о его «победе» над русскими и черногорцами не приходится. Во французской «патриотической» историографии репутация Мармона очернена завещанием Наполеона, который называет его изменником. Фальшивки Мармона необычайно наглы и полны не только грубейших извращений, но и брани против противников. Но все хвастовство Мармона там, где он говорит о французских подвигах и уничижительно отзывается о русских, приемлется многими французами с полным почтением и детской доверчивостью. Генерал Мармон умалчивает также о безобразном поведении своих войск, которые учинили 19—20 сентября варварский разгром беззащитных жилищ «приморцев», то есть славян, числившихся номинально турецкими подданными: «Французы самым бесчеловечным образом губили людей, разграбили и сожгли все дома обывательские на границе и то же самое учинили с жилищами подданных турецких, обитающих

полосу земли турецкой между Рагузинской и Катарской областями, и делали сие именно за то, что сии турецкие подданные не хотели поднять противу нас оружия»,— с негодованием сообщал Сенявин через несколько дней после сражения русскому послу в Вене графу Разумовскому[7].

Итак, Боко-ди-Каттаро осталось в руках Сенявина. Мармон, не рассчитывая больше на успех, уже не решался предпринять что-либо для овладения городом и бухтой.

Сношения между французами, засевшими в Рагузе, и русскими, владевшими городом Боко-ди-Каттаро и бокезской областью, были очень редкими и выражались лишь в случайной деловой переписке, например, по делам о военнопленных. Нам не удалось найти в архивах известий о переписке, которая, однако, была в руках Броневского. Может быть, она отыщется и появится в свет при полном издании документов, касающихся Сенявина.

Вот что читаем у Броневского:

«Когда, при малых пособиях, содержание немалого числа французских пленных становилось затруднительным, то адмирал предложил генералу Мармонту сделать размен; и как наших солдат находилось у него в плену гораздо менее, нежели у нас французских, то адмирал соглашался отпустить остальных на роспиську с тем, чтобы таковое же число, чин за чин, было отпущено из имеющихся во Франции наших пленных. Предложение принято, но не исполнено: многие из наших пленных, по принуждению, записаны были во французские полки, находившиеся в Далмации. Мармонт, уклоняясь возвратить их по требованию Сенявина, назвал сих русских пленных поляками, добровольно вступившими во французскую службу, и в заключении своего письма распространился о просвещении французской нации. Вот ответ на это письмо:

„Г. генерал Мармонт.

Объяснения в ответе вашем ко мне от 7 декабря, относительно просвещения французской нации, совершенно для меня не нужны. Дело идет у нас не о просвещении соотечественников ваших, а о том, как вы, г. генерал, обходитесь с русскими пленными. Последний поступок ваш с начальником корвета, который послан был от меня в Спалатро под переговорным флагом, может служить доказательством, что следствия просвещения и образованности бывают иногда совершенно противны тем, каких по настоящему ожидать от них должно. Скажу только вам, г. генерал, что из тридцати солдат, названных вами поляками, четверо явились ко мне и были природные русские. Пусть Бонапарт наполняет свои легионы; я ничего другого от вас не требую, как возвращения моих

солдат, и если вы сего не исполните, то я найду себя принужденным прервать с вами все сношения, существующие между просвещенными воюющими нациями.

Д. Сенявин.
Вице-адмирал Красного флага,
Главнокомандующий морскими и сухопутными
силами в Средиземном море.

10 декабря 1806 года“» [8].

Не имея возможности отнять у Сенявина занятую им область силой, Мармон обнаружил намерение вновь подойти к делу окольным, дипломатическим путем, через австрийцев.

Поздней осенью 1806 г. дела в Европе сложились так, что австрийцы были вынуждены сделать то, чего они избегали почти год, то есть обещать французам активную помощь в борьбе против Сенявина за обладание Боко-ди-Каттаро. Страшный, молниеносный разгром и завоевание Пруссии Наполеоном в октябре и ноябре 1806 г. принудили Австрию к демонстрациям «дружбы» по отношению к Франции и к особенно точному выполнению условий Пресбургского мира. Поэтому австрийские представители явились в начале ноября 1806 г. в Рагузу для совещаний о совместном нападении французов и австрийцев на Боко-ди-Каттаро, причем, согласно конвенции, подписанной в Вене австрийским министром Стадионом и французским послом Ларошфуко, обе договаривающиеся стороны обязывались выставить одинаковое количество вооруженных сил. Лористон считал эти действия необходимыми ввиду «уклончивых (évasives) ответов русских агентов» [9].

Со стороны австрийцев это, конечно, была лишь пустая угроза с целью воздействия на Сенявина. Разумовский все-таки писал об этом из Вены адмиралу. Ссориться с Австрией, воюя в Польше с Наполеоном, не приходилось.

Сенявин ответил, напомнив Разумовскому историю этого вопроса (хотя Разумовский его о том и не просил), но Боко-ди-Каттаро отдать не пожелал.

Еще, мол, 21 июля 1806 г. товарищ морского министра послал Сенявину высочайший приказ отдать австрийцам Рагузскую республику вместе с городом и бухтой Боко-ди-Каттаро. Австрийцы же, на основании Пресбургского договора, обязаны были немедленно передать республику Наполеону. Было приказано,— докладывает Сенявин (в ноябре!) А. К. Разумовскому,— «чтобы я с французским в Рагузе начальником согласился об оставлении им той республики и о признании им нейтралитета и независимости ее, и когда затруднение, происшедшее от занятия ее, таким образом, удалится, то, чтобы

приступить мне к отдаче Бокки-де-Каттаро австрийским начальникам, разве бы они в требованиях своих на тот конец употребили меры неумеренности». Вот за эти «меры неумеренности» и ухватился Дмитрий Николаевич, чтобы не исполнить царское повеление: «А как австрийские комиссары в двух нотах, действительно, изъяснились весьма неприличным образом, употребляя даже угрозы... мы поставили себе тогда долгом препроводить те их ноты к высочайшему двору и ожидать решения, за неполучением же оного мы долженствовали просить графов Беллегарда и Лепина еще немного повременить». Австрийские графы, «повременив» до 5 октября 1806 г., снова явились к Сенявину, настойчиво требуя отдачи республики и города[10]. И снова адмирал посоветовал им вооружиться терпением. И в конце ноября и дальше дело все еще оставалось без движения.

Это запоздалое выступление австрийцев против русской оккупации Боко-ди-Каттаро оказалось таким же покушением с негодными средствами, как и все предыдущие. Сенявин ни города, ни области не отдал.

А в самом конце года сенявинская эскадра одержала на море победу настолько важную, что она обеспокоила самого Наполеона. Вот в каком виде дошло это неприятное известие до французского императора:

«9 декабря 1806 года (нов. ст.— *Е. Т.*),— пишет Мармон,— Сенявин неожиданно появился перед островом Корзола (Курцало — *Е. Т.*) со всей эскадрой и некоторым отрядом войск для высадки. 10-го числа он произвел высадку и потребовал сдачи. 11-го он сделал приступ и был на редут отбит, усеяв мертвыми телами своих поле боя. 11-го вечером командир батальона Орфанго, начальствовавший на острове, снял свои войска с редута и 12-го, находясь на борту адмиральского корабля, подписал конвенцию, которая отдавала адмиралу остров и обусловливала перевезение гарнизона в Италию». Так повествует Мармон. Тут все верно, кроме того, что ни приступа не было, ни посему и отбития не могло быть, и никакими трупами Сенявин поле боя не усеивал, так как и боя не было. А была просто сдача на капитуляцию. Все это очередная фальсификация со стороны французского маршала.

«Я получил известие о появлении русских,— пишет он дальше,— в 9 часов вечера 12-го (декабря — *Е. Т.*) в Спалато. В полночь я уже двинулся туда с войсками, которые были у меня под рукой, и на следующий день я узнал о сдаче в Макарско. Орфанго пользовался хорошей репутацией, ему было обещано повышение, поэтому я имел все основания на него рассчитывать. Я велел его арестовать и предать военному суду, который его присудил к четырем годам тюрьмы»[11].

Ясно, что Орфанго сдался лишь вследствие полной невозможности сопротивления.

Все попытки французов уже в конце 1806 г. бороться против усиления русской позиции на Адриатическом море окончились полной неудачей. Им удалось было высадить десант и на короткое время снова утвердиться на отнятом у них о. Курцало. Но 11 декабря 1806 г. Сенявин с небольшой частью эскадры подошел к острову, и на другой день, после канонады с русских судов и попыток отвечать на нее, французы сдались всем гарнизоном с комендантом во главе. В гарнизоне оказалось к моменту сдачи 403 человека офицеров и солдат. Убито было у французов 156 человек, потери русских были менее значительны (24 убитых и 75 раненых).

Известное значение имело также окончательное овладение островом Браццо, где держался маленький французский гарнизон. Для характеристики боевого духа сенявинской эскадры характерно памятное в летописи русского флота и много раз отмечаемое морскими историками столкновение небольшого русского сторожевого брига «Александр», стоявшего около о. Браццо, с несколькими французскими канонерскими лодками, посланными по приказу главнокомандующего Мармона, чтобы отбить островок у русских. Мармон знал, что русская эскадра уйдет в Эгейское море, но он слишком поспешил и не учел мужества и боевого духа русских моряков. Бриг «Александр» потопил две канонерки (из пяти одновременно атаковавших его) и отогнал неприятеля далеко от Браццо. У французов погибло 217 человек, а бриг «Александр» потерял убитыми и ранеными всего 12 человек. Любопытнее всего, что канонерки ударились в бегство, а русский почти весь изрешеченный одинокий бриг еще долго их преследовал!

Больше уже никаких попыток отбить эти острова французы не предпринимали. Значительные боевые запасы и продовольственные склады, которые русские нашли и на Курцало и на Браццо, тоже свидетельствовали о том, какое значение придавал Мармон этим двум морским базам на Адриатическом море. Во всяком случае Сенявин видел, что нельзя удовольствоваться сухопутными войсками, охранявшими Боко-ди-Каттаро, а нужно оставить на Адриатике хоть небольшую флотилию. Это диктовалось также тревожными призывами и слухами, исходившими от населения Корфу и других Ионических островов: там ждали набега Али-паши Янинского.

Для Сенявина это был старый знакомец, он знал, сколько усилий потребовалось от Ушакова, чтобы сдерживать грабительские и завоевательные помыслы этого опаснейшего и коварнейшего властителя Албании и окрестных территорий. Адмирал решил, уходя в Эгейское море, оставить в Адриатическом не-

сколько судов под начальством капитан-командора Баратынского, которому приказано было крейсировать вдоль всего балканского берега. Перед самым уходом Сенявин припугнул Али-пашу таким грозным письмом, что тот мигом объявил себя «нейтральным» и постарался изобразить полное миролюбие. И в самом деле, он не посмел напасть на Корфу.

Эта победа, одержанная русской эскадрой, особенно радовала сердце моряка. Она к тому же имела очень важные стратегические результаты. Остров Курцало (или Корзола) явился связующим звеном между основной русской военно-морской базой на Ионических островах и занятой Сенявиным территорией бокезской области, городом Боко-ди-Каттаро и портом Кастельнуово.

Отныне русские могли себя чувствовать в Боко-ди-Каттаро вполне прочно. Господство русского флота на Адриатике было бесспорным. Флот прочно закрепил то, что было завоевано армией.

С такой славой моряки и солдаты Сенявина закончили этот многотрудный для них 1806 год.

Наступали новые, чреватые опасностями события. На горизонте появился призрак войны с Турцией, вырисовывались контуры большой морской войны. Сенявинскую эскадру ждали новые опасности, новые трудности и новые лавры.

ВОССТАНИЕ В ДАЛМАЦИИ ПРОТИВ ФРАНЦУЗОВ

Баратынскому было оставлено три корабля и два фрегата. Далеко не легкое поручение дал ему Сенявин. В Далмации в мае 1807 г. население восстало против французов. Баратынский, для которого это восстание явилось неожиданностью, сделал, понятно, все, что было в его силах, чтобы помочь восставшим. Но, конечно, при подавляющем превосходстве сил, бывших в распоряжении Мармона, не могло быть и речи об окончательной победе восставших. Ввиду «патриотических» фальсификаций и выдумок французской историографии о «привязанности» славянского населения Далмации к войскам наполеоновской Франции, ввиду полного замалчивания ею истинного положения вещей и роли русских, наконец, принимая во внимание, что в литературе почти ровно ничего не говорится о восстании 1807 г., мы считаем уместным привести здесь полностью показание очевидца Владимира Броневского, дающее яркую картину событий:

«Пребывание французов в Далмации останется навсегда памятным для несчастного народа. Тягостные налоги, конскрипция, остановка торговли и неимоверные притеснения за малейшее подозрение в преданности к русским не могли

всеми ужасами военного самовластия унизить дух храброго народа, мера терпения его исполнилась, и славяне поклялись погибнуть или свергнуть тягостное для них иго. Жители, от Спалатры до Наренто, условились в одно время напасть на французов и послали доверенных особ в Курцало просить помощи, уверяя в искреннем и общем желании всего народа соединиться, наконец, с матерью своего отечества Россиею. Командор Баратынский, не имея возможности отделить из Катаро и 1000 человек, не смел обещать много; однакож для соображения мер на месте, посадив на корабль и два транспорта шесть рот егерей, 12 мая отправился из Катаро в Курцало. На третий день по прибытии командора в Курцало иеромонах Спиридоний, бывший в Далмации для нужных сношений с жителями, уведомил, что бунт уже начался. Приготовления делались с такою тайностию, что французы ничего не подозревали; но один случай возжег пламя бунта прежде положенного срока. Курьер, посланный из Зары в Спалатро, был убит. Французы расстреляли несколько крестьян и зажгли деревню, где совершено было убийство; пожар был сигналом общего восстания, ударили в набат, во-первых, в княжестве Полице, и в три дня знамя возмущения появилось во всех местах от Полице до Наренто. Патриоты с бешенством напали, и малые рассеянные отряды французов были истреблены наголову. Славяне, решившись умереть, никому не давали пощады; но как некоторые округи не были готовы, другие не согласились еще в мерах, то деятельный генерал Мармонт успел собрать войска в большие крепости, потом выступил из оных с мечом мщения, расстреливая попавшихся в плен и предавая селения огню. Патриоты нападали день и ночь, не думали хранить жизнь и имущество; ни гибель многих из них, ни тактика, ни ожесточение французов не приводили их в уныние. Пожары и кровопролитие были ужасны. Капитан-командор Баратынский, получив о сем известие, удержан был в Курцало противными ветрами. Народные толпы, не имевшие главного начальника, могущего предводить их к определенной цели, начали уменьшаться, другие были рассеяны, и французы заняли попрежнему весь морской берег».

Русские моряки вовремя подоспели, чтобы спасти от смерти хотя бы часть восставших против французов славян. «22 мая командор Баратынский с десантными войсками прибыл в Брацо, откуда, взяв с собою фрегат „Автроил", корвет „Дерзкий", катер „Стрелу", бриги „Александр" и „Летун", перешел к местечку Полице, в нескольких милях от Спалатры лежащей. Старшины сего места тотчас прибыли на корабль командора, умоляли способствовать им против неприятеля. Командор, не имея достаточного при себе войска, просил их взять терпение:

но как уже не от них зависело воли прекратить возмущение, то и обещал им возможную помощь и покровительство государя императора. При появлении российских кораблей патриоты ободрились, собрались и 25 мая с мужеством напали на французов. Как сражение происходило у морского берега, то эскадра снялась с якоря, приблизилась к оному и сильным картечным огнем принудила неприятеля отступить и заключиться в крепость. 26-го недалеко от Спалатры высажено было на берег 5 рот солдат и несколько матросов. Французы скоро явились на высотах в таком превосходном числе с двух сторон, что войска наши вместе с 1500 далматцев возвратились на суда. Хотя неприятель, рассыпавшись в каменьях, вознамерился препятствовать возвращению, но поражаемый ядрами и картечью с близ поставленных судов и вооруженных барказов, скоро отступил с видимою потерею» [1].

Мы приводим показание Броневского, ничего в нем не меняя. Конечно, ручаться за настроение «всего народа», во всех социальных классах он не мог.

НАЧАЛО КАМПАНИИ СЕНЯВИНА ПРОТИВ ТУРОК. ПОРАЖЕНИЕ АНГЛИЧАН В ПРОЛИВАХ. НЕОЖИДАННЫЙ УХОД АНГЛИЙСКОЙ ЭСКАДРЫ В ЕГИПЕТ И ОТКАЗ АНГЛИЧАН ПОДДЕРЖАТЬ СЕНЯВИНА

В первые же месяцы после Аустерлица и после смерти Питта Младшего стала происходить в довольно ускоренном порядке эволюция политики Порты, превратившая Наполеона из опасного врага, от которого Россия и Англия были призваны защищать турецкую независимость, в желанного могущественного союзника султанского правительства. Следовательно, борьба, которую далматинские славяне и черногорцы при активнейшей помощи русских вооруженных сил вели в течение всего 1806 г. против наполеоновского наместника маршала Мармона на западном побережье Адриатического моря, направлялась прямо — против французов, а косвенно — против турок,— и в Константинополе боялись русских успехов.

В конце 1806 г. уже мало было сомнений, что наполеоновскому послу Себастиани удастся довести дело до объявления Турцией войны как России, так и Англии.

Война разразилась весной 1807 г., но вся тяжесть ее обрушилась не на Англию, а на Россию, то есть на ее представителя на Средиземном и Адриатическом морях — адмирала Сенявина, его моряков и солдат.

Вся осень и зима с 1806 на 1807 г. прошли для французов в ожидании и тревоге. Они защищались, охраняли Рагузу, но о штурме или хотя бы даже осаде Боко-ди-Каттаро или

о нападении на Черногорию не могло быть и речи. Ходили беспокоившие Мармона слухи о десятитысячном русском корпусе, который готовится отплыть из русских черноморских портов на помощь Сенявину. Да и без этой подмоги эскадра Сенявина, уже сама по себе, владея морем, делала положение французов крайне шатким: «Операция (речь идет о проектах действий против Боко-ди-Каттаро — *Е. Т.*), впрочем, была очень трудна, так как русские имели такие морские силы, что нельзя было даже и думать оспаривать у них господство на море» [1],— признает Мармон.

Но вот произошло событие, внесшее новые изменения в положение Сенявина: Турция, побуждаемая не только заманчивыми обещаниями, но и прямыми угрозами Наполеона, объявила России войну. Турки страшились также и возможности нападения на их восточные вилайеты со стороны дружественного Наполеону Ирана. Все это и привело диван к решению порвать с Россией и Англией, союз которых всегда рассматривался в Константинополе как возможное «начало конца» Турции.

29 декабря 1806 г. русское посольство в полном составе выехало из Константинополя, а на другой день, 30 декабря, Турция формально объявила войну России.

Война была перенесена из Адриатического моря в Архипелаг.

В России ничуть не обманывали себя касательно трудностей, опасностей и невыгод союзных с Англией действий в Средиземном море. Опыт «совместных», «союзнических» действий Нельсона с Ушаковым в 1798—1799 гг. еще был свеж в памяти.

Еще 22 сентября 1805 г., а затем 5 июля 1806 г. и, наконец, в большом докладе, поданном Александру 18 декабря 1806 г., морской министр Чичагов неоднократно возвращался к вопросу об английских «союзниках». В первой из этих докладных записок Чичагов опасается, что англичане будут не столько помогать русским действовать в Средиземном море, сколько стараться прибрать к рукам Египет: «...нет ни малейшего сумнения, чтобы Сент-Жемский кабинет, коего намерения обыкновенно на одну собственную пользу устремляются, не употребил всех средств к занятию Египта, можно сказать, из-под ног наших» [2].

Чичагов считал, что для достижения этой цели англичане употребят все усилия, чтобы прочно утвердиться на Мальте, которая сама по себе «столь убыточна» для них. Но русский морской министр был убежден, что Мальта нужна англичанам вовсе не только как база для овладения Египтом, но и для утверждения своего господства на всем Средиземном море, над

греками, над «всеми окрестными владениями», то есть, другими словами, над всеми берегами Балканского полуострова, а потом и над русским Черноморьем, причем средствами подобной экспансии явятся торговля и британский флот. «Не ясно ли представляется, что, утвердясь в Мальте, постараются они (англичане — *Е. Т.)* утвердить себя на Средиземном море и потом сочтут себя вправе распространить влияние свое и на все окрестные владения? Первая цель их будет взять под защиту свою Египет, а тем усугубить влияние свое на турок, потом на греков и на весь тот край. Отсюда пойдут они далее обеспечивать себя в завладении восточной торговли... Чувствуя, что по мере распространения своего нужно им увеличить способы свои, помышляют они непрестанно о приобретении оных. Они намеревались даже утвердиться, под именем колоний, на черноморских берегах наших... Они знают, что край сей со всеобщею торговлею представляет несчетные способы к содержанию обширного флота. Конечно, имеют англичане сие в виду и хотят у нас из рук вырвать сии выгоды. Сие предполагать должно по правилам обыкновенной английской политики, которая, не щадя никого, кроме себя, ослепляет других деньгами, сберегает драгоценнейшее свое сокровище — людей, проливает кровь союзников, шествует всегда скорыми шагами к источникам обогащения и пополняет оными временные свои издержки» [3].

Так предостерегал Чичагов царя еще в первой своей записке от 22 сентября 1805 г., когда Сенявин уже отплыл в Средиземноморскую экспедицию.

В своей записке от 5 июля 1806 г. он предлагал в случае войны с турками отправить немедленно из Балтийского моря в Средиземное еще 7 кораблей и «столько же меньших судов». Тогда, по расчетам Чичагова, у Сенявина окажется эскадра из 16 кораблей, 8 фрегатов и 11 «меньших судов», не считая транспортов. Этих сил, по мнению министра, может хватить для успешной борьбы против турок даже без помощи со стороны англичан. Следует заметить, что Чичагов, во-первых, не принял во внимание ветхости некоторых кораблей Сенявина, а во-вторых, прислал Сенявину к о. Корфу не семь кораблей, а пять. И случилось это только в декабре 1806 г.

В своей третьей докладной записке царю Чичагов обнаруживает негодование и раздражение по тому поводу, что «англичане самовластно взяли на себя главное распоряжение войною, естьли бы оная между нами и турками возникнуть могла». Он полагал, что русская победа над турками, безусловно, обеспечена и что англичане «похищают у нас тот единственный случай, в котором мы могли бы с преимуществом действовать, и от успехов ожидать для себя пользы и славы... Случай сей

можно сказать, был бы первый, в котором мы не служили бы орудием к чуждой токмо пользе, но собственно себе ожидать могли выгод...» Самое важное — не дать англичанам перехватить у русских славу и выгоду от победы над турками: «Если мы допустим англичан перводействовать, то, не говоря уже о бесславии, через сие в глазах всего света произойти для нас долженствующем, не говоря об убийственном вреде, который произойдет для воительного духа российских мореходцев, неразлучны будут с тем весьма многие превеликой для нас важности потери, а для них пользы и приобретения» [4].

К англичанам «все польется» из сокровищ Египта, Греции и Архипелага, а затем в их руки попадут «лучшие порты, лучшие леса» и весь турецкий флот.

План Чичагова заключался в том, чтобы русская черноморская эскадра приблизилась к Босфору и удерживала этим часть турецкого флота, а Сенявин мог бы из своих «15 кораблей, 6 фрегатов и 7 меньших военных судов» отрядить «достаточное число» к Дарданеллам, а также к Египту и оставить «сколько потребно будет» в Адриатическом море.

Но эти планы, составлявшиеся в кабинетах адмиралтейства, вдалеке от театра военных действий, не могли быть реализованы. Сенявин и не думал разбрасывать по морям свою эскадру, а собрал почти все свои силы воедино и, как увидим, нанес туркам тяжкое поражение. Если в чем министр Чичагов оказался прав, так это в том, что англичане явились в Архипелаг именно затем, чтобы «перехватить» победу над турками у Сенявина, а когда это им не удалось, они поспешили уйти к берегам Египта.

10 февраля 1807 г. Сенявин отправился на Корфу с 8 кораблями, одним фрегатом и шлюпом. На эскадре находилось два батальона Козловского мушкетерского полка, артиллеристы гарнизона Корфу и 270 албанских легких стрелков. Подойдя к острову Имбро, Сенявин сразу же получил большую подмогу со стороны греческого населения острова. Греки «по своей приверженности к России» охотно предоставили в распоряжение Сенявина до пятнадцати судов, в том числе несколько больших трехмачтовых с вооружением по 20 пушек на каждом.

Но, подойдя к Тенедосу, Сенявин узнал, что напрасны были его расчеты на английскую помощь, на эскадру адмирала Дакуорта, которая должна была его ждать тут, чтобы вместе идти в Дарданеллы.

Положение Сенявина ухудшилось. Не говоря уже о том, что приходилось ждать на суше опаснейшего нападения Али-паши Янинского из Албании, усиления армии Мармона и ряда других осложнений и опасностей,— крушение надежд на помощь от английской эскадры Дакуорта, крейсировавшей в Архипелаге, было ударом неожиданным. Ведь Англия объявила войну Тур-

ции еще в конце января 1807 г., и английский посол Эрбатнот экстренно покинул Константинополь, забрав с собой всех английских купцов и пообещав на прощанье через пятнадцать дней разрушить Константинополь [5]. Грозная опасность, казалось, нависла над турецкой столицей. Уже 20 февраля 1807 г. авангард Дакуорта в количестве девяти линейных судов прошел через Дарданеллы, и французский посол генерал Себастиани не скрыл от Мармона, что ждет к вечеру 20 февраля нежданных английских гостей в Константинополе. Но тут адмирал Дакуорт, не обладавший ни малейшими дипломатическими талантами, начал бесполезнейшие переговоры с султаном, требуя немедленного разрыва с Францией. Руководимый ловким генералом Себастиани, султан делал вид, что готов уступить, а Дакуорт, явно боясь, как бы Сенявин тоже не подошел к Константинополю, очень желал поверить уступчивости турок и прекратить англо-турецкую войну мирным путем. Из всей этой хитроумной комбинации, однако, ничего хорошего для англичан не вышло, потому что французские инженеры во время этой проволочки успели прекрасно укрепить Дарданеллы, и Дакуорт оказался в ловушке.

«Мы развлекали англичан переговорами в течение всего того времени, которое было необходимо, чтобы привести эту столицу в оборонительное положение, но как только работы были окончены, Порта уведомила адмирала Дукворта, что она не может согласиться ни на одно из его требований и что она не боится увидеть его суда перед Константинополем. В то время как тут работали, посылали также войска на Галлипольский полуостров, и г. Гутильо (французский инженер — *Е. Т.*) был туда отправлен, чтобы воздвигнуть батареи, способные сделать очень опасным возвращение Дукворта» [6],— писал Себастиани Мармону 4 марта 1807 г. [7]

Адмирал Дакуорт был жестоко одурачен: «Если бы английский адмирал на другой или на третий день после своего появления попытался войти в порт, мы не могли бы оказать ему никакого сопротивления, и его успех был бы полным. Мы бы получили квартиры в Семибашенном замке (тюрьма в Константинополе). Эта перспектива нас не испугала, и наша твердость увенчалась успехом». Так ликовал Себастиани, наполеоновский посол, вскоре после того получивший маршальский жезл.

Остановимся несколько подробнее на этом эпизоде с английской эскадрой. Вице-адмирал Дакуорт 7 февраля 1807 г. вошел в Дарданеллы, не пожелав дождаться Сенявина. Он льстил себя надеждой взять Константинополь без русской помощи. Первые действия были удачны. Англичане разгромили небольшую турецкую эскадру, и уже 9 февраля их флот стоял у Константинополя. Но здесь Дакуорт совершил убийственную ошибку, понадеявшись достигнуть капитуляции столицы путем

переговоров. Потеряв десять дней попусту, Дакуорт дал туркам возможность свезти на побережье до двухсот орудий и подтянуть в Босфор военные суда. У англичан было всего семь кораблей, два фрегата и два бомбардирских судна. Видя нарастающую опасность, Дакуорт решил отказаться от дальнейших действий и уйти. Но и это оказалось не так просто: за десять дней турки, руководимые французами, укрепили Дарданеллы, и их береговая артиллерия очень потрепала уходящих англичан. Сильно повреждены были три корабля, два фрегата были выведены из строя и нуждались в срочном ремонте, потеря в людях достигала 600 человек, хотя Дакуорт признавал потерю лишь в 400 человек. Этим несчастья английской эскадры не окончились: уже после выхода из Дарданелл сгорел дотла корабль «Аякс».

Следует заметить, что сенявинские офицеры не без иронии отнеслись к плачевно окончившемуся английскому предприятию, затеянному так поспешно с прямой целью присвоить себе в случае удачи всю славу, не делясь ею с русскими. Русских моряков раздражало и оскорбляло предпочтение, которое высшее петербургское морское начальство всегда отдавало англичанам и английской выучке. Вот характерный отзыв одного из сенявинских храбрецов, Панафидина:

«Офицеры, бывшие в английской службе волонтерами, возвратились многие с мнением искусных офицеров, и министр Чичагов, сам бывший в английском флоте волонтером, получивший с тем и пристрастие не только к службе, но и к целой нации, отдавал им явное преимущество перед офицерами достойными, но не бывшими в Англии. Это мнение отчасти и было справедливо, оттого что выбор офицеров, посланных на английский флот, был делан с разбором в способностях и в отличном поведении; они бы, оставшись на русском флоте, были бы всегда из лучших офицеров. И если бы волонтеры несли службу, как служит английский лейтенант, то неоспоримо они бы возвращались с опытностью моряка; а неся должность по своей воле, не имея никакой ответственности ни в чем, могут ли они приобрести те сведения, которые во флоте привыкли им отдавать, по какому-то ложному предубеждению, что они искуснее других своих товарищей, служивших в своем флоте. Опыты доказали, что на многих кораблях, бывших в Средиземном море, (команды — *Е. Т.*) не уступали в порядке, проворстве и в искусстве управления кораблем английским кораблям, хотя на оных кораблях и не было волонтеров» [8].

Сильно пострадавшая английская эскадра, вырвавшись, наконец, из Дарданелл, где она могла погибнуть, оказалась в Архипелаге, и Дакуорт предстал перед Сенявиным. Совещание двух флотоводцев дало самые неожиданные результаты.

Сенявин, «недоумевавший» сначала, что побудило Дакуорта, не дождавшись русских, идти в Босфор, предложил английскому адмиралу соединить обе эскадры и вместе атаковать Константинополь. Но Дакуорт отказался наотрез. Мучило ли его уязвленное самолюбие или он не желал на этот раз слишком явственно уступить славу возможной победы Сенявину — неизвестно. По крайней мере, даже лучшие из английских офицеров не могли его понять: «Славный Сидней Смит и храбрые английские капитаны, называемые у них огнеедами (fire-eaters), соглашались, чтобы еще раз испытать; но Дукворт решительно и письменно от сего отказался».

Ничего с ним поделать было нельзя. «Сенявин двое суток упрашивал его всевозможно» [9]. Однако это было лишь началом. Английский адмирал прибeрегал для русских союзников сюрприз похуже: 1 марта он объявил Сенявину, что не только не пойдет с ним в Константинополь, но и вообще не намерен вести сообща с русскими войну против турок в Архипелаге и уходит немедленно в Египет, так как получил другое назначение. Больше от него ничего нельзя было добиться. Сенявин просил оставить ему «для подкрепления нашего флота» хоть два корабля и два бомбардировочных судна, но и тут получил отказ. Англичане снялись с якоря и ушли из Архипелага.

В России на неожиданный уход Дакуорта со всей английской эскадрой в Египет посмотрели как на нечто, весьма похожее на дезертирство. «Ничто безусловно не могло бы быть в большей степени противоположным истинным интересам С.-Петербургского и Лондонского дворов в их нынешних отношениях к Оттоманской Порте, чем уход британских сил по направлению к Египту»,— писал по повелению Александра барон Будберг полковнику Поццо-ди-Борго по поводу действий Дакуорта. «Уменьшение наших сил вследствие очень малоизвинительного поведения наших союзников» (как выражается Будберг) ставило Сенявина в нелегкое положение [10].

Александр в трудный период войны в Восточной Пруссии между Эйлау и Фридландом получил одно за другим ряд крайне тревожных известий из Архипелага. Во-первых, рушились надежды на миссию полковника Поццо-ди-Борго, посланного царем, чтобы попытаться склонить турок к миру. Во-вторых, оказалось, что англичане потерпели поражение в проливах и отступили от Дарданелл. В-третьих, Дакуорт совсем неожиданно ушел с эскадрой в Египет, бросив Сенявина на произвол судьбы.

26 апреля (8 мая) 1807 г. Александр отправил из Бартенштейна, где он находился, следующий важный для истории тогдашней русской дипломатии рескрипт:

«При отправлении к вам последних наставлений с полковником Поцо-ди-Борго, положение политических дел в отношении к

Порте совершенно разнствовало от настоящего. Хотя знали мы тогда, что английский посол Арбутнот оставил уже Константинополь, однакож по тому предположению, что Порта не состояла еще в открытой войне с Англией, мы могли надеяться на посредство английского посла при переговорах, которые должен был начать с Турецким правительством полковник Поцо-ди-Борго, мною к тому уполномоченный и снабженный нужными по сему случаю наставлениями. Но как теперь, по дошедшим к нам известиям, Оттоманская Порта находится уже в явной войне с Англией, после неудачного предприятия английского флота под командою адмирала Дукворта, который потом направил путь свой к берегам Египта, оставя вас одного в Архипелаге, то оборот сей требует некоторых объяснений в дополнение данных вам вышеозначенных наставлений: почему и почитаю нужным предписать вам для руководствования вашего следующее.

Неудача адмирала Дукворта в предпринятой им противу Константинополя экспедиции довольно доказывает неудобства и опасности подобных сему покушений; почему и предписываю вам наистрожайше воздерживаться от оных, разве бы по непредвидимым каким-либо обстоятельствам можно было надеяться на верный и решительный успех. Но как почти невозможно ласкать себя таковою надеждою, то и повторяю вам предписания, от 12-го минувшего марта вам данные, **дабы вы ограничились наистрожайшей блокадой устья Дарданелл**, таким образом, чтобы никакое судно, под каким бы то флагом и предлогом ни было, не могло пробраться в Константинополь. Само собою разумеется, что если бы турецкий флот покусился выйти в Белое (Эгейское — *Е. Т.*) море, то вам должно будет отражать оный с свойственной вам и всему российскому воинству храбростью и искусством. На случай же естли бы в последствии времени присоединился опять с вами адмирал Дукворт или какая-либо другая английская эскадра, то вам надлежать будет действовать с оною в совершенном согласии; ибо, не взирая на случившееся ныне, мы состоим в теснейших связях с его величеством королем великобританским по всем предметам, до настоящей войны касающимся.

Полковник Поцо-ди-Борго не оставит способствовать вам во всех случаях, где содействие его будет для вас нужным, и я уверен, что вы с особенной пользой употребить его можете, наипаче естли вам приведется действовать купно с английской эскадрой.

Господину Поцо-ди-Борго поручено сообщить вам данные ему наставления, из коих вы усмотрите, что предполагаемые с Портою переговоры клонятся единственно к тому, чтобы восстановить мир между нами и империей Оттоманской, на основании трактатов, до последнего разрыва существовавших; следовательно, всякое предприятие, имеющее в виду какое-либо завоевание

на счет Порты, было бы совершенно противно умеренным и бескорыстным моим правилам и намерениям.

За сим, приняв в уважение, что по отдаленности, в коей вы находитесь, и по крайним затруднениям в коммуникации невозможно нам будет снабжать вас на каждый непредвидимый случай особыми наставлениями и разрешениями, уполномачивая вас, не ожидая оных, действовать всегда по собственному вашему благоусмотрению, руководствуясь инструкциями, поныне вам данными, не теряя впрочем из виду цели, нами предположенной, и наблюдая во всех ваших движениях и операциях всю осторожность и предусмотрительность, кои в нынешних обстоятельствах необходимо нужны.

Я буду ожидать донесений ваших о успехе подвигов ваших противу Порты, не сомневаясь ни мало, что благоразумные предприятия ваши увенчаны будут совершенным успехом, и что тем подадите мне новый случай изъявить вам признательность мою, каковую приятно мне во всякое время оказывать вам по тем расположениям, с каковыми пребываю» [11].

Какова оказалась эта царская «признательность», мы увидим в конце настоящей работы. Но что Сенявину оставалось действовать исключительно «по собственному благоусмотрению», это была правда.

И Сенявин не ждал царских указаний, чтобы начать действовать.

ПОБЕДА РУССКОГО ФЛОТА У АФОНСКОЙ ГОРЫ

Неожиданно и коварно покинутый английским союзником Сенявин немедленно созвал на совещание командиров кораблей.

Решено было овладеть островом Тенедос и, не предпринимая рискованной атаки проливов и столицы, «содержать Константинополь в тесной осаде», препятствуя снабжению столицы, которая, как и во времена Чесмы, питалась подвозом с моря, а не с суши.

Сенявин приказал контр-адмиралу Грейгу немедленно идти с двумя кораблями и одним фрегатом к Тенедосу, а сам с остальным флотом направился к Дарданеллам.

3 марта Грейг, подойдя к острову, предложил командовавшему паше сдать крепость. Паша отказался.

Не располагая достаточными силами для овладения островом, Грейг обратился за помощью к Сенявину. Оставив у входа в Дарданеллы лишь два корабля, Сенявин подошел почти со всей своей эскадрой к Тенедосу.

8 марта Сенявин начал обстрел крепости и побережья и под прикрытием сильного артиллерийского огня высадил на берег три отряда: сначала 160 албанцев, затем 900 и 600 солдат морской пехоты. Десантом командовал сам Сенявин. Турки отступили.

Русские штурмовали ретраншемент перед крепостью, откуда штыковым ударом выбили турок. Затем пала «малая крепостца» — укрепление, прикрывавшее ретраншемент. Турки засели в «большой» крепости, которую русские и принялись обстреливать из нескольких батарей. 10 марта крепость сдалась, и русские, согласно условиям капитуляции, перевезли оставшийся гарнизон (1200 человек) и укрывшихся в крепости 400 женщин на анатолийский берег, где и отпустили их тотчас же всех на свободу.

Часть города выгорела, но провианта было найдено в крепости довольно много, и Сенявин велел раздать его жителям острова. Потери русских были ничтожны.

Итак, у русских оказалась в руках морская крепость и существенная база в четырнадцати приблизительно милях от входа в Дарданеллы. Тесная блокада Константинополя с моря становилась очень реальной.

Сочувствие к России со стороны греческого населения Архипелага очень помогало Сенявину, и офицеры его эскадры не могли нахвалиться греками. Они отмечали и тактичное поведение Сенявина.

«Прибытие Российского флота в Архипелаг скоро сделалось известным. Начальники островов Идро, Специи и других ближайших с восторгом и редкою готовностию предложили свои услуги. По взятии Тенедоса, со всех прочих островов, независимые Майноты, Сулиоты, а потом жители Мореи и древней Аттики, предложили собрать корпус войск, словом вся Греция воспрянула и готова была при помощи нашей освободиться от ига неволи; но Адмирал, действуя осторожно, отклонил сие усердие до времени, и даже турок, поселившихся в Архипелаге, которые малым числом своим не могли вредить грекам, оставил покойными и сим избавил христиан от ужасного мщения их жестоких властителей. В прокламации, изданной в Идро, жители Архипелага объявлены принятыми под особое покровительство всероссийского императора, а порты на матером берегу, равно и острова Кандия, Негропонт, Метелин, Хио, Лемнос, Родос и Кипр, занятые турецкими гарнизонами, признаны неприятельскими; для отличения же христианских судов от турецких, определено выдать оным новые патенты на Иерусалимский флаг, под которым, по соглашению с Англинским правительством, могли они пользоваться торговлею с союзными державами. Затем греки освобождены были от всякой повинности, кроме того, что они по собственному их вызову и на их содержании с 20 прекрасно вооруженными (купеческими) судами от 10 до 26 пушек, присоединились ко флоту и отправляли военную службу с усердием и ревностию. Таким образом, при появлении флота Архипелаг сделался достоянием России, и флаг наш не с кровопроли-

тием и смертию, но с радостию и благословением от жителей встречен был. Множество корсеров вышли под ним для крейсерства, и не только в Архипелаге, но и на всем пространстве от Египта до Венеции развевал Российский флаг. Варварийцы (тунисцы, алжирцы, марокканцы — *Е. Т.*), узнав о столь грозном вооружении, отказались от союза с Турциею, и наш купеческий флаг на Средиземном море без постыдной подати был ими уважаем» [1].

Успехи Сенявина отразились на северном участке русско-турецкой войны, и Турция оказалась в серьезной опасности. «Взятие острова Тенедоса русскими и движения сербов, которые, кажется, намерены присоединиться к армии Михельсона, внушают Порте живейшее беспокойство. Я только что отправил курьера к князю Беневентскому (Талейрану — *Е. Т.*), чтобы уведомить его о настоящем положении этой империи и необходимости немедленно ей помочь»,— так писал французский посол Мармону 31 марта 1807 г. [2]

Неудача Дакуорта и его уход очень суживали задачу Сенявина: взять Константинополь стало совсем невозможно, потому что турки были в полной боевой готовности. Значит, следовало заблокировать вход в Дарданеллы.

В сущности уже с 10 марта, то есть с овладения Тенедосом, Сенявин не только наносил жестокий ущерб морскому подвозу провианта в столицу, но и владел фактически всей северной частью Архипелага. Его эскадра контролировала вход в Дарданеллы и одновременно стесняла значительнейший экспортный хлебный рынок, кормивший Константинополь, то есть Смирну и прилегающую часть сирийского побережья, куда отряжен был Грейг с тремя кораблями и одним фрегатом. Постепенно, в течение второй половины марта и всего апреля, владычество Сенявина распространилось и на южные острова Архипелага. Как и во времена Чесмы, снабжение Константинополя даже в мирные годы зависело больше всего от морского подвоза со стороны Смирны, Митилены, Архипелага и Египта, а уж подавно в такие периоды, когда с Дуная и с севера Балканского полуострова грозили русские войска и импорт оттуда почти вовсе прекращался. Сенявин мог безошибочно предугадать, что турки не удовольствуются попытками отбить у русских о. Тенедос. Эти попытки неизменно терпели полную неудачу, и остров оставался в руках русских. Сенявин был уверен, что турки истолкуют его отказ от прямого нападения на их столицу как признак слабости, и поэтому новый капудан-паша Сеид-Али непременно выведет линейный флот из Босфора и Дарданелл в Архипелаг. Уже 7 мая предвидение его оправдалось: турецкий флот больше чем в семьдесят вымпелов (из них 8 линейных кораблей и 8 фрегатов) вышел из Дарданелл и почти тотчас же направился к Тенедосу.

Сенявин, крейсировавший два дня между Тенедосом и Имбросом, 10 мая решил атаковать противника, хотя был слабее его по числу судов и пушек. Сеид-Али стал поспешно уводить свои суда под прикрытие дарданелльской артиллерии. Сенявин уже настиг их вблизи Дарданелл, и отдельные корабли вступили в бой с противником, но углубляться далее в пролив не нашел возможным, потому что пришлось бы попасть под огонь береговых батарей (которые уже и начали обстрел), и вернулся к Тенедосу. Хотя турки потеряли только три судна в бою и имели еще вполне достаточно сил, они не рискнули преследовать корабли Сенявина, и русская эскадра возвратилась совершенно спокойно, получив лишь самые ничтожные повреждения. Потери русских составляли 27 человек убитыми и 54 ранеными. Число убитых и раненых турок было, по ряду позднейших показаний, несравненно больше. Некоторыми старыми историками приводилась даже цифра в 2000 человек.

Какое значение имел опыт этого Дарданелльского боя для Сенявина, показывает следующее место из приказа адмирала перед сражением у Афонской горы: «Прошедшее сражение 10 мая показало, чем ближе к нему (неприятелю — *Е. Т.*), тем от него менее вреда, следовательно, если бы кому случилось и свалиться на абордаж, то и тогда можно ожидать вящщего успеха».

Эта победа явно показала неизмеримое превосходство личного состава русской эскадры перед турками. В тактическом отношении русский флот превосходил даже английский. Поражение адмирала Дакуорта в Дарданеллах служит достаточным тому доказательством. Русские имели богатый опыт недавних побед Ушакова. То, что Сенявин сделал в Дарданелльском бою, он спустя сорок дней в гораздо более широком масштабе и с еще более значительными и победоносными результатами повторил в сражении у Афонской горы. Сенявин давал командирам кораблей конкретные задания; было приказано сблизиться с противником и, открыв картечный огонь, взять его на абордаж. Флотоводческое искусство Сенявина в соединении со всячески поощряемой и развиваемой адмиралом инициативой его подчиненных командиров кораблей приводило к тому, что атакующие в обстановке морского боя не терялись, принимали быстрые решения, а в критический момент получали поддержку соседних кораблей. Сенявина несправедливо было бы считать только учеником и подражателем Ушакова. Творческий талант не топчется на месте, а использует, углубляет по-своему и оплодотворяет идеи, унаследованные от гениальных предшественников. Быстрота маневра, начинавшегося, едва только покажется неприятель, внезапность удара, как следствие стремительного перехода от сближения с противником к прямой атаке, угроза абордажным боем — таковы были характерные черты сенявинской тактики.

Корабли эскадры Сенявина были в общем старее и хуже тех, которые были у Ушакова, завоевавшего за восемь лет перед тем Ионические острова. Сенявинские офицеры называли некоторые из них «гнилыми». Корабли были построены и оснащены хуже некоторых судов Сеид-Али. Зато и сравнения ни малейшего не могло быть между флотоводческими талантами Сенявина и турецкого адмирала, между боевыми достоинствами офицеров и матросов русской и турецкой эскадр. Сенявин прошел ушаковскую школу, а его офицеры и многие матросы прошли и ушаковскую и сенявинскую долгую выучку.

17 мая 1807 г. произошел, наконец, давно подготовлявшийся и многими в Турции и Европе ожидавшийся переворот: низвержение султана Селима III и вступление на престол нового султана — Мустафы IV. Начался период фактического всевластия янычар в Константинополе. Дела турок на Дунае против русских сухопутных сил шли, как и на море, из рук вон плохо. Но необходимость отбросить флот Сенявина от Дарданелл была настолько ясна, нехватка продовольствия, вызываемая морской блокадой, была чревата такими грозными последствиями, что новый султан не колебался. Капудан-паша Сиди-Али (Сеид-Али) получил повеление идти в море и отнять у Сенявина Тенедос, то есть повторить попытку, которая так неудачно была сделана за восемь дней до низвержения Селима III. На этот раз новый султан приказал действовать со всей энергией.

Сенявин знал обо всем этом и готовился к встрече. Вот приказ, который он сообщил своим капитанам:

«Обстоятельства обязывают нас дать решительное сражение, но покуда флагманы неприятельские не будут разбиты сильно, до тех пор ожидать должно сражения весьма упорного, посему сделать нападение следующим образом: по числу неприятельских адмиралов, чтобы каждого атаковать двумя нашими, назначаются корабли: „Рафаил" с „Сильным", „Селафаил" с „Урилом" и „Мощный" с „Ярославом". По сигналу № 3 при французском гюйсе немедленно спускаться сим кораблям на флагманов неприятельских и атаковать их со всевозможною решительностию, как можно ближе, отнюдь не боясь, чтобы неприятель пожелал зажечь себя. Прошедшее сражение 10 мая показало, чем ближе к нему, тем от него менее вреда, следовательно, если бы кому случилось и свалиться на абордаж, то и тогда можно ожидать вящшего успеха. Пришед на картечный выстрел, начинать стрелять. Естьли неприятель под парусами, то бить по мачтам, естьли же на якоре, то по корпусу. Нападать двум с одной стороны, но не с обоих бортов, если случится дать место другому кораблю, то ни в каком случае не отходить далее картечного выстрела. С кем начато сражение, с тем и кончить или потоплением или покорением неприятельского корабля.

Как по множеству непредвидимых случаев невозможно сделать на каждый положительных наставлений, я не распространяю оных более; надеюсь, что каждый сын отечества почтится выполнить долг свой славным образом.

Корабль „Твердый“.

Дмитрий Сенявин» [3].

Сенявин, найдя флот Сеид-паши на якоре, недалеко от Тенедоса, стремился завязать сражение, но турки стали уходить, и боевая встреча, покрывшая новой славой русский флот и Сенявина, произошла лишь 19 июня (1 июля). У Сеид-паши было десять линейных кораблей, шесть фрегатов, два корвета и два брига. Этот флот располагал 1196 пушками. А у русских было лишь десять кораблей и 754 орудия.

Следует сказать, что старая русская литература (такие ее представители, как В. Гончаров, Н. Д. Каллистов, О. Щербачев и др.) укоряла Сенявина в том, что он слишком связал себя заботой сначала об овладении, а потом об удержании за собой о-ва Тенедоса. Эта литература, как и вся буржуазная историография, посвященная морской истории, находилась под прямым влиянием пресловутой школы американского дилетанта-историка Мэхэна и его американских и английских последователей. С точки зрения этих устарелых и очень задержавших развитие науки теорий Сенявин должен бы был, бросив Тенедос, полностью направить все свои силы против турецкого флота и искать «полной победы на море». Советская историография решительно отказалась от этих ложных американо-английских воззрений вообще и от несправедливых укоров по адресу Сенявина в частности.

Сенявин решил пойти навстречу неприятелю, не ожидая его подхода.

Выйдя с Тенедоса, Сенявин встретил турок 19 июня на рассвете недалеко от Афонской горы. Эскадра Сеид-Али паши (он же Сиди-Али) шла от Лемноса. У турок было в момент встречи до девятнадцати судов, из них 9 кораблей, 5 фрегатов, 3 шлюпа и 2 брига. Турецкая артиллерия превосходила русскую: 1131 пушка против 754 русских; орудий было, таким образом, на 377 больше, экипаж был гораздо многочисленнее. Броневский утверждает, что турок было «почти вдвое» больше.

Сражение началось в 8 часов утра по сигналу с сенявинского корабля.

Вот как описывает этот славный для русского флота морской бой Панафидин, находившийся весь этот день в центре сражения, рядом с командиром «Рафаила», героем Лукиным, пользовавшимся громадной популярностью во всем флоте:

«В 8 часов взвился сигнал на „Твердом“ — начать сражение. Наш корабль первый спустился на турецкий флот. Все неприятельские выстрелы устремлены были на нас. Не успели еще подойти на дистанцию, как у нас уже перебиты все марса-реи ядрами огромной артиллерии 100-пушечного корабля и убито много марсовых матросов. Выдержав с величайшим хладнокровием, не выстреля ни из одной пушки, пока не подошли на пистолетный выстрел,— первый залп на такую близкую дистанцию,— и заряженные пушки в два ядра заставили замолчать капитан-пашинский корабль, и потом беспрерывный огонь принудил его уклониться из линии. Корабль наш, обитый парусами, все марсели лежали на езельгофте, брасы перебиты, и он, не останавливаемый ничем, прорезал неприятельскую линию под кормою у турецкого адмирала. Если бы „Сильный“ также решительно поддержал нас, то он не позволил бы капитан-пашинскому кораблю войти в прежнюю линию и положить свой бушприт на наш ют. Мы были совершенно окружены: в-праве адмиральский турецкий корабль, почти обезоруженный, все реи у него сбиты, но он продолжал драться; за кормой — 100-пушечный турецкий корабль, приготовлявшийся нас абордировать; весь бак наполнен был людьми, они махали ятаганами и, кажется, хотели броситься на наш корабль; в-леве — два фрегата и даже бриг взяли дерзость стрелять против нас. Капитан прокомандовал: „Абордажных!“ Лейтенант Ефимьев и я собрались со своими людьми, чтобы абордировать капитан-пашинский корабль; но коронады с юта и 2 пушки, перевезенные в констапельскую, и ружейный огонь морских солдат привели попрежнему в должное почтение,— и корабль турецкого главнокомандующего попрежнему уклонился из линии. Фрегаты и бриги после нескольких удачных выстрелов с другого борта побежали. Один адмиральский корабль в невольном был положении, без парусов, оставался, как мишень, в которую палил наш корабль с живостью. Наше положение сделалось гораздо лучше: в исходе 10-го часа капитан позвал меня и велел, чтобы поднять кормовой флаг, который казался сбитым; он стоял на лестнице для всхода на вахты и в половину открытый; брат Захар, его адъютант, был также послан. Исполнив приказание, я шел отдать ему отчет, но он уже лежал распростертым на левой стороне шканец: в мое отсутствие ядро разорвало его пополам и кровью облило брата и барабанщика. Благодаря бога, брат не был ранен. Кортик, перешибленный пополам, лежал подле его; я взял оружие, принадлежавшее храбрейшему офицеру, и сохраню, как залог моего к нему уважения. Тело его перенесли в собственную его каюту. Капитан-лейтенант Быченский, вызванный братом из нижней палубы, не знал положения корабля. Мы с братом и лейтенант Макаров, бывший во все время наверху, объявили ему, что мы

отрезаны турецким флотом. Он решил поворотить через фордевинд и снова, в другом месте, прорезать неприятельскую линию. Корабль без парусов и при страшном от стрельбы ветре не исполнил намерения капитана, и мы должны были поневоле остаться в прежнем положении. В $^1/_2$ 12 часа увидели вице-адмиральский флаг. „Твердый" и „Скорый" так сильно атаковали авангард турецкий, что он побежал и тем самым освободил нас от сомнительного положения; $3^1/_2$ часа мы не видели своего флота и почти все время дрались на оба борта и даже с кормы. Следствием этого сражения был взят кораблем „Селафаилом" адмиральский турецкий корабль „Сетель-Бахр" о 74 пушках; отрезаны: корабль и 2 фрегата, которые побежали в залив Афонской горы и сами себя взорвали на воздух. Сами турки сожгли у острова Тассо один фрегат и свой разбитый кораблем „Мощным" адмиральский корабль. В Лемносском сражении турки потеряли 3 корабля и 3 фрегата. На нашем корабле убитых было, кроме капитана (Лукина — *Е. Т.*), 16 человек и 50 раненых и большая часть из оных — смертельно»[4].

Боеспособность русской эскадры оказалась на большой высоте. Не только «Рафаил», но и «Скорый» и «Твердый» в этом бою подходили к неприятелю на «пистолетный выстрел» и прорезали его линию. Кораблям был дан приказ: попарно идти и попарно атаковать вражеские корабли и в первую очередь флагманские. Но в пылу боя были моменты, когда, например, корабль «Скорый» вел бой одновременно против трех кораблей и одного фрегата, и турки уже приготовились взять его на абордаж. Однако метким и частым огнем «Скорый» перебил у неприятеля столько людей, что абордаж не состоялся.

Турки не смогли вывести из боя ни «Скорого», ни «Мощного».

Уже через полтора часа турецкая линия была нарушена, и противник стал явно уклоняться от продолжения боя. К 12 часам дня турецкие корабли настолько удалились, что при наступившем полном штиле Сенявину оставалось либо, переждав штиль, все-таки пуститься в погоню за уходившими турками, либо отказаться от дальнейшей погони и идти к Тенедосу на выручку осажденного в крепости русского гарнизона. Адмирал предпочел второе. Русским кораблям (особенно «Твердому», «Скорому», «Рафаилу» и «Мощному») победа далась дорого, они были сильно повреждены.

Офицеры и матросы русской эскадры сражались отважно. Под огнем неприятеля они исправляли повреждения, ни на минуту не прекращая боя.

Один из участников боя так рассказывал о храбрости русских моряков. «Трудно перечислить, в особенности в кратком

очерке, подвиги молодечества в этой битве наших храбрых русских моряков. Здесь капитан Рожнов (командир «Селафаила» — *Е. Т.*) переменяет под градом ядер, сыплющихся на него с неприятельских судов, перебитый рей; там наши матросы спасают на шлюпках турок, бросившихся толпою с совершенно разбитого корабля, тогда как другое неприятельское судно продолжает громить наш корабль, к которому принадлежат спасители... В конце сражения турецкий флот представлял собою общую горящую массу, из которой по временам раздавались страшные взрывы, и затем исчезало и самое судно и все бывшее на нем» [5].

Когда уцелевшие в этом бою турецкие суда вошли в Босфор, Константинополь был объят смятением. Турецкому флотоводцу грозила смерть.

Капудан-паша Сеид-Али решил принять экстренные меры для спасения своей жизни. Что ему придется очень круто после такого тяжкого поражения, это он понимал очень хорошо. Недолго думая, он приказал умертвить без всякого суда, простым личным распоряжением, и своего непосредственного помощника Шеремэт-бея и еще четырех командиров кораблей своей эскадры. Султан утвердил приговор. Это было вполне в стиле и в практике турецкого флота.

Злосчастный Сеид-Али до такой степени поддался паническому страху за свою жизнь, что написал Сенявину курьезное письмо («странный запрос», как выразился адмирал, донося об этом Александру). Капудан-паша вздумал с большим опозданием укорять Сенявина в том, что русский адмирал обманул его, дав фальшивый «сигнал к прекращению боя». О полной вздорности этой диковинной претензии говорить не приходится. Сеид-Али желал объяснить свое поражение «коварством» победителя.

Сенявин к концу боя послал контр-адмирала Грейга преследовать бежавших. У Грейга было четыре корабля, и он успел нагнать турецкий корабль и два фрегата уже у самого берега Мореи. Здесь турки посадили свои суда на мель и подожгли их, сами спаслись на лодках и вброд. На другой день у острова Тассо турки взорвали еще один свой корабль, один фрегат и корвет, которые нельзя было спасти от пленения [6].

Блестящая победа русских произвела удручающее впечатление в уцелевшей части турецкого флота. Выигранное Сенявиным сражение у Афонской горы имело те же непосредственные последствия, как победа Спиридова под Чесмой в 1770 г.: турецкий флот, загнанный в Дарданеллы, фактически вышел из войны, и Сенявин мог очистить от турок все острова Архипелага, если бы захотел это сделать и если бы общие политические условия момента это позволили или потребовали.

Если бы Сенявин продолжал преследование разбитого турецкого флота, то он его и прикончил бы. Таково было мнение части офицерства. Другие же полагали, что Сенявин, зная отчаянное положение русского гарнизона в тенедосской крепости, создавшееся вскоре после ухода его эскадры от Тенедоса, предпочел, не теряя времени, идти к острову спасать крепость.

В дневнике Панафидина находит отражение эта борьба двух мнений по вопросу о том, как следовало лучше поступить Сенявину.

«Одними сутками прежде турок пришли мы к Тенедосу, а они в пролив: мы с пленным адмиралом, а они — с остатками своего флота. Верно, причина поступка Адмирала, не преследовавшего разбитый турецкий флот, была важна, ибо храбрость Сенявина безукоризненна, что показали оба сражения, и мы особенно ему были обязаны своим спасением; следовательно, желание спасти храбрый гарнизон, выдержавший с горстью людей ужасное нападение, было причина, что мы не преследовали турецкий флот. Турки в отсутствие флота даже так ободрились, видя слабость гарнизона, что хотели штурмовать крепость. Если эти причины были в соображении, то поступок Сенявина возвышает его еще более. Он решился лучше потерять один лавр из своего венка, чем привести в отчаянное положение гарнизон. Сенявин, по опытности своей, лучше всех знал, что турецкие корабли по одиночке были бы догоняемы и взяты; сему уже способствовало взятие в плен второго начальника, ранга капитан-паши, и потом страх, посеянный в турецком флоте потерею трети флота». Тут Панафидин явно полемизирует с теми, кто порицал Сенявина: «По последствиям гораздо легче судить. Мы пришли почти в одно время с турками к своим местам; расстояние только было в 15 верстах, что уже совершенно незначительно. Преследуя флот, мы его бы истребили, и немного бы ушло в Дарданеллы, чтобы известить о своем поражении, отрядя часть флота, более поврежденного, для усиления блокады около острова и для подания помощи гарнизону и его ободрения, а с остальными пуститься преследовать. Многие корабли так мало были повреждены, что могли вступить снова в сражение. Наш корабль, потерявший более всего в снастях, через несколько часов уже мог опять вступить в дело. Тогда бы сражение было решительное. Между тем гарнизон все еще бы держался, что доказывается тем (что), когда мы пришли к Тенедосу, он оборонялся с храбростью и мог продлить несколько дней свою оборону. Положим даже, что от преследования и взятия кораблей неприятельских нас удержали бы долее и крепость бы сдалась. Турецкие войска сами бы были отрезаны от своих пособий, они бы должны сдаться непременно» [7].

Последующие события показали, что следовало поступить именно так, как поступил Сенявин, то есть спасать тенедосский гарнизон. Остатки недобитого турецкого флота оставались в бездействии вплоть до ухода русской эскадры из Архипелага. Терять времени действительно было нельзя: тенедосская крепость была накануне падения. Потеря этого опорного пункта очень сильно подорвала бы эффективность блокады Дарданелл. Это, помимо соображений гуманности, повелительно требовало от Сенявина спешить на выручку осажденного гарнизона.

Дело в том, что положение русского десанта было опасным уже с первого дня пребывания его на острове. Но с середины июня оно катастрофически ухудшилось.

Едва Сенявин с эскадрой отошел 15 июня от Тенедоса, как турецкая эскадра, очевидно, следившая за его передвижениями, немедленно снялась с якоря и пошла от о. Имбро, где она стояла, к Тенедосу и, подойдя к острову, начала жестокую бомбардировку крепости и одновременно высадила на острове сильный десант (по русским источникам — в шесть тысяч человек). Русские, успешно отбиваясь от неприятеля, стянулись к ретраншементу, прикрытому «малой» крепостью; их было всего до одной тысячи человек. К вечеру 17 числа вошли в «большую» крепость. Началась непрерывная бомбардировка «большой» крепости. Положение русских было трудное: ни погребов, ни казематов в крепости не было, укрыться людям было негде. «Несмотря на то, чем более россияне чувствовали притеснения от неприятеля, чем опаснее становилось положение их, тем с большей деятельностью и твердостью работали на батареях, тем охотнее и отважнее заступали они место убитых и раненых при пушках, оканчивая всегда тем, что принудят неприятеля прекратить пальбу, и все то, что удалось ему разрушить днем, ночью было исправно починяемо». Так продолжалось до возвращения эскадры Сенявина к Тенедосу, то есть до 26 июня (8 июля), восемь суток подряд (по свидетельству Броневского, 12 дней). Приход Сенявина произвел на турок, осаждавших крепость, деморализующее действие: когда Сенявин предложил им сесть на суда и убраться с острова, они беспрекословно согласились, хотя еще имели уцелевших от боев 4600 человек. Их потери составляли до 800 человек. Русские потеряли 185 нижних чинов и несколько офицеров ранеными и 32 солдата и 6 офицеров убитыми [8].

Показание Броневского дает яркую иллюстрацию краткой, но памятной истории этого замечательного «тенедосского сидения» русского гарнизона, мужественно бившегося с многочисленным и прекрасно вооруженным неприятелем.

«18 июня, поутру рано, наша эскадра, состоявшая из 10 кораблей, пустилась искать неприятеля. „Венус“, „Шпицберген“,

2 корсера оставлены были на помощь крепости, и неприятель с сего числа по 27-е, по день возвращения эскадры, производил по нас день и ночь с малыми перемежками жестокую пальбу. Положение крепости, стоящей на самом невыгодном месте между трех близких гор, ее окружающих, коим она вся открыта и притом не имеющей ни казематов, ни погребов и никакого удобного места для защиты людей; словом, все пространство ее представляло как бы западню, где ядра, картечи и пули выбирали любую жертву. Бруствер был так низок, что не закрывал людей и в половину; но когда стали бросать 9-пудовые бомбы, разрушившие все остальное строение, то уже не было никакого места, где бы можно было укрыться от огня. К тому же турки с первого дня отрезали воду, и чрезвычайный в оной недостаток, при палящем зное, делая нужду в оной тем чувствительнее, что вопль женщин и детей и беспрестанное служение священников напоминал опасность, и положение наше делал отчаянным; но все сие не могло поколебать твердости солдат, сказавших себя истинными героями; албанцы и жители тенедосские им соревновали; видя растерзанные члены детей и жен своих, видя домы свои, объятые пламенем, они обрекли себя на смерть, с редким мужеством искали ее на валах и не хотели слышать о сдаче, которую турки два раза предлагали». Этот рассказ Броневского ничем не заменим по своей выразительности. «Чем более мы чувствовали притеснения от неприятеля,— пишет он,— чем ближе стояли к гибели, тем с большею деятельностию и твердостию, 12 дней сряду, в беспрерывном огне и бессменно, работали на батареях, тем охотнее и отважнее заступали места убитых и раненых, и все, что неприятелю удалось разрушить днем, ночью исправно было починяемо.

Старые солдаты признавались, что во всю их службу, даже под начальством Суворова, который любил опасности, не случалось им быть в толь бедственном состоянии. Если бы флот не скоро возвратился, то комендант, по общему желанию офицеров, солдат и жителей, предположил выйти с легкою артиллериею из крепости и искать смерти в поле; ибо и турки, особенно стрелки их, засевшие в домах предместия, которое обратилось в кучу развалин, имели весьма значительную потерю и притом терпели крайний недостаток в съестных припасах, и, осаждая нас, сами находились в осаде. Между тем, как продолжали сражаться с крайним ожесточением, участь тех и других зависела от того, чем кончится морское сражение; и когда бедствие наше дошло до последней степени, 26 июня к неизъяснимой радости гарнизона показался корабль „Скорый“, а за ним и весь флот наш. Громкое ура! и сильная пальба дали знать туркам, что флот их разбит, а в доказательство корабль турецкого адмирала приведен на рейд» [9].

ПОСЛЕДСТВИЯ ТИЛЬЗИТСКОГО ДОГОВОРА ДЛЯ СЕНЯВИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Вторая часть сенявинского похода закончилась с таким же блеском и привела к такому же торжеству, как и первая: 1806 год ознаменовался прочным утверждением русского владычества в Боко-ди-Каттаро и на значительном протяжении далматинского берега, тесным содружеством и укреплением связей с Черногорией, упрочением влияния русской морской силы на Адриатике, завоеванием новой базы, острова Курцало, очень дополнявшей старую русскую морскую базу на Корфу и базы на других Ионических островах. А 1807 год уже в первые месяцы принес овладение островом Тенедос, большую морскую победу у Афонской горы, распространение русского влияния на ряд островов Архипелага, установление морской блокады Дарданелл.

Но не в Архипелаге решалась судьба этой войны. В те дни, когда Сенявин ушел от Тенедоса, чтобы искать встречи с турецкой эскадрой, князь Лобанов-Ростовский уже успел побывать у Наполеона после несчастной для русской армии битвы под Фридландом, Александр уже успел условиться о перемирии и о встрече с Наполеоном на неманском плоту. 19 июня, когда Сенявин разгромил турецкий флот у Афонской горы, уже был, пока на словах (а 7 июля 1807 г. и формально), заключен не только мир, но и союз между обоими императорами.

Сенявину давно уже было нелегко разбираться во всех этих хитросплетениях и зигзагах европейской политики, проявлявшихся притом за тридевять земель от Адриатического и Средиземного морей. Казалось бы, окончательно взята твердая установка на новую большую войну России с Наполеоном, и можно совсем забыть о колебаниях, вызвавших летом 1806 г. сначала подписание мирного договора Убри, а затем отказ Александра ратифицировать этот договор. Уже чего бы верней и определенней: идут грозные битвы Наполеона с русской армией, прогремели Пултуск, Прейсиш-Эйлау, и больше сорока тысяч убитых и раненых с обеих сторон покрывают кровавое эйлауское поле. И вдруг Сенявину присылают из русской главной квартиры и притом без всяких пояснений нижеследующую переписку двух государей по поводу того, что царь прибыл к своей действующей против французов армии. «Я отправил генерала Савиньи к вашему императорскому величеству,— писал Наполеон,— чтобы поздравить вас с прибытием в армию, поручаю ему изъявить вашему императорскому величеству совершенное мое почтение и желание найти случай, который мог бы удовлетворить вас, сколь лестно для меня приобресть вашу дружбу. Примите оные, ваше величество, с тою благостию, которой вы отличаетесь, и почтите меня одним из тех, которые более всего желают быть

угодными. Затем прошу бога, да сохранит он ваше императорское величество под своим покровом. Наполеон».

А царь отвечает на это пущей любезностью: «Главе французского народа. Я получил с особой признательностью письмо, которое генерал Савиньи вручил мне, и поспешаю изъявить вам совершенную мою благодарность. Я не имею другого желания, как видеть мир Европы, восстановленный на честных и справедливых правилах. Притом желаю иметь случай быть вам лично угодным. Примите в том уверение, равномерно, как и в отличном моем к вам уважении. Александр».

Что же Сенявину должно делать? Ведь этот обмен такими очаровательными любезностями сообщается ему неспроста. И что произошло за те месяцы, пока ему на корабль доставили эти два загадочных для него документа? А вдруг поссорившиеся два царя нашли «случай быть угодными» друг другу и внезапно помирились? Ведь и зимой, в начале 1807 г., могло случиться то, что на самом деле случилось в июне того же 1807 г. на неманском плоту у Тильзита.

Сенявин решил поступить так точно, как он поступил в августе 1806 г. при получении известий о договоре, подписанном Убри: не обращая ни на что внимания, продолжать на свой страх и риск военные действия. Загадочная присылка ему любезнейшей переписки двух императоров ничуть на него не повлияла тогда, в начале 1807 г.

На этот раз дело шло бесповоротно. Уже 15 июня царь приказал из Таурогена (Тавроги) послать Сенявину копию акта о перемирии с Наполеоном, а 28 июня 1807 г. немедленно переслал «выписку» из проекта трактата, непосредственно относящегося к действиям Сенявина.

К тексту Тильзитского договора 25 июня (7 июля) 1807 г. были приложены «Отдельные и секретные статьи», особо, но в тот же день подписанные теми же лицами, которые подписали целиком и весь трактат: князем Александром Куракиным, князем Дмитрием Лобановым-Ростовским и князем Шарлем-Морисом Талейраном. Вот что гласят две первые роковые статьи этих «Отдельных и секретных» приложений: «Статья первая. Российские войска сдадут французским войскам землю, известную под именем Каттаро. Статья вторая. Семь островов (Ионических — *Е. Т.*) поступят в полную собственность и обладание его величества императора Наполеона».

Период геройской борьбы Ушакова и Сенявина с их моряками и солдатами, начатый первым из них в 1798 г. и продолженный вторым в 1805—1807 гг., был завершен. Плоды замечательных побед на Средиземном и Адриатическом морях и берегах были ликвидированы на Немане не по вине доблестных русских моряков и солдат.

Грекам Ионических островов приходилось сразу же отказаться от дарованного им русскими самоуправления, от установленного Ушаковым и поддержанного его преемниками режима полного уважения к их национальной самобытности и перейти под железный скипетр всеевропейского диктатора, ни о каких самоуправлениях своих верноподданных никогда даже и не помышлявшего. А все свои экономические интересы его новые подданные должны были отныне подчинять интересам французских купцов и промышленников. Что касается славян Адриатического побережья, сражавшихся под знаменами Сенявина, то им приходилось довольствоваться обещанием Наполеона, сформулированным третьей из этих «Отдельных и секретных статей»: «Его Величество император французов, король италийский соглашается ни прямо, ни косвенно не подвергать взысканиям и не преследовать никого из подданных Блистательной Порты, и в особенности черногорцев, за какое бы то ни было участие во враждебных действиях против французских войск, лишь бы отныне они жили мирно» [1].

Царь повелевал Сенявину вывести из Боко-ди-Каттаро русские войска, так как отныне этот город и область переходят во власть Наполеона. Под его же власть переходят все Ионические острова. Затем царь писал адмиралу: «Наконец, в той статье помянутого трактата... вы усмотрите, что и самое пребывание в Архипелаге эскадры, начальству вашему вверенной, соделывается ненужным. Французское правительство, приняв на себя попечение о восстановлении доброго согласия нашего с Портою, первые старания свои обратит к тому, чтоб истребовать согласия Порты на свободное возвращение черноморской нашей эскадры, ныне в Дарданеллах находящейся, опять в Черное море» [2]. А пока не будет получено уведомление от французского посла Себастиани из Константинополя, что Порта разрешает проход русских судов из Архипелага в Черное море, Сенявину предписывалось ждать у о. Корфу. Но, во всяком случае, туда должно отправить лишь часть эскадры. А самому Сенявину повелевается с «остальной» эскадрой возвращаться в Балтийское море.

Тильзитский мир ставил Сенявина в безвыходное положение. В этом рескрипте 28 июня 1807 г., в котором Александр извещает адмирала о крутом политическом перевороте, происшедшем в какие-нибудь несколько дней в Тильзите, царь не дает в сущности никаких точных инструкций: а что же делать с русской эскадрой, которая должна уйти из всех своих средиземноморских баз, которые она так доблестно удерживала целые годы, и должна отныне считаться с возможностью внезапного нападения на нее со стороны всемогущего на Средиземном море британского флота, потому что англичане внезапно превратились

из «друзей» и союзников в неприятелей. Ведь в Лондоне очень хорошо знали первую фразу, которую услышал Наполеон от Александра при встрече с ним на знаменитом неманском плоту у Тильзита: «Я ненавижу англичан так же, как вы, государь, и буду вашим секундантом в борьбе против них». Александр знал, что англичане могут быстро учесть новую, сложившуюся так внезапно, обстановку. «По неизвестности еще о распоряжениях лондонского двора при настоящей перемене обстоятельств, нахожу нужным поручить особенному вниманию вашему, чтобы на сем возвратном пути наблюдать надлежащую осторожность, дабы не подвергнуться какой-либо опасности со стороны английских морских сил» [3]. Так что же Сенявину делать? А что хочет, то пусть и делает. Выпутываться из беды Александр Павлович предоставляет уже личной догадливости адмирала, не желая дальше возиться с этими неприятностями: «Не находя возможным снабдить вас теперь по сему предмету точными и обстоятельными наставлениями, я уверен совершенно, что во всех случаях будете вы руководствоваться теми же правилами благоразумия и мужества, коих вы уже дали столько опытов» [4].

Тильзитский договор открывал перед Сенявиным перспективу внезапного нападения со стороны англичан, при этом рассчитывать на помощь со стороны новоявленного французского союзника не приходилось. Всемогущий на континенте Европы, Наполеон был очень слаб на морях. «Ограничусь только уведомить вас,— писал Александр Сенявину,— что ежели бы усмотрели вы надобность войти в какой-либо порт, для починки ли кораблей, или для снабжения эскадры свежими припасами, то как в Кадиксе, Тулоне и Бресте, так и в других гишпанских портах найдете вы всякое пособие, какое мы ныне ожидать можем от правительств французского и гишпанского» [5].

Плоха была надежда добраться благополучно в эти блокируемые англичанами порты. Еще есть надежда, но совсем уж слабая, на добрые дружеские услуги французского посла в Константинополе, генерала Себастиани, который хлопочет о «восстановлении» добрососедских отношений между Россией и Портой и о пропуске русских судов через Дарданеллы и Босфор в Черное море...

Тотчас после получения известий о подготовке мира в Тильзите британское адмиралтейство отправило в Архипелаг эскадру из четырех мощных кораблей, двух фрегатов и брига. Этот поступок англичан был вполне понятен: пока против турок боролась эскадра Сенявина, представлялось лишним тратить английские средства и людей, и поэтому Дакуорту приказано было уйти из Архипелага после его неудачи в проливах, но раз теперь, в июле, русские неожиданно заключили мир с Наполеоном, и, очевидно, воевать с турками не будут, остается сменить их уже собственными морскими силами.

В крайне деликатном, а точнее, в довольно опасном положении оказался русский адмирал, когда 29 июня к острову Тенедос явился лорд Коллингвуд. Как быть с англичанином? Конечно, 28 июня на Мраморном море еще никто не мог знать (и не знал) о том, что за двое суток до того, 26 июня, в Тильзите был подписан договор не только о мире, но и о тесном военном союзе между императорами Александром и Наполеоном. Но о победе под Фридландом 2 июня уже знали, о первом свидании императоров на неманском плоту тоже уже знали... Слухи о крутой перемене курса политики уже несколько дней ползли по Европе, и в Константинополе султан и диван были этим очень взволнованы.

Вот в это-то время и произошла встреча Сенявина с Коллингвудом.

В течение всего июля оба адмирала делали друг перед другом вид, будто все осталось по-прежнему и будто они не знают о первой фразе Александра, сказанной на неманском плоту. Коллингвуд предложил Сенявину произвести совместную разведку состояния турецкой эскадры после Афонского боя. Сенявин согласился. Но до выполнения этого решения дело не дошло, 12 августа Сенявин получил уже официально высочайшее повеление прекратить немедленно все враждебные действия против турок.

В сущности это было уже второе по счету повеление Александра. Еще когда шли предварительные переговоры в Тильзите, царь уведомлял Сенявина, что между Россией и Францией уже «положено, чтобы на первый случай пресечь военные действия противу турок впредь до сближения между нами и Портой». Потому, писал царь Сенявину, «предписываю вам с получением сего рескрипта воздержаться от всяких наступательных действий противу турецких областей и их флота, сохраняя однако же позицию, ныне вами занимаемую» [6].

Этот рескрипт был послан Сенявину из Тильзита 16 июня, но получил он его с запозданием, уже после того, как разбил турок у Афонской горы. С этим документом он ознакомился почти тогда же, когда получил уже и формальное известие о заключении мирного договора между двумя императорами.

Итак, Сенявину оставалось лишь заключить формально перемирие с турками и уходить из Архипелага, предоставив пришедшим англичанам продолжать войну. Но оказалось, что все это сложнее и труднее. На эскадре Сенявина находился давно уже прибывший полковник Поццо-ди-Борго, на которого была еще задолго до Тильзита возложена миссия заключения мира с Турцией, но диван тянул дело и не отвечал ему. Поэтому Сенявин и подавно ничего тут поделать не мог, о чем он и уведомил царя. Покидая Тенедос, адмирал решил предварительно разрушить все его укрепления именно потому, что формально пере-

мирия не было. С 12 июля по 24 июля тысяча человек были заняты этим делом.

25 июля 1807 г. Сенявин получил царское повеление сдать провинцию и город Боко-ди-Каттаро французам. Эвакуация русских сил, как сухопутных, так и морских, из Боко-ди-Каттаро была закончена к 14 августа. Они направились в Венецию, а затем часть их — в Триест. Только Тильзитский мир дал Наполеону эту территорию, которую Сенявин удерживал в своих руках больше года и которую французы после нанесенного им осенью 1806 г. поражения уже и не пытались отнять у русских силой.

Черногория осталась свободной, и французское правительство, признав черногорцев «российскими подданными», обязалось не препятствовать полной свободе торговых сношений черногорцев с Боко-ди-Каттаро.

Жители Ионических островов, и в частности острова Корфу, с большой тревогой отнеслись к внезапной передаче их Наполеону. Русских провожали, по единодушным отзывам, с большим горем. Французы быстро свели к нулю дарованное еще Ф. Ф. Ушаковым самоуправление, которое даже в таких совсем «умеренных» дозах было несовместимо с режимом первой империи, а кроме того, морская торговля становилась почти немыслимой из-за английских нападений на новых невольных подданных Наполеона. Вот документ, рисующий последние дни пребывания русских на Корфу:

«Лиссабон. 1807 г., ноября 6-го. Мог ли ты представить, откуда получишь мое письмо? Мы в столице Португалии, а не в России, куда все наше желание стремилось... Буря заставила сюда укрыться, и мы здесь простоим довольно долго. Ты знал, что мы еще были в Корфе, занятой уже французами, с которыми жили не поприятельски: почти 3 года у нас была война с ними,— трудно скоро себя переломить. Несчастная кампания в Пруссии возвысила французов, но храбрость наших войск заставила их нас уважать. Несносное хвастовство французских офицеров, не бывших в Пруссии и оставшихся в Италии, которые составляют теперь здешний гарнизон, до того довело, что были беспрерывные дуэли, и съехать на берег почти всегда влекло к какой-нибудь неприятной истории. То желание было общее — скорее оставить Корфу. Шесть пехотных полков, находившихся в Далмации и на Ионических островах, на купеческих судах перевезены в Венецию. Наш Архипелагский отряд отправился в Россию, и всем кораблям Балтийского флота также велено итти в Россию. 19 сентября оставили навсегда Корфу и с большим сожалением» [7].

Через сорок без малого лет после пребывания Сенявина на Ионических островах местное население поминало его с самой теплой благодарностью. Вот что рассказывает в своих «Воспоми-

наниях русского моряка» Сущов, посетивший остров Занте в 1841 г.: «О ком говорили с заметным оживлением и всех расспрашивали приезжавшие толпы? Кого благословляют здешние народы, рассказывая детям о его временах, о их благоденствии... под управлением адмирала Сенявина. Здесь все знают, помнят и глубоко уважают Дмитрия Николаевича. Любопытный разговор наших гостей был о нем; они не говорили о его воинской славе или морской известности, нет, они рассказывали о нем самом, как о человеке без блеска и титула. Говорили, как он был строг и вместе с тем входил в малейшие нужды жителей, всякого сам утешал, каждому помогал, и его любили больше, нежели боялись. В какой дисциплине держал он своих и чужих,— но любил, чтобы все, его окружающие, были им довольны и всегда веселы, сам изобретал удовольствия, давал пиры, и все уважали его не на словах, а действительно, как отца-командира». И, конечно, у населения навсегда осталось в памяти, с каким неподдельным горем, с какой растерянностью принято было известие (абсолютно неожиданное) о Тильзитском договоре, отдавшем Ионические острова в руки Наполеона. Сам русский адмирал должен был успокаивать («усмирять») взволнованных его отъездом жителей: «Как это неожиданное известие всех поразило! Не хотели этому верить, но адмирал Сенявин усмирил их, и весь народ со слезами провожал его. И теперь, при этом рассказе, у некоторых навертывались слезы. Зантионцы желали знать все подробности об адмирале: когда он умер? Где похоронен? Какой сделан памятник? Остались ли у него дети? Необыкновенно отрадно было нам слышать искреннее участие и уважение иностранцев к человеку, уже давно успокоившемуся от неправильного волнения света, по славою которого всегда будет украшаться наш флот, а имя Сенявина долго будет заставлять биться от восторга сердца русских моряков» [8].

Центральный военно-исторический архив сохранил очень любопытный документ, хорошо показывающий, какую память о себе оставил в греческом народе славный русский адмирал. В разгаре героического освободительного движения против турок в мае 1821 г. в Петербург прибыл греческий гетерист Булгари. Будучи в Петербурге, он получил письмо «за подписанием многих греков, в коем просили они адмирала Сенявина для командования их флотом». Булгари отвез это письмо графу Милорадовичу [9]. Милорадович никакого дальнейшего хода коллективной просьбе греческих повстанцев тогда не дал, конечно, и дать не мог.

Интересно отметить, что и албанцы, которые в год прибытия Ушакова на Ионические острова относились к русским враждебно, теперь, при расставании с эскадрой Сенявина, обнаружили очень дружелюбные чувства. «Не могу умолчать, чтоб не упомянуть о благородном поступке храбрых сулиотов и албанцев, быв-

ших на нашей службе. По занятии французами Корфу они не хотели иначе согласиться на лестные предложения Бертье вступить на службу Наполеона, как по узнании, что они более нам не нужны, и на условии, чтобы не быть никогда употребленными противу русских»,— вспоминает очевидец Павел Свиньин [10].

СОПРОТИВЛЕНИЕ СЕНЯВИНА ТРЕБОВАНИЯМ НАПОЛЕОНА. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА СЕНЯВИНА С ЖЮНО — ГЕРЦОГОМ Д'АБРАНТЕСОМ В ЛИССАБОНЕ. ПОЯВЛЕНИЕ АНГЛИЧАН НА РЕЙДЕ

Страшная буря, чуть не потопившая в океане часть эскадры Сенявина, пригнала ее к португальским берегам.

Но, спасшись от бури морской, наш адмирал попал в жестокую бурю политическую. Завоевание Пиренейского полуострова было решено Наполеоном уже вскоре после Тильзита. Но начаться дело должно было с Португалии. Сохраняя пока мирные отношения с мадридским двором, Наполеон послал войско через испанские владения прямо на Лиссабон, под предлогом необходимости прервать немедленно торговлю Португалии с Англией. Уже 4 сентября 1807 г. русский представитель в Лиссабоне Дубачевский уведомил русского министра иностранных дел Будберга, что принц-регент «с твердостью» противится требованию Наполеона о допущении французов в Лиссабон, что жители португальской столицы «в отчаянии», так как ждут не только наполеоновских солдат с суши, но и англичан с моря и боятся, что англичане разрушат Лиссабон, как они незадолго до того разрушили часть Копенгагена, когда Дания передалась на сторону Наполеона [1].

Таково было положение, когда гонимая штормом эскадра Сенявина 3 ноября вошла в устье Тахо, а 11 ноября продвинулась к Лиссабону, чтобы укрыться от продолжавшихся штормов.

Редко какому русскому адмиралу приходилось оказываться в таком сложном, затруднительном и опасном положении, как Сенявину в наступившие для него времена лиссабонского сидения. Спустя две недели после его прибытия, 17 ноября, ему пришлось разом узнать две новости. Во-первых, португальская эскадра ушла из Лиссабона, увозя в Бразилию (тогда португальскую колонию) португальского принца-регента, королевскую семью и правительство, которые бежали от французского генерала Жюно, шедшего на Лиссабон. Во-вторых, оказалось, что если французы приближались к Лиссабону с суши, то англичане подходили к нему с моря и даже дали о том знать Сенявину самым недвусмысленным и неприятным способом: они не пропустили в Лиссабон шедший на присоединение к Сенявину русский шлюп «Шпицберген». Англичане блокировали Лиссабон с моря с момента бегства королевской семьи.

К концу ноября 1807 г. Португалия уже была оккупирована французами, и генерал Жюно, получивший титул герцога д'Абрантеса, вошел в Лиссабон и поднял французские флаги 1 декабря 1807 г. в городе и в порту. Сенявин оказался меж двух огней. Англичане, имевшие в своем распоряжении десять больших линейных кораблей и несколько судов поменьше, могли расстрелять русскую эскадру без особых усилий и потерь, если бы Сенявин обнаружил какие-либо враждебные против британских судов намерения. Генерал Жюно также мог с еще меньшими усилиями расстрелять сенявинские суда с суши, так как в его распоряжении была большая армия, обильно снабженная артиллерией, если бы Сенявин обнаружил слишком явное желание оставаться в мирных отношениях с блокировавшим Лиссабон британским адмиралом Коттоном. Да и как противиться воле царя, категорически приказавшего Сенявину сообразоваться во всем с волею нового «союзника» России, императора Наполеона I? Как не считаться с октябрьской декларацией Александра о разрыве сношений между Россией и Англией? Сенявин вполне учитывал чудовищную трудность положения, в которое поставила его зигзагообразная дипломатия переживаемого момента. Нужно было или спасать русскую эскадру от неминуемой гибели, нарушить прямую волю двух союзных императоров и идти за это под военный суд, или беспрекословно подчиниться царскому приказу и превратиться в покорное, нерассуждающее орудие интересов и соображений французского императора и его наместника генерала Жюно.

В этом, казалось, безвыходном положении Сенявин обнаружил столько ума, осторожности, дипломатической тонкости, что вполне сумел добиться успеха, и жестокая альтернатива — либо погубить эскадру, либо погубить себя самого — была обойдена.

Сенявин понял, что прежде всего именно французский главнокомандующий генерал Жюно, занявший Лиссабон, будет всячески стараться, выполняя волю Наполеона, окончательно рассорить Россию с Англией и для этого пожелает втравить Сенявина в англо-французскую войну. Дело в том, что, несмотря на «разрыв» с англичанами, Александр вовсе не желал после Тильзита фактически воевать с англичанами, а Наполеон именно поэтому делал все от него зависящее, чтобы положить конец этой раздражавшей его двусмысленности. Сенявин все это отлично понял и после первого же свидания с Жюно доносил царю: «Из некоторых слов, сказанных им (Жюно — *Е. Т.*) на сем свидании, мог я однакож приметить, что французское правительство стараться будет не упустить случая, который представляет пребывание здесь эскадры в. и. величества, для умножения сомнений английского правительства насчет намерений вашего импер. величества, и многие из находящихся здесь французских морских

офицеров явно отзываются, что будут определены на эскадре, мне вверенной, на место состоящих на оной офицеров из природных англичан». Сенявин, естественно, был «в некотором затруднении касательно поведения» в этом труднейшем случае [2]. Он испрашивал у царя инструкций, которых так и не дождался. Но тут тоже, как и всегда, он нашел выход сам.

Прежде всего русскому адмиралу приходилось считаться с опаснейшим противником — Наполеоном.

Впервые Наполеон упоминает имя Сенявина в письме к своему временно командированному в Петербург представителю генералу Савари 8 октября 1807 г.

Под свежим еще впечатлением тильзитских событий Наполеон отдал приказ о том, чтобы «припасы, деньги, жалованье», словом все, что нужно, было бы «в изобилии» доставлено русским войскам, находящимся в Боко-ди-Каттаро. «Я приказал, чтобы в Кадисе, в Тулоне, в Голландии русские эскадры, туда приходящие, были снабжены всем». И он ждет известий о приходе Сенявина в Кадис [3].

Во второй раз упоминает Наполеон имя Сенявина в письме к своему брату, королю неаполитанскому Иосифу Бонапарту, и упоминает с неудовольствием: «Брат мой, я получил письма, помеченные 20 сентября, от генерала Сэзара Бержье. Его корреспонденция неудовлетворительна. О русской эскадре он мне говорит только по поводу поведения адмирала Сенявина, которое дает ему повод к жалобам. Но он не говорит ни о числе кораблей и фрегатов, ни о количестве войск, которые у русских на Корфу» [4].

Не очень был доволен император и тем, что Сенявин не хотел покидать Ионические острова.

Французы начали понимать, что именно Сенявин и никто другой противился участию русской эскадры в военных действиях против англичан еще раньше, чем было получено в Париже донесение от Жюно.

Наполеон далеко не сразу учуял в Сенявине противника и тайного недоброжелателя франко-русского союза. Он хотел, чтобы русский адмирал отныне получал приказы не из Петербурга, а из Парижа, от русского посла в Париже графа Толстого, который просто пересылал бы Сенявину приказы французского императора. «Эскадра адмирала Сенявина прибыла в Лиссабон,— сообщает Наполеон Александру 7 декабря 1807 г.— К счастью, мои войска уже должны там теперь находиться. Было бы хорошо, если бы ваше величество уполномочили графа Толстого иметь власть над этой эскадрой и над ее войсками, чтобы в случае необходимости можно было бы пустить их в ход, не ожидая прямых указаний из Петербурга. Я думаю также, что эта непосредственная власть посла вашего

величества имела бы хорошее воздействие в том отношении, что положила бы конец недоверию, которое иногда проявляют командиры к чувствам Франции» [5].

Борьба против Жюно за спасение русской эскадры от вынужденного боя с англичанами становилась для Сенявина все труднее. Что он мог поделать против такой, например, инструкции, обязательной для всех русских военнослужащих, которую получил к сведению и исполнению в начале 1808 г. Дубачевский, русский представитель в Лиссабоне: «В отношении правительства, которое в Португалии существовать будет, нужно, чтобы поступки ваши во всем соответствовали тому дружескому расположению, в каковом ныне пребывает Россия с Францией» [6].

Наконец, 1 марта 1808 г. последовал царский указ трем командующим русскими морскими силами, находившимися в чужих краях, в том числе и Сенявину: «Признавая полезным для благоуспешности общего дела и для нанесения вящего вреда неприятелю предоставить находящиеся вне России морские силы наши распоряжению его величества императора французов, я повелеваю вам согласно сему учредить все действия и движения вверенной начальству вашему эскадры, чиня неукоснительно точнейшие исполнения по всем предписаниям, какие от его величества императора Наполеона посылаемы вам будут» [7].

Одновременно этот указ Александра был препровожден Коленкуру, наполеоновскому послу в Петербурге [8]. Таким образом, как Сенявин, так и Жюно были разными путями, но почти одновременно извещены в Лиссабоне о том, что отныне Сенявин обязан беспрекословно выполнять волю французского императора, сообщаемую ему через португальского генерал-губернатора генерала Жюно. И притом требовалось особым предписанием канцлера Н. П. Румянцева «дружественное с доверенностью обхождение российских императорских послов, министров и других в чужих краях агентов с французскими такого же качества особами...» [9].

Лично генерал Жюно, герцог д'Абрантес, был, как выражались русские морские офицеры, человек «добродушный и пышный». Наполеон относился к нему благосклонно, как к товарищу по военной школе, верил в его преданность, но не весьма ценил его воинские таланты. Поручение относительно оккупации Португалии Жюно выполнил с успехом, страна была «оккупирована» в том же примерно роде, как следует понимать это слово вообще, когда мы говорим о «завоевании» Наполеоном Пиренейского полуострова. Города в Испании покорялись, хоть далеко и не все, некоторые оказывали самое яростное сопротивление. Но в деревнях французов не было видно.

В Португалии дело пошло сначала легче и проще, чем потом в Испании. Внезапность французского наступления, лживые посулы Наполеона, спокойствие в Испании (которую до поры до времени, вплоть до весны 1808 г., еще не трогал завоеватель) — все это как-то сбило с толку португальское население, и оно покорилось в конце 1807 г., не оказав сопротивления. Но прошло несколько месяцев, и положение изменилось. Начавшаяся народная война испанцев против владычества Наполеона резко ухудшила положение генерала Жюно и его армии в Португалии. Ухудшило положение оккупантов и активное выступление англичан, усмотревших в Лиссабоне и в Португалии вообще долгожданный плацдарм для высадки больших десантов на Пиренейском полуострове. Справиться со всеми этими трудностями круто изменившейся политической и стратегической обстановки «пышный» герцог д'Абрантес был не в состоянии.

Отношения Сенявина с французами стали очень напряженными. Миновали времена, когда можно было отделываться любезностями и символическими дружественными жестами, когда Жюно со всей свитой обедал на корабле у Сенявина, а Сенявин со свитой бывал у Жюно, когда за этими обедами при громе оркестра провозглашались тосты за здоровье Александра и Наполеона, когда в день именин Наполеона гремели приветственные залпы со всех русских кораблей и т. п. Приближались дни, когда нужно было ждать прямого нападения непрерывно высаживавшихся английских морских и сухопутных сил на французов в Лиссабоне и во всей Португалии. Жюно хотел во что бы то ни стало втянуть в борьбу русских, заставить Сенявина принять активное участие в англо-французской войне.

Весьма понятно, зачем этого так хотелось и Наполеону и его наместнику. Ведь 1808 год был годом Эрфуртского свидания обоих императоров, годом, когда Наполеону во что бы то ни стало нужно было демонстрировать перед всей Европой необычайную будто бы прочность и искренность франко-русского союза, заключенного в Тильзите. Народная война против Наполеона в соседней Испании принимала все более острые формы. Из Вены шпионы доносили французскому императору о деятельнейших вооружениях в Австрии. При этих условиях Наполеон никак не мог дать герцогу д'Абрантесу достаточно сил, чтобы удержать Португалию в своей власти. Для Наполеона не так важна была помощь нескольких тысяч русских в Лиссабоне, как первое после Тильзита совместное военное выступление русских и французов против Англии на глазах всей Европы. Прямое участие Сенявина в борьбе против английского десанта и английских морских сил в Португалии могло бы стать многозначительным предостережением для австрий-

цев, которые, готовясь к новой войне против Наполеона, были убеждены, что русские против них ни за что не выступят и что франко-русский союз — дело платоническое, а не реальное.

Вот почему нажим на Сенявина со стороны герцога д'Абрантеса усиливался со дня на день. Но тут коса нашла на камень. Погубить свою эскадру для того, чтобы произвести угодную Наполеону политическую демонстрацию, русский адмирал не пожелал. Не для того он и его моряки и солдаты упорно сражались в 1806—1807 гг., вплоть до Тильзитского мира, чтобы вдруг, ни с того ни с сего, отдать свои корабли и свою жизнь для поддержки этих же французских захватчиков в Португалии.

В течение всей зимы, весны и лета Наполеону приходилось с раздражением констатировать, что русское сопротивление, прекратившееся, казалось бы, в Тильзите, продолжается хоть и в пассивной форме, но упорно в двух местах: непосредственно — в Лиссабоне со стороны адмирала Сенявина и косвенно — в тех местах, где перед этим тот же Сенявин воевал против него, именно со стороны Черной Горы.

«Господин генерал Мармон, я получил ваше донесение с отчетом о положении. Как это случается, что вы мне никогда не говорите о черногорцах? Не следует (по отношению к ним) проявлять резкий характер. Следует послать к ним агентов и склонить на вашу сторону вождей этой страны»,— писал Наполеон 9 февраля 1808 г. [10]

Немудрено, что Мармон ничего не говорил императору о черногорцах. А что ему было говорить о них? Черногорцы не желали покоряться Наполеону, владыка Петр определенно заявлял, что он, повинуясь желанию скупщины, может отвечать на все предложения дружбы и покровительства со стороны императора французов, только узнав мнение Петербурга. Владыка мотивировал свое решение тем, что Черногории лучше иметь далекого патрона и покровителя — Россию, чем слишком близкого и могущественного — Наполеона, короля Италии и властелина Далмации и Боко-ди-Каттаро. «Император в это время (1808 г.) придавал большую ценность тому, чтобы добиться подчинения черногорцев. Мы были с ними в мире и в хороших отношениях, но они не отказались от своей независимости. Император, правда, не требовал, чтобы они стали его подданными, как далматинцы, но он хотел получить от них акт, в котором они бы просили о его покровительстве»,— вспоминает Мармон. И подарки богатые были заготовлены для владыки, и ласково с ним говорили,— но ровно ничего не вышло. Черногорцы не верили Наполеону, и хотя он был в это время в союзе с Россией, на Балканском полуострове мало кто верил в прочность и искренность этого союза. Зато черногорцы

предлагали Наполеону хоть сейчас помощь, если он будет воевать с турками. А как он мог воевать с турками, если сам в это время тайно подстрекал их всеми мерами продолжать бесконечно затянувшуюся войну против русских? Ни подарки, ни угрозы, ни увещания — ничто не помогло. Черногорцы остались верными друзьями России, несмотря на все домогательства страшного соседа.

Но если русские союзники черногорцы обнаруживали упорство, то уж на повиновение русского адмирала Наполеон считал себя вправе вполне рассчитывать. И действительно могло казаться, что Сенявин в точности выполнит прямое повеление Александра и будет беспрекословно повиноваться французскому императору. Сенявин даже служебный рапорт послал в Париж. В рапорте, правда, он только доносил о неполной боевой ценности своих кораблей.

В эти первые месяцы тильзитского союза Наполеон охотно распространял самые преувеличенные слухи о том, будто русские вооруженные силы, по соглашению с Александром, состоят в распоряжении французов.

Получив рапорт Сенявина от 21 апреля 1808 г., посланный в Париж согласно приказу Александра, Наполеон дал Сенявину несколько распоряжений, из коих ни одно не было исполнено. Он приказывал Сенявину быть всегда в полной готовности выйти в море и поэтому «держать экипаж настороже». Затем, усмотрев из рапорта Сенявина, что корабль «Св. Рафаил» не вполне укомплектован, Наполеон, совсем уже по-хозяйски, приказывал Сенявину, снесясь для этого с Жюно, получить для нужного комплекта находившихся в Лиссабоне шведских, гамбургских и других иноземных матросов. Император полагал, что Сенявин имеет должное количество ядер и пороха, а также всего, что нужно для плавания. Если нет, то пусть запасется всем нужным в Лиссабоне [11].

Обо всем этом Наполеон написал Сенявину 10 мая 1808 года из Байонны. В тот же день он сообщил Жюно о полученном от Сенявина докладе. «Эта эскадра поставлена под мою власть русским императором»,— напоминает он и рекомендует произвести кое-какой обмен судов между русской и французской эскадрами и даже намечает уже два судна из эскадры Сенявина [12].

Это распоряжение точно так же не имело последствий. Совсем не так все складывалось в Лиссабоне, как это казалось Наполеону из Байонны, где он именно в это время арестовал испанскую королевскую семью, посадил на испанский престол своего брата Иосифа, переведя его с престола неаполитанского, и где ему казалось, что невозможных вещей для него уже не существует.

До конца мая 1808 г. Наполеон не перестает создавать себе иллюзии об использовании сенявинской эскадры против англичан. «Адмирал Сенявин нуждается в двух фрегатах; я мог бы дать ему один или два и мог бы дать ему еще малые суда, а в обмен взять у него другие малые суда, которые у него есть в Венеции, и даже турецкий корабль „Соул-эль-Бахр" в 80 пушек. Доложите мне об этом судне, может ли оно нам пригодиться для чего-нибудь».

И дальше император предлагает морскому министру направить этот корабль и русский фрегат «Легкий» в Анкону и требует от Жюно прислать точные сведения «о каждом корабле отдельно», о русском флоте, находящемся в Адриатическом море, либо в Триесте, либо в Венеции. «Напишите русским, чтобы они не дали англичанам заблокировать (их эскадру) фрегатами и чтобы они, держа свои суда в готовности к снятию с якоря, заставили англичан удерживать свои суда на рейде» [13].

31 мая 1808 г. Наполеон написал и в Лиссабон генералу Жюно. В этом письме император предлагал, чтобы два русских корабля, находившихся в Адриатическом море, также пришли в Лиссабон для пополнения экипажей Сенявина. «Я соглашаюсь, чтобы вы заключили конвенцию с адмиралом Сенявиным: вы ему уступите хороший португальский фрегат в сорок пушек и один бриг, а он мне уступит в обмен хороший фрегат и хороший бриг своей эскадры из тех, которые находятся в Триесте или в Венеции» [14].

Но Сенявин отклонил и эту сделку и предложение о присоединении к его эскадре французского корабля (бывшего турецкого «Соуль-эль-Бахр»). Он не хотел связываться и обязываться. Наполеон этого не понял. «Я ничего не имею против того, что русский адмирал не захотел моего корабля. Может быть, он предпочтет фрегат. Тогда у него будет достаточно команды, чтобы вооружить его, не ослабляя своих экипажей». Сенявин, желая отвязаться от этого предложения, потребовал два корабля, рассчитывая на отказ. Наполеон, однако, согласился и даже предложил три фрегата! [15].

Сенявин не взял ни трех, ни двух, ни одного фрегата.

16 июня (1808 г.) герцог д'Абрантес — он же генерал Жюно — посетил Сенявина и сообщил, «будто узнал он достоверно, что англичане предположили непременно истребить русскую эскадру, в Лиссабоне пребывающую, но, сберегая свои морские силы, намерены сделать десант на южный берег реки Таго», соединиться там с непокорившимися португальцами, подождать испанцев и, «выстроив в удобных местах сильные укрепления, огнестрельными снарядами сжечь эскадру». А поэтому Жюно предложил Сенявину высадить на берег русских солдат и присоединить их к французам.

Но Жюно был едва ли не самым посредственным дипломатом среди французских генералов, а Дмитрий Николаевич был, после Ушакова, талантливейшим дипломатом среди русских адмиралов, и не таков он был, чтобы поддаться на простодушные хитрости «дюка» (герцога) д'Абрантеса. Сенявин уже успел запастись нужными сведениями. «Перед сим посещением дюка за несколько дней имел я верное сведение, что Гишпания сделалась явным неприятелем Франции, и оружие гишпанское имело уже верх в нескольких случаях, между тем северные провинции Португалии начали уклоняться от власти французов... и самое настоятельное требование дюка, чтобы усилить его солдатами, удостоверяли меня в слабом положении войск французских в Португалии. Я, будучи в таком затруднительном положении, рассуждал: если принять мне сторону французов и тем оказать себя явно участвовавшим в неприязненных мерах противу португальцев, англичан и гишпанцев, не останется для меня никакого средства спасти эскадру вашего императорского величества от власти сих союзных народов...» Так объясняет Сенявин в донесении царю свой образ действий. Что было делать? Бушевавший пожар испанской народной войны против Наполеона не давал Сенявину никакой надежды добраться вовремя со своими донесениями до Мадрида, где находился русский посол Строганов, или до Парижа, где был граф Толстой, и получить четкую инструкцию от министерства иностранных дел. Приходилось, ни на кого не надеясь, не ожидая приказов свыше, действовать на собственный страх и риск и принимать ответственнейшие решения. Адмирал Сенявин крайне неприязненно относился к Тильзитскому миру и внезапной «дружбе» России с Наполеоном. Будущий партизан Денис Давыдов в своих воспоминаниях говорил, что уже в Тильзите между русскими и французами стоял призрак двенадцатого года «с штыком по дуло в крови», и он был далеко не одинок в этих своих настроениях. Сенявин не хуже Дениса Давыдова чувствовал всю фальшь и опасность положения, всю шаткость, ненадежность, искусственность создавшейся политической ситуации. Полезно ли для России, чтобы Наполеон окончательно сломил испанскую и португальскую народную войну? Сенявин был убежден, что союз Наполеона с Александром является непрочным, и отказал Жюно в помощи.

Это решение, помимо всего, спасало русскую эскадру от опасности немедленного английского нападения. Целых три часа герцог д'Абрантес старался уломать Сенявина, который ласково, но непреклонно отказывал «союзнику» в вооруженной помощи. В 9 часов утра началось свидание, а «пополудни дюк прекратил разговор и, откланиваясь, предлагал мне де-

нег для надобности по эскадре, хотя об оных никогда я речи не имел...» Но и этот «аргумент» не подействовал.

Жюно, герцог д'Абрантес, не нуждался в императорских приказах. Он уже неоднократно делал в разговорах с Сенявиным настойчивые напоминания о необходимости русского выступления против английского флота, блокирующего Лиссабон. Но Дмитрий Николаевич не соглашался или отмалчивался. Тогда Жюно стал уже на путь формальных требований. 3 июля 1808 г. Сенявин получил большое официальное письмо. «Господин адмирал,— писал Жюно,— в трудных обстоятельствах, в которых я нахожусь и которые проистекают, в частности, из необходимости защищать эскадру е. в. русского императора, я думаю, что наш взаимный долг, как и интерес наших государей, заключается в том, чтобы согласиться о возможных средствах взаимной помощи». И французский генерал внушительно напоминает о своих устных предложениях. Пусть Сенявин высадит на левом берегу реки Тахо десант для охраны от англичан. «Колоссальный эффект, который произвела бы эта мера, был бы неисчислим (incalculable)»,— подчеркивает Жюно. Это-то Сенявин и без него знал: конечно, фактическая война России против Англии была бы этим действием Сенявина начата. Но именно этого-то и не хотел русский адмирал, нисколько не желавший отождествлять, несмотря на Тильзит, интересы Наполеона с интересами России.

Дальше Жюно с обезоруживающей откровенностью поясняет, почему требуется, чтобы Сенявин произвел действие, «достойное его талантов и храбрости его экипажа», и напал на блокирующую Лиссабон британскую эскадру. Дело в том, что сейчас эта эскадра слаба, потому что от нее отделилось много кораблей для прикрытия высаживаемых англичанами десантов в разных пунктах португальского побережья. Так вот, если Сенявин нападет на оставшуюся у Лиссабона английскую эскадру, то англичане сейчас же призовут к себе обратно все отделенные ими корабли, и французам легче будет бороться с высаживаемыми десантами.

А что произойдет с русскими кораблями, когда английская эскадра снова усилится,— это генерала Жюно, конечно, не особенно интересовало. «Вы понимаете, господин адмирал, как важно, с точки зрения интересов наших обоих могущественных государей, чтобы мы действовали согласно и чтобы мы вполне точно условились о направлении вверенных нам сил»,— с чувством пишет Жюно в конце своего письма [16].

Сенявин ответил немедленно, как о том настойчиво просил Жюно. Адмирал прежде всего спешит уверить француза, что он прекрасно понимает свой долг, повелевающий ему беспрекословно повиноваться императору Наполеону, в полное

распоряжение которого император Александр представил русскую эскадру. Но, к прискорбию, он никак не может выполнить просьбы Жюно. Во-первых, если он высадит десант на левом берегу Тахо, то ведь ему придется сражаться не только против англичан, но и против португальских бунтовщиков (восставших против Наполеона — *Е. Т.*), а между тем он уполномочен сражаться исключительно против англичан, но не против лиц другой национальности. Во-вторых, он считает, что выгоднее для интересов обоих союзных монархов не нападать на английскую эскадру, а стоять на месте. Вообще же он, Сенявин, очень ценит любезность и доброту его превосходительства, но: «мой долг делать все возможные усилия собственными средствами, которые имеют целью сохранение эскадры, интерес и славу моего августейшего государя и моего отечества» [17].

Жюно обозлился. Писать немедленно снова не имело смысла. Но положение французов становилось все более и более критическим, англичане высадили армию и усилили блокирующую эскадру. 26 июля Жюно явился самолично на корабль «Твердый», на котором был флаг Сенявина, и снова убеждал его выступить против англичан. Адмирал остался непоколебим.

Спустя два дня, 28 июля, Сенявин получил от герцога д'Абрантеса новое письмо: «Господин адмирал,— писал Жюно,— так как положение, в котором я нахожусь, делается день ото дня все затруднительнее, то я считаю своим долгом и делом своей чести узнать положительно (positivement) ваши намерения, и могу ли я надеяться получить от вас какую-либо помощь. Это — мой долг, так как император, мой повелитель, считает, что значительная эскадра, которую русский император предоставил в его распоряжение, непременно обязана в таких критических обстоятельствах всеми средствами помогать его сухопутной армии так же, как сухопутная армия должна помогать эскадре... И это дело моей чести, так как если исход сражения не будет для меня благоприятен, то к моим силам прибавятся, естественно, те, которые предложит союзная эскадра, имеющая девять кораблей...»

Это Жюно говорил о предстоящем своем сражении с высадившимися в Португалии английскими сухопутными войсками. Он уже наперед не ждал от этого столкновения ничего для себя хорошего.

Далее Жюно переходит к угрозам: он знает, что Сенявин должен считаться с тем, как его поведение отразится на общей политике, на послетильзитской франко-русской дружбе. «Нужно, чтобы мой повелитель и ваш знали, что русская эскадра не пожелала оказать мне ни малейшей помощи. Нужно, чтобы военные люди, которые будут обсуждать мое положение, зна-

ли, что не только я был окружен со всех сторон врагами, но что эскадра, союзная с Францией, состоящая в войне против Англии, объявила себя нейтральной в самый решительный момент перед лицом вражеской эскадры и в момент значительной высадки английских войск, и что это ее поведение было для меня гораздо вреднее, чем если бы она была против меня». И вреднее всего «эффект, производимый поведением этой эскадры на общественное мнение».

Это-то последнее соображение и раздражало больше всего французов: в Испании идет уже яростная народная война против Наполеона, в Португалии — англичане, в Европе ходят определенные слухи, что Австрия тайно вооружается. Тут-то и продемонстрировать бы перед Европой, что тильзитский союз — не пустой звук, что Сенявин плечом к плечу сражается вместе с Жюно против англичан! И все губит упорство русского адмирала. Жюно так раздражен, что начинает объясняться в третьем лице: «Если господин адмирал Сенявин в самом деле находится в состоянии войны с англичанами, то как может он хотя бы один момент думать, что его флот не попадет в их власть, как только они завладеют Лиссабоном? Если господин адмирал Сенявин вступил в какие-то соглашения с английским адмиралом, если каким-то способом он получил гарантию для своего флота, то позволит ли ему честь покинуть союзника без предупреждения?» — грозно вопрошает Жюно и распространяется о чести Сенявина и т. д. «Вот господин адмирал, что я в последний раз имею честь вам предложить», и Жюно снова требует, чтобы Сенявин не только произвел высадку, но чтобы русские заняли весь порт и все форты Лиссабона, так как, поясняет герцог: «...принужденный противостоять неприятельской армии, гораздо более значительной, я, *вероятно, буду принужден эвакуировать* форты, защищающие порт»[18]. Другими словами, Жюно предлагает Сенявину отдать на полное уничтожение уже не только русскую эскадру, но и всех своих матросов и солдат.

Сенявин ответил на это раздраженное послание в тот же день. Снова подчеркнув полную свою покорность воле Наполеона, адмирал указывает, что у него прежде всего слишком мало сил для выполнения возлагаемой на него герцогом д'Абрантесом задачи. Соглашение с англичанами он категорически отрицает. Высаживать же русские силы на берег он считает бесполезным не только потому, что мог бы высадить не больше одной тысячи человек, но еще и потому, что русские не понимают по-португальски. Как же им объясняться с населением?[19]

Словом, ровно ничего Сенявин герцогу не может обещать ни в настоящем, ни в будущем.

События развивались быстро. 4 августа Жюно вывел из Лиссабона почти все войска и отправился в Торрес-Ведрас. А 9 августа 1808 г. произошел решительный бой его с англичанами у местечка Вемиэйро, причем французы потерпели полное поражение. Жюно после сражения, в котором он потерял больше четырех тысяч человек, возвратился в Лиссабон, а 12 августа к Сенявину явился от Жюно дивизионный генерал Келлерман, который уведомил адмирала о намеченном перемирии между Жюно и главнокомандующим английскими силами. Но из переговоров о перемирии ничего не вышло, и 13 августа Сенявин получил письмо от Жюно, в котором французский генерал снова предлагал присоединить весь экипаж эскадры к французскому войску и воспрепятствовать англичанам занять Лиссабон и форты. Если же Сенявин опять откажется, то пусть знает, что его эскадре грозит опасность гибели от англичан [20].

В тот же день последовал ответ русского адмирала, конечно, отрицательный. При этом Сенявин с большим ударением подчеркнул снова, что воевать ему пришлось бы не только с англичанами, но и с примкнувшими к англичанам испанцами и португальцами, а на это он своим правительством не уполномочен [21]. Наконец, 16 августа Сенявин получил последнее письмо Жюно, в котором тот предоставлял русскому адмиралу непосредственно уславливаться с англичанами об участи русской эскадры [22].

Согласно заключенной с англичанами конвенции, герцог д'Абрантес со своим войском был вывезен на английских транспортах во французские порты, и англичане заняли Лиссабон. Жюно не пожелал даже проститься лично с Сенявиным и вообще, как писал Сенявин царю, «соделался ко мне весьма чужд». Он не мог простить русскому адмиралу его упорства и даже не сообщил ему перед своим отъездом всех условий конвенции, заключенной им с англичанами.

Русский адмирал предвидел, конечно, что Жюно пожалуется на него Наполеону и что могут выйти большие неприятности.

Сенявин понимал, что Наполеон не может не быть очень раздражен его поведением в Лиссабоне. И вместе с тем Дмитрий Николаевич, входя в положение Александра перед лицом подозрительного союзника, счел необходимым взять вину всецело на себя. 29 октября 1808 г. Сенявин посылает Наполеону крайне почтительное письмо, в котором объясняет свои упорные отказы генералу Жюно недостаточностью русских сил, которые он мог бы предоставить в помощь Жюно. Сенявин крайне сожалеет, что эти мотивы «лишили его счастья вести в Португалии войну совместно с войсками его императорского

и королевского величества». Русские войска и экипаж, снятый с кораблей, были бы бесполезны для французов, а между тем обезоруженная русская эскадра погибла бы. И вообще вся беда якобы была в том, что Сенявин не получил вовремя приказаний Наполеона: «Не смея предугадывать высокие предначертания вашего императорского и королевского величества, я обязан был своим долгом ничего не предпринимать без точных ваших повелений, государь, выполнение которых было бы для меня священным». Письмо кончается выражением «живейшего сожаления» Сенявина, что он мог «лишь столь короткое время пользоваться счастьем состоять под непосредственной властью его величества» [23].

ПЕРЕГОВОРЫ СЕНЯВИНА С АНГЛИЧАНАМИ. РУССКО-АНГЛИЙСКАЯ КОНВЕНЦИЯ 4 СЕНТЯБРЯ 1808 г.

В августе 1808 г. французы ушли из Лиссабона на английских транспортах, и англичане заняли Лиссабон.

Сцена осталась та же: Лиссабон и устье реки Тахо. Но действующие лица долгой драмы сенявинского возвращения на родину переменились. Вместо герцога д'Абрантеса с его войском перед Сенявиным был английский адмирал Коттон со своим флотом.

Нужно сказать, что уже во второй половине июля 1808 г. по инициативе англичан начались сношения между Сенявиным и английской блокирующей эскадрой.

Англичане проведали о происходящем между генералом Жюно и Сенявиным конфликте и решили ковать железо, пока горячо, и, побудив Сенявина перейти на их сторону, нанести тяжкий удар франко-русскому союзу. Даже если бы царь впоследствии дезавуировал Сенявина, все равно на Пиренейском полуострове утвердилось бы мнение, что русские — враги, а не друзья Наполеона. Адмирал Коттон, начальник блокировавшей устье Тахо английской эскадры, решил попробовать: не попадется ли Сенявин в сети?

16 июля русский адмирал получил «через некоего португальца» письмо от Коттона с предложением прислать своих представителей для переговоров.

18 июля ездившие от Сенявина к адмиралу Коллингвуду его представители — коллежский советник Засс и флаг-офицер Макаров — вернулись на свою эскадру и доложили следующее.

Адмирал Коттон уведомлял Сенявина о том, что, во-первых, его начальник, лорд Коллингвуд, извещает об уже начавшихся со стороны французов неприязненных действиях против России и о задержании во французских портах всех русских судов, туда зашедших, и, во-вторых, что русский император, завладев

Шведской Финляндией, приостановил военные действия против Швеции и ведет мирные переговоры как со Швецией, так и с Англией. Для пущего подтверждения своих слов Коттон прочел вслух письмо, якобы полученное им от лорда Коллингвуда. При этом Коттон «утвердительно говорил, что в теперешнее время непременно последовал уже мир между Англией и Россией». Но хитроумная затея не удалась: Дмитрий Николаевич так же мало поддался англичанину, как он перед тем мало поддавался французу. Выслушав рассказ Макарова и Засса об их свидании с Коттоном, Сенявин остался непоколебим: «Я не следовал никогда таковым и подобным извещениям, а всегда, не переменяя поведения моего, руководствовался только высочайшими вашими, августейший монарх, инструкциями, а потому оставил английского адмирала без ответа» [1].

Конечно, «августейший монарх» был очень рад, что Сенявину, а не ему, пришлось решать этот труднейший и опаснейший вопрос: спасать эскадру от англичан и вместе с тем не разрушить еще очень нужный тильзитский союз, упорно отказывая Жюно в его настойчивых, повторных, раздраженных требованиях. Одно дело — отказы русского адмирала французскому генералу, совсем другое — отказ русского императора французскому императору.

Во всяком случае Сенявин не лгал, когда писал потом Жюно, что никакого соглашения с англичанами у него не было.

После ухода французов приходилось думать о том, как бы английские власти не объявили эскадру своей военной добычей, а русского адмирала со всеми экипажами судов — военнопленными, так как Англия считала себя в тот момент формально находящейся в состоянии войны с Россией.

Позиция Сенявина в этот критический момент переговоров с англичанами очень усиливалась аргументом, которым он так предусмотрительно запасся, борясь против домогательств Жюно: «Мое поведение в течение десяти месяцев пребывания в Лиссабоне, мои постоянные отказы принимать хотя бы малейшее участие в предлагавшихся мне враждебных мерах *(против англичан — Е. Т.)*, и именно 12 августа, когда генерал Келлерман явился на мой корабль от имени главнокомандующего генерала Жюно, чтобы обязать меня совместно с французскими войсками занять форты и защищать Лиссабон,— все эти мотивы поддерживают меня в твердом убеждении, что ваше превосходительство примет во внимание вышеуказанные обстоятельства и что законное нейтральное положение будет соблюдено относительно моей эскадры, пока она будет находиться в р. Таго»,— так писал Сенявин английскому адмиралу [2].

Сенявин заявил далее Коттону, что после ухода французских оккупантов Лиссабон возвращается в законное порту-

гальское владение, а так как Россия не находится с Португалией в состоянии войны, то он считает себя и свою эскадру находящимися в нейтральном порту [3].

Этот ход Сенявина был очень искусным. Ведь англичане явились в Португалию, торжественно провозгласив перед всем миром, что их цель — освобождение Португалии от наполеоновского захвата и возвращение ее законному правительству, бежавшему от Наполеона в Бразилию. Юридически позиция Сенявина была, таким образом, непререкаемо правильной и обязательной для англичан.

После некоторой проволочки командующий английской эскадрой Коттон ответил, что он велел вывесить на фортах британские флаги и что он не считает Лиссабон нейтральным портом. Это несколько позже категорически, в письменной форме подтвердил прибывший на флагманский корабль Сенявина «Твердый» по поручению адмирала Коттона контр-адмирал Чарлз Тайлер [4].

Между тем сухопутные войска англичан подходили и подходили к городу, а их эскадра приближалась к русской. Об этом критическом моменте Сенявин доносил потом царю: «Таким образом, будучи стесняем со всех сторон несоразмерно превосходнейшими неприятельскими силами и удобствами для них и, был уверен, что при малейшем со стороны моей упорствовании эскадра, высочайше мне вверенная, должна непременно истребиться или достаться во власть неприятеля, не сделав никакой чести и пользы для службы вашей, всеавгустейший монарх, с другой стороны, находил выгоду купно с честию поддаться на предложения неприятельские» [5].

Англичане могли бы истребить эскадру Сенявина. Но именно сознание, что он ни за что не согласится на безусловную сдачу и что предстоит кровавый бой, заставило Коттона пойти на переговоры и после довольно упорных споров признать необходимость подписать с русским адмиралом особую конвенцию. 4 сентября она была подписана Коттоном.

Основное требование Сенявина было принято адмиралом Коттоном: русская эскадра не считается взятой в плен, она отправится в Англию и будет там находиться до заключения мира между Англией и Россией, после чего и возвратится в Россию с тем же экипажем и со всем тем корабельным имуществом, которые на ней будут в момент подписания конвенции.

Что заставило адмирала Коттона пойти на условия Сенявина? То соображение, что с Россией, несмотря ни на что, следует очень считаться, потому что еще весьма возможен новый поворот в пользу Англии, а поэтому лучше не раздражать русских таким актом, как потопление эскадры. Повлияло и искусное дипломатическое лавирование Сенявина, позволившее ему

не соглашаться, несмотря ни на какие угрозы, с требованиями Жюно о выступлении против англичан. Это и дало возможность Коттону впоследствии утверждать, что он не мог рассматривать Сенявина как врага, фактически воевавшего против Англии. Слова Сенявина во время устных переговоров, что он «под стенами Лиссабона, без пользы для англичан и к разорению того города, которого государь (состоит) в миролюбивом положении с российским императором, взорвет свои корабли и не сдаст ни одного корабля», сильно повлияли на Коттона [6].

Все условия подготовлявшейся конвенции были оговорены при личном свидании Сенявина с представителем Коттона 21 августа 1808 г.

В сопроводительном письме, написанном в тот же день, Сенявин снова внушительно напоминает англичанину, что в тот момент, когда жестокая буря в океане загнала русскую эскадру в устье Тахо, Португалией еще управлял принц-регент, который и гарантировал гостеприимный прием. Потом, когда французы, занявшие Лиссабон, требовали участия Сенявина в военных действиях против англичан, русский адмирал отказал. Теперь англичане владеют Лиссабоном, следовательно, они должны бы обращаться с русской эскадрой дружественно [7].

Представляя Сенявину текст конвенции, адмирал Коттон писал, что эта конвенция составлена так, чтобы все было сделано «самым деликатным образом (the mode of so doing subjects of a most delicate nature)» и именно так,— прибавлял Коттон,— «чтобы менее всего могли бы быть оскорблены чувства вашего превосходительства (in the manner least likely to wound your Excellence's feelings)» [8].

Эти детали уже сами по себе являлись исключительным доказательством, до какой степени Сенявину удалось в самых критических, самых опасных условиях оградить не только свою эскадру, но и честь и достоинство русского флага.

Сенявин настоял, чтобы в «конвенцию 4 сентября» (нов. ст.) был включен пункт, по которому сам он и все его офицеры, матросы и солдаты (морской пехоты) могут возвратиться немедленно в Россию без всяких условий, то есть имеют право, вернувшись, хоть сейчас принять участие в военных действиях против Англии. Много потом нареканий пало на Коттона в Англии за то, что он уступил Сенявину в этом вопросе.

Во французской историографии о судьбе сенявинской эскадры с давних пор повторяется старая фальсификация Тьера, который излагает события так: «Они (англичане — *Е. Т.)* отказались обойтись с адмиралом Сенявиным так хорошо, как этого требовал Жюно, больше во имя щепетильной

чести (par un scrupule d'honneur), чем по велению долга, так как этот адмирал, который мог бы спасти общее дело, помогая французам, погубил его, отказавшись это сделать, и не заслуживал нисколько, чтобы из-за него были затруднены переговоры. Тем не менее Жюно потребовал, чтобы русский адмирал получил свободу удалиться в северные моря со своим флотом, и Жюно грозил предать все огню и крови и отдать Лиссабон наполовину разрушенным, если (англичане) не уступят в том, чего он требовал».

Здесь все лживо от начала до конца: 1) Жюно и не думал предъявлять подобных «требований» о Сенявине, а потому англичанам не пришлось и «отказывать». 2) Вовсе не Жюно грозил борьбой, от которой мог бы пострадать Лиссабон, а Сенявин, и никто больше. Все это нагромождение лжи опровергается, впрочем, немедленно самим Тьером, который вдруг добавляет, что Сенявин «к счастью афишировал (afficha) свое желание вести переговоры за свой счет, очевидно, не желая *ни в чем одолжаться* перед французской армией, от которой он ничего не заслужил. Жюно поспешил согласиться, и тогда, когда главная трудность была устранена, быстро пришли к соглашению».

Так изображает Тьер переговоры, начатые Жюно с англичанами и приведшие к спасению русской эскадры, после того, как Жюно, и пальцем не двинувший, чтобы спасти русских, и даже не уведомивший Сенявина, сел со своим войском на английские суда и отбыл, согласно договоренности с англичанами, в полном составе и со всеми боеприпасами во Францию, где их всех благополучно и высадили [9].

Так писалась на Западе история сенявинской экспедиции! «Правдивость» Тьера в европейской историографии там, где речь идет о России, особенно о русской военной истории, явление не индивидуальное, а общее. Если они не лгут, то стараются совершенно обойти молчанием «неудобные» факты.

Офицеры, участники сенявинской экспедиции, всецело одобряли образ действий своего адмирала. У русских было 7 кораблей и один фрегат. А у англичан было тут же 15 превосходно вооруженных кораблей и 10 фрегатов, да еще и артиллерия фортов, уже занятых англичанами и мимо которых пришлось бы русской эскадре пройти. Из английских кораблей 3 было 100-пушечных, остальные 70-пушечные. «Наше положение было критическое, нам предстояла славная и бесполезная для отечества смерть. Сенявин своим решительным отзывом, что он погибнет под стенами Лиссабона, убедил баронета Коттона заключить конвенцию»,— пишет Панафидин, гордящийся тем, что «все войска на кораблях должны возвратиться в Россию без всякого условия насчет нашей службы, сохраняя все почести и с флагами...

Итак, мы оставляем Лиссабон, идем вместе с английскими кораблями в Англию под своими флагами, точно как в мирное время. Не хвала ли Сенявину, умевшему вывести нас с такою славою из бедственного нашего положения?» [10]

ЭСКАДРА СЕНЯВИНА В АНГЛИИ. НАРУШЕНИЕ АНГЛИЧАНАМИ ПОДПИСАННОЙ ИМИ КОНВЕНЦИИ. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ

31 августа (12 сентября) 1808 г. Сенявин со своей эскадрой, состоявшей из семи кораблей и одного фрегата, отбыл из Лиссабона. Корабли «Рафаил» и «Ярослав» оказались с такими повреждениями, что их пришлось оставить в Лиссабоне для ремонта. Англичане обещали послать эти два корабля к Сенявину в Портсмут. Сенявин не знал тогда, что англичане не выполнят своего обещания. 27 сентября (нов. ст.) 1808 г. русская эскадра прибыла на Портсмутский рейд.

В течение всего плавания двух эскадр от Лиссабона до Портсмута русский флаг развевался на всех кораблях эскадры Сенявина. Мало того, желая выразить свое почтение к русскому флотоводцу, Коттон заявил, что так как Сенявин выше его чином, то «соединенная эскадра» (англо-русская) идет под верховным командованием Сенявина.

Все это не понравилось в Лондоне, когда там узнали о деталях конвенции и обстановке плавания в Портсмут.

Прибыв в Портсмут 27 сентября, Сенявин поднял на русских кораблях флаги, которые и развевались целый день, несмотря на протест британского адмиралтейства, заявившего, что «неприятельский флаг» должен быть спущен. Сенявин получил вместе с тем предложение съехать на берег вместе со всеми офицерами. Он согласился спустить флаг «в обыкновенное время по захождении солнца, с должными почестями» и прибавил в бумаге, посланной им командиру порта адмиралу Монтегю: «Если же ваше превосходительство имеете право мне угрожать, то, нарушая сим святость договора, вынуждаете меня сказать вам, что я здесь еще не пленник, никому не сдавался, не сдамся и теперь, флаг мой не спущу днем, и не отдам оный, как только вместе с жизнию моею». Монтегю не настаивал. На предложение съехать на берег Сенявин дал категорически отрицательный ответ за себя и за своих офицеров. Что касается истории с флагами, то, конечно, Сенявин и не мог рассчитывать, что при формально признанном состоянии войны между Англией и Россией ему позволят стоять в английском порту с развевающимися русскими флагами. Эта однодневная демонстрация была нужна Сенявину для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, что он не считает себя и свою эскадру сдавшимися в плен [1].

С самого начала этого «портсмутского стояния» русской эскадры Сенявину пришлось считаться с упорным стремлением британского адмиралтейства исправить то, что оно считало ошибкой Коттона, другими словами, нарушить конвенцию 4 сентября и как-нибудь незаметно перевести русских на положение военнопленных. «Англичане так были огорчены видеть наш флот в первом их порту под своими (русскими — *Е. Т.*) флагами, что сказали насчет этого, «что ежели флот русский будет иметь свою историю, то в заглавии поместить: *лиссабонская конвенция.* И мог ли адмирал Коттон выиграть переговорами с известным в сем деле вице-адмиралом Сенявиным, который умел своими переговорами сохранить Боко-ди-Каттарскую провинцию от французов и австрийцев?» [2]

С русским сподвижником Сенявина Панафидиным, считавшим, что «искусное соображение нашего славного вице-адмирала вывело честь флага из такого стесненного положения с такою пользою для государства», оказался согласен и лондонский лорд-мэр, заявивший, что «конвенция, заключенная в Лиссабоне, не приносит чести Англии» [3].

Нарекания против Коттона все же не привели к обвинению Коттона военным судом: «Коттон в свое оправдание сказал, что он мог бы истребить слабый русский флот, но что он уважал русских и их достойного начальника и не хотел допустить до отчаянного поступка, объявленного ему Сенявиным, и всегда останется в тех мыслях, что русские давнишние друзья англичан, которых обстоятельства заставили на время перемениться» [4].

Английские власти делали все от себя зависящее, чтобы уклониться от точного исполнения этой очень раздражавшей их конвенции, подписанной Коттоном и Сенявиным 4 сентября 1808 г. Мэкензи, назначенный для выполнения конвенции, заявил Сенявину, что переправить русские экипажи в Россию никак невозможно, потому что корабли Швеции, находящейся в войне с Россией, будут останавливать в море суда и требовать выдачи русских моряков и солдат.

В ответ на повторные жалобы Сенявина Мэкензи сообщил ему 14 марта 1809 г., что лорды адмиралтейства решили отправить всех русских офицеров со всем прочим экипажем в Архангельск, «как только время года позволит это». Сенявин просил сообщить, что же именно теперь препятствует точному исполнению конвенции и почему нужно русских отправлять в Архангельск, а не в балтийские порты? Сенявин знал, до какой степени это видоизменение в «пункте прибытия» вредно: оно фактически на долгое время выводило его эскадру из состава действующих сил русского флота, что очень устраивало британские морские власти ввиду очень сомнительных и критических русско-английских отношений в тот момент. Но что было делать?

Сенявин просил, по крайней мере, сообщить ему о причинах такого грубого нарушения конвенции, заключенной в Синтре, просил, кстати, и о том, чтобы ему выдали квитанции на отобранные у него в Портсмуте порох, пушки и паруса. Просил также квитанций и на все, забранное в Лиссабоне с пришедших туда двух отставших судов эскадры — «Рафаила» и «Ярослава» [5]. Англичане не торопились с ответом: ведь Сенявин был вполне в их руках. Переписка продолжалась в марте, апреле, мае... Сенявин настаивал на своем праве требовать честного и точного выполнения конвенции, а англичане, отвечая с большими паузами, уклонялись от прямого ответа. Сенявин раздражался все более и более этой явной недобросовестностью. 19 июня он написал лорду Малгрэву новое большое письмо, в котором решительно жаловался на «пустые предлоги» и отговорки, которые пускались в ход с английской стороны, когда речь шла о том, чтобы отпустить эскадру и, прежде всего, экипажи судов в Россию и, пока они находились в Портсмуте, хотя кормить их сколько-нибудь сносно. Сенявин написал милорду, что он просто не видит конца и выхода из трудного положения, в котором очутился. 16 июня он получил от британского адмиралтейства бумагу «по поводу бесцельного продления своего пребывания в Англии». «Я ничего в этой бумаге не усматриваю, кроме путаницы (l'embrouillement) и пустых предлогов, приводимых с целью не исполнять священных обязательств. Опыт показал мне, что невзирая на все устные и письменные обещания, подданные его императорского величества, которые по случайным обстоятельствам (casuellement) тут находятся, должны зависеть от произвола власти и оказываются настолько в угнетенном положении, что нет тому примера даже между нациями, непримиримо враждебными, а еще менее между такими, которые могут претендовать на взаимное уважение». Писал он и о других беззаконных нарушениях конвенции.

Надеясь, наконец, на прямое обещание, уже данное британским адмиралтейством, что в апреле 1809 г. их всех отправят в Россию, Сенявин израсходовал запасы, которые у него были, а английские власти почти перестали что-либо выдавать. Сенявину и его офицерам, вопреки условиям конвенции, выдавали такой же паек, как и матросам, да и то неаккуратно. «Британское правительство, истолковывая конвенцию 4 сентября прошлого года таким способом, который противоположен ее истинному смыслу, отказалось даже выполнять ее в том виде, как ее понимал английский адмирал (Коттон — *Е. Т.*), который, казалось бы, может понимать ее смысл больше, чем кто-либо другой».

С русскими так обходятся, их так «хорошо» кормят (беззаконно удлиняя время их пребывания в Портсмуте), что «число русских людей, умерших здесь, настолько, что его нельзя и срав-

нить с числом умерших за все время нынешних моих кампаний»,— подчеркивает Сенявин [6]. Характерно, что он пишет о кампаниях в множественном числе (mes campagnes actuelles), понимая все время от начала плавания эскадры в 1805 г.

Адмиралтейство ответило 22 июля 1809 г. на укоризны и обвинения со стороны Сенявина простым голословным отрицанием своей вины, так как якобы и жалобы Сенявина голословны. «Вообще же у его величества короля английского были налицо бесспорные основания (the unquestionable grounds) отвергнуть и не утвердить некоторые части конвенции, подписанной Коттоном» [7].

Это заявление адмиралтейства касалось в особенности двух русских кораблей — «Рафаила» и «Ярослава», которые пришли в Лиссабон уже в поврежденном виде и поэтому не могли отправиться в Англию с остальной эскадрой. Коттон согласился, что с этими судами должно обходиться, как с остальной эскадрой, о которой идет речь в конвенции, но адмиралтейство, не обращая внимания на это условие, фактически просто захватило оба опоздавших судна и не пожелало даже дать квитанции касательно всего, что было найдено на борту обоих судов.

Никакие протесты Сенявина не помогали, суда оставались в Лиссабоне, хотя еще в октябре 1808 г. адмирал просил британское адмиралтейство приказать Коттону позаботиться о необходимом ремонте и исправлениях, которые позволили бы обоим судам последовать за всей русской эскадрой в Англию [8]. Ничего этого сделано не было ни в 1808, ни в 1809 гг.

Долго не выходило ничего и с отправлением экипажей в Россию.

Не желая отпустить немедленно (как следовало бы согласно конвенции Коттона — Сенявина) русских офицеров, матросов и солдат в Россию, британское адмиралтейство сначала целые месяцы тянуло дело, пока не наступила зима 1808/09 г. и русские порты сделались недоступными до открытия весенней навигации. Затем адмиралтейство стало беспокоиться, не снимут ли шведы, бывшие в войне с Россией, русских военнослужащих с британских транспортов. Сенявин отвечал, что если транспортами будут служить военные суда, то шведы никого с них не снимут. Адмиралтейство настаивало, чтобы высадка была в Архангельске. Сенявин стоял на том, чтобы она состоялась в одном из балтийских портов [9].

Сенявин жалуется на то, что его люди скучены на небольшом пространстве, болеют, особенно в наступающие теплые дни, наполняют госпитали. Не позволят ли лорды адмиралтейства, чтобы русские вернулись домой на своих же собственных судах? Это очень ускорило бы дело [10].

Но нет! Лорды не желают. Они хотят воспользоваться той статьей конвенции, которая дает им право задерживать русские

суда (в «депозите») вплоть до заключения мира с Россией. Матросам жилось на Портсмутском рейде не только очень тесно, очень нездорово, очень скучно (на берег отпускали редко), но и голодно.

Кормили англичане русские экипажи сенявинской эскадры очень плохо, мясо не выдавалось вовсе. Даже сухарей получали треть нормальной порции. Не хватало и риса, которым приходилось восполнять недостаток в сухарях. Очень плохо было и то, что экипажи русской эскадры скупо и небрежно снабжались даже питьевой водой. Когда, наконец, окончательно решено было отпустить, согласно конвенции, русские экипажи в Россию (оставляя суда в Портсмуте, так как мир между Англией и Россией не был еще заключен), то и здесь не обошлось без больших задержек.

12 июня были окончены все «описи» кораблей и их имущества, предпринятые английским адмиралтейством, и уже началась посадка русских экипажей на транспортные суда, которые должны были перевезти их в Россию, как вдруг совершенно неожиданно английские власти прекратили посадку под совершенно вздорным предлогом. Задержка в действительности объяснялась тем, что экстренно понадобились транспортные суда для готовившейся как раз в эти дни в строжайшей тайне английской *высадки в Голландии. Эта высадка* имела целью создать диверсию, которая отвлекла бы часть французских сил из Австрии, подвергшейся нашествию Наполеона: дело было накануне катастрофического для австрийцев Ваграмского боя. «Последствие дела сего ясно изобличает, что предлог сей есть напрасный, и весьма вероятно, что приостановлены мы были для промедления летнего времени или по надобности, случившейся в транспорте для голландской экспедиции»,— так Сенявин донес об этом царю уже по прибытии в Петербург.

Эти придирки и задержки очень огорчали и раздражали русских офицеров. Они даже злорадствовали по тому поводу, что экспедиция в Голландию, из-за которой было задержано отправление русских на родину, окончилась для англичан тяжелой неудачей.

«...англичане очень странно поступали со всеми своими союзниками: везде видна была цель собственной выгоды,— но, к счастью, нигде им не удалось. Во время войны нашей в Пруссии они могли бы сделать десант в Восточную Пруссию, еще прежде — в Ганновер, и, может быть, не допустили бы Аустерлицкого сражения; но они пустились в Южную Америку, потом, когда им надобно было действовать вместе с нами у Дарданелл, они пустились в Египет, где их, подобно как в Флиссингене, отпотчевали преисправно. В политике нет дружбы и ненависти, как сказал Ришелье. Англичане говорили нам, что мы друзья, что

они явятся там и там, но вышло, что они являлись туда, где их были выгоды, но происшествия доказали, что все дела оканчивались дурно, где только был эгоизм. Несчастная экспедиция отомстила им за предосудительный поступок с нами»,— так писал Панафидин [11].

Но вот, наконец, транспортные суда были готовы. Семь русских кораблей и один фрегат, то есть вся материальная часть эскадры, были сданы в английский арсенал в Портсмуте 3 августа 1809 г. под квитанции.

31 июля 1809 г. русские команды были, наконец, переведены на 21 транспортное английское судно и 5 августа отчалили от Портсмута, а 9 сентября 1809 г. прибыли в Ригу и вышли на русский берег.

«Сим кончилась сия достопамятная для российского флота кампания,— пишет ее деятельный участник Владимир Броневский.— В продолжение четырехлетних трудов не одним бурям океана противоборствуя, не одним опасностям военным подверженные, но паче стечением политических обстоятельств неблагоприятствуемые, российские плаватели наконец благополучно возвратились в свои гавани. Сохранение столь значительного числа храбрых, опытных матросов во всяком случае для России весьма важно. Сенявин исхитил, так сказать, вверенные ему морские силы из среды неприятелей тайных и явных и с честию и славою возвратил их... отечеству» [12].

Так 9 сентября 1809 г. кончилось долгое, многотрудное плавание сенявинской эскадры, начавшееся в 1805 г. Расставаясь со своим адмиралом, офицеры поднесли ему серебряную вазу и сопроводили свой подарок очень тепло написанным адресом: «Вы в продолжение четырехлетнего главного начальства над нами, во всех случаях показали нам доброе свое управление. Как искусный воин, будучи неоднократно в сражениях с неприятелями, заставляли нас, как сотрудников своих, всегда торжествовать победу. Как добрый отец семейства, вы имели об нас попечение, и мы не знали нужды, а заботы и труд почитали забавою... Вы своим примером и наставлением, одобряя за добро и умеренно наказуя за преступления, исправили наши нравы и отогнали пороки, сопряженные с молодостью; в том порукою наше поведение»,— так начинался этот адрес. «Будучи в утесненных по несчастию обстоятельствах, Вы отвратили от нас всякой недостаток, даже доставили случаи пользоваться удовольствиями». Офицеры особенно отмечают в этом адресе, что самые не привыкшие к дисциплине народы охотно повиновались Сенявину, потому что любили его (намек на черногорцев и других славян Адриатического побережья) [13].

Любили Сенявина не только офицеры, но, что гораздо показательнее для характеристики его как человека, и матросы. Он и

сам никогда не злоупотреблял своей полной властью над подчиненными и другим не позволял это делать. У нас есть документальные данные, показывающие это.

СЕНЯВИН В ЦАРСКОЙ НЕМИЛОСТИ И ПОДОЗРЕНИИ В НЕБЛАГОНАДЕЖНОСТИ. РАЗГОВОР С МИНИСТРОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ. ДЕКАБРИСТЫ И СЕНЯВИН

Люди, проделавшие с Сенявиным это трудное почти четырехлетнее плавание в чужих краях, делившие с ним труды и опасности, ценили его по достоинству. Позднейшие поколения могли оценить его заслуги перед Россией, его значение в создании и укреплении традиций связи России с юго-западным славянством, большое место, которое он занял своими морскими подвигами в истории русского флота. Но ни Александр I, ни ближайшее бюрократическое начальство не поняли и не оценили этого прямого преемника Ушакова, как они не поняли и не оценили и самого Ушакова.

Александр так же мало понимал и признавал заслуги Сенявина, как перед этим заслуги Ушакова. Русские морские герои симпатией царя пользовались так же мало, как и герои армии — Кутузов, Багратион. Французский карьерист и проходимец, маркиз де Траверсе, которому Александр неизвестно почему вручил участь русского флота, меньше всех на свете мог объяснить царю всю несправедливость пренебрежительного отношения и неблагодарности к Ушакову и Сенявину. Невольное негодование вызывает это игнорирование русских героев.

Наступил грозный 1812 год,— и Сенявин, всем сердцем любивший свою родину, подает царю просьбу об определении вновь на службу, чтобы посильно помочь делу обороны отечества. Александр не нашел ничего благопристойнее, чем написать на прошении: «Где? в каком роде службы? и каким образом?» Адмирал был, по-видимому, особенно обижен этим последним вопросом: *«и каким образом?»* — «Буду служить *таким* точно *образом,* как служил я всегда и как обыкновенно служат верные и приверженные русские офицеры»,— отвечал Сенявин в бумаге, которую отправил маркизу де Траверсе в ответ на странный вопрос царя. Но «благословенный» не любил получать подобные ответы. Сенявин не только не был принят в ополчение, куда он стремился, но 21 апреля 1813 г. его уволили («по прошению») с половинной пенсией.

Александр не только не наградил Сенявина и его офицеров и матросов, но «решительным отказом» ответил на представление об утверждении следовавших по закону адмиралу и его подчиненным призовых сумм за взятые во время экспедиции суда. Особенно потрясен был Сенявин возмутительно несправедливой,

злобной резолюцией царя: «Когда и самая эскадра судов, приобретавшая сии призы, оставлена им, наконец, в неприятельских руках, то и нельзя предполагать для нее установленной для призов награды». В этой резолюции было столько прямой клеветы и лжи, что Сенявин написал царю обширное письмо, которое осталось без ответа [1].

Сенявин, не имевший личного имущества, должен был долгие годы прозябать на своей ничтожной пенсии. Поведение царя и придворного прихлебателя, французского проходимца эмигранта маркиза де Траверсе, управляющего морским министерством, было тем возмутительнее, что Сенявин доставил казне несколько сот тысяч рублей призовых сумм, причем лично ему принадлежавшая сумма из этих денег (за взятые торговые суда противника) не была ему выдана. Безобразно несправедливый упрек Александра, что Сенявин «оставил» свою эскадру у неприятеля (как будто он мог ее не оставить!), сводится, по существу, к нулю тем, что при заключении мира между Россией и Англией в 1812 г. англичане не только вернули все вооружение эскадры, оставленной в 1809 г. в Портсмуте согласно лиссабонской конвенции, но и заплатили полностью русской казне стоимость всех кораблей, оставшихся у них. Объясняется этот довольно диковинный факт совсем не свойственной британскому правительству «щедрости» тем, что от русской победы зависело в тот момент — быть или не быть разорявшей английскую торговлю континентальной блокаде. Спустя одиннадцать лет после возвращения Сенявина призовые деньги, причитавшиеся по закону ему и его офицерам, были, наконец, выданы. Прибавим, что лучшие из оставленных Сенявиным кораблей («Сильный» и «Мощный») пришли в 1813 г. в Кронштадт, а остальные пять кораблей и фрегат, бывшие в очень плохом состоянии еще когда после бури попали в 1807 г. в Лиссабон и, конечно, не ставшие лучше после дальнейших приключений, были оплачены англичанами как новые, по высокой оценке. Да не удивится читатель такому внезапному и ненатуральному английскому «великодушию»: в 1812 и 1813 гг. за Россией очень и очень приходилось ухаживать! Ведь Наполеона без России одолеть решительно никто не мог,— и в Лондоне это знали очень хорошо. Вся правящая Англия разделяла в 1812 г. жестокую тревогу британского представителя в ставке Кутузова, генерала Вильсона, боявшегося, что русские, изгнав Наполеона, остановятся на Немане. Правящий класс Англии затем в 1813 г. и весной 1814 г., вплоть до отречения французского императора, покорно подчинялся русской дипломатии, как подчинялась ей тогда и вся остальная Европа, восставшая против наполеоновского владычества. Тут уж не до того было, чтобы спорить о выдаче находившихся с 1809 г. в депозите в Портсмуте судов сенявинской эскадры или торго-

ваться об их цене! Довольно было, что русской кровью Англия была спасена от Наполеона.

Безобразное поведение царя в отношении Сенявина, постепенное падение русского флота при фаворите Александра маркизе Траверсе — все это раздражало и удручало стареющего адмирала. На язык Дмитрий Николаевич всегда был резок, особу Александра Павловича, конечно, не терпел, и немудрено, что в настроенных оппозиционно кругах конца александровского царствования, например среди будущих декабристов, об отставном адмирале сложилось мнение, что он мог бы сыграть известную роль в случае антиправительственного движения.

С декабристами у Сенявина прямой связи не было. По крайней мере ни в документах, ни в научной литературе, в том числе новейшей советской, о декабристах таких фактов не приведено. Но что некоторые декабристы считали Сенявина оппозиционно настроенным человеком,— это может считаться более чем вероятным. И такого рода указания у нас имеются. Есть и весьма убедительные свидетельства, что правительство также не вполне доверяло отставному адмиралу и, уж конечно, не считало его выше подозрений.

Во всяком случае, уже в 1820 г., за пять лет до восстания декабристов, Сенявину пришлось иметь некоторое «деликатное» объяснение с властями. «8 ноября 1820 года, в понедельник, в начале десятого часу, вице-адмирал Сенявин, приехав в дом управляющего министерством внутренних дел графа Кочубея, требовал чрез дежурного быть к нему допущенным»,— читаем в любопытном документе, впервые опубликованном в 1875 г. «Вице-адмирал Сенявин, быв принят, сказал графу Кочубею, что он долгом своим счел обратиться тотчас к нему, как к министру полиции, а потом и к здешнему военному генерал-губернатору, по одному обстоятельству, о котором он вчера уведомился и которое поразило его самым чувствительным образом: что ему было сказано, будто существует здесь какое-то общество, имеющее вредные замыслы против правительства, и что почитают его, Сенявина, начальником или головою этого общества; что всякому легко понять можно, сколько подобное заключение должно ему быть оскорбительно; что, служив всегда с честью, приобрев и чины и почести, имея большое семейство и от роду 60 лет, он с прискорбием видит себя подобным образом очерненным, тогда как он вышел в отставку, живет почти в уединении и мало куда ездит» [2].

Кочубей ответил, что он, Кочубей, «не скроет от адмирала», что он тоже «слышал» о таком обществе, но не обвиняет Сенявина, которого «имеет в первый раз честь... у себя видеть». И сейчас же министр стал доказывать своему утреннему посетителю, что не может благомыслящий человек думать о «преобразовании

правительства российского», потому что плодом такого дела было бы «расстройство государства, разрушение всех связей, ныне целость и благоденствие его ограждающих, безурядица, отторжение разных областей, презрение чужеземцев, варварство, какое существовало во времена татарского владычества, и множество других неисчислимых бедствий; что он, граф Кочубей, так сильно в этом заключении убежден, что никак себе представить не может, чтобы подобное глупое, подлое, гнусное предприятие могло вместиться в голове русского дворянина» и т. д.

Много еще говорил в том же стиле граф Кочубей, упомянул о «ветренных молодых людях, которые прельщаются новостями» о Наполеоне и Испании, о том, что, «благодарение богу, правительство наше слишком сильно и твердо, слишком деятельно», а посему «благовременно... обратит виновных в прах». И вдруг заключил свою назидательную лекцию неожиданным вопросом: «Но ваше превосходительство, конечно, об обществах вредных слышали так же, как и я?» — «Никогда, вчера только в первый раз об этом я услышал, когда было сказано мне, что я принадлежу к какому-то обществу и есть оного начальник».— «Кто вашему превосходительству это сказал?» — полюбопытствовал Кочубей. «Позвольте, ваше сиятельство, чтобы я этого до времени, по крайней мере, не открывал. Честь моя требует не компрометировать приятеля. Об обществе, каком бы то ни было, я ничего не слыхал». И снова заявив о своем уединенном образе жизни и своей полной непричастности к каким-либо заговорам, Сенявин сообщил, что и государю напишет об этом. Кочубей на это сказал, «что если он, Сенявин, уверен в невинности своей, как и он, граф Кочубей, полагает, то намерение его оправдаться перед государем не может не быть одобрено, и это, конечно, будет соответствовать и имени его, и степени, до которой он в службе достигнул». А о том, когда именно приличнее ему писать к государю, «то это сам он, и по побуждениям своим и по объяснению с военным генерал-губернатором, наилучше сообразить может». Этим дело и кончилось. Лукавый министр внутренних дел и полиции и тут, как и всегда, отстранился от какой бы то ни было попытки хоть единым словом рассеять беспокойство Сенявина, которого, более чем вероятно, он же сам и взбудоражил через подосланных лиц. Этот прием был в большом ходу в таких случаях.

О Кочубее, получившем при Николае уже княжеский титул взамен графского, очень точно гласит позднейший пушкинский проект эпитафии:

Под камнем сим лежит граф Виктор Кочубей.
Что в жизни доброго он сделал для людей,
Не знаю, чорт меня убей.

Дальнейших последствий этого собеседования Сенявина с Кочубеем мы не знаем. Но прошло пять лет,— и во время следствия по делу декабристов снова мимолетно всплыло имя знаменитого адмирала.

Вот скупые, отрывочные документы, характерные для мнения декабристов о Сенявине:

«*Из одного показания* открывается еще, что некоторые члены Южного общества упоминали о вице адмирале Сенявине, и потому только, что, слышав об его отставке, считали его в числе недовольных правительством»,— читаем в «Приложении к докладу следственной комиссии о тайных обществах, открытых в 1825 г.» Здесь имеется в виду, очевидно, показание Николая Бестужева: «Я часто спрашивал Рылеева, есть ли у нас в обществе люди значительные и имеющие какую-либо силу, на что он ответствовал всегда, что есть, но что они не хотят быть объявлены обществу, а в свое время не откажутся от участия. На мои же вопросы: кто они, он всегда уклонялся от ответов; следовательно, мои заключения по сему предмету были только гадательные; так, например, я думал, нет ли какого намерения общества на адмирала Сенявина, который ныне осенью просился у государя в службу? Но это было собственное мое заключение» [3].

Но из показаний Пестеля явствует, что мысль о Сенявине вовсе не была индивидуальным достоянием Бестужева.

Подтверждение этого находим и в показаниях Сергея Муравьева-Апостола.

Приведем подлинный текст показаний декабристов, в которых упоминается имя Сенявина.

Показание капитан-лейтенанта Николая Александровича Бестужева приведено уже выше.

Допрос Пестеля:

«Некоторым членам Общества вы рассказывали, что многие из лиц, ближайших к государю, думают и желают другого образования в государстве, хотя они и не члены общества; а Васелью Давыдову говорили, что петербургское общество намерено назначить членами временного правления адмиралов Мордвинова и Сенявина, и что третьим членом хотя и предполагаем был генерал Раевский, но отринут.

Здесь поясните:

1) Кто имянно из лиц, близких к государю, думал и желал другого образования в государстве и каким образом сделался вам известным образ мыслей их? и

2) Кто сообщал вам о намерении общества назначить Мордвинова и Сенявина членами времянного правления и на чем *имянно сие* предположение общества основывалось»? [4]

Показание Пестеля:

«Я не знаю никого из лиц, близких к государю, и ни чей образ мыслей мне не известен. Я никогда никого из них и не называл. А рассуждал не я один, но многие и почти все, что когда Революция возьмет свой ход, тогда верно много окажется людей, которые присоединятся к Революции, особенно при хорошем успехе, а может быть и из вышних чиновников. Сие было одно только гадательное предположение, при коем никого не называли и никого не имели в виду. Бестужев-Рюмин, видевшись в Киеве с кн. Трубецким и полковником Брыгиным, приезжал потом ко мне в Линцы и сказывал мне, что он от Трубецкого и Брыгина известился о намерении Северного общества назначить адмиралов Мордвинова и Сенявина членами временного правления и что прежде хотели назначить и Раевского, но потом его отринули, а производителем дел при них долженствовал быть Николай Тургенев» [5].

Допрос Сергея Муравьева-Апостола:

«...говорил некоторым членам и полковник Пестель, не именуя лиц, по словам его хотя не бывших в обществе, но принимавших в его деле участие; в отношении же временного правления рассказывал, что петербургские члены назначают в оное адмиралов Мордвинова и Сенявина».

«Поясните: кого имянно из знатнейших лиц и почему разумели вы согласившимися на введение Конституции и точно ли Северное общество намеревалось назначить Мордвинова и Сенявина во времянное правление и на чем основывалась сея последняя мысль?» [6]

Показания С. Муравьева-Апостола:

«Что же касается до назначения адмиралов Мордвинова и Сенявина во времянное правление Северным обществом, то я знаю утвердительно, что кн. С. Трубецкой был того мнения, но разделялось ли оно всем Северным обществом, не знаю, и также на чем особенно оно основывалось» [7].

Давыдов (л. 10): «При свидании с Пестелем в декабре 1825 г. он сказывал, что Петербургское общество намерено назначить членами времянного правления в России Н. С. Мордвинова и адмирала Сенявина» [8].

Дмитрия Николаевича не тронули, но сына его пытались привлечь к делу. Вот что читаем в делах следственной комиссии:

«*Сенявин*, Николай Дмитриевич, капитан л.-г. Финляндского полка.

Был арестован по показанию Перетца. При допросе он решительно отозвался, что к Тайному обществу не принадлежал и не знал о существовании оного. Перетц часто заводил речь о тайных обществах вообще, но никогда не сказывал ему, что таковые существуют в России, и не предлагал ему вступить в оное. Напро-

тив сего, Перетц показал, что он принял его с разрешения Глинки, что однажды Сенявин, проговорившись корнету Ронову об Обществе, был под следствием по доносу его. Показание сие подтвердилось и словами Ронова. Но Глинка отвечал, что Сенявина не знает и разрешения на принятие его не давал; на очных ставках Сенявина с Перетцем и Роновым он равно остался при своем показании. Спрошенные о нем главные члены Общества все показали, что не знали его членом Общества и даже знакомы с ним не были. Содержался в Главном штабе с 11 марта» [9].

По докладу комиссии, 15-го июня высочайше повелено немедленно освободить, «вменяя арест в наказание».

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

Уже в самые последние годы жизни, снова поступив на службу и получив приказ стать во главе эскадры, отправлявшейся в Архипелаг, Сенявин в одном замечательном приказе, данном его подчиненному, графу Гейдену, выразил благородное, гуманное, характерное для него свое отношение к матросам. Вот что, между прочим, мы читаем в этом приказе [1].

«Дальний переход, предстоящий вашему сиятельству, от Англии до Архипелага, представляет вам средства довести эскадру, высочайше вам вверенную, состоящую по большей части из людей неопытных, до должного совершенства, по всем частям морской службы, экзерцициями и строгою военною дисциплиною.

Весьма важным считаю обратить особенное внимание вашего сиятельства на обхождение гг. командиров и офицеров с нижними чинами и служителями. Сделанные мною замечания на сей предмет показывают мне, что гг. офицеры имеют ложные правила, в рассуждении соблюдения дисциплины в своих подчиненных.

Нет сомнения, что строгость необходима в службе, но прежде всего должно научить людей, что им делать, а потом взыскивать на них и наказывать за упущения.

Надлежит различать упущение невольное от умышленного или пренебрегательного: 1-е требует иногда снисхождения, 2-е немедленного взыскания без послабления.

Никакие общие непослушания или беспорядки не могут произойти, если офицеры будут заниматься каждый своею командою.

По сему должно требовать с гг. офицеров, чтоб они чаще обращались с своими подчиненными: знали бы каждого из них, и знали бы, что служба их не состоит только в том, чтобы командовать людьми во время работ, но что они должны входить и в частную жизнь их.

Сим средством приобретут они к себе их любовь и даже до-

веренность, будут известны о их нуждах и отвлекут от них всякий ропот, донося о их надобностях капитану.

Начальники и офицеры должны уметь возбудить соревнование к усердной службе в своих подчиненных ободрением отличнейших.

Они должны знать дух русского матроса, которому иногда спасибо дороже всего.

Непристойные ругательства во время работ не должны выходить из уст офицера, а неисправность и проступки матросов наказуются по установленной военной дисциплине.

Так как может случиться, что ваша эскадра будет употреблена на военные действия, то тем паче должны гг. командиры и офицеры приобресть к себе искреннюю любовь подчиненных, дабы с лучшею пользою употреблять их в нужное время...

...Предлагаю вашему сиятельству всякий раз, когда представится удобность, посещать корабли и фрегаты, в команде вашей состоящие, осматривать во всех частях исправность оных, содержание людей, больных и испытывать знание матросов в экзерцициях.

Сверх того, слабые познания матросов, особенно в обращении с артиллериею, поставляют вас в непременную необходимость, как возможно чаще обучать их пушечной экзерциции и довести их до надлежащих успехов по сей части, ибо артиллерия решает победы» [2].

Это было в год Наварина, в 1827 г.

Сенявина снова потребовали и в следующем году, когда началась война с Турцией. Николай пожелал узнать его мнение, и адмирал подал 22 апреля 1828 г. следующую записку:

«...Частое обращение с народами, составляющими Турецкую империю, и в особенности с горными жителями, показало мне пользу, которую можно извлечь для России из тех племен, кои не суть собственно турки.

Находясь в Боко-ди-Каттаро, я имел несколько сшибок с французскими войсками, довольно сильными противу малого числа войск, находившихся в моем распоряжении, но, с помощью черногорцев и бокезцев, имел постоянные успехи противу превосходного и искусного неприятеля, сберегая сими народами регулярное свое войско.

Кампания, предстоящая нашей армии под победоносными знаменами вашего императорского величества, будет, по большей части, войной горною. Всегдашние победы российского оружия под Портою достаточно показали ей невозможность противустоять нам в поле. Защита турок начинается по ту сторону Дуная. Хребты Балканских гор суть единственная их надежда. Сбережение наших регулярных войск противу искусных стрелков, созданных таковыми от детства, и вместе с сим

неустрашимых, будет, конечно, входить в соображения наших военных действий. Жители гор Балканских, протяженных от Адриатики до Черного моря, управляются почти тем же духом, как черногорцы, далматийцы и герцеговяне, и можно сказать, что они так же связаны между собою, как и цепи их гор,— я осмеливаюсь предложить вашему императорскому величеству о сформировании, на первый случай, нескольких сотен горных воинских народов, на всседневное употребление их в аванпостах, для надзирания и прояснения дефилеев и вместе с сим для ограждения наших регулярных войск от бесполезной и чувствительной потери» [3].

Сохранилась и другая записка Сенявина, служащая дополнением к первой. В ней он особенно настаивает на искренней приверженности к России черногорцев [4]. Эта вторая записка была подана Сенявиным по прямому предложению Николая, что явствует из письма к адмиралу, подписанного военным министром графом Чернышевым. Мысль Сенявина об образовании особого отряда из горных жителей балканских славян, видимо, заинтересовала правительство.

Таков последний, непосредственно от Сенявина исходящий документ, в котором он пытался высказать то, что, по его мнению, могло пригодиться в предстоящей войне России на Балканах.

Этот документ — краткая записка, а вовсе не доклад и не деловой мемуар, и, конечно, историк не вправе присочинять «от себя» те сведения и мысли Сенявина, от изложения которых сам достославный адмирал воздержался.

Последние два года жизни Сенявина были несколько скрашены: он понадобился. Его мнение захотели выслушать по ставшему актуальным вопросу об отношении балканских славян, особенно горных племен, к России. Существование, которое Сенявин влачил, всеми забытый, в самых стесненных условиях, стало светлее, но уже не надолго. Ему не удалось увидеть вновь Архипелаг, он только проводил до Портсмута отправлявшуюся туда русскую эскадру и вернулся в Кронштадт. Дни его были сочтены.

В 1830 г. он тяжко заболел водянкой и в 1831 г. скончался.

Как и других морских героев и славных деятелей русского флота — Ушакова, Нахимова, Макарова — оценили Сенявина по заслугам и по достоинству в сущности лишь в советское время, когда все эти имена впервые перестали быть достоянием только сравнительно узкого круга моряков и военно-морских историков и сделались известными широкой народной массе.

И русская военно-морская история, и летопись ранних сношений и дружбы между Россией и балканскими народами навсегда сохранит имя адмирала Дмитрия Сенявина.

Северная война и шведское нашествие на Россию

В основу своей работы о шведском нашествии я положил прежде всего и больше всего, конечно, русские материалы: как неизданные архивные данные, так и опубликованные источники. А затем, ставя одной из целей своего исследования опровержение фактами старых, новых и новейших враждебных России измышлений западноевропейской историографии о Северной войне и, в частности, о нашествии 1708—1709 гг., я должен был, разумеется, привлечь и почти вовсе игнорируемые нашей старой, дореволюционной историографией и особенно старательно замалчиваемые западными историками шведские, английские, французские, немецкие свидетельства. Эти документальные показания современников, часто совершенно помимо воли и вразрез с намерениями авторов, знакомят со многими ценными фактами, вполне подтверждающими ряд существенных данных, почерпнутых из русских источников. Именно секретнейшие донесения иностранных послов своим правительствам с очевидностью выявляют порой многое, что могут дать только такие строго засекреченные признания этих сидевших в Москве соглядатаев, которые делятся с начальством своими наблюдениями и своей тревогой, своими опасениями, советами и сообщениями о дипломатических минах и контрминах в борьбе против крепнущей не по дням, а по часам мощи Русского государства. Они подтверждают, например, такие факты, что: 1) Петр в деле организации и оснащения русской армии и в деле создания флота нуждался в иностранцах несравненно меньше, чем писали позднейшие западные историки, а за ними долго повторяли охотно верившие им русские дворянские и буржуазные историки и публицисты; 2) последствия народной войны против шведского вторжения в Белоруссии и на Украине были даже в самые первые времена нашествия гораздо губительнее для шведской

армии, чем это обыкновенно думали. Выявить этот факт в подробностях могли, конечно, показания, идущие и из русского, и из шведского лагеря; 3) вся энергия английского дипломатического вредительства, направленного в ущерб России (и до, и после Полтавы), характеризуется именно секретными английскими документами, где английские послы беседуют вполне откровенно со своим начальством о всех интригах и, говоря языком XVIII в., обо всех «каверзах и подвохах» против России; характерно, что эти документы опубликованы в России, но отнюдь не в Англии; 4) наконец, французские и немецкие показания как служебно-дипломатические, так и литературного происхождения дают некоторые характерные детали о высокой степени реального могущества на суше и на море, достигнутого русским народом уже в последние годы Северной войны. Они же дают понятие о том, с каким восхищением военные теоретики XVIII в. говорили о громадных новаторских достижениях петровской стратегии.

Вообще же вся предлагаемая работа основана от начала до конца на чисто русском материале, который лишь дополнен и подкреплен материалами иностранными там, где эти материалы являются по сути дела заслуживающими внимания, критического изучения и использования.

Читатель из дальнейшего поймет и увидит, почему именно эти цитируемые мною иностранные источники так умышленно и старательно замалчивались и продолжают замалчиваться исторической литературой в Западной Европе и Америке и почему подавляющая масса именно этих иностранных свидетельств, переписанных из иностранных архивов, была издана не в Англии, не во Франции, не в Швеции, а именно у нас, в России, русскими учеными обществами и другими русскими организациями.

Предлагаемая работа состоит из шести глав.

Первая глава дает сжатое изложение событий Северной войны, предшествовавших вторжению Карла XII в пределы Русского государства. Здесь рассматриваются те мотивы, которые заставили Россию продолжать и в начале XVIII в. добиваться подступа к морю, как она безуспешно, но упорно добивалась этого и в XVI и в XVII вв., а также те условия, которые, несмотря на все трудности и первоначальные тяжелые военные неудачи, позволили Русскому государству уже в первые семь лет военной борьбы (1700—1707) прочно утвердиться в Ингрии, Эстляндии (Эстонии) и отчасти в Ливонии.

Вторая, третья, четвертая, пятая главы посвящены рассказу о нашествии шведов на русскую территорию, начавшемся весной 1708 г. и закончившемся отчасти физическим уничтожением, а отчасти пленением всей шведской армии 27 июня под

Полтавой и 30 июня 1709 г. под Переволочной и бегством Карла XII в Турцию. Здесь дан анализ обстоятельств, приведших к этой блистательной победе русской армии над агрессором и к разгрому шведской армии, не только считавшейся непобедимой, но и на самом деле бывшей по своим боевым качествам первой во всем тогдашнем западноевропейском мире. Особое внимание посвящено тут русской народной войне против шведского агрессора, не только могущественно содействовавшей полнейшему, безнадежному провалу изменнического предприятия гетмана Мазепы, но и подготовившей конечную шведскую катастрофу под Полтавой и Переволочной.

Наконец, в последней (шестой) главе рассматриваются ближайшие политические последствия Полтавской победы как для Швеции, так и для России. Эта глава является как бы послесловием и, подобно первой, вводной главе, выходит за точные хронологические пределы основной темы моей работы, но (тоже подобно первой главе) она совершенно необходима для полного понимания всего значения великой победы русского народа над вторгшимся в Россию агрессором.

Как в первой, вводной, главе, так и в шестой, заключительной, конечно, изложение событий далеко не так подробно, как в пяти главах, посвященных навеки памятной истории 1708—1709 гг. Автор ни на минуту не упускал из виду, что он пишет историю не всей Северной войны, но только героической борьбы, происходившей на русской территории, куда весной 1708 г. вторгся и где в июне 1709 г. нашел свою полную гибель агрессор.

Этот год непосредственной борьбы России за свое государственное самостоятельное существование бесповоротно определил счастливое для русского народа окончание всей Северной войны.

В долгой исторической эпопее сопротивления России всем агрессорам, периодически пытавшимся подчинить ее своей воле и своим интересам, катастрофическая гибель шведских захватчиков навеки заняла по праву одно из самых выдающихся мест.

Глава I

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА ДО ВТОРЖЕНИЯ ШВЕДСКОЙ АРМИИ В ПРЕДЕЛЫ РОССИИ. 1700—1708 гг.

I

Первая четверть XVIII в. была тем периодом истории русского народа, когда на несколько поколений вперед решалась его историческая судьба. Прямые потребности его дальнейшего экономического развития, необходимость преодолеть хотя бы отчасти большую экономическую и техническую отсталость, повелительно дававшая себя чувствовать потребность покончить с многими обветшалыми и тормозящими пережитками старины в практике правительственной деятельности — все это поставило еще в допетровском поколении перед сколько-нибудь прогрессивно и самостоятельно мыслившими людьми грозный вопрос о возможности дальнейшего сохранения государственной безопасности и даже о национальном самосохранении в широком смысле этого слова, если остаться при рутинном быте, политическом и общественном, при рутинной непримиримо консервативной идеологии, при отказе от сколько-нибудь активной внешней политики. Эта политика неминуемо должна была продолжить линию дипломатической и военной деятельности Ивана Грозного и непременно вывести Россию к морю. Требовалась ускоренная, трудная и, главное, одновременная работа в двух областях: нужно было торопиться проводить одну за другой хотя бы необходимейшие внутренние реформы и в то же время вести долгую войну против грозного, прекрасно вооруженного, озлобленного и беспощадного врага.

Русский народ нашел в себе могучие силы и неисчерпаемые средства, чтобы поднять на свои плечи и вынести на себе неимоверное бремя этой двойной внутренней и внешней работы.

Русский народ создал Петербург, новую армию и первоклассный флот, не только отстоял свою самостоятельность от отчаянных нападений неприятеля, но и сделал Россию держа-

кой мирового значения. И одновременно стал на путь нового политического развития, которое при всех своих темных, отрицательных сторонах все же было явлением прогрессивным сравнительно со стариной. В этой гигантской работе русский народ выдвинул на руководящее место личность, исключительную по своим гениальным разнообразным дарованиям, по своей неукротимой энергии, по смелому дерзанию, по крайней мере в отношении методов, какие Петр пускал в ход. Эта черта и заставила некоторых авторов, писавших о нем, впасть в историческую ошибку, называя время Петра «революцией». До революции Россия должна была еще прожить двести лет, и незачем вносить методологические и терминологические неточности в изучение громадной реформаторской деятельности Петра. Энгельс сопоставил Петра с Фридрихом II, королем прусским. Он это сделал именно затем, чтобы сказать о Петре: «Этот действительно великий человек», а говоря о Фридрихе, поставить слово «великий» в иронические кавычки [1].

Конечно, Фридрих II был крупным политическим деятелем XVIII в., но если принять во внимание, что его внутренняя деятельность не была ознаменована ни единой сколько-нибудь крупной реформой, что война, которую он вел, едва не окончилась полной его (и прусского государства) гибелью, и спасен он был исключительно, как сам признавал это, смертью русской императрицы Елизаветы, то применять к нему тот же эпитет, как к Петру, в самом деле можно лишь в припадке острого прусского шовинизма, против которого Маркс и Энгельс вели всегда ожесточенную борьбу.

Долгая борьба против Швеции началась при очень невыгодных условиях русской технической отсталости, которую нужно было спешно превозмогать. В области военной организации кипучая реформаторская деятельность Петра привела к созданию в невероятно короткий срок новой армии, в которой было очень удачно совмещено все хорошее, что Петр нашел в области военной организации на Западе, с некоторыми правильно оцененными положительными чертами старорусского ратного дела. И уже вскоре после первой Нарвы русские артиллеристы стреляли из орудий, сделанных русскими мастерами на своих оружейных заводах из своего железа и меди, и русские корабельные мастера строили на своих верфях суда, которые ничуть не уступали ни английским, ни голландским, ни французским.

Необычайное усиление централизации власти шло при Петре параллельно с упорными, энергичнейшими мероприятиями правительства по созданию и укреплению промышленной деятельности. Широкие привилегии, субсидии, всяческие поощрения и награды сыпались на удачливых предпринимателей,

правительство и само выступало, где это было нужно и возможно, в роли хозяина и распорядителя промышленных предприятий. Устройство каналов, прокладка новых и расширение старых сухопутных путей сообщения позволили использовать далекие естественные богатства — железную руду Урала, строевой лес Средней, Восточной и Северной России, особенно лес мачтовый, предмет всегдашней зависти англичан, которые были усердными его покупателями. Торговые операции как в области торга внутреннего, так и в области заграничного экспорта приобрели невиданные прежде на Руси размеры. И тогда уже, заметим к слову, сказалась черта, которая так восхищала иностранных наблюдателей впоследствии, во второй половине XVIII в.: правила, введенные в России, гораздо меньше стесняли ремесленную и торгово-промышленную деятельность, чем это было в ту пору цехового законодательства, например, во Франции, в Пруссии, в габсбургских владениях, в государствах Апеннинского и Пиренейского полуостровов и в той же Швеции.

Заводы, «мануфактуры», заботы о водных и сухопутных сообщениях, начало торгового флота — все это были явления очень значительные, знаменовавшие бесспорно прогресс в русской экономике, но ни в это время, ни очень долго после него никаких существенных изменений в феодально-крепостническом способе производства и в общественных условиях не было. Мало того, не только не наблюдалось никаких смягчающих обстоятельств в практике крепостнических отношений, но именно относительно петровского времени должно повторить то, что сказал в свое время В. И. Ленин, борясь со слащаво-лицемерными попытками либеральной историографии «подкрасить» всю историю русского крепостного права: «Не хрупким и не случайно созданным было крепостное право и крепостническое поместное сословие в России, а гораздо более „крепким", твердым, могучим, всесильным, „чем где бы то ни было в цивилизованном мире"» [2]. И в другом месте он подчеркивает, что только после 19 февраля 1861 г. «на смену крепостной России шла Россия капиталистическая» [3].

Всякая модернизация экономики России времени Петра была бы грубой антиисторической ошибкой.

Хозяйство России в первой четверти XVIII в. и позже оставалось хозяйством феодально-крепостническим. Поскольку крепостные крестьяне стали еще более зависимыми от землевладельца, пребывая такими же, как и до Петра, беспомощными перед произволом низших и высших носителей государственной власти, постольку и создаваемая при Петре крупная добывающая и обрабатывающая промышленность неминуемо начала базироваться на подневольном труде закрепощенных крестьян, «поверстанных» в заводские и мануфактурные рабочие.

Не следует этого забывать и впадать в преувеличения. В новую, буржуазную общественную формацию Россия при Петре еще перейти не успела. Но создаваемый тип абсолютистской монархии при Петре был уже более новым, более приспособленным к усложненной экономической жизни политическим строем, чем самодержавие XVII в. Абсолютизм первой четверти XVIII в. был прежде всего сильнее, осведомленнее, оперативнее, чем очень отсталый аппарат царской власти времен Алексея Михайловича. А кроме того, абсолютизм при Петре стал несравненно богаче экономическими ресурсами. Быстро шедшее в гору развитие промышленности и торговли давало возможность прежде всего обеспечить техническим оснащением новую армию и только что возникший флот. Дворянство и купечество как два класса, господствующие над низшей податной массой и ее нещадно эксплуатирующие, но при этом всецело подчиняющиеся воле монарха, которая передается и осуществляется посредством сложного и очень разветвленного бюрократического аппарата,— такова была структура петровского государства, по крайней мере в том виде как его замышляло и строило законодательство времени Петра.

И в разгаре гигантской перестройки всего государственного аппарата России пришлось повести тяжелую, упорную, опасную борьбу за возвращение отнятого у нее морского побережья, за выход к морю.

2

Насильственное отторжение от России ее приморских владений началось еще в XVI столетии. Борьба Ивана Грозного за доступ русского народа к морю не увенчалась успехом и окончилась потерей очень ценной территории.

Фриксель и другие шведские историки неправы, когда говорят, что Ингрия (Ингерманландия) была в свое время первой территорией, захваченной шведами у русских. Ингрия (старая Новгородская «Водская пятина») была захвачена шведами лишь по Столбовскому договору 1617 г. А еще в 1595 г. по русско-шведскому мирному договору, заключенному 10 мая 1595 г. в г. Тявзине, русские принуждены были, несмотря на свои протесты, «уступить княжество Эстляндию» «со всеми замками, которые суть: Нарва, Ревель, Вейсенштейн» и т. д. Только в 1703—1704 гг. вслед за Ингрией наступила очередь Эстляндии (Эстонии), и она в процессе продолжающейся войны была возвращена России.

Заметим, кстати, по поводу этой идущей от Ивана Грозного традиции борьбы за море, что в своих работах Маркс и Энгельс неоднократно высказывались, как известно, в самых решительных выражениях, что Россия не могла нормально развиваться,

не получив свободный выход к морю. О колоссальном значении повелительного требования, выдвинутого всей русской политической и экономической историей, овладеть выходом к Балтийскому морю, Маркс говорит и в четвертой тетради своих замечательных «Хронологических выписок» [4].

Нужно, однако, заметить, что предшественники Карла XII на шведском престоле — и Карл IX и Густав Адольф, приходившие в столкновение с Россией в самый критический момент ее существования, в разгаре разрухи Смутного времени и в первые годы после воцарения Михаила, никогда не осмеливались ставить перед собой ту задачу, которую поставил перед Швецией Карл XII, хотя нет никакого сравнения между тяжким экономическим и политическим положением русского государства в первые годы XVII в. и начинавшимся могуществом быстро шедшей вперед петровской России.

Те короли, при которых создавалось и крепло шведское великодержавие, непохожи были в своем отношении к России на того, которому суждено было навеки похоронить это великодержавие под Полтавой. Когда, например, Карл IX решил в первые годы XVII в. воспользоваться затруднительным положением русского правительства, то расчеты его не шли дальше стремления утвердить шведские позиции на Прибалтике, овладеть г. Корелой (Кексгольмом) и установить влияние шведов в Новгородской земле. И вместе с тем его знаменитое письмо к Василию Шуйскому и дальнейшие его обращения к царю сулили военный союз и помощь Швеции для борьбы против грозной опасности со стороны Сигизмунда III, ничуть не отказавшегося от программы обширнейшей агрессии против восточного соседа.

По мере усиления разрухи в Русском государстве аппетиты Карла IX, конечно, росли, он уже думал о прямом завоевании Новгородской земли, но никогда не выдвигал и мысли о завоевании или даже хотя бы установлении вассалитета Московского царства. И когда после овладения Новгородом шведское правительство, воспользовавшись «вакантным» состоянием московского престола после падения Шуйского, задумало домогаться избрания на царство принца шведского Карла Филиппа, то шведский король Густав Адольф, преемник Карла IX, всячески стремился удостоверить русских своих контрагентов, что брат его Карл Филипп в случае избрания будет совершенно самостоятельным от Швеции русским царем, и русский народ нисколько не утратит своего суверенитета. Уже завоеванный шведами Новгород они рассчитывали оставить за собой, но о покорении или вассалитете остальной России не было и речи.

Правда, из кандидатуры Карла Филиппа ничего не вышло, и шведы натолкнулись на упорное противодействие русского

населения. Но мы не будем дальше на этом останавливаться[5]. Нам важно было лишь отметить, во-первых, то обстоятельство, что шведам уже в начале XVII столетия пришлось испытать русское народное сопротивление всяким попыткам агрессии и захватов русской земли, а во-вторых, подчеркнуть, что шведские правители начала XVII в., в том числе Густав Адольф, у которого хватило сил победоносно пройти через всю Центральную Европу и грозить существованию Габсбургской монархии, все-таки никогда не увлекались мечтой о триумфальном въезде в Москву и разрушении Русского государства.

———

Когда в январе 1617 г. начались русско-шведские мирные переговоры, то русские представители уже со второго совещания (7 января) потребовали возвращения Ливонии, заявляя, что она «за нами от прародителей государей наших, от государя Георгия Ярослава Володимировича, который построил Юрьев Ливонский в свое время». А шведы на это ответили насмешкой: «Ливонских городов вам за государем своим не видать, что ушей своих». Русские твердили, что Ям, Копорье, Ивангород, Юрьев (Дерпт), Ругодив (Нарва), Орешек (позднейший Нотебург-Шлиссельбург) — города русские, и от них русское царство не отступится, и от Корелы (Кексгольма) тоже не хотели отказаться. Но отказаться все-таки пришлось, слишком еще слабо было московское правительство после страшных десятилетних смут и потрясений 1603—1613 гг., чтобы отстоять вооруженной рукой русское народное достояние от захвата чужеземцами. Издевательства шведов во время этих долгих переговоров, начавшихся в Дедерине и кончившихся в Столбове 27 февраля 1617 г., показывали, что никакого значения угрозам московских правителей шведы не придавали.

Король Густав Адольф торжественно поздравил собравшийся в Стокгольме риксдаг 26 августа 1617 г. с победоносным для Швеции мирным договором, подписанным в Столбове. В русской исторической литературе имеются два варианта речи, якобы произнесенной перед представителями сословий королем,— один вариант принадлежит С. М. Соловьеву («История России», изд. 3, т. II, стр. 1131), а другой (не похожий во многом) — Г. В. Форстену («Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях». СПб., 1894, т. II, стр. 148—149). Ни тот, ни другой исследователь не дают никаких указаний на источник. С. М. Соловьев шведскими материалами не пользовался никогда и, очевидно, доверился Н. Лыжину[6]. Форстен не только знал шведский язык, но в другом месте своей книги и по другому поводу даже называет единственный источник, на который должно было бы сослаться в данном случае — собрание писем,

указов, речей, распоряжений, оставшихся от Густава Адольфа и опубликованных в 1861 г.[7] Но в этом сборнике вовсе нет ни приводимого Лыжиным и Соловьевым, ни приводимого Форстеном варианта. Форстеновский вариант, во всяком случае, ближе напоминает слова Густава Адольфа, чем вариант Лыжина и Соловьева, хотя и Форстен тоже вложил в уста короля кое-что, чего тот вовсе не говорил. Форстен составил свой отрывок из взятых в разных частях документа слов короля. Конечно, говоря об этом важном документе, мы должны, оставляя в стороне оба эти скомпонованные мнимые варианта речи, сообщить читателю основные мысли Густава Адольфа, прямо относящиеся к нашей теме и высказанные им на самом деле в более деловом тоне.

Король прежде всего поздравляет членов риксдага с «великолепной победой», «великолепным миром» и начинает с указания на то, что этот мир, отделяя Швецию от России «озерами, болотами, реками», дает стране безопасность. Россия занимает крупную часть Европы и Азии, и ее могуществом не должно пренебрегать, она победила три татарских царства: Сибирь, Казань, Астрахань. А самое важное — это уступка в пользу шведов со стороны такого могущественного государства, как Россия, крепостей: Ивангорода, Яма, Копорья, Нотебурга и Кексгольма с прилегающими к этим крепостям земельными владениями. Отныне, радуется король, Финляндия защищена большим Ладожским озером, Эстляндия — Нарвой и Ивангородом. Очень любопытно отметить, что все эти отнятые у русских земли Густав Адольф еще обозначает в этой своей речи старым, традиционным, идущим от древнего Новгорода названием «Водской пятины», граничащей «с трех сторон: с Балтийским морем, Ладогой и Пейпусом»[8].

В речи короля перед стокгольмским риксдагом, произнесенной 16 августа 1617 г., Густав Адольф и не думает ссылаться на какие-либо исторические или юридические права Швеции на отнятые у России земли. Но ни ему, ни его слушателям совершенно не интересно и не нужно придумывать какие-нибудь объяснения или оправдания — победителя не судят.

Вот наиболее характерные слова Густава Адольфа: «Итак, я надеюсь на бога, что и русское войско также.... не перепрыгнет и не проскочит через этот ручей (ofwer denna bäcken at hoppa eller springa)»[9].

Но прошло всего восемьдесят лет, и русские при Петре перешагнули через «ручей» и одолели «преграду», сооруженную Густавом Адольфом из их же собственных, отнятых силой владений.

Недаром шведские послы при столбовских переговорах так «сердитовали» на московских бояр, что те ни за что не согла-

шались вставить в договор ручательство «за наследников царя и будущих царей» и вовсе не желали обещать, что эти «будущие цари» обязаны будут соблюдать условия Столбовского договора [10]. Напротив! В Москве не скрывали, что считают этот договор несправедливостью и грубым насилием.

В Европе знали очень хорошо все те, кто интересовался международными отношениями, что в Москве еще в середине XVII в. очень болезненно переживали и вспоминали тяжелые условия навязанного России Столбовского договора. Гуго Гроций, бывший в переписке со знаменитым шведским государственным канцлером Акселем Оксеншерной, сравнивал чувства русских, вспоминающих об отторгнутых шведским насилием стародавних русских владениях, с чувствами англичан, которые вспоминают об отнятом у них французами старом британском владении — Нормандии [11].

В Москве и в самом деле никогда не забывали о насильственно отнятых у русских прибалтийских «вотчинах и techinах» и никогда не считали условий Столбовского трактата окончательными. Когда возникла агрессивная война шведского короля Карла X против Польши, царь Алексей Михайлович без колебаний начал войну против Швеции, ни за что не желая такого нового соседа для Белоруссии, как Швеция. Тотчас же было затронуто больное место, и русский дипломат князь Данила Мышецкий убеждал датчан соединиться против шведов с русскими, потому что шведский король желает один завладеть Варяжским (Балтийским) морем. Русские вступили в Динабург и по дороге к Риге в Кокенгаузен (древний русский Кукейнос) и Дерпт (старый русский Юрьев). Все это было в июле и августе 1656 г., и московская рать уже осадила Ригу, хоть и без успеха. А когда замечательный дипломат старой Руси Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин был послан заключать мир с Швецией, потому что этого требовала изменившаяся политическая обстановка в Польше и на Украине, то он очень хлопотал о том, чтобы Ливония осталась за Россией. Но миновала более или менее выгодная для Москвы общеполитическая обстановка, и мечта Ордин-Нащокина оказалась совершенно неисполнимой. Мир был заключен в 1657 г. «вничью». Правильный государственный расчет говорил и Алексею Михайловичу, и Ордин-Нащокину, и князю Мышецкому, что война с Польшей дело второстепенное, а уничтожение ненавистного Столбовского договора, лишающего русский народ возможности нормального экономического и политического роста, должно стоять на первом плане. Но великое государственное дело пришлось отложить еще на четыре десятилетия.

Самый значительный по глубине мысли и широте политического кругозора дипломат допетровской Руси боярин Ордин-

Нащокин всегда стоял за дружбу с Польшей и за мирные отношения с Турцией во имя энергичной политики против Швеции и возвращения старых русских прибалтийских владений, в интересах продвижения русского государства к морю.

Даже и тогда, когда ближним боярином царя Алексея Михайловича по внешнеполитическим делам стал Артамон Сергеевич Матвеев, в глазах которого вопрос о новых границах Москвы с Польшей казался первоочередным, русская дипломатия буквально при каждом случае официальных переговоров со шведами не переставала заявлять устами своих представителей об Ингрии, о «ливонском» (точнее, эстонском) Юрьеве, о Карелии, о возвращении всех этих русских «вотчин и дедин», городов Яма, Ивангорода, Копорья, Орешка-Нотебурга, Ругодива-Нарвы, Корелы-Кексгольма, Юрьева-Дерпта и т. д. И когда Софья-правительница возобновила в 1684 г. Кардисское соглашение с шведами, то ее представители, которым велено было подтвердить мирные отношения с Швецией, чтобы развязать тогда России руки на юге для действия против турок и Крыма, даже и тогда, не требуя, конечно, пока от шведов удовлетворения своих претензий, успели, однако, ввернуть заявление об этих русских землях, отторгнутых насильственно Швецией в годы Смуты.

Но твердая национальная традиция, жившая в русском народе, никогда не отказывалась от отнятых шведами русских территорий на берегах Финского залива.

И когда, например, посадский человек Колягин просит взыскать с жителей шведской Нарвы должную ими сумму по большой товарной операции (за леп и пеньку), то истец именует ответчиков «ругодивными жителями» [12]. Этот документ — а он не один — характеризует также обширные торговые связи русского Севера с захваченными Швецией бывшими русскими владениями.

Не только Петр и его приближенные считали и называли сплошь и рядом Нарву Ругодивом, Дерпт — Юрьевом, Кокенгаузен — Кукейносом, Нотебург — Орешком, Ревель — Колыванью, Кексгольм — Корелой, но и новгородские крестьяне иначе не называли Ингрию (Ингерманландию), как по-старо-новгородски, когда она была одной из пятин «господина Великого Новгорода»,— «Водской пятиной». Вот как, например, начинают крестьяне Новгородского уезда свою челобитную, поданную ими царю в 1718 г., говоря о разорении времен Северной войны: «В прошлых годех неприятельские шведские воинские люди приходили в твою, государь, сторону, в Водскую пятину... церкви божии и помещиков наших домы и деревни пожгли и разорили без остатку...» А после взятия Петром этих старых русских владений, уже после возвращения «Шлю-

тенбурга» — Орешка, продолжают челобитчики, «учали мы, нижепоименованные немногие люди в старых своих деревнишках селиться». «Водская пятина», а за ней и другие русские прибалтийские «вотчины и дедины» были возвращены России после упорной, опасной, кровопролитной борьбы против Швеции.

Могучие социально-политические и экономические потребности широкого беспрепятственного развития страны, повелительные нужды обеспечения ее обороны от западных соседей диктовали русскому народу уже давно — с XVI в. особенно настойчиво — необходимость овладеть Балтийским побережьем. Без успешного завершения этого дела Россия рисковала стать со временем колонией или полуколонией Запада.

3

Как одна из крупнейших индивидуальностей мировой истории, личность Петра подвергалась, естественно, самым разнообразным оценкам. И как человек, и как законодатель, и как администратор, и как дипломат, и как полководец он всегда был в центре внимания всех, изучавших его время. Одни превозносили его выше облака ходячего и не желали усматривать ни одного пятна на его исторической репутации, его именем охотно пользовались официальные и официозные историки в целях монархической пропаганды. Другие, в частности славянофилы, старались очернить его. Они, как выразился о них Некрасов, «в Москве восхваляли с экстазом допетровский порядок вещей», причем тоже, как и их официозные оппоненты, с жаром прославляли царизм, но только пользовались для этого больше образами первых царей из дома Романовых, противопоставляя их Петру. Революционные демократы — А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, В. Г. Белинский высоко оценивали реформаторскую деятельность Петра и считали его могучим деятелем прогресса.

Позднейшая монографическая разработка истории России эпохи Петра и общий анализ его личности в дореволюционной дворянской и буржуазной историографии сильно отставали от научных требований и не пошли в общем дальше идеалистических концепций С. М. Соловьева, К. Н. Бестужева-Рюмина, произвольных и часто просто фактически необоснованных высказываний В. О. Ключевского и т. п. Дворянская и буржуазная историография оказалась совершенно без руля и без ветрил, когда пробовала дать сколько-нибудь широкую и обоснованную концепцию внешней политики России в начале XVIII в. Отдавая дань исключительным свойствам ума и характера Петра I и его бесспорным заслугам перед русским народом, пред-

ставители этой дореволюционной историографии часто повторяли ошибки восторженных западников вроде Грановского (плакавшего от умиления, глядя на изображение Петра) или даже несравненно более осведомленного и далекого от романтических увлечений исследователя вроде Соловьева и очень многих его учеников, которые склонны были преувеличивать роль реформатора.

Если эпоху Петра никогда не оценивала сколько-нибудь научно старая либерально-буржуазная историография конца XIX и начала XX в., стоявшая па идеалистических позициях, то много неправильного и необоснованного в оценку этого периода внесла затем также ошибочная концепция «школы Покровского», стремившаяся свести к нулю личную роль Петра на основании слишком прямолинейно примененного и слишком узко истолкованного бесспорного положения, что не личности, а видоизменения в способах производства и производственных отношениях являются основной движущей силой истории. Советская историческая наука преодолела эти ненаучные, немарксистские концепции, исходя в оценке эпохи Петра I из всестороннего анализа как внешнеполитической обстановки того времени, так и глубинных социально-экономических процессов внутреннего развития России.

Петр привлекает к себе наше внимание прежде всего как дипломат, как воин, как организатор победы. Это требует сосредоточения внимания, поскольку речь идет о личности Петра, на двух главных вопросах. Во-первых, правильно ли понял Петр повелительную внешнеполитическую задачу и потребности России? Во-вторых, верно ли и целесообразно ли он действовал как руководитель в войне и дипломатии для достижения успеха в страшной и необычайно долгой борьбе против врага с Запада, которую русскому народу пришлось вынести на себе? Эти вопросы при анализе сложной личности Петра имеют прямое и непосредственное касательство к истории победоносной, сокрушающей победы русского народа над шведскими захватчиками.

Предлагаемая работа основана на представлении о решающей роли не личности Петра, а всего русского народа. Здесь мы специально рассматриваем личный вклад Петра в дело успешной борьбы народа против агрессора — и только.

На первый из поставленных только что вопросов о Петре ответ должен быть дан положительный: Петр правильно понял (конечно, не он один,— о его предшественниках уже сказано) исторические условия и основную задачу русской внешней политики в момент, когда началось его царствование. И разрешения этой задачи — завоевание выхода России к морю — он неуклонно добивался вплоть до счастливого для него дня

30 августа 1721 г., когда задача была, наконец, решена подписанием Ништадтского мира и можно было более свободно и продуктивно, чем до сих пор, заняться другими внешнеполитическими, а также громадными внутриполитическими проблемами в оставшиеся три с половиной года его жизни.

На второй вопрос, целесообразно ли он действовал для достижения поставленной основной цели, ответ может быть также дан вполне положительный. Это доказывается не только конечным полнейшим успехом, но может также быть иллюстрировано если не всеми, то основными, важнейшими дипломатическими и военными шагами политики России на всех решающих стадиях борьбы со Швецией. Россия испытала на этом долгом пути в первый, дополтавский, период тяжкие военные неудачи и переживала критические моменты. Однако эти неудачи вызывались не дипломатическими ошибками, а причинами другого порядка, прежде всего технической отсталостью России, особенно в начале войны, как в области военного дела, так и в области экономики, а также нежданно обнаружившейся слабостью и сомнительной верностью союзников.

Русская дипломатия относительно всех европейских держав вообще отличалась большой продуманностью и осторожностью. Петр умел подчинять порывы своей страстной, эмоциональной натуры холодным велениям разума и политической выгоды. Он знал, например, что его союзник, король польский Август II, обманывает его на каждом шагу, что он увенчал в 1706 г. свои мелкие предательства крупной изменой, когда за спиной России заключил с шведами сепаратный мир, о котором царь узнал, лишь когда все было кончено. И, однако, Петр долгие годы делал вид, что простил все прегрешения Августу, потому что ему необходимо было поддерживать в Польше враждебную Станиславу Лещинскому антишведскую партию, продолжавшую надеяться на возвращение Августа в Польшу. Но когда после Полтавы Август в самом деле вернулся на польский престол и, осмелев и приободрившись, заикнулся о правах Польши на часть Ливонии, Петр тотчас же осадил его, заявив, что так как Ливонию заняли русские без малейшей помощи Августа, то за русскими она и останется. Он очень рано, по-видимому, понял также, что Англия может лишь временно быть враждебна Швеции, потому что Карл — союзник Франции, с которой Англия ведет долгую ожесточенную войну, и еще потому, что она желает приобрести Бремен и Верден для Ганновера, но что стоит Франции заключить мир с Англией, и англичане будут усиленно, всеми мерами, и открыто, и тайно, вредить России и препятствовать русскому преобладанию на Балтийском море и на севере Германии. Это, разумеется, не значит, что Англия не боролась всячески против России задолго до той поры. Можно

сказать, что со времен появления Ченслера и начала русско-английских торговых отношений при Иване Грозном англичане стремились препятствовать активности и участию русского купечества в морской торговле. И чем решительнее проявлялось стремление России закрепиться на балтийских берегах, тем враждебнее делалась позиция англичан. И не только с экономической, но прежде всего с политической точки зрения укрепление России на море шло вразрез с планами британского кабинета. В этой скрытой, а затем и довольно открытой долгой борьбе с Англией Петр искусно пускал в ход угрозу разрыва экономических отношений, зная хорошо, что в русско-английской торговле англичане заинтересованы были в тот момент гораздо больше, чем русские. Он знал также, что подобные же экономические соображения заставляют и Голландию очень считаться с желаниями и требованиями России. Англо-голландское торговое соперничество было одним из важных «инструментов» внешней политики России (как выражаются дипломаты), и Петр умело этим инструментом пользовался, зная, что многое, о чем говорится в Гааге и Лондоне, зависит от того, что делается в Архангельске.

Петр оказался не только талантливым и проницательным дипломатом, но и высокоодаренным полководцем и военным организатором в той тяжелой борьбе, в которой русскому народу пришлось отстаивать свое будущее, а временами (в 1708—1709 гг.) свое самостоятельное существование.

Если бы можно было характеризовать его дипломатическую деятельность чисто отрицательными признаками, т. е. указывая на те свойства, которых у Петра не было, то можно сказать: в Петре-дипломате не было и тени авантюризма. Он поставил себе цели, повелительно диктовавшиеся неудовлетворенными экономическими потребностями России в свободном выходе к морю, в возвращении старых, насильственно отнятых чужеземцами в XVI—XVII вв. русских балтийских берегов, без чего было бы немыслимо думать о сколько-нибудь широком развитии экспортной и импортной торговли и вообще о непосредственных сношениях с Западом. Вовсе не авантюрные завоевательные претензии и честолюбивые фантазии приковывали мысль Петра к Балтийскому морю, но невозможность и даже опасность откладывать надолго выполнение задачи, которая была осознана, как сказано, еще в XVI—XVII вв.

В дореволюционной русской историографии, если (и то с большими оговорками) исключить С. М. Соловьева, Петр как полководец в общем был оценен недостаточно и ненаучно. Гигантская общегосударственная, реформаторская деятельность Петра заслоняла перед умственным взором историков его руководящую роль в военных событиях.

Петр был душой русского верховного командования, он исправлял много раз промахи Шереметева, Репнина, Боура, Меншикова и Апраксина, не говоря уже об Огильви. Даже в самой краткой характеристике Петра, сделанной В. О. Ключевским в IV томе его известного «Курса русской истории», читаем: «...он (Петр — *Е. Т.*) редко становился и во главе своих полков, чтобы водить их в огонь, подобно своему противнику Карлу XII». Сделав неизбежную, конечно, оговорку о Полтаве и Гангуте, совершенно разрушающую, кстати сказать, все его предшествующие утверждения, и совсем забыв о Лесной, Ключевский продолжает: «Предоставляя действовать во фронте своим генералам и адмиралам, Петр взял на себя менее видную, техническую часть войны; он оставался обычно позади своей армии, устроял ее тыл, набирал рекрутов, составлял планы военных движений, строил корабли и военные заводы... всех ободрял, понукал, бранился, дрался, вешал, скакал из одного конца государства в другой, был чем-то вроде генерал-фельдцейхмейстера, генерал-провиантмейстера и корабельного обермастера» [13].

Деятельность Петра и его колоссальная переписка свидетельствуют, что на войне он был прежде всего полководцем, стратегом, а уж потом «провиантмейстером» и «фельдцейхмейстером».

Что Петр был первоклассным полководцем начала XVIII столетия и что в самом деле за прошлые века очень мало можно насчитать сражений, которые, как Полтава, обличали бы такую зрелую продуманность в подготовке и развитии боевых действий, такое проникновение в психологию противника и такое уменье использовать его слабые стороны, с этим не будет спорить никто, сколько-нибудь добросовестно и беспристрастно изучивший петровскую документацию.

Даже в самой краткой характеристике Петра как организатора армии должно упомянуть об одном традиционном извращении истины в старой историографии. Мы говорим о преувеличении роли иностранцев как помощников и чуть ли не «руководителей» Петра в проводившихся им реформах. При этом прежде всего с великим почтением поминают шотландца, бывшего долго на австрийской службе, фельдмаршала Огильви, приглашенного Петром, по совету Паткуля, на русскую службу и пробывшего в России с середины 1704 г. до сентября 1706 г.

На примере Огильви можно иллюстрировать всю ошибочность преувеличений историков Германа, Брикнера, Валишевского и др., которые приписывают приглашенным Петром иностранцам чуть ли не главную заслугу в создании русской регулярной армии. Но Петр «...сообразовался с предложениями советников из иноземцев лишь настолько, насколько их проекты соответствовали его личным взглядам. Таким советником, как известно, был Огильви, наметивший в 1704 г. целый план орга-

низационных мер. ...Из плана Огильви были заимствованы лишь общие идеи... Но затем дальнейшие меры государя резко расходятся с предложениями Огильви» [14].

И в гневную минуту Петр, говоря об иностранных офицерах и генералах, прибегал к таким обобщениям, как например после измены немца Мюленфельса под Гродно в январе 1709 г., когда он рекомендовал Меншикову доверять ответственные посты природным русским людям, а не «сим плутам», зная, что в громадном большинстве случаев иностранцы, если не все «плуты», то смотрят на свою службу в России как на своего рода отхожий промысел. Добудут денег и чинов — и уедут к себе. И, конечно, не свои слова, а петровские передал Шафиров Меншикову по поводу навсегда покидавшего, в сентябре 1706 г., русскую службу фельдмаршала Огильви: «*Не взирая на все худые поступки, на*добно отпустить его с милостью, с ласкою, даже с каким-нибудь подарком, чтобы он не хулил государя и ваше сиятельство; а к подаркам он зело лаком и душу свою готов за них продать» [15]. А ведь Огильви был как военный администратор не из самых худших и если чуть не погубил русскую армию в Гродно, противясь приказам Петра о быстрейшем уходе из города, то лишь потому, что, вероятно, был не весьма даровит как стратег и тактик. По крайней мере Петр его в измене не обвинял, хотя непонятное ослушание и упорство в Гродно вели русскую армию прямиком к катастрофе.

После горького опыта с Огильви Петр уже больше фельдмаршалов за границей не искал и не нанимал. Как правило, для многих иностранцев, вступавших на русскую военную службу, эта служба являлась в точном смысле слова отхожим промыслом: послужил, наворовал и возвращайся к родным пенатам в Мекленбург, или в Пруссию, или в Голштинию вкушать под старость отдохновение от трудов. «Весьма корыстный человек этот Шиц и никакого стыда в корысти не имеет: генералу Боуру говорил, что он для того только и в службу вашего величества пошел, чтоб, идучи через Польшу, сумму денег себе достать»,— так доносил с прискорбием Петру князь В. В. Долгорукий по поводу генерал-квартирмейстера русской армии, стоявшей в Польше в 1711—1712 гг., некоего Шица. Конечно, особенно удивляться тут нечего: на службу в Россию шли из чужих земель не лучшие, а скорее худшие элементы, часто такие, под ногами которых дома, как в XVIII в. выражались, начинала почему-либо «земля гореть», и они предпочитали на время отбыть из собственного отечества во избежание неприятностей, подальше от греха. Но корыстолюбие было далеко не главным их пороком. Да и какие «генерал-квартирмейстеры» любого происхождения клали тогда охулку на руку? Хуже всего была невозможность гарантировать армию от шпионских проделок и вечной готовно-

сти к измене со стороны этих пришельцев. Были, конечно, и исключения.

Но Петр явственно стремился по возможности отделаться от иностранцев в командном составе.

Характерен почти никогда почему-то не цитируемый историками указ Петра от 31 января 1721 г. Петр воспрещает вновь принимать на службу во флот тех иноземцев, которые уже там служили и были уволены, получив отставку. Как только явилась возможность, наконец, заменить их русскими, иноземцы были уволены. Самое интересное, что, дозволяя этим уволенным проживать «для прокормления своего в С.-Петербурге и на Котлине острове», царь ставит им тут же такую любопытную «кондицию», чтобы они, по возможности, не занимались шпионством: «...только на такой кондиции что им жить яко подданным ц. в. (царского величества — *Е. Т.*) со всякой верностью и в сторону неприятеля... ни с кем корреспонденции никакой ни о чем не иметь» [16]. И даже если узнают о чужой измене, так чтобы извещали.

Однако то, что было возможно в 1721 г., еще было нелегко провести в первые 10—15 лет войны, когда подготовленных русских было еще не так много, как было нужно.

Военная деятельность Петра менее бросалась в глаза, чем, например, личное вмешательство в непосредственные боевые действия Карла XII. Тогда как Карл XII ничего не щадил для эффекта, для возможности лишний раз заявить о молодецком налете, о бегстве врага и т. д., даже если никакого полезного стратегического результата этот успех дать не мог, Петр не терпел подобных проявлений лихости без определенных целей.

Мы увидим в дальнейшем изложении, как проявились таланты Петра в выработке и, главное, в последовательном осуществлении стратегического плана, созданного им в Жолкиеве, в спасении русской армии и выводе ее из Гродно, в победе под Лесной, в победе под Полтавой. Здесь пока достаточно ограничиться этими общими замечаниями.

Обратимся теперь к уяснению целей, какие ставила со своей стороны Швеция, и постараемся дальше хоть в самом сжатом виде охарактеризовать человека, который ею самодержавно правил и который на попытке погубить Россию погубил могущество Швеции.

4

Скажем несколько слов прежде всего о социальных классах Швеции.

В шведском крестьянстве начала XVIII столетия должно отличать мелких землевладельцев, арендаторов-съемщиков и бат-

рачество, кнехтов, которые работали у землевладельцев. Положение кнехтов было очень тяжелым и с каждым годом войны оно становилось все хуже прежде всего потому, что самостоятельные хозяйства, где они работали, сокращались в числе и необрабатываемая земля во всем королевстве занимала к концу царствования Карла XII около $^2/_3$ всей площади, которая обрабатывалась перед войной. Для них военная служба являлась часто единственным ресурсом, несмотря на всю ее тяжесть и опасность. Крестьяне-собственники были лично свободными людьми, но крестьяне-арендаторы на землях помещиков еще были местами под властью тех, у кого они арендовали, и, например, подвергались в известных случаях телесным наказаниям. Особенно эти «патриархальные» пережитки были заметны на севере и в Финляндии. При всей скудости источников по чисто бытовой истории шведской деревни в правление Карла XII (на что жалуются шведские исследователи) до потомства дошли все-таки известия о беззащитности крестьян, живших на помещичьих землях на правах съемщиков, и особенно батраков. А в Финляндии попадались и «Салтычихи» вроде жены большого «каролинца» генерала Крейца, которая развлекалась, гоняя своих крестьян сквозь строй, причем роль палачей, стегавших шпицрутенами, исполнялась ее дворовыми людьми.

Но в общем крепостные отношения в самой Швеции развивались в первые годы XVIII в. гораздо медленнее, чем в подчиненных Швеции плодородных провинциях вроде Ингрии или Ливонии. И зависело это, между прочим, от малой доходности земельных владений и от невозможности обеспечить за собой рабочую силу, так как рекрутские наборы при непрерывных войнах забирали почти всех здоровых мужчин, и государство поэтому не поддерживало закрепощение, а деятельно боролось против него в качестве «конкурента». Редкое, малочисленное, разбросанное по громадной территории население должно было давать (и давало) Карлу XII лучших солдат его армии, и он тут решительно никаких уступок помещикам не мог и не хотел делать.

Жаловались землевладельцы не только на малодоходность своих владений и на отсутствие рабочей силы, но и на полную юридическую необеспеченность своих прав на земельную собственность.

При Карле XII, как единогласно признают шведские юристы и историки, была введена такая юридическая практика, которая давала королю широчайшее право распоряжения земельной собственностью своих подданных. Уже при Карле XI, в 1682 г., было провозглашено право государства в известных случаях ограничивать права частных владельцев, но только при Карле XII вошли в силу такие порядки, что, например, кредиторы государства могли с дозволения короля забирать в обеспечение

своих претензий к казне любую земельную собственность *без разрешения хозяина* в качестве ипотеки. Раздражение как землевладельцев, дворян, так и «полных крестьян» подобным практическим воскрешением феодального представления о верховных правах сюзерена над собственностью вассалов было весьма естественно. Но не только это обстоятельство заставляло землевладельцев меньше, чем прежде, дорожить своей собственностью и часто стараться от нее отделаться. Налоги на земельные владения быстро росли и сурово взыскивались, а добывать себе батраков для обработки земли становилось с каждым годом бесконечно затягивавшейся войны все труднее и труднее. Машина рекрутчины действовала так исправно, что в деревнях молодые мужчины уже в первые годы войны являлись редкостью. Ропот крестьянского сословия был очень предусмотрительно придушен, потому что Карл XII фактически свел к нулю собрание местных, по старине собиравшихся, совещаний делегатов всех сословий. А затем при нем крестьяне уже не приглашались, и в собраниях участвовали только представители духовенства, дворянства и горожан (бюргерства).

Бюргерство при Карле XII почувствовало себя более стесненным в своей экономической деятельности, чем в течение всего предшествовавшего периода, начиная от Густава Адольфа. Во-первых, король присвоил себе фактическую монополию на дарование права заниматься известными ремеслами и торговыми промыслами, в том числе такими, как железоделательные ремесла, выпечка и продажа хлеба, гонка спирта, пивоварение. Во-вторых, торговля внутренняя была обставлена рядом стеснений и подлежала разнообразным поборам. Все это оказывалось необходимым и проводилось в жизнь вовсе не потому, что правительство Карла XII не понимало всей вредоносности для экономического развития страны подобного рода искусственного воскрешения феодальных пережитков и торжества полного, ничем не сдерживаемого произвола в области экономики, подрывавшего всякое чувство уверенности в завтрашнем дне и правовой прочности коммерческих сделок. Но положение финансов было таково, что продолжать далекую, трудную, разорительную войну можно было, лишь прилагая совсем исключительные усилия для выколачивания из населения срочно (всегда срочно!) необходимых сумм, потому что заключать внешние займы становилось с каждым годом все затруднительнее, и кредиторов не успокаивали надолго даже такие экстравагантные права, как упомянутое дарованное им право объявлять ипотекой любое частное земельное владение. Наконец, наиболее состоятельные слои бюргерства, в руках которых находились судостроение и морская торговля, хоть и были тоже обложены большими поборами, но их дело оставалось настолько выгодным, что они не

так роптали, как ремесленники или купцы, ведшие торговлю внутреннюю. *Внешней торговле мешало другое зло: каперство.* Англичане, голландцы, «ганзеаты» из Любека, Бремена, Гамбурга, датчане, голштинцы *пользовались положением, в котором* оказалась Швеция в длительной борьбе, и без особых церемоний захватывали шведские или направлявшиеся в Швецию торговые суда. И все-таки морская торговля Швеции еще долго оставалась заметным элементом в экономической жизни шведского народа. Особенно это следует сказать о первом, дополтавском, периоде Северной войны, нас тут больше всего интересующем.

В Швеции начала XVIII в. мы видим страну, которая не только еще не изжила отношений, свойственных феодальному способу производства, но которая подвергалась со стороны абсолютистского правительства своеобразному эксперименту искусственного воскрешения и укрепления феодальных воззрений на земельную собственность (во имя чисто финансовых нужд и соображений правительства). Буржуазные отношения уже проникли с довольно давних пор в экономику и социальный быт страны, но еще не были закреплены ни в юриспруденции, ни в житейской практике. Все растущее значение обрабатывающей, и особенно добывающей промышленности для экономики страны, а также морской торговли делало неизбежным, конечно, дальнейшее, более ускоренное развитие отношений, свойственных капиталистической структуре общества (в особенности после окончательной потери «житницы» Швеции — Ливонии и других заморских владений государства). Борьба за Прибалтику являлась борьбой за существование полуфеодального строя Швеции, и жалобы аристократии и поддерживавшего ее рядового дворянства на военную политику короля никогда не направлялись против борьбы с Россией: тут аристократия и дворянство были вполне согласны с королем. Критика направлялась только против войны с Польшей и Саксонией, поскольку эта война в своем непомерном развитии могла привести к опасности потери Прибалтики (что и случилось впоследствии). Борьбе за Прибалтику всецело сочувствовало и бюргерство, а протеста против войны именно с Россией не было слышно ниоткуда. Отстаивание огнем и мечом некогда грабительски захваченных шведами русских земель от возвращения их старым русским владельцам стало популярным мотивом войны в глазах всей шведской общественности, особенно до начала периода военных неудач. Борьба за Прибалтику считалась борьбой против обеднения государства и обеднения населения.

Междуклассовые отношения в рассматриваемый период характеризуются антагонизмом между собственническим крестьянством, с одной стороны, и местным дворянством — с другой. В этой борьбе крестьяне-арендаторы (малоимущие) поддержи-

вают крестьян-собственников, потому что борьба идет против искусственно в феодальные времена созданных и государственным насилием поддерживаемых разнообразных прав и привилегий дворянства в области земельных и городских социально-экономических отношений в ущерб недворянскому населению деревни и города. Бюргерство (хозяева ремесленных мастерских, торговцы, купечество, ведущее заморскую торговлю) тоже занимает позицию, оппозиционную дворянству, и стремится к установлению необходимой свободы для беспрепятственного развития своей экономической деятельности. Но эта оппозиция бюргерства дворянско-абсолютистскому строю, так сильно развившаяся уже к середине XVIII в., еще не приняла сколько-нибудь резких форм при Карле XII. Так же как в деревне борьба батрачества, так и в городе борьба наемных рабочих в мастерских за улучшение своей участи еще пока не оказывает заметного влияния ни на политику, ни на бытовые условия.

Что касается основ государственного строя Швеции при Карле XII, то его должно характеризовать как абсолютизм, выросший на феодальной почве и совершенно почти избавившийся от каких-либо стеснений, которые еще были свойственны шведской государственности во время расцвета дворянско-феодальной «сословной монархии» XIV—XV—XVI вв. Шведский абсолютизм окреп в XVII столетии, подавив всякие стремления аристократической верхушки дворянства, поддерживавшиеся «местным» дворянством,— ограничить королевское всевластие соответствующим усилением значения сословных учреждений: прежде всего сословного представительства в сейме, а затем провинциальных собраний. Высшее и среднее дворянство главенствовало и в сейме и в провинции над представителями других сословий, но превратить эти учреждения из совещательных в законодательные ему не удалось. С одной стороны, королевская власть поддерживала права и привилегии дворянства, а с другой стороны, ни на какую поддержку бюргерства и крестьян в борьбе против короля аристократия рассчитывать не могла. Пришлось удовольствоваться привилегированным положением в государстве перед лицом других сословий, а также тем, что все высшие должности, как гражданские, так и военные, замещались членами старинных аристократических, а также и совсем новых пожалованных дворянских семей.

Могучую поддержку усилению королевского абсолютизма оказала удачная захватническая внешняя политика шведского королевства в XVII в. и в особенности последовательный захват Прибалтийского побережья, начиная с XV в., увенчавшийся большими успехами на этом поприще в царствование Густава Адольфа. Скудная, бедная, нуждающаяся в хлебе страна получила обильные хлебородные территории, и их отстаивание от

бывших русских владельцев стало одной из главных функций внешней политики шведского абсолютизма. Можно сказать, что шведский абсолютизм окреп после Столбовского договора 1617 г. и окончился, по крайней мере временно, после Ништадтского договора 1721 г., когда должен был уступить надолго место аристократической олигархии, возглавившей дворянство и устремившейся к захвату власти после смерти Карла XII. На успехах своей захватнической политики шведский абсолютизм расцвел, на тяжких ее неудачах он и отцвел. Но в своей агрессивной политике против России Карл XII был вовсе не одинок: в этом его всегда очень упорно и стойко поддерживали и аристократия, и среднее дворянство, и крепнувшее купечество.

5

Как можно определить цели шведского правительства, менявшиеся во время Великой Северной войны?

Первоначальная цель диктовалась Карлу XII инициативой врагов: Дания претендует на часть владений герцога Гольштейн-Готторпского, союзника Швеции, Август II, польский король — на шведскую Ливонию, Петр — на Ингрию. Но быстро одержаны победы над Данией и Польшей. Остается Россия.

Если русские считают, что они возвращают себе войной старые русские владения в Прибалтике, то шведы во главе со своим королем решаются не только всеми силами защищать это свое неправое стяжание, но и жестоко покарать дерзких московских варваров, явившихся требовать обратно свое достояние, которое в начале XVII в. плохо лежало и которое у них поэтому так ловко отнял «благочестивый протестантский герой» — Густав Адольф.

Но очень скоро эта первая цель сменяется другой, более широкой. Русские должны быть наказаны полным уничтожением их государственной самостоятельности, новый шведский герой — Карл XII, столь же христолюбивый, как его предок, войдет в Москву, сгонит Петра с престола, посадит вассалом либо молодого знатного шляхтича Якуба Собесского, либо, если заслужит,— царевича Алексея; Псков и Новгород отойдут, как и весь север России, к Швеции; Украина, Смоленщина и другие западные русские территории — к вассальной, покорной шведам Польше, а остальная Россия будет разделена на удельные княжества, как было встарь, до возвышения Москвы. От этой цели пришлось после Полтавы отказаться.

Постепенно, далеко не сразу, Карл «соглашается» вернуться к более скромной задаче: возвратить потерянные уже провинции, отнятые Петром,— Ингрию, Ливонию, Эстляндию, Карелию, Финляндию. Война, совершенно безнадежная, продол-

жается. Карл был убит 30 ноября (1 декабря по шведскому стилю) 1718 г., и лишь после тщетного ожидания откуда-нибудь, и прежде всего из Англии, военной помощи шведский король Фридрих (женившийся на сестре Карла и его непосредственной преемнице, королеве Ульрике Элеоноре), наконец, заключает 30 августа 1721 г. в Ништадте мир, продиктованный Петром.

Таковы были менявшиеся цели, которые за 21 год войны ставила себе шведская дипломатия. Все три цели оказались совершенно невыполнимыми, и от них пришлось последовательно отказаться. У Швеции прежде всего не хватило материальных и моральных сил для окончательной победы над Россией ни в начале, ни в середине, ни в конце этой кровопролитной борьбы.

Ни Швеция, ни Россия к началу XVIII в. еще не вышли из той общественной формации, которая характеризуется преобладанием феодальных отношений в способе производства и поэтому во всей социальной структуре. В этом было их сходство, невзирая на то, что зависимость шведского крестьянина от помещика носила окраску, во многих очень существенных бытовых чертах непохожую на крепостничество в Русском государстве. Не одинаковы с судьбами русского владельческого класса (и прежде всего боярства) были и исторические судьбы шведской аристократии, которая принуждена была уже в конце XVI в., и в течение всего XVII, и первых восемнадцати лет XVIII в. смириться перед абсолютизмом, но, как оказалось впоследствии, она имела еще достаточно сил, чтобы оспаривать в середине и конце XVIII в. у монархии политическое верховенство. Во всяком случае в интересующий нас период Карлу XII принадлежала никем не оспариваемая абсолютная власть. Коллегиальный принцип, далеко не во всех ведомствах реально проводимый, почти так же мало, конечно, стеснял королевскую власть в Швеции, как он стеснял и в России власть Петра, пожелавшего ввести коллегиальное устройство в некоторых отраслях управления.

Но именно в годы правления Петра Россия вступила на путь, который постепенно придавал стародавней монархии некоторые новые черты. Усилия правительственной власти были направлены к созданию таких условий, которые благоприятствовали бы широкому развитию внутренней и внешней торговли и промышленности, отысканию и закреплению новых торговых путей, новых рынков сырья и сбыта, развитию водных сообщений и исправлению старых и устройству новых сухопутных дорог, наконец, освоению новой техники, хотя основой экономики страны и оставалось по-прежнему хозяйство феодального типа. Все это делалось быстро, потому что давняя отсталость уже грозила самостоятельному существованию и дальнейшему экономическому развитию страны. Эти первые два десятилетия,

которые для России были временем подъема, крупного прогресса, выявления сил и средств, до той поры бывших как бы под спудом, в Швеции, если говорить о ее внутреннем положении, оказались периодом застоя, отсутствия какого бы то ни было проблеска реформаторской государственной мысли, которая еще была так характерна для времен Густава Адольфа, Карла X, Карла XI.

Еще в первые восемь лет военные успехи и завоевания Карла XII маскировали и перед шведами и в глазах европейских правящих кругов последствия этого застоя в политической жизни Швеции. Но с каждым годом начавшейся в 1700 г. Северной войны все больше падала морская торговля страны, все сильнее ощущалась потеря занятых русскими последовательно Ингрии в 1700—1702 гг., Эстляндии в 1703—1704 гг., Ливонии в 1704—1705 гг., т. е. наиболее плодородных и богатых шведских владений.

Правительство Карла XII еще в самом начале Северной войны принуждено было входить в долги и притом брать деньги у частных лиц, иностранных подданных, и под довольно обременительные и унизительные залоги. Так, в 1702 г. оно взяло у голландских купцов, «партикулярных персон», под ручательство голландского правительства и под залог таможенных доходов города Риги (в Лифляндии) 750 тыс. голландских гульденов, и Рига выплачивала с тех пор голландцам аккуратно взносами с процентами этот долг, пока город в 1710 г. не был взят русскими.

Еще пока в 1701—1708 гг. шведская армия жила за счет оккупированных ею польских и саксонских земель, экономический упадок государства сравнительно не так жестоко чувствовался. Но после Полтавы, когда сразу же были утеряны Польша и Саксония (фактически бывшая до той поры в подчинении и власти Карла), Швеция оказалась на пороге банкротства. А когда пал Стральзунд в 1715 г. и Пруссия заняла Померанию, стратегическое положение шведов еще более ухудшилось. Затем с неслыханной, поразившей всю Европу быстротой был создан первоклассный русский флот. Россия стала владычествовать в Финском и Ботническом заливах, и морской торговле шведов был нанесен страшный, непоправимый удар. Хронический голод, обнищание и в городе и в деревне стали приобретать местами просто катастрофические размеры. Требования больших прогрессивных реформ становились тотчас после смерти Карла XII все решительнее. Немедленно требовалось обновить, круто реформировать безнадежно устаревший сословно-абсолютистский государственный строй, ликвидировать хотя бы некоторые, наиболее вредоносные, тормозящие экономическое развитие феодальные пережитки; но это не было сде-

лано ни Карлом XII, ни его преемниками — сначала Ульрикой Элеонорой (1718—1720 гг.), а потом (с 1720 г.) Фридрихом, хотя со смертью Карла XII рухнула самодержавная монархическая власть и руль перешел в руки аристократии. Упорная борьба шведского абсолютизма против феодальной аристократии окончилась в XVII в. его победой, и при Карле X и Карле XI феодальное дворянство отказалось до поры до времени от своих былых притязаний. В своей массе оно подчинилось и примирилось со своей участью, удовлетворенное тем, что короли, сломив политическую власть феодалов, поддерживали если не все, то многие из прежних социально-экономических дворянских привилегий.

Таким образом, Россия с быстрым ростом ее торговли, а особенно добывающей и обрабатывающей промышленности, с энергичными поисками внешних рынков, с усилением класса торговцев и промышленников становилась все более и более экономически передовой страной сравнительно с инертной как раз именно в те годы Швецией. Россия не могла, конечно, превозмочь *полностью* свою стародавнюю отсталость ни в XVIII, ни в XIX вв.; для этого требовались колоссальные революционные сдвиги XX в., но безусловно уже к середине долгой Северной войны она была во многих отношениях менее отсталой страной, чем Швеция.

Ко времени правления Карла XII дворянство в своей массе стало одним из крепких оплотов монархии. Из его среды вербовался командный состав шведской армии, очень наживавшийся во время удачных походов при захвате чужих земель и городов и разорившийся, когда непрочные завоевания короля рухнули.

К числу социальных сил, поддерживавших королевскую власть при Карле XII и его двух предшественниках, следует отнести также богатевшую и очень усиливавшуюся в XVII и в начале XVIII в. буржуазию. Морская торговля на Балтике, могущественно поддерживавшаяся успешными захватами на южном побережье, обогащала купечество. Деятельная разработка рудников, дававших лучшее по качеству железо, славившееся во всей Европе, с каждым десятилетием в течение второй половины XVI и всего XVII в. усиливала промышленный слой буржуазного класса. Ремесленная деятельность, по единодушным показаниям современников, росла в Швеции особенно быстро именно в последние пять-шесть десятилетий относительного мирного периода и в первое десятилетие царствования Карла XII. Наконец, крестьянство, страдавшее от малоземелья и от упорно державшихся пережитков феодальных порядков в деревне, все же направляло свое недовольство не против короля, а против дворян.

Таковы были социальные силы, поддерживавшие королевскую власть. Ясно, какие катастрофические последствия должно было иметь для всей экономики и всего уклада социальных отношений тяжкое поражение Карла XII в борьбе с Россией.

6

Постараемся теперь дать себе отчет о личности человека, бывшего неограниченным повелителем Швеции в рассматриваемое время, в особенности поскольку дело шло о внешней политике страны. Консервативный в своем мышлении Карл XII являлся характерным представителем лютеранского ханжества XVI—XVII вв. И его духовник Нордберг, которому так нравились избиения раненых и безоружных русских пленных, был типичен для своей среды, для всего поколения тех жестоких, нетерпимых протестантских фельдфебелей в рясе, которые были истыми «каролинцами». За благочестие, непреклонность и *«духовное родство с Карлом XII»* их восхваляли и в шведской и в немецкой церквах [17]. Образчики этой «непреклонности» читатель увидит в дальнейшем изложении.

При Карле XI и при Карле XII протестантские богословы и университетские «философы» Швеции обосновывали неограниченность королевской власти и ее «божественное» происхождение в таких не знающих удержу раболепных выражениях, какие редко где в Европе встречались. Шведское лютеранство в этом смысле оставило далеко за собой Боссюэта и других католических «святителей» времен Людовика XIV [18]. Любопытно, что оппозиция в лютеранском духовенстве Швеции против церковных «каролинцев», прислужников королевского самодержавия, стала сколько-нибудь заметной уже после Полтавы, хотя политические государственно-правовые основы неограниченной монархии только после смерти Карла XII получили сокрушивший их удар.

Фигура Карла XII с давних пор приковывала к себе внимание историков, публицистов и философов-просветителей вроде Вольтера, пытавшихся дать разгадку психологии этого человека, сыгравшего такую роль в истории своей родины.

Он был очень молчалив и не делился почти никогда своими мыслями и планами даже с теми, кому очень доверял, судя по той роли, которую они в его царствование играли. Ни Реншильд, ни Левенгаупт, ни граф Пипер, ни Гилленкрок, ни даже льстецы и фавориты вроде Акселя Спарре не могли похвалиться, что король совещается с ними не только по существу основных своих политических планов, но даже относительно непосредственных стратегических задач, решение которых он поручал им нередко в последнюю минуту. Его штаб к этому настолько привык,

что подобное поведение короля перестало уже в конце концов удивлять генералов. Каково объяснение этой замкнутости? Известно было, как опасался король болтливости своих и шпионства чужих. Знали также о невероятной гордости и самоуверенности Карла, о его твердой вере в свой гений и в свое счастье и догадывались, что он не желал советов и не нуждался в них, во всяком случае ему казалось, будто он в них не нуждается. Но было и еще одно обстоятельство, которое тоже могло иметь в данном случае значение. В Карле XII всегда сидел отважный азартный игрок, в нем, законном монархе, наследнике прочно занимавшей шведский престол династии, жила душа искателя приключений, авантюриста широчайшего масштаба, его славолюбие было особого характера: хотя ему очень приятно было бы приращение своих территориальных владений, но еще более льстило ему, когда его свита и армия восхищались самыми отчаянными его поступками, абсолютно ненужными, не имевшими и тени смысла выходками, когда он ставил на карту свою жизнь, свою свободу, все достигнутые успехи, все будущие надежды.

И зная, что ни Реншильд, ни Левенгаупт, ни Нильс Стромберг, ни Стенбок, ни вообще какой бы то ни было из его самых верных, самых исполнительных, самых одаренных генералов и советников ни за что не одобрит его диких, фантазерских внезапных выходок, он и старался поставить их всех перед совершившимся фактом. Будто исключением была его нелепая, один на один ночная перестрелка с казаками 16 июня 1709 г., стоившая ему серьезной раны и уложившая его в носилки за 11 дней перед Полтавой! Будто исключением была его тоже ночная и тоже совершенно бессмысленная поездка с тремя провожатыми 1 декабря 1718 г., чтобы посмотреть, достаточно ли глубока траншея под норвежской крепостью Фредериксхаль? Он был убит наповал шальной пулей, и до сих пор не выяснено в точности, пущенной ли неприятелем или изменником, когда исключительно для лихости и молодечества, чтобы удивить и ужаснуть провожатых, высунулся из-за бруствера.

Эти выходки особенно запомнились только потому, что они навсегда остались связанными — первая с Полтавским сражением, вторая со смертью Карла, но ведь подобные, бесполезные и крайне рискованные поступки оказывались обыденным, бытовым явлением в королевском времяпрепровождении при бесконечных походах. Так было, когда в начале сентября 1707 г., проезжая близ Дрездена, он ни с того ни с сего поскакал галопом прочь от своей армии и в сопровождении пяти человек (которых тоже не предупредил о своем нелепом намерении) примчался под вечер к королю, точнее курфюрсту саксонскому Августу, которого только что перед этим заставил

отказаться от польской короны, и заявил изумленному Августу с улыбкой, что приехал с ним проститься («к врагу на ужин прискакать» — говорит об этом Пушкин). Его только потому не взяли в плен, что Август и его министр Флемминг слишком уж остолбенели и не поверили глазам своим, а когда очнулись — Карл уже умчался. Так было и в 1713 г. в Бендерах, когда он затеял в своем доме, где жил, получив после Полтавы приют от турок, отвратительную в моральном отношении, вооруженную борьбу против своих гостеприимных хозяев, и турки, которых было несколько тысяч человек, взяли его «в плен» с его пятьюдесятью товарищами. И Карл еще потом осмеливался хвастать, что самолично убил несколько турок!

Так он поступал всегда, и, ведя свои войны, после первых больших успехов окончательно уверовал в то, что он должен полагаться только на самого себя и чем непонятнее и удивительнее для окружающих его сумасбродства, тем они гениальнее.

Все эти свойства характера короля должны были в конце концов неминуемо отразиться губительным образом на его военных предприятиях, несмотря на единодушно признававшиеся и его современниками и позднейшими военными историками большие дарования, которыми обладал Карл, и несмотря на непоколебимую личную храбрость, стойкость и неукротимую энергию. Ни своей, ни особенно чужой жизни он не щадил никогда. Вообще, к слову будь сказано, хотя современникам казалось, что какой-либо для тех времен из ряда вон выходящей жестокости Карл не обнаруживал, но он и ни в малейшей степени в этом отношении не уступал самым жестоким людям того века. Заполучив, например, в свои руки своего врага Паткуля, Карл лично распорядился предать его мучительнейшей казни, очень продолжительному колесованию, а когда узнал, что офицер, начальствовавший при экзекуции, приказал палачу рубить голову чуть-чуть раньше, чем было еще возможно, то разгневался на офицера и подверг его взысканию.

Свойства ума и характера Карла XII, так вредившие ему как полководцу, наиболее губительным образом сказывались, конечно, на его дипломатической деятельности. Если эти недостатки довольно долгое время в области военных действий как бы нейтрализовались и обезвреживались наличием военных способностей, присущих Карлу, то в области дипломатической деятельности король обнаруживал с начала до конца, и в блестящую пору своих успехов и в годы бедствий, плачевную беспомощность и полную бездарность. Конечно, незачем снова и снова твердить, что не эти свойства ума и характера обусловили полное крушение Карла в Северной войне вообще и в его уничтожающем поражении, в частности в завоевательном походе на Москву, предпринятом в 1708—1709 гг. Карла отличала вера

в то, что незачем долго и скучно хитрить с этими штатскими господами в кружевных жабо, которых посылают к нему из Вены, из Парижа, из Копенгагена, из Гааги, когда можно вместо потери времени на долгие переговоры взять да и ударить молодецким налетом на чужую армию, на столицу, переправу, а потом можно и вообще прогнать прочь слишком красноречивых и убедительно спорящих штатских господ и получить без них все, что захочешь. С русским представителем Хилковым Карл, впрочем, церемонился еще сравнительно больше, чем с другими, с чисто внешней стороны. Карл сам не обладал красноречием и не любил также тех, кто слишком хорошо и много говорил.

Военные историки, даже в общем высоко оценивающие дарования Карла XII как тактика, в большинстве своем в том или ином варианте повторяют давно установившееся мнение о шведском короле: «Вообще стратегия не была его делом» [19]. Но еще меньше «его делом» была международная политика. Редко на каком другом примере можно видеть наглядную иллюстрацию того, как политические ошибки, особенно если в них сочетается непонимание обстановки, презрение к противнику, слепая самоуверенность с непоколебимым упорством в следовании по раз принятому ложному пути, дают самые губительные результаты и для полководца, и для его армии, и для его государства, и народа.

Казалось, все было дано судьбой и природой Карлу XII. В пятнадцатилетнем возрасте он стал самодержавным владыкой одной из первоклассных держав тогдашнего мира с громадной территорией в Скандинавии и в пустынной, ограждающей ее с севера, Финляндии, с богатыми владениями на южных берегах Балтийского моря. Шведская армия была, по общему признанию авторитетных современников, первой в Западной Европе и несравнимой по дисциплине, военной выучке, боеспособности и оперативности. Финансы государства были более в порядке, чем в тогдашней Франции и чем в большинстве германских княжеств. Внутреннее спокойствие казалось более гарантированным, чем в любом из континентальных государств, и, пожалуй, даже более, чем в тогдашней Англии: ведь все-таки хоть и сумасбродной была мысль у того же Карла XII готовить высадку в Шотландии, чтобы сменить царствовавшую там ганноверскую династию и посадить на британский престол претендента Якова Эдуарда Стюарта, но в Англии обеспокоились, принимали военные меры, тратили деньги, а свергнуть с престола самого Карла XII решительно никто не мог и помыслить. И даже подвергнувшись при Полтаве ужасающему поражению, погубив без остатка свою армию, скитаясь бессильным беглецом с несколькими провожатыми по турецким степям,

сидя затем пять лет в Бендерах, отрезанный надолго от родины, Карл был вполне спокоен за свой престол, и его безграничная власть над подданными в целом не поколебалась. Нечего и говорить о том, что его страна беспрекословно давала ему по первому требованию все, чего он хотел, хотя и роптала. Этот ропот стал местами переходить иной раз в открытые возмущения против властей, но уже в послеполтавский период.

Обладая этими средствами, которые были в течение всего его слишком двадцатилетнего царствования фактически в его полнейшем распоряжении, Карл к тому же был одарен от природы некоторыми очень важными качествами, дающими военный успех. Он был очень силен, если не как стратег, то безусловно как тактик, находчив в бою, быстр, необычайно решителен, когда требовалось внезапно, тут же, под бомбами и пулями менять планы атаки. Он был очень вынослив физически, молчаливо выносил долгое отсутствие привычной пищи и даже простой свежей, не пахнущей болотом воды. Его воздержанность, суровый, спартанский образ жизни, недоступность соблазнам, свойственным молодости (а ведь он и убит был сравнительно молодым, тридцати пяти с небольшим лет) — все это внушало к нему уважение среди окружающих. Войну с Россией он вел в самую цветущую пору своей жизни, в полном расцвете своих сил: начал ее под Нарвой, когда ему было 18 лет, а кончил (поскольку речь идет о его личном и непосредственном участии) под Полтавой, когда ему было 27 лет.

И все эти большие военные и государственные преимущества и средства, и нечасто встречающиеся личные качества — все это кончилось после долгих блестящих удач полным провалом, гибелью армии, тяжелым, непоправимым подрывом политической мощи Швеции, а для него, гордого, безмерно славолюбивого и жившего только для славы (герцог Мальборо совершенно правильно это уловил после личного знакомства и наблюдений), для него, которого еще накануне Полтавы льстиво называли в Западной Европе в стихах и прозе новым Александром Македонским, это кончилось таким мучительным, неизбывным стыдом, который заставлял его явно искать смерти. «Лучше пусть меня называют сумасшедшим, чем трусом»,— заявил он после своей бендерской авантюры. Его грызло это неутолимое чувство безнадежного краха всей его жизни и деятельности, всей репутации. Он молчал, как всегда, не оправдывался и не жаловался, и только один раз, как увидим, написал о пережитой трагедии своей любимой сестре, но окружавшие и наблюдавшие его в последние годы его короткой жизни хорошо понимали, что в нем творилось в то время, пока, наконец, 1 декабря 1718 г., в темную норвежскую ночь, в холодной траншее не нашла его шальная пуля-избавительница.

Отчасти эти характерные черты личности шведского короля, блеск его победоносной завоевательной карьеры — все это привлекало к нему с давних пор воображение и симпатию шведских буржуазных историков, а иногда и писателей, ученых, публицистов, поэтов других национальностей. Но прежде всего он был и остался подходящей исторической фигурой для идеализации самой идеи захватнической агрессивной политики, направленной против России. В этом именно, а не в романтических и поэтических увлечениях слишком эмоциональных авторов коренится причина восторгов перед личностью Карла XII. Многими забывались те особенности Карла XII, которые в сущности в конечном счете сделали деятельность его, так называемого «национального героя», поистине национальной катастрофой для Швеции. Отсутствие чего бы то ни было похожего на чувство ответственности, беспечная трата человеческих жизней, постановка перед собой несбыточных грандиозных целей и непостижимое упрямство в погоне за достижением их, не знающая пределов самонадеянность, полнейшее (с грустью признаваемое самыми пылкими его хвалителями) неумение разбираться в сложных вопросах внешней политики — все это так бросалось в глаза, что подрывало у всех сколько-нибудь беспристрастных наблюдателей и исследователей первоначальный импонирующий эффект, который иной раз производила личность этого совсем незаурядного, необычайного человека.

Дурные стороны его характера сказались особенно губительно для его страны вследствие ничем не ограниченной власти, которой он обладал, начиная с 15-летнего возраста. Недаром воспоминания Левенгаупта, хорошо знавшего короля, появились в печати уже после смерти злосчастного генерала под многозначительным длинным названием: «Вредные последствия самодержавия и горькие плоды злости (Enwäldets skadeliga påfölgder och aggets bittra frugter)».

Несправедливо обиженный (и погубленный) Карлом XII человек или тот, кто готовил к печати эти отрывочные показания, выразил в этих словах и добытую дорогим опытом истину о вреде самодержавной власти, и возмущение злобными наветами и прямой клеветой Карла. Левенгаупту уже не суждено было вернуться из русского плена на родину. В этом длинном названии его набросков — посмертное проклятие необузданному произволу Карла XII.

Даже присяжные хвалители Карла XII признают «трагической ошибкой», например, ожидание помощи от Станислава Лещинского во время похода на Россию. Но такими «трагическими ошибками» была полна политическая карьера шведского короля. Он ничего не понимал в истории, в социальном строе, в государственном и экономическом состоянии тех стран, с которыми

ему приходилось иметь дело. Так как запуганный варшавский сейм признал по его приказу польским королем шляхтича Станислава Лещинского, то ему представилось, что отныне Польша будет повиноваться этому марионеточному монарху так, как Швеция повинуется ему, Карлу XII. Точно так же ему представлялось перед Полтавой, что когда он войдет в Москву, то просто сгонит Петра с русского престола с такой же легкостью, как он согнал с польского престола Августа II, и даст русским нового правителя по своему вкусу, кого-нибудь вроде Станислава Лещинского.

Полтавский ужас, позор капитуляции все еще уцелевшей части армии под Переволочной и явно безнадежная потеря Прибалтики и Финляндии ничуть не образумили Карла. О таких людях русский народ говорит: «каков в колыбельку, таков и в могилку». После диковинной «войны с турками» в Бендерах Карла в Европе уже перестали величать Александром Македонским и начали чаще называть Дон-Кихотом. В большей или меньшей степени его основные политические расчеты запечатлены были почти всегда той смесью сумасбродства и слепой веры в свои силы, в свою правоту и в неизменность своего счастья и конечного успеха, которые характерны для психологии Дон-Кихота. Несчастьем для поддерживавших захватническую политику Карла социальных слоев было, между прочим, и то, что на этот раз самодержавным властелином оказался в Швеции не Дон-Кихот, а человек, одаренный и всепоглощающей страстью к войне, и бесспорным, хоть и изменившим ему к концу, умением ее вести, и личной неустрашимостью, получивший в наследство превосходно обученную, искусную, строго дисциплинированную армию, которая к тому же после первых блестящих успехов поверила в непобедимость своего так долго удачливого вождя.

В течение всей жизни Карла XII его губительные политические ошибки подрезали, так сказать, на корню все, на что он возлагал свои надежды и расчеты.

7

Постараемся в самых кратких словах напомнить, что́ представляло собой шведское войско в те годы, когда ему пришлось вести это кровавое долгое единоборство с армией, постепенно создававшейся Петром, Меншиковым, Корчминым, Шереметевым, Репниным и другими.

Шведская армия еще с конца XVI в. считалась одной из лучших, а со второй четверти XVII в.— самой лучшей из всех армий Европы, и эта репутация была упрочена блестящими победами Густава Адольфа в годы Тридцатилетней войны и да-

лее. Прежде всего шведской центральной власти удалось раньше Франции, раньше Габсбургской державы, раньше Испании, не говоря уже о Польше, превратить конгломерат феодальных ополчений и взятых со стороны наемников в войско, в самом деле отвечающее потребностям успешной военной борьбы в новых условиях абсолютистского периода, времени объединенных вполне или заканчивающих свое объединение «национальных» государств. Даже во Франции в период от смерти Франциска I до начала правления Людовика XIV армия сохраняла следы своего позднесредневекового происхождения, когда она сложилась,— и не только при так называемых «религиозных войнах» второй половины XVI в., но и Генриху IV, и Ришелье, и Мазарини приходилось с этими пережитками очень считаться. Империя Габсбургов и до и во время Тридцатилетней войны не могла избавиться от дробления вооруженных сил, от зависимости и часто бессилия перед лицом могущественных феодалов и смелых кондотьеров особого, специфического типа, вроде Валленштейна. В Швеции армия иного типа, соответствующая более новой социально-экономической формации общества, показала себя во всем блеске в годы Тридцатилетней войны, когда она разгуливала по государствам Средней и Северной Германии, гоня перед собой врагов, и когда перед Густавом Адольфом трепетали Австрия, Бавария, Венгрия, Польша, а его дружбы искали Франция, Голландия, Дания. Строгая дисциплина и неустанная военная выучка отличали шведское воинство, а богатейшая руда и высокоразвитая металлургия снабжали шведов превосходным оружием. Стойкость, выдержка, храбрость в бою, уменье безропотно переносить все невзгоды, трудности и опасности долгих, годами длившихся походов — все это в течение всего XVII в. поражало и пугало современников, которым приходилось приглядываться к шведским военным силам. Со времен того же Густава Адольфа в традициях шведской армии была известная, охотно демонстрируемая и офицерством и рядовыми протестантская религиозность или, вернее, аффектация религиозности. У них это не переходило, как нередко у английских пуритан, у солдат Кромвеля, Фэрфакса и Брэдшо, в фанатическую нетерпимость и агрессивное ханжество, но во всяком случае эта черта еще более скрепляла в войске корпоративный дух и дисциплину.

В разгульные, кровавые, анархические времена Тридцатилетней войны на фоне неистовства и погромов одичавшей солдатчины, бродившей по Центральной Европе под разными знаменами, но одушевленной одинаково грабительскими целями, шведы славились некогда своим терпимым и сравнительно не жестоким поведением относительно мирного невооруженного населения. Замечу, однако, что во времена Карла XII

шведская армия в этом отношении сильно изменилась. Еще в Саксонии, протестантской стране, размещенные компактно, в двух-трех городах, под наблюдением короля и генералов, шведы вели себя сравнительно более сдержанно, да и то далеко не все полки и не всегда, но в Польше — уже значительно хуже, а в Белоруссии и Украине еще более разнузданно и нетерпимо. Этому способствовало и то основанное на легкомыслии, грубости чувства, эгоистической бессердечности, невежестве и самонадеянности пренебрежение к восточному врагу, которое навсегда усвоил себе Карл XII и которое, распространяясь от королевского штаба после первой Нарвы, проникло в низы шведской армии. Солдаты Карла XII свирепствовали на Украине так, как никогда и не подумали бы делать, например, в Саксонии или в Дании, хотя и вообще былых «благочестивых евангелических воинов» Густава Адольфа солдаты Карла XII уже мало напоминали.

Особенно отличались безобразиями всякого рода и насилиями над мирными жителями нерегулярные конные отряды добровольцев-наемников, которые также принимали участие в походах Карла. Они состояли под командой своих собственных начальников, подчинявшихся непосредственно королю. Таковы были прежде всего так называемые «волохи».

Отряд волохов (иначе называющихся в источниках «валахами», «валаками») состоял из молодежи Валахии и Молдавии, поступившей на шведскую службу. Это был элемент авантюристический, состоявший на жалованьи; они поступали на шведскую службу с полного согласия (и даже с поощрения) турецкого правительства, которому тогда принадлежали Молдавия и Валахия. Но эти люди очень легко обходились и без турецкого разрешения и нередко поступали на службу России, Венгрии, Австрии и других держав. Это были кондотьеры, шедшие на войну для обогащения и грабежа [20]. Карл XII охотно принимал их на службу, не зачисляя, однако, в состав своей регулярной армии. Шведские историки откровенно признают, что, например, пленных русских, захваченных в 1700 г., еще отправляли в Швецию на работы (и держали там, прибавим, в таких условиях голода и жесточайших побоев, что выживали очень немногие), но уже взятых впоследствии в Польше, а особенно попадавших в руки шведов во время нашествия на Россию в 1708—1709 гг., в плен очень часто не брали, а просто убивали после сражения. Слишком много возни, очевидно, было отправлять их так далеко, за море, в Швецию, да еще и с тем надо было считаться, что ведь обеспеченного тыла и связи с этой далекой базой, т. е. Швецией, у Карла никогда не было. Для шведов и их короля оказалось гораздо проще и короче связать русских пленников веревками, положив одного на другого по-

трое, и поразить эту живую груду тел штыком или саблей. В свободное время от военных трудов и от обязательных двух в день лютеранских богослужений набожный король Карл охотно развлекался на походе именно этим способом ускоренного разрешения вопроса о русских пленниках. Так было, например, после победы шведов при Фрауштадте (2 февраля 1706 г.) [21].

Вообще, изучая историю шведско-русской войны, мы должны признать, что шведы, соблюдая в той или иной степени бывшие в те времена в ходу обычаи и правила по отношению к неприятелю, будь то датчане, саксонцы, поляки, обнаруживали относительно русских при всех условиях, когда сила была на их стороне, варварскую жестокость. Это даже поражало таких представителей европейского общественного мнения, как Вольтер, который был очень расположен к шведам. Вольтеру рассказал польский король Август II, как один русский офицер уже после сражения был убит пистолетным выстрелом лично самим генералом Стенбоком, командовавшим шведами [22].

В Белоруссии и на Украине Карл лишь продолжал, правда в сильно увеличенном размере, тот же метод обращения с населением, какой практиковался им раньше в Литве, Польше, в Саксонии. Так как западные историки проявляют много благородного негодования по поводу действий Шереметева в Лифляндии, то должно напомнить, что все-таки Шереметев не издавал приказов об убийстве заведомо ни в чем *невинных*, как это случалось неоднократно с Карлом XII. Услыхав о каком-то совсем ничтожном нападении на шведский пикет близ Торуня, Карл пишет Реншильду: «Было бы самое лучшее, чтобы все эти места были уничтожены путем разграбления и пожаров и чтобы все, кто там живет, *виновные или невинные* (skyldiga eller oskyldiga), *были уничтожены*». И желая, чтобы Реншильд понял его как следует, король прибавляет спустя месяц: должно выбивать из населения контрибуцию, каким угодно способом, «а эта страна может страдать, сколько ей угодно... Те, кто не остается дома, должны быть разорены, а их жилища сожжены... Посылаю вам кавалерию, чтобы преследовать бродящих тут каналий... Контрибуцию взыскивать огнем и мечом. Скорее пусть пострадает невинный, чем ускользнет виновный... Сжечь местечко, где было совершено нападение на валахов... все равно, виновны ли владельцы домов или невинны...» Такие приказы сыплются из-под пера Карла, как из рога изобилия: «...надо вешать, если даже лишь полдоказательства есть налицо... даже *дитя в колыбели не должно получить пощаду»* [23]. Магнуса Стенбока, свирепого, подлого палача, который убивал безоружных пленных русских собственноручно, король одобрял за исправное выполнение открытого им, Карлом, способа взимания контрибуций: этот способ, которым пользовался и другой его генерал,

Мейерфельд, заключался в том, чтобы, начиная с предместий, приступать к систематическому сожжению городов и прекращать поджоги лишь по внесении контрибуции. «Я тут в полумиле от Люблина, а Мейерфельд стоит со своим гарнизоном в городе и начинает их вгонять в пот поджогами. Я думаю, он выжмет из них чистыми деньгами... а если они не заплатят, он начнет сжигать эффективно» [24],— сообщает король Стенбоку.

Таковы были воззрения Карла XII и способы обращения с населением оккупируемых стран, принятые в шведской армии в годы, когда король готовился вторгнуться в Россию.

И нигде король и его солдаты так не свирепствовали, как в России, не только потому, что их приучили смотреть на русских не как на людей, но и потому, что нигде, ни в Пруссии, ни в Польше, ни в Саксонии, население не оказывало им такого упорного сопротивления, как в Белоруссии, в Северской Украине, в Гетманщине и в Украине Слободской.

8

В 1700 г. Россия начала (точнее, возобновила) свою историческую вековую борьбу за насильственно отторгнутые от нее земли.

И по содержанию и по изложению очень ценным является для того, кто хочет дать себе отчет в настроениях русской дипломатии в 1700 г., документ, хранящийся в фонде Шведские дела нашего Архива древних актов и озаглавленный «Выписка из старых дел с рассуждением о Швеции за что война началась» [25].

Прежде всего наш документ утверждает, что не только Карелия и Ингрия издревле к России принадлежали, но что российские государи даже и «сами корреспонденции не имели» с королями шведскими, а все трактаты и пересылки принуждены были короли шведские «чинить с наместники новгородскими». До такой, мол, степени речь могла идти лишь о пограничных делах этих русских провинций с местными шведскими властями. Кроме того, и «болшая часть от провинций Лифляндии и Эстляндии приналежала под область и протекцию российскую», так же как город Юрьев Ливонский «по-немецки Дерпт названный», основанный еще в 1026 г. «российским великим князем Ярославлем Георгием», а также Колывань, названный потом по-немецки Ревелем. Законность и древность русских прав на эти земли безусловна: «и хотя временами оные провинции от российского владения при противных конъюнктурах и отступали, однако ж паки иногда договорами, иногда же и оружием к оному присовокуплены бывали, как и во время великого князя Александра Невского отступившая было провинция Лифляндия паки

оружием под влияние его приведена и дань на них погодная наложена» [26].

И при «нареченном первым собирателем» Иване III, и при Василии, и Иване IV все эти земли оставались за Россией. И хотя в 1554 г. король шведский Густав I «за некоторые ссоры начал против России войну, но не видя себе прогрессов (sic — *Е. Т.*), присылал к его царскому величеству послов Штейна и Эриксона с товарищи просить о мире», и «тогда учинено перемирье на сорок лет, с такой однако ж кондицией, чтоб пересылку шведским королям иметь попрежнему с наместниками новгородскими». А в 1560 г. это перемирие подтверждено при новом короле Эрихе «через новгородских наместников». Но обстоятельства изменились, и не только уже в 1564 г. Эриху снова дано право сноситься непосредственно с царем, но Иван IV «уступил королю шведскому из своих наследных земель город Ревель с некоторым дистриктом да из Лифляндии Пернов с некоторыми местечками» и позволил шведам в наследственном русском городе Нарве торговать («иметь свободное купечество»). Но зато король Эрих обязался не покушаться на прочие города лифляндские и эстляндские, «а имянно на Ригу с принадлежностями, яко его царского величества наследные и под его протекцией обретающиеся» [27]. Но после того, как Эрих был низвергнут с престола братьями, в Швеции были арестованы русские послы, и началась в 1572 г. война, во время которой Россия потеряла в 1578 г. Нарву, Ям, Копорье и в Карелии Кексгольм. Но война продолжалась, и русские не соглашались на мир. Долго «съезжались со обоих стран» и спорили послы на реке Плюсс, близ Нарвы, но «за спорами о провинциях Лифляндии и Эстляндии, Ревеле о мире не согласились, но учинили только перемирие на четыре года» [28]. В 1594 г., наконец, на реке Нареве русский окольничий Иван Тургенин и шведский представитель Стен-Барен подписали «трактат вечному миру»: король шведский уступил русским только Карелию, а русские уступили шведам Нарву и Ревель. Ингрия и Карелия «остались по тому вечному миру во владении российском».

Переходя к событиям начала XVII в., наш документ отмечает коварное поведение шведов. Царь Василий Шуйский вынужден был просить короля Карла IX о помощи «против поляков и изменников». Шведы послали отряд под начальством Делагарди, но Делагарди, получив все условленные субсидии от Шуйского, изменил, вошел в сношения с польским гетманом Жолкевским и стал грабить и разорять Россию вместе с поляками. Делагарди предательски вошел в Новгород, разграбил город, разгромил монастыри и церкви и всю область, а затем отобрал русские города Орешек, Корелу, Ивангород, «с принадлежащими к ним провинциями, с розлитием немало крови».

После избрания Михаила шведы решили войны против России не прекращать и все свои беззаконные захваты удержать. Царь Михаил Федорович обратился в 1615 г. за посредничеством («о добрых средствах к примирению») к Англии и другим державам. Король английский прислал царю Ягана Мерика, а Голландия послала в Швецию Рейна фон Бредера, но посредники мало помогли. Шведы из Новгорода не уходили и еще более жестоко его грабили и осадили и грозно усиливали осаду Пскова. Шведы и слышать не хотели об уступках. Они соглашались лишь вернуть дотла ими разоренный Новгород и, «видя бессилие российское, нимало от своих претензий отступать не похотели, угрожая вступлением с сильным войском внутрь России». При тогдашнем положении оставалось уступить грубому насилию и угрозам врага, имевшим вполне реальный смысл.

27 февраля 1617 г. в деревне Столбове (между Тихвином и Ладогой) был подписан мир «невольной» для избавления России от крайнего разорения. Шведы получили все, чего хотели: «провинции и Ижорскую и Карельскую купно с Иваном городом, Ямами, Копорьем и Орешком и со всеми ко оным принадлежащими землями и островами морскими за устьем Невы реки обретающимися» [29]. При этом Россия отказывалась от прав на Ливонию и Эстляндию.

9

13 января 1700 г. в Гааге был подписан союзный договор между Швецией, Англией и Голландией [30]. Но в том же 1700 г. произошли события, которые привели к заключению другого договора, прямо направленного против Швеции: договора между Данией, королем польским (он же наследственный курфюрст Саксонский) Августом II и Петром I. Эта дипломатическая комбинация превратила Англию и Голландию из «союзников» Швеции в осторожно выжидающих наблюдателей. А последовавшее вскоре начало войны за испанское наследство, когда Швеция оказалась во французском дипломатическом лагере, привело к тому, что враги Франции — Англия и Голландия — заняли формально враждебную позицию относительно Швеции. Но неодинаково они относились к России: Англия довольно плохо скрывала свое нерасположение к России под личиной участия и дружбы, а с течением времени все более и более сначала тайно, потом довольно открыто начала помогать Швеции, особенно по мере того, как с усилением России на Балтийском море росло беспокойство английского кабинета. А Голландия, морской торговле которой довольно серьезно вредило шведское каперство, относилась к России в общем гораздо дружественнее. Вообще же и Англия, и Голландия должны были и до и особенно

после Полтавы считаться с наличием очень существенных торговых своих интересов в России и соблюдать осторожность в сношениях с Петром.

После всего сказанного выше о длившемся с XV—XVI вв. отстаивании Россией своих прав на исконные русские владения у моря, незачем распространяться о том, почему Петр решил вступить в войну против Швеции в 1699—1700 гг. Дело было решено им и принципиально и в плане заключения естественного и необходимого союза с Польшей и Данией задолго до того, как к нему явился осенью 1699 г. в Москву лифляндский дворянин Иоган Рейнгольд Паткуль, целью которого было оторвать Лифляндию от Швеции и сделать ее автономной провинцией Польши. Он был представителем давно раздраженной против шведских властителей части лифляндского дворянства, ущемленного в своих материальных интересах так называемой «редукцией», т. е. секвестрацией в пользу шведской казны части земель лифляндского дворянства.

Этот деятельный и умный политический интриган уже побывал у польского короля Августа II, и польский король снесся с датским королем Христианом V, у которого были виды на приобретение части соседних голштинских земель, чего нельзя было достигнуть без войны с Швецией, потому что она состояла в тесном союзе с Голштинией.

В западной историографии (особенно немецкой, с легкой руки историка России Германна) принято безмерно преувеличивать роль Паткуля в присоединении России к антишведской коалиции. Для Петра вопрос решался самым фактом выступления Польши и Дании против Швеции, и Паткуля царь лишь использовал просто как подвернувшегося кстати неглупого агента, не более. Паткуль, интригуя в Москве против Швеции, в то же время в глубочайшем секрете интриговал в Дрездене и Варшаве против Москвы: он желал, чтобы его родная Лифляндия (Ливония) ни в коем случае не попала к России, а была бы отнята у шведов в пользу Августа II, бывшего одновременно королем польским и курфюрстом богатой Саксонии. Это, по его мнению, больше отвечало интересам лифляндского дворянства. Паткуль «убедительно» доказывал Петру, что ему следует удовольствоваться одной Ингрией (Ингерманландией) и остановиться к востоку от Нарвы и озера Пейпус и даже Нарвы не брать.

Но Паткуля должно было постигнуть разочарование, которое постигало обыкновенно рано или поздно всех дипломатов, желавших хитроумно обмануть Петра Алексеевича. Паткуля царь выслушал вполне одобрительно, так как дело было им уже предрешено, а затем, как увидим, остановился впоследствии не в Нарве, но там, где, преодолев все трудности и неудачи, нашел нужным и возможным остановиться. 11 ноября 1699 г. был

подписан пока еще тайный союзный договор между Петром и Августом II. Русские обязывались вступить в Ингрию, а польско-саксонские войска одновременно в Ливонию. Датский посланник в Москве удостоверил, что датские войска тотчас же вступят со своей стороны в Голштинию.

Нужно было лишь подождать подписания мирного договора России с турками, с которыми велись в Константинополе долгие переговоры. Как только в Москве были получены известия о подписании договора, Петр объявил Швеции войну и двинул войско прямо к Ругодиву, как по-старому продолжали называть русские Нарву.

Для шведов не могло быть неожиданностью, конечно, ни выступление России, ни даже направление первого удара. Еще в 1695 г. шведский министр Бенгст Оксеншерна писал королю Карлу XI, отцу и предшественнику Карла XII, о Петре: «Кто может знать, что таит этот молодой честолюбивый царь против вашего величества, так как ведь Ингерманландия и Кексгольм колют ему глаза».

Шведы тоже не забывали, что в свое время похищенное ими русское добро, от которого русские никогда не отказывались, еще может послужить предметом вооруженной борьбы за его возвращение.

Этот час настал.

10

Вернувшись из-за границы с громадным запасом новых и ярких впечатлений, с разнообразными и обильными сведениями (и особенно в корабельном деле), Петр был сначала поглощен страшным стрелецким «розыском», затем долгими и нелегкими дипломатическими переговорами в 1699 и 1700 гг. Напрасно впоследствии Карл XII велел колесовать и затем четвертовать лифляндского дворянина Паткуля, обвиняя именно его в организации русского участия в антишведском союзе 1700 г. Вопрос, как мы видели, давно уже ставился так: или останется в силе Столбовский договор 1617 г., навязанный шведским королем Густавом Адольфом, и Россия признает нормальной свою полную отрезанность от Балтийского моря, или должна быть предпринята попытка вернуть в русское обладание древние русские земли, когда-то насильственно от России отторгнутые.

3 июля 1700 г. в Константинополе состоялся «размен трактатов», т. е. окончательная дипломатическая церемония, увенчавшая заключение русско-турецкого перемирия, и 7 июля думный дьяк Украинцев, подписавший трактат, отправил в Москву гонцов с копией мирного договора. 8 августа, после месячного пути, они явились к Петру. Шведская историография подчеркивает полную будто бы для шведской дипломатии неожидан-

ность начала военных действий со стороны России почти тотчас же после получения царем известий о заключении мира с Турцией. Едва ли эта «неожиданность» была такой уже полной: ведь еще 21 апреля (1700 г.) Александр Маврокордато, «салтанова величества тайных дел секретарь и переводчик», говорил русским, что началась война России с Швецией, а 22 мая в Константинополе прямо утверждали в дипломатических кругах, будто русские «уже осадили свейский город Нарву» [31]. Да и странно говорить о полной неожиданности, когда шведы отлично знали, что еще осенью 1699 г. Петр вступил в договор против Швеции с Августом II и с Данией, и тогда же Петр собирался воспретить русским купцам возить товары в Нарву, Ревель и Ригу. Ведь вовсе не одно только желание сосредоточить торговлю в Архангельске было главной причиной указа. Русско-шведская торговля продолжалась, так как проектированный указ был в 1699 г. отсрочен, и в момент начала войны в 1700 г. в Стокгольме, как писал русский резидент князь Хилков Ф. А. Головину, было русских товаров на 100 тыс. рублей. Что Россия непременно примет участие в любой войне против Швеции, едва только Швеция окажется в войне с другими державами, это было ясно и европейским дипломатам вообще, и шведским в частности, и неизбежность этого события была ясна из всей истории русско-шведских отношений, начиная от Столбовского договора, в особенности же из истории русско-шведской войны 1656 г.

Объявление войны было внезапным в том смысле, что шведы не ждали его так скоро и что Петр умышленно старался до последнего момента не возбуждать в Швеции тревоги, вплоть до заключения русско-турецкого мира,— но сказать, что самая война была для шведов «неожиданной», — нет никаких оснований: шведы могли с полным правом постоянно ждать ее уже около ста лет. Ждали — и дождались при Алексее Михайловиче, ждали — и дождались при Петре.

В августе 1700 г. началась Северная война. В Европе почти одновременно возникла разорительная, долго ничем окончательно не решавшаяся война двух коалиций, из которых в центре одной были Франция и Испания, в центре другой — Габсбургская монархия и Англия. Вождь первой коалиции Людовик XIV и вождь второй коалиции английский король Вильгельм III. (он же штатгальтер Голландии), конечно, заинтересованы были получить (каждый для своей группы) нового союзника в лице далекой России. Военная мощь России в тот момент расценивалась, правда, не очень высоко, но все-таки о возможности использовать московскую державу продолжали думать в обоих лагерях. Но вот пошли по Европе слухи о тяжелом поражении русских под Нарвой 18—19 ноября 1700 г. Шведы не пожалели труда на то, чтобы расписать с самыми живописными

подробностями, в ярчайших красках эту победу своего короля. В Европе говорили не только о полном разгроме русских сил, но и об отсутствии всякой дисциплины в их среде. Подвиг «молодого шведского героя» — Карла XII восхваляли на все лады.

Англия и Голландия, решительно враждебные Дании, совсем связали ей руки и не дали развернуть всех ее сил для борьбы против Швеции. Хвалители Карла XII, и современники и историки, слишком часто забывают об этом обстоятельстве, не только важном, но решающем. Быстрая победа над Данией, одержанная восемнадцатилетним Карлом XII, развязала ему руки для немедленных действий против русских, осадивших Нарву, и он с необычайной быстротой перевез свою армию по морю в Пернов (Пернау) и оттуда двинулся к Нарве. В это время весь господствующий в Швеции дворянский класс с особенным одушевлением поддержал короля.

18 ноября 1700 г. Карл напал на русскую армию, осаждавшую Нарву, и нанес ей тяжелое поражение.

Русское командование было в руках случайно подвернувшегося, хотя и получившего превосходные рекомендации, француза на австрийской службе герцога де Кроа (русские источники именуют его де Круи или фон Крои). Этот авантюрист, приглашенный на русскую службу в 1700 г., привез с собой из Вены восемьдесят офицеров. Половина состава этого набранного де Кроа «офицерства», замечу кстати, сдалась в плен под Нарвой вместе со своим командиром, который потом, уже будучи в шведском плену, целый год еще выпрашивал у Петра ефимки, ибо «с великими харчми 42 человека питатися принужден» и кормить этих «бедных пленников» [32].

Офицерский состав, наскоро набранный, необученный, командовал взятыми в большинстве прямо от сохи новобранцами, никогда в бою не бывавшими. Этот де Кроа оказался в качестве стратега ниже всякой критики. Он растянул свою армию длинной тонкой полосой и этим удовольствовался. Распоряжений от него во время боя почти вовсе не исходило, а если таковые им делались, то их понимали только немцы, взятые наскоро в офицеры, но никак не русские офицеры и уж подавно не солдаты. Оружие у русских было из рук вон плохо, пушки разрывались и убивали прислугу. Наконец, доставка провианта была так поставлена, что солдаты некоторых полков не ели сутки как раз перед моментом нападения на них Карла. Солдаты считали и своего никому не ведомого главнокомандующего де Кроа и немцев-офицеров сплошь изменниками, которые выдадут их «своему» королю. При таких условиях странно не то, что русские потерпели урон, а то, что бой длился так долго: с утра до темной ночи. Это объясняется храбростью и стойкостью нескольких отрядов и прежде всего двух гвардейских полков (Семеновского и

Преображенского), и собственно о том, что шведы одержали победу, Карл XII узнал лишь тогда, когда русские предложили такие условия: получают свободный выход с оружием, через реку, на все четыре стороны. В плену, вопреки условиям, коварно нарушенным, Карл задержал генералов, полковников и офицеров знатного происхождения.

Об этой «величайшей победе» Карла трубили целые годы шведы, немцы, сочувствующие ему французы и англичане. Если мы сравним Нарву с Полтавой, где шведы бросились врассыпную, в паническое бегство уже через два часа генерального боя и где (считая с капитуляцией при Переволочной) вся еще уцелевшая после боя армия сдалась в плен без всяких условий, то может показаться странным, что нарвское поражение русских было сочтено таким уж неслыханным военным подвигом шведского короля.

Есть много хвалебных од на разных языках, где весьма восхваляется «поражение московских варваров».

Герцог де Кроа, оказавшийся, как сказано, не только бездарным полководцем, но и предателем, сдался одним из первых, а вместе с ним сдались и немецкие офицеры почти в полном составе. И все-таки Карл без колебаний согласился, т. е. принужден был согласиться, отпустить к Петру всю русскую армию, уцелевшую от боя: 23 тыс. человек. Значит, погибло в бою, было взято в плен или разбежалось по лесам (и подошло к русским) около 12 тыс. человек, если считать наиболее вероятной из нескольких исчислений русской армии перед боем цифру в 35 тыс. человек. После своей победы Карл не только поспешил отпустить всю русскую армию, но и сам отступил к Дерпту, не ища новой встречи.

Вскоре после Нарвы Карл XII, оставя гарнизоны в Ингрии и Ливонии, надолго уводит свою армию в Польшу. Вместе с тем он делает попытку напасть на русские владения на берегах Белого моря. Случилось это спустя несколько месяцев после Нарвы.

Архангельский воевода князь Алексей Прозоровский уведомил Петра летом, что в июле 1701 г. «приходили шведских 5 фрегатов и 2 яхты». Из них 2 фрегата и яхта ночью пришли к Двинскому Березовскому устью. И здесь из «строения той крепости» офицер Животовский вышел к тем шведским судам и затеял с ними перестрелку. Все это произошло в Малой Двине, «где новую крепость строили». Один фрегат ушел после перестрелки в море, а другой фрегат и яхта были разбиты выстрелами. Люди с них ушли «на мелких судах» вместе со спасшимся фрегатом. А разбитые два судна (фрегат и яхта) остались русским, которые «обрели» на них 13 пушек и басов, 200 ядер, 850 досок железных, 15 пудов свинца и 5 флагов [33].

Больше ничего в петровском «Журнале» о событиях близ Архангельска нет. Но у нас есть данные, и шведские и русские, передающие о великом проявлении русского самоотвержения и патриотизма, мимо которых никак нельзя пройти в работе, посвященной нашей теме.

20 марта 1701 г. Карл XII подписал, а граф Пипер контрассигнировал приказ, точнее инструкцию, согласно которой из Швеции направлялась против Архангельска флотилия с целью «сжечь город, корабли, верфи и запасы, после того, как высаженный экипаж успеет согласно воинскому обычаю захватить пленных и уничтожить или разрушить все, что может быть приспособлено к обороне, каковая задача, должно надеяться, будет исполнена при помощи господа бога»[34].

Однако это упование на господню помощь в столь «богобоязненном» предприятии было на сей раз жестоко обмануто. Голландские купцы, прямо заинтересованные в торговых сношениях с Архангельском, предупредили вовремя русских о готовящемся нападении. Укрепления и верки в порту были исправлены, окрестное население было предупреждено. Высадка не удалась. Но этого мало: экспедиция претерпела серьезный урон. Вот как излагает события на основании своей документации шведский историк: «Когда шведские корабли вошли в Белое море, то они стали искать лоцмана, который сопровождал бы их в дальнейшем пути в этих опасных водах. Два русских рыбака предложили тут свои услуги и были приняты на борт. Но эти рыбаки направили суда прямо к гибели шведов, так что два фрегата сели на песчаную мель. За это оба предательски действовавших лоцмана были избиты возмущенным экипажем. Один был убит, а другой спасся и нашел возможность бежать». После этого шведы оказались не только не в состоянии взять Архангельск, но должны были также отказаться от своего первоначального намерения подняться по Северной Двине для опустошения ее берегов. Они ограничились тем, что сожгли одну соляную варницу и 17 близлежащих деревень. Кончается это шведское известие следующими словами: «Шведы взорвали на воздух оба своих севших на мель фрегата и затем возвратились в Готенбург. Царь Петр тотчас вслед за тем посетил Архангельск, одарил деньгами, а также из собственной одежды рыбака, который с опасностью для своей жизни посадил на мель шведские корабли, и назвал его вторым Горацием Коклесом. После этого он дал дальнейшие повеления к укреплению крепостных верков около Архангельска, чтобы не бояться впредь повторения счастливо на этот раз отраженного нападения».

Здесь Фриксель называет «предательским» поведение двух русских людей, умудрившихся с самоотвержением, в самом деле не уступавшим прославленному древнеримскому герою, с кото-

рым сравнил их Петр, нанести вражеской эскадре тяжкий ущерб.

Подвиг Ивана Рябова и Дмитрия Борисова удался вполне потому, что шведы еще не имели понятия о Новодвинской крепостце, под которую доблестные рыбаки подвели шняву и два галиота. К. Г. Житков говорит, что Рябов и Борисов, «захваченные в плен» шведами, уже в качестве пленников должны были отправлять свои лоцманские обязанности[35]. Он дает и еще детали, которые не встречаем у других авторов: когда шведы удостоверились в том, что их обманули, оба лоцмана, запершиеся в каюте, были там подвергнуты обстрелу из ружей, после чего Рябов, притворившийся мертвым, ночью спасся вплавь. А затем по уходе шведов архангельский воевода засадил Рябова в тюрьму за нарушение указа, запрещавшего выходить в море на рыбную ловлю. И только Петр, прибыв в Архангельск в 1702 г., щедро наградил Рябова за его геройский подвиг и навсегда его освободил от всяких денежных повинностей. Но ни Житков, ни другие русские авторы, поминавшие об этом замечательном деле, ни, наконец, документы, которыми я пользовался, не говорят ничего о факте, который нам известен от шведов, о сравнении Рябова с римским героем Горацием Коклесом, которое сделал Петр. Нет ничего об этой подробности ни в очень достоверных и точных «Повседневных записях замечательных событий в русском флоте», ни у Веселаго[36]. Вместе с тем выдумать и приписать Петру это сравнение с римским героем шведы никак не могли: не в их интересах и не согласно с их настроениями было возвеличивать как-нибудь русского рыбака, которого они же именуют за его «обман» «предателем».

На Петра очень похоже, что он в самом деле сказал эти слова. Он хорошо оценил все значение подвига Борисова и Рябова, которым, рискуя жизнью, удалось сигнализировать и предотвратить неожиданное нападение на Архангельск.

Из скудных данных о всем этом эпизоде явствует, что перестрелка между Новодвинским укреплением и посаженными на мель шведскими судами длилась 13 часов и что, после того как одна шнява (по Фрикселю «фрегат») и один гальот были разбиты, их команда успела бежать на гребных шлюпках.

Шведское нападение не повторилось.

11

Впечатление от Нарвы держалось долго. Можно сказать, что в течение восьми лет и семи месяцев, отделявших первую Нарву от Полтавы, дипломатия враждебных России европейских держав оставалась под властью этих воспоминаний. Не эти воспоминания порождали, конечно, их вражду к России, но

именно умышленно преувеличенные рассказы о Нарве надолго внушили многим уверенность в безнадежной якобы слабости русских. И замечательно, до какой степени туго и трудно эти воспоминания уступали место новым, казалось бы, капитально важным фактам, имевшим отнюдь не меньшее значение, чем нарвская битва. Мы назовем те блестящие русские победы, из которых битва 1704 г. (вторая Нарва) не уступала по своим размерам и результатам нарвской победе шведов 1700 г. (первой Нарве), а битва под Лесной решительно превосходила шведский успех 1700 г. Об этих сражениях в Европе знали, и все-таки их глубокого смысла и последствий еще не хотели учесть по достоинству, все продолжали толковать о первой Нарве и о шведском Александре Македонском. Легкие победы Карла над поляками еще более ослепляли его хвалителей. «Мой брат Карл хочет быть Александром, но не найдет во мне Дария»,— отозвался Петр на этот доходивший до него гул европейского «общественного мнения» и хвастливые шведские уверения в близком завоевании Москвы.

Особенно громко этот ликующий хор, восхвалявший нарвского победителя, был слышен в протестантской Германии. В широких массах северогерманского бюргерства жива была традиция восторженного преклонения и обожания Густава Адольфа, шведского короля, который в конце 20-х и начале 30-х годов XVII в. принял участие в Тридцатилетней войне на стороне союза протестантских князей, бил армии католической Австрии и хотя делал это исключительно для приобретения экономических и политических выгод для Швеции, но в глазах лютеранских пиэтистов остался в ореоле святого мужа, покровителя протестантизма, чем-то вроде Георгия Победоносца, топчущего римско-католического змея. По наследству эта репутация перешла и к Карлу XII, который избрал себе как образец для подражания именно своего пращура Густава Адольфа.

Победа Карла XII над «нечестивым» царем привела в Германии многих в восторг. Даже была создана специально после Нарвы философия о «богом навсегда назначенных границах государств»: «Такою роковою границею представляется Лифляндия и Ливония (sic — *Е. Т.*) для московского государства». Поэтому победа Карла XII «скорее должна почесться за дело божеское, чем человеческое». Петр потерпел поражение, «потому что он захотел поступить вопреки определению божию», ибо господь раз навсегда повелел, чтобы Прибалтика была «шведской, а не русской» [37].

Битва при Нарве в 1700 г. была проиграна, и Петр объяснял шведскую победу («викторию») прежде всего полной необученностью русских войск, еще вовсе не бывавших в деле: «Итак, над нашим войском шведы викторию получили, что есть бесспор-

но. Но надлежит разуметь, над каким войском оную получили. Ибо один только старый Лефортовский полк был, да два полка гвардии были только у Азова, а *полевых боев, паче же с регулярными войсками,* никогда не видели: прочие же полки, кроме некоторых полковников, как офицеры, так и рядовые сами были рекруты. К тому ж за поздним временем и за великими грязями провианта доставить не могли, и единым словом сказать, казалось все то дело яко младенческое играние было, а искусства — ниже вида». Поэтому Петр и считал неудивительным, что прекрасно обученное, закаленное шведское войско победило: «То какое удивление такому старому, обученному и практикованному войску над такими неискусными сыскать викторию?»

Но сейчас же после этой тяжкой неудачи в России началась кипучая работа над созданием регулярной армии нового типа. Эта армия создавалась в течение нескольких лет, и в результате получилось рекрутируемое по набору войско, вовсе не похожее на шаблон европейских армий. Петр и его помощники строили новое на старой, самобытной национальной основе и не только брали казавшиеся им пригодными образцы с Запада, но и вносили ряд очень удачных новшеств и в дело управления конницей, и в саперно-инженерную часть, и в развитие и управление артиллерийской службой, и специально в дело осады укреплений, когда Василию Корчмину и другим создателям русской артиллерии приходилось считаться с такими трудностями обстановки, о которых французский классик этой специальности Вобан не имел понятия.

И это трудное и не терпящее отлагательства дело приходилось вершить параллельно с другим, не менее спешным и неотложным: созданием новых пороховых оружейных заводов, артиллерийских мастерских, наконец, морских верфей.

Для России Нарва была жестоким толчком, ударом, грубо напомнившим *о нависшей над страной опасности.* Урок был очень суров, но русский народ воспользовался им с предельной энергией.

Робкие, несистематически проводимые мероприятия по созданию регулярной армии были уже в допетровской России. Была, правда в очень несовершенном виде, зародышевая форма комплектования по набору от всего населения: «даточные» — это прямые предшественники петровских рекрутов.

И нужно сказать, что Петр, проводя свою военную реформу на уже имевшемся национальном фундаменте, создал в конце концов русскую армию гораздо более высокого типа, чем чисто наемные армии большинства тогдашних европейских государств. Это была армия, более сознававшая свою связь с народом, откуда она бралась, и имевшая то чувство родины, которого не

было и в помине, например, в прусской армии того времени и в других завербованных наемных армиях много позже. Петровская армия по самому существу дела, по самой своей природе была армией уже нового образца, имевшей национальный характер, а не характер устарело-средневековый, вроде ландскнехтов или войск итальянских кондотьеров, как войска других держав тогдашней Европы.

Сила шведской армии была, между прочим, именно в том, что она тоже, как и армия петровская, не была в основной массе наемной, а была национальной, хотя и в меньшей степени, чем русская [38]. И Россия выиграла войну, помимо всего прочего, также и потому, что после Нарвы успела создать армию повышенного, передового типа. Карл бил и датчан, и поляков, и саксонцев без перерыва, а русские, проиграв бой под Нарвой, начали бить (и тяжело бить) шведов уже на другой год после Нарвы. И поражения и победы перемежались в долгой борьбе обеих наций, пока под Полтавой история не произнесла свой окончательный суд в этом долгом состязании.

Армия росла и улучшалась с каждым годом. Особенно в первые трудные годы в России внимание ведущих генералов часто обращалось на выяснение недостатков русской армии. Вот как перечисляет их Алларт (Allart. Он называется так чаще, чем «Галлартом», и Петр тоже называет его Аллартом): «1) Конница часто без пехоты, пехота без конницы в некоторых корпусах; от того великий вред, одно без другого быть не может; 2) мало инженеров и искусных офицеров; 3) разнокалиберное оружие: в иных полках до 6 калибров; 4) великий недостаток в провиантском устройстве: солдаты несут на себе хлеб и бросают его от изнеможения; для отвращения сего надобно учредить корпус хлебников до 600 человек; 5) нигде на свете не теряется так много пороху на учение солдат, как здесь: трата бесполезная, порча ружья. Надобно учить стрелять в цель» [39].

Если вдуматься в пункт 5 этой записки, то заметим любопытное явление, известное нам и из других свидетельств: пороху в России было гораздо больше, чем в других странах, и иностранцы отмечают это неоднократно, прибавляя иногда, что он и лучше европейского. В России выделывается такая масса пороха, что там «порохом дорожат (столько же), сколько песком, и вряд ли найдешь в Европе государство, где бы его изготовляли в таком количестве и где бы по качеству и силе он мог сравниться (со здешним)» [40],— пишет датский посланник в России Юст Юль в мае 1710 г.

Следует признать, что нарвское поражение вовсе нельзя рассматривать как событие, создавшее, так сказать, на пустом месте петровскую регулярную армию. Если система даточных и набора «вольницы» сменилась окончательно в 1703 г. системой

регулярных рекрутских наборов, то в смысле обучения строевой службе и стрельбе очень много делалось уже после азовских походов. С кавалерией и особенно ее обучением дело обстояло до Нарвы значительно хуже, и тут в 1701—1707 гг. пришлось очень много потрудиться. Но, например, артиллерия не только существовала и играла известную боевую роль до Нарвы, но уже в 1697—1698 гг. Петр организовывал новые работы по литью пушек на Пушечном дворе, и артиллерия, потерянная под Нарвой, была довольно многочисленной.

Установление в 1703—1705 гг. последовательными указами и распоряжениями системы комплектования рекрутскими ежегодными наборами, очень повышенные требования к лицам, которых берут в командный состав, усиленное воинское обучение и выработка из неумелых рекрутов исправных воинов, специальная постоянная забота об обучении стрельбе, ратному строю — все это создало со временем прекрасную регулярную армию. Конечно, далеко не сразу после жестокого нарвского поражения могла возникнуть эта новая русская армия, и много страданий и неудач суждено было ей еще испытать, пока не наступил увенчавший ее окончательно победными лаврами Полтавский день. Но вместе с тем крайне ошибочно было бы думать, что за восемь с лишком лет, прошедших между Нарвой и днем Полтавы, шведы оставались неизменно победоносными. Они успели претерпеть ряд очень тяжелых поражений от этой молодой русской армии, когда она только строилась. И эта молодая, еще не такая умелая армия, нуждавшаяся в искусных офицерах и генералах, успела уже до Полтавы взять у шведов ряд обширных и богатых владений на берегах Балтики.

Русская армия была сильна храбростью, была сильна численностью. А после нескольких первых лет тяжкой войны стала сильна организованностью и воинским искусством нижних чинов и офицеров.

Русской пехоты во время шведской войны и в первые годы после нее было по штату около 70 тыс. человек. Конница состояла из 33 драгунских полков общим числом в 37 850 человек. Кроме этой регулярной, была нерегулярная конница: казаки, калмыки, башкиры, в меньшей степени татары, число которых сильно варьировалось в зависимости от места и момента.

Наконец, артиллерия была организована так: каждый полк пехоты имел две трехфунтовые пушки, каждый полк конницы — по одному орудию — это в общем и была так называемая полковая артиллерия. Кроме того, существовала организованная в отдельном штате полевая артиллерия — 21 орудие. Этот отдельный корпус артиллерии подбрасывался полностью или частично туда, где это было нужно. Это число (21 орудие) не было постоянным, во время нашествия Карла XII оно возросло до 30.

Кроме полковой и полевой артиллерии, Петр с большой заботой относился уже с самого начала Северной войны к организации осадной артиллерии, и в разгаре войны осадных тяжелых орудий в России было уже 160. Артиллеристов и всей артиллерийской прислуги разных наименований при полевой и осадной артиллерии числилось 4 тыс. человек с лишком.

Такова была регулярная армия, созданная Петром. Но, кроме того, существовали гарнизонные полки, как пехотные, так и конные (драгунские), несшие службу в крепостях и неукрепленных городах. Их считалось в общем от 60 до 70 тыс. человек. Боевая ценность гарнизонных войск была, по отзывам современников, ниже сравнительно с полевой армией.

Наиболее трудно установить в точности, сколько было в распоряжении Петра нерегулярных войск. И источники и вслед за ними военные авторы дают неодинаковые цифры. Украинских казаков считают около 15 тыс., а донских одни считают меньше 1 тыс., другие — больше 5 тыс.; уральских и заволжских уроженцев считают до 15 тыс., т. е. столько же, сколько и украинских казаков, что не очень правдоподобно.

Основным оружием пехоты было ружье со штыком («багинетом»), для кавалерии — ружье без штыка. Пики были одним из главных предметов вооружения только в полках нерегулярной конницы, которая, однако, тоже была снабжена ружьем. Пики были, но в очень ограниченных размерах, и в регулярных полках для назначаемых в караулы и в разъезды патрулями. Коннице были даны пистолеты и сабли (палаши), но вообще петровские кавалеристы больше всего и успешнее всего действовали холодным оружием, били пикой, «ходили в палаши». То же нужно сказать и о пехоте: ружейный огонь, конечно, играл важную роль и с каждым годом, по мере успехов в обучении стрельбе, все более и более, но все-таки штык оказывался сплошь и рядом оружием, которое в значительной степени решало дело.

Следует подчеркнуть, что в первые годы шведской войны русская артиллерия начинает играть очень крупную роль и в полевом бою, подготовляя рукопашную схватку (так было, например, при Полтаве и в других случаях), и при осаде городов. Можно без преувеличения сказать, что одним из элементов русской окончательной победы и шведского разгрома была быстро возраставшая сила русской полевой и осадной артиллерии и параллельно происходивший упадок артиллерии шведской. Карл XII не очень ценил, потому что не весьма понимал роль артиллерии, которую и вообще тогда еще далеко не все и не всюду в Европе оценивали по достоинству. Но Петр своим гениальным чутьем пошел и тут по новому и верному пути и нашел прекрасных помощников и исполнителей. «Он был, как и я, артиллерийским поручиком!» — с восхищением повторял о Петре I Наполе-

он, разговаривая в 1812 г. в Кремле, в комнатах Петра, со своим генерал-адъютантом графом Нарбонном. Наполеон явно не считал простой случайностью или капризом желание Петра Алексеевича проходить военную службу и «чины добывать», числясь именно по артиллерии. Будучи сам с ног до головы военным человеком, французский император, прекрасно знавший историю развития военного дела, обратил внимание на то, что Петр был полководцем, гораздо раньше многих других в Европе оценившим значение артиллерии.

При создании флота Петр, пожалуй, еще большее значение придавал морской артиллерии, чем при вооружении армии — сухопутной. Русские моряки шли на абордаж, т. е. на рукопашный бой, с такой же готовностью, как и солдаты, но сама природа морского боя была другая, и хорошее артиллерийское вооружение предохраняло русские суда от опасности быть расстрелянными и потопленными врагом, снабженным более дальнобойными орудиями.

Немедленно после Нарвы принялись за литье пушек, свозили отовсюду металл, снимали церковные колокола, и это более всего поражало воображение современников. Важнее всего был, конечно, быстрый подъем и рост уральских заводов. Заводы были и до Петра, но Петр именно теперь лихорадочно строил заводы. 4 марта 1702 г. Петр указом Демидову повелел «умножить» производство «всякого литого и кованого железа», чтобы можно было обходиться без шведского импорта («без постороннего свейского железа»). Демидовские железоделательные и оружейные заводы были самыми крупными, но далеко не единственными. Великолепная уральская руда снабжала все эти заводы и оружейные мастерские прекрасным материалом, возбуждавшим зависть иностранцев [41]. Вооружение русской армии вообще и артиллерии в особенности получило отныне прочную базу.

12

А. А. Виниус (сын переселившегося в Россию еще при Михаиле Федоровиче А. Д. Виниуса, открывшего чугуноплавильный завод близ Тулы) получил поручение от царя создать в самый короткий срок артиллерию и очень ретиво и успешно взялся за дело. Трудности были большие, меди в России было сколько угодно, но ни ее добыча, ни транспорт не были организованы, и пришлось забирать колокола с церковных колоколен. Мастеров-плавильщиков было мало. И все-таки дело шло быстро.

А. А. Виниус, давно уже живший и много добра наживший в России еще до воцарения Петра, был ловким и очень оборотистым человеком, и Петр, например, очень хорошо знал, что

Виниус как-то сильно сплутовал, за что и пострадал чувствительно, когда заведовал почтой. Царь его даже и открыто укорял в этом, причем Андрей Андреич *не обижался*. Но что же Петру было делать? Где было искать хороших, опытных плавильщиков, да еще и безукоризненно честных, когда времени терять нельзя было ни одного дня? Виниус поручение выполнил хорошо [42].

Уже в 1701 г. были отлиты 273 пушки различных калибров, а в 1702 г. к ним прибавилось еще 140, а в следующие годы эта работа продолжалась в неослабевающих темпах. Изготовлялись одновременно и снаряды всех калибров в очень большом количестве. Роль русской артиллерии при взятии Ниеншанца, Нарвы, Дерпта была громадна. Следует заметить, что Петр создал конную артиллерию, т. е. ввел впервые в военной истории артиллерию в полевые сражения в таких размерах, как этого до него нигде в Европе еще не было. Во Франции, например, конная артиллерия стала играть роль лишь в годы революции и при Наполеоне, т. е. спустя много десятилетий после Петра.

В 1700—1708 гг. русская армия получила в общей сложности 1006 вылитых медных орудий. За другие годы таких точных сведений нет. Точно так же нет подсчетов и по литью чугунных орудий, известно лишь, что это производство шло весьма деятельно [43]. Граф Яков Брюс оказался замечательным организатором артиллерийского дела в России. Его очень дельным помощником был А. А. Виниус. Неустанно готовились большие кадры обученных артиллеристов. Плачевный пример шведов под Нарвой, которую русские 9 августа 1704 г. взяли, хотя в крепости было 432 орудия, а в соседнем Ивангороде — еще 128, показал, что значит не иметь подготовленных канониров: у русских под Нарвой было всего 66 пушек и 34 мортиры, но все эти орудия действовали, а у шведов лишь небольшая часть их орудий могла отвечать, потому что стрелять было некому. Появились и артиллерийские начальники, превосходно умевшие схватить обстановку и быстро решить, где целесообразнее всего поставить батареи. Из таких петровских артиллеристов «первого призыва» отличался Василий Корчмин.

Петр поставил также одной из главных своих задач снабдить организуемую им регулярную армию дельными саперами и инженерами. Искусство брать и защищать укрепления было очень мало известно в России. Заметим, к слову, что оно ненамного больше было тогда известно и в Швеции.

В сущности одним из первых последствий нарвского поражения 1700 г. было основание инженерной школы в Москве в 1701 г. В ней было всего сначала 26 человек, и курс учения был годичный. Впоследствии готовившихся в ней инженеров, минеров и саперов было уже 150. Вторая подобная школа была открыта в Петербурге в 1719 г. Курс преподавания был расширен

в 1723 г., когда велено было присоединить московскую школу к петербургской.

Инженерный корпус был в конце царствования Петра (уже после Ништадтского мира) подчинен особому управлению, «инженерной конторе», но нам важно отметить, что не прошло и четырех лет после нарвского поражения, как та же Нарва была взята русскими войсками после проведенной по всем правилам искусства осады, подошедших к самому городу траншейных работ и усиленной девятидневной бомбардировки из 100 осадных орудий[44]. Если принять во внимание, что в 1704 г. Юрьев был взят на 10-й, а Нарва — на 9-й день после осады, то нужно прийти к заключению, что Петр хоть и уважал знаменитого французского специалиста по атаке и обороне крепостей — Вобана, хоть и велел перевести на русский язык главное его сочинение, но действовал он вовсе не по Вобану, а по своему разумению, круто ускоряя всякий раз момент решающего штурма осажденной крепости.

Не у Вобана, не у немца Штурма, не у голландца Кугорна, тогдашних светил фортификационной науки, нашел Петр и излюбленный им и так блистательно оправдавший себя прием вынесения далеко вперед главного ретраншемента системы отдельных редутов, которым, как увидим при анализе Полтавского боя, так пленил впоследствии одного из видных стратегов-практиков и теоретиков середины XVIII в., Морица Саксонского, справедливо признавшего оригинальность этой мысли русского царя.

По инженерной части у Петра было меньше способных и дельных помощников, чем в области организации, например, пехоты, артиллерии и кавалерии. Были у него (особенно вначале) спешно призываемые на службу иностранцы, но Петр доверял им обыкновенно высокие посты только до той поры, пока у него не оказывался в распоряжении подготовленный русский штат. Во всяком случае его переписка показывает, что никакому из иностранных инженеров он так часто не писал, как русскому инженеру Василию Дмитриевичу Корчмину.

Петр-фортификатор не уступал Петру-полевому инженеру. Гродненский лагерь он укрепил так, что шведы ровно ничего не могли с ним поделать в 1706 г., и осажденной русской армии удалось дождаться нужного момента и ускользнуть от серьезно грозившей опасности.

Петровские инженеры и саперы сумели спешно создать такие укрепления у Новгорода-Северского, у Стародуба, Почепа, Ахтырки, Лебедина, Белгорода, Прилук, Нежина, Коропа, Глухова, Пирятина, Макошина, Сосницы, Липовца и ряда других населенных пунктов, что шведы принуждены были во время похода 1708—1709 гг. или совсем отказаться от мысли брать эти

пункты, очень для них важные, и не приближаться к ним, или, как это было под Веприком, где было старое укрепление и облитый водой, обледенелый вал, брать эти места ценой таких страшных потерь, которые оказались совершенно несоизмеримыми с военным результатом «победы» и вызывали даже у дисциплинированного шведского офицерства громкий ропот.

Клаузевиц, немецкий историк и военный теоретик, «доморощенный гений», как его иронически называл Энгельс, отмечая отсутствие организованных позиций в тылу движущейся армии Карла XII, уподобил походы Карла кораблю, идущему по морю и не оставляющему за собой следов. Но если бы Клаузевиц не игнорировал русскую военную историю XVIII в., то он не удовольствовался бы этим литературным образом, но получил бы исчерпывающее объяснение правильно им отмеченного и абсолютно непонятого факта. Можно как угодно критиковать Карла XII как политика и стратега, но неужели этот часто неуравновешенный, незаурядный, однако, человек, тактик, энергичный военный вождь, долгое время непобедимый, понимал меньше, чем немецкий кабинетный военный гелертер, такую простую истину, что гораздо предпочтительнее, и прежде всего безопаснее, иметь за собой прочно занятые тыловые позиции, если это возможно, нежели не иметь? Когда Карл занимал части Польши и затем Саксонию, он всегда имел обеспеченный тыл. Но в 1708—1709 гг., когда ему так страшно важно было иметь укрепленный тыл, он его не имел не потому, конечно, что такова была его капризная фантазия, а потому, что это оказалось для него невыполнимым. Если бы немецкие историки (в данном случае Ганс Дельбрюк мало чем отличается от старого Клаузевица) сколько-нибудь внимательно изучили шведское нашествие на Россию, то они ознакомились бы с двумя немаловажными деталями: с успехами Петра и его военных инженеров, саперов и минеров по части укрепления населенных пунктов и с размахом русской народной войны, удваивавшим и утраивавшим силы русских военных гарнизонов, потому что все гражданское население вставало на защиту своего города. Карл не создал себе на походе в Россию тыловой связи только потому, что русские не позволили ему это сделать.

13

Нарвское поражение было тем тяжелым ударом, который заставил Петра и его окружение самым серьезным образом приняться за создание регулярной армии нового типа и за оснащение и вооружение как 23 тысяч человек, ушедших из Нарвы и явившихся в Псков и Новгород, так и новобранцев, спешно призванных.

Но как ни торопился Петр, а обучение этой совсем неопытной, ровно ничего не знавшей молодой армии, снабжение ее новым оружием и новой артиллерией и хотя бы самой незначительной саперно-инженерной частью — все это требовало минимально 2—3 лет. *Между тем перед нами точный факт: через* 11 месяцев и 10 дней после Нарвы происходит большое и удачное для русских новое военное столкновение со шведами, за которым следует в 1702—1703 гг. овладение Ингрией и Карелией.

Как стал возможным подобный оборот дел? Этот вопрос очень занимал тогдашнюю европейскую дипломатию. Объяснение было налицо: Карл XII уже в 1701 г. обратил свое оружие против Августа II, вошел сначала в так называемую польскую Пруссию, углубился в польские владения и, как выразился Петр, «увяз в Польше». Этот стратегический и политический шаг, оказавшийся в свете позднейших событий в глазах Петра ошибкой шведского короля, был продиктован опасениями Карла, не желавшего перед походом на Россию оставлять в тылу не ликвидированного окончательно польского врага. Ошибка была не в движении Карла на Польшу, которое имело свои серьезные основания со стратегической точки зрения. Неисчислимый вред Карлу принесло только то, что он *на много лет* «увяз» в Польше. Он превратил Польшу на долгие годы в главный театр войны, увлекся завоевательными прогулками и успехами в Польше и Саксонии и лишь весной 1708 г. обратился против России с главными своими силами.

Петр делал, конечно, все возможное, чтобы его ненадежный, слабый, всегда с ним хитривший союзник Август не последовал примеру Дании и не сложил оружия. Царь шел во время переговоров в Биржах в феврале 1701 г. на значительные уступки в пользу Польши и при позднейших негоциациях дьяка Бориса Михайлова, Мазепы и Посникова с представителями Августа II (уже в Варшаве) вел ту же политику, но неумеренные аппетиты Августа, понимавшего трудное положение Петра в тот момент, в конце концов встречали все же должный отпор [45]. Разумеется, помогло Петру и в 1701 г. и в ближайшие годы упорное и тогда уже ставшее общеизвестным требование Карла XII, чтобы Август II был низложен с польского престола. Правда, хлопоча о низвержении Августа, Карл забыл, что существует еще польский народ, который вовсе не так уже готов покорно и беспрекословно подчиниться ставленнику шведов Станиславу Лещинскому. У Августа в конце концов и выбора другого не было, как оставаться «верным» соглашению, а потом и союзу с Россией. Августу явственно очень долго казалось, что, пока за ним прочно остается наследственное саксонское курфюршество, продолжая оставаться в «союзе» с Петром, он рискует в худшем случае лишь потерять часть Польши, а заключая мир с Карлом, он

безусловно теряет, согласно неумолимому требованию шведского воителя, польский трон. Но, когда в 1706 г. военные события привели шведскую армию в Саксонию, Август покинул Петра и сделал это самым трусливым, самым коварным и предательским образом.

Победа Меншикова под Калишем заставила Августа лишь поторопиться бежать в Саксонию, куда уже шел Карл. Август не верил в прочность русского успеха, Польша казалась потерянной, и он был готов ценой каких угодно уступок спасти свое саксонское наследственное курфюршество. А Петру крайне важно было, хотя бы делавшееся все более и более слабым, участие Польши в активной борьбе против Карла XII, и царь делал все, чтобы предупредить «выход» Августа из войны.

Уже 17 апреля 1701 г. к генерал-губернатору новгородскому князю Никите Ивановичу Репнину пошла из Посольского приказа грамота, повелевающая ему идти к «королевскому величеству польскому в случение с саксонскими войсками» в Динабург и там стать под команду короля Августа.

А спустя несколько дней, 1 мая, к нему же, князю Никите, послана была и вторая грамота, в которой князя предупреждали, что ближний боярин Федор Алексеевич Головин имел разговор с посланником Августа фон Кенигсеном вот по какому поводу: «токмо ныне ведомо учинилось», что шведский король находится «близь Лифлянт границы», а потому есть опасность внезапного нападения шведов на Репнина. Посланник обещал сообщить, куда нужно, о необходимости поспешить соединением саксонских и русских войск. Но Петр не очень верил этому и писал из Воронежа в Посольский приказ: «О князь Никите, и мы гораздо думаем и зело хорош совет кенигсеков, только извольте в том гораздо через нарочных посыльщиков проведывать про рушенье их войск». Царь опасается, как бы не обманули союзники, как оно было под Нарвой, когда Ланг обнадежил «рушением», «а того и в слух не бывало» [46].

Неправильно было бы все-таки считать, что Карл XII сейчас же после первой Нарвы проникся тем характерным для него (погубившим его в конце концов) пренебрежением к Петру и к русской армии, которое, неизвестно, впрочем, насколько искренне, он всегда проявлял впоследствии. Нет, Карл именно на первых порах, девятнадцати лет от роду, как это ни удивительно констатировать, проявил больше проницательности, осторожности и понимания общей стратегической обстановки, чем в дальнейшей своей полководческой карьере, когда успехи в Польше и Саксонии вскружили ему голову и внушили ему мысль о полной непобедимости. После Нарвской победы он все же настолько опасается русских, что оставляет около 15 тыс. человек своих войск для охраны шведских владений в Ингерман-

ландии и Эстляндии и вручает командование над двумя отрядами, оставленными в Прибалтике, Шлиппенбаху — в Эстляндии и Кронхиорту — в Ингерманландии. По тогдашним масштабам выходило, что Карл считал необходимым больше чем на добрую треть ослабить свою действующую армию, с которой он решил начать завоевание Польши, лишь бы быть спокойным за Прибалтику. Кроме войск, оставленных Шлиппенбаху и Кронхиорту, Карл поместил особый гарнизон в Риге, отдав начальство над ним генерал-майору Стюарту.

Не довольствуясь этим, Карл XII решил произвести большую диверсию на севере против Архангельска.

Но шведский король впоследствии и не думал повторить эту попытку диверсии. Все больше и больше пленяли его победы в Польше, и все возможнее и ближе представлялась Карлу соблазнительная перспектива обращения ее в вассальную державу.

1 декабря 1701 г. Карл напал с отрядом в несколько сот человек на польскую армию Огинского, которая была охвачена паникой, бросилась в разные стороны, и шведы без помехи вошли в Ковно. Вскоре вслед за тем была занята и Вильна. Поляки, придя несколько в себя от неожиданности, кое-где стали оказывать активное сопротивление, и воеводе Вишневецкому удалось воспользоваться оплошностью одного шведского отряда, слишком самонадеянно углубившегося в страну без должной разведки, и разбить его. Но в общем силы Августа успеха не имели, и Карл нашел целесообразным просто согнать польского короля с престола и посадить на его место кого-либо другого. Дело облегчилось тем, что в Польше существовала довольно сильная партия, уже задолго до шведского вторжения мечтавшая отделаться от Августа. Серьезных препятствий к осуществлению замысла было всего два: во-первых, саксонские отряды, поддерживавшие своего курфюрста Августа на его польском королевском престоле, и, во-вторых, русские, начавшие просачиваться в Литву, как это и было условлено между Петром и польским королем особым договором. Но с саксонцами Карл справлялся при боевых встречах легче, чем с поляками.

Мы не можем в работе, посвященной прежде всего шведскому нашествию на Россию, останавливаться на вопросах о размерах и степени энергии сопротивления, встреченного шведами в Польше и Литве. Во-первых, шляхта не только не пошла целиком на поклон к Станиславу Лещинскому, а, напротив, местами сплошь была в стане его врагов. А во-вторых, не из одной шляхты состояла Польша. Угнетенное крестьянское население (хлопы), мещане, торговцы, ремесленники в городах местами оказывали очень мужественное сопротивление шведскому агрессору (особенно в Литве и в более восточных воеводствах). В Белоруссии, например, уже во время похода Карла в 1707 г. в пинском

направлении шведы встречались с чем-то очень близким к народной войне.

Начиналась не в первый и далеко не в последний раз драма польской истории. В польском сейме тогда еще не привыкли, как впоследствии, к мысли о неминуемых и решающих вмешательствах соседних держав во внутренние польские дела, и в сейме многие еще согласны были забыть, что и сам Август оказался на престоле Польши только при поддержке саксонских сил, которыми располагал, но теперь, в 1702 г., дело пошло, как говорится, совсем уже начистоту: Карл XII ничуть не скрывал, что он хочет согнать с престола Августа исключительно потому, что польский король находит более выгодным для государственных интересов Польши союз не с шведами, но с русскими, и что он, Карл, посадит на польский престол кого-либо (он еще даже не сразу и объявил, кого именно), кто будет оказывать беспрекословное повиновение. В сейме понимали также, что избавиться от этого унижения и отбросить шведов прочь собственными силами нечего и думать и что в данном случае союз с Петром хоть и не даст полной уверенности в победе, однако является последним шансом в борьбе против последствий шведского вторжения. Группировка, стоявшая за союз с Россией, наталкивалась на серьезнейшее сопротивление. Имевший громадное влияние на шляхту кардинал-примас Польши граф Радзейовский после некоторых колебаний и оговорок перешел на сторону Карла XII и проповедовал, что московские «схизматики» все-таки еще хуже, чем шведские протестантские еретики. Но сельский люд, который шведские захватчики грабили беспощадно, он никак в этом убедить не мог. Ему внимала шляхта, но и то далеко не везде.

У нас есть также косвенное, но очень серьезное доказательство, что, несмотря на неудачи регулярных вооруженных сил Августа в борьбе против Карла, сопротивление, которое шведы встретили в Польше со стороны населения, пользовавшегося посильной поддержкой со стороны русских, внушало большие опасения шведскому правительству. Совет, управлявший государством в отсутствие короля, не переставал настойчиво советовать Карлу заключить мир с Августом и продолжать борьбу только с Россией. Другими словами, несмотря на стратегические соображения короля об обеспечении своего тыла раньше, чем шведы вторгнутся в Россию, совет находил, что обеспечить этот тыл возможно и должно мирным трактатом с Августом, а не войной с ними и не завоеванием Речи Посполитой. Почему? Потому, что одновременная война с двумя противниками не под силу Швеции [47].

Уже через три месяца после Нарвы государственный совет отослал 25 февраля 1701 г. большой («на восьми листах») до-

клад, в котором говорилось о трудностях и опасностях королевского плана: «Если продолжать войну как против царя, так и против короля Августа, то ваше величество до такой степени погрузитесь в долги, что в конце концов уже невозможно будет добывать деньги для продолжения войны и для управления государством. Мы говорим также от имени бедных чиновников, которые за свою большую работу получают лишь очень малую плату или вовсе ничего не получают и изнуряются со своими женами и детьми, за многих бедняков, которых поддерживает государство. Из чувства подданнической верности и из сострадания к положению обедневшего народа мы просим ваше величество освободить себя по крайней мере хоть от одного из двух врагов, лучше всего от польского короля, после чего Швеция могла бы снова пользоваться доходами от пошлин в Риге». Государственный совет приложил к этому документу другой, из которого явствует, что дефицит при выполнении годового бюджета был равен до войны одному миллиону талеров, а во время войны возрос до восьми миллионов. На это Карл не замедлил ответить, что он не намерен и слушать о мирных переговорах ни с Августом, ни с царем[48]. Но вскоре государственный совет убедился, что и в главной квартире короля существует разногласие. Граф Пипер написал в Стокгольм о своем большом сожалении, что Карл не хочет мириться с Августом, который выставляет очень приемлемые условия. Тогда совет снова и очень настойчиво довел до сведения короля, что страна может погибнуть, если должна будет нести и дальше такие тяжкие расходы на войну. Король ответил на это решительным отказом и категорически подтвердил, что будет вести войну одновременно с Августом и с царем.

Государственный совет пересылал Карлу петиции от провинций, в которых повторялись жалобы на тяжелое положение страны. Но и это оказалось совершенно тщетным. Самые влиятельные, ведущие члены государственного совета Иоган Габриель Стенбок и Бенгст Оксеншерна с беспокойством говорили (при полной поддержке со стороны совета), что Польшу легко победить, но *трудно подчинить*. Эта фраза поясняется в новом представлении Бенгста Оксеншерны, посланном королю уже после нескольких успехов русских войск в Ливонии. У Августа есть союзники, русские и саксонцы. Война против него с целью низвергнуть его с престола будет вдвойне трудна, даже «почти невозможна», так как затрагивает «гордость польской нации». Ясно, что уже в 1702 г. дела Карла в Польше при всех его успехах обстояли не весьма блестяще и что в народе Речи Посполитой проявлялось сопротивление[49]. Бенгст Оксеншерна советует не только мириться с Августом, но заключить с Польшей и Саксонией союз против русской державы. И государственный совет, и влиятельные представители аристократии, и провинциальное

земледельческое дворянство, возглавлявшиеся королевским двором, и старая королева-мать, представительница династии, не переставали писать королю и Пиперу о живейшей тревоге в стране по поводу русских побед под Ниеншанцем, Кексгольмом, об общих опасениях, что русские возьмут Нарву и появятся на Балтийском море. Но что мог поделать Пипер, который вполне был согласен с советом, с двором, с писавшей ему лично вдовствующей королевой-матерью Гедвигой Элеонорой? Он писал в Стокгольм горестные письма и сообщал, что переубедить короля невозможно. Что касается приближенных по главной квартире, то здесь Карл имел большую поддержку, и, чем больше углублялись шведы в Польшу, а затем в богатую Саксонию, тем убедительнее казался беспощадно грабившему поляков (в деревне и городе) шведскому командному составу аргумент короля, что убыток от разорения Ливонии русскими с лихвой покрывается прибылью, которую шведы получают в захватываемых землях [50]. Но эта прибыль давалась недешево: с каждым годом войны становилось очевидным, что привести к полной покорности польский народ, если даже вполне победить и низвергнуть Августа, становится все труднее и труднее и что часть шляхты, которую местами удается привлечь на шведскую сторону, еще не составляет польского народа.

В Центральном государственном историческом архиве Ленинграда сохранился интересный документ, который по своему происхождению связывается, хотя он и не подписан, с полковником И. М. Шуваловым, бывшим впоследствии комендантом города Выборга. Текст документа говорит о военных действиях русской армии, начиная от 2 июля 1702 г. и кончая 22 июля 1703 г. Это чрезвычайно лаконичный дневник переходов и боевых встреч с шведами за означенный год времени. Ничто не может дать такого представления о почти безраздельном господстве русских войск на громадной территории Эстляндии, Ингерманландии и части Ливонии, как этот бесхитростный скупой дневник.

Экспедиция 1702 г. выходит 2 июля из Пскова, а 9 сентября возвращается на зиму в Псков и за это время прогоняет шведов то там, то сям, побивая их многое число и беря обоз на одной мызе, на другой день — на другой. Иногда несколько задерживаются. Например, 14 августа «подошли пехотой под Алест и стали шанцоваться», а за 25 августа уже записано: «Алест взяли». Но чаще даже и «шанцоваться» не приходится. В кампанию 1703 г. из Пскова вышли 27 апреля. Шли походом беспрепятственно и к 8 мая пришли под Ямбург. А 9 мая начали делать шанцы. В 12-й день стали метать бомбы и в 14-й день мая «приняли город и шведов отпустили».

23 мая пошли под Копорье, где шведов сидело 140 человек.

Взяли там же 8 пушек, 13 бочек пороху, 500 ручных ядер и 1000 пушечных ядер. 19 июня пришла к Ямбургу шведская пехота и конница, и того же числа фельдмаршал, прибывший к Ямбургу (4 июня), их разбил. 8 июля фельдмаршал — уже в Шлиссельбурге, а 14-го — идет к берегу моря [51].

Благоприятным для России обстоятельством следует признать прежде всего то, что первые четырнадцать лет ее борьбы с Швецией протекали при связавшей руки всем державам Запада войне за испанское наследство. Франция, всегдашняя союзница Швеции, вела очень трудную борьбу против австрийских Габсбургов и Англии. Австрия была, невзирая на все желание, не в состоянии и думать навязывать себе на шею войну с Россией, пока не был решен вопрос о том, в чьих руках окажется Испания. Наконец, для Англии все отдалявшийся с каждым годом в неопределенную даль и очень проблематический конечный исход войны должен был решить капитальный для британского кабинета вопрос о соотношении сил и на Ламанше и в Средиземном море. А пока этот исход еще не был ясен (т. е. до Утрехтского мира 1713 г.), приходилось воздержаться от более активной политики на Балтике, куда британский кабинет с самого начала войны не желал допускать Россию.

Но это не значило, конечно, что Англия могла вообще отказаться от выбора определенной позиции перед лицом русско-шведского столкновения. Слишком серьезные интересы связывали англичан с Северной войной. Англии пришлось много лавировать, хитрить и изловчаться в течение Северной войны в своих сношениях как с Швецией, так и с Россией. Но следует тут же отметить, что ее позиция в продолжение всей войны в основном всегда была недоброжелательной относительно России. Это относится и к первому девятилетию Северной войны, начавшемуся Нарвой и окончившемуся Полтавой, которым мы тут занимаемся.

Еще до возникновения русско-шведской войны Англия уже успела заключить соглашение с Швецией, нужное ей для комбинаций, касавшихся последних приготовлений к выступлению против испанских планов Людовика XIV. И это соглашение в той или иной мере оставалось в силе в течение ближайших лет войны. Это был по своим прямым последствиям очень вредящий России дипломатический шаг Англии, первый по времени в истории Северной войны. Первый, но не последний. Собственно в неизменно враждебной политике Англии относительно России во весь рассматриваемый период не было колебаний по существу, а просто наблюдалось временами стремление в той или иной мере замаскировать свои цели, один раз больше, другой раз меньше. Англичанам приходилось считаться с необходимостью, пока возможно, симулировать «дружелюбие», готовность к

благожелательному дипломатическому посредничеству и т. п., потому что они высоко расценивали выгодность торговли с Россией и очень страшились голландской конкуренции в портах завоевываемой русскими Балтики и в Архангельске, но при этом старательно избегали оказать Петру какую-либо в самом деле реальную услугу. Так обстояло дело после первой Нарвы, когда их посредничество было желательно. Так было и в 1707 г., когда, получая от Петра подарки за свое мнимое содействие заключению мира с Швецией, лорд Мальборо всячески старался ускорить уход Карла XII из Саксонии и нападение на русские границы. Прямые угрозы Англии и ее открытые приготовления к войне с Россией и попытки в 1718—1721 гг. всеми мерами помешать заключению мира России с Швецией уже выходят за хронологические рамки исследования.

С каждым месяцем пребывания шведского войска в Польше и с каждым новым успехом Карла «шведская партия» увеличивалась, и магнаты со своими феодальными отрядами и свитой из мелких окрестных шляхтичей начали кое-где открыто переходить на сторону неприятеля, вторгшегося в страну, и покидать союзника Польши, заявляя, что они намерены силой поддержать требование сейма об удалении русских из Литвы, куда они вступили *по прямому зову польского короля*. И все-таки среди польской знати, в руках которой находились и сейм и выделенный из сейма правящий сенат, царила большая растерянность, и чувство национального унижения охватывало многих, кто сначала перешел за графом Сапегой в шведский стан. Ведь это было польское поколение, которое еще помнило, как всего двадцать лет перед тем, в 1683 г., польский король, доблестный Ян Собеский, спас Вену от турецких полчищ, осадивших ее. Терпеть теперь такое надругательство, чтобы вторгшийся неприятель гнал с престола законно избранного польского короля только потому, что он защищает польскую землю,— очень многим магнатам и шляхтичам казалось невыносимым. Русские оказывали полякам всякую помощь.

Все эти колебания среди феодальной знати, правившей Польшей, приведшие к тому, что часть польских сил оказалась на стороне шведов, вредили борьбе населения против шведского вторжения и во многих местах подрывали сопротивление страны. Могла ли помочь Августу его прокламация, грозившая самыми страшными наказаниями не только изменникам, но и всем дворянам, которые не явятся на службу со своими вооруженными людьми, вассалами? Король Август торжественно обещал, что все не явившиеся на службу будут преданы «очень мучительной и позорной смерти: у них будут сначала отрублены руки и ноги, отрезаны носы и уши, а затем они будут посажены на кол, или колесованы, или разодраны лошадьми», которых погонят в раз-

ные стороны после того, как виновный будет привязан к ним веревками. Ничего из всех этих угроз не вышло, хотя Август и начал их осуществлять, практикуя, впрочем, больше на вассалах, чем на их господах. Польские войска выбыли из строя, не помогли и саксонцы, спешно вызванные в Польшу. Карл подошел к Варшаве, и столица сдалась. Это произошло 14 мая 1702 г. Петр принимал все меры, чтобы затруднить продвижение шведского короля. Но окружение короля (и позднейшие его панегиристы) полагало, что он в это время якобы шел «от триумфа к триумфу». Но все-таки одна легкая тень не сходила с лучезарного небосклона: пришли крайне неприятные известия из Ливонии. Русские, о которых после Нарвы и говорить будто бы уже не стоило, вдруг не только дерзнули напасть на шведов, но и осмелились разбить их наголову.

14

Громадный моральный эффект произвела первая после Нарвы серьезная военная встреча русских с шведами, происшедшая в самых последних числах декабря 1701 г. и 1 января 1702 г. и названная сражением под Эрестфером. (Шведы называют это селение Эрасфером, а немцы — Эллисфером.)

Вот как рассказано об этом событии в «Журнале Петра Великого».

Генерал Шереметев, стоявший в Пскове, узнал через шпионов, что в Дерпте и его окрестностях находится Шлиппенбах с отрядом в 7 тыс. человек кавалерии и пехоты. Шереметев решил атаковать шведов и пошел из Пскова к Дерпту во главе 8 тыс. человек, имея при себе артиллерию. Но до Дерпта он не дошел, потому что дальнейшая разведка сообщила, что Шлиппенбах стоит в 4 милях от Дерпта. Произошел сначала бой русского авангарда с передовым отрядом шведов. Бой был для русских успешным. Авангард, сделав свое дело, отошел. Это было только началом событий. Получив от взятых в этом деле пленных нужные ему сведения, Шереметев быстро двинулся против главных сил Шлиппенбаха, стоявших у деревни Эрестфер (уже не в 4, а в 7 милях от Дерпта). 1 января 1702 г. произошел бой, который в первые часы был неудачен для русских. Войско только начало переживать реформу и было «яко новое войско — не практикованое», к тому же и «пушки не приспели». Возникло замешательство, «конфузия», и русские отступили. Но тут подошла опоздавшая артиллерия и сразу поправила дело: русская армия снова устроилась и в полном порядке атаковала неприятеля. Сражение, очень упорное с обеих сторон, длилось четыре часа. Русские сломили, наконец, шведское сопротивление и одержали полную победу. Шведы бежали, побросав артиллерию, и

русская кавалерия гнала их несколько миль. Шведские потери одними лишь убитыми были равны 3 тыс. человек, русские потеряли убитыми втрое меньше — 1 тыс человек [52].

Шведские показания оттеняют, что Шереметев решил использовать элемент внезапности, зная, что шведы празднуют рождество, и для ускорения переправил свою армию по льду озера Пейпус на 2 тыс. санях,— и шведы были застигнуты врасплох: жена и дочери Шлиппенбаха лишь совсем случайно не были захвачены русскими. Как всегда, когда шведы говорят о своих неудачах, они преуменьшают численность своих войск и преувеличивают численность неприятеля. Они утверждают, что у Шлиппенбаха было будто бы меньше 2 тыс. человек, а у Шереметева 12 тыс. с сильной артиллерией, да еще вблизи находился резерв в 8 тыс. человек, прикрывавший обоз. Затем будто бы поражение шведов было вызвано еще и тем, что шведская кавалерия состояла из неопытных рекрутов, «полки абосский и карельский были охвачены паническим ужасом» и, бросившись бежать, сбили и расстроили пехоту. Шведы стараются также представить дело так, что русские потери были больше шведских. Все эти смягчения и оговорки не мешают им, впрочем, признать всю серьезность этой тяжкой неудачи.

Петр был в полном восторге. Он произвел Шереметева в фельдмаршалы, наградил щедро офицеров и солдат. Представление о шведской непобедимости впервые испытало большой удар, и этот моральный результат Эрестфера был гораздо важнее стратегического. Царь сознавал, конечно, что еще очень много должно сделать для того, чтобы выучка, дисциплина, организованность русского войска были на должной высоте, и он с удвоенной энергией продолжал начатое тотчас после Нарвы дело.

Было и еще одно обстоятельство, которое учитывали и Шлиппенбах, и Реншильд, и министр граф Пипер, но которое игнорировал Карл и многие прославлявшие его литературные герольды. На этом обстоятельстве стоит остановиться, потому что не только старые, но и новые западные историки Северной войны всякий раз ставят его как бы в укор русским и в похвалу шведам, когда им приходится признавать русские победы, все равно — при Эрестфере ли, или под Калишем, или под Полтавой.

Всякий раз указывается, что, мол, немудрено, если русские там-то и там победили: их было вдвое (или втрое и т. д.) больше, чем шведов. Пишущие так забывают, что ведь это говорит именно в похвалу, а не в порицание русской стратегии. Петр, первоклассный полководец, предвосхитил всеми своими действиями классическое правило, сформулированное лишь спустя сто лет Наполеоном: все искусство войны заключается в том, чтобы оказаться сильнее неприятеля в определенном месте в определен-

ный момент. Петр, точь-в-точь как сто лет спустя и Наполеон, считал, что на войне единственное важное дело — победить, а не блеснуть молодечеством и хвастать тем, что наших, мол, было меньше, а мы победили, или оправдываться тем, что неприятеля было втрое больше и только поэтому, мол, пришлось уступить. Конечно, если бы даже численное соотношение сил под Эрестфером было до такой степени в пользу русских, как это описывается у шведских летописцев и историков Северной войны (а оно было совсем не таково), то и в этом случае вывод был бы один: Петр, посылая Шереметева к Дерпту, и Шереметев, атакуя Шлиппенбаха, действовали совершенно правильно и талантливо использовали ошибку шведской стратегии, оставившей Прибалтику без надлежащих возможностей победоносного отпора русскому натиску.

15

Столкновения на границах расположения двух армий — русской и шведской — продолжались, но не принимали больших размеров в течение полугода после Эрестферского боя. Только 17 июля 1702 г. (по шведскому календарю 18-го) дело дошло до нового серьезного столкновения. Русские снова перешли в наступление по линии Эрестфер — Дерпт, и между городком Гумельгоф и Загнитш (на р. Эмбах) Шлиппенбах потерпел новое жестокое поражение от войск Шереметева. Сначала шведам удалось потеснить русских и даже отбить у них пять пушек (по шведским показаниям — шесть), но затем к полю боя подоспела русская пехота, и неприятель был разбит наголову и не только должен был оставить взятые у русских орудия, но потерял пятнадцать своих. Русские взяли в плен 238 человек, а «остальные от пехоты почитай все на месте трупом положены»,— читаем в «Журнале» Петра. Шведские источники также признают, что в этой битве при Гумельгофе (русские переиначили: «при Гумоловой») почти все, кроме конницы, бежавшей к Пернау (Перново), и кроме нескольких сот взятых в плен, были перебиты, а было у Шлиппенбаха к началу боя почти 2 тыс. человек, и шведы признают, что в самом деле почти все эти люди пали в бою 17—18 июля 1702 г. После сражения Шереметев беспрепятственно прошел всю южную Лифляндию, забирая запасы продовольствия, разрушая укрепления, захватывая пленных. Но фельдмаршал не желал нарушить повеления Петра и не занял Лифляндию (для этого не пришло еще время). Вернувшись в Псков и устроив свою армию близ Пскова и у Печоры, Шереметев остался в полной готовности нагрянуть в любой пункт Ливонской (Лифляндской) земли, куда ему будет указано. После этой второй крупной русской победы в открытом поле и после долгого беспрепятственного господства Шереметева в Лифляндии еще

гораздо больше, чем после Эрестфера, выявлялась воочию непрочность позиции шведских сил в данный момент.

У всякого, кто изучает детально историю этих первых лет Великой Северной войны, возникает, конечно, естественный вопрос: как же относилось шведское правительство к этим серьезным, зловещим предостережениям? Ведь прошло каких-нибудь полтора года с небольшим после Нарвы, и шведы потерпели два тяжких поражения.

У русских на юге Лифляндии уже была наготове армия в несколько десятков тысяч человек, и от этой армии уже дважды бежала в панике шведская кавалерия.

Но на вопрос: как все эти тревожные и неожиданные известия были приняты Швецией, должно дать два ответа. Стокгольмский правительствующий совет был встревожен, хотя часть его членов бодрилась. Но Карл XII, гнавший в Польше короля Августа и шедший из Торуня в Варшаву, из Варшавы в Сандомир, оттуда собиравшийся в Краков, нисколько не был смущен. Им теперь уже овладела окончательно та безмятежная уверенность в конечном успехе (и в очень легком успехе) в борьбе с русскими, которой, как сказано, вовсе не было еще в таких размерах сразу после Нарвы. Теперь, после «великолепных успехов» и якобы «триумфальной прогулки» по Литве и Польше, Карл не хотел отвлекать себя заботами о «неумеющих воевать русских варварах». Если Карл пошел в Польшу, чтобы обеспечить за собой базу для будущего похода на Россию, то он слишком рано удостоверился, будто его прибалтийским владениям уже не грозит ничего и что можно спокойно довести до конца обдуманный план полного подчинения своей воле Польши перед походом на Москву. Нужны были новые тяжкие удары, чтобы в головы шведского командования проник первый, еще очень слабый луч понимания, первая мысль, что, может быть, в самом деле Прибалтике грозит серьезная опасность?

Новые удары последовали. Но мы увидим, что они произвели совсем не тот эффект, которого логически можно было бы ждать и которого в самом деле — это известно документально — ждали в Стокгольме все сколько-нибудь здравомыслящие политики.

«Намерение есть, при помощи божией, по лду Орешик доставать»,— писал Петр Шереметеву еще в январе 1702 г., но все же приходилось поотложить, пока новые успехи русских в Ливонии не развязали окончательно рук для действий в Ингрии, на Ладоге и Неве [53]. Нужно было также подождать, чтобы определилось дальнейшее движение Карла и его главной армии. 5 июня 1702 г. царь мог уже поделиться с Апраксиным двумя хорошими новостями.

Во-первых, король шведский с армией углубляется все далее и далее в Польшу. А во-вторых, «зело великая перемена учи-

нилась, война общая началась; дай, боже, чтобы протенулась (sic — *Е. Т.*): хуже не будет нам»[54]. Так совершенно правильно расценивал Петр, с точки зрения русских интересов, вспыхнувшую весной 1702 г. войну за испанское наследство. Эта война почти на двенадцать лет связала руки Франции, которая воевала против Англии и Бранденбургского курфюршества (Пруссии), связала тем самым руки Англии, Австрии и Бранденбургу, лишила Швецию активной французской поддержки, не дала Англии возможности помочь Швеции и хоть немного остановить вовремя русские успехи на Балтийском побережье, успехи первые и, может быть, наиболее для России важные. Уход Карла из Литвы в Польшу и вспыхнувшая война на Западе между всеми великими державами очень облегчали положение русских в Прибалтике.

Две крупные победы над Шлиппенбахом, постоянные более мелкие столкновения на южных границах Лифляндии или Ливонии, как ее стали все чаще называть по-старому в наших, но не в шведских документах, наконец, то, что сделали в Ливонии шереметевские войска, и оставление их поблизости — в Пскове и близ Печоры — все это было очень рассчитанным и вполне удавшимся первым шагом в поставленной Петром задаче возвращения старорусского Поморья.

Но второй шаг последовал не в Ливонии, а в Ингрии. Все сделанное в 1701—1702 гг. было подготовкой к прочному овладению устьем Невы и предназначено для того, чтобы обезопасить русские вооруженные силы от шведского большого нападения с Запада, от Дерпта, Риги и Ревеля.

Когда Петр к великому своему удовлетворению увидел, что Карл со своими главными силами не только не спешит в Прибалтику спасать свои владения, но, напротив, все больше и больше движется к югу и юго-западу Польши, тогда русское военное командование решительно приступило к делу, катастрофически прерванному первой Нарвой в ноябре 1700 г. Отход на юг сил главной армии врага был немедленно использован.

После удачного первого шага, после подготовки в Ливонии, решено было сделать второй шаг, нанести главный удар в устье Невы, на Ладоге и, конечно, в той же Нарве, не овладев которой все-таки нельзя было двигаться дальше.

Позиция шведов в этих местах была очень сильна. Они фактически владычествовали на Ладоге и имели там флот, который невозбранно высаживал на восточном (русском) берегу озера десанты и беспощадно опустошал русские селения. Петр немедленно принялся создавать озерный флот, который уже в 1702 г. с успехом стал оказывать сопротивление.

Но пока у шведов в руках были две сильные крепости на Ладоге: Нотебург и Кексгольм,— до той поры русские не могли

чувствовать себя сколько-нибудь прочно, и, главное, устье Невы и море оставались недостижимыми.

Нотебург на южной окраине озера был важнее Кексгольма и гораздо лучше укреплен. Уже в ночь с 26 на 27 сентября 1702 г. отряд Преображенского полка в 400 человек подошел к городу и начал перестрелку.

27 сентября подошли значительные силы, и началась осада. К русской армии прибыл из Пскова Шереметев. Помощь, на которую рассчитывал шведский комендант, не пришла: незадолго до начала осады Апраксин разбил наголову на берегу р. Ижоры отряд, высланный против него главноначальствующим шведскими силами в Ингрии генералом Кронхиортом. У этого генерала Кронхиорта были, как осторожно пишут шведские историки, при всей его почтенности некоторые досадные недостатки: он был очень склонен к обогащению за счет казны, неимоверно жесток к населению (даже шведскому) и мало смыслил в военном деле, хотя Карл XII убедился в этом слишком поздно. Что касается его достоинств, то история не сохранила памяти о них, если не считать достоинством то, что ему было уже под семьдесят лет. Существенной помощи Нотебургу он не оказал, и мужественный комендант со своим очень храбро сражавшимся гарнизоном был предоставлен своим силам.

В гарнизоне было 450 человек и многочисленная артиллерия: 142 орудия. Предложение о сдаче, посланное Шереметевым, было отвергнуто, и 1 октября началась бомбардировка, продолжавшаяся с малыми перерывами десять дней.

Русское командование перетащило волоком 50 судов из Ладожского озера в Неву. Русские взяли укрепление на другой стороне Невы, и попытка шведов отбить его оставалась безуспешной. Шведы получили за все время осады лишь подмогу в 50 человек от Кронхиорта. Кроме этих людей, никому пробраться в крепость не удалось. Шведам непременно нужно было попытаться дать тем или иным путем сведения о себе Кронхиорту. Внезапно в русский лагерь явился барабанщик из осажденного города с прошением к фельдмаршалу Шереметеву от жены коменданта, ходатайствовавшей, чтобы женам всех офицеров позволили выйти из крепости «ради великого беспокойства от огня и дыма». Письмо попало в руки сражавшегося в рядах преображенских солдат «капитана бомбардирской роты» царя Петра Алексеевича. «Капитан» вручил шведскому барабанщику такой ответ: к фельдмаршалу пересылать письмо он не берется, потому что ему доподлинно известно уже наперед, что Шереметев не захочет офицерских жен «разлучением опечалити» с мужьями, а поэтому разрешение выйти из города дается лишь с тем условием, чтобы каждая офицерская жена захватила с собой своего мужа [55]. На этом и окончились попытки осажденных как-нибудь

связаться с Кронхиортом. Десятидневная бомбардировка, произведшая страшные разрушения крепости, кончилась взятием Нотебурга штурмом.

После штурма, продолжавшегося с перерывами двенадцать часов, комендант Нотебурга полковник Густав Вильгельм фон Шлиппенбах сдал крепость. Петр дал ему самые почетные условия, как и всему храброму гарнизону: шведы были выпущены из крепости и вышли с распущенными знаменами и музыкой. Они все свободно могли присоединиться к своим, стоявшим в Нарве. Такая же свобода уйти, куда пожелают, или оставаться была предоставлена всему населению. Много потерь стоила русским эта победа. Штурм был необычайно трудным и кровопролитным. «Правда, что зело жесток сей орех был, аднака, слава богу, счастливо разгрызен. Артиллерия наша зело чюдесно дело свое исправила» [56],— писал Петр А. А. Виниусу. Старый русский Орешек вернулся в русские руки и был переименован в Шлиссельбург («ключ-город», открывавший дорогу к овладению устьем Невы).

16

За зимним «роздыхом», если можно так назвать деятельную подготовку к дальнейшим действиям, последовало овладение устьем Невы. 1 мая 1703 г. сдалась Шереметеву небольшая шведская крепость Ниеншанц на правом берегу Невы (у впадения речки Охты в Неву). А вслед за этой «знатной радостью» последовала и другая: шведы, не имея понятия о том, что русские уже овладели Ниеншанцем, явились на взморье, и их эскадра проникла в устье Невы и здесь совсем неожиданно была атакована. После артиллерийской перестрелки русские на тридцати небольших ботах подплыли под огнем к двум неприятельским судам и немедленно бросились на абордаж. Адмирал Нумерс (в «Журнале» Петра по ошибке — Нумберс), потеряв два судна, ушел с остальной эскадрой в море. Оба судна в почти неповрежденном виде, со всей артиллерией (24 орудия), остались в руках победителей. Такова была первая русская морская победа над шведами, и одержана она была в устье Невы, у того самого моря, от которого по Столбовскому договору русские были, казалось, так надежно отрезаны. То было лишь началом исторического русского опровержения слов Густава Адольфа... Все это случилось 7 мая.

А через неделю с небольшим после этих событий произошло еще одно, гораздо более важное: 16 мая 1703 г. на острове Лустон (Луст-Эйланд) на Неве была заложена крепость, первое здание будущего города Петербурга. В ближайшие месяцы русские овладели Копорьем и Ямом (Ямбургом). Вскоре после

этого была фактически занята русскими вся Ингрия (Ингерманландия).

Уже 13 мая 1703 г. Шлиппенбах писал Горну, а Горн доносил (16 июля) в «комиссию обороны» в Стокгольм, что если король немедленно не явится на выручку, то остзейские провинции будут потеряны для Швеции, так как прочно закрепившихся русских нельзя будет оттуда изгнать. Но все эти предостережения были напрасны. «До конца король не допускал даже мысли, что здесь налицо большая опасность. Неслыханно возрастающую силу России он не хотел или не был в состоянии видеть и для большой опасности со стороны русского флота у него тоже не было глаз» [57],— пишет один из апологетов Карла XII, Фердинанд Карлсон.

Следует отметить, что шведский историк и собиратель ценнейших, отчасти теперь уже исчезнувших, документов и повествований по истории Карла XII, Фриксель, писавший и собравший свои документы через сто лет после событий, шведский шовинист, русских не любящий и охотно возводящий на них всякую напраслину, но местами старающийся соблюдать «беспристрастие» (по мере сил), говорит об этом тяжком для его патриотического сердца событии, т. е. отвоевании русскими у шведов Ингерманландии, следующее: «Из многих земель и провинций, которые шведы завоевали в свой блестящий период, Ингерманландия оказалась первой землей, которая снова была ими потеряна. И с этого начался ряд великих потерь, вследствие которых с 1702 по 1715 г. от тогдашней шведской монархии при Карле XII и веденной им войне было оторвано больше половины владений Швеции. Царь, действительно, теперь (после занятия Ингрии — *Е. Т.*) распространил свое владычество до Балтийского моря. Он тем более радовался этой военной удаче, что завоеванная территория первоначально принадлежала России. Таким образом, старая пословица оправдалась: „неправо взятое имущество не приносит добра“» [58]. И он тут же без возражений приводит полностью цитату из библии (из первой книги о Маккавеях), ту самую цитату, которая красовалась на большой карте Ингрии, вывешенной на колеснице во время триумфального въезда Петра в Москву: «Мы ни чужой земли не брали, ни господствовали над чужим, но *владеем* наследием отцов наших, которое враги наши в одно время неправедно присвоили себе. Мы же, улучивши время, опять возвратили себе наследие отцов наших».

Мы видим, таким образом, что занятие Ингрии пошло очень быстро. Ниеншанцем на Неве русские войска овладели 1 мая 1703 г. Через две недели (14 мая) последовала сдача шведами Яма (Ямбурга), а 27-го — сдача Копорья. Фактически вся Ингрия уже в 1703 г. была в руках русских. Но пока Ругодев (или

Ругодив, т. е. Нарва) мог тревожить Ямский и Копорский уезды налетами из крепости, русские, конечно, не считали дела в Ингрии окончательно и бесповоротно завершенными. Петр был очень недоволен тем, что ладожский воевода Петр Матвеевич Апраксин (не смешивать с его родным братом, флотским начальником, адмиралом Федором Матвеевичем) не удержал татар и казаков своего отряда от эксцессов и нарушений интересов и спокойствия жителей и грабительских действий. «А что по дороге разорено и вызжено, и то не зело приятно нам»,— писал П. М. Апраксину царь. Шереметев требовал от П. М. Апраксина, чтобы он обуздал своих конников и удержал их от насилий, «ведаешь, какие люди татары и казаки»,— напоминал он ему. Ингрия стала уже русской провинцией, и негоже было обходиться с населением, как с неприятелем [59].

Овладение крепостями Нарвой, Дерптом (славным отечественным градом Юрьевом, как называл его Петр) и Ивангородом было намечено в качестве основной задачи на 1704 г. Уже в конце января началась подготовка нужной обстановки для успешного выполнения этой задачи. Необходимо было, чтобы Август все же постарался всеми силами задержать в Польше короля Карла с главными силами шведской армии. Царь снова повторяет обещание, данное в договоре с Августом: после победы над шведами, по мирному трактату, отдать Августу Ливонию. Петр старается убедить Августа, что и для него, Августа, очень важно, чтобы поскорее крепости шведов перешли в русские руки, ибо тогда польскому королю не придется «с бесчестьем бежать в Саксонию». Царь напоминает об опасности, висящей над Августом, так как злонамеренные поляки («бешеные и весьма добра лишеные») могут его «с срамом выгнать и весма престола лишить». И, зная хорошо своего союзника, Петр обещает Августу в случае, «естли по сему исполнит», дать ему «200 000 рублеф (sic — *Е. Т.*) ...хотя бы и с лишком», но, впрочем, не авансом, а только в будущем, 1705 г. [60]

С этой инструкцией Паткуль, вновь назначенный русский посланник при польском дворе, и отправился в январе 1704 г. к Августу.

А русские приступили к выполнению намеченной на 1704 г. программы.

Овладение Нарвой, конечно, было в планах русского командования одной из первоочередных задач. У нас есть документ, который определенно говорит, что уже в зиму с 1701 на 1702 г. с русской стороны намечались какие-то активные военные действия под Нарвой. Некий Ивашка Гуморт послал на имя царя письмо, которое 24 мая 1702 г. было прислано А. А. Матвеевым в Посольский приказ, где, по-видимому, оно и переведено на русский язык. С какого именно языка? Вероятно, с немецкого, так

как в нем встречаются неуклюже переведенные характерные немецкие поговорки («как кошка около горячей каши» и т. п.). Судя по всему, Гуморт — русский лазутчик, оставшийся в Нарве, заподозренный шведами и сидевший под караулом. Он — житель Нарвы и имеет там тайные свидания с семьей [61]. Судя по содержанию, письмо относится к весне 1702 г. и содержит в себе сожаления о том, что не удалось использовать зиму для нового нападения на Нарву: «ныне вижу я, что у нас все яко рак вспять идет». Были холода (нужные для похода): 11, 12 и 13 декабря, а также 23, 24 и 25 января. Но потом настала совершенно летняя погода. «Зело жаль что первое время в декабре пропущено, потому что в то время здесь все в безопастве было» (т. е. шведы не береглись). Вообще Ивашка полон скорби и иронии и не может утешиться , что русские недостаточно решительно вели в 1700 г. осаду Нарвы, по его словам, и Нарву и Ивангород можно было тогда взять. Кто такой был этот Ивашка Гуморт и не был ли он не только лазутчиком от русского стана, но и провокатором с шведской стороны, мы не знаем. Петр его сильно подозревал, и Ивашка очень этим обижен: «И еще повседневно слышу, что ваше царское величество всю вину на меня возлагаете в претерпенном уроне, како все вести (слухи — *Е. Т.*) возвещают. И будто я все изменою объявил. Но дай боже, чтобы они кроме того ничего не ведали что от меня слышали...» [62]

Как бы там ни было, ясно, что русское командование, ведя активные действия в Ливонии в 1701—1702 гг., внимательно и *осторожно следило за Нарвой и интересовалось сообщениями* о том, что в городе и вокруг него делается и какие укрепления там строятся.

Попытки нарвского коменданта Горна и Кронхиорта из Выборга внезапными нападениями помешать русским работать по постройке Петербурга окончились неудачей. Горн был прогнан и преследуем до самой Нарвы, где и укрылся; Кронхиорта отбросил от Сестры-реки сам Петр, причем шведский генерал отошел к Выборгу.

Сил для того, чтобы отбить обратно у русских устье Невы, шведам явно не хватало. Да и русское командование не теряло времени. В середине лета 1704 г. на озере Пейпус была полностью уничтожена довольно значительная шведская озерная флотилия под командой Летерн фон Герцфельда, причем погиб почти полностью весь экипаж всех судов флотилии во главе с Летерном. Тотчас после этого Шереметев осадил Дерпт. Необыкновенно удачно пошли дела в это лето 1704 г.

Шведы ждали нападения на Дерпт с суши, но не со стороны реки Эмбах, а Шереметев потерял целый месяц, ведя осадные работы и атаку там, где комендант Дерпта полковник Скитте располагал хорошими укреплениями. У русских было 46 орудий,

у шведов в крепости втрое больше: 133 пушки. Прибывший туда Петр совершенно переменил все планы Шереметева. Он повел атаку со стороны реки, для чего выстроил мост через Эмбах, и перевел туда под самые укрепления часть осаждающей армии. 13 и 14 июля произошел штурм, и город сдался. Почти вся шведская артиллерия (132 пушки из 133) досталась тут в исправном виде русской армии.

После Дерпта очень скоро наступила очередь Нарвы, под которой стояла русская армия Шереметева, собравшаяся сюда после взятия Дерпта, и куда прибыл приглашенный Петром на русскую службу старый, уже отставной австрийский фельдмаршал Огильви.

В Нарве стоял шведский гарнизон в 2 тыс. человек под начальством коменданта Рудольфа Горна. Спасения Нарве не было. Пытавшийся создать диверсию стоявший в Риге Шлиппенбах был тотчас же после того, как с отрядом кавалерии двинулся в поход, разбит наголову русским генералом Реном (Ренне) и отброшен обратно, потеряв из своих 1200 кавалеристов почти тысячу человек. Горн решил защищать крепость до последней возможности. Петр предлагал ему сдачу на самых почетных и выгодных условиях, с правом вывести, куда захочет, весь свой гарнизон. Горн, подобно своему повелителю, совсем не понимавший, кто перед ним находится и каково соотношение сил в Прибалтике, ответил издевательским упоминанием о том, как русские были разбиты под этой же Нарвой за четыре года до этого. Дорого заплатила Нарва за это безумство и за кровавое, совершенно бесцельное сопротивление.

13 августа после кровопролитного штурма русские ворвались в город одновременно с двух концов.

В разгаре боя шведы взорвали мину, и при этом взрыве погибло очень много и шведов и русских.

Последний штурм длился три четверти часа. Сопротивление шведов было отчаянное, и русские солдаты были так разъярены тяжкими потерями, которые они понесли, когда уже всякое сопротивление было явно бессмысленно, что, ворвавшись в крепость, они с большим трудом и далеко не сразу опомнились и прекратили эксцессы. Петр должен был с обнаженной шпагой в руках броситься к солдатам и только этим остановил их. «Всемилостевейший господь каковым счастием оружие наше благословити изволил и где прет (sic — *Е. Т.*), четырмя леты (оскорбил, или наказал, или опечалил — *Е. Т.*), тут ныне веселыми победители учинил, ибо сию преславною крепость, через лестницы, шпагою в три четверти (часа — *Е. Т.*), получили. Хотя неприятель поткопом (sic — *Е. Т.*) крепко наших подорвал, аднакож салдат тем самым устрашити не мог» [63],— писал Петр польскому королю Августу. Не только царь, но и солдаты

вспомнили о бедственном поражении под самой Нарвой за четыре года до того, в ноябре 1700 г.

Играя созвучием слов: «нарыв» и «Нарва», Петр поспешил известить Александра Кикина о блестящей победе 1704 г., совсем загладившей последствия несчастья 1700 г., в таких выражениях: «Инова (sic — *Е. Т.*) не могу писать, только что Нарву, которою 4 года нарывала, ныне, слава богу, прорвало, о чем пространнее скажу сам. *Piter*» [64].

17

Тотчас же после этой важной победы Петр поспешил подтвердить и укрепить свой союз с Августом II. Чем больше Карл XII бил Августа, тем существеннее было для России поддержать союзника, отвлекавшего шведов от Прибалтики.

15 августа 1704 г. представители польского короля и саксонского курфюрста Августа и представитель Петра Федор Алексеевич Головин подписали соглашение об оборонительном и наступательном союзе против шведского короля: «по силе того союза против короля Свейского до скончания сея войны всеми силами воевать, и друг друга не оставлять, и особливого мира с неприятелем не чинить... Дан в завоеванной крепости Нарве... 1704-го, месяца августа 15-го дня» [65].

Это было торжественным и формальным подтверждением договора, предшествовавшего началу Северной войны.

Формальный союзный договор в полном виде был подписан там же, в Нарве, 19 августа 1704 г. [66] Ни единым словом в этом договоре не поминается о каких бы то ни было обещаниях или обязательствах России дать Польше какую-либо часть завоеванных русским оружием прибалтийских провинций Швеции.

В этом 1704 г. Август окончательно показал себя неспособным на серьезное сопротивление Карлу XII. Последний, насколько можно судить по имеющимся пока данным, должен был считаться все же с некоторым сопротивлением населения (особенно в Литве), но он успешно ликвидировал попытки регулярных сил польского короля задержать его движение к югу. И Головин, и после него Шафиров, и другие советники Петра продолжали, конечно, считать в высшей степени важным и полезным возможно более продолжительное пребывание Карла и его армии в Польше, и с этой стороны Август, пока у него были в Польше свои сторонники и пока он не заключил сепаратного мира с Карлом, был при всей своей инертности ценным союзником. Но, конечно, от польского короля никакой активной помощи уже не ждали, «понеже его королевское величество всякого случаю от бою с королем швецким удаляетца и войска свои по возможности соблюдает» [67].

Систематические нападения конницы Шереметева на Лифляндию, начавшиеся еще перед Эрестфером, еще более активизировались в годы после Эрестфера, и в 1703, 1704, 1705 гг. они имели очень большое политическое и стратегическое значение, и, заметим кстати, историки военного искусства в России имеют полное основание отмечать их несходство со старыми допетровскими «бесформенными» кавалерийскими набегами [68]. Забирая продовольственные запасы, опустошая страну, считавшуюся житницей Швеции, Шереметев лишал постепенно и последовательно шведов их ближайшей базы для операций не только против первых русских приобретений в Ингерманландии, но и против Пскова, Новгорода и Литвы, которая и в соображениях Карла XII и в оценке Петра была прямыми воротами, широкой дорогой к русским пределам. Когда Шереметев «изрядно повоевал Лифлянды», то и Петербург, и старые города — Псков, Новгород, а впоследствии и Смоленск — оказались в гораздо лучшем положении перед грозящим шведским нашествием, чем если бы шведы могли опираться на такую прекрасную базу, как Лифляндия.

Политическая сторона дела была также очень важна. Лифляндское дворянство переставало верить в несокрушимость и непобедимость своих стародавних суровых шведских властителей (и грабителей), и число тайных сторонников врага Швеции дворянина Паткуля стало расти. Ливонцы видели, что в тех местах Ингерманландии, где утвердились русские, живется, несмотря на войну, спокойнее, чем в Лифляндии, куда систематически вторгается русская конница, а за ней и пехота. Раньше, чем где-либо в Европе, задолго до Полтавы, в Лифляндии имели все основания начать сомневаться в возможности для шведов справиться с Россией и, наблюдая, что творится у них перед глазами, начали взвешивать шансы, расценивать выгоды и невыгоды подчинения одному или другому из двух борцов, России или Швеции.

В манифесте «о принятии под защиту жителей Лифляндии», изданном в Дерпте в августе 1704 г., правда, еще говорится, что Лифляндия должна будет отойти к Польше, но уже делается крайне существенная оговорка: это присоединение Лифляндии к «короне польской» может состояться лишь тогда, когда «корона польская» будет сама в состоянии оборонять эту провинцию, а до тех пор мы Лифляндию «в наше защищение восприемлем» [69]. Если принять во внимание, что в это время «корона польская», в зависимости от местности и от военных приключений, перелетала с головы Августа на голову шведского ставленника Станислава Лещинского и обратно, то станет вполне ясно, что Петр этим манифестом уже довольно недвусмысленно объявлял всем, кого это интересовало, что ни за что он

Лифляндию Польше не отдаст. После предательства Августа II и подписания им сепаратного мира с Карлом XII в Альтранштадте польские претензии на Лифляндию (Ливонию) были похоронены навсегда.

Мы видим, что русское движение шло с востока на запад последовательно и неуклонно, без невозможной и ненужной поспешности и без опасной медлительности: в 1702 г. была занята Ингрия, 16 мая 1703 г. был основан на Неве Петербург, в 1703 г. началось завоевание Эстляндии, в 1704 г. летом пали два оплота шведского владычества в Эстляндии и Ливонии — Дерпт и Нарва. Война велась русскими планомерно, в логической и географической постепенности. Ливония, периодически подвергавшаяся нашествиям русских военных частей в 1702—1704 гг., была фактически в русской власти. Рига — столица шведской Ливонии — еще держалась. Держались и курляндские крепости Митава и Бауск. Их черед наступил в 1705 г.

Петр хорошо понимал, до какой степени губит шведов их упорное, невежественное пренебрежение ко всему, что делается в России для поднятия боеспособности русской армии: «...пред их очами гора гордости стояла, чрез которую (шведы — *Е. Т.*) не могли... видеть» ухищрений, давших русским победу[70],— писал Петр еще до взятия Нарвы.

Эта «гора гордости» застилала глаза шведского короля целых восемь лет и застилала все перед его взором вплоть до Полтавского дня. Петр писал это по поводу одной удавшейся русской военной хитрости, когда русское командование, руководившее осадой Нарвы, выманило на вылазку шведский гарнизон, причем было перебито много шведов. Эти слова о том, что «гора гордости» долго скрывала от шведов действительность, могли быть применены ко всему дополтавскому периоду Северной войны. Но близилось время, когда Карл XII доказал, что он далеко не совсем впустую терял целые годы в Польше и что, проигрывая свои прибалтийские владения, он немало выиграл в другом месте. Ему, однако, необходимо было еще окончательно оформить и утвердить начатое дело в Польше. И Россия получила передышку еще на год.

18

Карлу в течение всех этих четырех с лишним лет (1701—1705) очень исправно доносили обо всем, что происходит в Прибалтике. Решительно никого он не мог обвинить в том, что от него как-нибудь скрывают или что для него искусственно смягчают все, что творилось сначала в 1701 г.— в Ливонии, в 1702 г.— в Ингрии, в 1703 и 1704 гг.— в Эстляндии, в 1705 г.— опять в Ливонии. Напротив, и Шлиппенбах, и Левенгаупт, и

Кронхиорт делали все зависящее, чтобы втолковать Карлу, что положение становится очень серьезным и что пора подумать о более важных для Швеции делах, чем замена одного польского короля другим и покровительство каким-то Сапегам против каких-то Вишневецких, о которых в Швеции и не слыхивали. Он продолжал при этом верить в то, что состояние русской армии такое же, каким было в ноябре 1700 г. при первой Нарве. Уже после своего тяжкого поражения под Эрестфером Шлиппенбах просил короля о подкреплениях и даже о том, чтобы Карл поскорее вернулся. Но король не обратил на эти просьбы ни малейшего внимания. Конечно, он все более и более должен был видеть, что в самом деле «увяз в Польше», но не так-то легко было оторваться от начатого дела и отказаться от обдуманного плана создания базы перед вторжением в Россию, когда уже были принесены большие жертвы для выполнения этой широко задуманной программы. Многие видели всю опасность и политическую нелепость затянувшегося на долгие годы ухода из Прибалтики шведской главной армии, занятой где-то между Варшавой, Львовом, Краковом, когда теряются одна за другой ценнейшие прибалтийские провинции. Но когда полковник Майдель (лифляндец родом), получив приказ привести к Карлу в Польшу шведский отряд из Финляндии, вздумал своей властью отделить Шлиппенбаху (очень его просившему об этом) 600 человек, то Карл был в большом гневе на Майделя. Когда Карлу говорили о новых и новых успехах русских, он лишь презрительно усмехался. Даже когда пришла зловещая новость о штурме и сдаче Нотебурга, король ограничился следующим утешением по адресу своего удрученного и встревоженного любимого министра: «Утешьтесь, дорогой Пипер! Ведь неприятель не может же утащить к себе этот город!» Русским дорого обойдется эта победа, сказал он кому-то из окружающих, заметивших, что, несмотря на эти шутки, король очень раздражен и обеспокоен. Когда ему донесли о том, что царь заложил на Неве новый город (Петербург), Карл повторил то, что повторял и позже: «Пусть царь трудится над закладкой новых городов, мы хотим лишь оставить за собой честь впоследствии забрать их!» Так как «скрыто от смертных будущее их», то граф Пипер никак не предвидел ни Полтавы, ни того, что ему придется через много лет сначала получить в том самом Нотебурге-Орешке квартиру, а потом и умереть там же после многолетнего пребывания в русском плену [71].

Карлу казалось необходимым, низвергнув Августа, посадить на престол кого-нибудь другого. Все равно кого, потому что новый король, естественно, будет только на шведскую поддержку и опираться. Считаться с голосом самих поляков, даже с желаниями уже существовавшей враждебной Августу

группировки шведскому королю и в голову не приходило. Он сначала хотел посадить на польский престол Якуба Собесского (сына знаменитого короля Яна Собесского). Но Якуба успел перехватить и держать под «почетным арестом» в Саксонии Август. Тогда Карл велел привести к себе брата Якуба — Александра Собесского и предложил престол ему. Тот отказался. В конце концов выбор короля остановился на Станиславе Лещинском.

Пиперу все-таки, когда он наводил справки кое у кого из польской знати, было сказано, что Лещинского мало знают, влияния вне Познани он не имеет, никакой партии у него нет и никогда не было, и вообще в Польше никому никогда и не снилось, чтобы он мог претендовать на польский престол. Но Пипер и Горн, зная хорошо своего короля, поспешили доложить также, что хоть Лещинского мало кто знает, но уж зато, кто знает, те его любят. Все старые и новые, шведские и немецкие авторы одинаково признают, что внезапный сюрприз короля с кандидатурой Лещинского объясняется исключительно тем, что Карлу показалось, что в лице его он найдет вполне послушное орудие. «Благородная внешность молодого дворянина... может быть также мягкость и уступчивость характера расположили Карла XII в его пользу» [72],— пишет с большой откровенностью о внезапной кандидатуре Лещинского один из биографов Карла XII — Карлсон.

24 июня 1704 г. Карл объявил варшавскому сейму, что он желает, чтобы Станислав Лещинский был избран на престол. Через неделю, 2 июля «мягкий и уступчивый» познанский юноша Станислав и был избран польским королем. Ему суждено было просидеть на престоле Речи Посполитой ровно пять лет — от летнего дня 2 июля 1704 г., когда сейм его избрал, до другого летнего дня, 27 июня 1709 г., когда произошло Полтавское сражение, после чего Лещинский обнаружил в полной мере свою «уступчивость и мягкость», ибо без малейших затруднений пошел навстречу желанию Петра, чтобы немедленно и духа его в Польше не оставалось.

Карлу XII и тому же графу Пиперу, его министру, казалось, что, посадив своего ставленника, они завоевали Польшу и прочно обеспечили свой тыл для похода на Москву. А на самом деле не было в течение пяти лет эфемерного царствования этой марионетки ни одного месяца, когда Станислав мог бы вполне спокойно сидеть на своем троне, если бы шведские войска ушли из Польши. Он был лишь шведским орудием порабощения польского народа.

Серьезное значение в шляхте имели в эти пять лет две партии, раздиравшие Польшу на части: шведская и русская. Станислав Лещинский и Август и приверженцы того и другого

всегда твердо знали, что их участь решится исходом нескончаемого, гигантского русско-шведского состязания. Но шляхта не составляла еще всего народа.

Мы не пишем тут историю польского народа в эти годы, когда и шведы и русские войска вели между собой войну на польской территории, но, насколько можно судить по архивным данным и по вышедшим томам «Писем и бумаг Петра Великого», шляхта местами тяготела больше к Лещинскому, чем к Августу II, а «хлопы», простолюдины лучше уживались с русскими, чем с шведами, и ни разу русским властям не приходилось издавать таких варварских распоряжений против польского народа, как те, на которые так щедро было шведское командование. Но для прочных выводов надежных и полных материалов в нашем распоряжении не было.

Нужно сказать, что Петр в свою очередь избегал раздражать поляков. Узнав, что русские, уходя из города Броды, увезли с собой пушки и что поляки «негодуют», царь, велит объяснить полякам (и «обнадежить» их), что эти пушки вывезены только потому, что иначе попали бы в руки шведов, и поставлены они будут «в крепости полские Могилев и Быхов» [73]. Русские оказывали всякую помощь полякам, бравшимся за оружие против шведов.

Еще 23 июня 1705 г. Петр объявил Польше, что он ввел свою армию в их землю на основании заключенного им (еще в 1703 г.) союзного договора с законным польским королем Августом II. Через две недели после этого манифеста царь уже был в Вильне. Здесь дальнейшее движение задержалось, потому что пришла печальная весть о поражении Шереметева в Курляндии. Шведы называют это сражение (15 июля 1705 г.) по имени селения Гемадертгоф, русские — по имени Мур-Мызы. Еще немало неудач и даже несчастий пришлось испытать русской армии, недостаточно еще обученной, с незначительными еще пока запасами артиллерии. До поры до времени артиллерия шведов еще превосходила несколько русскую. В 1708—1709 гг. положение круто изменилось в нашу пользу. «Некоторый несчастливой случай при Мур-Мызе,— писал царь Шереметеву,— учинился от недоброго обучения драгун (о чем я многажды говоривал)». Но Петр вместе с тем утешал Шереметева, указывая, что неудачи даже бывают полезны. «Не изволте с бывшем нещастии печальны быть (понеже всегдашняя удача много людей ввела в пагубу), но забывать и паче людей ободривать» [74],— писал царь Шереметеву 25 июля 1705 г.

Пришлось отложить намечавшуюся осаду Риги, тем более что победоносный Левенгаупт стал там со своей армией. И тогда-то ранней осенью последовала, как бы в подтверждение слов Петра, за «неудачей» большая «удача».

В первой половине сентября после довольно долгой осады сдалась русским войскам Митава (4 сентября 1705 г.), а спустя неделю — город Бауск с крепостью. Добыча была большая: 326 пушек, причем были взяты редкие тогда в русской армии 35 больших гаубиц в Митаве и 8 гаубиц в Бауске. Петр торжествовал больше всего потому, что эти два события задерживали курляндскую армию шведов и отрезали ее от Польши: покорение Митавы «великой есть важности понеже неприятель от Лифлянд уже весма отрезан, и нам далее в Полшу поход безопасен есть»,— писал он Федору Юрьевичу Ромадановскому.

Теперь уж явно на долгое время Прибалтийский край переставал быть главным театром военных действий. Можно сказать, что война продолжалась из-за Прибалтики, но не в Прибалтике. По крайней мере только во второй половине 1708 г. там снова произошли крупные военные события. Но и тогда было, как и в 1705 г., ясно, что не на берегах Балтийского моря решится участь *сухопутной* русско-шведской войны. Оба противника это одинаково хорошо в тот момент понимали.

Для Карла потеря Митавы и Бауска, да еще с такой особенно досадной, тяжелой утратой, как громадная по тем временам артиллерия, была поводом лишний раз укрепиться в мысли, которую он неоднократно высказывал в разных выражениях, когда Левенгаупт, или Реншильд, или (реже) граф Пипер пытались обратить внимание короля на необходимость отвоевать обратно хоть часть занятых русскими прибалтийских шведских владений. Зачем думать о Ниеншанце или Нотебурге, или Митаве и Бауске и даже об угрожаемой Риге, когда все разрешится самым желательным финалом в Москве? Значит, очередная задача — окончательно прибрать к рукам Польшу и, обеспечив свой тыл и усилив себя войском поляков, которых так или иначе возможно будет принудить к союзу, идти спокойно прямой дорогой на Могилев — Смоленск — Можайск — Москву.

Но и у Петра уже с ранней осени 1705 г. тоже был готов не менее логический план, диктовавшийся как политическими, так и стратегическими соображениями, причем игру Карла XII царь понял весьма хорошо, хотя, может быть, в тот момент ему еще и не были известны все «изречения» Карла XII о Москве и обо всем, что король шведский там собирается учинить с ним и как желает распорядиться Русским государством. Цель войны заключалась в том, чтобы: 1) всячески препятствовать Карлу захватить Польшу окончательно, и поэтому должно всеми мерами помогать Августу II и поддерживать войсками и деньгами в Польше Августа против сторонников шведского ставленника Станислава Лещинского. Русское командование при этом помогало не только королю Августу, но оказывало посильную помощь и населению тех мест Литвы и Польши, которые занима-

лись русскими войсками; 2) всеми мерами стремиться к тому, чтобы война шла в Польше и польской Литве, а не в России, и удерживать шведов как можно дальше от русских рубежей, а единственным способом сделать это было оставление в пределах Речи Посполитой русской армии по возможности в тех частях польской государственной территории, которые граничат с русскими владениями, т. е. в Литве, в польской Белоруссии.

Когда пали Митава и Бауск, а Левенгаупт стал у Риги ждать неприятеля и явно боялся начинать немедленно наступательные действия, Шереметев этим воспользовался и, заняв в сущности почти всю Ливонию, кроме Риги, этим сильно подорвал стратегическое значение шведской победы у Мур-Мызы. Отныне русские могли не опасаться, что армия Левенгаупта вдруг нагрянет с севера на Литву. Во всяком случае можно было продолжать задержавшееся движение русской армии, еще летом начавшей свое перемещение через Полоцк и Вильну на Гродно. Еще 28 августа, когда уже участь Митавы была предрешена, русская армия стала собираться из Вильны, где она приостановилась, в Гродно.

Мысль Петра была такова. Пока Гродно в русских руках, литовские магнаты с Вишневецким и Огинским во главе и зависимая от них шляхта будут на стороне Августа (т. е. на стороне русских), и нужно здесь стоять, сколько возможно дольше.

Тут возникла жестокая распря между русскими генералами. Командовал армией, шедшей в Гродно, фельдмаршал Огильви, старик, прослуживший в австрийских войсках 38 лет и на старости перешедший по приглашению царя на русскую службу. Он считал опасным план расположения армии в Гродно и всячески противился этому. А Меншиков, посланный царем тоже в Вильну, а оттуда в Гродно, формально был подчинен Огильви, но фактически перечил ему на каждом шагу. Меншиков убеждал царя не слушать Огильви. Александр Данилович так был крепко уверен в своей правоте, что признался царю в большой дерзости: «Я приказал бумаг фельдмаршала Огильви к вашей милости мимо меня не посылать, опасаясь, чтобы своими бездельными письмами, как и настоящее, не ввел он вас в сомнение». Петр простил своему любимцу эту самоуправную выходку, потому что по существу согласился с Меншиковым и снова приказал Огильви занять Гродно. В этом укреплении можно было долгое время отсиживаться в случае осады и этим продлить пребывание русских войск в Литве, что и требовалось. И Меншиков был возмущен тем, что Огильви не верит в русского солдата и требует от царя подкреплений, присылки Ренне, которого Петр сейчас дать не мог: «Только то мне, не без печали, что войско наше называет слабым и, ничего не видя, требует от нас Рена (sic — *Е. Т.*). Если по моему намерению,

армия будет поставлена, неприятеля мы удержим и изнурим... Мы не потребует от вас не только 4 полков, но и одного человека». Был ли Огильви предателем, мы этого не знаем, но, что в Гродно его политика вела прямо к разгрому русской армии, в этом Меншиков был убежден.

Меншиков знал, что если не сильна в Гродно русская артиллерия, то шведская не очень намного сильнее, и хотя в поле эта разница может сказаться не в пользу русских, с хорошим укреплением шведы не справятся или очень нескоро справятся, так что «в здешний (гродненский — *Е. Т.*) замок триста человек посади, и неприятель никоим образом его не возьмет; а в замке весь наш провиант».

Петр решил сделать Гродно главной стоянкой армии. Началось долгое гродненское сидение. Огильви продолжал командовать, но уже в середине 1706 г. по желанию царя покинул навсегда русскую службу. Петру окончательно тогда стало ясно, что Огильви ему абсолютно не нужен, а за старую недолгую службу царь, удаляя его прочь, вознаградил в сущности несравненно щедрее, чем тот заслуживал. Армия, порученная Петром Огильви, состояла из 45 пехотных батальонов и шести кавалерийских (драгунских) полков, и почти все они собрались за стенами и рвами Гродно, лишь часть драгун осталась в Минске у Меншикова. Начинался новый период войны, будущее было полно тревог и опасностей.

19

Подводя итоги трудной, но и увенчавшейся значительным успехом борьбы, которая последовала в Ингрии, Эстляндии, Ливонии и отчасти уже в Курляндии в пятилетие после Нарвы, с начала 1701 до конца 1705 г., мы не должны обойти молчанием одно существенное последствие русских побед, одержанных в последние два года названного пятилетия, т. е. в 1704—1705 гг.,— очень значительную по тогдашним временам военную добычу, особенно артиллерию, полученную русской армией при взятии шведских крепостей. Эта военная добыча очень высоко расценивалась Петром в первые нелегкие годы, когда строилась армия и создавалась с такими усилиями ее материальная часть.

Под Дерптом при осаде и взятии его (1704 г.) с русской стороны действовала артиллерия, состоявшая (по позднейшим подсчетам) из 24 медных пушек и 18 медных мортир. А взято было в Дерпте после его сдачи: 8 медных пушек, 5 дробовиков, 8 фальконетов, 76 чугунных пушек, 18 мортир, 6 гаубиц и 11 мелкокалиберных пушек [75].

Артиллерия, взятая в том же 1704 г. в Нарве, была велика: 392 пушки (из них 50 медных), 29 мортир, пушек более мел-

кого калибра больше 70, большой запас ядер к ним (65 241), больше $4^1/_2$ тыс. бомб, около 4 тыс. картечи, около $2^1/_2$ тыс. центнеров пороха, около $34^1/_2$ тыс. ручных гранат и т. д. А когда спустя несколько дней сдался Ивангород (16 августа 1704 г.), то к нарвской военной добыче прибавилось: 95 пушек, 7 мортир, 4 гаубицы, 22 дробовика, 16 тыс. ядер, 2 тыс. с лишком центнеров пороха, много картечи, свинца, селитры и т д.[76]

Под Нарву и Ивангород была стянута русская артиллерия в 66 пушек, 26 больших мортир, 7 мортир поменьше и 1 гаубицу, а «выстрелено по городу всего 12 358 ядер и 5714 бомб, на что пошло 10 003 пуда пороха».

Достаточно сличить эти цифры русской артиллерии, действовавшей при взятии большой, прекрасно укрепленной, отчаянно защищавшейся крепости (даже совсем не считая Ивангорода), с цифрами военной добычи, взятой русскими, чтобы видеть громадное значение этого приращения русских артиллерийских сил. А ведь это было время, когда русское оружейное производство еще только становилось на ноги. Притом шведская артиллерия обладала образчиками «новой инвенции», т. е. усовершенствованными орудиями, принесшими большую пользу русским артиллерийским мастерам в качестве моделей.

В Митаве (4 сентября 1705 г.) русские, взяв город, нашли, по первому же подсчету, 200 исправных пушек, причем некоторые были новейшего образца мортиры («мартирцы новой инвенции»)[77]. Но добыча, по окончательному позднейшему подсчету, оказалась гораздо больше: 290 пушек, 23 мортиры, 35 гаубиц, «трои машинки новой инвенции» и на них 8 «мортирцев», $13^1/_2$ тысяч пушечных ядер, 866 картечных снарядов, 191 центнер пороха, 2125 бомб, 7340 ручных гранат и т. д.[78]

При взятии Бауска 14 сентября 1705 г. (спустя 10 дней после сдачи Митавы) русским досталось: 4 мортиры, 8 гаубиц, 46 пушек, 3780 пушечных ядер, 293 бомбы, больше 4 тыс. ручных гранат[79].

Все это было крайне существенно. Мортир и гаубиц большого размера у русских войск в те времена было еще очень мало, да и медных пушек не везде хватало.

В эти первые годы войны у шведов еще была большая артиллерия, и поэтому русская военная добыча 1704—1705 гг., взятая в Дерпте и Нарве в 1704 г., в Митаве и Бауске в 1705 г., сыграла свою заметную роль в дальнейших успехах русской армии.

Совсем иное было впоследствии, когда Карл XII постепенно растерял свои артиллерийские и пороховые запасы. Под Полтавой (в 1709 г.), например, вся шведская артиллерия (считая уже со взятой под Переволочной) была равна 32 орудиям (из них в бою участвовало всего 4, потому что для остальных

28 не было пороха). Под Выборгом, сильнейшей из крепостей, еще остававшихся у шведов в 1710 г., было взято 138 железных пушек и 3 медные, 8 железных мортир и 2 железные гаубицы.

Собственно в 1710 г. при взятии Выборга, Риги и других городов русские получили чуть ли не в последний раз крупную военную добычу. Дальше дело круто изменилось. Скудны стали шведские «запасы». Но во вторую половину войны, когда русским уже приходилось брать мало пушек, потому что шведам оставалось мало сдавать, наша армия и не нуждалась в военной добыче: уже усиленно работали плавильные и оружейные заводы, уже с каждым годом все более и более налаживалась доставка неисчерпаемого сырья с Урала, воспитывались кадры обученных мастеров и рабочих «пушкарского промысла», и медь перестала быть такой драгоценностью, как в дополтавский период.

Таковы итоги этого первого пятилетия (1700—1705 гг.) войны.

Мы видим грандиозно развертывающуюся картину военных действий, в которых еще не готовая к трудным операциям, обучающаяся, но еще не вполне обученная новая русская армия борется, и борется очень упорно, против считавшейся тогда первоклассной шведской армии. Поражения и успехи чередовались, но конечный результат поразителен: все, кроме Финляндии, шведские прибалтийские провинции (более богатые, чем сама Швеция) переходят в русские руки. Ингрия, Эстляндия, Ливония отняты у шведов, их лучшие крепости: Нотебург (Орешек), Дерпт (Юрьев), Нарва (Ругодев или Ругодив) возвращены России, так же как Ивангород и Копорье. Нева становится русской рекой, и на ней уже быстро растет новый русский порт и новая столица, уже основано адмиралтейство, и там уже усердно служит в свободное от других своих занятий время очень одобряемый другими рабочими за физическую силу и добросовестность «Петр Михайлов, корабельный мастер».

Постройка пристаней, постройка судов, расширение работы на верфях — все это не прекращается ни на день, и в разгаре дипломатической переписки Петра по подготовке военных действий в Эстляндии, Ливонии и Курляндии и как раз между посланием Петра к прусскому королю Фридриху I и к французскому королю Людовику XIV мы встречаем скромную расписку от 13 февраля 1704 г. в ведомости о выдаче жалованья адмиралтейским работникам: «Корабелному мастеру Петру Михайлову триста шездесят шесть рублев. Принел (sic — *Е. Т.*) росписался». Петр получал свою заработную плату строго по расценке, установленной тарифом для мастеров, «изучившихся во окрестных государствах карабельному (sic — *Е. Т.*) художеству» [80]. Он недаром получал свои триста шестьдесят шесть руб-

лей в год: иностранные специалисты считали Петра искуснейшим из корабельных мастеров, работавших на петербургских верфях.

20

Основание Петербурга, укрепление Кроншлота, быстрая застройка нового города, верфи, кипучее судостроение — все это очень беспокоило и раздражало стокгольмское правительство, видевшее, что русские смотрят на свои прибалтийские завоевания очень серьезно и вовсе не намерены легко от них отказаться.

В Швеции учитывалось и то, что Карл XII, бросив Прибалтику почти на произвол судьбы, в то же время требует боеприпасы себе, в главную армию, воюющую в Польше, а в Прибалтике давно уже ощущаются потери, понесенные в эти годы именно артиллерией.

С конца 1705 и начала 1706 г. война вступает в свой новый фазис. Несмотря на блестящую русскую победу под Калишем, Август бежал в Саксонию.

Карл XII, собираясь вторгнуться в наследственное владение Августа — курфюршество Саксонское, делает попытку осадить русскую армию в Гродно и там ее уничтожить. Опасность все ближе и ближе придвигается к России.

Начиная с гродненской операции и даже до завоевания Саксонии Карл уже имеет в виду обеспечение тыла и постепенную подготовку нашествия на Россию. Петр и его генералы заняты выработкой плана действия на случай вторжения.

1706—1707 годы проходят с обеих сторон в зондированиях почвы и приготовлениях. Необходимо было встретить подготовляемое вражеское нападение на Россию во всеоружии, стянув к угрожаемой западной границе возможно больше сил, и в то же время не снимать войск с Прибалтики, ни за что не отказываться от своих прибалтийских приобретений. Не отдавать врагу Прибалтику — это забота о будущем русского народа, а не пустить врага в Москву — это спасение России в настоящем.

Но, говоря о военных действиях в 1705—1706 гг., мы не должны ни на минуту забывать, что в это самое время на юге продолжалось вспыхнувшее в июне 1705 г. громадное восстание в Астрахани, на Тереке, в Красном Яру, в Царицыне, и царские воеводы долго не могли с ним ровно ничего поделать.

Астраханское восстание временно прервалось тем, что астраханцы потребовали обещания полного прощения,— и царь пошел на это.

«Просительной грамотой» Петра было достигнуто в данном случае самое главное: «фельдмаршал Шереметев, который против оных бунтовщиков отправлен был, возвратился и идет с поспешением паки в Польшу, и уже передовые его пришли в

Вязьму». Петр приказал по случаю изъявления астраханцами покорности «для той радости» в разных частях действующей армии «из пушек и ружья трижды палить». Положение тогда было такое, что эта радость царя вполне понятна. Астраханское восстание было одним из крупнейших и грозных напоминаний властям со стороны эксплуатируемой массы и прежде всего — крепостного крестьянства.

Петр не мог не согласиться в тот момент на «простительную грамоту», которая, конечно, не несла восставшим никакого исправления бед и облегчения нужд, но освобождала новую войсковую часть для действий против собиравшегося со временем вторгнуться в Россию внешнего неприятеля. Во всяком случае сил у астраханцев еще было достаточно для длительного и стойкого сопротивления.

Петр был так счастлив «улажением» астраханского дела, что писал 21 февраля князю Репнину, говоря об этой новости, как о лучшей победе: «Ібо сие дело лутчей викторип равнятися может, здесь і в протчих местех о том по благодарени богу стреляно». Это он говорил о продолжающихся салютах по поводу Астрахани [81]. 22 февраля Петр принял делегацию от восставших: «Астраханцы сюда приехали, которые с просителною грамотою отпущены паки в Астрахань» [82]. Петр подписал эту грамоту, отдал ее делегатам, которые тотчас и уехали с ней обратно в Астрахань. Их было десять человек.

Петр и дальше следит, чтобы ничем не нарушалось «доброе согласие» с астраханцами. «...для бога осторожно поступайте и являйте к ним всякую склонность и ласку, и до которых присланных их дела нет, то их свободно назад к ним отпускайте, а буде которых отпустить за чем невозможно, то изволте их за учтивым присмотром иметь при себе на свободе и казать к ним ласку...» Петр «удивляется», что Шереметев снова спрашивает, что делать с «зачинателями и заводчиками» восстания, т. е. с инициаторами всего дела. Царь подтверждает, что и на них тоже распространяется «простительная грамота»: «И всеконечно их всех милостию и прощением вин обнадеживать...» [83]

Это замирение, впрочем, продолжалось недолго, и астраханское восстание после краткого перерыва вспыхнуло вновь. Дело дошло до сражения, в котором астраханцы были побеждены, и город окончательно занят царским войском. Но и тут сказалось особое положение, с которым не мог не считаться Петр: одних постигли жестокие кары: «заводчики» были колесованы, 73 человекам — отсечены головы, 212 — повешены, 45 — умерли от пыток; другим, например конным стрельцам, велено было «отдать ружье и выслать их на перемену их братьи в Санктпитербурх, сказав, чтоб за такую милость вины свои заслужили». Точно так же избавились (кроме «заводчиков», которых «за

добрым караулом» послали в Москву) от суда и казни все астраханские, черноярские и краснoярские служилые люди, которым велено было идти в Смоленск. При этом «про ружье сказать им, астраханцом, что отдано будет им в Смоленску, а ныне для того не отдано, чтоб з дороги не розбежались». И «гулящих людей» «тоже поверстать на службу» и дать им ружья, «ежели ружья будет издоволно». «Протчих» отдать калмыкам за караул или «перекрепя в колоды», из Астрахани вывести в ближайшие московские города [84].

Так закончилось астраханское восстание.

Заметим, что жестокий розыск, который долго чинил астраханским стрельцам Федор Ромадановский, привел следователей к совершенно твердому убеждению: решительно ничего общего со шведами у астраханского восстания не было, никаких «повелительных к бунту писем» ни от шведов, ни от «иных государств» они не получали. «А стал у них тот бунт за немецкое платье, за бороды и за веру». Допрашиваемые, конечно, говорили только о ближайших поводах, а о глубоких социально-экономических корнях движения их если и спрашивали, то ответов не записывали. Но во всяком случае ясно одно: ни малейших сношений с внешним врагом восставшие не имели [85].

Петр имел все основания тревожиться по поводу астраханского движения во второй половине 1705 г. и особенно в первые месяцы 1706 г.: наступал переломный момент в войне. Карл готовился совсем покончить с Августом и, лишив его королевского престола в Польше, изгнать также из Саксонии, где тот был наследственным курфюрстом. Но с такой же внезапностью, с какой Карл всегда составлял и осуществлял свои планы, до последней минуты не говоря о них ничего своим приближенным, он мог двинуться из Польши, где он стоял, не на юго-запад, в Саксонию, но на северо-восток, в Ингрию, пытаться отвоевать Нарву, разрушить возникавший Петербург, очистить от русских Ливонию, вернуть Митаву и Бауск.

И в самом деле, в Стокгольме в правящих кругах столицы было немало голосов в пользу скорейшего появления главной королевской армии в Прибалтике.

21

Начались для России трудные времена, и эти трудности увеличивались потому, что ни на одно слово своего «союзника» Августа II, короля польского и курфюрста саксонского, положиться было нельзя, и вместе с тем, никак нельзя было ссориться с ним, напротив, должно было всячески его «ублажать». Ведь блестящие достижения 1701—1705 гг., начиная от победы при Эрестфере в конце декабря 1701 г. и кончая взятием Митавы

и Бауска в сентябре 1705 г., были в значительной мере облегчены именно тем, что все это время Карл был занят войной с Августом в Литве и Польше.

Петру важно было удержать перепуганного Августа от сепаратного мира с Карлом, потому что такой мир сразу же освободил бы всю шведскую армию для начала немедленного похода против русских.

Но Карл XII совершил тут одну из своих многочисленных ошибок. Во-первых, он низверг в 1704 г. Августа с польского престола и посадил Станислава Лещинского, отрезывая этим Августу пути к миру, о котором тот давно мечтал; однако, посадив на престол Лещинского, шведский король только возбудил в Польше междоусобицу, но мира не добился. Во-вторых, чтобы прекратить эту междоусобицу (им же возбужденную), Карл решил из Польши вторгнуться в Саксонию, т. е. в наследственное немецкое курфюршество Августа, и здесь заставить его отречься от польского престола, грозя в противном случае выгнать его также из Саксонии.

Вследствие всего этого Август пока должен был волей-неволей держаться за союз с Россией, выжидая случая перебежать к шведам, если только грозный шведский воитель хоть немного смилостивится. Петр все это понимал, но делал вид, будто верит «союзнику», хотя уже появлялись тревожные симптомы будущего предательства со стороны Августа. Одним из таких симптомов был внезапный арест саксонскими властями в Дрездене Иогана Рейнгольда Паткуля, русского посланника при саксонском дворе.

Паткуль был арестован 23 декабря 1705 г., а уже 9 января 1706 г. Петр послал первый протест Августу против этого предательского по отношению к России поступка, показывавшего полную готовность польского короля ценою предательства умилостивить победоносного шведского короля [86]. Поступок Августа был зловещим. Тучи сгущались, враг грозил русским пределам: «В Курляндию уже трижды писал, чтоб что нибудь здслали, понеже неприятель зело утесняет границы близ Пскова, и почитай живут и от часу ближатца» [87].

Петр, заняв еще в конце 1705 г. войсками Гродно, укрепив русское положение взятием Митавы и Бауска, отрезав Левенгаупта в Риге, собирался дать отпор Карлу в Польше, чтобы этой войной в Великопольше и польской Литве возможно дольше препятствовать нашествию на Россию Карла с шведской армией и польской армией Станислава Лещинского. Но у Августа II, сидевшего в Гродно под охраной русских войск, был готов уже другой план. Этот другой план был старательно продуман с такого рода целью, чтобы вся тяжесть войны пала исключительно на Россию и чтобы при этом русская армия вовсе

по возможности не входила бы в Польшу, а воевала в Швеции и отвоевывала бы для Августа Курляндию и Ливонию. В соответствии с этим планом Август дает Петру, еще не имевшему флота, следующий добрый совет: осадить (т. е. наводнить) Ингерманландию большим войском («доволно людми»), затем «вооружить эскадру» (еще только начатую постройкой) и «сколь скоро возможно» идти прямо на Стокгольм, чтобы «потревожить королевство Свейское» и этим воспрепятствовать воюющему в Польше Карлу получать «весь транспорт и помощь». В виде награды Август сулит Петру: «ваше величество могли бы на королевство Свейское контрибуцыю наложить... и весма все взятые пушки паки отобрать». А кроме того, пусть русские и Курляндию отвоюют, откуда проистекут две выгоды: во-первых, Август получит Курляндию и, во-вторых, русский корпус, стоя на Двине, ограждал бы Августа с тыла [88]. Этот нелепый план обличает не только грубый, откровеннейший эгоизм, но и глубокое непонимание всей обстановки. У Петра еще только будет со временем эскадра, но Август уже предлагает ему поскорее взять Стокгольм. Петр имеет все основания ждать нашествия на Россию, но Август советует ему думать не о русской обнаженной границе, а о контрибуции, которую он взыщет с Швеции...

Таков был единственный «союзник» России в конце 1705 г. Нечего и говорить, что Петр не обращал внимания на эти цинично-себялюбивые по умыслу и детски-наивные по своей неисполнимости советы Августа, не прекращая в то же время самого ласкового обращения с ним.

К концу лета 1705 г. собственно власть Августа в Польше была почти ликвидирована, и шведский король мог бы уже тогда вторгнуться в Саксонию и ликвидировать также царствование Августа в его наследственном курфюршестве, но его остановили слухи, подтвердившиеся уже в сентябре, что Петр с очень большой армией вошел в Литву, что главные пехотные силы русских заняли Гродно, а кавалерия сосредоточилась в Белоруссии, в Минске. Раньше чем идти в Саксонию, Карл счел необходимым покончить с этим русским вторжением в польские владения. Начало зимы он провел в Варшаве, где устроил очень торжественное коронование Станислава Лещинского, своего «соломенного короля», как его называли, а затем двинулся на север и в середине января перешел через замерзший Неман.

Русской армии, очень большой, грозила не только опасность серьезного штурма, в случае если Карл подойдет к городу (30 тыс. русских при довольно исправных укреплениях Гродно не очень боялись внезапного нападения), но длительная голодная блокада или со временем тесная осада могли быть опасны. Петр был в Москве. В Гродно, кроме русских, находился

Август с очень малой частью своих польско-саксонских войск. Петр перед отъездом осенью в Москву, когда ждали, что до начала лета 1706 г. сначала болота и речные преграды, а потом морозы задержат движение Карла к Гродно, поручил главное командование Августу. Но когда совсем неожиданно Карл в середине января оказался почти со всей своей армией на Немане, то король Август пришел к внезапному умозаключению, что в высшей степени целесообразно будет для общего дела, чтобы он, пока еще пути свободны, покинул Гродно и отправился в Варшаву с частью польских и саксонских войск. Здесь, близ Варшавы, правда, стоят шведы под командой фельдмаршала Реншильда, но это ничего не значит: он, Август, разгромит Реншильда, соберет вокруг себя поляков, оставшихся ему верными, соединится с саксонцами, которые подойдут из курфюршества, и уж тогда снова явится под Гродно, чтобы разбить Карла XII и выручить русских. А чтобы достигнуть столь блестящих результатов, ему необходимо покинуть, не теряя золотого времени, находящееся под угрозой Гродно.

Он уехал и верховное командование над порученной ему армией передал в руки фельдмаршала Огильви, который доживал уже последние месяцы своей русской службы.

Трудные были эти 1706 и 1707 годы, и не только о движениях Карла XII должно было думать Петру, и не только с Шлиппенбахом и Левенгауптом и Мардефельдом приходилось сражаться Борису Петровичу Шереметеву. Едва утихало восстание в одном месте, как начинались волнения в другом, едва успокоилась временно Астрахань, как надвигались тучи с востока. Грозно волновалась Башкирия. «Доношу вам, что больше надобет от башкирцов опасения иметь нежели от астраханцов. Вам известно, сколько их много, и каракалпаки с ними. и до самой Сибири все Орды. Унимать их будет с трудом. Не надобет их слишком злобить, полно нам покуда шведов»,— пишет летом 1706 г. Шереметев Федору Алексеевичу Головину. В самом деле, «полно», вполне достаточно было забот и тревог с шведами, и фельдмаршал рекомендовал избегать всего, что могло еще больше раздражить как русское крестьянство, которому так страшно трудно приходилось от двойного гнета — от помещиков и государственных воевод, так и восточные народы по Волге, по Уралу и за Уралом [89]. А какую прекрасную службу вскоре сослужили те же башкиры, те же казахи и каракалпаки при обороне России во время шведского нашествия 1708—1709 гг.— в этом тот же Шереметев убедился, наблюдая великолепные, сильно тревожившие шведов налеты нерегулярной конницы на арьергард Карла XII и на разбитого наголову и отступавшего от Пропойска (после поражения под Лесной) Левенгаупта, и дальше, в течение всей войны.

Положение становилось все серьезнее.

11 января 1706 г. Петр созвал в Гродно военный совет и высказался по всем трем «пропозициям», предложенным генералами. Первое предложение формулировалось так: «Итти ли против неприятеля, доколе Реиншильд к нему не пришел?» Петр отнесся к этому предложению отрицательно: «Не в таком мы состоянии обретаемся, чтоб нам офенсиве (наступательно — *Е. Т.*) на неприятеля итти было возможно», потому что нет лошадей ни для артиллерии, ни для конницы. Да и не поспеть, Реншильд «поднялся и поход свой правит к Торуни». Второе предложение было таково: «Здесь ли (в Литве — *Е. Т.*) неприятеля дожидатца и ему противитца?» Если шведы до соединения с Реншильдом атакуют Гродно, где стоят наши войска, то сопротивляться. Но если неприятель, не атакуя, расположится по деревням милях в 4 или 5 от Гродно и здесь подождет Реншильда и этим отрежет путь к отступлению, то ни провианта, ни конских кормов ниоткуда уже получить будет нельзя, да и Литва может «к неприятелю пристать», видя, что русская армия обложена. Оставалась третья «пропозиция», отступать от Гродно на Вильну и потом действовать в зависимости от дальнейшего поведения шведов: если они не атакуют, стоять в Вильне, а если обозначится их наступление, отступать дальше к Полоцку и к московской границе; третья «пропозиция» так и названа: «отступать к Московской границе» [90]. Это предложение и было одобрено.

Началось опасное отступление из Гродно к московской границе. Невесело было на душе у Петра: «мне, будучи в сем аде не точию доволно, но, гей, и чрез мочь мою сей горести» [91],— писла Петр Федору Головину.

Карл двинулся на Вильну, куда шел с северо-запада и Левенгаупт, и Петр приказал в случае их соединения взорвать митавские укрепления, гарнизону же идти в Полоцк, а если это уже будет невозможно, то в Псков [92]. Петр торопил отступление всех войск, которые еще были в Курляндии и Литве. Князю Никите Репнину он даже приказывает для ускорения в случае необходимости уничтожить тяжелую артиллерию: «пушки тяжелые... разорваф, в Немон (sic — *Е. Т.*) бросить».

Одновре́менно летит приказ к гетману Мазепе, чтобы как можно скорее выслал часть своей конницы в Минск, навстречу отступающей русской армии [93].

Петр не мог некоторое время выехать из Смоленска. Громадные волнения, местами уже перешедшие в восстания, разразились на Волге, на Дону, неспокойно было и на Днепре. Петр приказал послать на Дон ответную грамоту на вопрос части

восставших, отпустят ли им вину, если они сложат оружие, чтобы указ об «отпуске вины» был послан. Он стремился поскорее приехать к армии, которая должна была отступить к русской границе: «Бог ведает, как сокрушаемся о том, что нас при войске нет. Лутче б жестокую рану или болезнь терпели» [94],— писал он 31 января 1706 г. Он хочет попасть в Минск, но не знает, «мочно ль в Минск нам проехать без опасения». Он требует, чтобы его уведомили о «главном неприятельском войске, где ныне и что делают, стоят ли, или идут, и куды? Также и о Рейншилде, где, и ждут ли или нет?» [95] В то время разведка еще не была на той высоте, как несколько позже, и обе шведские армии (короля и Реншильда) временно оказались пропавшими из поля зрения царя.

Август II, который покинул Гродно в момент обострившейся (17 января) опасности, не забыл взять с собой чуть ли не 2/3 всей конницы, находившейся в гродненском укреплении (четыре драгунских полка из шести). С точки зрения максимального обеспечения своей особы от возможных в такое неспокойное время встреч с шведами или поляками, стоявшими на стороне Станислава Лещинского, поведение Августа было образцово последовательным. Конечно, он старательно и долгое время успешно избегал в пути всякого соприкосновения с Реншильдом, разгромить которого крепко обещал, уходя из Гродно.

Увод конницы тяжко отразился на положении русской армии в Гродно, когда Карл XII внезапно появился на Немане и началась блокада города и замка. Уезжая, Август обещал не только разбить Реншильда, но и привести саксонско-польские войска на выручку Гродно и сделать это в трехнедельный срок. Вот уж прошло три недели, прошло шесть недель, а помощи («сикурса») нет как нет — жаловался Петр.

Но это «опоздание» имело свои серьезные причины. 2—3 февраля 1706 г. саксонцы и поляки — приверженцы Августа — и русская часть были разгромлены наголову при Фрауштадте. Саксонцы и поляки бежали опрометью с поля боя, почти не сопротивляясь, потеряв всю артиллерию, хотя их было 30 тыс. человек, а шведов — 8 тыс... Только русские сражались мужественно и понесли тяжелые потери: «Только наших одних оставили, которых не чаю и половины в живых»,— с возмущением писал Петр. Камергер и неразлучный спутник и летописец деяний Карла XII Адлерфельд, описывая Фрауштадтскую битву, иронически отмечает, что Август II имел при себе «от десяти до двенадцати тысяч человек» в день этого боя, но оставался в расстоянии «всего 15 миль от места сражения», все «надеясь», что удастся окружить шведов [96]. Но это не удалось, и он со своими двенадцатью тысячами невредимо успел умчаться в Краков, подальше от греха, так и в глаза не видев неприятеля.

В Гродно и в России эта история с уходом Августа и позорным его исчезновением вместе с уведенной из Гродно конницей произвела ошеломляющее впечатление. Осажденные были отныне почти лишены возможности производить столь нужные им фуражировки для добывания припасов из окрестностей.

И все-таки нужно было до последней возможности притворяться верящим в союзническую честность Августа, который уже начал, пользуясь положением, вымогать у царя денег и помощи.

В докладной записке о положении вещей на войне, представленной Петру саксонским генерал-майором Арнштедтом, настойчиво проводится мысль, что все-таки, несмотря ни на что, следует стремиться не ссориться с Августом и всячески его поддерживать («наисилнее подпирати»), потому что, пока с ним не все покончено и «сколь долго король (Август — *Е. Т.*) еще хотя в самой малой силе обретаетца,— шведы воистинно о походе к Москве не думают», но если бы Август был окончательно побежден («ежели бы он, чего сохрани, боже,— весьма упасти имел»), тогда Москве грозит прямая опасность, и не только она включится в театр военных действий, но *неожиданно* могут оказаться и еще внезапные новые враги: «после сего Москва в танец приведена будет, и может быть, что к сей игрушке многие нечаемые игрецы сыщутца». О ком тут идет обиняками речь? Не Мазепа ли подразумевается как «нечаемый игрец»? Во всяком случае этот неясный для нас намек был ясен Петру. По крайней мере он не потребовал от Арнштедта никаких объяснений [97].

Образ Карла XII очевидно пленил нынешних фашистов не только тем, что Карл намеревался раздробить Россию на удельные княжества, но и тем, что он всегда относился к русским, имевшим несчастье попасть в его руки, с холодной, безмерной жестокостью.

В битве при Фрауштадте обнаружилась непонятная, истинно звериная жестокость шведов именно относительно русских. Ведь в этой сборной армии саксонского генерала Шуленбурга, потерпевшей такой разгром, были и саксонцы, и поляки, и даже французы, служившие в саксонской армии, и, наконец, русские. После своей победы (3 февраля 1706 г.) шведская армия брала в плен всех, кто не был убит и не успел бежать. Всех, кроме русских! «Россияне також многие побиты, а которые из солдат взяты были в полон, и с теми неприятель зело немилосердно поступил, по выданному об них прежде королевскому указу, дабы им пардона (или пощады) не давать, и ругателски положа человека по 2 и по 3 один на другого кололи их копьями и багинетами (штыками — *Е. Т.*)» [98]. Таким варварским способом шведы истребили 4 тыс. обезоруженных русских пленных после боя.

Кипучая подготовка к встрече с врагом привела к тому, что ко второй половине февраля, еще до прихода фельдмаршала Шереметева, в тылу действующей армии было собрано более 15 тыс. человек, из них старослужилых 8 тыс., а рекрутов — 7. Расположено было это войско в Полоцке, Смоленске, Орше и Минске. А, кроме того, гетман Мазепа обещал привести в Минск 5 тыс. пехоты и гетманских конных казаков «несколько тысяч» [99]. (Петр не дает тут точной цифры).

Петр меньше беспокоился о войске, все еще стоявшем в Литве, чем о малозащищенной западной границе России, бывшей под постоянной угрозой. Особенно конных частей было совсем мало: «Хотя войско бог і спасет, а рубежи наши (как сам ведаешь) зело голы, а наіпаче всего конницею»,— писал он в Москву Ф. А. Головину 23 февраля 1706 г.

Узнав о разгроме при Фрауштадте Реншильдом саксонской армии (или, вернее, о бегстве 30 тыс. саксонцев от 8 тыс. шведов), Петр уже не сомневается, что саксонцы не желали сражаться, что Август изменил и покорился, если еще не формально, то фактически, шведскому королю и что арест Паткуля по каким-то выдуманным обвинениям был произведен Августом именно затем, чтобы он не разоблачил саксонское тайное предательство [100]. Это более чем подозрительное поведение Августа очень ухудшало положение русских войск в Польше. «Бог весть, какую нам печаль сия ведомость принесла»,— пишет Петр по поводу битвы при Фрауштадте.

Петра приводило в особенное раздражение, что умышленное, почти без боя бегство саксонцев под Фрауштадтом повело за собой гибель русских частей. «Жалеем також и о наших бедных помощных войсках (которые нам в превеликие жь убытки стали), что оные толь жалостно и едва слыханым образом мало не все на заклание выданы, хотя оные... свою должность изрядно при том отправили». Русских было перебито более 5 тыс. человек, пишет Петр Августу, и «ни одного почитай в полон не взято, а от ваших саксонских войск не болши семисот человек побито и толь великое число в полон взято» [101]. А Реншильд потерял до 3 тыс., конечно, перебитых русскими, а не саксонцами.

С русской стороны в ответ на требования Августа новых денег и иной помощи от Петра с намеком, что иначе он совсем выйдет из войны, с возмущением напоминали об участи русского войска, погибшего почти полностью именно вследствие предательского поведения саксонцев. Из Киева было отправлено на помощь Августу еще в конце 1705 г. 12 тыс. солдат. Из них вследствие недоедания и полного отсутствия обещанных им от

Августа помещений перемерло больше половины: так «бедственно и поносно» были они «трактованы» саксонскими генералами и министрами. А остальные 5—6 тыс. именно и были почти целиком «от господ саксонцев на заклание выданы» при позорном бегстве без боя саксонского войска при первом большом столкновении с шведами. Поэтому не может царь не вменить себе «весьма за отяхчение совести», если пошлет «своих природных подданных паки на жертву».

Август имел дерзость, желая всеми мерами угодить Карлу XII, предложить царю отдать шведских пленных, но не в виде размена пленными, а просто отправить их в Швецию, причем русские пленные должны по-прежнему оставаться в шведском плену. Русский ответ гласил, что царь многократно предлагал Карлу XII размен пленными, но ответа не было. «Но чтоб его царскому величеству собственных своих людей в пленении оставить, а его королевского величества пленных разменить, того не может от него требовано быти, ибо тем бы все его люди были оскорблены и охоты к доброй службе лишены».

Эта невероятная выходка Карла, не отвечающего Петру никогда непосредственно на предложения размена и предъявляющего через трепещущего Августа столь неслыханное требование, бросает яркий свет на всю ситуацию. Карл XII считал, очевидно, и мы это знаем точно, что вопрос о победоносном для него конце войны уже по сути дела решен. А поэтому не пристало ему, победителю, сколько-нибудь считаться с общепринятыми правилами: Петр все равно пойдет на какие угодно унижения и уступки, другого объяснения нет.

В России поспешно готовились уже тогда, весной 1706 г., к вторжению врага в русские пределы. Врагов ждали в Минске, Смоленске, Брянске. Но ждали и на Украине. «Изволте осторожность іметь о Киеве, куда [как мы думаем] не без намерения неприятелского будет»,— писал царь Головину 15 марта 1706 г. Курляндию решено было бросить, взорвав укрепленные места, а вооружить Смоленск, Полоцк, Великие Луки, куда свозить шведские (взятые у неприятеля) пушки [102].

24

После поражения саксонско-польских войск при Фрауштадте и окончательного бегства Августа в Краков с его телохранителями, к роли которых он свел конницу, им уведенную из русского гарнизона, блокированного в Гродно,— этому гарнизону стала грозить капитуляция. В середине января Карл, внезапно покинувший Блонье (близ Варшавы), явился к Гродно. Он перешел через Неман в трех-четырех километрах к северу от Ковно,

и переведенная им шведская армия стала недалеко от города. У Карла было в тот момент до 20 тыс. человек. Осмотр местности заставил короля даже и не пытаться взять город штурмом. Но и на тесную блокаду сил у шведов не хватило, тем более, что продовольствия достаточного не было, обоз по обыкновению был организован слабо, и уже через 5—6 дней пришлось отодвигаться постепенно от Гродно только потому, что нужно было искать более снабженные запасами деревни, хотя военный интерес требовал, напротив, тесного обложения крепости. О бомбардировке, сколько-нибудь упорной и действенной, речи быть не могло. Как всегда, шведская конница и пехота были на большой высоте, но артиллерия недостаточно могущественна. Петр торопил Огильви, считая, что спасение запертой русской армии в Гродно всецело зависит от выхода без боя из города и присоединения ее к армии, стоявшей в Минске.

Еще до того, как измена Августа II оставила неожиданно русских одних, без всякой помощи со стороны каких-либо «союзников», Петр никаких иллюзий после Фрауштадта уже не питал: «... такой жестокой случай учинился (о саксонцах — *Е. Т.*), чрез которой вся война на однех нас обрушается...», «уже вся война на нас однех будет» [103],— не перестает он повторять в своих письмах и указах.

Готовя армию в Белоруссии, Петр принимал меры и против очень возможного вторжения неприятеля дальше, в Смоленщину. Летят приказы о том, чтобы от Смоленска до Брянска через леса и «до тех мест, где великие поля и степи придут» делать засеку на 150 шагов ширпной; сооружать на дорогах равелины с палисадами и иными укреплениями; наконец, готовить и местное население, «чтоб у мужикоф, у которых есть ружье, приказные их знали; також косы, насадя прямо, и рогатины имели, и готовы были для караулоф и обороны» [104].

Удостоверившись в том, что на Августа и саксонцев надежда плоха, Петр приказал всем русским войскам уходить из гродненской области. «Уже на саксонские войска надеетца невозможно: хотя б і пришли, то паки побегут і наших пропасть оставят (но мы зело благодарны будем і тому, чтоб Реіншилда там удерживоли і сюды ітить мешали)»,— пишет он барону Огильви 2 марта 1706 г.

Уходить и уходить, уничтожая свою артиллерию, если она затрудняет и замедляет уход. Сильно озабочен Петр, но не теряет надежды на лучшее будущее и, как всегда, выражается в своих коротеньких записочках с своеобразным юмором. Намекая на приближение так называемой по церковному «субботы о воскресшем Лазаре», царь пишет Апраксину, негодуя на подведших его своей трусостью саксонцев: «О здешнем писать нечего после баталии саксонских безделников... толко мы с при-

ближающимся Лазорем купно во адской сей горести живы; дай, боже, воскреснуть с ним» [105].

В истории «гродненского дела» необыкновенно ясно выступают характерные черты всех дополтавских военных действий обоих противников.

Огильви решительно, как сказано выше, разошелся с Петром и в начале гродненской операции в сентябре 1705 г., когда он не советовал вводить армию в Гродно, и в марте 1706 г., когда, напротив, противился ее выходу.

Дело было в том, что Огильви с самого начала своей службы в России считал, что русские военные силы должно наиболее целесообразно употребить в дело не в Польше, а в Лифляндии и Ингерманландии, где и укрепиться на новозавоеванных местах. И Петр послушался бы его, если бы он так же не понимал Карла XII, как его не понимал или в данном случае не хотел понять генерал Огильви. С точки зрения обыденной, конечно, можно было предполагать, что шведский король не станет вдаваться в далекие приключения, пока Ингрия вся, а Ливония на $^3/_4$ занята неприятелем, и, следовательно, здесь, в Прибалтике, и решится война. Поэтому никакой гродненской армии не нужно, а следует всю армию Шереметева перебросить к Риге, Ревелю, Петербургу, особенно теперь, осенью 1705 г., когда в русские руки перешли такие ценные опорные пункты, как Митава и Бауск. Но Петр, сопоставляя все свои сведения о Карле XII, о свойствах его полководческого дара, о его военных движениях, о его отзывах, касающихся русской армии, знал твердо, что Карл XII сделает именно то, чего никто на его месте не сделает, и будет рисоваться своим полным пренебрежением к русским вооруженным силам, воюющим на балтийских берегах. Петр знал, что высокомерная фраза Карла, что он вернет себе Прибалтику в Москве, может быть, обличает самопревознесение, но что эти слова не пустое, чисто словесное бахвальство, и что шведский король рано или поздно непременно приступит к реализации своей программы и пойдет на Москву, и что именно поэтому он стоит в Польше. Он будет стоять там или в другом государстве Августа — в курфюршестве саксонском, пока не заберет их в руки, и лишь тогда выйдет из Польши, но, быть может, не затем, чтобы идти в Ливонию или Ингрию, а затем, чтобы идти на Москву. Следовательно, и русским до последней крайности нужно держаться в Польше, чтобы задерживать врага подальше от своих границ. И в конце 1705 г. наиболее выгодным и менее опасным способом сделать это казалось создание укрепленного гродненского лагеря. Но когда Август увел лучшие полки из Гродно, а затем его саксонцы позорно были разбиты при Фрауштадте и когда Карл XII совершил свой неожиданный поход (1706 г.) от Варшавы к Неману и стал под

Гродно, тогда нужно было, ничуть не отказываясь от основной цели, задерживать Карла в Польше, вывести гродненскую армию из грозившего ей окружения и стать в Литве по деревням и городам, *загораживая шведам возможное с их стороны* движение в Белоруссию и к русским пределам. А Огильви и тут не понял, о чем идет дело, и все толковал, что пострадает престиж, если покинуть Гродно. Фельдмаршал Огильви вначале пользовался доверием, ему давали очень ответственные поручения, как очень опытному, дельному, поддерживающему порядок и дисциплину боевому генералу, но Петра раздражало упрямство и склонность к проведению своих планов, с которыми он бывал не согласен[106]. Однажды Петра просто взорвала выходка Огильви, который нарушил тесную блокаду Риги, дозволив Репнину пропустить в Ригу товар (лес), и на оправдания Аникиты Ивановича ссылкой на Огильви Петр написал: «Сегодня получил я ведомость о вашем толь худом поступке, за чьто можешь шеею заплатить... Но ты пишешь, что Огилві тебе велел. Но я так пишу: хотя б і ангел, не точию (не то, что — *Е. Т.*) сей дерзновенник і досадитель велел бы, но тебе не довлело бы сего чинить»[107]. Таким «дерзновенником и досадителем» *Огильви, по-видимому, оказался и в гродненском* деле.

25

Петр категорически приказал Огильви немедленно уходить из Гродно.

Русская армия, вышедшая в конце марта из Гродно, шла на Берестье, Минск, Киев. А Карл, потеряв из-за разлива рек почти целую неделю, погнался за русскими не по той дороге, по которой они пошли, но параллельно, на Слоним и Пинск. Битвы с ушедшей из Гродно русской армией, которую искал Карл, так и не произошло, и дело ограничилось мелким столкновением, когда шведы уже вошли в Пинск.

Мазепа по приказу Петра выслал отряд казачьих войск навстречу направлявшейся на Волынь и дальше к Киеву русской армии для ее поддержки и усиления. Но и с этими войсками встречи и крупных столкновений у шведов не было, кроме разве боя у местечка Клецка, недалеко от местечка Ляховичей к востоку от Минска. Здесь теснимый шведами полковник Переяславского полка Мирович и вышедший к нему на выручку по приказу Мазепы из Минска воевода С. П. Неплюев и другой украинский (Миргородский) полковник Апостол потерпели поражение от шведов (19 апреля 1706 г.) и отступили к г. Слуцку. Общие силы Неплюева, Апостола и Мировича были невелики, а натолкнулись они, обманутые ложным указанием Мазепы, на значительные шведские силы с Карлом XII во главе. Неплюев

потом оправдывался тем, что Мазепа его уверил, будто шведов около Ляховичей всего 4 тыс. и что Карл будто бы уже повернул обратно в Гродно. Сознательно ли тут действовал Мазепа (уже в глубокой тайне готовивший измену), или ошибся неумышленно — этого мы не знаем [108]. Мировича выручить не удалось, и ляховичское укрепление сдалось шведам. Неясно также, чем объясняется более чем подозрительное поведение в бою миргородского полковника Апостола, который в 1708 г. оказался, как увидим, одним из главных мазепинцев (правда, перешедший вскоре обратно в русский стан). Клецкая победа не имела никаких выгодных для шведского короля стратегических результатов. Зайдя глубоко в пинские болота, Карл прекратил дальнейшую, ставшую совершенно бесперспективной, погоню за Огильви.

Русские показания о битве при Клецке можно дополнить шведскими. Нордберг говорит, что русские защищались храбро, но были разбиты и спаслись немногие. Нордберг дает неверное указание, что в числе убитых был сам полковник Апостол, а «генерал» Неплюев был ранен. Командовал шведами генерал Крейц. С обычным у него в таких случаях нескрываемым удовольствием капеллан Нордберг пишет, что шведы прикончили всех раненых русских, попавших в их руки уже после сражения. Особое восхищение в этом благочестивом святителе церкви лютеранской вызывает то, как шведам ловко удалось разгадать одну русскую хитрость: «Шведы убили всех, кого они могли догнать... они преследовали (русских — *Е. Т.*) с полмили, до леса. Они бы даже пошли дальше, но г. Крейц, получивший только что известие, что казаки сделали в этот день три вылазки из Ляховичей, отозвал своих людей. Возвращаясь, кавалеристы заметили, что между теми (русскими ранеными — *Е. Т.*), которые лежали на земле, некоторые лишь притворялись мертвыми. Это обнаружили,— и не ускользнул от смерти ни один человек из них». 2 мая сдалась и «крепость» Ляховичи. Карл XII прибыл лично в Клецк и в Ляховичи, очень похвалил Крейца за победу, но вернулся в Пинск. Дальше идти было нельзя. Только в Пинске король сообразил, что он без всякой пользы теряет тут, в пинских лесах и болотах, своих людей и время. В Пинске он сказал приору местного иезуитского монастыря, что «те, кто ему посоветовал идти этой дорогой, чтобы проникнуть в Волынь, не имели понятия об этих областях и что они его обманули» [109].

Выход русской армии из Гродно и затем быстрая и благополучная ее переброска в русские пределы были уже сами по себе большим военным достижением Петра. Но даже и он не мог предполагать еще 31 марта 1706 г., когда Огильви с армией ушел из Гродно и окрестностей, что сам Карл постарается

превратить эту ускользнувшую от него победу в нечто настолько вредное для шведской армии и что последствия этой русской гродненской операции приведут временно к большому ослаблению шведов и сильно отсрочат очередное предприятие Карла XII — вторжение в Саксонию, а тем самым и вторжение в Россию.

Дело в том, что Карл ни за что не хотел примириться с тем, что ему не удалось ничего поделать с совсем уже казалось попавшей в безвыходное положение русской армией. И он пустился в погоню за ней. После упомянутой битвы при Клецке Карл шел лесами и топями Литвы, шел *по белорусскому Полесью*, теряя людей, теряя орудия, подвергая страшному разорению край, сжигая деревни, свирепствуя так, что даже ко времени похода 1708 г. Полесье еще не оправилось (это мы знаем документально) от этого неистового разорения. Королю хотелось во что бы то ни стало догнать и разбить ушедшую русскую армию. Измучив вконец своих людей, потеряв немало пушек в невылазных болотах, он все-таки русских не догнал и со своими голодными солдатами и заморенными лошадьми, потопив много шведских солдат в белорусских топях, он дошел до Пинска и тут оказался буквально окруженным морем разлившихся в весеннее половодье рек и ручьев. Тут он взобрался на колокольню иезуитского монастыря, посмотрел на беспредельное водное пространство и, «улыбнувшись» (с почтением пишет его верный бард и оруженосец Адлерфельд), заявил: «дальше нельзя». Целый месяц длилась эта неудачная, необычайно тяжкая для войска погоня. Началось долгое возвращение с отклонениями, блужданиями, остановками и дальнейшим разорением Полесья и Литвы. Карл, не достигнув той цели, которую он себе поставил, занялся другой задачей: он пожелал, раз уже его занесло в эти места, поддержать своего ставленника Станислава Лещинского. Для этого он разорял и неистово грабил имения приверженцев Августа — Радзивиллов, Вишневецких и др. Его солдаты, впрочем, наголодавшись в первые два месяца похода, не очень разбирались в тонкостях политики польских группировок и обнаруживали в этом смысле полное беспристрастие, так что, ограбив врагов Станислава, они принялись грабить врагов Августа. Только в июне окончилось это предприятие.

Неудачная шведская погоня за ушедшей из Гродно армией и жестокое разорение шведами Литвы и Белоруссии касаются русских интересов с двх точек зрения: во-первых, была дана отсрочка в несколько месяцев для подготовки к обороне при неизбежном будущем шведском нашествии; во-вторых, разорение Литвы и Полесья сказалось через два года, в 1708 г., более вредно для самих же шведов, чем для русских, которые менее

зависели тогда в продовольственном отношении от ресурсов местного населения, чем шведы в те месяцы, когда Карл тщетно ждал Левенгаупта с его обозом.

26

Всю осень 1706 г. Август II, совсем бессильный против Карла, так как не только его новые подданные поляки, но и наследственные — саксонцы никак не могли держаться против войск Карла XII, не переставал «просить» царя через своего генерала Арнштедта дать ему, Августу, денег [110].

«Королевское величество зело скучает о денгах и со слезами наодине у меня просил понеже так обнищал, пришло так, что есть нечего»,— пишет Меншиков царю 26 сентября 1706 г. Август и дальше продолжает «скучать о деньгах» почти до ноября, когда не только русские узнали об Альтранштадтском мире, но уже и все «подлинные ведомости», все «договорных статей списки» попали в руки Меншикова и были им пересланы 28 ноября 1706 г. царю [111]. В середине октября приближенный Августа генерал Арнштедт продолжал шантажировать Петра намеками и угрозами о том, что Август уступит Польшу Лещинскому и заключит с Карлом мир. На него, Арнштедта, «поистине пророческий дух нашел»,— пишет он царю, и этот пророческий дух пророчит, что если королю Августу не дадут немедленно денег, то он перебежит к Карлу: «понеже при нынешних состояниях его королевское величество не может долго терпеть и из двух зол меньшее изберет», и наступят такие печальные перемены, что и миллионами субсидий («спомощи») нельзя будет исправить, а пока требуется всего несколько сот тысяч. Пророческий дух, вероятно, подсказал саксонскому генералу, что Август уже согласен на мир, но этого сообщать не следовало, пока от царя еще могло что-нибудь перепасть.

Несмотря на все слухи, и именно под впечатлением этих настойчивых выпрашиваний денег Петр не подозревал такого бесцеремонного обмана и коварства. И Шафиров тоже не ждал, и когда, сидя в Смоленске, получил в первых числах декабря из Вильны от почтмейстера известия «о нечаянном миру короля полского с шведом», то «было оным не поверил» и считал сначала, что это ложный слух, распускаемый неприятелем [112].

Но примирение Августа с шведами, т. е. полное подчинение Августа Карлу XII, было совершенно неотвратимо. Даже замечательная по искусству и доблести русских победа под Калишем не «успокоила» Августа настолько, чтобы предотвратить его измену и подчинение всем шведским требованиям.

Единственным большим политическим результатом этого весеннего и летнего похода Карла в глубь Литвы и Полесья польской Белоруссии в 1706 г. должно было бы признать то, что

Август окончательно убедился в необходимости поскорее сдаваться шведам на капитуляцию. Правда, этого результата шведский король мог бы достигнуть и несравненно более дешевой ценой вскоре после Фрауштадта. Во всяком случае неистовые грабежи, поджоги деревень, избиения жителей, которым шведская солдатчина с повеления Карла подвергала белорусские и литовские имения магнатов и даже простых шляхтичей, виновных только в том, что они не признавали Станислава Лещинского, произвели поистине терроризирующее действие в Литве и Польше. Приверженцы Августа отшатнулись от него, боясь жестоких шведских репрессий. Немногие оставшиеся на его стороне притаились и молчали. При этих-то условиях Карл XII вторгся в Саксонию, занял Лейпциг, Дрезден, расположил свою армию в центре страны и стал грозить Августу лишением уже не только польской королевской, но и курфюрстской саксонской короны.

Август пошел на мир, наперед решив принять все условия, какие пожелает поставить его беспощадный противник.

13 октября по русскому стилю (14-го по шведскому) 1706 г. между уполномоченными Августа — Пфингстеном и Имгофом, с одной стороны, и представителями Карла XII — графом Пипером и Хермелином, с другой стороны, были подписаны условия мира в местечке Альтранштадте (недалеко от Лейпцига), где находилась главная шведская квартира. Условия договора, в которых непосредственно была заинтересована Россия, были таковы: Август II отказывается от польской короны и признает польским королем Станислава Лещинского. Союз Польши с Россией и все союзы Августа с кем бы то ни было против Швеции уничтожаются. Шведская армия временно остается в Саксонии, где и содержится насчет саксонской казны. Русские войска, присланные в помощь Августу и находящиеся во власти Августа, отдаются шведам в качестве военнопленных. Содержавшийся в саксонском замке под арестом (с 23 декабря 1705 г.) Паткуль передается в руки шведов.

Август пошел на все, лишь бы сохранить за собой Саксонию. Карл XII не отказал себе даже в своеобразном удовольствии: он приказал Августу написать Станиславу Лещинскому поздравление с благополучным вступлением на престол (откуда самого Августа только что окончательно прогнал). Август и поздравление написал. Он умолял лишь об одном: чтобы Карл держал дело некоторое время в секрете, так как он, Август, находился в это время при большой армии Меншикова, и если бы русские узнали об этом альтранштадтском предательстве, то, конечно, Августу пришлось бы отправиться не в Дрезден, а в Москву. Карл согласился подождать, пока Август благополучно выберется подальше от Меншикова.

Окружение Карла не скрывало своего ликования по тому поводу, что так ловко удалось обмануть русских. Приведем, например, найденный в 1910 г. и опубликованный документ, исходящий от Станислава Понятовского.

Станислав Понятовский, краковский каштелян, перешедший на шведскую службу, состоял неотлучным адъютантом при Карле XII во время саксонского, а потом русского походов Карла. Понятовский, командовавший отрядом поляков, присягнувших Лещинскому, очень одобряет подлейшее поведение Августа, который еще во время битвы при Калише с жаром уверял Меншикова в верности союзу с Россией, а затем «ускользнул от русской кампании раньше, чем они проведали об (уже заключенном в Альтранштадте) мирном договоре», явился к шведам и «был принят с распростертыми объятиями». Понятовскому очень нравится эта ловкость Августа![113] Несравненно меньше ему понравилась впоследствии расторопность и быстрота соображения Августа, когда тот после Полтавы мгновенно вошел в Польшу, откуда Станислав Лещинский поспешил немедленно убраться.

Уже изменив союзу с Россией, Август, не смея признаться и боясь, что будет схвачен Меншиковым, допустил, что саксонский отряд участвовал в битве, которую дал шведам Меншиков.

18 октября 1706 г. русские войска под начальством Меншикова напали на стоявший у Калиша большой шведско-польский отряд. По донесению Меншикова царю, шведов было 8 тыс., а поляков — 20 тыс. Русская победа была полнейшая. Меншиков пишет о 5 тыс. павших на поле боя шведов и 1 тыс. поляков. Такую непропорциональность потерь Меншиков не объясняет, но мы знаем из очень многих показаний, что поляки довольно неохотно бились за Станислава Лещинского, почти никому не известного и навязанного им исключительно по внезапной фантазии Карла XII. Многие поляки разбегались во все стороны, едва начиналась битва, и ускользали из-под надзора своих шведских «союзников». Так или иначе, оставляя в стороне вопрос о полной точности цифровых показаний Меншикова, это большое сражение следует признать выдающимся подвигом русских войск, потому что хотя и у Меншикова были польские части, состоявшие из приверженцев Августа, но в общем их боеспособность и степень воодушевления едва ли были на очень большой высоте. Магнаты и их приверженцы, из которых одни стояли на стороне Августа, а другие на стороне шведов, окончательно сбивали с толку польских горожан, не говоря уже о порабощенной, совсем далекой от этих вопросов крестьянской массе.

Но для шведов калишское поражение, нанесенное им Меншиковым, было очень чувствительной военной и моральной

неудачей. Это был полный разгром после трехчасовой «регулярной баталии», причем сам главнокомандующий генерал Мардефельд был взят в плен [114].

Уже изменив Петру и рабски выполняя все распоряжения своего повелителя Карла XII, Август нагло требовал, чтобы Петр отпустил взятых Меншиковым в плен под Калишем шведов. Победа была одержана исключительно русскими — сам Август находился, как всегда, далеко от поля битвы,— но в письме к Петру он до курьеза лживо говорит о калишской «виктории», как о такой, где Меншиков «помогал» [115]. Мало того: по явному наущению Карла он требует выдачи ему пленных шведов, грозя в случае отказа уничтожить свой союз с Петром. Он это пишет, уже не только уничтожив свой союз с царем, но заключив мирный договор с Карлом XII и став покорнейшим слугой и вассалом Карла. Все это Август заявляет в надежде, что Петр еще не знает об его коварной измене и постыдной капитуляции [116].

Туго и медленно шли тогда даже самые важные и самые радостные новости, такие, которые правительству хотелось скорее всего сообщить населению. Достаточно сказать, что даже первое радостное сообщение о «великодивной победе над неприятелем» при Калише, случившейся 18 октября 1706 г., пришло в Москву лишь 12 ноября [117]. Сильно обрадован был царь русской победой над шведами под Калишем: «Которою радостию вам (sic — *Е. Т.*) поздравляю и весма желаю, дабы господь бог наивящее смирил сих гордых неприятелей»,— писал Петр Шафирову и приказывал ему дипломатически стараться использовать впечатление: «О сем с посланниками разговорись и объяви им пространно о той баталии, и какой от них получишь ответ, о том немедленно к нам отпиши» [118]. Если так задерживались подобные радостные реляции, то подавно никто не торопился пересылать известия печальные и тревожные, а уж чего тревожнее была новость («новизна») о капитуляции саксонского союзника, т. е. о мирном договоре Августа с Карлом XII в Альтранштадте. Даже царь и его ближайшие сотрудники узнали о тщательно скрывшемся от них поступке Августа с опозданием.

Приходилось считаться отныне с тем, что измена Августа снизила все значение калишской русской победы и что приблизилась опасность шведского вторжения. Петр решил искать посредничества Англии, если бы даже пришлось за это заплатить заключением союза с нею.

И немедленно он дает полномочную грамоту Андрею Артамоновичу Матвееву для заключения «договора и союза» с Англией [119]. Момент казался благоприятным. Петр считал, что подобной по размерам победы над шведами русские еще никог-

да не одерживали, и не переставал всюду рассылать «зело радостную ведомость о бывшей счастливой победе над шведами, какой никогда еще прежде не бывало». И спешит особо уведомить герцога Мальборо: «К Малбруху послать»,— гласит «заметка» Петра в конце декабря 1706 г.

27

Союз с Англией казался Петру после успехов Карла в Польше и Саксонии делом серьезным в высшей степени и неотложным. Уже в конце октября 1706 г. Шафиров по его повелению представил проект наказа А. А. Матвееву, собиравшемуся в Лондон. Матвееву давался материал для предстоящих разговоров с королевой Анной, с герцогом Мальборо, бывшим в такой силе в тот момент, и канцлером казначейства Годольфином. Шафиров предлагает, чтобы Матвеев обещал за содействие обоим английским сановникам «немалые подарки», «однакож поступать в том осторожно, разведав, склонны ль те министры ко взяткам». Но Петр сомневается, чтобы богатого Мальборо можно было соблазнить, а впрочем, двести тысяч ефимков ассигновать на эту попытку согласен: «Не чаю, чтоб Мальбруха дачею склонить, понеже чрез меру богат; аднакож обещать тысячь около двухсот или больше» [120]. Петр доказывает англичанам, во-первых, необходимость в их же интересах «шведа до такой силы не допустить», потому что шведы решительно союзники Франции («французской факцыи»), и Карл грозит из Саксонии вторгнуться во владения австрийского императора, союзника Англии; а, во-вторых, в прямых интересах английской торговли дать России возможность удержать за собой «полученные на Балтийском море пристанища», куда английским купцам будет удобнее и ближе ездить, чем в Архангельск.

Наконец, Матвееву дается полномочие вступить в подобные же переговоры и со всеми союзниками Англии, и с цесарским величеством (Австрией), и с Голландией, и с Данией.

Положение было настолько серьезное после отпадения Августа, воцарения Лещинского, завоевания шведами Саксонии, что Петр, предвидя неминуемое нашествие на Россию, не скупится на обещания. Англичанам он сулит, если они помогут ему заключить мир с Швецией с удержанием балтийских приобретений за Россией, оказать военную помощь, послав «хотя 30 тысяч» человек против французов.

Мало того. Опасность кажется настолько грозной и нашествие таким неминучим, что он подумывает даже и о том, чтобы пойти на великую жертву: отдать датскому королю Дерпт и Нарву, если Дания начнет войну против Швеции: «Если мне

на память взошло, не предложить ли Дацкому, что, ежели оной в войну вступит, то мы отдадим ему Дерпт і Нарву...і буде удобно сие, то б за секрет оному (датскому королю — *Е. Т.*) объявить; а худобы в том нет» [121].

Вот какие условия в иные минуты в это нелегкое время Петр считал возможным поставить на обсуждение в случае мирных переговоров:

«1. Ежели склонность шведов будет к миру, то трудиться дабы ко оному приступить и понеже не чаем чтоб они все завоеванное уступили, того для предлагать к отданию Дерпт. 2. Ежели тем довольны не будут, то чтоб деньги дать за Нарву 3. Ежели и сим довольствоваться не будут, а совершенно миру без лести похотят, только б отдать Нарву и в том не отказывать, а взять на описку» [122].

Мысль о достижении при посредстве Англии скорейшего мира с Карлом XII не покидала Петра. Сидя в Жолкиеве, он получил известие от русского агента барона Генриха Гюйссена, который вел секретные переговоры с герцогом («дуком») Мальборо (Джоном Черчиллем). Оказывается, что герцог в награду за то, что он поможет заключить русско-шведский мир, желает получить титул князя и (подразумевается) доходы с какого-либо русского «княжества». И, по-видимому, «вышереченный дук» не прочь и еще кое-что ценное получить за свои добрые услуги.

Петр, который всегда скептически относился к возможности купить слишком уж богатого Мальборо, очень на сей раз обрадовался именно потому, что «дук» обнаружил непомерную алчность и, значит, в самом деле серьезно хочет дело делать: «Ответствовать Геезену (sic — *Е. Т.*). На его вопрошение, что дук Мальбург желает княжества из руских, на то отписать к Геезену, естли то так и вышереченной дук к тому склонен, то [о]бещать ему из трех которые похочет: Киевское, Владимирское или Сибирское, и при том склонять ево (sic — *Е. Т.*), чтоб оной вспомог у королевы (английской — *Е. Т.*) о добром миру [с] шведом, обещая ему ежели он то учинит, то со онова княжества по вся годы жизни ево неприменно дать будем (sic — *Е. Т.*) по 50 000 ефимков битых». Но зная жадность «вышереченного дука», царь решил еще накинуть немного и обещает подарить дуку такой рубин, которого или совсем на свете другого нет, или «зело мало» такой величины во всей Европе и «которого прислана будет модель» уже наперед, чтобы недоверчивый дук не сомневался и взалкал. А сверх того дук получит орден Андрея Первозванного [123].

В России знали, что этот всемогущий в тот момент в Англии Джон Черчилль, герцог Мальборо, имеет безграничное влияние на королеву Анну. «Который крайний есть ее фаво-

рит»,— пишет о нем из Гааги А. А. Матвеев Г. И. Головкину. Петр написал 4 февраля 1707 г. из Жолкиева письмо герцогу Мальборо. Но мы знаем об этом письме только от Матвеева, который вручил его лично прибывшему в Гаагу герцогу: самого же письма, даже черновика, в наших архивах до сих пор не нашлось. Одновременно с письмом Матвеев вручил герцогу «клейнот его величества с портретом». «Он, принц Малбург, сперва в недоумении был и несколько времени отговаривался, ведая недостойна и незаслужена себя быть таких высоких его царского величества к себе милостей, и сего великого подарка». Но ломался англичанин недолго, и «тот клейнот также с великим респектом принял».

Мальборо очень обнадежил Матвеева, обещал «крепко говорить со шведом». Вообще Мальборо заявил Матвееву твердое желание «чинить все к угодности его царского величества» и простился с русским послом крайне любезно: «разъехался с несказанно какою любовью!»,— доносит Андрей Артамонович Головкину 11 апреля 1707 г. Перед отъездом Мальборо написал из Гааги 9—10 апреля ответ царю на упомянутое пропавшее для нас письмо Петра от 4 февраля того же года, переданное ему Матвеевым. Письмо полно выражений благодарности царю и обещаний сделать у королевы все желательное Петру, но составлено в самых общих выражениях. Оно было на латинском языке, но сохранилось у нас в русском переводе. Джон Черчилль подписался своим именем «Иоанн» (Джон) и титулом князя («принца») и герцога: «Вашего царского величества препокорный, благожелательнейший и препослушный раб Иоан, принц и дука де Марлборог» [124].

Но ничего реального из всех этих переговоров не получилось, если не считать царского «клейнота», но не рубина, попавшего в родовую сокровищницу фамилии Черчиллей авансом. Даже не удалось достигнуть, чтобы Англия отказала в признании Лещинского, ставленника Карла XII, польским королем. Англии казалось желательным в тот момент все, что могло отвлечь Карла от нападения на Австрию, главную союзницу Англии в бесконечно затянувшейся войне ее против Франции за испанское наследство. Поэтому шаги в пользу России были совсем нежелательными с английской точки зрения.

Джону Черчиллю, герцогу Мальборо, не пришлось ни стать вассальным русским князем, ни получить со своего русского княжества по 50 тыс. ефимков в год, ни, наконец, овладеть рубином, которого во всей Европе не найти. Карл XII не хотел и слышать ни о каком мире вообще и твердо решил мир подписать в Москве. А Петр и не пошел бы на такой мир, который отнял бы у России Ингрию.

Самое любопытное во всей этой истории заключалось в том, что Мальборо именно за тем и был командирован из Лондона к Карлу, чтобы всячески отговаривать Карла от вторжения в Австрию и, напротив, указывать ему на поход против России, как на самую подходящую цель, что и было им сделано. А по дороге он специально заехал в Гаагу, чтобы обмануть Матвеева...

Еще проезжая Саксонию, Мальборо узнал в Берлине, что ему хлопотать особенно не придется в Альтранштадте и не нужно будет тратить английские деньги, данные ему в Лондоне на подкуп шведских сановников и генералов. Ему сказали, что Карл думает только о походе на Россию и что окружение Карла всецело разделяет эти мысли «даже в еще большей степени, чем король», и никто из них не советует поэтому вмешиваться в германские дела. Это было именно то, что желательно было и королеве Анне, и британскому правительству, и самому Мальборо. Эти отрадные для герцога известия вполне подтвердились его личными наблюдениями в Альтранштадте: «зоркий глаз старого царедворца и испытанного воителя распознал очень скоро, что Карл обнаруживает известное равнодушие по отношению к войне в Западной Европе, но что его глаза метали молнии, и щеки краснели, как только упоминалось имя царя, да и стол короля был покрыт картами России». Герцог Мальборо умозаключил, что «не требуется никаких переговоров и никакого ходатая, чтобы побудить Карла оставить Германию и обратить шведское оружие против России». На всякий случай герцог все-таки дал кое-какие подарки графу Пиперу и Седерьельму, хотя Фриксель подчеркивает, что это стало известно только от самого же британского полководца и государственного деятеля, который частенько, когда это было возможно, не передавал таких английских подарков тем, кому они были предназначены, но предпочитал дарить их самому себе. Фриксель полагает, что англичанин поступил именно так и в данном случае [125].

Но на этот раз дело обстояло, по-видимому, иначе.

По английским документальным данным, за содействие английским планам министры Карла XII получили через посредство герцога Мальборо крупные (по тому времени) взятки: граф Пипер — ежегодную пенсию в 1500 фунтов стерлингов, Гермелин и Седерьельм по 500 фунтов ежегодной пенсии, а Гермелин еще и единовременное пособие в 500 фунтов. Зато успех был полный, и в своем докладе Королевскому историческому обществу 17 марта 1898 г. историк Стэмп от души поздравляет своих слушателей с успехом ловкого Джона Черчилля, герцога Мальборо: «Его визит имел полный успех... после нескольких месяцев откладывания дела Карл, к облегчению союзников

(Англии и Австрии — *Е. Т.*), снялся с лагеря и пошел на Россию»[126].

Во всяком случае Мальборо, который только что успокаивал Андрея Артамоновича Матвеева и уверял, что сделает все зависящее для скорейшего заключения мира России с Швецией,— теперь уехал из Альтранштадта, вполне сам успокоенный, удостоверившись, что Карл XII непременно нападет именно на Россию и ни на кого другого. И он помчался в Лондон, торопясь в свою очередь поделиться этой отрадной вестью с королевой Анной.

Мальборо виделся с Карлом XII в апреле, но у нас есть доказательства, что даже еще до вторжения в Саксонию и Пипер, и Гермелин, и Седерьельм единодушно поддерживали намерение короля напасть на русские владения. Показание Мальборо не оставляет никаких сомнений в твердом решении короля предпринять завоевание Русского государства.

28

Петр искал в то время посредников не только в Англии. Но тут его продолжали преследовать неудачи.

Еще когда Карл вступал из Польши в Саксонию, Петр рекомендовал Шафирову, чтобы он обратил внимание посланников («паче же дацкого») на серьезное приращение материальной силы Карла XII, который «Саксонию выграбит... и когда многие миллионы в сей богатой земле достанет и войско зело умножит»[127].

Предположение Петра оказалось совершенно правильным. Терроризованное саксонское торгово-промышленное и очень зажиточное в известной своей части сельское население Саксонии безропотно дало себя систематически грабить. Можно сказать, что саксонскими ефимками шведский король в значительной мере финансировал начало своего похода на Россию, т. е. военные действия в Польше и Литве. Эти саксонские фонды, быстро и беспрепятственно в течение года (от осени 1706 г. до осени 1707 г.) переходившие в распоряжение Карла, позволили ему с полным успехом обмундировать и вооружить новобранцев, которых он усиленно выписывал в 1706—1708 гг. из Швеции, и сильно поправить материальную часть потрепанных в прошлых битвах полков. Не забудем, что Саксония уже тогда была одной из самых промышленных и торговых стран в мире и, например, саксонские ярмарки первенствовали во всей Центральной и Северной Европе. Поживиться там шведам было чем. И недаром Петр писал Меншикову 19 октября 1706 г.: «О входе неприятелском в Саксонию не без великой печали нам»

и возмущался, не понимая, «для чего в Лепцих так скоро шведа пустили» [128].

Один за другим покидали Петра союзники. Уже были получены достоверные сведения, что Карл выступил из Саксонии, идет в Силезию, направляется в Польшу, угроза русским границам растет, казаки плохо прикрывают юго-запад, из пяти тыс., бывших у племянника Мазепы (Войнаровского), пятьсот человек уже успели разбежаться, и остальные не весьма благонадежны: «уже 500 человек побежали, а досталные, чаю, недолго подержатца» [129].

Крайне нужна диверсия, и может она воспоследовать только от датского короля. Но Фридрих IV боится и медлит. Успехи Карла XII в Польше и Саксонии привели его в полную растерянность. Петр уже не дает ему никаких советов, не уточняет своих желаний: лишь бы король датский согласился «коим-нибудь образом приступить и против неприятеля нам вспомогать...» [130] Едет с этим посланием в Копенгаген князь Василий Долгорукий, но не достигает ничего.

В тот же день, когда Петр пишет в Данию, подписывается им и «Грамота к Голландским штатам», очень ласково убеждающая голландское правительство, что царь не сомневается во «к нам всегда сохраняемой дружбе и приязни», а посему очень просит хотя бы впредь не пропускать «таких и иных купечеств в неприятельские пристани», а пока — приходится «уважить» голландскую просьбу о пропуске в Ригу строевого леса, закупленного голландским купцом в России для шведских военных судов [131]. Ничего нельзя было тогда поделать: ведь уже самая дерзость голландского домогательства показывала, что союз с Голландией висит на волоске.

Петр обещал тогда же и поддержку «воеводе Седмиградскому Франциску Ракочи» в его попытке добыть королевский престол и ждал посредничества Баварии и Франции для начала переговоров с Карлом XII. Новые попытки разбивались об упорство и самонадеянность шведского короля.

Никакого мирного посредничества Петр ни от кого не добился. Военные действия должны были теперь уже направиться непосредственно против России.

В самые последние дни декабря 1706 г. Петр прибыл в Жолкиев (в русских источниках «Жолква»). Меншиков с армией находился там уже с ноября.

Петр решил пока не выводить из Польши русское войско. Решено было выждать, соображая свои дальнейшие действия с дальнейшими движениями Карла в Саксонии и Польше.

Польша оказалась в руках шведов и их ставленника Станислава Лещинского. И все-таки Петр не считал целесообразным окончательно отказаться от низложенного Августа.

Что король Август II прозван «сильным» только потому, что у него крепкие мускулы и что он гнет серебряные тарелки, но что на самом деле он робок, готов на предательство, необычайно алчен и попрошайка, склонный прибегать к политическому шантажу при ходатайствах о субсидии,— это Петр знал очень хорошо. В ноябре 1706 г. царь писал о нем Меншикову: «...от короля всегда то, что дай, дай, денги, денги» [132]. Но приходилось до предательской истории с Альтранштадтским миром и даже после этого делать вид, что Петр считает Августа союзником верным, но только попавшим, к несчастью, в беду. Приходилось верить нелепой комедии, будто бы Август вовсе не хотел подписывать позорный мир, но что его уполномоченные Имгоф и Пфингстен напутали и, превысив свои полномочия, без ведома короля согласились на все условия Карла XII и что, например, Август совсем не знал, что Паткуля выдадут Карлу на пытки и колесование и т. д. Но что же было делать? Где искать более подходящего короля?

Есть одно замечательное высказывание Петра, касающееся этого вопроса. Прусский король интересовался, как думает поступить Петр в случае, если шведы уйдут «в свои земли» и «покинут» Польшу и Станислава. Петр решает вопрос так: он намерен будет признать польским королем того, кто может продержаться без помощи иностранцев. «А о признании такое средство положить: которой без помощи протчих останется собственною своею силою, того и признать» [133].

Это было по существу наиболее рациональное решение, но несчастье Речи Посполитой было в том, что уже прошли времена, когда она могла распоряжаться своим престолом по собственной воле, не считаясь с другими державами. Пришлось и Августом не брезгать, хотя он и изменяет и, даже изменяя, все-таки попрошайничает: «зело скучает о деньгах». Хуже всего было, что король Август, он же курфюрст Саксонский, отдал без боя свое богатое курфюршество шведам, и Петр видел, как разгорается пожар, и понимал, что «лучше сей огонь скорей угасить, пока швед не подопрется саксонскими деньгами». Но никто не мог тогда угасить «сей огонь». Он погас не в 1706 г., а только в 1709 г. на полтавском поле. А подкрепиться («подпереться») саксонским золотом Карлу удалось так обильно, что когда петровские кавалеристы ворвались 27 июня 1709 г. в шведский ретраншемент у полтавского вала, то в личном помещении бежавшего с поля битвы Карла они еще нашли два миллиона саксонских золотых ефимков.

Но до этой развязки еще много должно было утечь и русской и шведской крови. Пока материальная возможность вести очень долгую войну у Карла XII была.

С 28 декабря 1706 г. до 30 апреля 1707 г. Петр провел в Жолкиеве. Конница (драгунские полки) находилась при царе, в Жолкиеве и Яворове, а пехота стояла в Дубно и окрестных местах.

В Жолкиеве Петр созвал свой главный генералитет во главе с Меншиковым и графом Шереметевым. Время было неспокойное.

Дипломатическая изоляция России с каждым месяцем становилась все явственнее. Оскорбительные выходки и прямые провокации со стороны шведского короля следовали одна за другой. Варварская расправа с Паткулем произвела тогда в политических кругах Европы особенно сильное впечатление.

Паткуль, сидевший с конца 1705 г. в заключении в саксонской цитадели в Зонненшейне, был по специальному о нем условию, внесенному, согласно желанию Карла XII, в Альтранштадтский договор, выдан шведам, перевезен в г. Казимир в Польше и здесь предан в октябре 1707 г. мучительнейшей казни. Сам Карл лично дал очень подробную инструкцию: Паткуля сначала колесовали, причем ему было дано с долгими промежутками шестнадцать ударов кованной железом дубиной, переломавшей ему последовательно все кости рук, ног, позвоночника, затем, когда он подполз к эшафоту и умолял поскорее отрубить ему голову, то палач лишь на четвертом ударе топора покончил с ним. Труп затем был четвертован. И Карл XII был еще в большом гневе на офицера, командовавшего при выполнении казни, за то, что Паткуль не получил еще нескольких ударов, и офицер был за излишнее милосердие разжалован [134]. Все это со стороны Карла XII, знавшего, сколько раз царь хлопотал перед Августом о присылке арестованного Паткуля в Россию, проделывалось с целью как можно больнее уязвить и оскорбить царя в лице его полномочного посла, каковым числился Паткуль перед своим арестом.

Русские дипломаты именно так и поняли варварскую расправу с Паткулем как оскорбление, прямо направленное против царя, именно в виде ответа на протесты Петра перед Европой по поводу ареста его посла. Головкин и Шафиров, узнав о казни, разослали по иностранным дворам новый резкий протест и грозили репрессалиями, о чем сообщали Петру: «Да писали ж мы ко всем своим министрам, дабы, будучи при дворах, объявили, протестуя о жестокосердии короля швецкого, показанном в ругательной казни министра вашего Паткуля, несмотря на протестации ваши, и что тем он подает вашему величеству довольные причины ко взаимному отмщению» [135].

Приходилось привыкать все больше и больше к мысли, что вторжение Карла в пределы России совершенно неизбежно.

У русского командования уже был в основных чертах выработан знаменитый в военной истории России «жолкиевский план», приведший русскую армию и русский народ после долгих и тяжких испытаний к сокрушительной победе над высокомерным и жестоким врагом.

После Альтранштадтского мира Польша или часть (и самая значительная часть) ее перешла в шведский стан, и лишь местами, например в Литве, можно было рассчитывать при случае на благоприятное к русским отношение. С другой стороны, как мало ни полагался Карл XII на своих новоявленных польских союзников и их боеспособность и верность шведскому знамени, царь имел все основания опасаться, что отныне при энергии, предприимчивости, неукротимой отваге шведского короля грозный шведский враг воспользуется полным подчинением Польши его воле и двинется из Саксонии прямо на Украину, в Киев. Петр не думал, что это будет очень скоро. Мало того: в начале января 1707 г., т. е. в первые дни пребывания в Жолкиеве, он полагал, что Август II, оставшийся курфюрстом саксонским, вступит в союз со своим суровым победителем Карлом и шведы с саксонцами вторгнутся во владения австрийского императора, и, значит, подтверждаются слухи, что «швед софсем (sic — *Е. Т.*) не мыслит выходить из Саксонии в Полшу» [136].

Извещая о том же Апраксина, Петр не скрывает своего удовольствия: «Писма приходят, что швед конечно намерен против империум (Австрии — *Е. Т.*); дай боже, чтоб правда то было» [137].

Эти слухи явно очень сильно занимали царя. Во-первых, Россия в случае похода Карла XII из Саксонии в Австрию получала немалую передышку в тяжкой войне. Во-вторых, являлась возможность привлечь к тесному союзу не только Австрию (что уж само собой сделается, конечно), но и Англию. Петр рассуждает совершенно логично. В случае вторжения победоносного шведского короля во владения австрийского «цесаря» Австрия фактически выходит из войны за испанское наследство и Англия остается почти в одиночестве лицом к лицу с Людовиком XIV. И тогда Карл может заставить Англию пойти на все уступки и заключить невыгодный мир с французами. Петр приказывает Шафирову узнать: что же англичане предпочтут — вступить в союз с Россией или покориться угрозам Карла? «Того для... с Аглинским (послом — *Е. Т.*) и протчими поговори и уведай как возможно, ежели с устрацываньем принуждать их станет швед (что уж и починаетца) к миру с Франциею, тогда будут ли они нас желать в союз или по воле ево зделают (sic — *Е. Т.*)» [138].

К слову заметим, что англичане в это самое время, весной и летом 1707 г., вели большие торговые операции в Архангельске.

Торговля с англичанами и голландцами ширилась, и никакие превратности и русские неудачи в затянувшейся борьбе не уменьшали торгового обмена. Как самое обыденное явление Витворт сообщает, например, своему правительству 30 июля 1707 г., что в Архангельск благополучно прибыли шестьдесят четыре английских купеческих корабля под специальной охраной трех английских военных судов. И должны были прибыть туда еще тринадцать или четырнадцать, но есть опасение, что они попали в руки французов. И еще ждут тринадцать судов из Гамбурга и несколько судов из Голландии и еще из Англии [139].

Из Саксонии Карл XII все не выходил. Для англичан это становилось в тот момент (весной 1707 г.) тревожным, потому что из Саксонии Карл XII грозил вторгнуться в Габсбургские владения, что имело бы последствием фактическое устранение Австрии из войны за испанское наследство, так как все вооруженные силы австрийский император должен был бы отозвать для защиты Вены и своей империи. Если бы это случилось, то англичанам пришлось бы в несравненно большей степени, чем до той поры, участвовать непосредственно в сражениях против французов. А герцог Мальборо привык одерживать свои английские победы немецкой кровью, и в его расчеты вовсе не входило лишиться в разгаре тяжкой войны австрийских союзников. Но так как и для поддержки Августа в Саксонии пришлось бы там лично воевать и тратить войска, чего тоже англичане не хотели, то они ограничились широким распространением слухов, что вот не сегодня-завтра Мальборо явится в Саксонию, чтобы выгнать шведов: это уже одно могло заставить шведского короля воздержаться от нападения на имперские австрийские владения.

Верил ли Август этим английским посулам или умышленно лгал Петру, но вот что прочел царь в письме, написанном саксонским придворным служащим Шпигелем Г. И. Головкину и П. П. Шафирову 28 апреля 1707 г.: Шпигель сулит царю «превеликие удовольствия», потому что случилась «знатная причина и великая польза»: «Милорд Марлборук за два дня совершенно в Лейпциге будет и подлинно шведов в мае месяце из Саксонии вон выпроводит». Но зная, как мало Петр имеет основания полагаться на обещания англичан вообще, а герцога Мальборо в частности, Шпигель обещает доставить подробности о том, что уже на этот раз все будет сделано на совесть: «Я о Марлборукове исправлении все обстоятельную ведомость с собою принесу!» [140]

Задержка шведского короля в Дрездене и его окрестностях была очень на руку царю. Даже и не веря в «исправление Марл-

боруково», царь знал, что самый слух о приходе англичан задержит Карла XII.

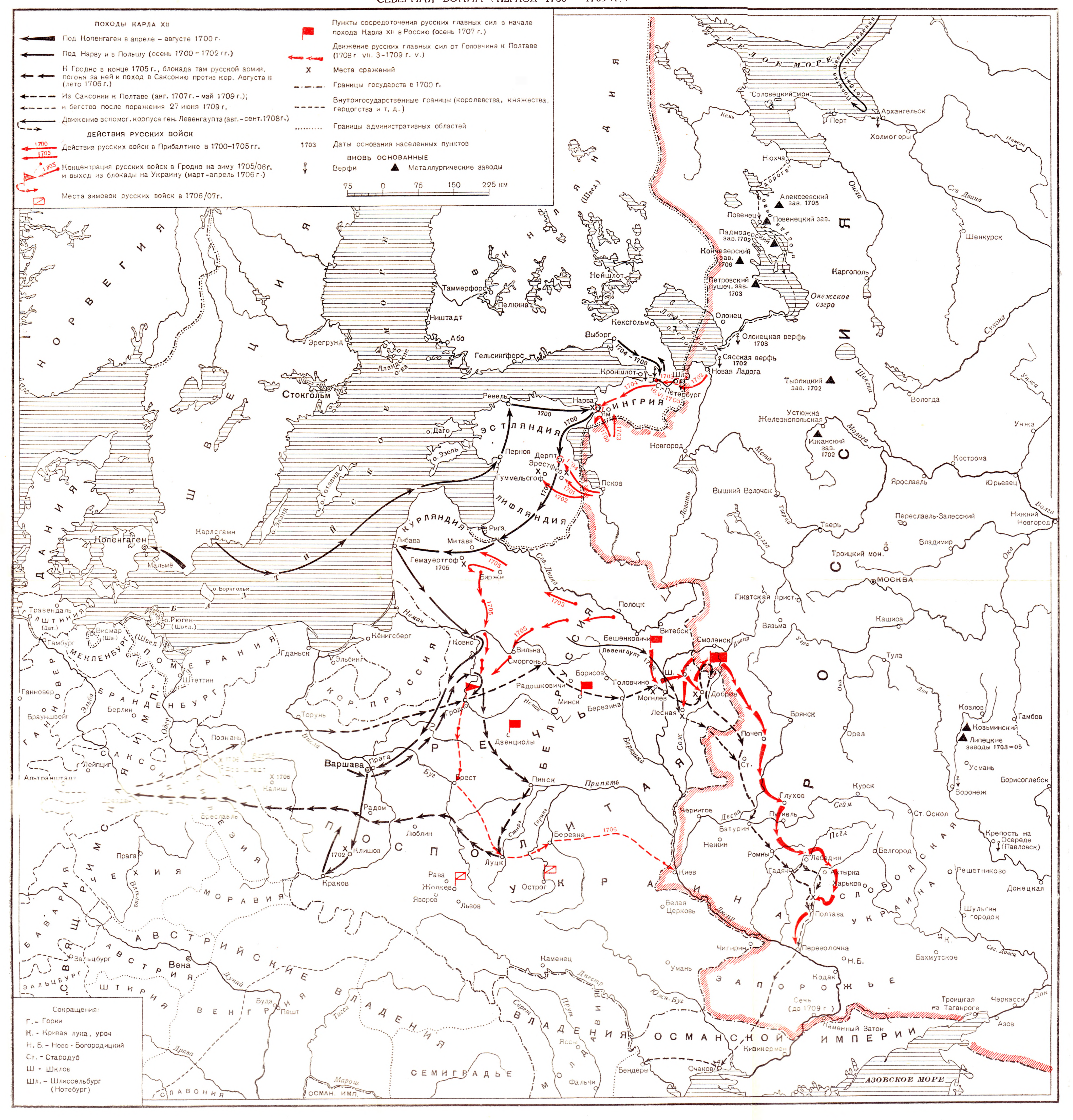
Вообще никакая статистика движения торговли между Англией и Россией, если бы она существовала,— а ее не было и в помине для этих лет — не могла бы дать более яркого представления о громадном значении для англичан русского сырья, чем дает общая дипломатическая переписка английских послов, сидевших в Москве, с их правительством. Послы постоянно уверяют свое правительство в том, что они очень хорошо понимают, до какой степени вредно для жизненных интересов английской торговли раздражать царя и как заботливо поэтому должно скрывать и маскировать от русских такие шаги британского кабинета, которые могут вызвать неудовольствие России и экономические репрессалии. Дело об оскорблении посла Матвеева (задержанного «за долги» якобы по оплошности полиции и сейчас же выпущенного с большими извинениями) вызвало какую-то панику: министерство и сама королева Анна не щадили самых горячих, самых сердечных выражений, чтобы засвидетельствовать перед царем свою «скорбь», и шли на какие угодно извинения. Нужно заметить, что выполнение затеи с арестом Матвеева оказалось большой оплошностью и причинило англичанам много ненужных и досадных неприятностей. При этом и послы и министры знали, что чисто политическими репрессалиями Россия мстить им не станет вследствие необходимости считаться с Англией в разгар войны против Швеции. Но мстить средствами экономическими, стесняя вывоз сырья из России в Англию или давая преимущества голландцам, было возможно, и это очень пугало английское правительство. Вот почему затеянное с явно провокаторскими целями, но неловко выполненное нападение на А. А. Матвеева пришлось заглаживать извинениями. Таково было объяснение подобных «колебаний» и противоречивых поступков. «Александра Даниловича здесь ждут со дня на день, а это в самом деле необходимо для окончания некоторых дел, которые вполне зависят от его усмотрения,— и прежде всего дело о дегте»,— пишет посол Витворт статс-секретарю Гарлею 13 февраля 1706 г. И посол доносит о важном событии: он узнал два дня назад от одного лица, которое в курсе дела, что срубили много деревьев и что весной будет готово пятьдесят тысяч бочек смолы, правда, по чрезмерной цене. И вот какое несчастье: голландцы проведали и уже поспешили согласиться на всякую цену и выплачивают ефимками. Посол не может скрыть своего огорчения и слагает вину за эту прискорбную неудачу на британское правительство, а не на себя: «Если бы я вовремя знал, как морское ведомство серьезно заинтересовано в сделке, я мог бы предупредить такое повышение цен». Но посол все же хочет хоть немного

утешить британское правительство: «Во всяком случае я все-таки попытаюсь достать двадцать пять тысяч бочек, если возможно, по более разумной цене и надеюсь дать вам лучшее сообщение об этом деле!» [141] Вот типичный тон английской дипломатической переписки в годы Северной войны. Не только могущественное купечество, но и непосредственно английская государственная власть были очень живо заинтересованы в получении русского дегтя, мачтового леса, пеньки, льна и льняной пряжи, кожи и т. д. И не только в русском экспорте в Англию, но и в английском импорте в Россию была заинтересована английская торговля. Достаточно проследить по переписке послов о том, как живо интересовались в Англии вопросом о ввозе в Россию из Англии табака и табачных изделий. Британские дипломаты очень ухаживали за «Александром Даниловичем», как они ласково называют Меншикова, и за Шафировым, от которых очень зависели эти дела внешней торговли. Какое в посольстве ликование было, когда в середине апреля 1706 г. удалось через Шафирова не только уладить дела о ввозе табака в Россию, но, что было гораздо важнее, добиться разрешения царя на вывоз из Архангельска «десяти тысяч бочек смолы для флота королевы» и обещания царя и дальше отпускать этот драгоценный товар. Посол ликует: «Я уже совсем считал дело пропащим!» [142]

В России хорошо понимали, какая услуга оказывается англичанам, и настаивали (именно во время таких торговых переговоров) на том, чтобы Англия оказала содействие по заключению мира России с Швецией. Трудная полоса войны начиналась в 1706 г. и не скоро она окончилась, а мир с сильным врагом был желателен.

Заметим, что если, как мы видели, в 1707 г. Англия была заинтересована в том, чтобы Карл XII из Саксонии, где он стоял, ринулся не на Австрию, а уж лучше на Россию, то отсюда не следует, что желателен был открытый разрыв с Россией. Напротив, Англия тогда стремилась такого разрыва избежать. Достаточно прочитать систематические донесения Витворта статс-секретарю Бойлю за 1708—1709 гг., чтобы убедиться, какую громадную важность придавали англичане торговле с Россией. Посол очень беспокоится о том, что военные действия могут затронуть Стародуб и другие города, откуда идет пенька, и что при опустошении русскими территории сжигается много пеньки, и, пожалуй, зимним путем на этот раз не доставят ее, как всегда, в Архангельск к весне. Когда случилась неприятная история с задержанием и оскорблением посла Матвеева, которая долгими месяцами не могла уладиться, так как царь не удовлетворялся предлагаемыми извинениями, то Витворт писал с тревогой, что если у царя останется чувство

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА (ПЕРИОД 1700 — 1709 гг.)



неудовольствия, то от этого может очень пострадать торговля Великобритании с Россией, которая «в будущем до такой степени важна специально для сбыта наших шерстяных мануфактурных изделий в России»[143]. Таким образом, Россия для англичан крайне важна не только как рынок сырья (пеньки, мачтового леса, смолы, сала и т. д.), но и как рынок сбыта изделий английских мануфактур.

Таким образом, англичанам приходилось действовать очень осторожно и исподтишка: всеми мерами вредить России, поддерживать и подстрекать ее врагов, но делать это так, чтобы русские не получили о том сведений и не прекратили торговых отношений. И у русской дипломатии поэтому были, казалось, некоторые надежды, что в конце концов Англия все-таки возьмет на себя посредничество. Были и утешительные известия, что Карл расположился в Саксонии надолго. Но успокаиваться на этих благоприятных предположениях и слухах было невозможно.

Приходили и совсем другие вести. То пишут о подозрительных движениях шведов на севере («того я зело боюсь, чтоб оные не напали на Псков, которая крепость как слабая»)[144], то надо беспокоиться о Полоцке, которому может грозить приближение неприятеля[145], то одолевает забота о возможном весной вторжении Карла на Украину. Царь пишет в конце января 1707 г. Мазепе, напоминая ему, что необходима теперь особая осторожность и «вящее приготовление», потому что теперь (т. е. после измены Августа) «уж сия война на однех осталась», т. е. на одних русских выпала необходимость ее вести. А поэтому он приказывает гетману: «чтоб заранее к походу изготовитца и чтоб по самой первой траве в мае под Киевом стать». Необходимо кончать постройку киевской фортеции, «а паче для обороны от неприятеля своих краев, о котором сказывают, что конечно намерен в первых числах маия итти к нашим краем, чего для надлежит вящее приготовление в войсках иметь». На войска украинские Петр не очень надеется, потому что он верит лишь в то стоящее на высоте тогдашней военной науки регулярное и обученное воинство, которое он сам с таким трудом и таким, как показало будущее, блестящим успехом упорно стал создавать после первой Нарвы. Царь считает, что необходимо поспешить с укреплением рубежей саперной работой: «И понеже ваша милость можете знать, что войско Малороссийское не регулярное и в поле против неприятеля стать не может, того для советую вам доволное число лопаток и заступов велеть взять с собою, також и добрую полковую артиллерию», чтобы укрепиться у Днепра «шанцами или окопами... и тем возбранить неприятелю ход в свою землю», и вообще «в украиных городах» должно строить палисады и другие укрепления[146].

Петр уже в ноябре 1706 г. предвидел, что Украина рано или поздно может стать театром военных действий. Он ждал до поздней осени 1706 г., что шведское нашествие на Россию начнется непосредственно после вторжения Карла в Польшу, т. е. что шведы пройдут через Литву и Белоруссию, не гоняясь за Августом. Но когда обнаружились намерения Карла покончить с Августом и он вошел в наследственное саксонское курфюршество, то царь написал Меншикову: «А на Украине что делать теперво нашему войску, не знаю, понеже дело инако цервернулось, как мы думали». И уже у Петра намечается новая стратегическая задача: занять Литву и отбросить подальше от русских пределов северную группу шведских сил, отбросить к северу, где русские уже чувствуют себя довольно твердо: «Мне кажетца, не хуже б пехоте всей по доброму пути вступить в Литву в удобное место, а часть послать на Левенгоупта (sic — *Е. Т.*) знатную, и паки бы загнать его в Лифлянды», где весной, когда можно начать бомбардировку Риги, «також и Левенгоупту будет великая теснота». В тот же день, 4 ноября 1706 г., Петр дает знать и по дипломатической части П. П. Шафирову, что уже нельзя ждать немедленного похода Карла на восток и что наша конница потому только так глубоко «подалась», «что сперва хатели тем ево (sic — *Е. Т.*) походу помешку учинить», а теперь все повернулось по другому и «нынече инако будем поступать» [147].

Когда обнаружилось, что Левенгаупт все-таки задерживается в Литве, то у Петра является новая мысль: «где случай позовет, и чтоб ево по времени отрезать от Риги подшитица». Карл XII далеко, и «случай изрядной, что оной (Левенгаупт — *Е. Т.*) так далеко и от Риги и от короля зашел» [148]. Но это намерение оказалось неисполнимым.

30

В некоторых старых работах совершенно неверно говорится, на основании неточного сообщения в «Журнале» Петра, будто царь получил впервые в декабре 1706 г. «неожиданное» известие о «тайном» заключении мира между королем Августом и Карлом XII [149]. Мы видели, что Петр узнал об этом уже очень скоро после события, и в декабре 1706 г. ровно ничего «неожиданного» в этой устаревшей новости для царя не было. Если бы у Петра могло остаться какое-нибудь сомнение относительно того, что отныне польская шляхта враждебна не только в тех местах, которые признают королем Станислава Лещинского, но и там, где «можновладство», магнаты стоят на стороне России, то были происшествия, чувствительно напоминавшие об этом царю.

Шляхтич Вяжицкий (из дружественной шляхты) «зазвал в гости едучих» двух русских офицеров Семеновского гвардейского полка, сержанта и девять человек солдат «и потом ночью спящих побил до смерти». Так донес Петру 11 февраля фельдмаршал Шереметев, а Петр уже 13 февраля пишет князю В. Л. Долгорукому, что этих семеновских офицеров и солдат он «с молодых лет с собою ростил» и «зело печално» царю это злодеяние. Петр приказывает Долгорукому обратиться к польским властям («дружественным» России не меньше шляхтича Вяжицкого) и сообщить, что если русских «так здесь станут трактовать, то наперет контровизит зделаем и чтоб посланы были немедленно указы везде, чтоб того не дерзали, ібо ежели бы сего убойцу (sic —*Е. Т.*) не сыщут, то мы на всем повете сию кроф (sic — *Е. Т.*) будем сыскивать» [150]. Угроза повлияла, убийцу и его товарищей привели к Шереметеву, и их казнили. Среди таких впечатлений жил Петр в Жолкиеве, а солдаты — в Люблине, Жолкиеве и других городах Польши. Без «контровизитов», которыми грозил Петр, дело никак не могло обойтись. Князь Михаил Вишневецкий с целой литовской армией неожиданно покинул сторонников России и перешел к Станиславу Лещинскому, т. е. к шведам. В городе Быхове, тоже перешедшем на сторону Станислава, находился воевода Синицкий, и пришлось долго (около месяца) осаждать Быхов. Еще 24 марта (1707 г.) Синицкий горячо уверял Петра в своей непоколебимой верности, находил недостаточно пылким традиционное «падам до ног» и писал: «подстилаюся под маестат вашего царского величества со всем почитательством» [151], а между тем уже 31 марта Петру привелось сообщить Родиону Христиановичу Боуру следующее: «Понеже подлинно здесь известно, что как гетман Вишневецкой, так и генерал Синицкой конечно приняли сторону Станиславову, того ради надлежит на оных бодрое око иметь и, яко от неприятелей, быть весма в твердой осторожности» [152]. Но око Боура, очень хорошего и оперативного генерала, на этот раз оказалось недостаточно «бодрым»: «достать Синицкого» никак не удалось, пришлось предпринять долгую и нелегкую осаду, с штурмами, подкопами под стены и взрывами их и т. д. Синицкий начал свою новую деятельность с того, что неожиданно напал на русский отряд, везший 40 тыс. руб. казенных денег (по другим показаниям — 30 тыс.), отряд почти весь перебил, а деньги забрал. Он надеялся, заперевшись в Быхове, дождаться там помощи от шведов. Но не дождался. Быхов был взят в начале июня и почти весь сожжен, а Синицкого препроводили в Москву, откуда он уже не вышел. Город Быхов лежал на прямом пути из Польши в Москву, и если бы шведам удалось его выручить, то угроза шведского нападения, и без того висевшая над Россией, очень бы усилилась. Расправой с Быховым

был уничтожен важный опорный пункт ожидаемого шведского нашествия.

Таково было неспокойное жолкиевское сидение 1707 г. Петр неоднократно издавал грозные повеления о том, чтобы русские войска не смели обижать поляков, стоящих на стороне России, но отношения не улучшались. И становилось ясно, что, если даже посадить на польский престол венгерского князя Ракочи, или принца Евгения Савойского, или Якуба Собесского, или какого-нибудь другого кандидата, особого от этого толку не будет. Наибольшее, чего можно достигнуть, это безопасного пребывания русского войска в той или иной местности. Но об активной помощи русским не могло быть и речи. И тут не помогло и то, что Петру удалось склонить папу Климента XI отказать в признании Станислава королем польским. Климент XI не расположен был к прямолинейному простестантскому пиетисту Карлу XII, считавшему себя, подобно обожаемому им предку Густаву Адольфу, призванным активно бороться против католической церкви в Саксонии, Силезии, Польше.

С внешней стороны дело было поставлено так, что нового короля должны были избрать сами поляки.

Когда царь сидел в Жолкиеве, в г. Люблине, занятом русскими войсками, заседал «сейм», на который собрались магнаты и шляхтичи, враждебные Станиславу Лещинскому и шведам. Люблинский сейм производил мало впечатления в Европе. Кандидаты один за другим либо отказывались, либо их самих, пообдумав, Петр отстранял. Люблинским голосованиям против Станислава, торжественным обещаниям и заверениям царю никто серьезного значения не придавал: «Царю предстоит утомительная игра (a weary game to manage), потому что, может быть, поляки своими открыто проводимыми интригами в его пользу только стремятся под рукой выговорить для себя более выгодные условия у Станислава. Потому что полагаться на самые торжественные их заверения — это все равно, что опираться на сломанную палку, которая может пронзить опирающуюся на нее руку» [153],— так писал Витворт в Лондон 1 января 1707 г., т. е. через три дня после того, как царь прибыл в Жолкиев, где и засел надолго, причем одной из главных его целей была поддержка люблинского сейма и выбор нового короля. Но ничего из всех этих сборов и намерений не вышло.

В зиму 1707 г. русское правительство, учитывая трудность положения и одиночества в страшном единоборстве с могущественнейшим врагом, искало союзов, шло на всякие милости и любезности по отношению к враждебным Станиславу Лещинскому полякам, выражало готовность к миру с Карлом, но в одном было совершенно непреклонно: балтийских завоеваний

своих не отдавать ни за что: «А чтобы нам всего взятого уступить, о том крепко посланникоф обнадежь, что ни по которому образу того не будет, что господь бог чему ни изволит быть, понеже хуже сего нечему быть» [154]. То есть уступка на Балтике была бы хуже всего, даже хуже грозящего нападения Карла XII на Украину и на Смоленск и Полоцк.

31

Именно в Жолкиеве, в первые же дни после приезда 28 декабря 1706 г. сюда Петра, на генеральном военном совете под председательством царя был выработан общий план, который потом и осуществлялся, поскольку это зависело от русских войск. Вот этот план: «Ту же в Жолкве был Генеральный совет, давать ли с неприятелем баталии в Польше, или при своих границах, где положено, чтоб в Польше, не давать: понеже, ежелиб какое нещастие учинилось, тобы трудно иметь ретираду; и для того положено дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет; а в Польше на переправах, и партиями, так же оголоженьем провианта и фуража, томить неприятеля, к чему и польские сенаторы многие в том согласились» [155].

Мысль здесь ясна. Не только немедленно, но и в ближайшие годы русская армия в чужой стране — Польше — не может быть уверенной в победе, а при поражении отступать будет худо, и ей, значит, будет грозить истребление. Следовательно, армия должна отступать в Россию, где неприятель в свою очередь будет рисковать погибнуть в случае поражения. Когда впоследствии шведские летописцы событий вроде Нордберга или Адлерфельда порицали с высоты своего непонимания «варварский» образ действий русских в Белоруссии, на Украине, на Смоленской дороге — всюду, где проходил или ожидался русскими неприятель — они не подозревали, что решенное в Жолкиеве уже наперед «оголожение» врага, лишение его пропитания и есть один из существенных методов борьбы. Узнали в свое время шведы очень хорошо, что понималось на генеральном совете в Жолкиеве под словами: «а в Польше на переправах и партиями... томить неприятеля», избегая «генеральной баталии». Эти нападения «партиями», небольшими отрядами, чаще всего конными, а иногда и конными и пешими, очень «томили» шведского агрессора впоследствии и до Лесной и после Лесной, и под с. Добрым, и возле Стародуба, и у Ахтырки, и перед Полтавой. А генеральную баталию в Польше и в Литве так и не дали как это и было решено в Жолкиеве, и как определенно было сказано, что именно *в Польше* избегать генеральной битвы. Что в самой России, куда уже тогда собирался

со временем пойти неприятель, дело непременно дойдет до решающего боя — это было ясно само собой.

Еще за несколько лет до выработки в Жолкиеве общей стратегической программы на совещании 28 декабря 1706 г. Петр уже имел случай сказать: «Искание генерального боя зело суть опасно, ибо в один час может все дело опровержено быть».

И все, что было выработано и обдумано в Жолкиеве, последовательно проводилось затем в 1707—1708—1709 гг. Самое любопытное в военной истории 1707—1709 гг. это абсолютное нежелание и бессилие Карла и его штаба (в том числе и генерал-квартирмейстера Гилленкрока) понять всю зрелую обдуманность действий русского командования, весь этот далекий прицел, который привел в сентябре 1708 г. к Лесной, а в июне 1709 г.— к Полтаве. Сколько «побед» радовали Карла, Реншильда, Пипера, Акселя Спарре, Левенгваупта, Лагеркрону в эти годы! Сколько раз они издевались над «вечно» отступавшими русскими! Только месяца за три до Полтавы начал несколько утихать этот веселый смех в шведской главной квартире...

28 мая 1707 г. внимательный и снабженный большим шпионским аппаратом в Москве английский посол Витворт доносил в Лондон, что укрепляется Дубно, что в Киеве остается всего лишь 6 тыс. человек, а главным театром войны будет Литва и основная армия собирается на Висле. На Днепре же — в Смоленске и Могилеве — создаются большие склады припасов. «Выдают, будто готовы рискнуть дать сражение шведам, а если будет неудача, то постараются вести войну по-татарски и довести неприятеля до гибели от голода (to starve), если не будут в состоянии разбить его». И посол утверждает, что, судя по царским приказам, привезенным в Москву (Мусин-Пушкиным, которого Витворт называет Пушкиным), царь хочет вести войну с бóльшей силой, чем до той поры [156].

И это происходило летом 1707 г., когда в Польше Станислав укреплялся все больше и больше; когда воевода Синицкий изменил русской группировке и, захватив деньги, назначенные Вишневецкому, перебил русский конвой и с несколькими тысячами войска перешел на сторону шведов; когда ждали больших и опасных для России боев в Польше и когда, наконец, Австрия, Пруссия, Англия признали или готовы были, несмотря на все убеждения Петра, признать Станислава польским королем.

Весной 1707 г. шведская армия начала переходить из Саксонии в Польшу, и уже ни для кого не было тайной, что ближайшей целью Карла будет поход на Москву. Шведская армия поотдохнула в богатой Саксонии и была в полной боевой готовности. А победы над датчанами, русскими, поляками, саксон-

цами долгие годы поддерживали уверенность шведов в своем превосходстве над всеми врагами.

Правда, как раз победы над русскими уже никак нельзя было назвать «непрерывными». Нет, перерывы случались неприятнейшие, и не один, и не два, и не три раза, еще задолго до грозной встречи под Лесной. В 1702 г. Шереметев жестоко разбил Левенгаупта под Эрестфером, в 1704 г. произошла так называемая вторая Нарва, т. е. страшное поражение шведов и кровопролитное взятие нарвской крепости петровскими войсками. Эта крупная русская победа 1704 г. уже сама по себе могла загладить или во всяком случае сильно смягчить воспоминание о первой Нарве 1700 г. А сколько было с тех пор крупных и мелких стычек на Балтийском побережье, когда, правда, были и отходы и временные неудачи русских, а все-таки в конце концов город за городом русские забирали у шведов, когда никакими усилиями нельзя было ни вернуть от русских эти потерянные позиции, ни отнять или разрушить возводимые Петром новые города и укрепления.

Эти неудачи до странности мало влияли на шведского короля и его армию. Солдаты главной армии просто очень мало знали о том, что творится в Ингерманландии, в далекой Эстляндии, в Ливонии, в еще более далекой Карелии. Они помнили только о первой своей встрече с восточным врагом под Нарвой в 1700 г., а потом их повели воевать в Польшу, в Саксонию, опять в Польшу, и здесь кроме побед, они почти ничего и не видели. Конечно, и здесь были неприятные (и даже очень неприятные) эпизоды, например битва под Калишем 19 октября 1706 г., когда Меншиков наголову разбил шведов и соединившиеся с ними польские ополчения из Литвы.

Но все-таки в конце концов среди этой польской многолетней сумятицы и неразберихи, в этой междоусобной войне между двумя польскими королями — русским ставленником Августом и шведским — Станиславом Лещинским — последний оказывался «победителем» после Альтранштадского мира, и уверенность в непобедимости короля Карла XII росла среди его солдат. Что касается самого Карла, то он раз навсегда отмахнулся и отделался крылатым словцом, которым он отвечал на беспокойные представления и напоминания генералов о закладке Петербурга, об укреплении Кроншлота, о русских верфях: «Пусть строит, все равно все это будет наше...» Вовсе не туда нужно идти, по мнению Карла, где закладывалась на ингерманландском болоте какая-то новая столица, а нужно с оружием в руках войти в настоящую, в старую столицу, в Москву, и там подписать победоносный мир. Таковы были настроения шведского короля, когда уже сделанный путь от Стокгольма до Дрездена и от Дрездена до Вильны осталось еще дополнить и

продолжить дорогой от Вильны до Москвы, где и произойдет триумфальное окончание походов нового Александра Македонского.

В начале мая 1707 г. Петр, уже выехав из Жолкиева в Дубно, получил тревожное известие о выходе Карла XII из Саксонии в Польшу. Летят немедленно указы Шереметеву, Мазепе, Григорию Скорнякову-Писареву, Алларту, Боуру, Репнину — все указы от 5 мая 1707 г., а на следующий день (6 мая) подробный указ В. Д. Корчмину об укреплении Кремля и Китай-города в Москве: у Никольских и Спасских ворот сделать редан, а за рвом у Спасских ворот еще контрэскарп, от Неглинной до Москвы-реки сделать везде больварки и контрэскарпы и устроить, где нужно, артиллерию для обороны города [157]. За известием о выходе Карла из Саксонии последовало и другое: шведы намерены идти к Киеву. Петр уведомляет об этом гетмана Мазепу 11 мая 1707 г. [158]

Обращаясь к герцогу Мальборо и снова к Анне, королеве английской, за посредничеством, царь дал Шафирову и краткую инструкцию об условиях. Во-первых, можно согласиться вернуть шведам Дерпт. «Ежели тем довольны не будут», то, не возвращая шведам Нарву, уплатить за нее денежную сумму. Но если они на это не согласятся, то отдать и Нарву, «хотя б оною і уступить (аднакож (sic — *Е. Т.*) сего без описки не чинить)», т. е. оговорить сроки и другие условия. Но об отдаче шведам Петербурга даже и не думать («ниже в мысли иметь») [159].

О широчайших замыслах Карла XII знали давно, поэтому очень энергично укрепляли и старую столицу.

Осенью и зимой 1707 г. до 20 тыс. человек усиленно работали над укреплениями вокруг Москвы и в самом городе. Строились бастионы и вместе с тем формировались полки из московских жителей. Заблаговременно готовились к шведскому нашествию. За Днепром и Двиной возводились сильные укрепления [160]. Эти наблюдения и известия внушали иностранным резидентам, даже осторожному и довольно осведомленному Витворту, превратные понятия о близкой для русской столицы опасности. Точно так же он повторяет россказни шведов о «паническом бегстве» русской кавалерии (зимой и в начале весны 1708 г.) от любого отряда шведов или служащих у них волохов [161]. И Витворт и шведы не знали ни о жолкиевском плане вообще, ни о том, что Петр и его генералы совершенно намеренно и сознательно не желали ввязываться в бой ни в Польше, ни в Литве и что кавалерии, как и другим частям, воспрещено было впредь до особого приказа начинать сражение. Эта мнимая «паника» русских кавалерийских разъездов тоже сыграла свою роль в роковом для Карла заблуждении и

заставила его ускорить приготовления к вторжению в Россию. Слишком поторопился Витворт иронически жалеть «бедного царя», the poor czar, как он его называл иногда в своих донесениях перед сражением под Лесной.

Тревожные слухи шли из Москвы.

У нас есть очень краткий, чрезмерно скупой на слова, но правдивый документ, случайно найденный и изданный Туманским в 1787 г. и в более исправном виде — в 1840 г.: «Записки Желябужского». Желябужский имел в начале царствования Петра чин окольничего, побывал воеводой в Чернигове. Писал он очень краткий, почти лаконичный дневник, явно только для себя. Вот как отразилась в этих немудрящих записях московская тревога при слухах о готовящемся шведском нашествии. «Июня в 1-й день (1707 г. — *Е. Т.*) повещали делать к валовому делу о работниках: в Китае (Китайгород — *Е. Т.*) и в Кремле делать вал и рвы копать.

А июня 10 числа зачали делать и брали со всякого московского двора по 2 человека работников, и из города брали жь».

Также укреплялись Можайск, Серпухов и Троице-Сергиев монастырь. Эти спешные и обширные работы в Москве и окрестных городах, естественно, усилили тревогу. В Москву стали посылать «почту» успокоительного характера, исходящую от царя и правительства. Вот что читали москвичи 19 июня 1707 г.: «Известно нам здесь учинилось, что у вас на Москве немалой страх произошел оттого, что стали крепить московские городы, и то нам зело дивно и смеху достойно, что мы час от часу от Москвы дале, а вы в страх приходите, которого в то время не было, когда неприятель у нас в глазах был во время гродненской осады, когда мы в самом состоянии и в московских рубежах были». Петр, Меншиков, Аллларт и другие генералы считали (и вполне справедливо) большим счастьем спасение гродненской армии, так долго осаждавшейся Карлом XII и удивительно искусно выведенной из-под грозившего ей сокрушительного удара, и они правильно намекают, что если бы шведам удалось перебить или взять в плен армию в Гродно, то прямая опасность грозила бы русским рубежам. Тогда скорее были основания страшиться. Тогда, но не теперь, не в июне 1707 г. «...ныне при помощи божией, в таком наше войско состоянии, что еще никогда такова не бывало, и неприятель не точию нас страшит, но и сам весьма в великом страхе суть, а паче от Калишской преждебывшей счастливой баталии в непрестанном сумнении пребывает...» Воззвание проникнуто усиленным оптимизмом: «...мочно вас рассудить и в безопасности быть, что не к нам неприятель приближился, но мы к нему, и не мы ево боимся, но он нас. Чего ради настоящую страсть (страх — *Е. Т.*) конечно надлежит вас отставить...» Но укреплять горо-

да все-таки нужно, потому что *«осторожного коня и зверь невредит»* [162].

Приободрить встревоженную столицу было, конечно, необходимо, но тон был слишком наигранно веселый. Петр и его ближайшее окружение знали хорошо, что предстоит еще очень долгая борьба и притом такая, когда еще неоднократно придется, согласно только что выработанному в Жолкиеве плану, отступать к русским рубежам.

12 января 1708 г. последовал указ Петра о том, чтобы «московские всяких чинов люди московские жители, где которые чины ведомы сказать, что они в нужной случай готовы были все и с людьми» [163]. Указ относился прежде всего к дворянам, которые должны были по первому же требованию быть готовы явиться в армию со своими «людьми», т. е. крепостными. Этот указ стоит в связи с рядом мер по укреплению Кремля и других мест как в центре, так и на окраинах столицы, которые были предприняты правительством уже в 1707 г., а отчасти еще в 1706 г. В Москве должно было образоваться в случае приближения врага свое особое ополчение, независимо от регулярных вооруженных сил, уже бывших наготове.

Наступал 1708 год, принесший с собой начало шведского нашествия на Россию.

Глава II

ШВЕДСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ В ПРЕДЕЛЫ РОССИИ. БИТВА ПОД ЛЕСНОЙ. НАЧАЛО НАРОДНОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ ШВЕДОВ

1

Поход на Россию, который должен был одним мощным и быстрым ударом смести Русское государство с лица земли и заменить его удельными княжествами, был замышлен Карлом давно, по крайней мере в общих чертах. После блестящих успехов шведов в Польше и Саксонии, после победы под Фрауштадтом и ухода Августа в Саксонию для Карла и его окружения программа была ясна.

Решение вопроса -- в захвате Москвы, после чего можно спокойно возвратить уже без борьбы всю занятую русскими Прибалтику. Это и будет быстрым и прочным успехом, грозным ударом, от которого русские уже никогда не оправятся.

Чтобы понять всю степень высокомерного легкомыслия, с которым Карл XII после своих успехов в Польше и Саксонии стал относиться к русскому врагу, достаточно вчитаться в один документ и поглядеть, как король третирует русскую армию, готовясь к походу на Россию. Он сидит пока в Альтранштадте и грозит вторгнуться в Австрию (в «наследственные владения» императора Иосифа I), и когда королева английская Анна просит его от этого воздержаться (так как в противном случае Иосиф I должен был бы прекратить борьбу против Людовика XIV), то Карл XII отвечает ей 25 июня 1707 г., повторяя угрозы против Австрии. Почему же он так зол на Австрию? Он не хочет долгих переговоров, «потому что это снова (?) даст московитам возможность ускользнуть... хотя я имею право их требовать (les réclamer), и вопреки надежде, которую мне подали, отдать их в мои руки (me les livrer entre les mains)» [1]. Т. е. он, северный Ахиллес и Александр Македонский, недоволен, что опять эта готовая добыча «ускользнет» и он не заполучит ее в свои руки. Мания величия все более и более овладевала этим человеком.

Он свободно прошел через Силезию, принадлежавшую австрийскому императору, и тот был радешенек, что Карл XII там не остался, а удовольствовался тем, что император особым договором обязался не стеснять ничем лютеранской веры в Силезии, обязался перед ним, Карлом XII, с которым он вовсе и не воевал. Это был момент, когда Карл XII делал в Северной, Средней и Юго-Восточной Европе почти все, что хотел. Перед ним трепетали монархи вроде австрийского императора, его слава начинала затмевать славу его знаменитого предка Густава Адольфа, героя Тридцатилетней войны, которому он старался подражать. Вот только еще оставалось справиться с этими московитами, которые все «ускользают» и прячутся! Они, конечно, будут разбиты: вся трудность только в том, чтобы их поймать, получить «в свои руки» (как он выражался в письме к королеве Анне), вовремя захлопнуть мышеловку.

В Литве (в Гродно и других местах) у Карла XII было больше 40 тыс. человек уже в конце 1707 г. Предполагалось, что летом 1708 г. к этой главной армии подойдет корпус Левенгаупта, стоявший в Курляндии и пополнявшийся рекрутами из Швеции. Предполагалось, что Левенгаупт приведет 15—20 тыс. человек. На самом деле к моменту выступления его корпуса в поход у Левенгаупта было 16 тыс. Они должны были служить охраной громадного обоза, который Левенгаупту поручено было доставить в армию Карла перед его вторжением в Россию. В Померании, частично в Прибалтике и Польше стояло гарнизонами около 30 тыс. с лишком человек, но они не должны были принять участие в походе на Москву. Их приходилось оставить там, где они были, чтобы сохранять эти территории под шведской властью. Карл настолько был уверен в быстрой и легкой победе над Россией, что без малейших колебаний решил оставить 9 тыс. генералу Крассову не для охраны Швеции, которой никто не грозил, а так, на всякий случай, прежде всего для ограждения крайне шаткого польского престола Станислава Лещинского. Для похода на Москву и полного завоевания России и покорения всего русского народа Карлу показалось за глаза достаточно 35—36 тыс. человек.

28 января 1708 г. Карл XII вошел в Гродно, а оттуда двинулся в Сморгонь. Завоевательный поход начался. В документах кабинета Петра есть определенные свидетельства об усилиях русской дипломатии еще в январе 1708 г., когда предстоящее шведское нашествие на Россию уже было несомненно, вступить вновь в союзные отношения с королем Августом. При этом и Август, осмелевший ввиду перспективы предстоящего долгого отсутствия Карла, уже завел тайные сношения и в Берлине и в Вене. Андрей Артамонович Матвеев делал в это же время попытки вовлечь в «великий союз» также Голландию и

Англию, но дело не двигалось, и обе морские державы старались свалить друг на друга вину в этом [2]. Ничего из этих попыток не вышло.

Русские весной 1708 г. не знали точно ни когда Карл пойдет, ни куда он пойдет: на северо-восток выбивать русских из Ингрии, или на Смоленск — Можайск — Москву; затем до середины сентября никто не знал, куда он двинется из Старишей, будет ли продолжать свой путь на Смоленск, или пойдет на юг, круто повернув под прямым углом, на Украину.

В Сморгони, где Карл пробыл больше месяца с начала февраля 1708 г. до середины марта, и затем в Радашковичах, местечке к северо-востоку от Сморгони, где король оставался с середины марта до начала июня, Карл, с одной стороны, собирал необходимый запас провианта (причем собрал очень недостаточно), а с другой стороны, устанавливал план действий в предстоящей войне. Что провиант собирался наскоро и небрежно, это казалось тогда не так и важно: знали, что Левенгаупт усердно собирает свой колоссальный обоз в Курляндии, Литве, польской Восточной Пруссии и уже в начале похода приведет его к армии. Зато обсуждение планов предстоящего похода не доставляло ничего, кроме удовольствия, и внушало самые радужные надежды. Особенно отрадное впечатление на короля производили сообщения изменника и перебежчика немца Мюленфельса, безмерно много лгавшего о внутренних делах в России. О Мазепе Мюленфельс, конечно, еще ничего не знал, начальные изменнические сношения Мазепы были покрыты глубокой тайной. Но король, сопоставляя фантастические сообщения Мюленфельса со своими секретными данными о готовности гетмана перейти на сторону шведов, поспешил сделать желательный для себя вывод, что не только Украина, но и весь восток России будут приветствовать шведское вторжение.

Для более отчетливой ориентировки читателя в дальнейших движениях шведской армии во время нашествия напомним тут же в самом сжатом виде, через какие этапы вел шведский полководец свою армию к ее плачевному концу.

От Гродно через Лиду и Ольшаны Карл XII прошел в Сморгонь. Около пяти недель он не двигается из Сморгони. Только 17 марта 1708 г. Карл XII выходит оттуда, и на другой день, 18 марта, он уже в Радашковичах, где и остается целых три месяца. Летописец похода и панегирист короля Нордберг дает объяснение этому, на первый взгляд загадочному, долгому бездействию: тут оказалось возможным находить пищу. Не то чтобы жители доставляли шведам провиант, ничего подобного! Население закопало все, что у него было по этой части,

в землю, и «солдаты сначала с большим трудом открывали склады, устроенные под землей, в которых жители прятали свой хлеб. Но в несколько дней солдаты так наловчились находить эти склады, что почти ни в чем не нуждались». Откопав и съев весь припрятанный от шведов хлеб, армия двинулась дальше.

Эти соображения оказывали влияние и впредь, и если о них забыть, то просто необъяснима будет медлительность действий Карла XII, вовсе не бывшая ни в натуре, ни в практике шведского полководца. Приходит Карл в Могилев 18 июля и сидит там четыре недели. Почему? Нордберг прежде всего приводит ту же причину: «Так как в этом месте хорошие запасы всякого рода, то король пробыл здесь четыре недели, как для того, чтобы сделать запас, необходимый для пропитания армии на походе, так и затем, чтобы дать раненым оправиться». Битва при Головчине, потери шведов при налетах нерегулярной конницы и расправа крестьян с отстающими все уменьшали численность вторгшейся в Белоруссию шведской армии и понуждали заботиться о возвращении раненых в строй. Наконец, следовало подождать присоединения Левенгаупта с его громадным обозом [3]. Из Радашковичей путь армии нашествия шел через Минск (начало июня), Березину, Головчин (3 июля 1708 г.), Могилев. Из Могилева (все время имея в виду дорогу Смоленск — Можайск — Москва) Карл XII прошел через Чериков в Стариши (10—15 сентября). Тут намеченный план изменился: решено было, не теряя из вида конечную цель — Москву, идти на Украину, и король круто повернул на юг, не дождавшись Левенгаупта, разгромленного русскими войсками при Лесной 28 сентября 1708 г.

Пройдя через Кричев, шведская армия вступает в Северскую Украину (15 сентября — середина октября). Ближайшей (очень настоятельной) целью шведского верховного командования стали поиски подходящего города для устройства главной квартиры и для временного расположения армии. Эти поиски долго не могли увенчаться успехом: ни Стародуба, ни Новгорода-Северского они взять не могли и не решились даже совершить нападение на эти важные пункты. Оставалось, после прибытия к шведам Мазепы (24 октября), идти в его столицу, богатый Батурин. Но 2 ноября 1708 г. Меншиков разгромил и сжег Батурин дотла, вывезя большое количество орудий и не очень много припасов, уцелевших при разгроме города. От развалин Батурина, мимо которых прошла шведская армия, Карл по совету Мазепы пошел в Ромны (середина ноября), а затем, спустя несколько недель (18 декабря), в Гадяч. Отсюда Карл XII имел в конце декабря намерение возобновить движение на восток по направлению к тогдашней ставке Петра в

Лебедине. Но отчаянное сопротивление в лежавшем по дороге Веприке (6 января 1709 г.) заставило изменить план и пойти в Зеньков, а оттуда в Опошню. Из Опошни и было предпринято опустошение городов и местечек Слободской Украины по линии: Опошня, Ахтырка (которую ни взять, ни даже осадить уже не было сил), от Ахтырки — на Краснокутск и Коломак и возвращение в Опошню (январь — февраль 1709 г.). Ближним намерением становится овладение Полтавой. Из Опошни король с армией постепенно продвигается к югу: сначала в Будищи и Жуки (середина марта — конец апреля) и, наконец, под полтавские валы, где с конца апреля и располагается лагерем для долгой и безуспешной осады города.

Три месяца (начало апреля — конец июня) Карл стоит под Полтавой — и 27 июня 1709 г. терпит в открытом бою с близко придвинувшейся к его лагерю русской армией страшное, уничтожающее поражение. Затем — двое с половиной суток бегства остатков армии с королем во главе в Переволочную, и 30 июня 1709 г. бегство Карла XII за Днепр, в турецкие степи, и безусловная сдача брошенных им остатков шведской армии отряду Меншикова.

Таков маршрут шведской армии от начала ее нашествия до ее печального конца.

2

Богатая документация, изданная и отчасти обработанная А. З. Мышлаевским, хотя она относится больше всего не к тому театру военных действий и не к тому периоду, которым мы тут занимаемся, дает ряд ценных указаний, оставленных, к сожалению, без внимания подавляющим большинством историков, писавших о Полтаве. Их явно отпугивало самое название сборника этой документации, уводящее мысль от Полтавы к Выборгу и Петербургу [4]. Но нельзя понять успеха под Полтавой, игнорируя тот грозный для России факт, что враг, желавший ее уничтожить в Москве, одновременно готов был броситься на нее не только с запада, но и с севера. Петр, выигравший Полтавское сражение как стратег и тактик, выиграл его задолго до 27 июня 1709 г. именно как большой стратег.

В начале 1708 г. русское командование должно было считаться с тремя вариантами нападения шведов на Россию, и каждый из этих вариантов мог выразиться в виде одновременной двойной атаки: на Москву и на Петербург. В распоряжении русского командования была налицо армия, состоявшая из двух группировок: полевая армия в 83 тыс. человек и ингерманландский корпус (Апраксина) у Петербурга в 24½ тыс. человек. В общем — 107½ тыс. человек. Войска были распределены так, чтобы в любом варианте и в любом из двух

направлений каждого варианта быть численно сильнее неприятеля. Петр знал, что хотя численно войска шведов в 1708 г. уступают русским (считалось, что у Карла для начала похода было в общем для обоих ударов вместе — с запада и с севера — 63 тыс. человек), но шведская армия была прекрасно обучена, обладала многочисленным, очень тренированным в долгих походах составом нижних чинов и офицеров, была одурманена долгими победами, которые ей удавалось одерживать, верой в таланты, энергию, неустрашимость, вечную удачу Карла XII.

Основных направлений, по которым можно было предполагать движение неприятеля, было два: на Москву и на Петербург. Первое направление защищалось главной полевой армией (фельдмаршала Б. П. Шереметева), второе — ингерманландским корпусом Апраксина. Но в полевой главной армии был корпус генерала Боура ($16^1/_2$ тыс. человек), который стоял в Дерпте с таким расчетом, что в случае нужды он должен присоединиться либо к остальной (шереметевской) армии, либо к адмиралу Апраксину и, поступив под его начальство, помогать Апраксину на ингерманландском фронте [5].

Таким образом, если Карл XII из Польши с Левенгауптом, стоявшим в Риге, соединясь, пойдут на Псков и, значит, на Петербург, то против 51 тыс. шведских войск у Шереметева будут все 83 тыс. русской главной полевой армии, а так как в таком случае одновременно против Петербурга двинется и Любекер от Выборга со своими 12 тыс. шведов, то против него выйдет адмирал Апраксин со всем своим ингерманландским корпусом ($24^1/_2$ тыс. человек), и у русских, таким образом, будут все $107^1/_2$ тыс. против 63 тыс. шведов.

Если Карл XII выберет другой вариант и, соединяясь с Левенгауптом, пойдет на Могилев (к верхнему Днепру) со своими 51 тыс., то против него будут все те же 83 тыс. Шереметева, а если Любекер пойдет в это время против Петербурга, то его нападение будет встречено Апраксиным с тем же ингерманландским корпусом в $24^1/_2$ тыс. Наконец, можно было предвидеть и третий вариант шведского комбинированного наступления: Карл XII наступает к Могилеву, но одновременно король приказывает Любекеру и Левенгаупту, стоящему в Риге, соединенными силами ударить на Петербург и Ингерманландию. Тогда меняются все цифровые расчеты: 16 тыс. Левенгаупта в соединении с 12 тыс. Любекера дадут шведам силу в 28 тыс., и Апраксин со своими $24^1/_2$ тыс. окажется в меньшинстве. Поэтому при таком варианте стоящий в Дерпте корпус Боура (16 тыс.) немедленно присоединяется к Апраксину ($24^1/_2$ тыс.), и у русских окажется для обороны Петербурга и Ингерманландии $40^1/_2$ тыс. против шведских 28 тыс. Правда, без корпуса

Боура, который уйдет к Апраксину и станет под его командование, главная полевая армия Шереметева уже будет равна не 83 тыс. человек, а всего 67 тыс., но зато и основная армия Карла, лишившись поддержки Левенгаупта, который уведет на северо-восток свои 16 тыс., будет равна уже не 51 тыс., а всего 35 тыс.[6]

Мы видим, как зрело и всесторонне была обдумана дислокация русских войск. Конечно, как и всегда в таких случаях, игра отчасти была втемную, потому что ни математической точности при исчислении неприятельской армии, ни уверенности в том, что к Карлу не перебросят из Швеции подкреплений, быть не могло. Точно так же нельзя было никак предвидеть, не придет ли Станислав с поляками на помощь Карлу и можно ли русским очень крепко верить в «дружественного» литовского коронного гетмана Синявского и в нерушимость его преданности русским интересам. Словом, много было невесомостей и непредвиденных опасностей и волчьих ям на русском пути. Но все, что можно было сделать при этих трудных условиях, было сделано.

Долгое время никто не мог знать, и не было для того никаких прочных данных, чтобы понять, на каком из трех вариантов двойного нападения на русские границы остановится шведский король. «Зело, государь, имеем печаль, что не имеем ведомости о неприятеле, где обретается, и в какую сторону наклонен» [7],— жаловался царю адмирал Апраксин. Но это беспокойство обуревало тогда, в начале 1708 г., не только его, но и Шереметева и особенно Боура, который должен был всегда быть в полной готовности идти из Дерпта, куда прикажут, по двум совсем разным направлениям: к Апраксину на северо-восток или к Десне и Днепру на юго-запад. Апраксин чувствовал себя в эти первые месяцы 1708 г. не вполне уверенно и нередко «приходил в великую конфузию» [8]. Очень уж далеко был он заброшен от царя и Шереметева. Но Петр не забывал, в какой опасности его «парадиз» на Неве, и его стратегическая мысль работала неустанно.

Петр знал, что у Карла XII войска ни в каком случае не хватит, чтобы сколько-нибудь обеспечить свои сообщения. Он внимательно изучал походы и «военную манеру» и навыки шведского полководца. Еще в начале июля 1708 г., когда Петр считал уже, что «по протчим всем видам намерение ево (Карла — *Е. Т.*) на Украйну», он предписывает Мазепе послать всю конницу в тыл к неприятелю: «Мы всегда у оного (неприятеля — *Е. Т.*) потщимся перед брать, а ваша конница всегда б с зади на неприятеля была и все последующие люди и обозы разоряли, чем неприятелю великую диверзию можете учинить» [9].

3

Раньше чем мы приступим к систематическому изложению периода нашествия 1708—1709 гг., коснемся событий, происходивших в самом начале шведского вторжения и развивавшихся независимо от действий главной королевской армии в Литве, в Белоруссии и на Украине. Мы имеем в виду, во-первых, шведское нападение на русское Поморье на далеком севере, и во-вторых, затеянный с определенно диверсионной целью поход генерала Любекера на Петербург.

У нас есть ряд документов, сообщающих о нападениях шведов на русские селения далекого севера в самом начале 1708 г. Было ли это началом осуществления крупной диверсии, мы не знаем. Во всяком случае дело ограничилось жестокостями, грабительством и издевательством над беззащитным населением разбросанных по пустынному далекому краю русских деревень. Кольский край, Соловецкий монастырь были под прямым ударом.

В ночь на 23 января 1708 г. «неприятельские шведские люди» числом 300 ворвались, уничтожив караулы, в Лендерскую четь, «многие дворы выжгли, а людей замучили и посекли, а иных в полон с пожитками их поимали и разорили». Шведам тем удобнее было это сделать, что крестьяне там «живут одиночеством, от деревни до деревни верст по сорок и пятьдесят». Под ударом были и «всякой шкоды и разорения» себе ждали все вотчины Соловецкого монастыря. О самом монастыре беспокоиться не приходилось, шведы его взять никак не могли, но окрестные деревни были в такой же опасности, как и весь Кольский край в своих поморских частях [10].

Шведы совершенно правильно расценивали серьезнейшее значение Архангельска *для всей русской экономики* вообще и для финансового хозяйства России в частности. Сначала речь шла о завоевании Архангельска нападением с суши, через северо-восточную часть Финляндии. Затем некоторое время носились (в 1701 г.) с планом генерал-майора Стюарта: он предлагал посадить отряд в 12 тыс. человек на суда и провезти их по Неве и Ладоге, а оттуда по Свири и Онежскому озеру в Повенец. Из Повенца отряд должен был пройти к Архангельску и, расположившись лагерем недалеко от города, подождать прибытия шведской эскадры с десантом, после чего и предпринять штурм города. Очень характерны и вполне подтверждают только что высказанное выше мнение о сравнительно большей осторожности Карла в первые годы войны те причины, которые заставили тогда короля отказаться от плана Стюарта: решено было, что слишком опасно вести шведский отряд от Повенца до Архангельска вследствие неминуемых «нападений со стороны

русских крестьян»[11]. Русских крестьян шведы пока видели только между Псковом и южным берегом Чудского озера и все-таки уже начали их остерегаться. Карл на свою беду забыл эту осторожность в 1708 и 1709 гг. Но, отвергнув план Стюарта, Карл вовсе не отказался от нападения на Архангельск. Решено было действовать исключительно морскими силами и, следовательно, не завоевывать город, а разорить и сжечь его. В марте 1701 г. Карл подписал приказ о снаряжении экспедиции из восьми военных судов против Архангельска. Эскадра должна была отплыть из Швеции, и ей повелевалось: «Сжечь город, суда, верфи и склады припасов, после того как высаженное войско, согласно военному обычаю, все ограбит, возьмет пленных, уничтожит или разрушит все, что может быть способно к сопротивлению. Эта задача, надо надеяться, с *божьей помощью* будет выполнена». «Без бога — ни до порога» — всегда было лозунгом благочестивого короля Карла, особенно когда он отдавал подобные распоряжения.

Но на сей раз божья помощь сильно запоздала. И затеянная таким образом серьезная диверсия потерпела полную неудачу.

Вторая диверсия в 1708 г. оказалась столь же неудачной.

Англичане продолжали и в 1708 г. вести торговлю с Архангельском, но, конечно, им приходилось избегать встречи с шведскими судами. Так, 15 июля 1708 г. в Архангельск пришли английские суда, сообщившие архангельскому воеводе князю П. А. Голицыну, что за ними гнались два военных корабля из эскадры в шесть судов, которые они усмотрели в море. Торговля, по-видимому, была по-прежнему очень оживленной, потому что воевода Голицын даже вел переговоры с «корабельщиками» разных государств относительно того, не могут ли их люди (т. е. матросы и служащие) включиться в подготовку обороны города Архангельска. Эта просьба не могла показаться странной представителям торгового мореплавания стран, наживавшихся на сношениях с Архангельском. И они представили только одно возражение (очевидно, речь шла об англичанах): их государство с шведом в войне не состоит, и поэтому они не могут принять участие в военных действиях, но если с шведами будут и французы (союзники шведов), тогда, «ежели с ними, шведами, будут в приходе французы, (то) они над ними военного случая искать готовы».

Весь Поморский край ждал шведского нападения и усиленно готовился: строилась в Архангельске новая крепость, к защите призывались в Холмогорах, у Пудожского устья, в Двинском уезде посадские люди и крестьяне; бурмистрам велено было вооружать людей, чтобы у них были: «у всякого ружье, копья, и рогатины, и бердыши, и пищали, и фузеи, и писто-

леты или у кого какое есть». Гражданское население играло громадную роль в этом крае, где войск было ничтожное количество: «Холмогорцы посацкие люди в службе по Холмогорскому городу вместо солдатов в воротах стоят по караулам, а архангелогородцы посацкие люди и уездные крестьяне в работе на судах возят землю и засыпают и крепят устья, а из уезду стрелцы, которые стреляют птицу и зверя охотники взяты к Архангельскому городу, а достальным посацким людям и уездным крестьянам сказано, чтоб они имели всякое опасение и осторожность и были бы во всякой готовности и никуды без указу из домов своих не разбежались»[12].

По указу Петра от 28 июля 1708 г., присланному архангельскому воеводе князю Голицыну, велено крепить оборону и ждать шведов, укреплять Архангельск и «новопостроенные крепости». На Пудожском устье, *«где чаяно неприятельского* приходу», поставлены были при реке, на берегу батареи и заготовлены брандеры, а на Двине устроен мост (плавучий) «с железной толстой цепью». Но «малолюдство» делало оборону трудной, люди разбросаны по необъятной территории малыми кучками, нет солдат, нет рабочих, нужно строить укрепления и по устьям рек, и на Мурмане, и в Архангельске, и в Холмогорах, а «за малолюдством рабочих людей чинится великая мешкота».

На взморье выезжали русские суда высматривать шведский флот, о прибытии которого носились упорные слухи. За границей тоже считали, что нападение на Архангельск и на все Поморье очень возможно.

28 ноября 1708 г. шведский отряд в 200 человек конницы и пехоты вторично напал на Ребальские погосты в Лендерской чети и разорил дотла, а потом сжег пять деревень, жителей же, которые не успели бежать, шведы перебили всех. Сообщая об этом, жители Ребальских погостов предупреждали, что шведы собираются напасть на Кольский острог, на Кемский городок и другие места.

Любопытно, что один крестьянин с Ребальских погостов совершил опаснейшее дело: «ходил за Свейский рубеж для проведывания вестей», узнал и высмотрел много. Он видел обучение шведских солдат «с ружьем триста человек», и из собранных им сведений можно было извлечь полезные данные о ближайших неприятельских намерениях[13]. О том, что шведы сделали бы с русским лазутчиком, пробравшимся в Швецию, если бы он попался, об утонченных и долгих пытках, ожидавших его перед казнью, ему, конечно, было хорошо известно, когда он шел на свой добровольный опасный подвиг...

С большой заботой ждали на Поморье открытия навигации и наступления лета. Но 27-го числа первого летнего месяца

1709 г. под Полтавой произошло великое событие, крайне снизившее военную предприимчивость шведов, и навигационный сезон этого года прошел для поморян вполне благополучно.

4

Второе активное выступление шведов, имевшее несравненно более серьезный диверсионный характер, чем нападения на Поморье, произошло в Ингрии. Генералу Любекеру было приказано напасть на Петербург, взять его и разрушить. Любекер покончит с новой столицей, а король Карл — со старой столицей.

Поход Любекера был решен Карлом явственно под влиянием двух главных мотивов. С одной стороны, угроза Петербургу, конечно, отвлечет часть русских войск от защиты линии Смоленск — Можайск — Москва, с другой стороны, одним ударом будет уничтожен и возникающий флот.

Сам Карл с высоты своего полного высокомерия и непонимания игнорировал русский флот, но он знал, как этим флотом и Петербургом заняты умы кое-кого из его верноподданных, начинавших беспокоиться и, правда, пока почтительнейше и совсем втихомолку роптать в Стокгольме по поводу возникающего вражеского порта и флота на Финском заливе.

С первых же лет Северной войны постройка флота, проходившая в неимоверно трудных условиях, не переставала оставаться в центре внимания русского правительства. Создавая армию, вводя первые необходимейшие государственные преобразования, Петр и его сотрудники прекрасно понимали, что без морской силы нельзя и шагу ступить на Балтике.

Правда, с трудом, но быстро строился флот, и хоть много лет прошло, пока он начал, наконец, играть сначала заметную, а потом и решающую роль в войне, но уже с 1703—1705 гг. его существование никак нельзя было игнорировать.

Конечно, одно дело только «не игнорировать» новое явление, а совсем другое дело — оценить по достоинству его роль в настоящем и учесть его возможное значение в будущем. Ни такой оценки русского флота, ни подобного предвидения в эти годы между Нарвой и Полтавой мы в Западной Европе еще не встречаем.

На самом деле ложно было представление, будто Карл и его генералы так-таки нисколько не тревожились по поводу русских успехов на Неве, на Ладоге, у Копорья. Карл приказал дать серьезнейшую острастку русским в 1708 г. Шведы решили напасть на захваченные русскими территории с двух сторон: с юго-запада — из Эстляндии, и с северо-запада — из Финляндии. Первым двинулся из Эстляндии отряд генерала Штромберга, но его два полка потерпели от войск Апраксина тяжкое поражение.

И тогда-то была совершена попытка нанести очень серьезный удар на устья Невы из Финляндии и со стороны моря, скомбинировав это предприятие с вторжением Карла в Россию. Из Финляндии шел генерал Любекер, в распоряжении которого было около 12 тыс. человек; со стороны моря наступал флот в числе 22 шведских судов.

8 августа войска Любекера, перейдя реку Сестру, подошли к Неве выше Тосны. Одновременно на виду у Кроншлота показались 22 шведских корабля. 29 августа Любекер после очень оживленной артиллерийской перестрелки, продолжавшейся почти три часа, переправился через Неву и пошел искать запасы, собранные в Ингерманландии. Около двух с половиной недель продолжались эти тщетные поиски: русские уничтожили все запасы (кроме тех, которые забрали в Петербург). У Апраксина не было достаточно сил, чтобы напасть с полной уверенностью в победе на Любекера, а у Любекера не хватало сил, чтобы взять Петербург. Шведы занимали берег (ораниенбаумский, как он позже стал называться) и очень долго не знали, что им делать дальше.

Апраксину не очень легко сначала было организовать сопротивление вторгнувшимся шведам. Провианта, правда, у шведов было с самого начала экспедиции очень мало, но и у русских его было совсем немного. А затем и начальник кавалерии иностранец бригадир Фразер вел себя сомнительно: то двинулся к Ямбургу, куда его вовсе не посылали, то вдруг, захватив у шведов провиант, по непонятной причине сжег его. Словом, Апраксин делает вывод: «Для того прошу ваше величество прислать в конницу доброго командира, ежели не противно вашему величеству *известного из русских»* (курсив мой — *Е. Т.*).

Но голод в отряде Любекера все усиливался в самой угрожающей степени, и уже 14 сентября Апраксин доносил Петру, что, по словам военнопленного квартирмейстера Врико, «Любекер намерен уйти из Ингерманландии» [14].

У Любекера была сильно потрепанная походом и самым настоящим образом голодавшая армия, перед ним стоял пришедший уже в конце августа шведский флот под командованием Анкерштерна, который так же точно был бессилен взять Кроншлотское укрепление и занять о. Котлин, как сам Любекер был бессилен взять Петербург. Колебания Любекера и Анкерштерна окончились довольно неожиданно. Случилось это так. У Апраксина не было сил покончить с Любекером, но была возможность беспокоить его, нападая малыми отрядами на отдалившиеся от главного шведского лагеря части. При одной из таких стычек у Копорья, где шведам удалось одержать верх, они на беду свою нашли среди попавшей в их руки добычи письмо графа Апраксина к начальнику этого небольшого русского отряда генералу

Фразеру. Апраксин сообщал Фразеру, что он спешит к нему с большой армией на помощь. Это письмо именно затем и было написано Апраксиным, чтобы каким-нибудь путем оно попало к Любекеру и сбило его с толку, потому что в тот момент никакой большой армии у Апраксина не было и в помине, никаких подкреплений он сам не получал и другим послать их не мог. Затея Апраксина увенчалась самым блестящим успехом. Любекер и Анкерштерн поверили в реальное значение попавшего в их руки письма. Все колебания кончились, шведам представилось, что им грозит неминуемая катастрофа, если они замешкаются. Решено было поскорее посадить армию на суда Анкерштерна и отплыть подобру-поздорову, не теряя золотого времени. Но это решение и привело их к катастрофе. Любекер покинул свой прежний лагерь и перевел свое войско к самому берегу моря. Сюда, в Копорский залив, к деревне Кривые Ручьи, подошли суда Анкерштерна. Началась трудная посадка войск. Чем больше войск оказывалось на судах и чем малочисленнее становился шведский лагерь у Кривых Ручьев, тем смелее русские, находившиеся все время в некотором отдалении, производили свои внезапные нападения. Наконец, когда у неприятеля осталось на берегу лишь около пяти батальонов, Апраксин напал на шведский лагерь и перебил 900, а в плен взял 209 человек. Последние часы посадки имели вид и характер панического бегства. Любекер велел перебить почти всех лошадей, еще оставшихся у шведов после тяжких потерь в этом голодном ингерманландском походе. Шведы впоследствии признавали, что Любекер потерял в провалившейся экспедиции от 4 до 5 тыс. человек и несколько тыс. лошадей.

Провал наступления шведов на Петербург в 1708 г. стал известен в Европе и по логике вещей должен был бы произвести серьезное впечатление. Большая (по тем временам), прекрасно вооруженная шведская армия с обильной кавалерией, поддерживавшаяся большим флотом, полтора месяца воевала против слабых русских сухопутных сил и едва лишь начавшего строиться флота, потерпела без малейших компенсаций тяжелый урон и убралась прочь, боязливо убегая от русских. Однако впечатление от старой победы Карла XII над русскими при Нарве в 1700 г. и новой его же победы над поляками все еще держалось.

Только в Англии начинали подозревать, что какие-то существенные перемены произошли в России со времен Нарвы. И только в Англии внимательно отнеслись к поражению Любекера. Посол Витворт писал в своем донесении в Лондон: «...шведы с боем перешли через реку Неву (had forced a passage) и остановились в Ингрии, вблизи Ямбурга, откуда они установили ежедневные сообщения со своим флотом и после почти шести-

недельной остановки, не предприняв ничего, решились переправиться обратно на кораблях, но при этом случае их арьергард был разбит адмиралом Апраксиным». Дальше, со ссылкой на донесение Апраксина, посланное адмиралом из Ямбурга 22 октября, Витворт сообщает, что кроме 900 шведов, перебитых при последнем нападении, и кроме взятых в плен, оставшиеся разбежались по лесам и были там тоже перебиты или взяты в плен [15]. Витворт узнал и об истории с дезориентирующим письмом от Апраксина Фразеру. Но Витворт дает другую версию: «очень странное письмо» (very odd letter), сбившее с толку Любекера, было написано будто бы не Апраксиным, а вице-адмиралом Крюйсом, причем Крюйс извещал, что в Нарве у русских 6 тыс. человек, в Новгороде — 5 тыс. пехоты и 12 тыс. драгун, в Ладоге — 3 тыс. или 4 тыс. человек и что все эти войска вполне снабжены провиантом. Об этом якобы сам Крюйс рассказывал Витворту [16]. Обе версии могли быть правильными: русскому командованию могло показаться более надежным послать не одно, а два таких письма, чтобы быть более уверенным в удаче своей хитрости.

Англичанин очень заинтересовался русским флотом, и он поспешил отправить в Англию добытый им лишь в ноябре «Список судов царского флота, в мае 1708 г. стоявших на якоре в тридцати верстах от Петербурга между островом Ричарда (Ritzard) и Кроншлотом под начальством генерал-адмирала Апраксина и вице-адмирала Корнелия Крюйса» [17]. Вот цифры, которые он дает: 12 линейных кораблей с 372 орудиями и 1540 человек экипажа; 8 галер с 64 орудиями и 4 тыс. человек экипажа; 6 брандеров и 2 бомбардирских корабля; мелких судов — около 305.

Все это представляло собой силу, и силу немалую, но одни англичане сколько-нибудь серьезно начинали ее учитывать. И все-таки обстоятельства так сложились, что и для англичан значение этих русских морских сил затмевалось решающими грандиозными событиями, готовившимися на главном театре смертельной схватки. Близилась встреча, от которой зависело политическое будущее и Швеции и России. Конечно, новые и новые сведения, собираемые всякими путями, утверждают британского посла в громадном значении поражения, понесенного Любекером: отныне Ингрия совершенно обеспечена от шведских нападений, позорное бегство шведов выясняется из шведских показаний в еще более ярком виде, чем из русских реляций (не 6 тыс., а 7 тыс. лошадей своей кавалерии уничтожили шведы перед бегством), и т. д. [18] Все это так, но все это еще может быть исправлено победой Карла XII. Точно так же думали и говорили во Франции и в правящих сферах Европы вообще.

5

28 января 1708 г. шведская армия, входя в Гродно, отогнала небольшой русский отряд, которому, впрочем, и приказано было при приближении шведов отступить, разрушив за собой мост. Но мост разрушен не был, так как бригадир Мюленфельс (это его настоящая фамилия, но в документах обычно встречается написание Мюленфельд), один из принятых на русскую службу немцев, оказался изменником. За свое показавшееся подозрительным поведение он было отдан под суд, успел скрыться и предложил свои услуги шведам. Карл XII с ним неоднократно беседовал, и изменник окончательно уверил короля в слабости предстоящего русского сопротивления.

Подобные случаи, как измена Мюленфельса, именно и заставили Петра около того же времени гневно поминать при случае иноземных «дураков» и изменников и все более и более стараться ставить на ответственные военные посты русских людей. Из записок Гилленкрока мы узнаем о дальнейшей роли Мюленфельса. Уже в Сморгони в феврале 1708 г. в свите Карла проявилось разногласие: часть генералов во главе с генерал-квартирмейстером Гилленкроком советовала идти на Псков, а оттуда на Прибалтику, чтобы отвоевывать занятые русскими в 1701—1707 гг. территории; другие же, льстиво угождая королю, вполне одобряли его план идти на Москву. И тогда-то к фельдмаршалу Реншильду явился из русской армии изменник бригадир Мюленфельс, бежавший из-под стражи, и внушил генералам Лагеркроне, Акселю Спарре, Нироту, Хорду и другим, что поход на Москву — вполне выполнимое предприятие. «Король часто посещал фельдмаршала (Реншильда — *Е. Т.)* и несколько раз беседовал с русским бригадиром, и это меня крайне тревожило»,— говорит Гилленкрок.

Любопытно отметить, что, когда еще этот Мюленфельс в ожидании суда сидел в заключении, шесть немецких генералов и офицеров русской службы подали царю просьбу («суплику»), ходатайствуя о милосердии к провинившемуся якобы неумышленно бригадиру, пустившему шведов в Гродно. Петр оказался проницательнее. Его резолюция гласила: «Ежели бы вышереченной бригадир в партикулярном деле был виноват, тогда бы всякое снизхождение возможно учинить, но сия вина есть особливо в сей жестокой случай, государственного интереса. Того ради инако не может, точию по суду быть» [19].

Мюленфельсу, как сказано, удалось бежать из-под стражи, и он явился в Сморгонь к Карлу XII, которого всячески стал убеждать идти не на Псков и Новгород, а прямо на Москву, суля верную и скорую полную победу.

В шведской исторической литературе сообщениям изменника Мюленфельса приписывается нередко значение чуть ли не

главной причины того, почему Карл отказался от своего первоначального плана — идти на Псков — Новгород — Нарву и решил покончить с Россией, нанеся прямой удар в сердце, т. е. идя на Смоленск — Москву. Эти преувеличения должно отбросить. Первоначальный план идти сначала на Псков — Новгород — Ингрию принадлежал больше осторожному графу Пиперу, чем королю, а сам Карл нигде и никому не высказал, что он вполне согласен с Пипером. Но, несомненно, Карл был доволен, что имел повод окончательно пренебречь всякими осторожными советами, опираясь на показания бригадира-перебежчика, который сулил легкую победу при прямом ударе на Москву [20]. Царедворцы и льстецы вроде Хорда или Спарре не переставали говорить о Москве. Но, конечно, все эти люди только потому и стали играть роль, что услужливо повторяли все, о чем давно уже думал сам Карл. А генерал-майор Аксель Спарре даже придумал тут же, будто какое-то старинное предсказание гласит, что некто из фамилии Спарре будет когда-нибудь губернатором в Москве. Чтобы уже не возвращаться к бригадиру Мюленфельсу, упомянем, что впоследствии вместе с остатками разгромленной шведской армии он был взят русскими в плен под Переволочной 30 июня 1709 г. и немедленно казнен.

Мюленфельс далеко не был исключением. В этот самый грозный момент начала нашествия на Россию, когда едва ли не вся Европа считала русское дело погибшим, «верность» кое-кого из приглашенного иностранного командного состава сильно поколебалась. Явились, например, два капитана по фамили Саксе и Фок, которые должны были принять участие в одном очень заинтересовавшем шведов плане. Едва ли и самый план не ими был составлен. Речь шла о том, чтобы внезапно похитить царя, царевича Алексея и князя Меншикова. Авторы полагали, что для этого достаточно 100—150 человек, потому что царь бывает без какой-либо охраны вдали от армии. Нужно только, чтобы предводительствовал этой группой человек, который знал бы царя в лицо [21].

8 февраля 1708 г. Карл XII со своей главной армией вошел в Сморгонь. У него было около 35 тыс. человек, и именно в Сморгони он окончательно решил идти на Москву. Как у него возникла впервые эта мысль и когда возникла, мы в точности не знаем, по-видимому, в 1706 г. Но мы знаем твердо, что именно в Сморгони и в Радашковичах его мысль перестала шведам казаться фантастической и представилась удобоисполнимой. В Сморгони он простоял долго, до 17 марта, а затем перешел в Радашковичи, где и оставался еще несколько недель. Он ждал, чтобы дороги сделались сколько-нибудь проходимыми и проезжими.

И вот тут-то, в Сморгони и затем в Радашковичах, нахлыну-

ли в шведский штаб самые бодрящие новости. Весь юг России будто бы объят восстанием, от Волги до Днепра, все ждут не дождутся славного шведского венценосца, прибыли эмиссары от Мазепы, друг Мазепа с 25 тыс. казаков ручается, что могучее казачье воинство и вся Украина сейчас же перейдут на сторону шведов, а в Москве — волнения из-за повеления стричь бороды и т. д. Все эти россказни, где быль смешивалась с небылицей, заставили Карла, уже не колеблясь, объявить своим генералам о главной цели похода — о Москве. А кроме того, в двух шагах от Сморгони и Радашковичей находился собственной своей особой король польский Станислав Лещинский. Правда, кроме своей собственной особы, он пока никого Карлу не представил, но зато обещал сформировать большую польскую армию и вторгнуться в Киев, а оттуда в Левобережную Украину, где уже ждет могущественный тайный друг — гетман Мазепа. Наконец, 31 марта прибыл с докладом в Радашковичи к королю сам генерал Левенгаупт из Риги. Доклад был утешительный. Он, Левенгаупт, деятельно собирает громадный небывалый обоз с провиантом и боеприпасами и, когда соберет, то выступит из Риги и присоединится на походе к королю. «Небольшая» неприятность заставившая Левенгаупта внезапно вернуться в Ригу гораздо раньше намеченного срока, заключалась в том, что, пока он радовал короля Карла своим докладом, русский генерал Боур уже подходил к Риге. Левенгаупт отбыл в Ливонию спасать Ригу. Но эта неприятность нисколько не повлияла на короля, планы которого (повествует его летописец Адлерфельд) остались неизменными, так как угроза Риге, по догадке Карла, должна была служить лишь диверсией, придуманной русскими, которые «в паническом страхе» желали отсрочить вторжение Карла в Россию, неизбежную гибель Русского государства. Итак Карл решился. Шведы двинулись на Минск, и Петру стало сразу же ясно, что Карл пойдет не на север помогать Любекеру в операциях против Петербурга, а на Смоленск и Москву.

Армия Карла XII, пополненная новобранцами из Швеции и собранная в Польше, состояла к началу нашествия из 43 650 человек. Из них шесть полков Карл решил оставить при Станиславе Лещинском, так как знал, что без этой поддержки Лещинский долго не процарствует, а для «экспедиции против царя» (как выражается Адлерфельд) король предназначил всю остальную армию, т. е. 35 650 человек.

Поход непосредственно к государственной границе России был начат 7 июня 1708 г. из Минска, где Карл XII сосредоточил свою армию. Запасов у него было ровно на три месяца. Но даже и на этот срок не очень хватило, и армии пришлось «подголадывать», еще не дойдя до Могилева. Шведы считали, что их хотят донимать «оголожением» местности, т. е. разорением

дороги, по которой они шли. Но они не учитывали другого: ведь по обе стороны дороги были места, где не побывала русская конница и которые она вовсе не затронула и не могла затронуть, потому что не хватило бы ни времени, ни сил, поэтому генерал-квартирмейстер Гилленкрок имел, казалось бы, основание рассчитывать на добровольный подвоз и продажу продуктов из этих подальше расположенных деревень. Но здесь уже начала сказываться народная борьба против агрессора. В Литве крестьяне еще доставляли шведской армии продукты, но в Белоруссии ни деньгами, ни насилием ничего почти добыть было невозможно. Значит, должно было рассчитывать исключительно на свой собственный обоз. Карл велел еще до выступления своего из Минска дать знать Левенгаупту, чтобы он, уже давно собиравший громадный, невиданный до той поры в шведской армии, обоз, шел из Курляндии и возможно скорее присоединился к армии. Расчет (так казалось) был правильный: запасов, имеющихся у армии в Минске, хватит на три месяца, т. е. с избытком на время, нужное для вторжения в Смоленскую область. А там, от смоленско-польской границы до Москвы, армию будет продовольствовать колоссальный «движущийся магазин» Левенгаупта, и, что еще важнее, Левенгаупт привезет артиллерию и боевые запасы, которых было желательно иметь в возможно большем количестве.

Все эти расчеты оказались неверны. И минских запасов не хватило при полных рационах на три месяца, и Левенгаупт не пришел с обозом вовремя, а пришел с большим опозданием и без обоза, который попал отчасти в лесные чащи и топи белорусского Полесья, а отчасти в руки русского летучего отряда («корволанта») под Лесной.

6

Петр с самого начала был уверен (и это было для того момента совершенно справедливо), что Карл не намерен тотчас идти на Украину. «О переборе неприятелском (чрез Сапежинскую Березину — *Е. Т.*) и что оной вас тем обманул.., о том я уже писал на прошлой почте; и преж сего говаривал, что конечно пойдет к сим места, а не на Украину, что уже и в самом деле явилось» [22],— пишет царь Меншикову 28 июня 1708 г. и укоряет Александра Даниловича за легковерие, что он принял за чистую монету нарочито распространяемые неприятелем ложные слухи. Сидя в Нарве, Петр гораздо яснее видит всю обстановку, чем его генералы. Например, ему не нравится позиция Репнина в Могилеве, слишком далеко от Двины. Петр укоряет в допущенных ошибках не только Меншикова, но и фельдмаршала Шереметева в особом письме к нему, писанном в тот же день [23].

Петр ждал, что шведы нападут на Ингрию и Петербург и что военные действия разыграются на севере, в Ингрии, Пскове, и что главная шведская армия так или иначе свяжется с операцией Любекера. Но вот Карл перешел через Березину и двинулся дальше на восток, к Днепру.

Петр с обычной своей проницательностью очень хорошо понял, что Карлу XII удалось пойти той дорогой, которая как раз и была предусмотрена, и что Меншиков напрасно думает, что шведы перейдут Днепр у Быхова и пойдут на Украину. Царь полагал, что даже если они двинутся к Днепру, то и в таком случае они пойдут не на юг, а на север: «Получил я другое писмо (пишет Петр Меншикову — *Е. Т.*), что неприятель вас обманул и переплавливаетца в ыном месте (через — *Е. Т.*) Березу... А что тут же пишешь, ваша милость, что швед намерен Днепр перейтить ниже Быхова, и в том я также боюсь, дабы равным способом, как на Березе, нас не обманул, и ответчи к Днепру, а сам через Двину к Лукам и далее со всеми своими войсками случитца и отрежет Ингрию» [24].

И, действительно, в тот момент, в середине июня 1708 г., Карл вовсе еще не думал вести войну на Украине. Почти два месяца еще оставалось до того сентябрьского дня, когда, придя в Стариши, на вопрос Гилленкрока о дальнейшем плане король дал изумивший и испугавший генералов ответ, что «у него нет никакого плана», а затем внезапно отдал приказ поворачивать к югу.

23 июня 1708 г. в Могилеве состоялся большой русский военный совет, «генеральный конзилиюм». Вот как представляли себе ближайшие шаги Карла при твердо уже решенном скором вторжении в русские владения. Неприятель, «прошед трудные пасы», придет к Днепру и перейдет реку либо в Могилеве, либо в Быхове. Затем предполагалось, что шведы, переправясь через Днепр, пойдут или на Украину, или на Гомель и Смоленск. Тогда, отступя от Днепра «мили по две или по три», следить за «оборотами неприятельскими» и, отступая, пытаться задерживать его продвижение. А если он переправит лишь некоторую часть, которую возможным найдут атаковать, то напасть на нее. Если же неприятель, не переправляясь через Днепр, пойдет на Витебск, а оттуда «за Двину будет правитца», то и русским снова переправиться на правый берег реки и, «где случай позовет», пересекать ему по возможности путь. Если неприятель пойдет «на Поречье к Смоленску или мимо Смоленска на Дорогобуж», то и нашему войску идти к Поречью. Если неприятель «пойдет глубже к нашей земле», то гарнизонам Полоцкому, Быховскому и Полонному «борониться до крайней меры». Гетману Мазепе «быть при Киеве», а его войскам велено идти к Гомелю и ожидать указа из главной армии, и если неприятель пойдет

к Смоленску или к Витебску, то «итти... куда повелено будет» [25].

Этот краткий протокол ясно говорит, что, не зная точно, куда направится Карл XII, решено было отступать, обороняясь, и усилить «до крайней меры» оборону, когда швед «пойдет глубже к нашей земле». По-видимому, наше верховное командование с самого начала подготовки шведов к вторжению больше учитывало, что Карл будет стремиться идти на Москву все-таки не южным путем, а на Смоленск, и что войскам Мазепы нужно будет подняться к северу, к Гомелю и Витебску, чтобы искать неприятеля, а не ждать его на Украине. Поворот круто к югу в огромный обход прямого (смоленского) пути к Москве не походил на обычную стратегию шведского короля. Когда переправа Карла состоялась 18 июня ниже Березины Сапежинской, Меншиков писал царю, что он ждал переправы у Быхова и что неприятель намерен «приниматься» на Украину. Но на военном совете об Украине помянуто было лишь один раз. Да и фактически король пошел вовсе не на Быхов, а именно через Березину с дальним прицелом на Смоленск.

7

Первое крупное столкновение шведов с русской армией состоялось под местечком Головчином.

В ночь с 3 на 4 июля шведы напали на «корпус» Репнина, т. е. на отряд в 5—6 тыс. человек, являвшийся частью левого крыла русской армии, расположенной между Климковичами и Головчином и находившейся под общим командованием фельдмаршала Шереметева. Битва продолжалась около четырех часов, причем Репнин и командовавший кавалерией генерал Гольц после упорного боя должны были отступить. Репнин был отделен от Шереметева примерно 3 километрами очень болотистой, трудно проходимой местности, и фельдмаршал не мог вовремя его поддержать. Русская кавалерия трижды («тремя волнами», как пишут иностранные историки) атаковала конницу Реншильда, но успеха не имела. Вся армия Шереметева, не участвовавшая в этом бою при Головчине, отступила и соединилась с потерпевшим отрядом Репнина. Как всегда в те времена, обе стороны старались в своих показаниях преувеличивать потери врага и недооценивать свои собственные. Шведы утверждали, что русских погибло около 6 тыс. человек, а русские признавали лишь 547 убитыми, 675 ранеными и 630 пленными. Шведские потери русские исчисляли в 2 тыс. человек. Во всяком случае 6 тыс. человек отряды Репнина и Гольца, участвовавшие в бою, уже никак потерять не могли, так как в общей сложности с нашей стороны сражалось не более 8—9 тыс. человек, а что рус-

ские после упорного боя отступили в порядке, хотя часть обоза и несколько орудий было брошено в болотах, и что панического бегства, при котором больше всего теряют отступающие, не было, это явствует и из шведских, крайне всегда хвастливых, показаний. Но, конечно, победа была на стороне шведов.

Русская армия стала в Горках (Шереметев со всей пехотой, кроме нескольких полков) и в Шклове (вся конница и те пехотные полки, которые отделены были от всей пехоты, стоявшей в Горках).

Победа Карла XII при Головчине была победой тактической. Шведский король, высоко талантливый тактик, в трудных условиях искусно провел и сосредоточил все свои силы против Репнина, миновав главные русские воинские соединения, удачно распоряжался в бою, обнаружил, как всегда, личное полное бесстрашие. Все это так. Но, как всегда, наступил момент, когда стратег должен был решать, как использовать одержанную победу в общих интересах всей кампании, т. е. когда тактик должен был уступить место стратегу. И тоже, как всегда, обнаружилось, что выдающийся, талантливый тактик и решительный, бесстрашный воин Карл XII оказался совсем плохим политиком и что поставленная им себе и своей армии основная политическая цель нереальна, недостижима при имеющихся в распоряжении шведов силах. А при такой постановке невозможной политической задачи найти хорошее стратегическое решение было мудрено, даже если бы шведский король был так же щедро одарен от природы стратегическими талантами, как был он одарен талантом тактика. Самые восторженные шведские почитатели Карла XII всегда признавали, что все чисто военные ошибки и неудачи шведского короля случались с ним в области именно не тактики, а стратегии. Но, повторяем, при роковой, порочной и непоправимой ошибке в постановке основной политической цели даже и гениальный стратег не может иметь окончательного успеха. Это спустя сто лет после Северной войны доказал на своем примере Наполеон.

Вот Карл в Могилеве, который он занял после битвы при Головчине, он велит навести мосты через Днепр, переходит через реку. А что же дальше?

Выбраться из болот, идти прямой дорогой на Смоленск — Можайск — Москву. Так ожидали и в русской ставке. Петр приказал царевичу Алексею немедленно ехать в Дорогобуж и Вязьму, организовать там склады провианта для армии и укрепить подступы к этим городам. И Алексей уже 11 августа выехал туда. Конечно, подобное движение к цели по прямой линии, движение молниеносное, больше всего соответствовало тому, что можно называть стратегией Карла XII. Победа при Головчине окрылила и короля и его штаб. Если удалось отбросить

русских, загораживавших путь к Днепру, и затем перейти со всей армией беспрепятственно на левый берег реки, то почему же нельзя идти дальше, одним-двумя сражениями отбросив в сторону русских, если они попробуют заградить путь к Москве? Но тут представилось затруднение. Русские создадут пустыню и до Смоленска, и за Смоленском, и шведская армия погибнет от голода, если идти, не дождавшись Левенгаупта с его колоссальным обозом.

Хотя победа под Головчином досталась шведам довольно дорого, Петр был крайне недоволен командным составом, винил Репнина и Чамберса в важных недосмотрах, ошибках и небрежностях и даже предал их военному суду, который и признал их виновными. Репнин и Чамберс были разжалованы [26]. Но Петр впоследствии помиловал обоих, и они выслужились. Царь обоих ценил как храбрых и дельных генералов, но не желал оставлять без внушительного урока начальников, оплошавших в той или иной мере в такую грозную военную годину.

«Головчин оказался тем местом, над которым в последний раз взошла звезда счастья Карла XII»,— признает шведский историк Кнут Лундблад [27]. Дальше короля ждал долгий, мучительно трудный осенний, зимний и весенний поход, с бесконечными отступлениями русских малых кавалерийских партий, причем каждое такое отступление Карл и его штаб спешили регистрировать как победу. Но после Головчина Карл XII встретился с русской армией в настоящем большом бою, где он лично командовал, лишь спустя одиннадцать месяцев — под Полтавой.

За эти одиннадцать с лишком месяцев между Головчином и Полтавой у шведов была лишь одна очень крупная битва, но Карл в ней не участвовал лично: это было тяжкое поражение Левенгаупта под Лесной. Один из военных историков, писавших о Головчине (фон Галем), сказал по поводу этой битвы: «Это была настолько дорого купленная победа, что Карл мог бы догадаться, что он имеет (в лице русских — *Е. Т.*) прилежных учеников, которые вовсе не заслуживают его презрения».

Тут можно было бы возразить, что русские «учились» у Карла вовсе не военному искусству, напротив, в этом отношении они шли путями, очень мало общего имеющими с тактикой шведского короля. Но русские «учились» в том смысле, что они *изучали* тактику и стратегию Карла и тем самым овладевали уменьем пользоваться его ошибками, и если как тактик он и одолел их (в последний раз) при Головчине, то как стратег он оказался в начинавшемся походе ниже Петра и его генералов, которые потому и одержали решившую все сокрушительную победу над Карлом в конце похода, что в самом деле прилежно учились побеждать его, именно наблюдая его опрометчивые действия.

Но так как Карл и его окружение, в полную противоположность русским, абсолютно ничему не хотели «учиться» и даже ни разу и не попробовали хорошенько поразмыслить над стратегией и тактикой врага, которую они не удостаивали наблюдением, то они продолжали тешить себя иллюзиями вплоть до дней разгрома под Полтавой и позорнейшей сдачи под Переволочной.

И эта последняя в жизни Карла победа в открытом поле под Головчином в большом бою лишь укрепила его презрение к врагу, медленно, но верно, готовившему шведам полную гибель.

После Головчина наступил перерыв в военных действиях. Петр стоял в Горках (с 13 июля по первые дни августа), «а знатных действ не было, ибо король шведский в то время с войском своим стоял у Могилева безо всякого действа».

Отступление русских войск после Головчина в течение всего июля и августа продолжалось планомерно, с «оголожением» территории, куда вступал неприятель, время от времени тревожа шведов внезапными нападениями. Так было в начале вторжения, когда шведы производили рекогносцировки у Березины, продираясь «сквозь непроходимые леса и болота на 15 миль и понеже те места повсюду были разорены и опустошены, то не токмо провианта, но ниже фуража тамо обреталось где великую скудость они имели, и в лесу, во многих местах учинены были засеки».

8

В начале августа Петр в Горках впервые получил точное сведение, что часть неприятельских войск направляется к Пропойску. Тотчас же, 8 августа, Мазепе велено было посылать конные полки к угрожаемому пункту. Отныне с каждой неделей положение тайного изменника становилось все труднее. Его интересы требовали под каким угодно предлогом не посылать украинские войска на север, а оставлять их при себе на Украине, в то же время действуя так, чтобы не возбуждать подозрения в Петре. Отвечая Петру 16 августа из Русанова, он ссылается на то, что «уже» отправил «давно» нужные силы к Пропойску, а сам он будет стоять «недалече от Киева за одиннадцать миль в средине Украйны». И притом еще просит «доземным челобитием», чтобы царь разрешил ему «вспять с походу возвратить» два полка: Переяславский и Нежинский, уже было отправленные к Смоленску [28]. В таком же роде Мазепа действовал еще больше двух месяцев и ухитрялся не возбуждать сомнений ни в царе, ни в Шереметеве, ни в Меншикове.

Наступали критические дни этой начальной стадии похода. 21 августа Шереметев перешел с тремя дивизиями через реку Сожу, а спустя два дня он донес царю, что неприятель повернул

от Черикова к местечку Кричеву. С этого момента велось пристальное наблюдение за неприятелем, потому что речь шла, очевидно, о намерении Карла идти намеченным раньше путем — на север, на Смоленск. «С конным казацким войском переправились реку Сожу и стоим под местечком Чериковым, от неприятеля в 2 милях, и смотрим на неприятельский оборот, куда повернетца» [29],— доносил Петру капитан-поручик Петрово-Соловово 28 августа. 26 августа генерал Верден получил приказ Петра идти с пехотными полками к Смоленску. 31 августа Верден со своими семью полками уже стоял в 2 верстах от Смоленска.

Карл стоял в Могилеве, куда вошел после головчинского боя, и его стоянка не могла назваться очень спокойной.

Шведский капрал, взятый уже после занятия Могилева Карлом, показал, что в шведской армии свирепствуют голод и болезни от недостатка провианта, и люди питаются тем, что выкопают из-под земли, в полках нет комплекта ни людей, ни лошадей, припасов не хватает по неделям. В войске говорят, что король идет на Смоленск, и «буде войска наши не дав бою отступят, то намерены будто разложить войска около Смоленска в квартеры для отдыхания... А чтоб итить на Украину о том он не слыхал». Важно отметить, что в шведском стане начали смутно догадываться, до какой степени русское отступление не позволяет непрерывно наступать и углубляться в Россию. И, по-видимому, Смоленск, а вовсе не Украина представлялись ближайшим этапом и остановкой для отдыха [30].

Казаки умудрялись по ночам переплывать через Днепр и угонять у шведов лошадей. Производились беспокоившие шведов смелые налеты на правом берегу Днепра, который вовсе не был во власти шведов, если не считать очень близких окрестностей Могилева. Например, в Смольянах внезапно был атакован в замке генерал-адъютант Карла генерал Канифер, его охрана была разгромлена, а сам он был уведен казаками и 3 августа 1708 г. был доставлен к Петру в Горки [31]. Допрос Канифера не выяснил ближайших намерений Карла. Пленный генерал Канифер был лифляндец родом, сначала служивший в бранденбургской, потом в польской службе, а оттуда перешедший к шведам. Это был, очевидно, представитель характерной для того времени прослойки дворянского класса, кондотьер в штаб-офицерских чинах, нанимавшийся то к одной державе, то к другой. Он рассказал, что у короля только 30 пушек, что провианта очень мало, конницы 15 полков, пехоты 12 полков. Больных очень много, свирепствует кровавый понос. Показал он также: «Миру де в войске у них все и генералы гораздо желают, только королевской склонности на то не видать и не чает он, чтоб тот мир учинен быть мог чрез медиаторов (посредников — *Е. Т.*), но разве де

чрез пересылку меж обоими государи». Он дал характерную (и вполне согласную со всеми известными нам источниками) картину положения в главной ставке шведского короля: «О королевском намерении ничего он подлинно не ведает, для того что король ни с первыми генералами, ни с министрами о том не советует, а делает все собою и генералу квартермистру повелит о всех дорогах разведав учинить и подавать росписи себе... а консилиума (совета — *Е. Т.*) он ни с генералами ни с министрами никогда не имеет, а думает он все один, только в разговорах выспрашивает и выслушивает, кто что говорит». Канифер все же прослышал, что король хотел пойти из Могилева на Москву прямым путем, но «понеже ныне слышит, что везде все вытравлено», то Канифер думает, что Карл пойдет к Украине [32].

Есть данные, что уже в самом начале шведского похода, когда неприятель имел в виду вторжение не через Украину, а из Белоруссии через Смоленск и Можайск на Москву, он заблаговременно рассылал прокламации на русском языке, а не на украинском, как позже, и направлял их в города, лежащие на линии Смоленск — Москва. Оказывается, что в Гданске (Данциге) была типография, «цело друк слов словенских», которая печатала «множество всяких возмутительных писем», и эти письма шведы хотели «чрез шпионов посылать в край нашего государства». Поэтому Петр велел «везде сие объявить всем» и, в частности, послал в марте 1708 г. наказ именно в Можайск, воеводе Шишкину, чтобы он приказал эти «возмутительные письма» приносить, а воевода чтобы чинил строжайший розыск шпионам, которые хотят «тем обманом народ привести в возмущение» [33]. Ясно, что в это время с точки зрения шведов Можайск был одним из русских городов, который в сравнительно непродолжительном времени должен подвергнуться нашествию.

Нужно отметить, что русские военачальники с самого начала войны обнаружили понимание, какая ставка в игре. Всякие столкновения и споры из-за компетенции сократились. Едва только выяснилось от разведчиков Боура, что Левенгаупт пойдет не в Ингерманландию, а на соединение с королем, как Апраксин, получив об этом известие, не дожидаясь никаких специальных распоряжений свыше, приказывает Боуру, «чтобы немедленно шел со всей своей дивизией в случение нашей армии и смотрел пути Левенгоуптова и держал сколько возможно». Апраксин знал, что Боур теперь для него потерян до конца войны и что ему, Апраксину, придется в дальнейшем бороться против Любекера, не рассчитывая ни на какую поддержку. Но он знал также, что отныне главная опасность грозит на московском направлении, и он не колебался и торопил присоединение Боура к Шереметеву. Как не похоже это на поведение фельдмаршала Огильви, перешедшего на русскую службу за прекрасное

вознаграждение, даже и принесшего некоторую пользу в 1703—1705 гг. по части организации русской армии (хотя наши военные историки вовсе не склонны преувеличивать эти заслуги): когда же шел вопрос о жизни или смерти русской армии в Гродно, то Огильви нашел время злобно ссориться с Меншиковым, докучать этой ссорой Петру, обижаться за нарушение его полномочий и разводить какую-то долгую полемику явно личного характера, не очень вспоминая об интересах страны, куда он нанялся на три года.

Шведского короля с главной армией ждали на Двине, Левенгаупта в Пскове, Любекера в Петербурге. Во главе северной обороны царь поставил Федора Матвеевича Апраксина с подчинением ему Нарышкина, командовавшего в Пскове, генерал-поручика Боура в Дерпте [34].

В мае и июне на Дону разгоралось грозное восстание Булавина, с которым предстояла явно гораздо более опасная борьба, чем с только что бывшим астраханским [35]. Так мстила историческая Немезида, «неизбежный рок», так проявляло себя логическое развитие событий, так отвечал от времени до времени народ, расплачиваясь за гнет, за жестокое крепостное рабство, за эксплуатацию со стороны помещиков, за произвол приказных, за бесправие, за лихоимство — за долгие и жестокие неправды, от которых страдали массы.

В этой обстановке английское правительство, по существу неизменно враждебное России, решилось на определенно недружелюбный шаг. Королева Анна поздравила шведского ставленника Станислава Лещинского с восшествием на польский престол. Уведомляя об этом Витворта, статс-секретарь Бойл предлагает послу «смягчить» (of softning) всякими способами неблагоприятное впечатление, которое будет произведено на царя этим поступком Англии, и тут же приказывает послу уверить Петра в «величайшей дружбе и уважении», которое королева «продолжает» питать к царю [36].

Вообще британское правительство в это время в полном соответствии с настроениями, порождавшимися противоречивыми слухами о военных действиях в Литве и Белоруссии и о булавинском деле, то вело себя вызывающе, то сейчас же извинялось, то опять позволяло себе самые дерзкие выходки. Как уже упоминалось, русского посла Матвеева арестовали на улице в Лондоне и отвезли в тюрьму якобы за какие-то частные его долги. Статс-секретарь Бойл распорядился его освободить и принес извинения. Он называет происшедшее «несчастным случаем» (an unhappy accident) и «вопиющей дерзостью» (a crying insolence) и приказывает Витворту всячески уверить царя в «глубоком сожалении» королевы и в том, что Матвееву будет дано полное удовлетворение [37].

Ссориться с Россией серьезно и вполне открыто англичане еще пока ни в каком случае не хотели. Война с Францией была в разгаре, поползновения дипломатии Людовика XIV переманить Россию на свою сторону были в Англии давно известны. Да и слишком много экономических интересов англичан было связано с Россией. Возвращаясь снова и снова к случаю с Матвеевым, Бойл пишет Витворту: «Я боюсь, что этот необычайный случай может создать большое смущение и затруднительное положение для вас и для всех подданных ее величества, находящихся во владениях царя. Поэтому вы должны сделать все от вас зависящее, чтобы отвратить бурю самыми сильными уверениями в великом почтении и дружбе ее величества к царю...» [38] Бойл возвращается к этому случаю с Матвеевым, выражая очень серьезное беспокойство, давая самые формальные «удовлетворения» и принося самые горячие уверения в истинной «дружбе» королевы к царю.

Это тем более характерно, что британский кабинет получал в это самое время от своего московского посла Витворта неблагоприятные для России сведения.

У Витворта были свои агенты, и, отчасти пользуясь излишней откровенностью офицеров, бывших на русской военной службе иностранцев, отчасти же прямым подкупом он добывал стороной такие подробности происходящих в Литве и в Белоруссии сражений, которые могли бы убедить англичан в слабости русской армии. «Вы видите, что дела царя в очень опасном положении вследствие недостатка в способных генералах и офицерах... Бедный царь никогда не узнает истины» [39],— такой припев в том или ином виде постоянно умудряется ввернуть Витворт в свои донесения.

9

В донесениях Витворта мы нашли ценнейшее указание, что еще в середине августа 1708 г. русский инженер, которому было поручено обследовать пограничную местность от Великих Лук до Гомеля, высказывал мнение, что шведам почти невозможно будет прямое движение на Москву через эту границу и что они скорее двинутся к Черниговской области и к Украине.

Значит, еще в середине августа, т. е. еще до поражения Левенгаупта при Лесной, и до перехода Мазепы на сторону шведов, и до возникновения нового плана Карла XII, в России видели, что Карл XII так или иначе принужден будет пытаться идти на Москву не прямой смоленской дорогой, но непременно через Украину. Восторженные хвалители Карла говорят о «гениальном» плане похода через Украину на Москву, плане, который, по их убеждению, непременно удался бы, если бы не постигшая

короля крупная полтавская неприятность. Но цитируемый английский документ неопровержимо доказывает, что Карл буквально сослепу, не имея ни малейшего представления о границе, через которую желал вторгнуться в Россию, дошел со своей армией до этой границы, толкнулся, так сказать, об нее, увидел всю неисполнимость своего намерения и повернул к югу только потому, что в противном случае ему оставалось бы лишь идти на запад, к Днепру, в Литву, где ему делать уже было нечего, либо к северу, т. е. в Прибалтику. Но одержимый мыслью, что все решится в Москве, Карл XII уже давно считал прибалтийский театр военных действий второстепенным. Значит, оставалось идти на Чернигов и Полтаву. Но русские знали, что он этим непременно кончит, еще в середине августа, а Карл XII об этом «узнал» лишь в середине сентября 1708 г. Его разведка в 1708 г. решительно никуда не годилась. Всякий историк, изучающий вторжения, которым подвергалась Россия, без колебаний скажет, что, например, Батый безусловно перед нашествием знал несравненно лучше, куда он идет, чем Карл XII, когда он, посадив Лещинского на польский престол, собрался в «московский» поход и велел Левенгаупту организовать такой обоз, чтобы всего хватило до самой Москвы [40].

Много шведов погибло на запоздалых разведках в белорусских чащах и топях. Русское командование приписывало эту совсем неосновательную трату людей не штабу неприятельскому, а лично Карлу XII: «...и хотя королю шведскому его генералы о таком худом марше не советовали, однакож он, несмотря на то, что те места от болот непроходимые и в пропитании разоренные, по тайному согласию с черкасским гетманом Мазепою марш свой продолжал» [41]. Так было и в конце августа, когда русские отступали к Мстиславлю, а оттуда к Мигновичам: «...а неприятель за нами следовал, пред которым наша кавалерия по деревням провиант и на полях стоячий хлеб и строение всякое жгли для оголожения неприятеля, и чтоб не было оному пристанища» [42].

Перед рассветом 30 августа Голицын с восемью батальонами пехоты «по груди в воде» перешел Черную Напу и атаковал неприятеля. Сражение было успешным для русских, и генералов Рооса и Крууса спасло от полного поражения лишь то, что русская конница не успела пройти через болота и подоспеть к Голицыну. Это не помешало историку Брикнеру поверить патриотическому лганью преданного барда короля Карла XII Адлерфельда и назвать этот бой «победой шведов» [43].

Это сражение русские называют чаще боем у с. Доброго, а шведы и англичане, писавшие о нем, боем у речки Черной Напы или Натопы. Это было первое столкновение между шведами,

вышедшими из Могилева и устремившимися на восток, не дождавшись Левенгаупта, и русскими, которые стремились, не вводя в сражение всей армии, избегая генеральной битвы, задерживать по мере возможности неприятеля отдельными частичными нападениями.

Карл XII стоял в нескольких верстах от русских в так называемой Черной Наппе. Князь Голицын, которому приказано было атаковать шведов, напал на отряд, далеко выдвинутый по направлению к Белой Наппе, где стояли русские. Этот отряд, составлявший правое крыло шведской армии, был разгромлен Голицыным, и шведы потеряли, по первоначальным данным, больше трети участвовавших в деле войск: около 2 тыс. убитыми и 2 тыс., приблизительно, ранеными. Нужно заметить, что по показаниям пленных шведских офицеров и по другим свидетельствам, собранным Шафировым, шведские потери были гораздо значительнее и простирались до 3 тыс. убитыми и столько же ранеными. Три пехотных полка шведов были полностью уничтожены. Голицын, одержав эту победу, отступил, согласно приказу, раньше, чем на помощь погибавшему правому крылу успела подойти вся шведская армия. Карл XII, опередив шедшую к месту боя армию, только издали смотрел на происходившее, так как при нем, кроме сорока драбантов, никого не было [44]. Русские вернулись в свой лагерь на Черную Наппу, а король туда пойти не посмел. Если даже усомниться в строгой точности этих цифр и в особенности в слишком малой цифре потерь русских (375 убитыми и тысяча ранеными), все-таки факт русского успеха должно признать бесспорным.

Главная квартира Карла находилась в с. Добром и отделена была от русской армии двумя речонками (Белой и Черной Наппой) и топкими болотами. Продолжая свою тактику активной защиты с использованием всякого удобного случая к наступлению, на русском военном совете («генеральном консилиуме») «решено было с помощью вышнего атаковать». Князь Голицын с восемью батальонами пехоты и генерал-лейтенант Флюк с тридцатью эскадронами драгун атаковали неприятеля 29 августа. Но главный бой произошел не 29, а 30 или 31 августа 1708 г., считая по шведскому календарю.

По данным петровского «Журнала», нападению подверглась часть неприятельской армии численностью в 5 тыс. человек пехоты и «несколько тысячь» кавалерии. После «жестокого боя», продолжавшегося 2 часа «с непрестанным огнем», русские «сбили» шведов «с поля», причем шведы потеряли убитыми более 2 тыс. человек и ранеными столько же, после чего русские, забрав шесть неприятельских знамен, вернулись на Черную Наппу, не желая завязывать на этой позиции общего сражения со всей неприятельской армией [45].

Нордберг, как и Адлерфельд, оба бывшие на месте, говорят, что первое русское нападение произошло 29-го, а затем, после отступления генерала Рооса к лагерю, произошла 30 и 31 августа (по шведскому календарю) новая русская атака и бой (о котором и говорит «Журнал» Петра). По Нордбергу, общие потери шведов были всего 300 человек, а общие потери русских — больше 900 человек, но при его манере всегда преуменьшать шведские потери и преувеличивать русские эти цифры не имеют особой цены. Цифры «Журнала» Петра, тоже не особенно точные (да и трудны подсчеты потерь неприятеля тотчас после боя), все же сильно выигрывают в относительной правдоподобности, если мы обратимся к оценке общего характера битвы, даваемой и очевидцем Нордбергом, и писавшим на основании разнообразных, ставших ему доступными, показаний Фрикселем. Нордберг со всеми оговорками, извиняющими и объясняющими неудачи шведов, испытанные ими в этот все-таки, по его мнению, «славный» для шведской армии день, вдруг, подрывая собственное известие о малых потерях шведов, заявляет: «Нельзя, однако, не согласиться, что потеря Карла XII намного превзошла потерю царя. Царь, за которым были его обширные владения, имел возможность производить столько рекрутских наборов, сколько хотел, тогда как шведский король, удаленный от своих границ и находясь посередине неприятельской страны, где он не мог получать известий о том, что творится в других местах, не имел никаких средств и был лишен возможности еще долгое время получить хотя бы малейшую подмогу, как бы ни старались в Швеции послать ему подкрепление, уже готовое к отправке» [46].

Таким образом, описав на свой обычный лад, конечно, в самых хвастливых тонах сражение 30/31 августа, Нордберг почувствовал все-таки некоторую неловкость перед читателями, которые могли уже прочесть правду об этой шведской неудаче у Ле-Лонга в IV томе его написанной на голландском языке «Истории Карла XII». И поэтому читатель, которому на двух с половиной страницах внушалось, что в сущности ничего худого с шведами в этот день не случилось (напротив!!), вдруг находит в виде заключения следующее неожиданное «размышление» [47]. Размышляет же Нордберг так: хотя день был славный для шведского войска, но все-таки лучше бы его вовсе не было. Ибо Петр может легко восполнить свою потерю, а король Карл не может «среди вражеской страны, не имея никаких ресурсов».

Из дневника другого шведского очевидца (и участника боя), Адлерфельда, тоже явствует, что при всем желании представить неудачу в виде успеха камергеру короля Карла это так же плохо удается, как и королевскому духовнику Нордбергу. По скупому рассказу Адлерфельда выходит, что генерал Роос, на которого

направлено было русское нападение, оказался в серьезной опасности, и король должен был поспешить к нему на выручку с большими силами («с несколькими генералами» и принцем Вюртембергским). При этом бой был и до и после прибытия выручки «очень кровавым и упорным». О русских раньше говорится, что они под прикрытием густого тумана, скрывшего от шведов их приближение, внезапно напали со всех сторон со «всей возможной яростью». А после прибытия выручки с теми же русскими происходит нечто неясное. После «бурной атаки» шведов они принуждены отступить, но, отступая, они строятся в каре. И потом все-таки их нужно еще атаковать несколько раз. Тот же злосчастный для шведов туман, который помог русским в атаке, помог им и в их отступлении, так что они ушли в свой лагерь. А после этого и победоносные шведы «спокойно вернулись в свой лагерь». В течение трех дней после битвы под Черной Напой (или под с. Добрым, как часто пишут наши источники) шведы хоронили своих многочисленных убитых и только 3 сентября двинулись дальше к востоку.

Петр был очень доволен битвой под с. Добрым. На другой день он писал Екатерине: «... мы вчерашнего утра... на правое крыло короля шведского с осмью баталионами напали и по двачасном огню оного с помощтию Божиею с поля збили, знамена и протчая побрали. Правда, что я как стал служить, такой игрушки не видал. Аднакож сей танец в [о]чах горячего Карлуса изрядно станцовали» [48]. Особенно было приятно Петру, что победа была одержана над пятью полками, состоявшими из природных шведов. Петр считает в письме к Ромадановскому, что потери шведов одними убитыми были в этом бою до 3 тыс. человек («трупом с три тысячи положили, кроме раненых»),— а наши потери были всего в 375 человек, при 1192 сражавшихся в этот день. Но цифра шведских потерь, показанная в письме к Ф. Ю. Ромадановскому [49], разнится от цифры (2 тыс. человек убитыми), даваемой в письме циркулярного характера, писанном накануне [50]. Царь выражает убеждение, что если бы не болота («марасты»), то «приспела бы» наша кавалерия и никого из неприятельского отряда не уцелело бы. Но когда двинулась на наш отряд вся армия шведов, то мы «по одержании совершенной виктории» отошли на Черную Нappy «добрым порядком».

Битва у селения Доброго произвела большое впечатление на тех, кто внимательно наблюдал за развитием событий.

Старый дипломат Урбих, служивший довольно долго в Дании и перешедший на русскую службу, писал другу своему философу Лейбницу, извещая его о русских победах как в Карелии, так в особенности о битве под Добрым: «Вы правы, что война между царем и шведом не кончится, пока не погибнет тот или другой. Правдоподобнее, что это случится скорее с Карлом XII,

чем с царем; у нас есть и всегда будет возможность оправиться, если же шведы будут побиты, то они не оправятся и в сто лет. Поэтому шведскому королю следовало бы заблаговременно подумать о мире, возвратив царю то, что прежде ему (царю — *Е. Т.*) принадлежало, и бросить своего Стенцеля (шутливое уменьшительное от Станислав — *Е. Т.*), который никогда не может быть королем в Польше. Если король шведский не сделает этого, то я опасаюсь, что ни его армия, ни он никогда не возвратятся живыми в Швецию»[51].

10

Карл продолжал движение к русской границе, не обращая внимания на такие зловещие симптомы, как это неожиданное поражение или как мелкие, но очень неприятные внезапные нападения на случайно отдалившиеся небольшие группы шведской армии, вроде удачного для русских кавалерийского поиска около местечка Мигновичей. Провианта становилось и для людей и для лошадей очень мало, истощенным, некормленным лошадям не всегда было под силу вытаскивать из глубоких белорусских болот артиллерийские орудия. Эпидемически распространялись тяжелые гастрические заболевания вроде кровавого поноса. Шведы жестоко грабили белорусское население, варварски мучили крестьян, вымогая у них показания о спрятанном хлебе.

В Западную Европу постепенно стали проникать известия о довольно затруднительном положении, в которое попал шведский король в этих бесконечных опасных белорусских болотах. Там знали, что Карл XII с пренебрежением отвергал всякие предложения мира, всякие попытки царя завязать переговоры. И главной, непоправимой, фатальной его ошибкой было именно полнейшее непонимание России и Петра. В Петре он видел нечто вроде Августа Саксонского, а в России — даже и не Польшу, а просто какой-то варварский стан, не то громадное по пространству полумонгольское кочевье, не то обширное пахотное поле, на которое зарился еще его предок, обожаемый им Густав Адольф.

Эта мысль и давала ему полное спокойствие духа, хотя часть его генералитета уже начала тревожиться, когда он, гарцуя впереди своей армии, вел свое полуголодное и изнуренное войско по тропинкам через непросыхающие болота на восток. Армия уменьшилась в числе? Ничего, Реншильд не понимает, что на покорение Москвы хватит! Пипер тревожится по поводу потери Прибалтики? Ничего! Пиперу никак не удается взять в толк, что в Эстляндии, Лифляндии, Финляндии, Ингерманландии шведам вовсе и не придется воевать[52]. Все вернется, как только

Карл на своем лихом скакуне примчится в Кремль. Это крепко сидело в его голове, когда его спутники осмеливались деликатно указывать на трудности затеянного далекого похода. Он полагал, что добьется развязки через несколько месяцев. Карл оказался совершенно прав, развязка пришла через несколько месяцев, но он несколько ошибся лишь относительно географического пункта. Развязка пришла не в Москве, а в Полтаве.

После Черной Напны русская армия, правда, отошла, но скрыть от себя, что на сей раз произошло нечто, нисколько не похожее на головчинский бой, конечно, шведы никак не могли.

И тут опять в шведской главной квартире поднялся вопрос, по которому не было единодушия среди королевского окружения и не было полной ясности даже в королевской голове, судя по неопровержимым признакам. Куда и когда идти?

Граф Пипер стоял, как всегда, после занятия Гродно за поворот к Пскову, Дерпту, Нарве, Риге, к возвращению потерянного Прибалтийского края и к обеспечению того, что еще потеряно не было. Фельдмаршал Реншильд, который все время и до и после Гродно всецело поддерживал план вторжения в Россию и похода на Москву и уже несколько раз имел по этому вопросу столкновения с Пипером, под влиянием обстоятельств, наблюдая жестокий голод и болезни в армии, учитывая явную враждебность населения, зная о налетах казачьих и башкирских конных отрядов, начал колебаться и уже сам захотел опять услышать мнение осторожного Пипера. «Теперь, когда уже было поздно, даже и он (Реншильд — *Е. Т.*) начал призадумываться и пожелал услышать совет Пипера. Но Пипер ответил ему: черт, который до сих пор давал свои советы, пусть и теперь он же подаст свой совет»[53],— так повествует Фриксель об этом своеобразном обмене мнений ближайших советников Карла в дни между битвой при Черной Напне (или Натопе) и сражением под Лесной. Пипер не на Реншильда сердился, конечно, а на самого короля, так как знал очень хорошо, что сам Карл XII еще с альтранштадтского и дрезденского сидения в 1706 г. твердо решил идти на Москву, а Реншильд был только его подголоском. Реншильд мог бы возразить, что в дрезденские времена и сам граф Пипер находился, точь-в-точь как фельдмаршал, король и все генералы, под влиянием советов того же самого «черта», как и вся королевская ставка.

Битва 30 августа 1708 г. была, конечно, менее значительным событием, чем сражение при Лесной, последовавшее спустя один месяц, так же как сражение при Лесной было менее значительным событием, чем разгром шведов под Полтавой. Но, подобно тому как нельзя понять всесторонне сражение под Полтавой, не зная битвы при Лесной, так и битву при Лесной кое-кто из

политических наблюдателей стал смутно предвидеть после небольшой, но показательной битвы на Белой и Черной Напне.

И как раз за две недели перед сражением при Лесной осведомленный, как никто из других дипломатов, британский посол и очень искусный соглядатай Витворт, заинтересованный, как мы видели, Черной Напной, счел уместным и очень своевременным довести до сведения своего правительства о кое-каких своих наблюдениях и выводах.

В разгаре войны, за две недели до Лесной и в самый день, когда после колебаний Карл XII решил окончательно идти не на Смоленск, а на Украину, 15 сентября 1708 г. Петр приказывает секретарю Посольского приказа П. В. Курбатову: «присматривай за аглинским посланником», и Головкин организует присмотр, чтобы Витворт «нечаянно» «с Москвы не уехал». Шпионская деятельность Витворта, прекрасно осведомленного в делах русско-шведской войны, очень верно, как видим, оценивалась царем [54].

Витворт знал, что в Лондоне хотят дать себе реальный отчет о том, кто из двух врагов, ведущих уже девятый год войну, может скорее оказаться победителем.

И вот как отвечает на этот вопрос Витворт: «О том, что случится, можно только гадать, но так как у меня теперь есть вер*ная оказия (для пересылки письма), то я прошу разрешения* высказать вам свое скромное суждение. У шведского короля есть такое преимущество, как закаленные солдаты, опытные генералы и храбрые офицеры, он необыкновенно терпелив и даже любит утомлять себя, он непоколебимо храбр, и его решения неизменны». Но Витворт отмечает и его слабые черты: слишком большую любовь к риску. До сих пор ему везло, он имел успех... и выходил из тяжелого положения самым неожиданным способом. Если бы после Нарвы (1700 г.) Карл пошел прямо на Россию, то, видимо, заключил бы выгодный для Швеции мир. Но Карл этого не сделал и дал царю возможность учесть и исправить причины поражения. Русские сделали ряд завоеваний — забрали Ингрию, Дерпт, Нарву, могут завоевать еще Ливонию. Победы Карла над поляками и саксонцами, низвержение Августа с престола поставили Петра в затруднительное положение, и царь хотел мира. Но «постоянное отвращение его врага от всякой мысли о переговорах и тяжкие условия, поставленные королем последнему союзнику Петра (Августу — *Е. Т.*), показали царю, что его самого ожидает и что у него есть лишь выбор между решительной обороной или полной гибелью».

Пересчитывая дальше все эти заблуждения шведского короля, который прямо поставил своими действиями альтернативу перед Россией — или отчаянное ее сопротивление или гибель,— Витворт переходит к вопросу о Польше. Влияние Карла в Поль-

ше подрывается расколом между партиями, а король шведский не умеет обходиться с поляками, пускает в ход крутые меры, и поэтому поляки не участвуют в этой войне (на стороне шведов). Что касается царя, продолжает английский посол, то у него многочисленная армия — 80 тыс. человек, правда, она уменьшается от дезертирства и болезней, но есть и некоторый резерв, более 10 тыс. А солдаты русские — хорошие солдаты: «Русская армия состоит из здоровых, хорошо сложенных молодцов, обучение их — хорошее, у них теперь совсем не тот вид, как во время кампаний в Польше, и многие полки, несомненно, будут сражаться хорошо, если их поведут. Но оружие у них плохое, а лошади у них еще хуже». По более надежным данным, Витворт вовсе не прав, так пренебрежительно отзываясь о русском оружии, которое позднейшие шведские (не говоря уже о русских) историки признали отнюдь не «плохим», и о русской кавалерии, которая, бесспорно, была *лучше* шведской. Атакуют русские хорошо, но, по мнению посла, они якобы неспособны к длительному сопротивлению напору противника. Русские очень ободрены последней победой (при Белой Напше). Слабая сторона армии — недостаток в хороших генералах.

Витворт снова подчеркивает настойчиво, что не только у русской армии совсем не такой вид, какой у нее был в Польше (в 1705—1707 гг.), но что по поведению ее во время польских кампаний *«нельзя было думать, что русские будут теперь так хорошо защищать свою землю»*. Подытоживая все сказанное, Витворт приходит к заключению, не весьма утешительному для шведов. Теперь стоит еще осень, но через пять или шесть недель наступит зима с морозом и снегами. Оставаться в открытом поле солдаты не могут в течение пяти зимних месяцев. «Но где шведы могут найти безопасные зимние квартиры, не легко усмотреть». Необходимо поэтому дать генеральное сражение. Хоть это и тяжкое дело, но это наилучший выход. Иначе шведам придется возвратиться в Литву и там зимовать, а весной возобновить поход. Но затягивать войну так, как она затянулась в Польше, нельзя: русские разорят свою страну, они поступят совсем не так, как поляки, и заключение мира станет сомнительным[55]. Все эти благие «советы» и дружеские предостережения шведам лишний раз доказывают, что Витворт всегда был враждебен России, как ни старался он скрывать истинное свое лицо под маской объективного созерцателя.

Так судил в своем откровенном, «с верной оказией» посылаемом в Лондон письме английский посол. Письмо было писано 17 сентября. А спустя одиннадцать дней произошло событие, которое, вероятно, заставило Бойла и королеву Анну снова внимательно перечитать то, что им написал из Москвы их наблюдательный представитель. Грянула битва при Лесной, оправ-

давшая почти все пророчества Витворта, кроме одного. «Русские молодцы», о которых он писал, оказались не только хороши в атаке, как он и думал, но и чрезвычайно стойки в обороне и в «сопротивлении напору», чего он от них не ждал.

11

Неспокоен был путь шведов, и не только впереди шведской армии шли отступающие русские. Они были и впереди, и являлись вдруг позади, и внезапно нападали с флангов, тотчас же скрываясь. Русская регулярная конница, казаки и башкиры не давали покоя шведской армии, и шведское командование уже тут видело, что такого рода метод отступления не практиковался ни датчанами, ни саксонцами, ни поляками, когда им приходилось ретироваться под давлением наступающей шведской армии. Наконец, начали случаться такого рода происшествия, которые довольно наглядно показывали, как упорен боевой дух в этом отступающем русском войске.

7 сентября «партия» генерал-майора Микуша в 2 тыс. человек имела при деревне Белья столкновение с неприятелем удачное для русских, которые «сбили» несколько шведских полков при сравнительно малых потерях (139 убитых и 85 раненых) [56].

Спустя два дня, 9 сентября, произошло новое сражение (близ Кадина), причем с русской стороны командовал Боур, а с шведами был самолично король с конницей и пехотой и, как доносил Боур, «чуть не со всей армией». Обе армии к концу боя стояли «с полчаса» друг против друга «толь близко, что можно друг по друге палить из пистолета». Но бой не возобновился. Боур не дает числа принимавших участие в бою, а Федор Бартенев писал Петру на другой день (10 сентября), что с обеих сторон участвовало по 2 тыс. человек.

10 сентября шведская армия подходила к деревне Раевке, когда в отдалении был замечен какой-то русский отряд. Карл послал атаковать его. Но посланные были отброшены сейчас же и донесли королю, что они натолкнулись вовсе не на обычно реявшую вокруг нерегулярную конницу, а на отряд русской кавалерии из корпуса генерала Боура. Король взял с собой один из лучших полков (Остроготский полк) и помчался на неприятеля, который, однако, вовсе не подался и окружил короля. Карл XII непременно был бы убит или взят в плен. Но русские в пороховом дыму не смогли опознать короля, покрытого к тому же густой пылью. Почти весь эскадрон Остроготского полка, во главе которого находился Карл, был изрублен без остатка. Под королем была убита лошадь, и он оборонялся саблей, когда подоспел другой эскадрон. Но и этот другой эскадрон тоже почти весь был перебит русскими. Примчавшийся во главе выручки гене-

рал-адъютант Тюре Хорд был убит наповал, другой — генерал Розеншерна — смертельно ранен. Только подоспевшие уже на вторую выручку шведские войска спасли Карла и увезли его в свой лагерь. Эти жестокие людские потери, вызванные совершенно бессмысленно затеянным боем, ничуть не смущали Карла, полагавшего, что он имеет право не дорожить жизнью солдат, подставляя так охотно собственный лоб, но беспокойство в его штабе росло. И, узнав об этих выходках короля, в Стокгольме также пришли в серьезную тревогу. Политические группы стали усиленно думать о подготовке регентства и обсуждать вопрос о регентстве Гедвиги Софии, вдовствующей герцогини Гольштейн-Готторп [57]. Было ясно, что абсолютно ничем не мотивированное приключение у Раевки, стоившее жизни двум почти целиком истребленным шведским эскадронам и нескольким генералам и полковникам, может каждый день повториться и что русская пуля непременно найдет Карла XII.

С точки зрения русского командования, этот принятый Карлом XII, совершенно бесполезный для шведов и оказавшийся крайне неудачным, кавалерийский бой 9—10 сентября 1708 г. был счастливым событием. Царь так и называет его «счасливой партией» в письмах к Федору Матвеевичу Апраксину и к царевичу Алексею (оба письма от 12 сентября) [58]. Вот как описан этот русский успех в письме Петра к Апраксину.

Царь знал, что с утра 9 сентября неприятель со своим обозом вышел из Белика. Петр двигался с частью конницы параллельно движению шведов и «казаками... тревожил и в огне держал». Генерал-майору Микашу было затем приказано «с полками всеми поднятца и у неприятеля з боку итти». Эти регулярные конные полки Микаша «добрым порядком» были доведены до того места, где решено «на малой и к переходу неудобной переправе атаковать» неприятеля и атаку начать, пустив в дело сперва казаков. Это и была та нерегулярная конница и казаки, которых Карл решил рассеять без труда, послав туда валахов и часть шведов. Но вместе с казаками уже находились быстро посланные Петром 1300 человек регулярной конницы, которые и отбросили первый отряд, посланный Карлом. Тогда неприятель пошел на нас «со всем своим войском как пехотою, так и конницею». Это и была спешившая на выручку короля шведская армия, которую русские трижды сбивали и останавливали. Выручив короля и бывшего при нем принца Вюртембергского (об участии которого Петр ничего не знал), но не успев выручить два изрубленных вокруг короля шведских эскадрона, шведы вернулись назад. Когда шведы возвращались, то регулярная наша конница их не преследовала, а снова были пущены в ход казаки, которые «на неприятельских флангах многих копьями покололи». Петр считает урон шведов в этот день в 1 тыс.

человек. До позднего вечера велся пушечный огонь по отступавшим шведам. Русские тоже отошли к своим позициям. Петр все время лично командовал в этом деле и даже «виден нам был король шведской сам особою своею».

Следовательно, ничего не разведав, как всегда пренебрежительно отнесясь к русским, ввязавшись в бой тогда, когда шведам это было вовсе не нужно, Карл сделал именно то, чего желал Петр, который, зная натуру своего противника, раздразнив его калмыками и казаками и искусно скрыв до поры до времени регулярную русскую конницу, добился бесспорного успеха. Карл натолкнулся на сопротивление, которого он не ждал. Успех русских в этот день был еще больше, чем думал Петр,— это мы знаем не из русских, а из шведских источников. Петр не знал о гибели двух крупных шведских генералов — Тюре Хорда и Карла Розеншерны, о почти полном истреблении двух эскадронов из отборного гвардейского полка, о том, что король еле спасся.

12

Русская армия, идущая по параллельным путям, в этот день нанесла шведам очень чувствительный удар. Это было после Черной Напны новым предостережением. И оно тоже было не понято Карлом, как и первое, как и все последующие.

Царь призвал новых рекрутов, увеличил численность армии, укрепил наиболее опасные места границы, усилил офицерский состав и, наконец, приобрел союзников среди польских конфедератов. Словом, Петр действует так, как должно при сознании опасности. А шведский король опасности для себя не видит никакой и ничего не делает, чтобы парировать успех русской дипломатии в Литве, где против шведов и их ставленника Станислава Лещинского высказался могущественный там Синявский, а за ним и другие магнаты. «Все ожидали,— доносил Витворт,— что шведский король по возвращении (в Польшу из Саксонии — *Е. Т.*) прежде всего постарается прекратить этот раскол (this schism), или созвав для этой цели сейм, или же переманив на свою сторону Синявского и других главных магнатов, хоть немного считаясь с их интересами (by some little complaisance with their interests)». Это было бы очень важно для Карла, поляки могли бы прикрыть арьергард движущейся по Литве шведской армии от постоянно тревоживших этот арьергард казаков и конных частей «татар» (башкир и калмыков). Но король так презирает своих врагов в Польше, что не удостоил их внимания. И вместе с тем он, если можно так выразиться, не удостоил этих враждебных ему поляков и усмирением: «И он не употребил никакой настоящей силы, чтобы привести недовольную партию к покорности».

Вообще же Карл XII презирает не только поляков, не только русских, не только казачью конницу, которая, отбивая обозы, следующие за частями, приносит этим тяжкий вред, являющийся наибольшей бедой (his greatest distress) для всей шведской армии. Он «презирает» также обозы вообще, полагая, что может обойтись без них. Эта фраза звучит в английском тексте еще более странно и нуждается в пояснениях, так как Витворт тут явно иронизирует над Карлом XII. «Он (Карл — *Е. Т.*), однако, всегда делал вид, что вполне пренебрегает обозами и артиллерией» (He has indeed always affected a total neglect of magazines and artillery), потому что так воевал его великий предок Густав Адольф [59], деяния которого Карл только и изучает и которому подражает. Обратим внимание на слово «affected». Карл делает вид, напускает личину, рисуется, притворяется, будто ему не нужны обозы и артиллерия, «так как он до сих пор с успехом обходился без них».

Что означает в устах короля Карла XII эта фраза о ненужности обозов, очень хорошо могли бы пояснить поляки и саксонцы, которые знали, как пользуются шведские солдаты предоставленным им правом добывать себе самим пропитание у жителей оккупированных местностей. «Точию несказанные варварства чинят в Саксонии, и не точию жестоко правят кантрибуцию (sic — *Е. Т.*), но у мужиков ноги, обертя соломою, жгут и иными муками мучат, жен и детей отъимают, ныне же уже и жечь почали и уже два города и несколько деревень сожгли. Сие суть великодушие шведов» [60],— так писал Петр, еще наблюдая шведские подвиги в 1707 г. И это было, когда Август уже капитулировал, подписал Альтранштадтский мир. Что делали шведы, проходя Литвой и Белоруссией в разгаре войны, это было крайне просто угадать.

Витворт не верит, чтобы Карл всерьез думал, что можно, нападая на Россию с целью ее завоевать, справиться с этим «небольшим» затеянным им предприятием так легко и, главное, до такой степени быстро, что незачем тащить за собой задерживающие движение армии тяжелые обозы и артиллерию. Карл только рисуется, бравирует, хочет вид показать, что для него завоевание России — дело решенное и что хорошо бы не обременяться в этой предпринимаемой прогулке в Москву никаким излишним багажом.

Конечно, при всем невежестве Карла относительно России и русских, при всей его доходившей до невероятных размеров кичливости и самоуверенности он не мог «презирать» ни обозов, ни артиллерии. Он запасся, вступая в Литву, и тем и другим. Но артиллерии он взял в самом деле мало, и русская артиллерия во всех решительных боевых встречах этой войны оказывалась сильнее шведской, русский порох лучше шведского, русские

канониры стреляли более метко. И когда в литовских и белорусских топях и в болотах Северской Украины погибла большая часть этой артиллерии, то шведские генералы стали уже возлагать все свои упования на Мазепу, нового друга, у которого припасено в Батурине видимо-невидимо пушек. Так обстояло дело с артиллерией. Мы видим, что Карл только щеголял своим «пренебрежением» к артиллерии. Он, правда, проявил (как и вся его свита, и не только относительно артиллерии) глубочайшее невежество насчет боевых средств и подготовленности противника и гибельное для судьбы шведов легкомыслие.

В еще большей степени рисовался и щеголял Карл своим «пренебрежением» к обозам. Нет, это было только рисовкой, он в данном случае своей похвальбой делал себя в глазах посторонних лиц, вроде того же англичанина Витворта, легкомысленнее, чем был на самом деле.

Во-первых, он запасся обозом, следовавшим за частями его армии. Во-вторых, как мы видели, он соображал, что Россия не будет кормить его армию так, как кормила богатая и сразу покорившаяся Саксония или как плохо сопротивлявшаяся при Августе и вовсе не сопротивлявшаяся при Станиславе Лещинском Польша. И именно поэтому он, начиная нападение на Россию, сделал то, чего до сих пор, действительно, не делал никогда: он определенно приказал Левенгаупту взять все то, что могли дать Курляндия, Лифляндия, наконец, Польша и Литва, еще пока не примкнувшая к Синявскому, и составить громадный обоз, движущийся колоссальный склад боеприпасов и продуктов потребления. Для охраны этого обоза Карл отдал Левенгаупту в распоряжение целую армию. И когда Витворт писал из Москвы своему начальству в Лондон об этом явном хвастовстве и «аффектации» шведского короля, прикидывающегося, будто ему для завоевания России даже и не нужно никаких обозов, в это самое время Карл XII, у которого казаки успели отбить немало припасов при нечаянных нападениях на арьергард, с большой тревогой ждал Левенгаупта с его обозом, а солдаты уже понемногу начинали подголадывать и все больше и больше интересовались ягодами и встречаемыми в литовских лесах растениями, съедобность которых пришлось определить этим грядущим завоевателям России. Витворт уже знал кое-что. «Если хоть наполовину правда то, что передают русские из слышанного от дезертиров и пленных, о нужде в лагере короля, то это окажется величайшим препятствием для его намерений»,— пишет Витворт в Лондон.

Он писал это донесение из Москвы 17 сентября. А спустя одиннадцать дней почти весь обоз, с такими трудностями и расходами собранный Левенгауптом, был в русских руках или частично погиб, утопленный в р. Соже.

13

Под непосредственным впечатлением боя под Раевкой, где шведы положили около полутора тысяч человек и где сам король был на волосок от гибели, армия Карла XII вступила в село Стариши, которому суждено было стать самым северным и в то же время самым восточным пунктом, до которого дошло шведское нашествие. Тут между 11 и 13 сентября 1708 г. и состоялось историческое решение: изменить план похода и, имея по-прежнему конечной целью Москву, идти туда не по дороге Смоленск — Можайск, но через Украину.

Вот как рисуют нам шведские свидетельства этот знаменательный поворот.

11 сентября Карл приказывает своему генерал-квартирмейстеру Гилленкроку «посоветовать, куда нам дальше двинуть войско». Гилленкрок резонно отвечает, что, не имея понятия о ближайших намерениях, о плане короля, он не может решить вопрос о дороге. На это он выслушивает изумительное признание короля, что никакого плана вообще, у него нет: «у меня нет никаких намерений» (Jag har ingen dessein). Тут разговор внезапно оборвался, король уехал на аванпосты, а на другой день, когда Карл повторил свой вопрос о дорогах, то Гилленкрок признался, что он об этом не думал, так как решил, что его величество изволил вчера пошутить. Но нет! Карл не шутил. Генералы стали думать о плане. Предложение очень встревоженных Гилленкрока и графа Пипера — уходить за Днепр, обратно, в Витебск, еще неразоренный,— было отвергнуто.

Не только Гилленкрок, разыгрывающий в своих записках роль мудрого ментора, благоразумного советника и проницательного стратега, которого вовремя не послушались, но и другие, более достоверные и беспристрастные свидетели говорят нам, что, перейдя Днепр и еще не перейдя Сож, Карл XII несколько дней топтался на месте, не зная, что делать. Он уже и не скрывал от окружающих, что у него нет никакого определенного плана относительно дальнейшего. Если бы у Карла было хоть немного меньше несокрушимой веры в божественное происхождение шведской абсолютной монархической власти и надежды на озарения свыше, которые простым верноподданным понять не дано, то, может быть, ему было бы и неловко признаться перед своей армией, что, заведя их в эти труднопроходимые лесные дебри и бесконечные болота с вязкими илистыми берегами, он не знает сам, как дальше быть. Но Карл XII ни малейшей неловкости не чувствовал, он даже с нетерпением и раздражением объяснялся со своими смущенными и встревоженными генералами. Армия прямо на глазах, от остановки до остановки, уменьшалась. Русские узнавали направление движения

шведского войска по трупам солдат, валявшихся по пути. Люди падали от голода и страшной усталости на этом литовском, а затем белорусском бездорожье. Но долго без плана оставаться было невозможно.

На военном совете было высказано два мнения. Так как оставаться на месте, поджидая Левенгаупта, было невозможно и даже приблизительно нельзя было определить, где он находится и с какой скоростью движется со своим колоссальным обозом в семь с лишком тыс. груженых телег, то приходилось искать пропитания в одном из двух направлений: либо отступив к Днепру и расположившись в безопасном от русских и более сытом Могилевском районе и там ждать Левенгаупта, либо, предоставив Левенгаупту догонять главную армию, двинуться к югу, к Новгороду-Северскому. Второй план был в высшей степени рискованным. Во-первых, идти немедленно к югу означало бросить Левенгаупта на произвол судьбы. У Левенгаупта могло и не хватить сил для одновременного решения двух задач: постоянной охраны колоссального обоза, двигающегося по узким и крайне плохим дорогам, охраны от русской конницы, от татар, от которых так жестоко страдал и совсем малый обоз главной армии Карла, и для всегда возможной большой боевой встречи с русскими. Во-вторых, Карл XII, уже имевший в виду давно начавшиеся сношения с Мазепой, сразу же уверовал в то, что украинцы будут ждать шведов как избавителей. Одна из губительных ошибок Карла здесь и сказалась в полном объеме: о народной войне, о том, что если Мазепа и перейдет на сторону шведов, то Украина за ним не пойдет,— обо всем этом Карл и не догадывался. А решив, что Украина, начиная с Северской стороны и продолжая всей «гетманщиной», встретит шведов как дорогих гостей и желанных союзников, Карл окончательно остановился на мысли идти не к Могилеву, не к Днепру, а на юг и юго-восток, не считаясь с опоздавшим Левенгауптом.

Так был решен внезапный поворот шведского нашествия на юг.

Вот некоторые подробности этого исторического совещания в селе Стариши, когда Карл XII впервые принял решение, круто менявшее не только план ближайших действий, но и все контуры, всю картину предстоявшего «московского похода». Этому решению предшествовали, как сказано, совещания короля с его приближенным генералитетом. Затруднительно называть, например, военным советом то, что происходило в эти дни в королевской ставке. Нордберг (присутствовавший там) дает несколько путаное и явно пристрастное и сильно укороченное изображение прений или, точнее, изложение двух мнений, между которыми должен был выбирать король. Первое мнение было высказано министром графом Пипером, которому Норд-

берг вполне сочувствовал. Второе мнение было высказано фельдмаршалом Реншильдом, которого Нордберг не любит, не одобряет и не называет. Шведы не говорят о главном: о неожиданной для них силе русского сопротивления, встреченного ими от начала похода вплоть до вступления в Стариши, со стороны армии Шереметева. Это тоже оттягивало охоту идти на Смоленск.

Еще перед совещанием обнаружилось, что Карл, который до той поры не желал воспользоваться предложением, за год до того, в октябре 1707 г., сделанным ему и Станиславу гетманом Мазепой в его тайном послании, теперь вдруг переменил мнение и заговорил об Украине. Что было причиной этой перемены? Во-первых, по вечерам и в течение ночи не потухали далекие пожары, и шведский лагерь знал, что это горят склады, амбары, сено, овес, хлеба́ деревень Смоленщины: горел провиант, без которого дойти до Смоленска нельзя. Во-вторых, Левенгаупт не шел и не шел, и, где он находился, нельзя было в точности узнать, а без его обоза даже и к Смоленску не пройти, не говоря уж о Можайске и Москве. Это и заставило короля вспомнить о Мазепе, его письме к Станиславу Лещинскому и других тайных сношениях с гетманом.

Граф Пипер приступил к королю с убеждениями отказаться от мысли об Украине. Пипер говорил, что непременно нужно оставаться на месте и ждать и дождаться во что бы то ни стало Левенгаупта, а тогда идти к Смоленску, не смущаясь тем, что дорога опустошена русскими. Имея несметно большой обоз Левенгаупта, армия не будет нуждаться в провианте. А поход на Украину Пипер определенно называл гибелью армии. Прежде всего погибнет брошенный на произвол судьбы Левенгаупт, который, не найдя никого ни в Могилеве, ни в Старишах, должен будет догонять уже ушедшую к югу шведскую армию, и русские могут на этом долгом пути его перехватить и уничтожить. Но тогда, оставшись без всего, что везет в своем обозе Левенгаупт, и зайдя так далеко в чужую страну, шведы падут духом. «Никто не может гарантировать,— заявлял граф Пипер,— что шведский солдат, который до сих пор сражался с радостью, не разочаруется во всем, наконец, и что ему даже и жизнь надоест, когда он увидит, что его привели в страну, откуда выйти когда бы то ни было у него нет никакой надежды. Заключительное пророчество Пипера было таково: «Концом всего этого будет полная гибель столь цветущей армии, с которой король совершил такие блестящие деяния, и эта потеря будет невосстановимой как для самого короля, так и для шведского королевства» [61].

Но восторжествовало мнение противников Пипера, во главе которых стоял неназываемый Нордбергом фельдмаршал Рен-

шильд. Оппоненты Пипера говорили королю, что их ждет на Украине Мазепа с 20 тыс. казаков, что эти люди, прекрасно знающие свою Украину, окажут ценную помощь шведскому вторжению. Казаков можно пустить в ход, чтобы помешать московитам истреблять припасы на Украине. А когда король выиграет там первое сражение, то «казаки покажут чудеса при преследовании неприятеля и истребят русских всех, целиком». Украина притом очень плодоносная страна, и «оттуда легко и проникнуть в Московию, и сообщаться с Польшей». Опровергали они и аргумент Пипера о возможной гибели Левенгаупта, которого отрежут от короля и разгромят на походе русские войска: Левенгаупт — генерал такой большой репутации, и у него такая прекрасная армия, что враги «подумают дважды перед тем, как осмелиться напасть на него».

Король решился. Армии велено было сняться с места и идти на Украину.

Чтобы покончить с вопросом о главном мотиве, побудившем Карла внезапно повернуть на Украину, приведем еще свидетельство Понятовского. Понятовский был во время похода на Россию представителем («резидентом») короля Станислава Лещинского при шведской армии. Вот как он говорит о планах Карла. Выходя «из немецких стран» (т. е. из Саксонии), шведский король поставил себе целью идти на Москву, а исполнив это, он намеревался затем вернуться в Германию и оказать помощь Франции (очевидно, против Австрии). Но, идя в Московщину через Польшу и Литву, Карл узнал по дороге, что русские все сжигают и разоряют на своем пути, в том числе даже принадлежащий России Мозырский повет и Смоленщину. Тогда король решил, что невозможно идти «голодным и разоренным краем», и пошел на Украину, имея в виду соглашение с Мазепой и «казачий бунт». А уж из Украины он пошел бы в глубь Московского царства [62].

Таким образом, мы видим, что во внезапном повороте Карла на Украину, окончательно погубившем нашествие, главную, решающую роль сыграло последовательное применение Петром жолкиевского стратегического плана, а не расчеты на Мазепу.

Решительно то же самое впоследствии сказал граф Пипер Петру Великому в присутствии Головкина и Шафирова 25 июля 1709 г. в Киеве, куда привезли пленного шведского министра. Петр прямо поставил вопрос: не Мазепа ли был причиной, почему шведы вдруг повернули на Украину. Пипер ответил, что у них решительно никакой переписки с Мазепой не было вплоть до того времени, когда шведское войско совсем далеко зашло в глубь Украины и очень приблизилось к Мазепе. А когда Петр повторил свой вопрос о причине поворота шведов на Украину,

то Пипер привел слова Карла XII, что «неприятель безостановочно убегает и всюду на 7—8 миль все сжигает, и поэтому, если бы дальше шведы так (т. е. по прежнему направлению на Смоленск — *Е. Т.*) шли, то должны были бы погибнуть». Вот почему, заявил Пипер, король был принужден свернуть на Украину.

Есть и еще свидетельства, подтверждающие эти утверждения Понятовского и Пипера, бывших в ежедневных сношениях с Карлом XII с самого начала похода.

Впечатление от головчинской победы держалось долго и очень усиливало предприимчивость Карла XII. Людям из его окружения, которым не нравилось, что шведская армия, не дождавшись Левенгаупта, предпринимает далекий путь на юго-восток, Карл отвечал так, как он ответил Гилленкроку во время решающих совещаний (или, точнее, разговоров) в Старишах: «Мы должны дерзать, пока нам везет счастье» (vi måste våga, sålänge vi äro i lyckan) [63].

Но, конечно, с того момента, когда шведы повернули к Украине, бывшие у них еще с 1707 г. расчеты на Мазепу должны были тотчас же выступить неминуемо на первый план.

Итак, на юг, на Украину. Тотчас после совещания генерал-квартирмейстеру Гилленкроку приказано было выработать и уточнить маршрут.

14

Решено было идти в Северскую Украину, и шведы наметили ближайшей географической целью город Стародуб только потому, что была надежда устроиться там на более или менее возможных квартирах. Хотя элементарная осторожность повелевала еще повременить, подождать Левенгаупта с его богатым обозом, но положение было такое, что просто невтерпеж было оставаться на месте: «были полки, которые уже три недели не получали хлеба». Голодали и лошади. Гилленкрок, констатируя это убийственное положение, все-таки попытался упросить короля еще пообождать и уверял, что он как-нибудь достанет хлеба если не для всей армии, то для кое-каких полков и достанет также корм для лошадей на несколько дней. Но, очевидно, даже в такую скромную удачу не поверили.

15 сентября (по русскому счету 14) шведский авангард под начальством генерала Лагеркроны, а за ним и король со всей армией двинулись на юг к Стародубу.

Тут сразу же невидимая, но зловещая атмосфера народного сопротивления начала охватывать армию агрессора: нельзя было ничего узнать ни о правильном пути, ни о местопребывании армии Шереметева, потому что буквально все жители

встречных деревень разбегались и прятались в лесах. И безвестно пропадали навеки все посылаемые на северо-запад к Левенгаупту гонцы из главной армии, так что долго невозможно было составить себе понятия о том, что́ с ним и с его обозом. А голод на походе продолжался. Подходили к Стародубу — и тут ждало шведов очень серьезное разочарование.

Петр еще раньше Шереметева узнал, что шведы пришли в Кричев. Немедленно Шереметеву и Алларту с их двумя дивизиями приказывалось идти впереди или с фланга неприятеля: «...как наискоряя у неприятеля перед или бок взять». Шереметеву сообщалось при этом, что фельдмаршал-лейтенант Гольц уже «отпущен» к нему, а Ренцелю также будет в нужное время приказано идти к Шереметеву. Шведы шли быстро, и хотя фельдмаршалу и предписывалось идти «наискоряя», но Петр, кончая свое письмо, прибавляет постскриптум, приказывая послать вперед («наспех») шестьсот человек в Стародуб, чтобы поддержать дух жителей («для лутчей надежды черкасом») [64].

Как только в русском стане узнали о движении шведов из Старишей на Украину, Петр велел Шереметеву с пехотой, не задерживаясь в Рославле, идти прямо на Стародуб. Шереметев немедленно стал разведывать пути в Стародуб, что было нелегко, дороги были «зело узки и грязны», а провианта было, правда, на две недели, но вследствие скорого марша из ржи «не без труда управлять муку» приходилось. Где именно шведы находятся, Шереметев не знал и «небезопасен пребывал». Беспокоили его и известия от «господ министров, что в Стародубе провиянту ничего не собрано» [65]. Но поскорее занять Стародуб являлось делом первой необходимости. Русская армия двинулась к Стародубу. Впереди шел Инфлант, который, по расчетам Шереметева, уже «сими числами» (т. е. 28 сентября) должен был быть в Стародубе, за Инфлантом шел фельдмаршал Гольц, а в четырех милях за Гольцем — сам Шереметев. В Почепе стоял Ренне, следивший за «неприятельскими оборотами», и не только наблюдал («обсервовал»), но, по возможности, и чинил препятствия. Дорога была трудная, лесная, большие были грязи, но все-таки удавалось делать в два дня 55 верст [66].

Но дальше дело пошло хуже. Шереметев шел от Почепа, делая в день по 5 и по 6 миль, и доносил Петру: «В такие пришли леса и грязи, что впредь таких маршей чинить не можем». Так обстояло дело с пехотой. А кавалерия не могла делать в день больше 7—8 миль, так как лошади от великих маршей «стали томны».

Уже 1 октября Шереметев узнал, что шведский отряд в 5 тыс. человек под командой генерала Лагеркроны стоит близ

Стародуба, а сам король шведский находится в 3 милях не доходя Мглина. Но русские предупредили шведов: Инфлант уже подошел к Стародубу, Ренне был при Почепе, Гольц подходил к Почепу. Следует отметить, что русские в этот момент нисколько не боялись сражения под Стародубом с войсками Лагеркроны. Шереметев «над оными неприятельскими войски, которые стоят близ Стародуба, промысл при помощи божьей чинить велел» и немедленно получил от генерала Инфланта ответ, что он намерен с неприятелем встретиться и «военно поступать».

Местность до Стародуба была опустошена. Из местечка Мглин жители ушли, а пушки и порох русские вывезли [67].

Неожиданное движение Карла не на Смоленск, а на Украину ставило Шереметева в трудное положение. Ему необходимы были инженеры и работники, которые состояли под начальством Семена Нарышкина и уведены были им ближе к Смоленску. Шереметев жалуется, что ему нужны инженеры, «понеже при себе ни единого не имею», а также и работные люди, без которых приходится на земляных работах «трудить солдат» [68].

Постояв в 4 милях около Мглина, неприятельская армия, предшествуемая нерегулярной конницей («волошей»), а также «знатной частью» кавалерии, двинулась к Почепу.

Генералы, собранные Шереметевым на совет, решили в случае общего наступления со стороны шведов отступить [69].

Но того же 9 октября Шереметев получил известие, что «неприятельское войско начало идти к Стародубу» под начальством самого короля. В Стародубе Шереметев сосредоточил 4 батальона пехоты и 400 человек драгун. А кроме того, к Стародубу были отправлены два черкасских полка: Переяславский и Нежинский. Генерал Инфлант, совершая 9 октября поиск, напал на отряд шведов, идущий из разбитой под Лесной армии Левенгаупта. Отряд шел на соединение к королю и бежал от Инфланта, оставив убитыми в бою 130 человек солдат и 3 офицеров, а также знамя [70].

Следуя за движением противника, дивизии Шереметева, Гольца и Алларта вступили 13 октября в Погар, находящийся в 5 милях от Стародуба, а затем в тот же день было получено известие и от Инфланта, стоявшего еще ближе к Стародубу. Ситуация создалась уже 14 октября такая, что Шереметев и его генералы могли ждать нападения либо на Стародуб, либо в порядке полной неожиданности, «скрытым маршем» на Почеп. Из трех дивизий, бывших в распоряжении Шереметева между Почепом и Стародубом, пришлось «батальонам немалый расход учинить», выделить шесть батальонов на Стародуб, на Почеп и на охрану двух опасных переправ. Таким образом,

для полевого сражения со всей шведской армией сил у Шереметева было не очень много. Но 13-го числа главнокомандующий получил от князя Меншикова из Гомеля известие от 11 октября, в котором князь объявляет свой поход к Стародубу. Тем не менее Шереметев обращает внимание царя, что, во-первых, еще не все полки Меншикова переправились через р. Сож, во-вторых, что неизвестно, где находится упоминаемый в письме Меншикова бригадир Юшев, которому велено идти к Стародубу, и, в-третьих, где находится генерал Репнин, которому Петр велел быть при армии Шереметева. Ни Шереметев, ни Меншиков, ни царь не имели в тот момент и понятия о тяжком ударе, который готовил им в тылу изменник, и полагали, что могут свободно распоряжаться передвижением сил, находившихся под непосредственной командой Меншикова [71].

Шведская армия оттеснила Инфланта от реки Вабли, где он стоял, и перед Шереметевым встала опасность, что шведы отрежут его войска от р. Десны. Эта опасность стала очевидной, когда было получено известие, что шведы пошли к Семеновке, находящейся на Черниговском тракте и всего в 6 милях от Новгорода-Северского.

Во время этих передвижений был опасный момент, когда русская пехота по оплошности генерала Ренне, не исполнившего данного ему приказания, оказалась без кавалерийского прикрытия. Возникла резкая ссора. Ренне заявил Шереметеву в ответ на его выговор, чтобы он не указывал ему, как служить. А затем отъехал к генералу Гольцу и объявил, что больше командовать над полком не будет, и сдал команду. Шереметев отказался принять это заявление и, жалуясь царю, кстати упомянул и о другой провинности Ренне: тот вовремя не успел уничтожить бывшие в Мглине припасы. К счастью, шведы не сумели воспользоваться оплошностью Ренне и не напали на русскую пехоту под Гремячевом [72].

22 октября Шереметев переправил через Десну под Каменем сначала дивизию Алларта, а потом одну за другой и другие дивизии. Отдельно переправлен был генерал Гольц с пятью конными полками. Таким образом, на стародубовской стороне Десны остался только бригадир Вейсбах с полком, а также «нерегулярное войско». Это было сделано на случай какой-нибудь внезапной военной хитрости шведов, «дабы он лукавого маршу не учинил». Но шведы не имели достаточно сил, чтобы одновременно вести большую войну на двух отдельных театрах военных действий: в Северской Украине, которую они покинули, и в центре Гетманщины, куда они вступали [73].

25 октября через перебежчиков («выходцев») из шведской армии и от взятых языков Шереметев получил сведения, что

неприятель миновал Новгород-Северский, двинулся дальше к Десне и намерен начать переправу.

Русский главнокомандующий предполагал, что шведы уже стоят в Остроушках и Погребках, и он приказал Алларту, Ренцелю и Инфланту идти к тому «пасу» и «при том пасе будем неприятеля держать, ежели будет перебираться» [74].

Всегдашнее недоумение и традиционное разочарование всякого завоевателя, вступающего в русские пределы, овладевали постепенно Карлом и его штабом по мере движения еще по Белоруссии. Как впоследствии Наполеон в 1812 г. и еще позднее немецко-фашистская армия в 1941—1945 гг., Карл был слишком избалован своими прошлыми победами и поведением порабощенных народов, и с ним случилось то же самое, что в свое время и с ними: переход от западных стран к России показался разительным. В Датской земле, в Польше, в Саксонии население обнаруживало почти тотчас же после первых шведских военных побед полную покорность и доставляло за деньги или из страха в шведский лагерь решительно все, что агрессору было необходимо. Иногда приходилось, правда, за долгие годы удачных походов издавать одну-две прокламации к населению, обещать милость покорным, погрозить кулаком сопротивляющимся. А иногда и этим не стоило себя беспокоить. Вот возьмем для примера «декларацию» от 5 сентября 1706 г., которую издал Карл XII, вступая в Саксонию, «для успокоения народов и избавления их от страсти», как выражается его верный камергер и летописец его подвигов Густав Адлерфельд. Король милостиво обещает покровительство всем, кто «без сопротивления» отдаст шведам все, что шведы от них потребуют. А те, кто не захочет исполнить то, что будет им приказано, будут караться с самой крайней суровостью, их будут преследовать и накажут огнем и мечом. Вот и все «успокоение». Но его даже и не потребовалось: Саксония отдала им без тени сопротивления все, что имела,— и хлеб, и скот, и сукна, и оружие, и золотые «ефимки». Иногда, правда, шведским солдатам приходилось прибегать к некоторым «мерам строгости», например поджаривать на огне саксонцев, которые не сразу говорили, куда они спрятали ценные вещи, но общего народного сопротивления не оказывалось.

Эта декларация 5 сентября была издана торжественно, с полным официальным титулом, который с древних времен и вплоть до XIX столетия носили шведские короли: «Мы, Карл, божьей милостью, король Шведов, Готов и Вандалов» (sic), и саксонцам этот титул, вероятно, показался заслуженным [75].

Но когда воинственный шведский король привел своих вандалов и готов в Белоруссию, к Десне, Днепру и Сожу, то оказалось, что ни обещанием покровительства, ни какими бы

то ни было «вандализмами» ничего с белорусами не поделаешь и ничего из них не выжмешь. Население убегало в леса, многие гибли там, но гибли и шведы, которые охотились за убежавшими, чтобы заставить их дать хлеб. И горе было тем шведам, которые в этих блужданиях по лесам, полям и болотам оказывались во власти белорусских беглецов.

Французский поверенный в делах в Польше при Станиславе Лещинском де Безанвальд переслал через французского агента в Швейцарии Сент-Коломба (для сведения французского правительства) интереснейшую выдержку из письма, написанного непосредственно из действующей шведской армии. Письмо относится к первой половине сентября 1708 г., следовательно, относится к первым временам вторжения шведов в Россию: «Голод увеличивается в армии со дня на день, там уже совсем не знают, что такое хлеб, полки живут только кашей (de grains bouillis), вина нет ни в погребе, ни за столом короля; король, офицер и солдат одинаково пьют воду, о пиве поминают только в пожеланиях, простой даже самой зловонной водки у нас нет вовсе и, как будто разгневанное небо согласилось с нашими врагами лишить нас всего, что могло бы служить нам пищей, нельзя найти ни одной штуки дичи, и это в стране и в лесах, где раньше все кишело дичью для охоты. Царь приказал, чтобы при нашем приближении была выжжена вся местность от границы до мест в двух милях от Смоленска и в обширной стране, столицей которой является Смоленск...»

Автор письма горестно вопрошает: «Как мы будем жить в этой ужасной пустыне? О, как тяжела эта кампания, как мы страдаем больше, чем это можно выразить, и как это еще мало сравнительно с тем, что придется вынести дальше! Заморозки, очень частые в этих странах, перемежающиеся с сильными, холодными дождями, очень увеличивают наши бедствия»[76]. И в другом письме (от 13 октября) Безанвальд сообщает не только о голоде, царящем в шведской армии, но и о том, что ухудшение продовольственного положения объясняется невозможностью фуражировок в окрестностях мест расквартирования армии вследствие нападений и налетов (à cause des coureurs). Это слово тут обозначает не «разъезды», как перевела редакция ТРВИО. Речь явно идет о действиях нестроевых «партий»[77]. Общие выводы Безанвальда — весьма неутешительные для шведского предприятия.

Еще идя по Белоруссии, шведы испытывали такой жестокий недостаток провианта, что «многие люди и лошади помирали... и для того голоду многие из офицеров били челом королю об отпуске и король де их из службы не отпускал, а увещевал их, что будут иметь в Украине во всем довольство». Но вот уже полков пятнадцать «перешли через нужные леса» (т. е. вступили

на Украину), «только довольства великого ни в чем не имеют, потому что люди из сел и деревень все уходят в леса, а на продажу ничего к ним не везут, а питаются тем, что где сыщут в ямах».

Так показал на допросе пойманный 29 сентября около Стародуба волынский шляхтич Якуб Улашин, при котором нашли то письмо от польского короля Станислава Лещинского гетману Мазепе, к которому мы еще вернемся дальше [78]. Это письмо было написано так осторожно и конспиративно, что русские власти не могли из него понять, что гетман уже находится в каких-то сношениях с неприятелем. Выходило так, будто Мазепу впервые соблазняют на измену. Шляхтич Улашин, несколько раз подвергнутый пыткам, решительно ничего сообщить не мог, да едва ли, конечно, и знал что-либо.

Но его показаниям о голоде в шведском войске и о народной вражде к вторгнувшемуся неприятелю можно вполне поверить, эти сведения подкрепляются и другими показаниями. Народная война уже начинала постепенно проявляться, шириться и углубляться с каждой неделей. В Стародубовщине, куда вступил посланный Карлом авангард генерала Лагеркроны, население точно так же отнеслось к неприятелю, как в Белоруссии: «а от черкаса худова ничего нет», потому что верны России, и шведам поэтому продавать «ничего не возят». Мало того: уже начали собираться партизанские отряды: «... а по лесам собрася компаниями ходят и шведов зело много бьют и в лесах дороги зарубают...» [79],— так доносил «сиятельнейшему князю Александру Даниловичу» его «услужник атьютант» (sic) Федор Бартенев 12 октября. Читая страницу за страницей драгоценную, хронологически расположенную документацию, сохранившуюся в ЦГАДА и частично напечатанную в I и III томах ТРВИО, мы как бы присутствуем при постепенном усилении и развертывании народной войны на Украине. Сначала — бегство в леса, закапывание хлеба в ямы, потом образование местами партизанских отрядов («компаний»), затем нападения на шведских фуражиров, нападения на отряды при особо благоприятных обстоятельствах, наконец, деятельное участие в добивании шведов, не успевших бежать к Переволочной и рассеявшихся после Полтавы по ее окрестностям. В течение всего этого героического года — активное участие населения в обороне городов — Веприка, Красного Кута, Ахтырки. Эта документация иллюстрируется и дополняется и другими источниками, отчего ее убедительная сила только возрастает. «Черкасы», украинцы Гетманщины, Слободской Украины, вели себя так, что снискали хвалу и полное признание всех, наблюдавших события. И пусть читатель обратит внимание на одну характерную деталь: Федор Бартенев хвалит «черкасов»

за то, что они «*ничего худова* не делают» и служат верно; Петр явно обрадованно сообщает несколько раз Апраксину, что народ малороссийский ведет себя так, что лучше и требовать нельзя; тот же тон у Шереметева, у Меншикова. Похоже, что не очень уверены были русские военачальники в настроениях недавно воссоединенной с Россией Украины. Знали, может быть, что масса не изменит, но о настроениях старшины и, главное, о степени влияния старшины можно было судить по-разному. Петр с торжеством сообщает В. В. Долгорукову, что на Украине, несмотря на измену гетмана, все осталось по-прежнему, а у Мазепы и пяти человек единомысленных нет [80]. Петр настойчиво повторял, что Мазепа даже и старшину, за ним пошедшую, взял обманом, уверив, будто ведет их сражаться против шведов: «И когда перешел реку Десну, то, приближался к войску шведскому, поставил войско, при нем будучее, в строй к баталии и потом объявил старшине злое свое намерение, что пришел не бится со оными, но под протекцию его королевскую, когда уже то войско, по его соглашению, от шведа окружено было» [81].

Делом первой необходимости было обеспечить армию зимними квартирами, но Стародуба с налету шведы взять не могли и прошли мимо него с правой (западной) стороны. В город их не пустили, осаждать его у них не было времени, шла зима, а брать штурмом не было сил и не хватило решимости. Но Шереметев подозревал тут военную хитрость, так как слишком уж шведам нужен этот город, откуда они могли угрожать движением и на восток, и на запад, и на юг, да и запасы там были немалые. Поэтому фельдмаршал думал, что Карл хитрит и внезапно вернется и бросится на Стародуб: «Хотя неприятель от Стародуба и уступает якобы к Черниговскому тракту и языки о сем подтверждают, однако ж я имею опасность такую, дабы он лукавого маршу не учинил и, сведши войско за Десну, не обратился назад» [82].

При вступлении на Украину, как раз проходя по Стародубовщине, Карл приказал своему штабу выпустить воззвание к населению «сей малороссийской земли». Написано оно на таком истинно тарабарском паречии, что, ясно, перевод с шведского сделан либо шведом, либо немцем: все обороты и построение фразы это доказывают. Поляки или мазепинские писцы переводили гораздо понятнее. В воззвании (полторы больших страницы) сначала говорится о «несправедливости» со стороны Петра: «начал тую неправедную войну напрасно без всякой ему данной винности и в его королевскую землю насильем вступил». А затем указывается, что жители этих краев «не своей вольностью, но неволей принуждены до сей войны при нем быти», и поэтому населению объявляется, что шведский король при-

нимает всех в свою милость и охранение, только бы они жили в своих домах покойно с женами и детьми и «со всеми их пожитки, без побежки и безо всякого страху», отправляя «всякие торговые и звычайные промыслы». Жителям рекомендуется «сколько можно на продажу припроводить запасу до войска его королевского величества». Но если кто будет причинять какой-либо вред («якую бы шкоду») шведским войскам или будет «себе в лесах своими пожитками ховать», то король будет с виновными строжайше («наикрепейше») обходиться. Вообще же его королевское величество надеется, что «каждый верны (sic — Е. Т.) житель будет думать на свои старые вольности и благополучие» и о том, что царь московский их неволит и что «их старые вольности утрачены», и что царь «домы их и животы попалил и до конца разорил»[83].

25 сентября шведская армия пришла в Костеничи (неправильно называемое Гилленкроком «Коссиница»). Карл, уже десять дней не получавший никаких известий из авангарда от Лагеркроны, сначала тешил себя иллюзией, что Лагеркрона уже вошел в Стародуб и занял его, а потом не переставал на него гневаться и называть его «дураком» и «сумасшедшим», когда постепенно стало ясно, что Лагеркрона заблудился и прошел сильно вправо от Стародуба. И тотчас же после этого русский генерал Инфлант занял прочно Стародуб.

Но дело обстояло еще гораздо хуже, чем думал Карл, и вовсе не в том была главная беда, что Лагеркрону украинские крестьяне сбили с толку и направили по неверному пути. Когда король продолжал браниться и заявлял, что Лагеркрона, очевидно, просто «сошел с ума», пройдя мимо Стародуба и не взяв его, то ему, наконец, всеподданнейше объяснили: Стародуба Лагеркрона взять бы и не мог, казаки не пустили бы. А почему не было вовремя никаких сведений о Стародубе и обо всем этом округе? Ответ Гилленкрока гласил: «Потому что все жители (города и окрестностей) разбежались».

Эти неутешительные ответы не оставляли ничего желать в смысле полной своей определенности.

От Стародуба Карл повернул на юго-запад. В первый раз с полной очевидностью выяснилось, до какой степени недостаточны силы агрессора для начатого им грандиозного предприятия. Послушаем человека, с которым Карл иногда делился своими мыслями и планами так откровенно, как ни с кем. Вот что говорит Нордберг по поводу отступления от Стародуба: «Намерение короля воспрепятствовать московитам проникнуть в Украину провалилось таким образом потому, что Стародуб был главным городом этой провинции и единственным местом, откуда русские могли (в Украину) проникнуть. Кроме того, мы лишались превосходных зимних квартир, где армия могла бы

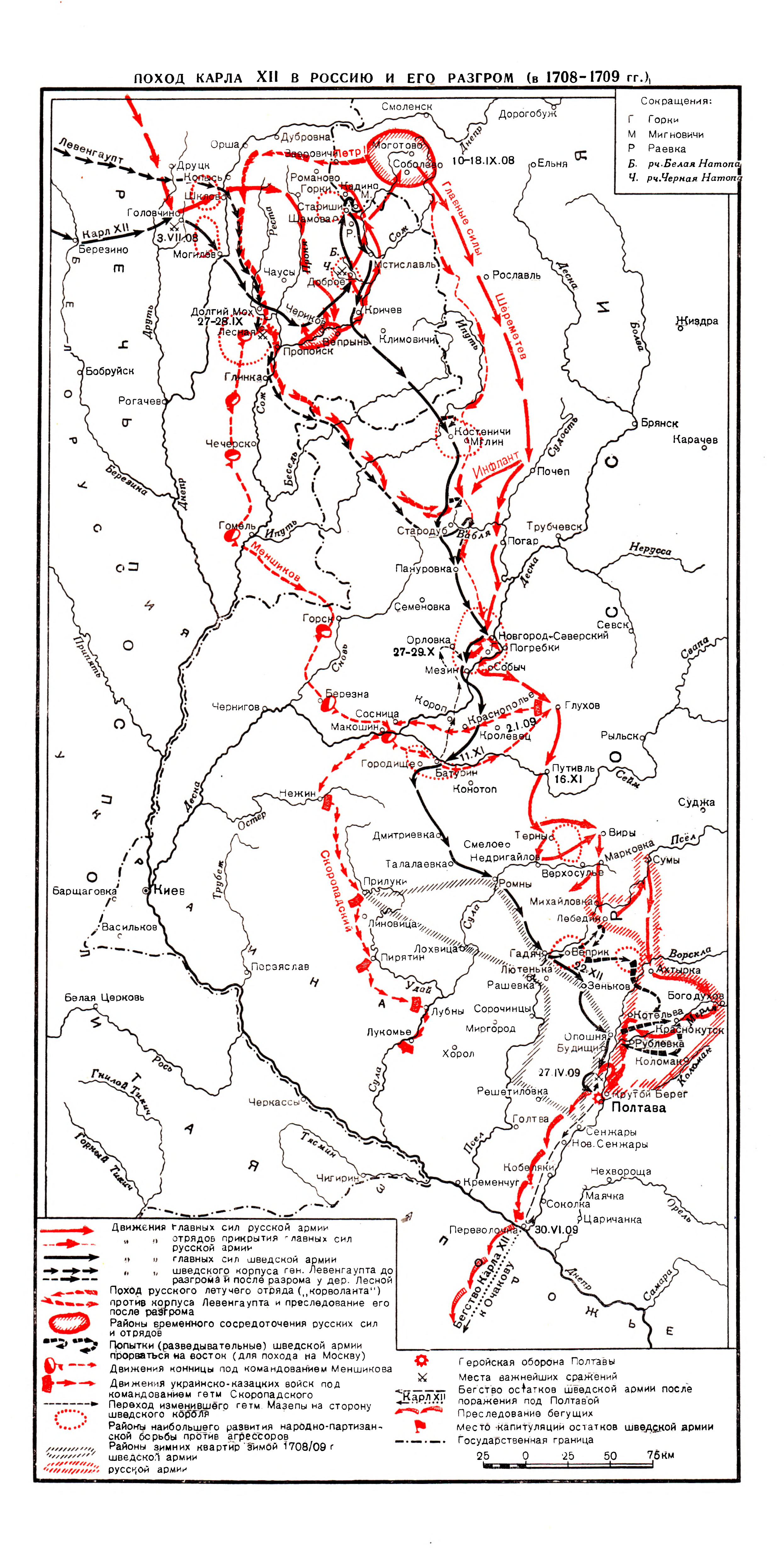
в изобилии найти средства существования: все деревни были полны фуража, а города были снабжены всем, что только можно было себе пожелать» [84].

Мы видим, что Карл, с полной ясностью понимания и ни в малейшей степени не преуменьшая прискорбного значения своей неудачи, уходил, не решаясь принять бой с Шереметевым, потому что быстрое занятие Стародуба русскими было в сущности прямым вызовом.

И тут же в Костеничах Карлу пришлось услышать еще гораздо более роковую новость. 2 октября (1-го по стар. ст.) в королевскую главную квартиру ввели только что прибежавшего солдата из войска Левенгаупта, о котором два месяца ничего не было слышно. Наконец, король получил так долго жданную первую весть. Но известие было в высшей степени удручающим. Солдат рассказал, что русские напали на Левенгаупта, что сражение длилось с 11 час. утра до ночи, что шведы и русские остались после битвы недалеко друг от друга, но что ночью Левенгаупт со всей армией украдкой («как можно тише») снялся с места и ушел от русских. Было ясно, что шведы разбиты. Но Карл не хотел верить этому и все твердил, что солдат лжет. Однако за первым вестником появились и другие. Король не мог скрыть своего беспокойства и тяжкого волнения. Он лишился сна, ночью не ложился в постель и не мог оставаться один. По ночам он нежданно приходил то к Гилленкроку, то к полковнику Хорду, долго сидел у них и молчал. Но они по его мрачному лицу видели ясно, что он уже убедился в том, что прибежавший солдат не солгал и что какое-то страшное несчастье стряслось над Левенгауптом. Гилленкрок считает, что в эти тяжкие дни и ночи в Костеничах Карл впервые стал сомневаться в конечной победе. Если это было так, то отныне Карл повел двойную жизнь, потому что на людях он продолжал бодриться и толковать о взятии Москвы и о том, что все обстоит благополучно.

Он велел выступить из Костеничей и идти навстречу Левенгаупту.

Характерно, что Карл XII, получив известие о непоправимом несчастье с Левенгауптом, прийдя в Белогорск (недалеко от Стародуба), написал Левенгаупту письмо, составленное в духе отличавшей шведского короля способности лгать в глаза с самым безмятежным челом, когда требуется превратить поражение в победу: «До меня уже раньше дошли слухи о счастливом деле, которое вы, г. генерал, имели с неприятелем, хотя сначала распространялись известия о том, будто вы, генерал, разбиты» [85]. Левенгаупт знает, что ведет к королю не 16 тыс. человек с колоссальным обозом и артиллерией, а 6700 человек без обоза и с очень малой частью артиллерии и что обоз в руках


ПОХОД КАРЛА XII В РОССИЮ И ЕГО РАЗГРОМ (в 1708–1709 гг.)
Сокращения:
Г Горки
М Мигновичи
Р Раевка
Б. рч. Белая Натопа
Ч. рч. Черная Натопа
Левенгаупт
Карл XII
Петр I
Главные силы
Шереметев
Инфлянт
Меншиков
Скоропадский
Смоленск
Дорогобуж
Дубровна
Орша
Зверовичи
Моготово
Соболево
10–18.IX.08
Ельня
Друцк
Копысь
Романово
Горки
Надино
Шклов
Головчин
3.VII.08
Могилев
Березино
Старишн
Шамова
Мстиславль
Рославль
Чаусы
Доброе
Долгий Мох
27–28.IX
Лесная
Чериков
Кричев
Пропойск
Ветрыны
Климовичи
Жиздра
Бобруйск
Глинка
Рогачев
Брянск
Карачев
Костеничи
Мглин
Чечерско
Почеп
Трубчевск
Гомель
Стародуб
Погар
Пануровка
Семеновка
Горск
Новгород-Северский
Погребки
Севск
Орловка
27–29.X
Мезин
Собыч
Березна
Глухов
Чернигов
Сосница
Короп
Краснополье
2.I.09
Макошин
Кролевец
Рыльск
Городище
11.XI
Батурин
Путивль
16.XI
Конотоп
Нежин
Суджа
Дмитриевка
Смелое
Терны
Виры
Недригайлов
Марковка
Сумы
Талалаевка
Верхосулье
Прилуки
Ромны
Михайловка
Барщаговка
Киев
Лебедин
Линовица
Васильков
Лохвица
Гадяч
Веприк
Пирятин
22.XII
Ахтырка
Переяслав
Лютенька
Рашевка
Зеньков
Богодухов
Белая Церковь
Сорочинцы
Лубны
Котельва
Краснокутск
Лукомье
Миргород
Опошня
Будищи
Рублевка
Хорол
Коломак
27.IV.09
Решетиловка
Крутой Берег
Полтава
Черкассы
Голтва
Сенжары
Нов. Сенжары
Кобеляки
Чигирин
Нехвороща
Кременчуг
Маячка
Соколка
Переволочна
30.VI.09
Царичанка
Бегство Карла XII к Очакову
Днепр
Сож
Проня
Реста
Ипуть
Десна
Друть
Березина
Беседь
Судость
Болва
Нерусса
Вабля
Снов
Остер
Припять
Сейм
Свапа
Псел
Ворскла
Сула
Удай
Трубеж
Рось
Гнилой Тикич
Горный Тикич
Тясмин
Мерла
Коломак
Орель
Самара
Движения главных сил русской армии
„ „ отрядов прикрытия главных сил русской армии
„ „ главных сил шведской армии
„ „ шведского корпуса ген. Левенгаупта до разгрома и после разгрома у дер. Лесной
Поход русского летучего отряда („корволанта") против корпуса Левенгаупта и преследование его после разгрома
Районы временного сосредоточения русских сил и отрядов
Попытки (разведывательные) шведской армии прорваться на восток (для похода на Москву)
Движения конницы под командованием Меншикова
Движения украинско-казацких войск под командованием гетм. Скоропадского
Переход изменившего гетм. Мазепы на сторону шведского короля
Районы наибольшего развития народно-партизанской борьбы против агрессоров
Районы зимних квартир зимой 1708/09 г.
шведской армии
русской армии
Геройская оборона Полтавы
Места важнейших сражений
Бегство остатков шведской армии после поражения под Полтавой
Преследование бегущих
Место капитуляции остатков шведской армии
Государственная граница
25 0 25 50 75 км

русских и другие 8—9 тыс. шведских солдат либо тоже в руках у русских, либо лежат в лесах и болотах мертвые.

И король тоже уже в главных чертах знает это. И все-таки поздравляет Левенгаупта со «счастливым делом» (dhen lyckeliga actionen). Никак не мог он принудить себя открыто признать, что ненавистные русские одержали победу, хотя все видели, как его терзает эта фатальная весть, оставляющая его без сна долгие осенние ночи напролет.

Разбитая армия Левенгаупта встретилась, наконец, с королевской, а 12—13 октября генерал явился к королю.

Левенгаупт тогда рассказал, что с ним случилось. Показание солдата, которому не хотели верить или делали вид, что не верят, оказалось вполне правильным. Левенгаупт лишь добавил то, чего не знал или чего не осмелился рассказать солдат: он, генерал Левенгаупт, бросил весь обоз, побросал в реку почти всю артиллерию, весь порох и ушел ночью, чтобы спасти остаток своего отряда. Этот остаток, по его показанию, 6700 человек (из 16 тыс.), уцелевших от побоища при Лесной, он и привел к королю.

Тут только Карл впервые узнал о размерах происшедшей катастрофы. Она превзошла худшие его опасения. И все-таки роковое ее значение в полном объеме он оценил лишь много позднее.

Но теперь, раньше чем говорить о том, что сделали шведы, узнав о катастрофе Левенгаупта, мы должны коснуться в основных чертах этого исторического события первостепенной важности.

15

С того момента, когда Карл XII отказался в Старишах от мысли ждать Левенгаупта и двинул армию в Северскую Украину, назначив ближайшей целью Стародуб, Левенгаупт пробиравшийся белорусскими лесами и болотами, торопясь к королю по трудно проходимым грязям, оказался в весьма не безопасном положении. Он не сразу мог это понять, потому что не имел точных сведений ни о том, где стоят главные королевские силы, ни о том, каковы ближайшие намерения Карла XII. В одном только, как явствует из позднейших его заявлений и действий, он был убежден, что эта главная шведская армия, предводимая непосредственно самим королем и высшим генералитетом, непременно задержит все русские вооруженные силы на дороге к Смоленску, куда, как он знал, первоначально направлялось шведское нашествие, или, вообще говоря, на любом другом направлении, куда двинется король. Следовательно, ему, Левенгаупту, с его колоссальным обозом, охраняемым большим по тогдашним масштабам отрядом в 16 тыс. человек

(приблизительно), опасаться серьезного нападения с русской стороны не приходилось. Во всяком случае он решил принять все меры, чтобы избежать столкновения по дороге и привести королю свои семь, а по другим показаниям, без малого восемь тысяч телег в неприкосновенности. Левенгаупт тогда еще не получил ждавшего его страшного урока и ему представлялось, что всецело от шведов зависит при данных обстоятельствах искать сражения или избегать его. Тут-то он и ошибся, как ошиблись на совещании в Старишах советники Карла, заявлявшие, что о Левенгаупте беспокоиться нечего: русские «не решатся никогда напасть на столь искусного генерала». Но русские решились.

Главным русским силам, состоявшим под предводительством фельдмаршала графа Шереметева, поручалось идти к югу, параллельно шведскому войску, и не выпускать армию Карла XII из вида. Войскам Шереметева (отряд генерала Инфланта) и удалось, как мы видели, вовремя перехватить у шведов Стародуб, а потом и Новгород-Северский. Но перед тем, как Шереметев пошел следом за Карлом и параллельно движению Карла, Петр отделил от его сил отряд, с которым и решил лично привести в исполнение очень важное и опасное предприятие: воспользоваться изолированным положением Левенгаупта и атаковать его на походе.

Этот летучий корпус, «корволант» (corps volant), и сыграл колоссальную роль в этот первый период борьбы с шведским нашествием, и если бы за Петром была только заслуга той победы, которую он одержал, командуя этим «корволантом» до Лесной и во время Лесной, то уже и это дало бы право на признание его высоких дарований как полководца.

По свидетельству Петра, он получил 10 сентября в Соболеве «подлинную ведомость, что неприятель уже Сожу реку перешел со всем войском и к Украине марш свой восприял». И тогда же, одновременно, получено было и другое известие, что генерал Левенгаупт «от Риги идет со знатным корпусом во случение своему королю».

Оба известия были тревожными. Во-первых, выходило, что «неприятель маршем обманул» и благополучно одолел трудную речную переправу («трудный пас»). А во-вторых, стало ясно, что шведская главная армия — накануне получения большой подмоги. Если бы в тот момент Петр и его генералы в точности знали, что приход Левенгаупта означает для Карла получение таких огромных запасов, которых должно было хватить до самой Москвы, то серьезность положения была бы для них еще яснее.

Во всяком случае пришлось разделить русские силы и пустить их по двум направлениям. На военном совете, тотчас же созванном Петром, было принято следующее решение: главные

силы русской армии пойдут за главным войском, где командует Карл, а особый крупный отряд должен найти Левенгаупта и немедленно атаковать его. Главная армия пошла под предводительством Шереметева параллельно направлению, которое принял Карл, а начальство над корпусом, предназначенным действовать против Левенгаупта, взял на себя царь.

Левенгаупт шел по лесным тропам, обходя болота, причем, согласно данному в общих чертах приказу короля, старался миновать противника и как можно скорее присоединиться к главной армии, доставив невредимым драгоценный обоз.

22, 23 и 24 сентября армия Левенгаупта со своим колоссальным обозом у Шклова переходила через Днепр. Генерал понятия не имел, где находится его король, а король еще меньше знал, куда пришел его генерал.

У Петра, ускоренными маршами шедшего на перерез движению Левенгаупта, было 4830 человек пехоты и 6795 человек кавалерии. Петру не удалось подоспеть к Шклову, так как его сбили с толку показания подосланного шведами шпиона. Левенгаупт переправил свой 16-тысячный отряд, 17 орудий и колоссальный обоз через Днепр в 3 дня. Петр окончательно удостоверился только 25 сентября, что Левенгаупт уже на левом берегу Днепра и направляется к Пропойску.

Еще не дойдя до Шклова, Левенгаупт узнал, что против него идут, догоняя его, русские. А так как ему сообщили, что при этом войске находится сам царь, то у него были все данные думать, что ему приходится считаться со всей русской армией. Это было полной для него неожиданностью. Обе стороны были плохо осведомлены. Если Левенгаупт ничего не знал о войске Шереметева, то и русские не знали ничего точного о шведских силах: они думали, что у Левенгаупта тысяч 8 человек, а у него было вдвое больше — 16 тыс. Эту свою ошибку отмечает сам Петр в своем «Журнале». Не знали русские и того, по каким дорогам кружит Левенгаупт, пробираясь к Днепру, и поддались обману подосланного шведами шпиона, уверившего, будто Левенгаупт еще не перешел Днепра, и сбившего русскую армию с пути. К счастью, случайная встреча с человеком, видевшим армию Левенгаупта, открыла глаза Петру. Подосланный шведами лазутчик был повешен, а русский отряд, потеряв много времени, нашел, наконец, шведов, уже переправившихся через Днепр, и занял возвышенность у деревни Долгие Мхи. Дело было 27 сентября.

Самым невероятным и, однако, вполне установленным фактом в истории катастрофы Левенгаупта надлежит признать следующее: в апреле (1708 г.), когда король с армией уже стоял в Радашковичах и собирался двинуться к Минску, Левенгаупт специально приезжал к нему из Курляндии, где заканчивал

сбор в дорогу и организацию своего обоза, и приезжал специально, чтобы получить точные сведения о ближайших планах Карла, по с чем приехал, с тем и уехал обратно. Он ничего решительно не добился от короля, кроме общих наставлений и указаний. Карл ничуть не счел нужным ознакомить его с планом своих ближайших действий и программой похода [86]. Поэтому после Шклова Левенгаупт шел буквально наобум и впервые осведомился точно о местопребывании главной королевской армии лишь после своего поражения под Лесной.

Армия Левенгаупта состояла, по утверждению Петра (в письме к В. В. Долгорукову, писанному 29 сентября 1708 г., на другой день после битвы под Лесной), из «природных шведов и ни одного человека не было в оном корпусе иноземца» [87]. Это царь утверждал, очевидно, со слов пленных, которых приводили к нему. Но мы знаем и из шведских источников, что в самом деле Левенгаупту даны были не только рекруты, о которых бегло тоже поминается, но и отборные части, из резервов, прибывавших к нему в течение весны и лета из Швеции и Курляндии, где он стоял. Слишком ответственна была задача, возложенная на шведского полководца. Те семь или без малого восемь тысяч груженых возов, которые он должен был доставить в лагерь Карла XII, везли королю боезапасы и продовольствие, которых должно было хватить шведскому королю от Литвы до Москвы. Шла с этой армией и артиллерия.

Что у Левенгаупта очень большой отряд, а не просто охрана «движущегося магазина», об этом в русской армии узнали только по пути к селению Долгий Мох (или Долгие Мхи), т. е. за два дня до столкновения двух войск. От этого селения, где, казалось, Левенгаупт поджидал русских, шведы отошли к Лесной после завязавшегося и неоконченного боя. Левенгаупт стремился пройти через эти опасные для его колоссального, громоздкого обоза лесные чащи и болотистые перелески и выбраться к Пропойску, откуда и идти прямой дорогой к королю.

В ночь с 27 на 28 сентября авангард петровского «корволанта» напал на шведов, расположившихся на поляне близ деревни Лесной. Со всех сторон сражающихся окружали леса. Русская атака 27-го была отражена.

Начальные часы боя 28 сентября не были удачными для русских, потому что по условиям местности они ввели в бой лишь одну часть своего авангарда. Вовремя подоспевшая другая часть отбросила шведов. Но это было лишь началом дела и заняло утренние часы. Столкновения шли с перемежающимся успехом.

После полудня сражение развернулось во всю ширь. Рус-

ская армия, имея впереди восемь батальонов пехоты и четыре драгунских конных полка, двинулась на неприятеля. За этой первой линией шла сильная кавалерия — во второй линии шесть, а за ней еще два драгунских полка. Но и эта вторая линия тоже была поддержана пехотой, хотя и почти вдвое меньшей численно, чем та, которая должна была выдержать первое столкновение.

Левенгаупта впоследствии упрекали в том, что он еще перед боем ослабил свои силы, отрядив большую группу пехоты и конницы для сопровождения и охраны в пути обоза, который он вез к королю. Но Левенгаупт иначе и не мог поступить: ведь для него самое существование столь большого, специально против него направленного петровского «корволанта», который он мог счесть авангардом всей русской армии, было совершенным сюрпризом. Многозначительным было и присутствие самого царя. Левенгаупт узнал обо всем этом только в пути, до Шклова, т. е. до перехода через Днепр. Сообразив, что ему придется пробираться сквозь леса, считаясь с сильными атаками неприятеля, шведский генерал и спешил поскорее вывезти из лесов свой обоз и отправить его к Пропойску и дальше, а сам с большей частью своей армии решил задержать русских у Лесной. Примерно до полудня 28 сентября ему это и удавалось. Но русские в конце концов выбили шведов из леса и не дали Левенгаупту завершить начатую им попытку охвата русского левого фланга. Видя, что положение опаснее, чем казалось, Левенгаупт приказал той группе своих войск, которая конвоировала обоз до Пропойска, вернуться спешно и принять немедленно участие в сражении. Но если шведы ждали и дождались возвращения (с полдороги) этого своего авангарда, то и русские ждали и тоже дождались абсолютно для шведов нежданной и гораздо более существенной поддержки: как и другие великие полководцы, как, например, во всех важных случаях поступал впоследствии Наполеон, Петр, готовясь к решающему бою, стягивал к месту сражения буквально все войсковые соединения, какие только мог стянуть к главному пункту и в критический момент. Перед нападением на Левенгаупта за несколько дней он распорядился, чтобы к нему, в помощь его «корволанту», поспешили отряды: Вердена, стоявший очень далеко (в Моготове, южнее Смоленска) и поэтому опоздавший к генеральному бою, и Боура, который вышел из Кричева почти одновременно с тем, как Верден вышел из Моготова, но которому пришлось поэтому проделать несравненно более короткий путь. Боур подошел к Лесной в самый решающий момент: русская атака после прибытия Боура опрокинула шведов, которые пытались спасти имевший для них колоссальную важность мост по дороге в Пропойск.

Русские взяли мост, шведы после отчаянной новой схватки вернули его, но Левенгаупт с полной очевидностью усмотрел абсолютную невозможность удержать мост и спасти свой обоз, который так и не добрался до Пропойска. Когда темная и бурная снежная (хотя дело было 28 сентября) ночь прекратила сражение, то положение для шведов оказалось безнадежным: русские занимали две позиции — одну, взятую у шведов еще утром, у самой деревни Лесной, и вторую — около моста и недалеко от шведского обоза. Предстояло в случае возобновления боя утром 29 сентября либо потерять весь обоз и подвергнуть полному разгрому еще уцелевшую от кровопролитнейшей битвы 28-го числа часть шведской армии, либо спасать остаток армии и уходить, бросив обоз на произвол судьбы. Левенгаупт предпочел, конечно, второе... Под покровом предрассветной мглы он ушел. Его разгромленная армия не имела времени даже уничтожить сколько-нибудь значительную часть своего обоза, как ни обидно было Левенгаупту сознавать, что почти все эти богатства, боеприпасы, продовольствие, которые с таким трудом, с такими колоссальными затратами Швеция посылала королю и которые сам Левенгаупт месяцами собирал в Курляндии,— что все это попало благополучно (для русских, но не для шведов) к русским. Только артиллерию и порох удалось в значительных количествах не оставить русским, а утопить в болотах и в реках Леснянке и Соже. Шведам, однако, нельзя было терять много времени на эти прискорбные размышления, должно было поторапливаться. Бросив обоз, оставив в роковом для него лесу половину своей армии мертвыми или пленными, Левенгаупт направился спешными маршами к югу, преследуемый по пути налетами русской конницы.

16

Потерпевший жестокое поражение корпус Левенгаупта, потерявший весь свой громадный обоз, шел к королю, подвергаясь постоянным мелким и не таким уж мелким нападениям от параллельно шедших или перед ним отступавших частей русской армии. Шведы шли по выжженным деревням, брошенным жителями, и чем ближе к Стародубу, тем им приходилось труднее. Как уже отмечалось, 9 октября при урочище Дыщицах, в двух милях от Стародуба, один такой русский «поиск» кончился для шведов потерей 130 человек [88]. Эти нападения были непрерывны. «А подъезды наши непрестанно милостию всевышнего с неприятелем видятся счастливо и приводят и офицеров и рядовых в полон» [89],— доносят царю 15 октября с похода Шереметев, Головкин и Шафиров.

Только 12 (13 по шведскому счету) октября в деревне Рухово Левенгаупт предстал пред своим королем, которому он доставил вместо подкрепления в 16 тыс. бойцов и колоссальных запасов провианта и боеприпасов 6700 измученных и голодных солдат, которых нужно было кормить, уменьшая и без того скудные рационы главной армии.

Гибель всего обоза под Лесной оказалась для похода Карла XII несчастьем непоправимым. Это роковое событие должны были признать даже такие «сверхпатриотические» очевидцы, соучастники и летописцы событий, как, например, духовник короля Карла XII Нордберг. Нужно сказать, что маститый богобоязненный капеллан, описывая битву под Лесной, лжет совсем уж безудержно, превращая тяжкое поражение Левенгаупта в победу. Но все-таки и он, подведя итоги результатам боя, опомнился и как бы решил махнуть рукой на все, что он только что насочинял. Вот что он пишет в заключение: «Невозможно не согласиться, что в этом случае ничего не могло нас более огорчить, чем уничтожение наших запасов и потеря этого большого обоза, на прибытии которого мы основывали все наши надежды и который стал для нас тем более необходим, что численность наших войск значительно увеличилась». Нордберг имеет в виду не только несколько тысяч голодных ртов, поступивших на иждивение главной шведской армии после прихода Левенгаупта, но и те 2 тыс. казаков, которых привел к Карлу гетман Мазепа спустя несколько дней.

Новые и новые показания шведских пленных, спасшихся бегством, дополняли и уточняли картину полного разгрома Левенгаупта под Лесной. Состоявшие при обозе шведские солдаты утверждали даже, что уцелело всего две телеги, а из войска ушло с Левенгауптом всего 4 тыс. человек: «А ныне де в войске провиянту нет ничего, помирают з голоду и многие от голоду бегут и мрут и болных многое число» [90]. И постоянный припев в этих «допросных» показаниях пленных: «король хочет итти на зимовую квартеру...» И тут же прибавляют, что неизвестно, где будет эта «зимовая квартера»: «... а которым трахтом по[й]дут — сказать не знают».

По некоторым шведским показаниям, отбитый русскими обоз Левенгаупта был еще больше, чем выходило по первоначальным русским свидетельствам. С поля битвы Левенгаупт послал немедленно как бы устную эстафету о происшедшем несчастье королю Карлу, но майор Левен, посланный с эстафетой, попал по пути вместе с двумя провожатыми в руки русских. Благодаря этой счастливой случайности русское командование узнало много «полезнейших окрестностей» (подробностей) о том, что случилось. Оказалось, что у Левенгаупта было в бою под Лесной 16 тыс. человек, а обоз его состоял не из 6 и не из 7,

но из 8 тыс. груженых телег. Провианта в этом обозе должно было хватить на *всю* шведскую армию на три месяца, казна (тоже захваченная русскими) представляла собой «в Курляндии и в Литве собранные контрибуции денег». Подробности, сообщенные перехваченным курьером, рисуют картину жестокой паники, охватившей армию Левенгаупта в момент ее окончательного поражения. Шведы, стойко выдерживавшие тяжкий бой, начиная с вечера 27 сентября и продолжая весь день 28 сентября, вдруг в ночь с 28 на 29 пали духом и бросились бежать врассыпную: «Когда сей жестокой бой уже в самую темную ночь скончался, и тогда остаток от шведского войска, которого он с три или четыре тысячи быти чает, под защищением темноты наскоро чрез речку, которая у них в тылу была, в совершенном смущении спастися трудились». Дисциплина исчезла в этот момент внезапно и без остатка: «... ни генералов, ни офицеров уже не слушались и как кавалерия так и инфантерия смешався бежали; и когда тако ночью бежав з две мили даже до Пропойска, к реке Соже пришли и оную без мостов и бродов пред собою обрели, и тогда де их генерал Левенгаупт и генерал-маеор Штакелберх, который картечем зело тяжко ранен, без писем с сею печальною х королю послали и изустно оному донести повелели, что они на голову побиты и весьма себя за погибших считают, ибо не знают себе никакого убежища» [91].

Петр считал, что русская победа была обусловлена тем, что бой происходил в лесной чаще. «Как я сам видел, и бой на сей баталии, ежелиб не леса, тоб оные выиграли; понеже их 6000 больше было нас» [92]. Искусство русского командования, между прочим, в том и состояло, что шведов загнали в лесные чащи и гнали их к Пропойску весь день 28 сентября лесом. Царь считал, что шведов перебитых осталось не менее 8 тыс. человек, но он оговаривается, что не считает тех, которых перебила при преследовании русская нерегулярная конница.

Отчетливее всего, совсем вкратце, рисуется картина сражения под Лесной в первом письме об этом, которое послал Петр Ф. Ю. Ромадановскому 29 сентября с поля битвы («з боевого места»): «Объявляю вам, что мы вчерашнего дня неприятеля дошли, стоячего зело в крепких местах, числом шеснатцать тысячь, которой тотчас нас из лесу атаковал всею пехотою во фланк». Затем русские три полка, дав залп, пошли на шведов. «Правда, хотя неприятель зело жестоко ис пушек и ружья стрелял, аднакож, оного сквозь лес прогнали к их коннице». Потом начиная с часу дня и «до темноты» шел бой «с непрестанным зело жестоким огнем». И долго нельзя было определить исход битвы: «И неприятель не все отступал, но и наступал, и виктории нелзя было во весь день видеть, куды будет». Но в конце концов неприятеля «сломив побили на голову, так что

трупов с восемь тысячь на месте осталось», не считая тех, которые «по лесам от ран померло» или истребила нерегулярная конница при преследовании. Даже в этом совсем кратком сообщении Петр отмечает колоссальное последствие победы: «Обоз весь з две тысячи телег, шестнатцать пушек, сорок два знамя и поле совсем осталось нам». В письме к Ив. Андр. Толстому Петр несколько попозже (но все в тот же день 29 сентября) сообщает с торжеством, что результаты победы выясняются в еще более и более значительном виде, «сия виктория еще час от часу множитца» и что разгромлена армия, *сплошь* состоявшая из «природных шведов», «ни одного... иноземца» не было [93]. Именно «природные шведы» и были наилучшей боевой частью армии Карла XII. В письме к П. С. Салтыкову от 3 октября Петр удостоверяет, что во взятом «достальном» обозе оказалось еще «с три тысячи телег» [94].

На рассвете 29 сентября тронувшись с места ночевки, шведы, постепенно ускоряя темп отступления, особенно после Пропойска, где па них с большим успехом напал генерал-поручик Пфлуг, уже определенно ударились в бегство. Левенгаупт «с людьми своими побежал великим скоком от стрельбы нашей»,— доносил 30 сентября царю бригадир Федор Иванович Фастман.

Под Лесной шведы потеряли весь свой обоз, но это не значит, что полностью все семь с лишним тысяч груженых телег попали в руки русских. Цифра, определяющая число захваченных русскими телег,— две тысячи. Эту цифру мы находим в «Журнале» Петра, но формулировка тут не ясна: говорится, что Меншиков догнал неприятеля у Пропойска, где «... и достальный их обоз больше двух тысяч телег взял...» [95] По смыслу фразы выходит, что если Меншиков взял «достальный» обоз, то почти весь-то он или хоть значительная часть его была взята раньше. И в самом деле в «Журнале» говорится, что при нападении Боура с 3 тыс. драгун (еще до появления Меншикова) «... и обоз взяли и совершенную викторию получили». Но точной цифры телег, взятых русскими, тут не приводится. Во всяком случае если по шведским источникам глухо говорится, что шведы уничтожили сами свой обоз, то это явная похвальба. У них для этого в их бегстве, да еще в снежную метель, просто не хватило бы и времени. Во всяком случае ничего из своего громадного обоза Левенгаупт Карлу XII не доставил.

Петр по всей справедливости приписывал победе при Лесной громадное значение и впоследствии повторял, что битва при Лесной «мать», а полтавская победа — младенец, рожденный ею как раз через девять месяцев; и царь даже всякому, «кто желает исчислить» совершенно ради любопытства, шутя предлагал посчитать, что от 28 сентября 1708 г. до 27 июня 1709 г. прошло ровно девять месяцев.

Царь всегда отмечал годовщину сражения при Лесной самым торжественным образом. «День поражения генерала Левенгаупта под Лесной, от которого его царское величество ведет начало своих великих успехов» [96] — так называет английский посол Витворт годовщину знаменитой битвы на основании слов самого царя.

Немецкая листовка, основанная на русских и некоторых шведских показаниях, изданная вскоре после битвы под Лесной и дающая некоторые любопытные уточнения, утверждает, что уже до трех часов дня шведы были оттеснены к своему обозу, и наступил перерыв, после которого возобновилась с обеих сторон артиллерийская стрельба, и тогда же царь узнал, что приближается генерал Боур и уже находится в получасовом расстоянии от русского расположения. Царь решил его подождать. В 4 часа дня Боур со своим отрядом прорвался сквозь артиллерийскую завесу («сквозь страшный огонь») шведов и примкнул к левому флангу русской армии. Это было необычайно вовремя, потому что Петр перед приходом Боура должен был перевести два драгунских полка с левого фланга на правый, чтобы подкрепить его, и левый фланг оказался не в состоянии принять участие в общей атаке, задуманной царем. Тотчас же после прихода Боура положение на левом фланге переменилось: «офицеры и солдаты так разгорячились, что они опережали приказания» командования, а правый фланг с своей стороны атаковал с необычайным упорством. Шведы спешно выдвинули тогда из резервов на помощь атакуемым частям два батальона пехоты и десять эскадронов конницы. Но от этих двух батальонов вскоре осталось лишь семьдесят человек, а конница была отброшена назад, т. е. опять-таки к своему обозу. Левенгаупт направил сосредоточенный артиллерийский огонь против наступающих и остановил натиск. В дело вступила русская артиллерия, и эта артиллерийская дуэль длилась до темноты. Стрельба прекратилась, но русская армия оставалась в полной готовности возобновить бой едва рассветет. Уже вечером Петру сообщили, что взято у шведов в полной исправности 16 пушек, которые немедленно были включены в состав русской артиллерии [97]. Доставили царю тогда же вечером сорок два неприятельских флага и десять знамен. Всю ночь горели огни в расположении шведской армии, и поэтому русские в полной боевой готовности стали на рассвете приближаться к неприятелю в убеждении, что немедленно возобновится бой. «Но оказалось, что Левенгаупт пустил в ход эту стратагему только за тем, чтобы лучше обеспечить свое бегство, причем он предоставил на усмотрение русских всех своих раненых и свои восемь тысяч повозок».

Шведский лагерь был совершенно пуст. Левенгаупт бежал среди ночи, приказав остаткам своей разбитой армии соблюдать

полнейшую тишину. Петр послал в погоню тысячу конных гренадеров и две тысячи драгун. Этот конный отряд изрубил в лесу часть арьергарда поспешно убегавшей шведской армии. Около 3 тыс. их арьергарда капитулировало, но так как уже после согласия на капитуляцию они вдруг открыли стрельбу, то большая их часть была уничтожена.

Шведы потеряли убитыми и пленными около 8—9 тыс. человек (из 16 с лишним, которые вели бой). Большую часть из этого числа шведских потерь должно отнести к павшим на поле боя и при преследовании, потому что пленных было взято лишь 2673 солдата и 703 офицера.

Русские потеряли больше тысячи (1110 человек) убитыми и 2856 ранеными из участвовавших в бою 10 тыс. человек. Самое убийственное для шведов было в потере всего обоза; Петр, уже образовывая свой «корволант» и гоняясь за Левенгауптом, сознавал вполне отчетливо всю необходимость лишить Карла этой великой подмоги, хотя все-таки он не знал, насколько колоссален обоз. Говорили впоследствии (и это проникло и за границу), будто Петр, запретив даже и думать об отступлении вечером 28 сентября, сказал, что он велел стрелять в него самого, если он прикажет отступить. Во всяком случае всю эту бурную снежную ночь [98] с 28 на 29 сентября он провел, как и его солдаты, то сидя, то лежа на снегу, укутавшись в свой плащ. Уже и эта деталь показывает, с каким напряжением он ждал рассвета и как твердо был уверен в окончательной, бесповоротной победе при возобновлении боя. Но Левенгаупт предпочел уйти, бросив обоз и раненых.

Кроме немецкой листовки, признающей поражение Левенгаупта, мы имеем и другой «летучий листок», на шведском языке, имеющий явной и прямой целью извращение действительности.

Вскоре после битвы под Лесной в Стокгольме вышла «с соизволения и с привилегией от его королевского величества» листовка в шесть страниц, специально посвященная описанию этого сражения. Листовка проникнута от начала до конца духом лжи и хвастовства. Оказывается, не Левенгаупт скрылся ночью вместе со своей армией, а русские «отступили». И если казаки действительно не отступали, а наступали, то это они делали затем, чтобы «прикрыть» отступление всей русской армии. И было русских в бою 40 тыс. человек, а шведов всего 11 тыс. О потере всего обоза автор листовки «забыл» сообщить, он довольствуется лишь указанием, что казаки оказались около каких-то телег и т. д. Но сквозь всю эту густую тучу лжи и сознательных перевираний и передергиваний временами пробивается слабый, совсем тусклый луч истины: листовка признает тяжкие потери шведов, утешая читателя тем, что у русских будто бы потери

еще больше. Автор ложно утверждает, что часть шведов, которых не досчитался Левенгаупт после сражения, вовсе не убита и не попала в плен, а просто ушла в Литву [99]. Ничего подобного не было. Те солдаты и офицеры Левенгаупта, которые были отрезаны от своих и которые не попали в плен к русским, блуждали некоторое время по лесам и постепенно истреблялись белорусскими крестьянами.

Сосчитать, сколько именно погибло шведов при преследовании их после сражения при Лесной, было в самом деле трудно.

Белорусские крестьяне не щадили попадавших в их руки «бегучих шведов», и Петр сомневается в первые дни после Лесной, чтобы даже и одна тысяча пришла к Карлу XII из всей армии Левенгаупта, «понеже и по лесам мужики зело бьют». Но шведы утверждали, что будто уцелело и пришло к Карлу около 8 тыс. Эта цифра несколько преувеличена. Впоследствии и русские останавливались на цифре 6700 человек.

Народный характер войны, начавшейся после вторжения Карла XII на русскую территорию, уже сказывался не только в Белоруссии, но и в Северской Украине, куда вступала главная шведская армия, и агрессору не помогали его воззвания к населению («прелестные писма»). Петру доносили: «Король стоит еще на границе Черкаской и посылал с прелесными писмами. Но сей народ, за помощию божиею зело твердо стоять и писма приносят, а сами бегут в городы и леса, а деревни все жгут» [100].

Не следует преувеличивать, как иногда делают, полной будто бы неожиданности для Европы позднейшего разгрома Карла. Те, кто был поближе к Швеции, например двор и правительство Дании, уже после Лесной предвидели для Карла недоброе, потому что они знали, как истощает король свое государство этой бесконечной, далекой, тяжелой войной. Вот что доносил, например, князь В. Л. Долгорукий Меншикову 30 ноября 1708 г. из Копенгагена: «Победу над швецким генералом Левингоуптом здесь приписуют к великой славе и ко упреждениям интересом царского величества, королю же швецкому к крайней худобе, и не чают чтоб он, потеряв такой корпус, до конца сея войны уж поправитца мог». В Дании знали о постоянных требованиях подкреплений, с которыми после Лесной король Карл обращается к своему государству: «Хотя как возможно во всей швецкой земле берут рекорут, и за великую скудостью людей пишут стариков, конечно таких, у коих от старости зубов нет, и робят, которые не без труда поднять мушкет могут, однако ж собрав и таких, не чают чтобы мочь знатного с такими людьми учинить, когда лутчие свои войска разтерял, не учиня с оными ничего...» В Копенгагене даже думали после Лесной, что, «потеряв такой корпус, король шведской вскоре будет про-

сить миру», до такой степени «ту над Левенгоптом победу здесь высоко ставят»[101].

Понимание великого значения победы при Лесной нескоро распространялось в Европе, но в конце концов русским резидентам при иностранных дворах удавалось многое разъяснить правительствам, при которых они были аккредитованы. О победе, о «высочайшей его царского величества команде», о значении для «всей нашей нации» этой «неизмеримой виктории» восторженно писал русский посол в Гааге А. А. Матвеев еще два с лишком месяца спустя, обращаясь к Меншикову по своему частному делу[102].

В тот момент было крайне существенно, что необычайно благоприятное для России впечатление произвела битва у Лесной также в Константинополе. В России было известно, какие усилия употребляет шведская дипломатия, чтобы убедить султана и визиря в необходимости скорейшего вторжения турок и их вассалов — крымских татар — на Украину. Эта агитация вражеских агентов («возмутителей») серьезно беспокоила Петра с самого начала вторжения шведов: «... сего дня приехал господин Рагузинской и привес писмо от посла нашего из Константинополя, которой ко мне пишет, хотя и было, не без великого опасения (о чем он наперед сего писал), однакож ныне весьма безопасно с помощию божиею паки утвердилось, и все возмутители отвергнуты, которому делу, пишет, болшую причину к нашей пользе Левенгоуптова баталия»[103]. Было ясно, что новая опасность с юга отсрочена и что турки будут ждать решающих событий на украинском театре военных действий.

17

Неладно для шведов начиналось их вторжение в Северскую Украину. Стародуб был потерян, говорят шведские документы, якобы из-за оплошности генерала Лагеркроны. Но вовсе не в генерале Лагеркроне было дело, а в том, что у шведов уже не хватало сил, чтобы осаждать и брать города, начиная хотя бы с того же Стародуба, где были и продовольствие и артиллерия. Прошли и к Новгороду-Северскому, но и на него не решились напасть и овладеть им.

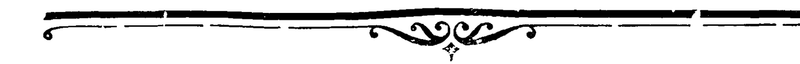
По дневнику Адлерфельда, все выходит гораздо спокойнее и благообразнее у шведов, чем это было в действительности (а ведь за Адлерфельдом и Нордбергом следует не только шведская, но и вся европейская историография, когда дело идет о походе Карла в Россию). Главная армия Карла, узнав о занятии Стародуба русскими, пошла в Рухово, куда и прибыла 13 октября, и здесь-то к Карлу присоединились жалкие остатки разгромленной за две недели перед тем при Лесной армии Левенгаупта.

6700 человек без обоза, почти без артиллерии, но с массой больных и раненых. Соединившись с Левенгауптом, с которым не так, не там и не тогда мечтал увидеться Карл, королевская армия пошла из Рухова в Сколково, а из Сколкова 16 октября в Чериков, и «18-го король прошел направо от Стародуба, а остальная армия налево. Неприятель, который был в Стародубе, показался и обеспокоил в этот день обоз». А затем, уже к югу от Стародуба, армия вошла в Пануровку 19 октября [104].

Так повествует Адлерфельд. Но в этом рассказе есть все, кроме того, что должно было бы явиться главным содержанием. По русским свидетельствам, которые вполне достойны доверия, потому что в них все строго мотивировано и логически согласовано, прохождение шведов «возле» Стародуба рисуется совсем иначе.

Оказывается, что, во-первых, король совсем не ограничился только выговором генералу Лагеркроне и восклицанием: «он совсем сошел с ума!», а велел ему вернуться к Стародубу и взять город. Лагеркрона, вернувшись, пытался это сделать, но был несколько раз с полным успехом отброшен русскими и ушел от города окончательно, потеряв тысячу человек. «... а Стародуб так удовольствован,— пишет Петр,— хотя неприятель ко оному подходил неоднократно, но, потеряв многих своих, паки уступити принужден, и ради того, не дерзнув более атаковать того города отступил». Мало того, царь с особым ликованием констатирует, что настроение народа лишает шведов всякой помощи: «і великой недостаток в фураже и провиянте імеют» [105], а притом вот как показание Петра расшифровывает мягкий намек королевского камергера и спутника Адлерфельда о том, что неприятель (русские — *Е. Т.*) беспокоил (incommoda) шведский обоз: «а партии наши непрестанно к неприятелю подъежжают и многих побивают и в полон привозят».

Говоря о Стародубе, должно отметить одну подробность: необычайно характерно для Мазепы в тот момент, когда и Карл XII и Шереметев разными путями шли к Стародубу, распоряжение, которое он отдал стародубским властям: впустить беспрепятственно в Стародуб тех, кто первый успеет подойти. Шведов — так шведов, русских — так русских [106]. Он в эти первые дни октября еще вел игру, делая свою ставку разом на две карты. Ему еще нужно было выждать и узнать окончательное решение Карла XII касательно ближайшего направления похода. Первыми, по всем имевшимся у гетмана данным, в Стародуб должны были бы прийти шведы, но тут им не повезло: командовавший их авангардным отрядом генерал Лагеркрона заблудился или был сбит с толку крестьянами, круто отклонился к западу от Стародуба и прошел мимо него. Тогда русские под начальством Инфланта заняли город и укрепились в нем.



Глава III

ОТ ВТОРЖЕНИЯ ШВЕДОВ В СЕВЕРСКУЮ УКРАИНУ ДО НАЧАЛА ОСАДЫ ПОЛТАВЫ

(Сентябрь 1708 г.— апрель 1709 г.)

1

Шведские историки систематически игнорируют и превосходство русской стратегии в 1708—1709 гг., и доблесть русских регулярных войск, защищавших свое отечество от вторгшегося насильника и захватчика, зверски расправлявшегося с населением. Но, кроме того, западная историография (все равно какая: английская, немецкая, шведская) совсем уже не желает считаться даже в самой малой степени со значением народной войны в Белоруссии и на Украине. Что какие-то «мужики» могли так существенно подготовить неизбежный полный разгром «непобедимого паладина», «льва полуночи», «северного Александра Македонского», что катастрофа под Полтавой и позор у Переволочной были конечным результатом, созданным долгими усилиями не только войск в строю, но и ожесточенным упорством народного сопротивления,— это кажется невозможным для некоторых западных историков и биографов, внутренне всегда от души сожалеющих о неудаче шведского воителя и старающихся свести объяснение его плачевного провала к случайным ошибкам и роковым природным условиям, в которых развертывался поход.

Возьмем в виде образчика хотя бы специальное исследование Эрнеста Карлсона, оказавшее большое влияние на Стилле и позднейших историков вообще. Вот его конечный вывод: 1. После трехмесячных «энергичных попыток» Карл должен был отказаться от своего плана идти через Смоленск на Москву. 2. После этого «с досады» (Карлсон даже вставляет в шведское повествование французское выражение «par dépit») в сентябре 1708 г. король идет на Украину, где надеется получить «хорошие зимние квартиры». 3. Но и это оказывается невозможным вследствие «неудавшейся попытки восстания Мазепы».

4. Король тогда принужден «в суровейшую зиму» воевать в Восточной Украине и давать там ненужные битвы (onyttiga strider) и истощать свои «превосходные войска» [1].

После чего — Полтава и гибель.

Шведский историк даже не замечает, что он не дает объяснения тех фактов, которые излагает. Почему Карл должен был отказаться от похода на Смоленск? Потому что уже в Белоруссии его встретило сопротивление населения, убегавшего в леса, не дававшего ни хлеба, ни сена, и дальше, от Старишей к Смоленску, это явно должно было стать еще хуже. Почему не удалось «восстание Мазепы», но зато очень хорошо удалось восстание против Мазепы? Потому что народные массы желали гибели шведского агрессора и украинского изменника. Почему король с армией в свирепую стужу должен был, бросив плохие зимние квартиры в Ромнах и еще худшие в Гадяче (а других не было, так как обещанный Мазепой Батурин был сожжен), толкаться от Веприка к Опошне, от Опошни к Ахтырке, которую взять не было сил, от Ахтырки к Краснокутску, а оттуда к Коломаку и вернуться снова к Опошне, и все на походе, все без квартир? Да потому, что, несмотря на самые неистовые зверства захватчиков именно в «Восточной», т. е. Слободской, Украине, население попрежнему прятало припасы, сжигало дома и скрывалось в лесах.

Всего этого историки вроде Эрнеста Карлсона не желают замечать. Так и обрел ищущий Карл XII «хорошие квартиры» только в своих холодных шатрах и палатках и на голодной диете под валом города Полтавы, куда его не пустили, как не пустили его ни в Мглин, ни в Стародуб, ни в Новгород-Северский, ни в Ахтырку. И не пустили его не только гарнизоны, но и активно помогавшее им население. Эти последние «квартиры» оказались 27 июня 1709 г. в русских руках, потому что в этот день русское войско пожало плоды не только своих предшествующих побед на поле брани, но и долгой, не прекращавшейся почти целый год, народной войны, так страшно истощившей «превосходные войска» агрессора.

И из Мглина, и из Почепа, и из Стародуба шли хорошие вести о том, как держит себя население в этот труднейший момент первой встречи северских украинцев с неприятельской армией. «А черкасы сбираютца по городкам и в леса вывозят жены и дети и хлеб по ямом хоронят. А я им сказал, что идут наши полки и они тому зело рады и ожидают» [2],— так доносил Федор Бартенев, «адьютант лейб-гвардии», Меншикову из Почепа 24 сентября 1708 г. Шведы приближались к Стародубу. Впоследствии в большую заслугу стародубскому полковнику Скоропадскому была поставлена царем патриотическая твердость жителей Стародуба и всего стародубского полка. Но население вовсе не нуждалось в одобрении или поощрении своего полков-

ника. Оно без всяких начальственных внушений и колебаний решительно приготовилось к обороне.

Скоропадский был посажен в 1706 г. Мазепой на место полковника, но когда получил от Мазепы предложение примкнуть к изменническому предприятию, то отказался. За это Петр и сделал его гетманом в ноябре 1708 г.

О том, как встретила неприятеля Белоруссия, а за ней Северская Украина в июле — августе — сентябре 1708 г., мы уже говорили. Можно смело сказать, что если, например, в ноябре и декабре 1708 г. и в январе и феврале 1709 г. народная война на Украине совершенно определенно влияла на все военные планы шведского штаба и на его блуждания с полуголодной обмерзающей армией от Ромен к Гадячу, оттуда к Веприку, оттуда мимо Ахтырки к Опошне, к Краснокутску, к Коломаку, опять к Опошне, то хоть и не так явственно народное сопротивление в Белоруссии и Северской Украине оказывало давление на все главные решения Карла уже в конце лета и в начале и середине осени 1708 г.

Обострился вопрос о продовольствии для людей, не хватало сена для лошадей (об овсе забыли давно и думать). Крестьяне разбегались во все стороны, сжигали или закапывали в землю, или прятали в соседних лесах все, что только могли, и исчезали. Ни расстрелы, ни пытки пойманных не помогали. Хронический полуголод, в котором жила поэтому шведская армия с момента вступления в Белоруссию, во-первых, не дал возможности главной королевской армии спокойно подождать Левенгаупта на Днепре, в Могилеве или хотя бы даже за Днепром, недалеко от реки, но заставил сорваться с места и, круто переменив направление, идти не на Смоленск по «оголоженной» дороге, а на Стародуб. Во-вторых, население не давало никаких сведений о русской армии, а если и давало, то неправильные или неточные. И в то же время шведы чувствовали себя окруженными тучей добровольных шереметевских лазутчиков, доносивших в русский штаб о всяком передвижении неприятеля. Крестьяне не только следили за неприятелем, но и играли главную роль в качестве дозорщиков на громадной русской западной границе.

В сентябре и октябре 1708 г. в цепи пограничных дозорщиков по всей линии от Днепра до Двины стояли караулы: «у реки Днепра у земляной крепости дворянин, да два человека солдат, двадцать человек крестьян. В урочище Тишине один солдат да десять крестьян. Да в урочище Черной Грязи солдат да десять крестьян... У крепости на Выдерском перевозе дворянин да три человека солдат, да тридцать крестьян... В урочище Есеновиках — солдат да десять крестьян...» У земляной крепости на Витебской дороге та же картина: один дворянин, три солдата и тридцать крестьян. «У земляной крепости возле реки Двины»

на двух солдат двадцать крестьян. Все остальные документальные показания в том же роде. На пограничном участке на Днепре дежурят «попеременно» на самых опасных местах восемь дворян, двадцать четыре солдата и двести сорок пять крестьян[3].

2

Мы подошли к моменту вторжения шведов в Украину. И раньше, чем продолжать хронологическую линию изложения, необходимо дать представление о том общем фоне, на котором вырисовываются контуры всей картины.

Начнем с общей характеристики. Еще нет пока сколько-нибудь обстоятельной, детальной, специальной истории социальных отношений на Украине во время десятилетия, предшествовавшего Полтаве, не выявлен, например, фактический материал о том, в чем именно выразилось личное и непосредственное участие Мазепы в помощи крепостническим усилиям «державцев», хотя его полное сочувствие им (за что тоже, конечно, его никогда не любила народная масса) совершенно несомненно. Углубляться в эту особую, капитально важную и очень пока недостаточно разработанную тему значило бы написать не главу о народном сопротивлении шведам в год нашествия, а большое исследование, захватывающее последние десятилетия XVII в. и первые — XVIII в., социально-экономической истории Украины.

Народное сопротивление агрессору на Украине в 1708—1709 гг. характеризуется прежде всего теми, не поддающимися никакому кривотолкованию, обобщающими оценками, которые мы находим и в переписке Петра, и в фактах, приводимых в донесениях Меншикова (в драгоценном рукописном фонде Меншикова, хранящемся в архиве Института истории Академии наук, и ЦГАДА, в фонде «Малороссийские дела»), и в отрывочных показаниях, идущих с шведской стороны, и в некоторых уже изданных материалах. Работа, посвященная нашествию 1708—1709 гг., вовсе не должна скрупулезно приводить все случаи, характеризующие враждебное отношение населения Украины к шведам, чтобы доказать, что народное сопротивление было налицо. Эти разрозненные, случайно сохранившиеся факты имеют лишь иллюстрирующее значение.

Сколько бы отдельных известий, касающихся случаев столкновения в том или ином месте крестьян или горожан с шведами, ни привести — все это не имело бы, конечно, значения окончательного, неопровержимого доказательства, если бы у нас не было прежде всего русских и шведских свидетельств обобщающего характера, идущих от Петра, с одной стороны, и от штаба неприятеля, с другой.

Те «историки» Украины, вроде пресловутого Андрусайка (Андрусяка), которые работают ныне в Нью-Йорке и Бостоне, совершенно игнорируют историческое значение материала отдельных дробных фактов народного сопротивления, якобы случайных, недостоверных, недобросовестно изложенных и т. д. Но при этом они игнорируют (конечно, совершенно сознательно, в целях извращения исторической действительности) то основное, решающее обстоятельство, что эти отдельные, дошедшие до нас (часто лишь счастливым случаем сохранившиеся, вроде поврежденных водой или огнем документов драгоценнейшего фонда Меншикова в ЛОИИ) свидетельства подкрепляют основной яркий факт, который с такой радостью подтверждает неоднократно в своих обобщенных оценках Петр и который со своей стороны сухо, неприязненно, нехотя приходится признать также шведам.

Эти украинские «историки» из Бостона, Нью-Йорка и Чикаго отрицают народную войну против шведов и мазепинцев только потому, что никто не занимался ни в шведском, ни в русском стане регистрацией и конкретным описанием отдельных проявлений народного сопротивления против агрессоров и изменников. Они прикидываются непонимающими, что означают неоднократные горячие хвалы Петра и представителей высшего, среднего и низшего русского командования патриотической верности и самоотверженности украинского населения. Они не желают также понять постоянных жалоб шведов на то, что белорусские и украинские крестьяне закапывают в землю свои запасы, «оголаживают» территорию, по которой движется неприятель, и убегают в леса, несмотря ни на какие посулы и угрозы, ни на какие пытки и казни. Эти горе-историки притворяются непонимающими, что если, например, шведские летописцы и участники вторжения, вроде Нордберга или Адлерфельда, или позднейшие шведские историки, вроде Лундблада, прямо говорят о непрерывных битвах отступающих от Лесной шведов «с разъяренными жителями», то совершенно незачем предъявлять источникам абсурдное требование, чтобы они подробно расписывали о том, как эти непрерывные партизанские нападения происходили.

Этот факт враждебного отношения населения Украины, прежде всего крестьян и массы городского населения, к шведскому агрессору история установила на самом несокрушимом фундаменте, какой только можно себе представить: на невозможности объяснить ряд явлений, если забыть эти основные, решающие свидетельства вождей и русского и неприятельского лагерей. Петр, Меншиков, Шереметев, ряд начальников отдельных частей, с одной стороны, Адлерфельд, Нордберг, Гилленкрок, не разлучавшиеся в течение всего похода с Карлом XII,

с другой стороны, в своих показаниях подтверждают и объясняют многое, и им незачем пускаться в подробности,— за правдивость и реальное значение основных утверждений говорит очевидность. Без враждебного отношения народной массы немыслим был полный и быстрый провал всех планов Мазепы и изменившей части старшины, невозможна гибель Сечи, невозможно было изменникам найти и обеспечить для шведов на сколько-нибудь длительное время спокойные зимние квартиры ни вблизи, ни вдали от Шереметева и Меншикова. Немыслимо было героическое сопротивление и помощь населения гарнизону в Веприке, в Полтаве, смутившая шведов полная готовность к подобному же сопротивлению в Мглине, в Почепе, в Стародубе, в Новгороде-Северском, в Ахтырке. Немыслимо было бы полное и повсеместное решительное нежелание помогать шведам снабжением, несмотря ни на посулы, ни на страшные пытки и избиения, несмотря на совсем неслыханные зверства шведов в Слободской Украине и других местах.

Эту главу следует начать, напомнив хотя бы в самых общих чертах о тех социальных условиях на Украине, которые сильно способствовали быстрому провалу измены Мазепы и пошедшей за ним части старшины. Чтобы дать эту характеристику, при скудости имеющихся свидетельств, мы будем приводить также показания, выходящие за хронологические рамки 1708—1709 гг., потому что нас интересует вопрос, как должно представлять себе социальные отношения, постепенно создававшиеся на Украине в первые годы XVIII в. Оставлять в стороне документ, если он относится ко времени после Полтавы, было бы совершенно недопустимым и ненаучным. Точно так же при необычайной скудости материалов крепостнические стремления и поползновения шляхты в Правобережной Украине и до и после Полтавы совершенно неосновательно было бы обойти молчанием только потому, что шведы не приходили туда. Но поляки Лещинского очень собирались пойти этим путем на помощь Карлу, и настроение посполитых, отголоски палиевщины, оживление движения перед Полтавой и после Полтавы — все это исключать непозволительно. Д. М. Голицыну и Петру это позволяло учитывать в очень благоприятном для России смысле положение вещей в Западной Украине весной 1709 г.

И это не единственный случай, когда главное командование русской армии определенно учитывало настроение народной массы на Украине при своих стратегических соображениях. В свете таких фактов приобретает очень глубокое значение хвала Петра верности украинского народа.

При этих условиях нью-йоркским и бостонским историкам не остается ничего другого, как отрицать народную борьбу, бывшую на Украине в 1708—1709 гг., только потому, что не было

«сражений» между крестьянами и шведскими отрядами (хотя, как увидим, и подобные эпизоды тоже случались). Заметим тут же, что если мы приводим мало подробностей участия населения в обороне, например Веприка или Полтавы, или пояснений к отдельным фактам сопротивления захватчикам, то прежде всего потому, что этих подробностей мало сохранилось. Не то, что подробностей нет, но самые факты участия населения помянуты сплошь и рядом намеком, одной фразой.

Я проделал терпеливую работу буквально над каждым листком цитируемого фонда Меншикова, который считаю самым ценным из всех материалов о непосредственном, независимом от военного командования, участии населения в сопротивлении агрессору. В этом фонде находятся сообщения, доставлявшиеся Меншикову по свежим следам, и ни одного факта из этих отрывочных листков я старался не пропустить и, кажется, не пропустил.

Нельзя сказать, что народная борьба против нагрянувшего шведского захватчика прекратила или хоть ослабила неумолчную борьбу классовую. Да и как бы это могло быть? Посполитое крестьянство переживало уже в последней четверти XVII столетия процесс все более и более обострявшегося антагонизма между стремлениями богатеев казацкой «старши́ны», с одной стороны, и крестьянством, упорно боровшимся против постепенно, но неуклонно надвигавшегося окончательного закрепощения, с другой стороны. Обнищалая часть казачества шла в посполитые, рисковала своей личной свободой, чтобы найти приют и оседлость, но не мирилась со своей долей. Крестьяне в свою очередь при удобном случае и возможности старались уйти в казачество, там, конечно, где этот уход с панской земли не грозил им голодом и окончательной нищетой. Землевладельцы («державцы») нередко «выживали старых крестьян из оседлостей», потому что старые, помня былое, оказывали сопротивление окончательному закрепощению, и заменяли их новыми, пришлыми, бездомными скитальцами, которым приходилось мириться с любым гнетом.

В тот момент, когда на Украину вторглись шведы, на низах все было еще в неустойчивом виде, захваты земель и личной свободы посполитых продолжались, вызывая часто отпор, но гетман и старшина, «полковые писари» и судейские неизменно поддерживали притязания «державцев», как бы вопиюще несправедливы они ни были. Роковая «устойчивость» крепостного права еще не была тогда достигнута, но вся социально-экономическая обстановка складывалась в пользу землевладельцев против закрепощаемой массы.

Когда разнесся слух о вторжении шведов и когда затем стало выясняться, что Мазепа и часть старшины изменили и

стали на сторону Карла, то посполитые крестьяне и казачья беднота сразу нашли свое место. Им даже не требовалось знать о переписке Мазепы со Станиславом Лещинским, чтобы стать против изменников, желающих «продать украинскую землю и людей» панской Польше. Их решение было принято. Они пошли в 1708—1709 гг. на своего пана-изменника и потому, что он пан — прежде всего, и потому, что он изменник. Мазепа и вся старшина были в глазах угнетенной деревенской массы природными, стародавними врагами, всегда поддерживавшими «державцев», задолго до того, как они стали к тому же и изменниками. Предприятие Мазепы не имело и не могло иметь ни малейших корней, никакой решительно опоры в народной массе, и оно провалилось безнадежно в первые же дни и провалилось повсеместно: и в Стародубовщине, и на Гетманщине, и в Слободской Украине. Об Украине Правобережной («киевщине», «волынщине») нечего и говорить: там помнили кровавую, предательскую интригу Мазепы против народного предводителя Палия, помнили, что Мазепа деятельно поддерживал польское панство против украинского крестьянства и погубил Палия своими доносами царю. Правобережное крестьянство лучше кого бы то ни было могло оценить, чем грозило ему призываемое Мазепой польское вторжение. Классовая и национальная борьба слилась на Украине в среде посполитых крестьян и казачьей бедноты в одно могучее, неразрывное целое.

Особенно интенсивно шла борьба посполитых казаков против крепостнических поползновений землевладельцев в Правобережной Украине, и «Архив юго-западной России» дает в этом смысле интереснейший материал. При шведском нашествии это движение могло только усилиться [4].

«Мечник» житомирский Ян Рыбинский (Jan z Rybna Rybiński) жалуется киевскому «енералу» в прошении, написанном на обычной для того времени и тех мест смеси польского языка с латинским, что крестьяне трех волостей отказали ему в «послушенстве» и перестали платить ему должные арендные деньги. А сделали они это именно с того времени, как «ясновельможный пан Мазепа, гетман заднепровский, передался на сторону шведского войска». Осторожный мечник, пишущий это прошение за месяц до Полтавы, выражается о Мазепе, на всякий случай, вполне почтительно [5]. Этот жалующийся шляхтич Рыбинский был гораздо ближе к шляхтичу Мазепе, ждущему с нетерпением подхода короля Станислава Лещинского, был гораздо более сродни Мазепе по всем своим политическим и социальным воззрениям и симпатиям, чем восставшим против Мазепы и против шведов крестьянам и казакам, которые упорно продолжали свою классовую борьбу против помещичьего, владельческого засилья, начатую задол-

го до шведского нашествия, обострившуюся при шведском нашествии и продолжавшуюся после шведского нашествия.

И возвратившийся из Сибири старик Палий тоже не думал, что с уничтожением шведов он должен прекратить борьбу против землевладельческой шляхты, за которую в свое время его враг Мазепа погубил его.

10 сентября 1709 г., т. е. через неполных три месяца после Полтавы, сеймик воеводства киевского отправляет к Петру, к Меншикову и к Д. М. Голицыну «послов» с просьбой удержать русские войска от взимания излишних контрибуций, а особенно защитить их от Палия, который со своими казаками опять, как и встарь, захватывает шляхетские имения («наибардзей от пана Палея, пулковника»)[6]. Но не так легко было отделаться на этот раз от старого неукротимого вояки, которого не сломила и долгая ссылка в ледяных сибирских пустынях. И 7 января 1710 г. дворяне киевского воеводства снова просят защиты от Палия: «чтобы особенно воеводство наше киевское от пана пулковника Палея прессуры не черпало»[7] (не испытывало притеснений — *Е. Т.*). Да и, помимо Палия, всколыхнувшееся казачество находило себе новых вождей, собиралось большими отрядами, нападало на шляхетские имения и опустошало их, а в Украине Правобережной, согласно источникам, разгуливал отряд межерицкого мещанина Грицка Пащенка, и в Подолии и на Волыни долго ровно ничего с ним поделать не могли[8]. Появлением таких отрядов отмечены еще долгие годы после шведской войны.

Шляхетство в Правобережной Украине еще энергичнее, чем землевладельцы Гетманщины и Северской земли, стремилось давно к закрепощению казаков и крестьян. Отправляя своих делегатов («послов») на люблинский сейм 1703 г., панство волынского воеводства жалуется на бунтовщиков-поджигателей и просит, чтобы их на Украине усмирили[9]. Постоянно повторяются в этих документах жалобы на казаков и посполитых и просьбы шляхты о защите. Сила и популярность Палия в первые годы XVIII в. росли, но параллельно возрастала и энергия шляхты, стремившейся закрепостить крестьян. Типично постановление дворян Подольского воеводства от 4 декабря 1704 г., согласно которому свободные крестьяне, три года пробывшие на земле пана, становятся наследственными крепостными этого пана[10], и «свобода их отныне уничтожается». А в 1709 г. та же подольская шляхта уже считает крестьян, всего только один год просидевших на панской земле, прикрепленными к этой земле и дает пану право требовать их выдачи, как беглых, если они убегут[11]. Закрепощение шло, наталкиваясь на отпор, но шляхта не сдавала своих позиций, она ждала (и с течением времени дождалась) своего в Правобережной Украине. Старшина Левобережной Украины имела тенденцию идти той же дорогой, но

гораздо менее решительными темпами. Процесс замедлялся близостью вольных необъятных степей, куда можно было уходить, спасаясь от надвигавшейся неволи. Все было в брожении, классовая борьба была оживленной и местами очень острой, когда внезапно в пределах страны появился Карл XII со своим войском.

Политика беззаконного закрепощения вольных людей землевладельцами продолжалась на Украине и до и после шведского нашествия. Царские воеводы принимали жалобы, но, даже считая их вполне основательными, предоставляли решение, по существу, гетманской власти. «Многократно ко мне приходят и докучают из разных мест козаки, и доносят жалобу, что старшина малороссийская сильно их в подданство себе берут, и я многих отсылал к вашему превосходительству, дабы о том вас просили, а они, не быв у вашего превосходительства, паки ко мне приходят с великим воплем, и о том стужают; и хотя то дело не мое, однако, что вижу противность в интересах царского величества, вашему превосходительству объявляю... и о том изволите рассудить по своему премудрому рассуждению» [12],— писал Скоропадскому киевский губернатор князь Дмитрий Голицын.

Не лучше жилось деревенской бедноте, зависевшей от церковных магнатов и жившей на монастырских латифундиях.

Редкие, но характерные свидетельства, дошедшие до нас от первых десятилетий XVIII в., говорят нам о жестоких притеснениях, которые испытывали крестьяне на Украине, зависевшие непосредственно от монастырей. Попадались среди игуменов настоящие изверги, вроде игумена Густынского монастыря, засекавшего людей до смерти, так что крестьяне просто разбегались, куда глаза глядят [13]. Немудрено, что в 1710 г. монахам пришлось обивать пороги у Скоропадского и «суплековать» (просить) его «привернуть» монастырю ушедших от него крестьян, а монастырю Глуховскому (в Нежинском полку) удалось даже выпросить у Скоропадского суровый универсал против «легкомысленных людей», которые по бунтовскому («бунтовничо») поступают [14]. Эти «бунты» глуховских монастырских крестьян продолжались еще очень долго, и в апреле 1724 г. опять крестьян хотят «ускромлять», так как они проявляют «шатость и огурство» и отказываются от «послушенства» [15].

«Державцы» стремились всякими правдами и неправдами обеспечить свои «маетности» рабочей силой, препятствуя вольному переходу крестьян и беззаконно их за это преследуя и карая. Постепенно, но безостановочно надвигалось прикрепление к земле.

При всей скудости известий о положении украинских крестьян в гетманство Мазепы у нас есть даже стихотворное показание, относящееся к этой теме и к этому периоду. Слоняв-

шийся по Украине непутевый монах Климентий Зиновьев писал в угоду панам враждебные закрепощаемому люду вирши, в которых злобно издевался над бегущими от землевладельца крестьянами и давал советы безжалостно наказывать и даже — за «непослушенство» и за уход с земли — убивать виновных. Этот бродячий пиит злорадно предсказывает таким «бунтовщикам» (он именно так их и называет), что, покидая свои хаты и насиженные места, они дойдут до такой нищеты, что им останется либо утопиться, либо удавиться: «... хоч утопится, а ежели захочет, вольно и вдавитися. Отож [и]меешь за свое теперь, дурный мужиче, в бывший на своего пана бунтовщиче!» Климентий находит, что так и нужно, и поделом, пусть сгинут непокорные. «Не хотелось панови послушенство отдавать и в целости за всем своим в одном месту пребувать», так и сгинь со света! «Гинь же теперь за свое злое непокорство, и за упрямую твою гордость и упорство!» Как видим, классовая борьба ко времени шведского нашествия была в украинском «посполитстве» уже так интенсивна, что даже вызвала у панов «державцев» потребность в такого рода пропагандистах в пользу крепостнических отношений и против права крестьян покидать панскую землю [16].

Как в начале вторжения шведов в Северскую Украину, в Мглине и в Стародубе, так и позже, в декабре, городское население, «мещане» и казаки мужественно давали отпор неприятелю. Вот подходят шведы к Недрыгайлову с конницей в полторы тысячи человек: «...под городом спешились, и шли в строю к городу с ружьем, и прежде стрельбы говорили они шведы недрыгайловским жителям, когда они от них ушли в замок, чтобы их пустили в тот замок, а сами-б вышли, и обещали им, что ничего им чинить не будут. И они из города с ними говорили, что их в город не пустят, хотя смерть примут. И те слова они шведы выслушав, стали ворота рубить, потом по них в город залп дали, а по них шведов из города такожде стреляли и убили шведов 10 человек. И они шведы, подняв тела их, от замка отступили, и стали на подворках и церкви и дворы все сожгли» [17].

Ни провианта, ни топлива в эту страшную по неслыханным морозам зиму население шведам не давало. Неприятель «зело тужит, что из Ромна и ныне, где стояли по деревням, посылают универсалы, чтоб везли провиант, мужики не везут»,— вот типичное показание [18].

Шведы метались, ища провианта. Они и к Ахтырке шли с надеждой добыть себе там пищи и фураж для лошадей. Петр это отмечает особо: «И чаю, что конечно то правда, что неприятель для (вследствие — *Е. Т.*) оголоженья края от наших станций к Охтырке шел...» [19]

Жители занимавшихся шведами городов и деревень, если им не удавалось вовремя бежать, считали себя пленниками и при первой же возможности бежали к русскому войску и спешили дать все сведения, какие только могли, о шведах. Они часто приносили драгоценные известия. «Сего маменту два мужика русских у меня явились, которые объявили, что они были в полону и ушли из Ромна 17 дня, и при них был в Ромне Мазепа и три региментa (полка — *Е. Т.*) швецких, и все из Ромна вышли, якобы идут к Гадичю». Это сведение было в тот момент так важно, что фельдмаршал Шереметев немедленно сообщил об этом экстренным письмом Петру в Оружевку 19 ноября, а Петр тотчас же переслал это сообщение Меншикову[20]. Густая атмосфера вражды и страха окружала вторгшихся шведов и мазепинцев. Петр напрасно опасался в первые дни после раскрытия измены Мазепы, что изменник («тот проклятой») устроит себе «гнездо» в городе Гадяче вместо разоренного Батурина[21]. Нет, это было немыслимо для Мазепы, никакого другого места себе во всей Украине, кроме места в шведском обозе, бывший гетман уже найти не мог и никакой новой своей гетманской «столицы» вроде Батурина создать не был в состоянии.

Об очень многих случаях проявления ненависти посполитых крестьян к их эксплуататорам («державцам») мы узнаем почти всегда из довольно мутного, враждебного крестьянам источника, от самых «державцев» и от покровительствовавших им должностных лиц, поставленных гетманом Скоропадским или непосредственно русским военным начальством. Поэтому когда мы читаем, например, универсал Скоропадского от 13 декабря 1708 г. о «разбойничьем способе» жителей трех деревень, которые «заграбовали» пана Панкевича, полкового писаря и его жену, уезжавших из Почепа, то мы вправе не поверить, будто бы население трех сел (Чеховки, Корбовки и Севастьяновки) могло собраться для «разбойничьего способа» и простого грабежа. Мы знаем, что в этом случае Скоропадский приказывает руководителей нападения («самых принципалов») схватить и связать («до вязеня побрати»), но поверить, что эти «принципалы» просто атаманы разбойничьей шайки, мы, конечно, не можем. Речь идет о местной вспышке восстания посполитых крестьян против важного в их быту начальника и богатея, каким был полковой писарь Стародуба[22].

И сам пан гетман проговаривается: «бунтовничим а праве розбойничим способом...» Дело шло именно о бунте, а вовсе не о разбое («а праве» — «а по-настоящему», а в действительности), как хотел бы уверить Скоропадский со слов Панкевича.

И особенно стоит отметить, что даже после уничтожения шведской армии продолжались резкие проявления классовой

борьбы в украинской деревне. Таков, например, характерный случай с сотником Булюбашем, относящийся как раз к послеполтавскому периоду [23].

Отрывочность, скупость, неясность источников мешает исследователю сплошь и рядом дать обстоятельную картину действий восставших крестьян. «Оказали непослушество», «кололи сотника пиками», «разграбили» дом, сожгли, разорили, остановили дорожных и забрали их добро, а самих путников избили и т. д. А сколько-нибудь обстоятельного изложения дела в источниках не находим, и историку волей-неволей приходится с этим считаться.

Вот одна из иллюстраций отношения украинской народной массы к мазепинцам.

Полтава перед открытием мазепинской измены находилась под влиянием изменнически настроенной семьи Герцыков. Павел Герцык был некогда полтавским полковником, сын же его Григорий Герцык, зять Орлика, перебежал к Мазепе тотчас же после перехода Мазепы к шведскому королю. Вся почти казацкая верхушка, старшина, в Полтаве была на стороне Мазепы, и вот что, по позднейшим показаниям Григория Герцыка, случилось, когда крестьяне узнали об измене: «По такой ведомости собирались мужики в город и старшину били и грабили, и от того купцы и знатные люди выбегали из города вон в иные места». Это ценное показание, подкрепляющее ряд подобных же свидетельств о настроении украинского народа, дополняется еще одним характерным фактом: когда уже шведская главная квартира была в Будищах, т. е. незадолго до Полтавской битвы, Мазепа писал универсалы «в миргородский полк к сотникам, чтобы они полковника своего Данила Апостола скинули с полковничества, и слышал он, что с теми листами никто в тот полк ехать не отважился». Другими словами, шведы со своими друзьями — Мазепой, Орликом, Герцыком и всей перешедшей на их сторону старшиной — были начисто отрезаны от Украины и никаких средств сношений с нею не имели, были заблокированы в Будищах, в своем лагере, затем в Жуках и под Полтавой. Они даже не знали, что в Миргороде давным-давно царит законная русская власть и что их посланных ждала бы там виселица, если бы они и отважились пробраться в Миргородский полк со своими «универсалами» [24].

Есть еще один источник, значение которого история не вправе не признать: это украинский фольклор. В сборниках Якова Новицкого, Михаила Драгоманова, Максимовича и Вл. Антоновича, наконец, в появившихся уже в послереволюционное время материалах мы находим обильные поэтические отклики украинского народа на события героической борьбы,

в которой он принимал такое живое и непосредственное участие. Тут и народный любимец Палий, тут и «пес» — предатель Мазепа, его враг, тут и непримиримая ненависть к шведским грабителям и насильникам, тут и песня о том, как Петр велит схватить и заковать изменившего гетмана и вернуть несправедливо сосланного по проискам Мазепы Семена Палия, тут и гнев народа при одной мысли о подчинении шведам, или полякам, или «басурманам», тут и о «безневинных» мучениках Искре и Кочубее... Народная память сохранила и детали. Под Полтавой Мазепа спрашивает наияснейшего пана короля: что делать? Брать Полтаву или убегать из-под Полтавы? «Чи будем ми більше города Полтави доставати? Чи будем спід города, спід Полтави утікати?» Потому что осаждающие сами оказались в осаде: «бо не дурно Москва стала нас кругом оступати». Сохранилась память и о хвастовстве Карла XII, собиравшегося из-под Полтавы прямо в Москву: «Да я ще ту Москву могу сікти и рубати, ще не зарекаюсь у білого царя і на столиц побувати!» Но Семен Палий соединился с Шереметевым и они одолели врага, спасли город Полтаву. Отмечается с восторгом и участие Палия в Полтавском бою. И всюду подчеркивается, что украинский народ в единении с народом русским спас страну.

В Белоруссии, через которую шведы проходили, но где они оставались гораздо меньше времени, чем на Украине, не осталось народных песен, которые относились бы к шведскому нашествию, но устные сказания о шведах, вторгшихся в Белоруссию и грабивших ее нещадно, дошли до нашего времени. Собиратели белорусского фольклора отмечают пословицы, в которых сохранились народные воспоминания о бедственном состоянии шведской армии, когда она проходила дремучими лесами и невылазными топями страны: «Боси як швед». Говорится и о том, как эти шведы блуждали по лесам, «харчуючись мерзлою клюквою».

Сохранилось предание и о том, как Левенгаупт желал «обдурить российску армию» и подослал шпиона, указавшего русским неверный путь, но неведомый белорусский селянин указал правильную дорогу, а шпиона повесили на осине. Отсюда и возникло присловье: «Тутейшая осина не шведская паутина».

В архиве секции археологии Академии наук Белорусской ССР имеются записи ряда легенд о зверствах шведов и о партизанах-героях, которые пошли на шведа, но потерпели поражение и были перебиты и закопаны в землю около селений Зеленковичи и Вирово, Пропойского района.

Сохранилась и запись предания о бегстве шведов после их поражения под Лесной и о том, как бегущие шведы разбега-

лись по лесам, а затем бросились к реке Сожу и, переправившись через нее, побежали дальше. Легенда очень метко отмечает бедственные последствия для шведов поражения под Лесной — полную потерю обоза: «Швед под Лясной згубну боты и штаны, а у Рудни покинуу и шапку».

Упорное сопротивление со стороны народной массы, не только пассивное, но и очень активное, которое вторгшийся неприятель встретил и в Белоруссии и на Украине, сыграло громадную роль в долгой и тяжкой подготовке окончательного успеха, решающего удара, покончившего с нашествием под Полтавой и у Переволочны (или у «Переволочной», как ее часто называют наши документы). И тут прежде всего следует сделать небходимую оговорку, без которой читатель мог бы быть введен в заблуждение и слишком узко, однобоко, неправильно подойти к пониманию того явления, которое смело можно назвать народной войной на Украине в 1708—1709 гг. Спора нет, что во время нашествия классовая борьба крестьянства и неимущего казачества против стремлений землевладельцев («державцев») затруднить свободный переход крестьян с одной земли на другую продолжалась, так как не в июне 1708 г. она началась и не в июне 1709 г. она окончилась. Спора нет, что долгая, давняя борьба в деревне против упорных крепостнических тенденций «державцев» и помогавшей им и связанной с ними тесными классовыми узами старшины способствовала проявлению энергии и активизации движения «посполитых» против изменнической части старшины.

Но не только в классовой борьбе коренилась основная причина этой особой энергии, этой активизации движения. Не только потому так быстро, так безнадежно и так позорно провалилась в украинском народе опаснейшая измена Мазепы, что Мазепа всегда держал сторону крепостников-землевладельцев, а также богатеев в городе и считался противником неимущей массы и в селах и в городах. И не потому представители изменнической части старшины (их было меньшинство, а не большинство) должны были спасаться поспешным бегством при первых же поползновениях осуществить свои планы, что народ внезапно почувствовал к ним обострение классовых враждебных чувств, а потому, что они были изменниками, предателями родной страны, христопродавцами, желавшими под водительством шляхтича Мазепы предать и отдать Украину полякам и шведам. И когда часть запорожцев пошла за ненавидевшим Москву Костей Гордиенко, отдалась в подданство Карлу и стала вместе с Карлом осаждать Полтаву, то и Костя и все, кто с ним был, тоже сейчас же превратились в глазах населения в христопродавцев, и в городах и в селах, где ни разу не ступала даже нога шведского солдата и где о шведах знали

только понаслышке, образовывались партии крестьян и горожан, и партизанщина направлялась против бродивших по стране отрядов запорожцев и беспощадно их истребляла, потому что вполне справедливо приравняла изменников к иноземному врагу, на сторону которого они перебежали. И уж тут элемент классовой вражды был совершенно *ни при чем*: ведь Запорожье всегда было как бы обетованной землей для убегавших из Украины крестьян. Но достаточно было измены запорожцев, пошедших за Гордиенко, чтобы на уничтожение Яковлевым Запорожья стали смотреть как на ликвидацию гнезда измены, и что бы ни писали теперь Андрусайк и другие «щирые украинцы», украинский народ считал предателями вовсе не Галагана и Даниила Апостола, деятельно помогавших справиться с мазепинцами, а именно этих самых мазепинцев.

Классовые отношения никак нельзя упускать из виду при анализе народного сопротивления шведскому агрессору и его союзникам, но сводить к классовой борьбе все это движение — значит не понимать в нем самого существенного, значит игнорировать руководящий мотив движения и за деревьями не видеть леса.

В разгаре страшной борьбы гетман Украины Мазепа, человек, пользовавшийся долгие годы неограниченным доверием царя, внезапно перешел вместе с некоторыми членами казацкой старшины на сторону Карла.

У нас есть свидетельство о том, что Мазепа начал готовиться в глубокой тайне к измене еще в 1701 г. и уже более определенно — в 1705 г. И если мы говорим о его «колебаниях», то должны категорически оговориться: «колебания» Мазепы вызывались вовсе не «существом» вопроса — тут колебаний никаких не было. Мазепу явно одолевали лишь сомнения, во-первых, в выгодности для него лично подобного предприятия и, во-вторых, когда именно должен быть признан благоприятным момент для того, чтобы по возможности уменьшить риск этого опаснейшего шага. Излишне прибавлять, что было бы до курьеза ошибочно придавать всем этим «колебаниям» изменника значение каких-либо сомнений морального характера. Мазепа решился потому, что ошибочно поставил ставку на победу Карла, которая сулила ему положение «князя Украины». Домыслы Грушевского и других о патриотических украинских целях и т. д. фантастичны и извращают всю картину событий в угоду тенденциям авторов.

Мазепа жестоко ошибся в этом своем решении: поставив все на карту шведской «непобедимости», он все и проиграл. Но «загадочности» в его поведении не было ни малейшей. А в своей убийственной непоправимой ошибке он стал быстро убеждаться еще задолго до Полтавы.

История всех «колебаний» Мазепы от 1705 г., когда ему впервые предложил Станислав Лещинский изменить России, до конца октября 1708 г., когда он вдруг сбросил маску и явился с казачьим отрядом в шведский стан, изложена в очень важном, даже во многом совсем незаменимом документе, что не мешает ему быть часто явно лживым. Но этот документ во многом ускользает от возможности сличений и проверок. Это письмо младшего друга и довереннейшего, близкого Мазепе человека, генерального писаря Орлика, написанное им из его долгой эмиграции к концу его жизни, в 1721 г., и направленное к митрополиту рязанскому и муромскому Стефану Яворскому [25]. В этом показании клеврета Мазепы, писанном через 12 лет после Полтавы и после смерти Мазепы, нас интересует главным образом, как обозначилось решительное расхождение между Мазепой и подавляющим большинством украинского народа, или, точнее, между Мазепой с ничтожной кучкой приставших к нему и всем остальным украинским народом. Еще сидя у себя в Белой Церкви летом 1708 г., Мазепа стал колебаться и сильно сомневаться в том, что стоит ли переходить на сторону Карла. Гетман был в этот момент «одержим великою боязнию и в словах кающегося того своего начинания». Он каялся перед Орликом, а Орлик тоже в это самое время, как он признает, якобы колебался и сомневался: стоит ли выдать Петру гетмана и не погибнет ли он, Орлик, как погибли Кочубей и Искра, так как царь продолжает верить Мазепе [26]. Решил не выдавать Мазепы, очень за себя боявшегося, бывшего «в боязни и небеспеченстве». Но сообщники, собравшиеся в Белой Церкви, окончательно убедили гетмана, который, однако, потребовал от них «присягу с целованием креста и евангелиа святого», что они его не выдадут. Они дали присягу и стали торопить Мазепу с отъездом к королю Карлу. А он сначала рассердился на своих сообщников и сказал: «Бери вас чорт! Я, взявши з собою Орлика, до двору царского величества поеду, а вы хоч пропадайте». Но, выбранившись, сделал по их желанию. Он послал письмо к графу Пиперу в шведский лагерь и тотчас получил, конечно, благоприятный ответ. Условились встретиться при переправе короля через Десну. Мазепа прибыл в Борзну. Когда же племянник Мазепы Войнаровский известил его, что едет в Борзну сам Меншиков для встречи с гетманом, то Мазепа, явно испугавшись и полагая, что князь уже что-то проведал, мгновенно решился: «...порвался (сорвался с места — *Е. Т.*) нечаянно Мазепа, як вихор, и поспешил в вечер, поздно того ж дня в субботу до Батурина», затем 23 октября переправился через Сейм, 24-го переправился через Десну и явился к генералам Карла XII. Королю он представился 28 октября.

Если генеральному писарю Орлику, политическому интри-

ману второго сорта, казалось, что Мазепа с ним ведет себя душа нараспашку, то он заблуждался. Мазепа и ему тоже не вполне доверял и от него таился. В своем письме к Яворовскому Орлик ничего не говорит о том, что в октябре 1707 г. (точной даты у нас нет) Мазепа прислал, соблюдая, конечно, глубокую тайну, письмо королю Станиславу Лещинскому и фактически начал свои изменнические действия. Мы об этом факте узнаем от капеллана Карла XII — пастора Нордберга. В своем письме, рассказывает Нордберг, Мазепа уверял, что московиты — трусы, бегут от шведов, тогда как хвастали, что будут твердо стоять на месте, ожидая нападения. Поэтому Мазепа предлагает Станиславу свое содействие при условии, чтобы шведский король принял его под свое покровительство и «помог ему в его плане». План же его был таков: «Шесть или семь тысяч московитов, которые были на Украине, могли бы быть легко уничтожены, и это был бы мост для шведов». Нордберг тут прибавляет: «таковы были собственные выражения Мазепы». Гетман писал далее, что «не следует сомневаться в его искренности и что, как известно, казаки ничего так не желают, как иметь возможность избавиться от владычества царя, на которое они смотрят, как на нестерпимое иго. Правда, они сами его на себя наложили, но это совершилось в то время, когда они были ослеплены обещаниями, что они сохранят свою свободу и что им предоставят большие преимущества, которыми, однако, они не пользовались».

Ответить гетману на это предложение, конечно, должен был не Станислав Лещинский, к которому Мазепа мог лишь адресоваться, как к передаточной инстанции, а король Карл XII. И Карл не скрыл от своего капеллана, какой ответ Мазепе распорядился он дать: «Шведский король понял очень хорошо, что большое количество этих людей могло бы оказать большие услуги, когда дело будет идти о преследовании бегущего врага, но он знал также, что в правильном бою (dans une bataille rangée) совсем нельзя на них рассчитывать, как шведы уже не раз это испытывали». Поэтому, сообщает Нордберг со слов короля, так как он, Карл, непременно разобьет русских и изгонит их из Польши, едва только ему удастся принудить их дать сражение, то сейчас ему Мазепа не нужен, и он не хочет, чтобы Мазепа хвастал, что он помог ему, Карлу, очистить Польшу от русских. Поэтому король решил так; пусть Мазепа поможет гнать московитов в их собственной стране. «И в этом смысле Станислав ответил Мазепе. Он его поблагодарил за его предложение и уверил его, что свято (religieusement) сохранит все это в секрете и льстит себя надеждой, что так же поступит и Мазепа. Наконец, что с ним (Мазепой — *Е. Т.*) будет поддерживать сношения письмами и что ему дадут знать, когда

настанет время порвать открыто и объявить себя против *царя*»[27].

С той поры измена Мазепы и переход Украины на сторону шведов в той или иной мере учитывались в стратегических соображениях Карла XII.

Шведские источники, сведения и слухи, которые постепенно распространялись в Европе уже после Полтавской битвы, дают несколько вариантов истории измены Мазепы. Для нас интересно отметить, что все сходятся на рассказе о глубоком разочаровании шведов, когда Мазепа с незначительной группой всадников добрался, наконец, до короля и Карл удостоверился в провале своих надежд на изменника. Вот как изобразил дело Мазепа, которому необходимо было объяснить королю свою неудачу и невыполнение своих обещаний. Он, Мазепа, в самом деле начал свое движение к Десне во главе «шестнадцати тысяч» (!) казаков, но не осмелился (по собственным словам) откровенно объяснить им всем, куда и зачем он их ведет. Но, уже приблизившись к реке, он не мог дольше скрыть свои намерения и сообщил своей «армии», что настала пора отложиться от Москвы и примкнуть к шведскому непобедимому герою и т. д. Он обещал казакам сохранение всех их старинных вольностей, верную победу над москалями под владычеством Карла и звал их за собой. Дальше произошло следующее. По-видимому, до открытой борьбы против Мазепы дело в лагере у Десны не дошло, но Мазепа нашел излишним удостовериться в результатах своего ораторского выступления, потому что, не теряя золотого времени, поспешил в сопровождении нескольких тысяч (одни говорят о 2—3, другие о 4 тыс. спутников) помчаться в шведский лагерь. Конечно, шведские историки XVIII в. дают маловероятное объяснение, когда говорят, будто этот поспешный отъезд Мазепы был рассчитан на то, что остальная казачья армия увлечется примером гетмана и сейчас последует за ним. Ясно другое: уже отъезжая, Мазепа видел, что недаром он так долго таил свои планы от казаков и что его внезапная откровенность сразу же уничтожила его войско. Ведь свой поход он объяснял тем, будто он ведет казаков против шведов, которые грабят и опустошают страну. Внезапная перемена фронта была полной неожиданностью для казачьего воинства, и большинство за Мазепой не пошло. Старшины потребовали времени для обдумывания дела. Мазепа предпочел не ждать.

Даже из той группы, которая за ним помчалась в шведский лагерь, очень многие повернули своих коней вспять, и если даже первоначально спутников Мазепы и было якобы 3 или 4 тыс., в чем очень можно сомневаться, то доехало до шведского лагеря уже несравненно меньше. Наиболее вероятна все-таки

цифра в 2 тыс. человек [28]. Остальные разбежались в первые же дни.

Явившись к Карлу со своими знаками гетманского достоинства, Мазепа произнес на латинском языке льстивую верноподданническую речь, которая, однако, могла очень мало успокоить Карла XII. Один старый анонимный английский историк, компилировавший историю Петра по некоторым источникам и воспоминаниям XVIII в., правильно говорит, что гетман явился к шведскому королю «не как могущественный государь, приносящий свою поддержку союзнику», попавшему в трудное положение, а как беглец, который сам нуждается в помощи. Аноним утверждает при этом, что Карл XII ждал от гетмана даже и не 16, а 20 тыс. человек украинского войска. О мотивах, которыми объясняется вполне реальная измена Мазепы, сказано выше.

Все эти мечты изменника развеялись впрах. К шведской армии прибавилась лишь кучка весьма сомнительно настроенных казаков, на которых не могло не произвести самого сильного впечатления поведение подавляющего большинства их товарищей, оставшихся верными России. Прибавился еще и старый гетман, за которым тоже нужен был глаз да глаз, потому что латинское красноречие не внушало ни королю, ни Реншильду, ни Пиперу ни малейшего доверия.

Правда, еще некоторое время Мазепа мог несколько поддерживать свой сильно пошатнувшийся престиж обещанием, которое, в случае если бы оно было реализовано, могло бы иметь очень серьезное и очень благое (с точки зрения Карла) влияние на положение шведов: Мазепа ручался при первых же переговорах о возможности своего перехода на сторону шведов, что Украина, богатая, хлебородная страна, накормит досыта шведскую армию. Теперь, поздней осенью 1708 г., уже в ставке Карла XII гетман мог указать, что шведов прежде всего ждут колоссальные запасы продуктов, давно уже собранные в гетманской столице — городе Батурине. Если бы эти запасы попали в руки шведского войска, то это с избытком вознаградило бы за убийственную, грозную катастрофу Левенгаупта под Лесной, за потерю всех без малого восьми тысяч возов, нагруженных всяким добром. Украина и прежде всего Батурин должны были возместить шведам все последствия жестокого поражения под Лесной.

Но недолго пришлось Мазепе утешать своих новых господ заманчивыми рассказами о сытной и спокойной предстоящей зимовке в Батурине, будто бы ждущей шведов, даже если до весны им не удастся добраться до всего добра, которое ждет шведского победителя в Полтаве и в Киеве.

3

Обратимся теперь к тому, при каких обстоятельствах узнали в русском лагере об этой внезапной измене гетмана и как повела себя украинская народная масса.

Старые военные историки едва ли правильно толкуют восклицание, приписываемое Орликом Мазепе, когда гетман узнал о движении Карла на Украину: «Вот дьявол его сюда несет... Да он все мои соображения испортит и великороссийские войска за собою внутрь Украины впровадит на конечное разорение и на погибель нашу». Неизвестно, насколько правильно переданы эти слова Орликом и кто тут восклицает: Мазепа или Орлик. Если даже принять за точную истину это восклицание, то отсюда никак нельзя сделать вывод, что «досада Мазепы была совершенно понятна: поворот шведского короля в Украину должен был повлечь за собою необходимость в ближайшем будущем участия казаков в борьбе между Россией и Швецией, а это пока еще совершенно не отвечало предположениям гетмана» [29].

Едва ли это так. Что казакам все равно придется так или иначе принять участие в страшной войне не на жизнь, а на смерть, которую ведет Россия, и что Петр сумеет настоять на присылке к нему казачьих полков, это и не такой хитрый интриган, как Мазепа, понимал очень хорошо. Он боялся другого. Боялся полного разорения Украины от наступающего Карла и отступающего или параллельно идущего русского войска и прежде всего он хотел, чтобы окончательный приговор судьбы был произнесен в пользу Карла в коренной России, в Смоленске или в Москве, или под Москвой. Потом (как он прямо и признавался другу Орлику) он, гетман богатой Украины, уцелевшей от фурии войны, как тогда выражались, напишет Петру «вежливое письмо» (так заявил сам Мазепа) с благодарностями за прошлое и с известием о расторжении связи с Россией. Это в случае победы Карла. А в случае поражения Карла в коренной России все-таки можно успеть переменить фронт и так или иначе помириться с царем. Но Мазепа боялся не только победы русских на Украине, но и победы шведов, потому что шведская победа *на Украине* будет не победой, а полупобедой, ничего не решающей. Поколение Мазепы пережило первую Нарву, но помнило и последовавшие за ней страшные удары русской руки в течение восьми лет, вытеснившие шведов из $^2/_3$ их прибалтийских владений, и Мазепа видел на примере, чем кончаются иногда отдельные тактические победы над русскими войсками, если за ними не следует стратегическое и политическое их использование, и как легко тут тоже полупобеда шведов может со временем превратиться в их полное поражение. Если русские

восемь лет отстаивают Ингерманландию, то сколько же лет они будут воевать из-за Украины?

Не о казаках тревожился гетман, а о том, чтобы поскорее поход Карла на юг стал походом на восток. Нельзя на Смоленск (оно бы лучше всего!), пусть швед идет на Белгород, на Харьков, но туда, к Москве, где и решится вопрос о том, в чей адрес придется старому гетману посылать «вежливое письмо»: побежденному Петру или тому пока неведомому ставленнику, которого Карл посадит в Кремле на царский престол.

Коронный гетман Синявский настойчиво просил («непрестанно») Мазепу о присылке ему 6 тыс. казаков. Времена стояли тревожные, дело было накануне шведского нашествия и должно было подкрепить поляков и литовцев, не примкнувших к Станиславу Лещинскому. Но Мазепа уже располагал свои действия, имея в виду предстоящую измену. Он вовсе не хотел тратить казачье войско преждевременно и притом на дело борьбы против шведов. Мазепа действовал так, что отряд не был тогда послан. «... он отозвался по указу вашему, что для нынешнего распутия и великой бескормицы трудно такое войско посылать в такую далекую сторону до Великой Польши и до Прус, как он, Синявский, желает, и притом он предполагает, что и посылать, де, их опасно, понеже де всем ведомо польское непостоянство» [30]. Так верный Мазепа мудро советовал Петру беречься чужого «непостоянства».

«А черкасы шведов по лесам зело много бьют»,— доносил Ф. Бартенев царю 12 октября 1708 г., когда шведы шли к Стародубу [31]. Это активное участие населения в борьбе против неприятеля отмечает и Петр в письме 6 октября к Ф. М. Апраксину, говоря, что из армии Левенгаупта едва ли одна тысяча беглецов дойдет к королю или даже вернется в Ригу.

И напрасно Карл соблазняет украинцев, подсылая свои воззвания: «Король стоит еще на границе черкаской и посылал с прелесными писмами. Но сей народ за помощию божиею зело твердо стоять и писма приносят, а сами бегут в городы и леса, а деревни все жгут» [32]. И снова, уже после отхода шведов от Стародуба, Петр подтверждает 24 октября, что все соблазны врага оказались тщетными: «...неприятель был у Стародуба и всяко трудился своею обыкновенною прелестию, но малороссийской народ так твердо с помощию божиею стоит, чево болше ненадобно от них требовать» [33].

По-видимому, из московских «начальных людей» впервые Головкину стал закрадываться в сердце червь сомнения. Както путать стал Мазепа. То он писал, что не может покинуть свои места (Белую Церковь), потому что в народе «шатость», то пояснял, когда его начинали настойчиво спрашивать, что под «шатостью» он разумеет только «гультяйство», не больше.

И все сообщал о своей «сущей болезни», мешающей ему идти в поход. «Будто по полкам малоросийского народу уже начинаютца немалые возмущения, и для того отговариваетца...» [34] — вот как стал уже выражаться о Мазепе Г. И. Головкин.

Но если Головкин что-либо и начинал подозревать, то он был едва ли не одинок в те критические дни. Ни царь, ни Меншиков, ни Шереметев ровно ничего не усмотрели подозрительного. Придя в Горск 20 октября, Меншиков сообщил царю, что «его милость господина гетмана Мазепу со дня на день я к себе ожидал, но вчерашнего дня вместо ево получил видеть господина Войнаровского», каковой Войнаровский передал письмо от Мазепы. А Мазепа сообщает, что последний его час наступает, и он уже собороваться собрался ехать в Борзну, где его ожидает архиерей. «И сия об нем ведомость зело меня опечалила: первое тем, что не получил его видеть, которой б зело мне был здесь нужен; другое, что жаль такова доброго человека, ежели от болезни его бог не облехчит» [35]. А «добрый человек», узнав о прибытии Меншикова, сообразил, что ни минуты больше терять нельзя, и помчался в шведский стан.

В конце октября 1708 г., не зная пока об измене Мазепы, Петр с восторгом извещал воевавшего в далекой Ингрии Ф. М. Апраксина, что малороссийский народ стойко борется. Между тем Петр знал, что шведы всячески соблазняли жителей Стародуба перейти на их сторону.

Петр уже вторично извещал Апраксина о неудаче шведской пропаганды. Уже после Лесной Петр знал, что партизаны уничтожают разбежавшихся с места боя неприятелей, «понеже и по лесам мужики зело бьют их», а Карл между тем еще только собирается войти на Украину.

Наблюдая все это, мог ли поверить Петр лживым наветам Мазепы, стремившегося уверить, будто в Стародубе народ ненадежен и волнуется? Петр разобрался, в чем дело: стародубовцы избивали подозреваемых в шпионстве и «кричали» на начальство, протестуя против «вывоза жен» (начальствующих лиц) из города, так как они говорили, что «без жен крепко сидеть не будут». Другими словами: они волновались под влиянием патриотических мотивов, а вовсе не потому, что собирались изменить России. Петр во всем этом разобрался: «да и гетман не все правду пишет». Он не знал, что пройдет всего несколько дней и ему скажут, что лжец, клевещущий на свой народ, сам перешел к шведскому королю.

Неодолимые обстоятельства заставили гетмана сбросить маску и сделать непоправимый шаг в октябре 1708 г., когда Шереметев и Головкин, действуя именем Петра, потребовали, чтобы он с вооруженными силами, бывшими под его началом, шел немедленно к Стародубу и присоединился к главной армии.

Мазепе приходилось очень изловчаться, ведя эту опаснейшую переписку с Головкиным. Нужно было одновременно как-то доказывать, что он не может прибыть в русский военный стан, так как без него могут вспыхнуть на Украине волнения, а, с другой стороны, следовало убедить подозрительного, но пока еще верящего ему московского вельможу, что все-таки больших волнений он не ждет, а потому посылать к нему на Гетманщину войска не нужно. Головкин учитывал эти явные противоречия и обращал на них внимание Петра. «По письмам гетмана господина Мазепы, в которых он писал, представляя многие опасности, есть ли он от Украины отдалится, и что будто по полкам малороссийского народу уже начинаютца немалые возмущения, с которого письма мы к вашему величеству напредь сего список послали. Посылали, государь, мы к нему с письмом Федора Протасьева и велели разговаривать и уведать подлинно от него, гетмана, о том, нет ли каких возмущений и шатости в народе малороссийском. Который (Протасьев — *Е. Т.*) сегодня к нам возвратился, и сказывает, что гетман зело болен». Мазепа счел необходимым прикинуться больным, чтобы во всяком случае избегнуть поездки в русский лагерь. Но приходилось очень увертываться от вопросов Протасьева: «А о шатостях малороссийского народа он, гетман, ему объявил, что только оные происходят от гультяйства, и то малые, а старшины все при нем верны, в том он не опасаетца». Не неволя уже «заболевшего» гетмана к личному участию, Головкин тогда решил все-таки заполучить немедленно и пробить навстречу шведам малороссийские войска, состоящие при гетмане: «И понеже он, гетман, писал к нам чрез письмо, желая дабы ради сущей его болезни от походу свободна учинить, того ради за благо рассудили мы послать к нему указ, чтоб ради слабости здоровия своего был при обозах, оставя при себе несколько войск по своему рассмотрению за Деспою, а легкое войско компанейцев и сердюков и протчих послать с наказным, и велел им стать между Стародубы и Черниговы и чинить под неприятеля партии» [36]. Эта конница предназначалась Головкиным для внезапных наездов и нападений на вступившую на Украину шведскую армию, уже повернувшую от Стародуба к Десне.

Следует заметить, что явное нежелание Мазепы исполнить повеление о походе к Стародубу все же не могло сразу возбудить подозрения в Шереметеве и Головкине. Они ведь знали, сколько раз менялись директивы, направляемые Мазепе. То 8 августа (1708 г.) Петр, сидя в Горках, по пути к Мстиславлю, пишет Мазепе: «понеже неприятель Днепр перешел и идет к Пропойску, того ради вам надлежит из Киева иттить в Украину свою (т. е. Гетманщину, на левый берег — *Е. Т.*)». То царь, спустя восемь дней, 16 августа из Мстиславля экстренно отме-

няет свое распоряжение, так как неприятель, выйдя из Могилева, остановился в шести милях от города и неизвестно, куда он пойдет: если на Украину, то Мазепе стоять между Киевом и Черниговом, а если на Смоленск, тогда Мазепе идти в Киев для обороны от возможного нападения поляков. То новыми двумя указами (из Улановичей, 6 сентября, и из Латры, 14 сентября) Петр приказывает Мазепе готовить все к дальнейшему походу из Белой Церкви против поляков («для надежды поляков»), то 20 сентября приказывает идти «с поспешением» на Украину (Левобережную) и оборонять ее вместе с Шереметевым. Мазепа прикидывался сбитым с толку этими противоречивыми указами, хотя, конечно, не мог не понимать, что Петр принужден был координировать и менять дислокацию своих сил в зависимости от внезапных перемен в планах Карла XII.

Еще за неделю с лишком до сражения при Лесной Петр получил от Мазепы через специального курьера извещение, что «малороссийский народ имеет некоторое опасение о том, что знатная часть войск малороссийских взята из Украины» на соединение с великороссийскими войсками и «в дальнем расстоянии обретаются из Украйны», так что, когда неприятель пойдет на Украину, то «боронити Украйны будет некому». Отвечая гетману, царь приказывает ему успокоить малороссийский народ, объяснив, что войска из Украины требуются сейчас для защиты границ великороссийских, которым угрожает неприятель, а если неприятель повернет к Украине, то на ее защиту будут посланы не только все малороссийские войска, но и «все наше войско главное великороссийское». При этом Петр прибавляет, что так как шведы уже «марш свой обратили к реке Соже» и стоят у Кричева, то уже и указано Шереметеву идти со всем войском на оборону Украины «с поспешением» [37]. Затем последовало распоряжение Шереметева и Головкина, прямо обращенное к Мазепе,— идти к Стародубу, уже занятому русским отрядом Инфланта (из главной армии Шереметева). Ни в каком случае не желал и уже не мог Мазепа исполнить это требование. Соединив свои войска с шереметевской главной армией и оказавшись собственной персоной в руках Шереметева, Мазепа должен был начисто отказаться от плана немедленного перехода к Карлу. Гетман находился в момент получения распоряжения Шереметева и Головкина на реке Десне. Отсюда, «из обозу», 6 октября он и направил графу Головкину свой лукавый ответ.

Он находит «многие трудности», мешающие исполнить царское (и шереметевское) повеление. И войска мало, так что даже не к одному, «а к двум Инфлянтом» присоединить его, то все-таки не хватит сил «в поле» противостоять шведам. Войска

его к тому же «все босые и голые» и ободрались. А главное — волнение в народе: «Трудность найбольшая в здешнем народе вельми опасная». Между народом непостоянным «внутренне начинает расширятися» смятение. «Гультяи и пьяницы» бродят «великими компаниями по корчмам и с ружьем». Мазепа напирает больше всего на грабительский характер движения: «вино насильно берут, бочки рубят и людей побивают», а в Лубнах арендатора и ктитора до смерти убили, производят погромы, и все это ширится и захватывает даже «смирнейшие полки», бьют сотников, и уже образовались значительные шайки «гультяев»: некий Перебийнос собрал 800, а другой (Молодец) собрал до тысячи. Мазепа, конечно, сгущает краски, чтобы Шереметев и Головкин позволили ему остаться на Десне (где он поджидал Карла XII). Он изображал дело так, что и вообще опасно вести малороссийское войско к Стародубу, потому что злокозненные грабящие все и всех «гультяи» могут даже учинить «чего, боже, сохрани» нечаянное нападение «на городы», где найдут «народ единомысленный». Все это сознательное преувеличение. Точно так же характерно голословное уверение Мазепы, будто уже и вся старшина, полковники и сотники, ропщут и говорят, что если Мазепа уйдет, то «гультяи» перережут их семьи и ограбят их. Конечно, все эти запугиванья бунтом «гультяев» имели тут такую же очевидную цель, как и чистейшая выдумка, которой заканчивается письмо, будто Станислав Лещинский «идет к Киеву». Значит, никак, мол, Мазепе с войском нельзя идти на соединение с главной армией. И в постскриптуме Мазепа еще прибавляет, что пришли известия из Гадяча, будто там тоже «гультяи и пьяницы» «учинили было нападение бунтовное на замок» и хотели убить поставленного Мазепой «господаря», «который там в целом полку Гадяцком вместо губернатора», но не убили. И хотели там разграбить мазепины «пожитки», но не разграбили. Вообще выходит, не то бунтовали, не то собирались бунтовать.

Все это путано, нарочито преувеличено, и цель, как сказано, вполне ясна: отделаться от похода к Стародубу.

Но имеем ли мы право сказать, что это письмо лишено значения в качестве показания о настроениях народа на Гетманщине накануне перехода Мазепы к шведам? Ни в коем случае. В этом документе правда все-таки сквозит и пробивается через толстый слой лжи: Мазепа не смеет обвинить этих «гультяев и пьяниц», этих погромщиков, взломщиков и буянов в том, что, по его же соображению, конечно, больше всего должно было бы встревожить царя, фельдмаршала и Головкина, т. е. в государственной измене, в сочувствии к вторгнувшемуся врагу [38]. Значит, этого не было. А если так, то против кого же шли скопом, целыми деревнями, целыми вооруженными пар-

тиями по 800, по 1000 человек эти загадочные «гультяи и пьяницы»? Ответ дает, не желая того, сам Мазепа: движение направлялось против старшины, против «господарей» — губернаторов, поставленных Мазепой, против «державцев», против вымогателей, насильников, крупных панов, эксплуататоров, возглавлявшихся самим вельможным паном гетманом. И вовсе не в «гульбе» и в «пьянстве», а в обострении под влиянием исключительных событий социального протеста было тут дело, в резком проявлении хронического антагонизма между эксплуатируемой массой и эксплуататорским классом. Такова единственная реальность, которую все же можно рассматривать и отличить в этом неискреннем, лживом, с дипломатической хитрецой и задними целями составлявшемся послании. В своем письме Мазепа приписывает буйство и пьянство не только посполитым крестьянам, но и ремесленникам («швецы и кравцы») городов. Весь этот люд и восстал вскоре против Мазепы и шведов.

Настроение народа в деревне и городе было предгрозовым, это были лишь симптомы и предвестники бури. Чтобы буря разразилась, понадобилась потрясающая весть, что Мазепа перешел к шведам и что неприятель явился в Гетманщину. Тогда народная война против иноземных захватчиков слилась с уже начинавшейся борьбой против старшины и угнетателей внутренних и проявилась во всей силе.

Отправив вышеупомянутое письмо, гетман получил новое напоминание от Головкина, настолько неприятное, что изменник написал в тот же день 6 октября второе письмо. «Изволишь ваша вельможность удивляться умедлению моему в маршу и что еще доселе не в случении пребываю з господином Инфлянтом генерал-маеором»,— пишет Мазепа, и дальше идут на нескольких страницах подробные доводы и оправдания, которые предназначены к тому, чтобы удовлетворительно объяснить Головкину загадочное поведение гетмана. Он, Мазепа, сначала был занят организацией обороны Правобережной Украины против возможного появления Станислава Лещинского, потом устраивал переправу на Десне и т. д. А теперь как же ему идти в Стародуб? Кто же будет «боронить» «бедных людей» от неприятеля: «Якая будет оборона, когда я в Стародубовском полку от сего краю удаленным буду?» и т. д. «От сего краю», т. е. от Батурина, где у него уже припасена артиллерия и заготовлен провиант для шведской армии. И снова с ударением Мазепа указывает на будто бы начинающуюся в народе смуту: «... и тут в Украине своеволи гултяйской и начинающемуся смятению бунтовщичему умножится надежда и дерзновение» [39].

Удар для русской национальной обороны был необычайно тяжелым. На первых порах могло показаться, что «отпадение

Украины» и является блестящим началом осуществления плана Карла XII о расчленении России и полном прекращении ее государственной самостоятельности и целостности.

Что же было причиной быстрого и полного провала всех планов изменника и всех надежд шведского короля? Почему с самых первых дней после появления Мазепы в лагере Карла XII шведский король убедился, что это не «могущественный князь Украины», не новый сильный союзник, далеко превосходящий своими средствами польского короля Станислава Лещинского, не новый вассал Швеции, гордо объявляющий войну русскому царю во имя поддержки политики своего нового сюзерена Карла, но что к нему опрометью прибежал искать спасения и защиты запутавшийся в своих интригах старик, который обманным путем привел с собой около двух тысяч казаков, причем с них не следует глаз спускать, потому что они того и гляди разбегутся?

Народная война на Украине погубила изменническое предприятие Мазепы с первого же момента.

Прибытие Мазепы к Карлу походило с самого начала не на посещение могущественного союзника, а на появление беглеца, прячущегося в королевской главной квартире от Меншикова, посланного арестовать его. И никакие церемонии приема, и никакие латинские приветственные речи, которыми обменялись 28 октября 1708 г. Карл XII и Мазепа, ничего тут замаскировать не могли.

В современной антисоветской литературе украинских эмигрантов договаривается мысль, которую по разным причинам не могла или не хотела договорить до ее логического конца историческая «школа Грушевского», и Мазепа возводится в ранг национального героя, будто бы стремившегося создать независимое украинское государство, а не феодальный лен шляхетской Польши, зависимой в свою очередь от шведского короля. Новейший автор этого типа, Микола Андрусайк, торжественно подносит Мазепе титул «отца современного украинского движения в пользу независимости» и всю его предшествующую долгую службу Петру рассматривает как тактический маневр с целью нанести Москве удар в благоприятный момент. Все это — без тени научной аргументации. Но как может Микола Андрусайк, бывший профессор украинской истории в Львовском университете, обнаруживать попутно такое поистине анекдотическое всестороннее невежество в своей специальности, как может он безграмотно писать, что разрушение Батурина предшествовало битве при Лесной, или что Карл XII расположил армию Левенгаупта в качестве своей главной армии в Белоруссии, или что Петр «форсированными маршами» помчался к Полтаве, «взял Полтаву в плен» и этим «создал сму-

щение и разногласия между украинцами и нейтрализовал часть казачьих сил». Как можно с бестрепетным челом подносить такой дикий, курьезнейший, шарлатанский вздор читающей публике, нося звание какого там ни на есть «профессора»,— это непостижимо. Этот «профессор» — типичный образчик того умственного уровня, до которого докатилось современное мазепинство.

Отмечаем работу Андрусайка в качестве типичной и по тенденции и по научному уровню для этого рода литературы.

Измена Мазепы назревала давно. Попытка Кочубея и Искры раскрыть Петру глаза на готовящуюся измену окончилась гибелью обоих лиц, сигнализировавших об опасности. Уже в апреле 1708 г. Кочубея и Искру ждали в Смоленске и знали, по какому делу они прибыли в Россию. Граф Головкин уведомил 23 мая 1708 г. царя, что он велел «держать» Кочубея и Искру в Смоленске. Сначала была мысль отправить их в Киев, где они были бы в руках русских военных властей. Этого больше всего боялся гетман, знавший, конечно, как много они расскажут в Киеве, где русские власти будут в самом деле заинтересованы выяснением дела. Поэтому Мазепа стал усиленно хлопотать о том, чтобы заполучить обоих врагов в свои руки. Он не переставал писать Головкину, который докладывал царю: «Он. гетман, пишет, государь, к нам многократно, прилежно прося о присылании оных к нему в войско, а не в Киеву». Для того чтобы поскорее добиться своей цели, Мазепа пустил в ход всегда действовавший на Петра прием. Он сообщил, что уже идет в народе смута: «рассеиваются многие плевелы», на гетмана клевещут, выдумывают, будто у царя «великий гнев» на гетмана, уже народ бьет гетманских служащих и кричит: «приедет де на вашу всех погибель Кочюбей», и всюду распространяются слухи, будто Кочубей «в великой милости» у царя и что Искра будет «города какого добывать, а когда де добудет, отпущен де будет на гетманство» [40]. Словом, Мазепа грозил смутой на Украине и мятежом, если ему не выдадут головой обоих доносителей. Прием удался изменнику вполне. Его настойчивые просьбы, о которых постоянно упоминает Головкин в своих письмах царю, увенчались успехом.

31 мая 1708 г. последовала записка в двух строках от царя к Мазепе, гласившая: «Чтоб он был известен о присылке к нему воров, Кочюбея (sic — *Е. Т.*) и Искры, и их казнить по их достоинству» [41].

Кочубей и Искра после страшных пыток были казнены 14 июля 1708 г. в обозе гетмана Мазепы в местечке Борщаговке (в 8 милях от Белой Церкви).

Ужасающая ошибка была царем совершена. Слишком много доносов на гетмана получал он долгий ряд лет, и все они

победоносно опровергались Мазепой. Очень ловко изменник внушил Головкину и Шафирову, а те — Петру, что Кочубей и Искра сами действуют как предатели, сеют умышленно смуту и рознь в народе, распуская слухи об измене гетмана и подстрекая этим украинский народ к неповиновению законным украинским властям.

Личные мотивы Мазепы подвергались неоднократно и под пером шведских и под пером некоторых украинских историков («школы Грушевского») «глубокомысленному» и сочувственному анализу, причем строились не имеющие под собой ни малейшего основания тончайшие и затейливые гипотезы. Гетман долго колебался и взвешивал и никак не мог решить окончательно вопроса, кто сильнее — Карл или Петр. Оттого он и говорит так часто Орлику и старшине то одно, то другое. Оттого и княгиня Дульская, через которую некоторое время велись переговоры об измене, то именовалась в устах Мазепы «проклятой бабой, которая беснуется», то ее «цидулки» прочитывались гетманом со все возрастающим вниманием.

Но в октябре 1708 г. колебания кончились, потому что вопрос об относительной силе обоих врагов был решен, наконец, Мазепой бесповоротно: «Бессильная и невоинственная московская рать, бегающая от непобедимых войск шведских, спасается только истреблением наших селений и захватыванием наших городов»,— писал гетман стародубскому полковнику Ивану Скоропадскому, соблазняя его на измену.

Письмо Мазепы было получено в Почепе фельдмаршалом Шереметевым, который 9 октября собрал военный совет («консилиум»). Вынесено было решение, которое показывает, что хотя Мазепе еще доверяли, но все-таки избавить его от обязанности немедленно идти со своим войском в Северскую Украину не желали. Военный совет предложил Мазепе «определить знатную и верную особу в наказные гетманы», т. е. назначить как бы заместителя на время своего отсутствия, причем этот наказный гетман обязан будет «для надежды малороссийскому народу» смотреть, «дабы в оном не произошли какие шатости от неприятеля какие факции», а в случае таких шатостей [42] «оныя пристойным образом усмирять». А кроме того, велено было князю Дм. Мих. Голицыну идти с частью пехотных полков «в малороссийский край и стать в Нежине» с артиллерией. Все это показывает, что донесению Мазепы о возможных волнениях в народе была придана полная вера, но все-таки главной своей цели Мазепа не достиг. Сам-то он принуждался все-таки ехать немедленно в Новгород-Северский, к русской армии, со всеми наиболее надежными своими силами. Мало того. На другой же день после военного «консилиума» Головкин пишет (10 октября) Мазепе большое письмо, в котором, повторяя содержание

решения военного совета, напоминает Мазепе о царском приказе ему идти непременно на соединение с русской армией: «Изволите потщитися по непременной своей к царскому величеству верности, на оборону малороссийского народу, в особливое ваше управление от бога и от его царского величества врученного, поспешить безотложно»[43]. Еще более выразительно звучали слова, что малороссийский здешний край и народ «зело сумневается, что от вашего сиятельства весьма оставлен в наступление неприятельское»[44].

Все это звучало довольно зловеще. Кольцо сжималось вокруг изменника. Терять времени не приходилось.

Следовало в спешном порядке выискивать новый предлог для откладывания движения на соединение с Шереметевым. Мазепа посылает из Салтыковой-Девицы, где он находился, 13 октября Протасьева с известием об одолевающей его будто бы болезни. Головкин поверил уведомлению о «скорби» гетмана, просит господа об «облегчении» этой «скорби», но настаивает на том, чтобы Мазепа приказал «легкому войску» идти к Стародубу и стать между Стародубом и Черниговом. В приложенной к этому письму Головкина (от 16 октября) «цидуле» граф извещает о скором прибытии в Стародуб князя Меншикова «со всей кавалерией»[45].

Тогда-то, узнав от бежавшего из главной квартиры Меншикова племянника своего Войнаровского, что князь Александр Данилович сам едет к нему точнее узнать о его «болезни», гетман «сорвался яко вихрь» и помчался в шведский лагерь.

4

Спора нет, что при твердой решимости России продолжать смертельную схватку с агрессором планы Карла XII были обречены на неудачу. Но ясно и то, что если бы украинский народ обнаружил хотя бы инертность и индифферентизм и занял позицию как бы наблюдателя, а не участника борьбы, то опасные последствия измены Мазепы не могли бы быть так быстро и бесповоротно ликвидированы, как это случилось.

А случилось это потому, что народная война, уже происходившая на Украине с первых же дней шведского нашествия, запылала ярким пламенем именно тогда, когда в украинском народе разнеслись первые слухи об измене, о том, что Мазепа отдает Украину ненавистным панам и что он продался им и их господину — шведскому королю.

Карл и Мазепа сначала мечтали о немедленном и безболезненном переходе Украины под их высокую руку. Потом они могли предаться мечтам поскромнее: они рассчитывали хоть на междоусобицу если не в Северской Украине, где великорусское

влияние было сильно, то хоть в других, центральных и порубежных казачьих полках Украины. Но и эти упования не сбылись.

Украина ответила изменникам и агрессорам не междоусобицей, которую они ждали и желали, а народной войной, направленной прямо против шведов и против мазепинцев.

Обратимся теперь к тому, как развивались события.

Замыслы Мазепы и той части казацкой старшины, которая за ним пошла, не сулили ни крестьянству, ни городскому мещанству, ни обывательской массе решительно никаких перспектив улучшения их экономического положения. Но они не давали также и особо заманчивых обещаний и старшине, этой богатой или просто зажиточной части казачества, откуда выходили полковники украинских полков и вербовались правящие кадры. Еще если бы явилась надежда на возникновение самостоятельного государства Украины, это могло бы привлечь их умы, но ведь Мазепа вовсе этого не сулил ни устно, ни в своих воззваниях, и речь, следовательно, шла лишь о замене верховенства московского царя верховенством польского короля. Но не было на свете власти еще более отталкивающей для украинского населения, чем власть польских панов. Мало того: польский король и сам был простой пешкой в руках шведов, так что Мазепа становился в случае удачи *вассалом вассала*, т. е. Украине предстояла участь быть одновременно близкой колонией для поляков и более далекой колонией Швеции. Мы не касаемся тут и других сторон проблемы, вековых традиций яростной борьбы Украины с поляками в XVI—XVII вв., совсем недавних воспоминаний об антипольском движении Палия в Правобережной Украине, религиозной вражды против насильственного окатоличения и т. д. Недаром Мазепа столько времени колебался перед решительным шагом.

При этих условиях на Украине не оказалось в наличии ни одного общественного класса, на который изменник мог бы вполне рассчитывать, никого и ничего, кроме довольно тонкой прослойки между членами старшины и ничтожного меньшинства казачества. Только далеко на юге, в низовьях Днепра, в Запорожской Сечи, Мазепа (или, точнее, кошевой Гордиенко) нашел ранней весной 1709 г. несколько тысяч сторонников, сбитых с толку ложными слухами о шведских успехах и обещаниями клевретов Мазепы предоставить запорожцам богатую поживу в городах Южной Украины, оставшихся верными России.

Больше всего подкосило всякие шансы изменника гетмана на успех именно то обстоятельство, которое он счел для себя наиболее благоприятным: вторжение Карла XII. Украинский народ после измены Мазепы стал относиться к шведам еще с большей ненавистью, чем до той поры. Шведское нашествие стало представляться уже не как набег лихих людей, который отли-

чается от привычных набегов, например крымских татар, тем, что шведы нагрянули с севера, а крымцы приходят с юга. Теперь война представилась совсем с иной стороны: выходило, что шведы пришли завоевать Украину затем, чтобы передать ее из рук в руки польским панам и ксендзам и что их доверенным лицом по части этой передачи является Мазепа. Народная война с этого момента приняла особенно ожесточенный характер.

При первых же шагах после вступления в Северскую Украину Карл XII натолкнулся на жестокий отпор. Городок Мглин оказал решительное сопротивление, и шведы, пытавшиеся войти в городок, были отброшены с уроном. Больше пятидесяти шведских трупов осталось у городских стен. Торопясь к Стародубу, шведы не упорствовали и пошли дальше. Население Мглина оказало активную помощь гарнизону: «А в городе сидят сотник млинской и с ним казаки сто человек того города и мужики из деревень» [46]. Король остановился в трех милях от Мглина, поджидая свой обоз. Но нападения на Мглин не повторил.

Уже на одиннадцатый день после того, как Лагеркрона двинулся из Старишей по направлению к Стародубу, начали поступать в русскую армию более или менее точные сведения о путях, которыми он идет. 26 сентября к генералу Инфланту привели захваченных четырех волохов и одного поляка. Пленные показали, что уже и сам Карл XII идет со всей армией вслед за своим авангардом и что вся шведская армия идет к Стародубу. Пленные сообщили также о неудаче шведов, посланных к городку Мглину «для уговариванья, чтоб того местечка жители провиянт и всякой фураж им давали, и потом уведомились, что войско наше пришло и они того часу поворотились назад к королю» [47].

Идя к Стародубу, Лагеркрона надеялся на то, что жители и гарнизон, если таковой там даже и окажется, впустят шведское войско в город без сопротивления.

Поэтому он обратился, еще на походе, к населению Стародуба с увещанием («прелестным письмом»), «чтоб жили в домех своих без опасения, никуда не выходили и мужики-б тако-ж, и чтоб были к ним для встречи ис Стародуба бурмистр и чтоб везли продавать хлеб». Но стародубцы остались тверды: «в народе застают крепко», «мужики все из деревень выбежали по лесам, також и в городы» [48]. Исполнилась и их «великая надежда»: в Стародуб вошел генерал-майор Инфлант с драгунами. Лагеркрона повернул прочь от города.

9 октября неприятельская кавалерия шла по стародубовскому тракту, но Шереметев не мог выяснить в точности, идет ли Карл прямо на Стародуб. Шереметев приказывал стародубовскому полковнику «посылать под неприятельские войска

шпигов» и просил у Меншикова, главноначальствующего всей кавалерией, чтобы он прислал кавалерийскую подмогу, потому что иначе ему, имея всего шесть конных полков, трудно разорвать кавалерийскую завесу, прикрывающую движение шведской армии [49]. Тут сказывалось вследствие отсутствия Петра неудобство установившегося двоевластия, при котором главным, вполне самостоятельным распорядителем действий кавалерии был Меншиков, а главнокомандующим всей пехотой являлся Шереметев. Петр, когда находился вблизи, умел прекрасно объединять все военные действия своей верховной безапелляционной властью.

Но вот шведы прошли мимо Стародуба, не решившись на него напасть, и идут дальше в южном направлении. Сначала думали, что они, естественно, идут прямо к Новгороду-Северскому, однако уже 21 октября выяснилось, что они, будучи всего в двух милях от этого города, имели столкновение с генералом Инфлантом на речке Колосовке, после чего Инфлант отступил к Новгороду-Северскому и соединился с Шереметевым, а шведы за ним не пошли и вдруг повернули к Десне. При этом шел неприятель «днем и ночью на-спех» [50]. Как догадывались в русской армии, целью шведов отныне стал Чернигов. Но это было ошибочно: непосредственной целью шведского командования была гетманская столица Батурин.

22 и 23 октября три дивизии русской армии перешли через реку Десну, но на всякий случай Шереметев оставил и на «стародубской стороне Десны» (как он выражается) дивизию Инфланта, придав ей еще некоторые силы для наблюдения над неприятелем в его движении от Стародуба (оставшегося в русских руках) до Десны. А, помимо чисто стратегических задач, были и еще серьезные мотивы, заставлявшие Шереметева перебросить крупные силы в глубь плодородной Гетманщины. Главнокомандующий, когда писал 23 октября свое письмо Меншикову, еще не знал, что в это самое время гетман уже помчался в шведский стан. Но Шереметев учуял нечто подозрительное. Он находит, что нельзя «допустить войско шведское в расширение и в довольство», т. е. в богатый край, но прежде всего должно следить за смутой, которую сеют шведские прокламации: «паче же смотреть факцыи в малороссийском народе, понеже уже универсалы шведские являютца».

Измена Мазепы поразила Петра полной неожиданностью. Редко к кому Петр питал такое безграничное доверие, как к старому гетману. Хотя не проходило, кажется, ни одного года в долгом гетманстве Мазепы, когда царь не получал бы доносов на него, но Мазепа всегда с полнейшим успехом и убедительностью оправдывался, и Петр спешил удостоверить своего любимца в непоколебимой своей милости.

С тем большей энергией и готовностью на самые решительные меры начал Петр немедленно предпринимать действия для ликвидации ближайших последствий измены гетмана. Прежде всего необходимо было считаться с тем, что Карл XII повернул от стародубской дороги к Десне и стремится к югу.

Казалось бы, у Карла XII должны были бы возникнуть весьма значительные сомнения относительно достоверности сведений и доброкачественности советов, исходивших от Мазепы, но он поддался на уговоры гетмана в один из самых решающих моментов этой войны, хотя гетман уже успел жестоко его обмануть, не приведя к нему обещанной большой рати.

Дело в том, что шведы с самого начала не весьма разобрались в истинных мотивах, которыми руководствовался Мазепа. Им представлялось, что он — представитель союзной отныне Украины, которая сделает от себя все зависящее, чтобы стать обильной и прочной продовольственной базой для дальнейшего похода на Москву. Поэтому и шведы и украинцы заинтересованы прежде всего в том, чтобы Карл поскорее шел от Пануровки прямым путем на Сейм, где находилась столица гетмана, богато снабженный город Батурин, и на Десну, чуть западнее Батурина, в город Макошин, прикрывающий Батурин. Эти два места должны были стать опорными пунктами для распространения шведской армии к югу, по Украине, где и можно было бы, спокойно проведя наступавшую зиму, весной двинуться через Полтаву и Харьков на Москву.

Но Мазепа вовсе не желал, чтобы его новые союзники шведы шли к его Батурину и зимовали бы на Украине. Мазепа был хитер, но никакой настоящей широты политического кругозора у него не было. Он полагал, что хорошо бы Карла с его шведами отправить поскорее на восток, в Московскую землю. Он боялся, как и всегда, не за Украину, а за себя, и понимал, что Украина будет сначала опустошена русскими, которые, не пожалев своей Смоленщины, не пощадят и подавно Украины и выжгут и разорят все, отступая от шведов. А вслед за ними наступающие шведы приберут к рукам и истребят для собственного прокормления все, что останется после русских.

Карл не разобрал своекорыстных побуждений Мазепы, когда тот убеждал его идти не к Макошину и не к Батурину, а взять Новгород-Северский и идти дальше к востоку. Карла всегда легко было соблазнить, ставя перед ним цели, географически приближающие его к Москве. Но и он и Мазепа жестоко ошиблись. Во-первых, оказалось, что Новгород-Северский, куда прибыл 27 октября царь, укреплен, и местечко Погребки, куда царь переехал из Новгорода-Северского, тоже укреплено. Карл не решился напасть на эти укрепления, чтобы не тратить людей, пороха и снарядов: он любил обходить крепости и не задержи-

вать стремительного движения вперед. Но тут и особой стремительности развить было нельзя: идти по опустошенной дороге, без базы, зиме навстречу было немыслимо. Потеряв даром несколько дней из-за этого неудачного и вредного совета Мазепы, король пошел к югу правым берегом Десны, направляясь, как и хотел раньше, к Батурину. Но дорога была не близкая, нужно было еще и Десну переходить на левый берег. И не такой у него был противник, который пропустил бы случай воспользоваться этой ошибкой Карла XII, потерявшего несколько драгоценных дней: участь Батурина была решена. Расплата с предателями началась с гетманской столицы.

Еще 21 октября Волконский, со слов приведенного казаками стародубского жителя Павла Черняка, уведомлял Меншикова, что Карл XII находится в Папуровке, т. е. в полпути между Стародубом, мимо которого шведы прошли, будучи не в силах его взять, и Новгородом-Северским, на который они намеревались напасть. Волконский по приказу Меншикова обследовал пути, по которым двигалась шведская армия. Но не сразу могло установить русское командование, что Карл признал неисполнимым также прямое нападение на Новгород-Северский и что он повернет к Десне и к Батурину[51].

Приходилось спешить: Карлу XII удалось очень искусно организовать и удачно осуществить крайне трудный переход всей шведской армии с боем через Десну.

Жестоко подвел Петра Александр Гордон, один из многих приглашенных иноземцев, которые изменять не изменяли, но особенно усердствовать и рисковать собой отнюдь не были склонны. Даже и далекие от злого умысла (а были и такие и в немалом количестве) наемники оставались наемниками, и Россия была для них страной, где дают чины и платят жалованье, но и только. Генерал-майор Гордон должен был сделать все возможное, чтобы любой ценой воспрепятствовать переходу Карла через Десну или хоть задержать его. Но Гордон отошел. «Нерадением генерал-майора Гордона шведы перешли сюда»,— писал Петр Меншикову. Конечно, Гордон прислал потом реляцию, в которой утверждал, что «хотя наши крепко стояли» и «трижды сбивали» неприятеля, но дальше держаться будто бы было невозможно. Во всяком случае выручили (отчасти) другие командиры, а не Гордон.

Уведомляя об этом несчастье Меншикова, Петр очень хорошо понимал, в какое отчаянное положение попал именно Меншиков, который спешит к Батурину, а шведы теперь могут прийти туда раньше и, вконец разгромив Меншикова, засесть в богатой столице Гетманщины. «Того для извольте быть опасны!» Карл перешел через Десну в шести милях от Батурина. Но Меншиков опередил.

В это время, т. е. в конце октября 1708 г., у Карла были еще и артиллерия, и порох, когда он двинулся к Десне и у селения Мезина с боем перешел на левый берег Десны, переправя свою армию на паромах. Несколько хорошо снабженных батарей (28 орудий) и прикрывали эту переправу. Карл уже знал от Мазепы, что в Батурине он найдет не только колоссальные запасы продовольствия, но и огромную артиллерию, по некоторым сведениям, очевидно, сильно преувеличенным, до 300 орудий, по другим — до 70—80 мортир и тяжелых пушек. Значит, шведам в этой надежде можно было не жалеть пороха и орудий при переправе. Свезенная в Батурин заблаговременно Мазепой артиллерия была во всяком случае более многочисленной, чем та, которая оставалась в руках шведского короля после потери под Лесной обоза Левенгаупта. Шведы спешили к Батурину и, форсировав переправу через Десну, убеждены были, что если они задержались у переправы, то и русские, бывшие под начальством Гордона, тоже задержаны этой шведской операцией. Однако они очень скоро узнали о страшном ударе, их постигшем: русские оказались несравненно оперативнее, чем Карл о них думал. Меншиков, отрядив Гордона к Десне, сам двинулся не к Десне, а к Сейму, именно затем, чтобы, опередив шведов, захватить все запасы в Батурине и дотла уничтожить столицу изменника.

С большим опозданием, только 4 ноября, Шереметев, будучи в Воронеже, узнал, что шведы уже переправили всю свою армию через Десну между Мезовом и Псаревкой. Никаких наступательных действий с русской стороны не предполагалось, и все ближайшие распоряжения Шереметева были направлены к тому, чтобы, отступая, «закрыть пехоту» от неприятеля кавалерийской завесой. Инфланту и Флюгу посланы были соответствующие распоряжения. Драгунские полки должны были «смотреть на неприятельские обороты». Обо всем этом Шереметев сообщил и не подчиненному ему князю Меншикову [52].

В своем рассказе о разорении Батурина Георгий Конисский утверждает, якобы Меншиков вывез оттуда (из арсенала) 315 пушек. Это повторяют и позднейшие историки Батурина [53].

Немудрено, что Петр так беспокоился в эти тяжкие дни, после 28 октября, когда он в Погребном (Погребках) получил поразившее его, как громом, абсолютно нежданное известие об измене Мазепы, вплоть до 2 ноября, когда Меншиков сообщил ему, что он овладел Батурином. Громадная батуринская артиллерия явилась бы серьезнейшим приращением шведской военной силы.

Но уже вечером 2 ноября 1708 г. Петр получил от Меншикова «зело радостное писание» о взятии и полном разгроме и сожжении Батурина и о колоссальной добыче, доставшейся

русским. Прежде всего, конечно, царь озаботился, чтобы «такую великую артилерию», захваченную в Батурине, переправить поскорее в Глухов. Царь повторно указывал Меншикову на опасность, как бы шведы, уже перешедшие через Десну и спешившие к Батурину, не помешали вывозу «такой великой артилерии» [54]. Опасения Петра были напрасны. Меншикову удалось вывезти все, что не сгорело в Батурине при его полном разгроме. Шведы опоздали, и Батурин стал в истории нашествия Карла XII одним из последовательных этапов на роковом пути его армии к полной гибели.

Многое способствовало этой неудаче шведов, потерявших такие богатые возможности в Батурине. И при более внимательном анализе мы должны будем прийти к заключению, что одной из причин была народная война, повелительно вторгавшаяся во все расчеты шведского командования.

Почему опоздали шведы к спасению Батурина? Потому что они вплоть до 21 октября 1708 г., когда эмиссар Мазепы шляхтич Быстрицкий явился к Карлу XII в Пануровку с письмом от гетмана, вовсе не знали, исполнит ли или не исполнит Мазепа свои давние обещания. А почти ежедневно в ставку короля приходили весьма недвусмысленные известия: там крестьяне зарубили отделившийся от главных сил шведский отряд, тут перехватили и уничтожили пикет, там черкасы (т. е. северские украинцы) ушли из своих деревень, спрятав куда-то или утащив с собой все запасы. Как-то непохожа была в сентябре и октябре 1708 г. Украина на страну, готовую по сигналу Мазепы перейти вдруг на сторону шведов. А если так, то шведам казалось нужным непременно устроиться на зимние месяцы в Стародубе и Новгороде-Северском, исправив неудачу генерала Лагеркроны. И Карл идет из Костеничей к Стародубу, к Новгороду-Северскому, но взять их не может, и круто поворачивает от Новгорода-Северского на юго-запад к Десне, потеряв на этой оказавшейся решительно бесполезной и неудачнейшей прогулке много драгоценных дней. Здесь, в Пануровке, он узнает, что все-таки Мазепа сдержал свое слово, и 28 октября уже не в Пануровку, куда приезжал Быстрицкий, а в село Горки является сам Мазепа с 2 тыс. казаков (остальные разбежались) к королю с верноподданническими уверениями. Но шведы были неправы, укоряя Мазепу в опоздании. Та же народная война, то же все более обозначавшееся решительное нежелание украинского, как сельского, так и городского, населения изменить России, т. е. именно те явления, которые заставили генерал-квартирмейстера Карла XII Гилленкрока тщетно стремиться прочно и безопасно устроить армию в Стародубе и Новгороде-Северском на зиму, не позволили Мазепе действовать более решительно и открыто перейти на сторону шведов не в конце, а в начале октября. Но

мог он этого сделать, потому что знал, до какой степени немыслимо будет с успехом выдержать неизбежную осаду Батурина русскими войсками при помощи только своих, мазепинских, украинских сил. Будто мог он хоть три дня держаться против русских без шведской помощи! Он-то ведь еще яснее видел, что если у него есть какая-либо реальная сила, то она не в горсти его сторонников, а в шведском лагере, и, пока шведская армия описывала этот громадный, столько драгоценных дней поглотивший, оказавшийся совсем неудачным и ненужным зигзаг от Костеничей на восток к Новгороду-Северскому, а от Новгорода-Северского в обратном направлении к Папуровке, Мазепа должен был ждать и никак не мог начинать действовать, потому что твердо знал, что единственное для него и его сторонников безопасное место будет не в Батурине, а в свите короля Карла XII, и это соображение было подтверждено, когда он увидел, как быстро тает от дезертирства казачий отряд, который он вел к шведскому королю.

Итак, вовсе не случайным было опоздание шведов и мазепинцев к Батурину, так много и так непоправимо утерявших эти первые два ноябрьских дня 1708 г. Столица изменника, богатая, снабженная обильнейшими боевыми припасами, оказалась одиноким островом в море народной вражды. На зиму глядя, шведская армия совсем для себя неожиданно осталась без обещанного обильно снабженного пристанища, без полных доверху складов продовольствия и боеприпасов, без погребов прекрасного русского пороха, без многих десятков, если и не сотен, исправных пушек. Если мы вспомним, что впоследствии, в день Полтавы, в бою у шведов действовали лишь *четыре* пушки (из тридцати двух еще у них тогда бывших) именно вследствие отсутствия пороха, то мы поймем, чем оказалась в конечном счете для шведской армии потеря Батурина.

Первая реляция, полученная в шведском штабе спустя несколько дней после прибытия Мазепы, сообщала о полном разгроме и сожжении Батурина.

Мазепа не скрыл своего отчаяния от Орлика. «А когда переправившиеся Мазепа с войском шведским через Десну получил первую ведомость о взятию и спалению Батурина, жалосным был, и сказал тые слова: злые и нечастливые, наши початки! Знатно, что бог не благословит моего намерения, а я тем же богом засвидетельствуюся, что не желалем и не хотелем (*sic* — *Е. Т.*) христианского кровопролития...», и дальше Мазепа говорил Орлику о том, будто он хотел из Батурина писать царю, благодарить за прошлое («за протекцию»), хотел заявить, что украинцы, «как свободный народ», переходят «под протекцию короля шведского» и т. д. и т. п. И тут впервые определенно высказал, что Украина не пойдет, вероятно, за ним: «уже теперь

в нынешнем нашем нещастливом состоянии все дела иначе пойдут, и Украина, Батурином устрашенная, боятися будет едно с нами держать».

Из свидетельства Орлика (а ему не было в данном случае причины лгать) мы видим, как мало был уверен Мазепа в том, что украинский народ пойдет за ним, как он терзался сомнениями в успехе, еще только пускаясь в эту опаснейшую авантюру. Его погубило преувеличенное мнение о военных силах шведского короля.

Но если он был разочарован на самых первых порах тем, что шведы не успели спасти Батурин, то и шведы не могли не видеть, что Мазепа и в своих латинских письмах и в своих устных латинских приветствиях наговорил и наобещал гораздо больше, чем дал на самом деле. Гетманская столица Батурин была взята совсем небольшим отрядом Меншикова, не испытавшим в сущности сколько-нибудь серьезного сопротивления. Деревни и города враждебны, люди убегают, исподтишка нападают, не дают ничего даже за деньги, прячут или жгут припасы. Кто же собственно этот «старик с польскими длинными усами» (как его обозначают шведы)? «Государь Украины», «потентат запорожцев», новый могущественный вассал и союзник или беглец, ищущий с маленькой кучкой спутников пристанища? Обе стороны имели основание быть разочарованными. Таково было начало. Продолжение оказалось несравненно хуже.

И все это «разорение» Батурина произошло, когда в нескольких переходах от места действия уже была на походе вся шведская армия и гетман Мазепа со своими казаками. Нельзя было себе представить более яркой и убедительной демонстрации слабости, даже полного бессилия мазепинского движения. Не было объяснением то обстоятельство, что Батурин был плохо укреплен. А какие города на Украине, да еще в начале шведского вторжения, были сколько-нибудь хорошо укреплены? Ведь очень характерно свидетельство Адлерфельда, что во всей этой стране были такие же плохие укрепления, как в Батурине, и что «самая сильная здешняя крепость в других странах могла бы сойти самое большое за малый домик (une bicoque)» [55]. А ведь оруженосцу Карла XII, прославляющему на каждой странице своего героя, очень не хотелось признать, что ни Стародуба, ни Новгорода-Северского, ни Полтавы (долгую безуспешную осаду которой он еще видел) шведам так и не удалось взять, а ничтожный, будто бы совсем почти неукрепленный Веприк им стоил, как увидим, тяжких людских потерь. Ему хотелось бы, напротив, скрыть, что даже таких жалких укреплений на Украине шведы не могли взять, те самые шведы, которые победителями входили в Варшаву, Краков, Лейпциг, Дрезден, перед которыми трепетал Копенгаген, перед которыми унижалась Вена. Если Батурин

сдался без боя при таких благоприятных для него условиях, значит Украина за Мазепой не идет, и те, кто будто бы стоит на его стороне, на самом деле толком не знают, чего от них хочет пан гетман и к чему он затеял переход на сторону вторгшегося врага.

«Батурин достали *не со многим уроном людей*»,— отмечает в своем «Журнале» Петр, и он не удостаивает даже говорить о *штурме*, потому что сопротивление было очень уж слабым. Ни малейшего признака сопротивления царским войскам со стороны несчастного, обманутого населения не было, да немного его оказалось и со стороны единомышленников «первых воров полковника Чечеля и генерального есаула Кенигсена» (по ошибке вместо Кенигсека).

Допрошенный спустя несколько дней после взятия Батурина Меншиковым сотник Корней Савин рассказал, как «король и Мазепа пришли к Батурину и стали над Сеймом и ночевали по разным хатам. И Мазепа, видя, что Батурин разорен, зело плакал». Но вместе с тем сокрушающийся изменник тут же приказал, чтобы сотники (какие случились, очевидно, спасшиеся при разгроме Батурина) «со всем борошнем в готовности (sic — *Е. Т.*) к походу к Москве были по празднике Рождества Христова» [56].

После гибели Батурина шведская армия оказалась в чужой стране, окруженная ничего ей не доставляющим населением, ищущая, где бы укрыться па зиму, и не имеющая почти никакой возможности брать города ни штурмом, ни активной осадой.

Слабы и плохи были наскоро создаваемые укрепления большинства украинских городов, но и шведская артиллерия к концу похода становилась все хуже и слабее. Мало было пороху у гарнизонов этих городов, но у шведов пороху было еще меньше.

Князь Борис Куракин, возвращаясь из-за границы, попал в армию Шереметева как раз накануне раскрытия измены Мазепы. Будучи в Погребках, он одновременно с Петром узнал об этой тревожной новости. Петр послал Куракина в Глухов для участия в организации выборов нового гетмана, и он был свидетелем восстания народа против мазепинцев: «Во всех местах малороссийских и селах были бунты и бургомистров и других старшин побивали» [57].

От обгорелых развалин Батурина шведы пошли в Ромны в начинавшуюся уже лютую зиму того года. Шли они полуголодные в своих потертых мундирах и шинелях из некогда награбленного в Саксонии сукна. Порох очень экономили, и все больше приходилось пускать в ход холодное оружие. А казачьи отряды, наблюдавшие в отдалении за идущими колоннами, уже так осмелели, что в самом центре шведской армии, «прокравшись между двумя колоннами», как пишет Адлерфельд,

убили генерал-адъютанта короля Линрота и несколько человек его свиты и умчались безнаказанно.

Еще в первый период наступления, до начала ноябрьской стужи, положение в шведской армии было не весьма утешительное. «Взятой шведкой полоняник», захваченный 21 октября (1708 г.), показал о крупной части (два полка конницы и три полка пехоты), что в тех полках осталось 40 или 50 человек на роту, половина нормального состава: «а больных в тех полках многое число, на возу по четыре и по пяти человек везут, а подвод нет, весть не на чем. А провианту хлеба никакова нет, мелют и горох варят, тем кормятца» [58].

5

В эти очень неспокойные дни быстро множились, однако, благоприятные признаки, указывавшие на беспочвенность и обреченность изменнического предприятия Мазепы. Не успел Петр порадоваться успеху Меншикова в разгроме Батурина и, главное, в необычайной легкости, с которой удалось уничтожить это изменническое гнездо, едва только после глуховской церемонии анафематствования Мазепы царь прибыл в Ржевку, как ему сообщили и другую многознаменательную новость: «черкасы мужики в некотором местечке, при Десне стоящем, с полтараста человек шведов порубили и в полон взяли». Этот крупный факт активного украинского народного сопротивления шведскому агрессору был, конечно, особенно отраден и показателен в первые буквально дни после открытия измены Мазепы [59].

Выборы нового гетмана в Глухове прошли совершенно спокойно. Повторилась обычная картина вступления русских войск в город: «Гарнизон как наш сюда вступил, то вся чернь зело обрадовалась, токмо не гораздо приятен их приход был старшине здешней, а наипаче всех здешнему сотнику, который поехал к господину фелтмаршалу Шереметеву купно с Четвертинским князем. И сказывают многие здешние жители, что он весьма мазепиной партии... и про Четвертинского сказывают, что тех же людей»,— пишет Петру Яков Брюс 31 октября 1708 г. [60]

Народная война и появление партизанских отрядов были тем опаснее для шведов, что им приходилось разбрасывать свои очень уменьшившиеся силы по большому пространству.

В конце ноября 1708 г. в Москве были получены сведения, что у Карла налицо 26½ тыс. человек, потому что Левенгаупту удалось в свое время спасти от разгрома под Лесной меньше, чем сначала сообщалось, а именно, будто всего 3 тыс. человек (это было неверно, спаслось 6700 человек). Эта армия была разбросана на зимних квартирах между Батурином и Нежином. Но каковы были эти «квартиры» после того, как местность

вокруг Батурина была почти так же опустошена, как и сам сожженный Батурин,— этого мы в точности не знаем. В Нежине шведов не было, главная их квартира в это время была в Ромнах. По сведениям английского посла, эта зазимовавшая на Украине шведская армия очень нуждалась не в провианте, но в артиллерийских снарядах и в боевых припасах вообще. Витворт уже знал, что шведы очень рассчитывали на артиллерию и боеприпасы, собранные Мазепой в Батурине, и знал также, что все это добро попало в руки русских войск[61].

Народная ненависть сначала в Белоруссии, потом в Северской Украине, потом в Гетманщине, потом в Слободской Украине лишила шведов материальной базы (и до такой степени, что доводила местами и временами шведских солдат до голодной смерти). Она выставила против агрессора невидимых, внезапно появляющихся и внезапно исчезающих бойцов, которых в случае плена ждала смерть с предварительными пытками, но которые этим все-таки устрашались мало. Гарнизоны укрепленных пунктов получали огромную поддержку со стороны населения, принимавшего деятельное участие в обороне. Борцы народной войны истребляли шведов, которые по какой-либо своей оплошности попадали в засады, против них сооружаемые крестьянами. Наконец, никогда бы официальная военная разведка Шереметева, Меншикова, Боура, Репнина, Скоропадского не могла доставлять так исправно, так часто и так точно сведения о всех передвижениях врага, как это делало дружно население тех мест, через которые проходило шведское войско и где оно располагалось хотя бы на короткий срок. О таких сравнительно более долговременных стоянках, как, например, Ромны, или Гадяч, или Будищи, нечего и говорить. Колоссальную, незаменимую политическую роль, в частности, сыграла народная война украинского населения в роковые октябрьские и ноябрьские дни мазепинской измены. Последствия этой измены были ликвидированы именно народным сопротивлением, которое в Левобережной Украине сделало столицу изменника Батурин как бы одиноким островком среди моря народной ненависти, лишило изменников всякой поддержки и осудило на полную гибель. И разве только уничтожение этого изменнического гнезда ликвидировало измену Мазепы? Батурин был лишь одной, правда, очень крупной и яркой, иллюстрацией общего положения.

Ко всему сказанному должно прибавить еще одно. Когда Карл XII обретался в феврале и марте 1708 г. в Сморгони и в Радашкевичах, то ведь одним из тех предположений, которые окончательно заставили короля решиться идти прямо в Москву, была мысль, что когда шведский король будет совершать свой достославный поход на Смоленск — Можайск — Москву, то в подмогу ему произойдет вторжение союзной польской армии по

линии Днепр — Киев — Чернигов — Белгород — Курск. И ведь на этой линии была также непосредственная заманчивая цель: Белая Церковь, т. е. другая столица Мазепы, так же богато снабженная, как был снабжен Батурин. Что же сделало абсолютно невозможным даже начать это движение из Польши на Правобережную, а оттуда на Левобережную Украину? Не только присутствие небольших сил Д. М. Голицына, но опять-таки народное раздражение и негодование, которыми в Правобережной Украине готовились встретить польское вторжение. Не забыта была и та ярость, с которой Палий, народный вождь правобережных украинцев, столько лет воевал против польской шляхты. Сдача без попытки сопротивления укрепленной, великолепно снабженной провиантом и боеприпасами Белой Церкви генералу Д. М. Голицыну наглядно показала полнейший, безнадежный провал мазепинско-шведского дела в Правобережной Украине. Всякая мысль о походе на помощь Карлу, которая сидела в скорбной голове Станислава Лещинского должна была быть после этого оставлена. Мало того. Все поведение населения Правобережной Украины говорило о том, что поляков в случае их вторжения ждет такая яростная всеобщая, истинно народная война, которая даже превзойдет своими размерами и озлобленностью ту упорную борьбу, которую встретили шведы на Левобережной Украине. Традиции совсем недавней палиивщины были живы, и даже не требовалось встреченного ликованием на всей Украине известия о том, что Палий возвращен из ссылки и едет с Енисея к себе на Киевщину, чтобы еще более подогреть все эти стародавние чувства классовой вражды к польской шляхте, осложненные к тому же национальной и религиозной рознью.

Судя по всему, в случае окончательной шведской победы Украина становилась в вассальные отношения не непосредственно к Швеции, но к Польше. Как и в других случаях, крайне трудно уловить в точности намерения Карла XII. Конечно, в интересах Мазепы было стать вассалом Карла XII, а не польского короля Станислава Лещинского. Но слишком ничтожной была помощь, которую он оказал Карлу XII, и слишком важно было для Карла укрепить авторитет в Польше посаженного им на польский престол подставного, «соломенного» короля. И, очевидно, на походе именно Мазепе король шведский приказал писать письмо Станиславу Лещинскому с просьбой спешить к шведам, чтобы не опоздать к окончательной развязке, к генеральному бою.

Но Карлу и Мазепе не повезло: посланный к Станиславу с письмом Мазепы тайный лазутчик был по дороге перехвачен русскими в начале января 1709 г. и привезен в Киев, откуда Голицын и послал об этом Меншикову в русский лагерь «приятнейшее писание» о поимке «шпига (sic — *Е. Т.*) и с копиею с

писма мазепина, к Лещинскому, писанного», и с результатами допроса («роспросными речьми пойманого шпига») [62].

В этом (перехваченном и поэтому дошедшем до нас) письме Мазепы к Станиславу Лещинскому гетман поминает прежде всего, что это уже второе письмо: «Już to powtorny list». Письмо написано по-польски в перемежку с латинскими вставками, так как Мазепа любил щеголять знанием латинской грамоты. Ссылаясь на это первое свое письмо, гетман пишет о «выражении своего подданического подчинения» королю Станиславу [63]. Письмо писано из Ромен 5 декабря 1708 г. Изменник говорит, что от имени всей Украины (caley Ukrainy voto) просит польского короля «при таком смутном положении вещей (in hoc turbido rerum statu) двинуть победоносной рукой» для защиты украинцев. По-видимому, в самом деле Карл XII уже успел убедиться в том, что особой пользы переход Мазепы на его сторону шведскому походу не принес и что край остался верен России. А поэтому главную пользу, которую король мог еще извлечь из измены гетмана, он уже стал усматривать в том, чтобы Мазепа приманил к участию в войне Речь Посполитую. Но этого можно было достигнуть, пообещав присоединение Украины к Польше. Нет никакого сомнения в том, что и Мазепе было гораздо выгоднее объявить себя вассалом Швеции, а вовсе не ненавистной украинцам Польши, и Карлу XII тоже не было расчета отдавать полякам богатую Украину, завоевываемую с такими страшными трудностями шведской кровью. Но слишком уж было желательно получить поскорее подкрепление с запада. И Мазепа должен был из Ромен прельщать Станислава Лещинского надеждой на присоединение утерянной Левобережной Украины. Оригинально, заметим к слову, выражает эту мысль о новой функции гетмана Феофан Прокопович: «Того ради Мазепа (которого была должность по егож с поляками договорам польских сил просити) писал в те дни к Лещинскому...» [64] Но эта «должность» гетмана также ничего нужного шведам не дала. Лещинский не пришел и не мог прийти. Не те были времена, чтобы Речь Посполитая могла мечтать о завоевательных войнах.

Перехваченное письмо Мазепы к Станиславу Лещинскому, помеченное из Ромен 5 декабря 1708 г., распространялось по Украине в польском и русском списках. Распространяло его само русское правительство, зная хорошо, что ничем нельзя было так безнадежно подорвать авторитет изменившего гетмана, как разоблачением его намерения отдать Украину именно Польше. Мазепа просит «смиренно» и «общим всея Украины согласным позволением», чтобы польский король взял Украину под свою высокую руку. При этом, как истый польский шляхтич, каковым Мазепа явно всегда себя чувствовал, изменник называет Украину достоянием отцов и дедов польских королей («дедизной» их)

и пишет: «ожидаем пришествия вашей королевской милости, яко заступника нашего», чтобы «соединенным оружием и единомыслием неприятельскую московскую силу во способное победити время» [65].

Следует заметить, что переводов с польского письма Мазепы было несколько, и они изобилуют разночтениями и пропусками. Например, в только что цитированном списке нет некоторых слов, которые находим в другом. Ожидая «щасливого и скорого прибытия» польского короля, Мазепа поясняет, почему ему так не терпится: «А наипаче ныне, когда начала Москва грамотами своими простой бунтовать народ и гражданскую сочинять войну, и хотя оной еще никакого не имеем виду, однако ж и те искры утленные в пепле надобно б временно (вовремя — *Е. Т.*) гасить, чтоб из оных к публичному вреду какой не произошел огонь». Мы видим, что Мазепа удостоверился в полном провале именно среди «простого народа» и что этот «простой народ» если и взбунтуется, то не против России, а против Мазепы, Карла и Станислава. И чтобы не очень испугать Станислава и не отпугнуть его этим «бунтом простого народа», Мазепа успокаивает короля тем, что еще пока все-таки этого бунта не видать [66]. Самое характерное это то, что подобные списки письма Мазепы правительство Петра широко распространяло именно в «простом народе».

Тут очень кстати будет заметить, что отсутствие сколько-нибудь серьезной поддержки и популярности Мазепы на Украине сказывалось, между прочим, и в том, что мазепинские эмиссары постоянно попадали в руки властей, арестовывались именно теми украинцами, на помощь которых в своей трудной миссии они рассчитывали. Так попался Хлюс со вторым письмом Мазепы к польскому королю Станиславу Лещинскому (причем выяснено было, что и первое тоже не дошло). Так было и в другом, более замысловатом случае — с казаком Григорием Пархомовым. Этот Пархомов, будучи схвачен и привезен в Сумы, где как раз тогда, в январе 1709 г., находился Петр, показал сначала, что был послан Мазепой к глуховскому сотнику Туранскому, к князю Четвертинскому, к архиепископу черниговскому и к казачьему атаману глуховскому с письмами от Мазепы. Он объяснил, что письма эти он успел передать. Но так как оказалось, безусловно, что никаких писем он им не передавал и этих лиц не видел, то Пархомов изменил свое показание и признал, что Мазепа ему дал инструкцию говорить, будто послан с письмами к названным лицам, «чтобы тем привесть их в царскую немилость». Может быть, и действительно цель у Мазепы именно была такова, чтобы усилить смуту и неуверенность в правительстве, а может быть, Пархомов для успеха порученной ему пропаганды среди украинского народа говорил «облыжно» тем, к

кому он обращался с «речами прелестными» (т. е. прельстительными), будто такие-то и такие высокие особы участвуют в деле Мазепы и сочувствуют ему. Пархомов был казнен, и этим дело кончилось. Петр считал настолько опасным прием, пущенный по признанию Пархомова в ход Мазепой, что сообщил об этом всему народу, напечатав манифест и о поимке Хлюса с письмом Мазепы к Станиславу, и о поимке и заявлении Пархомова[67].

Уже в первые годы XVIII века утверждалась известная летописная традиция, резюмирующая с истинно летописной краткостью объяснение целей Мазепы. И здесь мы не находим никакого упоминания о Лещинском. Речь идет лишь о вассалитете относительно Швеции:

«...в Малой России разорен град Батурин за измену в нем бывшего гетмана Мазепы и с ним сообщников. Люди в нем бывшие вырублены, церквы разорены, домы разграблены и сожжены. Понеже оный Мазепа хотел всю Малую Россию и сам с своим родом (фамилия — *Е. Т.*) быть во владении (в протекции — *Е. Т.*) швецкаго короля. И оной Мазепа с швецким королем вкупе погибли»[68]. Летописец в дальнейшем изложении не весьма точен: смерть Карла он относит к 1719 г., а место смерти указывает в «Шонии» (Скании), тогда как король погиб в Норвегии в 1718 г.

Во всяком случае у некоторых украинских современников осталось впечатление, что Мазепа хотел из Украины создать государство под «протекцией» не Польши, а Швеции. Конечно, так как сама Польша находилась в такой «протекции» у Карла, которая была равносильна «владению», то реально особой разницы между этими двумя «протекциями» найти нельзя. Старый изменник не знал, что его письмо к Станиславу попадет случайно в руки царя и будет немедленно использовано как благодарнейший агитационный материал.

Шляхтич Мазепа продал польской шляхте украинский народ: так были поняты и приняты на Гетманщине быстро распространившиеся известия о сношениях Мазепы с королем Станиславом Лещинским. А что касается Украины Правобережной, то здесь еще с давних пор считали, что Мазепа в свое время оклеветал и добился ссылки Палия именно в интересах шляхты Киевщины и Волынщины.

Еще до открытой измены Мазепы ненависть к нему была широко распространена. Мазепа был врагом угнетаемой сельской массы, всегда держал сторону старшины, его своекорыстие проявлялось на каждом шагу.

6

Шведский король и Мазепа понимали необходимость решительной контрпропаганды. Будучи в Ромнах, Карл подписал

16 декабря 1708 г. новое воззвание к украинцам, гораздо более обширное и более обильно аргументированное, чем первое, которое, как в своем месте нами было помянуто, вышло из шведского стана при вступлении в Северскую Украину в сентябре. Много воды (и крови) утекло за три месяца, и в декабре уже стало ясно то, что еще вовсе не было усвоено шведским штабом в первый период войны: население не идет за агрессором, а идет против агрессора, не сочувствует измене Мазепы, а борется против изменников. Декабрьское воззвание с этой точки зрения представляет бесспорно исторический интерес [69].

Воззвание начинается с упоминания об обидах (это слово стерто в рукописи, и мы восстанавливаем его по смыслу), которые московский царь нанес шведскому королевству и его «провинциям». Эти обиды «отмщения способом належали», т. е. за них надлежало отомстить. Нужно сказать, что все воззвание в общем написано почти на таком же мнимоукраинском наречии, и немало труда стоит местами добраться до смысла, но все-таки оно в этом отношении выгодно отличается от первого, которое распространилось в сентябре в Стародубовщине. «Встретивши нас, ясновельможный пан Иван Мазепа, войска Запорожского малороссийский гетман з первенствующими народу своего старшинами, покорне просил: абысмо праведного гневу, от московского тыранства зачатого, на сие краи и обывателей их не изливали». А поэтому король шведский принял во внимание и был ублаготворен («ублаганы») прошением пана гетмана и принял под защиту («в оборону нашу») и гетмана и «нещасливый» по своему положению народ малороссийский. И при этом «публичным сим универсалом» Карл объявляет, что он делает это «з тым намерением, что его (гетмана — *Е. Т.*) и их (малороссийский народ — *Е. Т.*) от неправого и неприятного московского панования при помощи божой боронити хочем». Мало того, король обязуется и потом («поты») «охороняти и защищати», пока не будут восстановлены прежние вольности, «поки утесненный народ низвергши и отвергши ярмо московское до давних своих не приидет вольностей» [70]. Карл обращает внимание «малороссийского народу» на то, какой им удобный случай представляется, «какая лепшая до обороны вольностей представляется окказия». В самом деле, Москва все отступает: «Видите уже, победоносная оружия наша на полях своих блищащаяся (sic — *Е. Т.*), а Москву отовсюду назад уступавшую и не дерзнувшую против нас стати, хоча до битвы многие частнократные подавалися от нас случаи». Карл опровергает похвальбу («суетную хлюбу») царя о своих силах, потому что от самых границ (дальше слово неразборчиво) «аж до самых рубежей московских через двести миль утекающую Москву» не могли принудить «до проведного бою». Поминается при этом и

поражение московитов под Головчином, но благоразумно умалчивается о Лесной, а только вскользь говорится, что граф Левенгаупт при всем «малолюдстве» своего отряда выявил в баталии «слабость и плохость московскую». Неясно и умышленно запутанно повествует и о мнимой «виктории» Любекера в Ингрии. *Несколько листов непрерывного и очень запутанного* хвастовства своими «победами» и ругани против Петра (листы 2, 3, 4) сменяются обличениями русских в коварном их поведении в начале войны и опровержением «клеветы», будто шведы издевались в Ингрии и в Могилеве над православной верой (лист 3). Неожиданно и явно в противовес этому обвинению шведов в неуважении к православию Карл XII начинает в порядке встречного обвинения укорять Петра в том, что царь «з папежем рымским давно уж трактует, абы искоренивши греческую веру, рымскую в государство свое впроводил». Карл пугает украинцев, что царь, «як скоро от нынешней войны упразднится», так сейчас же и обратит народ малороссийский в католичество. Не гонясь за логической последовательностью изложения, Карл уличает Петра в пристрастии к немцам и «иншим иноземным людям» и в предосудительном новаторстве «многая в обычаях, строях и веры обновил». В связи с этим стоит и другое чисто демагогическое обличение Петра в унижении русской аристократии перед безродными иноземцами: «многие з них подлейшего стану суть, над шляхетнейшими народу своего прелагает и превозносит». Карл опровергает дальше и то, что «превосходит всякую ложь», а именно, будто завоеванная им Украина будет отдана Польше: «тое и тому подобное от Москвы вымышлено есть».

Шведский «паладин» лжет здесь, ибо одновременно, как мы документально знаем, Мазепа из его же главной квартиры писал верноподданнейшие просьбы о приглашении Станиславу Лещинскому.

Кончается этот документ, разумеется, страшными угрозами, направленными против тех, кто, «оставивши домы уходят или шкодят или в чом воинским нашим людям покушаются», или даже просто ведут словесную пропаганду в пользу Москвы [71]. Король обращает внимание народа, к которому направляет свое воззвание, что он находится теперь ближе к ним, чем Москва, так вот пусть и рассудят все злословящие (зухвалы) люди, кого им скорее должно бояться: «наши... войска до отмщения близже предстоят».

Ответить на это воззвание Карла было легко. Большую положительную роль должно было, по мнению русских властей, сыграть возможно более широкое распространение в народе сведений о письме Мазепы к Лещинскому, которое было отобрано у перехваченного мазепина «шпига», роменского жителя

Феско Хлюса. В этом письме Мазепа называл Лещинского своим государем. «И для того указал царское величество во обличении того его злого умысла о запродании малороссийского народа под иго польское, выдать свою грамоту ко всему малороссийскому народу, дабы ведали, что он изменник неправо в универсалах своих с клятвою писал, обнадеживая будто для пользы и вольностей малороссийского народа он ту измену учинил» [72].

Тотчас же по всем полкам были разосланы 150 экземпляров с известием о письме Мазепы к Лещинскому с соответствующими комментариями.

7

Хотя было очевидно, что украинский народ с особенным раздражением и возмущением относился к самой мысли о приходе поляков, но все-таки решено было принять некоторые меры. Русское командование понимало, что если Карл и Мазепа, несмотря ни на что, продолжают делать большую ставку на помощь из Польши, то ведь и в самой Польше король Станислав Лещинский и его окружение соображают, что их участь решается теперь на Украине, и, значит, они сделают все возможное, чтобы в самом деле откликнуться на эти призывы бывшего гетмана.

Петр не склонен был в этой страшной борьбе оставлять что-либо на авось, тем более что он в начале декабря 1708 г. поверил ложному слуху об идущей к Карлу польской подмоге: «Також совершенно есть, что Красоф і Станислаф с поляки ідут в случение к шведу». Царь даже предлагал на военном совете поэтому искать «неотложно» генеральной битвы, не дожидаясь весны [73]. Но слух оказался вымыслом. Станислав ни малейшей возможности идти на Украину не имел.

Приходилось, несмотря на очень критическое время, когда каждый солдат был дорог, распылять отчасти силы, потому что все-таки можно было опасаться разных неожиданностей из Польши. С севера, из Литвы, с юга — от Буга и Днепра, отовсюду шли неспокойные слухи. В Польше в тот момент шляхта совершенно уверовала в конечную победу шведов. В середине декабря Петр послал, как сказано, семь драгунских полков под начальством генерала Инфланта в Литву, не то для подкрепления сил якобы преданного России коронного великого гетмана Адама Синявского, не то для удержания Синявского от перехода его в лагерь Станислава Лещинского, короля польского шведской милостью [74]. И даже Петр ответил с опозданием на несколько месяцев на письмо жены Синявского, которую царь называет в словообращении галантно: Madame. В этом письме Синявская оправдывается во «оклеветании от злых

языков», которые уверяют, будто она перебежала временно к шведам. Петр успокаивает ее, пишет, что не верит клевете, но просит, чтобы мадам «потрудилась мудрыми своими советами во удержании общих интересов» [75]. То есть царь надеется, что невинно оклеветанная «мадам» удержит своего мужа от перехода на шведскую сторону. Дело в том, что неясно как-то стал пописывать свои письма Петру и вообще подозрительно аттестовать себя сам ясновельможный коронный гетман Синявский. Петр доводит до сведения другого приверженца русской партии, Антона Огинского, что Синявский «весма отсекает нам надежду» и вообще «мало не явно показывает виды, что в зближение (в случае приближения — *Е. Т.*) Лещинского не может силам его противитися». Петр знал, что если не послать русские войска, то и коронный великий гетман Синявский и литовский гетман Огинский и другие магнаты Литвы непременно перебегут к неприятелю: «Того ради хотя сами потребность имеем в нынешний час в войсках своих, дабы оными действовать против неприятеля, в самой близости от нас обретающегося, чтобы его гордость и силы разрушить», однако ж послали Инфланта сначала с тремя, а потом еще с другими четырьмя полками на Волынь [76].

Поляки, «приверженные» к России, переживали весной, летом и с начала осени 1708 г. тяжелое время. Правда, в марте были не только слухи, но довольно достоверные сведения, что венский двор сносится с низложенным королем Августом (оставшимся на своем курфюршестве) и даже намерен вступить в войну против шведского короля. Такие утешительные сведения передавал Синявский в конце марта 1708 г. [77] Но все эти намерения были оставлены, и слухи замерли по мере продвижения шведских войск к русским границам, а уже через три месяца, когда Карл XII шел к Березине, Синявский переслал в Россию совсем другие, крайне тревожные известия, что шведы и поляки «шведской стороны» (т. е. Станислава Лещинского) «маршировать намерили» (намерены) тремя колоннами: на правом крыле — поляки, в центре — шведы с королем Карлом XII, а на левом фланге движется генерал Левенгаупт из-под Двины. Все три эти колонны («колюмны») соединятся под Днепром. А поляки Синявского будут отрезаны неприятелем, который займет Волынь [78]. В середине августа 1708 г. военные силы Синявского были очень стеснены продолжавшимся движением шведов, которые «всеконечно принуждали» поляков «или к подданству или к баталии». Но все-таки Синявский держался [79]. Однако настоятельно требовалась помощь. Обещанная по первоначальным расчетам помощь от Мазепы не приходила: поляки Синявского первые пострадали от действий изменника, который еще целых два месяца мог действовать в пользу шве-

дов, продолжая пользоваться полным доверием Петра. Синявский чуял неладное, какую-то загадочность в поведении гетмана: «И доносит, что никакова от Мазепы не имеет суккурсу (помощи — *Е. Т.*), который де отговаривается весной что травы не было. Но может быть в том некоторое таинство» [80].

К сожалению, русские министры, которым писал Синявский, не вдумались поглубже в этот намек, и доверие к Мазепе ничуть не пошатнулось. И в течение лета и осени Синявскому приходилось уклоняться от боевых встреч и «уступать на сторону Вислы не без утраты в людях». Уже 31 августа (1708 г.) Синявский совершенно категорически извещает о намерении шведов идти на Украину, а не на Смоленск, хотя это было за две недели до военного совещания Карла с его генералами в Старишах, где вопрос был окончательно решен [81].

После довольно долгого перерыва лишь 10 ноября Синявский обращается к русским с настоятельной просьбой о присылке военной подмоги хотя бы в количестве 6 тыс. драгун, так как Станислав Лещинский идет от Тихотина к Люблину,— и нужно «чтобы немедленно помощь Речи Посполитой учинена была» [82]. Россия не переставала помогать полякам, не примкнувшим к шведскому ставленнику Станиславу,— и нужно сказать, что поляки Синявского (коронного гетмана), несмотря на трудное свое положение, держались всю зиму и затем весну 1709 г. неплохо, и никакого окончательного «одоления» ни поляки Лещинского, ни очень вяло и неохотно (с явным недоверием) помогавший им генерал Крассов (Крассау) не могли достигнуть.

Не говоря уже о Литве и Белоруссии, но даже в Познани в начале 1709 г. происходили такие любопытные происшествия: староста Никольский перебил «триста шведов контрибуции взимающих», а «протчих (т. е., очевидно, военную охрану сборщиков — *Е. Т.*) в полон забрал» [83]. В мае было и так, что Станислав Лещинский вместе с Крассовым и его шведами обретались в Высоцке под Ярославлем, а их полковник Улан (sic) разбит наголову и было взято в плен 500 человек, сам же Улан «едва ушел». Полтава с необычайной быстротой вымела прочь из Польши и шведов и их ставленника Лещинского. Но это уже было к лету.

Неблагополучные вести шли и из мест южнее. Порой казалось, что грозит опасность с запада и Киеву. Петр тогда же зимой, в декабре 1708 г., послал через Днепр к польской границе отряд под начальством Гольца, приказывая ему в случае движения из Польши на Украину польских или остававшихся там шведских войск идти им навстречу и вступить в бой. На вопрос, что делать, если неприятель, вышедший из Польши и идущий на Украину, окажется многочисленнее русского отряда, Петр написал: «буде неприятель швецким войском силнее будет, а

не поляками, то в бой не вступать... буде же поляками сильнее неприятель будет, то конечно вступать в бой»[84].

Больше чем на двадцать миль в глубину Польши вторгаться Гольцу воспрещалось[85].

Но в конце концов очень уж мала оказалась боеспособность польских войск Лещинского. Ни они, ни шведы генерала Крассова к Днепру из Польши не пришли и на Киев не напали.

В Польше все-таки знали гораздо больше, чем в Западной Европе, о том, как складывались дела на Украине.

Те, кто наблюдал с более близкого расстояния все, что творится на Украине, и кто знал последствия для шведов рокового, изнурительного зимнего похода,— уже за несколько месяцев до Полтавы начали учитывать происходящую перестановку в распределении сил. Могущественные магнаты, князья Вишневецкие, в марте 1709 г. объявили о своем раскаянии и перебежали обратно от Станислава Лещинского к Петру. Царь принял их заявления с большой готовностью и особым «манифестом» объявил: «мы все от них бывшие нам досады и противности забвению предаем, и в прежнюю приязнь и протекцию свою оных восприемлем»[86].

8

Еще перед раскрытием измены Мазепы русские военачальники старались успокоить украинское население обещанием, что жители должны спокойно оставаться на своих местах там, где будут наступать или вообще проходить русские войска, которым под страхом смертной казни воспрещено обижать мирных жителей. За провиант, за скот и живность, за все, что жители будут доставлять русским войскам, они будут получать плату «повольною, настоящею ценою»[87]. Там, где держаться против неприятеля нельзя и куда он направляется, приказывалось, чтобы жители «ис (sic — *Е. Т.*) домов своих со всеми своими пожитками выбирались и, потому ж, жон и детей и пожитки ис того места в дальние места в Украину или в великороссийские городы, где кому сручно (сподручно — *Е. Т.*), немедленно. А хлеб, который есть, закапывали в удобных местах в ямы, где б не мог сыскать неприятель, а сами бы старшина и казаки, которые к службе годны, оставались с ружьем и с коньми для супротивления неприятелю с великороссийскими войски при здешнем месте»[88].

После измены Мазепы появляются указы о том, чтобы не верить прокламациям («прелестным письмам») изменника и чтобы ни к Мазепе, ни к шведам не возили провианта и живности. Жителей местностей, которые лежат на пути шведского наступления, уверяют в том, что их не оставят на произвол

судьбы и окажут защиту, причем хвалят их за уже испытанную верность [89].

6 ноября 1708 г., т. е. на девятый день после того, как Петр узнал об измене Мазепы, он, обращаясь с длинным торжественным посланием — «указом» ко всему народу Украины и убеждая сохранять верность, с ударением говорит об одержанных над врагом победах, о взятом под Лесной обозе Левенгаупта, «во осьми тысящах возах состоящей», о разгроме Любекера на Неве и о бегстве разгромленных остатков его войска на шведских кораблях. Говорится в «указе» уже и о взятии гетманской столицы Батурина.

Но уже с первых дней обнаружилось, что ни малейшей поддержки на Украине Мазепа не нашел [90].

И в этом указе и в предшествующих обращениях (от 30 октября и 1 ноября ко «всему войску запорожскому» и к «войсковой старшине, ушедшей с Мазепой к шведам») царь обещает много милостей за сохранение верности и дает амнистию тем, кто хоть и ушел с Мазепой, но раскается и вернется [91].

Обращаясь к запорожцам и извещая их об измене Мазепы, Петр призывает не слушать богоотступника и изменника Мазепу, «чтоб Малоросийской край... не был порабощен под полское и шведцкое ярмо» и за вольность свою стояли бы против неприятеля и «изменника Мазепы со всяким усердием». Сообщая запорожцам о двух больших победах над шведами (над войсками Левенгаупта в Белоруссии и Любекера в Прибалтике), Петр выражает твердую надежду: короля шведского и единомышленников его здесь войсками своими «великоросийскими и малоросийскими скоро искоренить и разрушить и из Малой Росии и всех земель своих выбить». Петр заявляет, что по доносам Мазепы на запорожское войско он прежде являл гнев свой на запорожцев, но «ныне видит, что он, вор и изменник Мазепа, то чинил по изменничью своему умыслу напрасно» [92].

С каждым днем русское командование все более убеждалось, что оно может быть спокойно за Украину. Были непогрешимые признаки, указывающие, что ни малейшего успеха дело Мазепы на Украине не имеет и что даже та группа казаков, которая стала на сторону изменника и пошла за ним в лагерь Карла, уменьшается постоянно, так как оттуда дезертируют. Явно большое впечатление произвел не только уход к русским одного из крупнейших мазепинцев — Галагана, но и замечательная смелость и, так сказать, массовый характер предприятия. Ведь Галаган пришел не один, а в сопровождении тысячи рядовых мазепинцев, бежавших с ним из шведского стана, и они привели с собой пленными шестьдесят восемь шведских офицеров и рядовых, которых они, дав по дороге бой шведам, захватили с собой [93].

Дезертирство в шведских полках весной 1709 г. принимало все большие и большие размеры. 20 марта (1709 г.) к Шереметеву явилось семь человек, саксонцев родом. Они заявили, между прочим, что если бы служащие у шведов «иноземцы ведали, что дезертеров в нашем войске честно держат, тогда бы они все пришли в нашу сторону». По их словам, «в их войске все желают, чтоб из здешней стороны выйтить, понеже все под сумнением, как им будет здесь живот свой спасти» [94].

Время от времени в русский лагерь приходили уже в начале апреля сведения, дававшие надежду на возникающий серьезный разброд в мнениях и намерениях, царящий в Сечи после ухода главных запорожских сил для совокупных военных действий с шведским королем. Так, посланная от Шереметева «партия от нерегулярных» учинила под Новыми Сенжарами нападение на запорожцев, перебила 60 человек, а 12 взяла живьем. Эти запорожцы рассказали, что в Сечи выбрали вместо «Кости» Гордиенко нового кошевого — Петра Сорочинского, который рассылает письма в Переволочную и в другие места, «дабы к вору Костке кошевому запорожцы не приставали». Но эти попытки борьбы против Гордиенко, по-видимому, успеха не имели. Кошевой Гордиенко вместе с изменником Нестулеем представлялись королю шведскому в Великих Будищах, приняли присягу и получили от Карла «жалованья четыре воза талеров битых и роздано каждому человеку по двадцати. Да Мазепа обещал им всякому человеку по 10 тал. на месяц» [95].

В появившейся впервые в 1951 г. в печати челобитной жителей Лохвицкого городка читаем, что они бедствовали в смущении и страхе, но вот теперь дошло до них всемилостивое утешительное слово царя, и они возвеселились духом. И если, невзирая на приказание, не едут в Глухов (на выборы нового гетмана), то исключительно потому, что не на кого оставить город, ибо «самих начальних наших здесь нет и сами о них не ведаем, где обретаются: сей час не меем начального, кому бы в городе радети... а города нелзе оставити без досмотрующего». Ясно, что «начальство» было прикосновенно в той или иной мере к мазепиной смуте и скрылось, сами же жители «вашему царскому изволительному повелению не противни и неотступни» [96].

Петр видел, что постоянные сообщения Шереметева, Ушакова, Меншикова о том, как народ Украины ликует, встречая русских, и предлагает свое участие в обороне, не являются пустым звуком. Было ясно, что не могли тысяча человек бежать, если бы остальные (а их, не бежавших, оставалось немногим больше тоже одной или полутора тысяч человек) об этом ничего не знали. Нетрудно понять также, какое впечатление этот выход Галагана с его товарищами произвел на украинское население.

В том же самом письме, в котором Петр извещает адмирала Апраксина о «новом Июде Мазепе, ибо 21 год был в верности, ныне при гробе стал изменник и предатель своего народа», Петр приказывает прислать из Ингрии в полевую армию на Украину восемь полков (два конных и шесть пехотных), «понеже те полки гораздо здесь к нынешнему времени нужны»[97].

Это было в самые первые дни после открытия измены Мазепы, и Петр еще не знал, многие ли на Украине пойдут за изменником, хотя царь и пишет в этом же письме от 30 октября: «...что услышав, здешний народ со слезами богу жалуются на онаго (Мазепу — *Е. Т.*) и неописанно злобствуют».

Наступила зима, и ингерманландский фронт был более спокоен, чем украинский. Восемь полков прибыли и окончательно включились в армию (в группировку, подчиненную Меншикову) лишь к апрелю 1709 г. Они сыграли свою роль в Полтавский день.

9

На правом берегу Днепра шансы Мазепы на успех были так же слабы, как и в Левобережной Украине.

Во время шведского нашествия под Гетманщиной понималась Левобережная Украина (без Слободской Украины, которая находилась более непосредственно в подчинении у Москвы). Хотя власть Мазепы простиралась и на Правобережную Украину, но ее уже не называли в просторечии Гетманщиной в описываемое время, хотя еще в 1687 г., когда Мазепа был избран в гетманы, это название нередко применялось и к правобережным областям Украины.

Много воды утекло между первым (1687) и последним (1708) годами правления Мазепы. На правом берегу Днепра не любили Мазепу, помнили его кровавую и предательскую роль в истории Палия и палиивщины. В первые годы XVIII в. казак Палий был любимым вождем рядового казачества, демократических слоев Правобережной Украины, в многолетней жестокой борьбе против польских панов, против угнетения крепостной массы шляхтой и против происков римско-католического духовенства, стремившегося опереться на панские права для более или менее насильственного обращения православных в унию. Вождем этого социально-политического и национального протеста против панской Польши и явился Палий, любимец народных масс. Палий со своими отрядами, особенно в 1700—1705 гг., вторгался частенько в польские владения, нарушая не очень ясно проведенную русско-польскую границу. Август II, король польский, неоднократно жаловался Петру на Палия; с Августом, как с союзником против шведов, Петру приходилось считаться, и по проискам Мазепы «мятежный вождь» Палий,— хотя он

открыто признавал преимущества подчинения Левобережной Украины и украинских частей Польши царю, а не полякам,— был схвачен и сослан. Теперь, после раскрытия измены Мазепы, Палий был возвращен и обласкан царем.

Как мог думать Мазепа, на глазах которого происходило с таким успехом для Палия многолетнее восстание правобережного украинского крестьянства и казачества против Речи Посполитой, что можно будет убедить или заставить тех же украинцев, как правобережных, так и левобережных, помогать полякам,— понять это мудрено. Правда, он еще в 1703—1704 гг. мечтал захватить в конце концов всю Правобережную Украину с Белой Церковью в виде новой гетманской столицы и, так как иначе трудно,— при формальном подчинении царю. И некоторое время он был даже доволен, что Палий держится так крепко и не уступает Белой Церкви ни полякам, ни даже русским.

В трудное время, между тяжким нарвским поражением 1700 г. и началом побед (при Эрестфере и при второй Нарве в 1704 г.), царь, очень нуждавшийся тогда в союзе с Польшей, заключая договор с Августом 19 августа 1704 г., обязался заставить Палия прекратить борьбу против Польши. Палий не покорился, но Мазепа при содействии русских войск, захватив Палия, отдал его в руки властей, и Палий был сослан в Сибирь и поселен в Енисейске, а Мазепе была дана в управление Белая Церковь.

В этой борьбе Мазепа всегда был против украинского плебса, против крестьян, против казацкой «голытьбы» и всегда действовал в пользу интересов шляхты, что сильно облегчалось существовавшим формальным союзом между Польшей и Россией. И даже после Альтранштадтского мира и отречения Августа от польской короны положение Мазепы и его политика в Правобережной Украине ничуть не изменились. Фикция продолжающегося союза, позволявшая Петру не уходить из Польши под предлогом борьбы против узурпатора Станислава Лещинского, давала возможность Мазепе не уходить из Белой Церкви и занятых еще при Палии частей восточнопольской территории. «Украина между Днепром, Случью и Днестром была в полной от него зависимости... Край принимал все более и более правильное козацкое устройство. В 1709 году в нем было уже 7 козацких полков» [98]. Понятно, что появление Палия у царя, не знавшего теперь, как его больше обласкать, даже еще до участия Палия, больного и старого, в конном отряде, наконец, опубликование перехваченного письма Мазепы к Станиславу Лещинскому — все это бесповоротно и вконец погубило всякие надежды Мазепы и мазепинцев на какие-либо симпатии крестьянства и казачества к изменнику, если бы эти симпатии существовали (чего вовсе не было в Правобережной

Украине, где Мазепу считали не украинским казаком, а польским шляхтичем).

Но все-таки с наступлением весны 1709 г. и окончательным перенесением на далекий юг и юго-восток Украины главного театра военных действий поляки партии Лещинского стали обнаруживать смелость.

Чем больше театр войны передвигался к Полтаве, тем смелее и назойливее делались набеги польских отрядов в окрестностях Могилева и Орши. Русским пришлось отходить к смоленскому рубежу. Польский предводитель Хмара занял Оршу. Корсак, командовавший русским отрядом в Орше, перенес свою ставку к Смоленску, откуда и писал Головкину, требуя подкреплений [99]. А в мае стали поступать сведения о том, что к Днепру подвигается на помощь Хмаре польский генерал Сапега [100]. Однако Сапега шел, но не пришел.

Не пришел на помощь королю и корпус не польский, а чисто шведский, состоявший под командой генерала Крассау.

Уводя в Россию свою армию, Карл оставил рассеянный в Польше, Курляндии и Померании кавалерийский корпус под начальством генерала Крассау или, как он чаще называется в источниках, Крассова. Этот корпус считался резервом.

В декабре 1708 г. Карл послал Крассову приказ: образовать войско из 8 пехотных полков и 9 тыс. драгун и спешить на Украину. Ничего из этих запоздалых воззваний не вышло. Прежде всего самый приказ дошел до Крассова лишь незадолго до Полтавы. А затем было ясно, что если бы даже Крассов и поторопился, то это только несколько отдалило бы неминуемое поражение. Но Крассов, получив известие о Полтаве, конечно, не пошел на верную гибель и поспешил вернуться восвояси.

С каждым днем множились признаки провала всего предприятия Мазепы. Был у изменившего гетмана опорный пункт, на который он рассчитывал почти так же твердо, как на Батурин. Это была Белая Церковь, куда Мазепа заблаговременно отправил значительную часть своей казны и всякого добра. Туда начальником Мазепа поставил полковника Бурляя и дал ему полк сердюков. Д. М. Голицын, командовавший в Киеве, имел все основания не желать вооруженного столкновения из-за Белой Церкви. И Голицыну вполне удалось избежать боя: Бурляя и его сердюков удалось «уговорить добром». «Я всякими способами старался, дабы оных к себе привлечь без оружия и успокоить», как его учил сам Меншиков («наукою вашей светлости»). Бурляй, ставленник Мазепы, получил «за отдачу фортеции» скромную награду всего в сто рублей, сотники получили по сорока рублей, а рядовые сердюки по два рубля [101]. Голицын очень опасался в первые дни после перехода Мазепы к шведам за всю Правобережную Украину.

10

После гибели Батурина часть окружения Карла советовала королю идти к приднепровским берегам и там устроиться на зимних квартирах поближе к ожидаемой подмоге, которую будто бы должны были привести Станислав Лещинский и командир шведского отряда генерал Крассов. Да и помимо того приднепровский край, начиная с Киевщины, был еще не разорен. Но Мазепа посоветовал зимовать в Ромнах и Гадяче. Он хотел загородить дорогу русским в Южную Украину. Карл сначала внял совету старого изменника. Мазепа не только очень скоро убедился в том, что украинский народ — крестьянство, рядовое казачество Украины — не с ним, но он и старшине не весьма доверял, даже той старшине, которая ушла с ним к шведам в конце октября и изображала собой его свиту 28 октября 1708 г. в Горках, когда он представился Карлу и обменялся с ним латинскими приветствиями. После того, как так легко его приверженцы сдали Батурин и Белую Церковь, кому же он мог доверять? И вот он потребовал, чтобы члены старшины, оказавшиеся с ним в шведском лагере, немедленно перевезли в город Ромны свои семьи. Некоторые вняли этому приказу, смысл которого был, конечно, им ясен: Мазепа хотел иметь заручку, «залог», как правильно выражается швед Кнут Лундблад, такой залог, который помешал бы дезертирству, быстро уменьшавшему численность казацкого отряда в шведском лагере. Эти несчастные жены мазепинцев, которых ждала невеселая участь, и были теми «казацкими госпожами», как их называют старые хроники, не поясняя, ни зачем, ни откуда они взялись. Об этих «dames cosaques» говорит и летописец похода шведский камергер Адлерфельд. Их таскали в шведском обозе с места на место и в свое время дотащили до Полтавы, где они разделили участь своих мужей и были взяты в плен.

Как богата Украина — это шведы знали и по тем описаниям страны, которые уже тогда существовали в европейской печати, но особенно, конечно, по рассказам Мазепы. Но народная борьба разрушила все надежды неприятеля. Послушаем Адлерфельда, в течение всего похода не расстававшегося с королем Карлом: «В эту прелестную страну (Украину — *Е. Т.*) вступила армия, полная доверия и радости, и льстя себя надеждой, что она, наконец, сможет оправиться от всяческой усталости и получит хорошие зимние квартиры. И это на самом деле произошло бы, если бы мы не оказались вынужденными так тесниться друг к другу, быть в такой близости один от другого, что бы быть безопасными от нападений врага, который окружал нас со всех сторон. Да и то мы не могли воспрепятствовать

тому, чтобы некоторые полки, слишком отдаленные по расположению своих стоянок, не пострадали бы, потому что мы были не в состоянии помочь им вовремя — не говоря уже о том, что неприятель своими непрерывными налетами мешал нам пользоваться изобилием и плодородием этой прекрасной страны в той степени, как мы желали бы. Припасы становились к концу крайне редкими и чудовищно дорогими» [102].

Царские универсалы против Мазепы и шведов широко распространялись по Украине и производили очень сильное, волнующее впечатление. Шведы обратили внимание, что эти воззвания распространяются даже в городе Ромнах, куда должна была перейти вскоре ставка Карла XII и его штаба,— и генерал-квартирмейстер Гилленкрок арестовал старшину («бургомистра»,— пишет Адлерфельд), обвинив его в том, что он побывал у русских и просил у них помощи против шведов. Расправа в таких случаях была короткая.

Смелость враждебных Мазепе казаков и партизан все возрастала. Выйдя из Городищ, король шел с армией к Ромнам. В пути (дело было 16 ноября 1708 г.) он послал своего генерал-адъютанта Линрота (не Лимрот, как неправильно пишут) с приказами к генералам Крейцу и Круусу, чтобы они ускорили движение. Линрот благополучно исполнил свое поручение, добравшись до Крууса. Всего в одной миле от Крууса шла колонна Крейца, но когда Линрот туда отправился, то в этом узком промежутке между двумя большими колоннами движущихся шведских войск на него внезапно напали казаки, каким-то образом проскользнувшие сюда. Они убили Линрота и перебили его четырех спутников. На другой день только нашли последнего из них уже при последнем издыхании и от него узнали о казаках. У Карла XII было шесть генерал-адъютантов, когда он начинал поход на Россию. Из них один — Канифер — был взят в плен казаками тоже при внезапном налете, а пятеро остальных были убиты: Линрот погиб последним из этой группы довереннейших лиц военной свиты короля. 18 ноября (по шведскому календарю) Карл был уже в Ромнах. По просьбе Мазепы он немедленно отрядил два кавалерийских полка и один пехотный, чтобы овладеть до прихода русских городом Гадячем, после чего Мазепа вернулся в Ромны.

Враг стоял в самом сердце Украины, и сопротивление жителей усиливалось. Шведы подошли (20 ноября 1708 г.) к городу Смела, но «горожане отказались впустить»,— повествует Адлерфельд,— и, напротив, крайне охотно впустили русского генерала Ренне, который и занял немедленно город. Произошел ряд боев, сам король примчался во весь карьер, но ничего не вышло, Смела осталась за русскими.

«Жители», «обитатели», «крестьяне», «горожане» — все эти наименования, пускаемые в ход шведскими летописцами похода при описании подобных происшествий, обозначают одно: народная борьба против агрессора усилилась очень заметно теперь, когда он уже стоял в центре страны, не на Северской Украине, а в «Гетманщине». Тут уж даже и не такие умные люди, как Мазепа, прозрели окончательно.

Репрессии становились со стороны шведов все более и более свирепыми, но ничего не помогало. Появились партизанские отряды из крестьян, очень активные. «10 декабря полковник Функ с 500 кавалеристами был командирован, чтобы наказать и образумить крестьян, которые соединялись в отряды в различных местах. Функ перебил больше тысячи людей в маленьком городке Терее (Терейской слободе) и сжег этот городок, сжег также Дрыгалов (Недрыгайлово). Он испепелил также несколько враждебных казачьих деревень и велел перебить всех, кто повстречался, чтобы внушить ужас другим» [103],— рассказывает с полным одобрением Адлерфельд. Дорога между Ромнами, где находилась временно королевская ставка, и Гадячем, куда Карл должен был отправиться, была не совсем безопасна от налетов казаков и партизан. Да и Гадяч был не весьма спокойным местом. 18 декабря (1708 г.) Карл прибыл туда, а как раз за час до его въезда русский отряд готовился взять город штурмом, и только известие о приближении всей королевской армии заставило русское командование отказаться от этого намерения. Уходя, русские, однако, успели сжечь до основания часть Гадяча и весь склад фуража, который там был. Русские реяли повсюду. Достаточно сказать, что даже во время движения всей шведской армии из Ромен к югу, к Гадячу, дело не обошлось без налета русского конного отряда, сторожившего недалеко от дороги, совсем близко от короля: ехавший почти все время рядом с ним принц Вюртембергский чуть-чуть не был убит русским казаком, налетевшим на него с поднятой шашкой.

В Гадяч пришел сначала Мазепа с 2 тыс. шведского войска. Было это в середине ноября. Но неспокойно чувствовал себя старый изменник, и не любил он отлучаться от короля. Пробыв всего два дня в Гадяче, он вернулся в Ромны [104]. В Ромнах и Гадяче шведы начали практиковать новый метод для скорейшего обеспечения себя провиантом: они предлагали деньги за отбираемый провиант. Но уходя, отнимали у жителей до копейки все, что успели им дать.

Части русской армии шли параллельно движению шведов и вели все время глубокую разведку. Установив, например, что шведы идут из Ромен в Гадяч не прямой дорогой, а

«посылают» на лохвицкую дорогу, генерал Ренне, стоявший в Веприке, тотчас выслал в Лохвицу целый отряд для наблюдения» [105].

11

В большие холода партизанская борьба на Украине ничуть не ослабевала, и положение шведов, разбросанных в Ромнах, Гадяче, Лохвице, Лубнах и Рашевке, становилось все менее и менее обеспеченным от внезапностей и случайных нападений. В конце ноября крестьяне на берегу Десны окружили и перебили всех до одного полтораста шведских солдат, очевидно, вышедших из своего лагеря, чтобы поискать пищи.

Когда шереметевская армия произвела у Гадяча большую военную демонстрацию (в декабре 1708 г.), то это было сделано главным образом затем, чтобы, зная характер Карла XII, выманить его из Ромен. Так и случилось. Шведская армия пошла из Ромен к Гадячу, а тогда генерал Алларт напал на Ромны и вскоре ими овладел. Быстрота, уверенность, меткость и сила русских ударов в эту страшную зиму объясняются, между прочим, полной осведомленностью русского командования обо всем решительно, что делает и что намерен предпринять неприятель. Замерзали нередко русские военные разведчики, не успев выполнить поручения, но за них исполняли их дело добровольцы-крестьяне, являвшиеся к русским генералам со всех сторон и приносившие часто высокоценные сведения.

Петр знал, как ему помогает такое настроение населения. «Здешний народ со слезами жалуется на изменника и неописанно злобствует»,— сообщал царь Апраксину. Он часто извещал именно Апраксина, далекого от театра военных действий, о народной войне: «Малороссийский народ так твердо, с помощью божией, стоит, как больше нельзя от них и требовать». Петра радовал полнейший провал вражеской пропаганды. «Король посылает прелестные к сему народу письма, но он неизменно пребывает в верности и письма королевские приносит, гнушаясь даже и именем Мазепы».

Еще далек был неприятель от Нежина, а уже там сказывалось раздражение против шведов, возмущение их отношением к населению, и проявлялась полная готовность горожан дать отпор. Они просили поскорее прислать к ним ратных людей, которые бы возглавили их поход против неприятеля: «... если бы были царского величества конные полки, и при них нежинцы, и из иных сотен казаки безмерно на неприятелей идтить желают, а ис тамошнего местечка жители ко мне присылают чтобы Московского войска хотя бы малое число прибыло к ним для почату к поиску над неприятелем, а они,

де, черкасы, в помощь на неприятели идти с ними всеусердно желают».

Нежин в течение всей войны оставался одним из сторожевых пунктов Левобережной Украины, и он был в последний («полтавский») период шведского нашествия одной из надежных баз армии Скоропадского, назначением которой было отрезать путь Карлу XII на запад, к Днепру и Киеву, в случае если бы шведской армии пришлось уходить от Полтавы в этом направлении.

В Полтаве «народ» — мещане и посполитые казаки — отстоял город от изменников.

Еще 27 ноября 1708 г. Петр не знал об измене, подготовляемой полтавской старшиной во главе с полковником Левенцом, и писал ему о посылке в Полтаву «для лутчего отпору» Мазепе и шведам князя Александра Волконского[106]. Но Левенец и старшина Полтавы изменили, и тотчас же убедились, что народ их уничтожит, если они не убегут немедленно из города. Впоследствии изменник Левенец и с ним его семь сердюков попали в руки царских войск[107].

30 ноября шведы подошли к городу Недрыгайлову силой в 1500 человек конницы, спешились и потребовали, чтобы жители их впустили в город. Никакого гарнизона в городе не было. «И прежде стрельбы говорили они шведы недрыгайловским жителям, когда они от них ушли в замок, чтобы их пустили в тот в замок, а сами б вышли, и обещали им, что ничего им чинить не будут». Жители города, побросавшие свои дома и укрывшиеся в единственное укрепленное место («замок»), ответили шведам, «что их в город не пустят, хотя смерть примут». Началась перестрелка: «И те слова шведы выслушав, стали ворота рубить, потом по них в город зали дали, а по них шведов из города такожде стреляли и убили шведов десять человек. И они шведы, подняв тела их, от замка отступили... и дворы все сожгли»[108].

Так жертвовали люди и имуществом и жизнью даже при явно безнадежной борьбе, если им не удавалось вовремя успеть бежать куда глаза глядят из своих мест при подходе шведских войск. Ведь приведенное только что донесение доставил в русскую армию бежавший ночью (с 30 ноября на 1 декабря) из осажденного замка священник. А что сталось с осажденными — это нетрудно себе представить.

Точно такое же настроение народа обнаруживается и в другом городе, которому тоже пришлось стать опорным пунктом армии Скоропадского, и в этом смысле город Лубны играл на юге линии расположения Скоропадского ту же роль, как Нежин на севере этой линии. Жители Лубен написали Петру «писмо» (точной даты нет, но по ряду признаков в ноябре

1708 г.), в котором они прибегают к защите царя и просят «прикрыть их от нашествия враждующих неприятелей», и, имея в виду мазепинскую измену, заявляют о своем желании избавиться «от тех мятежей». Пишется это от имени всего населения лубенского: «Мы, граждане под именем всех сожителей лубенских», а подписано так: «все купно як казаки и посполитие жители лубенские» [109].

Народное сопротивление на Украине делало даже самые слабые, технически несовершенные укрепления городов и сел почти непреодолимыми препятствиями. Недостаток артиллерии и пороха в шведской армии также давал тут о себе знать.

Если Карл перед Гродно еще в январе, феврале, марте 1706 г. не мог ни решиться на штурм, ни взять город длительной бомбардировкой, хотя овладеть этой укрепленной позицией и находившейся там русской армией для него было крайне важно, то уж теперь, осенью и зимой 1708 г., овладеть Стародубом и Новгородом-Северским для шведского войска имело еще несравненно более важное, истинно жизненное значение. Это значило бы получить, наконец, настоящее пристанище, две теплых стоянки перед наступающей зимой, и прежде всего это были бы опорные пункты, откуда можно было бы со временем продолжать движение на восток, от которого пришлось отказаться в начале сентября в Старишах, на рубеже Смоленщины. Словом, Стародуб и Новгород-Северский были в 1708 г. для Карла XII вне всяких сравнений важнее, чем Гродно за два года перед тем. Но Карл XII, на многое отваживавшийся очертя голову, тут отступил, прошел мимо после первых же разведок и рекогносцировок. Если под Гродно у него не оказалось артиллерии, достаточно сильной для длительных и эффективных бомбардировок, то теперь, осенью и зимой 1708 г., после гибели обоза Левенгаупта и артиллерии и боезапасов, которые тот вез, после потерь в боях и без боев на долгом и страшно тяжелом пути, даже и та артиллерия, с которой Карл тронулся в поход в июне 1708 г. и которая тоже не была очень сильна, уменьшилась до такой степени, что и думать было нечего о действенной бомбардировке укрепленных городов. Промахи и опоздания Лагеркропы и шедшего с ним авангарда шведской армии оказывались непоправимыми.

Если затем Ромны и Гадяч временно оказались в руках Карла, то исключительно потому, что там еще не было русских гарнизонов, когда шведы подошли к этим городам. Ромны и Гадяч не были «взяты», а были просто заняты шведами. Заняты и потом потеряны вскоре после того, как армия Карла, после скитаний к Веприку и обратно, окончательно покинула эти места.

12

Шведские источники сходятся на том, что труднейший зимний поход 1708—1709 гг. неслыханно ослабил шведскую армию. И курьезно отметить, что шведские историки так же охотно до уродливости преувеличивают значение морозов 1708/09 г., как французские историки — значение морозов в гибели армии Наполеона. По-видимому, объяснение русских побед морозами облегчает уязвленное «патриотическое» чувство. Но шведы забывают прибавить, что главное было в том, что население не дало им ни крова, ни пищи, ни топлива. Многие были или перебиты в боях, или погибли от всевозможных болезней, которые при постоянном недоедании и истощении организма легко становились смертельными, или замерзли в эти лютые морозы, где не день, не два и не три некоторым частям приходилось располагаться на ночевку в снегу, в открытом поле, иногда при вьюге, упорно задувавшей разводимые с большим трудом костры из сырых обледенелых сучьев. К этим основным частям шведской армии можно, пожалуй, причислить и очень тоже уменьшившуюся ватагу мазепинцев, пришедших в октябре с гетманом. При этих условиях поход, предпринятый Карлом в первых числах января 1709 г. из местечка Зенькова, не нуждается в глубокомысленных стратегических мотивировках. Нужно сказать, что в Зенькове Карл со своим штабом оказался только потому, что разместиться всем в Гадяче было нельзя. Но и там солдаты обмерзали не меньше, чем их товарищи в Гадяче и других окрестных местах около него. Говорить, что, двинувшись на восток к Веприку, в этот момент Карл имел в виду угрожать прямым походом на Москву, могли только те, кто не отдавал себе отчета в реальном положении двадцатитысячной шведской армии в январе 1709 г. Мотивов экспедиции против Веприка было два. Во-первых, шведский штаб, еще когда король был в Ромнах, знал, что местечно Веприк на Ворскле, как и недалеко от него лежащий Лебедин,— пункты, откуда именно и направляются постоянные налеты на Ромны, на Гадяч, на части шведской армии, скитающейся около него, ища «крыши над головой», как говорили солдаты. Значит, нужно было ликвидировать Веприк. Во-вторых, был слух, что в Веприке можно найти некоторое пристанище, потому что он не разрушен так, как разрушен Гадяч.

Однако и в неукрепленное местечко Зеньков, где не было вовсе ни одного русского солдата, войти оказалось не очень легко. «Большое количество крестьян,— пишет очевидец Адлерфельд,— объявили, что не впустят шведов. Пришлось направить туда несколько полков (!), начали сжигать первые

дома («предместье»), тем самым уничтожая желанный свой приют, на который рассчитывали. Вечером 30 декабря прибыл король. Он нашел ворота запертыми, а жителей местечка и большое количество крестьян на укреплении». Они казались «очень взволнованными». Так как ни короля, ни его армию эти обыватели и пришедшие в местечко крестьяне продолжали не впускать, то 31 декабря Карл XII велел начать с крестьянами и обывателями, стоявшими за рвом, дипломатические переговоры, и шведская армия заняла Зеньков.

Здесь, в Зенькове, окончательно было решено идти брать Веприк. Если в Зенькове, нисколько не укрепленном, где, кроме крестьян и обывателей местечка, плохо или вовсе не вооруженных, никого не было, пришлось считаться с такими затруднениями, то можно было наперед предугадать, что с Веприком, где стоял русский гарнизон, дело у Карла XII будет гораздо хуже. Самые тревожные предположения шведов оправдались.

Нелегко временами приходилось в эту зиму и русской армии, приходилось и холодать и, особенно, голодать.

«На квартире у меня во многих ротах стала пуста. Людям хлебом и конским кормом великая стала скудость, что взять негде. И за многих деревень мужики розбежались и покинули домы свои, что стало им дать нечего»[110],— писал 31 декабря 1708 г. полковник Чернцов Меншикову.

Но шведам приходилось несравненно хуже. В шведской главной квартире втихомолку велись разговоры, обличавшие некоторую растерянность. С каждым днем возрастала вражда населения к продвигавшимся в глубь страны захватчикам.

Всякие сомнения в искренности «клятвенных обещаний» жителей («Все купно як козаки и посполитые жители») города Лубны, или горожан Новгорода-Северского, или Стародуба, или далекого еще от театра войны Нежина, Глухова и других городов должны умолкнуть по той простой причине, что эти посполитые крестьяне, мещане, казаки доказали немедленно всем своим поведением, что они идут не за Мазепой, а против Мазепы. И когда шведское войско собиралось в конце ноября и в декабре 1708 г. идти на Веприк, на Ахтырку, на Котельву и дальше — на Опошню, на Полтаву,— то жесточайший отпор, полученный шведами под Веприком, и полный провал попыток не то что взять, а хотя бы только осадить Ахтырку показали вполне убедительно, что и Котельва, и Почеп, и Опошня, и Полтава окажут, когда наступит их час, отчаянное сопротивление шведам и мазепинским изменникам.

Беспокоила шведов «большая война», чуялась близость Петра, Шереметева, Меншикова и их крупных сил. Но беспокоила и малая война, которую вели казаки и население, война вне-

запных налетов, из-под земли являющегося и в землю исчезающего врага.

Шведы пробовали бороться против народной войны воззваниями. Воззвания Мазепы были понятны, обличали некоторую пропагандистскую ловкость. Как автор он еще мог рассчитывать найти читателей. Но беда была, когда он выступал в качестве переводчика агитационных творений Карла или Пипера. «Универсал» Карла, переведенный на украинский язык, конечно, Мазепой, написан такой дикой тарабарщиной, которую понять стоит невероятного труда. Он переведен с того средневекового латинского языка *наихудшего* типа, который называется у филологов низшей латынью. А только такую латынь и знали Карл XII, граф Пипер и Мазепа. Но строй латинской речи до такой степени не похож на строй речи украинской, что перевод совсем не удался, и получилась местами просто дикая галиматья. Все же основные мысли Карла XII ясны: он грозит смертью виновным и детям виновных и сожжением имущества, если люди провинятся тем, что будут оставлять свои дома и уходить, или будут покушаться чем-либо вредить шведскому войску, или агитировать тайно в пользу Москвы, или если они позволят себе возмущать людей ложными обещаниями или угрозами. Таково основное обращение короля к уму и сердцу украинского народа. Все остальное — тугая, невразумительная абракадабра на шести больших страницах, которую не всякий, даже опытный грамотей-украинец, мог осилить. Ни малейшего впечатления на население этот универсал не произвел.

«Надеялись, что манифест короля от конца ноября, распространяемый между всем казачьим народом, убедит его в правоте чувств его величества»,— пишет Адлерфельд, полагающий, что эти пустозвонные фразы о том, что король пришел освободить народ от московского ига, могут убедить украинцев.

Но Адлерфельд, камергер короля, бывший с ним и в Ромнах, и в Гадяче, и, может быть, сам принимавший посильное участие в составлении этого любопытного по-своему произведения, констатировал полную его бесполезность: «Все это, по-видимому, не произвело много впечатления на народную массу (sur le gros de la Nation), привлечь которую на свою сторону нашли секрет (avoit trouvé le secret) царь и новый гетман». Таким образом, ни истребление «всех, кто попадется навстречу», генералом Функом, ни латино-украинское красноречие короля Карла не могли покончить с разгоревшейся народной войной: «Таким образом мы постоянно находились в драке (nous en étions continuellement aux mains) с обитателями, что в высшей степени огорчало старого Мазепу, особенно сдача Белой Церкви, где он много потерял». Может быть, в самом

деле, история мирной сдачи Белой Церкви была последней каплей, переполнившей чашу горечи, которая не переставала наполняться с момента, кода Мазепа с отчаянием воскликнул, увидя обгорелые развалины Батурина, что «бог не пожелал благословить его початки» (начинания — *Е. Т.*). Теперь, с переходом всех еще уцелевших его богатств вместе с Белой Церковью в руки русских, он терял последнюю почву под ногами. И еще хуже были обстоятельства потери: Батурин по крайней мере хоть не сразу пустил Меншикова, сделал слабую попытку сопротивления, а в Белой Церкви Мазепе изменили самые, казалось бы, верные люди. С Белой Церковью и богатствами гетмана, там укрытыми, утрачивалась всякая надежда иметь хоть один прочный опорный пункт в Правобережной Украине. Что потеряна Левобережная Украина, Гетманщина, в этом Мазепу убеждало буквально все, что он видел с того момента, как шел с быстро таявшей толпой своих казаков в составе шведской армии.

Именно эта всюду вспыхивавшая непотухающими огнями народная война убивала Мазепу. Адлерфельд отметил в своем дневнике тяжкую печаль, овладевшую Мазепой. Но шведский камергер не знал, каким совсем новым замыслом поглощен угрюмый старик, едущий в авангарде рядом с королем Карлом XII.

13

У исследователя есть в руках один факт, лучше всяких теоретических рассуждений могущий дать представление о том, какое страшное впечатление произвела народная борьба украинцев на того человека, который в эту зиму с каждым днем убеждался все более и более в полном, неожиданном для него провале всех своих замыслов: это было последовавшее в декабре 1708 г. предложение Мазепы царю Петру.

В конце ноября 1708 г. новый гетман Скоропадский получил совершенно неожиданно письмо от миргородского полковника Даниила Апостола, который считался одним из главных помощников и подручных Мазепы и ушел вместе с ним к шведам.

Теперь Апостол просил прощения, изъявлял полное раскаяние и желал, чтобы его принял царь. По-видимому, уже тогда Апостол открыл Скоропадскому, что он бежал от шведов не совсем против воли и не без ведома Мазепы и что вообще у него есть очень важная новость. Во всяком случае царь приказал, чтобы ему представили раскаявшегося мазепинца.

Апостол при первом же свидании с Петром сообщил, что и Мазепа тоже раскаивается в измене и что бывший гетман не только знал об уходе Апостола, но и дал ему поручение к

царю. Мазепа предлагал царю, что он нечаянным нападением захватит Карла XII (в ставке которого гетман почти неотлучно находился) и вместе с ним захватит наиболее важных генералов и отдаст их всех в русские руки.

Петр обласкал полковника Апостола, восстановил его в чине и вернул его имения. Были обстоятельства, которые могли, как, очевидно, и рассчитывал Мазепа, удостоверить Петра в том, что предложение Мазепы серьезно и имеет некоторые шансы на успех. Принимая во внимание безумную отвагу Карла, его истинную страсть ввязываться лично и непосредственно в опаснейшие приключения и удаляться от лагеря без особой надобности и на значительное расстояние, предприятие могло показаться, при благоприятных обстоятельствах, осуществимым. На этом, очевидно, и основывал Мазепа свою надежду на то, что Петр примет дело всерьез. Надежда, конечно, оказалась тщетной.

Допрашивать Апостола и разбираться в диковинных предложениях Мазепы царь поручил графу Головкину. Этот выбор едва ли был случайным. Головкин ведал немалое время «делами малороссийскими» и тут, в Лебедине, мог быть наиболее осведомленным в этих делах из всей тогдашней свиты царя. Но, кроме того, на Головкине лежала ответственность, может быть не целиком, а отчасти, за убийственную по своим вредным последствиям ошибку в деле Кочубея и Искры. Он был одним из двух наиболее ответственных лиц, виновных в этом непоправимом промахе, другим был сам царь. Во всяком случае, если бы в этом кровавом деле Головкин не писал свои доклады царю под диктовку *изменника, если бы* у него хватило проницательности, чтобы разглядеть, где правда, то много несчастий было бы предупреждено. Поэтому Петр имел все основания считать, что уж на этот раз Мазепе не удастся обмануть Головкина, которого он так ловко обошел в первый раз.

Головкин имел с Апостолом большой разговор. По существу, канцлер сделал вид, будто считает предложение гетмана серьезным. Но речь шла о двух условиях. Первое условие ставил Головкин, и оно оказалось неприемлемым для Мазепы; второе ставил Мазепа, и его принял Головкин (точнее, сделал опять-таки вид, будто принял). Головкин ставил условие, чтобы Апостол доставил от Мазепы какие-нибудь серьезные письменные документы, потому что устные предложения — дело неверное. Апостол говорил о том, что Мазепа просит, чтобы его амнистия, которую ему обещают, была гарантирована иностранными державами. Сохранилось письмо графа Головкина к Мазепе, писанное из Лебедина и помеченное 22 декабря 1708 г., в котором выражается согласие на его «кондиции». В этом

письме говорится, что хотя письменных документов и нет, но так как за время этих переговоров (уже после Апостола) прибыл еще тоже бежавший от шведов другой полковник — Игнат Галаган и привез повторное предложение, то этого достаточно. Изъявлялось согласие и на иностранных «гарантеров» будущей амнистии, обещанной Мазепе [111]. Из этих переговоров в конце концов ничего не вышло и выйти не могло.

Вся эта история и особенно письмо Головкина не оставляют сомнения, что если Мазепа делал свое предложение серьезно, под влиянием впечатления полного провала своего изменнического дела, то ни Петр, ни Головкин абсолютно ему не верили и хотели лишь получить документальные доказательства его новой «обратной» измены для дальнейшей борьбы против изменника. Еще сам Мазепа, этот старый украинско-польский интриган, хитрый шляхтич, состарившийся в затейливых поисках, устройствах западни, крестных целованиях, лжесвидетельствах, зароках и клятвах, «гарантиях» и перестраховках, мог всерьез верить, что Петр пойдет на такое нелепое предложение: затевать переписку с иностранными державами и просить их быть «гарантерами» и поручителями перед Мазепой, что он, царь, в самом деле сдержит обещание и помилует Мазепу, если тот «захватит» короля Карла. Петр, человек громадного кругозора, большой глубины и тонкости дипломатической мысли, освоивший порядки и обычаи европейской политики, хорошо знал, что такие дела, как предлагаемое Мазепой, еще изредка делаются, но готовятся по секрету, а не с предварительными дипломатическими переговорами о каких-то «гарантиях». Вся бессмыслица требований гарантии и «гарантеров», разрушавшая уже наперед малейшую возможность сохранения тайны для предлагаемого предприятия, прямо бросалась в глаза. Головкин писал свое письмо Мазепе с единственной целью: *поймать в ловушку Мазепу, получив от него документальные доказательства его нового предательства.* Ни одной минуты, конечно, ни царь, ни Головкин не относились серьезно к этим пробным шарам и зондированиям почвы со стороны презренного предателя.

Но если и речи не могло быть о серьезном отношении Петра или Головкина к новой затее Мазепы и если ни малейших реальных последствий это предложение иметь не могло, то никак нельзя сказать, чтобы оно было лишено в глазах историка своего значения. Оно в высшей степени характерно как показатель глубокого разложения в лагере мазепинцев.

Эта выходка Мазепы не была с его стороны мистификацией: посылка Апостола и Галагана к Петру с дважды повторенным предложением была доказательством того, до какой глубины полной паники и растерянности доходил минутами старый пре-

датель, больше всего сокрушавшийся и подавленный, по словам шведа Адлерфельда, его наблюдавшего, именно народной войной, сопротивлением населения Украины шведскому нашествию и, прибавим, прогрессировавшим разложением в своем стане. Он бросался из стороны в сторону. Предлагал царю захватить Карла XII и писал почти одновременно Станиславу Лещинскому, умоляя его поскорее идти на помощь к Карлу на Украину. Тут к слову заметим, что некоторое время в Европе придавали измене Мазепы очень большое значение, и многие были уверены, что шведские сообщения об отпадении всей Украины от России правильны. Даже осторожный и недоверчивый ни к шведским, ни к русским официальным сообщениям английский посол в Москве Витворт уже начал в своих секретных донесениях в Лондон величать бывшего гетмана: «мистер Мазепа» [112]. После Полтавы Иван Степанович превратился для англичан снова просто в Мазепу.

14

Казаки и взводы регулярной конницы тревожили шведов в Ромнах, где была королевская ставка, а Мазепа, сидевший теперь (в декабре 1708 г.) в Гадяче, был в панике от этих наездов и просил о спасении. Гилленкрок решительно не советовал королю уходить из Ромен. Но Карл пожелал идти.

Пошли из Ромен в Гадяч. Сейчас же, едва шведы вышли из Ромен, жители Ромен, казаки и отряд, посланный Шереметевым, заняли окрестности города. В Гадяч шведы дошли, измученные страшным морозом, когда уже наступала ночь 28 декабря. Шведская документация рисует картину, которую стоит запомнить. «Авангард подходил к Гадячу, как раз когда наступил ужасающий мороз. Поэтому все старались протиснуться вперед, чтобы найти в городе защиту и теплое пристанище, вследствие чего у единственных ведущих в город ворот возникла жестокая суматоха, которая еще более увеличилась подходившими орудиями и обозными повозками. Люди, лошади, повозки в конце концов образовали один клубок, и только незначительной части войск удалось войти в город, в то время как большая часть должна была провести ночь в снегу, на морозе, под открытым небом».

Но даже и следующий день и отчасти следующую ночь тысячи людей, высокопоставленных и простых, солдат и офицеров, должны были провести под открытым небом и нажили себе в эти часы те болезни, от последствий которых должны были потом мучиться всю жизнь.

В эту ночь скончалось от холода от 3 до 4 тыс. человек. Можно было видеть замерзших кавалеристов, сидевших на

своих лошадях, пехотинцев, которые крепко примерзли к деревьям и к повозкам, к которым они прислонились в последний момент своей жизни. Пищи было мало, но нашлась в большом количестве водка, однако злоупотребление ею в таких условиях значительно ускоряло гибель шведов. «Но в самом городе ужасающие сцены были, если только это возможно, еще страшней. Одна треть города сгорела, а остальные две трети были далеко не в состоянии приютить целую армию. Почти каждый из этих домов превратился в лазарет, где хирурги были заняты отпиливанием замерзших частей тела или по крайней мере оперированием их. Проходившие по улице ежесекундно слышали вой несчастных и видели лежащие перед домами там и сям отрезанные части тела. А по улице встречались больные, которым не удалось нигде найти пристанища и которые ползали по земле в немом отчаянии или в припадке сумасшествия» [113].

Из Гадяча приходилось вместе с тем уходить, потому что русские, не переставая, продолжали тревожить нападениями. Русские тоже страдали от холода, но были гораздо теплее одеты: в полушубки, а не в наворованное еще в Саксонии дорогое, но совсем уже истрепанное сукно, как у шведов, и питались они несравненно лучше: крестьяне охотно давали своим все припрятанное от шведов в ямах или в соседних лесах, да и продовольственные запасы у Шереметева были теперь лучше, чем когда шли из Литвы в Северскую Украину.

Понятовский, верный спутник Карла XII, точно так же решительно ничего не понял в умышленной зрело обдуманной ловушке, в которую попал его друг и повелитель, уводя свою армию из Ромен в Гадяч. Ужасы этого перехода описывает и он. «Перед тем, как прийти в Гадяч, шведы потеряли три тысячи человек замерзшими, а кроме того, всю обозную прислугу и много лошадей, вследствие чего разорение всей армии давало себя чувствовать более, чем когда-либо. Люди, мужчины и женщины, лошади погибали безнадежно... Все-таки король пришел вовремя в Гадяч, чтобы заставить московитов удалиться» [114].

Понятовский не понимает, что Шереметев вовсе и не собирался брать Гадяч, а лишь производил мнимые приготовления к атаке, чтобы побудить Карла покинуть Ромны и чтобы затем занять их, русским отрядом. Такие искренние обожатели Карла XII, как Понятовский, были в окружении короля столь же вредны, как царедворцы и льстивые приспешники вроде Акселя Спарре или немецкого изменника и перебежчика от русских бригадира Мюленфельса. Карл, лихой организатор налетов на врага, талантливый тактик, но очень посредственный стратег, не переставал в русском походе попа-

дать впросак, ничего решительно не понимая в русской стратегии. А льстецы и приспешники, к коим порой присоединялся по карьеристским соображениям и сам фельдмаршал Реншильд, не переставали поддакивать и расхваливать своего «юного героя», который в эти роковые для него и для его армии месяцы выбирался из одной западни, поставленной русским командованием, лишь затем, чтобы попасть в другую. И все хорошо: русские уклоняются от боя, бегут, всюду победа!.. И в Гадяче «победа» и в Веприке «победа», и так от «победы» к «победе» шведская армия шла и пришла к трагедии в Полтаве, к позору в Переволочной, к своему бесславному концу.

Еще будучи в Литве, рассматривая карту, составленную квартирмейстером и главным картографом армии Гилленкроком, Карл XII сказал: «Мы теперь на большой дороге к Москве». — «До нее еще очень далеко»,— осторожно возразил Гилленкрок. Но у Карла на подобные возражения всегда был готов ответ: «Когда мы опять начнем движение, то придем туда». Лишь бы начать двигаться. Лучше всего он себя чувствовал и спокойнее всего казался окружающим, когда приходилось двигаться и действовать и когда уже мысли, колебания, взвешивания, сомнения оставались позади. С чувством, близким к отчаянию, говорили лица поумнее, вроде Гилленкрока или графа Пипера, об этой опаснейшей черте своего короля, когда, например, он ни с того ни с сего пошел из Ромен в Гадяч или потом стал кружить по Слободской Украине.

Морозы памятной всей Европе зимы 1708/09 г. усилились к концу декабря в необычайной степени. Страдала русская отступающая армия, еще больше страдали шведы, находя по пути оставленные русскими пожарища. Шведам приходилось раскладывать громадные костры, устраиваться на ночевку в чистом поле. Вот картина с натуры отхода шведов от Веприка: «...подавший неприятель в левую руку к Плешивицам разложили огни великие и стояли, а болше у них пехоты было видеть, а конницы не так. Только от великой тягости морозу и проведать трудно; кого ни пошлешь, то приедит либо лицо, либо руки или ноги ознобе»[115]. Люди обеих армий гибли на морозе тысячами. «И статься, сказывают которые приходят мужики, от неприятеля многие с холоду помирают. Оные („мужики" — *Е. Т.*) видели, вдруг восемьдесят человек привезено от Глинской дороги, також и из Липовой видели»[116].

Голод донимал шведов еще хуже, чем холод.

Лубенские горожане и крестьяне («лубенские и сельские обыватели») поймали мазепина есаула и одного «кумпанейца» из мазепинцев, связали их и привели к Волконскому, который и отправил их к Меншикову[117]. Спустя несколько дней снова удалось захватить шведских «языков», и все в один голос

показывали, что «хлебом нужда» у шведов: «а поход свой остановили шведы для великого морозу» [118].

Шведы в эту суровую зиму решительно ничего уже достать в украинской деревне не могли, потому что «из многих деревень мужики разбежались и покинули домы свои». Даже и в русской армии стало ощущаться, что деревня совсем опустела, и «хлебом и конским кормом великая стала скудость» [119]. Но у русских был, хоть и с перебоями, подвоз из более или менее далеких мест, а у шведов ровно никаких надежд на помощь издалека не было. И мимоходом можно вычитать в документах нечто сразу же говорящее о громадном отличии в продовольственном положении обеих армий: шведы голодают, хотя у них есть деньги, потому что не у кого купить хлеба, а русские испытывают затруднения тогда, когда почему-либо у них нет денег. Вот в самое голодное время лютой зимы (24 декабря 1708 г.) жалуются служащие в русском войске волохи, что их полковник и другие их офицеры уехали в Лебедин, взяли там жалованье, а «к ним не везут». И волохи «скучают, что и хлеба купить не на что».

Но мы знаем, что, например, такие же нерегулярные волохи, служившие в армии шведской, получали жалованье регулярно, требовали надбавку, получали надбавку — и все-таки голодали и с голодухи бежали от Карла к русским.

Стужа так усилилась во второй половине декабря и в начале января, что не было никакой возможности идти дальше на Веприк и Лебедин, как хотелось королю вопреки мнению Гилленкрока и даже обыкновенно поддакивавшего королю Реншильда. И ненужный губительный переход армии в неслыханные морозы из Ромен в Гадяч предстал пред шведским штабом во всей своей нелепости. Гилленкрок осторожно попробовал убедить Карла вернуться в Ромны. Но король не любил, чтобы ему столь наглядно доказывали, какие чудовищные промахи он делает. «Что это опять за глупость? Зачем король выступает?» — сказал граф Пипер, конечно, не лично королю, еще когда Карл отдал приказ о переходе в Гадяч. Но признать перед всей армией, что содеянная им глупость есть глупость, король не пожелал, и 6 января в лютый мороз Карл снова поднял свою армию и, не сказав ни слова Гилленкроку, пошел брать Веприк.

Ни король, ни Гилленкрок, ни весь штаб не знали, что храбрый капитан Юрлов, фактически руководивший обороной, деятельно вспомоществуемый всем населением маленького и плохо укрепленного полусела-полугородка Веприка, окажет отчаянное сопротивление и принудит к штурму четыре полка (два пехотных и два кавалерийских), которые Карл повел к Веприку, и что штурм будет стоить шведам, как увидим даль-

ше, страшных потерь, причем исключительно высок почему-то оказался процент убитых и тяжелораненых офицеров, и все, как нарочно, пали самые лучшие, испытанные в многолетних боях чины командного состава.

Но если этого нельзя было предусмотреть в подробностях, то уж зато в штабе ясно понимали, что даже и при полной удаче под Веприком овладение этим местом ни малейшей выгоды представить не может. Идти от Веприка дальше на Лебедин, где находился Петр,—для такого предприятия, да еще при жестоком морозе сил явно не хватало. Значит, даже при удаче придется идти не вперед, а назад. Но если так, то зачем же мог понадобиться Веприк? Генералы этого не понимали, а Карл довольствовался лишь отрывочными невразумительными словами о том, что следует «отогнать врага».

Мазепа, поглощенный своей идеей об удалении главного театра военных действий от Украины, убеждал короля теперь, в конце декабря 1708 г., двинуться на Белгород и оттуда завязать сношения с булавинцами. Он еще ничего не знал ни о самоубийстве Кондратия Булавина, ни об упадке этого движения. Карла нетрудно было убеждать в целесообразности таких планов, которые влекли на восток и поэтому приближали к Москве. Но вывести теперь же всю армию из Гадяча, где она стояла и где даже и при ночевке в закрытых помещениях замерзали люди, было невозможно, и Карл решил пока предпринять с несколькими полками наступление от Гадяча вверх по реке Псел.

Ему удалось овладеть Зеньковом, но Петр предвидел неминуемость попытки Карла продвинуться на северо-восток от Гадяча либо затем, чтобы продолжать дальнейшее движение на Белгород, подтянув к себе все свои силы из Гадяча, либо затем, чтобы обеспечить от русского нападения левый фланг шведской армии, если Карл поведет ее от Гадяча к югу, на Полтаву. В том и другом случае должно было для задержки движения шведов к востоку укрепить городки Веприк, Лебедин, Сумы, лежащие по верхнему течению реки Псел, а также Ахтырку, находящуюся к юго-востоку от Веприка. Петр в жестокие морозы этой зимы маршировал с солдатами то в Лебедин (26 ноября), то в Веприк (30 ноября), то опять в Лебедин (25 декабря), то в Сумы (26 декабря).

Наступление шведов должно было начаться со взятия Веприка, наиболее близкого к Гадячу из всех перечисленных мест. Но оно и началось и окончилось у Веприка. С неимоверными трудностями, при невероятных морозах этого года, не щадя себя, русские успели наскоро окружить Веприк такими прежде тут не существовавшими земляными валами, что, напрасно потратив на их артиллерийский обстрел много снарядов, кото-

рых шведам было жаль, так как их армия была уже не так этим добром богата, Карл ясно увидел, что артиллерией город не взять. Он приказал штурмовать эту позицию. Ничтожный гарнизон Веприка, имевший всего три пушки, трижды отбивал приступы, пока не истощился порох, и когда шведы *6 января 1709 г. вошли в это разрушенное место*, то офицеры удивились и сильно роптали, не понимая, зачем королю было тратить совсем бесполезно столько людей. По шведским показаниям, шведы потеряли до 1200 человек убитыми и ранеными, а по словам Петра (в его «Журнале», ч. 1, стр. 198) — больше, 1246, так как Петр оговаривается в своем «Журнале», что часть раненых шведы отправили на главную свою квартиру в Гадяч. А укрепления Веприка шведы срыли до основания и отступили.

Несколько сотен русских и украинцев, нанесших под Веприком своим отчаянным сопротивлением такой тяжкий урон значительным шведским силам, оказали громадную услугу русскому делу. Карл XII, который, как сказано, вообще не любил тратить солдат на осады и штурмы, только потому велел штурмовать Веприк, что не имел понятия о возможности подобных тяжких потерь при взятии такого ничтожного укрепления. А дальше пришлось бы, идя к северу долиной реки Псел, брать одно за другим укрепления: Каменное, Лебедин, Сумская Ворожба и Сумы, и не было никаких причин ожидать, что взятие этих городков будет шведской армии стоить дешевле, чем абсолютно ненужное взятие Веприка.

Срыв укрепления Веприка (на валах его не было даже *ни одного* бастиона), шведы повернули обратно и отступили к Гадячу и к Ромнам, где были расположены их главные силы.

Эта кучка безвестных и давших себя почти полностью истребить героев, как солдат, так и населения, которое полностью пожелало включиться в дело обороны, сделала ничтожную крепостицу Веприк одним из крайних восточных пунктов, до которых докатилось шведское нашествие, отправлявшееся по пути Путивль — Белгород — Курск — Москва. Веприк лежит под более восточным меридианом, чем Стариши, откуда, как было сказано, агрессор тоже принужден был повернуть к югу и отказаться от вожделенного северо-восточного направления. Так же как в Старишах, отказ от северо-восточного направления на Смоленск — Дорогобуж — Москву знаменовал решение идти к югу, так это случилось и под Веприком. И так же точно, как в середине сентября движение к югу от Старишей вовсе не означало отказа Карла от мысли о Москве, так и после жестоких и бесполезных потерь под Веприком королевский штаб утешал офицеров, жаловавшихся на ненужную

бойню, где процент погибшего и искалеченного офицерства оказался выше обыкновенного, тем, что теперь зато будет найдена другая, более подходящая дорога — южнее. Но где именно? Петр некоторое время полагал, что шведы будут после Веприка прорываться к востоку через Ахтырку. Но шведы не рискнули идти брать город вследствие крайне трудных условий для кавалерийских маршей, а из-под Веприка ушла подобру-поздорову именно кавалерия, не принимавшая участия в отчаянных штурмах, положивших около 1300 человек шведской пехоты. Петр послал в Ахтырку Меншикова с драгунами и сам туда прибыл (2 февраля 1709 г.) и оставался шесть дней, наблюдая за укреплением города.

Карл туда не пошел, а прошел мимо. Он предпочел идти через Опошню, лежащую, так же как и Ахтырка, на реке Ворскле, но несколько южнее.

До начала половодья были получены сведения о том, что шведский отряд генерал-майора Крейца силой в 5 тыс. человек, стоявший в Лохвице и в окрестных деревнях, собирался покинуть свои стоянки. Очевидно, предполагалось, что Крейц пойдет к югу, на Опошню и Будищи, где по слишком преждевременным заключениям будто бы обретался неприятель [120].

15

Сопротивление под Веприком произвело, как совершенно категорически утверждают шведы — участники и летописцы похода, самое удручающее впечатление на шведское офицерство. Бодрился, как всегда, только сам король и окружавшие его льстецы из генералитета во главе с тем же Реншильдом. Возникал ряд вопросов, требовавших немедленного разрешения. Первый и ближайший вопрос: где искать «крыши над головой» при все усиливавшихся морозах? Прошли мимо Ахтырки, но не посмели даже и начать ее осаждать. Не пошли к Лебедину, потому что было ясно, насколько сопротивление царской ставки будет сильнее, чем под Веприком. Возвращаться в Ромны и отбивать их у русских, которые были там поблизости? Вернуться в Гадяч, имея впоследствии угрозу из тех же Ромен с севера и из Лебедина и Ахтырки с востока? Да и размышлять насчет Гадяча долго не пришлось: он был занят почти в одно время с Ромнами. Значит, оставалось идти на юг, в Полтавщину. Но тут представлялся и другой, еще более существенный вопрос: что же вообще делать дальше? От похода на Москву Карл ничуть не отказывался, и шведский штаб смотрел на Полтаву, как на место, где можно будет спокойно подождать, с одной стороны, Станислава Лещинского с польским войском с запада, а с другой стороны, многотысячную

армию из Запорожской Сечи, которую обещал Мазепа. Верить этому обещанию, после того как оказались лживыми все другие его обещания, было, конечно, рискованно, но ничего другого не оставалось.

Все это понятно и объяснимо. Что осталось загадочным не только для многих современников, но отчасти и для потомства, это вторжение шведов, миновавших Ахтырку и вошедших в Опошню, из Опошни в Слободскую Украину, т. е. в самую восточную область Южной Украины, а оттуда вновь в Опошню. Почему шведы пошли таким глубоким обходом к Полтаве, когда они могли продвинуться туда гораздо быстрее и не быть застигнутыми страшным разливом рек, ранневесенним февральским и мартовским наводнением 1709 г.,— это можно рациональнее всего объяснить лишь одним: тут они шли впереди русской армии, Шереметев оставался у них с тыла, и, значит, он не мог успеть разорить Слободскую Украину. Именно тут, казалось, можно было найти пристанище. Но если так, то чем можно объяснить то свирепое опустошение, которому подвергли сами шведы слобожан? Объяснение одно: на Слободской Украине армия Карла XII встретила ту же народную войну, какую испытала и до и особенно после перехода к ним Мазепы на Северской Украине и на всей Гетманщине вообще, где она уже побывала. И варварское сожжение предместий Краснокутска, который шведы оказались не в силах удержать, но в силах подожечь, и опустошение деревень было ответом на уход слобожан из своих домов, на прятанье хлеба, наконец, на партизанские налеты и истребление рыскающих в поисках хлеба и сена шведских фуражиров.

Не взяв Ахтырку, мимо которой шведы прошли после Веприка, они повернули к Котельве, овладели Опошней, оттеснив русских, причем наивный и очень усердствующий участник и летописец похода камергер Адлерфельд заявляет с самым серьезным видом, что они перебили 400 человек русских и 150 взяли в плен, а сами потеряли при столь молодецком подвиге всего... *двух* человек. И неловко за шведского историка Стилле, что он верит этому лубочному вздору и повторяет его! [121] Но Карл ушел из Опошни, а русские тотчас же вернулись и перебили, а отчасти взяли в плен оставшийся тут небольшой шведский отряд.

По свидетельству пленного поляка, взятого 28 января 1709 г., в бою под Опошней, происходившем накануне, присутствовал сам король с 5 тыс. шведов, а кроме того, участвовали еще и волохи и поляки, которых есть 12 «хороног» (хоронгвей — *Е. Т.*). Поляк удостоверил, что Карл идет к Полтаве [122].

Это показание и, по-видимому, аналогичные «распросные

речи» о намерении Карла были тотчас пересланы Меншиковым царю, причем Меншиков просил царя прибыть в Ахтырку, куда мог бы явиться для свидания и сам Александр Данилович. В Полтаву немедленно было послано семь пушек в дополнение к уже имевшимся 12[123]. Карл, снова не решившись напасть на Ахтырку (к которой опять подходил для рекогносцировки), пошел к Краснокутску (или Красному Куту) в Слободской Украине. Шведы просто разоряли и жгли деревни, убивали не успевшее от них убежать мирное население, гонялись за небольшими русскими конными отрядами и все-таки не могли, например, овладеть прочно ни одним населенным пунктом. Краснокутск они разорили и часть сожгли, но должны были отойти от него, жителей частью перебили, а часть (женщин и детей) увели и где-то бросили умирать на морозе. Не только Краснокутск, но и Олесня сопротивлялись до последней возможности, и все жители с женщинами и детьми были перебиты, в плен шведы тут не брали, убили решительно всех, кто попал им в руки. Погибло так и население ряда других пунктов, вроде местечка Рашевки, где население еще до прихода вооруженных отрядов из армии Шереметева нападало на шведов с оружием в руках.

Мазепа ни на шаг не отходил от короля и присутствовал при всем этом особенно зверском, исключительно неистовом опустошении страны. Он, конечно, ни в малейшей степени не препятствовал всему, что творил его новый хозяин. В полнейшем провале своих планов, в том, что народная война ведется не против русских, а против шведов, Мазепа к этому времени, т. е. к февралю 1709 г., был уже окончательно убежден. Из попытки сношений с Петром в связи с предложением гетмана нечаянным нападением захватить Карла и, похитив его, доставить в царский лагерь ничего не вышло. Тогда оставалось одно лишь: терроризовать Украину и, обострив этот террор, принудить ее, наконец, перейти на сторону шведов.

Мазепа знал, что́ его лично ждет в случае победы России, и поэтому не было у украинского народа зимой и весной 1709 г. более неумолимого, смертельного врага, чем старый бывший гетман. Не следует забывать и того, что у Мазепы оставалась еще одна надежда, тем более сильная, что она была последней: он ждал со дня на день восстания Запорожской Сечи, запорожцы были последним резервом мазепинцев. А если так, то приманить их к измене можно было легче всего, обещая им богатые милости и широкие возможности воспользоваться всем имуществом горожан и сельского населения Украины, которые останутся верными России. Террор шведский, до таких неслыханных размеров зверства обострившийся в январе —

феврале 1709 г. на Слободской Украине, должен был явиться как бы началом общего террора, который собирались направить весной изменники-запорожцы против населения Гетманщины. Это восстание тесно связывалось у Мазепы и запорожского кошевого Константина Гордиенко с чаемой и ожидаемой ими победой шведского короля. Спокойная суеверная убежденность Карла XII в конечном успехе действовала на окружающих. Ведь Мазепа жил исключительно в ближайшем окружении короля, садился за королевский стол с генерал-майором Спарре, который был заблаговременно намечен в коменданты («губернаторы») города Москвы.

Такова была среда, в которой жил изменник-гетман в последние месяцы перед Полтавой.

Жесточайшее народное сопротивление, которое встречали шведы буквально на каждом шагу между Котельвой, Краснокутском, Коломаком и Рублевкой, побудило Карла к проявлениям такой истинно зверской жестокости, какая всегда была ему свойственна, когда он встречал серьезный отпор. Сжигались деревни, убивали все не успевшее бежать население. 11 февраля он пошел к Коломаку и между Краснокутском и Городней натолкнулся на отряд генерал-лейтенанта Ренне. Произошло кровопролитное столкновение, не весьма удачное для шведов. Русские бились с особенным ожесточением, вызванным в них возмущенными чувствами: ведь отряд Ренне видел испепеленные деревни и валявшиеся всюду по дорогам трупы убитых или замерзших крестьян, их жен и детей. Враг был отброшен с потерями обратно в Краснокутск, сам король, который хотел остановить бегущих, чуть не был взят в плен. Ренне затем отошел со своим маленьким отрядом. Потери шведов были гораздо значительнее, чем у русских, вопреки лживой шведской реляции, трубившей о победе.

16

Сражение между Краснокутском и Городней еще уменьшило и без того сильно тающую шведскую армию. По шведским позднейшим подсчетам, армия Карла в момент начала похода ранней весной 1708 г., когда он стоял в Сморгони и Радашкевичах, была равна 35 тыс. человек. Затем, в октябре 1708 г., Левенгаупт привел к нему уцелевших после битвы при Лесной 6700 человек. Следовательно, у него должно было бы оказаться 41 700 человек. Конечно, он успел уже к октябрю испытать потери, но не такие чудовищные, как затем зимой. Ранней весной 1709 г., после скитаний по Слободской Украине (по шведским подсчетам), у Карла XII осталось всего меньше половины этого числа, 19 тыс. человек с небольшим, если считать чисто

шведскую по своему национальному составу регулярную армию. Если летом 1709 г. у короля под Полтавой оказалось (перед боем) 30—31 тыс. человек, то это объясняется прибытием части запорожцев, приведенных их кошевым, изменником Константином Гордиенко, а также наличием волохов и других нерегулярных отрядов.

Вопрос о прибытии подкреплений стал в сущности уже в марте 1709 г. вопросом жизни или смерти для шведской армии.

Доходили до Петра в феврале 1709 г. слухи, что Карл «послал указы во все свои городы и в Лифляндии», чтобы собрать все военные силы у всех гарнизонов и, как только настанет весна, идти «доставать Петербурга». Но едва ли эта весть могла в тот момент показаться Петру очень устрашающей. Сам Карл с лучшими, отборными своими войсками (т. е. с той частью их, которая еще уцелела) был в топях и болотах Слободской Украины, должен был выводить людей, лошадей, обоз из области, которая уже в ближайшем будущем оказалась затопленной разлившимся половодьем,— а без него брать Петербург было бы предприятием еще более, очевидно, невозможным, чем была бы попытка сделать это при нем [124]. Но откуда ждать подкреплений? О подкреплениях из Швеции нечего и думать. Ждать Станислава Лещинского с какой-то мифической, несуществовавшей большой польской армией было нелепо, никогда бы он и до Днепра не дошел, если бы даже у него была армия, ему повинующаяся, чего никогда не было, и если бы он осмелился дать ей приказ о походе в Россию, чего уж никак и случиться с горемычным «королем» не могло.

Но в шведском лагере еще многие верили в приход поляков. Верили солдаты, потому что привыкли слепо верить Карлу, а Карл громогласно утверждал, что ждет прибытия Лещинского с большой армией. Верили льстецы и приспешники, окружавшие Карла, вернее, притворялись, будто верят. Генералы посерьезнее, конечно, не верили. Граф Пипер, первый министр, не верил нисколько. «Армия находится в неописуемо плачевном положении»,— писал Пипер жене перед Полтавой. Письмо дошло до Стокгольма, когда сам Пипер уже был в плену.

Крейц, Левенгаупт и генерал-квартирмейстер Гилленкрок разделяли тревоги и пессимистические предчувствия министра Пипера. Но путей к спасению они не указывали в сущности никаких. Идти к Днепру, остановиться за Днепром и там ждать поляков — дальше премудрость даже самых осторожных советчиков в окружении Карла XII не шла. Но советчики опоздали: их план уже стал весной 1709 г. неисполнимым. До Днепра можно было бы еще пробраться или, точнее, *продраться* сквозь русские войска, уже стоявшие по Днепру именно в ожидании бегства шведов к Днепру с востока или на случай попыток

поляков подойти к реке с запада. А затем шведов ждала в Правобережной Украине не менее, если не более жестокая народная война, не говоря уже о том, что по пятам за ними шла бы втрое сильнейшая армия Шереметева.

Спасения для шведского войска уже весной 1709 г. в сущности не было никакого, и вопрос лишь шел о том, где и в каком виде постигнет зарвавшегося агрессора конечная катастрофа. Видел это и царь. Карлу как-то показали перехваченное письмо Петра к королю польскому Августу. Царь предлагал Августу вторгнуться из Саксонии в Польшу, так как шведская армия (писал Петр) почти уничтожена и Карл уже никогда в Польшу не явится. Прочтя это письмо, Карл, по собственным своим словам, от всей души расхохотался. Хохотал он от всего сердца, herzlich, как об этом писал бывший при нем немец Сильтман. Веселый, неудержимый королевский хохот раздавался в ставке как раз в те дни, когда шведская армия шла со всем обозом, направляясь через Опошню в Великие Будищи на Полтаву.

Бродя от Краснокутска к Коломаку, оттуда повернув к югу и юго-западу, к Яковцам, к Великим Будищам, к Жукам и Полтаве, Карл XII, видя продолжающееся отступление отдельных отрядов русской армии и совершенно превратно истолковывая этот факт, решил, что он настолько прочно владеет Украиной, что вправе наказывать своих новых подданных за попытку сопротивления. Войдя в Олесню (Олешню) 11 февраля 1709 г., генерал-майор Гамильтон просто перебил несколько сот человек и затем ушел, сжегши местечко до основания. Это он мстил жителям Олешни за то, что они, вооружившись чем попало, отчаянно оборонялись от большого шведского отряда, и четыре полка долго не могли ничего с ними поделать. Ворвавшись, наконец, в Олешню, шведы убедились, что никакого русского гарнизона там не было и что с ними так яростно сражалось гражданское население. Сожгли и деревню Рублевку (17 февраля). Женщин и детей уводили на смерть, бросая их в степи, по свидетельству одобряющего это Адлерфельда, за то, что мужчины, уходившие при приближении врага, осмеливались стрелять по шведам. Карл шел к югу, проходя восточной полосой Южной (Слободской) Украины. Он по-прежнему был полон своих завоевательных фантазий. Любопытный разговор Карла с Мазепой передает нам Адлерфельд, бывший, как всегда, с королем.

Дело было в Коломаке, крайнем восточном пункте Слободской Украины. Подходили туда 13 февраля. «Коломак расположен на границе Татарии,— авторитетно объясняет Адлерфельд ...и старый Мазепа, который со своими казаками участвовал в этой экспедиции, хотел польстить (voulut faire la cour) королю,

рядом с которым он ехал на лошади, принося ему поздравление с его военными успехами и говоря ему по-латыни, что уже находятся не более, как в восьми милях от Азии. Его величество, который прекрасно знает географическую карту, ответил ему с улыбкой: „Но географы не соглашаются" (Sed non conveniunt geographi), и это замечание заставило немного покраснеть этого доброго старика (ce qui fit un peu rougir ce bon vieillard)» [125]. Но Адлерфельд совершенно напрасно поспешил похвалить короля за знание географии, в которой, впрочем, и сам автор был не силен. Из другого источника мы знаем, что лживая лесть «доброго старика» Мазепы была воспринята вполне серьезно Карлом. Король немедленно приказал генерал-квартирмейстеру Гилленкроку разузнать (zu erkundigen) о дорогах, которые ведут в Азию. Гилленкрок ответил ему, что Азия отсюда очень далека и что достигнуть ее по этой дороге вовсе нельзя. «Но Мазепа мне сказал,— возразил Карл,— что граница отсюда недалека. Мы должны туда пройти, чтобы иметь возможность сказать, что мы были также и в Азии». Гилленкрок ответил: «Ваше величество изволите шутить и, конечно, вы не думаете о подобных вещах серьезно?» Но Карл тотчас возразил на это: «Я вовсе не шучу. Поэтому немедленно туда отправляйтесь и осведомитесь о путях туда». Гилленкрок поспешил пойти к Мазепе, который немало испугался, когда услышал о словах короля, и сознался, что он сделал свое замечание лишь из любезности (nur aus Galanterie gemacht habe) и предложил свои услуги тотчас пойти к королю, чтобы навести его на другие мысли». Гилленкрок «предостерегающе» сказал Мазепе: «Ваше превосходительство отсюда можете видеть, как опасно шутить таким образом с нашим королем. Ведь это господин (ein Herr), который любит славу больше всего на свете, и его легко побудить продвинуться дальше, чем было бы целесообразно» [126].

Весь этот инцидент очень характерен. Вдумаемся в обстоятельства, при которых шел этот разговор. Начинается та необычно ранняя (в середине февраля) весна со своими безбрежными разливами, которая явилась для шведской армии новым бедствием после долгих морозов. Шведы бродят и кружат по Слободской Украине, уже окончательно разуверившись в сочувствии украинского населения и мстя за это страшными избиениями и прямым разбоем, которого все-таки до той поры в таких размерах не было, убийствами первых встречных, поджогами, уводом на явную смерть от голода и холода женщин и детей. Вокруг — начинающееся колоссальное наводнение, и неизвестно, как вывести армию к Полтаве, которую нужно взять, чтобы оттуда идти завоевывать Россию и брать Москву,— а вождю этой армии приходит счастливая мысль: еще до взятия Полтавы, Москвы и завоевания России — завернуть в Азию,

которая так кстати случилась тут, всего в восьми милях расстояния от Коломака.

Коренная ошибка, постепенно губившая Карла и, наконец, столкнувшая его в пропасть,— полное, до курьеза непонятное презрение к силам Петра и его армии — сказывалась теперь, после всех тягчайших испытаний и переживаний зимнего похода, не меньше, а еще больше, чем прежде. Все мелкие стычки с русскими, когда русские уходили, все исчезновения русской конницы после внезапных ее налетов на шведские отряды принимались всерьез королем как блестящие, бесчисленные, ежедневные «победы». Кто хочет вникнуть в это состояние духа шведского короля и его штаба, должен дать себе труд прочесть терпеливо, страницу за страницей, обоих верных спутников и летописцев короля Карла — Адлерфельда и Нордберга. Выходит какое-то сплошное триумфальное шествие по Слободской Украине. Русские разбиты! Русские перебиты! Русские не отважились! Русские испугались! У русских убито триста, а у нас (шведов) всего два! и т. д. без конца. Петр и Шереметев, как и в течение всей войны после победы под Лесной, сознательно избегали больших боевых столкновений, приказывали отступать, уклоняться от боя, продолжая почти непрерывно тревожить шведов нападениями и моментально исчезая после выполнения своего задания.

Разлив рек, необычайно бурный в эту весну, надолго прервал сколько-нибудь крупные военные операции, но деятельность партизан и «поиски» небольших отрядов продолжались неустанно и очень успешно: «а и ныне легкие наши партии при помощи божией непрестанно всякими мерами поиск чинят и, что день, языков берут, так же вчерашнего дня за Пслом 2 капитанов от пехотных полков Левангоптова (sic — *Е. Т.*) да Маффельтова живьем взяли, а прапорщика убили»[127],— так пишет в начале апреля Шереметев царю.

Когда случалось, что завязывалось столкновение покрупнее, вроде, например, боя у Городни, где именно русские довольно жестоко разбили шведов, то дело изображалось так, что вся беда произошла оттого, что шведы слишком пылко преследовали беглецов, а те вдруг оборотились назад и причинили неожиданную неприятность своим преследователям. Но потом королю докладывали о новых «победах» над 150, или 200, или 300 русскими кавалеристами, которые напали на кого-то, а потом, увидя приближающийся шведский отряд, «панически» бежали,— и снова все казалось хорошо этому маниакально упрямому человеку, который совершенно не сознавал, в какой тупик он завел себя и своих солдат и как в сущности безвыходно его положение.

Не следует также удивляться и тому, что Карл всерьез поверил, будто Азия находится где-то между городами Коломаком на Украине и Харьковом.

К науке и книгам Карл всегда относился с глубоким равнодушием, а иногда и с снисходительной иронией. Став самодержцем пятнадцати лет от роду, он от бога вверенной ему властью объявил свое учение оконченным.

А Мазепа боялся одного: как бы граф Пипер, Гилленкрок, Левенгаупт — все люди с головой — не убедили Карла, что нужно уходить за Днепр, там основательно пополнить оскудевшую армию людьми, артиллерией, боезапасами и лишь со временем, принудив Станислава Лещинского привести к Киеву польское войско, возобновить наступление. Мазепа знал, что для него уход Карла за Днепр еще хуже того, чего он боялся и чего хотел избежать в самые первые времена своей измены, когда он желал поскорее отправить Карла в Белгород, Курск, Дорогобуж, подальше от Украины. Идя на восток или хотя бы оставаясь на Украине, Карл прикрывал Гетманщину и оттеснял от нее русских, тогда как, уходя на запад, за Днепр, шведы предоставляли Левобережную Украину и ее население в полную власть русского командования. Поэтому, правильно поняв сумасбродное славолюбие короля Карла и невежество его во всем, что касалось русской географии, Мазепа хотел, действуя на его воображение, увлечь его заманчивыми разговорами об Азии и об Александре Македонском.

17

Пока король после неудачного плана прорыва через Ахтырку и Богодухов бродил со своей обмерзающей армией по обледенелым равнинам Восточной Украины, в отместку за народную войну жег деревни, жег Краснокутск (Красный Кут), беседовал с Мазепой об Азии,— русские нападали на брошенные им там и сям и лишенные всякой поддержки маленькие шведские отряды и истребляли их. Так, 14—15 февраля 1709 г. был отчасти перебит, отчасти обращен в бегство отряд барона Генриха Альбедиля, и сам Альбедиль взят в плен. Выйдя в марте из района наводнения, которое залило весь бассейн Коломака и нижней Ворсклы, и уже находясь в Будищах, близ Полтавы, Карл очень характерным для него образом подвел в письме к сестре итоги пережитым ужасам этой неслыханно жестокой зимы, погубившей несколько тысяч солдат уже и до того сильно растаявшей шведской армии. Писал он своей сестре Ульрике Элеоноре в последний раз из Могилева 4 августа 1708 г., так что теперь, 31 марта 1709 г., он как бы давал ей краткий отчет о всем пережитом за эти страшные восемь

месяцев, и он посвящал этой осени и зиме следующие невероятные строки: «С армией здесь обстоит дело очень хорошо, хотя до сих пор бывали некоторые утомительные дела (fattiger), как обыкновенно бывает, когда неприятель стоит близко. Кроме того, холод был очень большой, и много людей у неприятеля и у нас замерзли или отморозили себе руки, ноги и носы. Но, несмотря на это, все-таки эта зима была веселой зимой (så har dhenna vintrn ändå varit een rolig vinter)». И Карл поясняет дальше, в чем было веселье этой «веселой» зимы: «Хотя сильный холод причинял вред, но все-таки от времени до времени (мы — *Е. Т.*) находили развлечение (förnöijelsen) в том, что шведские разъезды часто имели небольшие дела с неприятелем и причиняли неприятелю потери, хотя и враг иногда к нам подкрадывался, чтобы захватить пленных, и только один раз за всю зиму он напал на квартиры, где стоял полковник Альфендель (Карл так неправильно называет Альбедиля) с драгунским немецким полком, и (Альбедиль — *Е. Т.*) был взят в плен» [128]. Мы видим, во что превратился тут рассказ об одном из самых мучительных и убийственных зимних походов, какие только знает история Европы.

Карлу прекрасно известно, как уменьшилась и ослабела его армия, он не может не видеть, что подмога от Станислава Лещинского очень проблематична, наконец, понимает, что он в самой глубине русской земли, лишен всякой связи с Швецией и окружен врагами. Но он беспечен и спокоен, и русские, и война с русскими для него предмет для «развлечений» и препровождения времени...

Конечно, очень много тут следует отнести и к сознательному притворству. Карлу должно было казаться не только неполитичным, но прямо опасным в тот момент открытое признание серьезности положения. И он напускал на себя веселый, бодрый, беспечный вид.

Но медленно и неуклонно стягивались русские войска с северо-востока в направлении на юго-запад за уходящими из Слободской Украины к Полтаве шведами.

В эту неспокойную в Запорожье зиму 1709 г., следя из Нежина за происками изменника Гордиенко и его присных, гетман Скоропадский слал невеселые вести. «Дозорцы» Скоропадского узнали, что запорожцы встретились в Перекопе с прибывшим туда новым ханом и уже с ним «вступати начинают [в] трактаты». А причина одна: «прелестная хитрость изменника Мазепы». Донося об этом Меншикову, Скоропадский не скрывает создаваемых возможной изменой запорожцев препятствий к «победного над неприятелем поиску». Но тут же Скоропадский успокаивает царя тем, что в самой Запорожской Сечи «их же черныю запорожской» нынешний кошевой был низ-

вержен и от атаманства отставлен, хотя он действует заодно со старшиной «во всякой злобе ему согласуечею»[129]. Этот документ подтверждает лишний раз, что социальные низы, проще — малоимущая часть запорожцев, в противоположность зажиточным и политически влиятельным слоям, не поддерживала измены.

В удачном русском «поиске» в Опошне 29 января был убит шведский комендант, убито и ранено шведов 53 человека, а русские потери были равны 28 человекам. Удаляясь после этого дела, русские увели с собой освобожденных ими в Опошне 52 человека[130].

Это было первое столкновение под Опошней. Шведы вернулись в Опошню тотчас после удаления русских. Второе более серьезное дело под Опошней произошло, как увидим далее, уже в мае 1709 г., в дни осады Полтавы. Теперь же при начавшейся в середине февраля сильной оттепели и разливе рек действовать «большим корпусом» было невозможно, но Меншиков писал Петру, что «малыми партиями (неприятелю — *Е. Т.*) докучать не оставляем», и особенно при переправе через реки Ворсклу, Мерлу русские отряды учиняют такую тревогу, что принуждают шведов бросать груженые телеги и переправляться вплавь. А иногда топят даже и пушки и амуницию[131].

Систематическое опустошение Восточной Украины завершилось тем, что, уходя из Коломака в Колонтаево 15 февраля, по приказу короля шведы сожгли Коломак, Хуры, Лутище, Коплуновку, Красный Кут, Городню, Мурахву и перебили или увели оттуда жителей[132].

Карл двинулся опять к Опошне и оттуда по направлению к Полтаве. Туда же, конечно, собрался и его генерал Крейц, стоявший в Лохвице. Шереметев надеялся отрезать его от «главного войска», т. е. от Карла[133]. Сделать это не удалось, но разбить один отряд (драгунов Альбедиля) он успел.

А крымское татарское правительство в начале февраля 1709 г. еще более, чем Гордиенко со своей изменнической старшиной, колебалось и склонно было выжидать и высматривать.

Секретный агент («дозорца») Скоропадского, сидевший в Переволочной, извещал его, что Иван Шугайло со своими запорожцами «еще никакого утеснения» «людям тутошним» (т. е. «государевым») не чинят. Но перекопский койманан уведомил запорожцев о прибытии хана. А хан просит «наискоряя» давать ему сведения «о поведении швецком и московском». Кроме этой, ровно ни к чему не обязывающей, просьбы, татары ничего ясно и точно не написали кошевому. Но посланцы койманана были зато очень щедры на устные посулы и говорили: «а мы все готовы,— *совсем только того не пишут* (курсив мой — *Е. Т.*), что подлинно и мы с вами пойдем». Но все это

изустно утвердило и укрепило запорожцев, что «мы де на шведа не пойдем, а на Москву с охотою рады то чинить». Выслушав татарских посланцев, кошевой собрал раду и «домогался у войска, чью имеют сторону держать». И все, кроме одного казака, «дали слово держать сторону швецкую и Мазепину». Это решение рады и было послано хану, «что все конечно имеют ставши посполу с ними, ордою, при Мазепе Москву воевать» [134].

Излагая письмо кошевого к крымскому хану, копия которого была переслана в Переволочную, «дозорца» пишет: «Прочее куплементом заключено». Этими «комплиментами» обменивался кошевой Гордиенко и с ханом крымским и со старшиной в Переволочной. Переволочная была по своему географическому положению важным стратегическим пунктом в том случае, если бы пришлось считаться с переходом запорожского войска или хотя бы некоторой части его на сторону изменников.

12—13 февраля началось внезапное, принявшее обширнейшие размеры, наводнение. Мы знаем из шведских источников, в какое трудное положение попали шведы, которых наводнение застало на берегах Коломака и которые оттуда взяли направление на Опошню. Наши документы уточняют: «О неприятеле доносил я вашей милости,— пишет Меншиков царю из Богодухова 22 февраля,— каким оной (неприятель — *Е. Т.*) образом и с каким убытком бегучи до Опошни чрез 2 реки плыл». Но и действия русских были сильно затруднены: «Нам с сей стороны силными партеями неприятелю ничего чинить невозможно понеже воды кругом нас обошли». Меншиков стал в Богодухове, а генерала Ренне он отправил с четырьмя полками в Котельву, откуда шведы ушли, разорив крепость, но не успев выжечь дворы. Так все залито водой, а что не залито, так разорено, что и «нам движения никакова и знатного поиску над неприятелем чинить невозможно». Но очень большая разница была между положением шведов и положением русских. У Меншикова была возможность, хотя все «весьма голодно», «разложитца с конными и пехотным полками около сих мест (Богодухова — *Е. Т.*) и около Харкова для лутчаго доволства в провианте». И князь надеется, что, поустроившись, все-таки можно будет «под неприятеля... легкие посылать партии хотя вплавь» [135].

Такие документальные свидетельства лучше всего иллюстрируют, до какой степени русское отступление не переставало быть активным, несмотря ни на какие трудности.

«Этот поход был очень тягостен для пехоты, которая была постоянно в воде, а равнина, по которой проходили, походила в некоторых местах на озеро... Особенно артиллерия встретилась с бесконечными трудностями на этой дороге, вследствие

чего его величество приказал сжечь большое количество бесполезных телег, то есть тех, которыми войска пользуются для перевозки припасов» [136],— со скорбной иронией пишет Адлерфельд, подготовляя читателя к неприятному сообщению о битве под Рашевкой.

14—15 февраля 1709 г., согласно приказу Шереметева, генерал Бем со своими четырьмя драгунскими полками и двумя батальонами преображенцев внезапно ударил на шведов, стоявших в местечке Рашевке, и перебил почти весь шведский конный полк, отбив до 2 тыс. лошадей, причем командир Альбедиль был взят в плен.

Русские потери были, однако, довольно велики и в глазах Петра не оправдывались результатами. Зачем тратить людей, да еще таких, как преображенцы, когда основная цель уже намечена, и неприятель оттесняется постепенно к югу, к Ворскле, где его ждет со временем генеральный бой?

В прямую противоположность Карлу XII, который решительно ничего не щадил для эффекта, для возможности порисоваться личной храбростью и лишний раз заявить о молодецком налете, о бегстве врага и т. д., даже если никакого полезного стратегического результата этот успех дать не мог, Петр терпеть не мог подобных проявлений лихости без определенной цели.

Обстоятельное донесение об удачном деле у местечка Рашевки Шереметев отправил Петру только 28 февраля, т. е. через 13 дней после события, происшедшего 15-го числа. В Рашевке стоял драгунский полк под начальством командира Альбедиля. Русская победа была полная. Драгунский полк был почти полностью истреблен, а командир взят в плен. Но вследствие разлива рек Шереметев решил отойти за Сулу [137].

Но атаковать город Гадяч Шереметев не нашел возможным ни до, ни после дела под Рашевкой. Перейдя 17 февраля через реку Сулу и войдя в Лохвицу, Шереметев оказался лицом к лицу с очень сильным соединением генерал-майора Крейца. Притом лошади у Шереметева были очень уж заморены («сфатигованы») тяжкими переходами. Население Лохвицы радовалось приходу русских: «Как с войском сюда я пришол, то малороссийский народ пребывающий около сих мест стал быть зело благонадежен, и не токмо казаки, но и мужики к поиску над неприятелем збиратца начали» [138].

18

Подобно тому как в украинском народе с первых же шагов осенью 1708 г. провалилась измена Мазепы, так точно тоже с первых шагов и совершенно безнадежно провалилась весной 1709 г. измена запорожского кошевого Константина Гордиенко и пошедшей за ним части запорожцев. И этот провал на юге

Украины запорожских изменников является особенно показательным с точки зрения характеристики настроений украинской народной массы.

В самом деле. Несколько тысяч запорожцев в конце февраля, в марте и начале апреля 1709 г. рассеялось по городам и селам Южной Гетманщины и больше всего на Полтавщине и по нижнему течению Днепра. Русские главные военные силы были еще сравнительно далеко, охраняли Ахтырку и боролись в Восточной Слободской Украине. Петр с Шереметевым после Веприка не знали точно, где Карл снова попытается совершить прорыв дальше на восток, по белгородскому или какому иному направлению. Князь Д. М. Голицын был занят охраной Киевщины и всей Правобережной Украины, куда ждали Лещинского и шведский отряд генерала Крассова. Гетман Скоропадский охранял более близкие к Днепру части Гетманщины, так что некоторое время запорожцы, опираясь на постепенно приближавшуюся к Опошне и в направлении к Великим Будищам шведскую армию, были во многих местах Полтавщины хозяевами положения. Их было тогда несколько тысяч человек, если не все восемь, о которых говорят некоторые источники, то тысячи четыре (цифра, даваемая лазутчиком Шереметева). Они бесчинствовали, жестоко грабили деревни, грабили «городки», но не достигли решительно ничего. У нас есть хорошо иллюстрирующий это документ.

В начале апреля 1709 г. Шереметев послал с «листами» в Кобеляки и другие «городы» казака Герасима Лукьянова, который, благополучно вернувшись из своей опасной командировки, привел фельдмаршалу любопытные сведения о запорожцах-изменниках: «Всех запорожцев с кошовым ныне слышал он, с четыре тысячи человек, и из тех половина с ружьем, а другая половина ружья не имеет, и жалованья они от короля шведского по сие число не бирали ничего, только на станциях у жителей берут хлеб и всякий харчь силою, и хозяевам ни в чем воли нет». По-видимому, даже в этот дополтавский период и еще до разорения Запорожской Сечи запорожцы стали понимать отчаянное положение, в котором они оказались, поставив свою жизнь на такую сомнительную карту под влиянием своего «Кости»: «А с которыми казаками он Герасим был и вместе пил, то между ими слышал, также и ему сказывали про свою братью, что их в такую погибель ввел кошовой и привел к шведу, а король де им ничего не дает; также и в Сече им быть нельзя, для того что по сей и по той стороне Днепра московские войска, и где им с тем кошовым быть не знают. А которые казаки вышеписанных мест жители давные, и те говорят, что они к шведу приставать не будут и за христианство свое помрут» и уйдут от шведа при первой возможности:

«а когда будет летнее и удобное время, то они все пойдут к московскому войску» [139]. Эти коренные («давные») жители смотрели на запорожцев не только как на предателей и изменников, но и как на беспощадных грабителей и расхитителей их личного и общественного имущества, и, кроме ненависти и мести, запорожцы ничего не могли ждать от окружающего населения, так же как и их новые союзники и друзья шведы.

Показания Герасима Лукьянова относятся к 4 апреля 1709 г.

Сношения Карла XII с атаманом запорожских изменников шли через Мазепу и Орлика. Карл требовал в апреле 1709 г., чтобы Гордиенко, кошевой атаман, прислал ему подкрепление в 1000 человек, очевидно, в дополнение к тем запорожским силам, какие уже в конце марта примкнули к шведам. Гордиенко писал Карлу о полном своем согласии уже из Новых Сенжар 16 апреля 1709 г. [140] По показанию Бориса Куракина, у Константина Гордиенко («Кости») было до 6 тыс. человек, когда он перешел на сторону Карла [141]. Значит, в апреле переписка шла о присылке седьмой тысячи. По другим показаниям (например, лазутчика Лукьянова, посланного Шереметевым), запорожцев у Карла XII в апреле 1709 г. было не 6 тыс., а всего 4 тыс. Есть показания, доводящие общее количество запорожцев, собравшихся («подбившихся») в лагерь Карла под Полтавой в мае — июне 1709 г., до 8—9 тыс. человек. При громадной «текучести» этого состава очень понятны такие колебания в цифровых показаниях разных свидетельств: в разное время в шведский лагерь приходили различные по силе группы и отряды запорожцев. После уничтожения Сечи число бежавших к Карлу XII запорожцев, конечно, очень значительно возросло.

О том, чем кончилась запорожская изменническая авантюра, речь будет дальше.

19

Уже в 20-х числах марта 1709 г., по совершенно согласным показаниям семи казаков, захваченных в разное время, когда они ездили за провиантом, Меншиков знал, что король и Мазепа стоят в Будищах, знал также, какие приблизительно силы неприятеля находятся в окрестных деревнях, но точной численности шведской армии ни эти захваченные люди, ни добровольные «выходцы» сообщить русскому командованию не могли [142].

Уйдя из Коломака, Карл пошел к Полтаве, которая лежит несколько западнее Коломака (и близ впадения в Ворсклу той же речки Коломак, на верховьях которой был расположен городок этого имени). Предполагалось, что Полтава плохо укреплена, вероятно, не очень задержит дальнейшее победоносное движение шведского «Александра Македонского» вперед, к новым лаврам, ждущим его на востоке.

Подойдя к Полтаве, Карл немедленно лично произвел первую рекогносцировку. Результаты ее были самые отрадные. Валы невысоки, укреплений, достойных этого названия, нет вовсе, а есть какой-то деревянный забор и наскоро возведенные пристройки. Значит, даже с оставшейся у шведов очень слабой возможностью артиллерийского огня Полтаву можно принудить к сдаче, грозя ей штурмом после некоторой артиллерийской подготовки. Можно и без артиллерийской подготовки взять город, не тратя снарядов.

Ни Карл, ни Реншильд, ни Левенгаупт, по-видимому, не вникли серьезно в тот факт, который едва ли мог все-таки остаться им неизвестным при всей недостаточности шведской разведки. Мы имеем в виду не только присутствие Шереметева в Хороле и Голтве, к западу от Полтавы, гарнизоны в Миргороде, в Лубнах, в Переяславле, в Прилуках, в Нежине, но также и расположение Скоропадского у реки Псел и на Днепре близ устья реки Псел, по правую ее сторону. Если кем-либо из окружающих Карла приближенных было правильно учтено зловещее значение сосредоточения крупных русских сил к *западу* от шведской армии, то вероятнее всего графом Пипером и Гилленкроком. Становилось ясно, что риск ведущейся опаснейшей игры усиливается с каждым днем. Когда Гилленкрок и Пипер так взволновались внезапно загоревшимся желанием Карла под влиянием разговора с Мазепой разведывать из Коломака пути в «Азию», когда они убеждали короля не об Азии думать, а уходить за Днепр и там, но не иначе, как там, дать армии отдохнуть и соединиться с подкреплениями из Польши и Швеции, то они уже явно беспокоились, как бы поскорее уйти, пока еще возможно. Теперь, когда шведская армия вернулась из бесполезной прогулки к Ахтырке, потом к Краснокутску, потом к Коломаку, куда ее водил король, и когда она расположилась лагерем у полтавских валов, дело изменилось к худшему в глазах Пипера и других штабных сторонников отступления к Днепру и за Днепр. Теперь шведам пришлось бы преодолевать не только речные преграды — Псел, Сулу, Днепр,— но и с боем проходить через Украину, наталкиваясь авангардом на отряды Шереметева, Скоропадского и подвергаясь на арьергарде налетам казаков и регулярной конницы.

Ранней весной 1709 г. Петр получил сведения, будто неприятель намерен уходить через Днепр к Белой Церкви. В этом случае фельдмаршалу Шереметеву рекомендуется тревожить шведов при переправе и нападать на их арьергарды: «Ежели неприятель пойдет за Днепр, то возможно будет на переправе над задними неприятельскими войсками знатной промысел учинить». А если шведы откажутся от мысли уйти за Днепр, то фельдмаршалу надлежит расположиться около полков Мирго-

родского, Полтавского и Лубенского, между Ворсклой и Сулой. И пока не пройдет весенний разлив рек и будет еще невозможно действовать «стройною конницей и пехотой», то надлежит действовать нападениями небольших отрядов: «чрез легкие партии неприятелю докучать» [143].

Из этого создаваемого русской тактикой окружения, то невидимого, то дающего себя знать, движущегося с тыла, спереди, слева параллельно с наступающей к югу шведской армией, Карлу XII уже выбиться не пришлось. Покинув Гадяч и Ромны, шведам уже не удалось с той поры, т. е. с середины декабря 1708 г., занять ни одного пункта, сколько-нибудь напоминающего город. Пока держалась зима, с половины ноября 1708 г. до половины февраля 1709 г., пока нужно было затем спасать себя и свой обоз от гибели при раннем и небывало бурном разливе рек и таянии снега, начиная с 14—15 февраля, в течение второй половины февраля, всего марта и апреля 1709 г., до той поры не время было думать о больших военных предприятиях.

Но вот пригрело весеннее солнце, и вопрос о том, где и зачем будет вестись дальше эта война, самая тяжелая для шведской армии, какие вел до сих пор Карл XII, стал перед шведским полководцем и его штабом и не получил исчерпывающего ответа.

Где воевать? На Украине, конечно. Не ждать же решения дела от Любекера, который сам был стеснен, отброшен еще в августе 1708 г. и ничего не мог поделать с ингерманландским русским корпусом. И не в Польше, разумеется, где Станислав еле держался на престоле и держался только потому, что шведский отряд, оставленный там, его поддерживал. Да и то его уже начали понемному колотить сторонники Августа. Но чтобы воевать на Украине, чтобы создать себе на Украине сколько-нибудь надежный тыл, необходимо было завладеть хоть одним из нескольких укрепленных пунктов, которые давно готовились к вторжению шведов и при деятельном участии населения заградились земляными валами и рвами. Самым скромным и по размерам, и по богатству из этих пунктов была Полтава. Но ведь даже взятие Полтавы вовсе не разрешало вопроса: можно ли будет, взяв Полтаву, двинуться дальше, на Белгород, на Харьков, на Москву? Ведь в русских руках останутся, не говоря уже о Киеве, Нежин, Чернигов, Переяславль, и, если даже удастся сразиться в открытом поле и победить, это не устранит для русских возможности поправить и пополнить разбитую (если она будет разбита) армию и отступить к Харькову.

Но если еще в середине сентября 1708 г., послав сначала Лагеркрону с авангардом, а потом двинувшись 16 сентября со всей армией в Северную Украину, Карл отказался от самой для него соблазнительной мысли идти на Смоленск — Можайск —

Москву и отказался только потому, что знал о разорении всей смоленской дороги и понимал, что, не дождавшись Левенгаупта с обозом, нельзя было идти этим путем, моря армию голодом, тем менее было оснований теперь, в начале апреля 1709 г., считать возможным идти на далекий восток с его редкими деревнями по дороге, которая, конечно, будет опустошена и «оголожена» не хуже смоленской, и идти в страну, если только это мыслимо, еще более враждебную, чем Украина. Разорение и полный разгром Запорожской Сечи снова показали, что у сторонников Мазепы никакой поддержки в народе нет. Бежавших после разгрома и скитавшихся по Украине запорожцев население убивало или представляло русским военным властям.

Однако если не идти на Белгород и Харьков, то куда же идти? Отказаться от мечтаний о Москве Карл XII все еще не хотел. А если Реншильд, Пипер, Гилленкрок, Левенгаупт так слабо с ним спорили, то не потому, что они считали еще возможным успешный поход на восток, но, по-видимому, потому, что у них самих не было готового плана. Ждать внезапного появления польской выручки, которую приведет Станислав Лещинский? Но откуда он ее приведет? Правобережная Украина с Киевом и Белой Церковью во главе решительно отвернулись от Мазепы, а как правобережные украинцы встретят вторжение поляков, об этом очень красноречиво напоминало имя возвращенного Петром из ссылки Палия, старого казацкого вождя, освободителя Правобережной Украины от насилий польской шляхты.

Были еще мечтания о крымских татарах, о турецкой помощи. И татарам и туркам агенты из Стокгольма рассказывали очень много о блестящей победе «великого короля» над Россией, доказательством чего было продвижение шведской армии так далеко на юг. Но турецкие и крымские эмиссары воочию видели, что Карл со своей сильно уменьшившейся армией сдавлен географически Днепром и Ворсклой, а стратегически — русскими силами: на востоке — армией Шереметева, а с запада, откуда дорога через Киев, грозят вооруженные силы Д. М. Голицына. Эти эмиссары из Константинополя и Крыма видели, что им даже и добраться-то до шведских стоянок, затерянных где-то между Ворсклой и Днепром, очень нелегко. Это сопряжено с риском, с ухищрениями и приключениями, и что Карл XII, осадивший в апреле 1709 г. Полтаву, сам начинает несколько походить на осажденного.

Уходя из Слободской Украины, Карл переночевал с 17 на 18 февраля в Рублевке, которую при выходе приказал сжечь, и 19 вошел в Опошню. Но здесь шведы чувствовали себя очень неспокойно, русские налеты учащались. Король перенес свою главную квартиру южнее, в Великие Будищи, куда и прибыл

3 марта и куда стала стягиваться вся шведская армия. Но и в Будищах Карл оставался недолго. Он перебрался еще южнее и туда же стал направлять армию: к деревне Жуки, а затем и к городу Полтаве.

Безвыходность положения Карла постепенно начала становиться более или менее ясной именно в Польше. В Стокгольме хоть и беспокоились отсутствием сколько-нибудь обстоятельных известий, но в победу верили. А в Польше и особенно в Литве усилилось всегда там бывшее «шатание» в лагере Лещинского. Подскарбий Поцей сообщил Меншикову, что Вишневецкие его уведомили о своем намерении перейти на сторону России и «многие хорунгви войска Литовского с собой привести», если им обещано будет прощение. И уже «многие хорунгви» к нему, Поцею, явились от них [144].

Голод и болезни донимали в эту холодную весну и шведов и русских. До русского командования доходило, что у шведов до трех тысяч больных ложится на 20 «недополненных» полков, которые у них остались. Разлитие рек, непросыхающая земля, отсутствие медицинской помощи косили людей. Болел в эту тяжелую весну Петр, болел очень тяжело и Меншиков от лихорадки и каких-то еще «скорбей», довольно загадочных по наименованию, но, по-видимому, широчайше распространившихся («фебра», «горячка» и еще какой-то «брух»). Убыль больными русские могли восполнять из своих неисчерпаемых людских резервов, но шведы ниоткуда пополнений не получали [145].

В апреле уже вся армия шведов была у валов и палисадов Полтавы. К ней прибавилось несколько тысяч запорожцев, но зато произошла чувствительная убыль в той части шведской армии, которая была особенно ценна по своим боевым качествам: из состава «природных» шведов, числившихся еще недавно в регулярных полках, около 2 тыс. лежали больные, и лечить их было нечем. Скитания сначала в сугробах Слободской Украины в обстановке беспощадной народной вражды, без крова, без отдыха, среди безлюдных деревень, при свирепой стуже, а потом нестерпимо трудный долгий путь в весеннее половодье от Краснокутска к Коломаку, оттуда опять к Краснокутску, затем к Опошне, к Будищам, к Жукам — сильно сказались на здоровье злополучных шведских «завоевателей», когда они, наконец, стали постепенно приближаться к валам Полтавы, роковому месту, где их сторожила полная гибель.

20

Подходя к Полтаве, Карл почувствовал необходимость пополнить поскорее людскую убыль в своей армии. Он стал опять возлагать фантастические надежды на приход польской

подмоги. Его ставленник, Станислав Лещинский, еще держался на польском престоле. Этот злополучный шляхтич, случайно приглянувшийся в 1704 г. Карлу XII и никому в Польше неведомый перед своим «восшествием», никак не мог бы, даже если бы серьезно этого хотел, собрать значительную армию в Польше, где, как острили в Европе, половина страны его не признавала, а другая половина не повиновалась. Только ничего не понимая ни во всей структуре, ни во внутреннем состоянии этой страны, Карл мог ждать, что поляки захотят и осуществят завоевательный поход на Россию в помощь и в дополнение к походу шведскому. Если Август II плохо в свое время помогал русским, притом имея за собой, кроме Польши, еще свое наследственное богатое Саксонское курфюршество, то уж Станислав Лещинский совсем никак не помог Карлу XII, не имея за собой ровно ничего, кроме признавшей его польской партии, еще хуже повиновавшейся, чем повиновались Августу II его подданные до низвержения его Карлом XII. Петр, впрочем, и тут не хотел предоставить дело случаю. Он велел генералу Гольцу продвинуться в Литву не только затем, чтобы занять обсервационную позицию против шведского отряда генерала Крассова, которого тоже ждал и не дождался Карл, но и затем, чтобы поддержать движение приверженца России коронного гетмана Синявского и литовских магнатов, выступивших как раз в зиму с 1708 на 1709 г. против Станислава Лещинского. Этот Синявский, замечу кстати, после Полтавы окончательно и повсеместно был признан «гетманом коронного войска». После появления посланного Петром Гольца в пределах Речи Посполитой и спустя месяцы после начала движения Синявского Карл все еще не хотел удостовериться в фактическом провале надежд на приход польской подмоги.

Король со своей главной квартирой уже был в Будищах, в 18 километрах от Полтавы. Придя в Будищи, Карл шлет в марте 1709 г. сначала одно письмо, а потом вдогонку и другое Станиславу Лещинскому. Он выражает «нетерпение» поскорее узнать, где именно находится посаженный им польский король, и тут же высказывает уверенность, что и Лещинский тоже, несомненно, любопытствует, где пребывает его верный друг и благодетель. Оказывается, что королю Карлу XII живется превосходно: «Я и вся моя армия — мы в очень хорошем состоянии. Враг был разбит, отброшен и обращен в бегство при всех столкновениях, которые у нас были с ним. Запорожская армия, следуя примеру генерала Мазепы, только что к нам присоединилась. Она подтвердила торжественной присягой, что не переменит своего решения, пока не спасет своей страны от царя». Все эти крайне отрадные известия Карл сообщает своему ставленнику вполне уверенным тоном. Но, переходя дальше к из-

вещению о том, что будто бы и крымский хан идет на помощь, шведский король усваивает себе тон более осторожный: «По-видимому, татарский хан ободряет казаков в этом смысле письмами и посылкой доверенных лиц, par des exprès affidés». Ясно, что Мазепа не мог сообщить Карлу насчет помощи из Крыма ничего, кроме довольно туманных и голословных посулов. А впрочем, какое же письмо короля Карла когда-либо кончалось иначе, чем самой бодрой фанфарой? «Положение дел привело к тому, что мы расположились на стоянке здесь, в окрестностях Полтавы, и я надеюсь, что последствия этого будут удачны» [146].

Это было, судя по дошедшей до нас информации, последнее письмо от Карла, которое получил Станислав из «окрестностей Полтавы». Следующее известие уже было получено польским королем от какого-то польского капитана, принесшего ему первое сообщение о полтавской катастрофе, о гибели или плене всей шведской армии без остатка и бегстве раненого Карла в турецкие степи.

«Победоносный Карл уже на Ворскле, у Полтавы! Завтра он будет владыкой Днепра!» — восклицали восторженные хвалители шведского «Александра Македонского» весной 1709 г., когда граф Пипер и Гилленкрок ломали себе голову, просто не зная, что придумать, чтобы убедить короля поскорее уносить ноги в Польшу, пока еще есть некоторый шанс спастись.

В неисчерпаемой сокровищнице отдела «Rossica» нашей Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина есть любопытная немецкая листовка, не подписанная, но явно происходящая из Саксонии или Силезии. Это — восторженная ода в стихах на четырех печатных страницах.

Одописец в крайне несовершенных, но проникнутых восхищением виршах приносит чувство благодарности и преданности королю Карлу XII от имени... реки Днепр, не более и не менее. Автор считает уже Россию разгромленной, а Украину прочно завоеванной. Река Днепр «уверяет» короля, что русские уже трепещут на берегах реки и готовятся бежать при приближении героя. Русские будут прогнаны до Черного моря и там утоплены! Днепр мечтает: «Да поднимется во мне уровень воды от русской крови»! [147] Пусть великий король получит на Днепре державное обладание, а шведский солдат пусть вознаградит себя сокровищами! и т. д.

Эта листовка очень характерна. Если Мазепа мечтал для Украины о польском вассалитете, то вся сочувствующая Карлу протестантская Германия полагала, что Украина будет отныне и во веки веков принадлежать королю «шведов, готов и вандалов», великому Карлу, которого тот же Днепр горячо хвалит тут же за «избавление Одера от ига католических попов».

Столь пылкие, истинно лютеранские немецко-шведские чувства одушевляют «реку Днепр», вспоминающую тут с восхищением, как Карл XII заставил в 1706 г. австрийского императора изменить в австрийской Силезии церковное законодательство в пользу протестантов.

Можно без преувеличений сказать, что гибельный для шведов по последствиям зимний поход 1708—1709 гг. на Украину, поход в самом деле очертя голову, увлек не только Карла XII, но и многих шведских, и немецких, и (в меньшей степени) французских историков, и они принялись взапуски восхищаться «гениальнейшим» планом шведского короля. Трудно вообразить себе, что пережила шведская армия в этот зимний период войны, который начался в ноябре 1708 г. от берегов Десны и окончился в апреле 1709 г. на подступах к Полтаве. Все предположения Карла оказались грубо ошибочными, все его надежды разлетелись одна за другой, как мыльные пузыри, все его стратегические расчеты в это время просто поражали своим легкомыслием его генералов, с которыми он перестал совещаться. Мазепа, человек несравненно более осторожный и опытный, теперь старался внушить королю, что хорошо бы отойти к Днепру и затем идти к югу более безопасно вдоль Днепра. Но нет! Карл считал, что, отступая к западу и идя к югу, к Киеву, более западной дорогой, чем та, по которой он шел к Полтаве, он теряет шанс завоевать всю Левобережную Украину. И с непреоборимым упорством, которое было основной чертой Карла XII, он шел раз избранной дорогой.

В апреле 1709 г. при страшной распутице шведы уже постепенно, частями, стали подходить к Полтаве, и после нескольких верховых поездок около крепости в первых числах апреля Карл быстро решил, что взять эту плохо, на его взгляд, укрепленную цитадель не будет стоить особого труда.

И все-таки, когда в начале апреля 1709 г. началась осада Полтавы шведской армией, эта армия оставалась хоть и ослабленной, но еще могучей, а Карл XII — грозным противником. Так казалось и дипломатам и государям Европы, так представлялось и многим в окружении Петра.

Характерно, что уже с самых первых дней после открытия измены Мазепы в украинском народе не было никаких колебаний, и украинцы по-прежнему всей деревней покидали жилища и убегали в леса при первом же слухе о приближении шведов и мазепинцев. Вот показание казака Прожиренока о том, как повели себя жители его деревни в конце октября 1708 г., т. е. буквально тотчас же после открытого перехода гетмана в шведский лагерь: «Когда де шведы в деревню оную Дехтяревку пришли и ис той деревни он и прочие все жители с женами и с детьми выбрались на сю сторону реки в лес» [148]. На Украи-

не, стране менее лесистой, чем Белоруссия, шведы ломали дома в деревнях и строили из этого материала мосты для перехода через водные преграды. Пойманных крестьян шведы жестоко мучили, вымогая признание, где спрятан хлеб и другие продукты. Из Ямполя бежали все жители города еще раньше, чем им было указано первое пристанище в городе Севске.

Приближаясь к Стародубу, шведы имели еще лишний случай убедиться, что население, по земле которого они идут, настроено к ним враждебно и прибегает к наиболее губительной для агрессора форме народной войны. Шведы прислали в Стародуб воззвание, предлагая населению оставаться в домах своих и *продавать* шведской армии хлеб. Но русский народ в «крепкой и великой надежде» не покорился врагу: «Как пришли драгуны к Стародубу и мужики из деревень все убежали по лесам також и в городу» [149]. И крестьяне и горожане оказались вполне единодушны в нежелании иметь с врагом какие бы то ни было отношения, кроме вооруженной борьбы.

В полное опровержение показаний обоих шведских летописцев похода и утверждений основывающихся на них историков наши архивные документы категорически настаивают на том, что шведы жестоко разоряли русскую землю и жгли города с первых же дней вторжения, а не только впоследствии, когда мстили Украине за провал мазепинского предприятия.

Стародубовский край, один из первых на Северской Украине, куда вступили шведы, подвергся сразу же самому жестокому разорению. «Подлинно в малороссийских городах наших имеет пустошити и разоряти в его полку Стародубовском много деревень волохи огнем и мечем разорили, а под Мглином несколько корнет шведских» привели в смятение народ своими зверствами, а Мглин «шведы огнем пожгли и совсем разорили, которое место от Стародуба за двенадцать миль обретается». И это шведы творили близ Стародуба, который они, еще выходя из Могилева, намечали как прочную, удобную, зажиточную первую стоянку на северской стороне. Ясно, что хотя разорять и жечь города здесь было бы для шведской армии решительно невыгодно, но сдержать голодных солдат (а после потери Левенгауптом обоза под Лесной они питались очень плохо) было никак нельзя. На эти грабежи и поджоги население отвечало усилением народной войны [150].

Карл XII поощрял и узаконивал все, что творили его солдаты над мирным населением Белоруссии и Украины. Капеллан Нордберг, сопровождавший короля в походе и оставивший ценные в известном смысле воспоминания, был очень доволен, когда Карл XII вешал украинских крестьян, и находил, что эти поступки доказывают, до какой степени король «любил правосудие». Вольтер с возмущением цитирует рассказ Нордберга

о том, как король велел казнить крестьян по подозрению, что кто-то из них «увел» какого-то шведа. Этот Нордберг — типичный фельдфебель в рясе, смесь придворного льстеца с грубым и наглым ландскнехтом. Он настолько возмутил Вольтера своим лицемерным и омерзительным ханжеством, что знаменитый философ задаст ему ядовитый вопрос: не думает ли елейный придворный проповедник шведского короля, что «если украинские крестьяне могли бы повесить крестьян Остготии (Швеции — *Е. Т.*), завербованных в полки, которые считают себя вправе прийти так издалека, чтобы похищать у них их пропитание, их жен и их детей, то духовники и капелланы этих украинцев тоже имели бы право благословлять *их* правосудие»?

Эта специально к русским применяемая жестокость шведских войск, конечно, вполне соответствовала уже отмеченному в другом месте упорному и до курьеза непонятному чувству пренебрежения, проявлявшемуся всегда и при всех обстоятельствах Карлом.

В Белоруссию и на Украину пришли под предводительством Карла XII такие захватчики, которые уже наперед были убеждены, что они навсегда останутся тут господами людей и хозяевами земли. И шведы с особенным зверством мстили Белоруссии и Украине за народную войну, которую они тут встретили и которая так могущественно содействовала их конечной гибели на оскверненной ими русской земле.

Чем более слабела главная, «дефектная» часть шведской армии, т. е. артиллерия, а она слабела с месяца на месяц, по мере движения от Сожа к Ворскле, тем тягостнее для шведов становилось деятельное участие крестьянского и городского населения в национальной обороне. Ведь это участие невоенного элемента удваивало, утраивало, а иногда и удесятеряло численность гарнизона, рывшего окопы, строившего палисады, копавшего рвы вокруг укреплений. Всякий, как выражаются наши документы, «замок», т. е. просто каменный дом, огражденный стеной или валом и рвом, превращался в своего рода цитадель, сильно задерживавшую шведов.

Тратить боеприпасы, порох и ядра для непрерывной в течение многих часов бомбардировки укреплений шведскому командованию было просто невозможно, значит, приходилось брать голодом или вовсе снимать осаду. Шведские историки укоряют иногда Карла XII, недоумевая, как это у него, «гениального» вождя, все-таки не хватило гениальности, чтобы воздержаться от убийственного зимнего похода?

Эти укоры позднейших западных военных историков показывают, что они продолжают не понимать русской народной войны так же точно, как не понимал ее на свою беду восхваляемый ими герой. Ведь Карл и его штаб, начиная с Реншильда,

очень хорошо соображали, что лучше отсидеться на теплых стоянках, поотдохнуть, подождать Станислава с поляками и уже тогда, в начале лета, после того как просохнут дороги и кончатся разливы, идти дальше — на Смоленск — Можайск — Москву или на Белгород — Харьков — Москву, или измыслить на зимнем спокойном и теплом досуге вместе с генерал-квартирмейстером Гилленкроком какой-нибудь еще третий вариант. Король и из Могилева вышел не потому, что твердо знал, куда именно идти, но потому, что уже совсем твердо знал, что на месте нельзя оставаться. Уже в Могилеве он видел, что в этом разоренном и полувыжженном городе оставаться трудно, что при вечных налетах русских казаков и другой нерегулярной конницы и скудости в окрестностях фуражировки армию не накормить. Значит, нужно идти дальше. А когда дальше обнаружилось, что впереди жители убегают в леса, закапывают хлеб, когда оказалось, что не убежавшие жители являются русскими лазутчиками и наблюдателями, тогда пришлось идти дальше и дальше, потому что поворачивать назад было еще хуже и опаснее. Разве предвидел Карл, что его армии придется ночевать на снегу, в открытом поле, так, как, например, было после кровавой осады Веприка и после бесполезного скитания около Ахтырки, которую так и не пришлось ни взять, ни даже осадить? Если бы король знал, что он будет со своей армией скитаться по этим замерзшим равнинам от одного обгорелого пожарища до другого, то он даже и из Могилева не ушел бы и переждал бы там осенние белорусские ненастья, и ранние заморозки, и все эти зимние месяцы. Жестокие мероприятия шведов только побуждали крестьян к образованию летучих партизанских отрядов, истреблявших отсталые партии шведского арьергарда, а иной раз даже нападавших на отряды в 100—200 человек. Конечно, пощады захватчикам после всех их неистовых злодеяний обыкновенно не оказывалось. Но и не всех убивали: приводили пленных, от которых потом удавалось узнавать ценнейшие данные о состоянии шведской армии и ее передвижениях. Очень важную роль в добывании нужных сведений играли также раскаявшиеся казаки-мазепинцы, как, например, из той небольшой группы, которую 24 октября 1708 г. привел Мазепа в лагерь Карла XII, так и из тех запорожцев, которых несколько позже соблазнил кошевой Гордиенко в самой Сечи.

Казаки-перебежчики — мы это знаем не только из их слов — были из числа тех, кого Мазепа увлек обманом, сообщив им, куда он их привел, лишь в тот момент, когда уже ровно ничего нельзя было поделать и всякое немедленное отступление грозило смертью. Не всем, желавшим тогда же уйти, удалось бежать от обманувшего их изменника. Да и в Запорожской Сечи у Гордиенко не все шло гладко, когда он соблазнял на измену.

Обнаруживалось оппозиционное течение против кошевого. Тут, конечно, еще опаснее было проявить слишком явственно свое нежелание идти за шведами и Мазепой, и немало людей пошло за Гордиенко страха ради. А когда шведское начальство стало на них, как мы это знаем документально, взваливать самые тяжелые работы (например, по рытью подкопов от шведского ретраншемента под полтавские укрепления), то к укорам неспокойной совести прибавилось еще раздражение против нового начальства, нежелание примириться с положением рабов (своих солдат шведы щадили и избавляли их от этих земляных работ).

Эти перебежчики обратно, в русский лагерь, люди военные, боевые, хоть и не привыкшие к порядкам регулярной армии, доставляли тоже очень важные сведения русским властям.

Наиболее достоверные сведения о катастрофическом положении некоторых частей шведской армии зимой 1708 г. доставляли именно крестьяне, а не взятые шведские «языки», которые «таили» при допросах. «Также доношу, государь, вашей княэьской светлости, о неприятелских людех... многие помирают и больных премного. В три дня в Бубнах померло 25 человек. Тутошние мужики сказывают, а языки взятые — таят»,— доносит Ушаков Меншикову 24 ноября 1708 г. [151]

21

На шедшие отовсюду вести о жестокостях армии агрессора Петр отвечал указаниями и напоминаниями о том, как вообще шведский король и его армия относятся к русскому народу и как всегда относились, обращаясь с русскими пленными с неистовой свирепостью, которую не проявляли к пленным других национальностей. «Мы... никогда подданным его мучения никакова чинить не повелевали, но наипаче пленные их у нас во всякой ослабе и без утеснения пребывают и по христианскому обычаю содержатся». А в полную противоположность этому «король шведский, наших пленников великоросийского и малоросийского народа... у себе мучительски держит и гладом таить, и помирати допускает», и не соглашается ни на какой размен, «хотя оное от нас, по християнскому обычаю, сожалея о верных своих подданных, многократно предложено есть». Петр не голословен: он приводит факты, безусловно точные, засвидетельствованные и иностранцами. Он вспоминает, как после своей победы под Фрауштадтом (в 1706 г.) «взятых наших в полон великоросийского народа ратных людей генералы (короля шведского — *Е. Т.*) на третий день после взятья... тиранским образом... посечь и поколоть повелели» и истребили тогда действительно всех, да еще очень мучительным способом. Вспоминает Петр и другие вполне точно доказанные поступки (именно

только с русскими пленными), которыми развлекался время от времени Карл XII. «А иным нашим людям, взяв оных, он, король шведский, им пальцы у рук обрубить и тако их отпустить повелел». Было и так, что во время похода в Великопольше, когда король «на часть одну малоросийских войск, в Великой Полши бывших, напал и оную розбил», то они (побежденные) «видя изнеможение свое, оружие положя, пощады от него просили», но он, король «в ругательство сему малоросийскому народу», приказал их всех перебить, и именно бить палками до смерти: «немилосердно палками, а не оружием, до смерти побить их повелел». Петр поясняет, почему он напоминает об этом Украине: «как [и] ныне в несколких деревнях многих поселян, *не*супротивляющихся ему, с женами и детьми порубить повелел» [152].

Задолго до открытой измены Мазепы его племянник Войнаровский со своими казаками еще до появления неприятеля жестоко грабил поляков, дружественных России, и Петр неоднократно писал об этом Мазепе. Он дважды требовал, чтобы Мазепа распустил эту беспокойную ватагу по домам, с тем, чтобы они были готовы к весне, когда шведы могут пойти на Киев, а то «зело жалуютца поляки на войск малороссийских, которые под командою племянника вашего Венеровского (sic — *Е. Т.*), а особливо в грабеже добр графа Денова...» [153] Некоторые из этих казаков Войнаровского так и не встретились с шведами вплоть до октября 1708 г., когда вместе со своим начальником Войнаровским и гетманом Мазепой перебежали к Карлу XII.

С своей стороны Петр энергично защищал украинское население от каких-либо притеснений со стороны русских войск.

В документах, как опубликованных, так и остающихся еще в рукописях, неоднократно встречаются решительные указы Петра и его генералов, запрещающие какие бы то ни было беззаконные поборы с населения, рубку лесов без прямого официального приказа и т. д. Петр грозит за нарушение этих приказов самыми суровыми карами, особенно офицерам, которым грозит отдачей под военный суд за попустительство или участие в этих правонарушениях. Иногда в указах поминается «для устыжения» даже имя начальника воинской части, где замечено беззаконное нарушение солдатами интересов местного населения. Так, подверглось такому публичному осуждению, например, имя С. П. Неплюева, которому поставлены в вину не только грехи «войск наших великороссийских», которые берут у жителей хлеб и сено и производят потравы лошадьми и рубят лес в Глухове и Глуховском уезде, но также и обиды, которые чинят обывателям «проезжие люди». Другими словами, русское военное командование требовало, чтобы «в селах и деревнях малороссийского народа» население чувствовало, что войска велико-

российские не только не будут обижать его, но являются защитниками порядка и безопасности от любого вора и лихого человека [154].

Петр жестоко преследовал грабеж украинского населения, которому иногда предавались отдельные казаки и кое-кто из регулярной армии. Когда случился такой грех в Ромнах, то велено было «офицеров (по розыску — *Е. Т.*) казнить смертию во страх другим, а рядовых буде меньше 10 человек, то казнить третьего, буде же больше 10 человек, то седьмого или девятого. Также накрепко розыскать о главных офицерах, не было ль от них позволения на тот грабеж» [155]. Иногда эти эксцессы солдат объяснялись тем, что некоторые обыватели навлекли на себя подозрение в симпатиях к изменнику Мазепе.

Повторными, всюду рассылаемыми указами Петр грозил солдатам наказанием, а офицерам отдачей под военный суд за «своевольное» отбирание у жителей хлеба и всякой живности. Особенно это отмечается, когда солдаты «малыми частями» и без офицеров проезжают через деревни и местечки.

Такие указы обыкновенно упоминают конкретно, в каком именно местечке или какой деревне произошли такого рода предосудительные действия [156].

Одним из самых вредоносных и опасных для шведов очевидных следствий народной вражды к ним в Белоруссии и Украине было то, что как только шведы покидали город, деревню, местность и шли дальше, устремляясь к своим далеким и фантастическим целям, почти тотчас же эти только что покинутые места занимались или русскими войсками, или вернувшимися из лесов и далеких селений укрывавшимися от шведом жителями. Всякая связь армии с невраждебным миром тем самым пресекалась. Правило Карла не заботиться об обеспечении тыла, а стремиться к быстрейшему покорению страны, которая целиком должна превратиться в питательную базу для армии, это правило, которое было ясно по его кампаниям в Польше и Саксонии, здесь было совсем неприменимо. И здесь, в Белоруссии и Правобережной Украине, как в Северской земле, так и в Гетманщине, Карл, конечно, понимал, что прочный, укрепленный тыл был бы великим благом, но сил и возможностей для этого абсолютно не было. Это с тревогой давно уже заметили и шведский командный состав и солдаты. Едва только, например, шведы ушли из Ромен, русские сейчас же заняли Ромны. Не успели шведы оставить Гадяч, как вернулись жители Гадяча и привели с собой русский отряд. «Шереметев подошел ближе к реке Псел, в окрестностях Краснополья, со всей пехотой, и он же занял гарнизоном Гадяч, непосредственно после ухода шведов, так что мы оказались окруженными со всех сторон врагами, а это вызвало необычайную дороговизну припасов»,—

пишет в своих поденных заметках участник нашествия Карла XII Адлерфельд, употреблявший слово «дороговизна» вместо слова «скудость» [157].

В шведском лагере после занятия Ромен, а затем Гадяча отдавали себе отчет в том значении, которое приобретала Полтава как желательный ближайший пункт, где можно было бы надеяться, наконец, оправиться и отдохнуть.

Мазепа посылал воззвания из Ромен в Полтаву и к запорожцам («запорогам»), склоняя их перейти на сторону шведов [158]. В этот первый месяц после раскрытия измены Мазепы русское командование, удостоверившись, что «посполитые» казаки и землеробы преданы России, очень мало доверяло старшине, полковникам, бунчужным, войсковым писарям и пр. и старалось придержать в районе расположения русских войск семейства таких лиц [159]. Народ беспощадно разорял дома изменников, ушедших к Мазепе. Такой участи подвергся и дом лубенского полковника и других.

С первых же дней водворения шведской главной квартиры в Ромнах начали поступать сведения о грабежах, чинимых неприятелем. Король с фельдмаршалом Реншильдом, первым министром Пипером, генерал-квартирмейстером Гилленкроком стояли в городе Ромнах, генералы Лагеркрона, Круус, Штакельберг — в окрестных деревнях, так что все бесчинства происходили прямо перед глазами всего шведского начальства, вопреки утверждениям шведских хвалителей Карла XII, силящихся снять с него личную ответственность за издевательства над русским населением: «И где есть неприятели стоят и чинят великое разорение, скот и платье берут без купли и сапоги также, у которых казаков находят ружья, ломают незнамо для чево и насилие чинят над женским полом, а где застанут жителей, положено с двора по быку и по четверти ржи» [160],— так писал Ушаков 23 ноября Петру.

Тут следует пояснить слова «без купли». Как мы сказали, шведы местами, отчаявшись в целесообразности одних только мер прямого насилия и грабежа, предлагали населению плату за отбираемое добро. А уходя из занятого места, отнимали полностью деньги, которые успели уплатить. Но в Ромнах, как видим, даже и такую «куплю» шведские оккупанты сочли совершенно излишней церемонией.

Воззвание («объявление») от шведского воинского комиссариата «к жителям Малороссии» приглашало население «только бы они жили в своих домах покойно з женами и детьми и со всеми их пожитками» и никуда бы не убегали («без побежки и безо всякого страху»). Жителям предлагалось продавать шведам «сколько можно запасу». Но если посмеют укрываться («в лесах себя с своими пожитки ховать») или вообще вредить

(«оружием якую бы шкоду чинили»), то за это жесточайше будут наказаны, и все у них будет отнято «бесплатежно и до конца разорены будут». В воззвании (как и во всех прочих, выпущенных шведами) говорилось о несправедливости войны России против Швеции и т. д. [161] Ни малейших результатов эти воззвания не имели, по признанию самого неприятеля.

Воюя в чужой и очень враждебно настроенной стране, шведам не удалось с самого начала вторжения поставить разведку сколько-нибудь удовлетворительно. Да и как это было сделать, если ни обеспеченного близкого тыла, ни связи с далеким тылом, хотя бы с Литвой, если не с Польшей, у Карла XII не было, никаких гарнизонов он расставлять уже не мог, хотя бы и хотел? После Лесной и в особенности после двухнедельного вынужденного бездействия в Костеничах шведская армия, теряя отсталых, которых истребляли крестьяне, шла, окруженная со всех сторон невидимым, но внезапно показывающимся и дающим себя чувствовать врагом. Сзади нее свободно шел, тревожа ее арьергард, но сам никем не тревожимый, Боур; впереди — перед шведами — проходила кавалерия Меншикова и пехота и конница генерала Инфланта, опустошая местность, с левого фланга чувствовалось постоянное присутствие основных сил Шереметева, с правого фланга тревожили наезды и поиски, посылаемые Меншиковым.

Шведы узнавали о событиях с большим опозданием. Они еще шли к Стародубу, не зная, что русские войска генерала Инфланта уже заняли его. Они не уразумели, что если бы Мазепа в самом деле был вождем восставшего против России украинского народа, а не авантюристом, спешившим поскорее укрыться под крылышко шведов, то ему вовсе незачем было являться, чтобы лично отрекомендоваться Карлу XII, а нужно было, собрав преданное ему казачье войско (если бы оно у него было), всеми силами защищать Батурин с его громадными артиллерийскими и пищевыми запасами и уже там, отбросив Меншикова и Голицына с их слабым отрядом, поджидать перешедшего через Десну короля с его армией. Но ничего этого шведы вовремя не узнали и не сообразили. И плач Мазепы на реках вавилонских, когда он узнал о полном уничтожении Батурина, о чем повествует спустя тринадцать лет Орлик в своем письме к Стефану Яворскому, был единственной реакцией гетмана на этот грозный, непоправимый удар.

Казаки, ушедшие с Мазепой к шведам, не годились даже для разведок, хотя кому бы, казалось, и взять на себя эту роль, как не им, местным жителям, владеющим языком? Но нет, вызывавшиеся на это дело уходили и никогда не возвращались, и неизвестно было почему: потому ли, что их убивали крестьяне, или потому, что они предавались на сторону Москвы.

А русское главное командование, напротив, в течение всей войны было постоянно осведомлено, в общем довольно быстро и точно, жителями сел и деревень.

«Сего моменту два мужика русских у меня явились, которые объявили, что они были в полону. А взяты под Каробутовым и ушли из Ромна 17 дня и при них был в Ромне Мазепа и 3 регимента шведских, и все из Ромна вышли, якобы идут к Гадячу»,— доносил Шереметев царю 19 ноября 1708 г. [162]

Таким образом, это важнейшее известие было доставлено бежавшими из Ромен крестьянами. Собирались целые группы добровольных разведчиков: «...малороссийский народ, пребывающих около сих мест, стал быть зело благонадежен, и не токмо казаки, но и мужики к поиску над неприятелем сбираться начали» [163],— писал Шереметев царю из Лохвицы 20 февраля 1709 г.

Русское командование уже 4 декабря (1708 г.) знало из показания явившегося к генерал-поручику Ренне казака Андрея Степаненко, что «гадицкий мужик» Федор Дегтяренко сообщил о военном совете, бывшем у шведов в Гадяче, и о том, что ждут приезда короля Карла и Мазепы и населению приказано «изготовить» яловиц, баранов «по восьми тысяч» и всякого провианта [164]. Яловицы и бараны остались праздным шведским мечтанием. Но показание о приезде короля с армией из Ромен в Гадяч было совершенно правильно.

В конце декабря неприятель некоторое время из Гадяча не двигался. «А поход свой остоновили шведы для великого морозу»,— доносили и «мужики», и специально подосланные лазутчики [165]. Пришли также сведения, что и в Гадяче, куда шведы доставили из Ромен свой обоз, также «с хлебом нужда».

Декабрьские морозы этой исключительной по суровости зимы ничуть не охлаждали, однако, рвения участников народной войны, и они сами часто просили русское командование указать, где и к какому отряду войск им лучше бы всего было пристать. «Притом же вашей светлости доношу»,— писал Ф. Шидловский из Миргорода А. Д. Меншикову 13 декабря 1708 г.,— «сего малоросийского народу, как вижю (вижу — *Е. Т.*), собралось бы немалое число, только не х кому прихилится (sic — *Е. Т.*), не изволишь-ли, ваша светлость, мирогородского полковника отпустить, чтобы они к нему збирались. А зело б их много собралось, хочай же и не вскоре бы они были нам потребние, еднак бы они знали, что их противу неприятеля требуют» [166].

Народные выступления против шведов и мазепинцев продолжались неослабно и дальше, весной и летом этого решающего года.

Так казаки Чугуева составили «партию» в 250 человек и, врасплох атакованные 27 апреля (1709 г.) изменниками-запо-

рожцами, одержали полную победу, изрубили до полутораста изменников и в плен взяли 29 человек [167]. Карл был от Чугуева далеко, но шайки изменников-запорожцев были близко, и жители Чугуева делали патриотическое дело, истребляя их так успешно и организованно. Подобное же удачное для партизан-казаков дело произошло спустя месяц под Ереским [168].

Посполитые крестьяне и казаки окрестностей Полтавы принимали живое участие в налетах, жестоко тревоживших лагерь осаждающих. Карл XII негодовал на свое войско за то, что оно недостаточно зорко и энергично борется против этой серьезной беды: «Король Карл, видя партии войск царского величества не только на его стороне реки Ворсклы, но и внутри станции войск его чинимые въезды и убийства, причитал в несмотрение и оплошность своему генералитету, угрожая впредь ежели таковые въезды войск московских явятся, за несмотрение судом военным и положенными по тому суду казнями»,— читаем в записях Крекшина под 27 апреля 1709 г.

Настроение народа вокруг Полтавы оказалось таким же, как и в остальной Украине.

В Полтавщине еще в конце XIX в. сохранилось название «побиванки» за курганами, в которых были похоронены шведские солдаты, перебитые украинскими партизанами. Очень характерна эта традиция, двести лет передававшаяся от отца к сыну.

Глава IV

ОСАДА ПОЛТАВЫ

1

Военные действия под Полтавой начались осадой шведами города в апреле 1709 г. и окончились полным разгромом и уничтожением всей шведской армии отчасти в сражении, происшедшем 27 июня 1709 г., отчасти же сдачей остатков разгромленного шведского войска на милость победителей под Переволочной 30 июня того же года, т. е. через три дня после боя.

Мы рассмотрим в естественной хронологической последовательности оба эти события: осаду и сражение, занявшие такое место в скрижалях истории Европы.

Оба события были логическим завершением завоевательного шведского нашествия на Россию, концом долгой, ожесточенной военной борьбы двух сильных противников. Эта схватка была для них обоих борьбой не на жизнь, а на смерть, и разница была лишь в том, что Петр I это сознавал вполне, а Карл XII не понимал и все думал, что, какой ни будет исход, дело всегда может еще быть пересмотрено.

Уцелевшая Полтава должна была для Карла стать опорным пунктом, откуда, поотдохнув и, может быть, дождавшись Лещинского с его поляками и генерала Крассова с его шведами, возможно будет двинуться дальше, на Белгород, Харьков и Москву. Вместе с тем Полтава должна была сыграть ту роль, которая предназначалась Батурину и которую, после быстрой и полной гибели Батурина, не могли сыграть ни Ромны, ни Гадяч. Хлебная, плодородная, с великолепными пастбищами Полтавщина должна была дать и обильную пищу, и спокойное, удобное пристанище, и отдых людям, и кормежку исхудалым, как скелеты, лошадям. Конечно, Карл не предвидел, что город, который, как он в конце апреля категорически утверждал, сдастся ему по первому требованию без боя, будет сопротив-

ляться больше двух месяцев, что эта осада истребит последние скудные запасы пороха в шведском обозе, усеет трупами все подступы и город все-таки не сдастся. Но, раз начав осаду, Карл уже не видел выгоды и даже возможности отойти от принятого им плана.

Петр, с другой стороны, усмотрел в Полтаве то место, где целесообразнее всего пожать, наконец, плоды жолкиевской стратагемы, т. е. попытаться с наибольшими шансами на успех нанести врагу сокрушительный удар, прекратить отступление, так долго длившееся, и дать бой, которого так давно жаждал зарвавшийся противник. Для Карла осада Полтавы была так же предрешена его долгими тщетными поисками необходимого ему прочного лагеря и опорного пункта, как для Петра, длительная губительная для шведов прикованность армии Карла к валам Полтавы показалась тем подходящим моментом, когда, наконец, возможно было покончить с ослабевшим «страшилищем», девять лет грозившим России разорением и порабощением.

Попытка шведов отбросить русскую армию от Ворсклы не удалась. 11 апреля 1709 г. Меншиков донес царю об обстановке в таком виде: 4 тыс. шведов и 3 тыс. запорожцев, переправившись через Ворсклу, напали на русскую кавалерию генерала Ренне, стоявшую под Сокольской. Атака была отбита, и шведы стали уходить за Ворсклу назад «в великой конфузии», и тут, при их переправе Сибирский и Невский полки ударили на шведский арьергард. Потери русских исчислялись в 60 человек, а шведы потеряли полковника и 800 рядовых, кроме «потоплых» в Ворскле [1]. Карлу XII пришлось думать об осаде Полтавы под нависшей угрозой с левого берега реки.

Политическая и стратегическая необходимость того, чтобы непременно взять Полтаву, была окончательно доказана и внушена Карлу Мазепой. Он, как всегда, взяв на себя роль истолкователя перед королем всех чаяний и ходатайств запорожцев, привел такой довод: кошевой Гордиенко обещает собрать большую армию из очень населенной Полтавщины и всей Южной Украины, если король вытеснит русских из Полтавы и возьмет город, потому что только в таком случае появится возможность подхода этой будущей армии к Запорожью и сообщений между разными частями «дружественных» шведам вооруженных сил.

Но такой тонкий искуситель, как Мазепа, знал, чем можно особенно подействовать на этого «любовника бранной славы», чтобы заставить его не уходить из-под Полтавы. Вот что пишет не отлучавшийся от короля Нордберг, перед которым «запорожцы» (т. е. Мазепа) излагали свои аргументы: «Эти доказательства пришлись по вкусу (королю — *Е. Т.*), в особенности (подействовало — *Е. Т.*) обнаруживаемое этими людьми беспокой-

ство по поводу превосходства неприятельской армии. Чтобы внушить им мужество и доверие, король сам отправился к Полтаве, которую и осадил некоторою частью войск. В то же время он дал приказ перебросить в Соколке мост через Ворсклу» [2].

Мы видим, что Мазепа одновременно успел затронуть самолюбие короля, который продолжал по всякому поводу выражать свое полное пренебрежение к русской армии, и этот добавочный мотив (о запорожцах) получил, кроме того, серьезное чисто политическое значение. Всякое сомнение в непобедимости шведской армии при полной неустойчивости и растерянности в Сечи могло лишить вовсе шведов поддержки нескольких тысяч вооруженных запорожцев, шедших пока за Константином Гордиенко. Значение Полтавы и Полтавщины и без того в глазах шведского штаба было немалое, потому что после ухода из Ромен и Гадяча у шведской ставки и всей армии не было пристанища, сколько-нибудь подходящего для более или менее продолжительного пребывания. Соображения Гордиенко и Мазепы еще более усилили решимость Карла овладеть городом.

Таким образом, если у Карла могли еще быть какие-нибудь колебания относительно того, стоит ли задерживаться под Полтавой и не лучше ли, после половодья, опять идти в Слободскую Украину, а оттуда на Харьков, то в апреле последовал толчок, окончательно решивший дело и побудивший Карла безотлагательно осадить и стараться взять Полтаву. Это окончательное решение короля не в полной мере, но до известной степени связалось с переходом запорожцев в шведский стан.

Запорожцы, жившие в Сечи в своих куренях, а вне Сечи в зимовниках на берегу нижнего Днепра от Переволочной до устья реки, не очень охотно и не очень искренне подчинялись как царю московскому, так и гетману батуринскому, хотя и Петр считал их своими подданными, а для Мазепы они были людьми, подвластными его компетенции. Но Мазепа знал также, что их лучше просить, чем требовать от них. Запорожье заволновалось, едва только узнало об измене гетмана Москве, и там, по-видимому, более резко обозначились уже с давних пор существовавшие два течения: одни предлагали идти за Москвой, другие — идти за Мазепой. И Петр и Мазепа направляли в Сечь свои универсалы. Петр говорил в своих воззваниях о перехваченных письмах Мазепы, который желает отдать Украину польскому королю, и это влияло на запорожцев, выросших в традициях борьбы против Польши. А Мазепа уверял, что король шведский оставит за ними по старине все их вольности, что они навсегда будут избавлены от опасности московского ига. Хотя никакого московского ига запорожцы до той поры не чувствовали, а, напротив, в долгие годы шведской войны Петр очень старался не раздражать это, все еще сильное и могущее

стать опасным, хоть и не регулярное, войско, но все-таки уже с начала 1709 г. в Запорожье шведская сторона начала брать верх над московской, и влиятельный кошевой атаман (избираемый глава запорожцев) окончательно повлиял на своих товарищей, указав, во-первых, на продвижение Карла XII к югу, а, во-вторых, мазепинцы пустили слух о том, будто крымский хан обещает запорожцам свою помощь, если они станут на сторону Мазепы.

Мазепа, Гордиенко и сам Карл XII, конечно, мечтали о выступлении Турции и ее крымского вассала — хана. Но хан, безусловно желавший помочь запорожцам, не получил на это разрешения из Константинополя и так и не выступил. Однако ряд документальных данных показывает, что в марте, апреле, мае при константинопольском дворе не прекращались колебания по вопросу о том, выступать ли против России или не выступать. Шведские дипломаты и эмиссары Станислава Лещинского делали все зависящее от них, чтобы побудить Оттоманскую Порту вступить в войну. Но, с одной стороны, кипучая деятельность Петра в Азове и Троицком показывала, что русский флот не останется пассивным зрителем турецкого нападения, а, с другой стороны, несмотря на все тенденциозные россказни шведов и польских эмиссаров, султан и визирь не могли не знать хоть отчасти о том, что творится на Украине. Народная война против шведов и мазепинцев усилилась весной 1709 г. в необычайной степени. Партизанские отряды нападали на шведов совсем близко от Великих Будищ, где стоял Карл, и от Полтавы с самого начала ее осады. Отряды верных казаков беспощадно истребляли запорожские шайки, бродившие по Украине в апреле, мае, отбившись от главной массы соумышленников, примкнувшей к шведскому войску. Уничтожение запорожских изменников Яковлевым сначала под Переволочной, затем в самой Сечи нанесло удар всем надеждам Карла и Мазепы на турецко-татарскую помощь. Это не мешало Мазепе вводить в заблуждение всех пошедших за ним или еще колебавшихся казаков, сочиняя письма от крымского хана, якобы требующего, чтобы казаки повиновались Мазепе, и т. п.

Вопрос о социальном составе, о классовом характере как той части запорожцев, которая пошла за Гордиенко, так и тех, которые остались верны Москве, весьма интересен, но еще не разрешен исследователями запорожской старины,— и в источниках, касающихся событий 1708—1709 гг., нам не удалось найти четкий ответ, ни в «Делах малороссийских» ЦГАДА, ни в других местах. По скудным отрывочным указаниям, касающимся разногласия в «поведениях» запорожской рады в самые последние годы XVII и начале XVIII в., мы еще можем сказать и документально подтвердить, что, например, в 1693 г., когда в

Сечи дебатировался вопрос — принимать ли участие в походе на Крым, то вся «голутьба» требовала согласных с Москвой действий и готова была перебить «прекрекателей», т. е. противников Москвы и затеваемого Москвой похода. Но как высказывались специально «голутьба» и «неголутьба», когда Константин Гордиенко склонял Сечь к измене,— на этот вопрос документированного ответа у нас нет.

Фанатическая, непримиримая, очень давнишняя ненависть Константина Гордиенко к Москве увлекла в конце концов в пропасть многих потому, что они боялись уничтожения старых прав и вольностей Запорожья и торжества порядков московской государственности. Лозунг борьбы за старые вольности был тем основным демагогическим приемом, который был пущен в ход кошевым. Изменнику много помогло распространявшееся уже (особенно с начала весны) в Запорожье убеждение, что вся шведская армия, двигающаяся на юг, явится вовремя, чтобы прикрыть Сечь от царских войск [3].

Не очень спокоен был Петр I в это критическое время относительно турок, и уже в августе 1708 г. посол Петр Толстой объявил двум наиболее важным сановникам в Константинополе — шифлату и муфтию, что они будут получать отныне ежегодно от двух до пяти тысяч червонцев. Петр беспокоился неспроста, потому что Толстой на всякий случай объявил обоим подкупленным сановникам, что «выдача начнется лишь с 1 января 1709 года...— ибо в октябре или ноябре обнаружится турецкое намерение. Они довольны, и так мир! Только непременно нужно прислать деньги в конце декабря, чтобы не показаться обманщиками и тем не испортить всего дела» [4].

Ранней весной 1709 г. опасения Петра относительно возможности внезапного выступления Турции были вполне основательны. Из Крыма Селим-гирей всячески торопил султана и великого визиря. Карл XII и Станислав Лещинский прислали султану письма, а Мазепа письмо от себя. В письме гетман утверждал, что все казаки на его стороне и что если турки не воспользуются удобным случаем и не помогут казакам освободиться от власти Москвы и стать свободным народом и прочной преградой между Москвой и Турцией, то им придется позднее считаться с видами России на покорение Крыма.

Все это повлияло на Порту, и уже были отданы приказы об отправлении морских сил в Черное море, а сухопутного отряда — к Бендерам, по направлению к русской границе. Об этом доносит австрийский посол Тальман из Константинополя в Вену. Донесение Тальмана помечено 18 июля 1709 г. [5] А ровно за десять дней до того, 8 июля (нов. ст.), произошла Полтавская битва, о которой Тальман еще не знал, и вопрос о выступлении Турции был снят с очереди.

Нордберг рассказывает о письме, об «ответе» крымского хана, якобы полученном Мазепой непосредственно от хана. И эту явную выдумку самого Мазепы повторяет Нордберг, который верил всему, о чем повествовал гетман в шведской ставке, желая поддержать свой шатающийся авторитет среди шведских генералов. А вслед за Нордбергом эту же версию пресерьезно принимает и Костомаров, даже не потрудившийся вдуматься в самую формулировку мнимого письма крымского хана: «он желал, чтобы они (запорожцы — *Е. Т.*) оставались связанными с Мазепой» [6]. Тут каждое слово кричит о том, что оно сочинено Мазепой. Во всяком случае эта проделка вполне удалась: кошевой Константин Гордиенко убедил запорожцев, что если они перейдут к шведскому королю, то Москве их не достать: с севера на юг к ним приближается шведский король, а с юга на север к ним придет на помощь крымский хан.

Еще в середине января Меншиков отправлял к Петру делегацию «послов запорожских» и советовал царю «милостиво их принять» [7].

Но, кроме пустых речей и проволочки времени, от этой делегации ничего не получилось. Князь А. Вяземский доносил 23 февраля Меншикову, что приказ не допускать запорожцев до соединения с шведами и «заграждать от неприятеля запорожцев» трудно исполним. «Неприятельские люди» приближаются к Полтаве, а другие шведские отряды, которые стояли около Камышина и Лохвицы, тоже стягиваются к Полтаве, и русским войскам, стоящим между Пселом и Ворсклой, невозможно было вследствие слишком трудных переправ отправиться к Переволочной. А между тем сделать это было нужно, так как «оные запорожцы любо какое злое намерение имеют» и могут уйти за Днепр. Русские начальники отрядов, бывших между Ворсклой и Пселом, очень хотели к концу февраля подтянуть к себе поближе тех запорожцев, которые им казались более надежными, писали к Шугайлу на Переволочную и к «полковнику запорожскому Нестолею» (он же Нестулай), но что-то «еще на оные письма отповеди от них не прислано» [8].

Шведы шли из Лохвицы к берегу реки Псел, через которую и переправились у села Савинцы, несмотря на громадный разлив реки, «с великой трудностью». Но как только шведы переправились, так сейчас же это отразилось на «верных» запорожцах. Нестулей, который сначала не отвечал на пригласительные письма миргородского полковника Даниила Апостола, а потом ответил, изъявив желание поступить вместе «с товариством» на царскую службу, вдруг, «незнамо для каких причин потревожившися», написал Апостолу, что получил указ от кошевого и «с товариством повернулся до Переволочной, и так все назад

запорожцы с Нестулеем пошли до Кобыляк». Даниил Апостол немедля уведомил об этой подозрительной истории Шереметева и Меншикова, а сам послал к Нестулею нарочных людей с письмом, требуя объяснения, «для чего оные запорожцы» вернулись [9].

Приверженцы Гордиенко в Запорожье сделали этот роковой для себя шаг и послали депутацию к королю Карлу XII, а затем двинули и первую подмогу: 2 тыс. человек перешли Ворсклу и напали 17 марта 1709 г. на русский отряд драгун, стоявший вблизи Кобеляк, а затем на довольно большой отряд бригадира Кэмпбела, который и разбили. Все эти дела запорожцев, от их перехода в шведский лагерь и вплоть до Полтавы, т. е. с середины марта по 27 июня 1708 г., нам известны главным образом (но не исключительно) по двум штабным летописцам Карла XII, по Адлерфельду и Нордбергу, для которых в свою очередь главным осведомителем был все тот же Мазепа, которому выгодно и даже нужно было безмерно преувеличивать волшебные подвиги удалых запорожцев. А если Мазепа случайно и не всюду лгал, то за него это делал кошевой Гордиенко, самохвал и авантюрист, которому тоже необходимо было отличиться перед новыми господами. К числу таких хвастливых военно-охотничьих фантазий относится, например, известие, что первый успех запорожцев так их приободрил, что их мигом стало уже не 2 тыс. и даже не 8, а 15! Следует заметить, что после этих первых порывов в Сечи наступила некоторая разноголосица, и хотя большинство осталось у Карла, но временно меньшинство добилось смены Гордиенко и выбрало нового кошевого. Это был не первый и не последний из внезапных переворотов в Сечи в это тревожное время.

По всей длинной линии русских войск от Белгорода к Ахтырке, к Сорочинцам, к Полонному русские передовые посты зорко несли караульную службу. Коротенькие известия, там и сям попадающиеся в документах, напоминают об этой трудной и очень оперативно проводимой службе дозорщиков и пикетов. То неприятель многократно и безуспешно отправляет партии из Котельвы к Ахтырке, которую уже к 1 февраля русские привели в доброе состояние и «крепили город со всяким поспешением» [10]. То русские конники в середине февраля своими частыми нападениями заставляют шведов убраться подальше от Полонного, от Карца, от Острога и генерал Инфлант с торжеством заявляет: «Неприятельские люди разложились было близ сих мест и милостию божиею чрез мои частые партии из сих мест утекают» [11]. То русским удается расстрелять из пушек лазутчиков-драгун, подосланных «по указу королевскому для осматривания фортеций города Сорочинец» [12].

В Белгороде, а с начала марта в Харькове, находился Мен-

шиков, на ответственности которого лежало наблюдение за главной массой шведской армии, постепенно сосредоточивавшейся в Опошне [13].

27 февраля 1709 г. к русским в местечке Ахтырка явился казак Федор Животопшинский, бежавший из шведского лагеря в Опошне. Он сообщил, что ему удалось подслушать разговор поляков о том, как Мазепа жалуется на большие потери: «...посылали-де они партию до Полтавы из местечка Опошни человек со сто назад тому будет дней с пять. И тое партию под Полтавою московское войско всех порубило, только из той партии приехало к ним три человека. И на другой день посылали другую партию 500 человек и тех такожде под Полтавою всех до одного порубили».

Поляки передавали также, что король и Мазепа хотят идти к Полтаве со всем войском и будто бы шведы сказали: «Хотя там все погинем, а будем доставать Полтаву». Казак утверждал, что в самой Опошне стоит отряд в 8 тыс. человек шведов, поляков и волохов, конных и пеших. Но при них всего три пушки. Остальная же армия разбросана по деревням и по лесу, в полумиле и больше от Опошни. Но так как в провианте и в фураже имеют великую нужду, то посылают на поиски мили за две и за три [14].

Два вопроса беспокоили русское командование в это время, когда становилось окончательно ясно, что шведы из Опошни пойдут прямо на Полтаву: во-первых, каково настроение в Полтаве и, во-вторых, как избавиться от явно готовящего измену и агитирующего в пользу измены кошевого Гордиенко.

25 февраля Меншиков доносит Петру о капитане Теплицком, который ездил в Полтаву и «тамошнее поведение хорошо высмотрел».

Тот же Теплицкий побывал с запорожцами (очевидно, антимазепинцами) у полковника Миргородского, на которого Меншиков возлагает очень большие, но нарочито неясно выражаемые надежды. Оказывается, что «оный полковник старается о кошевом, чтоб как мочно против наших пунктов способный промысл учинить, и надеется при помощи божии от него такого действия вскоре что дай милостивый боже».

Очевидно, речь идет о достижении безусловно необходимой цели: низвержении изменника Гордиенко и избрании в Запорожской Сечи нового кошевого.

Известия, привезенные капитаном Теплицким, показались Меншикому настолько важными, что он отправил капитана немедленно к Петру: «о чем обязательно извольте выразуметь от него, господина капитана» [15].

Но Петр, по-видимому, не очень рассчитывал на низвержение Константина Гордиенко и перемену политического настрое-

ния среди части запорожцев. Еще 25 февраля Петр послал Меншикову «подтвердительный указ» об отправлении в Каменный Затон трех пехотных полков. Эти полки должны были сосредоточиться в Киеве и затем отправиться плавнями до Каменного Затона.

Уже 2 марта Меншиков отвечает царю, что его указ выполняется. Но в своем письме Петр предлагаст также «о кошевом чтоб о низверженьи его искать способу». Меншиков отвечает, что он «возможного ищет способу чрез полковника Миргородцкого, который и сам к тому радетельно тщится» [16].

Еще до конца марта 1709 г. русским военным властям, стоявшим вдалеке от главной квартиры Петра, или Шереметева, или Меншикова, приходилось разъяснять, во избежание опасной путаницы, как следует относиться к тем или иным запорожцам — как к друзьям или как к врагам: «А о запорожцах, каковы они нам явились, о том вы разумеете из писем господина генерал маеора Волконского и полковника Миргородцкого, от нас к ним писанных» [17],— сообщал 24 марта 1709 г. Меншиков из Воронежа в Голтву адъютанту Ушакову.

Взятые от шведов в конце февраля 1709 г. «языки» единогласно показывали, что шведская армия направляется к Полтаве, а пока часть стоит в Опошне. Сами же они (два шведа и «польский хлопец») были в партии из 20 человек, которые с поручиком во главе были посланы из Опошни «для искания провианту». Разведка оказалась неудачной: русские перебили всех, кроме трех взятых в плен. Одного из них взяли «мужики» [18].

Гольц, главной миссией которого было помогать Синявскому в борьбе против шведов и Станислава Лещинского, был не в очень спокойном настроении.

Вести о переходе части запорожцев на сторону шведов сильно смутили коронного гетмана Синявского и его войско. Синявский дважды посылал к генералу Гольцу двух своих генерал-адъютантов «прилежнейше просить» «чтобы я (Гольц) маршем своим без дальнейшего отлагательства к нему поспешил, ибо коронное войско начинает *зело перебегивать и к противной партии переходить»* (курсив мой — *Е. Т.*). Поляки узнали, что в Бердичеве был перехвачен запорожский «атаман», который вез письма от Мазепы и от кошевого (Гордиенко) к Станиславу с известием о переходе запорожцев к Карлу. «От чего коронное войско зело потревожилося», потому что эти поляки «чают, что приступлением (присоединением — *Е. Т.*) запорожцев к королю шведскому вашего царского величества прежние счастливые удачи и великие авантажи ныне всемерно разрушены суть». Поляки даже думают, что он, Гольц, послан будет не им помогать, а «покорять запорожцев». Гольц просит Петра подтвердить прежние указы о помощи коронному войску, «дабы

опасные перемены упредить и коронное войско в постоянном доброжелательстве состоять», отчего царю «великая есть польза».

Опасения Синявского были напрасны. Гольц поспешил «по подольским границам» к Константинову [19].

До начала марта Петр и Шереметев делали все от них зависящее, чтобы предупредить замышлявшийся в Запорожье переход на сторону шведов. Шереметев из Сорочинец пересылал письма через Даниила Апостола к запорожским полковникам, которым «писал от себя лист с обнадеживанием» царской милости и награды [20]. Но надежды на мирное улажение возникшего в руководящих кругах Запорожья опасного движения быстро таяли.

Уже 9 марта царь приказал Шереметеву стать на дороге от Переволочной «ради предостерегания запорожцев между тех мест, где шведы стоят». Но как ни спешил Шереметев, он опоздал. 16 марта он прибыл в Голтву, но был задержан разливом рек, и запорожцы успели уже перейти к шведам. Неприятельское войско стояло в Решетиловке. К Шереметеву приходили запорожцы, не пожелавшие идти за изменником кошевым «Костей» Гордиенко. Они уверяли, что изменившие казаки «нетверды» и одни пойдут на свои рыбные ловли, а другие будут сидеть «в домах своих». Говорили они также, что Крымская орда «во всем отказала» изменникам. Шереметев ободрился и послал воззвание к запорожцам «с обнадеживанием милости», «чтоб они... на Мазепины и кошевого воровские замыслы не смотрели». Посулы чередовались с угрозами тем, кто пойдет за изменниками. Шереметев просил царя о посылке подкреплений. Шведы стягивали свои силы к югу, бросая один за другим на произвол судьбы занятые ими города и села. 14 марта Шереметев узнал, что неприятель ушел из Гадяча и даже не успел в полной мере сжечь город, так как русские партизаны («наша партия») поспешили напасть на уходивших шведов, которые принуждены были кинуть часть своего багажа [21].

16 марта 1709 г. приехали в Голтву запорожские казаки — Василий Микифоров с тремя товарищами — и привезли недобрые новости: оказалось, что 11 марта явился из Сечи в Переволочную сам кошевой и привел одну тысячу человек конницы и пехоты. К нему присоединился Нестулей с пятьюстами человек конницы и прибыли также двое уполномоченных от Мазепы. Экстренно собралась рада в Переволочной. На раде были зачитаны кошевым «прелестные письма» от Мазепы. Мазепа уверял, что царь желает весь народ малороссийский за реку Волгу загнать. Агитация удалась: «И по многим разговорам на той раде по прелестям кошевого и мазепиным письмам, также и за дачею денег от кошевого запорожцам скудным лю-

дям тайно, многие почали кричать, чтобы быть с мазепину сторону. И онойде полковник Нестулей и все запорожское войско, как конница, так и пехота, превратилась на изменничью сторону». Это событие требовало, конечно, серьезнейшего внимания со стороны Петра, потому что в верности Нестулея и царь и Шереметев были убеждены [22].

Во второй половине марта 1709 г. измена части запорожцев и прежде всего, конечно, руководящей, правящей казацкой верхушки уже быстро превращалась в очевидный факт, который становилось невозможным оспаривать: «А здесь гораздо от тех изменников большой огонь разгораетца (sic — *Е. Т.*), который надобно заранее гасить» [23],— так писал Петру генерал Карл Ренне 30 марта 1709 г.

Запорожцы вольно гуляли по низовьям Днепра, терроризуя и грабя нещадно городки и деревни, не примкнувшие к шведам. Несколько тысяч вооруженных запорожцев окончательно пошло за шведской армией, хотя Карл XII и не пожелал включить их в число регулярных частей шведского войска.

До середины марта 1709 г. не только еще не было запорожцев в шведском лагере в Великих Будищах, где была королевская ставка, или в Лютенках, или в Бурках, или в Опошне и в других деревнях и местечках, где стояла шведская армия в это время, но даже и «о запоросцах никаких ведомостей» пока не было [24]. Даже и в апреле, когда в политическом отношении дело в Запорожье уж совсем выяснилось и запорожцы стали на сторону Мазепы, все-таки у них еще не было оснований немедленно расположиться у шведского лагеря: ведь всю весну если с провиантом у шведов было «не без нужды», то «фуражу ничего нет и для лошадей секут солому и тое едною соломою лошадей кормят». Где же тут было запорожцам надеяться, что хватит корма для нескольких тысяч их лошадей, когда падали от бескормицы сотнями лошади шведов?

Только в мае, когда русские войска стали вплотную теснить запорожские поселки и «плавни», и особенно после взятия и разгрома самой Сечи, запорожцам пришлось в массе искать «укрытия» и спасения в шведском лагере, уже не разбирая, будет ли корм для лошадей или не будет.

В марте (1709 г.) Карл XII и Мазепа имели свою главную квартиру в Великих Будищах. Шведская армия расположена была частью в Лютенках, частью в Бурках, частью в Опошне и еще не все ушли из Гадяча. Обмороженных («ознобленных») и больных было много, но они все были нужны для пополнения сильно поредевших кадров.

Три волоха из нерегулярной волошской части шведской армии 9 июня 1709 г. бежали из шведского лагеря к русским и рассказывали, что запорожцев у Карла «тысяч семь», но

многие из них «утекают» к Миргородскому полковнику (Даниилу Апостолу) в Голтву. «А провиантом в швецском войске зело скудно и шведские волоша все хотят отъехать до войск его царского величества,— да неможно, изыскивают способного времяни и будут отъезжать, хотя по малому числу».

Нас не должна удивлять разноголосица в показаниях источников о числе запорожцев в осаждавшей Полтаву шведской армии: после полного разорения Сечи полковником Яковлевым запорожцы лишились оседлости, и те, кто успел спастись, и те, кто бродил до того по Гетманщине, время от времени наведываясь в Сечь, волей-неволей должны были спасаться, убегая к шведской армии, стоявшей под Полтавой.

При всей пестроте и ненадежности цифровых показаний пленных или лазутчиков, или дезертиров из шведского лагеря можно все-таки усмотреть, что еще в марте и в первую половину апреля запорожцев из Сечи в войске Карла было значительно меньше, чем в мае и особенно в июне. С одной стороны, как сказано, взятие и полное разорение Сечи сделало для уцелевших запорожцев шведский лагерь единственным прибежищем, оставшимся для них. А, с другой стороны, шведское войско, осевшее впервые (после ухода из Гадяча) сколько-нибудь прочно около Полтавы, стало гораздо ближе географически к Запорожью, чем до той поры было. Когда Мазепа и генерал Гамильтон с шестью пехотными и четырьмя конными полками стояли в селе Жуках, а генерал Крейц в Ремеровке с десятью конными полками, а граф Пипер в Старых Сенжарах с тремя пехотными полками, то немудрено, что сбежавшихся под эту защиту запорожцев к середине июня уже насчитывали не четыре, а до семи тысяч человек [25].

2

В течение всего февраля до Петра доходили недобрые слухи о том, что делается в Сечи. Скоропадский определенно советовал сменить поскорее кошевого, более чем подозрительного «Костю» Гордиенко. Но царь считал более осторожным не раздражать Сечь прямым вмешательством и нарушением выборных порядков на Запорожье. «И то гетман (Скоропадский — *Е. Т.*) советует, чтобы переменить кошевого. И то зело добро, и всегда мы то говорили, что надобно. И как оное зделать, того способу искать надлежит, которое, мню, *чрез бы Миргороцкого и денги* (курсив мой — *Е. Т.*) могло статца...»,— писал Петр из Воронежа Меншикову 21 февраля 1709 г. Он надеялся, что Даниил Апостол увещаниями и подарками сможет создать против Гордиенко оппозицию в Сечи и низвергнуть его. Вообще Петр до последней минуты не терял надежды «смотреть и учинить запорожцев добром по самой крайней возможности; буде же

оные явно себя покажут противными и добром сладить будет невозможно, то делать с оными яко с ызменники». Уже в марте все иллюзии рассеялись. Запорожцы поддались «улещиваньям» Мазепы, фантастическим слухам о близком выступлении Турции, о помощи, которую им будто бы готов оказать крымский хан, о непреоборимой силе шведского короля и совершили свой гибельный шаг.

С начала марта 1709 г. Петр уже совершенно уверен в «воровстве» кошевого Гордиенко и измене в Запорожье и настоятельно требует от Шереметева и Меншикова самых скорых и решительных мер. «Запорожцы, а паче дьявол кошевой, уже явной вор»,— пишет царь 4 марта Меншикову [26].

А спустя четыре дня идет грозное распоряжение Шереметеву о том, чтобы не допустить запорожцев до соединения со шведами: «а ежели допустите и по сему не учините, тогда собою принуждены будите платить» [27].

В течение всего марта и апреля запорожцы серьезно озабочивают Петра. «А наипаче тщитца каналию запорожскую и сообщникоф іх іскоренять»,— этот мотив господствует в переписке Петра того времени [28].

Тревожные слухи об успехах пропаганды мазепинца запорожского кошевого «Кости» Гордиенко все усиливались. «Однако ж хотя кошевой вор сколко может к неприятелской стороне казаков склоняет, токмо болшая часть оных желают быть против неприятеля, для чего уже от нас несколько знатных людей туда послано, дабы вора кошевого опровергнуть... Кошевой вор пишет уневерсалы за Днепр в Чигирин, прельщая к мазепиной стороне»,— пишет Григорий Долгорукий Меншикову 16 марта 1709 г. и посылает тотчас Галагана (раскаявшегося мазепинца) в Чигирин, чтобы «от всех шатостей стеречь Заднепровскую сторону» [29].

В бумагах Меншиковского фонда в архиве ЛОИИ есть полуистлевший обрывок (весь фонд поступил в очень ветхом состоянии), из которого можно, хоть и с большим трудом, понять, что дело идет о последствиях поражения полковника Кэмпбела («Кампбел»). Запорожцы, по-видимому, если верить им, взяли в плен 154 «великороссийских человека», из какого числа половину отослали к крымскому хану, а другую половину — шведскому королю. Далее эти подосланные «шпиги» (так именуются в наших документах шпионы и лазутчики) сообщили, что согласно «прежнему положению» («по преж... полож...»), т. е. соглашению «меж им кошевыми в войске запорожском и королем шведским — итти на Москву с ардами имеет салтан един». А пойдет «салтан» муравским шляхом «в великоросийские слободы». Кошевой же рассылает «во все городы полтавского полку листы, чтобы казаки готовились все до войска» [30].

Очевидно, предусмотрительный «Костя» Гордиенко приглашает «салтана», чтобы тот вторгся в великорусские «слободы» «един», без запорожцев, которым, конечно, безопаснее было находиться под крылышком шведской армии и ждать дальнейших событий, не разлучаясь с шведами.

Из сохранившегося в бумагах Меншикова в крайне поврежденном виде и поэтому почти вовсе непонятного обрывка («отрывка письма») можно уразуметь, что кошевой Гордиенко требует от кого-то, кому он пишет, чтобы «не пускали москалей в город», а искали бы способов сопротивляться им: «маючи сто... способу дати отпор оным, бо если вселится уже тая проклятая Москва, то и вам там за не... не будет доброго мешканья».

На обрывке сохранилась дата: «марта 22 день 1709 року» и подпись: «Гетман Костянтин Гордеенко кошовый войска запо... (рожского — *Е. Т.*) низового». Неясно, откуда именно писано письмо (З Ново.....рода») [31]. По-видимому, это нечто вроде циркулярного воззвания.

Насколько мало была популярна измена Мазепы в рядах казачьей массы, явствует из успеха мероприятий Скоропадского.

Одним из заданий нового гетмана Скоропадского было по возможности «верстать» казаков в драгуны. Таково было желание царя. Делалось это, пока шла война, в довольно обширных размерах. Например, из одних только чугуевских казаков Скоропадский «набрал... в драгуны» 900 человек; «и люде гораздо добры и артикул зело поняли твердо»,— хвалит их гетман [32]. Дух воинской дисциплины в драгунских полках был сильнее, чем в полках казачьих, и этим-то руководились Петр и Меншиков, проводя данную меру.

Последнюю попытку покончить с запорожской изменой без кровопролитного штурма Сечи Петр сделал 17 мая, послав грамоту «наказному кошевому» Кирику Конеловскому. Он обещает прощение в случае немедленного раскаяния и ставит на вид полную безнадежность положения изменников: «А оборонить вас от гнева нашего некому, ибо швед ныне и сам от войска нашего окружен и под Опошнею побит и, потеряв пушки и знамена и немалое число людей, ушел от войск наших. А из-под Полтавы и из всего Малороссийского краю уповаем его, с помощью вышнего, прогнать вскоре. А Лещинский разбит и загнан от войск наших за Вислу. А с салтановым величеством и со всеми его поданными и Крымскими и Буджацкими ордами у нас, великого государя, мир и тишина содержится» [33].

Петр пометил свою грамоту: «Дан в обозе нашем под Полтавою маия в 17 день 1709 году», но на самом деле он прибыл под Полтаву лишь 4 июня. Явно предполагалось, что на запорожцев более внушительное впечатление должно было произ-

вести близкое присутствие Петра, который на самом деле в это время находился еще в Троицком, в Азовских местах.

Поход весной 1709 г. Григория Волконского и Яковлева против Сечи показывал, что с запорожской изменой решено расправиться беспощадно, потому что в этот момент она могла заставить Станислава Лещинского очень серьезно отнестись к приглашениям и улещиваньям Мазепы поскорее пожаловать на помощь шведам. Взяв Переволочную, где было «казаков с тысячу, да жителей с две тысячи», Волконский и полковник Яковлев «воровских запорожцев и жителей вырубили, а иные, убоясь, разбежались и потонули в Ворскле и Переволочну, так и Кереберду (sic — *Е. Т.*) выжгли» [34].

Гулявшие по Украине отдельными ватагами запорожские казаки, имевшие своей базой Сечь и наводившие панику на население, которое не пожелало пойти за Мазепой, представляли собой серьезную опасность. Меншиков, которому Петр поручил покончить с Сечью, отрядил туда полковника Яковлева, и тому удалось после очень тяжелых усилий и больших жертв взять Сечь. Он сжег ее до основания и подверг попавших в его руки суровейшим казням и репрессиям. Солдаты Яковлева были страшно ожесточены тем, что запорожцы в дни, предшествовавшие сдаче, подвергали взятых ими в плен солдат неслыханным истязаниям, калеченью, издевательствам и пыткам всякого рода. Разъярены солдаты были против запорожцев и за первоначальные нежданные нападения на отряд Кэмпбела и больше всего за их измену родине. Сечь погибла в потоках крови. Тогда же была частично сожжена Переволочная и другие поселки по Ворскле и Днепру. Все это происходило в середине мая.

Приведем некоторые подробности о разгроме Сечи.

Полковник Яковлев с сильным отрядом выступил еще в самом конце апреля 1709 г. из Киева и, преодолев у Переволочной сопротивление высланной против него запорожской части, 14 мая подошел к Сечи и начал атаку. Сначала запорожцы одержали верх, перебили около трехсот человек из отряда Яковлева, взяли пленных и после страшных пыток умертвили их всех. Но к вечеру положение круто переменилось. К Яковлеву подошла подмога, драгуны, посланные Григорием Волконским. На свою беду запорожцы обознались и приняли издали приближающееся русское войско за крымских татар, которых они все время ждали. Они вышли поэтому навстречу и тут были вконец разгромлены. Русское войско на плечах хлынувших назад запорожцев ворвалось в укрепление Сечи, перебило почти всех, кого там нашло, кроме арестованных зачинщиков: «знатнейших воров», как выразился Меншиков. А «все их места» велено было разорить, «дабы оное изменническое гнездо весьма выкоренить».

Известие о разгроме Сечи Петр получил 23 мая. «Сегодня получили мы от вас писмо, в котором объявляете о разорении проклятого места, которое корень злу и надежда неприятелю была, что мы, с превеликою радостию услышав, господу, отмстителю злым, благодарили с стрелбою»,— писал царь Меншикову [35]. И в тот же день он извещал царевича: «Сего моменту получили мы ведомость изрядную от господина генерала князя Меншикова, что полковник Яковлев с помощию божиею изменничье гнездо, Запорожскую Сечь, штурмом взял и оных проклятых воров всех посек и тако весь корень отца их, Мазепы, искоренен» [36]. Полетели от Петра письма к Шереметеву, Кикину, Апраксину, возвещая радостную новость.

Поздно поняли запорожцы, куда завела их измена. Уже работая в шведском лагере под Полтавой, они горько жаловались и раздражались.

Ненависть части запорожцев к Мазепе, соблазнившему их на измену, дошла до таких размеров, что, конечно, только шведы спасали «старого гетмана» от расправы. Это чувство открыто сказалось впоследствии во время панического бегства Карла и его спутников от Переволочной в заднепровские степи. Беглецы уже приближались к Бугу, когда вдруг, по свидетельству очевидца графа Понятовского, произошло следующее. «На третий день в ночь в лагере возникла тревога. Казаки, которые возмутились против Мазепы, хотели разграбить его телеги, где у него были большие ценности, а его самого схватить и выдать царю». Король Карл XII просил Понятовского успокоить казаков, что ему и удалось. Мазепа был спасен от неминуемой гибели: казаки твердо знали, что царь им все простит и богато одарит за выдачу старого изменника, за которого он спустя короткое время обещал туркам триста тысяч рублей — сумму колоссальную по тому времени [37]. (Смерть спасла Мазепу в сентябре 1709 г. от ожидавшей его участи.)

Запорожцы и тут опоздали. Они послушались Понятовского и оставили Мазепу в покое, а спустя некоторое время, когда беглецы уже примчались к Бугу, их настигла русская погоня. Карлу XII и Мазепе удалось переправиться через Буг, но мазепинцы-запорожцы были большей частью изрублены на месте или взяты в плен Григорием Волконским.

3

Измена части запорожцев делу русской национальной обороны, погубившая Сечь, имела, как уже сказано, известное влияние на окончательное решение Карла. Следует сказать, что сначала Мазепа говорил королю, чтобы он не шел к Полтаве и не брал Полтаву. Он говорил как бы от имени запорожцев и

убеждал короля, что Запорожье будет обеспокоено, если шведы войдут в Полтаву, которую они, казаки, считают своей. А потом вдруг те же запорожцы стали настоятельно просить короля поскорее взять город. Шведские летописцы похода даже с некоторым удивлением отметили эту странную непоследовательность. Но на самом деле особой загадочности в этом нет. Ведь в обоих случаях высказывались пожелания не запорожцев, а Мазепы, объяснявшегося с королем от имени запорожцев. И, как всегда, когда речь идет о поступках или заявлениях Мазепы, ключом к разрешению всех этих мнимых загадочностей является личный интерес «старого гетмана», «доброго старика», как его называет свидетель Адлерфельд (сам гораздо более «добрый», чем проницательный). Дело в том, что сначала, когда Мазепа еще не утратил веры ни в переход вслед за ним всей Украины на сторону Карла XII, ни в шведскую конечную победу над Россией, он не имел оснований желать, чтобы Полтава, которая могла бы заменить сгоревшую столицу Гетманщины Батурин, попала в бесцеремонные хозяйские руки шведских голодных солдат. И тогда он определенно не хотел пускать Карла к Полтаве и говорил, что это может отпугнуть запоржцев. А затем, когда он увидел, что Шереметев уже подошел к Полтаве, когда он оценил всю сложившуюся обстановку, тогда ему представилось, что шведы непременно должны загородить собою продвижение русских войск к Днепру и спасти запорожцев от неминуемой гибели, потому что «Косте» Гордиенко с русскими войсками уже никак не справиться. И тут, в этом вторичном пожелании, чтобы Карл осадил и взял Полтаву, Мазепа, несомненно, имел полное право выдавать это свое пожелание за просьбу запорожцев. Им тоже, конечно, представлялось гораздо более безопасным, если между шереметевской армией и запорожскими куренями будет такое надежное, как им казалось, средостение, как шведский король со своим войском.

Так или иначе, решение короля было принято бесповоротно. Он подошел к Полтаве, а раз подойдя, он уже считал порухой своей чести отступить, не взяв города. Его окружение знало, что те, сравнительно еще не такие частые в военной карьере Карла XII, неудачи, которые больше всего приносили вреда шведской армии, происходили обыкновенно именно вследствие этой характерной манеры короля: приковывать к ногам своим тяжелые гири, ставя перед собой цель, отказаться от которой ему ни за что не хочется и которая путает все расчеты. Так, он после занятия Гродно в 1706 г. потерял месяцы, погубил много людей, гоняясь за уходившей на Волынь русской армией, так и не догнав ее и не имея возможности ее истребить или взять в плен, даже если бы он ее и догнал. Так было с Веприком, у которого он положил большой отряд и несколько десятков

ценнейших боевых офицеров и который вовсе не стоил таких усилий и таких безмерных жертв. Так было и раньше, в 1704 г., когда он навязал себе на шею Станислава Лещинского, которого уже современники Карла называли тяжелым жерновом, висящим на шведском короле.

Так было в конце апреля 1709 г. и с осадой Полтавы. Но если уже почти всем в русской армии и многим в шведском штабе была ясна неудача завоевательных замыслов Карла, то ему самому и большинству по-прежнему веривших в него солдат она еще ясна не была. Мы увидим, что и эти чувства, с которыми, казалось, сроднился шведский солдат, тоже стали ослабевать в месяцы полтавской осады. Во всяком случае, если одержать победу и выиграть проигранную войну уже *ни при каких условиях* было невозможно, то все же, не будь этой трехмесячной остановки у Полтавы, было бы время исполнить совет Пипера отойти к Днепру и не погибла бы шведская армия целиком, не попала бы она вся, от фельдмаршала до кашеваров, в гроб или в плен, и не кончилось бы вторжение шведского агрессора, даже и вполне побежденного, такой катастрофой и такой постыдной капитуляцией. Так считали многие из уцелевших после Полтавы «каролинцев» (в том числе Гилленкрок).

Не только Гилленкрок видел надвигающуюся катастрофу. С ним совершенно согласен был министр Пипер, против него уже мало спорил сам фельдмаршал Реншильд. Гилленкрок, генерал-квартирмейстер и вообще очень недоступно и гордо державшийся человек, снизошел даже до того, что стал просить двух полковников, ничтожных фаворитов, состоявших при Карле, Нирота и Хорда, пользовавшихся в тот момент милостью, чтобы они подействовали на короля. Но ведь Нирот и Хорд только потому и пользовались фавором, что поддакивали Карлу всегда и во всем. И хотя они тоже вполне были согласны с Гилленкроком и Пипером, но не посмели рисковать своим положением и отступились от дела, когда Карл нахмурился.

Трагизм для шведов заключался в том, что положение в самом деле было безвыходным, даже еще в большей степени, чем это казалось Гилленкроку и Пиперу.

Провианта становилось совсем уж мало. Мы уже видели, как в Белоруссии в самом начале похода шведам пришлось находить и откапывать хлеб и другие продукты, которые крестьяне прятали от неприятеля под землей. На Украине в Ромнах и других местах происходило то же самое. В Великих Будищах, где Карл пребывал со своей главной квартирой и значительной частью армии до 11 мая 1709 г., откапывать эти спрятанные от врага продукты приходилось с большим трудом и даже опасностями: «они были зарыты очень глубоко... и были полны ядо-

витых испарений»,— повествует очевидец Нордберг. Продукты гнили, долго лежа под землей: «те, кого при открытии этих складов спускали туда на веревке, задыхались уже на полпути до такой степени, что лишались слова. Некоторые из них погибли таким образом» [38]. И все-таки уж то было для шведов хорошо, что этих попорченных и зловонных продуктов было много, разборчивыми быть не приходилось. Важно было и то, что нашлось много травы, и шведы занялись усердно косьбой. Около десяти недель провел Карл с армией в Великих Будищах перед тем, как пришлось перекочевать в Жуки, когда «припасы начали становиться редкими». Сначала, впрочем, «нельзя было жаловаться (в Жуках — *Е. Т.*), что совсем не было продовольствия». Но вот припасы, которые были только «редкими», стали уже «чрезвычайно редкими, и со всех сторон слышны были жалобы и ропот, и, чего прежде никогда не бывало, шведские солдаты ничего так не желали, как решительных действий, чтобы добиться или смерти или хлеба» [39]. Войска Карла стояли в глубине враждебной страны, ведущей против них одновременно и регулярную войну и народную.

Сведения о численности и о состоянии шведской армии, поступавшие к Петру в течение всей весны и начала лета 1709 г., были довольно разнообразны, тем более что иногда шпионы и взятые «многие языки» при своих подсчетах имели в виду только основную регулярную шведскую армию, основное ядро, уцелевшее от воинства, с которым Карл XII вторгся в русские пределы, а другие присчитывали также и нерегулярные силы, вроде волохов и мазепинцев.

23 марта 1709 г. Григорий Скорняков-Писарев предвидит скорое и счастливое окончание войны, потому что неприятеля «уже немного видеть можно, понеже по единогласному сказыванию многих языков, также и шпионов, войск неприятельских обретается только с 16 000 или 17 000» [40]. Скорняков-Писарев имеет в виду именно регулярную армию исключительно: тридцать полков, в каждом из которых числится от пятисот до шестисот человек, «кроме гвардии», в которой численный состав каждого полка несколько выше. У Карла 19 с небольшим тысяч человек прекрасной шведской армии и отряд казаков-запорожцев, затем казаков, пришедших с Мазепой, и небольшой польский отряд Понятовского — в общей сложности около 12 тыс. человек, а по другим подсчетам, и 10 тыс. не было. Но вполне полагаться ему можно было только на 19 тыс. шведов. Пушек у него очень мало, а пороху еще меньше. Русская армия не в $1^1/_2$ раза, как полагали шведы, а, считая с уже приближавшейся с востока нерегулярной конницей, точная численность которой не была известна, в 2 раза больше шведской и очень легко может стать еще больше [41]. Пороха у русских очень

много, артиллерия у них лучше, чем была во всю войну. А они и раньше доказали, что умеют ею пользоваться. Провианта у шведов мало, он плох и быстро истощается. У русских — теперь сколько угодно. Оставаться на месте, осаждая Полтаву, которая не желает сдаваться и ведет отчаянную оборону, просто непосредственно опасно, потому что сами осаждающие в осаде: Карл осаждает Полтаву, а Шереметев «осаждает» Карла, и если русские нападут, то шведская армия окажется между двух огней: между пушками коменданта Полтавы Келина и конницей, пехотой и артиллерией Шереметева. Но если не оставаться на месте, то что же делать? Гилленкрок и Пипер имели готовый ответ: уходить за Днепр.

Многие среди русского командного состава, подобно Аллару, боялись в течение июня не сражения, в исходе которого сомнения у них почти не было, но только как бы «короля шведского за Днепр не перепустить». Покончить с шведами полным их уничтожением и «славолюбивому королю шведскому мир предписывати» — вот уже о чем шла речь в ставке Петра тотчас по приезде царя под Полтаву [42]. Но мы, зная положение несравненно полнее, чем тогда мог знать и знал шведский король, видим ясно, что и уйти-то было уже крайне затруднительно. Куда именно, т. е. к какому месту Днепра, уходить и где переправляться? Идти на юг и переправляться у полувыжженной Переволочной и трудно, так как сожжены или угнаны прочь все перевозочные средства, да и нет смысла оказаться затем в голодной и безводной пустыне. Значит, нужно идти на запад, к Киеву. Но весь большой район между Полтавой и Киевом укреплен. У русских есть там опорные пункты — и Нежин, и Прилуки, и Липовцы, и Пирятин, и Лубны, и Лукомье, и армия Скоропадского, опирающаяся на эти пункты и защищающая их. Да еще нужно сначала добраться до этой линии, пройти мимо таких пунктов, как Хорол, Миргород, Сорочинцы, и пройти при преследовании со стороны главных сил Шереметева, стоящих на Ворскле у самого шведского расположения, нужно переправляться при подобных условиях через Псел, через Сулу, через мелкие безымянные украинские речонки и совершать весь этот долгий путь, теряя людей и лошадей, падающих от усталости и недостатка корма, и подвергаясь постоянным налетам русской регулярной и нерегулярной конницы. А добравшись до отрядов Скоропадского, шведское войско опять-таки очутилось бы между двух огней: между Скоропадским впереди себя и Петром и Шереметевым с флангов и с тыла. Все было плохо, но хуже всего было оставаться на месте, продолжая осаду Полтавы. «Я боюсь,— сказал Гилленкрок, обращаясь к Гермелину, Нироту и Хорду,— что если только какое-нибудь чудо нас не спасет, то никто из нас не вернется из Украины, и король

погубит свое государство и землю и станет несчастнейшим из всех государей». Но Карл не желал ничего и слышать. Гилленкрок считал осаду Полтавы лишенной всякого смысла. Он так и поставил вопрос перед фельдмаршалом Реншильдом: не может ли Реншильд ему объяснить, зачем шведам осаждать Полтаву? На это фельдмаршал дал классический по-своему ответ, ярко характеризующий положение в ставке Карла XII, и как смотрел король и его ближайший помощник на осаду Полтавы: «Король хочет до той поры, пока придут поляки, иметь развлечение» (в свою шведскую речь Реншильд тут вставил французское слово, обозначающее развлечение, забаву: amusement). «Это дорогое препровождение времени, которое требует большого количества человеческих жизней. Король поистине мог бы доставить себе лучшее занятие»,— возразил Гилленкрок. «Но если такова воля его величества, то мы должны быть довольны»,— ответил фельдмаршал Реншильд, прекращая разговор.

Все-таки граф Пипер отважился опять заговорить с Карлом об уходе от Полтавы. На это он получил такой ответ: «Если бы даже господь бог послал с неба своего ангела с повелением отступить от Полтавы, то все равно я останусь тут». А когда генерал-квартирмейстер Гилленкрок в последний раз заявил, что он не желает, чтобы потом ответственность за грядущую неудачу свалили на него, то король ответил: «Нет, вы не виновны в этом. Мы берем ответственность на нас (Карл говорил о себе, как тогда было принято при дворе, во множественном числе — *Е. Т.*). Но вы можете быть уверены, что дело будет выполнено быстро и счастливо».

«Чудо», от которого Гилленкрок единственно ждал спасения, казалось, явилось. Это посланное предложение об обмене пленными от Головкина было получено 2 апреля в шведском лагере, тут же Головкин предлагал также условия для прекращения войны. Петр согласен был мириться, если Карл признает за Россией окончательное владение всеми городами и областями у Балтийского моря, какие до сих пор завоеваны русскими и которые встарь уже принадлежали русским. Другим условием царя было: обе стороны не должны вмешиваться в польские дела.

В сущности это было поистине совсем неожиданным спасением для шведов в положении, в какое они попали. Но Карл дал ответ нижеследующего содержания: «Его величество король шведский не отказывается принять выгодный для себя мир и справедливое вознаграждение за ущерб, который он, король, понес. Но всякий беспристрастный человек легко рассудит, что те условия, которые предложены теперь, скорее способны еще более разжечь пожар войны, чем способствовать его

погашению»[43]. С этим ответом и был отправлен офицер на русские аванпосты.

Не только Карл и его штаб усматривали в Полтаве место, где можно создать временный центр управления шведской армией, но, по-видимому, так на этот город смотрел и Петр. 27 ноября 1708 г. он пишет полтавскому полковнику Ивану Левенцу, что к ним в подмогу идет бригадир князь Волконский, и царь выражает убеждение, что Полтава так же не допустит к себе шведов, как это сделали Стародуб и Новгород-Северский[44]. Петр упоминает именно те два города, которые намечались шведами как их главная квартира на зимние месяцы. Когда он писал этот указ, шведы занимали еще Ромны и Гадяч, но, конечно, эти города не могли равняться по своему военному и политическому значению ни со Стародубом, ни с Новгородом-Северским, ни с Полтавой.

4

Комендантом Полтавы был назначен А. С. Келин.

В шведской историографии передается неверный факт, будто в Полтаве перед назначением Келина комендантом был имевший связи с Мазепой Герцык. Это неверно: Герцык, бывший полковник Полтавского полка, умер лет за 20 до войны, а тот Герцык, который был в Полтаве и бежал к Мазепе в 1708 г., вовсе не был ни полковником, ни комендантом Полтавы.

Назначив полковника А. С. Келина, Петр сделал в высшей степени удачный выбор. Алексей Степанович Келин был представителем типа, очень часто встречающегося в русской военной истории: геройски мужественный, стойкий, простой, терпеливый человек, заслуживший полное доверие солдат и населения, готовый без громких фраз, но и без малейших колебаний положить за родину свою голову в любой момент, когда это потребуется. Отрезанный от русской армии, он обнаружил в страшные месяцы осады большую распорядительность, неослабную энергию, уменье вдохнуть бодрость в своих людей, способность максимально использовать боевую готовность и патриотический дух всего полтавского населения. На предложение сдать город он ответил категорическим отказом.

Генералы шведского штаба очень обеспокоились, зная, что при упрямстве короля он ни за что не пожелает отступить от дела. Пипер и Реншильд (а до сих пор фельдмаршал Реншильд поддакивал своему повелителю) согласны были с Гилленкроком, что осада Полтавы, затеянная королем, дело очень тяжелое, внушающее тревогу. Решающий разговор с королем имел генерал-квартирмейстер Гилленкрок. «Вы должны приготовить все для нападения на Полтаву»,— так начал эту беседу ко-

роль. «Намерены ли ваше величество осаждать город?» — «Да, и вы должны руководить осадой и сказать нам, в какой день мы возьмем крепость. Ведь так делал Вобан во Франции, а вы наш маленький Вобан».— «Помоги нам бог с таким Вобаном. Но как бы велик он ни был, все-таки, я думаю, что он имел бы сомнения, если бы он видел здешний недостаток во всем, что необходимо для такой осады». На это король возразил: «У нас достаточно материала, чтобы взять такую жалкую крепость, как Полтава».— «Хотя крепость и не сильна,— ответил Гилленкрок,— но гарнизон там сильнее, в нем 4 тыс. человек, не считая казаков». На это у короля оказался его вечный аргумент: «Когда русские увидят, что мы серьезно хотим напасть, они сдадутся при первом же выстреле по городу». Гилленкрок знал эти раз навсегда попавшие в упрямую голову Карла на его несчастье «нарвские» иллюзии уже восьмилетней давности. «Мне то кажется невероятным,— сказал он.— Я скорей думаю, что русские будут защищаться до крайности, и затем трудные осадные работы истощат вашу пехоту».— «Я вовсе не имею в виду употреблять для этих работ мою пехоту, а запорожцев Мазепы».— «Ради бога, прошу ваше величество подумать, возможно ли, чтобы осадные работы выполняли люди, которые никогда такими вещами не занимались, с которыми можно объясняться только при помощи переводчика и которые убегут прочь, как только работа будет для них обременительна и как только они увидят, что их товарищи падают под пулями осажденных?» Король не согласился и не стал уверять, что запорожцы не разбегутся, потому что им будут хорошо платить. Тогда Гилленкрок решил коснуться больного места шведской армии в тот момент: «Если даже запорожцы дадут запречь себя в работу, то ведь ваше величество не имеет пушек, которые было бы возможно пустить в ход с успехом против валов, обнесенных палисадами». Но у Карла всегда был готов ответ на любое возражение, если ему чего-нибудь очень хотелось: «Но ведь вы сами видели, что наши пушки уже разбивали бревна, которые были толще, чем палисады».— «Конечно, то есть тогда, когда снаряды попадали. Но здесь должно прострелить несколько сотен столбов».— «Если можно пробить один, то можно и сотни». Здесь опять Гилленкрок решил напомнить о тревожном обстоятельстве: «Я тоже того мнения, но когда падет последний палисад, то одновременно окончатся и наши боевые запасы».— «Вы не должны представлять нам дело таким трудным. Вы привыкли к осадам за границей и все-таки считаете подобное предприятие невозможным, если у нас для этого нет всего, что есть у французов. Но мы должны выполнить при наших незначительных средствах то, что другие совершают при больших». Гилленкрок не уступал: «Я бы действовал предосудительно,

если бы я делал ненужные затруднения. Но я знаю, что нашими пушками ничего достигнуть нельзя, вследствие чего в конце концов задача взять крепость будет возложена на пехоту, и при этом она целиком погибнет».— «Я вас уверяю, что не потребуется никакого штурма». Гилленкрок недоумевал: «Но тогда я не понимаю, каким способом будет взят город, если только нам не повезет необычайное счастье». Король и на это имел ответ: «Да, вот именно мы должны совершить то, что *необыкновенно*. От этого мы получим честь и славу».— «Да,— сказал Гилленкрок,— бог знает, какое это необыкновенное предприятие, но боюсь я, что оно и конец будет иметь необыкновенный».— «Только примите все необходимые меры и вы увидите, что вскоре все будет сделано хорошо».

На этом знаменательная беседа окончилась.

В Полтаве повторилось то, что было в осажденном Веприке: все гражданское население не только пожелало принять самое деятельное участие в обороне, но и реально принесло существенную помощь. Регулярных войск в городе было 4182 человека, с обученными артиллеристами 4270, а вооруженных горожан — 2600 человек. Пушек было мало, пороха и того меньше, укреплен город был довольно примитивно [45].

Но и в данном случае, как часто бывало в русской истории, русский героизм уравновесил русские силы и силы неприятеля, «и равен был неравный спор».

А спор в самом деле вплоть до появления русской армии казался не только неравным, но почти безнадежным для полтавского гарнизона.

Карл XII счел в начале апреля, когда лично появился под городом, совершенно излишним тратить на такую легкую (как ему показалось с первого взгляда) задачу артиллерийские снаряды, которых становилось у шведов все меньше и меньше. Левенгаупт под Лесной потерял все свои боезапасы, которые он вез Карлу в своем колоссальном обозе, а Станислав Лещинский из Польши не приходил, и не очень похоже было, что он придет, а еще менее было похоже, что если даже придет, то много от него проку будет. Значит, следовало поберечь снаряды, а Полтаву взять с налету, молодецким штурмом, без подготовки. Но тут Карла постигло первое разочарование.

Если не начало «правильной» осады, то начало неприятельских действий под Полтавою должно считать от 1 апреля 1709 г. В этот день впервые «партия неприятельская приходила до Полтавы против которой выходила партия. По сражении неприятельская партия збита и прогнана. На боевом месте мертвых тел неприятель оставил 32, в плен взято 6 (русских — *Е. Т.)*... убито 6, да ранено 2» [46]. Собственно с тех пор в том

или ином виде военные действия под городом Полтавой уже не прекращались. На другой день после первой стычки последовала вторая: по неприятелю был дан залп, и было убито 8 человек, но двое перед смертью показали, что скоро Полтава будет атакована самим королем. А 3 апреля на самом рассвете приступило к Полтавской крепости неприятельское войско, из которого 1500 человек в тот же час пошли на штурм [47]. Но штурм был отбит, а пленные показали, что «они надеялись оную крепость взять, потому что оная без обороны и валы во многих местах низки». 4 апреля к Полтавской крепости подошли довольно крупные силы [48]. Из крепости были высланы две партии, по 700 человек в каждой. Шведы были отбиты с потерей 100 человек, трупы которых были сосчитаны на валах крепости. 5 апреля в час ночи шведы уже пошли на настоящий штурм, который продолжался всю ночь. Штурм был отбит. Неприятель потерял убитыми 427 человек, русские потеряли 62 убитыми и 91 ранеными.

2—3 апреля сам король произвел первую рекогносцировку полтавских укреплений. Адлерфельд, для которого не было в это время секретов в шведской главной квартире, положительно утверждает, что именно Мазепа дал Карлу XII совет овладеть Полтавой, во-первых, чтобы создать себе из нее базу (une place d'armes) для обеспечения успеха при дальнейшем проникновении в Россию, а во-вторых, чтобы иметь нужную точку опоры для поляков Лещинского, когда они из Польши пойдут на помощь Карлу XII. Конечно, от Мазепы же шведы узнали, что в Полтаву под защиту русских сбежались многие при приближении шведов, и в городе поэтому накопилось «много богатств, хлеба и всяких запасов» [49].

Начиная с 6 апреля, идет ежедневная борьба у валов Полтавы: неприятель строит «апроши», а русские постоянными вылазками то днем, то ночью разоряют эти работы. Происходят очень часто «прежестокие баталии»: 7-го числа Келин выслал 1500 мушкетеров, и неприятельские потери были равны: 200 убитыми, а русские — 82 убитыми и 150 ранеными. 10 апреля шведы втащили в свои шанцы при Полтаве пушки, а русские выслали 1200 человек, и «шанец неприятеля отбили», но, когда «вылазка возвратилась в город», шведы снова принялись за возведение шанцев «близь валу». 13-го снова из Полтавы была вылазка 400 мушкетеров. Осажденные уже 9 апреля из допроса пленного, взятого на шанцах, узнали, что «король, не взяв Полтавы, бою с войсками царского величества дать не хочет». А 14 апреля Карл XII лично осмотрел валы Полтавской крепости и, найдя один вал низким, велел в тот же день взять Полтаву штурмом. 3 тыс. шведских мушкетеров бросились на штурм, но Келин вывел на валы до 4 тыс. человек, и

приступ был отбит. Русских было при этом убито 142, а ранено 182 человека, шведов же «до 500 трупами положили».

На другой же день после этой неудавшейся попытки покончить с Полтавой штурмом шведы стали располагаться для долговременной осады. Король стал в Будищах, другая часть армии — в Опошне, в Новых Сенжарах, в Старых Сенжарах (Сенжарах), и у самых валов неприятель начал строить «ретраншемент», т. е. укрепленный лагерь. Уже с 15-го осада стала очень «крепкой», и русская армия, «хотя и видела Полтавскую крепость от неприятеля весьма утесняему,— токмо помощи учинить не могли, потому что берега реки Ворсклы весьма топки и болотны». А 16 апреля шведы стали обстреливать крепость из трех мортир. Положение делалось острым. 18 апреля генералитет, командовавший армией, стоявшей за Ворсклой, собрался на военный совет: «как бы Полтавской крепости учинить помощь». Решено было за милю от Полтавы через Ворсклу «сильный отряд конницы и пехоты переправитца и идти к Опошне», а также пытаться частью кавалерии атаковать главную квартиру («гаубтквартиру») шведскую. Шведские саперы 21 и 22 апреля делали подкоп: «вал по ночам проходили сапами». Русские мушкетеры своими вылазками тревожили работающих шведов. Им удалось обнаружить подкоп и «из камор подкопных порох вынули» [50].

Взрыв предполагали произвести во время приступа, потому что «желателный пролития крови король Карл того же числа (23 апреля — *Е. Т.)* приуготовя 3000 человек к приступу, повелел подкопа рукав зажечь» и тотчас после взрыва «вбежать в крепость». Король не знал, что порох русскими вынут. Никакого взрыва не последовало, и штурм даже не был и начат. Но на следующий день король все-таки велел повести приступ в другом месте, где вал показался ему «безоборонным». Однако и здесь шведы были отбиты, потеряв 400 человек. Это было 24 апреля. А на другой день, 25-го, русские попробовали очень удачно «сделанной машиной с крюком» вести борьбу против шведских саперов: «вынуто из сапов 11 человек без потеряния от войск царского величества ни одного человека, да в сапах вала найдено тем же инструментом побитых до 24-х, а протчие убежали». Это событие, читаем в нашем документе, произвело на шведов сильное впечатление: «Таким образом неприятель сапами доставать крепости отменил и только единым метанием бомб приводил в несостояние, а артиллерию при оной атаке имел малою».

Но, заметим тут, что записавший это в дневник под 25 апреля оказался слишком большим оптимистом, и почти спустя месяц (22 мая) русским войскам пришлось обнаружить «веденные неприятелем мины под вал» Полтавской крепости. Рус-

ские эти мины «перерыли и до исполнения действа не допустили»[51].

24—25 апреля несколько полков из дивизии Спарре, а за ними на следующий день и другие полки этой дивизии, в общем семь полков, пошли к Полтаве из Лютеньки, где они стояли. За ними последовал и выведенный окончательно из Гадяча гарнизон. Эти полки шли с артиллерией и всем своим багажом. 27—28-го к Полтаве подошел и отборный Дарлекарлийский полк, а 28—29-го прибыл к Полтаве из Будищ и сам король с кавалерией и несколькими кавалерийскими и пехотными полками[52]. Шведы 1 мая отрыли первую траншею перед русскими укреплениями. Работа над этой траншеей длилась непрерывно от 2 до 6 мая. Русские постоянно обстреливали работавших.

28 апреля 1709 г. было почти закончено сосредоточение шведской армии у Полтавы, в Малых Будищах, в Жуках. Сначала питали надежду взять Полтаву немедленно штурмом. Но два штурма один за другим были отбиты 29 и 30 апреля. Затем немедленно последовали русская вылазка в ночь на 1 мая и другая — 2 мая, а 3 мая — третья вылазка. Потери были большие и у шведов и у русских, но комендант Келин решил сделать все возможное, чтобы помешать инженерным работам шведов по устройству апрошей вблизи от палисадов полтавских укреплений. Вылазки поменьше первоначальных следовали одна за другой. 14 мая бригадиру Головину удалось, обманув бдительность часовых, напасть на ближайшие к городу апроши и, перебив находившихся там солдат, благополучно ввести в осажденный город подмогу в 900 человек (по позднейшим показаниям — 1200 человек).

Попытки шведов подложить мины оказались неуспешными. Во-первых, шведы не очень умели производить такие сложные инженерные работы, саперная часть у них была довольно примитивна. Во-вторых, русские наловчились находить и обезвреживать эти мины. Новый большой штурм Полтавы 23 мая был отбит с тяжелыми для шведов потерями, причем он был скомбинирован со взрывом второй большой мины. Но мина по обыкновению не взорвалась. А когда 24 мая шведы, уже не полагаясь на мины, повели новый штурм, то он тоже был отбит.

Приступы, бывшие в конце апреля (29 апреля) и в мае (15, 23 и 24 мая), прерывавшиеся время от времени вылазками осажденных, инженерные работы, производившиеся шведами, рывшими подкопы и подкладывавшими мины, а также русскими, стремившимися обезвредить эти мины,— все это не приводило к решающему результату. Ни город не был взят, ни шведское командование не снимало осады.

После канонады 1 июня шведы пошли на штурм, который снова был отбит, хотя штурмующих было около 3 тыс. человек.

У шведов не было уже ни достаточно пороха, ни снарядов, чтобы вести успешную бомбардировку Полтавы. Гилленкрок говорил министру Пиперу, осматривавшему осадные работы: «Выстрелы, которые вы слышите, это выстрелы русских, а не наши». Даже отчаянные кровопролитные штурмы, которые один за другим устраивал Карл и которые неизменно отбивались геройским гарнизоном и не менее геройским населением Полтавы, объясняются сознанием шведов, что бомбардировки, последовательные и эффективные, решительно уже невозможны. Солдаты шведской армии должны были заниматься в своем лагере разнообразными работами. «Припасы добывать было трудно, немного зерна, которое выдавалось, приходилось молоть ручным способом, другие (солдаты — *Е. Т.)* принуждены были изготовлять порох, третьи охранять траншеи, все эти трудности замедляли осаду, и постоянное утомление приводило в уныние самых стойких»,— свидетельствует Понятовский в уже цитированных нами записках. Лошади без достаточного корма падали десятками, а выпускать их на пастбища было делом рискованным, русские их угоняли.

Население и более близких и даже далеких от Полтавы деревень предпринимало упорные партизанские вылазки по ночам на аванпосты у шведского лагеря. Убивали постовых, угоняли лошадей и скот. Попадавших в плен крестьян и казаков шведы убивали после долгих, жестоких истязаний.

Больше 4 тыс. человек (4182) гарнизона с комендантом Алексеем Степановичем Келиным во главе защищали Полтаву. Позднейший блеск русской победы в открытом бою 27 июня несколько затмил заслугу защитников города. Их храбрость и стойкость отмечали с хвалой. Петр, как увидим, торжественно их благодарил за подвиг, и все-таки эта, по-своему, поразительная защита как-то отодвинута была и в глазах современников, и в оценке потомства на второй план.

А между тем оборона Полтавы достойна быть высоко отмеченной в летописях славы русского народа. Эта оборона велась общей дружной работой гарнизона и жителей так же точно, как в Веприке и в других местах, которыми желали овладеть шведы на Украине. Разница между Полтавой и Веприком была лишь та, что здесь, в Полтаве, оказалось возможным вооружить около 2600 жителей города. Пушек у них было 28, пороху было мало, и они его экономили. Правда, к счастью, и у шведов тоже пороху было мало. Но укрепления города были не очень надежны, и Карла нельзя упрекнуть в слишком большой самонадеянности, когда, поездив вокруг Полтавы почти в течение двух суток, король и его свита пришли к заключению, что город можно будет взять с налета, первым же приступом. Слишком уж большое было неравенство в численности

вооруженных сил между осажденными и осаждающими. Ведь Полтаву осадила армия, восемь лет почти без перерыва бившая врагов на полях Северной и Центральной Европы, и осадой лично руководил любимый солдатами их прославленный вождь. Но, как всегда, Карл не имел правильного представления о русском народе вообще и о русском солдате в частности и о том, как безнадежно и как нелепо мечтать о «трусости» гарнизона и его сдаче «при первом выстреле». Карл продолжал в это время жить в каком-то пугавшем его приближенных сне наяву, упрямо решив раз навсегда презрительно не считаться с народом, землю которого он пришел разорять и завоевывать. Довольно чувствительный урок он получил вскоре после разговора с Гилленкроком. «Жалкая крепость» оказалась под защитой нисколько не «жалких» гарнизона, населения и коменданта.

После того как все апрельские и майские приступы оказались неудачными, Реншильд, готовясь к новым, усиленным штурмам, попытался снова (в восьмой раз!) испытать твердость духа осажденных и предложить сдачу на самых почетных условиях. 2 июня к коменданту Келину явился от шведского фельдмаршала барабанщик, предлагая сдаться на любых условиях, какие сам Келин изберет. При этом предлагалось сделать это «заблаговременно, понеже в приступное время акорд дан не будет, хотя б оного и требовали, но все будут побиты». Ответ коменданта Келина гласил: «Мы уповаем на бога, а что объявляешь, о том мы чрез присланные письма, коих 7 имеем, известны; тако же знаем, что приступов было восемь и из присланных на приступе более 3 тыс. человек при валах полтавских головы положили. И так тщетная ваша похвальба; побить всех не в вашей воле состоит, но в воле божией, потому что всяк оборонять и защищать себя умеет, и с оным ответом барабанщик отпущен» [53].

В ответ на предложение сдаться комендант Алексей Степанович Келин ответил вылазкой гарнизона, которая, даже по шведским данным, стоила их войску недешево: шведы потеряли до двухсот человек убитыми и ранеными и четыре пушки. А, кроме того, участники вылазки, уходя, уволокли с собой в осажденный город 28 человек пленными. Таков был для осаждающей шведской армии дебют полтавской осады.

За этой большой вылазкой последовали другие, поменьше, происходившие внезапно и очень беспокоившие шведов. Решительное сопротивление осажденных очень озлобляло Карла, и так как «шведский паладин» был на самом деле совершенно чужд сколько-нибудь великодушных, рыцарских чувств к врагу, в особенности, если враг был русский, то это раздражение выразилось в усугубленной жестокости по отношению к пленным. Благочестивый пастор Нордберг с большим удовлетворе-

нием и одобрением передает такие поступки Карла, произведшие на этого смиренного служителя алтаря самое отрадное впечатление: однажды поймали четырех человек русских, которых обвинили в том, будто они хотели произвести какой-то поджог; двух из них сожгли живьем, а двум другим отрезали носы и уши и отправили их в этом виде к русскому главнокомандующему графу Шереметеву [54].

Для некоторого облегчения положения осажденных Меншиков решил предпринять крупную диверсию. На рассвете 7—8 мая русская пехота по трем незадолго до того быстро сделанным мостам, «а конницы чрез болота и реку вплавь, несмотря на жестокую неприятельскую из транжамента пушечную стрельбу и трудную переправу, перешли и к транжаменту приступили, и одними шпагами неприятеля с великим уроном из того транжамента выбили и принудили их бежать порознь». Бежали к Опошне 4 шведских эскадрона и 300 человек пехоты. Но тут из Опошни на помощь выступили новые шведские силы. Шведы затем зажгли предместье города и ушли в «замок» (укрепленный пункт в Опошне). На поднятую тревогу к Опошне поспешил на помощь своим король с семью полками — и русские «отошли добрым порядком».

Потери, по русским источникам, были равные: по 600 человек. При своем отходе из Опошни русские освободили и увели «несколько сот малороссийских людей, которые от неприятеля из разных мест для всякой работы были загнаны» [55].

В своей реляции, посланной царю 13 мая, Меншиков описывает дело 7 мая так. Сначала «некоторая часть» армии под начальством трех генералов: Беллинга, Шомбурга и генерал-квартирмейстера Гольца была направлена к Будищам. Отсюда предполагалось перейти всем вместе через Ворсклу, но «ради трудных переправ» удалось совершить переправу только одному Гольцу со своим отрядом. Тут Гольц напал на ретраншемент, где засело около 500 шведов, «которых немедленно с помощью божией едиными шпагами из того ретранжемента (sic — *Е. Т.*) выбили». Но тогда из Будищ прибыли на помощь шведам три конных полка и два пехотных, и хотя первый русский залп по шведам был удачен, но русские отошли (о чем Меншиков умалчивает), перебив в общем 600 человек и взяв в плен полтораста, а также две пушки, ружья, знамя и пр. Русские потери, по этому донесению, были всего 26 убитыми и 45 ранеными (считая с офицерами) [56]. Вот как «стилизованно» повествует о том же событии летописец шведского штаба.

7—8 мая русские уже с неделю, по сведениям шведов, накапливавшие силы около Опошни, перешли через Ворсклу по мосту, который они устроили пониже города. У русских было при этой операции, на глаз шведов, 12 тыс. человек пехоты и

кавалерии. Оттеснив и обратив в бегство пробовавший задержать их шведский отряд, русские, однако, наткнулись на спешно сконцентрированные генералом Роосом силы нескольких кавалерийских и пехотных полков и перешли обратно через тот же мост, потеряв в арьергардных боях 200 человек. Русские вернулись в Котельву, уничтожив за собой мост [57].

Очень поддерживало дух осажденного гарнизона и населения то обстоятельство, что Полтава в смысле получения сведений вовсе не была отрезана от русской полевой армии.

Переписка между осажденными полтавцами и полевой армией шла путем писем, вкладываемых в полые ядра, хотя и нерегулярно, конечно, и часто с опозданиями. Например, 10 июня комендант Келин отвечает на письмо Меншикова от 26 мая. Но было и так, что тот же Келин уже 4 июня отвечает Меншикову на письмо, писанное 3 июня.

Зловещие для Карла симптомы множились в осаждающем Полтаву шведском лагере. Усиливалось прежде очень редкое дезертирство. Из отряда волохов 21 апреля дезертировало три капитана и 38 рядовых (волохов). И подобные случаи стали повторяться. Еще более показательным симптомом падения дисциплины была необходимость для самого короля увещевать этот отряд, просить его продолжать «верную» службу, причем король не наказал солдат этого отряда за их дерзкое поведение, но велел удовлетворить их пожелания (выдал жалованье за год вперед и т. д.).

Еще только начиналась осада Полтавы, а уже к стоявшему в Хороле фельдмаршалу Шереметеву начали поступать сведения о неудачах атакующего неприятеля. 4 мая к Шереметеву явился дезертир из королевского лагеря («выехал ротмистр, родом француз»), а на другой день явились еще четыре дезертира. Они рассказали о двух неудавшихся штурмах, которые были отбиты от Полтавы русской пушечной и ружейной стрельбой. Шереметев удостоверился, что неприятель «ничего над Полтавой учинить не мог, в войске их во взятии надежда слабая, понеже великой артиллерии и довольной амуниции неприятель у себя не имеет».

Шведы с последних дней мая и с начала июня стали определенно нуждаться в хлебе еще гораздо больше, чем прежде. А мясо, которого было больше, чем хлеба, начало гнить под влиянием наступившей летней жары. «Хлеба нам или смерти!» — громко говорили, пока еще между собой, солдаты. Их лагерь и королевская ставка, сначала в Будищах, потом в Жуках, наконец, у Полтавы, стали походить на ловушку, и осаждающие все более чувствовали себя осажденными.

В русский лагерь постоянно приводили захваченных шведских «языков». И эти «языки» говорили в один голос о трудном

положении осаждающей Полтаву армии. Так, забрали за Ворсклой «шведского хлопца» и двух запорожцев-мазепинцев. Взятые показали, что шведов побито у Полтавы много и что вообще людей осталось в полках мало: например, у полковника, где служил взятый «хлопец», было сначала восемь рот по 150 человек в каждой, т. е. 1200 человек в полку, а теперь (8 июня) осталось у него всего 250. Показали пленные также, что шведы ведут подкоп (русские уже знали об этом) и что работают над этим подкопом запорожцы-мазепинцы. Пленные тоже считали запорожцев не входящими в состав шведской армии и показали, что «войска швецкого коннова и пешева тысяч с двенатцать»[58]. Они ошиблись: число шведского личного состава было до 19 тыс. человек.

Строить траншеи («апроши»), постепенно подвигая их к валам осажденного города, становилось все труднее, потому что стрельба со стороны гарнизона отличалась меткостью. Особенно чувствительно было истребление шведских инженеров и саперных офицеров при этих опасных работах, которые шли в течение всего мая и начала июня, не приводя ни к каким результатам: «Эти работы стоили нам много людей, особенно инженеров, и не проходило дня, когда бы у нас не было из них несколько убитых или раненых. К концу король был принужден пользоваться в качестве инженеров пехотными и кавалерийскими офицерами»[59],— констатирует Нордберг в мае 1709 г.

Вылазки делались небольшими отрядами, но частые и смелые: солдаты и вооруженные горожане Полтавы подстерегали шведов, когда те выгоняли на пастбища своих лошадей, и затевали постоянно перестрелку.

У русского командования были все основания опасаться за город Полтаву. Было ясно, что без вмешательства полевой армии обойтись нельзя. Решено было произвести диверсию.

Как уже упоминалось, 7 мая Меншиков после боя, продолжавшегося с перерывом несколько часов, перешел через Ворсклу у Опошни, напал на шведов, отряд которых был тут равен от 600 до 700 человек, часть шведов перебил, часть взял в плен (около 170 рядовых и 8 офицеров). Но ушедшие с поля боя шведы укрепились в «замке», бывшем у Опошни, и к ним подошла помощь — около 7 тыс. кавалерии с Карлом XII во главе. Они явились из села Будищей, где была главная шведская квартира. Шведы перебили русских, которые не успели переправиться обратно, но русская артиллерия с другого берега начала бомбардировать шведскую кавалерию. Шведы отступили, а русские «добрым порядком» все-таки закончили переправу вполне удачно и перевезли свой обоз. Из Опошни в лагерь Меншикова пришло несколько сот жителей Опошни с женами и детьми, которых вплоть до этого дня шведы держали «за крепким кара-

улом» и принуждали к «непрестанной жестокой работе»[60]. Шведы на другой день, 8 мая, ушли, предварительно сжегши город Опошню.

16 мая Меншиков уведомил князя Д. М. Голицына, что неприятель не только обложил Полтаву, но уже произвел несколько приступов, которые все отбиты гарнизоном, причем русские потери пока дошли до 2 тыс. человек. Неприятель повел подкоп «под самый город», но русские его «перекопали» и «несколько бочек пороху вынули» оттуда[61].

Людей в крепости становилось мало, а пороха и свинца еще меньше. Меншиков, как сказано, решил, осмотрев местность, попытаться послать каким-либо способом подкрепление в осажденный город. Предприятие было отчаянное, но оно удалось. В ночь на 15 мая «посланный от нас сикурс (подмога — *Е. Т.*)» проник в Полтаву под командой бригадира Головина: «...изготовя себя, и не токмо что платье все, но и штаны ради болотных зело глубоких переправ поскидали, и на каждого человека дав по нескольку пороху и свинцу, с божиею помощию помянутой брегадир в город привел». Место тайной переправы было явно избрано наиболее болотистое, наиболее труднопроходимое именно потому, что шведы никак не могли предполагать подобного риска. По мнению ликовавшего Меншикова, от этой помощи «так сей гварнизон удовольствован», что отныне может не бояться шведской осады, как бы она ни была продолжительна, «хотя б неприятель сколько бытности своей ни продолжал»[62].

17 мая произошла большая вылазка из Полтавы, поддержанная «жестокой» стрельбой городской артиллерии. Русские стреляли картечью и нанесли урон неприятелю, одновременно подвергшемуся также нападению со стороны небольшого отряда русских гренадеров. Как и под Опошней, так и под Полтавой шведская артиллерия мало отвечала, пороху давно уже не хватало в шведской действующей армии, и это сказывалось все явственнее и явственнее. А уже 15—16 мая шведам пришлось убедиться, что, подбросив так счастливо в Полтаву значительное подкрепление, Меншиков и Шереметев и дальше времени не теряют: за Ворсклу от главной армии была командирована «легкая партия», которая учинила внезапное нападение «на неприятельские конские стада и, побив караульных, больше тысячи лошадей отогнала» к своим. Это был значительный успех для русских, так как падеж лошадей, обусловленный скудностью фуража, и без этого страшно косил конницу.

Через два дня после этого успешного кавалерийского поиска и последовал рейд русских гренадеров, которые должны были напасть на неприятельский редут, охранявший сооруженный шведами мост через Ворсклу. Нападение состоялось, и гренадерам удалось выгнать шведов из редута, но долго преследо-

вать их невозможно было, и «по жестоком бою» русские принуждены были «ради глубоких болот по груди итти». Они должны были остановиться, подверглись жестокому обстрелу и отступили [63]. Но этим боевой день 17 мая не ограничился, за гренадерами полевой армии Шереметева и Меншикова выступили полтавские осажденные. Произошла «жестокая вылазка гарнизона», русские «с толикой храбростью» атаковали работавших в апрошах шведов, что выбили их оттуда вон. Конечно, шведское командование поддержало атакованных, русские прекратили бой и ушли в крепость. Неприятель не преследовал. Но и это еще было не все: в ночь с 17 на 18 мая числившиеся в русской нерегулярной коннице волохи переправились через Ворсклу и, перебив караулы, угнали пасшиеся конские косяки и «счасливо к войску привели» [64].

С 22—23 по 25—26 мая, записывает в своем дневнике Адлерфельд, «не произошло ничего замечательного. Осада тянулась довольно медленно». Шведы пытались подкладывать мины, «но они были открыты». Русские убили и ранили несколько человек при этом. «Что было хуже,— это редкие случаи выздоровления наших раненых вследствие быстро наступавшей гангрены». Страшная жара с трудом переносилась уроженцами Скандинавии.

25—26 мая стала прибывать на Ворсклу армия Шереметева и располагаться укрепленным лагерем, соединясь с отрядом Меншикова. Русские «старательно укрепляли свой лагерь», закрывая болотистые берега Ворсклы фашинником и воздвигая укрепленные пункты, куда ставили артиллерию.

В тот же день (25—26 мая), когда появились силы Шереметева, комендант Полтавы произвел вылазку, и русские напали на работавших в траншее шведов, перебили несколько человек и гнали остальных до расположения крупных шведских частей, после чего вернулись к себе. После этого случая шведское командование сделало одно неприятное наблюдение: «Запорожцы, которыми раньше пользовались с успехом при рытье траншеи, стали отныне возвращаться в траншею с большой неохотой» [65].

Еще не получив известия о нападении Меншикова на шведов при Опошне и удачном его переходе через Ворсклу, Петр писал, что непременно нужно освободить Полтаву от осады, для чего он предлагает «два способа»: «Первое, нападением на Опошню и тем диверзию учинить; буде же то невозможно, то лутче приттить к Полтаве и стать при городе по своей стороне реки». Царь писал это Меншикову 9 мая, не зная, что уже 7 мая Меншиков выполнил первое его желание и произвел удачное нападение па шведов у Опошни. Только 13 мая Петр получил известие о бое под Опошней и поздравлял Меншикова с победой «против так гордых неприятелей» [66].

Немедленно исполнил Меншиков и второе повеление и ускорил свое движение к осажденной Полтаве.

Русская армия постепенно все ближе и ближе подходила к осадившей Полтаву шведской армии. «Неприятельское войско у города, а мы за рекою от степи. И мы уже шанцами своими самую реку и еще три протока перешли, а осталось токмо один проток перейти, перед которым они (шведы — *Е. Т.*) вал сделали»,— писал Брюс Т. Н. Стрешневу 20 мая. И опытный воин предугадывал, что именно тут произойдут очень серьезные события. «И мню, что не без великого труда и урону нам будет случение со осадными в городе» [67],— соединение с осажденным полтавским гарнизоном. Но пока казаки, окрестные посполитые крестьяне и русские конные отряды очень успешно угоняли лошадей и скот, который шведы выгоняли пастись около своего лагеря, и, например, с 17 по 20 мая, за три дня, угнали полторы тысячи лошадей.

5

В шведском штабе давно ломали себе голову над вопросом, где Петр, почему он не едет к армии? Мы это знаем точно. Но мы знаем и причину этого.

Петр всю весну готовил нужную политическую обстановку для предстоявшей решительной схватки с шведами. Он с лихорадочной поспешностью готовил флот, который должен был заставить Турцию воздержаться от враждебных выступлений против России. И это ему удалось вполне.

Современники, вроде очень осведомленного царского писаря и «коммисара девятого класса по подрядам» П. Н. Крекшина, в записях которого наряду с неправильными или неточными сведениями находим немало нового и любопытного, склонны были считать, что организованная в марте — апреле — мае 1709 г. в Азове и Троицком и совсем готовая к войне на Черном море эскадра предотвратила турецкое нападение на Россию в этот критический предполтавский период войны. От великого визиря к адмиралу Апраксину прибыл специально посланный «курьер с письмами», в которых Оттоманская Порта запрашивала о причине таких военно-морских приготовлений. «Оному посланному приготовляемый флот объявлен» (т. е. был ему показан), и турок увидел «великость оного». Больше ничего не потребовалось. Турки уверили, что они преисполнены миролюбия. «Шведский король и изменник Мазепа из Царяграда получили неблагополучные ведомости, что Порта мир с царским величеством желает содержать нерушимо и от поможных войск им отказала. Шведский король и изменник Мазепа всей надежды лишился», и опасная в тот момент диверсия была, таким образом, предот-

вращена: «сие благополучие воспоследовало от вооружения флота» [68],— подчеркивает Крекшин.

Петр от Полтавы был далеко, спешно снаряжая флот и ведя переговоры с турками. А Шереметев зорко следил за движением шведов и собирал очень усердно сведения о том, что делается в их лагере.

Шведские дезертиры еще 20 марта 1709 г. сообщали Шереметеву: «В их войске все желают, чтоб из здешней стороны вытти, понеже все под сумнением, как им будет здесь живот свой спасти; а о намерении королевском они неизвестны». Но о «намерении королевском» поведал фельдмаршалу тогда же (18 марта) взятый в плен под Решетиловской запорожец-изменник Федер Коломыченко: «Слух у них запорожцов обносится, что король имеет намерение с московским войском, где ныне стоит, дать баталию, также и к Москве хочет итти, а за Днепр итти не хочет» [69].

Все сведения, которые с тех пор в течение апреля и мая получались в русской армии, неизменно подтверждали правдивость этих двух показаний: король хочет и ищет битвы и ничуть не отказался от мечты о победе и о Москве, а его войско изнурено и сомневается, удастся ли унести ноги подобру-поздорову. Теперь, к концу мая, русская армия была собрана в кулак, в большую группу, готовую к бою. Сил было достаточно, чтобы с большой надеждой на успех попытаться спасти Полтаву. Для этого должно было перейти через Ворсклу и так или иначе сильно сблизиться с шведским лагерем, даже идя на риск подвергнуться общей атаке всех шведских сил. Приближалась развязка.

Согласно приказу царя, Шереметев 27 мая пришел «под Полтаву», где и стала сосредоточиваться главная армия. Он подтянул к себе еще несколько полков от Скоропадского. 1 июня в третьем часу дня Шереметев получил известие от Петра о том, что царь скоро прибудет, и немедленно (в шестом часу того же дня) ответил, что для облегчения положения осажденного полтавского гарнизона «иного к пользе мы изобрести не могли, токмо чтобы немалую часть пехоты и притом кавалерии чрез Ворсклу выше Полтавы в полуторе миле переправить и поставить в ретраншементе; а из того ретраншементу всякие поиски чинить и диверсии неприятелю делать». Мысль Шереметева была ясна: шведы должны были неминуемо оказаться между огнем ретраншемента, если бы они вздумали на него наступать, и огнем полтавских укреплений. «А когда неприятель с пехотою будет на нас наступать, из того Полтава пользу может получить; так же и в то же время от шанцов возможно немалой алларм и диверсию учинить неприятелю» [70].

Царь выехал из Азова 26 апреля, направляясь через Троицкое к Полтаве. В дороге, в Троицком городке, он получил разом

сведения о том, что в последний месяц творилось под Полтавой. Меншиков сообщал о том, как неприятель «город Полтаву формально атаковал и несколько раз жестоко ко оному приступал, но с великим уроном всегда был отбиван (sic — *Е. Т.*), и чрез вылазки от наших людей потерял немало» [71].

Меншиков сообщал и о своих действиях, предпринятых для облегчения положения Полтавы. Чтобы «учинить неприятелю какую диверсию» Меншиков решил, как мы видели, напасть на ретраншемент шведов у Опошни.

Прибыв под Полтаву только 4 июня, царь на первых порах не считал, что приспело вполне благоприятное время для решительного сражения: «Между тем учинен воинский совет, каким бы образом город Полтаву выручить без генеральной баталии (яко зело опасного дела), на котором положено, дабы апрошами ко оной приближаться даже до самого города» [72].

4 июня 1709 г. на военном совете, собранном Петром, Яков Брюс объявил «свое простейшее мнение» на вопросные пункты Шереметева о необходимости перейти через Ворсклу с 8 или 10 тыс. пехоты, выше Полтавы, и устроить там ретраншемент, снабдив его не только пехотой, но и конницей. Это учинит неприятелю «великое помешательство». В случае нападения шведов на Полтаву или на ретраншемент — посылать подмогу в помощь атакуемым и если придется, то «прочим всем» неприятеля атаковать. Если атаке подвергнется Полтава, то помощь посылать из ретраншемента, а если атакуют ретраншемент, то посылать из главного («большого») корпуса 10 батальонов на помощь. А если неприятель атакует шанцы, «то как всем, обретающимся в транжементе» (ретраншементе), так и коннице, стоящей ниже города, напасть на неприятеля.

Таково было «сие простейшее мнение» Брюса, поданное «в обозе при Полтаве» в самый день прибытия царя под Полтаву 4 июня 1709 г. [73] Петр расширил и углубил этот план — и у него переход через Ворсклу знаменовал наступление момента генерального сражения.

По данным хорошо осведомленного генерала Алларта, Мазепа настаивал на скорейшем овладении Полтавой, где у него хранились «казна» и какие-то драгоценности. Но и без каких-либо настояний Карл твердо решил взять город еще до «баталии».

Компетентный наблюдатель всей военной ситуации в эти последние предполтавские дни, Алларт считал, что, не имея достаточно сил и «удобных инженеров», осилить русскую оборону Карл не мог никак, но никакого другого выхода не было: русские войска в сущности уже отовсюду окружали шведов. С правой стороны стояли генерал-лейтенант Боур с шестью полками и генерал-лейтенант Генскин тоже с шестью полками кавалерии: с левого крыла в одной миле от шведского лагеря расположены

были еще кавалерийские корпуса «сзади шведов до самого Днепра и по реке Ворскле, так что шведы со всех сторон обойдены были и повидимому кроме помощи божией оной армии никакова спасения ни убежать, ни же противустоять российской иметь было невозможно...» Таким образом, шведская армия «самым малым местом довольствоваться имела, где в пище и питье скудость имела не малую». Мудрено ли, что при подобных обстоятельствах резкий отказ Карла от обсуждения последних мирных предложений Петра, привезенных еще из Воронежа пленным шведским обер-аудитором, показался Алларту непосредственным путем «к великой гибели» шведской армии и самого Карла [74]. Но, конечно, уже ничего не могло спасти шведов, кроме капитуляции.

Еще 3 июня полтавский гарнизон так осмелел, что стал строить редут под городом как раз напротив шведского «городка» на реке. Шведы пытались помешать работе, но Келин выслал из города две роты гренадер и две роты мушкетеров, и шведы были отброшены, потеряв около 80 человек. Наши потери были 26 человек [75].

Такие происшествия уже сами по себе показывали, что шведская армия не та, какой она была еще при блокаде Гродно в 1706 г. или под Головчином в июне 1708 г. Русское командование если и опасалось за Полтаву, то исключительно имея в виду недостаток в городе припасов. «Невозможно удобно верить, чтоб он (неприятель — *Е. Т.*) сие место самою силою брал, понеже он во всех воинских принадлежностях оскудение имеет» [76], — так писал генерал Алларт 5 июня на запрос фельдмаршала Меншикова. Русские апроши были «в добром обороненном состоянии», была налицо большая русская конница, была возможность атаковать шведскую главную квартиру в Жуках и постоянными нечаянными тревогами и нападениями можно было «последовательно (постепенно — *Е. Т.*) короля шведского и его войска к совершенному разорению привести». Алларт решительно протестует против мнения тех генералов, которые предлагают дать шведам отступить за Днепр. Он считает, что это русскому интересу «весьма вредительно», потому что шведы еще могут потом десять лет продолжать войну. Нет, король шведский уже и сейчас находится «в утеснении, нужде и окружении меж двумя реками», и нужно тут покончить войну, не выпуская шведов отсюда никуда. Иначе и король французский потом поможет шведскому, «яко вечному своему приятелю», а, кроме того, Карл XII учтет свои ошибки («погрешения в сей войне») и уже впредь с лучшим основанием знать будет атаковать, где чувственнее есть» [77].

Это мнение еще раньше высказал Петр. Оно возобладало. И, в частности, множились признаки катастрофической слабости

шведской артиллерии, вызванной недостатком пороха. Шведы лишены были возможности деятельно отстреливаться. Вот, например, что произошло 16 июня, по свидетельству запорожца-мазепинца, перебежавшего на нашу сторону: «Сего дня швецкое войско выходило на поле и хотели бить на войско царского величества, чтоб с горы конечно сбить, и увидели, что зделан редут и пушки, и из оных пушек почали по них бить и убили швецкого капитана оного Реткина и назад вернулись и боятца сами, чтоб на них не ударили» [78].

Плохо было для шведов и то, что уже с начала июня стало не хватать пищи в лагере. Если еще лошадей можно было выгонять на пастбище, хотя бы с постоянным риском, то добыть хлеб оказывалось невозможным.

«Припасы становились крайне редкими. Со всех сторон только и слышны были жалобы и ропот, и слышалось такое, чего никогда не слыхали раньше...»,— свидетельствует тот же ближайший спутник Карла XII Нордберг.

Обнаруживались крайне обеспокоившие этого наблюдательного капеллана симптомы большой предприимчивости и бодрости духа у «московитов». 16—17 июня произошло крайне встревожившее генералитет и всю шведскую армию событие.

В «Журнале» Петра это происшествие неправильно отнесено к кануну Полтавского боя, и вот как там о нем рассказано.

Карл XII самолично с немногими провожатыми подъехал к русскому лагерю «и поехал ночью на российскую казацкую партию, которая стояла неосторожно, и некоторые из оной казаки сидели при огне, что он, усмотря, наехал с малыми людьми и одного из них, сошед с лошади, сам застрелил; которые казаки, вскоча, из трех фузей по нем выстрелили и прострелили ему в то время ногу, которая рана ему весьма жестока была».

В таком виде узнал об этой новой любопытной выходке Карла XII Петр.

Это происшествие передавалось с большими и очень отличающимися один от другого вариантами как русскими, так и шведскими источниками, причем, конечно, русские варианты могли быть, по необходимости, лишь в той или иной степени отголосками шведских. Вот как рассказывает об этом Нордберг. 16—17 июня король ночевал не в ретраншементе, как всегда, а в лагере. Ему доложили о каких-то движениях в русском расположении, и он, вскочив на лошадь, в сопровождении нескольких драгун помчался к месту. Русские скрылись, а когда драгуны с королем во главе возвращались в лагерь, русская пуля пробила ступню левой ноги короля и застряла в кости, раздробив ее [79]. Последовала мучительная операция, перенесенная Карлом с очень большим мужеством,— и его шведские хвалители не перестают до сих пор умиляться (как умилялся и Нордберг)

терпением и выдержкой короля, обходя деликатным молчанием тот факт, что вся эта ночная разведка, самолично предпринятая королем, была одной из абсолютно ненужных, ужасавших его окружение, выходок, которых так много было в жизни этого странного человека, избалованного безграничной властью и долгим счастьем. В данном случае последствия оказались для шведов вреднейшими. Фактически с этого момента Карл XII как верховный вождь армии, ведущей далекую, опаснейшую, уже явно наполовину проигранную войну, выбыл из строя.

«Выходцы» из шведского войска, чаще всего волохи и раскаявшиеся мазепинцы, в мае и июне 1709 г. доставляли довольно однообразно звучащие сведения о шведском лагере под Полтавой. Шведы не хотят переправляться через Ворсклу (т. е. наступать на русскую армию) и, напротив, сами очень опасаются русской переправы на полтавский берег и вообще «живут в осторожности». С провиантом дело обстоит у шведов плохо, с фуражом для лошадей — лучше [80].

5 июня 1709 г. Меншиков получил очередную записку от Келина, коменданта Полтавы (помеченную 4 июня). Келин сообщил, что он приступил к устройству редута под городом и что шведы, заметив работу, явились, чтобы помешать, но комендант выслал две гренадерские роты и две роты мушкетеров и в происшедшем сражении «сбил» неприятеля. Шведы были прогнаны и бежали, а «с оного места наши кололи штыками сажен с пятнатцать», после чего вернулись в город. Русские потеряли ранеными 1 капитана и 19 солдат и шестерых убитыми, а шведы — «человек с восемьдесят» [81]. В этом письме есть зашифрованное (и тут же над строкой расшифрованное) известие о том, что, по словам перешедшего от шведов к русским «волошского хлопца» Сидора Гришенко, в шведском лагере к 10 июня ждут орду (т. е. крымских татар) на помощь.

Настроение шведской армии было неспокойное. И тяжелая рана короля, и всем известное отсутствие пороха, наперед уже лишавшее пехоту и конницу всякой надежды на существенную артиллерийскую поддержку, и уменьшающиеся рационы пищи, и растущая дерзость лихих русских конных рейдов вокруг шведского лагеря — все это не располагало к большой бодрости. Приходилось для поднятия духа рассказывать солдатам разные басни, будто выступает на помощь шведам Крым («орда» или «арда») и что татары уже в Кобеляках и в Белгороде.

Приведем показания Сидора Гришенко:

«1709 г., июня 21 дня выехал из шведского войска будицкой житель мужик Сидор Гришенко.

Сказал в войске швецком служил брат ево... а он в службе не был, еще хотел принять службу. Король и Мазепа под Полтавою, войско все под Полтавою и ныне войско все вкупе на по-

ле потревожась от царского величества войска; сего ж дня пришли до короля от арды (sic — *Е. Т.*) послы, а слышно, что всеконечно есть четыре тысячи арды в Кобыляке (Кобеляках — *Е. Т.*), а другие перебираютца через Днепр, а пришла арда крымская и белагородская, а другая половина арды пошла до польского короля, а когда арда прибудет к Полтаве, в те поры Полтаву добудут, а слышно, что Полтава и так хочет сдатца. А ушел от шведского войска, что есть нечево и купить негде» [82].

По личному распоряжению Петра от 11 июня 1709 г. генерал-лейтенант Генскин напал на Старые Сенжары с полным успехом.

Даже и самый близкий тыл у шведов был необеспечен ни в малейшей степени. В Новых и Старых Сенжарах стояло несколько сот человек, но они сами были почти в осаде от непрерывных русских разъездов и нападений. По всей этой полосе до самой Переволочной, т. е. именно по той дороге, по которой бежала впоследствии от Полтавы преследуемая русской погоней шведская армия сейчас же после разгрома, еще в течение всего мая и июня разъезжали русские регулярные кавалеристы и казаки гетмана Скоропадского. Они успели даже заблаговременно уничтожить почти все перевозочные средства у Переволочной, предвидя, что шведам понадобится уходить за Днепр. И здесь тоже крестьяне и горожане деятельно помогали русским вооруженным силам, и, например, по Невхорощей сотник Данило разбил неприятеля, «собравшись с тутошними обывателями» [83]. Как плохо держались шведы, заброшенные в эти места, и как мало походили эти Новые и Старые Сенжары на сколько-нибудь серьезно укрепленный тыл, показало замечательное нападение (14 июня) кавалерийского генерала Генскина на Старые Сенжары, где были перебиты многие из шведского гарнизона и освобождено около 1200 русских пленников, забранных в Веприке и в других местах [84].

По позднейшим данным, у генерал-лейтенанта Генскина было всего 2500 драгун и один пехотный Астраханский полк, когда он подошел к Старым Сенжарам. В городе находился шведский генерал-майор Круус с войском в 3500 человек. Русские «штурмом город счастливо взяли и шведов в городе порубили и обоз и королевскую многую казну и знамена и офицеров и солдат взяли и невольников, взятых в Веприке, освободили» [85].

Шведов в Старых Сенжарах не спасло и очередное гнусное зверство: они, собираясь уйти из Старых Сенжар, решили перебить всех русских пленных. Успели они убить лишь 170 человек, Генскин явился, когда его в этот день еще вовсе не ждали, и как раз прервал шведов в разгаре их «работы» по убийству пленных. Во время переполоха, вызванного нападением, русские разбили оковы, которые на них были надеты, этими же оковами

перебили всю свою стражу и присоединились к русскому отряду.

Это событие произвело такое впечатление на шведов, что уже 17-го генералу Генскину донесли разведчики («из Сенжарова шпиги пришли»), что шведы, стоявшие в Сенжарах, отправили к Полтаве (т. е. к главной армии) весь свой обоз и большую часть своего отряда [86].

Уже после Полтавы к русским перебежал из шведского отряда, стоявшего в Новых Сенжарах, капрал Ролепц-Вейц, сообщивший, что в Новых Сенжарах стоит драгунский полк численностью 1050 человек и, кроме того, 300 человек казаков (мазепинцев). А в Старых Сенжарах стояло тогда же три драгунских полка. И все эти силы так и простояли до сдачи в плен, не принимая участия в битве под Полтавой. В русский лагерь приводили после битвы людей, посланных еще до сражения шведами «для хлеба и для добычи», а также для поджога хуторов («для зажигания»). Их ловили и приводили жители местечка Жуки и других окрестных местечек и деревень [87].

6

Еще 8 июня 1709 г. Петр дал знать князю В. В. Долгорукову и гетману Скоропадскому, что он намерен «всеми силами неприятеля с божиею помощию атаковать». Он приказывал Долгорукову изготовить мосты («не один») через реку Псел. Нападение будет начато конницей, а пехота будет до поры до времени сидеть в ретраншементе. Петр приказывал: «секретно сие дело держи», чтобы не дошло до неприятеля [88]. Но дожди помешали делу, точнее, отсрочили его [89].

9 июня 1709 г. гетман Скоропадский получил непосредственно от Петра указ, повелевавший ему со всеми войсками, регулярными и нерегулярными, быть готовым в поход «легко без обозу на вьюках» [90].

Одновременно Скоропадскому было приказано устроить «мост не один, с ретраншементами на реке Псле, к переходу».

Однако, отложив дело вследствие неудобств почвы после дождей («за великими болоты не могли исполнить»), Петр со дня на день ждал случая и пригодных обстоятельств и уже 19 июня сообщает Долгорукову, что намерен 20-го числа перейти через реку и «искать над неприятелем щастия» [91].

Предприимчивость среди русских возрастала. Несмотря ни на какие «великие болоты», русский небольшой отряд внезапным нападением потеснил неприятеля, стоявшего в Старых Сенжарах. О приключившейся там «неприятельской конфузии» и о «великом убытке» шведов при этом «изрядном деле» царь узнал как раз перед тем, как вновь собрался напасть на шведов, назна-

чая атаку на 20 июня. Но и 20-го нападение не состоялось, а совершился переход русской армии через Ворсклу.

Петр поспешно стягивал войска и, дорожа каждым часом, приказывал 23 июня Долгорукову и Скоропадскому, уже спешившим к Полтаве, сокращать маршрут, приказывал идти не на Лютенку, ибо это «зело в бок», а лучше всего «прямо сюды на обоз» [92].

А между тем положение осажденных в Полтаве становилось совсем критическим. У них порох иссякал еще в большей степени, чем у шведов, у которых его тоже было в обрез. Но на предложение сдать город с угрозой перебить всех находящихся в Полтаве людей, в случае если Полтава будет взята штурмом, комендант Келин ответил презрительным отказом («...тщетная ваша похвальба!») и напоминанием о жертвах, понесенных шведами на бывших до той поры приступах. Келин так осмелел, что выстроил вне городских укреплений два редута на берегу реки, т. е. фактически прорвал осаду города. Мало того: он отбросил шведов, посланных специально затем, чтобы помешать созданию этих редутов. И одновременно осажденные произвели новую вылазку, разрушившую часть шведских саперных работ. Эта вылазка стоила шведам новых жертв. Но Карл XII и его штаб уж ни в каком случае теперь не могли отказаться от мысли взять Полтаву. Все действия русского командования ясно говорили о возможности нападения всей русской армии на шведов буквально каждую минуту, после того как русские перебросили свои главные силы на правый берег Ворсклы и стали постепенно приближаться к шведскому лагерю. Не взяв города, шведы рисковали подвергнуться комбинированному нападению и очутиться между двух огней: между главными русскими силами, идущими от деревни Яковцы (в пяти примерно километрах от шведского расположения), и полтавским гарнизоном. 21 июня произошел новый сильный штурм Полтавы. Он снова должен был начаться со взрыва мин, которые, однако, опять не взорвались. В этот день было два штурма, а 22 июня — третий. Шведы уже людей своих нисколько не щадили, и казалось, что в самом деле городу конец. И снова штурмующие были отбиты.

Келин со своим гарнизоном защищался отчаянно. Русские за два дня, по позднейшим подсчетам, потеряли 1319 человек из гарнизона и деятельно участвовавших в бою жителей города, а шведы, тоже сражавшиеся с большим упорством, потеряли до 2200 человек: 21-го — около 500 и 22-го — около 1700. 22-го они, например, уже побывали на верху вала, и всякий раз их после яростного боя сбрасывали вниз. Осажденные полтавцы били ядрами, а когда не хватало ядер, то швыряли камнями, которые подносили мужьям, сражавшимся на валу, их жены и

подростки-дети. К ночи 22 июня шведы прекратили бой, ничего после тяжких потерь не добившись.

Таковы были заключительные штурмы в эпопее полтавской осады. Геройское население города ждало нового штурма и твердо решило погибнуть, но не сдаться. Толпа в эти дни растерзала человека, заговорившего о сдаче.

24 июня был день некоторого перелома в истории осады Полтавы. Петру снова показалось невозможным осуществить «главное наше намерение», т. е. ударить на шведов с двух сторон одновременно (от реки Псел и от Ворсклы). И мысль царя обращается к саперным работам, к рытью ретраншемента и подготовке редутов для предстоящего боя. 24 июня отправляется приказ С. А. Колычеву изготовить «восемь тысечь лопаток, да три тысечи кирок», и первую же партию (три тысячи лопаток и одну тысячу кирок), «не мешкав», доставить в лагерь под Полтавой [93].

Приближалось время отчаянной схватки с неприятелем, время «генеральной баталии». Царь надеялся битвой спасти город, но еще за восемь дней до сражения не был уверен, что удастся успеть сделать это.

Еще 19 июня Петр писал коменданту Полтавы Келину: «Понеже, как сами вы видите, что мы всею силою добивались камуникацию зделать з городом, но за великими болоты і что неприятель место захватил, того ради за такою трудностью того учинить невозможно...» А потому царь уведомляет коменданта, что если русскому войску не удастся пробиться открытой силой к городу через «окоп», который шведы «паче чаяния» устроят, то должно будет, выведя все население из Полтавы, взорвать дома, сжечь город, взорвать пушки или побросать их в колодцы, а самим добираться до русского стана.

Но этот план должно было исполнить лишь в случае отступления русского войска (т. е. его поражения в бою). Самое письмо свое царь приказывал держать в строжайшей тайне [94]. Надеясь на победу, Петр на всякий случай делал распоряжения, которые должны были, даже при неудаче русских в бою, лишить шведов их главной добычи — города Полтавы.

К счастью, городу Полтаве не суждено было в 1709 г. сгореть так, как в 1812 г. сгорела Москва, и Келину не пришлось выполнить посланный ему приказ «в две недели от сего дня», т. е. считая от 19 июня. Прошло всего восемь дней, и грянул Полтавский бой. Но уже через неделю после письма от 19 июня Петр очень сильно приободрился и счел необходимым написать Келину (26 июня) новое совсем иное письмо: «Понеже, когда мы с прежнево места сюды за реку пошли, тогда для всякого случая вам дали указ, что ежели на сих днях вас за какою причиною не можем выручить, чтоб вам із города вытить. Но ныне інако вам

повелеваем, чтоб вы еще держались, хотя с великою нуждою до половины июля і далее, понеже мы лутчаю надежду отселя, с помощию божиею, імеем вас выручить...»[95]

Прошло всего несколько часов после отправления этого письма. Наступала ночь с 26 на 27 июня, и Петр отдал свой знаменитый приказ: «Ведало бо российское воинство, что оной час пришел, который всего отечества состояние положил на руках их: или пропасть весма, или в лучший вид отродитися России. И не помышляли бы вооруженных и поставленных себя быти за Петра, *но за государство*, Петру *врученное*, *за род свой*, *за народ* всероссийский, который доселе их же оружием стоял, а ныне крайнего уже фортуны определения от оных же ожидает. Ни же бы их смущала слава неприятеля, яко непобедимого, которую ложну быти неоднократно сами ж они показали уже. Едино бы сие имели в оной акции пред очима, что сам бог и правда воюет с нами, о чем уже на многих военных действиях засвидетельствовал им помощию своею силный в бранех господь, на того единого смотрели бы. А о Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние»[96].

Таков первоначальный, основной текст этого приказа, передававшегося впоследствии в нескольких вариантах. И сам Петр, говоря с частями армии перед боем, излагал свою мысль не в строго одинаковых выражениях. А эта мысль была ясна: наступала грозная минута, когда решалась участь России. Эта мысль была понята и умом, и чувством русской армии[97].

7

У нас есть свидетельства о том, что делалось, о чем говорилось в шведском лагере и, в частности, в королевской ставке в последние дни перед Полтавским сражением. Эти свидетельства исходят от того же королевского камергера Густава Адлерфельда, которого мы уже цитировали. Он и всегда был при короле, а со времени раны, полученной Карлом, можно сказать, не отходил от него. Заметки свои он заносил ежедневно на бумагу вплоть до 26 июня, когда написал последние строки. 27 июня, в день Полтавы, он был убит наповал русским ядром, когда находился близ носилок короля, разбитых почти в тот же момент другим русским ядром. Его заметки, изданные в 1740 г. в Амстердаме впервые на французском языке спустя тридцать один год после смерти автора, дают ясное представление о последних днях шведского завоевательного похода на Россию. Для читателя этих беглых заметок становится ясно, в каком мире самовнушений и утешительных выдумок жил шведский штаб и шведский король[98].

Тяжелая рана, полученная 16 (по шведскому счету 17) июня, и необычайно мучительная операция, перенесенная вечером,— все это ничуть не уменьшило несокрушимого оптимизма короля. Уложенный хирургом Нейманом в постель, он все последующие дни выслушивал самые бодрящие доклады. Вот 17 июня русские в количестве 1200 человек напали яростно (avec beaucoup de furie) на шведов, но шведский гвардейский полк принудил их вскоре повернуть обратно. Вечером остальная часть московской армии перешла через реку и вошла в свой новый лагерь, а полтавский русский гарнизон продолжал работать над укреплениями. Но и король приказал графу Реншильду выстроить новые редуты под прикрытием нескольких полков. И 18 июня тоже все обстоит весьма благополучно: правда, русские усилили стрельбу из своих новых редутов, подведенных ближе к шведской линии укреплений, правда, этот огонь произвел некоторую сумятицу, кое-какой пожар. Наконец, русские выстроили на другом берегу реки свою кавалерию, и эта кавалерия, казалось, хотела перейти через реку. «Но его величество (король) отдал приказ подкрепить нашу гвардию близ реки», и русские не предприняли ничего. Неприятно только, что солдаты все спрашивают о состоянии здоровья короля и, «кажется, очень беспокоятся».

Наступает 19 июня. По-прежнему «все спокойно». Правда, русские продолжают вводить в свой ретраншемент новые и новые силы и выстроили вдоль реки семнадцать редутов. Это заставило Реншильда податься на четверть мили к Полтаве, так как у него была только кавалерия. Но это ничего: у неприятеля (т. е. у русских — *Е. Т.*) на другом берегу реки напротив Полтавы войск мало. И поэтому «все спокойно».

20 июня — уже не так спокойно. Произошла тревога у Реншильда. Несколько русских эскадронов «около шести тысяч всадников, не считая казаков, приблизились в боевом строю, делая вид, что хотят атаковать». Но Реншильд повел на крупных рысях свою кавалерию и, врубившись в ряды, отогнал русских, рассеял их и целую милю преследовал, не давая оправиться. «Русские потеряли много народа, особенно во время бегства, и насчитано было по дороге пятьсот трупов», а в плен взяли одного «важного офицера и несколько солдат». Вот как доложили Карлу о кавалерийском поиске, предпринятом князем Волконским 20 июня, чтобы отвлечь внимание неприятеля от происходившего в это время вполне успешного перехода частей русской армии через Ворсклу!

Конечно, 21 июня пришлось доложить королю, что уже вся русская армия перешла через Ворсклу и сосредоточилась у села Петровки и что на другом берегу реки никого не осталось. Но, по-видимому, раненый Карл, которому как раз 21 июня ста-

ло хуже, не задавал вопроса своему окружению о том, как это якобы великолепная победа Реншильда над русской кавалерией (в шесть тысяч человек!) ни в малейшей степени не повлияла на русских, которые в это самое время преспокойно перевели всю свою армию через реку и подвели ее прямо к шведскому лагерю? Но Карл XII и в здоровом состоянии тоже никогда не спорил, когда ему преподносили даже самые курьезные выдумки, если только они клонились к славе шведского оружия.

В этот же день, 21 июня, шведы узнали, что царь будто бы говорил генералу Боуру о ране шведского короля и что спустя несколько дней «шведы будут атакованы всеми силами царя». Но стоит ли его величеству по этому поводу беспокоиться, если «жители столицы Москвы уже в смертельном ужасе» (dans des craintes mortelles). До такой степени москвичи в ужасе, что, очевидно, за неимением русских войск или за их неумелостью, в Кремль введены семьсот саксонцев, которые дезертировали из шведской армии Любекера (в Ингерманландии). Теперь эти семьсот саксонцев и введены в Кремль, чтобы оборонять его в случае предвидящейся атаки со стороны непобедимого шведского воителя!

Но вот 22 июня некоторые новые известия *напоминают* королю Карлу, что хотя Кремль, конечно, будет взят, несмотря на его семьсот саксонских защитников, но все-таки это случится не сейчас, а придется сначала ликвидировать кое-какие досадные препятствия и проволочки.

Дело в том, что в ночь с 21 на 22 июня пришло известие, что русские идут к шведской линии, чтобы дать сражение. Карл тотчас приказал приготовиться к бою с раннего утра. Тотчас же после разговора с королем, при котором Адлерфельд не присутствовал, фельдмаршал Реншильд выстроил в боевую линию всю кавалерию, которая и стала на флангах линии пехоты. Пехота была растянута на линии «в четверть мили в длину». Весь обоз шведской армии, оставленный в траншеях и редутах позади армии вблизи реки, охранялся некоторой частью шведских полков и запорожцами-мазепинцами. Самого короля в его постели перенесли на носилки, в которые были впряжены две лошади. Драбанты и несколько эскадронов конницы должны были окружать короля во время боя. Короля вывезли перед фронт пехоты, «что крайне воодушевило войска».

Но известие оказалось неверным. Русского нападения не последовало. Карл разделил свою выстроенную армию: пехота стала у монастыря с одной стороны городского вала, а Реншильд с кавалерией занял позицию с другой стороны города.

Хоть и пришлось отложить на день-другой неминуемую победу над русскими (ничего не поделаешь: «враг не имел желания напасть»,— иронически заявляет в своем дневнике Адлерфельд),

но все-таки и 21—22-го не обошлось без приятной новости. Еще когда король в своих носилках объезжал фронт пехоты, к нему приблизился Мазепа с известием, что из Кобеляк прибыли в шведский лагерь татарские делегаты в сопровождении турецкого эскорта. С татарами прибыли и шведы: секретарь Клинковстрем и полковник Сандулль, которого Карл послал в Турцию. Клинковстрем ездил, как и Сандулль, с дипломатической миссией в Турцию, чтобы поторопить выступление Турции и ее вассала крымского хана против России. Он доехал до Бендер, откуда уже вместе с татарской делегацией и вернувшимся от бендерского сераскир-паши полковником Сандуллем и явился в шведский лагерь под Полтавой. Сераскир-паша, однако, давал весьма в сущности нерадостный ответ: Константинополь явно уклонялся от каких-либо обещаний выступить против России. Это было последствием обнаруженной Петром еще в Азове и Троицком (в апреле — мае 1709 г.) готовности воевать с Турцией на море и сосредоточения судов у Азова. Турки явно выжидали решительного боя между шведами и русскими. А пока они дали лишь один скромный положительный ответ о возможности дальнейшей вербовки валахов на шведскую службу. Татарские же делегаты заявили, что, несмотря на слух, будто Карл XII заключил мир с царем, и несмотря на то, что русские министры предлагают крымскому хану большую сумму денег, хан «вследствие величайшего почтения к шведскому королю» великодушно отказался от богатого дара, «вполне решившись рискнуть на все с его величеством (Карлом — *Е. Т.*)». Словом, шведам было ясно, что нужно еще что-то дать хану и крымские татары выступят в поход.

23 июня прошло спокойно, если не считать, что к вечеру отряд калмыков и казаков приблизился для разведки к шведскому стану, но был отогнан несколькими залпами. К ночи пришло известие, что царь собрал все свои силы по сю сторону реки (к Полтаве), что несколько русских полков стоят напротив фельдмаршала Реншильда и что русские «беспрерывно продолжают окапываться». На другой день (24 июня), кроме известия о продолжающихся работах русских по укреплению своего лагеря, никаких новостей не поступало.

Русское командование знало, до какой степени худо снабжена шведская армия и до чего Карлу и его штабу необходима скорейшая развязка, т. е. «генеральная баталия», чего бы она ни стоила, но именно поэтому «томили» шведов [99]. Перейдя 20 июня через Ворсклу, русская армия стала «в малой миле» от шведов, а 24 июня еще приблизилась к неприятелю и стала уже в четверти мили и «учинила около обозу транжимент», причем имелось в виду прежде всего «дабы неприятель нечаянно не напал». Направо от этого ретраншемента, «между лесов», Петр поставил

свою кавалерию, а перед ней выстроили четыре редута, «которые людьми и пушками были насажены».

Петр не мог знать наперед, что не только полный разгром постигнет шведскую армию в готовившейся генеральной баталии, но что этим разгромом окончится бесповоротно борьба за Украину. И он чуть не накануне битвы требует скорейшего подвоза к своему лагерю новых и новых обильнейших боеприпасов. 13 июня 1709 г. к Колычеву летит приказ прислать в Белгород тысячу пудов пороху, пушечного, мушкетного и ручного. 21 июня Колычев отвечает, что порох, бомбы и «разного калибра ядра» высланы в Белгород. А кроме того, будут «с великим поспешением» посланы его величеству 100 бомб пудовых, 150 ядер 12-фунтовых и 800—8-фунтовых [100]. Но это ответное донесение Колычева встречается в пути с новым повелением Петра от 24 июня: выслать, не мешкав, в Белгород саперный инструмент («три тысечи лопаток да тысечю кирок»),— все это немедленно, отложив все прочие дела [101]. 26 июня новое донесение Колычева о высылке «с поспешением, днем и ночью» бомб и ядер. А спустя четыре дня, 30 июня, Колычев шлет новое донесение — о спешной высылке им кирок и лопаток в Белгород [102]. Колычев не знал, когда он писал это донесение, что русским войскам не придется этими кирками и лопатками строить укрепления.

Еще 24 июня, после окончания переправы всей армии и всего обоза через реку Ворсклу, кавалерия расположилась между ретраншементом и лесом, и «с обеих сторон были лес и болота... и царское величество изволил пред транжиментом (ретраншементом — *Е. Т.*) от леса до лесу... сделать 6 редутов, которые сделаны и осажены войсками царского величества и поставлена артиллерия». Тогда же, 24-го числа, состоялся военный совет, на котором решили о «назначении места генеральной баталии». На другой день, 25 июня, Петр осматривал неприятельское расположение и продолжалась постройка редутов: кроме поперечной линии шести редутов надлежало сделать еще четыре редута «в линию к неприятелю», которые должны были шведскую армию «разрезать надвое». Но из этих четырех редутов два еще не были окончены к предрассветным часам 27 июня. В этот же многотрудный день, 25 июня, Петр произвел смотр 24 конным полкам, начальство над которыми во время боя он поручил князю А. Д. Меншикову, а его помощниками по управлению кавалерией были назначены генерал-лейтенанты Боур и Ренне. Тогда же было решено, что в предстоящем сражении кавалерия должна будет находиться «на обеих крылах» пехоты [103].

После кавалерии Петр стал учинять смотр артиллерии, подчинил ее генерал-лейтенанту Брюсу и тут же определил ее роль в предстоящей баталии. Солнце село, когда был окончен этот смотр армии, и Петр вечером того же 25 июня созвал военный

совет. Здесь был выработан план распределения пехоты по дивизиям «как стать в баталии», а также назначены были места артиллерии.

Когда 26 июня в пять часов утра Петр прибыл к Шереметеву и когда прежде всего «ему было рапортовано» о том, что «в первые ночные часы» унтер-офицер Семеновского полка перебежал к неприятелю, то «царское величество изволил дознать, что оной изменник королю будет предлагать о разорвании линии чрез новонабранный полк». Догадка Петра, как видим, оказалась совершенно правильной. Времени терять не приходилось, и царь немедленно принял меры: с новонабранного полка сняли «серые мундиры простого сукна» и надели эти мундиры на солдат одного из лучших, самых крепких полков армии — Новгородский полк «и тако (Петр — *Е. Т.*) предусмотрел предбудущее (sic — *Е. Т.*), и перехитрил навет противных». Ни в рукописях, попавших в сборник Крекшина, ни в других материалах я не нашел подробностей о созванном в то же утро (26 июня) военном совете, «на котором многое (Петр — *Е. Т.*) изволил отменить и учинить план за подписанием собственной руки» [104]. Но унтер-офицер петровской гвардии мог знать очень многое, и переполох в ставке Шереметева был вполне понятен.

В первом часу дня Петр снова произвел смотр пехотным полкам и «расписывал их по дивизиям». Ведь именно пехоте предназначалась основная роль в решающем, заключительном моменте предстоявшей «генеральной баталии». Первую пехотную дивизию «царское величество своею персоною изволил принять в правление, а прочие разделил по генералитету». Верховное же командование в бою всей пехотой (в том числе и этой первой дивизией) он поручил фельдмаршалу Шереметеву. Смотр пехоты в этот день он закончил приказом о том, как должна будет разместиться артиллерия, когда пехота будет выведена и выстроится «в линию» боевого порядка.

Вслед за этим Петр проехал к гвардии и «повелел быть пред себя» гвардейским штаб- и обер-офицерам. Тут, «сняв шляпу», он обратился к ним с речью, которую не находим в «Журнале» Петра, но находим в рукописном «Журнале великославных дел», и которая по содержанию безусловно могла принадлежать царю в такой миг, но по внешней форме носит все признаки надуманности, приукрашенности и старательно кем-то выполненной литературной позднейшей обработки.

В своей речи к гвардии в этот день Петр прямо обращался к чувству оскорбленной народной чести. Он упомянул о неприятельской похвальбе, о том, что шведы «уже в Москве и квартиры расписали, и генерал-маэор Шпара (Спарре — *Е. Т.*) в Москву пожалован генерал-губернатором». Сказал Петр и о том, что Карл «государство похваляется разделить на малыя княже-

ства». Он повторил также тут то, что сказал перед битвой под Лесной, подтвердив о позоре и отлучении от общества, которые ждут тех, кто обнаружит робость; наконец, подтвердил свой приказ, «бывшей при Левенгоубтской баталии: которые на бою уступят место неприятелю, почтутся за нечестных и в числе добрых людей счисляемы не будут и таковых в компании не принимать и гнушатся их браку» [105]. Отвечал Петру тут же генерал-лейтенант Голицын, который начал с того, чем Петр окончил: с воспоминания о Лесной. Царь «изволил труд наш и верность и храбрость добрых солдат видеть на Левенгоубтской баталии... целый день воочию стояли с неприятелем, и не смешали шеренг и места неприятелю не уступили; четыре раза от пальбы с неприятелем ружье разгоралось, что действовать и держать в руках было невозможно... Уповаем таков ж иметь подвиг...»

Петр ответил: «уповаю», и отъехал к дивизии генерала Аллларта, где было много украинцев. Обратясь к собранным по его приказу полковникам этой дивизии, Петр сказал: «Король Карл и самозванец Лещинский привлекли к воле своей изменника Мазепу, которые клятвами обязались между собою отторгнуть от России народы малороссийские и учинить княжество особое под властию его, изменника Мазепы, и иметь у себя во владении казаков донских и запорожских, и Волынь, и все роды казацкие, которые на сей стороне Волги». Указав далее на обманутые надежды Мазепы, Петр подчеркнул и о причине крушения замыслов изменника: народ Украины не пошел за ним — «помо̀щию божией казацкие народы и малороссийские нам смиренны в верности при нас состоят», и никакой помощи ни от Лещинского, ни от турок и татар шведы не получили. «Ныне швецкаго войска при короле Карле токмо тридцать четыре полка, но и те весма от войск наших утружденные. Прошу доброго вашего подвига, дабы неприятель не исполнил воли своей и не отторгнул толь великознатного малороссийского народа от державы нашей, что может быть началом всех наших неблагополучий» [106].

25 июня Гилленкрок получил приказ короля возобновить атаку на город Полтаву, «там, где были траншеи». Гилленкроку нужно было строить земляные апроши, но «он имел с собой запорожцев, которые неохотно работали, так что Гилленкроку стоило больших усилий заставить их решиться работать. Они жаловались, что всегда их одних командируют на работы и никогда не отправляют шведов, и они говорили, что они — не рабы наши». Так чувствовали себя во вражьем стане люди, которых соблазнил и погубил Мазепа. И они не знали тогда, что их еще ждет через два дня.

26 июня Адлерфельд записал в свой дневник последние три строки: «26-го неприятель проявлял большие движения, все более и более приближаясь и окапываясь».

Глава V

СРАЖЕНИЕ ПОД ПОЛТАВОЙ
27 июня 1709 г.

1

ведский лагерь, осадивший Полтаву, сам оказался в осаде. Осажденные шведами полтавчане страдали от недостатка боеприпасов, а осажденные Петром шведы страдали и от недостатка пороха и от недостатка пищи. Осажденные полтавчане оборонялись, нападали на шведов, едва только замечали где-либо ослабление охраны неприятельской линии, а русские войска и до перехода через Ворсклу и особенно после не переставали тревожить шведов. Король и Реншильд и другие генералы очень хорошо знали, что у русских войск по крайней мере раза в два больше, чем у них, и некоторые из них были такими опытными, одаренными и зоркими военачальниками, что понимали: если русские их всячески беспокоят, то это значит — ищут поскорее генеральной битвы, а следовательно, согласно военной аксиоме — не делай того, чего хочется неприятелю,— нужно отсиживаться в укреплениях, откуда русские хотят их выманить для боя. Но именно последствия русской умелой обороны и заставили Карла решиться на бой. Вот что говорит человек, не отходивший во второй половине июня от постели больного короля и пользовавшийся его доверием: «Наконец, было решено пойти на решительное действие. Две причины, одинаково важные, заставили короля решиться на это. Во-первых, недостаток в припасах, а затем постоянные движения по соседству неприятеля, который был по крайней мере втрое сильнее нас и который не переставал нас тревожить (harceler) днем и ночью только за тем, чтобы утомить наши войска» [1]. Казаки реяли вокруг расположения шведов, нежданно показывались и так же внезапно скрывались.

Шведскому командованию перед сражением не могло не быть известно, что русская армия снабжена обильной артил-

лерией, снарядами и, главное, порохом, превосходным, всегда вызывавшим зависть иностранцев. Если бы даже у шведов на все их орудия хватило пороху в грозный для них день 27 июня, то и тогда они не могли бы противопоставить семидесяти двум русским орудиям никакой сколько-нибудь соответствующей артиллерийской обороны и не в состоянии были бы выдержать артиллерийскую дуэль. Но ведь почти все шведские пушки, еще до того как попали в руки русских вместе со всем обозом в шведском лагере под Полтавой и затем в руки отряда Меншикова под Переволочной, не участвовали в сражении и, значит, представляли собой бесполезный железный хлам, так как пороху к началу боя хватило только на четыре орудия. Четыре артиллерийских ствола против семидесяти двух русских!

Но в данном случае Карлом руководили, как и в течение всего похода, безмерная самоуверенность и поразительное по неосведомленности и губительнейшему легкомыслию презрение к противнику. Захотел взять Полтаву, не тратя пороху, лихим штурмом без подготовки — положил несколько тысяч своих солдат и не взял. Видит, что придется все-таки тратить последние запасы пороху на артиллерийский обстрел Полтавы и на подводимые под город мины: ничего, пороху не щадить, город взять! Но обстрел тоже ни к чему не приводит, класть мины, как следует, шведы не умеют, ни одна мина не взрывается, русские умудрились вовремя открывать эти мины и утаскивать из них порох себе на потребу. Королю докладывают, что после этих новых трат пороха в конце апреля, мае, июне для предстоящего боя уже только лишь на четыре пушки может хватить пороху. Ничего! И без пушек можно будет русских перебить, а русский порох и весь их обоз забрать: «Все найдем в запасах у московитов!»

Политически Карл положил начало гибели своей армии и шведского великодержавия, предприняв покорение России с силами, ни в малейшей пропорции не находившимися в соответствии с грандиозной задачей. Стратегически он совершил вопреки советам, увещаниям и настояниям почти всего своего окружения ряд непоправимых промахов, подчинив все соображения одной мысли: кончить войну в Москве, причем завоевание Белоруссии и Украины было лишь как бы подсобной операцией перед далеким походом в Москву. О могуществе созданной после Нарвы грозной, дисциплинированной, хорошо оснащенной регулярной русской армии Карл упорно не хотел и слушать.

Наконец, обстоятельства сложились так, что когда наступил момент боя, то Карл даже и как тактик, т. е. в области, в которой он был гораздо сильнее, чем как политик и как стратег, ни в малой степени не проявил своих бесспорных талантов.

Как и всегда, он обнаружил в этот день непоколебимое личное мужество, но и только. И Реншильд, и Левенгаупт, и Шлиппенбах, и Роос не получили от короля в это утро ни одного сколько-нибудь дельного, сколько-нибудь ценного указания. Шведские историки так же любят приписывать решающее значение в гибели войска Карла XII ране, от которой, лежа в своих носилках, страдал король, точь-в-точь как французские историки объясняют поражение Наполеона морозами 1812 г., а Бородинскую неудачу — тем, что император простудился. Страдающее патриотическое чувство побуждает их искать причины поражения в случайностях.

Политические и стратегические ошибки предрешили неотвратимую ни при каких условиях неудачу завоевательной авантюры, предпринятой Карлом XII. Но если эта неизбежная неудача превратилась в самую ужасающую катастрофу, какую только можно себе представить, то уж это объясняется рядом особых условий, при которых развертывались непосредственные военные действия. Ни Карл, ни его окружение, включительно с весьма мудрым и проницательным (задним числом) генерал-квартирмейстером Гилленкроком, не имели в самом деле ни малейшего понятия о русском народе, о белорусах, об украинцах и никогда даже не допускали мысли о том, что не только регулярные вооруженные силы России будут, не щадя себя, яростно биться с вторгшимся неприятелем, но и население областей, через которые он будет проходить, окажет ему упорное сопротивление, будет истреблять по лесам рассеянные остатки разгромленной армии Левенгаупта, будет избивать шведов у Стародуба и на берегах Псела, Ворсклы, Днепра, будет уничтожать или отгонять от днепровского берега лодки и паромы, на которые так рассчитывал Мазепа, будет деятельно помогать гарнизону в отчаянной обороне Веприка, убегать из своих деревень при подходе шведов и ничего не доставит добровольно в лагерь врага — ни хлеба, ни мяса, ни сена. Полный провал в деле Мазепы явился неожиданностью и для изменника, и для его искусителей и покровителей. Уничтожение Батурина, разгром изменивших запорожцев, геройское сопротивление жителей Веприка и Полтавы — все это были явления одного порядка, все это было прямым проявлением народного сопротивления, которое и не предвидел Карл и которое он не понял.

Основная политическая цель, поставленная себе и своему войску Карлом XII, была бы абсолютно недостижима, даже если бы шведский король был несравненно талантливее, чем он был на самом деле, и если бы Петр не обладал и малой частью той гениальности и энергии, которыми он обладал на самом деле. Но так как Карл XII решительно отказывался счи-

таться с действительностью, так как накануне Полтавы он полагал, что он — накануне повторения первой Нарвы, крушение, покончившее с его иллюзиями, оказалось таким уничтожающим, таким неслыханным, о каком никогда и мечтать не могли самые непримиримые враги Швеции и ее монарха.

И по шведским и по русским свидетельствам, картина положения шведов перед катастрофой была не весьма для них отрадная. Настоящей шведской армии (природных шведов) оставалось 19 тыс. человек, остальные были нерегулярные вспомогательные отряды — мазепинцы и волохи. В общем было около 30 тыс. со всеми этими нерегулярными силами. Не желая тратить шведские части до генерального боя, Карл XII после нескольких неудачных и дорого стоивших попыток овладеть городом приказал 5 тысячам запорожцев взять Полтаву, обещая ее предоставить им за эту услугу на полное их усмотрение. Хлеба и мяса у шведов было теперь, летом, немного больше, чем зимой и весной, но пива и водки не было.

С артиллерией дело обстояло плохо. Пушек крупного калибра оставалось всего 16 (из них четыре 8-фунтовых, четыре гаубицы, восемь 6-фунтовых) и 16 легких орудий (полевых). Но снарядов на все тридцать две пушки была всего одна сотня, и в Полтавском бою действовали поэтому, как уже было сказано, всего четыре орудия. Остальные все были взяты русскими со всем обозом, не сделав ни одного выстрела в этот день.

Часть шведской артиллерии погибла, потопленная сначала в литовских, а потом в белорусских болотах, часть попала в руки русских под Лесной, так же как в руки русских попали пушки, заблаговременно свезенные в Батурин предусмотрительным (хоть и не до конца все предусмотревшим) Мазепой. Пушки, взятые впоследствии победителями под Полтавой в шведском ретраншементе, а потом Меншиковым под Переволочной, уже задолго до того, как попали в руки русских, были бесполезны для шведов, потому что пороху для них не хватило. Даже для ружей пороха становилось угрожающе мало. Карл и его штаб рассчитывали сначала на запасы, которые вез (но не довез) к ним Левенгаупт, потом на запасы Мазепы, а после разгрома Батурина и особенно после неожиданно обнаруженной безнадежной слабости изменившего гетмана, за которым не пошла Украина, все упования на поправку материальной части шведской армии король и штаб возложили на приход из-за Днепра шведского ставленника короля Станислава Лещинского с польской армией. Но все эти надежды постепенно развеялись без следа, и пришлось в самое трудное время воевать против сильной русской артиллерии почти без пушек. Хорошая кавалерия, прекрасно обученная, опытная в

боях стойкая пехота, хоть и та и другая были измучены страшной зимой, еще были налицо и могли выполнять боевые функции. Но артиллерия катастрофически ослабела как раз к началу осады Полтавы. Особенно жестоко сказалось именно отсутствие пороха.

Где было тонко, там и рвалось у шведов. Под Лесной Левенгаупт потерял не только всю артиллерию, но еще хуже для шведов было то, что Левенгаупт, уходя из района Лесной со своей разбитой армией, не поспел вовремя к Пропойску, и драгунский отряд Фастмана опередил его и сжег мост через реку Сож, так что Левенгаупт велел побросать в реку немедленно почти весь громадный запас пороха, который он еще успел забрать с собой при отступлении. Транспорт его погиб почти весь еще у Лесной, но именно та часть его, где были запасы пороха, и была самой драгоценной частью всего, что он вез Карлу XII. Этого пороха должно было хватить до Москвы и во всяком случае его хватило бы до Полтавы. Но он погиб в волнах Сожа, а то, что припас Мазепа в Батурине, было взорвано при поджоге города.

Забегая вперед, должно напомнить для полноты картины, что под Переволочной взято было 19 пушек среднего калибра, 2 большие гаубицы и 8 мортир. Нужно думать, что и при бегстве от Полтавы до Переволочной часть орудий была брошена и не сразу отыскана.

Больше всего в эти предполтавские дни Петр боялся, что шведы сообразят, как рискованно им немедленно принимать бой, и уйдут за Днепр, т. е. совершат большое стратегическое отступление, о котором уже давно твердил Карлу XII граф Пипер. Царь всполошился, узнав, что есть признаки, будто бы указывающие на подготовку к отступлению неприятеля: «Объявляю вам, что шведские дезертеры (sic — *Е. Т.*) сказывают, что в сих числех или граф Пипер или иной кто из знатных шведских персон, с несколькими стами шведов поехал к Днепру искать того, чтобы как возможно за Днепр перебраться; чего для надобно господину гетману послать от себя указы не мешкав к полковнику Калагану и к прочим командиром, обретающимся за Днепром, дабы они весьма того накрепко смотрели, чтоб оных шведов за Днепр не перепустить, и того для везде по берегам всякие перевозные суда и лодки обрать и приставить крепкие караулы» [2].

Неожиданное появление в шведском лагере перебежчиков в ночь на 26 июня, по-видимому, окончательно побудило Карла XII не откладывать битвы. Вот что читаем в дневнике событий, ведшемся в штабе Петра. «В первых часах ночи Семеновского полку ундер-офицер, изменив, уехал к шведскому королю и говорил, что в ночь на 27-е число учинил нападение на войско

царского величества и тем принудил к баталии», утверждая, что уже 28 числа царь ждет с востока нерегулярное подкрепление в 40 тыс. человек конницы. Изменник прибавил, что, когда подкрепление придет, то «до генеральной баталии не допустят и всю армию его королевскую могут по рукам разобрать». Дальше читаем, что «как король Карл услышал» об этом, то «весь изменился и пришел в великую робость и ходил до полутора часа безгласен в размышлении, от того наипаче в ноге болезнь умножилась». Изменник дал королю указание, что в войске русском «имеется полк новобранный, на котором мундир простого серого сукна, который в баталиях еще не бывал», и поэтому нужно направить сильное нападение на этот полк и «разорвав линию полка того крыла отрезать», и таким образом король может получить «викторию». Выслушав это, «король, обратясь, просил фельдмаршала и генералитет завтрашнего числа, т. е. 27 июня, в шатры царя московского на обед и приказал фельдмаршалу Реншильду, чтоб с начала ночи против 27-го числа войско было в строю в полной готовности к баталии. Фельдмаршал Реншильд начал было предлагать, что баталия назначена 29-го числа. Король затряс головой и дал знать, чтоб о том не говорить»[3].

Изменник («немчин») говорил правду: уральское нерегулярное конное подкрепление действительно пришло 28 июня, как и ждали в русском лагере. Но и он, и Карл ошиблись лишь в том отношении, что русские разгромили шведскую армию и без этой опоздавшей подмоги[4].

Сообщение изменника о «40 тыс.» нерегулярной конницы с Урала (которая в самом деле в большом количестве пришла 28 июня, опоздав к битве) покончило со всеми колебаниями Карла.

2

Вечером 26 июня, когда Левенгаупт был на аванпостах, следя за далеким движением в русском лагере, и когда Гилленкрок был тоже где-то очень занят, Карл XII велел фельдмаршалу Реншильду явиться и объявил, что ночью он намерен атаковать русских в их лагере. Совершенно случайно при этом в барак короля пришли граф Пипер и полковник Дарлекарлийского полка Зигрот. Для Левенгаупта, когда он вернулся с аванпостов, это решение короля было неожиданностью. Никакой точной диспозиции ни он, ни Гилленкрок, ни Роос, ни Шлиппенбах, ни сам Реншильд, всецело в этот вечер одобрявший короля, не получили. Они могли только сообщить полковым командирам о решении Карла и о том, что им будут своевременно переданы нужные приказания. Это обещание не было исполнено. Швед-

скому войску уже в поздний час велено было выстроиться, и перед фронтом медленно проносили носилки, на которых полусидел-полулежал король. Он говорил частям, по фронту которых его проносили, что надеется на их всегдашнюю храбрость в предстоящем бою. Карл велел затем опустить носилки на землю и сказал, что проведет тут первые ночные часы. Он объявил, что, вследствие невозможности сидеть верхом, он назначает главнокомандующим Реншильда. Генералы расположились тут же около него. В два часа ночи Реншильд велел начать движение по направлению к русскому лагерю. Левенгаупт возразил, что в темноте может выйти путаница. Реншильд приказал повиноваться и при этом очень грубо оборвал Левенгаупта. Начинало светать; наступал рассвет вечно памятного во всемирной истории 27 июня 1709 г.

Шведская пехота шла за кавалерией,— и тут только шведское командование, уже знавшее о редутах, которые сейчас же после перехода через Ворсклу Петр приказал строить перед ретраншементом, начало отдавать себе несколько более реальный отчет в значении этих сооружений. Шведы, впрочем, пока больше различали горизонтальную линию шести редутов, чем перпендикулярные к ним выстроенные четыре редута. Два из этих перпендикулярных редутов еще только достраивались. Шведы услышали далекий стук молотков и топоров, и по мере приближения шведского войска все слышнее становился шум производимой в редутах работы.

Но почти тотчас же этот отдаленный, неясный шум был заглушен грянувшими первыми русскими залпами: русские уже накануне, 26 июня, твердо знали, что сражение будет в самые ближайшие дни, а может быть и часы, и кавалерийский авангард Меншикова уследил шведов, едва только они вышли из своего лагеря, в самом начале третьего часа, когда еще было темно, но вовсе не тогда, когда рассвело, как пишут шведские историки, всячески силившиеся представить полтавское дело как игру случайных неблагоприятных для шведов обстоятельств, а русскую победу как нечто совсем не предвиденное неподготовленными и вначале растерявшимися победителями. Напротив! У русских был зрело продуманный план предстоящего сражения, были распределены места и роли между Шереметевым, Меншиковым, Брюсом, Боуром, организованно было бесперебойное и частое доставление сведений Петру, распоряжавшемуся всеми главными движениями.

А у шведов, по позднейшему признанию и Левенгаупта, и Гилленкрока, никакой решительно диспозиции, ни хорошей, ни худой, не было, и Карл затем во время сражения почти не вмешивался в распоряжения Реншильда, только старался под-

бодрить солдат, и его возили по его приказу в самые опасные места боя. Реншильд в этот день производил жестокую путаницу, ссорился с Левенгауптом тут же в разгаре боя, и тот просто отказался к нему обращаться. Достаточно сказать, что, уже подходя к русским редутам, решительно никто из начальников не знал, нужно ли будет их штурмовать или обходить?

Но раздумывать было поздно. Реншильд дал сигнал: атаковать редуты,— и шведская кавалерия помчалась во весь опор.

Это первое нападение шведов было произведено с такой «фурией», что очевидцы убеждены были в намерении неприятеля немедленно, этой же атакой не только смять русскую кавалерию но и, прорвав редуты, ударить на ретраншемент и стоявшую в нем армию. Но уже эта первая атака не дала результатов, на которые рассчитывал Карл. Русская конница сопротивлялась упорно и неоднократно отбрасывала неприятеля, но шведам всякий раз помогала («сикурсовала») пехота, а русская пехота еще не появлялась. Бой был жестокий, и генерал-поручику Рену (Ренне) велено было отойти от неприятеля, вправо от нашего ретраншемента. Боуру при его отступлении даны были два задания: во-первых, стараться наводить неприятеля на редуты (о количестве которых шведы не знали), чтобы подвергнуть врага артиллерийскому обстрелу из редутов, и, во-вторых, «накрепко смотреть, чтоб гора у него (у русских — *Е. Т.*) была во фланге, а не назади, дабы неприятель не мог нашу кавалерию под гору утеснить» [5]. Эти «указы» и были в точности Боуром выполнены.

В четвертом часу утра Петр послал Меншикову приказ: «дабы конные полки от баталии отвел и стал бы от ретранжемента царского величества к горе».

Но Меншиков оказал этому приказу сильное сопротивление. Он ответил царю, что неприятельские потери пока велики, а у русских весьма малы («упадок весьма малой»). Указал также, что если бы шведская пехота не помогла кавалерии, «то бы вся неприятельская кавалерия была бы порублена».

Он обратил также внимание Петра на то, что просто невозможно отступать, когда оба фронта стоят так близко друг от друга («сорок сажен»), и «ежели сказать направо кругом, то тем придается дерзости неприятелю», который сейчас же начнет преследовать прямо в тыл («за хребтами»), и справиться будет невозможно. Меншиков не только отказался выполнить царский приказ, он еще просил Петра, «чтоб изволил прислать в сикурс (на помощь — *Е. Т.*) несколько полков пехотных».

Но Петр вовсе еще не желал превращать навязавшийся кавалерийский бой в генеральную баталию и никаких пехотных полков Меншикову не послал. А схватка становилась все оже-

сточеннее, и уже ходили в палаши, «кавалерия его царского величества с неприятельской кавалерией на палашах рубились».

Шведам удалось к пятому часу захватить два редута (которые русские не успели достроить). Но оставалось еще два редута, «обращенных к линии» неприятельской (вертикально), которые шведы взять уже не могли. Русские в разгаре боя вторглись в неприятельскую линию и потеснили шведскую кавалерию, взяв у шведов «четырнадцать штандартов и знамен». Битва становилась все более и более жестокой. Генерал Ренне был ранен, под Меншиковым были убиты две лошади. Петр потребовал тогда вторично, чтобы Меншиков прервал бой, отступил и стал бы там, где ему было приказано в неисполненном им первом повелении.

Но Меншиков опять не повиновался, хотя царь на этот раз для большей внушительности передал приказание через генерал-адъютанта. Мотивировал Меншиков свой довольно рискованный образ действий (вторичное неповиновение категорически повторенному приказу верховного командования) так. Он «всепокорнейше» доносил через того же присланного Петром генерал-адъютанта, что если оставить редуты «без сикурсу», то шведы завладеют и остальными редутами. А если продолжать бой за редуты, то неприятельская кавалерия через поперечную линию шести редутов не пройдет. Редуты разделили атакующих, и тут-то постигла шведов первая серьезная неудача в роковой для них день. Русской кавалерии удалось отрезать от неприятельской армии, с тяжкими потерями подвигавшейся к линии шести поперечных редутов, шесть батальонов пехоты и несколько эскадронов конницы. Отбрасываемая русской конницей и огнем редутов, шведская кавалерия в шестом часу утра стала постепенно отступать, и, тогда-то по личному приказу Петра Меншиков с пятью эскадронами конницы, получив в подмогу пять батальонов пехоты, бросился за уходившими к Яковецкому лесу от поля битвы отрезанными частями шведов, возглавлявшимися генералами Шлиппенбахом и Роосом.

В одном из наших документов распоряжение Петра о немедленной посылке князя Меншикова и генерала Ренцеля объясняется так: «После сего его царское величество немедленно спешил подать помощь Полтаве; для сего он отрядил князя Меншикова и генерала Ренцель с несколькими полками конницы и пехоты. Они отрезали сообщение неприятелю от осажденного города». При разгроме отряда Рооса шведов пало убитыми и ранеными 3 тыс. человек [6]. Но, конечно, участь отряда Рооса, как и отряда Шлиппенбаха, была предрешена, едва только они были оторваны и отброшены от главной массы сражавшихся у русских редутов шведских войск.

Увлекшись преследованием отступившего Боура, шведы попали прежде всего под огонь редутов. Им удалось занять только два, которые спешно достраивались еще в ночь перед боем и не были вполне готовы. Остальные же редуты били по неприятелю жестоким огнем, а затем шведы попали и под огонь из ретраншемента, который «они получили себе во флангу».

Артиллерийский огонь учинил «великой неприятелю упадок». Даже еще до того как по зарвавшейся шведской коннице стали бить из ретраншемента, один только огонь редутных пушек *«оторвал» от главной массы шведской наступающей армии* шесть батальонов пехоты и несколько эскадронов кавалерии. Эта оторванная часть бежала, ища укрытия, в лес. Но тут на нее напали преследовавшие ее русские с пятью полками конницы и пятью батальонами пехоты. После краткого боя бежавшие в лес шведы принуждены были сложить оружие. Первым сдался генерал-майор Шлиппенбах, а затем и генерал-майор Роос (неправильно называемый в наших документах Розеном).

3

Посмотрим, какие основные моменты сражения больше всего запечатлелись в сознании главного действовавшего лица. Вот как описывал Петр свою «великую и нечаемую викторию», одержанную русскими «с неописанною храбростью» и незначительными потерями, «с малою войск наших кровию»,— это описание мы находим в письме, которое он написал в самый день битвы 27 июня 1709 г. А. В. Кикину: «...сегодня на самом утре жаркий неприятель нашу конницу со всею армиею конною и пешею отаковал,— которая (конница — *Е. Т.*) хотя по достоинству держалась, однакож принуждена была уступить, однакож с великим убытком неприятелю. Потом неприятель, стал во фронт против нашего лагору (sic — *Е. Т.*) против которого (неприятеля — *Е. Т.*) тотчас всю пехоту из транжамента вывели и пред очи неприятелю поставили, а конница — на обеих флангах, что неприятель увидя, тотчас пошел отаковать нас, против которого наши встречю (навстречу — *Е. Т.*) пошли и тако оного встретили, что тотчас с поля сбили. Знамен и пушек множество взяли». Петр отмечает в конце этой коротенькой записки пленных генералов: Реншильда, Шлиппенбаха, Штакенберга, Гамильтона, Рооса («Розена»), министра Пипера, Гемерлина и Седерьельма. А пока он дописывал эту записку, привели еще принца Вюртембергского. Об участии Карла XII Петр, когда писал Кикину, еще не имел сведений и не знал, успел ли король бежать или же убит: «а о короле еще не можем ведать, с нами ль или с отцы нашими обретается» [7].

Эта написанная в самый день Полтавы краткая, в нескольких строках записка главнокомандующего и непосредственного участника боя — необычайно важный документ. Все, что говорит в ней Петр, всецело подтверждается дальнейшими, более обстоятельными показаниями: он дал точную схему основных моментов битвы.

Утром еще до рассвета («весьма рано, почитай при бывшей еще темноте») шведы напали почти всеми конными и пешими силами своей армии на нашу кавалерию «с такой фурией», чтобы не только расшвырять в сторону русскую конницу, но и овладеть редутами, которые эта конница прикрывала. Русское сопротивление оказалось, однако, таким сильным, что шведы овладели лишь двумя недостроенными редутами, от остальных же были отброшены и притом с тяжкой потерей: преследуя их при отступлении, русские «оторвали» шесть батальонов пехоты и несколько эскадронов кавалерии и загнали их в лес, откуда им уже не пришлось выйти.

Таков был первый акт трагедии гибели шведской армии.

Но одолеть всю неприятельскую кавалерию, которая имела тут же постоянную поддержку пехоты, а русская конница сражалась, не имея вовремя поддержки своей пехоты, было невозможно. Царь приказал поэтому вопреки желанию Меншикова русской кавалерии отступить на правую (от ретраншемента) позицию, чтобы дать время вывести из ретраншемента пехоту. Генерал-поручик Боур исполнил успешно этот маневр, и шведы, увлекшись преследованием, ошиблись в расчете расстояния и оказались между двух огней, так как ретраншемент оказался у них с фланга. Левенгаупт поспешил на помощь шведской коннице, но был отбит убийственным огнем артиллерии, защищавшей ретраншемент. Кавалерия шведов после этого прекратила свое наступление вовсе и отошла далее расстояния пушечного выстрела. Это был второй акт битвы.

Ликвидировав в этом месте нападение, Петр послал Меншикова и генерал-лейтенанта Ренцеля с пятью полками конницы и пятью батальонами пехоты в тот лес, где скрылась оторванная в начале боя от главных шведских сил часть их армии. Шведы в лесу оказались в совсем отчаянном положении. Ими тут командовали два выдающихся генерала из лучших, какими располагал Карл XII: Шлиппенбах и Роос. Истребительный бой длился недолго. Шлиппенбах сдался первым, Роос попытался выбраться из чащи, и его отряд успел бежать к своим редутам. Но русские, преследуя его по пятам, обступили редуты, и к Роосу явился русский барабанщик, передавший требование: немедленно сдаться. Роос просил отсрочки. Ему дали на размышление полчаса, после чего «генерал-майор Розен (Роос — *Е. Т.)* со всеми при нем бывшими, из редут вышед, ружье положили и на

дискрецию сдались». Так кончилась третья операция этого утра.

Чем больше вчитываться в имеющуюся документацию (и прежде всего в «Журнал» Петра и «Книгу Марсову»), тем яснее становится, что в верховном руководстве русской армии в день Полтавы было с самого начала дела два течения, два воззрения на то, где должна произойти развязка дела. Меншикову представлялось, что следует продолжать очень успешно начатый в ранние утренние часы бой, ударить всей конницей на шведов и, усиливая конницу пехотой, обратить шведов в бегство, в которое может вовлечься вся шведская армия. Но Петр с этим явно не согласился. По его мысли, генеральная баталия должна была произойти позже и разыграться иначе. Он приказал Меншикову отойти к редутам, гениально обдуманного значения которых Меншиков не понял так глубоко, как это понял сорок лет спустя, анализируя Полтаву, известный теоретик военного искусства Мориц Саксонский. Петр предвидел, что в этих редутах захлебнется и окончится наступательный порыв шведской кавалерии, который безусловно был у нее, когда она в предутренние часы вышла из своего лагеря.

Это и случилось: наступательный порыв шведов выдохся. Весь успех шведов в этой первой стадии боя ограничился, таким образом, лишь овладением двумя недостроенными редутами в самом начале атаки.

Остальные два редута «в линию» неприятеля и все шесть «поперечных» остались в русских руках, несмотря на все усилия неприятеля и огромные понесенные им потери. Мало того. Как сказано, когда Меншиков и Ренцель помчались к лесу и пока они там ликвидировали бежавшие и укрывавшиеся в лесу отряды Шлиппенбаха и Рооса, генерал-лейтенанту Боуру, оставшемуся на обороне редутов, было приказано отступить и стать вправо от ретраншемента. Шведская кавалерия вздумала было Боура преследовать, для чего ей пришлось «со многою трудностию» и с «великим уроном» пробиваться через линию оставшихся в русских руках «поперешных» редутов, терпя жестокий огонь. И эти жертвы были ни к чему: «Боура не догнали, и он стал, где было ему приказано, вправо от ретраншемента. Тут вступила в дело обильная русская артиллерия, бывшая в ретраншементе, и открыла такой огонь по шведам, увлекшимся «гоньбой за Боуром», что они, поражаемые картечью и ядрами, были отброшены и остановились с таким расчетом чтобы быть «дале выстрела полковой пушки» [8]. Ведь отстреливаться им было нечем. Так закончилась первая стадия сражения, когда происходило кавалерийское состязание, поддержанное пехотой. Шведская кавалерия получила эту поддержку в начале боя, в первые предутренние и утренние часы, а русская конница получила

помощь пехоты (в виде пяти батальонов) лишь в начале шестого часа, когда Меншиков и Ренцель, устремясь против Шлиппенбаха и Рооса, вконец разгромили их отряды и взяли в плен обоих. Но вся масса русской пехоты еще ждала своего часа в ретраншементе.

Во французской рукописи, посланной в Польшу свидетелем и участником Полтавского сражения, есть некоторые отклонения и уточнения сравнительно с текстом установившейся реляции. Автор отделяет два события: разгром и пленение Шлиппенбаха, командовавшего левым флангом неприятельской кавалерии, причем тут он не называет вовсе ни Меншикова, ни Ренцеля, а затем уже говорит: «В то время как это происходило, его царское величество, заботясь сначала о том, чтобы помочь Полтаве, отделил для этого князя Меншикова и генерала Ренцеля с некоторой частью кавалерии и пехоты по направлению к этому городу, и они отрезали коммуникацию неприятельской армии с осаждающими город. Как только князь Меншиков приблизился к неприятелю, бывшему под командой генерал-майора Розена (Рооса — *Е. Т.*), так он напал на неприятеля с фронта и с левого фланга со стороны леса с такой силой, что из трех тысяч их состава почти все были убиты или взяты в плен. После этого действия князь вернулся со своими войсками к полю битвы,— оставив генералу Ренцелю лишь очень немного, чтобы довершить победу над тремя полками, которые были в траншеях, и к которым присоединился генерал Розен (Роос— *Е. Т.*). Генерал Ренцель напал на эти три полка с такой храбростью, что после небольшого сопротивления и малой потери с русской стороны генерал Розен (Роос — *Е. Т.*) сдался на милость с остатком своих войск» [9]. Автор французской рукописи называет разгром Рооса «вторичным поражением» шведов, считая первым — разгром Шлиппенбаха.

В своем лживом до фантастичности описании Полтавского сражения участник боя летописец Нордберг представляет дело так, что якобы эта первая бурная кавалерийская атака до такой степени смутила русских, что они уже готовы были уйти за Ворсклу, но, мол, тут шведы сделали ошибку, они остановились внезапно в своем успешном преследовании русской конницы и дали ей время оправиться. А когда царь увидел, что шведы не идут на помощь отброшенному и отрезанному от своих генералу Роосу, то он начал выводить из ретраншемента свою пехоту (для продолжения боя) [10]. Все это совершеннейший вздор. Ни одного момента не было, когда Петр помышлял о бегстве русской армии за Ворсклу. Что же касается до «ошибки» шведов, не выручивших погибавшего Рооса, то дело было не в ошибке, но в абсолютной *невозможности* спасти отряд Рооса. Аксель Спарре, посланный на выручку, не решился про-

биться сквозь русские ряды и помочь погибавшим под русскими ударами кавалеристам Рооса. Он вернулся к Реншильду и заявил, что незачем больше думать о Роосе и что «если полковник Роос не может со своими шестью батальонами защитить себя от русских, то пусть убирается к черту и делает, что хочет» [11].

Спарре был фаворитом Карла XII и поэтому не стеснялся даже с главнокомандующим. Но ясно, что по существу Реншильд с ним согласился. Роос был предоставлен своей участи... Он сдался в плен с немногими, не изрубленными людьми своего отряда. Все это происходило еще в начале боя, когда у солдат еще держалась, правда, уже не весьма крепкая, надежда на победу. Дальше пошло хуже, и шведские участники боя приписывают прогрессировавший упадок духа отчасти тому, что уже с момента проникновения в зону редутов для шведов стала очевидной невозможность отстреливаться сколько-нибудь успешно от обильной и прекрасно снабженной артиллерии противника.

Карл был неузнаваем в это роковое для него утро. Он провел эти невознаградимые ничем утренние часы (от начала шестого до восьми), не решившись отдать ни одного приказания растерянным, раздраженным генералам, стоявшим около его носилок. Если выдохся в неудачной борьбе за редуты наступательный порыв шведской кавалерии, то ведь пехота была еще почти не тронута. Но, очевидно, король видел, что и пехота его непохожа сегодня на ту, которая в прежние годы обеспечивала за ним всегда инициативу в боях. В эти часы, когда кончилась борьба за редуты и еще не началась «генеральная баталия», казалось, наступило затишье перед новым порывом бури. «Как пахарь, битва отдыхает»,— сказал именно об этом моменте Полтавского боя великий поэт. Но в русском лагере не было бездействия: шли деятельные приготовления к боевому наступлению сорока двух батальонов, начался постепенный, неторопливый, но непрерывный выход их одного за другим из ретраншемента и занятие намеченной для них позиции. Именно эти три часа почти полного бездействия шведов показали Петру, что враг уступил ему инициативу, а непонятное вначале молчание шведской артиллерии показало русским, что этой артиллерии почти вовсе не существует.

Главные силы шведов, отступившие после жаркого боя у редутов, стояли перед лесом и, по наблюдению Петра, не были способны немедленно напасть на ретраншемент («увидели, что неприятель от прохода своего сквозь редута еще сам в конфузии находится и строится у лесу»). Русское командование тотчас воспользовалось этим перерывом. Русская пехота была выведена из ретраншемента, ей было придано шесть полков кава-

лерии, до той поры не участвовавшей в происходящем бою. Русские силы — пехота впереди, кавалерия «позади пехоты обведена» — были выстроены в боевой порядок.

4

Приближался решающий момент, когда на сцену должны были выступить главные силы пехоты, до той поры в сражении не участвовавшие. В шатер Петра вошел фельдмаршал Шереметев в сопровождении «всего генералитета пехотных полков». Уже было начало шестого часа утра, когда царь, фельдмаршал и генералы вышли из шатра, и Петр, сев на коня, начал объезжать пехоту и артиллерию. Петр начал смотр пехотных полков, стоявших под ружьем «во всякой исправности», и затем стал осматривать также артиллерию.

Во время этого смотра царь поделился с фельдмаршалом таким соображением: у шведов 34 полка, у русских — 47, «и ежели вывесть все полки, то неприятель увидит великое излишество (перевес на стороне русских — *Е. Т.*) и в бой не вступит, но пойдет на убег»[12]. А поэтому решено было не выводить вовсе и держать в резерве в ретраншементе шесть полков: Гренадерский, Лефортовский, Ренцелев, Троицкий, Ростовский и Апраксин и, кроме того, три батальона послать к монастырю «для коммуникации с Полтавой». Когда приказ Петра был объявлен означенным полкам, то солдаты этих полков выразили большое огорчение и стали непосредственно упрашивать царя, чтобы он «повелел им вытти и быть в баталии». Петр счел уместным обратиться к солдатам с разъяснением: «Неприятель стоит близь лесу и уже в великом страхе; ежели вывесть все полки, то не даст бою и уйдет: того ради надлежит и из прочих полков учинить убавку, дабы через свое умаление привлечь неприятеля к баталии».

«Высходе 6 часа» велено выводить пехоту из ретраншемента, а с половины седьмого пехотные полки стали строиться «в ордер баталии». Первые батальоны полков стали в первую линию, а за каждым батальоном первой линии стал второй батальон того же полка.

Наступал седьмой час утра, когда Петр приступил к осуществлению основного своего намерения: вывести сорок один батальон пехоты из лагеря, построить их двойным рядом, фланкировать справа и слева эту двойную линию пехоты конными полками, возвращения которых к лагерю он и требовал от Меншикова для этой решающей минуты, и приводить всю эту воинскую массу в боевой порядок. Почти три часа ушло на эту подготовительную операцию — от начала седьмого часа до девяти часов утра. Вот тут-то и сказалось утомление отборной части

шведской армии, которая была пущена Карлом с приказом взять редуты и которая редутов не взяла (кроме двух недостроенных), но потеряла всю свою наступательную мощь на этой отчаянной неудачной попытке. Три часа Петр и Шереметев могли действовать, распоряжаться, готовить войска, и никто, ни одна часть шведской армии не посмела нарушить полного спокойствия и уверенности их действий.

В седьмом часу к выстраивавшейся линии пехоты стали подъезжать к левому крылу этой линии Меншиков с 6 драгунскими полками, а к правому крылу генерал-лейтенант Боур с 18 драгунскими полками. Такое построение,— чтобы на обоих флангах пехоты стояла конница,— предрешено было самим Петром, но когда Меншиков и Боур со своими драгунами заняли предуказанные им места, то царь снова стал озабочиваться вопросом: не уйдет ли неприятель без бою? Дело в том, что с приходом конницы к обоим флангам русская боевая линия очень уж явно увеличилась и стала даже на вид длиннее, чем линия шведская, стоявшая пока в некотором отдалении «в логовине у лесу без действия». Чтобы не отпугнуть шведов, наблюдавших издали, Петр решил укоротить слишком удлинившийся правый фланг и вдруг приказал увести 6 драгунских полков (из 18, какие у Боура были). Волконскому велено было отвести эти 6 полков к стоявшему подальше со своей конницей гетману Скоропадскому.

Волконский и Скоропадский обязаны были вступить в дело, лишь если усмотрят, что неприятель уклоняется от боя и уходит.

Фельдмаршал Шереметев не был на этот раз согласен с Петром. Шереметев боялся уводить из линии эти полки Волконского, не желал «умаления фронта» и уменьшения русской армии, готовящейся принять бой. Петр, однако, не хотел соглашаться с фельдмаршалом и говорил ему: «Победа не от множественнаго числа войск, но от помощи божией и мужества бывает, храброму и искусному вожду довольно и равнаго числа...» и предлагал ему поглядеть на стройное и исправное русское войско, стоявшее перед их глазами. Но генерал-от-инфантерии князь Репнин стал в этом споре на сторону Шереметева, заявляя, что «надежнее иметь баталию с превосходным числом, нежели с равным» [13].

Когда 6 драгунских полков вышли из линии конницы Боура и стали отходить в тыл (к Скоропадскому), воины заметили движение в стоявшей поодаль «в логовине» шведской армии. Она начала движение вперед, прямо на русское войско. Тогда Петр выехал перед фронтом своих войск и громко произнес несколько слов, которые передаются так: «За отечество принять смерть весма похвално, а страх смерти в бою вещь всякой хулы

достойна», и отдал приказ идти навстречу приближавшимся шведам. Шереметев ехал непосредственно вслед за царем, а за Шереметевым — генералитет. Петр остановил коня и сказал, обращаясь к Шереметеву: «Господин фельдмаршал, вручаю тебе мою армию, изволь командовать и ожидать приближения неприятеля на сем месте». Затем помчал коня к первой дивизии, над которой, как сказано, решил принять непосредственное командование.

Было начало девятого часа утра, когда загремела русская артиллерия. Шведы были, по некоторым показаниям [14], всего в 25 саженях от русской линии, и первые же залпы вырвали много жертв из их рядов. Четыре шведские пушки отвечали слабо, но первый шведский натиск был необычайно силен и направлен больше всего (это запомнили все участники боя) в одну точку: на первый батальон Новгородского полка. В русской армии в этот момент еще не все знали, чем объяснялась энергия и целеустремленность шведов в данном случае. Изменник, унтер-офицер Семеновского полка, находился в рядах близ Карла и указал королю на полк, одетый в мундиры серого сукна, который он считал полком новобранцев, т. е. слабым полком. Изменник ошибся, он не знал, что Петр предвидел последствия его действий, и, как сказано, велел 26 июня переодеть в серые мундиры один из лучших своих полков — Новгородский. И все-таки круто пришлось Новгородскому полку. Карл решил именно тут прорвать линию русского войска. На стоявший впереди первый батальон новгородцев были направлены сомкнутые строем два шведских батальона разом. Шведы вломились, штыковым боем прокладывая себе дорогу в глубь первого батальона.

Все источники отмечают, что генеральная баталия началась *одновременным* наступлением шведов и русских друг на друга. От пленных после битвы было узнано, что именно русская артиллерия с первых же залпов «устрашаемым и ужасным огнем» расстроила неприятельские ряды и привела Карла в гнев и отчаяние: «...едва не от перваго залпа (неприятель — *Е. Т.*) пришел в отчаяние, и великой урон неприятелю учинился и в великую конфузию пришел, хотя король швецкой с превеликим гневом на своей колышке, ездя всюду, и всюду скрыжал зубами и топтал ногами, стучал головою от великого дешператства (отчаяния — *Е. Т.*), но ничем в порядок своей армии привести не мог» [15].

За эти два часа «генеральной баталии» (от 9 до 11 часов утра), как можно установить, судя по воспоминаниям некоторых участников и наблюдателей, битва прошла через две стадии. В первые примерно полчаса наступательный порыв шведов продолжался со всей силой, и тут-то они натолкнулись на непоколебимое, истинно героическое сопротивление шедшей на-

встречу им русской армии. Губительному огню подверглись лучшие полки Карла XII: Упландский, Кальмарский, Ионченингский, Ниландский, и все, что оставалось от королевской гвардии вообще. По утверждению шведских участников боя, больше половины боевого состава этих полков было истреблено русским орудийным и ружейным огнем, а затем в штыковом бою. Пали прежде всего почти все офицеры перечисленных отборных полков. Ядро ударило в носилки короля, он упал на землю и на миг лишился чувств, был поднят солдатами и положен на новые, импровизированные носилки из скрещенных пик; мгновенно распространившийся между шведами слух о смерти Карла подорвал дух армии, хотя близко к носилкам находившиеся и знали, что слух неверен.

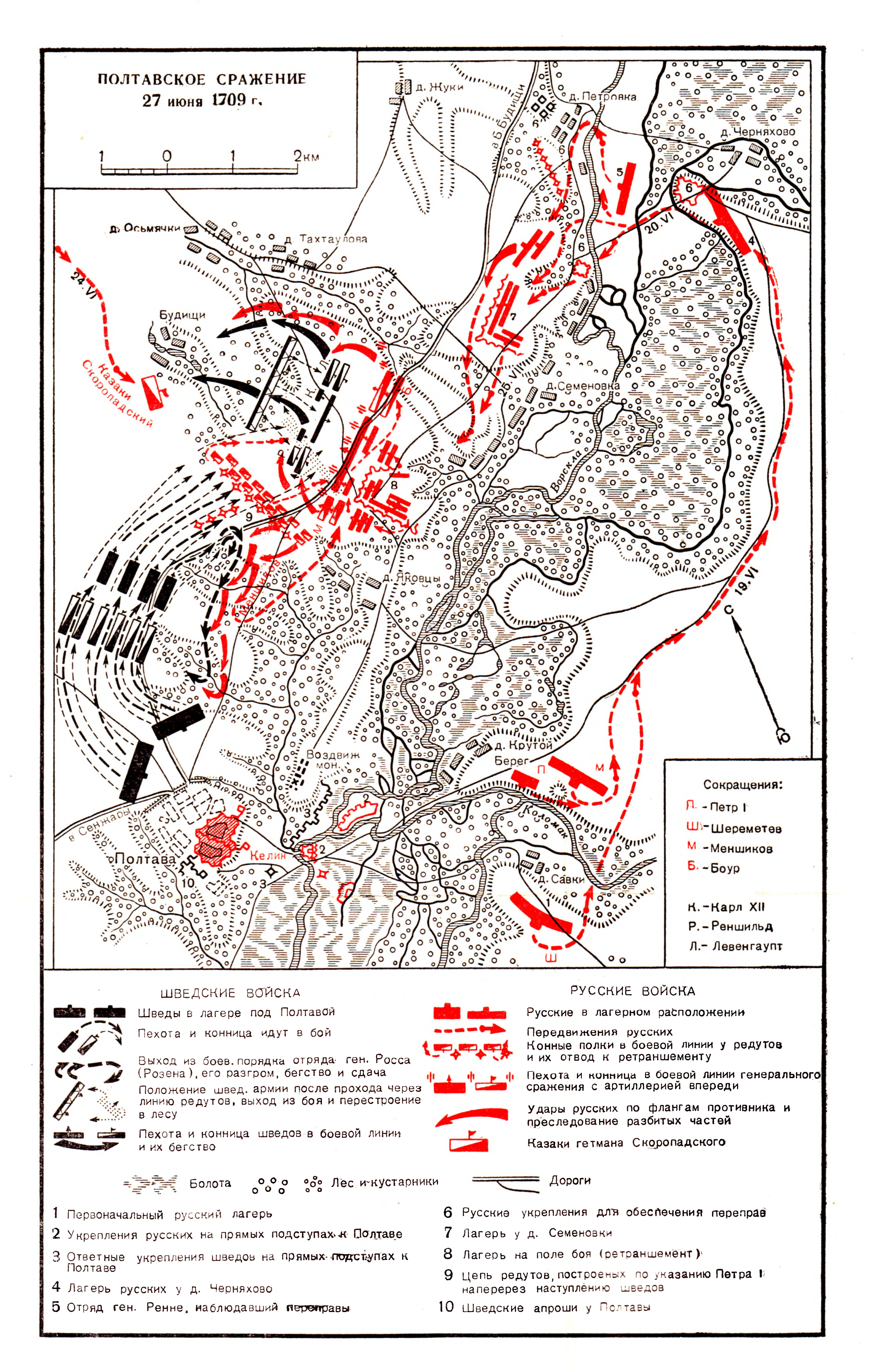
Началась вторая стадия кровавой битвы, продолжавшаяся остальные полтора часа, когда еще можно говорить о сражении, о борьбе, а не о паническом бегстве шведов врассыпную. Теперь речь шла о том, чтобы по возможности сохранить некоторый порядок при отступлении и не поддаться постепенно овладевавшей солдатами панике. Фельдмаршал Реншильд, повидимому, сам поддался панике, наблюдая бывшую перед его глазами страшную картину. Мчась к тому месту, откуда солдаты на скрещенных пиках уносили короля, он кричал еще издали: «Ваше величество, наша пехота погибла! Молодцы, спасайте короля!», не понимая, очевидно, что этим криком вконец убивает всякую попытку Левенгаупта, Акселя Спарре и уцелевших военачальников поддержать дух сражавшихся. Один за другим были перебиты почти все 24 солдата, сменявшиеся у носилок Карла, пока не удалось, наконец, усадить его на лошадь раненого драбанта и вывезти из страшной свалки. Уже не было и признака сколько-нибудь упорядоченного, организованно руководимого отступления. Исчезли последние признаки повиновения и дисциплины. Не только никто не слушал приказаний, но никто их уже и не отдавал. Фельдмаршал Реншильд, граф Пипер искали спасения в сдаче в плен. Другие (Аксель Спарре, Гилленкрок, Левенгаупт) бежали вместе с королем на юг.

К 11 часам все было кончено. Началось бегство врассыпную, русские конники врубались в кучки беглецов, искавших спасения кто в своем брошенном лагере, кто в окрестных лесах. Кто не успевал вовремя бросить оружие и дать знать, что он сдается в плен, подвергался немедленному уничтожению. Смертельная опасность для бегущих шведов усиливалась тем, что бежать-то по направлению к своему лагерю приходилось мимо тех же русских редутов, сыгравших такую роль в ранние утренние часы сражения. Теперь из этих редутов сыпались пули на беглецов, и одна из них, кстати сказать, ранила лошадь драбанта, на которую пересадили страдавшего от раны Карла XII.

Стоявшая на обоих флангах русская кавалерия стала обволакивать шведов с их обоих флангов, и вскоре всем фронтом русская армия ринулась на неприятеля. Это была жесточайшая резня. Русские бились с обычным мужеством и забвением опасности, которые на протяжении всей истории проявлял русский народ, когда понимал, что дело идет о защите страны от нагло вторгшегося, попирающего русскую землю завоевателя. Шведская армия была бесспорно лучшей по дисциплине, по храбрости, по выучке, наконец, по опытности в военном деле из всех армий тогдашней Западной Европы; полководец, ею командовавший, признавался в те времена выше по своим военным дарованиям, чем самые тогда прославленные западноевропейские военачальники, выше герцога Мальборо, выше Евгения Савойского. Но и эта первоклассная европейская армия, и этот первый по своей репутации из тогдашних западноевропейских полководцев были совсем неслыханно разгромлены, были отчасти физически, отчасти морально уничтожены, стерты с лица земли вместе с исчезнувшим в этот день навсегда, после векового могущества и славы, шведским великодержавием.

Всего два с небольшим часа длилась эта кровавая встреча, завершившая Полтавский бой: в 9-м часу утра она началась, к 11-ти все было кончено. Но предоставим слово Петру: «...однако ж то все далее двух часов не продолжалось ибо непобедимые господа шведы скоро хребет показали, и от наших войск с такою храбростью вся неприятельская армия (с малым уроном наших войск, еже наивяще удивительно есть), кавалерия и инфантерия весьма опровергнуты, так что шведское войско ни единожды потом не остановилось, но без остановки от наших шпагами и байонетами колоты, и даже до обретающегося леса, где оные пред баталиею строились, гнаны». Карл на носилках («в качалке») был на месте боя, но распоряжался мало, и вовсе не только потому, что ослабел от своей раны и хирургической операции,— хватило же у него физических сил, присутствия духа, распорядительности, сообразительности и энергии, чтобы во всю прыть бежать сначала в карете, потом верхом прямо с места, где погибла его армия, к Днепру, а затем через Днепр, через пыльные турецкие степи, под жгучим солнцем, все дальше и дальше от русских пределов. Он потому был так инертен и бесполезен в бою, что русское командование и русское войско не дали ни ему, ни его генералам времени распоряжаться. Ведь и бывшие в вожделенном здравии испытанные и талантливые, не уступавшие своему королю в храбрости и превосходившие его выдержкой генералы вроде Реншильда, Левенгаупта, Шлиппенбаха, Рооса ровно ничего не сделали в этот страшный для них день непоправимого национального несчастья.

Шведы сражались храбро. Был опаснейший момент для рус-


ПОЛТАВСКОЕ СРАЖЕНИЕ
27 июня 1709 г.
1 0 1 2км
д. Жуки
д. Петровка
д. Черняхово
р. Будищи
д. Осьмячки
д. Тахтаулова
Будищи
Казаки Скоропадский
24.VI
20.VI
25.VI
19.VI
д. Семеновка
Ворскла
д. Яковцы
Воздвиж. мон.
д. Крутой Берег
Коломак
д. Савки
р. Сенжары
Полтава
Келин
С
Ю
Сокращения:
Л. - Петр I
Ш. - Шереметев
М. - Меншиков
Б. - Боур
К. - Карл XII
Р. - Реншильд
Л. - Левенгаупт
ШВЕДСКИЕ ВОЙСКА
Шведы в лагере под Полтавой
Пехота и конница идут в бой
Выход из боев. порядка отряда ген. Росса (Розена), его разгром, бегство и сдача
Положение швед. армии после прохода через линию редутов, выход из боя и перестроение в лесу
Пехота и конница шведов в боевой линии и их бегство
РУССКИЕ ВОЙСКА
Русские в лагерном расположении
Передвижения русских
Конные полки в боевой линии у редутов и их отвод к ретраншементу
Пехота и конница в боевой линии генерального сражения с артиллерией впереди
Удары русских по флангам противника и преследование разбитых частей
Казаки гетмана Скоропадского
Болота
Лес и кустарники
Дороги
1 Первоначальный русский лагерь
2 Укрепления русских на прямых подступах к Полтаве
3 Ответные укрепления шведов на прямых подступах к Полтаве
4 Лагерь русских у д. Черняхово
5 Отряд ген. Ренне, наблюдавший переправы
6 Русские укрепления для обеспечения переправ
7 Лагерь у д. Семеновки
8 Лагерь на поле боя (ретраншемент)
9 Цепь редутов, построеных по указанию Петра I наперерез наступлению шведов
10 Шведские апроши у Полтавы

ской армии. Это произошло в самом начале «генеральной баталии», т. е. последнего двухчасового боя, решившего дело. Отборный, «учрежденной неприятельской полк шел наступным боем и приближался с великим дерзновением на Новогородской пехотный полк наступил». Яростная, неудержимая шведская атака сломила сопротивление первого батальона, смятого шведами, которые на этом пункте оказались в двойном количестве, и неприятель «на штыках сквозь прошел» через первый батальон. Еще немного — и все левое крыло было бы отрезано. В этот страшный момент примчался Петр, остановил начавшееся замешательство, и под его личной командой второй батальон того же полка и оставшиеся в живых немногие солдаты только что сбитого первого батальона, бросились в штыковую контратаку. Тут-то Петр и подвергся смертельной опасности: его шляпа была пробита пулей. Этот миг сражения уже после боя перед лицом солдат Меншиков описывал так: «Аще бы и не ты, благочестивый государь, предстал в самое лютейшее и погибельнейшее время, в которое неприятель Новогородского пехотного полку первый баталион сбил и уж начал отрезывать левое крыло от главной линии, на котором крыле он с 6-ю полками кавалерии находился, в оное самое лютое время огня к тому погибающему месту изволил прибыть и исправить, каковаго дела кроме Бога и тебя великого государя никто б мог исправить». Впоследствии было установлено, что опасность быть отрезанными в тот момент грозила не шести, а девяти полкам.

Петр, подобно другим великим полководцам, обыкновенно, как уже было нами сказано, совершенно правильно избегал личного риска и бесполезного молодечества, которое может в случае смерти вождя очень дорого обойтись его солдатам и привести к поражению и гибели всей армии. Но Петр считал, что в исключительных случаях главнокомандующий имеет моральное право рисковать собой. Документы о Полтавской битве приписывают исправлению положения в Новгородском полку решающее значение: «ибо все щастие реченной баталии от единого оного исправления зависело».

В этом сражении солдаты проявили полнейшее презрение к смертельной опасности. Они не давали и не просили пощады, и когда враг дрогнул и побежал, то русских нельзя было удержать ничем. Отогнав далеко врага, они преследовали его и в поле, на громадном расстоянии от Полтавы, и в лесу, где он прятался, ища спасения. Когда русская армия узнала о сравнительно не таких больших своих потерях, как ожидалось,— то чувство гордой радости еще увеличилось в войске, разгромившем опасного агрессора.

Граф Пипер вбежал в шведский ретраншемент под самым городом Полтавой, уже зная, что русские разгромили армию и

что короля либо куда-то увезли шведы, либо русские, если вообще он еще жив. Пипер решил выполнить последнюю свою службу: он хотел сжечь письма и бумаги, находившиеся в помещении короля. Но этого сделать уже не успел. Русская конница мчалась к шведскому ретраншементу. Пиперу с сопровождавшими его Седерьельмом, королевским секретарем, и Дюбеком пришлось, спасая свою жизнь, броситься с другого выхода прямо к полтавскому валу и здесь сдаться в плен. Весь кабинет Карла с находившимися в нем бумагами и двумя миллионами саксонских золотых ефимков, награбленными во время стояния шведского короля в Саксонии, попали в руки победителя.

Уже в половине десятого «вся неприятельская линия была сбита с места и по лесу прогнана», и пехота, тесня отступающих шведов, заняла постепенно место, на котором была перед этим вражеская линия, и двинулась дальше. Но довольно скоро отступление шведов стало превращаться в паническое бегство, и вся русская драгунская кавалерия бросилась преследовать и рубить бегущих. Русские кавалеристы устремились к лесу, где пытались спастись беглецы, и части помчались прямо к валу Полтавы, под которым был перед битвой расположен шведский лагерь.

5

В генеральной баталии, шедшей с 9 до 11 часов утра, участвовало русской пехоты всего 10 тыс. человек «в первой линии», а прочие «еще и в баталию не вступили». Этот факт, старательно замалчиваемый всеми без исключения западными историками Полтавской битвы, стоит подчеркнуть, так же как и другой факт, категорически опровергающий выдумку Нордберга (сдавшегося в плен в конце битвы), будто шведы начали свое «отступление», лишь пробыв несколько часов близ поля битвы. Наши источники отмечают, что сдавшаяся под Полтавой шведская армия «большая часть с ружьем и с лошадями отдалась и в плен взяты» [16]. Только на самом «боевом месте и у редут» пересчитано было 9224 неприятельских трупа. Русская кавалерия преследовала разбежавшихся в разных направлениях шведов: «В погоне же за бегущим неприятелем гнала наша кавалерия болши полуторы мили, пока лошади утомились и иттить не могли», и «от самой Полтавы в циркумференции (в окружности — *Е. Т.*) мили на три и болши на всех полях и лесах мертвые неприятелские телеса обретались». Пришлось разбросать кавалерию для преследования и добивания разбежавшихся. Поспешное бегство главной массы к Днепру отсрочило взятие их всех в плен на трое суток.

Битва кончилась. К Петру приводили пленных генералов и

полковников, принесли разломанные носилки, в которых был король во время боя. Привели пленного принца Вюртембергского. Царь принял его сначала за Карла. Узнав о своей ошибке, он сказал: «Неужели не увижу сегодня моего брата Карла?» Он обещал большую награду и генеральский чин тому, кто возьмет короля в плен или, если он убит, принесет его тело.

В третьем часу дня в шатер Петра привели пленных шведских военачальников. «Князь Меншиков пленным объявил, чтоб шпаги его царскому величеству, яко победителю, приносили. Первый граф Пипер, встав на колени и вынув шпагу, держал в руках; великий государь повелел принять генералу князю Меншикову.., который по повелению е. ц. в. принимал шпаги у всего генералитета и у князя Витенбергского (Вюртембергского — *Е. Т.*), а от штаб- и обер-офицеров принимал генерал Алларт. По отобрании шпаг, е. ц. в. спрашивал фельдмаршала Реншильда о здравии королевском, который его царскому величеству доносил, что король государь его за четверть часа прежде окончания баталии от повреждения раны в ноги в великой болезни изволил отбыть от армии, поруча оную в правление ему фельдмаршалу. Великий государь фельдмаршала Реншильда за то его объявления о здравии королевского величества Карла пожаловал шпагою российскою».

Петр знал о хвастливой выходке Карла накануне битвы и сказал: «Вчерашнего числа брат мой король Карл просил вас в шатры мои на обед, и вы по обещанию в шатры мои прибыли, а брат мой Карл ко мне с вами в шатер не пожаловал, в чем пароля своего не сдержал, я его весьма ожидал и сердечно желал, чтоб он в шатрах моих обедал, но когда его величество не изволил пожаловать ко мне на обед, то прошу вас в шатрах моих отобедать». За этим обедом и последовал известный юмористический тост за здоровье «учителей» в ратном деле, шведов, и горько-иронический ответ Пипера: «Хорошо же ваше величество отблагодарили своих учителей!» За обедом Реншильд и Пипер сказали Шереметеву, что они многократно советовали королю прекратить войну с Россией и заключить с Россией «вечный мир», но король их упорно не слушал. Петр при этом воскликнул, обращаясь к шведам: «Мир мне паче всех побед, любезнейшие».

Конечно, и хозяева-победители и «гости»-побежденные были очень взволнованы грандиозным историческим событием, свидетелями и участниками которого они были всего несколько часов тому назад. И говорили многое, чего не сказали бы в другое время так откровенно. Еще веянье смерти было над ними, еще только садясь за стол, Петр снял с головы шляпу, простреленную шведской пулей, и еще не снял с груди медный крест, погнувшийся от другой шведской пули. И пленники еще явно не

могли прийти в себя от ужаса страшной катастрофы, так внезапно оборвавшей навсегда их боевое поприще. После стольких усилий, таких многолетних побед и испытаний кончилось могущество их родины, и померкла слава их вождя. Реншильд и Пипер сказали тогда же за обедом графу Шереметеву, что они не подозревали, что у России такое регулярное войско. Они признали, что только Левенгаупт утверждал, что «Россия пред всеми имеет лучшее войско», но они ему не верили. Оказалось, что после сражения у Лесной Левенгаупт «секретно им (шведским генералам — *Е. Т.*) объявлял, что войско непреодолимое, ибо он чрез целый день непрерывный имел огонь, а из линии фронта не мог выбить, хотя ружье в огне сколько крат от многой пальбы разгоралось, так что невозможно было держать в руках, а позади фрунтов не видима была земля за множеством падших пуль». Но генералы не верили, считали, что это небылица, выдумка: «по все то не за сущее, но в баснь вменено было». Они все, кроме Левенгаупта, думали, что под Полтавой встретятся с войском, вроде того, что было при Нарве в 1700 г., «или мало поисправнее того».

Наибольшее, может быть, впечатление и на Россию, и на Европу произвела эта губительная паника, овладевшая шведской армией, закаленной в боях, бесспорно храброй, строго дисциплинированной, в тот момент последней ее встречи с вышедшей из ретраншементов русской пехотой, когда артиллерийский бой стал быстро уступать место штыковому, рукопашному. По реляции Петра, так называемой «обстоятельной реляции», разосланной 9 июля в списках Нарышкину, Ивану Андреевичу Толстому, вице-адмиралу Крейсу, Кириллу Нарышкину и Степану Колычеву, выходит, что, собственно, окончательный бой, где сшиблись главные силы обеих армий, после жестокого русского артиллерийского огня был решен не через два часа, а уже через полчаса, и, следовательно, в остальные полтора часа уже происходило лишь яростное преследование и истребление охваченного полнейшей паникой неприятеля. Вот что пишет Петр об этом решившем все моменте битвы, причем царь и сам не скрывает своего удивления по поводу столь быстро сломленного сопротивления шведов: «И как войско наше, таковым образом в ордер баталии установясь, на неприятеля пошло, и тогда в 9 часу пред полуднем атака и жестокий огонь с обеих сторон начался, которая атака от наших войск с такою храбростию учинена, что вся неприятельская армия по получаеном бою с малым уроном наших войск (еже притом наивяще удивительно) как кавалерия, так и инфантерия весьма опровергнуты, так что шведская инфантерия ни единожды потом не остановилась, но без остановки от наших шпагами, багинетами и пиками колота, и даже до обретающегося вблизи лесу, яко скот

гнаны и биты». Дальше ясно подчеркивается, что сдача в плен всего командного состава и тысяч вооруженных солдат последовала в *начале* этого последнего боя: «притом в начале генерал-майор Штакельберк (sic — *Е. Т.*), потом же генерал-майор Гамельтон, також после и фельдмаршал Реншильд и принц Виттембергской, королевский родственник, купно со многими полковниками и иными полковыми и ротными офицерами и несколько тысячь рядовых, которые большая часть с ружьем и с лошадьми отдались и в полон взяты, и тако стадами от наших гнаны». А уже после этой решающей катастрофы бой превратился в преследование и истребление побежавшей с поля разгромленной шведской армии: «В погоню же за уходящим неприятелем последовала наша кавалерия больше полуторы мили, а именно пока лошади ради утомления итти могли, так что почитай от самой Полтавы в циркумференции мили на три и больше, на всех полях и лесах мертвые неприятельские телеса обреталися, и чаем оных от семи до десяти тысячь побито»[17]. По точному смыслу петровской реляции время в этом двухчасовом бою (от 9 до 11 часов утра) распределяется так: полчаса решительного столкновения, когда русские сломили окончательно и безнадежно и физически, и морально сопротивление шведской армии, и полтора часа, когда длилось преследование и добивание беглецов русской конницей, причем ни разу шведы уже не сделали даже и попытки остановиться и оказать боевое сопротивление. Ясно также, что шведы бежали не сомкнутой массой, а врассыпную, потому что Петр подчеркивает это словом «циркумференция», говоря о покрывающих поля *вокруг* Полтавы шведских трупах. Бегство и преследование шли, очевидно, по разным направлениям, как бы радиусами от Полтавы во все стороны, и концом сражения был тот момент, когда лошади русской конницы, преследовавшей бежавших шведов, уже «ради утомления» не могли дальше идти.

Из всей «Обстоятельной реляции о главной баталии меж войск его царского величества российского и королевского величества свейского учинившейся неподалеку от Полтавы сего июня в 27 день 1709 лета», переведенной на голландский, немецкий, а затем уже на некоторые другие иностранные языки,— наибольшее впечатление на военных людей и дипломатов, конечно, не могло не произвести известие, на котором особенно настаивал этот документ: «При сем же и сие ведати надлежит, что из нашей пехоты токмо одна линия, в которой с десять тысяч не обреталось, с неприятелем в бою была, а другая до того бою не дошла, ибо неприятели, будучи от нашей первой линии совершенно опровергнуты и побиты и прогнаны».

Итак, выходило, что в те два часа сражения от 9 до 11 утра, которые в русских документах часто называются по преимуще-

ству «генеральной баталией», русские разгромили шведов, пустив в бой всего 10 тыс. человек против значительно большего количества стоявших в начале боя против них в шведской линии [18]. А, с другой стороны, в резерве у Петра были тут же наготове еще около 30 тыс. человек пехоты, кавалерии и артиллерии. Эта громадная резервная сила в русском стане была свежа, прекрасно вооружена, готова к бою, потери ее, понесенные в утренние часы боев за редуты и при ликвидации отрядов Шлиппенбаха и Рооса, были совсем незначительны. Оба эти факта — 10 тыс. в бою и наличность громадного резерва — неопровержимо доказывали, во-первых, моральное и материальное боевое превосходство, какого достигла русская армия после тяжкой почти десятилетней борьбы, а во-вторых, как большое военное искусство русского командования, которое сумело в решающей битве собрать в кулак у Полтавы крупнейшие силы, так и полное, блестяще оправдавшееся доверие Петра к стойкости и одушевлению солдат, к тому, что 10 тыс. русских бойцов хватит, чтобы справиться на поле боя с 16 тыс. шведов, стоявших непосредственно перед этими 10 тыс. Наличие же могучей резервной, совсем не принимавшей участия в бою, армии делало конечный разгром шведов неотвратимым, даже если бы почему-либо выставленные Петром 10 тыс. бойцов потерпели поражение. И надо быть таким безмятежно и бессовестно лгущим трубадуром славы Карла XII, как его духовник Нордберг, чтобы писать о «спокойном отступлении» короля, когда был дан «приказ» отступать. Более полный, уничтожающий разгром очень редко переживала где-либо какая-нибудь армия.

На другой день, 28 июня 1709 г., состоялся торжественный въезд Петра в освобожденную Полтаву. Освобождение пришло вовремя: в крепости оставалось только полторы бочки пороху и восемь ящиков с патронами.

Тут только царь и русская армия узнали в точности, что выдержал этот город. Четыре раза неприятель доводил штурм до такой силы, что врывался через низкий вал в город, и его приходилось с большим трудом выбивать оттуда. Войска в Полтаве было в момент начала осады 4182 человека, потом подбросить удалось с Головиным 900 человек, но главная помощь пришла от мирных жителей Полтавы, пожелавших принять участие в обороне: «градских жителей» набралось 2600 человек. Им было дано оружие, и они сражались наряду с регулярным войском. Из всего этого числа сражавшихся здоровых оказалось 4944 человека, раненых и больных — 1195, а перебито неприятелем и умерло от болезней за два месяца осады 1634 человека. Полтавская осада, по русским данным, не вполне проверенным, стоила шведам за два месяца до 5 тыс. человек. Ядер и картечи в Пол-

таве давно не имелось, рассказывали полтавцы, и пушки заряжали обломками железа и камней [19].

Начались похороны жертв боя. Образовывались высокие курганы.

«Дневник военных действий» настаивает, что «по достоверному исчислению» собрано и предано погребению 13,281 «побиенных неприятельских тел» [20]. Если эта цифра точна, то, считая с пленными, взятыми при Полтаве и Переволочной (16 тыс. с небольшим), вся армия Карла оказалась ликвидированной.

Пушек у шведов было забрано под Полтавой и у Переволочной всего 32, но из них 28 не были в бою вовсе в этот день. Ряд свидетельств подтверждает этот, казалось бы, невероятный факт, что у Карла XII в день сражения, от которого зависела его участь, его репутация, судьба его государства, почти вовсе отсутствовала артиллерия. «Мы взяли (в бою — *Е. Т.*) только четыре пушки, так как неприятель озаботился оставить всю свою артиллерию со своим большим обозом, которого (мы — *Е. Т.*) взяли три тысячи повозок»,— читаем во французской рукописи, адресованной Бельскому воеводе, приверженцу России, коронному гетману (т. е. Синявскому). Рукопись не подписана. Она хранится в нашем Архиве древних актов и почти совпадает в основном с общеизвестными описаниями Полтавской битвы [21].

У Нордберга, взятого в плен в день Полтавы, записи которого долгое время были единственными, из двух главных шведских источников по истории Полтавской битвы (потому что другой автор, участник и очевидец похода, Адлерфельд, был убит ядром в самый день сражения), мы читаем, что русские «не осмелились» преследовать шведов, и те, после сражения, отступив «в расстоянии четверти мили, построились вновь и в продолжение четырех часов оставались в вооружении, но враг не осмелился показаться» [22]. Это — классический образчик того, как курьезно и без зазрения совести лжет Нордберг всякий раз, когда ему уж очень хочется унизить ненавистных ему русских и показать, что совсем не свойственно было шведам терпеть поражения вообще, а от русского войска в особенности.

Выдумка о четырехчасовом стоянии в боевом строю шведских беглецов не имеет и тени основания и смысла.

В дополнение к показаниям русских источников приведем слова тоже всячески преуменьшающего в своем повествовании русские успехи старинного шведского историка Фрикселя, обильно пользовавшегося не только государственными, но и частными семейными архивами Швеции и многими документами, которые теперь уже исчезли. Считая, что из-под Полтавы часть армии с королем во главе успела спастись (на два дня) исключительно потому, что царь не сейчас же после боя прика-

зал всей своей армии пуститься догонять шведов, Фриксель пишет, что бежавшие шведы были оставлены на несколько часов в покое, «и это было для них счастьем, потому что весь остаток шведского войска, очистившего поле битвы, находился в полном рассеянии. Уже не было никакого порядка, никакого повиновения, каждый продолжал отступление по своему благоусмотрению, потому что это отступление превратилось в самое настоящее бегство даже и в тех частях, которые не побывали в бою. Если бы русские использовали свою победу немедленно для сильного преследования, то, по всей вероятности, как сам король, так и уцелевшая бегущая часть его армии были бы уже в тот момент взяты в плен или изрублены» [23]. Приведенная выше выдумка Нордберга не стоила бы, чтобы на ней останавливаться, если бы она не была доказательством, насколько недоверчиво, строжайше критически должно вообще пользоваться этим источником. Он местами фантазирует и путает не меньше Гилленкрока, а между тем к нему западные историки, игнорируя русские свидетельства, проявляли всегда гораздо больше совсем незаслуженной доверчивости, чем, например, к генерал-квартирмейстеру Карла. Без Нордберга вовсе обойтись нельзя, но, изучая его, должно быть очень настороже. И Нордберг и Адлерфельд, другой соратник Карла XII в течение всего русского похода, часто лгут, но к сожалению иной раз нет возможности их окончательно уличить, потому что нет третьего очевидца и соучастника, который бы тоже писал изо дня в день историю похода, не разлучаясь ни на один день с Карлом.

6

Трудному испытанию подверглась в день Полтавы русская армия, и выдержала она его с изумительным успехом. Ее моральная доблесть, организованность, способность к маневрированию, дисциплина, железная стойкость — оказались на очень высоком уровне.

Воинский устав Петра был издан лишь в 1716 г., но уже в то время, которое нас тут занимает, перед Полтавой, русская регулярная армия существовала на прочной основе ежегодных рекрутских наборов, систематического обучения и по своему однородному национальному составу и национальному самосознанию была выше европейских регулярных армий, раньше ее возникших, но пополнявшихся наймом и вербовкой. Выше, чем где-либо, в русской армии оказывался и другой моральный фактор: чувство товарищества. Поддержка товарища в бою требовалась не только формально, но и фактически, уже в первые годы петровской армии существовала сплоченность кадров.

Конная артиллерия, созданная Петром, сливалась в бою в единое, слаженно действующее целое и с пехотой, которую она охраняла и поддерживала, как это было под селом Добрым (у Черной Натопы), и с кавалерией, которой артиллерийская подготовка так облегчила действия во *втором* фазисе Полтавского боя, когда русские конники ликвидировали отброшенных к лесу шведов, бывших под командой Рооса и Шлиппенбаха. Полковая конная артиллерия, таким образом, докончила дело, начатое тяжелыми и легкими орудиями русских артиллерийских сил, встретивших в *первом* фазисе боя убийственным огнем шведскую кавалерию, бурно устремившуюся на редуты в самом начале дела. Эта полная слаженность дружных действий всех трех родов оружия сказалась очень ярко и в *третьем*, окончательном фазисе боя, т. е. в столь роковой для шведов «генеральной баталии», завершившей разгром шведской армии. Сказывалась она и раньше.

В течение всей Полтавской битвы обнаруживалось неоднократно удачное взаимодействие всех родов оружия. На рассвете, в первые часы битвы, артиллерия полевой фортификации (шести параллельных редутов и только двух перпендикулярных) жестоко потрепала шведскую кавалерию, атаковавшую эти укрепления, а русская конница довершила разгром и взятие в плен отчасти загнанных в лес, отчасти отогнанных к шведскому лагерю кавалерийских эскадронов и отрезанных от армии шести батальонов пехоты. Шведы снова атаковали редуты и понесли урон, еще больший, чем прежде. Когда в 9 часов утра началась «генеральная баталия», то здесь уже сильно ослабленный противник разом встретился с могучим натиском пехоты, которую очень оперативно поддержал артиллерийский огонь. Смятение в шведских рядах усилилось, когда кавалерийские полки начали обходить шведов с флангов, где с самого начала «генеральной баталии» Петр поставил конницу. Но пушечный огонь довершил катастрофу дрогнувшей шведской армии. «Трудно переоценить огромную роль русской артиллерии в разгроме шведов под Полтавой»,— справедливо говорит генерал-лейтенант артиллерии И. С. Прочко, особенно отмечая, что наша артиллерия находилась все время «в самых горячих местах боя и с малых дистанций поражала неприятеля» [24]. К этому необходимо прибавить, что ведь и спустя три дня после Полтавы безусловная и немедленная сдача в плен всей значительной бежавшей с поля битвы части шведской армии была обусловлена непосредственно именно тем, что возвышенности у Переволочной были заняты подошедшей артиллерией Меншикова, а полное отсутствие орудий сделало положение шведов абсолютно безнадежным и не позволило им даже и думать о новом бое [25].

Отсюда не следует, однако, что мы вправе забыть о громадном значении *конницы* во все утренние часы Полтавского сражения, кончившиеся разгромом и капитуляцией отрезанных от главной армии шведских частей,— и о том, как затем во время «генеральной баталии» главная тяжесть победоносного боя выпала на долю *пехоты*. Под Полтавой победило целесообразное, дружное, тактически совершенное *взаимодействие* всех трех родов оружия. Эта слаженность и своевременность выступлений всех частей явились одним из замечательных достижений петровской стратегии. Большой путь оказался пройденным от «детского играния» под первой Нарвой, т. е. от отсутствия воинского искусства, о чем так иронически поминал сам Петр, до высокого, заслуженного успеха русской стратегии и тактики под Полтавой...

За разгромом шведской армии под Полтавой 27 июня 1709 г. последовало быстрое бегство шведов и короля Карла XII к Днепру. Но русское преследование уничтожило все надежды шведов спастись переправой через реку, и по первому же требованию преследовавшего шведов Меншикова, настигшего их под Переволочной, вся шведская армия принуждена была сдаться на милость победителя. Карл XII и Мазепа успели бежать через Днепр за три часа до прихода Меншикова к Переволочной. И материальная часть разгромленной под Полтавой шведской армии и полный упадок духа как солдат, так и командного состава были таковы, что генерал Левенгаупт, которому король, убегая, передал верховное командование, человек очень храбрый и опытный, счел всякое сопротивление совершенно немыслимым. По окончательному, позднейшему подсчету, сдавшихся под Переволочной шведских пленников оказалось больше: не 14 030 человек, а 16 264. Эту цифру находим в письме Петра царевичу Алексею от 8 июля 1709 г. [26]. Когда постепенно впоследствии выловлены были шведы, разбежавшиеся по лесам и полям еще до сдачи всей армии, то общий подсчет пленников дал цифру около 18 тыс. человек.

7

Что Полтава непоправимо разрушила шведское великодержавие, этот вывод некоторые иностранцы, отдававшие себе отчет в случившемся, сделали буквально на другой день после катастрофы Карла XII: не только Украина, но вся Европа оказалась избавленной от угрозы «шведской державы, которая своим честолюбием сделала себя страшной для всей Европы» [27],— читаем во французской реляции иностранца, участника боя.

Если в двух словах, ограничиваясь основным, грубым в своей беспощадности фактом, характеризовать это событие, то

должно сказать так: бежавшая с поля битвы в полном смятении половина шведской армии, почти 16 тыс. человек, примчавшаяся из Переволочной, где Ворскла впадает в Днепр, остановилась тут, и когда преследовавший беглецов Меншиков послал требование немедленной, безусловной сдачи, то все они, не пробуя вступить в бой, сдались, хотя у Меншикова было в отряде всего 9 тыс. человек, т. е. лишь немного больше половины стоявшей перед ним шведской армии. Если принять во внимание, что в Полтавском сражении шведов было убито около 9300 человек[28], а взято в плен под Полтавой 2864, то неопровержимые цифры, относительно которых в общем шведские показания на этот раз не расходятся с русскими, говорят нам недвусмысленно, что больше половины шведской армии было ликвидировано не 27 июня под Полтавой, а 30 июня (1 июля по шведскому календарю) 1709 г. под Переволочной. Под Полтавой шведы сражались очень храбро, и русские, хоть и одержали победу «с легким трудом и малой кровию против гордого неприятеля», по выражению петровского «Журнала», но все-таки потеряли 4635 человек убитыми и ранеными. А под Переволочной уцелевшая от полтавского разгрома и все еще крупная шведская армия сдалась без боя и без всяких условий неприятелю, который был гораздо малочисленней, и уж этот огромный, окончательный успех не стоил русским ни одного человека.

С точки зрения политических последствий, с точки зрения воинской чести эта капитуляция под Переволочной была для шведов фактом несравненно еще более страшным, чем полтавский разгром. Немудрено, что не только шведские, но отчасти и немецкие, и английские, и французские историки с давних пор либо старались наскоро обойти это событие, так как не были расположены признавать во всей полноте успех русских над вооруженными силами лучшей из тогдашних европейских армий, либо пытались подыскивать смягчающие и оправдывающие шведов обстоятельства. Нельзя сказать, чтобы эти попытки отличались особенной убедительностью.

Начать с того, что эти старания направлены прежде всего к спасению воинской репутации Карла XII, успевшего бежать с Мазепой и с немногими спутниками-шведами из ближайшего окружения и несколькими сотнями казаков-мазепинцев за Днепр, причем Меншиков опоздал всего на три часа и только поэтому не взял короля в плен. Один из последних шведских историков, посвятивших целую книгу возвеличению Карла XII, Артур Стилле, дал сводку этой аргументации, крайне плохо «объясняющей» поведение короля, его генералов и его армии под Переволочной[29]. По позднейшим шведским показаниям, дело рисуется так. Еще в первые часы бегства, когда Карла XII везли в карете его главного министра графа Пипера (сам Пипер

сдался в плен в конце битвы), к нему подъехал Гилленкрок (его фамилию часто произносят: Юлленкрук) и спросил: куда направиться? Карл ответил, что надо снестись с генералом Функом, который был в местечке Беликах, а потом уж можно будет решить, куда бежать дальше.

28 июня добежали до Кобеляк. Но тут сломалась карета, и Карла вынесли из нее и посадили на лошадь, которая вскоре в пути пала от утомления. Рана Карла снова открылась, да и перевязана была плохо, после того как король выпал на землю из разбитых русским ядром носилок. Его пересадили на другую лошадь, задерживаться было совершенно невозможно. Беглецы уже знали точно о начавшемся со стороны русских преследовании. В ночь на 29 июня Карл остановился в Новых Сенжарах. Он не мог ехать дальше, рана открылась от быстрой езды и тряски. Но ему не удалось отдохнуть: его скоро разбудили известием, что приближается русская погоня. «Делайте, что хотите!» — ответил Карл. Он молчал и, когда его пересадили на лошадь (ехать в экипаже уже было опасно, русские настигали), помчался вместе с совершенно расстроенными остатками армии, бежавшими в полном беспорядке.

Примчались под Переволочную. Куда дальше? Времени оставались лишь часы, а еще не было решено: переправляться ли через Ворсклу, которая тут впадает в Днепр, или через Днепр? Карл XII не мог решить, кто из его окружения прав: те ли, кто советует переправиться через Ворсклу, или через Днепр? Первое казалось легче, и потому что Ворскла — более мелкая и узкая. За Ворсклой начинались татарские владения, за Днепром — турецкие. И от татар и от турок можно было ждать гостеприимства. Хотя, конечно, и те и другие не ожидали появления Карла в таком виде... Пока происходили эти колебания, в Переволочную подтянулась утром 30 июня вся бежавшая от Полтавы армия, и генерал Крейц, на этом переходе ею командовавший, осмотрел берег и заявил, что для переправы через Днепр нет никаких средств, и хотел повести войско к Ворскле. Но тут сказалось, как пала дисциплина в шведской армии: солдаты воспротивились настолько, что Крейц решил отложить дело переправы через Ворсклу на другой день. Но уже не было для шведской армии этого другого дня...

Поступили новые тревожнейшие известия: русские войска сейчас будут у Переволочной. Карлу перевязывали рану, когда к нему подошли генералы во главе со старшим из них Левенгауптом. Они заявили королю, что нужно немедленно ему лично спасаться переправой через Днепр. Король раздражался и отказывался. Но выхода другого не усматривалось. На вопрос, поставленный Крейцу, возможно ли дать русским бой тут же, на берегу, генерал ответил, что он не знает, кого приведут рус-

ские: если только конницу, то попытка сопротивления возможна, если же придет и пехота, тогда «нельзя сказать, что случится».

До той поры Карл XII никогда не бежал от опасности, всегда считал это величайшим позором, презрительно издевался над побежденным и спасающимся врагом. Окружающие понимали очень хорошо, что происходило с ним в ту минуту.

Карл решил уйти за Днепр. Впоследствии, через три с половиной года после Полтавы, силясь избавиться от постыдного воспоминания, мучившего его, он писал своей сестре Ульрике Элеоноре, регентше Швеции, что, покидая погубленную им окончательно армию, был убежден, что его солдаты будут как-нибудь переправлены через Ворсклу и что он с ними встретится в Очакове, куда он сам бежал. Все это неясно. Почему он не переправился через Ворсклу и сам, а предпочел путь через Днепр? Если через Ворсклу почему-либо было легче уйти целой армии, то подавно легче было бы и ему с его маленькой свитой. Очевидность говорит о том, что королю предстояло либо немедленно, через несколько часов, попасть в плен к русским («лучше ехать к туркам, чем попасть в русский плен»,— сказал он), либо дать бой спешащему к Переволочной русскому отряду. Но, потеряв всю артиллерию и все боезапасы, имея изнуренных тяжким боем и трехдневным почти безостановочным бегством людей, думая, что на него движется вся победоносная русская армия, Карл, к тому же измученный своей незаживавшей раной, просто не решился идти сам и вести за собой уцелевшую от Полтавы часть своего войска на медленную полную гибель под русскими штыками и пулями. Может быть, он обманывает самого себя, когда пишет в декабре 1712 г. своей сестре, что так как он из-за своей раны не мог быть уже в тот момент, 30 июня 1709 г., полезен своей армии, то поэтому сдал верховное командование другому.

Кто же был этот другой? Генерал Левенгаупт — старший чином из всех бывших у Переволочной генералов — был старым и опытным воином, за которым числилось в его боевой карьере много успехов.

Генералы и офицеры стояли вокруг короля, убеждая его, что единственное его спасение в бегстве. Но Карл по-прежнему не был даже полтавским разгромом поколеблен в том особом предпочтении и покровительстве, которые единоспасающий истинный бог, бог Лютера и капеллана Нордберга, непременно окажет в конце концов ему, «помазаннику господню, королю шведов, готов и вандалов, божьей милостью». «Если бы враг вознамерился нас атаковать, то мои войска, видя меня первого на коне, не будут больше думать о происшедшем несчастье. Они ринутся в бой с той же храбростью, которую они постоянно

высказывали во всех случаях, когда я был во главе их. Они одержат победу. Сколько примеров приводит нам история, когда армии, только что разбитые и покинувшие поле битвы, одерживали немного дней спустя блестящие победы над торжествовавшим врагом? Мы надеемся на все от провидения!» [30]

Слушавшие глядели на оратора, лежавшего на носилках, и, твердо зная, что, во-первых, и на коня он не сядет, а во-вторых, если бы и сел, то войска за ним ни за что не пойдут, принялись опять убеждать его в полной невозможности всего того, о чем он говорит.

Дальше предоставляем слово Левенгаупту, который рассказал Петру о последних часах Карла перед бегством за Днепр.

Когда 1 июля Петр прибыл в Переволочную и Меншиков ему тут рапортовал, что в плен он взял 16 295 шведов, то Петр приказал привести взятых в плен при Переволочной генералов во главе с Левенгауптом. Царь спрашивал Левенгаупта о здоровье короля и его ране. Левенгаупт объявил, что рана весьма трудна. Затем на вопросы о короле Левенгаупт объявил: «...когда отошедшая армия с полтавской баталии вся собралась к Днепру, то государь его король оную армию вручил ему, Левенгаупту». А на слова Левенгаупта, что провианта имеется «с нуждой» на три дня и что прикажет король делать, если подойдут русские «в великой силе»,— Карл ответил: «что военным советом утвердите, то и исполните». Король прибавил, что при разлучении с армией чувствует, «как бы и душа его с телом разлучалась, но то ему велит неволя делать». Характерно для Карла его заявление при этом, что «едет он к султану турецкому требовать от него помощного войска, через которое бы мог похищенное возвратить и неприятелю воздать равномерно». Уже идя к лодке, король сказал: «более медлить здесь не могу», а затем прибавил, обращаясь к отсутствующим: «Простите, друзья мои, верные и истинные, граф Пипер и Реншильд! Когда б я вашего совета слушал, воистину не был неблагополучен». Он поцеловал Левенгаупта и генералов, а уж садясь в лодку, опять сказал, как мы знаем и по другим показаниям, что лучше бы ему Днепр стал гробом, чем разлучаться с ними, и что он чувствует, будто его душа покидает его.

Подведена была к берегу большая лодка, куда вошли гребцы — несколько шведских драгун. К лодке привязали другую, на которую поставили повозку короля.

Карл XII с несколькими провожатыми отплыл на правый берег Днепра, покидая навсегда русскую землю, которую он предполагал завоевать. Высадившись на правом берегу, Карл, сопровождаемый несколькими верховыми, пересел в повозку и трясся в своей повозке по выжженной жгучим июльским солнцем беспредельной, безводной, безлюдной степи, оглядываясь

ежеминутно, не гонятся ли за ним русские. Рана от тряски опять раскрылась. Король не обменялся ни с кем ни единым словом. Он был всегда молчалив: и в долгие годы блестящих побед и непрерывных завоеваний, и в начинавшиеся теперь для него времена унижения, бессилия и стыда.

Не все, желавшие бежать за Днепр, достигли другого берега. Король лично переправился благополучно, но несколько сот казаков и шведов, многие из бросившихся вплавь, так как никаких перевозочных средств не было, на глазах короля потонули в реке. Спасшиеся гурьбой следовали двумя колоннами, одна за Карлом, другая — за Мазепой. Тотчас после переправы, отойдя в глубь степи, обе колонны соединились и быстро удалились от страшного для них Днепра, откуда можно было ожидать немедленной погони. Когда Меншиков спустя три часа подошел к Переволочной — вся толпа беглецов с королем во главе уже бесследно исчезла в необозримой степной пустыне, и глядевшие с левого берега русские не увидели ничего до самого горизонта.

Никто не знает истинных переживаний Карла, покинувшего своих солдат, но зато всем известно, что он был опытный и талантливый полководец, и именно поэтому трудно допустить, что он не кривил душой, когда впоследствии стал злобно и вопиюще несправедливо обвинять не себя, а Левенгаупта в гибельном конце оставшейся на левом берегу Днепра шведской армии, брошенной им самим на явную и близкую гибель.

Но что мог сделать Левенгаупт при всем желании спасти армию? И некоторые современники и затем многие шведские историки укоряют его в том, что он упустил время и не повел войско к берегу Ворсклы, где можно было (будто бы) организовать переправу.

Все это было абсолютно невозможно. Шведская армия уже разваливалась, так как в ней исчезла дисциплина еще до того грозного момента, когда на возвышенностях над шведским расположением явился головной отряд Меншикова.

Солдаты одного из лучших шведских драгунских полков первые отказались повиноваться еще тогда, когда Левенгаупт собирался отвести их к берегу Ворсклы. Началось дезертирство, солдаты некоторых частей либо разбегались во все стороны и прятались, либо даже перебегали в лагерь Меншикова, когда он остановился. Деморализация в таких размерах охватила не все войско, были исключения, офицеры, готовые сражаться,— но, конечно, с момента подхода русских все пропало безнадежно. Наступило утро 1 июля 1709 г.

К шведскому аванпосту приблизился русский парламентер в сопровождении барабанщика. Меншиков требовал немедленной и безусловной сдачи всей шведской армии, грозя в случае

отказа напасть на нее и беспощадно истребить. Посланный парламентер ждал немедленного ответа.

Левенгаупт сейчас же приказал всем командирам полков собраться и предложил ответить на вопрос: могут ли они рассчитывать на своих солдат? Откажутся ли их солдаты выполнить боевой приказ или не откажутся? Ответ он получил самый недвусмысленный: люди сражаться едва ли будут. А некоторые командиры даже вполне уверенно ручались, что солдаты не будут слушаться приказа. Обнаружилось, что они уже и сейчас не слушаются: они отказались накануне (30 июня) исполнить приказ запастись, где им было указано, патронами.

Стилле и другие историки, во имя спасения чести короля слагающие всю вину на Левенгаупта, приводят примеры героических ответов некоторых офицеров и т. д. Но эти героические ответы охотно давались впоследствии в дневниках, письмах, воспоминаниях, а Левенгаупт их 1 июля что-то не слыхал.

Итак, альтернатива была одна: или выполнить категорическое требование Меншикова, или быть истребленным при совсем безнадежной попытке начать сопротивление. Левенгаупт еще пробовал чуть-чуть замедлить и отсрочить неизбежное.

Меншиков требовал «сдачи без кровопролития, объявляя ему в рассуждение, что все убежище и спасение у них уже пресечено и чтоб сдались без супротивления, в противном же тому случае не ожидали б никакой милости и все конечно будут побиты. Потом от Левенгоупта присланы были к князю Меншикову генерал-майор Крейц, полковник Дукер, подполковник Граутфетер и генерал-адъютант Дуклас для трактования о здаче, что вскоре и учинено, и со обеих сторон договор подписан, по которому неприятель, в которых было 14 030 человек вооруженных, большая часть ковалерии, ружье свое яко воинские пленники положа, отдались в плен.., и того же дня ружье свое купно со всею артиллериею и с принадлежащею к тому воинскою казною и канцеляриею и 3 знамены и штандарты и с литавры и барабаны отдали посланному нашему генерал-порутчику Боуру. И тако божиею помощию вся швецкая толь в свете славная и храбрая армия (которая немалой страх в Европе чинила, а паче бытием в Саксонии) кроме малого числа ушедших с королем от войск российских побито, а достальные взяты в плен» [31].

Левенгаупт предложил офицерам отправиться в свои части и спросить солдат, будут ли они сражаться? Но, во-первых, солдаты даже и собирались очень плохо, чтобы выслушать этот вопрос главнокомандующего, а во-вторых, если давали ответ, то крайне уклончивый и оговаривались, что «если русских не очень много», то будут сражаться, и делали подобные же оговорки. «Положительные» ответы были редки и значение их со-

мнительно. Левенгаупт признал, что армия предпочитает капитулировать: «на почетных условиях». Этот ответ и был передан князю Меншикову. Никаких «почетных условий» Меншиков не дал, и Левенгаупт немедленно сдал всю еще оставшуюся после Полтавы шведскую армию. Шведские исследователи приводят как общую цифру пленных на Переволочной на основании шведских архивных данных 15 729 человек, Петр в своем «Журнале» дает цифру 15 921 человек, которая представляется даже некоторым шведским исследователям более точной. Позднейшие русские свидетельства доводят эту цифру до 16 264 человек.

8

Всю безнадежность своего положения шведы увидели, уже будучи в плену, когда 6 июля царь произвел перед их глазами общий смотр своей армии, причем в смотру участвовало и громадное нерегулярное воинство: «Пленные, видев армию царского величества вчетверо большую, нежели каковую видели во время баталии, о великости ее удивлялись». Регулярных войск оказалось 83 500 человек, а нерегулярных 91 тыс., да еще отдельно подсчитано было 2 тыс. «артиллерийских служителей». В общем у русского командования под рукой спустя некоторое время после Полтавской победы оказалось, по подсчетам современника, ведшего дневник военных действий, 176 500 человек [32].

Ни у одной из великих европейских держав не было в тот момент, во второй половине лета 1709 г., таких громадных, вполне готовых к бою, вооруженных сил.

На этот смотр было выведено 19 171 человек пленных шведов.

По своим последствиям, убийственным для Швеции, эта беспримерная сдача всей еще уцелевшей после полтавского побоища шведской армии под Переволочной 30 июня (1 июля) была еще страшнее и, главное, несравненно позорнее, чем даже Полтава. Торжествующий Петр сообщил Москве эту новую радость через коменданта города князя Гагарина: москвичи узнали, что овеянная славой долгих побед лучшая армия Западной Европы окончательно прекратила свое существование и сдалась «яко воінские полоненики, положа ружье, со фсеми людми и алтилериею (sic — *Е. Т.*)... без бою здались... *Итако вся армея* (sic — *Е. Т.*) неприятелская вам через помощ божию в руки досталась, которою в свете неслыханною викториею вам поздравляем» [33].

Из имеющихся несколько разноречивых цифровых показаний о шведских потерях убитыми под Полтавой следует признать наиболее достоверной цифру в 8½ тыс. человек с лишком.

По «известию от посыланных для погребения мертвых по баталии», погребено «шведских мертвых тел 8619 человек, кроме тех, которые в погоне по лесам в разных местах побиты». При бегстве весь обоз («3000 возов») был брошен шведами и попал в руки русских.

По окончательному позднейшему подсчету, шведская армия, сдавшаяся (во главе с Левенгауптом) Меншикову под Переволочной 30 июня 1709 г., была равна 16 264 человекам [34].

По позднейшим подсчетам Петра в его «рапорте» Федору Юрьевичу Ромадановскому в конце декабря 1709 г. в Москву было доставлено к триумфальному въезду царя в древнюю столицу 22 085 пленных шведов. Так как, по русским же подсчетам, Меншикову у Переволочной 30 июня сдалось около 16 тыс. человек, то выходит, что в сражении под Полтавой 27 июня в плен попало около 6 тыс. человек. По «рапорту» Петра ясно, что он считает тут только шведов, взятых под Полтавой и у Переволочной, а не тех, которые могли быть взяты в плен в предшествовавшее Полтавской битве время. Присчитывая к этой цифре (22 085 человек) свидетельство о погребении 8619 убитых под Полтавой шведов, а также несколько сот (около одной тысячи) бежавших за Днепр шведов и казаков-мазепинцев, мы получим около 31 700 человек, цифру, обозначающую общее количество армии Карла XII, разгромленной в Полтавском бою [35]. Остаются неподсчитанными разбежавшиеся во все стороны и перебитые крестьянами в ближайшие дни в окрестностях Полтавы.

Шведские источники настаивают, что из этих 31 с лишком тысяч человек природных шведов было всего 19 тыс. с небольшим, остальные были нерегулярные силы: волохи, поляки, казаки-мазепинцы, пришедшие еще с Мазепой 24 и 25 октября 1708 г., и больше всего запорожцы.

Вся неприятельская армия, пришедшая завоевывать русский народ, частью лежала перебитая на Полтавском поле, частью тысячами и тысячами шла в глубь России в долгий, двенадцать лет длившийся плен на работы. Весь шведский штаб, все генералы, с которыми Карл XII девять лет одерживал победы, был в русском плену. Сам король спасался где-то в степной пустыне, продолжая паническое бегство, начавшееся для него еще в 11 часов утра 27 июня 1709 г., когда его, лежавшего без чувств на земле возле разбитых в щепки русским ядром носилок, подняли и с трудом уволокли с места страшного избиения остатков его армии.

Высшие чины шведского командования рассылались сначала группами по разным городам Европейской России. Например, в Смоленск сначала были присланы Левенгаупт и Шлиппенбах и при них 13 штаб- и обер-офицеров, а затем туда же Шереметев

прислал 375 человек. Петр приказал «иметь с ними обхождение по достоинству их рангов». Ни у кого из пленников не было ничего, никаких «своих скарбов», и они получали провиант от казны [36].

9

Вольтер решительно выделяет Полтаву из «двухсот сражений», которые, по его подсчету, были даны от начала XVIII столетия до времени, когда он написал свою «Историю».

Эти сражения, говорит он, часто давались армиями в сто тысяч человек, затрачивалось много усилий для достижения малых результатов, и ни одна из этих бесчисленных войн не вознаграждала за все зло, которое она причиняла, ничтожным положительным последствием, которое она имела: «Но результатом для Полтавы было счастье обширнейшей на земле империи» [37].

Энгельс так характеризует смысл событий 1708—1709 гг.: «На севере — Швеция, сила и престиж которой пали именно вследствие того, что Карл XII сделал попытку проникнуть внутрь России; этим он погубил Швецию и показал всем неуязвимость России» [38]. И что Петр I «должен был сломить» Швецию, это для Энгельса не подлежит сомнению.

Остается добавить, что Петр может быть назван в полном смысле слова новатором в области военного искусства. Военные авторитеты Западной Европы вынуждены были признать, что великая Полтавская победа явилась совершенно новым, оригинальным и громадным русским вкладом в военное искусство. Полтавскую битву изучали и на действиях Петра учились на Западе. На этом стоит остановиться пообстоятельнее.

Известный европейский военачальник середины XVIII столетия — Мориц Саксонский, сын польского короля Августа II, написал и издал в 1756 г. замечательный для своего времени труд по теории военного искусства, который долгое время считался классическим и был настольной книгой у высших руководителей вооруженных сил Европы во второй половине XVIII в.

Мориц Саксонский прославился своими победами над турками, над австрийцами, над немецкими союзниками Австрии во время войны за австрийское наследство, в которой он по приглашению Людовика XV командовал французскими войсками и получил жезл маршала Франции.

Его авторитет и как теоретика и как практика военного искусства был в XVIII в. бесспорен. Добавим еще, что к России он, по-видимому, не питал никаких особых симпатий, так как только из-за русского противодействия не стал курляндским герцогом. Тем интереснее для истории то, что он говорит о Полтаве и о русском военном искусстве в своей книге [39].

В этом большом фолианте Мориц Саксонский посвящает особую главу (девятую) анализу Полтавской битвы, причем интересны и его рассуждения и некоторые фактические уточнения. Эта глава носит характерное название: «О редутах и об их превосходном значении при боевых построениях». Автор, несмотря на все свои ошибки, в общем довольно правдивый в своих фактических, хоть и очень неполных, повествованиях, прежде всего напоминает о долговременном периоде шведских побед над русскими и о том высокомерии, с которым шведы относились к русским военным силам: «Шведы никогда не осведомлялись о числе русских, но только о месте, где они находятся». Но «царь Петр, величайший человек своего столетия, боролся против военных неудач с терпением, равным величию его гения, и не переставал давать битвы, чтобы приучить к войне свои войска» [40]. Мориц в молодые годы лично встречался и разговаривал с Петром о Северной войне.

Переходя к осаде Полтавы, Мориц Саксонский говорит о военном совещании в царской ставке, о котором он, сын Августа II, мог по своему положению узнать и от своего отца и от других кое-что, передававшееся устно при русском, прусском, саксонском, австрийском дворах, где у знаменитого полководца были большие родственные и деловые связи. Вот что он рассказывает о Полтаве: «Царь собрал военный совет, на котором долго не сходились мнения. Одни хотели осадить (войско — *Е. Т.*) шведского короля московитской армией и создать большой ретраншемент, чтобы принудить его к сдаче. Другие генералы хотели сжечь все на пространстве ста лье в окружности, чтобы довести до голода шведского короля и его армию». Тут автор вставляет в скобках: «Этот совет был не из самых плохих, и царь склонялся к этому мнению». Наконец, другие члены совещания «заявили, что всегда будет еще время пустить в ход это средство, но что раньше нужно еще отважиться дать сражение, ибо есть риск, что Полтава и ее гарнизон будут забраны упорным шведским королем, который там найдет большие запасы и все, что нужно, чтобы пройти через пустыню, которую хотят создать вокруг него. На этом мнении и остановились. Тогда царь взял слово и сказал: «Так как мы решаем сразиться с шведским королем, то следует согласиться насчет наилучшего способа сделать это. Шведы очень стремительны, хорошо дисциплинированы, хорошо обучены и ловки; наши войска достаточно тверды, но у них нет этих преимуществ; поэтому следует постараться сделать ненужными для шведов эти их преимущества. Они часто форсировали наши укрепления, в открытом поле мы бывали биты искусством и ловкостью, с которыми они маневрируют. Следовательно, должно разбить этот маневр и сделать его бесполезным. Поэтому я держусь того мнения, что

нужно приблизиться к шведскому королю, воздвигнуть на фронте нашей пехоты несколько редутов с глубокими рвами, обнести их насыпями и палисадами и снабдить их пехотой. Это требует лишь нескольких часов работы, и мы будем ожидать неприятеля за этими редутами. Нужно, чтобы он разбил линию своего фронта, чтобы атаковать редуты, он там потеряет людей и будет ослаблен и приведен в расстройство (к тому моменту — *Е. Т.*), когда он нападает на нас (т. е. начнет генеральный бой — *Е. Т.*), потому что нет сомнения, что он снимет осаду, чтобы пойти на нас, когда он увидит, что мы близ него. Следует поэтому совершить марш так, чтобы к концу дня оказаться в близости к нему, чтобы он на другой день на нас напал, а ночью мы воздвигнем эти редуты». Так говорил русский государь, и весь совет одобрил эту диспозицию». Отданы были соответствующие приказы, и 26 июня к концу дня царь приблизился к шведскому королю. Случилось именно то, на что рассчитывал Петр: «Король не преминул объявить своим генералам, что он хочет атаковать на другой день армию московитов», и уже к концу ночи началось движение шведов.

Продолжая свой рассказ, Мориц Саксонский пишет: «Царь устроил семь (*их было десять — Е. Т.*) редутов на фронте своей пехоты. Они были выстроены старательно, в каждом было посажено по два батальона, а позади стояла вся русская пехота с кавалерией на флангах. Следовательно, было невозможно идти на эту пехоту, не взяв этих редутов, и нельзя было ни оставить их за собой, ни пройти в промежутки между ними, не рискуя пострадать от огня. Шведский король и его генералы, которые ничего не знали об этой диспозиции, увидели в чем дело, только когда это было у них под самым носом. Но, так как машина уже была пущена в ход, было невозможно ее остановить и отказаться от начатого». Мориц отмечает первоначальный успех шведской конницы, но тут же прибавляет, что и эта кавалерия слишком далеко зарвалась, а пехота была остановлена редутами. Шведы напали на них и испытали большое сопротивление. Русское высшее военное искусство тут принесло большие плоды. «Нет военного человека,— пишет Мориц Саксонский,— который не знал бы, что для взятия хорошего редута необходима целая диспозиция, что в дело пускается несколько батальонов, чтобы напасть на редут разом с нескольких сторон, и что очень часто при этом разбивают свой нос». Правда, «шведы взяли три редута (*он ошибся: два, а не три — Е. Т.*), не без больших потерь, но были отброшены от остальных после большой резни». Неизбежным результатом этого было то, что «вся шведская пехота была расстроена при нападении на эти редуты, в то время как пехота московитов в правильном строю вполне спокойно наблюдала это зрелище в двухстах шагах расстояния».

Отступив к главным своим силам, эти потрепанные при русских редутах части не только не успели сами оправиться и прийти в порядок, но внесли смятение в ряды своих товарищей, до сих пор стоявших в полном порядке. Шведам необходимо было время, чтобы восстановить полный порядок в рядах, но именно этого-то им и не дали русские. Русская пехота, стоявшая позади редутов, спокойно, в полном порядке прошла в промежутки между редутами, никем не тревожимая, после того как враг в смятении был уже отброшен, и выстроилась правильным строем лицом к лицу со шведской армией, еще не вполне восстановившей порядок у себя: «Порядок, эта душа сражений, уже не был налицо у шведов»,— и их сопротивление было сломлено быстро в «генеральной баталии», о которой автор лишь упоминает.

Мориц Саксонский, как видим, слишком лаконичен и неосведомлен о решающей стадии боя, не задается целью дать систематическое описание Полтавской битвы, он слишком узко и односторонне отмечает лишь то, что по его суждению, больше, чем все другое, дало русским победу: блестящую удачу петровского плана редутов. Ведь даже вся эта глава его теоретического трактата называется: «О редутах и об их превосходном значении при боевых построениях». Поэтому он ничего не говорит о гибели части шведской кавалерии, загнанной в лес, о взятии в плен другой части, пытавшейся спастись у своего ретраншемента, наконец, о двухчасовой «генеральной баталии», решившей участь шведов.

Все эти односторонние и совсем неосновательные увлечения и грубые ошибки не мешают Морицу Саксонскому, военному теоретику Западной Европы XVIII в., сделать общий вывод о великой русской победе и о славном будущем русского народа. «Вот как возможно умелыми диспозициями обеспечить за собой боевую удачу. Если эта диспозиция дала победу московитам, которые еще не были приучены к войне (aguerris) в продолжение периода своих неудач, то на какие же дальнейшие успехи можно надеяться у нации, хорошо дисциплинированной и у которой есть наступательный дух?» [41] Мориц Саксонский не забывает отметить и предусмотрительность русского командования, которое, выводя пехоту для решающего боя, все-таки оставило часть своего войска в редутах, «чтобы облегчить отступление в случае необходимости». В этом — прямой упрек шведскому королю и его генералам, ровно ничего не предусмотревшим, идя в бой, и сделавшим поэтому свое поражение уничтожающей, неслыханной катастрофой.

Французский военный теоретик и историк Роканкур тоже считал Петра I новатором в области тактики и в области фортификации. Вот что он говорит о Полтавской битве: «С этого

сражения... начинается новая комбинация тактики и фортификации, заставляющая сделать важный шаг вперед как ту, так и другую. Петр I отверг тот рутинный способ, который с давних пор обрекал армии на неподвижность за непрерывными линиями (он — *Е. Т.*) прикрыл фронт...» Приведя эти слова, русский военный специалист В. Шперк совершенно правильно прибавляет: «Таким образом, Полтавская битва в фортификации в смысле системы укрепления местности, в смысле новых форм фортификации явилась переломным моментом» [42].

Мы остановились обстоятельно на анализе Морица Саксонского, категорически признающего новаторскую роль петровской стратегии, именно потому, что немецкие, английские и (в меньшей степени) французские историки совершенно игнорируют, замалчивают или умышленно извращают факты, прямо говорящие о творчестве русской стратегической мысли. И даже с почтением говоря о труде Морица Саксонского, они старательно обходят молчанием именно главу, посвященную Полтаве.

10

Если что-нибудь могло еще значительно усилить в Европе потрясающее известие о полной гибели шведской армии и о бегстве короля Карла куда глаза глядят с кровавого поля битвы — это позднейшие сведения о скромных размерах русских потерь и в особенности оказавшееся безусловно правдивым русское официальное свидетельство, что в бой была введена даже не половина, а одна треть русской армии, остальные же находились в резерве и полной боевой готовности. Для боя в первой линии у каждого полка взяли только по одному (первому) батальону ,батальоны второй линии не все участвовали в бою, единственное исключение составлял Новгородский полк, у которого бились в самой гуще битвы в ее разгаре два батальона: первый, наиболее тяжко пострадавший в бою, и второй, который был поведен в штыковую атаку лично самим Петром и успех которого сыграл такую громадную роль. Таким образом, неслыханная, сокрушительная победа, уничтожившая шведов, была достигнута малым числом русских, фактически участвовавших в бою, над всей шведской армией, выведенной на поле Реншильдом. Уже это изумляло иностранных наблюдателей политических событий. И это мучительное для самолюбия и воинской репутации шведской армии исчисление сил очень убедительно подкреплялось почти одновременно распространившимися известиями о сдаче всей бежавшей от Полтавы шведской армии под Переволочной девятитысячному отряду Меншикова, т. е. войску, почти вдвое меньшему, чем сдавшаяся ему без боя вместе со своим главнокомандующим армия Левенгаупта. Не

узнавали в Европе ни в самом деле превосходную, первоклассную армию шведов, ни ее прославленного во всем свете победоносного полководца. Увеличилась и сила русских воинов, т. е. тех, кого ни за что не хотели ни понимать, ни признавать, но о которых составляли себе очень долго определенное, весьма в общем невысокое мнение со слов шведов и поляков враждебной России партии.

Конечно, о самом Петре уже до Полтавы во многих странах Европы успели изменить то презрительное мнение, которое после первой Нарвы усиленно распространяли Карл XII и его генералы, офицеры и даже шведские солдаты и которого сам король продолжал держаться вплоть до Полтавы. Но о великом незнакомце, русском народе, только после Полтавы стали думать, тоже в большинстве случаев враждебно, как и прежде, однако уже с оттенком страха, а не презрения. Не только в России пропаганда противников петровских реформ утратила значительную долю своей прежней силы, но и в Европе начали обнаруживать живейший интерес к петровским новшествам и всей его внутренней деятельности те, для кого до той поры Петр был все еще непонятен. Чудовищный, непоправимый разгром шведских вооруженных сил заставил многих во Франции, в той же Англии пересмотреть и перерешить утвердившееся у многих шаблонное воззрение на Петра, как на самодура и чудака, любящего лазить по мачтам, рубить дрова, ковать железные штанги, токарничать, смолить корабли, за панибрата пить водку и курить трубку в гостях у шкиперов и на свое горе ввязавшегося в борьбу с северным «Александром Македонским», в такую борьбу, в которой он непременно сломает себе шею. И шея вдруг в самом деле оказалась сломанной, но не у «чудака плотника и кузнеца», а именно у шведского «Александра Македонского». И вдруг побежденными оказались не «косолапые русские мужики», не умеющие воевать, а викинги «северные рыцари Остроготии». И как побежденными! Тогдашняя Европа жила в атмосфере военных браней, дышала пороховым дымом. Но ни одна из побед иностранных полководцев даже и отдаленно не походила на кровавую Полтаву, на позорную для шведов Переволочную. Даже первая Нарва, глаголемая как «полная» победа Карла XII, не шла ни в какое сравнение с русской победой под Полтавой.

После Нарвы от гибели и от плена спаслось 22 967 человек, считая только спасшихся и пришедших в Новгород солдат дивизий Автонома Головина, генерала Вейде и князя Трубецкого, и не считая «нерегулярной конницы», которая, по утверждению «Журнала» Петра, спаслась почти вся. Все эти силы вошли в состав новой армии, которую немедленно стал тоже готовить и вооружать Петр. И сколько из этих «нарвских беглецов» били по-

том своих победителей под той же Нарвой в 1704 г., под Эрестфером, под Петербургом, под Калишем, под Лесной, под Полтавой! И как били! Под Нарвой дрался в 1700 г. русский отряд, которому поручено было только овладеть крепостью на самой далекой границе шведского королевства, а вовсе не брать Стокгольм и низвергать с престола Карла XII. А под Полтавой и Переволочной погибла без остатка вся шведская армия, которая шла с громко и многократно провозглашенной целью завоевать Россию и низложить Петра I. Да и, наконец, молодая, необученная, плохо вооруженная, наскоро согнанная из своих деревень и еще не вполне успевшая переменить сермягу на мундир толпа русских крестьян под Нарвой в 1700 г. все-таки сопротивлялась, хоть и неумело и беспорядочно, в течение нескольких часов, и битва, начавшаяся в 10—11 час. утра, окончилась лишь в темноте, тогда как под Полтавой разбитые шведы после двухчасовой «генеральной баталии» бросились бежать без оглядки, в полной панике. Русские после нарвского урока оправились и показали свою мощь. Шведы после Полтавы утратили навсегда престиж и положение первоклассной сухопутной военной державы, и Карл XII утратил также решимость вновь лично встретиться с русскими на суше, хотя сухопутные битвы продолжались в Финляндии. Эта старая слава Густава Адольфа, Карла XI и самого Карла XII исчезла, рассеялась, как дым. Она стала после Полтавы исторической реликвией шведского народа, но уже никогда не могла обладать прежней моральной силой.

Приветствуя Петра 10 июля (1709 г.) в киевском Софийском соборе, Феофан Прокопович подчеркнул все значение победы над сильным и храбрым врагом, над свирепым и лютым «свейским львом»: «Величие и славу победы не иным мерилом мерим, токмо силою и храбростью побежденного от тебя супостата, свирепством и лютостью истинного льва свейского, ногою твоею попранного... Супостат воистину таковой от каковаго непобежденному токмо быти, великая была бы слава: что же таковаго победиши тако преславно и тако совершенно? Между иными бо народы немецкими он яко сильнейший воин славится и доселе прочим всем бяше страшен. Таковое же о себе в народах ощущая мнение, безмерно кичится и гордится и народы презирати навычен». Речь Феофана отмечает настойчиво, что и «иные народы», и сам Карл вплоть до Полтавы считался непобедимым: «Единого себя помышляя быти непобедима и неуязвитися немогуща», потому что считал себя «как бы от твердого металла составлена».

Как всегда отлично осведомленный английский посол Витворт просто не может опомниться от непрерывно приходящих в Москву подробностей и новых и новых известий о происшедшем изумительном событии.

По сведениям Витворта, в бою участвовали тридцать четыре шведских полка. Это были «старые полки» (old regiments), подчеркивает посол, т. е. отборная, лучшая часть шведской армии. Числилось в армии, уже потерявшей массу людей в тяжком походе, все же 24 тыс. комбатантов (эта цифра неправильна: Реншильд говорит о 30 тыс.), принимавших участие в бою 27 июня. Из них пало в бою 8 тыс. человек, а остальные 16 тыс. бежали с поля битвы в Переволочную [43]. Уже и это было неожиданным, потому что очень походило на панику, совсем до тех пор несвойственную шведской армии, которая долгие годы победоносно разгуливала по Северной и Центральной Европе, громя врагов.

Но еще больше теряется огорченный англичанин, когда говорит о том, что случилось под Переволочной: «...вопреки всем ожиданиям у неприятеля (т. е. шведов — *Е. Т.*) была еще армия, около 15 тыс. человек, отборные части, больше всего — кавалеристы... они сдались в плен и в тот же день сдали все свое оружие, артиллерию, амуницию, полевую казну, канцелярию, литавры, знамена, флаги, барабаны — генерал-лейтенанту Боуру... За немногими беглецами послано преследование, которое уже настигло их и перебило на месте двести человек, а сотню взяло в плен. Таким-то образом вся вражеская армия, столь прославленная молвой на весь свет, стала добычей его царского величества, ничто от нее не спаслось, кроме одной тысячи приблизительно кавалеристов, которые бежали вместе с королем. Может быть, в истории не было еще примера такой многочисленной регулярной армии, покорно подчинившейся подобной участи» [44]. Витворту прямо как будто стыдно за подобную участь шведской армии, за такой обидный, злой конец ее долгой и блестящей исторической карьеры. Но, конечно, он явно удручен и раздражен победой России, которую он ненавидел как соперницу Англии и за которой он так долго и усердно шпионил. Все дополнительные сведения о капитуляции у Переволочной еще более усугубляли потрясающее впечатление: не 15 тысяч шведов сдалось в плен, а 16 285, и все они из старых, испытанных в боях, превосходных полков. И одержана русскими небывалая эта победа с сравнительно малой потерей: 4636 человек убитыми и ранеными!

Перед нами лежит очень по-своему любопытная немецкая брошюра, изданная в 1710 г. под непосредственным впечатлением, произведенным в Европе триумфальным вступлением в Москву победоносных русских войск с шведскими пленниками — генералами (21 декабря 1709 г.).

Анонимный автор, явно расположенный к шведам и почтительно относящийся к Карлу XII, очень реально судит о долгих русских отступлениях во время походов 1708 и 1709 гг.;

очевидно, Полтава сильно способствовала прояснению мысли европейских стратегов, следивших за событиями.

«Московиты все отступали и очищали для шведов квартиры, и хотя это обстоятельство толковалось всеми по-шведски настроенными (von allen Sthwedisch-gesinnten) как в высшей степени желательный успех шведского оружия,— но если бы ясно рассмотреть, то уже вскоре можно было заметить, что московское отступление является не чем иным, как заманиванием в сеть (eine Lockung ins Netz)» [45].

Много воды и крови утекло с 28 декабря 1706 г., когда на военном совете в Жолкиеве Петр предложил, а его генералы приняли план систематического отступления русской армии, «оголожения» страны, по которой движется противник, план упорного уклонения от решающего генерального боя вплоть до того момента, когда явится полная уверенность в успехе. Много презрительных насмешек во всей Европе вызывали эти два с половиной года (с перерывами) длившиеся бесконечные русские отступления 1707—1709 гг. И только в тот декабрьский день 1709 г., когда сквозь строй молчаливо стоявшей шпалерами московской народной массы проходили, глядя в землю, в полном составе пленные вожди погибшей шведской армии, в Европе, наконец, поняли жолкиевскую программу во всей полноте. Оценили ее и шведы, но уже слишком поздно.

Гипноз былых шведских побед рассеялся далеко не сразу. С большим злорадством, вполне объясняемым теми оскорблениями и притеснениями, какие испытала Саксония от шведского нашествия, отозвался неведомый публицист в одном фрейбургском журнале: «Высокомерие шведов в Саксонии не имело границ. Я часто вспоминаю о том, как при разговоре с московитами шведы, которые тогда не встречали в Польше никакого сопротивления, говорили, что мышам живется вольно, когда кошки нет дома. Стоит только шведам вернуться, московиты побегут, как под Нарвой, и запрячутся в свои мышиные норы. Но последние две кампании показали, что удача не всегда сопутствует смелости. Страница истории перевернулась, и московиты одержали над шведами ряд побед. Снятие шведами осады Полтавы и понесенное ими тягчайшее поражение будет иметь большие последствия» [46].

Уже ранней весной 1709 г. в Пруссии и в Польше шли слухи о благоприятном для России обороте дел на украинском театре военных действий. Осмелел и стал при случае обнаруживать активность литовский гетман Синявский, имевший удачное столкновение с отрядом Крассова и Лещинского. Стали приезжать иноземцы, особенно прусские офицеры, просившиеся на русскую службу. Это являлось тогда симптомом крайне показательным [47].

Что Полтава непоправимо разрушила шведское великодержавие, этот вывод некоторые иностранцы, отдававшие себе отчет в случившемся, сделали буквально на другой день после катастрофы Карла XII. « Не только Украина, но вся Европа оказалась избавленной от угрозы шведской державы, которая своим честолюбием сделала себя страшной для всей Европы»,— читаем во французской реляции иностранца — участника боя [48].

Тотчас по получении сведений о Переволочной в Гаагу к русскому уполномоченному А. А. Матвееву был командирован экстренный курьер с полным, довольно подробным описанием событий. Матвеев организовал ряд пышных торжеств в Гааге по случаю великой победы. Празднества длились три дня подряд. На этих обедах и ужинах присутствовали все члены верховного правительства голландских генеральных штатов. Все эти дни русский представитель распорядился угощать народ вином и раздавать ему хлеб. Не прекращались целыми ночами роскошные фейерверки. Шведское правительство официально протестовало против сцены попирания ногой шведских знамен на аллегорических представлениях на гаагской площади [49].

Пришли в Голландию раньше, чем куда-либо, и русские, и голландские сообщения.

Проживал в Москве с 1698 по 1711 г. фон дер Хэльст, голландский резидент. 9 июля 1709 г., т. е. в первые же дни после получения в Москве известий о Полтаве, он послал амстердамскому городскому совету и бургомистрам донесение о происшедшем событии. Любопытно начало: «В минувшем мае шведский король решил захватить врасплох Полтаву, выдающийся город в стране черкасов. Он полагался при этом на те секретные связи, которыми бывший гетман Мазепа будто бы располагал в этом городе. Однако намерение короля вовремя было обнаружено генералитетом русской армии, русские успели ввести в город четыре лучших своих пехотных полка и, таким образом, удержали город в повиновении. Шведский король понимал, насколько ему все-таки важно овладеть этим городом, и поэтому он приступил к осаде. Но так как при отсутствии тяжелых орудий осада была недостаточно успешна, то ему поневоле пришлось превратить ее в блокаду. Тем временем подошла с противоположной стороны города русская армия, снабдила город провиантом и другими необходимыми предметами, а затем перешла через реку Ворсклу, протекавшую здесь, в намерении вступить со шведами в бой». Резидент, говоря вкратце о битве, отмечает, что солдаты русские были так воодушевлены, что, «сбрасывая с себя кафтаны, просили, чтобы их скорее вели в бой». Цифровые показания у Хэльста почти всюду сходятся с официальными [50].

В Голландии известие о Полтаве было принято с большим

удовлетворением: голландцы жаловались на постоянные захваты их торговых судов шведами. Вообще затянувшаяся русско-шведская война очень мешала их торговле с Россией. «Что обратилося здесь в торжественных и радостных знаках за честь преславной и от родов нашего народа неслыханной виктории, одержанной при Полтаве над шведами, с особливостми о всем подробно донесет вашему превосходительству вручитель сего...» [51],— писал 1 октября 1709 г. Матвеев Шафирову из Гааги. Голландские настроения очень интересовали русскую дипломатию: ведь Голландия была великой морской державой, как военной, так и торговой.

Постепенно доходила правда о Полтаве и до шведской столицы.

В рукописях Ленинградской публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина есть документ, который дает понятие о том, как в Стокгольме представляли себе полтавскую катастрофу. Это — письмо Лефорта (племянника друга молодости Петра I, Франца Лефорта) к своему отцу в Женеву, писанное из Стокгольма 30 октября 1709 г. Молодой Лефорт, взятый в плен задолго до нашествия Карла XII на Россию, содержался в Швеции вместе с другими 60 пленными русскими офицерами, но, очевидно, нашел способ послать письмо в Женеву с верной оказией помимо шведской почтовой цензуры. «Из всей шведской армии, которая выступила из Саксонии в числе 50 тысяч человек, еще ни один не возвратился, кроме отпущенных на слово... Пленных шведов в Москве 19 тысяч человек, как солдат, так и офицеров. Из этого числа — офицеров считают 2 тысячи человек. Победа настолько полная, что всего несколько человек спаслось вместе с королем, который принужден был искать убежища во владениях султана» [52].

Письмо Лефорта — одно из убедительных доказательств, что, несмотря на сознательную ложь и замалчивания как со стороны короля Карла, так и со стороны стокгольмских властей, достоверные сведения о том, что случилось под Полтавой и под Переволочной, все-таки в первые же месяцы после событий проникали разными путями в шведскую столицу. Проникали и русские сообщения, но шведы с этим боролись.

Ставленник Карла XII король Станислав Лещинский поспешил бежать из Польши — и на польском престоле был восстановлен сомнительный, но нужный союзник Август.

Спустя всего четыре месяца после Полтавы в Северной и Центральной Европе произошел полный переворот в области международных отношений.

В Мариенвердене в октябре 1709 г. Петр пожал первые дипломатические плоды Полтавской победы: был заключен формальный союз между Россией, Данией, польским королем и

саксонским курфюрстом Августом и Пруссией с прямой целью продолжать войну против Швеции. Одновременно Петр решил послать в Англию в качестве посла «инкогнито» Бориса Куракина.

В сущности главной целью этой командировки было успокоить явно ощущавшиеся к России ревность, зависть и опасения англичан по поводу Полтавы и быстрых успехов русского кораблестроения: «Будет станет меж аглинскими министры то отзыватца, что им царского величества сила морская, которой впредь чают, имеет быть подозрительна,— и ему (Куракину — *Е. Т.*) то трудится им выговаривать и показывать, что царское величество не намерен на Балтийском море силного воинского флоту держать, кроме того, что для своей опасности» (т. е. безопасности — *Е. Т.*).

Так гласит шестой пункт инструкции Куракину, отправлявшемуся в Англию. И не только об этом должен «трудиться» Борис Иванович,— ему поручалось (пунктом седьмым) успокоить не только британское правительство, но и купечество: «Також, буде станут англичаня сумневатца о том, что царское величество, по получении на Балтийском море портов, учинит им помешателство в их купечествах (sic — *Е. Т.*), и ему (Куракину — *Е. Т.*) потому ж в таком случае трудиться то им выговаривать» [53], и уверять, что торговля с англичанами будет продолжаться без помехи.

Петр, снаряжая посла с такой инструкцией, обнаружил большую дальновидность. Он явно предвидел, что поднимается против России такой противник, с которым придется рано или поздно выдержать очень большую борьбу.

Хотя Англия была враждебна России буквально с первого дня Северной войны, но только теперь, после Полтавы, в Англии удостоверились, как сильна Россия. После Утрехтского мира 1713 г., развязавшего руки Англии, и после Гангута, очень усилившего английскую тревогу, борьба против России окончательно стала одной из главных задач британской дипломатии.

Одним из последних впечатлений Витворта, навсегда покидавшего Россию (это уж мы знаем не из его мемуаров, а из его официального донесения), было «триумфальное проведение через Москву» всех генералов, полковников и штаб-офицеров шведской королевской гвардии, взятых под Полтавой и Переволочной. Британский посол еще успел присутствовать при этом своеобразном «параде», «триумфе», как выразился Витворт [54].

Эти двести пятьдесят шведских генералов и офицеров, медленно шествовавших под стражей по улицам древней русской столицы, которую они собирались без труда завоевать, были первыми из европейских агрессоров, которым пришлось

испытать жгучий, но заслуженный стыд под взглядами москвичей, переполнивших в этот день улицы, первыми, но не последними...

Коснемся сделанного с русской стороны описания этого события.

21 декабря 1709 г. последовал торжественный въезд победителей в Москву с пленниками и трофеями.

Первым шел Семеновский полк, а за ним «пленные генералы, высшие и нижние офицеры купно с их артиллерией, знаменами и прочим», взятые не во время всей войны, но только при Лесной и под Полтавой. Петр пожелал подчеркнуть все значение этих двух решающих побед: «матери» (Лесной) и ее «дочери» — Полтавы. Сначала шли взятые при Лесной.

Замыкала эту первую часть шествия рота Преображенского полка. За этой ротой следовала вторая категория пленных: взятые под Полтавой и Переволочной офицеры, за ними опять артиллерия, знамена, штандарты. А за знаменами — генерал-адъютанты короля Карла XII, генералы, полковники, подполковники и майоры. За генералами следовал «королевский двор с высшими и нижними чинами» и королевские носилки с постелью, на которых возили раненого короля во время боя. За носилками — вся оставшаяся в живых часть королевской гвардии, королевская канцелярия (полностью захваченная под Полтавой), а за канцелярией — вся свита Карла: генералы Гамильтон, Штакельберг, Роос, Круус, Крейц, Шлиппенбах. Отдельно шли: граф Левенгаупт, фельдмаршал граф Реншильд, первый гофмаршал и первый («вышний») министр Швеции граф Пипер. За ними ехал Петр, а за ним Преображенский полк во главе с князем А. Д. Меншиковым и князем Долгоруковым. Шествие замыкала артиллерия Преображенского полка с телегами боеприпасов [55].

Нордберг, дающий некоторые подробности, относит неточно этот торжественный въезд царя к 23 декабря [56]. Он говорит, что марш начался со Стрелецкой слободы и шествие направлялось в Немецкую слободу.

Несметные толпы народа часами стояли на улицах и площадях Москвы, глядя на невиданное историческое зрелище, на то, что осталось от прославленных знамен и от вождей некогда грозной армии, которая шла в эту самую Москву, громогласно заявляя о предстоящем в близком будущем въезде Карла XII в Кремль.

Перед этой так долго считавшейся непобедимой шведской армией долго трепетали одни великие державы вроде Австрии и Пруссии, у нее заискивали другие великие державы Европы вроде Англии и Франции, она покорила Польшу, разгромила Данию, покорила Саксонию, шла покорить Россию.

В Москве в этот короткий зимний день произошли как бы ее торжественные похороны при безмолвии русских народных масс, не спускавших глаз с бесконечного шествия.

Гибельные для Швеции исход и последствия нашествия 1708—1709 гг. обусловливались несколькими коренными причинами.

1. Прежде всего — могучей моральной силой, обнаруженной русским народом перед лицом опасности. А затем — полной неисполнимостью, фантастичностью основной цели, поставленной себе, своей армии, своей стране Карлом XII. Разрушение Русского государства, возвращение русского народа к временам не только удельных княжеств, но к временам полного политического подчинения этих удельных княжеств чужеземному игу (в данном случае не татарскому, а шведскому) — все это было несбыточной мечтой, обусловленной безграничным невежеством Карла и его соратников и единомышленников. Вычеркнуть из русской истории почти полтысячелетие, одинаково решительно не только игнорировать историю русского народа, но и закрыть перед ним все его будущее, отбросить Россию навеки в моральную и умственную тьму безысходного политического порабощения — все это ни при каких условиях не было осуществимо, если бы даже в России уже тогда не было (даже беря самые низкие цифры, даваемые тогдашними пестрыми и резко противоречивыми цифровыми показателями) гораздо больше жителей, чем подданных у Карла XII, даже если бы у России не было тех природных богатств, какие у нее были, даже если бы она не догнала так быстро шведскую военную выучку и технику, как она ее догнала в действительности, даже если бы Петр не оказался гением такой величины, каким он оказался, и даже если бы Карл XII был в качестве военачальника еще гораздо талантливее, чем он был.

2. Полная недостижимость разрешения основной задачи агрессора выявлялась с каждым месяцем войны все больше и больше. Легкомыслен был авантюризм Карла, полагавшего, что, войдя в пределы России с 35 тыс. человек, можно пройти в Москву, разделить Россию на уделы, посадить своего наместника для наблюдения и затем с триумфом вернуться в Стокгольм. Полную недостижимость поставленных Карлом завоевательных целей не понимали и поддерживавшие его так долго и так усердно классы шведского общества: землевладельческое дворянство и значительная часть купечества (судовладельцы, торговцы, экспортеры и т. д.).

3. Этим планам Полтава нанесла смертельный удар. Карл безнадежно проиграл под Полтавой не кампанию 1708—1709 гг., но всю Северную войну и, как сказал Энгельс, «показал всем неуязвимость России».

Эта неуязвимость была доказана тем, что хотя, как только что сказано, главная цель Карла XII была недостижима ни при каких условиях, но достижения второстепенные были, казалось, доступны. Оторвать Украину от Москвы, с которой она была связана государственными узами всего с полстолетия, представлялось за рубежом даже и более трезво мыслящим людям, чем Карл, вполне возможным. Измена Мазепы была ликвидирована не только быстрыми и удачными контрмерами, но и непоколебимой стойкостью народа и народной антишведской войной.

4. Точно так же не только военные меры, принятые русским главным командованием по всему течению Днепра, на северо-западе у Могилева и на юго-западе у Киева, но и решительно сказывающееся антипольское, точнее антипанское, настроение украинского населения Правобережной Украины, воспрепятствовало каким бы то ни было замыслам и поползновениям Станислава Лещинского оказать помощь своему шведскому покровителю и господину.

И «неуязвимость России», о которой говорит Энгельс, была в конечном счете доказана как тем, что 10 сентября 1708 г. в селе Стариши шведы были вынуждены отказаться от похода на Смоленск, так и тем, что их поворот на юг для обходного движения на Белгород — Курск или на Полтаву — Харьков оказался точно так же невозможным и чреватым гибелью. Оторвать Украину оказалось столь же недостижимым, как завоевать Москву.

5. Стратегическое искусство Петра сказалось во время этого похода, предрешившего исход всей Северной войны, прежде всего в том, что он оказался сильнее неприятеля в данном месте в решающий момент. И когда перед валами Полтавы наступил этот решающий момент 27 июня 1709 г., то у русских оказалось 72 пушки против четырех орудий шведских, 42 тыс. солдат и примерно около 20—25 тыс. в близком резерве (в том числе подошедшая на другой день после боя многочисленная нерегулярная конница) — и все это против 30—31 (приблизительно) тыс. человек шведских сил, причем из них настоящих, коренных шведов, на которых Карл мог бы вполне положиться, было всего 19 с небольшим тысяч человек. Все они (шведы и не шведы войска Карла XII) были или перебиты или взяты в плен под Полтавой и у Переволочной.

6. Полтава прикончила сухопутную шведскую агрессию против коренных владений России. С этого момента Петру оставалось доделывать начатое после первой Нарвы и прерванное успехами Карла в Польше с конца 1705 г. занятие старых русских владений на Балтийском море. Расширились экономиче-

ские и политические предпосылки к новому и более быстрому развитию хозяйственной и государственной жизни.

Вот замечательные слова Белинского о Полтаве, который глубоко и правильно понимал громадное историческое значение для русского народа побед Петра над шведами.

«Полтавская битва была не простое сражение, замечательное по огромности военных сил, по упорству сражающихся и количеству пролитой крови; нет, это была битва за существование целого народа, за будущность целого государства, это была поверка действительности замыслов столь великих, что, вероятно, они самому Петру, в горькие минуты неудач и разочарования, казались несбыточными, как и почти всем его подданным. И потому на лице последнего солдата должна выражаться бессознательная мысль, что совершается что-то великое и что он сам есть одно из орудий совершения...» [57]

Только через двести лет после Петра наступило время полного революционного обновления России. Только революция привела к полной, а не частичной ликвидации русской политической, экономической, культурно-технической отсталости. Но, помня это, мы, люди советской эпохи, отдаем должное достижениям замечательного поколения Петра Великого, которое сделало очень много из того, что тогда было возможно сделать, для борьбы с этой отсталостью и которое низвергло в бездну дерзкого агрессора, покусившегося на честь, землю и достояние русского народа.

Глава VI

ПОСЛЕ ПОЛТАВЫ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1

Полтавская катастрофа знаменовала, конечно, не только перелом в войне, но и безнадежный проигрыш ее для Швеции. И, однако, Северная война продолжалась еще двенадцать лет.

Рассмотрим сначала, каковы были планы Карла XII после постигшего его страшного удара, а затем дадим себе отчет в причинах, почему в самой Швеции, в тех кругах землевладельческого дворянства и уже давно возникшего и начавшего оказывать некоторое влияние торгово-промышленного класса, нашлись элементы, которые не только до смерти Карла в 1718 г. поддерживали его безнадежные усилия поправить непоправимое, но и после 1718 г. еще некоторое время были достаточно сильны, чтобы срывать мирные переговоры.

Начнем с Карла. Теперь так долго волновавший современников в Европе загадочный для них вопрос о долгом пребывании в Турции бежавшего из Переволочной в Бендеры шведского короля уже ничего таинственного в себе не заключает. Объяснять это одним только мучительным стыдом Карла, не желавшего показаться на родине после гибели армии и бегства с поля боя, нельзя, хотя и это сентиментальное объяснение некогда давалось. Этого одного мотива было бы недостаточно. Да и интересует нас здесь не личная психология Карла. Мы документально знаем теперь, что у Карла очень скоро после прибытия в Бендеры возник план склонить султана, визиря и весь Диван к объявлению войны России и стать во главе большой турецкой армии, которую и повести против ненавистного полтавского победителя. Куда повести? Прежде всего в Польшу, которая непосредственно граничила с Турцией и

где, может быть, еще найдутся даже после Полтавы сторонники Станислава Лещинского. А затем можно возобновить и поход на Москву, так досадно и так «случайно» прерванный.

У нас нет никаких решительно оснований предполагать, что не только те члены стокгольмского совета, которые советовали после Полтавы заключить мир, но и те, которые стояли за продолжение борьбы, в самом деле считали исполнимой эту новую фантазию своего короля. Они знали, правда, что турки никогда не мирились с потерей Азова и Азовского моря и что война Турции с Россией — дело весьма возможное. Но, во-первых, было ясно, что турки будут воевать не в Польше и не на Украине, во всяком случае не севернее молдавско-украинской границы, не восточнее степей между Бугом и Днестром, и если выступят в поход, то не затем, чтобы доставить победу Карлу и вернуть Швеции Прибалтику, а затем, чтобы возвратить себе Азов. А, во-вторых, если турки и будут воевать, то когда это будет? Турки и их крымские вассалы татары ограничились пустыми обещаниями тогда, когда посланные из Стокгольма агенты и посылаемые из Украины мазепинские эмиссары не переставали убеждать султана и визиря в необычайно счастливой для турок комбинации союза с победоносным шведским королем.

Конечно, не было и тени вероятия, что турки выступят теперь одни, когда шведская сухопутная армия уничтожена без остатка. Турки с восточной вежливостью приняли беглого короля, дали ему возможность преклонить свою победную головушку, когда за ним по степи гнался Волконский и чуть-чуть не догнал у переправы через Буг, но идти за Карлом на войну они пока не собирались. Реальные силы Карла XII в тот момент и целые годы далее Турция расценивала весьма низко. Туркам столько говорили перед Полтавой о шведской непобедимости, что они теперь уже ничему не верили. К ним примчался, ища спасения от погони, истощенный, оборванный, покрытый пылью, волочащий раненую ногу человек в сопровождении кучки еще гораздо более оборванных шведских солдат, служителей и казаков,— и турки верить глазам своим не хотели, что это сам Карл XII, о котором им рассказывали, будто он не сегодня-завтра войдет в Кремль с триумфом и уничтожит московское царство. Турки были жестоко разочарованы и даже раздражены. Зловещий для шведов симптом был уже в том язвительном ответе, который получил Мазепа, жаловавшийся, что ему не отводят помещения в Бендерах и что он должен жить за городом, в шатре. Турецкий сераскир ответил, что если Мазепу не удовлетворили прекрасные дома, которые ему дарил царь Петр, то как же он, бедный сераскир, может приискать достойное помещение для ясновельможного гетмана?

Одним словом, для всех, кроме Карла, было очевидно, что *никакой военной помощи от турок ждать было нельзя.*

И тем не менее нельзя приписывать упорный отказ короля от каких бы то ни было мирных переговоров с Россией, даже после Полтавы, одному только авантюризму Карла и приравнивать этот отказ к таким в самом деле нелепым сумасбродствам короля, как, например, затеянная им в 1713 г., в конце его пребывания в Турции, дикая вооруженная кровавая драка в Бендерах с турецким отрядом, после чего его и попросили окончательно и по возможности безотлагательно избавить владения повелителя правоверных от своего присутствия. Отказ Карла от мира с Россией имеет гораздо более серьезное объяснение. Как сказано, он был не одинок в этом своем упорном нежелании окончательно признать, что Россия победила бесповоротно.

Что Россия, не желавшая уступить Ингерманландию даже в самые для нее тяжелые и просто опасные моменты гигантского состязания, ни за что теперь не отступится ни от Ливонии, ни от явно намеченного и вполне возможного занятия Финляндии, это было очевидно. Мало того, утвердившись на этой части Балтийского побережья, царь либо отнимет также шведскую Померанию, либо позволит ее взять Пруссии. Мир ознаменовал бы также, разумеется, немедленное низвержение шведского ставленника в Польше Лещинского и возвращение на престол Речи Посполитой короля Августа. Швеция, согласившись на эти условия, похоронила бы вековые надежды на те плодородные свои владения на южном берегу Балтийского моря, которые она получила в результате своих успешных вторжений, властного постоянного вмешательства в дела европейского континента, всех своих интервенций в германские, польские и русские смуты и конфликты за громадный период от конца XVI в. вплоть до воцарения Карла XII.

2

Полное уничтожение шведской армии под Полтавой и Переволочной имело несколько последствий, оказавшихся непоправимыми.

Прежде всего Швеция была низвергнута катастрофически быстро и болезненно с той громадной высоты в области международных отношений, на которой она до той поры стояла. Великодержавие кончилось и уже никогда для Швеции не вернулось. Это последствие Полтавы было непоправимым навеки.

Вторым последствием, которое имело значение вплоть до конца Великой Северной войны, было бессилие Швеции выставить новую сухопутную армию для борьбы против России.

Те сухопутные силы, которые еще могли бороться против датчан, или против ганноверцев, или против саксонцев, отстаивать некоторое время, хоть и безуспешно, осажденный Штральзунд в 1714—1715 гг. и т. д., уже не имели никакого влияния на продолжавшуюся войну с Россией. И если бы не существовало шведского флота или если бы в дни Полтавы у России уже был на Балтийском море флот, который мог бы изгнать шведов с моря, и вместе с тем был бы настолько внушителен, чтобы сделать невозможным активное вмешательство Англии на стороне Швеции, то война, вероятно, и окончилась бы очень скоро после Полтавы, в 1709, а не в 1721 г.

Но так как подобного флота в 1709 г. у России еще не было, то Швеция, не имея уже ни малейших шансов на победу или хотя бы на частичное возвращение потерянных земель, еще могла вести длительную, хотя и совершенно безрезультатную, войну на море, а главное, не теряла надежды отсидеться за морем и за своими шхерами и, даже избегая военных встреч с грозным неприятелем, не соглашаться на заключение мира. Если Карл XII еще фантазировал о возвращении военного счастья, о победах над Россией и т. д., то стокгольмский правящий совет стремился лишь к одному: оттягивать по возможности роковой момент мира, т. е. окончательного, формального признания перехода Ингрии, Эстляндии, Ливонии, а потом и юга Финляндии под власть России. Лозунгом стало не подписывать мира и ждать помощи со стороны Англии и Франции, Австрии и Ганновера, Пруссии и Мекленбурга и, словом, всех, кто после Полтавы перестал бояться Швеции и начал опасаться России, а также всех тех, кому впервые развязала руки для действий на Севере окончившаяся мирными договорами в 1713 и 1714 гг. всеевропейская война за испанское наследство.

И эти шведские надежды были небезосновательны, по крайней мере они в первые годы после Полтавы таковыми казались.

Русская дипломатия после Полтавы стремилась к двум целям: во-первых, закончить и закрепить за Россией обладание ее стародавними и теперь отнятыми от шведа владениями на Балтике и, во-вторых, заставить Швецию подписать, наконец, мир.

Вторая задача была труднее первой, для ее разрешения требовалось создание такого флота, который не только явственно подавлял бы собой шведские морские силы, но который занял бы со временем господствующее положение на Балтийском море.

Страшные жертвы требовались от народа во имя силы и независимости России. Требовались диктуемые необходимостью приемы, о которых говорил Ленин, упомянув при этом о Петре, который «ускорял перенимание западничества варвар-

ской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» [1].

В данном случае от народа потребовались тяжелые жертвы. Но Россия быстро догнала западную технику кораблестроения, и, как увидим, дело дошло до того, что корабли, построенные русскими инженерами и русскими плотниками на русских верфях, по отзывам даже враждебно настроенных иностранцев, нисколько не уступали наилучшим судам первоклассной морской державы Англии и превосходили французские.

Небывалое несчастье Карла XII под Полтавой и еще более невероятный позор под Переволочной покончили с вторгшейся в Россию шведской армией. К такой краткой формуле сводились приходившие в Европу непрерывным потоком известия о событиях 27 июня — 1 июля.

Все-таки перед боем у Карла была армия до 30 тыс. человек, думали, что был порох и была артиллерия, хоть и не очень большая, наконец, был, хоть и очень скудный, обоз, т. е. плоды беспощадного грабежа украинского населения, того грабежа, который под руководством изменника Мазепы и шведских генералов творился месяцами в оккупированных областях страны. Как стала возможной, будто не в действительности, а в волшебной сказке происшедшая катастрофа, полное исчезновение всей вооруженной силы, которой завидовал «король-солнце» Людовик XIV и которая держала в страхе всю Северную и Центральную Европу? Почему бежали, оставя на поле боя 9 тыс. трупов своих товарищей и 3 тыс. в плену, шведские воины? Ведь Европа наблюдала издалека события на всем долгом пути шведской армии по Литве, Белоруссии, Северской Украине, Полтавщине, и ни разу не было слышно о каких-либо неудачах Карла. Не знали ровно ничего точного. Маленькая заминка случилась с Левенгауптом под Лесной. Потерял, говорят, несколько повозок с провиантом. Ничего, дело наживное! Да и стоит ли говорить о таких мелочах, когда сам «князь Украины» Мазепа объявил себя вассалом непобедимого Карла и когда теперь уже его владения простираются от Балтийского моря до Черного! С восхищением передавалась апокрифическая речь Мазепы, ставшего на колени перед Карлом в момент их первой встречи 28 октября 1708 г. и будто бы сказавшего: «Я приведу к вам, великий государь, столько казаков, сколько песку на берегах Черного моря, которое отныне вам принадлежит!» Военные люди, правда, иной раз выражали удивление и недоумение: зачем Карл тащит свою армию в поход зимой, да еще такой суровой зимой, какой была во всей Европе зима 1708—1709 гг.?

Но на это был готов ответ: если новый «Александр Македонский» так поступил, значит, так и нужно было. Ведь ему уже девятый год подряд все удается, и если бывали у шведов

изредка неудачи, то исключительно в тех случаях, когда при войсках не было короля. Нужно отметить, что большое впечатление производило демонстрируемое Карлом при всяком удобном и неудобном случае нежелание признавать Петра достойным, чтобы шведский король с ним объяснялся. Петру писал ласковые письма сам французский «король-солнце», могущественный Людовик XIV, перед ним рассыпалась в льстивейших извинениях и комплиментах (еще перед Полтавой) английская королева Анна, перед Петром пресмыкались и король польский, он же курфюрст саксонский Август II, и король прусский; его милостей и доброго расположения искали могущественная, богатая голландская республика, датский король, австрийский император, а он, Карл XII, ни разу не ответил Петру на многократные предложения мира, громогласно заявляя, что кончит войну, войдя в Москву и низвергнув Петра с престола, а Россию отдаст, кому захочет,

Это знали все. И знали также, что глубокое продвижение шведской армии к югу, к Ворскле, и попытки Карла круто повернуть от этой линии, от рек Псел и Ворскла к востоку, на Белгород — Курск — Москву показывают с полной очевидностью, что программа Карла XII развивается неуклонно и с успехом. Не вполне удалось у Веприка — удастся у Опошни, не удастся у Опошни — удастся у Полтавы, но поворот на восток — на Белгород, Харьков, на Москву — не за горами.

И вдруг пришлось узнать, без малейшей подготовки, что все это предприятие Карла XII было фантазией, что вся шведская армия в один день оказалась либо на том свете, либо в плену, что русская армия достигла этого невероятного торжества одним страшным ударом и притом с ничтожными сравнительно жертвами.

Начался новый, второй период в истории отношений европейской дипломатии к России. И, подобно тому как о поражении под Нарвой 18 ноября 1700 г. в Европе никак не могли забыть вплоть до Полтавы и скептически относились ко всем успехам России, как бы очевидны и велики они ни были, так отныне о Полтавской победе уже никогда не могли забыть не только при жизни Петра, но и очень долго после его смерти.

После первой Нарвы не хотели верить в очень серьезное значение даже такой русской победы, как под той же Нарвой в 1704 г. или деревней Лесной в 1708 г. А уж зато после Полтавы отказались поверить в серьезность, например, даже такой русской неудачи, как та, что постигла русских на реке Прут. Редко, когда до такой степени ярко, кричаще громко выявились характерные для дипломатов этой бурной эпохи податливость впечатлениям и быстрота в смене убеждений,

настроений и оценок. «Жрецы минутного, поклонники успеха!» Ни к кому эти укоризненные слова нашего Пушкина нельзя было бы с большим основанием отнести, чем к европейским правителям, привыкшим к превратностям политических и военных судеб в годы двух бесконечно долгих, одновременно происходивших и захвативших всю Европу войн; на юге борьба за испанское наследство, а на севере — борьба за овладение балтийскими берегами.

Конечно, прежде всего ждали объяснений и обстоятельной информации из Швеции. Но немного возможно было толком узнать. Сначала оттуда шли сплошные умышленные извращения и фантастические измышления, имевшие целью скрыть или хоть смягчить страшную правду. А затем многие шведы заявляли нередко иностранным послам, что они и сами не могут взять в толк, как случилось неслыханное несчастье и зачем король долгие годы не желал вернуться в Швецию.

Эти горестные недоумения в Швеции начались сейчас же после катастрофы и не разрешались пять с половиной лет, вплоть до возвращения Карла XII в Европу в ноябре 1714 г.

Весть о полном разгроме «непобедимой» шведской армии, о бегстве Карла, о немногих утренних часах боя, которые ознаменовали конец шведской легенды о непобедимости, поразила европейскую дипломатию. Европа совсем не была подготовлена к подобному внезапному грандиозному по своим политическим последствиям событию.

«Нежданное (unexpected) поражение всей шведской армии под Полтавой и разгром ее были так велики, что известия об этом, наверное, будут в ваших руках раньше этого письма» [2],— так писал из Москвы в Лондон статс-секретарю Бойлю посол Витворт 6 июля 1709 г. Подробности в том виде, в каком они стали тотчас же после битвы распространяться по Европе, могущественно усиливали впечатление. Слова пленного фельдмаршала Реншильда, что со шведской стороны в сражении участвовало до 30 тыс. человек, из которых регулярных (и отборных) шведских воинов было 19 тыс., облетели все европейские дворы.

Уничтожение или взятие в плен всей этой силы, ничтожные потери русских, превращение вчерашнего «Александра Македонского» в беглеца, которого из милости приютил и прикармливает стамбульский калиф,— все это не сразу могло улечься в голове среднего европейского дипломата.

С 14 марта 1709 г., когда в Стокгольме было получено письмо от короля, писанное из Ромен еще 10 декабря 1708 г., там ровно ничего не знали ни о короле, ни о всей шведской армии. Слухи ходили (особенно с конца весны 1709 г.) самые разнообразные. Карл разгромил русских и вошел в Москву. Шведы

пошли в Воронеж и сожгли русский флот. Шведской армии приходилось бороться с морозами, но она теперь очень бодра и хороша и т. д. и т. д. Смутные и столь же разнохарактерные слухи бродили и по всей Европе. Трезвее всех судили и поэтому беспокойнее всех себя чувствовали англичане. Но в самой Швеции преобладал оптимизм.

И вот в конце августа 1709 г. пришло, наконец, письмо Карла из Очакова к стокгольмскому государственному совету[3]. Письмо было датировано 12 июля 1709 г. (с прибавлением неправильно высчитанной даты: 22 июля вместо 23-го).

Письмо было писано под диктовку Карла. Это и было первое известие о несчастье, полученное в Швеции. Это коротенькое известие не давало, правда, сколько-нибудь ясного понятия о размерах катастрофы, но все же говорило о бегстве короля с немногими провожатыми, о пленении графа Пипера, Гермелина и еще нескольких человек, но ни звука о фельдмаршале Реншильде и всей свите.

Во всех письмах, оставшихся от Карла, в которых он упоминал о Полтаве (а он никакого описания или хоть краткого рассказа о битве не оставил), король неизменно старается преуменьшить значение страшного удара и сознательно скрывает реальные факты и выдумывает то, чего никогда не было. Первым оставшимся от него документальным свидетельством о Полтаве было это официальное послание в Стокгольм в адрес «Комиссии обороны» (шведского правительственного совета), ведавшей делами войны. Карл требует новых рекрутских наборов и создания и пополнения полков[4]. Письмо писано почти тотчас по прибытии в Очаков. После Полтавы прошло всего две недели. И вот что он повествует своим верноподданным: «Прошло значительное время, как мы не имели сведений из Швеции и мы не имели случая послать письма отсюда. В это время обстоятельства здесь были хороши, и все хорошо проходило, так что предполагали в скором времени получить такой большой перевес над врагом, что он будет вынужден согласиться на заключение такого мира, какой от него потребуют. Но вышло благодаря странному и несчастному случаю так, что шведские войска 28-го числа прошлого месяца[5] потерпели потери в полевом сражении. Это произошло не вследствие храбрости или большой численности неприятеля, потому что сначала их постоянно отбрасывали, но место и обстоятельства были настолько выгодны для врагов, а также место было так укреплено, что шведы вследствие этого понесли большие потери. С большим боевым пылом они (шведы — *Е. Т.*), несмотря на все преимущества врага, постоянно на него нападали и преследовали его. При этом так случилось, что большая часть пехоты погибла и что конница тоже понесла потери. Во всяком случае

эти потери велики. Однако (мы — *Е. Т.*) теперь заняты приисканием средств, чтобы неприятель от этого не приобрел никакого перевеса и даже не получил бы ни малейшей выгоды»[6]. А поэтому нужно восстановить воинскую силу, «чтобы иметь возможность встретить дальнейшие злые нападения врага». Дальше идут распоряжения военно-административного и технического характера. И кончается этот документ приказом, как можно строже держать русских пленных в Швеции! В этом письме просто поражает лживость от начала до конца, как и в позднейших письмах к сестре. Конечно, Карлу нужно было не только «спасти лицо», но и предварить тот упадок духа, который, как он отлично понимал, непременно охватит Швецию, когда страшные, невиданные размеры полтавского разгрома начнут окончательно выясняться. Но требовалось также — все с той же целью показать, что ничего особенно важного не случилось и ничуть он русских не боится,— делать жестокие распоряжения об усилении строгости по отношению к русским пленным, с которыми и без того очень плохо обращались в Швеции, били их смертным боем, морили голодом!

Карл XII всегда в своих письмах повествовал о военном положении, абсолютно не стесняясь фактами. В этом отношении, например, даже довольно хвастливые бюллетени Наполеона, которые возбуждали столько справедливой критики, могут называться образцами суровейшей правдивости.

Вот он, едва придя в себя в Бендерах[7], потеряв армию, претерпев стыд страшнейшего из возможных поражений, еле отдышавшись от продолжавшегося несколько дней бегства от русской погони, садится за стол и пишет своей любимой сестре и наследнице Ульрике Элеоноре. Все письмо наполнено исключительно родственными нежностями, вопросами о здоровье и т. д. и уж после обычной подписи: Karolus, прибавлен маленький постскриптум, как бывает, когда человек спохватывается перед тем, как запечатать письмо, что забыл еще одну мелочь, потому что нельзя же обо всем помнить: «Здесь все хорошо идет. Только к концу года (Карл, очевидно, имеет в виду год от начала вторжения в Россию, т. е. от июня 1708 г.— *Е. Т.*) вследствие одного особенного случая армия имела несчастье понести потери, которые, как я надеюсь, в короткий срок будут поправлены. За несколько дней перед сражением я тоже получил одну любезность.., которая помешала ездить верхом, но я думаю, что я скоро избавлюсь от ущерба, который состоит в том, что я некоторое время должен был прервать верховую езду»[8]. Вот и все, что он может сказать о Полтавской битве... Полтава это просто боевая случайность, и один такой особенный случай и все поправится «в короткий срок»!

Но письмо о Полтаве — это лишь слишком яркий пример.

Самое характерное для Карла (и для всего его окружения с Левенгауптом включительно) — это непонимание всей русской военной тактики. После первой Нарвы, несмотря на ряд значительных русских успехов (Эрестфер, Гумельсгоф, Нотебург, вторая Нарва, Калиш, Митава, Бауск, завоевание Ингрии и почти всей Лифляндии), шведское командование не желало видеть в русской армии ничего, кроме вечных беглецов, отступающих при всяком столкновении. Но уже и до совещания в Жолкиеве и особенно после Жолкиева русские уклонялись от боя и отступали вовсе не из малодушия, но потому, что решили, пока армия не обучена так, чтобы и в этом отношении не уступать шведам, и особенно пока война идет на чужой территории (в Польше, Литве, польском Полесье, польской Белоруссии), до той поры не ввязываться в генеральный бой, отступать, «оголаживая» местность, не очень отходить от базы, изматывать противника и ждать своего часа терпеливо, чтобы, изготовившись, нанести врагу сокрушительный удар. Но Карл и его генералы говорили и писали, и вся Европа им верила, что русские бегут, робея перед натиском; что едва покажется шведский полк, русские, как и поляки, как и саксонцы, совсем не могут и думать о сопротивлении в открытом бою, а если за ними числятся кое-какие редкие успехи, то это какие-то мимолетные недоразумения и не имеющие завтрашнего дня случайности, о которых и говорить не стоит.

А если уж сражение было такое, что замолчать его никак нельзя, то можно написать о нем так, как действительно и написали два летописца главной шведской ставки (Нордберг и Адлерфельд) о грандиозной, имевшей неисчислимые последствия русской победе под Лесной 28 сентября 1708 г., т. е., объясняя читателю, что собственно под Лесной победили шведы, а не русские, но случайно был потерян весь шведский обоз из 7 тыс. (по другим показаниям, около 8 тыс.) доверху груженных повозок и почти вся артиллерия. А если б не эта досадная деталь, т. е. неприятность с обозом, то совсем все было бы хорошо! Если шведам так можно было говорить и писать о Лесной, то чего же ждать было от них, когда они касались постоянных отступлений русской армии? Довольно почитать упомянутых походных историков, глашатаев славы Карла, писавших с его голоса и с голоса Реншильда. Это было какое-то одурманивание самих себя. К действительным большим победам шведской армии, в реальности которых ни у кого не могло быть никакого сомнения и которые шведы в самом деле долго одерживали над всеми врагами (в том числе вначале и над русскими) в течение ряда лет, примешивались бесчисленные курьезные хвастливые рассказы о победах, никогда не одержанных, тяжкие поражения шведской армии (вроде Лесной) превраща-

лись в ее успехи, ничтожные, чуть ли не ежедневные стычки с русскими разведчиками и патрулями оказывались «паническим бегством русской кавалерии» и т. д.

Все это нужно иметь в виду, потому что без этого постоянного самогипноза Карла и его окружения нельзя понять психологию шведского верховного командования, посадившего свою армию в такой безвыходный мешок, как образовавшийся уже в апреле 1709 г., в котором эта армия окончательно и задохлась 27 июня того же года. Даже когда присмиревший генерал Левенгаупт или когда первый начавший различать еще в далеком тумане приближающуюся катастрофу умный генерал-квартирмейстер Гилленкрок заговорили об уходе, то, во-первых, и они поняли это слишком поздно, и сама возможность ухода стала более или менее проблематичной, а во-вторых, и они тоже до конца не объяли своей мыслью всего, что случилось.

Не забудем, что они все писали о катастрофе уже после того, как она совершилась, и все они, кроме убитого в день Полтавы Адлерфельда, оказались в русском плену: и Левенгаупт, и Реншильд, и граф Пипер, и несколько позже Гилленкрок, и пастор Нордберг. Все они задним числом слишком уточняли свои «пророчества».

С отличающей его самонадеянностью и верой в собственную непогрешимость Карл XII упорно стремился доказать, что, собственно, главное дело было не в проигрыше Полтавского боя, но в том, что Левенгаупт сдался с остатком армии у Переволочной. Графиня Левенгаупт, которая знала, что ее несчастный муж, томящийся в плену (откуда он уже никогда не вернулся), загублен, как и вся шведская армия, убийственными политическими и стратегическими ошибками короля, написала в 1712 г. сестре короля, принцессе Ульрике Элеоноре письмо, в котором оправдывала своего мужа. Ульрика Элеонора всецело стала на ее сторону, понимая, что Переволочная была прямым и неизбежным последствием полного разгрома шведов в Полтаве. Но вот как ответил сестре Карл. Это письмо — любопытный исторический и психологический документ. «Что касается прошения графини Лейонхуфвуд (Карл XII, как тогда при дворе было принято, переводит в точности с немецкого на шведский фамилию Левенгаупт — львиная голова —*Е. Т.*), которое вы мне благоволили переслать, то оно состоит в том, что она (графиня — *Е. Т.*) очень хочет попытаться извинить поведение ее мужа на Днепре. Я бы очень желал, чтобы дело обстояло так, чтобы я мог согласиться, что вина не лежит на ее муже. Однако дело слишком ясно и неоспоримо, что он действовал позорным образом вопреки повелению и солдатской обязанности и причинил невознаградимый ущерб, который ни в каком случае не мог бы быть больше, даже если бы он отважился

на самое крайнее. Раньше он всегда вел себя достославно и хорошо, но на этот раз, однако, у него был отнят разум, так что ему едва ли можно будет в будущем что-нибудь поручить. Потому что подобная капитуляция, на которую он пошел, слишком опасное действие уже вследствие (дурного — *Е. Т.*) примера. Если не считать ее достойной наказания, то и наилучшая армия будет всегда в опасности по незначительным случаям попасть в руки неприятеля и таким образом сразу потерять свою славу, которую она долго себе заслуживала в боях. Я не думаю, что он это сделал из предвзятого злого умысла или по личной трусости. Однако на войне это не извинение, но он, вероятно, совсем потерял голову и слишком пал духом, чтобы напасть (на врага — *Е. Т.*), как должен делать генерал, когда дело обстоит плохо, потому что тогда это — безответственно дать заметить свою нерешительность, как он это сделал. Если бы он меня не уверял совсем в другом, то я бы его там не оставил. Но он сам предложил взять на себя верховное командование. Я вначале сам не хотел уходить, но долго обдумывал. Но так как меня уверили, что последуют моему приказу, что мы, несомненно, встретимся у Очакова и что он (Левенгаупт — *Е. Т.*) приложит величайшее старание, чтобы сохранить людей и сжечь обоз (однако ничего этого не было выполнено), то я переправился через Днепр и пошел к Очакову. Так как я из-за моей ноги не мог никак сесть на коня, то я счел необходимым сначала прибыть в Очаков, чтобы оттуда иметь возможность отправить нужные письма о полтавской битве к шведской армии в Польше, чтобы она получила правильную связь и подождала, пока я к ним пройду с войсками, которые я оставил Лейонхуфвуду. И в Швецию были посланы из Очакова письма, чтобы пополнить полки рекрутами. Во всяком случае и я тоже сделал промах: я забыл передать далее по армии всем другим генералам и полковникам, там находившимся, тот приказ, который знали только Лейонхуфвуд и Крейц. Тогда бы никогда не случилось того, что произошло, потому что все другие начальники были в недоумении и не знали никакого приказа, потому что им его не сообщили, и не знали они, ни куда со своими полками им должно двинуться, ни куда я уехал. Я поэтому думал о том, чтобы с ними всеми говорить. Но так как у меня было много мелких дел и распоряжений, и я поэтому должен был со многими объясниться и притом возиться с фельдшерскими перевязками, то я забыл поговорить со всеми о моем приказе так, как это должен был бы сделать, и это была большая ошибка с моей стороны. Но отчасти меня можно извинить, так как я был ранен и должен был привести в порядок в это время свою ногу, я мог кое-что забыть, особенно так как разные люди из тех, которые были здоровы, мало о чем думали и только

исходили в жалобах, что на этот раз было совсем не нужно и очень вредно. Никак нельзя взвалить вину на офицеров и рядовых, будто они не хотели сражаться и сделать все, что от них требовали».

Тут много и ошибочных утверждений и прямой лжи. Карл не мог не понимать того, что понимала вся Европа, т. е. что Полтава не была «незначительным случаем», а была страшным, уничтожающим, непоправимым разгромом. Он грубо ошибался или сознательно обманывал сестру, когда писал, будто солдаты и офицеры были готовы сражаться у Переволочной. Они решительно были уже не способны к бою в этот момент. Он, военный человек большого таланта и громадного опыта, не мог всерьез быть уверенным, что он, мол, уедет пораньше, а дня через два-три «встретится в Очакове» с покидаемой им армией, измученной страшным поражением и двухдневным бегством до Переволочной, оборванной, изголодавшейся, без снарядов, что эта армия каким-то чудом разобьет преследующего ее по пятам Меншикова и (без перевозочных средств!), переправившись каким-то новым чудом через Днепр, явится как ни в чем не бывало к королю в Очаков. Да еще пройдет с ним из Очакова или Бендер воевать в Польше! Словом, неискреннее и недобросовестное желание представить дело в совершенно превратном свете и свалить вину за свое поражение под Полтавой на Левенгаупта сказывается в каждой строке этого письма. Чудовищные ошибки вторжения в чужую страну ценой потери армии, непостижимое легкомыслие затеянного генерального сражения с четырьмя пушками против большой артиллерии противника, с армией почти вдвое меньшей, чем у противника,— все это «незначительный инцидент», и вообще сражение проиграл не он, Карл, при Полтаве, а Левенгаупт под Переволочной. И он, король, виноват только в том, что за множеством дел забыл сообщить свой приказ всем начальникам, а сообщил только двум.

Следует заметить, что событие у Переволочной благополучно продолжало фальсифицироваться в Швеции двести лет подряд именно так, как начал это дело сам Карл XII. Один из его преемников на шведском престоле, король Оскар II, выпустил в 1881 г. вышедшую одновременно на шведском и на английском языках книгу о Карле XII, где мы читаем: «Капитуляция на Переволочной, которая отдала в русские руки знаменитейшую из всех знаменитых шведских армий,— была скорее следствием болезни короля и всеобщего уныния, чем следствием поражения».

Эта ложь путем умолчаний продолжалась и дальше. А началась она непосредственно после Полтавы. Громовой удар, поразивший Швецию, не мог, конечно, никак быть скрытым от

народа, тем более что уже со всех сторон посыпались известия: из враждебной шведам Дании, из дружественной им Франции, из сочувствующей им Англии, из Пруссии, из Польши.

Собрался правительствующий совет: Аксель Делагарди, Карл Гилленшерна, Кнут Поссе, Вреде, Фалькенберг и Арвед Горн. Они были в таком же смятении, как и вся столица. Стокгольм был в трауре, доносили послы, аккредитованные при шведском дворе. Ведь погибло все офицерство, весь генералитет, и не было дворянской семьи, которая не потеряла бы своего сочлена при этом разгроме. О деревне, горевавшей о десятках тысяч погибших солдат, нечего и говорить. Но именно в деревню, в провинцию совет особенно не желал сообщать такие ужасающие новости.

1 сентября 1709 г. собралось заседание совета, и граф Вреде дал направляющий тон собранию: король Карл жив, народ ему беспрекословно верен, должно ждать распоряжений и повелений из тех далеких мест, куда изволил проследовать его величество.

Выработанное и подписанное 1 сентября правительственное циркулярное сообщение является образчиком официальной лжи. Конечно, господь допустил несчастный исход битвы шведов с русскими, и «в Украине» шведское войско потерпело поражение. Хотя много офицеров и солдат погибло или взято в плен, но, к счастью, король спасен и в безопасности, вообще рекомендуется благодарить бога и быть по-прежнему верноподданными и т. д.

Затем, 2 сентября 1709 г., на другой день после первого циркуляра-воззвания, появилась вторая листовка под названием: «Короткая реляция о несчастной битве с армией московского царя у города Полтавы в Украине 8 июля (нов. ст.) 1709 г.» Причины поражения объясняются так. Оказывается, что у русских было в бою целых 200 тыс. человек (!), и все они были обучены военному делу по-немецки, шведская армия оказалась сдавленной между осажденным городом и ретраншементами, созданными инженером Аллартом для армии, предводительствуемой князем Меншиковым, Шереметевым и Ренне. Ретраншементы были снабжены 106 крупными орудиями. При этом шведская армия, окруженная со всех сторон, была лишена нужного продовольствия. Добывать необходимые припасы через фуражиров было нельзя, так как все дороги были перехвачены. Поэтому король вынужден был построить свою армию в 20 тыс. человек в боевой порядок и начать бой. Таким образом, шведскому читателю сообщаются две цифры: против 20 тыс. шведов — 200 тыс. русских... Вся «реляция» написана в стиле такой *«правдивости»*. Впрочем, по-видимому, правительствующий совет сообразил, что он хватил через край, и в новой реляции

уже сбавил цифру русских победителей. Оказывается, что их было уже не 200 тыс., а «100 тыс.»

Официальной лжи, которая просто не знала удержу, верили и не верили, но народ начинал довольно сильно роптать, горевал, голодал, однако повиновался. Может быть, именно отчаянное положение, в которое попала страна после Полтавы, побуждало воздерживаться от каких-либо демонстраций недовольства [9]. Тот же Вреде, член совета, полагал, что после полтавского разгрома мир с Россией знаменует не только потерю всех прибалтийских владений, но нечто худшее: где было ручательство, что русские теперь не завоюют Финляндию и не вторгнутся в Швецию? И сделать это они могут удобнее всего именно после того, как шведы положат оружие. Подготовившись, переведя сухопутные силы из Украины в Финляндию, усилив постройку шхерного и транспортного флота или дождавшись зимы, сухопутьем по льду Ботнического залива, русская армия окажется в Стокгольме. Тогда как не подписывая мира, Швеция может рассчитывать на помощь Англии, Франции, может быть, даже той же Дании, с которой помириться для шведов несравненно выгоднее, чем с Россией. Мир казался им еще опаснее для Швеции, чем война.

Перехваченное чье-то письмо, посланное из Швеции, сообщает 22 октября 1709 г. о двух фактах: во-первых, шведы готовятся к продолжению войны, потому что в Швеции «заарестованы» все корабли, «дабы никому иному яко и его королевское величество шведский хлеб в Лифлянды возити», и уже большая часть перевезена для прокормления шведских гарнизонов; а с другой стороны, в том же письме сообщается, что в самой Швеции голод, и такой, что «всякой крестьянин хощет охотно солдат быть», просто «в намерении своего прокормления» [10]. Вреде и его товарищи знали (и говорили), что чиновники давно уже получают лишь половину своих и без того скудных окладов, что страна разорена и обескровлена, но они не были согласны с той частью шведского правящего дворянского круга, представители которой роптали на короля, не желающего уступать своему грозному неприятелю и подписывать мир. Во всяком случае упорство короля на этот раз не казалось таким безумным, как при других чрезвычайных оказиях. Верило ли правительство и вся поддерживавшая его часть дворянства в то, что немедленное заключение мира может грозить Швеции русским нашествием, или не верило, но во всяком случае этим пугалом можно было держать обнищавшее крестьянство и рабочих горного Фалуна в повиновении. А больше пока ничего не требовалось. Так судили далеко не все, но именно те, в руках которых была реальная власть. Карл и в Бендерах оставался самодержавным повелителем нищей, голодающей, павшей духом, но

пока еще покорно несущей свое тяжелое ярмо Швеции. Самодержавная власть была прикончена немедленно после смерти короля в 1718 г., уже при его преемнице Ульрике Элеоноре.

Карл XII никогда не стремился какими-нибудь пышными фразами хоть немного прикрыть полное свое равнодушие к участи своих верноподданных, которым так дорого приходилось окупать своей кровью и достоянием похождения их владетеля в далеких краях, Карл, вступивший на престол подростком и унаследовавший трон после нескольких крупных деспотов, утвердивших неограниченную власть в Швеции, никогда и не подозревал, что подданные могут иметь свою волю, свои интересы и что вообще должно хоть как-нибудь с ними считаться. К этому прибавлялось крепко сидевшее в Карле XII полное убеждение в божественном происхождении монархической власти. Это ему с юных лет крепко вдолбило в голову придворное духовенство. Он был еще всецело человеком традиций XVII столетия и только потому не повторял слов своего современника Людовика XIV: «государство — это я», что ему и в голову не могло прийти, что кто-нибудь в состоянии в этом усомниться. Да и, кроме того, Карл был молчалив и не умел отпускать эффектные фразы. В нем ничего не было и от позднейшей приторной и фальшивой сентиментальности времени «просвещенного абсолютизма». Король Карл XII всю жизнь прожил в спокойной уверенности что «все для короля и посредством короля», функция которого — приказывать, требуя от подданных все, что ему угодно; а их дело исправно выполнять приказы.

Вот, проиграв под Полтавой войну, уничтожив свою армию, погубив навеки великодержавное положение Швеции и разорив дотла свой народ, сидит он в Бендерах, сидит уже полтора года и начинает сердиться, но отнюдь не на себя самого, а на государственный совет в Стокгольме, который почтительно, но настойчиво доносит ему о растущей нищете, о разорении страны, и о ее истощении бесконечными наборами и поборами. Королю кажется, что это, наконец, становится досадным и совсем излишним: «Что касается состояния нужды в нашем отечестве, то ведь это уже столько раз повторялось, что было бы достаточно, если бы об этом сообщали как можно короче,— так ли обстоит дело, как прежде, или же еще хуже. Таким способом нам бы в достаточной степени напоминали о деле, которое и кроме того достаточно известно, однако не может быть поправлено как-нибудь иначе, чем если мы себе промыслим почетный и выгодный мир. Но такого мира нельзя добиться печальными докладами». Карл знал, что стокгольмский совет убежден, что после Полтавы нелепо думать, будто можно заставить Петра отказаться от завоеванной Прибалтики.

Король знает, что усталая страна жаждет мира, и он сердится: «... нужно сломить высокомерие неприятеля... Мы убеждены, что вы тоже были бы такого мнения, если бы вы услышали, как тут обстоят дела, и что вы никогда не пришли бы снова к мысли, что должно купить позорный мир ценой потери нескольких провинций. Мы никогда не дадим нашего согласия на это, как бы ни складывались обстоятельства... Никто, желающий называться честным патриотом, не должен стараться о таком мире, скорее он должен советовать уж лучше отважиться на самое крайнее, чем позволить, чтобы государство или его провинции хоть в малейшей степени были уменьшены, особенно в отношении к России»[11].

Напротив, Карл надеется «с помощью всевышнего» вернуть все, что попало в руки русских, и, мало того, «принудить их к такому миру», чтобы они еще уплатили ему, Карлу, справедливое вознаграждение «за причиненный ущерб и испытанное шведами правонарушение». Это письмо должно было показать Стокгольму и Швеции, что война не только не окончится вскоре, но и никогда при жизни и царствовании Карла не окончится и что Швеции суждены еще долгие годы страданий и нищеты и новых территориальных потерь.

Так и случилось в действительности. Русская победа в Северной войне и окончательное признание Швеции побежденной страной были после Полтавы неотвратимы.

3

В течение всей Северной войны Россия боролась сначала за свое существование, за свою национальную свободу и честь и за свое будущее. После Полтавы непосредственная угроза безопасности России, конечно, отодвинулась в весьма далекое и туманное будущее. Неосмысленный авантюризм терзаемого мучительным стыдом и бессильным гневом Карла XII заставлял его затевать злобные ссоры с визирями и султаном, которых он тщетно убеждал об одолжении: чтобы они дали ему тысяч сто турецкого войска, и он поведет их в Польшу, в Украину. Ручательство за успех — полное! Правда, даже не очень доброжелательные к России английские авторы давно уже признали, что все поведение Карла после Полтавы было поведением сумасшедшего человека[12].

Но ведь не в личном авантюризме Карла было дело, шведская аристократия и значительная часть рядового среднего дворянства и часть купечества продолжали поддерживать политику продолжения войны. Признать, что Швеция после восьми с лишком лет победоносной борьбы, после долгих кровопролитий и разорительных нескончаемых трат вдруг так много

потеряла безвозвратно и что кончилось ее вековое великодержавие, кончилось обладание хлебородной Балтикой, и она сразу же вернулась к тем уже забытым временам, когда она была заключена в свои скудные скалистые пределы,— было слишком трудно переносимо.

Если фантастичными могли представляться планы нового похода с помощью турок и татар в глубь русской суши, то еще вовсе не считались утраченными и проигранными шансы войны на море. Одолеть Петра на море так, как король Карл мечтал одолеть его в Москве, конечно, было нельзя. Но заставить его отказаться по крайней мере хоть от части прибалтийских провинций, отнятых им у Швеции, представлялось возможным. Слухи об усилиях царя создать военный флот пока еще не пугали. Флот в Швеции был сильный, ее моряки не уступали в храбрости, выдержке, дисциплине лучшим пехотным и кавалерийским королевским полкам.

А кроме того, могли оказаться в будущем правильными расчеты на поддержку со стороны иностранных держав. Франция уже была союзницей, Англия могла стать ею завтра. Датчане были и остались врагами, но с голландцами можно было установить со временем дружеские отношения. При изменившихся условиях могла выступить и колеблющаяся и опасающаяся Турция. А главное — при перенесении борьбы с суши на море война затягивалась, не сопровождаясь никакими особыми опасностями для Швеции: высадка русских войск в Швеции, когда громадная территория Финляндии защищает ее своими пространствами на суше, а шведский флот — с моря, представлялась еще невозможной. И при затяжке войны дипломатическое и военное вмешательство других держав в пользу Швеции становилось вполне мыслимым.

Вывод в правящих кругах Швеции был сделан: хуже того мира, который предлагает царь, ничего быть не может, а продолжение войны дает шансы на более приемлемые условия и не грозит существованию страны.

Были, правда, голоса и в стокгольмском совете и за его стенами, выражавшие много опасений и вовсе не считавшие продолжение войны безопасным для Швеции. Но они были в меньшинстве. Весь правительственный аппарат во главе с представительницей отсутствующего короля принцессой Ульрикой Элеонорой был против заключения мира.

Но все они жестоко ошиблись. Для России отказ от прибалтийских приобретений, которые она всегда считала лишь возвращением стародавних русских владений, был равносилен ликвидации того необходимого, великого дела, без которого Московское царство никак не могло ни дышать свободно, ни жить спокойно, ни торговать и сноситься с Европой так, как

это уже явственно требовалось экономическим развитием. Будет ли Петербург новой европейской столицей или Москва превратится с течением времени лишь в обширную зависимую провинцию, останется ли море навсегда недоступным для русского народа только потому, что в старое время у него были насилием отняты Ивангород, Колывань, Ям, Копорье, Юрьев, Корела и берега Балтики, где он раньше уже был, или ему удастся приобщиться к тем нациям, для которых море — один из необходимых элементов их экономического процветания,— вот какой вопрос ставился для России этим упорством Карла XII, сидящего в Бендерах, и правящих кругов Стокгольма, которые в лице влиятельнейших своих представителей продолжали поддерживать короля.

Царь прекрасно понял, что шведы возлагают надежды: 1) на отсутствие у России сильного флота; 2) на дипломатическую и военную помощь иностранных держав; 3) на время, которое необходимо для создания обстановки и условий, которые могут повести к этому вмешательству. Но Петр решил сделать именно время фактором, который будет работать не на Швецию, а на Россию, потому что даст ему возможность создать сильный флот. Сильный флот и крайне затруднит всякую иностранную интервенцию в пользу Швеции и сломит шведское сопротивление.

Таким образом, для России вся проблема войны сводилась после 1709 г. к скорейшему созданию военного флота на Балтийском море, чтобы сломить упорного врага на море так, как он был сломлен под Полтавой.

После Полтавы, можно сказать, что на суше русско-шведская война, поскольку дело шло о защите русской территории, окончилась. Но на море она еще только разгоралась. Создавая флот, Петр домогался одного: чтобы шведы признали окончательно, что Прибалтика, им принадлежавшая только по праву завоевания, потому что русские в 1596 и 1617 гг. были слишком слабы, чтобы защитить свое достояние, теперь возвращена России. От шведов в 1709 г., после Полтавы, не требовалось, чтобы они уступили России ту территорию, которая еще не была занята русскими войсками. Им предлагалось лишь подписать договор, который признал бы совершившийся факт. И это предлагалось непосредственно после того, как они опустошили беспощадно Белоруссию и Украину и только потому не разорили также Москву и остальную Россию, что у них, к их искреннему прискорбию, не оказалось для этого достаточно сил. Но чтобы заставить шведов подписать мир, России пришлось еще двенадцать лет доказывать, что, продолжая кровопролитие, они вредят больше всего самим себе, и только когда русские войска оказались несравненно ближе к Стокгольму,

чем были шведы в самые «лучшие» свои времена к Москве, тогда и только тогда они согласились подписать мир. Время понадобилось не только России, чтобы создать флот, но оно понадобилось и Швеции, чтобы окончательно разувериться в реальной помощи со стороны великих морских держав.

Только после Полтавы в Европе постепенно стали понимать всю авантюристичность политики Карла XII, который в погоне за Польшей и Украиной потерял Балтику, который отчасти игнорировал русскую армию и вовсе не признавал (даже и не скрывая того) русский флот. Вот как характеризует его английский аноним (a British officer), написавший и напечатавший в Лондоне в 1723 г. «Беспристрастную историю» (An impartial history) Петра I: «Король шведский воевал так, как никакой государь не воевал до него, а именно: стремился одерживать в чужих землях победы — и терял свои земли у себя дома; завоевывал земли в пользу других — и подвергал опасности быть завоеванными свои собственные владения. Он воевал с целью совершить нашествие на Саксонию, которую он заведомо должен был покинуть,— и потерял в это время Ливонию, Эстляндию, Ингрию и часть Финляндии, которые он уже никогда не возвратит» [13].

Беспокойные слухи о победе России носились в Англии, в Бельгии, во Франции, по-видимому, уже в середине августа. «Мы не имеем дальнейших подтверждений о битве между шведами и московитами,— писал герцог Мальборо министру Годольфину 15 августа 1709 г.,— но если только верно, что шведы так решительно разбиты, как о том говорят, то как печально думать, что после постоянных успехов в течение десяти лет он (Карл — *Е. Т.*) в два часа неправильных распоряжений и неудачи погубил себя и свою страну». Только через два месяца после Полтавы герцог Мальборо получил от Меншикова письмо с достоверным и точным известием о катастрофе. «Сегодня после обеда я получил письмо от князя Меншикова, царского фаворита и генерала, о полной победе над шведами. Если бы этот несчастный король получил благой совет заключить мир в начале этого лета, то он мог бы в большой мере повлиять на заключение мира между Францией и союзниками и сделал бы свое королевство счастливым, тогда как теперь он вполне во власти своих соседей»,— писал Мальборо своей жене 25 августа 1709 г.

Уже из этого письма явствует, что англичане сильно беспокоились о своем шведском друге, когда тот еще только приступал к осаде Полтавы, и считали наилучшим для него исходом немедленный мир, даже если придется пойти на известные жертвы.

Когда затем в 1710 г. началось русское наступление и завоевание Ливонии, то ни в Англии, ни в Голландии, ни в Прус-

сии, ни в Дании (а в этих четырех странах очень зорко следили за успехами русской политики) не обнаруживалось уже никакого удивления при вестях о покорении шведских владений. В апреле 1710 г. Шереметев осадил Ригу. Русские беспрепятственно установили батареи между Ригой и Дюнамюнде и мост на сваях, отрезавший город от моря. Флот стоял у берега и помешал шведам увести из Риги суда, которые там находились. 4 июля 1710 г. крепость сдалась, и все суда (24 вымпела) попали в русские руки. Через месяц с небольшим сдались Дюнамюнде (8 августа), а спустя несколько дней — Пернов, Аренсбург и весь остров Эзель. Завоевание Ливонии было завершено 29 сентября 1710 г., когда капитулировал Ревель.

4

Как почти вся свита бежавшего Карла, в плен к русским попал в день Полтавы также и Джеффрис, состоявший в тот момент на не весьма ясной должности «секретаря ее величества королевы (английской) при короле шведском Карле». Вероятно, Джеффрис был посажен британским правительством в шведский лагерь в качестве соглядатая, но наиболее зрело продуманный вывод своих наблюдений над Карлом и его армией ему пришлось сообщить уже из русского плена. «Таким образом, сэр,— писал Джеффрис Витворту 9 июля 1709 г.,— вы видите, что победоносная и многочисленная армия была разгромлена меньше чем в два года, больше всего вследствие пренебрежения (little regard) к своему врагу» [14].

При французском дворе учли довольно правильно итоги Полтавской битвы. Вот что говорилось в инструкции, которая по повелению Людовика XIV была дана в 1710 г. послу де Балюзу: «Ничто не кажется более важным, чем повести переговоры... о диверсии, которая побудила бы врагов заключить мир на разумных основаниях» [15]. Людовик XIV, утомленный и обеспокоенный своими неудачами в войне за испанское наследство, очень хотел бы как-нибудь втянуть Россию в войну против империи Габсбургов. А в силе России Людовик уже не сомневался: «Царь совершил завоевания, которые делают его хозяином Балтийского моря. Оборона завоеванных земель, вследствие их местоположения, настолько легка для Московского государства, что все соседние державы не могли бы принудить (Петра — *Е. Т.*) возвратить эти земли Швеции. Этот государь (Петр — *Е. Т.*) обнаруживает свои стремления заботами о подготовке к военному делу и о дисциплине своих войск, об обучении и просвещении своего народа, о привлечении иностранных офицеров и всякого рода способных людей. Этот образ действий и увеличение могущества, которое является самым большим в Европе (qui est la plus grande de l'Europe), делают

его грозным для его соседей и возбуждают очень основательную зависть в императоре (австрийском — *Е. Т.*) и в морских державах (Англии и Голландии — *Е. Т.*). Его (царя — *Е. Т.*) земли в изобилии доставляют все, что необходимо для мореплавания, его гавани могут вмещать бесконечное количество судов».

Людовик решил соблазнить Петра, предложив ему торговый договор России с Францией и Испанией. Французскому послу повелевается обратить внимание царя на опасность в будущем, грозящую ему со стороны Англии и Голландии, «интересы которых уже не могут согласоваться с его (царскими — *Е. Т.*) интересами».

Зная, до какой степени царь поглощен мыслью о создании флота, французская дипломатия особенно обращает внимание Петра на следующее соображение: «Англия и Голландия только потому с ним обходились дружески, что они находились в войне с Францией и Испанией. Полагались на шведского короля, который стоял во главе многочисленной армии, и нельзя было предвидеть, что царь может в столь короткое время сделать такие значительные завоевания».

Французские министры и король уже хорошо понимают всю недальновидность своего былого пренебрежительного отношения к России и довольно простодушно извиняются за свое высокомерие: «Если царь жалуется, что мы им пренебрегали и что с его послами плохо обходились во Франции, то ему можно ответить, что Московское государство хорошо узнали только с тех пор, как государь, который теперь там царствует, приобрел своими великими деяниями и своими личными качествами уважение других наций, и что вследствие этой репутации его христианнейшее величество (король Людовик XIV — *Е. Т.*) и предлагает ему искренне свою дружбу» [16].

Следует отметить в этом документе одну очень характерную черту. В Европе уже хорошо поняли, что царь желает (и страстно желает) создания не только военного, но и торгового русского флота, и вот Людовик XIV не преминул обратить внимание на монополистические стремления англичан и голландцев в этой области: «Царь должен желать, чтобы его подданные торговали во всей Европе, а это не может согласоваться с интересами Англии и Голландии, которые желают быть перевозчиками (les voituriers) для всех наций и желают одни производить всю мировую торговлю» [17]. Тут характерно это слово «перевозчики». Еще точнее, пожалуй, было бы перевести его словом «извозчики», так как именно этим насмешливым термином называли тогда голландцев: «морские извозчики» (слово «voituriers» происходит от «voiture», что значит карета).

Франция экономически и дипломатически поддерживала шведов, поддерживала посаженного Карлом XII на польский

престол Станислава Лещинского, поддержала бы и Мазепу, если бы Полтава не покончила и с Карлом XII (по крайней мере в Польше и на Украине) и с Мазепой. Поддержки войсками Франция, однако, не дала и дать не могла, во всяком случае пока длилась война за испанское наследство.

Таковы были на первых порах настроения английских и французских правящих кругов, когда в Европе начали серьезно разбираться в значении полного разгрома шведской армии под Полтавой.

Дополним сказанное некоторыми характерными иллюстрациями, касающимися Англии, Голландии, Пруссии, Польши. Мы ограничиваемся тут, в этом кратком очерке, лишь ближайшим временем, не касаясь общих, более отдаленных последствий перелома в Северной войне, происшедшего на берегах Ворсклы и Днепра в последние дни июня 1709 г.

Начнем этот очень краткий обзор с «морских держав».

«Союзные» отношения между Англией и Голландией были всегда весьма сомнительного свойства. Эти державы конкурировали в торговле — как европейской, так и колониальной, соревновались они друг с другом, в частности, и в области торговли с Россией. Морская торговля с Архангельском, а впоследствии с Петербургом тоже обостряла эту стародавнюю конкуренцию. Общая, жизненно важная борьба против захватнических стремлений Людовика XIV сделала их временными союзниками, а так как Франция была в союзе с Швецией, то они тем самым оказались противниками Карла XII и союзниками Петра. Но едва только начинал слабеть напор со стороны французов, как вся искусственность, случайность, «конъюнктурность», как уже тогда выражались, и союза с Голландией, и дружбы с Россией, и вражды с Швецией начинала сказываться: англичане и особенно правившая в Англии с 1710 г. торийская партия постепенно охладевали к своим союзникам — России и Дании, потому что обе эти державы были кровно заинтересованы в удачном исходе борьбы против Швеции и больше всего держались за укрепление «северного союза». А в будущем обе эти державы могли всегда помочь Голландии, но никак не Англии, если бы со временем между Англией и Голландией возникла снова старая борьба.

Русский посол в Англии Куракин довольно хорошо во всем этом разбирался. Он докладывал Петру: «Они (англичане — *Е. Т.*) ...хотят видеть шведа в силе, чтобы датский не был силен, который есть больше приятелем Голландии, нежели им, и для опасности впредь: ежели бы война между Англиею и Голландиею была, то, конечно, датскому с голландцы быть в алиансе (союзе — *Е. Т.*); но ежели шведы не будут в силе от того (т. е. от союза с голландцами — *Е. Т.*) датского преду-

держать, то англичане не могут кого сыскать в алианс себе против датского и голландцев. Франция будет радошно (sic — *Е. Т.*) на ту игру смотреть»[18].

Куракин предварял, между прочим, царя, что посол английский Витворт в душе враг России: «Особливе еще внутренним неприятелем был и есть, который к шведским интересам весьма склонен».

Джон Черчилль (герцог Мальборо) недоброжелательно и неискренне относился к русским и не только в годы своего всемогущества при дворе королевы Анны, но и тогда, когда лорд Болингброк низверг (1710 г.) вигов и произошло политическое падение Черчилля: «... по ответу, учиненному вам по приезде туда от дука Мальбурга, усмотрел я, что сей дук при своем падении еще скорпионовым хвостом... не минул нас язвить»,— с негодованием писал из Гааги русский посол А. А. Матвеев князю Б. Куракину в Лондон 5 января 1711 г. об антирусских чувствах Черчилля, которые тот никак не мог скрыть даже после своей отставки[19]. А ведь «уязвление» ядовитым «скорпионовым хвостом» со стороны герцога Мальборо было в тот момент особенно болезнетворно для России. Мальборо, еще сохранивший пока командование армией, противился оказанию в какой бы то ни было форме подмоги русским против турок, объявивших войну России по наущению французского двора и короля Карла XII, продолжавшего пребывать в Турции.

Куракин упоминает Витворта, на содержательные секретные донесения которого из Москвы в Лондон мы неоднократно ссылались. Но от этого всегда опасавшегося России и враждебно настроенного дипломата остался и другой документ, составленный в 1710 г. и представляющий некоторый интерес и по содержанию, и по личности автора, и по значению, которое ему придавали в правящих кругах Англии.

Из всего дипломатического корпуса, аккредитованного при Петре I во время шведского нашествия 1708—1709 гг., конечно, наибольшей сравнительно осведомленностью о России обладал именно британский посол Чарлз Витворт. Он оставил — вовсе не для печати, а для своего начальства — небольшой мемуар о России, который был издан в 1758 г., спустя много лет после его смерти[20]. Этот очерк (очень похожий на секретную докладную записку по начальству) интересен потому, что дает нам понятие, как смотрел на петровскую Россию дипломат, только что переживший громовые раскаты Полтавской битвы. Британский кабинет еще долго судил о России по Витворту. Только с этой точки зрения эта маленькая книжка и любопытна, несмотря на все ее курьезы, ложь и нелепости, без которых автор не обошелся. Он пользуется, не указывая

источников, сведениями, которые добыл, сидя в Москве в качестве посла королевы Анны в 1705—1710 гг.

Очень проницательно Витворт (писавший в начале 1710 г. свой секретный мемуар о России) предупреждает, что царь скорее отдаст «свои лучшие провинции», чем уступит только что основанный Петербург, из которого царь надеется со временем, по словам Витворта, сделать «второй Амстердам или Венецию» [21].

Витворт находит, что русский народ при обучении и дисциплине «может далеко пойти» в военном деле, так как изумительно переносит тяготы войны, «безразлично относится к смерти и страданиям» и имеет «пассивную храбрость» (sic — *Е. Т.*). Неизвестно, какой еще «активной» храбрости понадобилось Витворту, после того как русские в два часа времени сломили и уничтожили шведскую армию Карла XII, которую англичане ставили всегда выше своей собственной.

Во всяком случае Витворт, покидая Москву 24 марта 1710 г., уносил с собой беспокойную мысль о том, что Полтава — не конец, а начало нового периода, когда Россия будет оказывать существенное влияние на дела Европы. Он не ошибся.

Еще перед Полтавой *Польша оказывалась совершенно бессильной* оградить себя от вторжения, кто бы и откуда бы ни пошел на нее. Приверженцы Августа ждали русской победы, хотя вплоть до 27 июня 1709 г. не очень в нее верили. Приверженцы Лещинского ждали победы шведов. Но ни тем, ни другим и в голову не приходило предпринять самостоятельное военное выступление против какого-либо из двух боровшихся врагов. Лещинский, которого с таким непостижимым легковерием ждал Карл под стенами Полтавы, был не в силах даже и свои собственные неясные, движущиеся границы оградить. Участь Польши решилась на берегах Ворсклы, замечает новейший историк Речи Посполитой в годы Северной войны [22].

«Эта победа, по всей вероятности, создаст большую перемену в делах всего Севера, и король Станислав, по-видимому, первый это почувствует, так как его царское величество решил идти в Польшу, раньше чем шведы создадут новую армию»,— писал посол Витворт из Москвы в Англию 6 июля 1709 г., получив первые известия о великой русской победе под Полтавой.

В дополтавский период Северной войны Речь Посполитая медленно и недружно вступала в войну против шведов, в которую была вовлечена своим королем, курфюрстом саксонским Августом, именно в качестве курфюрста, заключившего с Петром соглашение в 1699 г. и подтвердившего этот пакт в 1701 и 1703 гг. Первые успехи Карла XII на территории польско-литовского государства, низложение Августа с королевского престола и «избрание» по воле Карла на престол Станислава

Лещинского в 1704 г.— все это произвело благоприятный для России большой сдвиг в среде большей части шляхетства. Угроза иностранного завоевания и захвата Речи Посполитой в глазах очень значительных кругов аристократии и среднего дворянства шла уже именно со стороны шведов, а вовсе не русских, и Станислав явился в глазах многих в роли простого шведского агента, предателя и узурпатора. И в Литве (больше всего), и в землях «короны» шансы приверженцев Августа II стали возрастать. Даже после Альтранштадтского мира Станислав держался почти исключительно силой шведов, не уходивших из Польши, а не поддержкой своих малочисленных сторонников. Поэтому тотчас же после Полтавы Август без малейших затруднений вновь воцарился в Польше, заняв место бежавшего без оглядки Станислава. Во время «жолкиевского сидения» 1707 г. Петр поддерживал сандомирские совещания магнатов, изверившихся в возвращение Августа и намечавших на его место то венгерского вельможу Ракоци, то Алексея и т. п. Но ничего из этих совещаний не вышло и из-за разногласий, и из-за начавшихся явных приготовлений Карла к предстоящему завоевательному походу в Россию и соответственных мероприятий Петра.

Теперь, после Полтавы, Петру, разумеется, выгоднее всего было немедленно и естественно уладить вопрос о польском престоле, признав полную законность восстановления Августа II. Конечно, ни о каких стародавних претензиях Речи Посполитой на Белую Церковь (о чем еще говорилось в Сандомире), ни о претензиях Августа II на Ливонию не могло серьезно быть и речи.

Петр «простил» Августу альтранштадтскую измену и сейчас же после Полтавы приказал русскому отряду прогнать вон из Польши шведские полки, еще там стоявшие, а польские магнаты поспешили провозгласить Станислава Лещинского низложенным и восстановили Августа на престоле.

Истинную цену польско-саксонскому союзнику Петр знал очень хорошо. «Где же мой подарок сабля?» — спросил Петр Августа, имея в виду саблю с рукояткой, осыпанной драгоценными камнями, которую он подарил некогда Августу, вступая в союз с ним. «Забыл ее в Дрездене!» — поспешил ответить Август. «Ну, так вот я тебе дарю новую саблю!» — сказал царь и отдал при этом уличенному во лжи «союзнику» эту самую саблю, которую русские нашли на поле Полтавской битвы в личных вещах бежавшего Карла XII: оказалось, что в 1707 г., заключая свой предательский договор с Карлом, Август подарил шведскому королю этот петровский подарок...

Эта неприятная сцена не помешала Августу подослать к Петру своего министра Флемминга и пытаться выпросить у

Петра кое-что в пользу Польши из последних русских завоеваний в Прибалтике. Но из этого ровно ничего не вышло. Не для того Петр выдержал такую долгую и тяжкую борьбу, чтобы, вытеснив шведов, допустить саксонских немцев или поляков к только что приобретенному морскому берегу. «Все мои союзники меня покинули в затруднении и предоставили меня моим собственным силам. Так вот теперь я хочу также оставить за собой и выгоды и хочу завоевать Лифляндию, чтобы соединить ее с Россией, а не за тем, чтобы уступить ее вашему королю или польской республике» [23],— таков немецкий вариант разговора, который показал послу Августа Флеммингу, что ни Саксонии, ни Польше ничего не перепадет из добытого от шведов русской кровью.

Карл с большим, правда, опозданием обратил, наконец, после Полтавы внимание на то, что русская армия не такая уж незначительная величина, как ему это всегда до сих пор почему-то казалось. Приходили в Бендеры беспокойные слухи о строящихся с кипучей энергией русских военных кораблях на Финском заливе. Не очень уверен был король и в том, что случится, если генералу Крассау («Крассову») придется столкнуться с русской армией. После того что приключилось от этой встречи с ним самим, можно ли положиться на Крассова?

Но Крассов, даже и не дожидаясь совета или указания от своего повелителя, поспешил убраться в Померанию, откуда гораздо легче благополучно достигнуть родных шведских берегов, чем из Варшавы или из Кракова, в случае каких-либо нежелательных сюрпризов со стороны русской армии, обнаружившей такую внезапную предприимчивость и такое могущество.

Предательское поведение Августа II, которое в конце 1706 г. и в течение последующих лет ставило русскую армию в Польше в такое трудное, а временами в отчаянное положение, было, конечно, очень давно понято и оценено по достоинству Петром. Но теперь Петр повел себя как искуснейший дипломат. Август и сейчас мог быть нужен. Следовательно, надлежало сделать вид, что старое забыто, быль молодцу не в укор и т. д. Поэтому встреча трепетавшего Августа с царем оказалась любезной («любительной»), и разговоры тоже велись самые учтивые. Вот как описан этот щекотливый момент: «В 26 день (сентября 1709 — *Е. Т.*), не доезжая Торуня за милю, король польский встретил государя на двух маленьких прамах, которые обиты были красным сукном, и как приехал король Август к судну государеву, тогда государь его короля встретил, и между собою имели поздравление и любительные разговоры о состоянии своего здравия и случившихся дел».

Польский король мгновенно согласился 29 сентября на

новый наступательный и оборонительный союз Польши и Саксонии с Россией против Швеции [24].

Со всех сторон стекались поздравители к полтавскому победителю. Прибыл 7 октября в Торунь чрезвычайный посланник от короля датского — барон фон Ранцов «с поздравлением государю о виктории полтавской такожде и для домогательства, дабы королю его с ним государем в союз наступательный и оборонительный против Швеции вступить» [25].

8 октября между фон Ранцовым и русскими министрами, бывшими в свите царя, были согласованы статьи договора о союзе против шведов, тотчас же ратифицированные в Копенгагене.

Поспешил навстречу судну царя, отплывшему по реке Висле из Торуня, и король прусский, который и явился на царское судно недалеко от Мариенвердера. Тут удалось (17 октября) заключить между Россией и Пруссией лишь оборонительный союз против Швеции. На наступательный Фридрих Вильгельм не решился. Он, как и его предшественник, Фридрих I, поставил себе целью поживиться чем-нибудь в конце войны за счет одной из воюющих сторон и, конечно, именно той, которая будет побеждена. Победит Карл XII — можно будет урвать что-нибудь на Балтике у Петра; победит Петр — можно будет так или иначе овладеть Померанией...

Таковы были первые, самые непосредственные изменения в общей политической атмосфере Европы, которые должен был принять к сведению и учесть полтавский победитель при первой встрече со своими «друзьями» и «союзниками» после Полтавы. Но его путь был уже предначертан. Война снова должна была перенестись на берега Балтийского моря: Рига и вытеснение шведов из Финляндии становились на очередь.

Военные операции (после Полтавы) на Балтийском море могут быть разделены на следующие периоды:

1. Конец 1709 и первая половина 1710 г.— Русские овладевают окончательно Ливонией, берут Ригу, Динабург, Пернов, Аренсбург, Ревель (старую русскую Колывань). Этим оканчивается и закрепляется за Россией Ливония и острова Эзель и Даго, т. е. завершается дело овладения Ингрией, Эстонией и Ливонией, начатое в 1701 г. и продолжавшееся до 1706 г., когда полная победа Карла XII над Августом, ставшая необходимой гродненская операция, отход русской армии из Гродно на Волынь и Киев, предательский сепаратный мир Августа с Карлом, явные приготовления Карла XII к походу на Россию, наконец, события 1708—1709 гг. надолго отвлекли внимание и заботы русского командования от прибалтийского театра войны.

2. Решительное нежелание шведов вступить в мирные пе-

реговоры, слухи о переговорах укрывшегося в Бендерах Карла XII с турками о турецком походе в Польшу и на Украину, наконец, победы шведского генерала Магнуса Стенбока над датчанами — все это заставляет русское командование ускорить поход на Финляндию. Диверсия Любекера в 1708 г., пытавшегося взять Петербург, хотя эта попытка и провалилась весьма постыдно, явно ставила на очередь вопрос об обеспечении новой будущей столицы от внезапного нападения из Финляндии.

История овладения Финляндией в свою очередь делится на два периода: 1710 г.— осада и овладение Выборгом и Кексгольмом и, после перерыва, вызванного прутским походом, возобновление финской операции в 1713 и 1714 гг., победы России на суше и на море, завоевание всей Финляндии до Торнео. Но все это уже новая страница истории. Старая закончилась словом «Полтава», навсегда вписанным золотыми буквами в летопись русской славы.

Анализируя главные результаты петровской внешней политики, прежде всего останавливаясь на великом шведско-русском столкновении, мы должны будем констатировать, что здесь Россия при Петре достигла именно того, к чему стремилась, и даже большего. О «подушке», дающей безопасность Петербургу, в виде приобретения Выборга и побережья от устья Невы до Выборга, Петр даже еще не мечтал, когда начиналась Северная война. Не думал он и о том, что удастся утвердиться в Курляндии и сделать из герцогства не только «буфер» между Россией и Пруссией, но и серьезную оборонительную позицию и охрану возвращенного русскому народу южного побережья Балтики. Достижения были в данном случае гораздо шире первоначально намеченных целей.

Покушение врага прекратить самостоятельное существование России окончилось полным его разгромом. Русский народ возвратил себе свои старые приморские владения и обезопасил их, утвердил прочно свое решающее влияние в Курляндии, отделяющей Пруссию от этих возвращенных России прибалтийских земель. Весь южный берег Балтийского моря от устья Невы до прусской границы, часть северного побережья Финского залива от устья Невы до Выборга включительно были в нашей власти. А на устье Невы все шире распространялся новый город великого будущего со своими верфями и заводами. Русский флот владычествовал на Балтике. Громадная, прекрасно вооруженная армия сторожила границы колоссального государства, и самый факт ее существования оказывал серьезное влияние на всю политику тогдашнего мира.

Война длилась двадцать один год, но в народной памяти больше всего удержалось и ярче всего навсегда запомнилось

жестокое лихолетье 1708—1709 гг., когда сильный враг, всюду считавшийся непобедимым, успевший сокрушить несколько государств и разгромить несколько европейских армий, вторгся в Россию, открыто заявляя, что он месяца через три войдет в Москву и русское государство будет навеки уничтожено.

Не было предела ненависти, жестокости и презрению, которые питал неприятель к русскому народу, и эти чувства нисколько не скрывались именно потому, что у агрессора было глубочайшее убеждение в скорой и всесокрушающей победе.

Шведские правители поставили на карту все. Многим из них казалось, что исход предстоящей интересной завоевательной прогулки в Москву предрешен и риска никакого нет. Но на самом деле очень многое было поставлено и проиграно шведами в этой затеянной ими кровавой игре. Было навсегда проиграно великодержавие, подорваны военные и морские силы государства, страшно надорвана на целые поколения вперед экономика страны. Голод, обнищание, болезни, которые медицина обозначает термином «эндемические», т. е. болезни, постоянно бытующие в данной стране,— вот что на долгие десятилетия вперед стало участью народной массы в Швеции. Люди среднего возраста, помнившие, чем была Швеция до Великой Северной войны, с трудом привыкали к зрелищу, которым стала несчастная страна после Ништадтского мира и даже гораздо раньше — после Полтавы.

Весь этот роковой для шведских агрессоров переворот произошел именно в 1708—1709 гг., потому что после Полтавы исход войны был безусловно предрешен. На свою беду Швеция не пошла сразу же после Полтавы на мир, предпочла агонизировать, надрывать последние силы, терять последние клочки забалтийской своей территории. Но после полтавского сокрушающего удара уже возврата к прежнему не было. Еще в первые месяцы 1708 г. Швеция — держава, перед которой трепещут Австрия, Пруссия, Польша, страны Германии, которой льстят французский король Людовик XIV, английская королева Анна, Голландия, побежденная Карлом XII Дания. После Полтавы — шведские послы просят свое правительство поскорее их отозвать, потому что им невмоготу выносить оскорбления и иронические насмешки при иностранных дворах.

Тяжкое историческое возмездие постигло Швецию за ее попытку поработить русский народ. Но это не помешало тому, что еще дважды, в XIX и XX вв., подобные попытки повторялись другими державами, и всякий раз дело кончалось не только поражением, но и катастрофой для агрессивного государства. Армии агрессоров не только отбрасывались, но уничтожались.

Комментарии

ЧЕСМЕНСКИЙ БОЙ И ПЕРВАЯ РУССКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В АРХИПЕЛАГ

[1] Соловьев С. М. *История России*, кн. 6, т. XXVI, стр. 88 (3 изд.).

[2] Чечулин Н. Д. *Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II*. СПб., 1899, стр. 181.

[3] Ценнейшие документы об этой тайной дипломатии, взятые из семейного архива графов де Бройль, см. в кн.: Broglie. *Le secret du roi*, т. I—II. P., 1879.

[4] Doniol H. *Politiques d'autrefois: le comte de Vergennes et P. M. Hennin. 1749—1787*. P., 1898, p. 22—23.

[5] Найденная Анри Дониолем рукопись Эннена о Верженне опубликована впервые Дониолем в указанной выше книге.

[6] Письмо кн. Д. А. Голицына — кн. А. М. Голицыну от 2 ноября 1769 г. — *Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел*, вып. 2. М., 1881, стр. 90—91.

[7] Мартенс Ф. *Собрание трактатов и конвенций*, т. XIII. СПб. 1902, стр. 137.

[8] Там же, стр. 138.

[9] Pingaud L. *Choiseul-Gouffier*. P., 1887, p. 117.

[10] Там же.

[11] Stoker J. *William Pitt et la révolution française*. P., 1935, p. 206.

[12] Эти уточнения дает очень осведомленный английский консул Вильям Итон, долго служивший в Турции. См. *Tableau historique, politique et moderne de l'empire Ottoman*, t. II. P., 1808, p. 166.

[13] Письмо графа Панина к графу Чернышеву в Лондон. В Петергофе, 18 июля 1769 г.— Сб. РИО, т. LXXXVII. СПб., 1893, стр. 473—477.

[14] Рескрипт императрицы Екатерины II, данный на имя графа Алексея Орлова, 29 января 1769 г.— Сб. РИО, т. I. СПб., 1867, стр. 1—13.

[15] Там же, стр. 10.

[16] Собственноручный журнал капитан-командора (впоследствии адмирала) С. К. Грейга в Чесменский поход.— *Морской сборник*, т. II, 1849, октябрь, № 10, стр. 653. (В дальнейшем сокращено: *Собственноручный журнал С. К. Грейга*).

[17] Рескрипт императрицы Екатерины II, данный на имя графа Алексея Григорьевича Орлова, 11 августа 1769 г.— Сб. РИО, т. I, стр. 23.

[18] Рескрипт императрицы Екатерины II, данный на имя графа Алексея Григорьевича Орлова, 4 марта 1769 г.— Там же, стр. 14.

[19] Собственноручное письмо императрицы Екатерины II к графу Алексею Григорьевичу Орлову, 6 мая 1769 г.— Там же, стр. 17.

[20] Письмо графа Панина к Мусину-Пушкину в Лондон. В Царском Селе, 29 мая 1770 г.— Сб. РИО, т. XCVII. СПб., 1896, № 1960, стр. 81.

[21] *Материалы для истории русского флота*, ч. XI. СПб., 1886, № 179, стр. 363.

[22] Копия с рескрипта императрицы Екатерины II, данного на имя контр-адмирала Арфа, 5 июня 1770 года.— Сб. РИО, т. I, стр. 124—137.

[23] Собственноручный журнал С. К. Грейга.— *Морской сборник*, 1849, октябрь, № 10, стр. 645.

[24] Центральный государственный архив Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ), фонд Шканечные журналы, № 950.

[25] Собственноручный журнал С. К. Грейга.— *Морской сборник* 1849, октябрь, № 10, стр. 652.

[26] *Записки князя Юрия Владимировича Долгорукова.— Русская старина*, 1889, сентябрь, стр. 491—492.

[27] *Сказания о роде князей Долгоруковых*. СПб., 1842, стр. 302.

[28] А. Дубровский — С. Р. Воронцову. 14 (25) генваря 1763.— *Архив князя Воронцова*, кн. XXXIV. М., 1888, стр. 287.

[29] Соколов А. *Архипелагские кампании.— Записки Гидрографического департамента Морского министерства*, т. VII. СПб., 1849, стр. 281—283.

[30] Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). 1770—1775. Переписка с графом Н. И. Паниным. Екатерина — Панину. Августа 11 числа 1770 г.

[31] Глотов А. Я. *Чесменский бой.— Отечественные записки*, часть третья, 1820, № 5, стр. 57. (Статья Глотова, составленная отчасти по устным рассказам и показаниям участников.)

[32] *В память Чесменской победы*. Сборник документов. Одесса, 1886, стр. 9.

[33] Там же.

[34] Собственноручный журнал С. К. Грейга.— *Морской сборник*, 1849, декабрь, стр. 805.

[35] А. Соколов опубликовал несколько иные данные архива Гидрографического департамента (см. VII ч. *Записок Гидр. деп.*): 628 человек погибших и 63 спасшихся на корабле «Евстафий».

[36] ЦГАВМФ, ф. Шканечные журналы, № 950, 1769—1770. Запись 24—26 июня 1770 г.

[37] Милюков П. *Материалы для истории русского флота. Адмирал Александр Иванович фон Круз.— Морской сборник*, т. XVI, № 6, отд. IV, 1855, стр. 227—271.

[38] ЦГАВМФ, ф. Шканечные журналы, № 947. Шканечный журнал *Не тронь меня*, 24—26 июня 1770 г.

[39] *В память Чесменской победы*. Сборник документов. Одесса, 1886, стр. 19—22.

[40] *Mémoires du baron de Tott*, т. III. Amsterdam, 1784, p. 38.

[41] ЦГАВМФ, ф. Шканечные журналы, № 950, 1770 г., л. 164 и 164 об. Шканечный журнал *Трех иерархов*.

[42] Собственноручный журнал С. К. Грейга.— *Морской сборник*, 1849, декабрь, стр. 811.

[43] 1770 г. июня 26 дня. Приказ. Подлинные подписал: граф Алексей Орлов.— *В память Чесменской победы...*, стр. 23.

[44] Там же, стр. 57.

[45] О сожжении турецкого флота при Чесме (из историографа Оттоманской империи Ахмеда Вассафа Эфенди).— *Труды и летописи Общества истории и древностей российских*, ч. VII. М., 1837, стр. 117—118.

[46] *Рассказ Ресми-эфендия, оттоманского министра иностранных дел, о семилетней борьбе Турции с Россией.* СПб., 1854, стр. 75—76.
[47] Там же, стр. 77—78.
[48] T o t t, baron. *Opisy Turków i Tatarów*, t. I—III. Warszawa, 1789—1791.
[49] *Mémoires du baron de Tott*, t. III. Amsterdam, 1784, p. 33—34.
[50] *Морской сборник*, т. IX, 1853, стр. 285.
[51] ЦГАВМФ, фонд адмирала Спиридова, дело № 12, 1770, л. 197—198. Подписано: «Арф».
[52] Там же, л. 199—200.
[53] Рескрипт императрицы Екатерины II, данный на имя графа Алексея Григорьевича Орлова, 19 июля 1770 г.— Сб. РИО, т. I, стр. 39.
[54] *Материалы для истории русского флота*, ч. XI. СПб., 1886, стр. 654—656.
[55] Сб. РИО, т. I, стр. 65—66.
[56] F i n l a y. *History of Greece*, vol. V. London, 1877, p. 253—274.
[57] Орлов — Хотинскому, Ливорно, 21 декабря 1770.— Сб. РИО, т. I, стр. 66—67.
[58] Рескрипт императрицы Екатерины II, данный на имя графа Алексея Григорьевича Орлова, 18 декабря 1772 г.— Там же, стр. 89.
[59] «This by one stroke the whole maritime force of the Ottoman power was destroyed...» (A summary account, etc.). — Сб. РИО, т. XIX. СПб., 1876, стр. 81, № 35.
[60] ЦГАВМФ, фонд адмирала Спиридова, дело, № 2, 1770, л. 11—12.
[61] «Перевод с письма, писанного вообще от всех европейских консулов, пребывающих в Смирне, от 21 июля, поданного депутатами консулов 25 июля (5 августа) 1770 года». Журнал капитана Хметевского.— *Современник*, т. XLIX, 1855, стр. 60.
[62] Аббат Галиани — И. И. Шувалову. Неаполь, 1 октября 1771 г.— *Литературное наследство*, т. 29—30. М., 1937, стр. 282—283.
[63] *Общий морской список*, ч. II. СПб., 1885, стр. 194—196 (формуляр Коняева).
[64] Всеподданнейшее донесение графа А. Г. Орлова с корабля «Ростислав», от острова Миконо, 1772 г., ноября 7.— *Материалы для истории русского флота*, ч. XII. СПб., 1888, стр. 24—28.
[65] ЦГАВМФ, ф. Шканечные журналы, корабль «Граф Орлов», № 1114, л. 98 об.— 100.
[66] Там же, л. 101—102.
[67] К р о т к о в А. *Повседневная запись замечательных событий в русском флоте* СПб., 1893, стр. 465.
[68] *Материалы для истории русского флота*, ч. XII, стр. 129—130.
[69] Рескрипт императрицы Екатерины II, данный на имя графа Алексея Григорьевича Орлова, 25 февраля 1773 г.— Сб. РИО, т. I, стр. 90—91
[70] Рескрипт императрицы к контр-адмиралу С. К. Грейгу. Дан в Санкт-Петербурге, 9 октября 1773 года.— Сб. РИО, т. CXVIII. СПб., 1904, стр. 473—477.
[71] F l a g g B e m i s S. *Diplomatic history of the United States.* N.Y., 1942, p. 15.
[72] Журнал капитана Хметевского. — *Современник*, т. XLIX, 1855, стр. 151—156.
[73] Там же, стр. 77—78.
[74] *Материалы для истории русского флота*, ч. XII, стр 132—133. Орлов — Екатерине. С корабля «Чесма», при острове Наксии, 1773 года, марта 5.
[75] Переписка императрицы Екатерины II с разными особами. СПб., 1807, стр. 84.

[76] Здесь не указан четвертый погибший корабль — «Святослав».

[77] Соколов А. *Архипелагские кампании.— Записки Гидрографического департамента Морского министерства*, ч. VII. СПб., 1849, стр. 400—401.

[78] «Avec le temps ni vous, ni moi, nous ne le pouvons pas, mais il faudra toute l'Europe pour contenir ces gens-là, les turcs ne sont rien à côté d'eux».

АДМИРАЛ УШАКОВ НА СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ

Освобождение Ионических островов

[1] Письмо гр. П. А. Румянцева гр. И. Г. Чернышеву от 21 июля 1771 г. — *Материалы для истории русского флота*, ч. VII. СПб., 1877, стр. 736.

[2] *Материалы для истории русского флота*, ч. XV. СПб., 1895, стр. 316.

[3] Там же, стр. 332.

[4] Там же, стр. 307.

[5] Там же, стр. 288.

[6] Мы не останавливаемся на анализе тактических приемов Ушакова в этом сражении и отдельных фазах сражения. Интересующимся рекомендуем статью вице-адмирала Ю. Ф. Ралля. *Наступательная тактика адмирала* Ф. Ф. *Ушакова.— Морской сборник*, 1945, № 7.

[7] Грамота Екатерины II Ушакову от 14 октября 1791 г.— *Материалы для истории русского флота*, ч. XV, стр. 580.

[8] Там же, стр. 576.

[9] Мордвинов был уволен Потемкиным в декабре 1788 г., а Войнович— в марте 1790 г.

[10] ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова, д. 6925, л. 96. Копия. Письмо Ф. Ф. Ушакова Н. С. Мордвинову, 22 марта 1798 г.

[11] Там же, д. 6, л. 33—35. Протокольная запись. Всеподданнейшее прошение вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова императору Павлу I, 5 мая 1798 г.

[12] Документы «а», «б» и «в» напечатаны во II томе *Архива графов Мордвиновых*. СПб., 1901, стр. 352—353 и 353—355. Документ «г» (рукопись) находится в ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. № 964/2, л. 137—139 (копия). Документ «д» (рукопись) находится в ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия Ф. Ф. Ушакова, д. 6926, л. 67—69 (копия). Документ «е» напечатан в *Материалах для истории русского флота*, ч. XVI, стр. 324—326.

[13] ЦГАВМФ, ф. Сборный. 1798 г., д. 7, л. 88—89. Копия.

[14] Высочайший указ вице-адмиралу Ушакову 1798 г., июля 25.— *Материалы для истории русского флота*, ч. XVI, стр. 250.

[15] Метакса Е. *Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы*. Пг., 1915, стр. 5. Это — единственное полное издание ценнейших «Записок» с предисл. и прим. В. Ильинского. По другим данным, было 7 линейных кораблей, 5 фрегатов и 4 авизо. В общем, и по тем и по другим данным, 16 судов (у Скаловского *Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова* на стр. 219 явная ошибка: «17»).

[16] ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова, д. 6, л. 49—51. Протокольная запись. Рапорт вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова императору Павлу I о прибытии в Константинопольский пролив etc. 29 августа 1798 г.

[17] Бантыш-Каменский Д. *Словарь достопамятных людей русской земли*, ч. 5. М., 1836, стр. 198—199. Эти строки взяты Бантыш-Каменским из недописанного документа, имеющегося в делах ЦГАВМФ в Ленинграде.

[18] Сб. РИО, т. 29. СПб., 1881, стр. 407—408. Безбородко — Воронцову, 6 октября 1798 г.

[19] Сб. РИО, т. XXIII. СПб., 1881, стр. 406.

[20] ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 97, л. 11—12. Копия Рескрипта Павла I вице-адмиралу Ф. Ф. Ушакову, сентября 28, 1798 г., г. Гатчина.

[21] ЦГАДА. Госархив, XX разр., д. 372, л. 185—188. Отношение В. С. Томары Ф. Ф. Ушакову о целях и задачах внешней политики etc. 13 (24) ноября 1798 г.

[22] Метакса Е. Цит. соч., стр. 19.

[23] Bellaire. *Précis des opérations générales de la division française du Levant.* P., an XIII (1805), p. 449.

[24] Там же, стр. 285—287.

[25] Броневский В. *Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 г.*, ч. II. СПб., 1836, стр. 100—101.

[26] Bellaire. Цит. соч., стр. 286—287.

[27] ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова, д. 6926, л. 147—148. Копия. Ср. также цит. соч. Е. Метаксы, стр. 37.

[28] Любопытно, что генерал Бонапарт поспешил послать на Ионические острова ученого Арно и неотступно требовал от него, чтобы тот поскорее собрал и отправил в Париж все картины, статуи, драгоценные рукописи, какие только найдет. Арно не успел: русские помешали.

[29] Istria D. *Les Iles Ioniennes.— Revue des deux mondes*, t. XVI. P., 1858, p. 398. Дора д'Истрия допускает небольшую неточность: командировка Жантильи состоялась 12 июня (24 прериаля) 1797 г., а 27 июня (9 мессидора) французы уже высадились на о. Корфу.

[30] Метакса Е. Цит. соч., стр. 50—51.

[31] Там же, стр. 51.

[32] Там же.

[33] Там же, стр. 51—52.

[34] ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова по командованию эскадрой в Средиземном море, д. 6925, л.316. Обращение Ф. Ф. Ушакова к жителям о. Занте об организации местного самоуправления 19 октября 1798 г.

[35] Там же, л. 313. Копия. Ордер Ф. Ф. Ушакова майору Дандри о выплате частным лицам французских долгов 20 октября 1798 г.

[36] Метакса Е. Цит. соч., стр. 70—71.

[37] Там же, стр. 73—74.

[38] Ее наличие констатируют наши источники.

[39] Метакса Е. Цит. соч., стр. 76.

[40] ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова, д. 6926, л. 240. Копия. Ордер Ф. Ф. Ушакова комиссии и выборным судьям etc. 26 ноября 1798 г.

[41] Там же, д. 6927, л. 2 об.— 3 об. Копия. Обращение Ф. Ф. Ушакова и Кадыр-бея к жителям и старшинам о. Цериго etc. 2 января 1799 г.

[42] ЦГАДА, ф. КП. Переписка посланника Томары с адмиралом Ушаковым, д. 45, л. 148—150. Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре 18 декабря 1798 г.

[43] Метакса Е. Цит. соч., стр. 115.

[44] Там же, стр. 129—130.

[45] ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 97, л. 13—15. См. также Скаловский Р. *Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова.* СПб., 1856, стр. 373—376.

[46] Метакса Е. Цит. соч., стр. 131—132.

[47] Там же, стр. 134.

[48] Там же, стр. 140—141.

[49] Эти воспоминания Butet до сих пор не изданы. Их цитирует Пизани в своей небольшой статье: *L'expédition russo-turque aux Iles Ioniennes.— Revue d'histoire diplomatique*, 1888, № 2, p. 211.

[50] ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 97, л. 18. Копия. См. также: Скаловский Р. Цит. соч., стр. 379—380.

[51] ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова, д. 6, л. 72—76. Протокольная запись.

[52] Метакса Е. Цит. соч., стр. 159.

[53] ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова, д. 6926, л. 225. Копия. Письмо Ф. Ф. Ушакова Кадыр-бею, 2 декабря 1798 г

[54] Там же, д. 6925, л. 443. Копия. Ордер Ф. Ф. Ушакова капитану 2 ранга Селивачеву, 21 декабря 1798 г.

[55] ЦГАДА, ф. КП. Переписка посланника Томары с адмиралом Ушаковым, д. 46, л. 36—37. Копия. Письмо вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова полномочному министру в Неаполе В. В. Мусину-Пушкину-Брюсу, 11 января 1799 г.

[56] Метакса Е. Цит. соч., стр 191—194.

[57] Там же, стр. 194.

[58] ЦГАДА, ф. КП. Переписка посланника Томары с адмиралом Ушаковым, д. 45, л. 148—150. Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре etc. 8 декабря 1798. Корабль «Св. Павел».

[59] Там же, д. 46, л. 100—103. Подлинник. Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре, 5 марта 1799 г. Корабль «Св. Павел».

[60] Метакса Е. Цит. соч., стр. 215.

[61] Для успешного действия каленые ядра требовали длительного накаливания до вишневого цвета в особых печах и более сложного процесса заряжания, что сильно снижало скорость стрельбы.

[62] Исаков И. С. Приморские крепости. Примеры морских атак Корфу.— Морской сборник, 1945, № 5-6, стр. 33.

[63] ЦГАДА, ф. КП. Переписка посланника Томары с адмиралом Ушаковым, д. 46, л. 71—74. Подлинник. Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре, 5 марта 1799 г. Корабль «Св. Павел».

[64] Метакса Е. Цит. соч., стр. 212.

[65] Там же, стр. 213—216.

[66] ЦГАДА, ф. КП. Переписка посланника Томары с адмиралом Ушаковым, д. 46, л. 71—74. Подлинник. Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре, 5 марта 1799 г. Корабль «Св. Павел».

[67] ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова по командованию эскадрой в Средиземном море, д. 6927, л. 89 об. Копия.

[68] ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 1064, л. 36—41.

[69] ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова по командованию в Средиземном море, д. 15, л. 36—38. Копия. Капитуляция крепости Корфу 20 февраля 1799 г.

[70] Метакса Е. Цит. соч., стр. 220.

[71] «Leander» был английским кораблем; в составе эскадры Нельсона участвовал в Абукирском сражении и после него был отправлен с донесениями о победе и трофеями в Англию, но в пути захвачен французами. Павел I велел вернуть его англичанам, которые все же заплатили за него 8 тысяч фунтов стерлингов. Фрегат «La Brune» был отдан туркам.

[72] *История русской армии и флота*, т. IX. М., 1913, стр 57.

[73] Метакса Е. Цит. соч., стр. 222.

[74] Bellaire. *Précis des opérations générales de la division française du Levant*. P., an XIII (1805), p. 353—355.

[75] Mangourit A. B. *Défense d'Ancone*, т. I. P., an X (1802), p. 59.

[76] Там же, стр. 126.

[77] В 1807 г., согласно условиям Тильзитского мира, острова, к величайшему прискорбию их населения, попали снова в руки французов.

[78] ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 97, л. 56 об., № 80. Копия без подписи. Письмо вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова верховному визирю Юсуф-Зыюпаше, 27 марта 1799, при Корфу.

[79] Скаловский Р. Цит. соч., стр. 340—341.

[80] ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова по командованию эскадрой в Средиземном море, д. 6927, л. 116 об. Копия. Ордер Ф. Ф. Ушакова капитан-лейтенанту Клопакису о передаче черногорскому митрополиту мирного расположения русского императора ко всему черногорскому народу, 2 марта 1799 г.

[81] Там же, д. 5921, л. 97—99. Копия. Рапорт капитан-лейтенанта Клопакиса Ф. Ф. Ушакову о его свидании с митрополитом в Будуваре 17 марта 1799 г.

[82] Там же, д. 6927, л. 96 об. Копия. Письмо Ф. Ф. Ушакова правлению острова Кефалония 23 февраля 1799 г.

[83] Там же, л. 215—217. Копия.

[84] Предложение Ф. Ф. Ушакова депутации острова Кефалония 20 апреля 1799 г.

[85] ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова, д. 6920, л. 66—67. Копия письма 259 жителей города Занте Ф. Ф. Ушакову 24 марта 1799 г., о. Занте.

[86] Там же, д. 6921, л. 107—108. Копия. Рапорт капитан-лейтенанта Телесницкого Ф. Ф. Ушакову 4 мая 1799 г.

[87] ЦГАДА, ф. Госархив, XX разр., д. 379. Приложение к донесению Ушакова Павлу I от 21 мая 1799 г.

[88] Там же. Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре, 14 июня 1799 г. Корабль «Св. Павел».

[89] С к а л о в с к и й Р. Цит. соч., стр. 433—434.

[90] Там же, стр. 435.

[91] Там же, стр. 349.

[92] Там же, стр. 350.

[93] ЦГАДА, ф. Госархив, XX разр , д. 379, л. 190. Копия. Отношение В. С. Томары Ф. Ф. Ушакову, 31 декабря 1798 г.

Действия эскадры Ушакова у берегов Италии

[1] ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова по командованию эскадрой в Средиземном море, д. 6926, л. 113 об. Копия. Письмо Ф. Ф. Ушакова Нельсону 31 августа 1798 г.

[2] Там же, л. 131 об.— 132. Копия. Письмо Ф. Ф. Ушакова Нельсону 12 сентября 1798 г.

[3] С к а л о в с к и й Р. Цит. соч., стр. 381—383.

[4] *The dispatches and letters of vice-admiral lord viscount Nelson*, vol. III. London, 1845, p. 197.

[5] Там же, стр. 203—204.

[6] Там же, стр. 204

[7] Там же, стр. 224.

[8] Там же.

[9] Там же, стр. 255—256.

[10] Там же, стр. 266.

[11] ЦГАДА, ф. КП. Переписка посланника Томары с адмиралом Ушаковым, д. 46, л. 546—549. Канцелярский отпуск-черновик. Письмо В. С. Томары Ф. Ф. Ушакову, 29 января (9 февраля) 1799 г.

[12] Там же, л. 94—97.

[13] ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова по командованию эскадрой в Средиземном море, д. 6920, л. 70. Копия. Пер. с французского.

[14] Там же, д. 6927, л. 167 об.— 168. Копия. Письмо Ушакова сэру Сиднею Смиту («Сир Сидни Шмит») 16 марта 1799 г.

[15] *The dispatches and letters of vice-admiral lord viscount Nelson*, vol. III, p. 304—305.

[16] ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова по командованию эскадрой в Средиземном море, д. 15, л. 39 об.— 40. Копия. Это письмо в русском переводе. Английского подлинника его в «Dispatches» я не нашел.

[17] *The dispatches and letters of vice-admiral lord viscount Nelson*, vol. III, p. 350.

[18] ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 97, л. 59. Копия без подписи.

[19] *Publications of the Navy Records Society*, vol. XXV. London, 1903, p. 199—201.

[20] Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (ГПБ). Материалы для Российско-турецкой кампании 1798, 1799 и 1800 гг., ч. 2, л. 100—101. Из бумаг А. В. Висковатова.

[21] *The dispatches and letters of vice-admiral lord viscount Nelson*, vol. III, p. 478.

[22] «The cardinal told the officer whom I sent that he knew nothing of what going on, that he stood in great need of the aid of the Russians, that he would not give them the least ground for complaint and that it was the Russians who conducted the treaty».— *Publications of the Navy Record Society*, vol. XXV. Cambridge, 1903, p. 246.

[23] Williams H.-M. *Aperçu de l'état, des mœurs et des opinions dans la république française*, t. I. P., 1801, p. 176.

[24] *Publications of the Navy Records Society*, vol. XXV, p. 251.

[25] Там же, стр. 323.

[26] ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 7.

[27] Там же, д. 1064, л. 58. Копия.

[28] ЦГАДА, ф. КП. Переписка посланника Томары с адмиралом Ушаковым, д. 46, л. 510 и 511. Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I о неповиновении матросов турецкой команды. Сентябрь 1799. Корабль «Св. Павел».

[29] ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 7, л. 706—707. Копии без подписи.

[30] Там же, л. 789—790. Копия.

[31] ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова, д. 15, л. 100 и об. Письмо Ф. Ф. Ушакова английскому командиру Трубричу (sic!). 15 (26) сентября 1799 г.

[32] Там же. Письмо английского командира Трубрича (sic!) командующему неаполитанскими войсками Буркарду, 21 сентября 1799 г.

[33] Там же, письмо Буркарда — Трубричу (sic!), 22 сентября 1799 г.

[34] ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 7, л. 791—795. Рапорт начальника десантных войск полковника Скипора адмиралу Ф. Ф. Ушакову о вступлении войск в Рим 1 (12) октября 1799 г.

[35] ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова по командованию эскадрой в Средиземном море, д. 15, л. 101 об. — 102 Копия. Письмо неаполитанского наместника кардинала Руффо Ф. Ф. Ушакову 1 октября 1799 г.

[36] Висковатов А. *Военные происшествия в Неаполитанском королевстве 1798 и 1799 гг.— Славянин*, 1828, ч. V, стр. 360—361.

[37] ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 7, л. 791—795. Рапорт начальника российских десантных войск полковника Скипора адмиралу Ф. Ф. Ушакову, Рим, 1 (12) октября 1799 г.

[38] Там же, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова, д. 6921, л. 45. Письмо Н. Д. Войновича полковнику Скипору 5 октября 1799 г.

[39] Там же, д. 6920, л. 79—80. Письмо графа Н. Д. Войновича Ф. Ф. Ушакову 17 октября 1799 г

[40] Там же, ф. Сборный, д. 52, л. 11. Письмо капитана 2 ранга Войновича генералу Фрелиху 2 ноября 1799 г.

[41] Там же, л. 18 и 19. Войнович — Ушакову, 4 ноября 1799 г.

[42] Там же, л. 13—15.

[43] ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 52, л. 17—18. Копия.
[44] Там же, л. 15—16.
[45] Там же, л. 16—17. Копия с перевода письма, писанного на итальянском языке.
[46] Там же, л. 24—26. Копия.
[47] Там же, д. 1064, л. 175.
[48] Там же, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова, д. 6921, л. 83—84. Рапорт Ф. Ф. Ушакову, 11 декабря 1799.
[49] Там же, ф. Сборный, д. 1064, л. 175.
[50] Mahan A. T. *The life of Nelson*, vol. II. London, 1897, p. 11.
[51] Там же, стр. 12—13.
[52] ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 1064, л. 179. Копия.
[53] Дневник А. В. Храповицкого (1782—1793 гг.). СПб., 1874.
[54] ЦГАВМФ, ф. Высочайшие повеления, рескрипты, указы, д. 132, л. 1.
[55] Там же.
[56] ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 602, л. 98. Копия.
[57] Там же.
[58] Там же, ф. Высочайшие повеления, рескрипты, указы, д. 99, л. 22. Подлинник.

ЭКСПЕДИЦИЯ АДМИРАЛА СЕНЯВИНА В СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Предисловие

[1] Мартенс Ф. *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами*, т. XI, стр. 128, № 409.

Первые годы жизни и службы

[1] Бантыш-Каменский Д. *Сенявин.— Библиотека для чтения*, 1888, т. 31, стр. 159. У Бантыш-Каменского описка или опечатка, описываемое событие было в 1787 г., а не в 1788 г.

Сенявин и Ушаков

[1] *Морской сборник*, 1855, т. XV, № 4, стр. 162.
[2] Там же, стр. 161—162.
[3] Об этом см. в моей работе *Адмирал Ушаков на Средиземном море* (наст. том, стр. 93—229 — *Ред.*).

Начало средиземноморской экспедиции

[1] ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 65, л. 17—18. Список с проекта инструкции генерал-майору Анрепу. На подлинном написано рукою Александра: «Быть по сему. Мая 19-го дня 1804 г.»
[2] АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1805, д. 1190, л. 8—10.
[3] Там же.
[4] Броневский В. *Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 г.*, ч. I. СПб., 1836, стр. 112—114.
[5] ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 65, л. 73.

[6] Спиридон Гопцевич дает неверную дату — 29 февраля; в 1806 г. в феврале было лишь 28 дней. Gopcevic. *Geschichte von Montenegro und Albanien*. Gotha, 1914, S. 304.

[7] Там же, стр. 304—305.

[8] *Россия и Черногория*. СПб., 1889, стр. 41. Автор очерка Н. Ширяев (его имени нет на титульном листе) перепечатал рескрипт из книги Милорада Медаковича *Повестница Черногоре*, изданной в 1850 г. в Землине. Но Ширяев допустил ошибку, утверждая, будто Петр Негош ездил в Петербург к Павлу I; ничего подобного не было.

[9] Броневский В. Цит. соч., ч. I, стр. 137—139.

[10] Там же, стр. 136—137.

[11] Там же, стр. 140—142.

[12] Там же.

[13] АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1806, д. 1250, л. 27.

[14] Броневский В. Цит. соч., ч. I, стр. 175—177.

Освобождение русскими Боко-ди-Каттаро и далматинских славян от французского ига

[1] ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 65, л. 80—83.

[2] Там же, л. 78—79.

[3] Броневский В. Цит. соч., ч. I, стр. 313.

[4] АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 1247, л. 32.

Установление боевого содружества русских и черногорцев

[1] Броневский В. Цит. соч., ч II, стр. 243—245.

[2] Бутринто, Парга, Санти-Кваранти, Антивари, из коих первые три находятся противу Корфы (*примеч. Броневского*).

[3] Броневский В. Цит. соч., ч. I, стр. 145—146.

[4] Свиньин П. *Воспоминания на флоте*, ч. I. СПб., 1818, стр. 206.

[5] 15-я дивизия, находившаяся в Средиземном море, служила под предводительством Суворова в Турции, Польше и Италии (*примеч. Броневского*).

[6] Броневский В. Цит. соч., ч. II, стр. 18—22.

Дипломатическая борьба Сенявина с французами и австрийцами из-за Боко-ди-Каттаро

[1] ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 65, л. 90—91. Выписка из мирного трактата, подписанного между Францией и Россией 8 (20) июля 1806 г. в Париже.

[2] АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1806, д. 1247, л. 60, № 895.

[3] Там же, д. 1248, л. 3.

[4] Броневский В. Цит. соч., ч. II, стр. 45—46.

[5] Там же, стр. 49.

[6] АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1806, д. 1247, л. 60.

[7] Там же, л. 30.

[8] У Броневского ошибочно «4 июля».

[9] «. .не имел никакого виду от господина Убрила»,— доносил позднее Сенявин царю, ф. Канцелярия МИД, 1806, д. 1247, л. 80

[10] Броневский В. Цит. соч., ч. II, стр 58.

[11] АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1806, д. 1247, л. 80.

[12] АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1806, д. 1247, л. 54.
[13] *Mémoires du maréchal duc de Raguse*, t. III. P., 1857, p. 5—6.
[14] Там же, стр. 77.

Возобновление Сенявиным военных действий против французов

[1] Там же, стр. 75—76.
[2] Там же, стр. 9—10.
[3] Свиньин П. Цит. соч., ч. I, стр. 205.
[4] *Mémoires du maréchal duc de Raguse*, t. III, p. 82—83.
[5] Броневский В. Цит. соч., ч. II, стр. 64—65.
[6] ГПБ, Рукописный отдел, д. 824, л. 68—70. Из журнала генерал-адъютанта Красовского.
[7] АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 1250, л. 39.

Успешные боевые действия русских и черногорцев против наполеоновских войск

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3179, л. 6—7 об.
[2] Броневский В. Цит. соч., ч. II, стр. 71—76.
[3] *Mémoires du maréchal duc de Raguse*, t. III, стр. 19.
[4] Дебелый брег — урочище провинции Боко-ди-Каттаро.
[5] Броневский В. Цит. соч., ч. II, стр. 247—248.
[6] *Mémoires du maréchal duc de Raguse*, t. III, стр. 17—19.
[7] АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 1250, л. 49.
[8] Броневский В. Цит. соч., ч. II, стр. 245—246.
[9] *Mémoires du maréchal duc de Raguse*, t. III, p. 85.
[10] АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 1250, л. 21.
[11] *Mémoires du maréchal duc de Raguse*, t III, p. 30—31.

Восстание в Далмации против французов

[1] Броневский В. Цит. соч., ч. III. СПб., 1837, стр. 245—248

Начало кампании Сенявина против турок. Поражение англичан в проливах...

[1] *Mémoires du maréchal duc de Raguse*, t. III, p. 25.
[2] АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1806, д. 7891, л. 212.
[3] Там же, л. 213—214.
[4] Там же, л. 218.
[5] *Mémoires du maréchal duc de Raguse*, t. III, p. 95.
[6] Произносить эту фамилию по-русски следует: Дакуорт. Но все русские документы пишут согласно начертанию английских букв «Дукворт». Цитируя документы, мы оставляем это «Дукворт» без изменения.
[7] *Mémoires du maréchal duc de Raguse*, t. III, p. 97.
[8] Панафидин П. И. *Письма морского офицера*. Пг., 1916, стр. 32—33.
[9] Броневский В. Цит. соч., ч. III, стр. 17.
[10] АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1807, д. 1901—1902, л. 45.
[11] ЦГАВМФ, ф. департамента Морского министерства по эскадре Сенявина, д. 577, л. 1—3.

Победа русского флота у Афонской горы

[1] Броневский В. Цит. соч., ч. III, стр. 10—12.
[2] *Mémoires du maréchal duc de Raguse*, t. III, p. 100.
[3] Броневский В. Цит. соч., ч. III, стр. 87—88.
[4] Панафидин П. И. Цит. соч., стр. 63—65.
[5] *«Кронштадтская старина». Плавание эскадры под начальством вице-адмирала Сенявина в Средиземном море и возвращение ее команд в Россию.* Из номеров *Кронштадтского вестника*, стр. 20. (Оттиск. Кронштадт, 25 августа 1885 г.). Автор (Тихменев) не указан в оттиске.
[6] Свиньин П. Цит. соч., ч. II, стр. 148—149.
[7] Панафидин П. И. Цит. соч., стр. 68—69.
[8] АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1807, л. 7. «Известие о сделанной туркам высадке на остров Тенедос 16 июня 1807 г.»
[9] Броневский В. Цит. соч., ч. III, стр. 101—103.

Последствия Тильзитского договора для сенявинской экспедиции

[1] Мартенс Ф. *Собрание трактатов и конвенций*, т. XIII. СПб., 1902, № 493, стр. 319—321.
[2] АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1807, д. 1907, л. 14—15 об.
[3] Там же, л. 16 об.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же, д. 5028, л. 82.
[7] Панафидин П. И. Цит. соч., стр. 75—76.
[8] *Морской сборник*, т. XIX, № 12, стр. 266—267. Ан. Арцимович. *Материалы для истории русского флота. Адмирал Д. Н. Сенявин.*
[9] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 873, л. 41.
[10] Свиньин П. Цит. соч., ч. II, стр. 238.

Сопротивление Сенявина требованиям Наполеона. Дипломатическая борьба Сенявина с Жюно

[1] АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1807, л. 38.
[2] ЦГАВМФ, ф. департамента Морского министерства по эскадре Сенявина, д. 579, л. 15—19.
[3] *Correspondance de Napoléon*, t. XVI. P., 1864, p. 75.
[4] Там же, стр. 78.
[5] Там же, стр. 186—187.
[6] АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1808, д. 6660, л. 2.
[7] ЦГАВМФ, ф. департамента Морского министерства по эскадре Сенявина, д. 579, л. 52—53.
[8] Там же, л. 50 об.
[9] АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 6658, л. 32.
[10] *Mémoires du maréchal duc de Raguse*, t. III, p. 160.
[11] *Correspondance de Napoléon*, t. XVII. P., 1865, p. 83—84.
[12] Там же.
[13] Там же, стр. 245.
[14] Там же, стр. 245—246.
[15] Там же, стр. 262.
[16] АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1808, д. 5191, л. 30—31.
[17] Там же, л. 25.
[18] Там же, л. 28—29.
[19] Там же, л. 30—31.

[20] АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1808, д. 5191, л 33
[21] Там же, л. 34.
[22] Там же.
[23] Там же, л. 51.

Переговоры Сенявина с англичанами. Русско-английская конвенция 4 сентября 1808 г.

[1] Там же, л. 2—23.
[2] Там же, л. 45
[3] Там же.
[4] Там же, л. 49.
[5] Там же, л. 2—23.
[6] Панафидин П. И. Цит. соч., стр. 92.
[7] АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1808, д. 5191, л. 47.
[8] Там же.
[9] Thiers A. *Histoire de Consulat et de l'Empire*. Leipzig, 1850, p. 186—187.
[10] Панафидин П. И. Цит. соч., стр. 93.

Эскадра Сенявина в Англии

[1] Броневский В. Цит. соч., ч. IV. СПб., 1837, стр. 298—299.
[2] Панафидин П. И. Цит. соч., стр. 98.
[3] Там же, стр. 98—99.
[4] Там же, стр. 99.
[5] АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1808, д. 5191, л. 80.
[6] Там же, л. 124.
[7] Там же, л. 127.
[8] Там же, л. 140.
[9] Там же.
[10] Там же, л. 143.
[11] Панафидин П. И. Цит. соч., стр. 107.
[12] Броневский В. Цит. соч., ч. IV, стр. 313.
[13] ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 65, л. 200—201. «Общий глас офицеров к своему начальнику, господину вице-адмиралу и кавалеру Дмитрию Николаевичу Сенявину».

Сенявин в царской немилости и подозрении в неблагонадежности

[1] ГПБ, рукописн. отд. Адмирал Сенявин — императору Александру I, 31 марта 1814 г.
[2] Разговор вице-адмирала Д. Н. Сенявина с министром внутренних дел графом Кочубеем.— *Русский архив*, 1875, кн. 3, стр. 431—433.
[3] Центральный архив. *Восстание декабристов*. Материалы, т. II. М.— Л., 1926, стр. 74—75.
[4] Там же, т. IV. М.— Л., 1927, стр. 148—149.
[5] Там же, стр. 167—168.
[6] Там же, стр. 345.
[7] Там же, стр. 355.
[8] Там же, стр. 208.
[9] Там же, т. VIII. Л., 1925, стр. 176.

Последние годы жизни

[1] Этот приказ не единственный. Есть и другой, от 29 июня 1827 г., *в котором он строго воспрещает офицерам ругательства и битье людей.* ЦГАВМФ, ф. Сборный, 1827, д. 568, л. 12—13.

[2] Там же, л. 14—17.

[3] Бумаги А. С. Норова. ГПБ, Рукописн. отдел.

[4] Там же.

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА И ШВЕДСКОЕ НАШЕСТВИЕ НА РОССИЮ

Глава I. Северная война до вторжения шведской армии в пределы России. 1700—1708 гг.

[1] См. Маркс К. и Энгельс Ф. *Сочинения*, т. XVI, ч. II, стр. 12.

[2] Ленин В. И. *Сочинения, т. 18, стр.* 554.

[3] Ленин В. И. *Сочинения*, т. 17, стр. 66.

[4] Маркс К. *Хронологические выписки, IV.— Архив Маркса и Энгельса*, т. VIII. М., 1946, стр. 165.

[5] Интересующиеся подробностями могут обратиться к двум архивным фондам: 1. Центрального государственного архива древних актов,• (ЦГАДА), ф. Шведские дела — 1606—1615 гг. и 2. Фонд документов архива Делагарди. Над первым фондом работал уже В. А. Фигаровский, опубликовавший очень содержательную статью: «Отпор шведским интервентам в Новгороде» («Новгородский исторический сборник», вып. III—IV. Новгород, 1938, стр. 58—85). Над фондом Делагарди, когда он хранился в библиотеке Юрьевского университета, работал профессор Пермского университета Г. А. Замятин. Его ценный труд о событиях, связанных с кандидатурой Карла Филиппа и с русской борьбой в те времена, до сих пор, к сожалению, еще не напечатан.

[6] См. Лыжин Н. *Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие.* СПб., 1857, стр. 48, 79—80.

[7] *Konung Gustaf II Adolfs skrifter.* Stockholm, 1861.

[8] «...thet Wotskepetiniske land warder på tree sidor frijat medh österhafwet, Laduga och Peibas...» — Там же, стр. 182.

[9] Там же, стр. 181.

[10] Извлечения из статейных списков и дел, касающихся заключения и ратификации Столбовского мирного договора.— Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете, 1897, кн. 3, стр. 26 и след.

[11] Письмо из Парижа от 26 ноября 1643 года. *Rikskansleren Axel Oxenstiernas skrifter och brefvexling*, II, Bd. IV. Stockholm, [1891], s. 366.

[12] ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1700 г., марта 7, д. 19. Дело псковитянина посадского человека Василья Колягина о посылке к шведскому королю грамоты о взыскании с шведских подданных с ругодивных жителей крестьянина Елизарьева с товарищи за взятые у него Колягина ими товары, т. е. льну и пеньки 12 269 ефимков.

[13] Ключевский В. О. *Курс русской истории*, т. IV. М., 1937, стр. 27.

[14] Мышлаевский А. З. *Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708—1714 гг.* (Документы государственного архива). Изд. военно-учебного комитета Главного штаба. СПб., 1893, стр. XX. (*Сборник военно-исторических материалов*, вып. V).

[15] Шафиров при этом еще передает ходатайство Августа: «Король польский просит отпустить Огильви грамматою» (т. е. *с благодарственным* рескриптом Петра). Но мы что-то не нашли этого рескрипта.

[16] Указ государя 1721 г., января 31.— *Материалы для истории русского флота*, ч. III. СПб., 1866, стр. 203, № 296.

[17] См., например, статью Аулена *Schweden.— Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche*, Bd. XVIII. Leipzig, 1906, S. 32.

[18] Диковинные образчики этих шведских сервилистических увлечений приведены в вышедшей в 1947 г. работе: N o r m a n n C. *Prästerskapet och det karolinska enväldet*. Stockholm, 1948. XXXIV, 364 s.

[19] Л е е р. *Петр Великий как полководец.— Военный сборник*, 1865, № 3, стр. 9.

[20] *Fragments tirés des chroniques moldaves et valaques pour servir à l'histoire de Pierre le Grand*... par le major de K o g a l n i c e a u. P 1. Jassi, 1845, p. 23.

[21] «Россияне також многие побиты, а которые из солдат взяты были в полон, и с теми неприятель зело немилосердно поступил, по выданному об них прежде королевскому указу, дабы им пардона (или пощады) не давать, и ругательски положа человека по 2 и по 3 один на другого, кололи их копьями и багинетами».— *Журнал или поденная записка... императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштадтского мира* (в дальнейшем сокращенно: *Журнал Петра Великого*), ч. I. СПб., 1770, стр. 134.

[22] V o l t a i r e. *Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand*. P., Firmin Didot, s. a., p. 369.

[23] [Карл XII — Реншильду] 1703, Mai, № 158; 1703, 4 Junij, № 159; 1703, Junij, № 160. Konung Karl XII's egenhändiga bref. Samlade och utgifna af E. C a r l s o n. Stockholm, Norstedt, [1893], s. 242—245.

[24] [Карл XII — Стенбоку].— Там же, s. 293, № 201. Trakten af Lublin, 1703, 1 januari.

[25] ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1700 г., д. 12, л. 40—50 об.: «О Швеции». (Цитируемый автором документ является рукописью известного *Рассуждения о причинах Свейской войны*, написанного П. П. Шафировым и дважды изданного в 1717 и 1722 гг.— *Ред.*).

[26] ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1700 г., д. 12, л. 40 об. и 41.

[27] Там же, л. 42 и об.

[28] Там же, л. 43 и 44.

[29] ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1700 г., д. 12, л. 50—54.

[30] Латинский подлинник и русский текст договора см. в ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1700 г., № 4. «Список с союзного договора, заключенного в Гааге между Швецией, Англией и Голландией». В полном виде этот договор поступил в ф. Шведские дела нашего архива лишь в 1717 г.

[31] См. Б о г о с л о в с к и й М. М. *Петр I*, т. V. М., 1948, стр. 233.

[32] ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1701 г., д. 12, л. 32—33 об. Подписано: «Карл герцог фон-Крои. Из Ревеля ноября в 22 день по новому 1701-го». Там же и другое доношение с выпрашиванием денег: «Из Ревеля октября в 12 день 1701-го», д. 12, л. 30—31 об.

[33] См. *Журнал Петра Великого*, ч. I, стр. 37—38.

[34] Эту инструкцию впервые, как и многие другие, либо теперь вообще пропавшие, либо недоступные нам шведские документы, нашел среди рукописей Лундского университета Фриксель. См. немецкое переработанное и очень дополненное Иенсеном-Тушем издание: F r y x e l l A. *Lebensgeschichte Karl's des Zwölften*, T. 2. Braunschweig, 1861, S. 4—5.

[35] См. Ж и т к о в К. Г. *История русского флота*. СПб., 1912, стр. 87—88

[36] См. К р о т к о в А. *Повседневные записи замечательных событий в русском флоте*. СПб., 1894, стр. 224. 25 июня 1701 г.; В е с е л а г о Ф. *Краткая история русского флота*. СПб., 1895, стр. 20.

[37] Периодический листок *Geheime Brieffe* (sic — *Е. Т.*) ... *Über das*

1701 Jahr, издававшийся в 1701 г. в г. Фрейштадте (в Пруссии): *Русская старина*, 1893, август, стр. 271—272.

[38] Вспомним, что под Полтавой у Карла была армия в 31 тыс. человек, из которых всего 19 тыс. природных шведов.

[39] Галларт (Алларт) — Петру I. Из Смоленска. 12 сентября 1706 г. Устрялов Н. *История царствования Петра Великого*, т. IV, ч. 2. Приложения. СПб., 1863, стр. 429.

[40] *Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом, 1709—1711*. Перевод с датского Ю. Н. Щербачева. М., 1899, стр. 191.

[41] О горнозаводском деле в интересующий нас период см. М. Н Мартынов. *Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I*. Свердловск, 1948, ср. также работы Б. Кафенгауза, П. Любомирова, Е. Заозерской, названные в библиографии.

[42] А. А. Виниус в это время состоял начальником Сибирского приказа, управлявшего Сибирью, и поэтому ведал строительством уральских заводов. (См. о нем.: Козловский И. *Андрей Виниус — сотрудник Петра Великого*. СПб., 1911. — *Ред.*).

[43] См. Бранденбург Н. Е. *Материалы для истории артиллерийского управления в России*. Приказ артиллерии (1701—1720). СПб., 1876, стр. 159.

[44] Есть свидетельства и о 103 орудиях.

[45] Интересующимся деталями развития дипломатических польско-русских переговоров в 1701 г. рекомендуем статью В. Королюка, специально посвященную анализу этой особой темы: «Свидание в Биржах и первые переговоры о польско-русском союзе».— *Вопросы истории*, 1948, № 4, стр. 43—67.

[46] ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1701 г., д. 10, л. 4—8 об.

[47] Материал стокгольмских архивов, как государственного, так и архива иностранных дел, в обширных выдержках дан в 3-й части книги Fryxell A. *Lebensgeschichte Karl's des Zwölften*, T. 3. Braunschweig, 1861.

[48] Fryxell A. *Lebensgeschichte Karl's des Zwölften*, T. 3, S. 24. (Из протокола государственного совета 13 апреля 1701 г.)

[49] Там же, стр. 26—27. (Из донесений датского посланника в Стокгольме своему двору от ноября и декабря 1701 г.)

[50] Там же, стр. 28. (Из донесения датского посла своему двору 17 февраля 1703 г.)

[51] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1092. Гр. Шуваловы, оп. 1, д. 75, л. 1—2.

[52] См. *Журнал Петра Великого*, ч. 1, стр. 39—40.

[53] Наказ Борису Петровичу Шереметеву. 1702 г. в январе (точной даты нет).— *Письма и бумаги Петра Великого* (в дальнейшем сокращенно: *Письма и бумаги*), т. II. СПб., 1889, стр. 4—5, № 405.

[54] К Федору Матвеевичу Апраксину. 1702 г., июня 5.— Там же, стр. 67—68, № 434.

[55] «...а если изволят выехать, то изволили б и любезных супружников своих вывести купно с собою».— *Журнал Петра Великого*, ч. 1, стр. 58.

[56] К Андрею Андреевичу Виниусу. 1702 г., октября 13.— *Письма и бумаги*, т. II, стр. 97—98, № 462.

[57] Carlson F. *Karl XII*. Gotha, 1888, S. 308—309.

[58] Fryxell A. *Lebensgeschichte Karl's des Zwölften*, T. 2, S. 21—22.

[59] См. Бобровский П. О. *Завоевание Ингрии Петром Великим (1701—1703 гг.)*. СПб., 1891, стр. 31.

[60] Инструкция, посланная Паткулю и князю Г. Ф. Долгорукову. 1704 г., в январе до 28.— *Письма и бумаги*, т. III. СПб., 1893, стр. 2—4, № 618.

[61] ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1702 г., д. 5, л. 10—16 об. Перевод

с писма Ивашки Гуморта, писанного к великому государю, каково прислал Андрей Артамонович в нынешнем 1702 году, майня в 24 день, чрез почту у города.

[62] Там же, л. 11.

[63] Проект известительного письма о взятии Нарвы. 1704 г., августа 13.— *Письма и бумаги*, т. III, стр. 117, № 694.

[64] Петр I — адмиралтейств-советнику Александру Васильевичу Кикину. Из Нарвы, 14 д[ень] августа 1704.— Сб. РИО, т. 11. СПб., 1873, стр. 2.

[65] Грамота к польскому королю Августу II. 1704 г., августа 15.— *Письма и бумаги*, т. III, стр. 125—127, № 702.

[66] Союзный договор с Польшею.— Там же, стр. 129—135, № 706.

[67] Ответы на предложения генерал-адъютанта польского короля фон-Арнштета. 1704 года августа после 27.— *Письма и бумаги*, т. III, стр. 146, № 712.

[68] См. Масловский Д. *Записки по истории военного искусства в России*, вып. 1. СПб., 1891, стр. 176.

[69] Манифест о принятии под защиту жителей Лифляндии, 1704 года в августе.— *Письма и бумаги*, т. III, стр. 149—152, № 713.

[70] [Петр I — адмиралтейств-советнику Александру Васильевичу Кикину]. Из Санкт-Питербурха, в 16 день июня 1704 г.— Сб. РИО, т. 11, стр. 1.

[71] Вот что писал Петр Василию Глебову 18 июня 1715 г.: «Ехать тебе с шведским министром графом Пипером в Шлютельбурх и отвесть ему в том городе в удобном месте квартиру... И когда он захочет из квартиры своей выйти для гулянья, то дать ему позволение ходить только в городе и по городу, а за город никуды не выпускать».— Сб. РИО, т. 11, стр. 54.

[72] «*... ädelt utseende och behagligt väsen*»... Carlson F. *Sveriges historia under Carl den Tolftes regering*. Bd. II. Stockholm, 1881, s. 350. С этим не спорят и польские историки.

[73] Князю Александру Даниловичу Меншикову, 1706 г., апреля 29. — *Письма и бумаги*, т. IV, в. 1. СПб., 1900, стр. 231, № 1212.

[74] К Борису Петровичу Шереметеву. 1705 г., июля 25.— *Письма и бумаги*, т. III, стр. 391, № 864.

[75] Юрнал осады города Юрьева (Дерпта) с поправками Петра Великого. 1704 г., октябрь.— Там же, стр. 165—171, № 729.

[76] См. *Журнал Петра Великого*, ч. 1, стр. 98—100.

[77] К Александру Даниловичу Меншикову. 1705 г., сентября 4.— *Письма и бумаги*, т. III, стр. 436, № 912.

[78] *Журнал Петра Великого*, ч. 1, стр. 124—125.

[79] Там же, стр. 125—126.

[80] Расписка в получении жалованья. 1704 г., февраля 13.— *Письма и бумаги*, т. III, стр. 31, № 625.

[81] К князю Аниките Ивановичу Репнину. 1706 г., февраля 21.— *Письма и бумаги*, т. IV, в. 1, стр. 89, № 1094.

[82] К Борису Петровичу Шереметеву.— Там же, стр. 91, № 1097.

[83] К Борису Петровичу Шереметеву. 1706 г., марта 28.— Там же, стр. 188—190, № 1183.

[84] Статьи Борису Петровичу Шереметеву. В Санктпитербурке (sic), 1706 г., апреля 23.— *Письма и бумаги*, т. IV, в. 1, стр. 220, № 1203.

[85] [Кн. Ф. Ю. Ромадановский — Петру]. С Масквы, маия 23 день 1707 г.— *Письма и бумаги*, т. V. СПб., 1907, стр. 698—699, № 1790.

[86] К польскому королю Августу II. 1706 г., января 9.—*Письма и бумаги*, т. IV, в. 1, стр. 3, № 1017.

[87] К Александру Даниловичу Меншикову. 1706 г., января 9.— Там же, стр. 7—8, № 1020.

[88] Резолюция на переводе мемориала польского короля Августа II. Гродно, 25 ноября 1705 г.— *Письма и бумаги*, т. III, стр. 509, № 982.

[89] [Шереметев — Головину] (июня 1706 г.), точной даты нет. Переписка фельдмаршалов Ф. А. Головина и Б. П. Шереметьева (sic — *Е. Т.*) в 1705 и 1706 годах. М., 1850, стр. 65—66, № XXXI.

[90] Мнение по вопросам, предложенным в тайном воинском совете, бывшем в Гродно 11 января 1706 г.— *Письма и бумаги*, т. IV, в. 1, стр. 19, № 1035.

[91] К Ф. А. Головину. 1706 г., генваря 21, из Дубравны.— Там же, стр. 27, № 1042.

[92] К А. В. Кикину. 1706 г., генваря 28, из Смоленска.— Там же, стр. 35, № 1049.

[93] К Ивану Степановичу Мазепе. 1706 г., января 29.— Там же, стр. 41, № 1055.

[94] К графу Федору Алексеевичу Головину. 1706 г., января 31.—Там же, стр. 42—43, № 1057.

[95] К Марку Богдановичу фон Кирхену. 1706 г., февраля 4.— Там же, стр. 48, № 1060.

[96] A d l e r f e l d G. *Histoire militaire de Charles XII, roi de Suède*, t. II. Amsterdam, 1740, p. 549. (В дальнейшем сокращенно: A d l e r f e l d G. *Histoire de Charles XII*).

[97] Ответ на пункты, представленные генерал-майором Арнштедтом. 1706 г., апреля 2.— *Письма и бумаги*, т. IV, в. 1, стр. 192—198, № 1187.

[98] *Журнал Петра Великого*, ч. 1, стр. 134.

[99] К А. И. Репнину. 1706 г., февраля 17.— *Письма и бумаги*, т. IV, в. 1, стр. 78, № 1087.

[100] К Ф. А. Головину. 1706 г., февраля 26.— Там же, стр. 109—110, № 1117.

[101] К польскому королю Августу II. 1706 г., мая 8.— Там же, стр. 238, № 1218.

[102] К графу Федору Алексеевичу Головину. 1706 г., марта 15.— Там же, стр. 176, № 1167.

[103] К графу Федору Алексеевичу Головину. Из Минска. 1706 г., марта 7.— Там же, стр. 148—149, № 1143.

[104] Указ Василию Дмитриевичу Корчмину. 1706 г., марта 10.— Там же, стр. 155, № 1150.

[105] К Федору Матвеевичу Апраксину. Из Минска в 5 день марта 1706 г.— Там же, стр. 146, № 1140.

[106] Манифест об условиях, на которых впредь будут приниматься иностранные офицеры в русскую службу.— *Письма и бумаги*, т. III, стр. 262, № 767.

[107] К Аниките Ивановичу Репнину. 1705 г., мая 19. С Москвы.— Там же, стр. 346, № 825.

[108] Документацию об этом сражении см. *Бой со шведами у местечка Клецка*. Журнал С. П. Неплюева. 19 апреля 1706 г. —*Русская старина*, 1891 г., октябрь, стр. 25—32.

[109] N o r d b e r g J. A. *Histoire de Charles XII*, t. II, p. 87.

[110] [Головкин — Петру I]. 1706 г., сентября 5.— *Письма и бумаги*, т. IV, в. 2, стр. 1058.

[111] [Меншиков — Петру I]. 1706 г., ноября 28.— Там же, стр. 1162.

[112] [Шафиров — Петру I]. Из Смоленска, в 6 день декабря 1706 г.— Там же, стр. 1186.

[113] *Le journal d'un frère d'armes de Charles XII*. Напечатан S. Goriaïnow в *Revue contemporaine*, 1910, № 1—7.

[114] [Меншиков — Петру I]. Из обозу от Калиша. 1706 г., октября 21 дня.— *Письма и бумаги*, т. IV, в. 2, стр. 1195.

[115] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 1, 1706—1711 гг., д. 20, л. 61

и об. «Мы уже к вашему величеству и любве (sic — *Е. Т.*) одержанной под Калишем 29 октября виктории писали и о принце Александре, что он притом вспомогал упоминали...» («принц Александр» — это князь А. Д. Меншиков.)

[116] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 1, 1706—1711 гг., д. 20, л. 61 об. «... ежели он (Меншиков — *Е. Т.*) нам желаемых пленных не вручит, то он легко притчиною будет что между вашего величества и любви и нами учиненной союз нужду терпеть может...»

[117] А в печати (в *Ведомостях*) это известие появилось лишь 14 ноября, т. е. почти через месяц после событий.— *Письма и бумаги*, т. IV, в. 2, стр. 1211.

[118] К Петру Павловичу Шафирову. 1706 г., ноября 19.— *Письма и бумаги*, т. IV, в. 1, стр. 442, № 1423.

[119] Грамота образцовая полномочная о договоре с Англиею. 1706 г., ноября 20.— Там же, стр. 449, № 1434.

[120] Замечания на проект Наказа Андрею Артамоновичу Матвееву.— Там же, стр. 411—424, № 1401.

[121] К Петру Павловичу Шафирову. 1706 г., октября 30.— Там же, стр. 424—425. № 1402. Новая работа о «Русско-английских отношениях при Петре I» принадлежит Л. А. Никифорову. М., 1950.

[122] ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1707 г., д. 4, л. 1. Копия (снята с подлинной заметки уже после смерти царя): Пункты, писанные собственною его императорского величества блаженные и высокославные памяти рукою о склонении шведов к миру в 3-х пунктах, 1707 году.

[123] Набросок мыслей для письма к барону Генриху Гюйссену. 1707 г., январь — февраль (точной даты нет).— *Письма и бумаги*, т. V, стр. 60, № 1551.

[124] *Johannes, princeps et dux de Marlborough.*— *Письма и бумаги*, т. V, стр. 424—425. Мальборо в своем ответе датирует «премилостивейшую царскую грамоту» 4 февраля 1707 г., а Матвеев — 5 февраля.

[125] См. позднейшее донесение французского посла в Стокгольме своему двору: F r y x e l l A. *Lebensgeschichte Karl's des Zwölften*, T. 1, S. 272—274.

[126] S t a m p A. E. *The meeting of the Duke of Marlborough and Charles XII at Altranstadt*, April 1707. *Transactions of the Royal Historical Society*, new series, t. XII. London, 1898, p. 115—116.

[127] К Петру Павловичу Шафирову. 1706 г., октября 2.— *Письма и бумаги*, т. IV, в. 1, стр. 386, № 1372.

[128] К кн. Александру Даниловичу Меншикову. 1706 г., октября 19.— *Письма и бумаги*, т. IV, в. 1, стр. 401—403, № 1391.

[129] К Ивану Степановичу Мазепе. 1707 г., августа в 10 день.— *Письма и бумаги*, т. VI. СПб., 1912, стр. 44, № 1901.

[130] К датскому королю Фридриху IV. Варшава. 1707 г., сентября 4.— Там же, стр. 69, № 1940.

[131] Грамота к Голландским штатам. 1707 г., сентября 4.— Там же, стр. 71, № 1942.

[132] К князю Александру Даниловичу Меншикову. Из Санктпитербурха в 17 д. ноября 1706 г.— *Письма и бумаги*, т. IV, в. 1, стр. 436—438, № 1417.

[133] К Петру Павловичу Шафирову. Из походу, отъехав от Санктпитербурха 4 версты с шнау Мункер в 4 д. октября 1706 г. —Там же, стр. 393—394, № 1378.

[134] «...и особливо удивления достойно, что офицер шведский, который при екзекуции оного Паткуля был (и после колесования, хотя не скоро еще, едва ему живу сущу, голову допустил отсечь), от короля шведского чина своего лишен: ибо король не приказывал ему скоро голову отсечь, пока не замучится до смерти».— *Журнал Петра Великого*, ч. 1, стр. 144.

[135] [Головкин Г. И. и Шафиров П. П.— Петру I]. Из местечка Гнезна. 1707 г., октября 31.— *Письма и бумаги*, т. VI, стр. 415.

[136] К Петру Павловичу Шафирову. Из Жолквы, в 6 день генваря 1707 г.— *Письма и бумаги*, т. V, стр. 9, № 1494.

[137] К Федору Матвеевичу Апраксину. Из Жолквы, в 8 день генваря 1707 г.— Там же, стр. 14, № 1499.

[138] К Петру Павловичу Шафирову. Из Жолквы, в 8 день генваря 1707 г.— Там же, стр. 16, № 1501.

[139] M. Whitworth to the right honourable M. secretary Harley. Moscow, 30 July (10 August), 1707.— Сб. РИО, т. 39. СПб., 1884, стр. 411, № 122.

[140] Шпигель — Головкину и Шафирову. Апреля в 28 день 1707 г. Черновой перевод в польских делах 1707.— *Письма и бумаги*, т. V, стр. 577, № 84.

[141] M. Whitworth to the right honourable M. secretary Harley. Moscow, 13/24, February, 1706.— Сб. РИО, т. 39, стр. 242.

[142] M. Whitworth to the right honourable M. secretary Harley. Moscow, 18/29 April, 1706.— Там же, стр. 260, № 64.

[143] Ch. Whitworth to the right honourable M. secretary Boyle. Moscow, 8/19 December 1708.— Сб. РИО, т. 50, СПб., 1886, стр. 119.

[144] К Александру Даниловичу Меншикову. Из Лемберха (sic), 1707 г., января 9.— *Письма и бумаги*, т. V, стр. 18, № 1505.

[145] К барону Лудвигу Николаю фон Галларту (Алларту — *Е. Т.*), 1707 г., января 9.— Там же, стр. 19, № 1506.

[146] К Ивану Степановичу Мазепе. 1707 г., января 24.— Там же, стр. 41, № 1532.

[147] К князю Александру Даниловичу Меншикову. 1706 г., ноября 4.— *Письма и бумаги*, т. IV, в. 1, стр. 426, № 1404; к Петру Павловичу Шафирову. 1706 г., ноября 4.— Там же, стр. 428—429, № 1406.

[148] К князю Александру Даниловичу Меншикову. 1706 г., ноября 17.— Там же, стр. 436—438, № 1417.

[149] См. Устрялов Н. *Петр Великий в Жолкве.— Древняя и новая Россия*. СПб., 1876, т. 1, стр. 5.

[150] К кн. Василию Лукичу Долгорукову. Из Жолкви (sic — *Е. Т.*), в 13 д. февраля 1707 г.— *Письма и бумаги*, т. V, стр. 75—76, № 1573.

[151] [Синицкий — Петру I]. Из Быхова, марта 24 дня 1707 г.— Там же, стр. 461.

[152] Статья Родиону Христиановичу Боуру 1707 г., марта 31.— Там же, стр. 169, № 1657.

[153] M. Whitworth to the right honourable M. secretary Harley. Moscow, 1/12 January 1706—7.— Сб. РИО, т. 39, стр. 354—355, № 97.

[154] К Петру Павловичу Шафирову. 1707 г., января 27.— *Письма и бумаги*, т. V, стр. 51, № 1542.

[155] *Журнал Петра Великого*, ч. 1, стр. 157. У Устрялова в его статье *Петр Великий в Жолкве* дана неточная редакция Голикова, любившего говорить «своими словами».

[156] M. Whitworth to the right honourable M. secretary Harley. Moscow, 28 May (8 June), 1707.— Сб. РИО, т. 39, стр. 400—401, № 118.

[157] Указ Василию Дмитриевичу Корчмину. 1707 г., мая 6.— *Письма и бумаги*, т. V, стр. 237—238, № 1721.

[158] К Ивану Степановичу Мазепе.— Там же, стр. 243, № 1730.

[159] Записка об условиях мира со Швециею. 1707 г., январь—февраль.— Там же, стр. 60—61, № 1552 и 1553.

[160] Ch. Whitworth to the right honourable M. secretary Harley. Moscow, 12/23 November 1707.— Сб. РИО, т. 39, стр. 430, № 130.

[161] Там же, стр. 458, № 140.

[162] Записки Желябужского с 1682 г. по 2 июля 1709 г. СПб., 1840, стр. 237—238.

[163] ЦГАДА, ф. Письма разных лиц на русском языке, 1708 г., д. 26, л. 608. Отпуски писем канцлера графа Головкина к тайному секретарю Петру Шафирову и к дьякам.

Глава II. Шведское вторжение в пределы России. Битва под Лесной. Начало народной войны против шведов

[1] Письма Карла XII — Анне. Adlerfeld G. *Histoire militaire de Charles XII*, t. III, p. 184—185.

[2] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1707—1708, кн. II, д. 8, л. 406 и об. Подписано: Вашего Величества раб Гаврила Головкин. Из Минска. 1708 г., января 30.

[3] Nordberg J. A. *Histoire de Charles XII, roi de Suède*, t. II. La Haye, 1748, p. 225 (в дальнейшем сокращенно: Nordberg J. A. *Histoire de Charles XII*).

[4] См. Мышлаевский А. З. *Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708—1714 гг.*

[5] См. [Р. Х. Боур — Петру I]. От Новгородка. Июля 21 дня 1708 году.— *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 2. М.— Л., 1951, стр. 457—458.

[6] См. Мышлаевский А. З. *Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708—1714 гг.*, стр. XI. Заметим, что А. З. Мышлаевский при составлении таблиц расходится с показанием Витворта, который в своем секретном донесении в Лондон подтверждает, что у Апраксина было 27 486, тогда как Мышлаевский дает цифру в 24 186 человек. Это расхождение Мышлаевский объясняет тем, что Витворт присчитал также мелкие команды и рекрутов. Но, может быть, их и стоило присчитать: мы знаем, как быстро при Петре рекруты становились полноценными солдатами.

[7] [Апраксин — Петру I]. Из Великих Лук, февраля 14 дня, 1708 г.— Там же, стр. 2, № 2.

[8] [Апраксин — Петру I]. Из Минска, генваря 24 дня 1708 г.— Там же, стр. 4, № 4.

[9] Напечатано впервые в сборнике документов, составившем IV том *Истории Малороссии* Николая Маркевича. М., 1842, стр 185.

[10] ЦГАДА, ф. Письма разных лиц на русском языке, 1708 г., д. 26, л. 446—447. Отпуски писем канцлера графа Головкина к тайному секретарю Петру Шафирову и к дьякам.

[11] Fryxell A. *Lebensgeschichte Karl's des Zwölften*, T. 2, S. 4.

[12] ЦГАДА, ф. Письма разных лиц на русском языке, 1708 г., д. 26, л. 114—148. Отпуски писем канцлера графа Головкина к тайному секретарю Петру Шафирову и к дьякам.

[13] Там же, л. 276—277.

[14] Рукописн. отд. Государственной публичной библиотеки (ГПБ), кн. поступл. 1936 г., № 133. Устрялов Н. Г. Приложение II к т. V Истории царствования Петра Великого. № 114. Федор Апраксин — царю. 19 сентября 1708 г. Из С.-Питербурха. Копия.

[15] Ch. Whitworth to the right honourable M. secretary Boyle. Moscow, 3/14 November 1708.— Сб. РИО, т. 50, стр. 105—106.

[16] Там же, стр. 109—110, № 37.

[17] См. Там же, стр. 80—83.

[18] Ch. Whitworth to the right honourable M. secretary Boyle, Moscow, 8/19 December 1708.— Там же, стр. 120, № 40.

[19] Резолюция на письме немецких генералов и офицеров, 1708 г., февраля 3.— *Письма и бумаги*, т. VII, в. 1, стр. 387—388, № 2946.

[20] Ср. полемику Эрнеста Карлсона с Hallendorff'ом: 1) Karl XII's

ryska fälttågsplan 1707—1709.— *Historisk tidskrift*, 1889; 2) Mühlenfels hos Karl XII i Smorgonie.— *Historisk tidskrift*, 1894, s. 171—172; 3) C a r l s o n E. *Karl XII och Mühlenfels*.— *Historisk tidskrift*, 1894, s. 272—274.

[21] En plan till Karl XII's tåg mot Moskva.— *Historisk tidskrift*, 1888, № 1, s. 275.

[22] К Александру Даниловичу Меншикову. Из Нарвы, 1708 г., июня 28.— *Письма и бумаги*, т. VII, в. 1, стр. 225, № 2454.

[23] К Борису Петровичу Шереметеву.— Там же, стр. 227, № 2456.

[24] К Александру Даниловичу Меншикову. 1708 г., июня 23.— Там же, стр. 220, № 2449.

[25] *Письма и бумаги*, т. VII, в. 2. М.— Л., 1946, стр. 858—860.

[26] Все документы судебного процесса, веденного по поводу боя при Головчине, напечатаны А. Баиовым в I томе *Трудов Русского военно-исторического общества* (в дальнейшем сокращенно: ТРВИО). СПб., 1909, стр. 153—182. Репнина судили 17 июня, а Чамберса — 5 августа 1708 г. Полнее всего об этом см. *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 2, стр. 429—433, 441—443, 458, 533—536.

[27] L u n d b l a d K. *Geschichte Karl des Zwölften, Königs von Schweden*, T. 2. Hamburg, 1840, S. 13.

[28] См.— *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 2, стр. 547—548.

[29] Там же, стр. 601.

[30] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., д. 10, л. 714—717.

[31] См. Ф е о ф а н П р о к о п о в и ч. *История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии* (в дальнейшем сокращенно: *История императора Петра Великого*), 2 изд. СПб., 1788, стр. 193. Только у Феофана Прокоповича мы встретили эту точную хронологическую дату, взятую, очевидно,из *Журнала Петра Великого*, стр.157, «...в вечеру привезен помянутый генерал-адъютант Канифер». Но когда именно **взят** не сказано.

[32] Показания генерал-адъютанта Канифера. 1708 г. Здесь точной даты, даваемой Феофаном Прокоповичем, не находим.— ТРВИО, т. 1. Документы Северной войны, стр. 146—148, № 169.

[33] Наказ в Можайск воеводе И. Шишкову, марта 1708 г.— *Красный архив*, т. 4 (95), 1939, стр. 162 (публикация Н. Р. Прокопенко).

[34] Резолюция на докладе Ф. М. Апраксина. 1708 г., июня, вероятно, 28.— *Письма и бумаги*, т. VII, в. 1, стр. 227, № 2548.

[35] Там же, №№ 2325, 2347, 2358, 2366, 2372, 2374, 2378, 2383, 2403, 2405, 2406, 2407, 2433, 2438.

[36] M. secretary Boyle to the right honourable M. Whitworth. Whitehall, 18 June 1708.— Сб. РИО, т. 50, стр. 19, № 10.

[37] См. там же, стр. 32—33, № 16.

[38] M. secretary Boyle to the right honourable M. Whitworth, Whitehall, 27 July 1708.— Там же, стр. 33—35, № 17.

[39] Ch. Whitworth to the right honourable M. secretary Boyle, Moscow, 11/22 August 1708. Там же, стр. 37—39, № 19.

[40] См. Т е л ь п у х о в с к и й Б. *Северная война 1700—1721*. М., 1946. Первые 142 страницы книги посвящены периоду 1700—1709 гг. Приложены превосходные карты.

[41] *Журнал Петра Великого*, ч. 1, стр. 167.

[42] Там же, стр. 179.

[43] Об отзывах современников о бое под Добрым см. сводку в *Письмах и бумагах*, т. VIII, в. 2, стр. 627—635.

[44] Ch. Whitworth to the right honourable M. secretary Boyle, Moscow, 15/26 September 1708.— Сб. РИО, т. 50, стр. 54, № 25.

[45] *Журнал Петра Великого*, ч. 1, стр. 177—178.

[46] N o r d b e r g J. A. *Histoire de Charles XII*, t. II, p. 232.

[47] Так оно и названо: «Réflexion». Nordberg J. A. *Histoire de Charles XII*, t. II, p. 232.

[48] К Екатерине Алексеевне и Анисье Кирилловне Толстой. Із лагору (sic) от реки Черной Напны, 31 день августа 1708 г.— *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 1. М.— Л., 1948, стр. 110, № 2595.

[49] К Ф. Ю. Ромадановскому. Із лагора от м. Золочева, 31 день августа 1708 г.— Там же, стр. 108, № 2594.

[50] «Ко всем знатным и кои при делах находились». 1708 г., августа 30.— Там же, стр. 106—107, № 2592.

[51] Герье В. *Отношение Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке*. СПб., 1871, стр. 73.

[52] Прямые показания спутников короля и собранные впоследствии Фрикселем свидетельства хорошо передают содержание этих очень осторожных и деликатных разногласий.

[53] Fryxell A. *Lebensgeschichte Karl's des Zwölften*, T. 2, S. 106.

[54] ЦГАДА, ф. Английские дела, 1708 г., д. 6/321, л. 13—14. Это письмо Головкина к Курбатову напечатано в *Письмах и бумагах*, т. VIII, в. 2, стр. 676—677.

[55] Ch. Whitworth to the right honourable M. secretary Boyle, Moscow, 17/28 September 1708.— Сб. РИО, т. 50, стр. 59—69, № 26.

[56] *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 2, стр. 654—655.

[57] Fryxell A. *Lebensgeschichte Karl's des Zwölften*, T. 2, S. 105.

[58] *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 1, стр. 125—126.

[59] Витворт по ошибке вместо Густав Адольф пишет «Карл Густав».— Сб. РИО, т. 50, стр. 61, № 26.

[60] К А. И. Мусину-Пушкину. Из Варшавы. 1707 г., июля 14.— *Письма и бумаги*, т. VI, стр. 18, № 1865.

[61] Nordberg J. A. *Histoire de Charles XII*, t. II, p. 240—241.

[62] *Droga do Ukrainy króla Szwedzkiego*, рукопись из библиотеки Чарторыйских. Цит. у Стефана Томашевского: «Із записок каролинців». *Записки Наукового товариства імени Шевченка*, т. 92, кн. VI, 1909, стр. 71—73.

[63] Lundblad K. *Geschichte Karl des Zwölften*, Bd. II, S. 39.

[64] К Борису Петровичу Шереметеву. 1708 г. сентября 18.— *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 1, стр. 145, № 2643.

[65] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1707—1708 гг., кн. II, д. 8, л. 116—117. [Шереметев — Петру I]. Из Могутова, сентября 21-го 1708 году в 8 часу пополуночи.

[66] Там же, л. 124 и об. [Шереметев — Петру I]. Из Сал сентября 28 дня 1708 г.

[67] Там же, л. 130—131. [Шереметев — Петру I]. Октября 1-го дня 1708 г. С пути от Почепа, расстоянием в 50 верстах.

[68] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1707—1708 гг., кн. II, д. 8, л. 132—133 об. [Шереметев — Петру I]. Ис Почепа, октября 4 дня 1708 г.

[69] Там же, л. 136 и об. [Шереметев — Петру I]. Октября 9 дня 1708 г. От Почепа.

[70] Там же, л. 137—138. [Шереметев — Петру I]. Ис Почепа, октября 12 дня 1708 г.

[71] Там же, л. 139 и об. [Шереметев — Петру I]. Ис Погара, октября 14 дня 1708 г.

[72] Там же, л. 142—143. [Шереметев — Петру I]. Из Гремячева, октября 20-го дня 1708 г.

[73] Там же, л. 145 и об. [Шереметев — Петру I].

[74] Там же, л. 146 и об. [Шереметев — Петру I]. Из Халчиц, октября 25 дня 1708 г.

[75] Adlerfeld G. *Histoire militaire de Charles XII*, t. III, p. 21—22.

[76] Copie d'une lettre, écrite de Mr. de Besenwald, envoyée de France en Pologne à Mr. de St. Colombe Agent du Roy en Suisse, документы из венского гос. архива, напечатанные в I томе ТРВИО, стр. 226—228, № 201.

[77] Там же, стр. 224, № 200.

[78] Дело розыскное шпиона поляка Якуба Улашина, бывшего в шведской службе и посланного под Стародуб с письмом к гетману Мазепе от короля Станислава. 1 октября 1708 г.— ТРВИО, т. I, стр. 256, № 226.

[79] От села Синявы, октября 12 дня, 1708 г. (Генерал назывался «Лагеркрона», а не «Лагеркрон», как его именуют наши документы).— Там же, стр. 103, № 125.

[80] «Аднакож, слава богу, что при нем в мысли ни пети человек нет, і сей край как был, так есть». К князю Василию Владимировичу Долгорукову.— *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 1, стр. 254, № 2787.

[81] *Указ всему Малороссийскому народу*. Дан в Глухове. Ноября в 6 день 1708 г.— Там же, стр. 277, № 2816.

[82] Шереметев — Петру I (Письмо оборвано, даты нет).— ТРВИО, т. I, стр. 37, № 40.

[83] ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1708 г., д. 5, л. 1 и об. Дан в его королевском обозе лета 1708 году октября в 8 день. По указу его вельможнейшего королевского величества свейской его королевского величества войсковый комиссариат.

[84] Nordberg J. A. *Histoire de Charles XII*, t. II, p. 242.

[85] Till Adam Ludwig Lewenhaupt. Bialohorst (sic — *E. T.*), d. 12, Oct. 1708, № 252. *Konung Karl XII egenhändiga Bref.* Stockholm, [1893],s. 347.

[86] Установлен этот в своем роде изумительный факт вполне точно: «Då han på våren 1708 besökte konungen i Radosskowice, fick han endast forhållningsordres, men ingen närmare inblick i fålltågsplanen». E. Carlson. *Karl XII's ryska fälltågsplan 1707—1709.— Nordisk tidskrift*, 1889, H. 5, s. 381.

[87] К князю В. В. Долгорукову от боевого места от деревни Лесновой 29 сентября.— [Голиков]. *Деяния Петра Великого*, ч. XI. М., 1789, стр. 422, № 925.

[88] [Шереметев — Петру I]. Из Почепа, октября 9 дня 1708 г.— ТРВИО, т. I, стр. 27—28, № 32.

[89] Из Погара, октября 15 дня 1708 г.— Там же, стр. 30—31, № 34.

[90] Ленинградское отделение Института истории АН СССР (ЛОИИ), ф. 83, походная канцелярия А. Д. Меншикова, картон 9, № 294. Допросные речи двух пленных шведов: Индрика Петроса и Вилима Гендрика, 1708 г., октября 17.

[91] ТРВИО, т. I, стр. 252—255, № 224.

[92] К Федору Матвеевичу Апраксину, 6 октября.— [Голиков]. *Деяния Петра Великого*, ч. XI, стр. 425, № 928.

[93] «К князю Федору Юрьевичу Ромадановскому». Подписано: *Piter*, «З боевого места, в 29 день сентября 1708».— *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 1, стр. 168—169, № 2681. Ср. [Письмо к Ив. Андр. Толстому], 1708 г. 29 сентября.— Там же, стр. 171, № 2684.

[94] Там же, стр. 178—179, № 2699. В. Л. Долгорукий сообщал Головкину из Дании, что там ходили слухи, что русские взяли в общем восемь тысяч телег.— *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 2, стр. 753.

[95] *Журнал Петра Великого*, ч. 1, стр. 183.

[96] Ch. Whitworth to the right honourable Mr. secretary St. John. Carlsbad, the 1/12 October 1711.— Сб. РИО, т. 61. СПб., 1888, стр. 12, № 2.

[97] Wahrhaftige und umständliche Relation von dem Sieg... überbracht von dem Herrn General-Adjutant Bruckenthal. Anno 1708 (ГПБ, ф. Rossica).

[98] Этот крайне необычный факт снегопада в конце сентября (начале октября нов. ст.) в этой местности установлен документально.

[99] Egentlig berättelse om fält-slaget emellan H. K. M. till sverige trou-

per jom stode under gen. och. gouvern. Adam Ludwig Lewenhaupts befäl och den Muskowitiske Krigsmachten under H. Z. M. etc. den 29 Septembris 1708 pod Liecna 2 mijl ifrån Propoisk. Stockholm. (ГПБ, ф. Rossica).

[100] *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 1, стр. 183, № 2704.

[101] Кн. Вас. Долгорукий — А. Д. Меншикову. Из Копенгагена, ноября 30 дня 1708 г.— ТРВИО, т. III, стр. 37—38, № 41.

[102] ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А. Д. Меншикова, картон 10, № 158, 1708 г., декабря 3. Письмо А. А. Матвеева из Гравенгаги А. Д. Меншикову.

[103] [Петр I — А. Д. Меншикову]. С Воронежа, февраля 17. ТРВИО, т. III, стр. 104, № 106.

[104] Adlerfeld G. *Histoire militaire de Charles XII*, t. III, p. 356.

[105] «Октября месяца в письме царского величества из военного похода... Из Погара октября в 16 день о здешнем объявляю».— ТРВИО, т. I, стр. 260—261, № 227.

[106] Это мы узнаем из шведских источников. Adlerfeld G. *Histoire militaire de Charles XII*, t. III, p. 354.

Глава III. От вторжения шведов в Северскую Украину до начала осады Полтавы (сентябрь 1708 г.— апрель 1709 г.)

[1] Carlson E. *Karl XII's ryska fälttågsplan 1707—1709.— Nordisk tidskrift, ny följd, II årgången*, s. 367—391.

[2] ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А. Д. Меншикова, картон 9, № 219-а, 1708 г., сентября 24. Письмо Ф. Бартенева из Почепа А. Д. Меншикову.

[3] ЦГАДА, ф. Письма разных лиц на русском языке, 1708 г., д. 39, л. 2, 3. Письма к канцлеру графу Головкину от Коховского.

[4] С грабительствами и разбоями шведской солдатчины Западная Украина (принадлежавшая тогда Польше) ознакомилась в достаточной мере еще в 1703—1704 гг., когда, насильственно сажая Станислава Лещинского на польский престол, Карл XII разорял Речь Посполитую из конца в конец. См. Гербильский Г. Ю. *Петр Перший в Західній Україні*. Львів, 1948.

[5] *Жалоба житомирского мечника Ивана Рыбинского, 1709, мая 27.— Архив юго-западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов* (в дальнейшем сокращенно: АЗР), ч. 3. Акты о козаках (1679—1716), т. II. Киев, 1868, стр. 710, № CCLXIX.

[6] *Постановление сеймика воеводства киевского. Року тисеча семсот девятого, месяца сентембра двадцятого дня.*— Там же, ч. 3, т. II, стр. 717 и след. № CCLXXIV.

[7] Там же, стр. 723 и след., № CCLXXV.

[8] *Жалоба дворянина Криштофа Гурского на Межирицкого мещанина Грицька Пащенка... 1708 г. октября 17.*— АЗР, ч. 3. Акты о козаках, т. III, стр. 5, № IV.

[9] *Инструкция послам, отправляемым на люблинский сейм 16 июня 1703 г.*, № XXIII, начиная со слов: Zapalone buntownicze w Ukrainie pożary...— АЗР, ч. 2, т. III. Киев, 1910, стр. 126.

[10] «... pro haeredibus panom swoim reputentur: słobody ab eo tempore annihilowalismy...» — АЗР, ч. 2, т. III, стр. 145, № XXVIII.

[11] Там же, стр. 180, № XXXIX.

[12] [Голицын — Скоропадскому], из Киева 1709 г., октября 17.— *Материалы для отечественной истории*, т. II. Киев, изд. М. Судиенко, 1855, стр. 14, № XII.

[13] См. Лазаревский А. *Описание старой Малороссии*, т. III. Киев, 1902, стр. 17. (Примечание).

[14] Лазаревский А. *Описание старой Малороссии*, т. II. Киев, 1893, стр. 470.

[15] Там же, стр. 471.

[16] Никаких более точных данных об этом Климентии нет, кроме того, что он был бездомный, скитающийся и приверженный алкоголю монах, явно прикармливаемый по усадьбам. Впервые его вирши напечатаны в украинофильском журнале *Основа* 1861 г., № 1, с комментариями на стр. 157—234. Статья не подписана, но принадлежит П. А. Кулишу (судя по оглавлению на обложке этой книги журнала).

[17] *Показания о шведах священника Андрея Александроса*. 1708 г., декабря 1.— ТРВИО, т. III, стр. 40, № 43.

[18] [Ушаков — Петру I]. Из Ромна, 1709 г., генваря 5.— Там же, стр. 68, № 67.

[19] [Петр I — А. Д. Меншикову]. С Воронежа 1709 г., февраля 17.— Там же, стр. 104, № 106.

[20] *Копия с писма фельтмаршалова, которое писано ис Тернос ноября 19 дня*. (Петр I — А. Д. Меншикову). Из Оружевки, ноября 20 дня (1708 г.).— *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 1, стр. 319, № 2864.

[21] К кн. Д. М. Голицыну, 1708 г., ноября 9.— Там же, стр. 295, № 2831.

[22] *Документы, известия и заметки. К истории Мазепиной измены*.— *Киевская старина*, 1889, декабрь, стр. 645. Писарь назывался Панкевич (не Пашкевич, как он назван в цит. статье в *Известиях АН*). Этот Панкевич, сын расторговавшегося мещанина, вышел затем в полковые есаулы, перейдя из купцов в казацкую старшину. Всю свою карьеру он сделал при Скоропадском.

[23] В содержательной статье В. Е. Шутого. *Классовая борьба на Украине в 1708—1709 гг.— Известия АН СССР*, серия истории и философии, т. VI, 1949, № 4, стр. 313—322, которая дополнена статьей того же автора в № 7 *Вопросов истории* за 1949 г. *Народная война на Украине против шведских захватчиков* (стр. 9—27), говорится: «Сотник чигринодубравский Иван Бунобаш получил в 1707 г. от лубенского полковника Зеленского «лист» на три хутора, известные под одним названием Кагамлык. На хутоpax поселил он вольных людей. Во время пребывания шведов на Украине сотня отказалась подчиняться Бунобашу, и «поселяне кагмлычане» перестали признавать его своим «паном». Об этом сотнике (он назывался Булюбаш, а не Бунобаш) у Лазаревского сказано, что 22 июля 1709 г., т. е. уже после Полтавы и разгрома шведов, было приказано от властей (от полковника Савича) войту и поселянам, чтобы они по-прежнему (в прежней «обыклости») пану Булюбашу «всякое послушенство отдавали»». Но, к сожалению, мы нигде не нашли у Лазаревского более точных указаний об отказе всей сотни признавать этого довольно крупного землевладельца Булюбаша своим паном. Не объясняет также Лазаревский, почему начальство, «респектуючи на заслуги п. Булюбаша», приказывает, чтобы его поселян оставили в покое, «до города в жадных делех не чепали», хотя те, очевидно, в самом деле оказали в свое время «непослушенство». См. Лазаревский А. *Исторические очерки полтавской Лубенщины XVII—XVIII вв.— Чтения в Историческом Обществе Нестора-летописца*, кн. XI. Киев, 1896, стр. 202.

[24] Допрос Григория Герцыка об участии его в измене Мазепы, список с подлинника, хранящегося в архиве министерства иностранных дел.— *Киевская старина*, 1883, март, стр. 595—610. Этот Герцык после Полтавы бежал с Мазепой за Днепр и потом принимал участие в заграничных похождениях и интригах Орлика, а в декабре 1719 г. попал в Варшаве в руки русских властей и был допрошен. После десятилетнего заключения он был освобожден в 1728 г.

[25] Письмо Орлика к Стефану Яворскому. Впервые напечатано в жур-

нале *Основа*, раздел — Исторические акты, 1862, листопад (октябрь), стр. 1—28.

[26] Там же, стр. 20.

[27] Nordberg J. A. *Histoire de Charles XII*, t. II, p. 190.

[28] ТРВИО, т. II. СПб., 1909, стр. 161.

[29] Там же, стр. 154.

[30] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1707—1708 гг., кн. II, д. 8, л. 417. [Головкин — Петру I].

[31] *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 2, стр. 781.

[32] К Ф. М. Апраксину, 1708 г., октября 6.— *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 1, стр. 182—183, № 2704.

[33] К Ф. М. Апраксину. Из Брянска, в 24 день октября 1708 г.— Там же, стр. 232, № 2749.

[34] [Головкин — Петру I]. Из Почепа, 1708 г., октября 10.— *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 2, стр. 821.

[35] [Меншиков — Петру I]. Из Горска, 1708 г., октября 20.— Там же, стр. 846.

[36] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1707—1708 гг., кн. II, д. 8, л. 529—530. Из Погаря (sic — *Е. Т.*), 1708 г., октября 16.

[37] «Грамота Государя к Гетьману Мазепе о выводе войск из Малороссии пред прибытием в нее шведов. Писан в нашем воинском походе, в обозе при Могутове, сентября 20, 1708 года, государствования нашего 27 лет». — *Источники малороссийской истории*, собр. А. Н. Бантыш-Каменским и изд. О. Бодянским, ч. II. М., 1859, стр. 159—160.

[38] Документ напечатан Бантыш-Каменским лишь в отрывке и озаглавлен в цитированном издании О. Бодянского так: «1708 года, октября 6. В письме гетмана Мазепы к графу Головкину, из обозу от реки Десны, между прочим, написано...» — *Источники малороссийской истории*, ч. II, стр. 163—167.

[39] Это второе письмо Мазепы к Головкину от 6 октября сохранилось в рукописи.— ЦГАДА, ф. Малороссийские дела, 1708 г., д. 3-а, л. 653—656.

[40] Из Витебска, 1708 г., мая 23. [Головкин — Петру I].— *Письма и бумаги*, т. VII, в. 2, стр. 715—716.

[41] К Ивану Степановичу Мазепе.— *Письма и бумаги*, т. VII, в. 1, стр. 197, № 2415.

[42] Опечатка «шалости» вместо «шатости» исправлена нами по письму Головкина от 10/X 1708 г. Речь идет именно о «шатаниях», колебаниях в настроении народной массы.

[43] *Копия с письма, каково послано от нас из Почепа к гетьману и кавалеру, Ивану Степановичу Мазепе сего настоящего октября в 10 день.— Источники малороссийской истории*, ч. II, стр. 160—163.

[44] Там же, стр. 162.

[45] *1708. Октября 16. Письмо графа Головкина и «цидула» к Гетману Мазепе.* Приписка: «таковое письмо послано с гетманским слугою Кирилою, из Погаря, октября 16 дня 1708 г.» — *Источники малороссийской истории*, ч. II, стр. 168.

[46] ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А. Д. Меншикова, картон 9, № 224. Письмо Ф. Бартенева из Старого Почепа А. Д. Меншикову, 1708 г., сентября 26.

[47] Там же, № 223. Письмо Н. Ифлянта (sic — *Е. Т.*) из Старого Почепа А. Д. Меншикову, 1708 г., сентября 26.

[48] Там же, № 233. Ис под Стародуба, сентября 29 дня 1708 г. Письмо А. Ушакова из Стародуба А. Д. Меншикову.

[49] Там же, № 261. Из Почепа, октября 19 дня 1708 г. Письмо Б. Шереметева из Почепа А. Д. Меншикову.

[50] Там же, № 310. Письмо Ф. Бартенева из Воробьевки А. Д. Меншикову, 1708 г. октября 21.

[51] Там же, № 307. От Камени, дня 21 октября, 1708 г. Письмо бригадира Волконского А. Д. Меншикову.

[52] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1707—1708 гг., кн. II, д. 8, л. 147 и об. [Шереметев — Петру I]. Ноября 4-го дня 1708 г. Из Воронежа.

[53] О Батурине. Исторические извлечения из статьи Михаила Исаенко в Черниг. губ. ведом. 1859—1860 гг. и др. Рукописный отд. ГПБ, архив Оленина, ящик № 128.

[54] [Петр I — Меншикову]. 1708. ноября 2.— *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 1, стр. 270, № 2807. [Петр I — Меншикову]. 1708 г., ноября 4.— Там же, стр. 273, № 2811.

[55] Adlerfeld G. *Histoire militaire de Charles XII*, t. III, p. 374.

[56] Рукописн. отд. ГПБ, кн. поступл. 1936 г., № 133, Устрялов Н. Г. Приложение II к т. V *Истории царствования Петра Великого.* Показание сотника Корнея Савина, 19 ноября 1708 г.

[57] *Архив кн. Ф. А. Куракина*, кн. 1. СПб., 1890, стр. 281—282.

[58] ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А. Д. Меншикова, картон 9, № 308. Допросные речи шведского пленника Андрея Францушкуса (21 октября 1708 г.).

[59] Отд. рукопис. и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде (БАН), № 32, 12, 10. *История жития и славных дел гос. имп. Петра Великого.* Сборник Петра Крекшина, л. 132 об.

[60] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1707—1708 гг., кн. 1, д. 7, л. 169 и об.

[61] Ch. *Whitworth to the right honourable M. secretary Boyle, Moscow, 24 November (5 December) 1708.*— Сб. РИО, т. 50, стр. 114, № 39.

[62] [А. Д. Меншиков — Д. М. Голицыну], 1709 г., 19 января. (Это ответ Меншикова на сообщение кн. Голицына).— Сб. РИО, т. 11, стр. 109.

[63] ЦГАДА, ф. Малороссийские дела, 1708 г., д. 111. «Cum expressione Poddanskie moiej... Naiasnieeyszy milostivy Krolu pane miy milosciuvy». Помечено: Romna — X-bris 5 1708».

[64] Феофан Прокопович. *История императора Петра Великого*, стр. 227.

[65] ЦГАДА, ф. Малороссийские дела, 1708 г., д. 103, л. 2. Списки на польском и российском языках с писма изменника гетмана Мазепы, З Ромна, декабря 5-го 1708 г.

[66] ЦГАДА, ф. Малороссийские дела, 1709 г., д. 14, л. 14—15. Список с листа изменника Мазепы, писанного к Лещинскому.

[67] Там же, д. 13—16. Дан в Сумах, 1709 г., генваря в 21 день.

[68] Рукописн. отд. ГПБ. Древлехран. Погодина. Рукописный сборник XVIII в., № 1598. Рукопись 17, л. 166. См. также *Письма и бумаги*, т. IX, в. 1, стр. 38, № 2999

[69] ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1708 г., д. 6, л. 1—4. «Дан в Ромне на зимовче нашой дня 16-го декаврия 1708-го».

[70] Там же, л. 1.

[71] Там же, л. 4.

[72] *Материалы для отечественной истории*, т. II, стр. 109, № IX.

[73] К лицам, вызванным на военный совет. 1708 г. Начало декабря.— *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 1, стр. 334, № 2887.

[74] К коронному великому гетману Адаму-Николаю Сенявскому, 1708, декабря 16.— Там же, стр. 354, № 2914.

[75] К Елизавете-Елене Сенявской. Из Лебедина, 1708 г., декабря 16. (Madame, лист вашей милости мы получили...).— Там же, стр. 356, № 2915.

[76] К гетману войск великого княжества Литовского Григорию-Антону Огинскому. 1708 г. декабря 15.— Там же, стр. 353, № 2913.

[77] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 1, 1706—1711 гг., д. 20, л. 142об. Того же году (1708) марта 26 изо Львова к господам министрам.

[78] Там же, л. 143 об. и 144. «Того же году (1708) от Сенявского к министрам в обозе под Низким, июня 23 день написано».

[79] Там же, л. 145 и 146 об.

[80] Там же, л. 146. «Того же году Сенявский министрам из обозу под Тарногорою августа в 23 день доносит».

[81] Там же, л. 146.

[82] Там же, л. 147 и об.

[83] Там же, л. 148.

[84] Резолюция на донесении барона Г. фон дер Гольца. 1708 г., декабря 22.— *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 1, стр. 369—370, № 2928.

[85] К барону Генриху фон дер Гольцу. 1708 г. Не ранее 22 декабря.— Там же, стр. 372, № 2929.

[86] Манифест. Учинено в Воронеже, апреля в 3 день 1709 г.— [Г о л и к о в]. *Деяния Петра Великого*, ч. XII, стр. 7, № 1017.

[87] Обращение Шереметева от имени Петра I к населению Украины. Октябрь 1708 г.— *Красный архив*, т. 4 (95), стр. 158.

[88] Указ жителям Почепа 6 октября 1708 г.— Там же.

[89] Из Лебедина, ноября 26, 1708 г. Письмо канцлера гр. Г. Головкина к жителям гг. Котельвы, Опошни и Груни.— Там же, стр. 158—159.

[90] Указ всему Малороссийскому народу. 1708 г. ноября 6. «Дан в Глухове, ноября в 6 день 1708 году».— *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 1, стр. 276—284, № 2816.

[91] Особое обращение к кошевому атаману Константину Гордиенко и всему войску запорожскому.— Там же, № 2793. Ср. также два кратких указа к народу № 2767 и 2771.— Там же, № 2800 и 2801.

[92] Указ кошевому атаману Константину Городеенко и всему войску запорожскому. «Дан в Глухове, 1708 г., ноября 12».— Там же, стр. 306—309, № 2845.

[93] [К А. В. Кикину] из Лебедина, 1708 г., декабря 19. «Полковник кумпанейской Колаган (sic — *Е. Т.*), который был у Мазепы... пришел до нас і на дороге разбил шведоф і живьем привес (sic!) офицероф и редовых (sic!)! шездесят восемь человек».— Там же, стр. 359, № 2919.

[94] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. II, д. 10, л. 260.

[95] Там же, л. 276—277.

[96] *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 2, стр. 876.

[97] К Ф. М. Апраксину. Из лагару (sic — *Е. Т.*) от Десны, в 30 день октября 1708 г. (Полки пересчитаны в примечании к этому письму).— *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 1, стр. 253—254, № 2786.

[98] АЗР, ч. 3, т. II, стр. 178—179.

[99] [Б. Корсак — Г. И. Головкину]. Из Смоленска, 1709 г., марта 10.— ТРВИО, т. III, стр. 120, № 118.

[00] [Б. Корсак — Г. И. Головкину]. Из Смоленска, 1709 г., мая 19.— Там же, стр. 172, № 167.

[101] Кн. Д. М. Голицын — А. Д. Меншикову. Из Киева, 21 дня ноября.— Там же, стр. 26, № 30.

[102] A d l e r f e l d G. *Histoire de Charles XII*, t. III, p. 384—385.

[103] Там же, стр. 395—396.

[104] ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А. Д. Меншикова, картон 10, № 180, 1708 г., декабря 7. Допрос гадячского мещанина Остапа Волченко.

[105] Там же, № 178, 1708 г., декабря 7. Письмо К. Э. Ренне из Веприка А. Д. Меншикову.

[106] Указ полковнику полтавскому Ивану Прокопьевичу Левенцу. «Дан в Лебедине, ноября в 27 день 1708 году».— *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 1, стр. 325, № 2876.

[107] Запись Крекшина под 25 марта 1709 г.— *Библиотека для чтения*, т. 97, 1849, стр. 80.

[108] Показания о шведах священника Андрея Александрова, 1708 г., декабря 1.— ТРВИО, т. III, стр. 40, № 43.

[109] ЦГАДА, ф. Малороссийские дела, 1708 г., д. 130, л. 1 и об. Писмо к государю Петру I от казаков и всего посполитства Лубенского просителное о защищении их от неприятельского нашествия.

[110] ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А. Д. Меншикова, картон 10, № 299. Письмо полковника Черпцова А. Д. Меншикову, 1708 г., декабря 31.

[111] Письмо графа Головкина к Мазепе. Из Лебедина, декабря в 22 день 1708 г. в собрании документов, занимающих весь IV том *Истории Малороссии* Н. Маркевича. М., 1842, стр. 270—271, № LVI.

[112] *Ch. Whitworth to the right honourable M. secretary Boyle.*— Сб. РИО, т. 50, стр. 143, № 50.

[113] Fryxell A. *Lebensgeschichte Karl's des Zwölften*, T. 2, S. 138—139.

[114] *Le journal d'un frère d'armes de Charles XII.— Revue contemporaine*, 1910, № 5, p. 42.

[115] К. Э. Ренне — А. Д. Меншикову. Из Бобрику-Русского, дня против 22 декабря 1708 г.— ТРВИО, т. III, стр. 60, № 58.

[116] Ушаков — государю. Из Ромны, Декабря 23 дня 1708 г.— Там же, стр. 61, № 59.

[117] ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А. Д. Меншикова, картон 10, № 247. Из Веприка, дня 19 декабря 1708 г. К. Э. Ренне — А. Д. Меншикову.

[118] К. Э. Ренне — А. Д. Меншикову. Из Буравенски, дня 24 декабря 1708 г.— Там же, № 282.

[119] Полковник Черпцов — А. Д. Меншикову. 31 декабря 1708.— Там же, № 299.

[120] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. I, д. 9, л. 538—539. Из Богодухова, 1709 г., февраля 24.

[121] См. Стилле А. *Карл XII как стратег и тактик*. СПб., 1912, стр. 70.

[122] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. I, д. 9, л. 540. Этот документ дошел в рваном и истлевшем виде, в восьми строках, которые не могут быть целиком прочитаны.

[123] Там же, л. 541—542.

[124] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. I, д. 9, л. 776 и об. Из Богодухова, дня 12 февраля 1709 г., Карл Ренне — Петру I.

[125] Adlerfeld G. *Histoire militaire de Charles XII*, t. III, p. 420.

[126] Fryxell A. *Lebensgeschichte Karl's des Zwölften*, T. 2, S. 152—153. Костомаров совсем не понял это место в своей работе о Мазепе. Он переводит: «Ступайте и узнайте от Мазепы (!) путь в Азию точнее» (стр. 374). Карл посылал на разведки Гилленкрока совсем не к Мазепе, а «туда», dorthin, прямо в Азию! благо она совсем в двух шагах. А слов «узнайте от Мазепы» вовсе нет в тексте!

[127] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. II, д. 10, л. 280.

[128] [Карл XII — Ульрике Элеоноре]. Budizie (Будищи.— *Е. Т.*), d. 31, Mars 1709, № 71. *Konung Karl XII egenhändiga bref*. Stockholm, [1893], s. 94—96.

[129] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. I, д. 9, л. 528 и об. Копия с письма к его светлости князю Меншикову от господина гетмана Скоропадского, 7 дня февраля из Нежина писанного.

[130] Там же, л. 526—527. Ведомость, что генваря в 29 день в Опошне шведов взято в полон и русских в плене бывших освобождено.

[131] Там же, л. 530 и 531. Из Богодухова, февраля 18 дня 1709 году.

[132] Там же, л. 532. Меншиков — Петру I. Из Богодухова, февраля 16 дня, 1709 году.

[133] Там же, л. 534.

[134] Там же, л. 529 и об. Копия с письма к господину гетману от Переволоченского дозорцы. Февраля 9 дня во Переволочне писанного.

[135] Там же, л. 519. Из Богодухова, февраля 22 дня 1709 году. Документ в крайне ветхом состоянии, весь конец л. 520 утрачен.

[136] Adlerfeld G. *Histoire militaire de Charles XII*, t. III, p. 421—422.

[137] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. II, д. 10, л. 222—223 об. Из Глинска, февраля 28 дня 1709 г. [Шереметев — Петру I].

[138] Там же, л. 228—229. 20-го дня февраля 1709 г. Из Лохвицы [Шереметев — Петру I].

[139] *Письма к государю императору Петру Великому от... кавалера графа Бориса Петровича Шереметева*, т. II. М., 1788, стр. 206—207. Издания середины и конца XVIII столетия всегда именуют Петра императором, даже если речь идет о событиях, когда он еще не носил этого титула.

[140] Три письма кошевых атаманов к шведским королям.— *Киевская старина*, 1899, январь, отд II, стр. 1—2. Это письмо, как и два других, найдены в подлиннике в Стокгольмском архиве Н. В. Молчановским.

[141] *Архив князя Ф. А. Куракина*, кн. 1, стр. 317.

[142] ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А. Д. Меншикова, картон II, № 62. 1709 г., марта 24. Показания семи человек Юсупа Мурзы (?): Софрон Васильев, Яков Грицко, Семен Гордейко, Янко Василь, Мартын Леско, Панко Кошляченко (имя седьмого исчезло в осыпавшейся части полуистлевшего документа).

[143] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. I, д. 9, л. 535—537.

[144] Там же, л. 587—588. Из Харькова, апреля 5 дня 1709 г.

[145] Там же, л. 579 и об. Из Харькова. Апреля 4 дня 1709 г.

[146] *Bref ifran Konung Karl XII till Konung Stanislaus. Bulitzou* (Будищи — *Е. Т.*) *le 30 de Mars 1709.—Handlingar rörande Skandinaviens Historia*, t. V. Stockholm, 1818, s. 321—322.

[147] Der Dnieper an den glorwürdigen Karl den XII, der Schweden, Gotten und Venden König (ГПБ, ф. Rossica).

[148] Показания казака Прожиренока о короле и Мазепе. Ноября 1, 1708 г.— ТРВИО, т. III, стр. 2, № 3.

[149] (Андрей Ушаков — Петру I) Из Стародуба, сентября 29, 1708 г.— ТРВИО, т. I, стр. 101, № 123.

[150] ЦГАДА, ф. Малороссийские дела, 1708 г., д. 48, л. 9—10 и об.

[151] ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А. Д. Меншикова, картон 10, № 116. Из Липова местечка ноября 24 дня 1708 г. Письмо А. Ушакова из местечка Липового А. Д. Меншикову.

[152] ЦГАДА, ф. Малороссийские дела, 1708 г., д. 72, л. 27—28 об. Манифест государя Петра всему малороссийскому народу, в Глухове изданный, ноября 6, 1708 г.; *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 1, стр. 276—284. № 2816.

[153] К. И. С. Мазепе. 1707 г., декабря 17.— *Письма и бумаги*, т. VI, стр. 190, № 2107.

[154] ЦГАДА, ф. Малороссийские дела, 1708 г., д. 119, л. 1—2. Отпуск указа государя Петра I к обретающимся в Глухове и Глуховском уезде великороссийским военным людям о нечинении им в помянутых местах обид и излишних требований в провианте и фураже. Дан... указ... в Лебедине, декабря в 20 день, 1708 г.

[155] Г. И. Головкин — майору Бартеневу. Генваря в 4 день (1709 г.).— ТРВИО, т. III, стр. 67, № 66.

[156] ЦГАДА, ф. Малороссийские дела, 1708 г., д. 118, л. 1 и об. Оберегательной государя Петра I указ жителям Лютенки о нечинении им никакого разорения. Дан... в Лебедине, декабря в 19 день, 1708 году.

[157] Adlerfeld G. *Histoire militaire de Charles XII*, t. III, p. 427.
[158] Там же.
[159] ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А. Д. Меншикова, картон 10, № 132. «... для того, когда жена сво и дети у нас будут, то он нам будет верен».— Письмо кн. Г. Волконского из Сорочинца А. Д. Меншикову, 1708 г., ноября 28.
[160] Там же, № 111. Письмо А. Ушакова из местечка Липовово (sic!—*Е. Т.*), 1708 г., ноября 23.
[161] Там же, картон 9, № 255 (на двух листах). Копия объявления от шведского воинского комиссариата к жителям Малороссии.
[162] [Б. П. Шереметев — Петру I]. Ноября 19, 1708 г. из Тернов.— ТРВИО, т. III, стр. 19, № 22.
[163] [Б. П. Шереметев — Петру I].— Там же, стр. 107—108, № 108.
[164] ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А. Д. Меншикова, картон 10, № 167, 1708 г., декабря 4. Донесение казака Андрея Степаненко.
[165] Там же, картон 9, № 282. 1708 г., декабря 24. Письмо К. Э. Ренне из Буравенки А. Д. Меншикову.
[166] Там же, картон 10, № 202. 1708 г., декабря 13. Письмо Ф. Шидловского из Миргорода А. Д. Меншикову.
[167] Это известие находим в напечатанной в 1849 г. части записей П. Н. Крекшина, петровского писаря и «комиссара девятого класса по подрядам», много записавшего по памяти, а много переписавшего из подлинных бумаг, к которым был в конце жизни допущен в «кабинет дел и бумаг Петра Великого» по приказу императрицы Елизаветы. Записи, относящиеся к 1708 и 1709 гг., опубликованы в 1849 г. в 97 томе журнала *Библиотека для чтения* под не вполне точным названием: *Год из царствования Петра Великого. 1709. Из записок Крекшина*, стр. 35—102 отдела «Науки и художества».
[168] Там же, запись под 31 мая (1709 г.).

Глава IV. Осада Полтавы

[1] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. I, 1706—1711 гг., д. 20, л. 178. Донесение Меншикова царю было послано из Харькова 21 апреля 1709 г.
[2] Nordberg J. A. *Histoire de Charles XII*, t. II, p. 295.
[3] Никаких ответов и на такие вопросы, как, например, что стало с меньшинством запорожцев, противившимся К. Гордиенко, у нас нет. Подобные вопросы вообще гораздо легче задавать, чем давать на них документированный ответ.
[4] Рукопис. отд. ГПБ, кн. поступл. 1936 г., № 133, Устрялов Н. Г. Приложение II к т. V *Истории царствования Петра Великого*. № 109. Петр Толстой — Петру I из Константинополя, 1708 г., августа 29.
[5] См. Шутой В. Е. *Измена Мазепы*.— *Исторические записки*, т. 31. М., 1950, стр. 183—185.
[6] Костомаров Н. *Мазепа*. М., 1882, стр. 384. Nordberg J. A. *Histoire de Charles XII*, t. II, p. 284. Увлекающийся Костомаров посвящает дальше много страниц похождениям Константина Гордиенко. Это материал крайне сомнительный, потому что здесь, более или менее достоверные в некоторых других частях своих записок, оба шведа повторяют чужую (запорожскую и мазепину) ложь. Представитель старой сепаратистской украинофильской школы (в духе позднейшего Грушевского) историк Запорожья Эварницкий говорит: «Гордиенко был человек передовой по своим убеждениям, горячий патриот и чистый народник». Эварницкий Д. *История запорожских казаков*, т. II. СПб., 1897, стр. 389. Все это фантазия и набор слов. Единственным твердо установленным историческим фактом является то, что Гордиенко, по сговору с Мазепой, оболгал часть

казачьего «коша» рассказами о близкой подмоге от татар и турок, о полном поражении Петра и о выгодности для запорожцев перехода на шведскую сторону. Подведя своих товарищей под казни, а Запорожскую Сечь под полный разгром, Гордиенко после Полтавы очень ловко успел убежать вместе с Карлом XII и Мазепой в Бендеры и долго, но безуспешно интриговал за границей вместе с Орликом в интересах Англии и других врагов России. Умер этот авантюрист в 1733 г.

[7] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. I, д. 9, л. 215. Из Котельвы генваря 16 дня 1709 г.

[8] Там же, л. 514.

[9] Там же, л. 509 и об.

[10] Там же, л. 510. Из Ахтырки. 1709 г., февраля 1.

[11] Там же, л. 505 и об. Копия с письма, «каково писано от господина генерал маеора Инфлянта ис Полонного февраля в 16 день 1709 году».

[12] Там же, л. 516 и об.

[13] Там же, л. 511—512 об. «Из Бела города февраля 26 дня 1709 году. При сем посылаю копию с письма генерал маеора князь Александра Волконского, каково получили мы сего числа. Из оного изволите...» (далее лист срезан).

[14] Там же, л. 506—507 об. Копия с присланных допросных речей, которые присланы из Ахтырска от господина полковника Чернышова.

[15] Там же, л. 499 и об. Из Тишков. 1709 г., февраля 28.

[16] Там же, л. 500—502. Из Харькова. 1709 г., марта 2.

[17] ЦГИАЛ, ф. 1117, Салтыков П. П. и Мятлева П. И., оп. I, ед. хран. 24б, л. 1—2 (Подпись Меншикова, автограф).

[18] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. I, д. 9, л. 503—504. Копия с расспросных речей взятых языков.

[19] Там же, л. 212 и об. Гольц — Петру I. Из Погребищи, 1709 г., апреля 13.

[20] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. II, д. 10, л. 249 и об. [Шереметев — Петру I]. Из Сорочинец 1709 г., февраля 28.

[21] Там же, л. 251—253 об. [Б. П. Шереметев — Петру I]. Из Голтвы, 1709 г., марта 18.

[22] Там же, л. 254.

[23] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. I, д. 9, л. 777 и об.

[24] ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А. Д. Меншикова, картон 11, № 46. Показания двух шведов Бугуцкого и Лаврина Коглина, 1709 г., марта 15 дня.

[25] Там же, № 247, 1709 г., июня 9. Показания волохов трех человек.

[26] К А. Д. Меншикову, [1709 г.], марта 4.— *Письма и бумаги*, т. IX, в. 1. М.— Л., 1950, стр. 113—114, № 3106.

[27] К Б. П. Шереметеву, из Воронежа. 1709 г., марта 8.— Там же, стр. 117—118, № 3113.

[28] *Ответы на пункты, поданные А. Д. Меншиковым. 1709 г., марта 29.*— Там же, стр. 135, № 3140.

[29] ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А. Д. Меншикова, картон 11, № 48. Письмо Г. Долгорукого из Лукомли А. Д. Меншикову. 1709 г., марта 16.

[30] Там же, № 59. Допросная ведомость шпигов. 1709 г., марта 22.

[31] Там же, № 60. Отрывок письма кошевого К. Гордиенко. 1709 г., марта 22.

[32] Там же, № 66. Два отрывка письма гетмана Скоропадского — А.Д. Меншикову (точной даты на обрывке нет. Перед Полтавским сражением).

[33] Грамота к наказному кошевому атаману Кирику Конеловскому, мая 17.— *Письма и бумаги*, т. IX, в. 1, стр. 181—184, № 3194.

[34] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. II, д. 10, л. 247—248. Из Лубны, 1709 г., апреля 24. [Шереметев — Петру I].

[35] К А. Д. Меншикову, 1709 г., мая 23.—*Письма и бумаги*, т. IX, в. 1, стр. 191—192, № 3203.

[36] К царевичу Алексею Петровичу.— Там же, стр. 192, № 3204.

[37] Рубль первой четверти XVIII в. равнялся 9 золотым рублям начала XX в.

[38] Nordberg J. A. *Histoire de Charles XII*, t. II, p. 306.

[39] Там же, стр. 307—308.

[40] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. II, д. 10, л. 14. Из Лубен. Марта 23-го лета 1709-го [Скорняков-Писарев — Петру I].

[41] На самом деле в день Полтавской битвы у русских оказалось 42 тыс. человек, а у шведов было около 31 тыс. человек.

[42] *Генерала Алларта мнение*. 1709 г. 5 июня в обозе под Полтавою. Подписано: «Де-Галларт».— ТРВИО, т. III, стр. 187—189, № 182.

[43] Nordberg J. A. *Histoire de Charles XII*, t. II, p. 294—296.

[44] ЦГАДА, ф. Малороссийские дела, 1708 г., д. 94, л. 1—2.; *Письма и бумаги*, т. VIII, в. 1, стр. 325—326, № 2876.

[45] Шперк В. *Инженерное обеспечение Полтавской битвы*. М., 1939, стр. 9. «...укрепления Полтавы для военного искусства того времени не только по профилям, но и по начертанию в плане не представляли собой сколько-нибудь серьезного препятствия».

[46] Рукописн. отд. ГПБ. Древлехран. Погодина, рукопись № 1732.— *Журнал великославных дел... императора первого Петра Великого...*, т. 28, собр. Петром Никифоровым сыном Крекшиным (в дальнейшем сокращенно: *Журнал великославных дел*). В *Дневнике военных действий Полтавской битвы*, как он напечатан в III томе ТРВИО, стр. 261, встречаются разночтения и приукрашивания: «По сильном сражении...» и т. д.

[47] См. там же, апреля 3. Ср. *Дневник военных действий*.— ТРВИО, т. III, стр. 262, № 12.

[48] Там же.

[49] Adlerfeld G. *Histoire militaire de Charles XII*, t. III, p. 433.

[50] *Дневник военных действий*.— ТРВИО, т. III, стр. 264, № 12.

[51] Там же, стр. 266.

[52] Adlerfeld G. *Histoire militaire de Charles XII*, t. III, p. 436—437.

[53] *Дневник военных действий*.— ТРВИО, т. III, стр. 267, № 12.

[54] Nordberg J. A. *Histoire de Charles XII*, t. II, p. 292.

[55] Отд. рукописн. и редкой книги. БАН, № 32.15.1. *Журнал действ. и походов государя имп. Петра Великаго*, л. 189 и 190.

[56] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. I, 1706—1711 гг., кн. 20, л. 179 и об. Донесение от 13 мая 1709 г.

[57] Adlerfeld G. *Histoire militaire de Charles XII*, t. III, p. 439.

[58] Показания шведского хлопца и двух запорожских казаков. 8 июня 1709 г.— ТРВИО, т. III, стр. 196, № 189.

[59] Nordberg J. A. *Histoire de Charles XII*, t. II, p. 307.

[60] Реляция. 1709 г., мая 7. О бывшей под городом Опошнею с шведами акции.— ТРВИО, т. III, стр. 162—163, № 156.

[61] А. Д. Меншиков — Д. М. Голицыну, 1709 г., мая 16.— Сб. РИО, т. 11, стр. 113, № XI.

[62] А. Д. Меншиков — Д. М. Голицыну.— Сб. РИО, т. 11, стр. 114, № XI.

[63] Отд. рукописн. и редкой книги БАН, № 32. 15.1. *Журнал действ и походов...*, л. 191.

[64] Там же, л. 192.

[65] Adlerfeld G. *Histoire militaire de Charles XII*, t. III, p. 445.

[66] Петр I — А. Д. Меншикову. Из Троицкого, маия 9 дня.— ТРВИО, т. III, стр. 165, № 159; *Письма и бумаги*, т. IX, в. 1, стр. 174, № 3185.

[67] Я. В. Брюс — Т. Н. Стрешневу. Послана 20 мая 1709 г.—ТРВИО, т. III, стр. 175, № 169.

[68] Записки П. Н. Крекшина.— *Библиотека для чтения*, 1849, т. 97, стр. 92. Запись под 29 и 30 апреля 1709 г.

[69] *Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала... графа Бориса Петровича Шереметева* (в дальнейшем сокращенно: *Письма Шереметева*), ч. II. М., 1778, стр. 190—195.

[70] Там же, стр. 237, № 194. «От Полтавы: июня 1. 1709 г. Пополудни о шестом часу».

[71] *Журнал Петра Великого*, ч. I, стр. 204.

[72] Там же, стр. 210.

[73] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. II, д. 10, л. 598 и об. В обозе под Полтавой. 1709 г., июня 4.

[74] Рукописн. отд. ГПБ, шифр: Эрм. № 314. А л л а р т, рукопись: *История Петра I*, л. 76 об., 77 и 78.

[75] А. Келен — А. Д. Меншикову. Из Полтавы. 1709 г., июня 4.— ТРВИО, т. III, стр. 181, № 180.

[76] *Генерала Аларта мнение*, 5 июня 1709 г. В обозе под Полтавой.— Там же, стр. 186—189, № 182.

[77] Там же, стр. 189, № 182.

[78] Показание из шведского войска выходца.— Там же, стр. 198—199, № 192.

[79] В Европе распространялся еще и такой вариант: 16 июня генерал-лейтенант Ренне с несколькими сотнями кавалерии (драгун и «татар»), перейдя Ворсклу, подошел к шведскому лагерю предварительно устроив в лесу засаду из двух драгунских полков. Вызвав затем своим приближением шведов из лагеря, он помчался тотчас к лесу, преследуемый шведами, во главе которых скакал сам король. Нарвавшись на засаду, которая дала дружный залп, шведские кавалеристы повернули обратно, увлекая за собой раненного пулей в ногу Карла XII. Так рисует это событие посол Витворт в своем донесении от 6 июля.— Сб. РИО, т. 50, стр. 200, № 74.

[80] ЛОИИ, ф. 83, *походная канцелярия А. Д. Меншикова, картон 11*, № 141. Показания двух волохов из Шведской земли и казака, 1709 г., июня 5.

[81] Там же, № 136. Письмо А. Келина из Полтавы А. Д. Меншикову, 1709 г., июня 4.

[82] ТРВИО, т. III, стр. 206, № 202.

[83] Гр. Рожнов — Ягану Крестьяновичу. Из Табар, 1709 г., июня 8. — Там же, стр. 195, № 188.

[84] См. Я. В. Брюс — Колычеву. Из полков при Полтаве. 1709 г., июня 15.— Там же, стр. 197—198. Ср. *Письма и бумаги*, т. IX, в. 1, № 3231. (Письмо Петра I к царевичу Алексею Петровичу).

[85] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. II, д. 10, л. 88—89 об. Из Москвы, 1709 году, июня 2. Тихон Стрешнев — Петру I.

[86] Павлов — Генскину. От речки Тагамлики. 1709 г., июня 17.— ТРВИО, т. III, стр. 200, № 194.

[87] ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А. Д. Меншикова, картон 11, № 224. Показания Р. Вейца из Новых Сенжар: «... того же числа местечка Жукова жители Иван Вертолаев с товарыщи привели... из швецкого войска польского хлопца Яна Шиверского, да деревни Ходуровки жителя Макиту Пилнухина, а приехали они до вышеописонного хутора... для хлеба и для добычи и хутор зажгли...», 1709 г., июля 1.

[88] К В. В. Долгорукову из лагеря от Полтавы в 8 день июня; К гетману Скоропадскому, из лагеря от Полтавы в 8 день июня, своеручное.— [Г о л и к о в]. *Деяния Петра Великого*, ч. XII, стр. 16—17, № 1029—1030.

[89] Там же, стр. 18, № 1032.

[90] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. II, д. 10, л. 5—6. Из обозу от Богачки, 9 июня 1709 г.

[91] К В. В. Долгорукову из лагеря от Полтавы, при ходе в 19 день июня. Своеручное.— [Голиков]. *Деяния Петра Великого*, ч. XII, стр. 22, № 1037.

[92] Своеручное. Из лагеря, 23 июня.— Там же, стр. 24—25, № 1040.

[93] К С. А. Колычеву из лагеря от Полтавы, 24 июня.— Там же, стр. 25, № 1041.

[94] К А. С. Келину. Июня 19.— *Письма и бумаги*, т. IX, в. 1, стр. 216—217. № 3240.

[95] К А. С. Келину. Июня 26.— Там же, стр. 225, № 3250.

[96] Приказ перед Полтавской битвой. Июня 27.— Там же, стр. 226, № 3251.

[97] Весь текст цитируемого приказа составлен много позднее, вероятно, на основании устных выступлений Петра перед офицерами и солдатами в дни, предшествующие Полтавской битве (см. *Письма и бумаги*, т. IX, в. 2, стр. 980 и след.— *Ред.*).

[98] Adlerfeld G. *Histoire militaire de Charles XII*, t. III, p. 452—463.

[99] Рукописн. отд. ГПБ, IV — 40. Из библиотеки гр. Ф. А. Толстова, «Славная Северная война и житие Петра Великого...», л. 170: «И хотя король швецкой, видя в армии своей великие во всем недостатки и не хотя более армии своей томить, весьма желал дать генеральную баталию и тем или проиграть или выиграть, но российским генералом того без самого его величества чинить не велено».

[100] *Материалы военно-ученого архива Главного штаба*, т. I. СПб., 1871, стр. 10—11. См. также *Письма и бумаги*, т. IX, в. 1, стр. 209, № 3229.

[101] Петр I — С. А. Колычеву. «Iз лагора от Полтавы в 24 день июня 1709 г.» — *Материалы военно-ученого архива Главного штаба*, т. I, стр. 10—11; *Письма и бумаги*, т. IX, в. 1, стр. 222, № 3248.

[102] Ответное донесение Колычева, 30 июня 1709 г.— Там же, стр. 11.

[103] Рукописн. отд. ГПБ. Древлехран. Погодина, рукопись № 1732. *Журнал великославных дел*, л. 39 об.

[104] Там же, л. 40 об. и 41.

[105] Там же, л. 41.

[106] Там же, л. 41 об. и 42.

Глава V. Сражение под Полтавой 27 июня 1709 г.

[1] Nordberg J. A. *Histoire de Charles XII*, t. II, p. 310.

[2] К кн. Долгорукову, из лагеря под Полтавой, 23 июня.— [Голиков.]. *Деяния Петра Великого*, ч. XII, стр. 23—24, № 1039.

[3] Рукописн. отд. ГПБ. Древлехран. Погодина, рукопись № 1732.— *Журнал великославных дел.*

[4] Изменник был взят русскими в плен в бою 27 июня и посажен на кол. Очевидно, перед казнью под пыткой он и рассказал о том, что делал у шведов.

[5] Рукописн. отд. ГПБ, IV — 40. Из библиотеки гр. Ф. А. Толстова, «Славная Северная война и житие Петра Великого...», л. 170 об. и 171.

[6] ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1709 г., д. 4, л. 7—12. «Самое краткое донесение о славной Полтавской победе, одержанной войсками его императорского величества 27 июня [8 июля] над шведским королем и отправленное главноначальствующему над королевской армиею воеводе Бельтцу».

[7] Петр — Кикину. Из лагору от Полтавы в 27 день июня 1709 г.— Сб. РИО, т. 11, стр. 18.

[8] Рукописн. отд. ГПБ, Древлехран. Погодина, рукопись, № 1732.—

Журнал великославных дел, л. 43. В журнале Петра сказано, что шведы убедились, что «гоньба за конницею не весьма прибыльна».

[9] ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1709 г., д. 4, л. 3—6.

[10] Nordberg J. A. *Histoire de Charles XII*, t. II. p. 312.

[11] Fryxell A. *Lebensgeschichte Karl's des Zwölften*, T. 2, S. 173.

[12] Рукописн отд. ГПБ. Древлехран. Погодина, рукопись № 1732.— *Журнал великославных дел*, л. 43 об.

[13] Там же, л. 44 и 44 об.

[14] Там же, л. 45.

[15] Рукописн отд. ГПБ, IV — 40. Из библиотеки гр. Ф. А. Толстова, «Славная Северная война и житие Петра Великого...», л. 172 и об.

[16] Там же, л. 172 об., 173.

[17] Письма Толстому и Крейсу — 8 июля, Нарышкину и Колычеву — 9 июля.— [Голиков]. *Деяния Петра Великого*, ч. XII, стр. 33—41, № 1049 — 1053.

[18] Реншильд показал, что у шведов под Полтавой было около 30 тыс. человек. Вспомним, что под Переволочной сдалось 16 тыс., и после потери в Полтавском бою убитыми около 9300 человек, взято в плен (под Полтавой же) было 2834. Сложив все эти цифры, и получим цифру, даваемую Реншильдом: недостает для точности 2—3 тыс., разбежавшихся после боя по лесам и перебитых крестьянами.

[19] ТРВИО, т. III, стр. 290—291.

[20] Там же, стр. 293—294.

[21] ЦГАДА, ф. Сношения России с Швецией, 1709 г., д. 4, л. 3—6. *Обстоятельное на французском языке описание шведского под Полтавою поражения.*

[22] Nordberg J. A. *Histoire de Charles XII*, t. II, p. 314.

[23] Fryxell A. *Lebensgeschichte Karl's des Zwölften*, T. 2, S. 179.

[24] Прочко И. С. *Артиллерия в Полтавской битве.— Артиллерийский журнал*, 1949, № 7, стр. 38.

[25] См. Тарле Е. *Карл XII в 1708—1709 гг.— Вопросы истории*, 1950, № 6, стр. 22—56.

[26] См. «Реестр шведцкому войску, которое его светлости князю Меншикову на окорд, яко воинские полоняники здались при Переволчне июня в 30 день нынешнего 1709 году».— *Письма и бумаги*, т. IX, в. 1, стр. 244—245, № 3280, июля 8, 1709 г. К царевичу Алексею.

[27] ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1709 г., д. 4, л. 6.

[28] По «Журналу» Петра — 9234 человека.

[29] Stille A. *Carl XII's fälttågs planer 1707—1709*. Lund, 1908. Эта книга в 1912 г. была переведена на русский язык А. Полторацким под неточным названием: *Карл XII как стратег и тактик.* Стилле, как видим, назвал свою книгу скромнее: *Планы походов Карла XII в 1707—1709 годах.*

[30] Nordberg J. A. *Histoire de Charles XII*, t. II, p. 317.

[31] Рукописн. отд. ГПБ, IV-40. Из библиотеки гр. Ф. А. Толстова, *Славная Северная война и житие Петра Великого...*, л. 176 и 177.

[32] См. ТРВИО, т. III, стр. 306—307, № 12.

[33] К М. П. Гагарину, 8 июля 1709 г. Из лагеря от Полтавы. Подписано: Piter. *Письма и бумаги*, т. IX, в. 1, стр. 246, № 3282.

[34] «Реестр шведцкому войску, которое его светлости князю Меншикову на окорд, яко воинские полоняники здались при Переволочне июня в 30 день нынешнего 1709 году».— Там же, стр. 244—245, № 3280, июля 8. К царевичу Алексею Петровичу.

[35] Там же, стр. 496, № 3552, декабря 22 (перепечатка из Голикова. *Дополнения к Деяниям Петра Великого*, т. XVI. М., 1795).

[36] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1707—1708 гг. кн. I, д. 7, л. 1221 и об. Салтыков — Петру I. Из Смоленска, 1709 г., сентября 12.

[37] Voltaire. *Histoire de Russie sous Pierre le Grand.* Paris, 1858, p. 389. Mais il a résulté de la journée de Poltava la félicité du plus vaste empire de la terre.

[38] См. Маркс К. и Энгельс Ф. *Сочинения*, т. XVI, ч. 2, стр. 9 и 12.

[39] Фолиант Морица Саксонского имеет для нас при всех его ошибках и неточностях большую ценность, а между тем он очень мало использован. Во-первых, Мориц дает новое, нигде больше не встречающееся показание о выступлении Петра на военном совете перед Полтавой, а во-вторых, замечательную оценку полтавских редутов и впервые в Западной Европе воздает высокую хвалу воинскому дарованию Петра.

[40] *Les rêveries ou mémoires sur l'art de la guerre de Maurice comte de Saxe, duc de Courlande et de Semigalle.* La Haye, 1756, p. 202.

[41] Там же, стр. 202.

[42] Шперк В. *Инженерное обеспечение Полтавской битвы*, стр. 23.

[43] Очень много людей разбежалось после боя и было перебито крестьянами. Их никто не сосчитал.

[44] Whitworth to Boyle, 20/31 July 1709.— Сб. РИО, т. 50, стр. 206—207, № 77.

[45] Mars Moscoviticus: oder das Moscowitische Krieges-Glück wie es endlich I. C. M. Petrum Alexiowitz stättlich secundiret und nach der bei Pultawa erhaltenen herrlichen Victorie in Der Residentz Moscaw triumphirlich eingeführet hat, 1710, S. 33—34.

[46] Предтеченский А. В. *Полтавский бой в освещении современников-иностранцев.* См. *Ученые записки Исторического факультета Ленинград. гос. пед. ин-та*, т. V, вып. 1, 1940, стр. 60.

[47] ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А. Д. Меншикова, картон 11, д. 76, 1709 г. Марта (число не разобрано). Показания во Пскове разных чинов прусской земли.

[48] ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1709 г., д. 4, л. 6.

[49] Краузе ван дер Коп А. *Как отнеслась Голландия к победе русских под Полтавой.* Оттиск из *Журнала Министерства народного просвещения.* 1909.

[50] Донесение голландца фон дер Хэльста о Полтавской битве. Из неизданных материалов нидерландских архивов. Оттиск из *Правительственного вестника*, 1909, № 177.

[51] ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А. Д. Меншикова, картон 12, № 120, Из Гравенгаги, октября 1/12 день 1709 г. Письмо А. А. Матвеева П. П. Шафирову.

[52] Рукописн. отд. ГПБ, библиотека Вольтера, 5—242. *Manuscrits relatifs à l'histoire de Russie par Voltaire*, т. III, л. 163—164. Документ найден бывшим заведующим отдела Редкой книги Вл. Серг. Люблинским, которому и приношу благодарность за его сообщение мне.

[53] Наказ князю Б. И. Куракину. Дан в Мариенвердене октября в 23 день, 1709 г.— *Письма и бумаги*, т. IX, в. 1, стр. 434—438, № 3471.

[54] Ch. Whitworth to the right honourable M. secretary Boyle. 29/XII — 9/I 1709—1710.— Сб. РИО, т. 50, стр. 295, № 111.

[55] ЦГАДА, ф. Гравюры Московской губернии. Изъявление триумфального входа его царского величества в Москву 1709 г., декабря в 21 день.

[56] Nordberg J. A. *Histoire de Charles XII*, t. II, p. 364—365. Считая по шведскому календарю, 21 декабря по русск. ст. соответствовало 22-му по шведскому, но никак не 23-му.

[57] Белинский В. Г. *Избранные сочинения.* М., 1948, стр. 445.

Глава VI. После Полтавы. Заключение

[1] Ленин В. И. *Сочинения*, т. 27, стр. 307.

[2] Ch. Whitworth to the right honourable M. secretary Boyle 6/17 July 1709. Сб. РИО, т. 50, стр. 194, № 74.

[3] *Konung Karl XII's egenhändiga bref*. Stockholm, [1893].

[4] Там же, стр. 363—366, № 263.

[5] Как уже сказано, по шведскому стилю к русскому числу прибавлялся один день. Новый стиль был введен в Швеции лишь во второй половине Северной войны.

[6] *Konung Karl XII's egenhändiga bref*, s. 364.

[7] Небольшое исследование о бегстве Карла XII от Днепра до Бендер, изобилующее неточностями, но ценное по собранным автором местным преданиям, помещено в III томе *Записок Одесского общества истории и древностей*. Одесса, 1853. *Повествования. Карл XII в Южной России*, стр. 306—337. См. также воспоминания Понятовского, бежавшего вместе с Карлом. S. Goriaïnow. *Le journal d'un frère d'armes de Charles XII.— Revue contemporaine*, 1910, № 1—7.

[8] *Konung Karl XII's egenhändiga bref*, s. 97, № 72.

[9] Но посетивший Карла XII позже (в марте 1714 г.) в турецком городке Демотике генерал Ливен говорил уже о грозящей королю революции, если он не вернется, наконец, в Швецию.

[10] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. II, д. 10, л. 418 и об.

[11] Карл — стокгольмскому совету, Бендеры, 3 февраля 1711 года.— *Karl XII's egenhändiga bref*, s. 369—373.

[12] In plain truth the whole conduct of Charles after the battle of Poltava was that of a madman. *Memoir of Peter the Great*, стр. 225 (Аноним начала XIX в.).

[13] *An impartial history of the life and actions of Peter Alexowitz, the present czar of Muscovy*... London, 1723, p. 136.

[14] Extract of a letter from m-r Jefferies to m-r Whitworth 9 July 1709. — Сб. РИО, т. 50, стр. 217.

[15] Mémoire sur une négocation (sic — *E. T.*), à faire pour le service du Roi. 1710.— Сб. РИО, т. 34, стр. 418, № 8.

[16] Там же, стр. 418—420, № 8.

[17] Там же, стр. 418, № 8.

[18] Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. IV, стр. 422.

[19] Там же, стр. 291.

[20] *An account of Russia as it was on the year 1710, by Charles Whitworth*. Strawberry-Hill, 1758, 158 p.

[21] Там же, стр. 127.

[22] Feldman J. *Polska w dobie wielkiej wojny póllnocnej.1704—1709*. Kraków, 1925, s. 312.

[23] Немецкое выражение недостаточно сильно передается словами: «...покинули меня в затруднении» — «Alle meine Bundesgenossen haben mich *im Stiche gelassen*». Петр намекал на то, что Альтранштадтский мир поставил его *в критическое положение* (курсив мой.— *Е. Т.*).

[24] См. *Журнал Петра Великого*, ч. I, стр. 245—246.

[25] Там же, стр. 247.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ЧЕСМЕНСКИЙ БОЙ И ПЕРВАЯ РУССКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В АРХИПЕЛАГ

I. Использованные архивы

Центральный Государственный архив Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ) — Ленинградские фонды: шканечные журналы; фонд адмирала Спиридова.

Центральный Государственный архив древних актов (ЦГАДА).

II. Печатные источники и литература

Внешняя политика

Источники

Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций. Т. XIII. СПб., 1902.

Сборник Московского Главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 2. М., 1881.

Сборник Русского исторического общества. Т. XIX. СПб., 1876. (Дипломатическая переписка английских послов при русском дворе).

Сборник Русского исторического общества, т. LXXXVII. СПб., 1893. (Дипломатическая переписка имп. Екатерины II за 1768—1769 гг., ч. V).

Сборник Русского исторического общества. Т. XCVII. СПб., 1896. (Дипломатическая переписка имп. Екатерины II за 1763—1771 гг., ч. VI).

Сборник Русского исторического общества. Т. CXVIII. СПб., 1904. (Дипломатическая переписка имп. Екатерины II за 1772—1773 гг., ч. VII).

Tott. Mémoires. T. III. Amsterdam, 1784.

Литература

Bemis S. F. Diplomatic history of the United States. N. Y., 1942.

Bonneville de Marsangy L. Le chevalier de Vergennes. T. I—II. P., 1894.

Broglie. Le secret du roi. T. I—II. P., 1879.

Doniol H. Politiques d'autrefois: le comte de Vergennes et P. M Hennin (1749—1787). P., 1898.
Finlay G. A history of Greece. Vol. V. Oxford, 1877.
Legras G. La disgrâce de Choiseul. P., 1903.
Legras G. Le duc et la duchesse de Choiseul. P., 1902.
Pingaud L. Choiseul — Gouffier. P., 1887.
Stoker J. William Pitt et la révolution française. P., 1935.
Williams E. Tableau historique, politique et moderne de l'empire Ottoman. T. II. P., 1808.
Zinkeisen J. W. Geschichte des Osmanischen Reiches. Th. V. [1669—1774]. Gotha, 1857.

Военные действия

Источники

Архив кн. Воронцова. Кн. XXXIV. М., 1888, стр. 287.
В память Чесменской победы 24—26 июня 1770 г. — Сборник документов. Одесса, 1886.
Аббат Галиани [И. И. Шувалову]. Неаполь, 1 октября 1771 г. — «Литературное наследство», т. 29—30. М., 1937, стр. 282—283.
Грейг С. К. Собственноручный журнал капитан-командора С. К. Грейга в Чесменский поход.— «Морской сборник», 1849, октябрь, стр. 645—660; ноябрь, стр. 715—730; декабрь, стр. 785—827; то же, отд. изд. СПб., 1850.
Действия корабля «Евстафий» в Хиосском проливе под командой капитана фон Круза.— «Морской сборник», 1855, № 6, стр. 229.
Список подлинных приказов гр. А. Г. Орлова-Чесменского по флоту, действов. в 1770 г. в Архипелаге и истреб. турецкий флот при Хиосе и Чесме.— «Морской сборник», 1853, № 4, стр. 263—269.
Документы о Чесменской битве.— «Морской сборник», 1853, № 7, стр. 474—483.
Записки князя Юрия Владимировича Долгорукова.— В кн.: «Сказания о роде князей Долгоруковых». СПб., 1842; то же (отрывок) — «Морской сборник», 1849, № 12, стр. 819—827; то же — «Русская старина», 1889, т. LXIII, сентябрь, стр. 481—517.
Донесение гр. А. Г. Орлова.— «Морской сборник», 1849, № 12, стр. 818—823.
Материалы для истории русского флота. Ч. XI. СПб., 1886; то же, ч. XII. СПб., 1888.
Морское сражение русского флота под начальством гр. А. Орлова с турецким в Хиосском проливе в 1770 г. 24 июня.— «Морской сборник», 1855, № 6, стр. 325—329.
О сожжении турецкого флота при Чесме (из историографа Оттоманской империи Ахмеда Вассафа Эффенди). — «Труды и летописи Общества истории и древностей российских». Ч. VII. М., 1837, стр. 114—120.
Общий морской список. Ч. II. СПб., 1885.
Панин Н. И. Из бумаг графа Никиты Ивановича Панина.— «Русский архив», кн. III, 1878, стр. 426—450.
Переписка императрицы Екатерины II с разными особами. СПб., 1807.
Рассказ Ресми-эфендия, оттоманского министра иностранных дел, о семилетней борьбе Турции с Россией. СПб., 1854.
Реляция о Чесменском сражении.— «Отечественные записки», т. XXI, 1842, Смесь, стр. 69—74.
Сборник Русского исторического общества. Т. I. СПб., 1867 (Рес-

крипты и письма имп. Екатерины II. Рескрипты и инструкции, имеющие отношение к Архипелагской экспедиции).
Соколов А. Архипелагские кампании. — «Записки Гидрографического департамента Морского министерства». Ч. VII. СПб., 1849, стр. 230—401.
Хметевский С. П. Журнал Степана Петрова сына Хметевского о военных действиях русского флота в Архипелаге и у берегов М. Азии в 1770—1774 гг.— «Современник», т. XLIX, 1855, стр. 37—82.

Литература

Андреев В. Чесменское сражение. — «Морской сборник», 1939, № 2, стр. 97—111.
Белавенец П. И. Материалы по истории русского флота. М.—Л., Военмориздат, 1940.
Веселаго Ф. Краткая история русского флота. М.—Л., Военмориздат, 1939.
Глотов А. Я. Чесменский бой. — «Отечественные записки», 1820, № 5, стр. 33—71; № 6, стр. 184—216.
Головачев В. Ф. Чесма. Экспедиция русского флота в Архипелаг и Чесменское сражение. М.—Л., Военмориздат, 1944.
Головнзнин К. Очерки из истории русского флота. Эскадра контр-адмирала А. С. Грейга.— «Морской сборник», 1882, № 11, стр. 55—79; № 12, стр. 65—86.
Действия русского флота в Архипелаге во время войны с Турцией в 1770—1774 гг. Кронштадт, 1889.
Каллистов Н. Д. Архипелажская экспедиция. В кн.: «История русской армии и флота». Т. VIII. М., б. г., стр. 65—70.
Криницын Ф. С. Чесменская победа. М.—Л., Военмориздат, 1944.
Кротков А. Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1893.
Лодыгин М. Лейтенант Дмитрий Ильин, герой Чесменской битвы 1770 г.— «Русская старина», 1892, т. LXXIII, февраль, стр. 469—476.
Милюков П. Материалы для истории русского флота. Адмирал Александр Иванович фон Круз.— «Морской сборник», т. XVI, 1855, № 6, стр. 227—271.
Озаровский Н. Ю. Русский флот на Средиземном море. — «Морской сборник», 1944, № 2, стр. 67—83.
Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769 —1774 гг. Ч. II. СПб., 1866, стр. 381—385.
Победа при Чесме и истребление турецкого флота.— «Записки ученого комитета Морского штаба», ч. II, 1828, стр 174—198.
Рыкачев Н. Краткое описание Чесменского сражения. Кронштадт, 1870.
Сенин М. и Рабинович М. Чесменское сражение. В кн.: «Флот в боях за родину». Л., 1938, стр. 113—124.

АДМИРАЛ УШАКОВ НА СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ

I. Использованные архивы

Центральный Государственный архив Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ).

Центральный Государственный архив древних актов (ЦГАДА).

Центральный Государственный военно-исторический архив (ЦГВИА).
Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ).
Рукописное отделение Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ).

II. Источники

Архив графов Мордвиновых. Т. I—III (Документы о Черноморском флоте 1784—1798 гг.). СПб., 1901.

Архив князя Воронцова. Кн. 13, стр. 207; кн. 24, стр. 308. М., 1879 и 1880.

Висковатов А. Блокада и осада Корфу в 1798 и 1799 гг. СПб., 1828.

Висковатов А. Взгляд на военные действия россиян на Черном море и Дунае с 1787 по 1791 гг. СПб., 1828.

Висковатов А. Взятие острова Святой Мавры капитаном 1 ранга Сенявиным в 1798 г. — «Славянин», 1828. Ч. VII, стр. 311—325.

Висковатов А. Военные действия соединенных российско-турецких войск под Анконою в 1799 г.— «Отечественные записки», 1827. Ч. 30, стр. 91—112, 264—280; ч. 31, стр. 439—466; ч. 34, стр. 432—470.

Висковатов А. Военные происшествия в Неаполитанском королевстве в 1798—1799 гг.— «Славянин», 1827. Ч. 4, стр. 437—449, 473—490: 1828. Ч. 5, стр. III — 24, 271—286, 307—322.

Висковатов А. Действия русского отряда при атаке Генуэзских укреплений. СПб., 1827.

Висковатов А. Действия эскадры контр-адмирала Пустошкина в Генуэзском заливе при городе Онелье и порте Маврици, 1799. — «Славянин», 1828. Ч. 7, стр. 9—14.

Висковатов А. Корфу. В кн.: Военно-энциклопедический лексикон, 2 изд. Т. 7. СПб., 1855, стр. 415—421.

Висковатов А. Союз России с Турцией и русский флот в Константинополе.— «Северная пчела», 1833, № 46—48.

Данилов П. А. Жизнь моя (записки 1759—1806 гг.). — «Кронштадтский вестник», 1913, № 67—69, 71, 72, 76, 78, 82—84, 87, 92, 93, 97—100.

Два письма великого визиря Оттоманской порты Юсуфа Зия-паши к вице-адмиралу Ф. Ф. Ушакову в январе и феврале 1799 г. — «Славянин», 1827. Ч. 4, стр. 169—173.

Журнал кампании вице-адмирала Ушакова в 1797 г. Из собрания морских журналов и ежедневных записок... издаваемый попечением и трудами вице-адм. А. Шишкова. Ч. 2. СПб., 1800, стр. 1—37.

Журнал капитана 2 ранга Поскочина, командовавшего отрядом российских и турецких военных судов, веденный при занятии острова Чефалонии, с 14 по 23 октября 1798 г.— «Славянин», 1828. Ч. VIII, стр. 245—258.

Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метакса, заключающие в себе повествование о военных подвигах Российской эскадры, покорившей под начальством адмирала Федора Федоровича Ушакова Ионические острова, при содействии Порты Оттоманской в 1798 и 1799 годах. С предисл. и прим. В. Ильинского. П., 1915.

Известия о кончине адмирала Федора Федоровича Ушакова.— «Русский вестник», 1817, № 23—24, стр. 15—19.

Ляшков Ф. Материалы для истории турецкой войны 1787—1791 гг.— «Известия Таврической ученой архивной комиссии». Т. XII. Симферополь, 1891.

Материалы для истории русского флота. Ч. XV и XVI. СПб., 1895 и 1902.

Метакса Е. П. Али-паша. — «Сын отечества», 1820. Ч. 42, стр. 60—71; ч. 43, стр. 97—112.

Общий морской список. Ч. V. Царствование Екатерины II. Послужной список адмирала Ф. Ф. Ушакова. СПб., 1890, стр. 248—251.

Отзыв адмирала Нельсона (от 14 августа 1799 г.) об отряде российского флота капитана Белли, освободившем Неаполитанское королевство от французов в 1799 г. — «Славянин», 1828. Ч. 6, стр. 178—179.

Письма А. А. Безбородко А. Р. Воронцову.— «Сборник Русского исторического общества». Т. XXIX, стр. 122, 403, 405—409. СПб., 1881.

Письма Нельсона об Ушакове и к Ушакову.— «Записки Гидрографического департамента Морского министерства», 1850. Т. 8, стр. 348—361.

Письмо адмирала Ушакова к Али-паше Янинскому 12 июня 1800 г.— «Славянин», 1828. Ч. 5, стр. 323—325; — «Русский инвалид», 1834, № 199, стр. 795—796.

Письмо верховного визиря Оттоманской порты Юсуфа Зия-паши к главнокомандующему соединенных российской и турецкой эскадры в Средиземном море вице-адмиралу Ушакову в марте 1799 г.— «Славянин», 1827. Ч. 3, стр. 448—449.

Подлинная переписка Екатерины II и кн. Потемкина 1789—1791 гг.— «Русская старина», 1878. Т. 16—17, № 6—12.

Род мой и происхождение. Записки офицера Черноморского флота И. А. Полномочного (1764—1833). Сообщил А. Матвеев. — «Записки Одесского общества истории и древностей», 1889. Т. 15, стр. 683—710.

Рук Г. Описание Анконской экспедиции, предпринятой российскими и турецкими войсками в 1799 г. С англ. Николаев, 1801.

Сборник военно-исторических материалов, вып. VI, VII, VIII. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического 1788—1791 гг. Под ред. акад. Н. Ф. Дубровина. Изд-во Военно-ученого комитета Главного Штаба. СПб., 1893—1895.

Скаловский А. Выборка из описей дел, хранящихся в Николаевском портовом архиве. Севастополь, 1900.

Сойн. Еще из воспоминаний старого моряка (об Ф. Ф. Ушакове).— «Кронштадтский вестник», 1865, № 87.

Gutteridge H. C. ed. Nelson and Neapolitan jacobins. Documents relating to the suppression of the jacobin revolution of Naples, June 1799.— Lond., 1903 (publications of the Navy records society, V. XXV).

The dispatches and letters of vice-admiral lord Viscount Nelson with notes by sir Nicholas Harris Nicolas. V. III—IV. Lond., 1845.

Thiébault F. Journal des opérations militaires du siège et du blocus de Gênes. P., 1801.

Williams H. M. Aperçu de l'état des opinions dans la république française. V. I—II. P., 1801.

III. Литература

Аренс Е. И. Конспект по русской военно-морской истории. Курс лекций Морской академии. СПб., 1910. Литогр. изд.

З. А. [Аркас З.] Морское сражение у мыса Калиакрии 31 июля 1791 г. между русским и турецким флотами.— «Морской сборник», 1852, № 11.

Аркас З. Действия Черноморского флота с 1798 по 1806 г. — «Записки Одесского общества истории и древностей». Т. 5. Одесса, 1863.

Аркас З. Начало учреждения российского флота на Черном море и действия его с 1778 по 1798 год.— «Записки Одесского общества истории и древностей». Одесса, 1858—1860 гг. Т. 4, стр. 216—309.

Афанасьев Д. К истории Черноморского флота 1768—1816 гг.— «Русский архив», 1902, № 2.
Бантыш-Каменский Д. Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. 5. Адмирал Ф. Ф. Ушаков. М., 1836, стр. 187—200.
Бологов Н. А. Адмирал Ф. Ф. Ушаков. М., 1944.
Голенищев-Кутузов Л. И. Российский адмирал — главнокомандующий турецкой эскадрою.— «Записки Ученого комитета морского штаба», 1830. Ч. 5, стр. 183—223; 1831. Ч. 7, стр. 216—267.
Головачев В. Ф. История Севастополя, как русского порта. СПб., 1872.
Ильинский В. Адмирал Ушаков в Средиземном море. СПб., 1914.
Ильинский В. К биографии адмирала Ушакова.— «Морской сборник», 1914, № 4.
Ильинский В. Адмирал Ф. Ф. Ушаков. К столетию со дня смерти.— «Морской сборник», 1919, № 3, стр. 57—84; № 4, стр. 65—90; № 5—6, стр. 83—103; № 7—8, стр. 147—166.
И. В. [Ильинский]. К 125-летию морской победы у мыса Калиакрии (1791).— «Морской сборник», 1916, № 7, стр. 11—21.
Исаков И. С. Приморские крепости (Взятие морской крепости Корфу в 1799 г.).— «Морской сборник», 1945, № 4—5, стр. 33—36.
Каллистов Н. Д. Флот в царствование имп. Павла I. В кн. «История русской армии и флота». Т. IX. М., 1913, стр. 5—65.
Кровяков Н. Русский флотоводец Ф. Ф. Ушаков в Средиземном море.— «Исторический журнал», 1943, № 3—4, стр. 30—36.
Кровяков Н. Русские в Корфу. М.—Л., Военмориздат, 1943.
Кротков А. Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1893.
Милютин Д. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование имп. Павла I. Т. I—V. СПб., 1852—1853.
Озаровский Н. Ю. Русский флот на Средиземном море.— «Морской сборник», 1944, № 2, стр. 73—74.
Ралль Ю. Ф. Наступательная тактика адмирала Ф. Ф. Ушакова.— «Морской сборник», 1945, № 7, стр. 44—64.
Скаловский Р. Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. Ч. 1. СПб., 1856.
Снегирев В. Л. Адмирал Ушаков. Очерк жизни и деятельности великого русского флотоводца. М., Военмориздат, 1943.
Соколов А. Морские кампании 1798 и 1799 годов.— «Записки Гидрографического департамента Морского министерства», 1850. Т. 8, стр. 275—366.
Таланов А. Адмирал Ушаков. Биографический очерк.— «Знамя», 1941, № 4, стр. 142—160.
Чернышевский Н. Г. Рецензии на книгу Р. Скаловского «Жизнь адмирала Ф. Ф. Ушакова».— «Современник», 1856. Т. VII, № 5—6, библиография, стр. 9—11.
Badham F. P. Nelson at Naples.— «Aetenaeum», 1899, VI, p. 36—37.
Bellaire J. P. Précis des opérations générales de la division française du Levant. P., An XIII (1805).
Botta Ch. Histoire d'Italie de 1789 à 1814. Vol. IV. P., 1824.
Colletta. Histoire du royaume de Naples depuis Charles VII jusqu'à Ferdinand IV. Trad. par Lefèvre et L. B. Vol. 1—4. P., 1835.
Croce. Studii storici sulla rivoluzione napolitana 1799. Roma, 1897.
Davy. Storia della isole Ionico sotto il reggimento dei republicani francesi. Londra, 1860.

D i G u o c o. Laggio storico sulla rivoluzione di Napoli (1799). Milano, 1806.

D'I s t r i a D. Les îles Ioniennes sous la domination de Venise et sous le protectorat britannique.— «Revue des Deux Mondes». T. XVI, 1858, p. 381—422.

La storia dell'anno 1800, in cui si deserive lo stato della Francia le forze russo-ottomane impiegate contro li Francese. Vol. 1—3. Amburgo, 1801.

M a h a n A. The life of Nelson. Vol. I—II. Lond., 1897.

M a n g o u r i t M. Défense d'Ancone et des départements romains — le Trento, le Musone et le Metauro par le général Monnier aux années VII et VIII. Paris, An X (1802). 2 v.

O r l o f f G. Mémoires historiques, politiques et littéraires sur le royaume de Naples. P., 1819. 2 v.

P i s a n i P. L'expédition russo-turque aux îles Ioniennes.— «Revue d'histoire diplomatique», 1888, p. 190—222.

P a u t h i e r I. P. Les îles Ioniennes pendant l'occupation française et le protectorat anglais. P., 1863.

S o m m a C. Une mission diplomatique du marquis de Gallo à St.-Pétersbourg en 1799. Napoli, 1910.

Приложение

Приказ Ф. Ф. Ушакова по флоту с изложением плана атаки о. Видо

17 февр. 1799 г.

При первом удобном ветре от севера или северо-запада, не упуская ни одного часа, по согласному положению намерен я всем флотом атаковать остров Видо; расположение кораблей и фрегатов, кому где при оной атаке находиться должно, означено на планах, данных г-м командирам. По учинении сигналов приуготовиться итти атаковать остров Видо, и сняться с якоря надлежит, чтобы все на гребных судах было уже готово, корабли и фрегаты во всем были бы к бою готовы по сигналу итти атаковать остров. Напервее следовать фрегату «Казанской Богородице» к первой батарее, и проходя стараться ее сбить, а потом стать на назначенном месте на якорь шпрынгом, а не худо иметь и верп с кормы, буде востребуется. За ним, не отставая нимало, следовать турецкому фрегату «Харим-капитану» и также стать на свое место. За ним в близком же расстоянии фрегат «Николай», которому также проходить первую батарею и сбивать, ежели осталась от первых еще не сбита, а притом, проходя оную батарею, стрелять по двум стоящим в бухте между первой и второй батареями французским судам и стараться выстрелами их потопить или людей с их согнать на берег, чтобы их оставили; между тем на берег во все места, где есть закрытые французы за маленькими канавками и за маленькими же брустверами, для ружей сделанных, ежели где есть между ими поставленные пушки, то и оные идучи сбить непременно, и потом каждому стать на свои назначенные места, и тотчас лечь шпрынгом, оборотя борты к батареям так, чтобы одного борт был против первой батареи, а другого против судов, стоящих в бухте, а третьего против третьей батареи, и все встречающееся навиду сбивать пушками. За первыми двумя фрегатами итти шхуне № 1 и идучи носовыми пушками стрелять по батарее и по судам, стоящим в бухте; а потом остановиться в средине бухты и пушками очистить все берега, и когда со всех мест из траншей французы выгнаны будут вон, тогда оной шхуне стараться очищать берега, приуготов-

вляя их для к сходу десанта; ему помогать фрегатам «Николаю» и «Харим-капитану», а также и от эскадры послана будет к нему помощь на вооруженных барказах. За фрегатом «Николаем» в близкой же дистанции следовать фрегату «Григорий Великия Армении»; ему, проходя первую и вторую батареи, стрелять во все места, где надобность потребует, потом проходить третью батарею и, обходя мыс с маленьким каменным рифом, как можно збивать третью батарею, и между оною и 4 батареями стать на якорь и шпрынгом, збивать батареи и очищать сильною канонадою берег, за ним блиско же следовать турецкому фрегату «Мехмет-бея», ему проходить тою же дорогою за фрегатом «Григорий Великия Армении», стрелять по батареям и на берег в потребные места, а потом стать на якорь шпрынгом в своем месте.«Панагии Апотоменгане» итти за ними, чинить то же исполнение и стать в определенном месте на якорь шпрынгом, и ей же стараться очистить потребные места на берегах для десанта, оттаскивая набросанные деревья прочь; вспоможение им сделано будет барказами от разных судов. За сими судами весь флот пойдет к острову, каждый в назначенное свое место и остановятся шпрынгом на якоре; подходя к острову во время своего прохода до настоящих мест, каждому стрелять по батареям и при берегах по всем закрытым местам, то ж с половину горы и на гору, где заметны будут укрывающиеся французы, и, став на якорь шпрынгом, докончить очистку места пальбою. Как же скоро мною замечено будет, что французы все со сдешней стороны острова уйдут и навиду их не будет, тогда прикажу я вести десанты во все удобные места острова, где ссаживать оной способно; гребным судам, везомым десант, промеж собою не тесниться, для того и посылать их не все вдруг, а один за другим, передовые из оных должны очистить дорогу на берегах закиданную, рытвины тотчас забросать землею или чем только возможно, а где неудобно сходить на берега и переходить места закрытыя, там набрасывать лестницы с каждого корабля и фрегата,с собою взятыя,и сверх лестниц бросать доски, по оным и пушки переводить на берег. Где передовыми таковые мосты набросаны будут, оставить их на месте для последующих за ними, для переправы, а прочие лестницы и доски нести с собою для всяких могущих встретиться препятствиев, от которых они способствовать будут. Говорят, будто местами есть несколькие перекопы канавками, лестницы и доски служить будут через оные мостами; также сказывают, хотя и невероятно, будто есть на острову в которых-то местах набросанные колючки, засыпаны землею и понакиданы травою, так что без осторожности можно на оные попортить ноги; господам десантным штаб- и обер- и унтер-офицерам, кто будет напереди иметь осмотрительность, ежели это справедливо, то в таких местах для проходу бросать лестницы и сверх оных доски, оне и могут служить мостом безопасным; а потом господам баталионным командирам, командующим десантными войсками, искать неприятеля, разбить или побрать в плен, и остров от оного стараться освободить; вместо знамен иметь с собою флаги, коих иметь до 10; все батареи, которые овладены будут, поднимать на них флаги, кои означать будут нашу победу, флаги поднимать во всех местах, где только войска наши случатся, а куда потребен будет сикурс, для показания онаго даны будут особые сигналы; требующим сикурсу друг другу помогать. Когда войска наши взойдут на верх горы, иметь осмотрительность, и где потребно будет, и там укрепляться пушками, и закрывать себя поспешно легоньким окопом или турами, но это в самой только важной надобности делать надлежит, а инако, не теряя времени, стараться овладеть всем островом, и отнюдь не замедливать, а я буду иметь смотрение и беспрестанно сикурсом подкреплять буду. Господам командующим пушки, снаряды, лестницы, доски, топоры, лопатки, веревки и все потребности иметь в готовности положенные на гребные суда, также и десантные служители, чтобы все были в исправной готовности. Как скоро благополучный ветер настанет, тотчас

я снимусь с якорей и со всем флотом буду спешить исполнить, как означено. Десантными командирами определяю: в авангардии, под начальством господина контр-адмирала Пустошкина состоящей, баталионный командир полковник Скинор, а средней и задней части, под моим ведомством находящейся, майору Боаселю; в средине ж между оными, ежели вознадобится отделение, послать от передовой части майора Гамена, и всем оным чинить исполнение со всякой осторожной осмотрительностью и с добрым порядком; по оказавшимся случаям и обстоятельствам поступать с храбростию благоразумно, сообразно с законами. Прошу благословение всевышняго, и надеюсь на ревность и усердие господ командующих*.

ЭКСПЕДИЦИЯ АДМИРАЛА СЕНЯВИНА В СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

I. Использованные архивы

Центральный государственный архив Военно-Морского флота (ЦГАВМФ).

Архив внешней политики России (АВПР).

Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА).

Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ).

Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописное отделение (ГПБ).

II. Печатные источники

Броневский В. Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 г. Ч. I—IV. 2 изд. СПб., 1836—1837.

Восстание декабристов. Материалы. Т. II. М.—Л., 1926, стр. 75; т. IV. М.—Л., 1927, стр. 149, 168, 208, 345, 355; т. VIII, стр. 176 (упоминания о Сенявине).

Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метакса, заключающие в себе повествование о военных подвигах Российской эскадры, покорившей под начальством адмирала Федора Федоровича Ушакова Ионические острова, при содействии Порты Оттоманской, в 1793 и 1799 гг. С предисл. и прим. В. Ильинского. П., 1915.

Материалы для истории русского флота. Ч. XV, XVI. СПб., 1895—1902.

Мельников Г. М. Дневные морские записки, веденные на корабле «Уриил» во время плавания его в Средиземном море с эскадрой, под начальством вице-адмирала Сенявина состоявшей. Ч. 1—3. СПб., 1872—1873.

Мертваго Д. Н. Записки 1760—1824. М., 1867.

Панафидин П. И. Письма морского офицера (1806—1809). С предисл. и прим. Б. Л. Модзалевского. П., 1916.

Приложение к докладу следственной комиссии о тайных обществах, открытых в 1825 г.— «Русский архив», 1875, кн. 3, стр. 436 (Упом. о Сенявине).

Разговор вице-адмирала Д. Н. Сенявина с министром внутренних дел графом Кочубеем.— «Русский архив», 1875, кн. 3, стр. 431—433.

* ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова по командованию эскадрой в Средиземном море, д. 15, л. 42—44. Копия.

Сборник Русского исторического общества. Т. 45, 82, 83, 88, 89. СПб., 1885—1893.

Свиньин П. Воспоминания на флоте. Ч. I—III. СПб., 1818—1819.

Шильдер Н. К. Император Александр I. Т. II. СПб., 1897. См. стр. 220 (упоминание) и стр. 350—352.— Два письма Александра I к П. В. Чичагову 7/III и 9/III 1806 г.

III. Литература

Арцымович А. Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин.—«Морской сборник», 1855, отд. IV, № 4, стр. 113—171; № 5, стр. 127—177; № 8, стр. 291—347; № 10, стр. 375—417; № 12, стр. 230—267.

Андреев В. Оперативно-тактические взгляды и боевая деятельность Д. Н. Сенявина.— «Морской сборник», 1939, № 8, стр. 37—53.

Анчарский П. Боевые подвиги наших моряков. М., 1944.

Аренс Е. И. История русского флота. СПб., 1897.

Бантыш-Каменский. Сенявин.— «Библиотека для чтения», 1838. Т. XXXI, отд. III, стр. 129 —160.

Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей русской земли. Т. III, стр. 239—242.

Белавенец П. И. Материалы по истории русского флота. М.—Л., Военмориздат, 1940.

Богданович М. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. II, 1869.

Веселаго Ф. Краткая история русского флота. 2 изд. М.—Л., Военмориздат, 1939.

Висковатов А. Блокада и осада Корфу в 1798 и 1799 гг. СПб., 1828.

Висковатов А. Взятие острова Святые Мавры капитаном 1 ранга Сенявиным в 1798 г. «Славянин», 1828, ч. VII, отд. I, стр. 311—325.

Военные действия нашего флота под командою адмирала Д. Н. Сенявина в 1806—1807 гг. в Средиземном море.— «Морской сборник», 1873, № 3, стр. 16—26.

Гончаров В. Адмирал Сенявин. Биограф. очерк с прил. записок адм. Д. Н. Сенявина. М.—Л., Военмориздат, 1945. «Записки» впервые опубликованы в журнале «Морской сборник» № 7 за 1913 г.

Дивин В., Фокеев К. Адмирал Д. Н. Сенявин. М.—Л., Военмориздат, 1952.

К биографии адм. Д. Н. Сенявина — «Морской сборник», 1861, № 9, неоф., стр. 135—142.

Каллистов Н. Д. Корвет «Флора». М.—Л., Военмориздат, 1944 (1 изд. 1913).

Кампания в Средиземном море и в Архипелаге. Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин. СПб., 1909.

Милютин Д. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование Павла I. Т. I—V. СПб., 1852—1853.

Михайловский-Данилевский. Описание турецкой войны в царствование имп. Александра с 1806 до 1812 г. Ч. I. СПб., 1813.

Новиков Н. Великий флотоводец.— «Красный флот», 1938, 26 августа.

Озаровский Н. Ю. Русский флот на Средиземном море.— «Морской сборник», 1944, № 2, стр. 75—80.

Полиевктов М. Сенявин Дмитрий Николаевич. Русский биографический словарь. Т. 18. СПб., 1904, стр. 330—333.

Савваитов П. Взятие Анапы эскадрою Черноморского флота под командою контр-адмирала С. А. Пустошкина в 1807 г. СПб., 1861.
Сергеев П. Адмирал Сенявин.— «Красный флот», 1943, 21 ноября.
Снегирев В. Л., Адмирал Сенявин. М., Госполитиздат, 1945.
Тихменев. Плавание эскадры под начальством вице-адмирала Сенявина в Средиземном море и возвращение команд ее в Россию. 1805—1809.— «Кронштадтский вестник», 1885, № 87, стр. 1—3; № 90, стр. 1—2; № 95, стр. 1—3; № 100, стр. 1—3; то же «Кронштадтская старина». Кронштадт, 1885 (оттиск).

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА И ШВЕДСКОЕ НАШЕСТВИЕ НА РОССИЮ

I. Основоположники марксизма-ленинизма

Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. XVI, ч. 2, стр. 9, 12 (Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма).
Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. М., 1946, стр. 165 (Маркс К. Хронологические выписки, IV).
Ленин В. И. Сочинения. Т. 27, стр. 307 (О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности).

II. Использованные архивные материалы

Архив Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ). Фонд 83, походная канцелярия А. Д. Меншикова.
Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ). Рукописное отделение (Ленинград).
Фонды: Архив Оленина.
Древлехранилище Погодина.
Картон Устрялова.
Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Москва. Фонды: Кабинет Петра I.
Малороссийские дела. 1708—1709 гг.
Письма разных лиц на русском языке 1708 г.
Шведские дела. 1700—1709 гг.
Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ). Фонд гр. Шуваловых.

III. Библиографические обзоры и указатели

Кафенгауз Б. Вопросы историографии эпохи Петра Великого. «Исторический журнал», 1944, № 9, стр. 24—42.
Кафенгауз Б. Эпоха Петра Великого в освещении советской исторической науки (обзор). В кн.: «Петр Великий». Сборник статей под ред. А И. Андреева. М.—Л., Изд. АН СССР, 1947, стр. 334—389.
Коробков Н. Русские полководцы. Указатель литературы. М., 1943. 131 стр. (Всесоюзн. книжн. палата).
Межов В. Юбилей Петра Великого. Библиографический указатель литературы петровского юбилея 1872 г. с прибавлением книг и статей о

Петре I, вообще явившихся в свет с 1865 г. до 1876 г. включительно. СПб., 1881. XVIII, 230 стр.
Минцлов Р. Петр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872. XII, 691 стр.
Тельпуховский Б. Источники и литература о Северной войне.— «Военно-исторический журнал», 1940, № 1, стр. 133—138.
Фейгина С. Иностранная литература о Петре Великом за последнюю четверть века (обзор). В кн.: «Петр Великий». Сборник статей под ред. А. И. Андреева, М.—Л., Изд. АН СССР, 1947, стр. 390—423.
Хромова Е. Северная война и ее отражение в исторических работах и публицистике первой четверти XVIII века. Автореферат дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Л., 1951. 14 стр. (Б-ка АН СССР).
Шмурло Е. Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912.
Karl XII på slagfältet Karolinsk slagledning. Sedd mot bakrunden av taktikens utveckling från äldsta tider. D. IV. Stockholm, Norstedt, [1919]. Bibl. s. 1084—1104.
Svensk historisk bibliografi. Stockholm, Norstedt, 1880.

IV. Источники

Архив кн. Ф. А. Куракина, изд. под ред. М. И. Семевского. Кн. 1—5. СПб.—М., 1890—1894.
Архив юго-западной России. Изд. Комиссиею для разбора древних актов. Ч. 2, т. III. Киев, 1910. XII, 843 стр.
Беляев О. Дух Петра Великого имп. всероссийского и соперника его Карла XII, короля шведского. СПб., 1798. 250, 57 стр.
Берхгольц Ф. Дневник. Ч. 1—4. М., 1902—1903.
Боевая летопись русского флота: Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. Под ред. Н. В. Новикова. М., Воениздат, 1948. 492 стр.
Бой со шведами у местечка Клецка. Журнал С. И. Неплюева.— «Русская старина», 1891, октябрь, стр. 25—32.
Булавинское восстание (1707—1708 гг.). М., 1935. 528 стр. (Труды Историко-археограф. ин-та АН СССР. Т. XII).
Витберг Ф. Мнения иностранцев-современников о Великой Северной войне.— «Русская старина», 1893, август, стр. 268—286.
Военные уставы Петра Великого (Сборник документов). Под ред. проф. Н. Л. Рубинштейна. Вступит. статья и коммент. П. П. Епифанова. М., 1946. 79 стр.
Георгиевский Г. Мазепа и Меншиков. Новые материалы.— «Исторический журнал», 1940, № 12, стр. 72—83.
Гилленкрок А. Современное сказание о походе Карла XII в Россию. — «Военный журнал», 1844, № 41, стр. 1—105.
Голиков И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников. Ч. 1—12. М., тип. Н. Новикова, 1788—1791. Дополнения к деяниям Петра Великого. Т. 1 (13) — 18 (30). М., 1790—1797.
Головин Ф. Переписка фельдмаршалов Федора Алексеевича Головина и Бориса Петровича Шереметева в 1705—1706 годах. М.,1850. 68 стр.
Допрос Григория Герцыка об участии его в измене Мазепы.—«Киевская старина», 1883, март, стр. 595—610.
Желябужский. Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 г. СПб., 1840. 346 стр.
Журнал или поденная записка... императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира. Ч. I—II. СПб., 1770—1772.

Источники Малороссийской истории, собр. Д. Н. Бантыш-Каменским и изд. О. Бодянским. Ч. II. М., 1859.

К истории Мазепиной измены.— «Киевская старина», 1889, декабрь, стр. 645.

К истории событий на Украине в 1708 г.— «Красный архив». Т. 4 (95), 1939, стр. 156—163.

Крекшин. Из записок Крекшина.— «Библиотека для чтения», Т. 97, 1849, стр. 35—102.

Карл XII о полтавском погроме 1709 г.— «Русская старина», 1888, декабрь, стр. 750—762.

Книга Марсова или воинских дел от войск царского величества российских. Во взятии преславных фортификаций и на разных местах храбрых баталии учиненных над войски его королевского величества свейского. СПб., 1713; 2 изд., СПб., 1766. 184 стр., 23 плана.

Краузэ ван-дер Кон А. Неизданные письма начала XVIII столетия.— «Журнал министерства народного просвещения», 1905, август, стр. 431—451.

Маркевич Н. История Малороссии. Документы. Т. IV. М., 1842. 488, VII стр.

Масловский Д. Северная война. Документы 1705—1708 гг. СПб., 1892. 448 стр. (Сборник военно-исторических материалов. Вып. 1).

Материалы для истории русского флота. Ч. 3. «Балтийский флот», 1702—1725. СПб., 1866. XX, 726 стр.

Материалы для отечественной истории, изд. М. Судиенко.Т. II. Киев, 1855. 511 стр.

Мирный договор между Швециею и Россиею, заключенный 10 мая 1595 г., близ Нарвского озера, на стороне Иваньгорода, в Тявзине — «Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском Университете», 1868, кн. II, отд. V, стр. 1—12.

Мышлаевский А. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712—1714 гг. (Документы). СПб., 1896. VIII, XVIII, 475, 154, XII стр. (Материалы для истории военного искусства в России).

Мышлаевский А. Северная война, 1708 г. От р. Уллы и Березины за р. Днепр. СПб., 1901. XIV, 186, 89 стр. (Материалы для истории военного искусства в России).

Мышлаевский А. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708—1714 гг. (Документы государственного архива). СПб., 1893. XXXIV, 467, XII, IX стр. (Сборник военно-исторических материалов, вып. 5).

Нартов А. Рассказы Нартова о Петре Великом. (Ред., вступ. статья и примеч. Л. Н. Майкова). СПб., 1891. XX, 138 стр.

Орлов С. Н. Вновь открытая надпись об одном неизвестном эпизоде Северной войны.— «Научный бюллетень Ленинградского гос. университета», 1949, № 22, стр. 38—40.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I—X. СПб., М.—Л., 1887—1956.

Т. I (1688—1701). 1877. 975 стр.
Т. II (1702—1703). 1889. XXIV, 722, LXII стр.
Т. III (1704—1705). 1893. XXXII, 1066, LXIV стр.
Т. IV (1706). 1900. XXXIV, 1260, CXIV. стр.
Т. V (январь — июнь 1707). 1907. XXVI, 764, LXXXII стр.
Т. VI (июль — декабрь 1707). 1912. XXVIII, 634, LXXXII стр.
Т. VII, вып. 1 (январь — июнь 1708). 1918. 640 стр.
Т. VII, вып. 2 (1708). 1946. V, 641—933 стр.
Т. VIII, вып. 1 (июль — декабрь 1708). 1948. 406 стр.
Т. VIII, вып. 2, 1951. 411—1178 стр.
Т. IX, вып. 1 (январь — декабрь 1709). 1950. 526 стр.

Т. IX, вып. 2 (январь — декабрь 1709). 1952. 531—1619 стр.
Т. X (январь — декабрь 1710 г.). 1956. 870 стр.

Собрание писем имп. Петра I к разным лицам с ответами на оные. Ч. I—IV. СПб., 1829 —1830.

Собрание собственноручных писем имп. Петра Великого к Апраксиным. Ч. 1—2. М., 1811.

Письмо Орлика к Стефану Яворскому 1/12 июня 1721 г.— «Основа», 1862, листопад (октябрь), раздел: Исторические акты, стр. 1—28.

Рабинович М. и Линшиц И. Документы о Полтавском бое.— «Исторический журнал», 1939, № 7, стр. 121—124.

Сборник Русского исторического общества, т. 11, 25, 34, 39, 49, 50, 52, 61. СПб., 1873—1888.
Т. 11. Письма, указы и заметки Петра I-го. 1873.
Т. 25. Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева. 1704—1722. 1879.
Т. 34. Донесения французских посланников и поверенных в делах при Русском дворе. Ч. 1. 1881.
Т. 39. Дипломатическая переписка английских послов и посланников при Русском дворе. Ч. 3. 1884.
Т. 49. Донесения французских посланников и поверенных в делах при Русском дворе. Ч. 3. 1885.
Т. 50. Дипломатическая переписка английских послов и посланников при Русском дворе. Ч. 4. 1886.
Т. 52. Донесения французских посланников и поверенных в делах при Русском дворе. Ч. 4. 1886.
Т. 61. Дипломатическая переписка английских послов и посланников при Русском дворе. Ч. 5. 1888.

Томашівський С. Листи Петра Великого до А. М. Сінявського.— «Записки наукового товариства ім. Шевченка». Т. 92, 1909, кн. VI, стр. 194—238.

Томашівський С. Із записок Каролинців про 1708/9 р. — «Записки наукового товариства ім. Шевченка». Т. 92, 1909, кн. VI, стр. 66—92.

Три письма кошевых атаманов к шведским королям.— «Киевская старина», 1899, январь, отд. II, стр. 1—5.

Труды Русского военно-исторического общества. Т. I—IV. СПб., 1909.
Т. I. Документы Северной войны. Полтавский период (июль — октябрь 1708 г.).
Т. II. Юнаков Н. Северная война. Кампания 1708—1709 гг. Военные действия на левом берегу Днепра (июнь — октябрь 1708 г.).
Т. III. Документы Северной войны. Полтавский период (ноябрь 1708 г. — июль 1709 г.).
Т. IV. Юнаков Н. Северная война. Кампания 1708—1709 гг. Военные действия на левом берегу Днепра (ноябрь 1708 — июль 1709).

Феофан Прокопович. История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии. СПб., 1788. 256 стр.

Шафиров П. Рассуждения, какие законные причины его царское величество Петр Первый...к начатию войны против короля Карола 12, Шведского 1700 году имел... СПб., 1717; изд. 2, 1722.

Шереметев Б. Письма к... государю-императору Петру Великому от.... графа Бориса Петровича Шереметева. Ч. I—II. М., 1788.

Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711). М., 1899 (на обложке 1900). IX, 598 стр.

Adlerfeld G. Histoire militaire de Charles XII, roi de Suède. T. I—IV. Amsterdam, 1740.

British diplomatic instructions. Vol. I. Sweden. London, 1922.

Der Dnieper an den glorwürdigen Karl den XII, der Schweden, Gothen und Wenden König. ГПБ, ф. Rossica.
En plan till Karl XII's tag mot Moskva. Karl XII's skriftelse till Defensions-kommissionen angående slaget vid Pultava.— «Historisk Tidskrift». Stockholm, 1888, H. 1, s. 275—282.
G o r i a ï n o w S. Le journal d'un frère d'armes de Charles XII.— «Revue contemporaine», 1910, № 1—7.
G u s t a f II A d o l f. Konung Gustaf II Adolfs Skrifter.. Stockholm, 1861. 647 s.
H a l l a r t L. N. Das Tagebuch des Generals von Hallart über die Belagerung und Schlacht von Narva 1700. Reval, 1894. 82 S.
Handlingar rörande Skandinaviens Historia. D.V. Stockholm, 1818. 334 s.
An impartial history of the life and actions of Peter Alexowitz, the present czar of Moscovy. Written by a British officer. London, 1723. 420 p.
Karl XII. Konung Karl XII's egenhändiga bref. Samlade och utgifna *af E. Carlson. Stockholm, Norstedt, [1893]. XLVI, 476 s.*
K o g a l n i c e a u M. Fragements tirés des chroniques Moldaves et Valaques pour servir à l'histoire de Pierre le Grand. P. 1—2. Iassi, 1845. XIX, 225 p.
L e w e n h a u p t A. Adam Ludwig Lewenhaupts Berättelse. Med bilagor. Utgiv. av Kungl. Samfundet för utgifne af handskrifter rörande Skandinaviens historia genom S. E. Bring. Stockholm, 1952. 415 s. (Historiska handlingar. Del 34, № 2).
Mars Moscoviticus oder das Moscowitische Kriegesglück. Wie es endlich I. C. M. Petrum Alexiowitz stättlich secundiret und nach der Pultawa erhaltenen herrlichen Victorie in d. Residentz Moscaw triumphirlich eingeführet hat. Anno MDCCX. 100 S.
Mémoires concernant M.le comte de Stenbock pour servir d'éclaircissement à l'histoire militaire de Charles XII, roi de Suède. Francfort, 1745.
N o r d b e r g J. Histoire de Charles XII, roi de Suède. T. I—IV. La Haye, De Hondt, 1748.
P i p e r C. och R e h n s c h i ö l d C. G. Carl Pipers och Carl Gustaf Rehnschiölds koncept till utgående scriftelser under der as fångenskap i Ryssland 1709—1715. Utg. af Kungl. Samfundet für utgifvande af handskrifter rörande Skandinaviens historia genom per Sörensson. Stockholm, 1911. VIII, 275 s. (Historiska handlingar, del 21, № 2).
P i p e r C. Grefve Carl Pipers dagbok hållen under hans fångenskap i Ryssland 1709—1714. Utgifven af Kungl. Samfundet för utgifvande af handskrifter rörande Skandinaviens historia. Genom. E. Carlson. Stockholm, Norstedt, 1906. 272 s. (Historiska handlingar del 21, № 1).
R o u s s e t d e M i s s y J. (Iwan Nestesuranoi). Mémoires du règne de Pierre le Grand. La Haye, 1725—1726.
S a x e M a u r i c e c o m t e de. Les rêveries ou mémoires sur l'art de la guerre de Maurice comte de Saxe, duc de Courlande et de Semigalle. La Haye, 1746. XII, 228 p.
Wahrhaftige und umständliche Relation von dem Sieg... überbracht von dem H. General-Adjutant Bruckenthal. Anno 1708.
W h i t w o r t h Ch. An account of Russia as it was in the year 1710 Strawberry-Hill, 1758.

V. Литература

А н д е р с о н И. История Швеции. Пер. с швед. Н. А. Каринцева. Под ред. и с предисл. Я. Я. Зутиса. М., Изд. иностр. лит., 1951. 408 стр.
А н д р е е в В. Создание русского флота на Балтийском море и его боевые действия в Северную войну 1700—1721 гг.— «Морской сборник». 1938, № 9, стр. 36—57.

Базилевич К. Петр I — государственный деятель,преобразователь, полководец. М., Воениздат, 1946. 56 стр.
Базилевич К. Петр I — основоположник русского военного искусства. — «Большевик», 1945, № 11—12, стр. 35—48.
Барер И. Внешняя политика Петра I и образование Российской империи.— «Исторический журнал», 1938, № 6, стр. 41—56.
Баскаков В. Северная война. 1700—1721 гг. Кампания от Гродна до Полтавы 1706—1709 гг. СПб., 1890. 264 стр.
Безбах С. Полтавское сражение. М., Воениздат, 1939. 64 стр.
Белинский В. Избранные сочинения. М., Гослитиздат, 1948, стр. 445.
Бескровный Л. Производство вооружения и боеприпасов на русских заводах в первой половине XVIII в.— «Исторические записки», кн. 36, 1951, стр. 101—141.
Бобровский П. Завоевание Ингрии Петром Великим (1701—1703 гг.). СПб., 1891. 31 стр.
Богданович М. Замечательнейшие походы Петра Великого и Суворова. СПб., 1846. XI, 246 стр.
Богословский М. Петр. I. Материалы для биографии. Т. I—V. М., Госполитиздат, 1940—1948. 5 т.
Богословский М. Русско-датский союз.—«Ученые записки» РАНИОН. Т. IV. 1939, стр. 123—152.
Бранденбург Н. Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии. 1701—1720 гг. СПб., 1876. VIII, 555 стр.
Васильев М. Осада и взятие Выборга русскими войсками и флотом в 1710 г. М., Воениздат, 1953. 104 стр.
Волынский Н. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Вып. 1—4. СПб., 1912.
Геннин В. Описание уральских и сибирских заводов. Предисл. акад. М. А. Павлова. Со статьей М. Ф. Злотникова.— «История заводов». М., 1937. 657 стр.
Гербановский С. Инженерные мероприятия в обороне Полтавы и по обеспечению Полтавского сражения. В кн.: «Из истории русского военно-инженерного искусства». М., 1952, стр. 51—62.
Гербільський Г. Петро Перший в Західній Україні. 1706—1707 рр. Львів, «Вільна Україна», 1948. 95 стр.
Герье В. Отношение Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871. 207, III стр.
Глаголева А. Русско-польские отношения накануне Полтавской битвы.— «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», 1955, № 14, стр. 13—25.
Данилова Е. Завещание Петра Великого — «Труды Историко-архивного института». Т. II, 1946, стр. 205—268.
Дядиченко В.Разгром шведських загарбників на початку XVIII ст. Київ, Держполітвидав, 1950. 37 стр.
Епифанов П. Начало организации русской регулярной армии Петром I (1699—1705). — «Ученые записки Моск. ордена Ленина гос. университета им. Ломоносова», вып. 87, История СССР, 1946, стр. 66—99.
Житков К. *История русского флота. Период Петровский.* 1672—1725 г. СПб., 1912. X, 215 стр.
Жукович В. Полтавская битва и Польша.— «Журнал министерства народного просвещения», 1909, № 6, стр. 353—386.
Заозерская Е. Мануфактура при Петре I. М., Изд-во АН СССР, 1947. 190 стр. (АН СССР. Институт истории).

З а о з е р с к а я Е. Развитие легкой промышленности Москвы в первой четверти XVIII в. М., Изд-во АН СССР, 1953. 516 стр.

З в е з д и н З. К вопросу о социальных отношениях на Слободской Украине в конце XVII — начале XVIII в. — «Исторические записки», кн. 39, 1952.

История дипломатии. Т. I. М., 1941, стр. 266—277.

К 200-летию Полтавской победы.— «Военный сборник», 1909, № 2, 4—7.

К а р ц о в А. Военно-исторический обзор Северной войны.СПб.,1851. 144 стр

К а т р у х и н А. Из времен нашествия шведов на Россию.—«Киевская старина», 1884, июль, стр. 543—545.

К а у л ь б а р с Н. Смерть короля шведского Карла XII-го. —«Русская старина», 1891, октябрь, стр. 33—38.

К а ф е н г а у з Б. Внешняя политика России при Петре I. М., Госполитиздат, 1942. 88 стр.

К а ф е н г а у з Б. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т. I. М.—Л., Изд.-во АН СССР, 1949. 524 стр. (АН СССР. Институт истории).

К а ф е н г а у з Б. Петр I и его время. М., Учпедгиз, 1943. 174 стр.

К а ф е н г а у з Б. Полтавская битва. — «Историк-марксист», 1939, 4(74), стр. 44—56.

К а ф е н г а у з Б. Россия при Петре Первом. М., Учпедгиз, 1955. 176 стр.

К а ф е н г а у з Б. Северная война и Ништадтский мир (1700—1721 гг.). М.—Л., Изд-во АН СССР, 1944. 80 стр.

К л о к м а н Ю. Из истории разгрома шведских захватчиков в 1708—1709 гг.— «Доклады и сообщения Института истории АН СССР», вып. 2, 1954, стр. 87—97.

К л о ч к о в М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. I. СПб., 1911. IV, 435 стр.

К л ю ч е в с к и й В. Курс русской истории. Т. IV. М., Соцэкгиз, 1937. 387 стр.

К о з а ч е н к о А. Битва под Полтавой. М., 1945. 55 стр.

К о з а ч е н к о А. Полтавская битва. Київ, Держполітвидав, 1949. 58 стр.

К о л ю б а к и н Б. Полтава.— «Русская старина», 1909, июль, стр. 21—24.

К о р о б к о в Н. Петр. I — основатель русской армии и военного искусства.— «Военная мысль», 1944, № 2—3, стр. 70—80.

К о р о л ю к В. Вступление Речи Посполитой в Северную войну.— «Ученые записки Института славяноведения». Т. X, 1954, стр. 239—347.

К о р о л ю к В. Избрание Августа II на польский престол и русская дипломатия.— «Ученые записки Института славяноведения». Т. III, 1951, стр. 176—219.

К о р о л ю к В. Из истории польско-русских отношений в эпоху Петра Первого (1697—1704).— «Известия АН СССР». Серия истории и философии, 1949, № 3, стр. 276—279.

К о р о л ю к В. Речь Посполитая, французская дипломатия и измена Мазепы.— «Известия АН СССР». Серия истории и философии, 1951, № 1, стр. 82—87.

К о р о л ю к В. Русская дипломатия и подготовка вступления Речи Посполитой в Северную войну.—«Ученые записки Института славяноведения». Т. VII, 1953, стр. 240—276.

К о р о л ю к В. Свидание в Биржах и первые переговоры о польско-русском союзе.— «Вопросы истории», 1948, № 4, стр. 42—67.

Костомаров Н. Мазепа. Историческая монография. М., 1882. VII, 446 стр.

Кротков А. Взятие шведской крепости Нотебург на Ладожском озере Петром Великим в 1702 году. СПб., 1896. 207 стр.

Крылова Т. Дипломатическая подготовка к вступлению русской армии в Померанию в 1711 г.— «Исторические записки», кн. 19, 1946, стр. 17—62.

Крылова Т. Отношения России и Испании в первой четверти XVIII века. В кн.: «Культура Испании». М., 1940, стр. 327—352.

Крылова Т. Полтавская победа и русская дипломатия. В кн.: «Петр Великий». Сборник статей под ред. А. И. Андреева. М.—Л., 1947, стр. 104—166.

Крылова Т. Россия и «великий союз». — «Исторические записки», кн. 13, 1942, стр. 84—129.

Крылова Т. Русско-турецкие отношения во время Северной войны.— «Исторические записки», кн. 10, 1941, стр. 250—279.

Крылова Т. Франко-русские отношения в первую половину Северной войны.— «Исторические записки», кн. 7, 1940, стр. 115—148.

Лагус Ф. Карл XII в южной России.—«Записки Одесского общества истории и древностей». Т. III, отд. II. Одесса, 1893, стр. 306—337.

Лазаревский А. Малороссийские посполитые крестьяне (1648—1783). Чернигов, 1866. 152 стр.

Лазаревский А. Описание старой Малороссии. Т. II. Полк Нежинский, Киев, 1893. IV, 522 стр.

Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II. СПб., 1861. VI, 642 стр.

Лебедев В. Полтавский бой. М., «Молодая гвардия», 1939. 48 стр.

Леер Г. Петр Великий как полководец. — «Военный сборник», 1865, № 3, стр. 3—28; № 4, стр. 149—230.

Лещинский Л. Военное искусство в начале XVIII в. М., 1951.

Любомиров П. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX века. Госполитиздат, 1947. 763 стр.

Ляскоронский В. Поход Карла XII в 1708—09 гг. в пределы России.— «Военно-исторический вестник», 1909, № 1—2, стр. 29—78; 1910, № 1—2, стр. 5—21; № 3—4, стр. 83—99.

Маркевич А. Разгром Карла XII. Киев, 1946. 115 стр.

Мартынов М. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердлгиз, 1948. 148 стр.

Масловский Д. Записки по истории военного искусства в России, вып. I (1683—1762 г.). СПб., 1891. 356, 62, 40 стр.

Мещеряков Г. О военных реформах Петра I. — «Военная мысль», 1946, № 5, стр. 48—63.

Милюков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2 изд. СПб., 1905. 678 стр.

Михневич Н. История военного искусства с древнейших времен до начала XIX в. СПб., 1898. 177 стр.

Никифоров Л. Русско-английские отношения при Петре I. Госполитиздат, 1950. 276 стр. (Акад. общ. наук при ЦК ВКП(б), Кафедра всеобщей истории).

Новиков Н. Гангут. Кампании 1713 и 1714 гг. на Финляндском театре. Гангутская операция и бой 27-го июля 1714 г. М., Военмориздат, 1944. 96 стр.

Озаровский Н. Боевые операции в финских шхерах в 1710—1714 гг.— «Морской сборник», 1940, № 1, стр. 15—40.

Осипов К. Разгром шведских интервентов войсками Петра I. М., Воениздат, 1951. 117 стр.
Осипов К. Северная война 1700—1721 годов. Стенограмма публичной лекции. М., 1951. 32 стр.
Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. Под ред. Б. Кафенгауза и Н. Павленко. М., 1954. 814 стр. (АН СССР. Институт истории).
Павленко Н. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., Изд-во АН СССР, 1953. 540 стр.
Павловский И. Битва под Полтавой 27-го июня 1709 г. и ее памятники. Полтава, 1909. VII, 251, XXXIII стр.
Панов В. Петр I как полководец. М., Воениздат, 1940. 125 стр.
Петербург Петровского времени. Очерки. Под ред. А. В. Предтеченского. Л., Лениздат, 1948. 160 стр.
Петр Великий. Сборник статей под ред. А. И. Андреева. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947. 432 стр. (АН СССР. Институт истории).
Плотицын В. Разгром шведских захватчиков. — «Исторический журнал», 1939, № 7, стр. 106—120.
Победы Петра Великого над шведами 200 лет назад. Лесная — Полтава. СПб., 1908. 48 стр.
Порфирьев Е. Петр I — основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. М., 1952. 288 стр.
Предтеченский А. Полтавский бой в освещении современников-иностранцев.— «Ученые записки Ленинградского гос. пед. института им. М. Н. Покровского». Т. V, вып. 1, истор. фак., 1940, стр. 55—63.
Прочко И. Артиллерия в Полтавской битве.—«Артиллерийский журнал», 1949, № 7, стр. 35—39.
Пузыревский А. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., Акад. Ген. Штаба, 1889. III, 347 стр.
Путята А. Вопрос о прусском союзе в первую половину великой Северной войны. В кн.: «Сборник Московского Главного архива Министерства иностранных дел», вып. I. М., 1880, стр. 81—139.
Резвый Р. и Верходубов В. Развитие тактики русской армии Петром I.— «Военный вестник», 1952, № 2, стр. 25—32.
Семенов В. Англо-русские отношения в царствование Петра I.— «Исторический журнал», 1943, № 10, стр. 43—50.
Соловьев С. История России с древнейших времен. Т. XIV—XVIII, кн. III—IV. СПб., «Общественная польза» [1911].
Соловьев С. Публичные чтения о Петре Великом. СПб.,— «Общественная польза», 1903. 216 стр.
Спиридонова Е. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. М., Госполитиздат, 1952. 288 стр.
Стилле А. Карл XII как стратег и тактик в 1707—1709 гг., Пер. со швед. А. Полторацкого. С предисл. С. Платонова. СПб., 1912. 170 стр.
Стилле А. Операционные планы Карла XII в 1707—1709 гг., СПб., б. г.
Струмилин С. История черной металлургии в СССР. Т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1954. 533 стр.
Тарле Е. 250 лет указа Петра I о создании русского флота. В кн.: «Общее собрание Академии наук СССР 29 ноября — 4 декабря 1946 г.». М.—Л., 1947, стр. 176—204.
Тарле Е. Карл XII в 1708—1709 гг.— «Вопросы истории», 1950, № 6, стр. 22—56.
Тарле Е. Русский флот и внешняя политика Петра I. М., Воениздат, 1949. 123 стр.
Тельпуховский Б. Народная борьба против иноземных за-

хватчиков в Северной войне.— «Исторический журнал», 1942, № 7, стр. 92—101.

Тельпуховский Б. О стратегии и тактике Петра I-го.— «Военная мысль», 1944, № 8—9, стр. 74—84.

Тельпуховский Б. Полтавская битва. М., 1947. 51 стр.

Тельпуховский Б. Северная война (1700—1721). Полководческая деятельность Петра I. М., Воениздат, 1946. 200 стр. (С превосходными картами военных действий в 1708—1709 гг.).

Темкин С. и Забаринский П. Русская артиллерия под Полтавой.— «Артиллерийский журнал», 1939, № 2, стр. 49—63.

Тищенко Д. Экономическое и социально-политическое положение Левобережной Украины в первой половине XVIII века.— «Ученые записки Московского гос. пединститута им. В. И. Ленина». Т. LX, каф. истории СССР, вып. 2, 1949, стр. 101—134.

Уманец Ф. Гетман Мазепа. СПб., 1897. 455, 11 стр.

Устрялов Н. Петр Великий в Жолкве. 1707 г.— «Древняя и новая Россия». Т. I, 1876, стр. 5—12.

Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. IV, ч. 1—2. СПб., 1863.

Фигаровский В. Отпор шведским интервентам в Новгороде.— «Новгородский исторический сборник», вып. III—IV, 1938, стр. 58—85.

Шперк В. Инженерное обеспечение Полтавской битвы. М., Воен.-инж. академия им. В. В. Куйбышева, 1939. 32 стр.

Шутой В. Измена Мазепы.— «Исторические записки», кн. 31, 1950, стр. 154—190.

Шутой В. Классовая борьба в период народной войны на Украине в 1708—1709 гг.— «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1949, № 4, стр. 313—322.

Шутой В. Народна війна на Україні проти шведських загарбників у 1708—1709 рр. Київ, Держполітвидав, 1951. 239 стр.

Шутой В. Народная война на Украине против шведских захватчиков в 1708—1709 гг.— «Вопросы истории», 1949, № 7, стр. 9—27.

Юнаков Н. Полтава.— «Русская старина», 1909, июль, стр. 3—20.

Яковлев В. Петр I — основоположник военно-инженерного дела в России.— «Военная мысль», 1945, № 4—5, стр. 99—108.

Яковлев Н. О так называемом «завещании» Петра Великого.— «Исторический журнал», 1941, № 12, стр. 128—133.

Arfwidsson F. Försvaret av östersjöprovinserna. 1708—1710. D. 1—2. [Gefle, 1936].

Bengtsson F. Karl XII: levnad till uttåget ur Sachsen, 10 upl. Stockholm, Norstedt, 1948. 466 s.

Bengtsson F. Karl XII. 1682—1707(bis zum Auszug aus Sachsen). Zürich, Sperber, s. a. 476 S.

Browning O. Charles XII of Sweden. London, 1899. XII, 368 p.

«Carl XII's död» Av. A. Sandklef, C. F. Palmstierna, N. Strömbom, S. Clason, 2 upl. Stockholm, Bonnier, 1940. 406 s.

Carlson E. Historiska studier. Stockholm, 1897.

Carlson E. Karl XII's ryska fälltågsplan 1707—1709.— Nordisk tidskrift, 1889, № 5, s. 366—391.

Carlson E. Om Karl XII's vistelse i Sachsen 1706—1707. Stockholm, 1877. 91 s.

Carlson F. Sveriges historia under Carl den Tolftes regering. D. I—II. Stockholm, 1881—1885.

Chance G. George I and the Northern war. A study of British Hanoverian policy in the North Europe in the years 1709 to 1721. London, Smith, Elder, 1909. 516 p.

F e l d m a n J. Polska a sprawa wschodnia 1709—1714. Kraków, 1926. 163 s.
F e l d m a n J. Polska w dobie wielkiej wojny Północnej (1704—1709). Kraków, 1925. 318 s.
F r y x e l l A. Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, Königs von Schweden. T. 1—5. (Bd. 1—3). Braunschweig, 1861.
G r a h a m S. Peter the Great. A life of Peter I of Russia, 3 ed. London, Benn, 1950. 376 p.
G u i c h e n. Pierre le Grand et le premier traité franco-russe (1682 à 1717). P., Perrin, 1908. VIII, 299 p., bibl., p. 285—289.
H a i n t z O. König Karl XII von Schweden. Berlin, Stille, 1936. 319 S.
H a l l e n d o r f C. Bidrag till det stora nordiska krigets förhistoria. Uppsala, 1897. VIII, 175 s.
H a l l e n d o r f f C. Karl XII i Ukraina. En karolins berättelse. Stockholm, 1915.
H a l l e n d o r f f C. Karl XII och Lewenhaupt år 1708. Uppsala. 1902.
H a l l m a n n H. Karl XII und Peter der Grosse. Bonn, Scheur, 1944. 24 S.
H a s s i n g e r E. Brandenburg-Preussen, Sweden und Russland 1700—1713. München, Isar, 1953. 319 S.
H e d i n S. Kriget mot Ryssland. Stockholm, 1916.
H e i d e n s t a m V. Karl der Zwölfte und seine Krieger. Bd. 1—2. München, Langen, s. a.
H e r l i t z N. Från Thorn till Altranstädt. Studier över Carl XII's politik 1703—1706. Stockholm, Norstedt, 1916. XXV, 338 s.
Karl XII. Till 200 — årsdagen av hans död. Under medverkan av H. Hjärne, G. Carlquist.... Utgiven av S. E. Bring. Stockholm, Norstedt, [1918]. X, 720 s.
Karl XII på slagfältet. Karolinsk slagledning Sedd[mot] bakgrunden av taktikens utveckling från åldsta tider. I—IV. Stockholm, Norstedt, [1918—1919].
K o n o p c z y ń s k i W. Polska a Szwecja. Od pokoju oliwskiego do upadku Rzeczypospolitej 1660—1795. Warszawa, 1924. 390 s.
L i n d e b e r g G. Krigsfinansiering och krishushållning i Karl XII's Sverige. Stockholm, Gebers, 1946. 57 s.
L u n d b l a d K. Geschichte Karl des Zwölften, Königs von Schweden. Bd. I—II. Hamburg, 1835—1840.
A Memoir of the life of Peter the Great. London, 1832.
M i c h a e l W. Englische Geschichte im XVIII. Jahrhundert. Bd. I—II. Berlin u. Leipzig, 1921—1934.
N o r m a n n C. Prästerskapet och det karolinska enväldet. Stockholm, 1948. XXXIV, 364 s.
O l a n d e r G. Studier över det inre tillståndet i Sverige under senare delen av Karl XII's regering. Göteborg, Elander, 1946. 159 s.
O t t o w F. Der besessene Konig. Karl XII von Schweden. München, 1947. 228 S.; 2 Aufl., 1949.
R o b e r t s S. Samuel Johnson. London, Milford, 1944. 23 p. (Proceedings of the British Academy, vol. XXX).
R o l a n d C. Minnen från fångenskapen i Ryssland och Karl XII's krig. Utg. av. S. E. Bring. Stockholm, 1914.
S c h i l l i g H. Karl XII. Der Löwe aus Mitternacht. Dresden, Meinhold, [1940]. 360 S.
S j ö g r e n O. Johann Reinhold Patkul. [Stockholm], 1880. 106 s.
S t a m p A. The meeting of the duke of Marlborough and Charles XII

at Altranstadt, april 1707.— Transactions of the Royal Historical Society, new series, vol. XII. London, 1898, p. 103—116.

S t i l l e A. Carl XII's fälttågsplaner 1707—1709. Lund, 1908.

S u m n e r B. Peter the Great and the Ottoman empire. Oxford, Blackwell, 1949. 80 p.

T e n g b e r g E. Från Poltava till Bender. En studie i Karl XII's turkiska politik. 1709—1713. Lund, Gleerup, 1953. XX, 308 s.

V i l l i u s H. Karl XII's ryska fälttåg. Lund, Gleerup, 1951. XVI, 272 s.

V o l t a i r e. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand. T. 1—2. P., B-que Nationale, 1885—1888.

V o l t a i r e. Histoire de Charles XII, roi de Suède. T. 1—2. P., B-que Nationale. 1909—1911.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СПИСОК КАРТ

СОДЕРЖАНИЕ

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА И ШВЕДСКОЕ НАШЕСТВИЕ НА РОССИЮ

Тарле
Евгений Викторович
Собрание сочинений, том X
*
Составители:
А. В. Паевская, А. Г. Чернов
*
Редактор издательства *К. А. Гусева*
Художник *Н. А. Седельников*
Технический редактор *Т. А. Прусакова*
Корректор *В. К. Гарди*
*
РИСО АН СССР № 34—9Р Сдано в набор 7/VIII 1959 г.
Подписано к печати 30/X 1959 г. Формат 60×92$^{1}/_{16}$.
Печ. л. 55+4 вкл. Уч.-изд. 58,1 Тираж 28000 экз.
Изд. № 4114. Тип. зак. 2177.
Цена 20 руб.
*
Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ В IX ТОМЕ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
49	14 св.	редставлялся	представлялся
23	6 св.	оенных	военных
49	14 св.	разговорое	разговоре
77	20 сн.	Лайоносом	Лайонсом
81	15 св.	Шернфельд	Шернельд
202	19 сн.	на ширине	на шпринге
203	5 сн.	бомбинские	бомбические
358	20 св.	какое	какого
619	1 сн., 2 стб.	Завойко Ю. П.	Завойко Ю. Г.
619	17 сн., 2 стб.	Еромолов	Ермолов
621	19—20 сн, 2 стб.	Муравьев М. Н. 213, 484	Муравьев М. Н. 484 Муравьев (Амурский) Н. Н. 213
		Муравьев Н. Н., генерал 482—497	Муравьев (Карский) Н. Н. 482—497

20p.